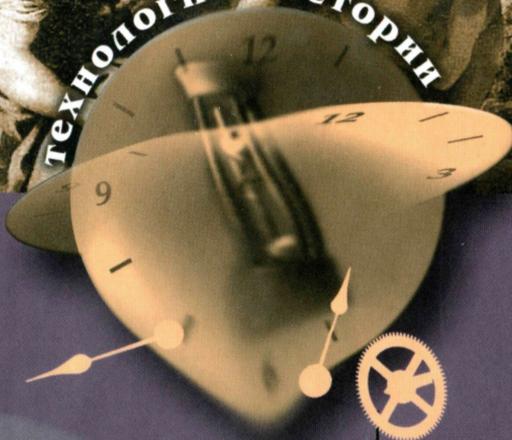




ТЕХНОЛОГИИ ИСТОРИИ



Иоганн Густав
Дройзен

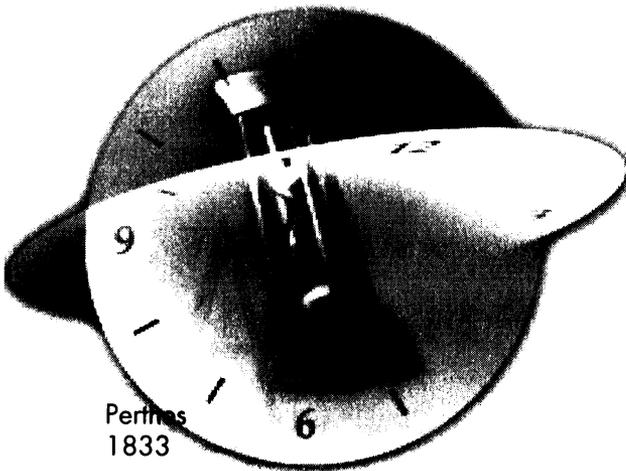
История Эллинизма

История
Александра Великого



академический
проект

JOHANN GUSTAV DROYSEN
GESCHICHTE DES HELLENISMUS
GESCHICHTE
ALEXANDERS DES GRÖßEN



Perthes
1833

И.Г. ДРОЙЗЕН

ИСТОРИЯ ЭЛЛИНИЗМА

ИСТОРИЯ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО



Киров
Константа
2011

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)322
Д75

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Дройзен И.Г.

Д75 История эллинизма. История Александра Великого: Пер. с нем. — М.: Академический Проект; Киров: Константа, 2011. — 623 с. — (Технологии истории).

ISBN 978-5-8291-1304-9 (Академический Проект)

ISBN 978-5-902844-34-1 (Константа)

«История эллинизма» Дройзена — первая и до сих пор единственная фундаментальная работа, открывшая для читателя тот сравнительно поздний период античной истории (от возвышения Македонии при царях Филиппе и Александре до вмешательства Рима в греческие дела), о котором до того практически мало что знали и в котором видели лишь хаотическое нагромождение войн, динамических распрей и политических переворотов. Дройзен сумел увидеть более общее, всемирно-историческое значение рассматриваемой им эпохи древней истории. Именно он дал этой эпохе емкое определение эллинизма, под которым при первом приближении он понимал «распространение греческого господства и образованности среди старых культурных народов (Востока)». Однако в более широкой исторической перспективе содержание эллинизма понималось им как сложное взаимодействие и соединение западного и восточного миров, культур и религий, короче говоря, как синтез эллинского, восточного начал, итогом которого должно было стать возникновение новой мировой религии и культуры — христианства. Историю эллинизма Дройзен представил преимущественно в ее политической форме; обзор эллинистического времени оказался доведен лишь до 220 г. до н. э. — до начала активного вмешательства в дела греков Римской державы; вся последующая история эллинизма (вплоть до подчинения римлянами в 30 г. до н. э. последнего эллинистического государства — птолемеевского Египта) осталась за пределами его внимания. Но и то, что было сделано, поражает своей масштабностью, и в том, что касается политической истории раннего и зрелого эллинизма, труд Дройзена и по объему, и по основательности представленной реконструкции до сих пор не знает себе равных.

ИОГАНН ГУСТАВ ДРОЙЗЕН: ОТКРЫТИЕ ЭЛЛИНИЗМА В НЕМЕЦКОЙ НАУКЕ ОБ АНТИЧНОСТИ

«История эллинизма» Иоганна Густава Дройзена несомненно принадлежит к числу классических сочинений по истории античности. Созданный в 30–40-х годах¹ и в значительной степени доработанный в конце 70-х годов XIX века, этот труд становится одной из важных вех в развитии науки о древности и в развитии исторического знания как такового, не утратив во многом своего значения и по сей день. Блестящий по своему литературному исполнению, построенный на твердом фундаменте мастерской критики источников, не чуждый использования доступного тогда археологического и папирологического материала труд Дройзена остается до сих пор одним из лучших образцов исторического сочинения.

Как известно почти всем, Дройзен был первооткрывателем «эллинизма», периода смешения языков и культур, западных и восточных, начавшегося после походов Александра и явившегося почвой, на которой возникло христианство — по мысли Дройзена, центральный пункт мировой истории². В значительной степени это было не открытием, но переоценкой, обусловленной изменением

¹ Первый том, «Александр», вышел в 1833 году, второй, «История диадохов» (*Geschichte der Nachfolger Alexanders*), — в 1836, а третий, «История Эпигонов» (*Geschichte der Epigonen*), — в 1843, уже после переезда Дройзена из Берлина в Киль. Второй и третий тома вышли под общим названием «История эллинизма». Общее название для всех трех томов появилось лишь в издании 1877–1878 гг.

² «Событие (возникновение христианства — Д.Б.), которое даже самому глупому взгляду является как великий рубеж всей жизни человечества, как узловой пункт его истории» — так обозначает сам Дройзен значение христианства в предисловии 1843 года. Все переводы из предисловия 1843 г. принадлежат мне, поскольку имеющийся русский перевод в издании «Историки» Дройзена (Иоганн Густав Дройзен. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб., 2004 г.) во многих местах является приблизительным, а в некоторых — неточным и искаженным пересказом сложного, насыщенного гегелевскими — и не только — реминисценциями языка молодого Дройзена. Чего стоит один перевод *doketisch* как «вероятный»!

духовно-исторического климата в Германии после т.н. «освободительных войн», развитием современной Дройзену немецкой науки об античности и, не в последнюю очередь, происхождением и биографией самого историка.

Густав Дройзен родился 6 июля 1808 года в Трептове-на-Рейне в семье военного священника, жизнь и карьера которого были тесным образом связаны с прусской армией и великими событиями того времени. Протеже Гнейзенау и Блюхера, полковой священник Иоганн Христоф Дройзен был в гуще военной и политической жизни тех лет: он отступал вместе с прусской армией в 1806 году, принимал участие в создании Трептовского отделения Тугендбунда в 1811, ликовал в 1814 при известиях о вступлении союзнических армий в Париж. Его сын вырос в атмосфере этих бурных лет, когда перекраивалась карта Европы, когда Франция, властитель мыслей и дум прежних поколений немцев, стала просто врагом, вначале победоносным, затем поверженным, когда жалкая и ничтожная роль Германии во всех этих событиях стала невыносимо ранить самолюбие немцев. В этих детских переживаниях, в атмосфере отеческого дома, куда мог захватить сам Блюхер вместе с Шарнгорстом³, сформировался прусский патриотизм, отличавший Густава Дройзена до конца его долгой жизни. Сын протестантского священника, он остался верен особой протестантской религиозности, чуждой радикальному просвещению, с одной стороны, и религиозному мракобесию «тройной короны», с другой. Пережив национальное унижение, обусловленное раздробленностью тогдашней Германии, Дройзен стал решительным сторонником ее единства, основу которого он видел в Пруссии, с ее централизованной системой государственного и военного управления. Здесь же, как многократно отмечалось, корни его восприятия событий в Греции IV века до н.э.

Отец Дройзена умер в 1816 году, когда мальчику было всего 8 лет, и средств матери, оставшейся с 5 детьми, не хватило бы на воспитание и образование талантливого мальчика. Помогли старые друзья отца по университету в Галле, собравшие 300 талеров на обучение в гимназии и университете. Благодаря этой поддержке Густав поступил в 1820 году в гимназию (Marienstiftsgymnasium) в г. Штеттин, которую и закончил в 1826 году, провалив лишь один выпускной экзамен — историю. Депрессия и отчаяние чуть было не заставили его броситься в Одер, но он смог собраться, одуматься и в том же 1826 году он вступает в Берлинский университет.

³ «И по сей день я прекрасно помню» — пишет Дройзен в одном письме 1850 года — «как старик Блюхер, остановившись перед отцовским домом, сажает меня на своего коня, помнится, это было тогда, когда его вместе с Эйссенгардтом и Шарнгорстом — кажется, летом 1811 года — принимали в кабинете отца».

Основанный Вильгельмом фон Гумбольдтом в 1810 году, университет в Берлине с момента основания стал не только ведущим научным центром Германии, но и заявкой Пруссии на главную роль в немецком научном мире. Там учили братья Гумбольдты, Фридрих Август Вольф, Фихте и Фридрих Шлейермахер, Филипп Бутманн и Карл Лахманн, Иммануил Беккер и Людвиг-Христоф Иделер, Август Бёк и Франц Бопп, и, наконец, с 1818 года, Гегель. Это был великий расцвет немецкой гуманитарной мысли. История человеческого духа во всех его проявлениях, в его живой жизни сквозь века и нации, в его вечно обновляющихся формах была имплицитно определяющей целью исследовательской и педагогической деятельности университета. Первую скрипку здесь играла филология в широком смысле слова.

Немецкая филология в первые десятилетия XIX века становится первой филологией европейского мира. Тому были причины. Еще сохраняя традиции ренессансной полиматии и гуманизма, идущие, в конечном счете, от Меланхтона, постепенно вобрав в себя опыт жесткой текстологии англичан и голландцев XVIII века, приобретя вкус к работе с материальными памятниками благодаря обширным контактам с Италией, немецкая наука о классической древности выходит на новые рубежи историко-филологического познания. Но не менее важным, чем сохранение и усвоение научных традиций, было понимание античности как образца и идеала для создания совершенного человека, начавшееся в Германии со времени Винкельмана и Лессинга и достигшее своих вершин в Веймарском классицизме Гете и Шиллера. С другой стороны, влияние Гердера и Шлегелей, расширение культурного кругозора после начала санскритских штудий, внимание не к творениям индивида, но к творчеству народа, к языку, мифу, символу — все это также сыграло свою роль, постепенно направляя филологов от грамматической интерпретации текста к историческому пониманию эпохи.

Для понимания Густава Дройзена как ученого и исторического мыслителя важны, прежде всего, три имени: Нибур, Бёк, Гегель⁴.

Бартольд Георг Нибур, датчанин по рождению, принявший по собственному желанию прусское гражданство и ставший прусским государственным деятелем и членом Берлинской Академии, был первым историком, попытавшимся на место традиционной сказочной истории возникновения римского государства поставить историю действительную. Многие видели и продолжают видеть

⁴ Помимо Бёка и Гегеля, лекции которых Дройзен слушал каждый семестр, ему читали Ланге (Гомер и Эсхил), Генрих Риттер (история философии), Штур (мифология), Гото (Эстетика), Карл Риттер (география и этнография), Вилькен (средневековая история), Эдуард Ганс (новейшая история и английское государственное право), Франц Бопп (санскрит), Карл Лахманн и Бернгарди (латинские авторы и история греческой литературы).

в Нибуре в первую голову критика, выполнившего для Рима то же самое, что Вольф для Гомера. Но как замечает Вилаговиц, «критик в Нибуре — не самое главное для его величия, главное — это государственный муж, знающий движущие силы в жизни народов и требования государственного строя и управления, и поэтому принимающий в расчет то, что обычно не входит в рассказы о войнах и деятельности вождей и государства»⁵. Отсюда внимание Нибура к непосредственным историческим памятникам, еще не прошедшим новеллистической обработки античного *scriptoris rerum gestarum*, отсюда его инициатива издания Корпуса греческих надписей, которую он сам не смог осуществить. Именно поэтому Нибур принял в 1831 году в *Rheinisches Museum* первую статью Дройзена, основанную на внимательном изучении берлинских папирусов эпохи Птолемеев. Хотя в годы учения Густава Дройзена Нибур преподавал не в Берлине, но в Бонне, его влияние, безусловно, отразилось на личности открывателя эллинизма.

Август Бёк, напротив, был непосредственным учителем Дройзена в Берлине. Его занятия Густав посещал на протяжении всего курса обучения. Бёк был многогранен: великолепный знаток античной астрономии, первый серьезный исследователь Филолая и платоновского «Тимея», издатель и комментатор Пиндара, знаток метрики и хронологии, он вошел в историю герменевтики своим знаменитым девизом об *Erkenntnis des Erkannten*, принявшем зримые очертания в его «Энциклопедии филологических наук». Историческое познание античности во всей ее многогранности, во всех деталях, основанное на всем многообразии нашего знания о ней воплотилось в его исследовании о «Государственном хозяйстве Афинского государства», вобравшем в себя колоссальное количество тогдашних знаний об Афинах. Издаваемый под его руководством *Corpus inscriptionum graecarum* стал на долгие годы фундаментом подлинной, основанной на остатках прошлой жизни греческой истории античного времени. Значение эпиграфики для исторического исследования он внушил и своим ученикам. Примечания Дройзена в «Истории эллинизма», посвященные критике надписей и извлечению оттуда исторической информации, хороший тому пример.

Наконец, огромную роль в становлении Густава Дройзена как историка сыграл Гегель. Многим современным историкам, привыкшим к расхожим представлениям об абстрактно-спекулятивном, схематично-триадическом методе Гегеля, совершенно не подходящем для действительного исторического исследования, методе, подменяющем изучение логическим конструированием, будет трудно понять, почему такой мастер детального исторического анализа как Дройзен в течение всего своего пребывания в

⁵ *Geschichte der Philologie*, S. 53.

Берлинском университете посещал лекции Гегеля и подробнейшим образом его записывал⁶. На самом деле, слухи о схематичности Гегеля сильно преувеличены, за гегелевской схемой всегда стоит богатое историческое содержание. Гегель был не только самым сильным спекулятивным умом того времени, но и одним из самых образованных и начитанных людей своей эпохи, что признавалось даже его врагами. Кроме того, его философия — в отличие от предшествующих систем немецкого идеализма — была, прежде всего, системой развития, первой действительно исторической философией. Поэтому она не могла не привлекать внимание будущего историка. Гегель был близок Дройзену и тем, что для Гегеля классическая античность, оставаясь прекрасным царством пластической формы, идеалом, в котором обрели равновесие чувственная и духовная стороны идеи, тем не менее, осталась далеко позади. Античность для Гегеля не последнее слово в истории, дух, не удовлетворяясь прекрасным идеалом, углубляется в себя, преодолевает прекрасную чувственность. Так возникает христианство с его пониманием свободы как внутреннего самоуглубления духа. Протестантизм Гегеля и протестантизм Дройзена совпадали в этой точке. Наконец, прусская государственность была для Гегеля, как всем известно, окончательной формой развития объективного духа, перед его переходом к абсолютному духу в искусстве, религии и философии. Дройзену с его прусским патриотизмом не могла не импонировать такая цель всемирной истории. Дройзен никогда не был чистым гегельянцем, хотя дружил в университете с Гото⁷ и публиковался в 30-х годах у Руге в *Hallische Jahrbücher*. В предисловии к «Истории Эпигонов» 1843 года он занимает критическую позицию по отношению к гегелевской «Философии истории»⁸.

⁶ Конспекты Дройзена (наряду с записями некоторых других слушателей) лежат в основе первого издания лекций Гегеля (для «Лекций по эстетике» (курс 1828/1829 годов) и «Лекций по философии религии» (курс 1827 года)). См. *Куно Фишер*. Гегель. Его жизнь, сочинения и учение. Первый полутом. М.-Л., 1933 г., стр. 159–160.

⁷ Дройзен, Гото, Абекен, Вердер, Визе основали кружок «Академия», в котором обсуждались философские и эстетические проблемы.

⁸ «Нам нужен какой-нибудь Кант, который критически рассмотрел бы не исторический материал, но теоретическое и практическое отношение к истории и в истории, указал бы, например, в некоем аналоге нравственного закона, категорического императива истории, живой источник, из которого проистекает историческая жизнь человечества. Но, может быть, этого достигла «Философия истории»? Я полагаю, что нет, поскольку она признала прошлое и настоящее лишь экземплификацией логики, признала историю за автомат пусть даже столь великолепной системы диалектического движения; я полагаю, что нет, поскольку, достигая в принципе личности некоего нового исходного пункта, она все же демонстрирует лишь неясности, повторяя их тысячи раз».

Но при этом всемирно-исторический взгляд Гегеля, его протестантизм, критика вольфианских и просветительских методов в исследовании истории, в конце концов, сама личность Гегеля определили многое в мирозозерцании историка.

Еще одно имя, не связанное с университетом, сыграло важную роль в формировании личности Густава Дройзена. По рекомендации Бёка, в 1827 году Дройзен становится домашним наставником Феликса Мендельсона-Бартольди, который был всего на полгода младше историка и готовился тогда к экзамену на аттестат зрелости. Дройзен вошел в дом Мендельсонов, который был одним из важных культурных центров тогдашнего Берлина. Учитель и ученик становятся близкими друзьями, от гениального Мендельсона Дройзен получил важнейшие эстетические импульсы. В 30-е годы он становится первым поэтом в кружке Мендельсона, и некоторые его стихи были положены Феликсом на музыку.

В 1830 году выходит первая статья Дройзена, в 1832 году он получает докторскую степень за диссертацию, посвященную державе Лагидов при Птолемею VI Филометоре. И статья, и диссертация основывались, прежде всего, на изучении папирусов, входивших в берлинское собрание. В том же 1832 году выходит двухтомник Эсхила в переводе Дройзена. Ученик Бёка, великолепного знатока античной метрики, смог точно и изящно передать сложные метры эсхилевского хора. Несмотря на критику Крюгера, Эсхил Дройзена вошел в золотой фонд немецких переводов греческих поэтов. И еще в начале XX века многие предпочитали его перевод «Орестей» переводу Виламовица⁹. Эсхил был близок юному Дройзену еще и потому, что в трагедиях аттического поэта жил опыт Греции, которая, пройдя через персидские войны и сохранив свою свободу, стала еще сильнее. Этого хотел Дройзен и для Германии¹⁰. Как отметил Адольф Тренделенбург в речи, посвященной приему Дройзена в Берлинскую Академию: «Когда Вы передавали в немецкой речи «Персов» Эсхила, гордую героическую песнь дней Саламина, которые сохранили греческий дух и греческое образование, то в этом был слышен подлинно-

⁹ Интересно, что Виламовиц, в «Истории филологии» высоко оценивший перевод Дройзеном Аристофана (meisterhaft), о переводе Эсхила не упоминает вовсе.

¹⁰ «Особенность греческих освободительных войн заключалась в том, что они принесли не утомление, но прилив новых сил, они не поблекли и не сгнули во множестве мелких талантов, но проникли в глубокомысленный дух великого поэта, чтобы это богатство было сохранено для будущего». Так сам Дройзен характеризует значение побед греков над персами. Нетрудно заметить в этих словах сравнение с немецкими итогами освободительных войн, сравнение, говорящее совсем не в пользу современной Дройзену немецкой культуры и литературы.

человеческий тон древности, который будет жить вечно, но там слышен еще и отзвук времен немецких освободительных войн, о которых Вы писали впоследствии».

В 1833 году выходит «Александр», первая часть задуманного Дройзеном многотомного исследования, посвященного мало до той поры исследованной эпохе, лежащей между Александром и Цезарем. В 1836 году вышла «История Диадохов», а в 1843 — «История Эпигонов». Дройзен не довел до конца задуманное им исследование, но и то, что он сделал, заложило новый фундамент для понимания греческой истории после Александра. Основной мотив, звучащий особенно сильно в первом издании и несколько ослабленный во втором, это историческая необходимость преодоления партикуляризма мелких городов, мелких гражданских общин Греции ради создания единого сильного государства. Хотя речь идет о Греции IV века, *de te, Germania, fabula narratur*. Политическая ангажированность Дройзена, без всякого сомнения, проявилась здесь самым ярким образом, это обычное для подлинных историков «предсказание назад». Но именно это дало Дройзену возможность увидеть то, что остается закрытым для псевдо-академической истории, делающей вид, что у нее нет ни сердца, ни действительного интереса ни к прошлому, ни к настоящему. Сильное государство предстало у Дройзена не как монстр, уничтожающий человеческую свободу, но как обширная почва для богатейшего культурного синтеза Запада и Востока. Тем самым, Дройзен переворачивает сложившееся еще в эпоху Ренессанса и имевшее значимость культурного штампа в его время отношение между классической и «постклассической» античностью, когда первая казалась недостижимым образцом, идеалом, заслуживающим исключительно подражания, погибшего по нелепой случайности и, безусловно, достойного возрождения, тогда как вторая была «закатом и падением» (*decline and fall*), нелепым и ничтожным явлением, приходом варварства, разрушившего все самое светлое и прекрасное¹¹. Первая античность призывала к культур-

¹¹ «От меня не ускользнуло то, что я пришел к такому пониманию эллинистического времени, которое полностью отличается от общепринятого. Тогда как эта эпоха обыкновенно считается огромным пробелом, какой-то мертвой зоной в истории человечества, отвратительным нагромождением (*Ablagerung*) всяческого вырождения, гнилья, оцепенения, для меня эта эпоха есть живой член в цепи человеческого развития, наследница и деятельная распорядительница великого завещания, носительница более великих определений, которые должны были вызреть в ее лоне. Я бы хотел, чтобы мне удалось убедительно показать это ее значение. Ведь высочайшей задачей нашей науки является теодицея». Так характеризует этот переворот в оценке «постклассического», эллинистического времени сам Дройзен в предисловии 1843 года.

ной — и не только культурной — революции в современности, к воплощению идеала в действительность, вторая благодарила Бога за все, что есть, и принимала Божий мир в его прусском обличи. Изменение взгляда сказалось, прежде всего, на смене исторической палитры в портретах Александра и Демосфена. «Слепой патриотической ненависти» Демосфена противопоставлен юный герой, творящий новый мир. В изображении Александра угадываются гегелевские мазки, но если для Гегеля Александр — благородный юноша, завершивший подлинно греческий мир, pendant к Ахиллу, открывающему греческую историю¹², то для Дройзена Александр — это не прошлое, но будущее, ведущее, в конце концов, к грандиозному культурному синтезу Запада и Востока и рождению на этой новой почве христианства.

Дройзен не отрицает значения греческого партикуляризма в предшествующий период, но теперь его время вышло: «Все предшествовавшее развитие эллинского мира, его главная сила и расцвет были обусловлены полной свободой передвижения и той подвижностью, с какой эллины распространялись во все стороны и везде пускали новые ростки, этим бесконечно жизненным партикуляризмом общин, одна другой меньше, который, занимаясь с самодовольным равнодушием, какое только можно себе представить, ближайшими и касавшимися его лично делами, теперь оказался величайшей опасностью, настоящим “панэллинским бедствием”»¹³. Первый афинский морской союз был шагом на пути к созданию государства нового типа, однако афиняне, оставаясь верными общегреческому пиетету перед автономией, не лишили союзников политической независимости, как, по мнению Дройзена, они должны были сделать.

Само государственное устройство Афин, коему благоговеино поклонялись поколения гуманистов, для нового исторического взгляда выглядит совсем иначе. Демократия разнуздывает народ, рационализм порождает олигархов: «несдерживаемые ничем демократические страсти доставили слишком большую силу разрушительному рационализму, воспитавшему среди него (демоса — Д.Б.) олигархов», демократия — «опасная форма государственного строя»¹⁴. Тут без труда угадывается отношение немецкого историка к событиям предшествующего века, к Французской революции. Но и на другом полюсе греческого мира, в олигархической Спарте, дела, по Дройзену, обстояли не лучшим

¹² «... Ахиллес начинает собою греческий мир, а Александр заканчивает его, и эти юноши не только сами по себе представляют прекраснейшее зрелище, но в то же время и дают вполне завершённую картину греческой сущности». Гегель Г.В.Ф. *Философия истории*. СПб., Наука, 2000 г., стр. 297.

¹³ Стр. 24.

¹⁴ Стр. 29.

образом. После Пелопонесской войны «обнаружилось, сколько алчности, жажды наслаждений, извращенности и духовной нищеты господствовало в ней (в Спарте — Д.Б.) наряду с властолюбием и наглости наряду с коварством и ханжеством»¹⁵. Число самих спартиатов упало с 10000 до 1000. Таким образом, «эллинский мир дробился на все более мелкие атомы, ... сохранить дальнейшее господство над которыми не могла исключительно механическая и внешняя сила Спарты»¹⁶. «С каждым днем становилось яснее и очевиднее, что времена автономного партикуляризма, частичных союзов с гегемонией или без нее прошли, что необходимы новые государственные формы, панэллинические, столь широкие, чтобы в них могли выделиться друг из друга смешанные понятия города и государства...»¹⁷. Это понимали и сами греки IV века, об этом писали Исократ и Аристотель, на анализ которого ссылается и сам Дройзен. По Аристотелю, лишь царская власть по своей природе в состоянии стоять выше партий, расшатывающих государственную жизнь Греции, что она одна только может создать справедливую среднюю форму государства, «ибо задача царя быть стражем, чтобы имущие классы не терпели ущерба в своем имуществе, а демос не терпел бы от своеволия и высокомерия»¹⁸. Таким образом, путь идет от партикуляризма к централизованной монархии. Такой монархии в самой Греции давно уже не было, но на северных окраинах греческого мира царская власть была и была сильна.

В Македонии, по Дройзену, не успели развиваться те противоречия, которые привели к краху греческий мир. Здесь в силу по преимуществу сельской экономики не было быстрого накопления движимого капитала, ведущего к поляризации общества на сословия, к войне между богатыми и бедными, к противоположности сельской тупости и городской утонченной интеллектуальной культурой. «... Македония сохранила свою исконную царскую власть, так как здесь в отношениях между сословиями не успели развить-

¹⁵ Ср. Гегелевскую характеристику Спарты после Пелопонесской войны: «В Спарте наступает такой же упадок, выражающийся в том, что субъект старается отстоять свои интересы, выступая против общей нравственной жизни, но там обнаруживается лишь отдельная сторона частной субъективности, испорченность как таковая, грубая безнравственность, пошлый эгоизм, корыстолюбие, продажность. Все эти страсти проявляются в Спарте, в особенности у спартанских полководцев, которые, большей частью находясь вдали от отечества, получали возможность добиваться своих выгод в ущерб как своему государству, так и тем лицам, для оказания помощи которым они были посланы». *Op. cit.*, стр. 294.

¹⁶ Стр. 32.

¹⁷ Стр. 38.

¹⁸ Pol. 1310^b40–1311^a2: *βούλεται δ' ὁ βασιλεὺς εἶναι φύλαξ, ὅπως οἱ μὲν κερτῆμένοι τὰς οὐσίας μηδὲν ἄδικον πάσχωσιν, ὁ δὲ δῆμος μὴ ὑβρίζηται μηδέν.*

ся элементы столкновений и ненависти», — говоря словами самого Дройзена¹⁹. «Царская власть была так же далека от азиатской деспотии, как народ от крепостничества и рабской подчиненности; «македоняне — свободные люди», говорит один древний писатель, не пенесты, как масса народа в Фессалии, не илоты, как в земле спартанцев, но народ земледельцев, имеющих свободную и наследственную собственность, имеющих общинное устройство с местными собраниями и местным судом, обязанных без всяких исключений военной службой». Больших городов в эллинском смысле и, соответственно, демократии, демагогии, рационализма в этой земле мужиков и знати не было. Сыграли в этом возвышении Македонии и личные качества их царей, которые — вопреки демонизации их образа афинскими публицистами — варварами не являлись. Пелла уже в конце V века становится важным местом греческой культуры, куда приезжают греческие поэты и философы. Там провел свои последние дни Еврипид, создав «Вакханок» и «Ифигению в Авлиде». Про то, что Александр, сын Филиппа, был учеником Аристотеля, знают все, но, как отмечает Дройзен, и сам Филипп многим обязан Эврею из Орея, платоновскому ученику, а Исократ называл Филиппа другом литературы и образования. Таким образом, сила эллинской мысли и первозданная свежесть македонского народа должны были совершить и совершили то, что осталось недоступным ограниченному эллинскому партикуляризму: объединение Эллады, уничтожение Персии, бывшей даже *de jure* после Анталкидова мира действительным гегемоном в многочисленных срахах греческих полисов, завоевание Востока и — как венец всех деяний — создание новой государственной и культурной ойкумены, объединившей Восток с Западом и ставшей новым полем мировой истории.

Деяния Филиппа и Александра создали, по Дройзену, «эллинизм», «смешение языков и культур», термин, вошедший в научную литературу с легкой руки Дройзена, но, по иронии судьбы, благодаря его ошибке. Для самих греков *ἑλληνισμός* обозначал как раз противоположное тому, что вкладывал в него Дройзен. Это было обозначением греческого языка и культуры, причем хорошего греческого языка и настоящей греческой культуры, свойственных прирожденному эллину²⁰ или, по крайней мере, основанных на образцах лучшего греческого письменного стиля. Для греческих грамматиков «эллинизм» определялся как «здравый и неизвращенный образ речи» (*λέξις ὑγιής καὶ ἀδιάστροφος*)

¹⁹ Стр. 67.

²⁰ В платоновском «Меноне» Сократ спрашивает Менона про его раба: «А он эллин и владеет эллинской речью?» («Ἐλληὺν μὲν ἐστὶ καὶ ἑλληνίζει;»), на что следует ответ: «Вне всяких сомнений, он же родился у нас дома (*οἰκογενὴς γέ*)».

и противопоставлялся «варваризму» (*βαρβαρισμός*), искажавшему слова речи, и «солецизму», извращавшему ее строй²¹. И для «эллинистической» философской школы, стоиков, *ἑλληνισμός* был первой из пяти «доблестей речи» (*ἀρεταὶ λόγου*) и определялся как «безошибочный способ выражения в искусном, а не случайном употреблении»²². Владеющий эллинской культурой человек говорил иначе, чем все остальные, поэтому его способ речи служил главным признаком его принадлежности ко всему миру классической культуры с ее философией, литературой, театром, религией. Отсюда понимание «эллинизма» в христианской литературе как «язычества», и весьма частая «дуальная оппозиция» *ἑλληνισμός-χριστιανισμός*, «эллинизм» — «христианство»²³. Дройзен же, исходя из текста «Деяний апостольских» (6, 1), в упомянутых там *ἑλληνισταί* увидел не «говорящих по-гречески иудеев», но живших в Израиле греков, проникнутых восточными влияниями и восточной культурой²⁴. Несмотря на это термин Дройзена прочно и навсегда вошел в научный обиход²⁵.

После первых двух томов «Истории эллинизма» последовали классический перевод Аристофана на немецкий язык²⁶, переезд в Киль, занятия прусской историей, участие во Франкфуртском парламенте, возвращение в Берлин, «Энциклопедия и методология истории» и другие работы, напрямую не связанные с изучением эпохи после Александра, хотя Дройзен продолжал дорабатывать свои антиковедческие сочинения, привлекая обильный новый материал путешествий, папирусов, надписей, монет. Стиль его становится суше, критика основательней, недоверие к историческому рассказу в сравнении с *Urkunden* растет. Новые материалы вошли во второе издание «Истории эллинизма», вышедшее незадолго до смерти историка, последовавшей в 1884 году. Особенно интересен и поучителен в нем критический очерк литературных свидетельств об Александре.

²¹ Herodian. *Περὶ σολοικισμοῦ καὶ βαρβαρισμοῦ*, 308, 14 sqq.

²² DL, VII, 59, 1 sqq. *Ἑλληνισμός μὲν οὖν ἐστὶ φράσις ἀδιάπτωτος ἐν τῇ τεχνικῇ καὶ μὴ εἰκαία συνηθεία.*

²³ См., напр., Euseb. Praep. Evang. I 5, 12, 6. Употребление очень устойчивое, встречается у многих христианских авторов. К паре «эллинизм» — «христианство» в качестве третьего члена присоединяется порой *Ἰουδαϊσμός*, завершенная, таким образом, перечень главных противоборствующих религиозных идеологий поздней античности.

²⁴ В заблуждение его — и не только его — ввело то, что этим *ἑλληνισταί* были противопоставлены *ἔβραῖοι*, «евреи».

²⁵ Лишь Тойнби со свойственной воспитаннику Оксфорда свободой от континентальных традиций мог назвать книгу о греках *Hellenism, The History of a Civilization*.

²⁶ Немцы ставят его в один ряд с переводом Гомера, который сделал Фосс, и с переводом Шекспира, принадлежащим Шлегелю.

Я хочу завершить этот краткий очерк о Иоганне Густаве Дройзена характеристикой Виламовица из его «Истории филологии». «Первым настоящим историком греков в Германии был Й. Г. Дройзен. В нем жил поэт, необходимый для этого дела. Его Аристофан выполнен так же мастерски, как и его Александр. Он не чурался копаться в мелочах, уже работал с папирусами и доказал неподлинность документов, содержащихся в речи Демосфена «О венке». Тот, кто ведет речь об Эллинизме, стоит на почве, которая была им открыта. Он отважно создал историю эпохи, от которой до нас не дошло никакого связного изложения, но которая, тем не менее, образует высшую точку эллинского влияния. До сих пор не поздоровится тому, кто захотел бы как-то иначе оценить великого царя, а сотни свидетельств, ставшие с тех пор доступными, подтверждали изящные сопоставления Дройзена гораздо чаще, чем обычно выпадает на долю человека. Если бы он продолжил свой труд, то Моммзен уже не смог бы изображать греческие отношения со столь односторонне-римской точки зрения»²⁷.

Бугай Д. В.



²⁷ Geschichte der Philologie, S. 69.

И.Г. ДРОЙЗЕН

ИСТОРИЯ ЭЛЛИНИЗМА

I
ИСТОРИЯ
АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Предмет сочинения. — Ход развития Греции. — Царь Филипп и его политика. — Коринфский союз 338 года. — Персидское царство до Дария III

Во всемирной истории имя Александра знаменует собою конец одного периода и начало новой эры.

Двухсотлетнюю борьбу эллинов с персами, первое, известное истории, серьезное столкновение Запада с Востоком, Александр заканчивает уничтожением персидского царства, завоеваниями, доходившими до африканской пустыни и простиравшимися за Яксарт и Инд, и распространением греческого господства и образованности среди отживших культурных народов, т. е. началом эллинизма.

История не знает другого столь изумительного по своему характеру события; никогда, ни раньше, ни после, такому небольшому народу не удавалось так скоро и так полно ниспровергнуть господство такого исполинского государства и на месте разрушенного здания создать новые формы государственной и народной жизни.

Откуда же маленький греческий мир почерпнул отвагу для такого предприятия, силу для таких побед, средства для достижения таких результатов? Почему персидское царство, сумевшее покорить столько царств и народов и господствовать над ними в течение двух веков, еще недавно в продолжение двух поколений имевшее своими подданными эллинов азиатского побережья и игравшее роль верховного судьи на островах и на самом континенте Греции, пало под первым ударом македонян?

Некоторое объяснение даст нам диаметрально противоположность их организации во всех отношениях, которая, заранее определенная географическими условиями, все более и более росла по мере исторического развития, и к тому времени, когда Александр выступил против Дария, кризис был готов разрешиться.

Сравнительно со старыми культурными народами Азии эллины — народ молодой; родственные по языку племена лишь постепенно сгруппировались под этим именем; их историю составляет

счастливого создание национального единства и тщетное искание единства политического.

До того времени, когда это имя вошло во всеобщее употребление, они имеют о своей старине только неопределенные и сказочные сведения. Они считают себя автохтонами на гористом, изрезанном заливами полуострове, от Скарда и верховьев Аксия тянущемся к югу до Тенара. Они упоминают о каком-то царе Пеласге, правившем в Аргосе, царство которого обнимало Додону и Фессалию, склоны Пинда и Пеонию, всю землю «до светлых вод Стримона»; вся Эллада, говорят они, некогда звалась Пеласгией.

Северные племена остались в своих горах и долинах, сохранили свой земледельческий и пастушеский быт, свою исконную религиозность, которая, не давая еще богам отдельных имен, называла их просто «силами», потому что «в их силе все», и которая в смене света и тьмы, жизни и смерти и в явлениях природы видела свидетельства и примеры их строгого господства.

Другие племена нужда дома или любовь к скитальчеству повела к соседним берегам моря или за море, где они могли искать себе добычу в войне и морском разбое и основать себе новое отечество с помощью решимости и силы. В те времена от личной силы зависело все, и полная решимость и самостоятельность была условием успеха предприятий и верности наживы; идея божества у них переменилась: вместо прежних мирных, живших и действовавших среди природы божеств, у них были и считались теперь божествами силы, двигавшие и наполнявшие текущую их жизнь, существа одаренные энергичной волей, решительностью и могучей рукой. За наружной переменой последовала и внутренняя; они стали эллинами. Одни ограничились тем, что спустились с гор в равнины Фессалии, Беотии, Пелопоннеса и остались там; других манило Эгейское море с его красивыми островами и берег к востоку от них с его обширными плодоносными равнинами, позади которых высятся ведущие к центральному плоскогорью Малой Азии горы, — а растущее движение посылало им вослед все новые и новые толпы.

В самой Греции, где «цари» со своими «гетайрами», своими дружинниками, спустились в близлежащие долины и равнины и изгнали или покорили прежних обитателей, развилось правящее сословие гетайров; царскую власть, с которой они начали, они же скоро и устранили или низвели к одному лишь имени, чтобы обеспечить за господством аристократии более строгую замкнутость и устойчивость. Со своей стороны изгнанники и переселенцы, чтобы прочнее утвердиться и быстрее распространиться на чужбине и среди чужих, начали искать и скоро нашли еще более свободные формы жизни и возможности к еще более быстрому, смелому развитию своих сил; они значительно опередили метрополию своим богатством, житейским комфортом и развитием искусства.

Песни Гомеридов являются завещанием этого обильного движением времени, этого переселения народов, когда эллины в тесных и все же богатых пределах своей старой и новой родины делали первые шаги на поприще исторической жизни.

Это море с его островами, с его берегами, все кругом, было теперь их миром. Тянущиеся от Геллеспонта до Истма, а оттуда до Тенарского мыса горы окружают его; даже на самом море Кифера, Крит, Родос являются звеньями этой окружающей цепи, возобновляющейся на берегу Карию в виде могучих горных образований и постепенно опускаясь в виде богатых бассейнов рек, плодородных равнин и горных склонов, достигающих снежных вершин Иды и Геллеспонта.

В течение целых столетий эллинская жизнь развивалась в этом замкнутом кругу особенно пышным цветом, но распустилась у тех, которые объединились под именем ионян. «Кто видит их», говорит «слепой хиосский певец» об ионийском празднике на Делосе, «стройных мужей, прекрасно опоясанных женщин, их быстрые корабли, их бесконечное богатство, тот подумал бы, что они свободны от старости и смерти». Благодаря постоянной дальнейшей колонизации, исходившей сначала от них, а скоро и от других племен на берегах, по островам и на родине по Пропонтиде, вдоль Понта до устья Танаиса и у подножья Кавказа выросли новые цветущие греческие города; в Сицилии и южной Италии создалась новая Эллада, эллины населили африканский берег около Сирта, по берегам Морских Альп и до Пиренеев выросли эллинские колонии. Эти эллины проникли везде, куда только могли достигнуть их быстрые корабли, как будто весь мир принадлежал им; они везде селились маленькими общинами, искусно сближались с окрестными жителями, каковы бы ни были их язык и народность, и перенимали и усваивали то, что находили для себя подходящим. Не смотря на пестрое разнообразие диалектов, культов и занятий, обуславливавшихся местом и характером города, невзирая на постоянное соперничество одного против другого, колоний против метрополии, они, когда стекались из близких и далеких мест на Олимпийские или Пифийские игры, вступали в борьбу из-за одной и той же награды, приносили жертвы на одних и тех же алтарях, наслаждались одними и теми же песнями.

Из этих песен, которые в бесчисленных мифах и сказаниях, в приключениях, скитаниях и битвах отцов рисовали им картину самих себя, — прекраснейшими и наиболее любимыми были песни о походах на восток; с ними их мысль постоянно обращается к востоку. С востока похищает Зевс сидонскую царевну и называет ее именем Европу. На восток бежит Ио, чтобы обнять эллинского бога, что на родине запрещает ей ревность Геры. На баране с золотым руном хочет бежать на восток Гелла; но она падает в море, не успев достигнуть недалекого противоположного берега. Арго-



навты пускаются в путь, чтобы привезти на родину из лесов Колхиды золотое руно; это первый большой поход героев на восток, но вместе с героями возвращается Медея, волшебница, которая приносит ненависть и смерть в царственные дома Эллады, пока, наконец, презренная и отвергнутая Афинским героем, она не возвращается в свое мидийское отечество.

За походом Аргонавтов следует вторая борьба героев, война на родине против Фив, печальный первообраз ненависти и братоубийственных войн, которым впоследствии суждено было опустошить Элладу. В роковом ослеплении Лаий родил сына, не взирая на предсказание бога; Эдип, не знающий ни своих родителей, ни родины, вопрошает бога; он ищет чужбины, но возвращается на родину, убивает отца, вступает в брак с матерью и царствует в городе, для которого было бы лучше, чтобы загадка убивающего мужей сфинкса никогда не разъяснилась. Узнав наконец о своем преступлении, он разрушает свет своих ясных очей, предаёт проклятию себя, свой род, свой город; и судьба спешит исполнить его проклятие, пока брат не убьет брата, пока эпигоны не отомстят за смерть своих отцов, пока развалины скроют места этого тройного или четверного злодеяния.

Таким образом, среди преступлений и злодеяний близятся к своему концу времена героев. Царевичи, искавшие руки прекрасной Елены, сидят дома, окруженные своими женами и детьми, и не сражаются более с великанами и преступлением. Но вот герольды Агамемнона призывают к походу на восток во имя клятвы, некогда данной женихами: троянский царевич, гостеприимно принятый Менелаем в свой дворец, похитил у него супругу, руки которой искали столь многие. Греческие цари плывут из Авлиды в Азию, с царями же их гетайры и их народы. Долгие годы борются и терпят они; могучий Ахилл видит смерть своего Патрокла и не находит успокоения до тех пор, пока не убьет и не провлачит вокруг стен Трои умертвившего его Гектора; затем самого его сражает стрела Париса, и теперь, возвещает бог, падение Трои близко. Город искупает своим страшным концом преступление нарушителя прав гостеприимства. Пошедшие в поход достигли того, чего хотели; но родина для них потеряна; одни умирают в волнах возмущенного моря, другие занесены в страны далеких варваров, третьи падают жертвой кровавой хитрости, которая ждет их у домашнего очага. Времена героев пришли к концу, и начинается будничныи мир, «такой, каковы люди теперь».

Таковы легенды, указания и предчувствия старины. И когда песни Гомеридов умолкли перед новыми песнями, они начали сбываться.

До сих пор элинам еще не приходилось помериться с могущественным врагом. Каждый город сам по себе был в состоянии защищаться от опасности, которая грозила ему, или искусно из-

бегнуть ее. По языку и обычаям, на религиозных празднествах и праздничных играх они были как бы одним народом, но политически представляли из себя бесконечное множество отдельных, лишенных всякого единства, городов и государств; только дорийская аристократия в Спарте, подчинившая себе древних обитателей долины Эвроты, завоевавшая близлежащие пограничные местности Аргоса и Аркадии, и обратившая в илотов дорян Месении, соединила наконец большинство городов Пелопоннеса в один союз, в котором каждый город сохранял или создавал аналогичную существовавшей в городе спартанцев аристократию. Господствуя над Пелопоннесом, будучи врагом уже начавшегося среди покоренных низших классов движения, славная тем, что сломила во многих местах тиранию, там и сям выросшую из этого движения, Спарта считалась носителем истинно эллинского духа и руководящей державой эллинского мира.

Около этого времени против расходившихся все более и более широкими кругами волн греческого мира возникло обратное течение опасного характера. Карфагеняне показали в Сирте, чтобы удержать жителей Киренаики; они заняли Сардинию, соединились с этрусками, чтобы вытеснить фокейцев из Корсики. Города Ионии, лишенные единства, ослабленные почти каждый внутренними раздорами, не могли более противиться лидийскому царю; они поодиночке заключили с ним договоры и платили ему дань за ту полусвободу, которую он им оставил. Затем на дальнем востоке появился Кир со своим персидским народом, завладел Мидийским царством и основал державу «мидян и персов»; их войска победили при Галисе, подошли к Сардам и сломали лидийское царство; азиатские греческие города тщетно обращались с просьбой о помощи к Спарте; они попытались противиться персам, но были покорены один за другим; покорились и соседние острова. Все они должны были платить дань, доставлять войска; в большинстве их при содействии персидского царя появился новый вид тирании, заключающийся в иноземном господстве; в других знать возобновила при покровительстве персов свою власть над демосом; они соревновались друг с другом в угодливости; 600 греческих кораблей последовало за персидским царем в его поход против скифов, после которого подчинились персам и северная сторона Пропонтиды, и берег до Стримона.

Как глубоко были унижены эти когда-то столь гордые и счастливые ионийские города. Они недолго переносили это унижение; они возмутились, хотя только от Эретрии и Афин получили помощь кораблями, которые, впрочем, скоро вернулись обратно. Поход ионян против Сард не удался; с моря и с суши надвинулась армия персидского царя; затем последовало поражение в бухте Милета, разрушение этого города, страшная казнь над восставшими и полное порабощение.

Лучшая треть Греции была сломлена; ссылка, бесконечная эмиграция довели население до минимума. Финикийский флот персидского царя господствовал над Эгейским морем. Уже карфагеняне начали подвигаться вперед с западного конца Сицилии, где они утвердились еще раньше; эллины Италии допускали это, вполне поглощенные собственными раздорами; между Сибарисом и Кротонем вспыхнула борьба, окончившаяся разрушением Сибариса, а тем временем подвигавшиеся к югу этруски завоевали уже и Кампанию; сила греческой народности в Италии начала ослабевать.

В Греции хорошо видели, в чем заключался корень зла. Во время борьбы с лидийским царем Фалес убеждал соединить все города Ионии в одно государство таким образом, чтобы впредь каждый город составлял только одну из общин этого государства. И когда началось персидское завоевание, Биант Приенский советовал всем ионийцам сообща выселиться и, водворившись на дальнем западе, осуществить то, что посоветовал Фалес.

Но все предшествовавшее развитие эллинского мира, его главная сила и расцвет были обусловлены полной свободой передвижения и той подвижностью, с какой эллины распространялись во все стороны и везде пускали новые ростки, этим бесконечно жизненным партикуляризмом общин, одна другой меньше, который, занимаясь с самодовольным равнодушием, какое только можно себе представить, ближайшими и касавшимися его лично делами, теперь оказался величайшей опасностью, настоящим «панэллинским бедствием».

Спарте не было суждено сделаться державой, которая могла бы спасти Грецию. И хотя благодаря начавшемуся свободному движению демоса тирания местами и развилась в могущественную организацию, но, будучи основана на насилии против аристократов и любви народных масс, она снова пала.

Только в одном месте, в Афинах, за ее падением последовало не возвращение аристократии, как этого ждала и добивалась Спарта, но смелая реформа в свободном духе, законодательство «с равными правами для всех», которое оставило за вошедшими в состав аттического государства местечками только их общинную самостоятельность и вызвало этим такое развитие внутренних сил, что оно еще при первых своих шагах могло уже выдержать соединенное нападение руководимых Спартой соседних аристократических государств. Теперь Спарта соглашалась возвратить в Афины даже тирана, а эгинеты, видевшие в Афинах страшного соперника на море, одни продолжали борьбу, от которой отказались другие государства Пелопоннеса. Чтобы защищаться против превосходных сил их флота, Афины должны были вернуть посланные на помощь ионьянам корабли; а за оказание этой помощи они, когда пал Милет, должны были ожидать мщения персидского царя.

Уже его сухопутное войско и флот тянулись от Геллеспонта вдоль берега, покоряя там греческие города, континентальных фракийцев и македонского царя. Фессалийская знать, равно как и полные озлобления против Афин царствовавшие в Беотии фамилии династов искали персидской дружбы. Герольды царя объезжали острова и города, требуя земли и воды; посланные в Афины были сброшены со скалы. Спарта сделала то же, и теперь оба этих государства, только что стоявшие друг против друга, имели общего врага. Но когда персы уже появились на Эвбее, разрушили Эретрию, высадились на аттическом берегу у Марафона, Спарта все еще медлила последовать зову афинян. Из всех эллинов только платейцы сражались рядом с афинянами; день Марафона спас Афины и Грецию.

Это было только первое счастливое столкновение. Афины должны были быть готовы к новой, более серьезной опасности. Фемистокл, по смелости мысли и энергии исполнения величайший государственный муж, какого только имели Афины, указал путь, чтобы встретить ее.

Прежде всего, следовало не давать варварам возможности сделать вторично неожиданное нападение на Аттику с моря; для Спарты и Пелопоннеса тоже было вопросом жизни и смерти отрезать превосходным силам неприятеля более близкий путь по морю. Морские государства Элады — Эгина, Коринф, Афины не имели столько военных кораблей, сколько выставляли для персидского флота одни азиатские эллины. По предложению Фемистокла — средства для этого дало серебро из лаврийских рудников — флот Афин был увеличен втрое. Пирей превращен в крепкую военную гавань, а вскоре были выстроены и длинные стены, соединявшие город с гаванью. Привлечение в качестве гребцов во флоте массы беднейших граждан, не обязанных служить в гоплитах, к почетному долгу службы усилило демократический характер государственного строя и в то же время придало ему выдержку более строгой морской службы.

Вторая опасность обнаружилась одновременно с приближением громадной армии персидского царя. Открытие в ту пору карфагенянами военных действий в Сицилии должно было показать грекам всю величину грозившей им беды. Но среди них повсюду господствовали несогласия, ненависть и мелочные споры, раздраженность и обособленность упрямого партикуляризма. Только союз между тиранами Сиракуз и Агригента и соединение ими всех боевых сил греческой Сицилии подавало там надежду выдержать нападение пунийцев. Каким образом создать подобное объединение в Элладе? По совету Фемистокла Афины подчинились гегемонии Спарты; Спарта и Афины пригласили греческие города заключить между собою вооруженный союз, общий совет которого должен был заседать в Коринфе. Подобный союз мог бы свя-



зять между собою только присоединившихся к нему; оставалось сделать наиболее смелый шаг, создать политический принцип из национального единства, существовавшего до сих пор только в языке, религии и умственной жизни, и создать таким образом коалицию всех эллинов хотя бы только для борьбы против варваров. Синедрион в Коринфе действовал и распоряжался в этом смысле; он решил, что до победы над варварами должны быть прекращены все раздоры между греческими городами; он объявил государственной изменой всякую помощь персам словом или делом; и всякий город, сдавшийся персам, не будучи принужденным к этому, должен был посвящаться богу и десятая часть его жителей обращена в рабов при храме, когда будет одержана победа.

День Саламина спас Элладу, победа при Гимере — Сицилию. Но к эллинскому союзу присоединилось только большинство городов Пелопоннеса, в средней же и северной Греции кроме Афин присоединились только Феспии и Платея. Битвы при Платее и Микале освободили вплоть до Олимпа материк Греции, острова и Ионийское побережье, а спустя несколько лет также Геллеспонт и Византий. В то же время тиран Сиракуз разбил в союзе с жителями Кум этрусков в Неаполитанском заливе, а тарентинцы, потерпевшие раньше тяжелое поражение от япигов, но победившие их в новых битвах, сделались владыками Адриатического моря.

Но ни итальяйские и сицилийские греки не присоединились к основанному на Истме союзу, ни этот союз сам, стоя под вялой и подозрительной гегемонией Спарты, не заставил присоединиться к себе Беотию, долины Сперхея и Фессалии. Афинянам, которые при Саламине выставили более кораблей, чем все остальные вместе, и которые вынудили у Спарты освобождение островов и Ионии, освобожденные предложили гегемонию над союзными морскими силами, и Спарта принуждена была допустить то, чему не могла помешать: внутри союза образовался новый союз.

Уже Фемистокл, в котором спартанцы видели своего злейшего врага, пал в Афинах под ударами своих противников, той партии, которая в то же время в союзе со Спартой видела и желала получить опору против возраставшего демократического движения. Быть может, он и придумал бы другую, более прочную форму заключенному Афинами морскому союзу; теперь же организовавшие его государственные люди ограничились более свободными формами, равноправностью входивших в состав его государств и пощадили их партикуляризм. Вредные последствия такой организации союза не замедлили скоро сказаться; необходимость принуждать к исполнению союзных обязанностей, карать упущения, сопротивление и отпадения превратила руководящий город в правящий и деспотический, свободные союзные государства в подданных, подчиненных даже юрисдикции аттического демоса.

Как властелин морского союза для охраны моря и для борьбы с варварами Афины владели островами Эгейского моря, эллинскими городами на северной стороне его до Византия, берегом Азии от входа в Понт до Фазелиса на Памфильском море. Под живым импульсом этого могущества снова поднялись эллинская торговля и благосостояние, пользовавшиеся теперь широкой защитой, а сами Афины, смело и творчески идя впереди во всех областях умственной жизни, сделались центром панэллинской образованности в полном смысле этого слова.

Хотя номинально Спарта и сохранила свою гегемонию, но она видела, что ее значение все более и более падает; она начала тайно возбуждать недовольство среди союзников Афин, между тем как Аргос, Мегара, ахейцы и даже Мантинея уже присоединились к Афинам. Возмущение обращенных в илотов мессенян, требование спартанцами, не бывшими в состоянии справиться с ними, помощи у союзных Афин, отсылка из боязни обмана и измены присланного на помощь войска обратно еще до окончания войны повлекли за собой роковой кризис. Афинский народ отвернулся от тех, которые посоветовали снарядить эту экспедицию, дал, чтобы устранить навсегда их влияние, широкое развитие демократическим учреждениям государства, отрекся от эллинского союза, а с ним и от спартанской гегемонии и решил послать ко всем эллинским городам, еще не принадлежавшим к морскому союзу, приглашение заключить новый всеобщий союз.

Разрыв был полный. Началась ожесточенная борьба, не ограничившаяся эллинскими землями: Египет отложился от персидского царя с одним из потомков древних фараонов во главе и просил помощи у Афин; самостоятельный Египет мог бы постоянно угрожать персидской монархии с тыла; берега Сирии, Кипр и Киликия тоже не замедлили бы отделиться; в виду таких соображений Афины послали на берега Нила сильный флот.

Этот смелый замысел афинской политики потерпел неудачу. Египет пал под ударами персов; потерпев там тяжелые потери, после кровавых и не всегда удачных битв на отечественных границах, Афины, чтобы отомстить за нанесенное им варварами поражение, заключили со Спартой мир и пожертвовали всеми приобретениями, сделанными ими на счет пелопоннесского союза на материке.

Остановка Афин на своем пути не примирила ни Спарты, ни аристократических государств, ни партикуляризма. То обстоятельство, что Афины крепче прежнего держали в руках бразды правления над своими союзниками, усилило озлобление подданных, которые теперь уже считали себя вправе надеяться найти в спартанцах и в персидском царе надежную точку опоры. Не взирая на все это, Перикл, хотя силы Афин были наготове, а сокровищница полна, думал с помощью стоявшей выше всего мудрой

умеренности и строгого соблюдения союзного договора сохранить мир, а с ним и господство Афин на море, и то только в его прежнем объеме; но благодаря этой политике Афины потеряли инициативу извне, а внутри усилилась оппозиция тех, которые в дальнейшем развитии демократии, в полном применении ее принципов и у союзников, в распространении господства на понтийские и на сицилийские, и италийские греческие города видели единственную возможность встретить тройную опасность, грозившую аттическому могуществу: соперничество Спарты и аристократических государств, ждавшую только удобного случая ненависть персов и отпадение союзников.

Таковы элементы кровавой войны, в течение целых тридцати лет бушевавшей среди эллинского мира и потрясшей его до основания, — войны, в которой суждено было погибнуть накопившемуся в Афинах и под их охраной избытку благосостояния, образованности и благородного искусства и распространявшемуся вместе с ними пониманию нравственных идей.

В этой войне был момент — время Алкивиада и сицилийской экспедиции, когда победа афинского могущества и распространение его также и на моря запада казались несомненными; карфагеняне крайне тревожило то, «что афиняне пойдут на их города». Но гениальное легкомыслие того, который носил на своем золотом щите изображение пускающего стрелы Эрота, дала интриге его олигархических и демократических противников на родине случай устранить его, — его, который один только и мог бы довести до конца начатое предприятие. Он перешел к спартанцам, указал им пути, чтобы взять верх над Афинами, склонил в пользу их дела сатрапов Малой Азии и золото персидского царя, конечно под условием категорического согласия Спарты на то, чтобы персидскому царю снова принадлежало все, что принадлежало ему прежде.

Война продолжала свирепствовать с неслыханной переменчивостью; на соединение с флотами Спарты, Коринфа и отложившихся союзников Афин пришел нанятый на персидские деньги флот Сицилии. Ни с чем несравнимое зрелище представляет собою эта борьба афинского народа, его возобновлявшиеся все с новой и новой энергией усилия спасти свой разрушающийся государственный организм, его борьба, которую он продолжал до последнего человека и до последнего золотого венка в своей сокровищнице. После последней одержанной им победы, — победы при Аргинусах, — Афины, раздираемые раздорами партий, преданные своими полководцами, мучимые голодом, пали; спартанец Лисандр разрушил длинные стены и отдал Афины во власть Тридцати.

Было сокрушено не одно только могущество Афин. В течение этой долгой и ожесточенной войны изменился характер афинского демоса; из входивших некогда в его состав счастливых элементов наиболее устойчивые исчезли, а несдерживаемые ничем

демократические страсти доставили слишком большую силу разрушительному рационализму, воспитавшему среди него олигархов, которые теперь, пользуясь под управлением Тридцати полною свободою, начали поработать измученный народ. Среди них находились последние выродившиеся остатки старинных славных фамилий, жестоко опустошенных войною; еще большему опустошению подверглось старинное земледельческое сословие гоплитов, которое неприятельские вторжения на территорию Аттики сначала из года в год, а потом на целые годы загнали в город, где оно без работы, в нищете, затянутое водоворотом городской жизни сделалось чернью. Когда через непродолжительное время изгнанников вернули силой, прогнали Тридцать тиранов и восстановили демократию, — то было восстановлено только имя Афин, имя солоновского законодательства; все было бедно, жалко, бессильно и подавлено; а то обстоятельство, что полномочия должностей уменьшались с вдвойне ревливой заботливостью, что влияние выдающихся личностей по возможности устранялось, что были найдены новые формы, делавшие неисполнимым самое малейшее ограничение демократической свободы, установило эту опасную форму государственного строя в самой опасной фазе ее колебаний, в фазе пробуждения после сильного хмеля.

Своим призывом к свободе тридцать лет тому назад Спарта соединила против Афин всю ненависть, весь страх и все недовольство, и окружила себя элементами партикуляризма. Теперь победа ее была полная; Спарта возбуждала восхищение в возвращавшихся теперь повсюду аристократах, и ее героем, ее богом был Лисандр; ему воздвигались алтари и в честь его устанавливались праздники. Древнее право Спарты на гегемонию, казалось, объединило теперь наконец Грецию.

Но это был не прежний спартанский город; первым требованием возбуждавшего столько удивления законодательства Ликурга было, чтобы гражданин был солдатом и жил бы, не имея личной собственности, в строгом подчинении порядку и дисциплине; ореол, окруженную которым привыкли видеть Спарту, исчез теперь вместе с победой; теперь обнаружилось, сколько алчности, жажды наслаждений, извращенности и духовной нищеты господствовало в ней наряду с властолюбием и наглости наряду с коварством и ханжеством; число спартиатов постоянно уменьшалось: вместо девяти или десяти тысяч, бывших во времена персидских войн, в следующую эпоху их была только тысяча. Привыкшие на родине к беспрекословному повиновению и внешней дисциплине, они теперь, сделавшись гармостями в городах Эллады, управляли тем своевольнее и насильственнее, везде стараясь ввести тот же олигархический режим, заменивший в самой Спарте древнюю возбуждавшую удивление аристократию; везде налагалось введение его, изгнание побежденной партии, конфискация ее имущества;

бродячая масса политических беглецов и их планы и попытки к насильственному возвращению породили постоянную смуту и брожение среди эллинского мира.

Правда, Спарта немедленно послала в Азию войско, но войско наемников для поддержки восставшего Кира, против персидского царя, его брата. И когда Кир пал вблизи Вавилона, когда 10 000, непобежденные в бою, непобежденные и на своем долгом богатом битвами пути среди чуждых земель, достигли моря и возвратились на родину, когда сатрапы персидского царя снова завладели греческими городами Азии и потребовали у них дани, тогда Спарта послала в Азию юного царя Агесилая, который начал торжественным жертвоприношением в Авлиде, словно это предприятие было национальной войной греков, а он был вторым Агамемноном. Но беотийские власти прервали жертвоприношение и изгнали жертвующих из святилища; ни Фивы, ни Коринф, ни Афины, ни другие союзники не оказали требуемой помощи, и первым делом Агесилая в Азии было заключение перемирия с сатрапом.

Теперь озлобление против Спарты в греческих землях стало еще сильнее, чем оно когда-либо было против Афин. Фиванцы помогли афинским беглецам освободить их родной город; Коринф принужден был безучастно смотреть, как в его колонии Сиракузах, которая страдала от жестоких партийных раздоров и для успокоения которой он отослал одного из своих лучших граждан, поддерживаемая спартанцами партия умертвила коринфского посредника и основала тиранию Дионисия; но возмутительнее всего было то, что спартанцы, чтобы принудить Элиду к повиновению, пошли войной на страну божьего мира, опустошили ее и разделили по округам.

Когда при дворе в Сузах, помня о прежнем походе греков почти до Вавилона, озабоченно смотрели на наступление Агесилая, когда выяснилась еще более серьезная опасность нового возмущения Египта, с которым Спарта тотчас же вступила в сношения, один аттический беглец, Конон, один из десяти стратегов при Аргинусах, составил самый надежный план защиты. Сатрап Фарнабаз получил необходимые деньги, чтобы побудить главнейшие государства Эллады к открытой борьбе против Спарты и чтобы в то же время создать флот, который под начальством Конона изгнал бы с моря ее силы. При новом призыве к свободе Коринф, Фивы, Афины, Аргос составили эллинский союз и поднялись против Спарты; за их первой победой последовало быстрое возвращение Агесилая, битвой при Коронее он проложил себе обратный путь через Беотию. Но Конон уже победил спартанцев и уничтожил половину их кораблей. Затем Фарнабаз переправился с флотом в Грецию, объявляя везде, что он несет не рабство, а свободу и независимость, пристал к Кифере у самых берегов Лаконии, появился затем в союзном совете эллинов на Истме, убеждая их рев-

носно продолжать борьбу, и при своем возвращении оставил Конону половину флота, который теперь поспешил в Афины, чтобы восстановить на персидские деньги длинные стены и основать новый афинский флот, и на вербовал войско наемников; легкое оружие пельтастов, изобретенное и усовершенствованное Ификратом, превзошло тактическое искусство Спарты.

Для Спарты наступила крайняя необходимость вызвать перемену. Средство было под руками; иссякновение персидского золота должно было положить конец и энтузиазму и могуществу врагов Спарты. Анталкид, посланный в Сузы, одержал верх над Кононом; персидский царь послал «приказ» элинам, в котором заявлял, что «он считает справедливым, чтобы города Азии принадлежали ему и из островов Кипр и Клазомены, афинянам же Лемнос, Имброс и Скирос, а чтобы все другие греческие города от мала до велика были автономными; с теми, кто не примет этого мира, он будет бороться кораблями и деньгами на суше и на море с помощью тех, которые на него согласны». С могущественным флотом, корабли для которого доставили отчасти греческие сатрапии Малой Азии, отчасти тиран сиракузский, возвратился Анталкид домой мимо Киклад; корабли противников поспешно отступили.

Этот мир был спасением для Персии; благодаря обещанному ему обладанию Кипром — овладеть островом стоило еще много лет труда — персидский царь мог надеяться сломить и Египет; Афины были удовлетворены предоставлением им трех островов; провозглашенная автономия внесла раздор в самые маленькие области Элады и сделала невозможным всякий союз, всякое территориальное объединение, всякую могущественную организацию в панэллиническом духе, а Спарта была сделана надсмотрщицей и хранительницей этой персидской политики в Греции.

С уничтожением территориальных и городских союзов Спарта деятельно принялась за довершение, согласно принципу автономии, начатой Лисандром системы олигархизации, прерванной Коринфской войной. Соединение Олинфом городов Халкидики в один союз, насильственное присоединение к нему с помощью угроз даже и нежелающих, обращение угрожаемых таким образом к Спарте с просьбой о помощи подали ей повод к походу туда, которому после долгого сопротивления город должен был уступить и распустить свой союз. На своем пути в Олинф спартанцы напали на Фивы, ввели в них олигархию, изгнали все неблагонадежные со спартанской точки зрения элементы и оставили гарнизон в Кадмее. Это был апогей спартанского могущества, апогей и в том отношении, что согласно с истинной природой системы насилия всякое движение, поднимавшееся против гнета, подавало только новый повод усилить его, а, усилившийся гнет вызывал новое сопротивление, оправдывавшее усиление деспотических мер, чтобы сломить это сопротивление.



Но в этом расчете был маленький пробел. Правда, Лисандр сломил афинское могущество, но не ту образованность, которая расцвела в Афинах, не тот демократический дух времени, который вырос вместе с ней. Чем произвольнее становилось господство Спарты, тем более обращалась оппозиция против нее к демократии, которая была сильнейшим оружием Афин против Спарты. Введение автономии действовало тоже в этом направлении; везде разрешались старинные узы, которыми окружавшие большой город местечки ставились прежде в обязательные к нему отношения; разрушительная автономия и дерзкие притязания на свободу проникли в самые потаенные уголки и долины; эллинский мир дробился на все более мелкие атомы и благодаря постоянно растущему брожению этого распущенного и крайне возбужденного партикуляризма, развил в себе избыток сил и форм, неурядиц и взрывчатых элементов, сохранить дальнейшее господство над которыми уже более не могла исключительно механическая и внешняя сила Спарты.

Притом еще другое обстоятельство. Пока благодаря аттическому морскому союзу Эгейское море было центром эллинского мира, пока окружавшие его греческие города постоянно чувствовали за собою готовую силу союза, варвары на востоке и на севере держались возможно далеко; когда в ту пору фракийские племена по Гебру дерзнули проникнуть вперед, Афины основанием на Стримоне Амфиполя — туда было послано 10 000 колонистов — преградили им путь к греческим городам побережья; для обеспечения безопасности морского пути и берегов было достаточно одного появления афинского флота в Понте; в дни афинского могущества усилилась эллинизация острова Кипр, даже в Египте эллинский флот бился против персов, даже Карфаген боялся морского могущества Афин.

Анталкидов мир принес в жертву не одни города азиатского побережья; лежавшее посредине море было потеряно; его острова, хотя номинально и автономные, бухты и берега самой Эллады были лишены всякого прикрытия. И как раз в это время зашевелились народы севера; береговые города от Византия до Стримона, защищаемые только своими стенами и своими наемниками, недолго могли бы противиться напору фракийских народов; еще слабо объединенные области Македонии, раздоры между которыми, как некогда афиняне, питали теперь Спарта и города Халкидики, сами находились в постоянной опасности наплыва одрисов с востока, трибаллов с севера и иллирийцев с запада; позади них между Адриатическим морем и Дунаем уже надвигалось кельтское переселение народов. Трибаллы начали свои разбойничьи набеги, которые они скоро доведут до Абдеры; иллирийцы ворвались в Эпир, одержали победу в большом сражении, в котором пало 15 000 эпиротов, опустошили страну до самых отделяющих ее от

Фессалии гор и затем повернули назад, чтобы ворваться через открытые горные переходы в Македонию. Для защиты от этой опасности Олинф соединил города Халкидики в один союз; разрушение его спартанцами сделало север Греции беззащитным против варваров.

В то же время еще более серьезная опасность начала грозить западным грекам. С падением морского могущества Афин карфагеняне снова начали свое наступательное движение в Сицилии, взяли Гимеру на севере, Селинунт, Агригент, Гелу и Камарину; чтобы получить мир, Дионисий Сиракузский должен был оставить эти города данниками пунийцев. Кельты ворвались через Альпы в Италию, покорили этрусские земли на По, перешли через Апеннины и сожгли Рим; самниты напали на греческие города Кампании и покоряли их один за другим, а Дионисий захватил города, находившиеся в Бруттии; удержался один только Тарент. По крайней мере, сиракузская тирания все-таки была энергична и деятельна; в постоянно возобновлявшейся борьбе Дионисий вырвал из рук карфагенян берег острова до Агригента, победил этрусских морских разбойников, опустошил их казнохранилище в Атилле и приобрел организованной в обширных размерах колонизацией берега до устьев По и островов иллирийского побережья господство над Адриатическим морем. Со своим правильно организованным господством, со своим заботливым управлением, со своей одинаково энергичной борьбой против беспорядочной демократической и против партикуляристической «свободы», со своим войском из греческих, кельтских, иберских и сабельских наемников, со своей отважной, вероломной и циничной политикой по отношению к другу и недругу, этот монарх был, по-видимому, последним оплотом и защитой греков на западе, — был таким *principe*, о каком мечтал для спасения современной ему Италии великий флорентинец, но стоявшим на высоте тогдашней образованности, так как он привлекал к своему двору философов, художников и поэтов и сам писал трагедии. Тирания Дионисия и не менее маккиавеллистическое господство Спарты при Агесилае служат типами эллинской политики в эти смутные времена.

Последующее время только еще усилило смуту. Из образованности, центром которой были Афины, из школ риториков и философов вышли политические теории, которые, нимало не заботясь о фактическом положении и данных условиях, измышляли формы и функции идеального государства, государства полной свободы и добродетели, которое одно только могло бы исправить все зло и принести единственное спасение. Сперва они были только лишним смущающим элементом среди этого беспорядочного брожения деспотизма и рабства, произвола и бессилия, среди суетного стремления и искусства наживы и тем более открытой зависти беднейших масс, особенно там, где демократия давала им равные

права и большинству решающий голос. Когда мы проследим, как распространялись и приобретали влияние в вольных городах, при дворах династов и тиранов до самой Сицилии, Кипра и понтийской Гераклеи и даже при дворах сатрапов школы Платона, Исократы и др., философия, риторика и просвещение, мы ясно увидим, как над всем этим партикуляризмом и местным устройством поднималось новое обобщающее начало, назовем его хоть верховенством образованности, от которого было крайне далеко грубое господство Спарты.

Решающий поворот вышел не из теории, но, когда он удался, она одела его ореолом великого деяния и помогла ему расширить свое влияние; плывя вместе с усиливающимся течением, она шла к тому, чтобы осуществиться.

Три долгих года терпели Фивы спартанских гармоств, спартанский гарнизон в Кадмее, наглый произвол господствовавшей под ее охраной олигархии и все новые и новые казни и изгнания. Наконец изгнанники дерзнули на освобождение своего родного города; предводительствуемые Пелопидом, они благодаря счастливо удавшейся измене напали на олигархов, умертвили их и призвали народ защищать вместе с ними демократию и восстановить древнее господство их города над Беотией. Присоединение к движению Эпаминонда, этого благородного, философского, вольномыслящего человека, в душе которого жил прекрасный образ великого будущего, придало движению его идеальный характер. Гарнизон Кадмеи был вынужден удалиться, города Беотии, автономия которых была предписана «миром персидского царя», снова привлечены к беотийскому союзу, сопротивление Орхомена, Танагры, Платеи и Феспий сломлено вооруженной силой, стены их разрушены, общины уничтожены и граждане изгнаны.

Тщетно спартанцы старались воспрепятствовать этому. Новый подъем Афин как раз теперь, их быстрое решение создать новый флот, новую симмахию, но с девизом автономии, показали спартанцам весь размер угрожающей опасности. Уже Фивы перешли за границы Беотии, предприняли попытку принудить фокейцев присоединиться к новому союзу и соединились с Ясоном Ферским, сумевшим вырвать из рук династов господство над Фессалией и думавшим надолго сосредоточить в своих руках военное господство. Афинские стратеги разбили спартанский флот в битве при Наксосе; битва при Левктрах открыла Фивам дорогу в Пелопоннес, где с исчезновением страха перед Спартой началась новая шумная жизнь; под охраной победоносного оружия Фив везде ниспровергалось ярмо олигархии, рассеянные деревушки соединялись в городские общины, освободились и восстановили свое государство даже поработанные мессенцы.

Этой победой Афины были обязаны быстрому и искусному финансовому мероприятию, имевшему, правда, в то же время та-

кое внутреннее влияние, которое оставило и демократии почти только одну внешнюю форму. Богатые граждане на основании новой оценки доставляли необходимые средства для постройки флота и для вербовки наемников, разделившись на группы, в которых наиболее богатые выдавали деньги вперед и заведовали делом. Демос согласился на эту плутократию, которая ему ничего не стоила, согласился тем более, что она с победой при Наксосе создала ему новый морской союз, обещавший ему в будущем могущество, денежные взносы и клерухии. Острова и береговые города охотно присоединились к нему, так как он обещал им охрану и выставлял своим основным принципом автономию, предписанную персидским царем. Таким образом Афины, колеблясь между падающей Спартой и усиливающимися Фивами, пытались восстановить образ своего прежнего господства, иногда даже принуждая силой нежелавших; прежде всего следовало привлечь Амфиполь, основанный некогда Афинами и с помощью которого они прежде господствовали над фракийским побережьем; они приложили все старания, чтобы с помощью македонян и фракийских князей достигнуть своей цели. Поддерживаемый Олинфом, Амфиполь выдерживал многократные нападения Афин.

Теперь в эту борьбу за гегемонию над Грецией вступила четвертая держава. Могущественный Ясон Ферский, почтенный фессалийцами по старинному обычаю их страны званием тага, военачальника, энергично набиравший войско, строивший корабли и создавший еще невиданный в Греции флот, объявил во всеуслышание, что его вооружения направлены против варваров на востоке и что он думает идти войною за море против персидского царя; чтобы придать задуманному предприятию религиозную санкцию, он с торжественным посольством приготовлялся праздновать Пифийские игры в Дельфах, когда был убит заговорщиками, семью юношами, которым затем эллинский мир оказал почести как «убийцам тирана». После кровавых семейных распрей остаток его власти перешел в руки его зятя, Александра Ферского; через десять лет он был убит своими ближайшими родственниками.

Таким образом Фивы освободились от соперника в тылу, а Спарта находилась в полном упадке; чтобы предупредить новое усиление Афин, Фивы тоже построили флот и начали давать себя чувствовать и на море. Едва успев освободиться, объединенная Аркадия уже полагала, что не нуждается более в фиванцах и может даже потребовать господства в Пелопоннесе. Аркадцы двинулись на помощь аргивянам, чтобы прикрывать от Афин и Коринфа их нападение на Эпидавр, вторглись в долину Эвроты и захватили в свои руки часть Лаконии; но тиран Дионисий прислал на помощь спартамцам 2000 кельтских наемников, и аркадцы были отброшены назад; с тем большим ожесточением обратились они против своих западных соседей; они ринулись на Олимпию, чтобы руко-

водить ближайшим празднованием торжества в честь бога, и в святилище бога произошло сражение, в котором они обратили в бегство элейцев, и несчетные сокровища храма испарились в их руках.

Так было здесь, так было и везде; всякий был против каждого; по-видимому, в Греции силы и страсти доставало только для того, чтобы ослаблять то, что было еще могущественно, и опрокидывать то, что грозило подняться. От благодарности, верности, великих мыслей и национальных задач в эллинской политике осталось мало или ничего, а наемничество и эмиграция расшатывали всякий твердый порядок и деморализовали граждан.

Даже Фивы не чувствовали себя достаточно сильными для того, чтобы поддерживать созданные ими перемены; они боялись, что Спарта и Афины могут объяснить при персидском дворе основание Мегалополя и Мессении как нарушение мира, «приказанного персидским царем», и добыть у Персии денег для дальнейшей борьбы. Пелопид и еще несколько человек были посланы из Пелопоннеса в Сузы, где уже находились спартанские послы, и куда не замедлили появиться и афинские. Эти греческие люди выложили теперь перед персидским царем и его двором всю грязь своей родины; но Пелопид одержал верх. Персидский царь указал, чтобы Мессения осталась автономной, Афины вытащили свои корабли на берег, чтобы Амфиполь был автономен и стоял бы под покровительством персидского царя; против ослушавшихся этого приказа греки должны были идти войною; если же какой-либо город не захотел бы идти, то против него надо было выступить прежде всего.

Это был Анталкидов мир на пользу Фив. И Фивы пригласили теперь к себе государства Греции, чтобы выслушать приказ царя. Спартанцы совершенно отвергли его, аркадцы протестовали против приглашения в Фивы, Коринф отказался принести присягу в мире персидского царя, а в Афинах возвратившиеся послы были казнены как изменники.

Тогда Пелопид был захвачен в плен и умерщвлен вышеупомянутым Александром Ферским. Чтобы восстановить порядок в Пелопоннесе, Эпаминонд перешел через Истм и победил при Мантинее спартанцев и союзных с ними элейцев, мантинейцев и ахейцев; но он сам нашел смерть в бою. А спартанский царь, старик Агесилай, принял от эфоров поручение отправиться в Египет, на вербовал на египетские деньги наемников и привел царю Таху, имевшему на службе уже 10 000 эллинов, еще 1000 наемников, чтобы выступить против персидского царя и не позволить ему возобновить господство фараонов.

День Мантинее положил конец могуществу Фив, которые представленные и облагороженные личностями отдельных деятелей, по смерти их не сумели ни удержать за собою освобожденных или основанных вновь городов, ни примирить с собою уничтоженные города Беотии и соседних фокейцев, локров, малийцев и эв-

бейцев, прикованных к Фивам силой. После непродолжительного опьянения гегемонии, Фивы, привыкшие к высокомерию и требовательности, сделались тем более невозможными в своем падении.

Второй морской афинский союз тоже не имел большого успеха. Увлеченный небрежностью, корыстолюбием, легкомысленными государственными людьми, уже давно привыкший посылать на поле битвы наемников вместо своих собственных граждан, он позволял своим стратегам вымогать деньги у друга и недруга; вместо того чтобы вести войну, позволял себе вводить в союзные города афинских чиновников и гарнизоны, изгонять — так было в Самосе — союзников, разделять их дома и поля между афинскими клерухами с таким полным пренебрежением к праву и к своему долгу относительно заключенного союза, что наиболее сильные воспользовались первым случаем, чтобы отложиться. Усмирить их уже более не удалось: Афины потеряли вторично свою гегемонию на море; но они сохранили за собою еще Самос и несколько других мест; на их верфях было более 350 триер, более, чем у какого-либо другого греческого государства.

Не в меньшем упадке находились, по-видимому, и греки запада. Дионисий Сиракузский до самой своей смерти сохранил всю строгость и твердость своей власти; при его называвшемся тем же именем сыне философы Дион, Каллипп и сам Платон предприняли осуществлять свои идеалы при дворе тирана, пока юный монарх, наскучив этими вещами, не начал показывать оборотную сторону своей превратно образованной духовной нищеты. За бесплодное десятилетие его господства и не менее бесплодное следующее десятилетие пала династия и рассыпалась монархия смелого учредителя.

Произведения греческого духа в поэзии и искусстве и других областях умственной жизни изумительны еще и в это время; имена Платона и Аристотеля показывают достаточно ясно, какие творения этот век присоединил к предыдущим.

Но условия общественной и частной жизни в Греции были поражены тяжелой болезнью; они были безнадежны, если бы греки продолжали двигаться все в том же ложном кругу.

Мало того, что старинные связующие формы религии и нравственности, семейной жизни, государственного и общественного порядка были расшатаны или разъедены рационализмом; мало того, что частые политические перемены разрушили связь с землею в маленьких общинах, что с ростом бродячей массы политических изгнанников росла опасность новых, более серьезных взрывов, но по Греции распространилась разнузданная масса наемников, уже вполне организовавшаяся в «ремесло», готовая сражаться за и против свободы, тирании и отечества, за и против персов, карфагенян, египтян и везде, где только можно было заработать деньги. Хуже было то, что эта образованная Греция сво-



ими постоянно возобновлявшимися попытками провести в жизнь идеал государства только увеличивала зло, которое она хотела излечить, что, исходя из ложных посылок, она приходила к не менее ложным заключениям, что она, постоянно имея в виду только автономию малых и малейших общин, не находила форм для обеспечения хотя бы этой автономии и свободы и для защиты, не говорим уже множества ее крупных национальных благ, но хотя бы уже серьезно угрожаемого существования нации.

А между тем было ясно, что нужно Греции. «Среди имевших до сих пор гегемонию государств», говорит Аристотель, «каждое считало согласным со своими интересами проводить в зависевших от них городах строй, соответствовавший их собственному, одни — демократию, другие — олигархию, думая не об их благе, но о собственной выгоде, так что никогда или редко, или только у немногих, осуществлялась истинная лежавшая в середине форма государственности; а у населения сделалось привычкой не стремление к равенству, а желание или повелевать или покоряться». Коротко и ясно указывает великий мыслитель на происходящее из этого лихорадочное и изнурительное состояние: изгнания, насилия, возвращение беглецов, разделение имуществ, увеличение долгов, освобождение рабов с целью произвести переворот; то демос нападает на имущие классы, то богатые захватывают олигархическую власть над демосом; закон и администрация нигде более не охраняют меньшинства от большинства, и против этого последнего меньшинству остается только оружие; гарантия суда исчезает, внутреннему миру грозит ежеминутная опасность; всякий демократический город является прибежищем для демократических, всякий олигархический для олигархических изгнанников, которые не отступают ни перед какими средствами, чтобы поскорее добиться возврата и произвести на своей родине переворот, чтобы отплатить побежденным тем же, что им пришлось потерпеть от них. Между греческими государствами, малыми и ничтожными, нет другого общественного права, кроме этого военного положения страстных партийных раздоров, и первая перемена партии в союзном государстве разрушает едва успевшие образоваться федерации.

С каждым днем становилось яснее и очевиднее, что времена автономного партикуляризма, частичных союзов с гегемонией или без нее прошли, что необходимы новые государственные формы, панэллинические, столь широкие, чтобы в них могли выделиться друг из друга смешанные до сих пор понятия города и государства, и чтобы город нашел внутри государства свое место, как община, прообразом чему служило устройство демов Аттики, чего попыткой был первый морской союз, но что было приведено в исполнение только относительно власти федерального правительства, а не относительно общинной равноправности членов союза.

И не только это: с тех пор в Греции развилось слишком много сил, притязательности и соперничества, вошло в привычку слишком много потребностей и возбуждений, условием жизни сделалось слишком много жизни для того, чтобы грек, заключенный в узкое пространство, в котором все малое являлось великим и все великое малым, мог удовлетвориться тем, чем он был и что он имел, или продолжать развиваться дальше. В Греции накопилось множество элементов брожения, которых было бы достаточно, чтобы перевернуть мир; прикованные к родной почве, не выходя из сферы родины, они могли только, подобно Драконовой жатве Кадма, растерзать и разрушить самих себя. Весь вопрос заключался в том, чтобы был положен конец их беспорядочно разросшимся распрям, чтобы им было открыто новое широкое поле для плодотворной деятельности, чтобы великая мысль зажгла в них все благородные страсти, и чтобы ко множеству еще не заглушенных жизненных ростков был открыт доступ свету и воздуху.

С тех пор как победы Лисандра сломили древнеаттическое могущество, опасность извне для Греции постоянно возрастала со всех сторон; разложившись более прежнего на уже вполне обособленные кружки, она все более и более теряла почву на всех своих национальных границах. Греки Ливии были оттеснены пунийцами за Сирт; в Сицилии те же пунийцы отняли у них большую западную половину острова; в Италии под напором апеннинских народов у них отпадал член за членом. Варвары на нижнем течении Дуная, теснимые остановленными уже в своем напоре на Италию кельтами, начали свои попытки прорваться к югу. Греческие города по западному и северному берегу Понта с трудом могли защищаться от трибаллов, гетов и скифов; из городов южного берега только Гераклея нашла некоторую опору в тирании, основанной там одним из учеников Платона. Другие греческие города Малой Азии, стоя под властью персидского царя, более или менее произвольно управлялись и разграблялись его сатрапами, династами и пронырливыми олигархами. Богатые острова около берегов находились тоже под господством персидского влияния; греческое море не принадлежало грекам более; Анталкидов мир отдал в руки двора в Сузах и дворов сатрапов рычаг, с помощью которого можно было все более и более ослаблять Грецию, заботливо питая вражду между руководящими государствами, и, между тем как в Греции великие политические дела решались «приказами» персидского царя, привлекать к себе на службу столько опытных греческих воинов, сколько это казалось нужным.

Мысль о национальной борьбе против персидской державы никогда не забывалась в Греции; она была для эллинов тем же, чем впоследствии в течение многих столетий борьба с неверными для христиан Запада. Даже Спарта старалась некоторое время скрыть под этой маской свои честолюбивые и корыстолюбивые стремле-

ния; Ясон Ферский видел в национальной борьбе, к которой он готовился, оправдание для основанной им тирании. Чем яснее становилось бессилие и внутренняя расшатанность исполинской монархии, тем легче и выгоднее казался труд уничтожения ее, тем общее и увереннее становилось ожидание, что это случится и должно случиться. Пусть Платон и его школа старались найти и осуществить идеальное государство, но Исократ, пользовавшийся все-таки более широким и популярным влиянием, постоянно возвращался к тому, что должно начать борьбу против Персии и что такая борьба будет скорее торжественным шествием, чем походом; как можно, говорили греки, выносить позор, что эти варвары желают быть стражами мира в Элладе, между тем как Греция в состоянии совершать дела, достойные того, чтобы молить об них богов. И Аристотель говорит: эллины могли бы господствовать над вселенной, будь они соединены в одно государство.

И та и другая идея представлялись сами собой, сама собою представлялась и та мысль соединить обе эти идеи, объединение эллинов и борьбу с персами, в одно целое и не дожидаться с одним, пока не будет сделано другое. Только как привести в осуществление эти идеи?

Это предпринял царь македонский Филипп. Можно сказать, что он должен был предпринять это, если желал восстановить и упрочить расшатанную царскую власть своего дома. Политика Афин, Спарты, Олинфа, Фив и фессалийских властителей постоянно поддерживала распри в царском семействе, поддерживала узурпации отдельных глав княжеских фамилий страны и побуждала варваров на македонских границах к вторжениям и разбойническим набегам на Македонию. Единственное право поступать подобным образом давало им только бессилие македонского царства, и поэтому нужно было только создание достаточной силы, чтобы доказать свое право по сравнению с ними, и тогда они не могли уже рассчитывать на более деликатные и мягкие меры со стороны македонских царей, чем те, которые они сами позволяли себе столь долгое время употреблять во вред его интересам.

Успехи Филиппа зиждутся на прочном основании, которое он сумел придать своему могуществу, на постепенности шагов вперед его политики сравнительно с той, то торопливой, то вялой и всегда обсчитывающейся в своих средствах и целях политикой греческих государств, но главным образом на единстве, таинственности, быстроте и последовательности его предприятий, которые теми, против кого они были направлены, считались невозможными до тех пор, пока уже не оставалось более средств ускользнуть от них или оказать им сопротивление. Между тем как в Фессалии с убиением Александра начались беспорядки, афиняне сосредоточили все свое внимание на союзнической войне, фиванцы на священной войне, которая должна была принудить фokeйцев к по-

виновению, а спартанцы прилагали все свои усилия снова достичь некоторого влияния в Пелопоннесе, Филипп настолько раздвинул свои границы к югу и востоку, что с Амфиполем он имел проход во Фракию, с горной областью Пангея — ее золотые рудники, с берегом Македонии — Фермейский залив и доступ к морю, а с Мефоной — путь в Фессалию. Несколько времени спустя его призвали на помощь сильно теснимые фокейцами фессалийцы; он явился, но с трудом мог удержаться против прекрасно руководимого войска грабителей храма; только с прибытием подкрепления ему удалось отбросить их назад; он стоял у входа в Фермопилы; он поставил в Пагасах македонский гарнизон и таким образом сделался господином над гаванью Фессалии и путем в Эвбею. Тогда у афинян открылись глаза; под руководством Демосфена они начали борьбу против силы, которая, казалось, простирала руки к господству над Грецией.

Никто не станет сомневаться в патриотизме Демосфена и в его желании поддержать честь и могущество Афин; и он с полным правом вызывает изумление как величайший оратор всех времен. Был ли он так же велик, как государственный муж, был ли он государственным мужем, какого требовала национальная политика Греции, это другой вопрос. Если бы в этой борьбе победа не склонилась на сторону Македонии, какова бы была дальнейшая участь Греции? В лучшем случае — восстановление афинского могущества в том виде, как оно только что пало вторично, или основанная на автономии союзников федерация, которая не сумела бы отразить варваров на севере, ни подняться против варваров на востоке, ни привлечь к себе и защитить падавший греческий элемент на западе, — или же наконец установление афинского господства над подвластными областями, как уже теперь во владении Афин в форме клерухий отчасти находились Самос, Лемнос, Имброс, Скирос и в более свободной форме Тенедос, Проконнес, Херсонес и Делос; по мере того, как афиняне расширяли бы свое господство, их встречали бы все большая ревность, все сильнейшее противодействие соперничающих государств; они только усилили бы уже столь глубоко укоренившийся раскол и разорванность греческого мира; чтобы удержаться, они были бы рады всякой помощи, где бы она ни встретилась, даже помощи персов, фракийских и иллирийских варваров и тирании. Или Афины хотели только устранить не поддающиеся определению перемены, которые грозило внести господство Македонии над Элладой, чтобы сохранить положение вещей таким, каким оно было. А это положение вещей было настолько жалко и позорно, насколько это лишь возможно, и делалось все хуже и тревожнее по мере того, чем дольше его оставляли в этом уродливом и безобразном состоянии партикуляризма, среди которого Греция постепенно умирала. Хотя афинские патриоты и полагали или говорили, что ведут

борьбу против Филиппа во имя свободы, автономии, эллинской образованности и национальной чести, но победа Афин не обеспечила бы ни одного из этих благ, и возобновление господства афинского демоса над союзниками или подвластными местностями с его истасканной и изношенной демократией, с его сикофантами, демагогами и наемными войсками не сохранило бы их. Когда Демосфен думал, что с этими болтливymi, невоинственными, опошлившимися гражданами Афин можно еще вести серьезную политику и довести до конца долгую и трудную борьбу, то, хотя силою своих речей ему и удавалось увлекать их до блестящих решений и наэлектризовывать их на минуту до действий, это было заблуждение, делающее, может быть, честь его сердцу, но конечно не уму; еще большим заблуждением было, когда он думал, что союз с Фивами, Мегалополем, Аргосом и другими государствами, кое-как образовавшийся в минуту опасности, может остановить усиливающееся могущество царя Филиппа, который, если бы у него и удалось выиграть сражение, вернулся бы с удвоенными силами, тогда как греческим союзам первое поражение положило бы конец. Демосфен должен был знать, что означало то, что не он сам был полководцем, исполняющим рекомендуемые им политические проекты, что он должен был верить их, а с ними и судьбы государства таким полководцам, как своевольный Харет или беспутный Харидем, умевшим управляться с бандами наемников и доставлять им необходимые «харчи». Он должен был знать, что в самих Афинах, лишь только он приобрел бы влияние, против него соединились бы богатство, трусость и эгоизм, что, опираясь на них, его личные противники пустили бы в ход все прижимки и затруднения законодательства, чтобы помешать его планам, — планам, цену которых после дня при Херонее один афинский гражданин определил горькими словами: «Не потеряй мы сражения, мы бы погибли».

Для понимания последовавших за этой великой катастрофой событий необходимо в существенных чертах проследить приведший к ней ход борьбы между Афинами и Македонией.

Великая политическая деятельность Демосфена началась, когда успехи Филиппа против фокейцев, его влияние на партии в Эвбее и занятие им Амфиполя обнаружили образование такого могущественного государства, которое превзошло все самые смелые мечтания греческой политики. То обстоятельство, что афиняне, заняв после первых успехов Филиппа против фокейцев в 352 году Фермопилы, сами выдали, чего они хотят, указало дальнейший путь их противнику. У них еще был их флот, а вместе с тем и перевес на море, которому недоставало лишь быстроты и решительности, чтобы раздавить только теперь еще создававшийся македонский флот. Афины были опаснейшим врагом Филиппа в Греции; их необходимо было изолировать и победить быстро следовавшими один за другим ударами.

Олинф, стоявший во главе снова вступивших в союз Халкидиди городов, четыре года тому назад, когда еще шла борьба за Амфиполь, соединился с Филиппом против Афин и принял из его рук занятую афинскими клерухами Потидею; он тоже считал себя достаточно умным, чтобы извлекать выгоды из того, кого уже боялся; теперь после первых успехов Филиппа над фокейцами Олинф послал в Афины предложение заключить союз; чтобы начать борьбу против них, Филипп воспользовался тем случаем, что они приняли под свою защиту бежавшего претендента на македонский престол и отказывались выдать его. Несмотря на присланную Афинами помощь, халкидский союз был побежден, Олинф разрушен, а другие города союза присоединены к македонской территории (348 г.).

В то же время афиняне предприняли неудачную экспедицию в Эвбею; из тиранов отдельных городов большинство держало сторону Филиппа; он занимал таким образом положение, угрожавшее Аттике с тыла. Он сам, оставив Олинф уже в третий раз, обратился против фракийского царя Керсоблепта, который поддерживал Олинф по наущению Афин. Теперь македонский флот был в состоянии грабить афинские острова Лемнос, Имброс и Скирос и захватывать афинские купеческие корабли; даже Парал, одна из священных афинских триер, была захвачена у берегов Марафона и как трофей уведена в Македонию. А Фивы, жестоко теснимые фокейцами, просили помощи у Филиппа и пригласили его занять фермопильский проход. Чтобы избежать этого неприятного поворота, Афины предложили мир; то обстоятельство, что Афины, чтобы прикрыть Фермопилы и Геллеспонт, потребовали включить в мир фокейцев и Керсоблепта, грабителей храма и варвара, что наконец они и без этих условий готовы были согласиться на мир (348 г.), показывало, сколько значения приобрел Филипп и как много потеряли Афины. Наступивший в одно время с этим последний кризис в священной войне еще ухудшил положение.

Еще фокейцы занимали Фермопилы и отложившиеся от Фив беотийские города Орхомен и Коронею; правда, сокровищница Дельф была близка к истощению, но они надеялись на Афины, и к ним на помощь с тысячью гоплитов пришел спартанский царь Архидам. Обещанием передать дельфийскую святыню в руки Спарты Филипп добился возвращения спартанцев домой; за право свободно отступить со своими 8000 наемников предводитель фокейцев — это было в те дни, когда афинский демос соглашался на этот мир — передал македонянам Фермопилы. Филипп вступил в Беотию; Орхомен и Коронея сдались; Фивы были рады получить обратно эти города из рук Филиппа. Вместе с фиванцами и фессалийцами Филипп созвал совет амфикизионов; Афины не приняли в нем участия. Таким образом был произнесен приговор над фокейцами: они были исключены из священного союза, их 22 города уничтожены,

стены их разрушены; те, которые удалились вместе с наемниками, были прокляты и объявлены вне закона, как грабители храма; едва было не прошло предложение этейцев казнить всех способных носить оружие жителей. Дальнейшим постановлением амфикионов голос фокейцев был передан Филиппу, и в его руки отданы заведование Пифийскими играми и охрана дельфийского храма.

Таким образом он стал во главе этого священного союза, который благодаря только что происшедшему приобрел такое политическое значение, какого он никогда прежде не имел. Первое применение этого значения коснулось Афин, которые медлили признать принятые постановления и переданные Филиппу полномочия; амфикионийское посольство явилось в Афины, чтобы потребовать положительного согласия. В случае отказа собрание изрекало отлучение над Афинами, а войско Филиппа было готово привести его в исполнение. Даже сам Демосфен советовал уклониться священной войны.

Уверенным шагом шла вперед политика Филиппа. Теперь эпирское царство было у него в руках; надежда на общую борьбу против Спарты склонила на его сторону города Пелопоннеса; его приверженцы господствовали в Элиде, Сикионе, Мегаре, в Аркадии, Мессении и Аргосе. Затем он стал твердой ногой в Акарнании, заключил союз с этолянами и отдал им Навпакт, которого они желали. Со стороны суши держава Афин была окружена со всех сторон и почти что парализована. Но им оставалось еще море; вместе с Херсонесом их флот обеспечивал им Геллеспонт и Пропонтиду. Филипп должен был стараться поразить их там. Продолжая постоянно повторять им свои уверения в дружбе и миролюбии, он снова бросился на Керсobleпта и родственников ему мелких фракийских князей, подчинил себе земли по обоим берегам Гебра, обеспечил их за собою рядом основанных им в глубине страны городов, и греческие города на Понте до самого Эдесса охотно вступили с ним в союз. Впечатление, произведенное его успехами, было так сильно, что король гетов на нижнем Дунае просил его дружбы и прислал ему в жены свою дочь.

В неменьшей степени устроили эти успехи и противников Филиппа в Греции. Требование афинян восстановить фракийских князей, бывших их союзниками, отправка клерухов для защиты угрожаемого Херсонеса, отказ города Кардии принять их, отклонение Афинами предложения Филиппа решить спор третейским судом и нападение и разрушение афинскими стратегами уже принадлежавших Македонии городов на Пропонтиде — все это привело к новой войне.

Филипп заключил союзы с Византием, Перинфом и другими городами, освободившимися от Афин в союзническую войну, и в силу этого потребовал их помощи в борьбе против фракийцев; но они не оказали ее, боясь его увеличивавшегося могущества; Афи-

ны предложили им союз и помощь войсками. Они отвратили уже от него большинство городов Эвбеи, заключили союз с Коринфом, акарнанцами, Мегарой, Ахеей и Керкирой и вступили в новые переговоры с Родосом и Косом; они указали при дворе в Сузах на опасности, которыми угрожало персидскому царству растущее могущество Филиппа; афинский стратег в Херсонесе получил персидские субсидии, и увлечение афинского демоса делом спасения греческой свободы росло с каждым днем.

После победы над фракийцами Филипп обратился против Перинфа и Византия, служившем ключом к Понту; с падением этих городов могущество Афин было бы подрезано под самый корень. На ультиматум Филиппа афиняне отвечали объяснением, что он нарушил предположенный мир; они послали византийцам обещанный флот; от Родоса, Коса и Хиоса, союзников Византия, явилась помощь; ближайшие сатрапы поспешили поддержать Перинф и послали войска во Фракию. Филипп принужден был отступить.

Он обратился теперь против скифов. Скифский царь Атей по сю сторону устьев Дуная был опасным соседом для новооснованного им города в долине Гебра; он побил его. Затем он направился домой через область трибаллов; они, бывшие нередко докучными соседями для границ Македонии, должны были тоже научиться трепетать перед его силой. Ему надлежало обеспечить себя в тылу, чтобы нанести решительный удар афинянам.

А эти действовали ему в руку. Они возобновили свои старинные приношения в дельфийском храме за битву при Платее с надписью: «Из добычи, отнятой у соединившихся для общей борьбы против эллинов, персов и фивян». В собрании амфиктионов локры Амфиссы принесли, по наущению Фив, жалобу на это и потребовали тяжелой денежной пени; афинский посол Эсхин отвечал им упреком в том, что они вспахали принадлежавшую дельфийскому храму землю; он привел собрание в такое возбуждение, что было принято решение немедленно покарать этих грабителей храма; но земледельцы Амфиссы прогнали назад амфиктионов и пришедших с ними дельфийцев. После такого позора было решено созвать экстраординарное собрание амфиктионов, которое должно было принять необходимые меры, чтобы покарать это кощунство. Посланные Афин и Фив не явились; Спарта была исключена со времени окончания священной войны; явившиеся на собрание постановили объявить священную войну против Амфиссы и поручили ее близлежащим племенам. Она не имела успеха; земледельцы Амфиссы продолжали упорствовать. Следующее очередное собрание — осенью 339 года — поручило царю Филиппу наказать их кощунство и принять на себя гегемонию в священной войне.

Он явился не с одной только целью наказать пахарей Амфиссы. Афины возобновили войну против него и принудили его от-

ступить из-под Византия и Перинфа; благодаря своему походу за дельфийского бога он мог привести свое сухопутное войско в ближайшее соседство с границами Аттики и продолжать войну там, где афинянам не могли оказать никакой помощи их морские силы; то обстоятельство, что они сами подали повод к решению относительно Амфиссы и что они должны были теперь обратиться против того, кто пришел исполнить его, открывало перед глазами всего мира их неправоту и внутренние противоречия их политики. Он имел право рассчитывать на Фивы, которые к тому же, будучи полны озлобления против Афин, были обязаны со времени войны против фокейцев благодарностью ему и спасшему их оружию Македонии и были связаны с ним союзом. Никея у входа в Фермопилы с юга, которую он отдал фессалийцам, открывала ему путь к югу. От Гераклеи, лежавшей при северном входе в Фермопилы, он послал вперед через проход в области Дориде, ближайшим путем к Амфиссе часть своего войска; с главными силами он прошел через Никею в проход, ведущий к Элатею, расположенной на возвышенной части фокейской равнины Кефиссы; поздней осенью 339 года он был в Элатею и укрепился там; перед ним лежали открытыми границы Беотии и путь в Афины, позади его были проходы, обеспечивавшие его связь с Фессалией и Македонией.

Он связался с Фивами и предложил городу, если он пойдет с ним вместе против Афин, участие в победной добыче и расширение его области, или, если он не желает воевать заодно с ним, требовать беспрепятственного пропуска. Одновременно с этим в Фивы явились афинские послы; не взирая на все случившееся за последние двадцать лет, рвению Демосфена удалось добиться заключения союза между Афинами и Фивами. Фивы послали на помощь локрам Амфиссы корпус наемников; Афины предоставили им 10 000 солдат, на вербованных ими; оба города пригласили изгнанных фокейцев возвратиться на родину и помогли им снова укрепить несколько главных пунктов страны. Но македоняне подступили к Амфиссе и побили наемные полчища врагов; Амфисса была разрушена, Афины и Фивы вооружались с величайшей поспешностью и призвали к оружию даже граждан, чтобы встретить в Фокиде главные силы Филиппа; афинское войско двинулось к Фивам и соединилось с беотийским. Два удачных сражения придали им храбрости и уверенности в себе; Коринф, Мегара и другие союзники Афин прислали тоже вспомогательные войска.

Но Филипп не отступил; он вытребовал подкрепления из Македонии; с теми, которых привел его сын Александр, его войско усилилось до 30 000 человек. Может быть в это время царь послал в Фивы предложение вступить в переговоры; но энергичный протест Демосфена победил миролюбие беотархов. Если бы только войско союзников — численностью оно превосходило македонское — в такой же степени сумело удержать за собою и военную

инициативу; они стояли на крепкой позиции при входе в Фокиду, у Кефиссы. Движение Филиппа влево принудило их отступить назад на равнину Беотии. При Херонее Филипп встретил их для битвы (август 338 года); борьба была в высшей степени упорная; долго колебавшееся сражение решила атака кавалерии, руководимая Александром; победа была полная. Войско союзников было рассеяно и уничтожено. Судьба Греции была в руках Филиппа.

Но в намерения его политики не входило, да он и не был настолько ослеплен своей победой, чтобы обратить Грецию в провинцию Македонии. Только фиванцы понесли заслуженную кару за свое отпадение. Они должны были снова принять к себе изгнанников и составить из них новый совет, который присудил вчерашних вожakov и совратителей города к смерти или изгнанию. Беотийский союз был уничтожен, общины Платей, Орхомена и Феспий восстановлены, Ороп, отнятый Фивами у Аттики двадцать лет тому назад, возвращен Афинам, наконец была занята македонским гарнизоном Кадмея, такая позиция, откуда можно было поддерживать спокойствие не только в Фивах, но и в Аттике и во всей Средней Греции.

Насколько строго были наказаны Фивы, настолько же милостиво было поступлено с Афинами. В минуты первого волнения после погрома там приготовились к борьбе на жизнь и на смерть; во главе войска хотели поставить Харидема и вооружить рабов, но участь Фив и предложения царя охладили их рвение; предложенный царем через одного из пленных, оратора Демада, мир был принят; афиняне получали обратно без выкупа всех пленных, сохраняли Делос, Самос, Имброс, Лемнос и Скирос и снова приобретали Ороп; их усмотрению, — может быть, только для формы — было предоставлено присоединиться или нет к общему миру царя с эллинами и к союзному совету, который он учредит вместе с ними. Афинский демос постановил оказать царю всевозможные почести, дал ему, его сыну Александру и его полководцам Антипатру и Пармениону право гражданства, воздвиг ему как «благодетелю города» стацию на площади и т.п.

Но свое дело в Греции царь думал основать не на одном только страхе; и македонская партия, на которую он рассчитывал или которая образовалась снова, состояла не из одних только изменников и купленных деньгами людей, как это изображает Демосфен. Замечательно, что одним из самых верных приверженцев царя был Демарат, друг и боевой товарищ Тимолеонта при освобождении Сицилии, более всех исполненный великой мыслью о национальной борьбе против персов. И другие тоже должны были держаться убеждения, высказанного Аристотелем в словах: что царская власть по своей природе только одна в состоянии стоять выше партий, расшатывающих государственную жизнь Греции, что она одна только может создать справедливую среднюю форму

государства, «ибо задача царя быть стражем, чтобы имущие классы не терпели ущерба в своем имуществе, а демос не терпел бы от своеволия и высокомерия». Частые опыты тирании не могли достигнуть этого результата, «потому что она опирается не на свое собственное право, как истари учрежденная царская власть, но на благосклонность демоса, или на насилие и правонарушение».

Действовал ли Филипп в этом смысле?

Минуя область Аттики, он прошел далее, в Пелопоннес. Мегара, Коринф, Эпидавр и другие города, думавшие прежде защищаться за своими стенами, просили теперь мира; царь даровал им мир каждому в отдельности, — коринфянам под условием, чтобы Акрокоринф был занят македонским гарнизоном; подобными же мирными договорами, с наказом присылать в Коринф уполномоченных для заключения всеобщего мира, сопровождалось его дальнейшее движение по Пелопоннесу. Только Спарта отвергла все предложения; Филипп прошел по Лаконской области до самого моря и, по решению третейского суда из всех эллинов, определил границы Спарты с Аргосом, Тегеей, Мегалополем и Мессенией, так что важнейшие проходы попали в руки тех, которые предпочли бы, чтобы полное уничтожение ненавистного государства освободило их от всех будущих забот.

Уже посольства греческих государств — кроме Спарты — собрались в Коринфе; там был заключен «всеобщий мир и союзный договор», быть может, на основании предложенного царем Филиппом плана, но конечно не в форме одностороннего македонского приказа. Свобода и автономия каждого греческого государства, мирное пользование своею собственностью и взаимная гарантия этого, свобода сношений и постоянный мир между ними, — таковы были основы этого соглашения; для обеспечения и приведения в исполнение пунктов этого договора был установлен «всеобщий союзный совет, на который каждое государство должно было послать своих представителей; главной их задачей было следить за тем, чтобы в союзных государствах не происходило изгнаний или казней вопреки существующим законам и конфискаций, прощения долгов, раздела имущества и освобождения рабов с целями переворота». Между объединенными таким образом государствами и македонским царем был заключен вечный оборонительный и наступательный союз; ни один грек не должен был служить против царя или помогать его врагам под страхом быть наказанным изгнанием и потерей всего имущества. Суд над нарушителями союзного договора был передан совету амфикионов. Наконец, как краеугольный камень всего была решена война против персов, чтобы отомстить им за все содеянные над греческими храмами святотатства; царь Филипп был назначен полководцем в этой войне, с неограниченной властью на суше и на море.

Филипп возвратился в Македонию, чтобы заняться приготовлениями к великой национальной войне, которую он задумал начать ближайшей весной. Посылка сатрапа на помощь во Фракию давала ему вполне законный повод начать войну с персидским царем.

Замечательно, что в то же время судьбы Сицилии устраивались совершенно обратным образом. В самом жалком состоянии, теснимые тиранами и угрожаемые карфагенянами, патриоты Сицилии обратились к Коринфу с мольбой о спасении. Оттуда был послан к ним с небольшим войском благородный Тимолеонт. Он низложил тиранию в Сиракузах и затем в других городах по очереди и отбросил карфагенян на их прежние границы в западном углу острова (339 г.); в освобожденные города он привлек множество новых греческих поселенцев, восстановил в них демократическую свободу и автономию; в Сицилии, по-видимому, должна была снова расцвести та форма государственной жизни, которая пала на родине. Но новосозданное положение вещей только ненадолго пережило смерть великого мужа (337 г.); еще прежде чем карфагеняне успели решиться на новые нападения, эти демократии путем олигархии или тирании уже снова враждовали между собою. Менее всего они могли ожидать спасения из Великой Греции; быстро усиливавшееся именно теперь движение италийских народов создавало там еще не пришедшим в полный упадок городам новые опять затруднения; царь Архидам спартанский, взятый на службу терентинцами, пал, сражаясь во главе своих наемников с мессапийцами, как говорят, в тот самый день, когда Филипп победил при Херонее.

Эта битва и коринфский союз повлекли за собою, по крайней мере, в пределах родины объединение эллинов, служившее гарантией внутреннего мира и общей национальной политики во вне. Это объединение было не только международного, но и государственно-правового характера, как его некогда рекомендовали ионийцам Фалес и Биант: это не была та гегемония, которую афиняне в лучшие дни своей славы слишком скоро должны были превратить в господство, чтобы удержать ее за собою, и не та система насилия, которую после Анталкидова мира пыталась установить Спарта именем персидского царя на служение его политике, — но это была федеральная конституция с правильно организованным советом и судом над входившими в состав союза государствами, с общинной автономией отдельных государств, с постоянным миром в пределах родины и свободой внутренних сношений, с гарантией всех за каждого и, наконец, с окончательно решенною войною против персов, причем главенство в команде над войсками и во внешней политике всякого государства, в силу союзной клятвы, было передано гегемону союза, властителю Македонии.



Какой тяжелой борьбы, каких суровых мер ни стоило достижение этих результатов, но македонский царь оказывал честь себе и эллинам, когда предполагал, что борьба против персов, ставшая возможной только таким образом, что расширение общего национального могущества, внешние успехи и благословения внутри, которые обещало это дело в случае своей удачи, заставят забыть поражения и жертвы, которых потребовало его создание. Но только его неоднократные заверения и принятые им на себя по союзному договору обязательства служили ручательством, что его оружие будет посвящено великой национальной борьбе; его собственный интерес предписывал ему с самого начала эту политику, собрать силы Греции, чтобы получить возможность решиться на борьбу с Персией, а эту борьбу предпринять для того, чтобы тем вернее соединить и прочно слить воедино еще оставшиеся здоровыми силы в жизни греческих государств.

Его могущество, одно только, подобно защитному валу, и прикрывавшее Элладу от варваров севера, под ударами которых уже пала Италия, было теперь достаточно велико и торжественным образом призвано выступить во главе объединенной Греции на борьбу против варваров на востоке. Эта война вела за собой освобождение греческих островов и городов, со времени падения Афин, со времени Лисандра и со времени Анталкидова мира снова подпавших персидскому игу, — открытие Азии для свободных сношений и греческой промышленности, для прилива туда эллинской жизни, а избытку беспокойных, волнующих и одичалых элементов, от которых до сих пор тяжело страдала изнывавшая в своем беспорядочном партикуляризме и порождавшая все новые, худшие и более разрушительные элементы Греция дала место, случай и заманчивые перспективы найти в новых условиях жизни новую почву для действительности и исцелиться, работая над множеством новых задач.

Космополитический дух, развившийся в Греции в одно время с упорным партикуляризмом благодаря распространившимся на весь мир сношениям, множеству изгнанников, наемничеству, куртизанкам, рационализму и образованности должен был наконец, чтобы не растратить бесполезно остаток национальных сил, найти соответственное выражение в правильной деятельности с рассчитанными последствиями. Этой цели он достигал походом в Азию.

Если таким образом со стороны Европы все было готово к окончательному кризису, то со стороны Азии точно так же обширное царство персов достигло того пункта, когда элементы силы, на которых были основаны его прежние успехи, истощились, и оно, по-видимому, держалось только инертной силой раз совершившегося факта.

О природе и устройстве этого персидского царства до нас дошло немного сведений, да и это немного по большей части весь-

ма внешнего характера, — почти исключительно сведения с точки зрения тех, которые в персах видели и презирали только варваров; и лишь в величавой фигуре Дария, нарисованной нам одним из бойцов при Марафоне в его драме о персидских войнах, чувствуется отчасти глубоко мощная натура этого благородного народа.

Быть может, мы имеем право дополнить и углубить это впечатление тем, как выразился его характер в непосредственном складе его внутренней жизни, в его религии и его священной истории. Они свидетельствуют о высокой нравственной силе, с которой персы сравнительно с другими народами Азии вступают в историю, о серьезном и торжественном понимании задач, для которых живет индивидуум и народ.

Чистота дел, слов и помышлений — вот чего требует эта религия; правдивость, святость жизни, исполнение долга с полным самоотвержением — вот закон, открытый людям Заратуштрой, провозвестником божьего слова. В сагах о Джемшиде и Гистаспе, о битвах с туранцами, у них развиваются представления о том, чего искать и избегать должна действительная жизнь, совсем иные, чем у греков, в их песнях о Трое, Фивах и аргонавтах.

В самой глубокой древности по возвышенным равнинам, простирающимся от Демавенда до реки Синда, бродили дикие орды; затем появился возвеститель нового закона, пастырь человек, Хаома, передал свое учение отцу Джемшида и люди начали селиться и возделывать поля; и когда Джемшид сделался царем, он упорядочил жизнь своего народа и сословий своего царства; в его блестящее царствование не умирали животные и не увядали растения, в воде и плодах нигде не было недостатка, не было ни мороза, ни жары, ни смерти, ни страстей, повсеместно господствовал мир. Он с гордостью говорил: «От меня исходит разум, еще не было царя, подобного мне; земля стала такою, как я желал; пищу, сон и радость люди имеют через меня; у меня все могущество, и смерть я изгнал с лица земли; поэтому они должны называть меня творцом вселенной и молиться мне». Тогда блеск божий оставил его; губительный Зохаг победил его, прогнал и начал свое грозное царствование; затем последовали времена дикого восстания, из которого победителем вышел, наконец, герой Феридун; он и после него его род, род «людей первой веры», господствовали над Ираном, ведя постоянно тяжелую борьбу с дикими туранцами, пока, наконец, при шестом царе после Феридуна, при царе Гистаспе, не появился вестник неба, Заратуштра, чтобы научить царя мыслить, говорить и действовать согласно с законом.

Основой нового закона была вечная борьба между светом и тьмою, между Ормуздом и семью князьями света, с одной стороны, и Ариманом и семью князьями тьмы — с другой; оба они со своими воинствами борются за господство над миром; все сотворенное принадлежит свету, но тьма принимает участие в беспо-

щадной борьбе; только человек стоит между ними, чтобы по свободному выбору или помогать добру или уступать злу. Сыны света, иранцы, ведут таким образом великую борьбу за Ормузда, чтобы подчинить его господству вселенную, устроить ее по образцу царства света и хранить ее процветание и чистоту.

Таковы верования этого народа и импульсы, из которых развивалась его историческая жизнь; они живут, одни возделывая поля, другие ведя пастушескую жизнь, в суровой горной местности Персиде, под властью своих благородных родов, о бесчисленных замках которых мы слышим по прошествии целых веков; во главе их стоит племя парсагадов, знатнейшему роду которых, роду Ахеменидов, принадлежит наследственная царская власть над народом. Царевич Кир при дворе царя в Экбатанах увидел столько высокомерия, слабости и достойных презрения поступков, что почел за благо завладеть властью для своего более строгого народа. Он созывает, — так гласит сказание, — племена, в один день приказывает им вспахать поле и почувствовать весь гнет подданства, а на другой день созывает их на торжественный пир; он приглашает их сделать выбор между печальной жизнью раба, пригнетенного к земле, и прекрасною жизнью победителя; и они избирают борьбу. Он ведет их на мидян, одерживает победу и становится властелином их царства, доходившего до Галиса и до Яксарта. В дальнейшей борьбе он подчиняет себе лидийское царство и страну до моря Иаонов*, и вавилонское царство до самых границ Египта. Сын Кира Камбиз присоединяет к этому царство фараонов; из древних народов и царств никто не может противиться силе молодого народа. Но мидяне пользуются походом персидского царя за Египет в пустыню и его внезапной смертью; их жрецы, маги, провозглашают персидским царем одного из своей среды, называют его младшим сыном Кира, на три года освобождают народы от военной службы и податей; и народы охотно подчиняются им. Но в скором времени восстает ахеменид Дарий с главами шести других племен, и они умерщвляют магов и их знатнейших приверженцев. «Я возвратил господство, отнятое у нашего рода; я восстановил храмы и поклонение покровителю нашего царства; таким образом милостью Ормузда я возвратил себе отнятое, я возвратил прежнее счастье своему царству, Персии, Мидии и другим провинциям», — так гласит надпись Дария.

Дарий организовал царство. Персидской культуры, которая могла бы победить и переделать также и внутренне побежденные открытою силою народы, как некогда сделали это культуры Вавилона и Ассирии, не существовало; религия света, составлявшая главную силу и преимущество персидского народа, не могла и не

* Иаоны — поэтическая форма вместо ионян. Море Иаонов — Эгейское море (Ред.)

хотела обращать к себе; поэтому следовало утвердить единство и прочность царства на организации державы, которая его основала и должна была управлять им. Эта организация была полною противоположностью того, как развился греческий мир: в Греции мы находим один народ разделившимся на тысячи вполне автономных кружков, из которых каждый жил своей изолированной жизнью благодаря неисчерпаемому богатству их подвижного и оригинального ума, — в Персии множество наций, по большей части уже отживших и неспособных устроить свою собственную жизнь, были сплочены в одно силою оружия и удерживались строгим и гордым превосходством персидского народа и персидского царя, «богоподобного человека», во главе их.

Эта монархия, простиравшаяся от греческого моря до Гималаев, от африканской пустыни до степей Аральского моря, не отнимает у народов их индивидуальности и привычного им образа жизни, охраняет их в том, «чего требует их право», относится с терпимостью ко всем религиям, заботится о торговле и благосостоянии народов, оставляет им даже их родовых князей, если они изъявляют покорность и платят дань, — но ставит над ними крепко сплоченное здание военного и административного единства, носители которого избираются из господствующего племени, племени «мидян и персов». Одинаковая религия, суровая и строгая жизнь в полях и лесах, воспитание при дворе и на глазах царя призванной к военной службе знатной молодежи, собранное при этом дворе войско десяти тысяч бессмертных, две тысячи копейщиков и две тысячи всадников, стекающиеся из всех частей обширного государства в столицу подати и собираемые в государственном казначействе подарки, строгая иерархия и чиновничество собирающихся при дворе знатных персов до самых «единонотольников» и «родственников» царя включительно — все это вместе придает столице государства необходимую силу и значение, чтобы быть объединяющим и могущественным центром. Строящаяся по всему царству сеть больших дорог, почтовые станции с находящимися всегда наготове эстафетами, крепости, воздвигнутые около всех важных проходов и пунктов границы, обеспечивают связь между частями страны и возможно быстрое пользование центральной силой. Послы персидского царя могут таким образом менее чем в десять дней передавать депеши из Суз в Сарды (350 миль), и в каждой местности есть готовое войско, чтоб исполнить заключающийся в них приказ.

В административном отношении Дарий разделил царство на двадцать сатрапий, не принимая в соображение национальности или исторические мотивы; это географические округа, определяемые природными границами. Все отношения местных жителей к государству ограничиваются тем, что они должны оставаться покорными, платить дань и, когда происходит общий набор, отпра-



лять военную службу, содержать сатрапа с его двором и расположенные в главных городах и пограничных крепостях их области войска персидского царя. Сатрапы — «цари только подвластные персидскому царю» — ответственны за повиновение и порядок в их сатрапии, для защиты которой, равно как и для увеличения области и дани, они ведут войну и заключают мир по приказу и без приказа из столицы. Они, в свою очередь, тоже передают отдельные округа своей области местным жителям или своим любимцам, которые собирают дань и управляют там. Расположенными в сатрапии войсками они могут пользоваться, но эти войска стоят под командой назначенных самим царем полководцев, соединяющих часто в одних руках начальство над войсками нескольких смежных сатрапий. Бдительность и храбрость войск, верность сатрапов, постоянный надзор царя за ними при посредстве своих послов, эта поднимающаяся ступенями пирамида монархических организаций есть форма, сплывающая подвластные земли и народы.

Через богатые льготы, постоянно возобновляемые дары в знак милости и почести и через крупное жалованье за военную службу знать и народ Персии как бы участвуют в преимуществах власти своего царя. Это, а с другой стороны постоянный надзор и контроль, строжайшая дисциплина, произвольное и часто кровавое правосудие царя поддерживают страх и верность долгу в призванных к службе. Горе сатрапу, который даже только мало заботится о земледелии, о благосостоянии своей провинции и об орошении, который не разводит парков, в провинции которого убывает народонаселение или отстает культура почвы, который угнетает подданных: по воле царя и мыслию и делом они должны быть правыми слугами чистого учения; все их взоры должны быть обращены на царя и только на него; как Ормузд, которого он является изображением и орудием, правит царством света и борется с губительным, замышляющим зло Ариманом, так же и он неограничен, непогрешим, выше всех и вся.

Таковы основные черты этой организации власти, являющиеся результатом особенностей в характере персидского народа, его старинной наивной приверженности к главе племени и гордого чувства законности, господствовавшего в его старых родовых организациях. Эта грандиозная организация деспотической власти покоилась на том основании, что личное достоинство и сила одного ее обладателя возобновлялась в каждом преемнике, что двор и гарем вблизи, сатрапы и начальники войск вдали не переставали быть руководимыми и управляемыми им и что господствующий народ оставался верен самому себе, своей строгости и грубости и слепой преданности богу-царю.

В царствование Дария могущество Персии достигло своего высшего расцвета, на какой оно только было способно; подвласт-

ные народы благословляли ее господство; даже везде в греческих городах нашлись почтенные люди, которые ценою тирании готовы были склонить себя и своих сограждан под персидское иго; нравственное уважение благородных персов к умным эллинам не могло увеличиться от этого. После Дария, после поражений при Саламине и Микале начали показываться первые признаки застоя и упадка, которому должно было с прекращением его победоносного и завоевательного роста подвергнуться это неспособное к внутреннему развитию государство. Ослабление деспотической силы и влияние двора и гарема начали давать себя чувствовать уже по смерти Ксеркса; завоевания на фракийском берегу, Геллеспонт и Босфор, греческие острова и города по берегам Малой Азии были потеряны; скоро отдельные из подвластных народов начали делать попытки к освобождению, восстание Египта и восстановление там старинной туземной династии уже встретило поддержку со стороны Эллады. С другой стороны, чем счастливее были в своих войнах сатрапы передовых земель и чем более видели они ослабление личной воли и силы своего повелителя, тем смелее действовали они в своих собственных интересах и стремились к самостоятельной и наследственной власти в своих сатрапиях. Но крепкое здание государства было еще достаточно прочно, а в знати и народе Персии была еще настолько жива старинная дисциплина и верность, что она могла еще бороться с проявляющимся местами злом.

Серьезнее сделалась опасность, когда по смерти Дария II (427–404 гт.) его младший сын Кир поднял знамя восстания против старшего, Артаксеркса II, который уже надел на себя тиару. Кир, родившийся не до вступления отца на престол, как его брат, но когда его отец был уже царем, считал себя обладателем таких же законных прав, в силу которых Ксеркс наследовал некогда Дарию; еще отец послал его, любимца матери Парисатиды, «Караном» в Малую Азию и сделал его, по-видимому, «владыкой» над сатрапиями — Каппадокией, Фригией и Лидией; между тем как прежние сатрапы на морском берегу, Тиссаферн и Фарнабаз, во время жестокой борьбы между Афинами и Спартой поддерживали из соперничества друг с другом то одно, то другое государство, Кир, следуя бесспорно верной в интересах своего государства политике, быстро и решительно стал на сторону Спарты. Даже по свидетельству греков этот молодой князь был полон ума и энергии, военных талантов и отличался свойственною его народу строгостью характера; он мог показать спартанцу Лисандру парк, который он почти весь создал собственными руками; и когда последний недоверчиво посмотрел на его золотую цепь и богатые одежды, Кир поклялся Митрой, что он каждый день не садится за стол, пока не исполнит своего долга относительно полевых работ и воинских упражнений. Он научился понимать и ценить военное искусство и храбрость греков; то обстоятельство, что главным



образом его помощь доставила Лисандру победу над Афинами, что с падением Афин наступил конец морскому господству, наносившему до сих пор тяжелый урон персидскому царству, и что Спарта изъявила положительное согласие на возвращение Персии греческих городов Азии, делало, по его мнению, безопасным нанять как ядро войска, с которым он думал овладеть подобавшим ему царством, 13 000 греческих наемников, пеструю смесь из всех греческих государств, вслед которым Спарта потом прислала в Исс еще 700 гоплитов. Тиссаферн, сатрап Ионии, личный враг Кира, своевременно послал предостережение в Сузы; Артаксеркс выступил против мятежника со всеми войсками своего царства; на границе Вавилонии при Кунаксе произошло сражение. После победы греков на их крыле Кир с 600 всадников бросился на окружавших царя 6000 всадников, прорвался через их ряды, бросился на самого царя и ранил его, но затем пал под ударами царя и его телохранителей. Рану царя вылечил его врач, грек Ктесий. Гарем Кира тоже попал в руки царя, и в числе пленниц две гречанки, доставленные их родителями к царевичу в Сарды; одной из них, милитянке, удалось убежать в лагерь греков, другая, прелестная и образованная Мильто из Фокеи, перешедшая в гарем персидского царя, впоследствии, как рассказывают греки, долго играла в нем значительную роль.

Внешним образом день Кунаксы восстановил могущество персидского царя. Но о глубокой дезорганизации свидетельствовало уже то, что перед самым сражением много знатных персов перешло из царского войска к мятежнику; опасным симптомом было и то, что эта кучка греков на поле битвы рассеяла и разбила несчастное войско царя, что затем, пройдя в боевом порядке по всему царству, она достигла берегов Понта. Неужели организация государства была настолько слаба, что неприятельское войско могло так безнаказанно пройти три, четыре сатрапии с их пограничными крепостями? Мятежник не мог бы никогда миновать проходов Тавра, если бы сатрап Киликии, принадлежавший к древнему местному роду Свинесиев, и если бы персидский флот, бывший под начальством египтянина Тама, исполнили свой долг. Но главным образом то, что Кир, имевший слишком обширную власть в передних сатрапиях, проникнутых по окружавшим их берегам греческим элементом, мог привлечь к себе на службу такую массу греческих воинов, показывало, что эти сатрапии требовали более внимательного и строгого надзора, чем прежде. Была ошибочна не система сатрапий; это была ошибка центральной власти, что караны и сатрапы могли привыкнуть заниматься политикой за свой собственный счет, управлять как независимые территориальные владетели и создавать в тиранах городов, откупщиках податей и щедро одаряемых любимцах партию своих приверженцев, дававшую им достаточно силы для угроз вверх и гнета вниз.

Быть может, и независимо от этого соображения число сатрапий Малой Азии — по устройству Дария I только четыре — было увеличено тем, что большая сатрапия Фригия, обнимавшая все внутреннее плоскогорье от Пропонтиды до Тавра и армянских гор, была разбита на три сатрапии — Фригию на Геллеспонте, Великую Фригию и Каппадокию, — что от сатрапии Ионии была отделена вся Кария и южный берег до Киликии и что, наконец, Киликия впредь была оставлена без сатрапа и, как кажется, сделалась непосредственно царской областью.

Уже спартанцы под предводительством Агесилая были в передних землях, чтобы испытать свое счастье в борьбе с Персией. Недостаток энергии и безуспешность действий Тиссаферна, вернувшегося на свой пост, дали в руки царицы-матери оружие, чтобы отомстить ненавистному за смерть ее любимца, — ему был послан приемник с приказом умертвить его.

Весьма серьезное значение представляло вспыхнувшее в это же время восстание в Египте. Еще при Кунаксе в войске персидского царя бились и египетские воины; но в Греции уже знали, что Египет отложился. Там бежал с флотом в Египет, а Спарта вступила в сношения с Мемфисом, получила оттуда субсидии и обещание дальнейшей помощи. Весьма легко могло случиться, что и финикийские города, и Кипр, где царь Эвагор ревностно вводил греческие обычаи, последовали бы примеру Египта; нападение сухопутных греческих войск на сатрапии Малой Азии ставило на карту все морское могущество Персии; опасность, которой подвергалось персидское царство во время Перикла, повторялась теперь в больших размерах. Как избежать ее?

Правильный путь указал афинянин Конон, нашедший после последнего поражения Афин убежище при дворе Эвагора. По его совету, сатрап Фригии на Геллеспонте получил приказ собрать флот и персидскими деньгами доставить государствам Греции возможность бороться против Спарты. Победа Конона при Книде, объявление войны Фивами, Коринфом, Афинами, появление Фарнабаза с флотом у берегов Лаконии и в собрании союзников в Коринфе принудили Агесилая быстро возвратиться на родину. Теснимая со всех сторон Спарта скоро начала искать милости и союза персидского царя; она послала Анталкида для заключения того мира, которым Спарта отдавала Персии греческие города Азии и, кроме того, Кипр. Таким образом Персия с помощью уже не войска, но дипломатии, сделалась госпожою над греками; поддерживая то спартанцев, то афинян, двор в Сузах не давал перевести дух все еще вздорившим между собою государствам Греции; он заставлял их растерзывать друг друга.

Но при этой борьбе в Греции не только мятежники против персидского царя, Кипр, Египет и берег Сирии нашли случай получить себе оттуда помощь, но и сатрапы Малой Азии в своих от-

ношениях к смутам в Элладе не руководствовались теперь одними только указаниями из столицы. Рука слишком добродушного Артаксеркса была недостаточно крепка, чтобы дать себя почувствовать. Несмотря на десятилетнюю борьбу, он добился от кипрского царя только того, что Кипр согласился платить прежнюю дань. Египтом, несмотря на посланное им наемное греческое войско и несмотря на предводительствовавшего им Ификрата, овладеть ему более не удалось. Возмутившихся кадусиев в горах каспийских проходов он не мог более покорить несмотря на все усилия. Горные народы между Сузами, Экбатанами и Персеполем вышли из повиновения, и когда персидский царь проезжал со своим двором через их область, они требовали и получили дань за право проезда. Наконец, возмутились некоторые из сатрапов Малой Азии: Ариобарзан во Фригии на Геллеспонте, Автофрадат в Лидии, Мавсоль и Оронт; только измена Оронта, которого они избрали своим предводителем, спасла персидскому царю полуостров.

В еще более печальном виде предание, правда греческое, показывает нам слабость стареющего Артаксеркса относительно своего двора; здесь он является игрушкой в руках своей матери, своего гарема, своих евнухов. Его сын Дарий, которого он, уже девяностолетний старец, назначил своим наследником с правом уже теперь носить тиару, получил от отца отказ в какой-то милости, задумал устроить заговор против его жизни, и тогда, по приказанию отца, которому это заговор был открыт, поплатился за него смертью. Ближайшим наследником престола был теперь Ариасп, а за ним Арсам; но третий сын Ох, как рассказывают, довел с помощью ложных слухов об отцовской немилости первого до самоубийства, а второго устранил с помощью наемных убийц. Тотчас же вслед за этим (358 г.) умер Артаксеркс II. Ему наследовал Ох.

Ох является в предании настоящим типом азиатского деспота, кровожадный и хитрый, энергичный и сластолюбивый, еще более страшный холодной и обдуманной решительностью своих действий; подобный характер мог еще раз поднять потрясенное в самых внутренних своих основаниях могущество Персии и оживить его призраком силы и свежести и принудить к повиновению возмутившиеся народы и непокорных сатрапов, приучая их молча смотреть даже на свои прихоти, свою жажду крови и на свое безумное сластолюбие. Он начал с убийства своих младших братьев и их приверженцев; и персидский двор с изумлением называл его именем его отца, не имевшего никакой другой добродетели, кроме кротости.

Средства, с помощью которых он вступил на престол, а может быть, уже и предшествовавшие ему кровавые события послужили причиной или предлогом к новым мятежам в передних сатрапиях и к более смелым действиям Египта. Поднялись управлявший Ионией Оронт и управлявший Фригией на Геллеспонте Артабаз; афин-

ские надписи говорят о союзе Оронта с Афинами. Артабаз привлек к себе двух родосских граждан, двух опытных военачальников, братьев Ментора и Мемнона, женился на их сестре и поставил их во главе своих греческих наемников. Афинские стратеги Харет, Харидем и Фокион оказывали ему помощь. Другие сатрапы остались на стороне персидского царя, главным образом сатрап Карии Мавсоль, принадлежавший к древнему царскому роду страны; его делом было отпадение афинских союзников (357 г.) с Родосом, Косом и Хиосом во главе; но Афины тем ревностнее помогали возмущившимся сатрапам; посланное против них царское войско было разбито Харетом; афиняне ликовали точно о второй маратонской победе. Но в Афины явилось персидское посольство с жалобой на Харета и погрозило послать на помощь врагам Афин 300 триер; тогда афиняне поспешили смягчить гнев царя и заключили мир с отложившимися союзниками (355 г.). Артабаз продолжал борьбу и без помощи Афин, его шурина Мемнон предпринял поход против тирана киммерийского Босфора, с которым вела войну Гераклея, важнейший город на вифинском берегу Понта. Сам Артабаз получил помощь от фивян, приславших ему их полководца Паммена с 5000 наемников; с их помощью он в двух сражениях разбил войска царя. Но затем Артабаз заключил фиванского полководца в темницу, так как тот, по-видимому, вел переговоры с противниками; Паммен, вероятно, получил предписание действовать так из Фив, куда персидский царь приказал послать большие суммы денег. С этого момента счастье быстро покинуло Артабаза; он должен был бежать (около 351 года), он и Мемнон нашли убежище при македонском дворе, а Ментор отправился в Египет.

Египет уже давно был главным очагом борьбы против Персии. Когда еще царствовал Артаксеркс II, Тах, сын Нектанеба, готовился там к большому предприятию; с войском из 80 000 египтян, 10 000 греческих наемников, к которым Спарта прислала еще 1000 под начальством престарелого Агесилая, с флотом из 200 кораблей, начальство над которым принял афинянин Хабрий, он думал завоевать еще и Сирию. Но царь Тах своим пренебрежением и недоверием к царю Агесилаю и своими вымогательствами среди египетского народа приобрел себе такую вражду, что, пока он находился в Сирии, сын его дяди Нектанеб II мог провозгласить себя фараоном и, так как Агесилай склонил на сторону нового властелина и греческие войска, Таху не оставалось другого исхода, как бежать в Сузы и просить пощады у персидского царя. Но в Мендите против Нектанеба поднялся другой претендент и нашел массу приверженцев; дело зашло так далеко, что фараон был окружен вместе со своими греками и вплотную окопан кругом валами и рвами, пока наконец престарелый Агесилай ни напал со своими греками на 100-тысячное войско и ни рассеял и ни обратил в бегство всю мендитскую толпу; это был последний под-



виг престарелого спартанского царя; он умер, когда собирался отплыть в Спарту (358 г.).

Скудные известия об этом времени сообщают только, что еще Артаксеркс II послал своего сына Оха против Египта, что поход этот был неудачен и что Ох тотчас же по вступлении на престол воевал с надусиями и победил их.

Несколько лет спустя, около 354 года, в Афинах были весьма озабочены предпринятыми царем Охом обширными вооружениями, более обширными, чем все предпринимавшиеся со времени Ксеркса; думали, что он хочет сперва покорить Египет, чтобы потом броситься на Грецию; Дарий тоже сперва покорил Египет, а потом обратился против Греции, Ксеркс тоже сперва смирил возмущившийся Египет, а затем предпринял свой поход на Грецию; в Афинах говорили, что Ох уже выступил; что его флот стоит наготове, чтобы перевезти войска за море, что на 1200 верблюдах везут за ним его казну и что на это золото он, кроме своего азиатского войска, наwerbует тысячи греческих наемников; Афины, памятуя день Марафона и Саламина, должны начать против него войну. Так быстро, конечно, персидское войско нельзя было собрать. И еще ранее этого к продолжавшемуся в Малой Азии восстанию присоединилась и Финикия. Сидоняне со своим князем Теннесом на собрании в Триполе убедили отложиться и другие города; был заключен союз с Нектанебом, царские замки и парки разрушены, лавки сожжены, находившиеся в городах персы убиты; все они, а особенно знаменитый своим богатством и изобретательностью Сидон, вооружались с большим рвением, вербовали наемников и готовили корабли. Персидский царь, войско которого собралось у Вавилона, повелел сатрапу Сирии Велесию и Мазею, управлявшему Киликией, напасть на Сидон. Но Теннес, поддерживаемый присланными ему Нектанебом 4000 греческих наемников под начальством Ментора, успешно отразил их. В то же время восстали девять городов на Кипре и соединились с египтянами и финикиянами, чтобы, подобно им, быть независимыми и управляться своими новыми князьями. Они тоже снаряжали корабли и вербовали греческих наемников. Нектанеб сам был вооружен как нельзя лучше; во главе его наемников стояли афинянин Диофант и спартанец Ламий.

«С позором и стыдом», — говорит один греческий оратор этого времени, — «Ох должен был отступить». Он начал готовиться к третьему походу и пригласил греческие государства поддержать его; это было время последних стадий священной войны; но все-таки Фивы прислали ему 1000 наемников под командой Лакрата и Аргос 3000 под начальством Никострата; в греческих городах Азии было навербовано 6000 человек, поставленных под начальство Багоя. Персидский царь приказал сатрапу Карию Идриею напасть на Кипр; сам он обратился против финикийских городов. При виде

таких громадных сил финикияне упали духом; только сидоняне решились сопротивляться до конца; они сожгли свои корабли, чтобы лишиться себя возможности бежать. Но, по совету Ментора, царь Теннес завязал уже переговоры и они вдвоем предали город; когда сидоняне увидали, что цитадель и ворота уже находятся в руках неприятеля и что спасение невозможно, они зажгли город и искали смерти в пламени; погибло около 40 000 человек. Цари Кипра упали духом и покорились.

Падение Сидона открывало путь в Египет. Войско персидского царя двинулось вдоль берега к югу и со значительными потерями достигло через пустыню, отделяющую Азию от Египта, стен пограничной крепости Пелусия, защищаемой 5000 греков под начальством Филофрона; фиванцы под командой Лакрата, горя желанием поддержать свою боевую репутацию, тотчас же пошли на приступ, но были отброшены; только наступление ночи спасло их от более тяжелых потерь. Нектанеб мог рассчитывать выдержать борьбу; у него было 20 000 греков, столько же ливийцев и 60 000 египтян, множество находившихся на Ниле кораблей могли помешать неприятелю переправиться через реку, даже если бы он взял укрепления, воздвигнутые вдоль правого берега Нила.

Персидский царь разделил свои силы. Он сам двинулся вверх по Нилу, угрожая Мемфису. Беотийские наемники и персидская пехота под начальством Лакрата и сатрапа Лидии Расака должны были штурмовать Пелусий; аргивские наемники под командой Никострата и 1000 отборных персов под командой Аристазана были посланы с 80 триерами, чтобы попытаться высадиться в тылу Пелусия; четвертый отряд с наемниками Ментора и 6000 греков Багой наступал к югу от Пелусия, чтобы отрезать сообщение с Мемфисом. Отважному Никострату удалось высадиться в тылу неприятельской линии, он побил расположенных там египтян, а отряд Клейния Косского разбил подоспевших к ним на помощь греческих наемников. Нектанеб поспешил стянуть свои войска в тылу Мемфиса. После отчаянного сопротивления Филофрон сдал Пелусий с правом свободно отступить. Ментор и Багой обратились против Бубастиса; требование покориться и угроза повторить в случае бесполезного сопротивления постигшую Сидон кару вызвали наружу раздор, существовавший между готовыми пожертвовать своею жизнью греками и трусливыми египтянами; греки продолжали борьбу; за взятием наконец города — оно стоило бы жизни любимцу царя Багою, если бы Ментор не подоспел к нему на помощь — последовало занятие всех остальных пунктов Нижнего Египта. Нектанеб не считал себя более безопасным в столице против наступающих превосходных сил и спасся вверх по Нилу со своими сокровищами в Эфиопию.

Таким образом около 344 года Египет покорился Артаксерксу III. Он дал почувствовать свой гнев стране, которая в течение



шестидесяти лет была отделена от его царства. Времена Камбиза наступили снова. Последовало множество казней и самых ужасных опустошений; персидский царь собственноручно заколол священного быка Аписа и приказал лишить храмы их украшений, их золота, даже их священных книг. С этих пор он звался «кинжалом» в устах народа. Назначив сатрапом Ферендакеса и отпустив домой со щедрыми дарами греческих наемников, царь с несчетной добычей, покрытый славой, возвратился в Сузы.

Когда десять лет тому назад Артаксеркс III только что начал вооружаться, то какой серьезной изображали афинские ораторы опасность для Греции, если Египет снова сделается персидским. Теперь Афины тревожило только возрастающее могущество македонского царя, готового уже наложить свою руку на Перинф и Византий. Конечно, Филипп мог думать, что он должен спешить, пока Персия — греческих наемников и греческих союзников она нашла бы столько, сколько пожелала бы нанять, — не бросится на Европу; поток варваров прежде всего хлынул бы на его владения.

Персидское царство было так сильно, как в свои лучшие дни; а то, что оно научилось вести свои войны с помощью греческих полководцев и греческих наемников, обеспечивало ему, по-видимому, новое превосходство, пока Греция оставалась тем, чем она была, — полною бродячих сил, разорванною на бесконечное число автономий, управляемой в каждом городе постоянно сменявшимися друг друга партиями. Персидскому царю снова принадлежало все царство его предков, за исключением земель по ту сторону Геллеспонта, присоединенных к персидскому царству Дарием и Ксерксом, Фракии, Македонии и Фессалии. В своем хилиархе Багое и в родосце Менторе он имел прекрасных исполнителей своих дальнейших операций; связанные между собою обетом дружбы, они служили своему господину и руководили им; Багой был всемогущ при дворе и в верхних сатрапиях, а Ментору был вверен берег Малой Азии, и в то же время, по-видимому, он в звании карана, как некогда Кир, стоял во главе боевых сил Малой Азии.

По просьбе Ментора, персидский царь даровал помилование Артабазу, Мемнону и их семействам, нашедшим себе убежище при македонском дворе; они возвратились обратно. Из этого времени жизни Мемнона нам сохранен факт, ведущий к поучительным заключениям. Один вифинец, Эвбул, меняла по ремеслу, вероятно, путем откупа податей завладел городом Атарнеем, крепостью Ассом и богатым берегом против Лесбоса и завещал их своему преданному Гермею, бежавшему три раза рабу, как говорили в злоречивых Афинах; там Гермей был известен как ученик Платона и как друг Аристотеля; по смерти Платона Аристотель воспользовался его приглашением пожить некоторое время в Атарнее (348–347 гг.). Ментор обратился против этого богатого «тирана», пригласил его на свидание, чтобы указать ему пути к царской ми-

лости, затем приказал его схватить и послал его в Сузы, где он был распят на кресте, а сам Ментор завладел его сокровищами и землями. Только его племянница и приемная дочь спаслась и бежала к Аристотелю; он взял обедневшую, «но нравственную и хорошую девушку» в жены.

Это было в то время, когда Филипп ходил на фракийцев и, видимо, угрожал Византию и Перинфу. Тогда Демосфен советовал афинянам послать к персидскому царю послов, объяснить ему цель македонских вооружений и сказать ему, что один из могущественнейших друзей Филиппа и участник во всех его планах уже схвачен и находится в руках царя. Арзит, сатрап Фригии на Геллеспонте, послал перинфянам деньги, провиант, оружие и наемные войска под начальством афинянина Аполлодора. Но на просьбу афинских послов о персидских субсидиях персидский царь отвечал «очень гордым и варварским письмом». Презирал ли он только афинян или замышлял им погибель, как бы то ни было, события в Греции быстро шли вперед и завершились кризисом как раз в ту минуту, когда его постиг внезапный конец.

Со времени своего славного возвращения из Египта он пребывал в своей столице, господствуя с необузданным произволом и жестокостью. Все боялись его и ненавидели; единственный человек, к которому он питал доверие, злоупотребил им. Его доверенное лицо, Багой, был египтянин; весь преданный вере и суеверию своей родины, гибели которой он сам содействовал, он не забыл посрамления отечественных святилищ и убийства священного Аписа; чем более росло в народе и при дворе озлобление против персидского царя, тем смелее становились планы его вероломного любимца. Евнух заручился содействием царского врача и яд положил конец жизни ненавистного; царство было в руках евнуха; чтобы еще более укрепить за собою свое положение, он возвел на престол младшего сына царя, Арсеса, а его братьев умертвил; спасся только один, Висфан. Это случилось приблизительно во время битвы при Херонее.

Скоро Арсес почувствовал наглую гордость евнуха, он не простил ему смерти отца и братьев. Багой поспешил предупредить его; менее чем после двухлетнего царствования он приказал умертвить царя с его детьми; тиара была вторично в его руках. Но царский дом опустел; от руки Оха пали сыновья Артаксеркса II, от руки Багоя сыновья и внуки Оха, кроме спасшегося бегством Висфана. Был еще в живых сын того Дария, которому его отец Артаксеркс II даровал тиару, но отказал в просимой милости, по имени Арбу-пал; но глаза персов обратились на Кодомана, принадлежавшего к боковой линии дома Ахеменидов; он был сын Арсама, племянник Артаксеркса II и Сисигамбиды, дочери того же Артаксеркса; в войне, которую Ох вел с кадусиями, он принял вызов их великана-предводителя, принять который никто другой не решался, и



победил его; тогда персы присудили ему награду за храбрость, его имя славили стар и млад, царь Ох осыпал его подарками и хвалами и сделал его сатрапом Армении. Уступил ли Багой теперь этому желанию персов или льстил себя надеждой, что Кодоман останется ему предан за достигнутую через его посредство тиару, как бы то ни было, ему очень скоро пришлось узнать, как сильно он ошибался. Царь — он назвал себя Дарием — ненавидел убийцу и презирал его советы; Багой решил устранить его с дороги и подмешал ему в кубок яд; но Дарий был предупрежден; он призвал евнуха и приказал ему, как бы в знак своей милости, выпить кубок. Так понес Багой позднее наказание.

Бразды правления были теперь в руках такого царя, какого Персия давно не имела; прекрасный и серьезный, каким любят представлять себе своего царя азиаты, милостивый ко всем и любимый всеми, одаренный всеми добродетелями своих великих предков, свободный от отвратительных пороков, позоривших жизнь Оха и сделавших его пагубой для государства, Дарий казался призванным исцелить от язв, которыми оно страдало, полученное им без помощи преступления и крови царство. Никакое возмущение не беспокоило начала его царствования; Египет был возвращен Персии, Бактрия и Сирия верны и покорны царю; властью благородного Дария Азия от берегов Ионии до Инда, по видимому, была теперь объединена так прочно, как никогда. И этот царь должен был быть последним из потомков Кира, господствовавшим над Азией, как будто бы нужна была невинная голова, чтобы искупить то, чего нельзя было уже исцелить.

Уже на дальнем западе собиралась буря, которая должна была уничтожить Персию. Уже приморские сатрапы послали известие, что македонский царь заключил мир и союз с государствами Элады и что он собирает войско, чтобы следующей весной вторгнуться в провинции Малой Азии. Дарий во что бы то ни стало желал избежать этой войны; он точно чувствовал, что его громадное царство, расшатанное и умирающее изнутри, нуждается только во внешнем толчке, чтобы рассыпаться. В этой нерешительности он пропустил последний момент, чтобы предупредить нападение, которого он боялся.

В то время, когда он вступил на престол, царь Филипп послал под начальством Пармениона и Атгала первые войска через Геллеспонт, чтобы утвердиться в греческих городах ближайших сатрапий. Уже участникам эллинского союза было послано приказание посылать свои контингенты в Македонию, а свои триеры в македонский флот. Сам он думал выступить в скорейшем времени, чтобы во главе македонско-эллинских сил приступить к делу, для которого он до сих пор работал.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Страна, народ и царская династия Македонии. — Внутренняя политика царя Филиппа II. — Дворянство; двор. — Олимпиада. — Молодость Александра. — Раздоры в царском семействе. — Аттал. — Убиение Филиппа II

Но был ли Филипп, были ли его македоняне греками, чтобы иметь право принять на себя борьбу против персов в духе греческого народа и греческой истории?

Защитники старой партикуляристической политики и греческой «свободы» не раз отрицали это, и их великий представитель Демосфен заходит в своем патриотическом рвении так далеко, что уверяет, будто Филипп не только не из эллинов, но даже не родственен с ними, и что он принадлежит к варварам, которые не годятся даже быть хорошими рабами¹.

Древнейшие предания рисуют нам иную картину. У Эсхила, как уже упомянуто, царь Аргоса, Пеласг, говорит, что его народ, названный по его имени пеласгами, живет до светлых вод Стримона и занимает вместе с гористой страной Додоны земли около Пинда и обширные равнины Пеонии. Таким образом старый марафонский боец считает народы, живущие в бассейне реки Галиакмона и Аксия, единоплеменными с древним народонаселением земель, лежащих между Олимпом и Тенаром и к западу от Пинда. Высокий Пинд, отделяющий Фессалию от горной страны Додоны и от Эпира, образует своими северными отрогами до Чар-Дага, древнего Скарда, границу между Македонией и Иллирией; затем хребет поворачивает к востоку, к верховьям Стримона и по его левому берегу тянется далее на юго-восток, к морю, под именем Орбела, завершая природную границу македонско-пеонской области и границу с фракийскими народами на востоке и севере. В окруженной таким образом горами области Галиакмон, Аксий со своими притоками и Стримон прорезывают еще вторую и третью горные цепи, которые такими же концентрическими кругами, как Пинд, Скард и Орбел, подхватывают внутреннюю береговую равнину Пеллы и Фессалоники, лежащую у Фермейского залива, а двойной пояс котловин, через который прорываются эти три реки и из которых Аксий и Галиакмон достигают по этой береговой

равнине моря недалеко друг от друга, естественным образом разделяет народонаселение этих земель на кантональные племена и делает береговую равнину их центром и сборным пунктом.

По рассказам Геродота, народ, носивший позднее имя дорян, вытесненный из Фессалии, переселился к Пинду в долину Галиакмона и носил там имя македонян². По другим сказаниям, Аргей, родоначальник македонян, выселился из Аргоса в Орестиде, лежавшей у верховьев Галиакмона области, и этим объясняется в них имя Аргеадов, которое носил царский дом³. По другому преданию⁴, сделавшемуся потом ходячим в стране, три брата, Гераклиды из царского рода в Аргосе, происходившего от Тимена, пришли на север к иллирийцам, затем проникли далее в гористую часть Македонии и наконец поселились в Эдессе у величественных каскадов, с которыми воды вступают в обширную и плодородную береговую равнину. Здесь в Эдессе, называвшейся также Эгами, младший из трех братьев основал свое царство, которое затем постепенно росло и наконец соединило соседние округа Имафию, Мигдонию, Боттию, Пиерию и Амфракситиду под именем македонян.

Они принадлежали к тем же пеласгическим племенам, которые некогда занимали всю территорию Греции и из которых впоследствии также и другие племена представлялись элинам, от которых они отстали в развитии, варварами или полуварварами. Об этом родстве свидетельствует религия и обычаи македонян; если на границах и происходило смешение с иллирийскими и фракийскими племенами, то все-таки язык македонян является близким к древнейшим диалектам греческого языка⁵.

В военном устройстве македонян до позднейших времен осталось в употреблении имя гетайров. Если последнее, как в этом вряд ли можно сомневаться, появилось в стране вместе с учреждением царской власти, то македонским гераклидам предстояла та же задача, как и их предкам в Пелопоннесе, а именно необходимость по переселении в чужую страну основать свою силу и право на подчинение туземцев, с той только разницей, что здесь более чем в других дорических государствах старое смешалось с новым и слилось в одно целое, сохранившее свежесть, но также и грубую суровость предков, — скажем даже, героическое время в его непоэтическом виде. Здесь существовали обычаи весьма старинного склада. Кто не убил еще ни одного врага, должен был ходить подпоясанный недоуздом⁶; кто не убил еще ни одного кабана в открытом поле, не имел права возлежать на пиру, но должен был сидеть⁷; при похоронах дочь умершего должна была тушить костер, на котором был сожжен труп⁸; существует рассказ, что трофеи первой победы, одержанной Пердиккой над туземными племенами, были по воле богов в течение ночи опрокинуты львом в знак того, что тут не враги побеждены, а приоб-

ретенны друзья⁹, и с тех пор у македонян так и осталось обычаем не воздвигать трофеев по случаю победы над врагами; этого не делали ни Филипп после дня при Херонее, ни Александр после побед над персами и индусами.

В самые годы этих побед Аристотель пишет: «Из греческих земель царская власть сохранилась только в Спарте, у молоссов и в Македонии, — у спартанцев и молоссов потому, что ее прерогативы были так ограничены, что царям больше не завидовали». Между тем, как везде в других местах, царская власть, забывшая найти себе опору в простом народе, была вытеснена развитием аристократии: между тем как впоследствии даже простой народ, долго бывший исключенным от всякого участия в руководстве общественной жизнью и терпевший гнет, восстал наконец против этой аристократии, отнял у знатных родов их преимущества и низвел их к равноправности демократической общинной жизни, — Македония сохранила свою исконную царскую власть, так как здесь в отношениях между сословиями не успели развиться элементы столкновений и ненависти; «превосходя всех богатством и уважением», говорит Аристотель, здесь сохранилась старинная царская власть¹⁰.

Опасности здесь были другого рода. Царская власть принадлежала царскому роду; но престолонаследие в нем не было установлено настолько прочно, чтобы им заранее устранялось всякое сомнение и неудовольствие.

Чем свободнее здесь была царская власть, тем более требовала она личной энергии и дел от того, кто являлся ее носителем; весьма часто бывало так, что малолетнему, неспособному или бездейственному наследнику престола приходилось уступить свое место более энергичному родному или двоюродному брату; таким образом по смерти Александра I Филэллина его младший сын Пердикка II не успокоился до тех пор, пока не устранил своих старших братьев Аминту, Филиппа и Алкета¹¹; таким образом сын Пердикки Архелай, родившийся в незаконном браке, вытеснил законного наследника и умертвил его, когда тот был еще ребенком¹². В других случаях простасия, организованная форма опеки, давала в руки средства для узурпации¹³.

Была еще и другая опасность: многие примеры показывают, что младшие сыновья царя, а также и чужеземцы получали в наследственное владение участки в стране, конечно, под верховенством царя, но с такими царственными полномочиями, которые давали им право призывать народ на военную службу и держать собственные войска. Таким образом младший брат Александра I, Арридей¹⁴, получил княжество Элимиотиду в горной части Македонии, и оно осталось в его роде, а брат Пердикки Филипп получил удел в верхнем течении Аксия. Царская власть не могла усилиться, если она не могла держать в повиновении эти княжеские линии,

пока еще к тому же они находили себе опору в пеонах, агрианах, линкестийцах и других пограничных областях, управлявшихся независимыми князьями. Во время персидских войн Александр I, по-видимому, впервые принудил линкестийцев, пеонов, орестов и тимфейцев признать македонское господство¹⁵; но их князья сохранили свой княжеский сан, а с ним и свои княжеские владения.

Об устройстве Македонии до нас дошло слишком мало известий, чтобы можно было сказать, насколько обширна была власть царя. Если царь Архелай в последнее десятилетие пелопоннесской войны мог создать массу новых учреждений, если царь Филипп мог преобразовать монетную систему своей родины, бывшую с тех пор крайне неравномерной, и создать совершенно новую организацию войска, то царская власть должна была иметь весьма широкое право регламентации. Но, конечно, право определялось обычаем, и традиция¹⁶ заменяла недостаток законодательства. Можно сказать, что царская власть была так же далека от азиатской деспотии, как народ от крепостничества и рабской подчиненности¹⁷; «македоняне — свободные люди», говорит один древний писатель¹⁸, не пенесты, как масса народа в Фессалии, не илоты, как в земле спартанцев, но народ земледелов¹⁹, имеющих свободную и наследственную собственность, имеющих общинное устройство с местными собраниями и местным судом²⁰, обязанных без всяких исключений военной службой; когда царь призывает страну еще и в позднейшее время, войско считается собравшимся народом и призывается в народное собрание для совета и суда.

В этом войске заметно выступает многочисленная знать под именем гетайров²¹, боевых товарищей, известных уже песням Гомера. Эту знать мы вряд ли имеем право назвать аристократией; ее отличали только большая обширность владений, воспоминания о благородном происхождении и близкие отношения к личности царя, награждавшие верную службу почестями и дарами²². Даже княжеские фамилии, которые прежде пользовались независимой властью в верхних частях страны и которые, хотя и стали в зависимые отношения к более могущественным царям Македонии, все-таки сохранили в своей власти свою прежнюю территорию, вступили со своим народом в такие же отношения, какие существовали в македонском царстве. Больших городов в эллинском смысле в этой земле мужиков и знати не было; города, лежавшие на морском берегу, были греческими колониями, независимыми общинами, стоявшими в сознательной оппозиции с лежавшей в глубине материка страной.

Более оживленные сношения Македонии с Грецией начались около времени персидских войн, особенно в царствование Александра I, «Филэллина», как называет его Пиндар. Уже его отец предложил бежавшему из Афин Гиппию, сыну Писистрата, убежище и поземельную собственность в своей стране. Сам Алек-

сандр, который должен был следовать за войском персов в Элладу, делал, что мог, — припомним только битву при Платеях, — чтобы быть полезным эллинам; так как он доказал свое происхождение от Тименидов Аргоса, то ему было даровано право участия в олимпийских играх, — признание того, что он эллин²³.

Подобно ему, и его ближайшие преемники²⁴ с большим или меньшим умением и энергией старались поставить свою страну в непосредственную связь с торговлей, политической жизнью и образованностью Эллады. Близость богатых торговых колоний в Халкидике; существовавшие благодаря им частые сношения с главными государствами Греции, боровшимися за обладание ими и искавшими или боявшимися влияния Македонии; почти непрерывавшаяся борьба в самой Элладе, заставлявшая многие знаменитые имена бежать из отчизны и искать спокойствия и почестей при богатом дворе в Пелле, — все это покровительствовало успехам Македонии.

Наиболее важно и плодотворно было время царя Архелая; между тем как пелопоннесская война волновала и терзала всю остальную Элладу, под его разумным руководством Македония делала быстрые успехи; он построил крепости, которых прежде в стране не было; проложил дороги; продолжал далее начатую организацию войска²⁵; «во всем», говорит Фукидид, «он сделал для Македонии более, чем предшествовавшие ему восемь царей». В честь олимпийского Зевса и муз он около Диона, недалеко от гробницы Орфея, учредил по образцу греческих гимнические и музыкальные²⁶ агоны. Его двор, при котором собирались поэты и различные художники²⁷ и который был сборным пунктом македонской знати, служил народу образцом и руководил его дальнейшим развитием; Архелай считался у современников богатейшим и счастливейшим человеком на свете.

После него внутренние раздоры возобновились сильнее прежнего, быть может возбужденные и раздутые реакцией против собиравшейся с силами царской власти, но в то же время направленные и против новой образованности и новых обычаев, вводителем которых являлись цари; носителями этих тенденций, поощрявшихся всеми мерами политикой руководящих государств Греции, явились по самому ходу вещей княжеские роды и часть гетайров, тогда как масса народа, по-видимому, оставалась равнодушной.

Уже против царя Архелая поднялся линкестийский князь Аррабей²⁸ в союзе с элимиотийским Сиррой, выставив предлогом или месть за устранение законного наследника, или защиту устраненного Пердиккой ближайшего законного наследника из царского дома Аминты, сына Арридея, внука Аминты. Архелай купил мир тем, что выдал свою старшую дочь замуж за Сирру Элимиотийского, а младшую за Аминта²⁹. Немного спустя он был, как говорят, случайно убит на охоте³⁰. Ему наследовал его малолетний сын Орест

под опекой Аэропа, но опекун умертвил его и сам сделался царем. Аэроп несомненно сын того Аррабея из бакхийского рода князей Линкестиды на границе Иллирии, с помощью которых его предки так часто боролись с македонскими царями; все то, что сделали Аэроп, его сыновья и внуки в следующие шестьдесят лет, рисует их постоянными противниками новых монархических тенденций царского дома и представителями освященных стариной более свободных условий жизни. Постоянно возобновлявшиеся мятежи и сопровождавшие их перемены на троне служат доказательством борьбы царского рода с партикуляристическими стремлениями.

Аэроп сумел удержать за собою престол; но когда он умер в 392 году, власть захватил в свои руки Аминта Малый; его в 392 году умертвил Дерда³¹, и царем сделался сын Аэропа Павсаний. Его опять вытеснил³² Аминта, сын Арридея (390–369 гг.); с ним старшая линия царского дома снова вступила в свои права.

Годы его царствования полны смут, которые, казалось, делали потрясенную Македонию легкою добычею всякого нападения. Призванные, вероятно, линкестийцами иллирийцы произвели опустошительное вторжение в страну, победили царское войско и принудили самого царя бежать за пределы отечества. В течение двух лет царская власть была в руках у Аргея, а принадлежал ли он к царскому дому, или был братом Павсания, или был линкестийцем, остается неизвестным. Но Аминта возвратился назад с фессалийской помощью, и снова возвратил себе свое царство, правда, приведенное в ужасное состояние; города и местности на берегу находились в руках олинфян, даже Пелла закрыла царю ворота. Его брак с Евридикой, принадлежавшей к обоим княжеским домам, к дому Элимаиды и Линкестиды, был, вероятно, заключен для того, чтобы достигнуть наконец примирения³³.

Затем пошли последствия Анталкидова мира и поход спартанцев против Олинфа; Аминта присоединился к походу, князь Элимиотиды, Дерда, тоже последовал за спартанцами с 400 всадников. Но достигнуть так скоро цели было нелегко; Дерда был взят в плен. И когда наконец (380 г.) Олинф был сломлен, поднялись Фивы, затем последовали вторжения Спарты при Накосе и при Левктрах; Олинф возобновил халкидский союз; Ясон Ферский соединил в одно силы Фессалии и принудил вступить в союз с собой Алкета Эпирского и Аминта III, но был убит накануне великих успехов (370 г.). Слабый Аминта не мог бы защититься от его господства. Он умер немного спустя; ему наследовал старший из его трех сыновей, Александр II; его мать, элимиотянка, быстро покончила с ним. Она уже давно находилась в тайной связи с мужем своей дочери, Птолемеем, происходившим из неизвестного рода; пока Александр, призванный на помощь фессалийцами, удачно воевал, она уговорила любовника поднять против него оружие; Птолемей одержал победу над поспешившим возвратиться царем; тогда

не замедлили вмешаться Фивы; необходимо было ослабить Македонию, прежде чем она достигнет дальнейших успехов в Фессалии; Пелопид устроил соглашение, по которому Александр давал в заложники тридцать знатных мальчиков, а Птолемей, как кажется, получил удельное княжество с городом Олором (по имени его он называется). Соглашение это как будто было создано для того, чтобы тем вернее погубить царя; он был убит на празднике во время пляски: мать отдала убийце свою руку и престол под именем опеки над своими младшими сыновьями Пердиккой и Филиппом (368–365 гг.). Против него поднялся прибывший по призыву многих мекедонян из Халкидики Павсаний — он носит титул «члена царского дома»; от какой линии его он происходит, определить теперь нельзя. Он сделал быстрые успехи³⁴; Евридика с двумя своими детьми бежала к Ификрату, стоявшему недалеко с афинским войском, и он подавил восстание. Но это не утвердило положения Птолемея; убиение Александра было нарушением договора с Фивами; друзья убитого обратились к Пелопиду, стоявшему с войском в Фивах; он явился с быстро на вербованным войском; но золото Птолемея рассеяло его; Пелопид ограничился тем, что заключил с ним новый договор; в залог своей верности Птолемей дал 50 гетайров и своего сына Филоксена; может быть, при этом случае попал в Фивы и Филипп.

Впрочем, Пердикка III отомстил узурпатору за смерть своего брата смертью. Чтобы освободиться от влияния Фив, он примкнул к Афинам и со славой бился рядом с Тимофеем против олинфян. Но затем, вероятно, призванные линкестийцами, в его пределы вторглись иллирийцы; он сначала успешно отражал их, но затем пал в одном большом сражении, и 4000 человек пали с ним; страна далеко вглубь была опустошена иллирийцами, а с севера в нее ворвались пеоны.

Таково было положение дел, когда в 359 году вступил на престол Филипп, сперва вместо малолетнего сына Пердикки Аминты. Он — вероятно со смертью Птолемея — уже возвратился на родину; по соглашению, вступить в которое Пердикке посоветовал Платон, ему было дано удельное княжество; войска, которые он там держал³⁵, дали ему первую точку опоры. Опасность была велика; страна была занята иллирийцами и пеонами; явились старшие претенденты Аргей и Павсаний, поддерживаемые Афинами и фракийскими князьями; три незаконных сына его отца требовали престола. Поддерживаемый пошедшей навстречу его желаниям страной, Филипп преодолел первые затруднения; его осторожность, ум и решительность спасли царство от иллирийцев, фракийцев и пеонов, престол — от претендентов, а царский дом — от новых интриг и смут. И когда афиняне, ценою признания их притязаний на Амфиполь имевшие глупость отказаться от общего дела борьбы против него, были обеспокоены его успехами и, чтобы сломить силу Маке-



дони единовременным вторжением варваров с трех сторон, заключили оборонительный и наступательный союз с иллирийцем Грабом, пеоном Липпеем и фракийцем Кетрипорисом и его братьями, — Амфиполь был уже взят и граждане перешли на сторону Филиппа; он быстро появился на границах, и далеко еще не готовые к войне варвары должны были поспешно покориться³⁶.

К 356 году границы были вполне обеспечены от варваров. Скоро исчезли и партии при дворе; принадлежавшие к партии линкестийцев Птолемей и Евридика умерли; один из сыновей Аэропа, Александр, был позднее куплен браком с дочерью верного Антипатра; двое других, Геромен и Аррабей, другими милостями, а сыновья Аррабея Неоптолем и Аминта воспитывались при дворе³⁷. Об обоих претендентах, Аргее и Павсаний, историческое предание молчит. Наконец законного наследника, сына Пердикки Аминту, именем которого сначала правил Филипп, он, когда тот вырос, связал браком со своей дочерью Кинаной³⁸.

Таким образом Македония была в руках монарха, который сумел методически и умно развить силы своего государства, воспользоваться ими и увеличить их до такой степени, что они наконец были достойны великой идеи вступить во главе греческого мира в борьбу с Персией. В историческом предании, как оно до нас дошло, изумительные успехи царя заставили забыть составлявшие это могущество элементы, благодаря которым они были достигнуты; и между тем как это предание наблюдает за каждым хитрым движением руки, захватывавшей одно за другим государства Греции, относительно тела, к которому принадлежит эта рука и которому она обязана своею силою и уверенностью своих движений, оно оставляет нас почти в совершенной темноте; соблазнительное золото, которое часто показывает, а в нужную минуту и раздает эта рука, является почти единственным существенным средством, с помощью которого действовал Филипп.

Если мы ближе рассмотрим во внутреннюю жизнь его государства, то мы ясно различим два рычага, которые, хотя существовали еще и ранее, но только Филиппом были развиты во всем их значении и сделались основой его могущества.

«Когда мой отец вступил на престол», говорит у Арриана Александр взбунтовавшимся в 324 году в Опиде македонянам, «вы были кочевниками, нищими, одетыми в шкуры, вы пасли на горах овец и едва могли отбивать их от соседних иллирийцев, фракийцев и трибаллов; он дал вам хламиду солдата, свел вас в равнину и научил быть равными в бою с соседними варварами». Конечно, уже ранее в случае войны в поле выходил всякий способный носить оружие македонянин, чтобы по окончании войны снова возвратиться к своему плугу или очагу. Опасное положение, при котором вступил на престол Филипп, войны, которыми он особенно в первые годы своего царствования должен был защищать свою

угрожаемую отовсюду страну, подали ему повод снова взяться за дальнейшее продолжение дела, начатого уже царем Архелаем и снова уничтоженного последовавшими за его царствованием внутренними смутами³⁹. Опираясь на обязательность военной службы, он создал национальное войско, которое, возрастая все более и более, наконец насчитывало в себе 40 000 человек⁴⁰.

Он сумел не только сформировать его, но и дать ему нужную дисциплину и военную выправку. Нам сообщают, что в пехоте он уничтожил ненужный обоз и телеги с поклажей, всадникам дозволил иметь только по одному конюху, и что часто, даже в летнюю жару, он заставлял их маршировать и делать нередко переходы в 6–7 миль с полным багажом и провиантом на несколько дней. Дисциплина в войске была так строга, что в войне 338 года два высших офицера были разжалованы за то, что привезли с собой в лагерь одну арфистку⁴¹. С самой службой развилась строгая иерархия начальников и подчиненных и лестница чинов, подниматься по которой дозволяли только заслуги и признанная храбрость.

Благие последствия такой военной организации не замедлили сказаться. Ее результатом было то, что различные местности царства привыкли чувствовать себя одним целым, а македоняне одним народом; она сделала возможным то, что новоприобретенные области срослись с древней Македонией. Но главным образом вместе с этим единством и с этим типом милитаризма, сделавшимся отныне преобладающим, она дала македонскому народу гордое сознание своей военной силы и нравственную мощь подчиняться установленному порядку и иерархии, главой которых был сам царь. А ему, в свою очередь, земледельческое население страны давало гибкий и прочный материал для его целей, а знать гетайров — элементы для контингента офицеров, исполненных чувства чести и желания отличиться⁴². Такое войско должно было стоять выше полчищ наемников или даже обычного контингента граждан греческих государств; такой крепкий и свежий народ не мог не превзойти пресыщенного демократической цивилизацией и возбужденного или притупленного городской жизнью грека. Милость случая сохранила в этой македонской стране старинную силу и характер до тех пор, пока ему не выпало на долю показать себя на великих задачах; в борьбе между царями и аристократией она даровала здесь победу не надменной аристократии, как несколько веков тому назад в Греции, но царской власти. И эта царская власть у свободного и крепкого народа пахарей, эта военная монархия придала теперь македонскому народу силу, форму и движение, необходимость которых хотя и признавали даже демократии Греции, но сохранить и развить которые в прочную организацию у них недоставало необходимых сил.

Напротив, образованность, лучший плод греческой жизни, должна была вполне и совершенно проникнуть в жизнь македонского



народа и начатое уже прежними царями дело должно было продолжаться. Пример царя и его двора играл здесь крайне важную роль, и знатный элемент страны скоро занял столь же естественное, как и влиятельное положение, сделавшись образованною частью нации; такое различие не могло развиваться ни в одном из главных государств Греции: спартанцы все были грубы и отличались от илотов и периеков своей страны только тем, что были их господами; свободные афиняне, по крайней мере, сами все без исключения считали себя крайне образованными, а в других местах существование аристократии хотя и прекратилось с введением демократии, но возникновение различия между бедным и богатым повлекло за собою тем более неизбежный упадок уровня умственной жизни.

Филипп жил в Фивах во время Эпаминонда; на его судьбу рано приобрел влияние Эврей из Орея, один из учеников Платона; самого Филиппа Исократ называет другом литературы и образования, а приглашение Аристотеля в учителя к сыну подтверждает это. Чтение всевозможных лекций, которое он, по-видимому, ввел и которое прежде всего предназначалось для окружавших его пажей, имело своей целью заботу об образовании молодого поколения знати, которое он по мере возможности старался привлекать к своему двору, привязывать к своей личности и приучать к непосредственному служению царскому дому. Как пажи и в более зрелой молодости в рядах гетайров как телохранители (*σωματοφύλακες*) царя, как командиры отдельных частей войска при посольствах к греческим государствам, где они так часто являются, знать имела достаточно случаев отличиться или получить награду за оказанные услуги; но везде чувствовался недостаток образованности и аттических манер, каких желал царь и какими он сам обладал. Самый ожесточенный противник его должен был признаться, что Афины не могут указать на подобного ему в светском изяществе; и если обыкновенно при его дворе соответственно грубости македонского характера происходили пиры, шум и пьянство⁴³, «как у кентавров или лестригонов», по презрительному выражению Феопомпа, то придворные празднества, прием иностранных послов и празднование великих игр были тем блестящее в эллинском духе и вкусе, все было роскошно и устроено на широкую ногу, а не жалко и скудно. Имения царского дома, поземельные подати страны, пошлины с пристаней, рудники Пангеона, приносившие ежегодно 1000 талантов дохода, и главным образом введенные Филиппом в управление порядок и экономия⁴⁴ придали такой блеск его царствованию, как это было только один раз в Греции, — в Афинах, в век Перикла.

Двор Пеллы с его роскошью, военным блеском и собиравшейся при нем знатью мог производить импонирующее впечатление даже на афинских послов. Многие из этих знатных родов, как мы уже заметили, были княжеского происхождения; таков был линкестийский род Бакхиадов; таков был род Полисперхонта, кня-

живший в тимфейской земле⁴⁵; таков род Оронта, которому, по-видимому, принадлежала область Орестиды⁴⁶; старший сын Оронта Пердикка получил командование над фалангой Орестиды, как кажется, той самой, которая, когда он сам сделался гиппархом, перешла к его брату Алкету. Самым знатным из этих княжеских родов, боковой линией царского дома, был род Элимиотиды, происходивший от вышеупомянутого князя Дерды, жившего во время пелопоннесской войны⁴⁷; около 380 года этой землей владел другой Дерда и ходил тогда против Олинфа в союзе с Аминтой Македонским и спартанцами; но, как мы уже сказали, он был взят в плен олинфянами⁴⁸. Целью Филиппа, когда он женился на его сестре Филе, было желание крепче привязать его этим к себе или загладить какую-нибудь ссору. Братья Дерды, Махата и Арпал⁴⁹, упоминаются в числе окружавших царя лиц. Во всяком случае в отношениях между Филиппом и этим семейством оставалась натянутость, которая не всегда достаточно искусно скрывалась и которую, быть может, царь намеренно поддерживал для того, чтобы сомнительною милостью держать их на некотором отдалении и под постоянным страхом; в одном процессе, где судьей был царь, Махата едва мог добиться справедливого приговора, и одним несправедливым поступком, в котором провинился кто-то из родственников этого дома, Филипп не преминул воспользоваться для того, чтобы публично оскорбить всю фамилию; просьбы за виновного, с которыми обратился к царю Арпал, брат Махаты, были резко отвергнуты⁵⁰.

Из множества находившихся при дворе Пеллы знатных родов, особенного упоминения по своей важности заслуживают два рода: Иоллы и Филоты. Сыном Филота был тот верный и благородный Парменион, которому Филипп не раз вверял начальство над важнейшими экспедициями; ему он был обязан победой 356 года над дарданцами, ему он приказал в 343 году занять Эвбею; братья Пармениона, Асандр и Агафон, а еще более его сыновья, Филот, Никанор и Гектор, принимали впоследствии значительное участие в славных подвигах отца; его дочери вышли замуж за знатнейших сынов государства: одна за фалангарха Койрана, другая за Аттала, чья племянница была впоследствии супругой царя. Не менее влиятельное и почетное положение занимал сын Иоллы, Антипатр, или, как называли его македоняне, Антипа; это видно уже из слов царя: «Я спал спокойно, потому что Антипа бодрствовал»⁵¹, его испытанная верность и трезвая проницательность, которую он проявлял в военных и политических делах⁵², делали его вполне пригодным для высокого звания наместника царства, которое он скоро должен был занять; женитьба на его дочери казалась царю вернейшим средством привязать к себе знатный род линкестийцев; его сыновья Кассандр, Архий и Иолла приобрели значение лишь впоследствии.

Таков был двор и нация в том виде, какой им придал Филипп; мы должны прибавить, что монархический элемент в государственной жизни Македонии не мог не приобрести решительного перевеса, как благодаря историческому положению этого государства, так и благодаря личной энергии Филиппа. Характер и образ действий царя становятся понятными только в общей связи целого. Стоя в центре противоречий и противоположностей и самого разнообразного характера, грек относительно своего народа, македонянин для греков, он превосходил первых греческою хитростью и коварством, вторых македонскою грубостью и энергией, а тех и других ясным пониманием своих целей, строгой логикой в проведении своих планов и быстротою и тайною исполнения. Он умел всегда оставаться загадкой для своих противников, являться им всегда иначе, не с той стороны и не в том направлении, как они ожидали. Склонный от природы и сладострастию и наслаждению, он был также несдержан, как и непостоянен в своих привязанностях; часто он, по-видимому, находился вполне во власти своих страстей, а между тем во всяком данном случае он был их полным господином, трезвым и холодным, как этого требовали его цели; и можно сомневаться, где более проявлялась его истинная натура: в добродетелях ли, или в его ошибках. В нем, как в одной картине, отражаются образованность его века, его лоск, ум, фривольность и его смесь великих идей и утонченной изворотливости.

Решительной его противоположностью была его супруга Олимпиада, дочь эпирского царя Неоптолема, происходившего из рода Ахилла; Филипп в свои молодые годы познакомился с ней при праздновании мистерий в Самофракии и женился на ней с согласия ее опекуна и дяди, Ариббы⁵³. Прекрасная собой, несообщительная, полная внутреннего огня, она была горячо предана таинственному служению Орфея и Вакха и темному волшебству фракийских женщин; во время ночных оргий, гласит предание, она впереди всех носилась по горам в диком исступлении, потрясая фирсом и змеей; в ее снах повторялись те же фантастические картины, которыми был полон ее ум; за день до свадьбы, гласит предание, она видела во сне, что вокруг нее шумит грозная буря, что яркая молния ударила в ее чрево, что затем из него блеснул яркий огонь, пожирающее пламя которого широко распространилось и затем исчезло⁵⁴.

Когда предание говорит нам, что в ночь, когда родился Александр, кроме многих других знамений сгорел в Эфесе храм Артемиды, который с Мегабизом, стоявшим во главе своих евнухов и иеродулов, был для эллинов настоящим восточным святилищем, что затем весть о рождении сына царь Филипп получил одновременно с известием о трех победах⁵⁵, то в форме сказки она выражает общий смысл богатой подвигами жизни героя и идею великой связи между событиями лучше, чем это часто тщетно старалась указать наука, а еще чаще преувеличивала.

Говоря о царе Филиппе, Феопомп говорит⁵⁶: «Никогда, принимая все во внимание, Европа не носила такого человека, как сын Аминты». Но чтобы завершить дело, в котором он видел цель своей жизни, ему, упорному, расчетливому, работавшему не покладая рук, недоставало последнего — нечто, которого ему не было дано судьбою. Он мог ухватиться за эту мысль, как за средство объединить Грецию и обратить взоры своих македонян к высшей цели; эта мысль была внушена ему образованностью и историей Греции; к этой мысли вынудило его то трудное положение вещей, в котором ему так долго и так тяжело приходилось бороться, а к ее осуществлению не необходимость и не неудержимая увлекательность этой мысли; видя его медлящим среди постоянно новых приготовлений и уклоняющимся в сторону, можно было бы усомниться в его вере в нее; конечно, эти приготовления были необходимы; но, нагромождая Оссу на Пелион, вы все-таки не достигаете Олимпа богов. Да, он видел по ту сторону моря страну побед и будущности Македонии; но затем его взгляд затмился; и его планы заволоклись воздушными образами его желаний. То же искание великого дела сообщилось от него его окружающим, знати и всему народу, оно сделалось постоянно звучащим основным тоном македонской жизни, заманчивой тайной будущего: они воевали с фракийцами и побеждали греков; но целью, для которой они воевали и побеждали, был восток.

В такой среде провел Александр годы своего детства, и уже рано душу мальчика должны были занимать сказания о востоке, о тихой золотой реке и источнике солнца, о золотой виноградной лозе с кистями изумрудного винограда и о лугах Нисы, где родился Дионис; затем он подрос и услышал о победах при Маратоне и Саламине, о священных храмах и гробницах, разрытых и оскверненных персидским царем с его состоявшим из рабов войском, о том, как тогда и его предок, Александр первый, должен был дать персам воду и землю и последовать за ними с войском против эллинов, как теперь Македония пойдет на Азию и отомстит за предков. Когда однажды в Пеллу прибыли послы из персидской столицы, он заботливо расспрашивал их о войсках и народах их царства, о законах и обычаях, об организации и жизни этих народов, и персы удивлялись мальчику⁵⁷.

Не менее важным обстоятельством было и то, что учителем юного царевича был Аристотель, — величайший мыслитель древности (345–344 гг.). Когда у него родился сын, Филипп просил его об этом, и Аристотель будто бы отвечал: «Меня радует не то, что он родился, но то, что он родился в твоё время; выращенный и воспитанный тобой, он будет достоин нас и не посрамит положения, которое впоследствии будет его наследием»⁵⁸. Тот, который завоевал мир для мысли, воспитал того, кто должен был завоевать его мечом; ему подобает слава внушения страстному мальчику

зародышей и шири мысли, мыслей о величии, научивших его презирать наслаждение и бежать от сладострастия⁵⁹, облагородивших его страсти и придавших его силе меру и глубину. Александр всю свою жизнь сохранил самое сердечное уважение к своему учителю; своему отцу он обязан только жизнью, говорил он, своему учителю тем, что он живет достойно.

Среди таких влияний сложился его гений и характер; полный жажды дела и любви к славе, он скорбел о победах своего отца, которые не оставят ему больше никакого дела. Образцом его был Ахилл, происхождением от которого он любил хвалиться и которому ему суждено было уподобиться своей славой и своими страданиями. Как Ахилл любил своего Патрокла, так он любил друга своей юности, Гестифиона; и если он считал своего предка счастливым тем, что Гомер передал потомству память о его делах, то героические сказания восточных и западных народов не уставали украшать имя Александра чудесным ореолом человеческого и сверхчеловеческого величия. Он любил более мать, чем отца; от нее он наследовал энтузиазм и ту глубокую живость чувства⁶⁰, которая отличает его в ряду героев старых и новых времен. Этому соответствовала его внешность: его резкая походка, блестящий взор, откиннутые назад волосы и сила его голоса изобличали в нем героя; когда он спал, он очаровывал кротостью своего лица, нежным румянцем, игравшим на его щеках, взглядом своих влажных глаз и слегка склоненной налево головой. В конных упражнениях он выдавался между всеми; еще мальчиком он укротил дикого фессалийского коня Букефала, на которого никто не решался сесть и который впоследствии во всех его войнах служил ему боевым конем. Первый поход он совершил еще в царствование своего отца; между тем как Филипп осаждал Византий, он покорил медов⁶¹ и основал там город своего имени; еще более прославился он в битве при Херонее, выигранной благодаря его личной храбрости. Год спустя он победил в весьма жарком бою иллирийского князя Плеврия⁶². Отец, по-видимому, без зависти видел в сыне будущего завершителя своих планов; после стольких потрясений, которых стоило стране престолонаследие в царском доме, он будет спокоен за ее будущность, когда рядом с ним стоит наследник, достойный, по-видимому, высших задач, ожидающих будущего царя, которому, как он выражался, «Македония будет мала» и которому «не придется, как ему, раскаиваться во многом, чего уже более не изменить»⁶³.

Но затем начались раздоры между отцом и сыном: Александр видел, что Филипп пренебрегает его матерью и предпочитает ей фессалийских танцовщиц и греческих гетер; затем царь даже избрал себе вторую супругу из знатных дочерей страны, племянницу Аттала, Клеопатру. Свадьба, как рассказывают, праздновалась по македонскому обычаю с блеском и шумом; пили и смеялись; все

уже были возбуждены вином; тогда Аттал, дядя молодой царицы, воскликнул: «Македоняне, просите богов благословить чрево нашей царицы и подарить стране законного наследника престола!». Александр был при этом; в жестоком гневе он крикнул ему: «А меня ты считаешь незаконным, негодяй?» и бросил в него кубком. Царь вскочил в ярости, выхватил висевший у бедра меч и бросился, чтобы пронзить сына; вино, ярость и полученная при Херонее рана сделали его шаги неверными; он закачался и упал на землю. Друзья поспешили удалить Александра из зала; «Смотрите, друзья», сказал он, выходя, «мой отец хочет идти из Европы в Азию, а не может дойти от стола до стола». Вместе со своей матерью он покинул Македонию; она отправилась в Эпир, на свою родину, а он поехал далее к иллирийцам⁶⁴.

Вскоре после этого в Пеллу приехал коринфский друг царя, Демарат; после первого приветствия царь спросил, что делается среди эллинов и живут ли они в мире и согласии? Друг отвечал с благородной откровенностью: «О царь, зачем ты спрашиваешь о мире и согласии в греческих землях, когда свой собственный дом ты наполнил неудовольствием и ненавистью и удалил от себя тех, кому надлежало бы быть тебе всего ближе и милее!» Царь молчал; он знал, как был любим Александр, чем он считался и чем он был; он боялся подать грекам повод к худым толкам и, быть может, к еще худшим планам. Сам Демарат должен был взять на себя посредничество; скоро отец с сыном помирились, и Александр вернулся.

Но Олимпиада не забыла, что она была презрена и оттолкнута; она осталась в Эпире и склоняла своего брата поднять оружие против Филиппа и освободиться от его зависимости⁶⁵. Вероятно, она не переставала предупреждать и раздражать и своего сына. Поводов к неудовольствию было достаточно; Аттал и его друзья везде занимали первое место. Но когда посланным карийского династа Пиксодача, добивавшимся союза с Филиппом и предлагавшим ему породниться домами, был в мужья дочери династа предложен Арридей, сын царя от фессалиянки, Александру оставалось только предположить, что подвергаются опасности его права на престол. Друзья его были того же мнения; они советовали ему решительно и с величайшей поспешностью противодействовать планам царя. Доверенный человек, актер Фессал, был послан сказать карийскому династу, что пусть он не отдает своей дочери слабоумному незаконному сыну, но что Александр, законный сын царя и будущий наследник престола, готов сделаться зятем такого могущественного князя. Филипп узнал об этом деле и до крайности рассердился; в присутствии молодого Филоты, одного из друзей Александра, он упрекнул его в нечестности его недоверия и его скрытности; он недостойн своего высокого рождения, своего счастья, своего призвания, если не стыдится жениться на дочери карийца, на рабыне варварского царя. Друзья, давшие этот совет

Александру, Гарпал, сын Птолемея Лага Непарх, братья Эригий и Лаомедонт, были удалены от двора и из страны; от Коринфа была потребована выдача Фессала⁶⁶.

Так наступил 336 год. Приготовления к войне с персами велись с величайшей энергией, были созваны контингенты союзных государств, в Азию было послано значительное передовое войско под командой Пармениона и Аттала, чтобы занять позиции по ту сторону Геллеспонта, освободить эллинские города⁶⁷ и открыть дорогу большому союзному войску. Весьма странно, что царь разделял таким образом свои силы, тем более странно, что он отправил часть их, которая во всяком случае не могла быть достаточной, прежде, чем вполне обеспечил себя в делах внутренней политики. От него не могли скрыться движения в Эпире; они грозили, по видимому, войной в будущем, которая не только обещала еще более затянуть поход в Персию, но, если бы она окончилась удачно, не принесла бы значительных выгод, а в противном случае разрушила бы одним ударом дело, стоившее стольких усилий и потребовавшее от царя двадцати лет труда. Война должна была быть избегнута; отношения Молосса к Македонии не могли оставаться такими непрочными; он был закуплен предложением, которое было для него почетным и в то же время гарантировало ему его власть. Филипп обручил с ним свою дочь от Олимпиады Клеопатру; свадьба должна была совершиться еще осенью того же года; эту свадьбу царь решил отпраздновать с величайшей пышностью и сделать ее в то же время праздником объединения всех эллинов и общим освящением персидской войны; ведь на его вопрос, победит ли он персидского царя, дельфийский бог отвечал ему: «Видишь, бык увенчан; конец близок; жертвоприноситель готов».

В числе находившихся при дворе знатных юношей был некто Павсаний, отличавшийся своей красотой и пользовавшийся большой любовью царя. Жестоко оскорбленный Атталом на одном пиру, он обратился в величайшем негодовании к царю, который, хотя и отнесся с порицанием к поступку Аттала, но ограничился тем, что постарался смягчить оскорбленного юношу подарками и принял его в число своих телохранителей. После этого царь женился на племяннице Аттала, а Аттал на дочери Пармениона; Павсаний терял всякую надежду отомстить за себя; тем глубже засела в нем досада, жажда мести и ненависть к тому, который лишил его этой надежды. В своей ненависти он был не один; линкестийские братья не забыли, чем были их отец и брат; они вступили в тайные сношения с персидским царем и были тем опаснее, чем менее они этим казались⁶⁸. Незаметно недовольных собиралось все более и более; софист Гермократ разжигал пламя ядом своих искусных речей, он вошел в доверие к Павсанию. «Как можно достигнуть величайшей славы?» спросил юноша. «Убей того, кто совершил величайшее», был ответ софиста⁶⁹.

Наступила осень⁷⁰, а с ней и свадебное празднество; свадьба должна была праздноваться в Эгах, прежней резиденции, с того времени, как расцвела Пелла, оставшихся местом погребения царей; гости стекались со всех сторон: из Греции с большой пышностью прибыли феоры, многие с золотыми венками для Филиппа⁷¹, съехались князья агрианов, пеонов и одрисов, вельможи государства, знатное дворянство страны и несметная масса народа. Среди громких ликований, приветствий и почетных приношений, среди торжественных процессий и пиров проходит первый день; герольды приглашают на следующее утро в театр. Еще не рассвело, а уже пестрая толпа суетливо спешила по улицам к театру; окруженный пажимами и телохранителями, приближается, наконец, в праздничном одеянии царь; он посылает свиту вперед в театр, считая, что не нуждается в ней среди ликующей толпы. Тут на него бросается Павсаний, поражает его кинжалом в грудь и, пока царь падает, кидается к ожидающим его у ворот лошадям; на бегу он спотыкается и падает; Пердикка, Леоннат и другие телохранители нагоняют и закалывают его.

Собрание разбегается в полном замешательстве; все смущены и встревожены. Кому должен принадлежать престол, кто спасет его? Старший из сыновей царя — Александр; но македонян страшит дикая ненависть его матери, к которой, в угоду царю, многие относились с презрением и пренебрежением. Она уже в Эгах, чтобы присутствовать при погребении мужа; она точно предчувствовала, точно заранее знала об ужасном событии; убийство царя называют ее делом, она держала наготове лошадей для убийцы. И Александр тоже знал о предполагавшемся убийстве, — еще лишнее доказательство того, что он не сын Филиппа, а зачат и рожден среди черного колдовства; вот где причина отвращения царя к нему и его дикой матери, вот где причина второго брака к Клеопатрой. Мальчику, которого она только что родила⁷², принадлежит трон; и разве Аттал, ее дядя, не пользовался доверием царя? Он достоин взять на себя регенство. Другие думают, что ближайшее право на престол принадлежит Аминте, сыну Пердикки, который еще ребенком принужден был передать Филиппу бразды правления над окруженным опасностями государством; только превосходные качества Филиппа делают простительной его узурпацию; по нестарящемуся праву Аминта должен получить теперь престол, которого он сделал себя достойным своим долгим отречением⁷³. В свою очередь, линкестийцы и их приверженцы утверждают: если против кровных наследников Филиппа выставляются на вид более старые права, то раньше отца Пердикки и Филиппа царство принадлежало их отцу и брату, и узурпаторы не должны больше похищать его у них; кроме того, Александр и Аминта почти еще мальчики, последний с детства отвык от надежды на трон и лишен необходимой для царя силы, а Александр, находящийся под вли-

янием своей жаждущей мести матери, благодаря своей гордости, своему испорченному воспитанию во вкусе дня, своему презрению к нравам доброй старины еще опаснее для вольностей края, чем был даже его отец Филипп; они же, линкестийцы, напротив, являются друзьями страны и принадлежат к роду, всегда стремившемуся сохранить во всей их неприкосновенности обычаи старины; состарившись среди македонян, близко знакомые с желаниями народа, находясь в дружбе с великим царем в Сузах, они одни только могут защитить страну от его гнева, если он придет требовать удовлетворения за начатую Филиппом безумно смелую войну; к счастью рука их друга вовремя освободила край от царя, который считал ничем право и благо народа, клятвы и добродетель.

Так говорили партии, но народ ненавидел цареубийц и не боялся войны; он забыл сына Клеопатры, так как представитель его партии был далеко; он не знал сына Пердикки, бездействие которого казалось достаточным доказательством его неспособности. На стороне Александра были все права и участие, которое вызывают незаслуженные оскорбления, кроме того слава, которую он стяжал в войнах с медами и иллирийцами и победой при Херонее, и еще более прекрасная слава образованности, приветливости и великодушия; даже во главе государственных дел ему уже приходилось стоять с успехом; ему принадлежали доверие и любовь народа; особенно в войске он мог быть уверен. Линкестиец Александр понял, что ему не остается никакой надежды; он поспешил к сыну Олимпиады и был первым, который приветствовал его царем македонян⁷⁴.

Первым делом Александра было «не простое принятие стоявшего вне сомнений наследия»; он, двадцатилетний юноша, должен был показать, имеет ли он призвание и силу быть царем. Уверенною рукою он взялся за бразды правления, и смятение прекратилось. Он, по македонскому обычаю, призвал войско, чтобы принять от него поздравление: изменилось только имя царя, сказал он ему, но могущество Македонии, порядок вещей и надежды на завоевания остались те же. Он удержал прежнюю обязательность военной службы и освободил тех, которые служили в войске, от всех других повинностей и обязательств⁷⁵. Введенные им частые упражнения и переходы восстановили военный дух войска, расшатавшиеся последними событиями, и вдохнули в него веру в своего царя⁷⁶.

Цареубийство требовало строжайшего наказания; это наказание было в то же время самым верным средством упрочить новое правительство. Обнаружилось, что линкестийские братья были подкуплены боявшимся войны с Филиппом персидским царем и что они в надежде захватить с помощью персов в свои руки престол устроили заговор, которого Павсаний был только слепым орудием; заговорщики были казнены в день похорон, в их числе линкестийцы Аррабей и Геромен; так как брат их Александр покорился, он был помилован; сын Аррабея Неоптолем бежал к персам⁷⁷.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Опасность извне. — Поход 336 года в Грецию. — Возобновление Коринфского союза. — Смерть Аттала. — Северные соседи. — Поход во Фракию, на Дунай и против иллирийцев. — Второй поход в Грецию. — Разрушение Фив. — Вторичное возобновление Коринфского союза

Быстро и твердой рукой взялся Александр за бразды правления и восстановил спокойствие внутри страны. Но из-за границы получались известия крайне тревожного свойства.

В Малой Азии Аттал, рассчитывая на свои войска, которые он сумел расположить к себе, составил план овладеть престолом под предлогом защиты интересов своего двоюродного внука, сына Клеопатры; его войско, а еще более сношения, в которые он вступил с врагами Македонии, делали его очень опасным. Кроме того, в греческих землях началось движение, грозившее всеобщим отпадением. При известии о смерти Филиппа (первое известие получил Демосфен через тайных гонцов стратега Харидема, стоявшего вблизи фракийских берегов¹) афиняне отпраздновали веселый праздник² и издали почетное постановление в память убийцы; эти предложения внес сам Демосфен; говоря в народном собрании, он назвал Александра дурачком³, который не отважится выйти за пределы Македонии, — и употребил все зависящие от него меры, чтобы добиться открытого разрыва с Македонией Афин, Фив, Фессалии и всей Греции, как будто бы клятва, которой эти государства клялись отцу при заключении союзного договора, не имела обязательной силы по отношению к сыну⁴. Он посылал гонцов и письма к Атталу и вел переговоры с Персией о субсидиях для борьбы против Македонии. Афины деятельно готовились к войне и вооружали свой флот; Фивы собирались изгнать из Кадмеи македонский гарнизон; этоляне, бывшие ранее друзьями Македонии, решили вооруженной рукой возвратить обратно прогнанных Филиппом из Акарнании жителей; амбракиоты прогнали македонский гарнизон и ввели у себя демократию; Аргос, элейцы, аркадцы — все были готовы сбросить с себя ярмо Македонии, а Спарта ему никогда не подчинялась⁵.

Тщетно посылал Александр послов, уверявших в его добром расположении к Элладе и в его уважении к существующим воль-

ностям; эллины были опьянены надеждой, что теперь, наконец, возвратилась старая пора славы и свободы; они думали, что победа несомненна; при Херонее, говорили они, все македонское войско под командой Филиппа и Пармениона едва могло победить войска Афин и Фив; теперь все эллины объединены, а против них стоит мальчик, неуверенный даже в своем собственном престоле и который предпочтет быть перипатетиком в Пелле, чем отважится вступить в борьбу с Грецией; его единственный испытанный полководец Парменион находится в Азии и значительная часть войска с ним и его уже теснят персидские сатрапы, другая часть войска, находящаяся под командой Аттала, готова открыто стать на сторону эллинов против Александра; даже фессалийские всадники, даже воинственный народ фракийцев и пеонов освободились из-под власти Македонии, да ей прегражден и свободный доступ в Грецию, так как Александр вряд ли решится оставить свое царство на жертву набегам северных соседей и нападениям Аттала. Действительно, народы на севере и востоке грозили выйти из-под зависимости Македонии, или же при первом поводе сделать разбойничий набег на границы государства.

Положение Александра было затруднительно и требовало быстрых мер. Его друзья (возвратились даже недавно изгнанные) заклинали его уступить, пока еще не все потеряно, примириться с Атталом и привлечь на свою сторону посланное в Азию войско, предоставить грекам действовать, пока не пройдет их первый порыв, склонить на свою сторону подарками фракийцев, гетов и иллирийцев и обезоружить милостями мятежные элементы. Таким путем, конечно, Александр мог бы весьма прочно утвердиться в Македонии и мирно править своим государством; вероятно, постепенно он мог бы приобрести то же влияние над Элладой и ту же власть над живущими кругом варварами, которые имел его отец, а в конце концов мог бы даже и думать о походе в Азию, как о нем думал его отец в течение всей своей жизни. Но не такой человек был Александр; принятое им решение показывает его нам во всей мощи и смелости его ума. «Его гений влек его», как это было сказано об одном из героев позднейших времен.

Совокупность угрожавших ему опасностей разделялась на три категории: север, Азия и Эллада. Если он двинется против народов севера, тогда Аттал будет иметь время усилить свое войско, а, может быть, даже и переправиться из Азии в Европу; союз греческих городов окрепнет, и он будет принужден карать вооруженной силой как измену и открытое возмущение государств то, что теперь он может еще карать как дело партии и как внушения неверных и подкупленных персидским золотом демагогов. Если он двинется против Эллады, то даже небольшое войско будет в состоянии преградить ему путь через проходы и надолго задержать его, тогда как Аттал будет иметь возможность беспрепятственно

оперировать у него в тылу и соединиться с возмущившимися фракийцами. Но рискованнее всего было бы двинуться против самого Аттала; государства Греции были бы на слишком долгое время предоставлены самим себе, македонянам пришлось бы вести междоусобную войну против македонян, в которой последнее слово принадлежало бы, может быть, персидским сатрапам; наконец, Аттал, на которого царь должен был смотреть только как на изменника, был бы признан силой, борьба с которой унизила бы царя в глазах эллинов и варваров. Но если бы суметь поразить его, то цепь была бы порвана и остальное пришло бы само собою.

Аттал, как виновный в государственной измене, был приговорен к смерти; один из «друзей»⁶, Гекатей из Кардии, получил приказ переправиться во главе корпуса в Азию, соединиться с войсками Пармениона и доставить Аттала в Македонию живым или мертвым. Так как со стороны неприятелей на севере в самом худшем случае можно было опасаться только опустошительных набегов, и их легко покорить при походе впоследствии, то царь решил вторгнуться с войском в Элладу прежде, чем там будут в состоянии выставить против него значительные боевые силы.

Около этого времени в Пеллу явились гонцы Аттала, называвшие клеветою распространившиеся насчет его слухи, в красивых выражениях уверявшие в его преданности и в доказательство его искренности вручившие в руки царя письма, которые он получил от Демосфена относительно готовившихся в Элладе вооружений⁷. Царь, который из этих документов и из попытки Аттала к сближению мог заключить, что сопротивление, которое его ожидает в Элладе, не будет велико, не взял назад своего приказания; на верность своему долгу старого Пармениона он мог положиться, хотя Аттал и приходился ему зятем.

Сам он двинулся в Фессалию и направился вдоль берега моря к проходам Пенея; главный проход Темпе и боковой проход Каллипевку он нашел занятыми сильным отрядом. Взять их открытой силой было нелегко, а между тем всякое промедление было опасно; тогда Александр создал себе новый путь. К югу от главного прохода высятся скалистые массы Оссы, поднимаясь не так круто со стороны моря, как со стороны Пенея; к этому менее крутому месту Александр повел свое войско, приказал, где это было необходимо, вырубить в камнях ступени и, перейдя таким образом горы, спустился в равнину Фессалии⁸ в тыл фессалийского пикета. Не пролив ни капли крови, он овладел страной, которую он желал не покорить, но склонить на свою сторону, чтобы обеспечить себе при войне с Персией содействие превосходной фессалийской конницы. Он пригласил собратся всю знать Фессалии; он напомнил им об их общем с македонянами происхождении от рода Ахилла, о благодеяниях своего отца, освободившего страну от ига кровожадного ферского тирана и восстановлением искон-

ных тетрахий Алефа, освободившего ее навсегда от восстаний и тирании⁹; он требовал только тех привилегий, которые они добровольно даровали его отцу, и признания за ним предоставленной тому эллинским союзом гегемонии над Элладой¹⁰; подобно своему отцу, он обещал хранить и защищать права и вольности отдельных фамилий и местностей, дать при войне с Персией их всадникам полное участие в военной добыче, а Фтию, родину их общего предка Ахилла, почтить освобождением от податей¹¹. Фессалийцы поспешили принять такие милостивые и почетные условия, решили общим постановлением утвердить за Александром принадлежавшие его отцу права и, наконец, в случае нужды двинуться вместе с Александром в Элладу для подавления беспорядков¹². Подобными же льготами он, кроме фессалийцев, склонил на свою сторону и соседних с ними¹³ энианов, малиев и долопов — племена, из которых каждое имело по голосу в совете амфикионов и переход которых на его сторону открывал ему путь через Фермопилы.

Благодаря быстроте, с которой была занята и успокоена Фессалия, греческие государства не имели времени занять важнейшие проходы горы Эты. В планы Александра не входило прибегать к насильственным мероприятиям, придавая таким образом важность и значение движению, которое, насколько это было возможно, должно было выставить безумным делом одной партии. Испуганная близостью македонского войска, Эллада поспешила надеть на себя маску глубокого мира. Так как благодаря этому прежний порядок вещей, установленный Филиппом, остался без перемен, Александр созвал¹⁴ амфикионов в Фермопилы и потребовал от них признания за ним гегемонии, которая и была ему дарована общим постановлением.

Хотя фессалийцы и амфикионы признали гегемонию Александра, но ни Фивы, ни Афины, ни Спарта не прислали послов в Фермопилы. Быть может, Фивы теперь только и поднялись; они могли рассчитывать на сочувствие многих городов, а может быть, и на их помощь. Конечно, готовы к войне они не были; Спарта не могла оправиться с того времени, как Эпаминонд стоял лагерем на реке Эвроте; в Кадмее, в Халкиде, на Эвбее, в Акрокоринфе¹⁵, стояли еще македонские гарнизоны; в Афинах, как всегда, много говорили и мало делали; даже тогда, когда пришло известие, что царь уже находится в Фессалии, что он, соединившись с фессалийцами, вторгнется в Элладу и что он весьма гневно отзывался об ослеплении афинян, приготовления велись по-прежнему вяло¹⁶, хотя Демосфен и не переставал проповедовать войну. Быстрое наступление македонского войска могло спасти Элладу от большого насилия.

Александр спустился из Фермопил в Потийскую равнину и стал лагерем вблизи Кадмеи; о сопротивлении фивян не было и

речи. Когда в Афинах узнали, что Фивы уже находятся в руках Александра и что теперь двухдневного перехода достаточно, чтобы привести неприятеля к стенам города, то даже самые ярые борники свободы пали духом; было решено наскоро привести стены в оборонительное состояние, очистить равнину и свезти все движимое имущество в Афины, «так что город, служивший предметом удивления и борьбы, как скотный двор наполнился овцами и рогатым скотом»¹⁷; в то же время было решено послать навстречу царю послов, которые должны были постараться смягчить его и просить прощения в том, что афиняне не сразу признали его гегемонию; таким образом, думали они, быть может еще удастся спасти обладание Оропом, который они два года тому назад получили из рук Филиппа¹⁸. Демосфен, бывший одним из послов, с Киферона вернулся обратно, или помня о своем письме к Атталу, или чтобы не быть вынужденным открыть своих сношений с Персией¹⁹; он предоставил другим послам передать просьбы афинского демоса. Александр милостиво принял их²⁰, простил все случившееся, возобновил заключенные ранее с его отцом договоры и потребовал только, чтобы для дальнейших переговоров Афины послали уполномоченных в Коринф. Демос счел своей обязанностью постановить в честь молодого царя еще большие почести, чем два года тому назад в честь его отца²¹.

Александр двинулся далее к Коринфу, куда были приглашены уполномоченные союзных государств²². Была приглашена и Спарта; это доказывается упоминаниями о заявлении спартанцев, что у них не в обычае следовать за другими, но самим предводительствовать²³. Александр без труда мог бы принудить их покориться, но это было бы и не умно, и не стоило бы труда; он хотел только возможно скорейшего успокоения Греции и признания гегемонии Македонии в войне против персов. В этом смысле была возобновлена и скреплена клятвой формула союза, и Александр был провозглашен полновластным стратегом эллинов.

Александр достиг того, чего желал. Было бы интересно знать господствовавшее относительно него настроение умов в греческих землях; вероятно, оно не было ни таким возмущенным, ни таким лицемерным, как в этом желает нас убедить ожесточенное служение делу свободы аттических ораторов или аффектированная тиранофобия греческих моралистов времен римской империи. Другую сторону медали показывает нам тот факт, что из Эфеса прибыл к Александру ученик Платона Делий, посланный эллинами Азии, и «более всех убеждал и разжигал его» начать войну против персов²⁴. Из числа его ближайших друзей Эригий и Лаомедонт были переселившимися в Амфиполь уроженцами Лесбоса, которым было достаточно известно несчастное положение их управляемой друзьями персов родины, — грустный комментарий к автономии, которую персидский царь даро-

вал по Анталкидову миру островам от Родоса до Тенедоса; греческий элемент был там осужден на несомненную гибель, если бы Александр не пришел и не победил²⁵. В самой Элладе только Фивы, сами виновные в этом, могли жаловаться на погибель своей автономии; в Афинах настроение легкомысленнейшей черни, которая когда-либо господствовала, было постоянно в зависимости от последних впечатлений и ближайших надежд; а ворчливое недовольство Спарты свидетельствует о большей последовательности и слабости, чем силе, и более о капризе, чем об истинном чувстве собственного достоинства. Мы можем предположить, что более благоразумная часть греческого народа сочувствовала великому национальному делу, на пороге к которому они находились, и юному герою, явившемуся, чтобы осуществить его; проведенные Александром в Коринфе дни, по-видимому, служили тому доказательством.

Со всех сторон собрались туда художники, философы и политические деятели, чтобы посмотреть на царственного юношу, питомца Аристотеля; все теснились около него и ловили каждый его взгляд и каждое слово. Только Диоген Синопский спокойно оставался в своей бочке на палестре в предместьи города. Александр отправился к нему сам; он нашел его лежащим перед своей бочкой и греющимся на солнце, поздоровался с ним и спросил, не имеет ли он какого-нибудь желания; «Не затмевай мне солнца», был ответ философа. На это царь сказал своей свите: «Клянусь Зевсом, если б я не был Александром, я желал бы быть Диогеном»²⁶. Быть может, это только один из бесчисленных анекдотов, рассказывавшихся об этом чуде.

К началу зимы Александр возвратился в Македонию, чтобы подготовиться к откладывавшемуся до сих пор походу против пограничных варварских народов. Аттал был уже устранен с дороги; Гекатей соединился с Парменионом и, не считая себя достаточно сильными для того, чтобы арестовать Аттала среди войска, которое он сумел расположить к себе, они приказали умертвить его согласно полученному ими приказу²⁷; отложившиеся войска, частью македоняне, частью греческие наемники²⁸, снова возвратились к исполнению своего долга.

Таково было положение дел в Азии; в самой Македонии Олимпиада воспользовалась отсутствием своего сына, чтобы со сладострастием упиться местью до последней капли. Если убийство царя и не было ее делом, то, бесспорно, оно было ее желанием; но те, благодаря которым ей и ее сыну пришлось вынести столько унижений, были еще живы; молодая вдова Клеопатра и ее младенец тоже должны были умереть. Олимпиада приказала умертвить дитя на груди матери и принудила мать задушить себя своим собственным поясом²⁹. Рассказывают, что Александр рассердился за это на свою мать; более чем сердиться сын не мог. Но противники все

еще не падали духом; открывались все новые и новые заговоры; в одном из планов на убийство Александра, как открылось, принимал участие Аминта, сын царя Пердикки, которому Филипп отдал руку своей дочери Кинаны; он был казнен³⁰.

Между тем посланный вперед корпус распространился вдоль берега к югу и к востоку; левый фланг его опирался на вольный город Кизик на Пропонтиде, а на правом Парменион занял Гриней, лежавший к югу от Каика. В Эфесе, весьма важном опорном пункте для дальнейшего наступления Пармениона, уже поднялся демос и изгнал державшую руку персов олигархию³¹. Не подлежит сомнению, что демос, теснимый или тиранами, как в городах острова Лесбос, или олигархами, как на Хиосе и Косе, и держимый ими в повиновении персам, повсюду с возрастающим возбуждением смотрел на успехи македонского оружия. Если посылка вперед этого корпуса и была ошибкой и помехой для первых действий Александра, то теперь этот корпус и созданное им возбуждение умов могли служить прикрытием в тылу, по крайней мере, при фракийском походе; занятые им позиции и крейсировавший в Геллеспонте македонский флот делали невозможной всякую попытку персов переправиться во Фракию.

А между тем ощущалась настоятельная необходимость дать почувствовать фракийцам, гетам, трибаллам и иллирийцам превосходство македонского оружия, чтобы установить с ними сносные отношения, прежде чем приступить к великому походу в Азию. Эти народы, окружавшие Македонию с трех сторон, были во время Филиппа сделаны отчасти подданными, отчасти обязанными данью союзниками македонского царства, или же, как иллирийские племена, путем неоднократно наносимых им поражений, были остановлены в своих разбойнических набегах³². Теперь, по смерти Филиппа, эти варвары думали, что наступило время освободиться от тягостной зависимости и по-прежнему вольно кочевать и разбойничать со своими главарями, как это делали их отцы.

Таким образом теперь поднялись иллирийцы с князем их Клитом³³ во главе, отец которого Бардилей, бывший сначала угольщиком, а потом царем, соединил отдельные волости для общих разбойничьих набегов и в тяжелое время Аминты и алорита Птолемея занял даже пограничные области Македонии, пока наконец Филипп после тяжелой борьбы не отбросил его за Лихнитское озеро. Теперь Клит замыслил захватить в свои руки хоть проходы к югу от него. Жившие рядом и позади них вплоть до берега моря у Аполлонии и Диррахия тавлантины со своим князем Главкием во главе вооружались, чтобы воевать заодно с ними. Автариаты, два поколения тому назад поселившиеся в долинах Бронга и Ангра, сербской и болгарской Моравы, охваченные общим движением своих иллирийских сородичей и жаждою добычи³⁴, точно так же готовились вторгнуться в пределы Македонии.

Еще более опасным казалось многочисленное, враждебное македонянам фракийское племя трибаллов³⁵, жившее теперь к северу от горы Гема и вниз по Дунаю. Один раз уже, около 370 года, когда автариаты вытеснили их из их области на Мораве, они положили себе путь через горы до Абдеры и затем обремененные добычей возвратились к Дунаю, где они прогнали гетов с места их жительства. Изгнанные геты удалились на обширные равнины по левому берегу Дуная, которые, равно как и болотистые леса устьев Дуная и степь Добруджи, принадлежали скифам, которыми правил тогда престарелый царь Атей; они привели его в такое стесненное положение³⁶, что престарелый царь обратился, наконец, через посредство своих греческих друзей в Аполлонию с просьбой о помощи к Филиппу; но, прежде чем явилась эта помощь, он заключил с гетами мир и обратил свое оружие против того, кого сам призвал на помощь; он заплатил за это вероломство тяжелым поражением (339 г.). Но на возвращавшегося с богатой добычей домой Филиппа (он избрал себе путь через землю трибаллов) напали те, которых он уже устрасил, как он думал, отняли у него часть добычи, а полученная им при этом рана вынудила его возвратиться домой, без отместки; следующей осенью амфикионийская война призвала его в Элладу, затем он был принужден заняться борьбой с Фивами, устройством Коринфского союза и, наконец, войной с иллирийцем Плеврием; смерть застигла его прежде, чем он мог обратиться против трибаллов. Неужели же вступление на престол юного царя и слишком хорошо известные раздоры при дворе в Пелле не были также соблазнительны для трибаллов, как и для иллирийцев?

Если они поднимутся теперь, то живущие бок о бок с ними у Гема фракийские племена, «страшные как разбойники даже для разбойников» меды, бессы и корниллы, не воспротивятся их вторжению, а соединятся с ними и сделают опасность только вдвое большей; жившие к югу от них в Родопе до долины Нессы так называемые вольные фракийцы, несомненно, как это было и ранее при походе против Абдеры, будут заодно с трибаллами. А в примыкавших к Македонии с севера полупокоренных областях, и именно в лежавшем между Стримоном и верхним течением Аксия и все еще могущественном княжестве пеонов³⁷ македонский царь отнюдь не мог быть безусловно уверен, хотя в настоящую минуту они еще были спокойны. Не менее ненадежными казались жившие в бассейне Гебра и простиравшиеся к югу до Пропонтиды, а к востоку до Понта, фракийцы, распадавшиеся некогда на множество маленьких княжеств, но вместе представлявшие собою значительную силу, пока в династии одрисских царей (они все происходили от этого царского дома Тира, жившего во время Перикла, одрисского царя) они имели нечто вроде объединяющего начала; после долгой и тяжелой борьбы царь Филипп уничтожил

их единство и заставил их признать его власть³⁸; требование Афинами от Филиппа восстановления в их правах Керсobleпта и старого Тира повело за собою тяжелую войну 340 года. Возможно, что после победы при Херонее Филипп упорядочил и свои отношения к Фракии; не подлежит никакому сомнению, что некоторые из этих князей сохранили за собою отцовское наследие³⁹, но в зависимости от Македонии. Чувствовать над собою эту зависимость им было весьма тяжело, тяжело тем более, что македонские поселения по Гебру, а может быть, и бывший наместником над ними македонский стратег принуждали их оставаться спокойными⁴⁰.

Хотя эти народы и не воспользовались наступившими после убийства Филиппа неурядицами для открытых неприязненных действий и не находились в сношениях с заговорщиками, с Атталом и с афинянами, но боязнь, возбуждаемая ими в совете Александра, была так велика, что все считали более благоразумным идти на уступки и, если бы даже они отложились, отнестись к ним мягко, чем сурово требовать от них покорности и уважения к существующим договорам. Но Александр понимал, что уступчивость и полумеры заставили бы Македонию, непобедимую, когда она нападала, стать в унижительное оборонительное положение, что они придали бы только большую смелость диким и жаждущим добычи варварам и сделали бы невозможной войну с Персией, так как нельзя было ни оставить границ открытыми для их нападений, ни отказаться от их помощи в качестве легкой пехоты при войне с Персией.

Теперь опасности в Греции были счастливо устранены и наступило такое время года, когда можно было рассчитывать перейти через горы без особенных затруднений⁴¹. Так как из указанных народов те, которые принадлежали Македонии, еще не предприняли никаких решительных действий или, по крайней мере, со времени возвращения Александра в Македонию, казалось, не думали о дальнейших предприятиях, и так как, с другой стороны, чтобы заставить их забыть самую мысль об отпадении и каких-либо новшествах, надо было воочию показать им превосходство македонского оружия и твердую решимость пустить его в ход, то царь положил предпринять поход против трибаллов, которые еще не были наказаны за то, что напали на Филиппа при его возвращении из скифского похода и ограбили его.

Перед царем открывалось два пути через горы в землю трибаллов: или спуститься в равнину их, поднявшись вверх по течению Аксия и пройдя через северные проходы и землю бывших постоянно верными агрианов, или пройти на восток через область свободных фракийцев в долину Гебра и подняться затем на Гем, чтобы поразить трибаллов на их восточных границах; этот второй путь заслуживал предпочтения, потому что он вел через владения ненадежных народов, а именно одрисских фракийцев.



Единовременно с выступлением был послан приказ Византию послать к устьям Дуная некоторое количество военных кораблей, чтобы обеспечить переправу через эту реку⁴². Антипатр остался в Пелле для управления государством⁴³.

Из Амфиполя царь⁴⁴ двинулся сначала на восток, через область свободных фракийцев, вверх по долине Несса, и перешел затем через эту реку⁴⁵, оставив левее Филиппы, и потом Орбел; затем он переправился через Родопу, чтобы, пройдя через область одрисов⁴⁶, достигнуть проходов Гема. После десяти дней пути, так гласит предание, Александр был у подножия горы; узкая и крутая дорога, идущая здесь между высокими горами, была занята неприятелем, отчасти обитателями этих гор⁴⁷, отчасти вольными фракийцами, которые, по-видимому, всеми силами желали воспрепятствовать переходу. Вооруженные только кинжалом и охотничьим дротиком, покрытые лисьей шапкой вместо шлема, так что они не могли вступить в открытый бой с тяжеловооруженными македонянами, они думали разорвать и привести в беспорядок наступавшую на вершину боевую линию неприятеля, скатывая вниз во множестве свои телеги, с которыми они заняли вершины, чтобы потом напасть на приведенные в беспорядок ряды. Александр, видевший опасность и убедившийся, что ни в каком другом месте переход невозможен, отдал приказ пехоте расступаться везде, где это дозволит местность, когда покатаются телеги, и пропускать их в образовавшиеся промежутки; там же, где нельзя будет расступиться в стороны, солдаты, упершись коленом в землю, должны вплотную соединить щиты над своими головами, чтобы катящиеся вниз телеги проехали над ними. Покатались телеги и пронеслись мимо отчасти в промежутки, отчасти по щитам, не причинив никакого вреда. С громким криком бросились теперь македоняне на фракийцев; выдвинутые вперед со стороны правого крыла стрелки отражали своими стрелами натиск неприятеля и прикрывали движение в гору тяжеловооруженных; эти последние, наступавшие сомкнутым строем, без всякого труда выбили легковооруженных варваров с их позиции, так что последние уже не могли оказать никакого сопротивления наступавшему на левом крыле с гипаспистами и агрианами царю, но побросали оружие и бежали, кто как мог. Они потеряли полторы тысячи человек убитыми; их жены, дети и все имущество сделались добычей македонян и были посланы на продажу в приморские города под присмотром Лисания и Филоты⁴⁸.

Затем Александр спустился по более отлогим северным склонам горы в долину трибаллов и переправился через Лигин (вероятно, Янтру около Тырнова), текущую здесь на расстоянии приблизительно трех переходов от Дуная⁴⁹.

Князь трибаллов, Сирм, извещенный о движении Александра, послал вперед к Дунаю женщин и детей трибаллов и приказал

переправить их на остров Певку⁵⁰; туда же еще раньше спаслись бегством соседние с трибаллами фракийцы⁵¹; сам Сирм тоже бежал туда со своими людьми; но большинство трибаллов направилось назад к реке Лигин, откуда день тому назад выступил Александр, несомненно с целью завладеть проходами в тылу. Едва царь узнал это, как он быстро вернулся назад, чтобы отыскать их, и захватил их неожиданно в то время, когда они только что стали лагерем; они быстро выстроились на опушке леса, тянувшегося вдоль реки. Пока колонны фаланги выступали, Александр пустил вперед стрелков и пращников, приказав им своими стрелами и камнями выманить врага в открытое поле. Неприятель перешел в наступление и, когда он, особенно на правом крыле, слишком далеко выдвинулся вперед, справа и слева на него бросились три илы всадников; остальные илы, а за ними и фаланга, атаковали центр; неприятель, храбро державшийся до сих пор, не выдержал натиска одетых в броню всадников и бросился бежать через леса к реке; при этом бегстве погибло три тысячи человек, а остальным удалось спастись благодаря темноте леса и наступлению ночи.

Затем Александр опять продолжал свой прежний путь и на третий день достиг берегов Дуная, где его уже ожидали корабли из Византия; на них немедленно были посажены стрелки и тяжеловооруженные, чтобы атаковать остров, куда спаслись бегством трибаллы и фракийцы; но остров был хорошо охраняем, берег крут, река, сжатая в этом месте берегами, быстра, кораблей слишком мало, а геты на северном берегу реки, казалось, были готовы принять сторону неприятеля. Александр отозвал корабли обратно и решил, не теряя времени, напасть на собравшихся на противоположном берегу гетов; когда, победив их, он будет господином обоих берегов, тогда не будет в состоянии держаться и остров на Дунае.

Геты⁵², численность которых доходила приблизительно до четырех тысяч всадников и более чем десяти тысяч пехотинцев, расположились на северном берегу Дуная перед плохо укрепленным городом, лежавшим несколько в стороне от реки; они, должно быть, ожидали, что неприятелю понадобится несколько дней, чтобы переправиться через реку, так что таким образом им представится случай напасть и уничтожить отдельные отряды, которые будут переправляться. Дело происходило в половине мая⁵³, поля кругом города гетов были покрыты хлебом, колосья которого были настолько высоки, что могли скрыть переправляющиеся войска от глаз неприятеля. Все дело было в том, чтобы поразить гетов быстрым нападением; так как корабли из Византия не могли принять на себя достаточного количества войска, то из окрестностей было собрано множество небольших челноков, которыми пользуются туземцы, чтобы удить на реке рыбу, разбойничать или посещать своих друзей в других деревнях; кроме того, меха, служившие македонянам палатками, были наполнены сеном и креп-

ко связаны вместе. В тишине ночи полторы тысячи всадников и четыре тысячи пехотинцев с царем во главе переправились через реку и пристали к берегу ниже города, скрываемые обширными хлебными полями. С наступлением дня они начали наступать через поля, имея впереди пехоту, которой было приказано косить хлеб сариссами и двигаться вперед до тех пор, пока она не достигнет незасеянного поля. Там конница, до сих пор следовавшая за пехотой, поскакала вперед в атаку на правом крыле, под начальством царя, а слева, упираясь в реку, перешла в наступление выстроившаяся развернутым строем фаланга, над которой начальствовал Никанор. Геты, испуганные непонятной смелостью Александра, который так легко и притом в одну ночь переправился через величайшую из рек, со всею поспешностью поспешили укрыться в город, не будучи в состоянии выдержать ни атаки всадников, ни натиска фаланги; а когда они увидали, что враги наступают и туда, то, взяв с собою столько жен и детей, сколько могли вынести их лошади, они бежали далее в глубь страны. Царь вступил в город, разрушил его, послал в Македонию добычу с Филиппом и Мелеагром и принес на берегу реки благодарственную жертву Зевсу Спасителю, Гераклу и реке. В его намерения не входило расширять пределы своего могущества до обширных равнин, тянувшихся на север от Дуная; теперь, когда геты узнали силу македонян, широкая река была надежной границей, и поблизости не было никакого другого народа, сопротивления которого можно было бы бояться. Указав этими жертвоприношениями на самую северную цель своих предприятий, царь еще в тот же самый день вернулся в свой лагерь на южном берегу реки из экспедиции, не стоившей ему ни одного человека⁵⁴.

Потерпев такое тяжелое и неожиданное поражение, придунайские народы послали в лагерь царя послов с дарами, состоявшими из продуктов их страны, и просили мира, который и был им охотно дарован; подчинился даже князь трибаллов Сирм, видевший очень хорошо, что он не будет в состоянии удержать за собою свои острова на Дунае. В царский лагерь явилось также посольство от кельтских племен, обитавших около гор у Адриатического моря, которые, по словам одного очевидца, «велики ростом и много думают о себе» и которые, узнав о громких подвигах царя, просили его дружбы. На пиру молодой царь спросил их, чего они более всего боятся? он думал, что они назовут его; они отвечали: «Ничего, кроме того, чтобы как-нибудь на них не упало небо; но дружбу такого героя они ценят выше всего». Царь назвал их своими друзьями и союзниками и отпустил их с богатыми дарами, но впоследствии все-таки думал, что кельты хвастуны⁵⁵.

Когда таким образом победа над вольными фракийцами принудила оставаться спокойными также и одрисских фракийцев, победа над трибаллами восстановила македонское господство над

народами, жившими к югу от Дуная, нанесенное гетам поражение обеспечило Дунай как границу, чем и достигалась цель этой экспедиции, тогда Александр поспешил возвратиться на юг, в Македонию; пройдя через область своих союзников агрианов (в равнине Софии)⁵⁶, он уже получил известие, что князь Клит со своими иллирийцами овладел проходом Пелиона, что князь тавлантинов Главкий уже спешит на соединение с Клитом и что сговорившиеся с ними автариаты собираются напасть на македонское войско, когда оно будет проходить через горы.

Положение Александра было трудное; находясь от проходов восточной границы, которую иллирийцы уже перешли, на расстоянии более чем восьми дней пути, он уже более не был в состоянии спасти Пелион, ключ к обоим речным бассейнам Галиакмона и Апса (Девола); хотя нападение автариатов задержало его только на два дня, но все-таки соединенные силы иллирийцев и тавлантинов были достаточно велики для того, чтобы проникнуть от Пелиона в самое сердце Македонии, занять важную линию по течению реки Эригона и, сами сохраняя сообщение со своей родиной открытым для себя через проход Пелиона, отрезать царя от южных областей его государства и от Греции, где уже начало замечаться опасное движение. Правда, Филота с сильным гарнизоном занимал Кадмею, а в распоряжении Антипатра имелись в Македонии силы, чтобы поддержать его; но без того войска, которое находилось с царем, они не могли сделать многого; и это войско было в серьезной опасности; Александр рисковал в этой игре многим; одно неудачное сражение, и все результаты, достигнутые с таким трудом им и его отцом, пропадут.

Лангар, князь агрианов, давший ему еще при жизни Филиппа бесспорные доказательства своей верности и контингент которого в только что оконченном походе сражался с отличным мужеством, явился к нему на помощь со своими гипаспистами и лучшими и отборнейшими войсками, какие он только имел; и когда затем Александр, крайне озабоченный задержкой, которую могли причинить ему автариаты, осведомился об их численности и вооружении, то Лангар сообщил ему, что ему нечего опасаться этих людей, но именно воинственного горного народа; если царь позволит, то он сам произведет вторжение в их страну, так что им будет достаточно дела у себя дома и не придется думать о дальнейших нападениях на неприятеля.

Александр дал свое согласие, и Лангар, грабя и опустошая, вторгся в их долины, так что они не препятствовали дальнейшему движению македонян. Царь наградил своего преданного союзника за его верную службу, обручил с ним свою сводную сестру Кинну и пригласил его приехать отпраздновать свою свадьбу по окончании войны в Пеллу. Но Лангар тотчас же после этого похода заболел и умер.

В могучем горном кряже, образующем водораздел между реками Македонии и Иллирии, к юго-востоку от Лихнитского озера (озера Охриды) находится промежуток почти в две мили шириною, через который Апс (Девол) проникает к западу; он образует природные ворота между верхней Македонией и Иллирией. Царь Филипп не знал покоя до тех пор, пока не расширил пределов своей страны до берегов озера; между господствовавшими над ведшей туда дорогой позициями и укреплениями, горная крепость Пелион была самой лучшей и самой важной; расположенная как бастион против окружавших ее кругом гор Иллирии, она прикрывала также путь, ведущий к югу из долины Эригона в долину Галиакмона и в южную Македонию; ведшая отсюда к Пелиону дорога шла вдоль прорезавшего себе путь через горы русла Аксия и была местами так узка, что войско едва могло проходить, имея по четыре человека в ряду⁷⁷. Эта важная позиция теперь находилась уже в руках иллирийских князей; Александр форсированным маршем двинулся вверх по Эригону, чтобы, если возможно, снова завладеть крепостью до прихода тавлантинов.

Подступив к городу, он стал лагерем около Апса, намереваясь на следующий день пойти на штурм. Клит уже занял покрытые лесом высоты, кругом города, угрожая таким образом неприятелю с тыла в случае, если он сделает попытку напасть; по обычаю своей страны, он принес в жертву трех мальчиков, трех девочек и трех черных баранов, и потом выступил, как бы желая завязать бой с македонянами; но когда последние приблизились к высотам, иллирийцы поспешно оставили свои крепкие позиции, оставили даже жертвы, которые попали в руки македонян, и отступили в город, под стенами которого теперь расположился Александр, чтобы, так как атака не удалась, окружить его окопами и принудить сдаться. Но уже на следующий день на высотах появился с сильным войском Главк; Александр должен был отказаться от мысли штурмовать со своими наличными силами наполненную воинами крепость, имея при этом врага в тылу на горах. В его положении была необходима величайшая осторожность. Филота, посланный на фуражировку с отрядом всадников и необходимыми подводами, едва не попал в руки тавлантинов; только быстрое появление на помощь Александра с гипаспистами, агрианами и стрелками и 300 всадниками дало Филоте возможность возвратиться и спасло важный транспорт. Положение войска становилось труднее со дня на день; почти запертый в долине, Александр не имел ни достаточно войска для того, чтобы решиться вступить в решительный бой с войсками обоих князей, ни достаточно провианта, чтобы продержаться до прибытия подкреплений. Он должен был отступить, но отступление казалось вдвое опаснее; Клит и Главк не без основания думали, что в этой весьма неблагоприятной позиции царь находится в их руках; возвышающиеся кругом

горы они заняли бесчисленным множеством конницы и массой аконтистов, пращников и тяжеловооруженных, которые могли напасть на узкой дороге на войско и искрошить его, между тем как иллирийцы из крепости напали бы на отступающих с тыла.

Смелым движением, какое могло исполнить только одно македонское войско, Александр разрушил все надежды неприятеля. Пока главная масса конницы и все легковооруженные, оборотясь фронтом к находившемуся в городе неприятелю, делали невозможной всякую опасность с этой стороны, фаланга, выстроенная в 120 рядов, имея по бокам 200 всадников прикрытия, двинулась вперед по равнине, соблюдая величайшую тишину, чтобы яснее слушать всякое слово команды. Равнина была с трех сторон окружена горами, с которых тавлантины угрожали флангам двигавшегося вперед войска; но все каре метало дротики и наступало на высоты, затем оно внезапно сделало поворот направо и стало наступать в этом направлении, а когда другой отряд неприятеля начал угрожать их новому флангу, обратилось против него; сменяя таким образом неоднократно с величайшей точностью одну позицию другою, македоняне двигались между занятыми неприятелем высотами и наконец построились на левом фланге «клином», как бы желая пробиться⁵⁸. При виде этих неотразимых и произведенных с быстротою и порядком движений, тавлантины не решились на нападение и отступили с передовых высот. Но когда македоняне испустили боевой крик и ударили дротиками в щиты, то варваров охватил панический ужас, и они поспешно бросились бежать через высоты в город.

Теперь высоты, через которые шла дорога, занимал только один отряд; Александр приказал гетайрам своей стражи⁵⁹ сесть на коней и атаковать высоты; если враг окажет намерение сопротивляться, то половина их должна спешиться и сражаться пешком попеременно со всадниками. Но неприятель, увидав, что на него идут в атаку, удалился с высот направо и налево. Тогда царь занял высоты, поспешно приказал взойти на них остальным илам конницы, двум тысячам стрелков и агрианов, затем он приказал гипаспистам, а за ними следом и фалангам перейти через реку, двинуться в боевом порядке по тому берегу налево и выставить там метательные орудия. Сам он тем временем остался на этой возвышенности с арьергардом и наблюдал за движениями неприятеля, который, лишь только заметил переправу войска, как уже двинулся к горам, чтобы напасть на отступавший с Александром арьергард. Направленная против них атака царя и боевой крик фаланги, сделавшей вид, что она хочет обратно переправиться через реку и произвести нападение, заставили их отступить, и Александр со своими стрелками и агрианами бегом спустился в реку. Он сам переправился первым и, когда увидал, что неприятель теснит арьергард его войска, приказал расположенным на другом берегу

метательным орудиям открыть действия по неприятелю, а стоявшим в реке стрелкам оборотиться и стрелять; между тем как Главк со своими тавлантинами не отваживался подойти на расстояние выстрела, последние македоняне перешли через реку, так что Александр при всем этом опасном маневре не потерял ни одного человека; он сам сражался на самых опасных пунктах и был ранен ударом палицы в шею и камнем в голову.

Этим движением Александр не только спас свое войско от очевидной опасности, но мог также со своей позиции на берегу реки видеть все пути и все операции неприятеля и держать его в бездействии, если ему понадобится потребовать подкреплений⁶⁰. Но неприятель дал ему еще раньше случай произвести нападение, которое положило быстрый конец этой войне. Неприятель, полагая, что это отступление было делом страха, расположился длиною линией перед Пелионом, забыв защититься валом и рвами, или обратить должное внимание на службу на форпостах. Об этом узнал Александр; на третью ночь он незаметно с гипаспистами, стрелками, агрианами и двумя фалангами переправился через реку и приказал стрелкам и агрианам перейти в наступление, не дожидаясь прибытия остальных колонн; они ворвались в лагерь с той стороны, где менее всего было возможно сопротивление; и неприятели после ужасного пробуждения от глубокого сна, безоружные, без руководства или мужества, чтобы сопротивляться, были изрублены, — одни в шатрах, другие на длинной улице лагеря, третьи во время беспорядочного отступления, а преследование остальных продолжалось до самых гор тавлантинов; кому удалось бежать, тот спасся ценою потери оружия. Сам Клит бросился в город, поджег его и под охраною пожара бежал к Главку в область тавлантинов⁶¹. Таким образом с этой стороны снова была восстановлена старая граница, и мир, по-видимому, был дарован побежденным князьям, под условием признания верховных прав Александра⁶².

Быстрые и сильные удары, которыми царь, не раз решавшийся на рискованные нападения, поразил иллирийцев, позволяют нам судить о нетерпении, с каким он желал покончить это дело. Пока у него еще была масса дела с иллирийцами, на юге началось движение, которое, не будь оно скоро заглушено, могло бы надолго воспрепятствовать осуществлению великого плана похода на Персию, а может быть, и сделать его навсегда невозможным.

Эллины признали гегемонию Александра и на собрании к Коринфе скрепили союз с ним присягой; но теперь его войско было далеко, и слова тех, которые напоминали о древней свободе и древней славе, скоро нашли открытые уши и сердца. Конечно, пока еще молодость Александра позволяла с презрением смотреть на него при персидском дворе в Сузах, они считали выгодным лавировать; в ушах афинян еще звучали слова, которые им недавно написал персидский царь: «Я не дам вам денег, не просите меня, потому



что вы все-таки ничего не получите⁶³». Но постепенно там начали понимать, какой враг родился для персидского царства в Александре. Мемнон (его брата уже не было в живых) был послан с 5000 греческих наемников против переправившихся уже в Азию македонских войск. Но движение среди азиатских греков грозило ему большими затруднениями; лучшим средством защиты было уже давно испытанное средство бороться с врагами персидского царства в Элладе и с помощью эллинов.

Дарий отправил к эллинам послание, в котором призывал их к войне против Александра; он послал деньги отдельным государствам, в Афины 300 талантов, но у демоса еще хватило благоразумия не принять их; их принял Демосфен, чтобы употребить их в интересах персидского царя и против скрепленного клятвой мира⁶⁴. Он состоял в переписке со стратегами персидского царя, служившей, без сомнения, для того, чтобы давать и получать сведения относительно войны с Александром. Рука об руку с Ликургом и другими единомышленными с ним народными вождями, он делал все нужное для того, чтобы подготовить и возбудить новую борьбу против господства Македонии, и особенно для того, чтобы подтолкнуть к новым предприятиям фивских эмигрантов, во множестве нашедших прием в Афинах.

Чем дальше находился Александр, чем долее он пребывал вдали, тем больше становилось мужество и усердие этой партии; распространившиеся о понесенном Александром в земле трибаллов поражении слухи были встречены с полным доверием⁶⁵. В Аркадии, в Элладе, в Мессении, у этолян тоже пробудилась прежняя жажда новых порядков и новые надежды; но больше всех чувствовали иго македонского господства фиванцы; занимавший их цитадель гарнизон как бы постоянно напоминал им их теперешний позор и утрату их прежней славы.

В это-то время распространилось известие, что Александр пал в бою с трибаллами; Демосфен показал собравшемуся народу человека, получившего рану в том же самом сражении, в котором Александр будто бы пал перед его глазами⁶⁶. Кто мог теперь сомневаться? Кто с радостью не склонился бы теперь на убеждения тех, которые говорили: вот наступило время освободиться от македонского ига, — заключенные с Александром договоры кончаются с его смертью, а персидский царь, готовый выступить на защиту свободы греческих государств, предоставил в распоряжение людей, которые, подобно ему стремятся единственно к благу и свободе эллинов, богатые субсидии для поддержки всех направленных против Македонии предприятий. Не менее персидских денег содействовало этим планам и то, что наряду с Демосфеном говорил за них неподкупный Ликург. Важнее всего было действовать не теряя времени и каким-нибудь великим подвигом создать центр для всеобщего восстания.

Понятно, что в понесших тяжелое наказание Фивах, что среди находившихся в Афинах и везде в других местах фиванских беглецов и изгнанников настроение умов было таково, что нужно идти на все. Изгнанники уже раз выступали из Афин на освобождение Кадмеи; их вел Пелопид, победа при Левктрах и Мантинее были славными плодами этого геройского поступка. Конечно, в союзном договоре каждый город торжественно обещал не позволять эмигрантам предпринимать из его стен насильственное возвращение на родину; но царь, с которым был скреплен этот договор, был теперь мертв. Несомненно, не без соглашения с Демосфеном, может быть даже снабженные им частью находившихся в его руках персидских денег, многие эмигранты покинули Афины; к ночи они прибыли в Фивы, где их друзья уже ожидали их. Они начали с того, что умертвили двух вожakov македонской партии, спустившихся ничего не подозревая с Кадмеи⁶⁷. Они пригласили граждан на собрание, сообщили о случившемся и о том, на что можно надеяться; дорогим именем свободы и прежней славы заклинали они народ сбросить иго македонян и уверяли, что вся Греция и персидский царь готовы оказать им помощь; но когда они сообщили, что Александра нечего больше бояться, что он пал в Иллирии, тогда народ определил восстановить древнюю свободу, назначить новых беотархов, изгнать из Кадмеи гарнизон и через послов пригласить на помощь другие государства.

Все, казалось, обещало самый лучший успех; элейцы уже прогнали приверженцев Александра; этоляне волновались, Афины вооружались, Демосфен послал в Фивы оружие⁶⁸, и аркадцы выступили на помощь фиванцам. И когда послы Антипатра явились на Истм, чтобы напомнить уже достигшим его мятежникам о заключенных договорах и чтобы потребовать от них определенной союзным договором помощи, то слушали не их, а горячие мольбы фиванских послов, которые, с перевитыми шерстью оливковыми ветвями в руках, призывали на защиту святого дела⁷⁰. Тем более велика была горячность в самих Фивах; Кадмея была окружена палисадами и другими сооружениями, так что к находившемуся в крепости гарнизону не могла проникнуть ни помощь, ни съестные припасы; рабы были освобождены; они и метеки были вооружены для войны, город был в изобилии снабжен провиантом и оружием; Кадмея должна была скоро пасть, тогда Фивы и вся Эллада будут свободны, тогда будет отомщен позор Херонеи, и Коринфский союз, этот призрак независимости и безопасности, исчезнет перед радостным светом нового утра, уже занимающегося, по-видимому, над Элладой.

В это время распространился слух, что македонское войско приближается форсированным маршем и что оно стоит в Онхесте всего в двух милях расстояния. Вожаки успокаивают народ: это ведь Антипатр; с того времени, как убит Александр, македонян

нечего более бояться. Затем явились гонцы с известием, что это сам Александр; они были дурно приняты: это, говорили им, линкестиец Александр, сын Аэропа. Через день после этого царь, которого считали мертвым, стоял со своим войском под стенами города⁷¹.

Как все вообще в этой первой войне царя поразительно и внезапно, полно живости и силы, так главным образом этот переход. Две недели тому назад он дал последнее сражение у Пелиона; при известии о происходящих в Фивах событиях, он выступил, в неделю прошел через горы и достиг Пелины при верховьях Пеней; быстро пройдя далее к Сперхею, перейдя через Фермопилы и вступив в пределы Беотии, он стоял теперь у Онхеста, в двух милях от Фив, почти в 60 милях от Пелиона⁷². Первым последствием его внезапного появления было то, что шедшие на помощь народы Аркадии не отважились идти далее Истма, что афиняне определили не двигать своих войск до тех пор, пока не решится начатая против Александра борьба, и что орхоменяне, платейцы, феспийцы, фокейцы и другие враги фиванцев, считавшие себя уже совершенно отданными в жертву ярости своих прежних мучителей, с удвоенным рвением примкнули к македонянам. Царь не думал сразу прибегать к силе; он двинулся с войском из Онхеста и стал лагерем перед северною стеною около гимназии Иолая, ожидая, что фиванцы, увидев перед собой его войско, поймут все безумие своего предприятия и будут просить о мирном соглашении. Но они, хотя и лишены всяких надежд на помощь, и не думали смириться, а приказали всадникам и легковооруженным произвести вылазку, причем им удалось оттеснить назад неприятельские форпосты, и с удвоенным рвением стали наступать к Кадмее. Даже и теперь Александр все еще медлил начать борьбу, которая, будучи раз начата, должна была иметь роковые последствия для греческого города; на второй день он двинулся к южным воротам, ведущим в сторону Афин и к которым с внутренней стороны примыкает Кадмея, и стал здесь лагерем, чтобы быть вблизи для поддержки находившихся в цитадели македонян; он все еще медлил с нападением. Говорят, он дал знать находившимся в городе, что, если они выдадут зачинщиков восстания Феникса и Профита, то он простит и забудет случившееся⁷³. Многие в городе советовали и даже требовали, чтобы было послано к царю с просьбой о прощении; но беотархи, изгнанники и те, которые пригласили их возвратиться, не ожидая от Александра никакого дружеского приема, убеждали народ сопротивляться до последней возможности; царю, говорили они, должно ответить: если он желает мира, то пусть выдаст им Антипатра и Филоту; должно объявить, что все, кто заодно с ними и с персидским царем желает освободить Элладу, приглашаются явиться к ним в город⁷⁴. Александр еще и теперь не хотел нападать.

Но Пердикка, фаланга которого составляла авангард македонского лагеря и стояла недалеко от неприятельских окопов, счел минуту для нападения настолько благоприятною, что, не дожидаясь приказа Александра, атаковал укрепления, прорвался через них и напал на неприятельские аванпосты⁷⁵.

Аминта, стоявший со своей фалангой рядом с Пердиккой, тоже быстро выступил из лагеря и следом за ним напал на второй вал. Царь видел их движения и, боясь оставить их одних против неприятеля, приказал стрелкам и агрианам ворваться в окопы, а агеме велел выступить вместе с другими гипаспистами, но остановиться перед наружными окопами. При штурме второго вала пал тяжело раненный Пердикка, но две фаланги, соединившись со стрелками и агрианами, взяли вал приступом и проникли в город через ложбину ворот Электры до самого Гераклеона, когда фиванцы оборотились с громким криком и ринулись на македонян, так что последние со значительным уроном — пало семьдесят стрелков и в том числе их предводитель, критянин Эврибот — бегом принуждены были отступить к гипаспистам. В эту минуту Александр, видя, что занятые преследованием фиванцы не соблюдают никакого порядка, быстро двинулся на них с сомкнутою фалангою; они были опрокинуты и бежали так поспешно, что македоняне вместе с ними ворвались в ворота, между тем как в то же время в других местах стена, лишенная вследствие множества находившихся вне ее аванпостов всякой защиты, была занята взошедшими на нее македонянами и сообщение с Кадмеей было восстановлено. Теперь для города не было спасения; гарнизон Кадмеи с частью ворвавшихся бросился в нижний город на Амфион; другие перелезли через стены и бегом бросились на рынок. Тщетно сражались фиванцы с отчаянною храбростью; со всех сторон проникали в город враги; Александр был везде и воодушевлял своих словом и примером; фиванская конница, рассеянная по улицам, бросилась через оставшиеся еще свободными ворота в открытое поле; пехотинцы спасались, кто куда мог, в поле, в дома, в храмы, наполненные рыдающими женщинами и детьми. Теперь не столько македоняне, сколько фокейцы, платейцы и другие беотийцы, исполненные озлобления, произвели ужасное кровопролитие; не были пощажены даже женщины и дети, их кровь обагрила алтари богов⁷⁶. Только сумрак наступившей ночи положил конец грабежу и убийству; число павших македонян равнялось пятистам, а фиванцев было уже убито шесть тысяч, когда приказ царя положил конец резне.

На следующий день царь созвал собрание членов Коринфского союза⁷⁷, принимавших участие в борьбе, и предоставил им решить судьбу города. Судьями над Фивами были те же платейцы, орхомеяне, фокейцы, феспийцы, которым долго приходилось выносить ужасный гнет фиванцев, города которых были некогда разруше-

ны ими⁷⁸, а сыновья и дочери обещены и проданы в рабство. Они постановили, что город должен быть сравнен с землей, что земля, за исключением той, которая принадлежала храму, должна быть разделена между союзниками Александра, что все фиванцы с женами и детьми должны быть проданы в рабство и что свобода должна быть дарована только жрецам и жрицам, да еще лицам, связанным узами гостеприимства с Филиппом, Александром и македонянами; Александр повелел также пощадить дом Пиндара и его потомков. Тридцать тысяч человек⁷⁹ всякого возраста и состояния было продано и рассеяно по всему свету, затем стены были снесены, дома очищены и разрушены; народа Эпаминонда теперь более не существовало и город представлял ужасную грудку развалин, «кенотаф их славы»; наверху в уединенной цитадели македонский гарнизон сторожил храмы и «могилы мертвых».

Участь Фив была потрясающая; только поколение тому назад они владели гегемонией в Элладе, их священный отряд освобождал Фессалию и поил своих коней в Эвроте; теперь они были изглажены с лица земли. Греки всех партий неисчерпаемы в своих жалобах на падение Фив и слишком часто несправедливы к царю, который не мог спасти их. Впоследствии, когда среди наемных полчищ Азии в его руки как военнопленные попадались фиванцы, он никогда не относился к ним иначе, как с великодушием; уже теперь, когда борьба только что была кончена, он действовал таким же образом. Одна благородная фивянка, как рассказывают, была схвачена и связанная приведена к нему; ее дом был разрушен фракийцами Александра, она сама была обещена их предводителем и затем со страшными угрозами ее начали спрашивать, где она спрятала свои сокровища; она повела фракийца к скрытому в кустах колодецу; здесь, сказала она, погружены ее сокровища; и когда он спустился в колодец, она забросала его камнями до смерти. Тогда фракийцы привели ее на суд к царю; она сказала, что она Тимоклея, сестра того Феагена, который, будучи стратегом при Херонее, пал, сражаясь против Филиппа за свободу греков. Не менее правдоподобен и конец рассказа, что Александр простил мужественную женщину и даровал свободу ей и ее родным⁸⁰.

Падение и разрушение Фив не могло не отрезвить эллинов от их мимолетного энтузиазма. Элейцы поспешили призвать обратно изгнанных ими приверженцев Александра; аркадцы вернули свои войска с Истма и осудили на смерть тех, которые подговаривали их к этому походу против Александра; отдельные племена этолян отправили послов к царю и просили прощения за то, что у них случилось. Подобно этому было поступлено и в других местах.

Афиняне, несмотря на принесенную ими в союзе клятву, дозволили возвратиться на родину фиванским эмигрантам, постановили по предложению Демосфена послать помощь в Фивы и выслать в море флот; но они не воспользовались колебаниями

Александра для того, чтобы двинуть свои войска в Фивы (они могли бы быть там в два перехода). Они праздновали великие мистерии (в начале сентября), как раз в то время, когда беглецы принесли весть о падении города; празднество было прервано в величайшем смятении, все движимое имущество было снесено из деревень в город, затем было созвано собрание, которое по предложению Демада решило отправить посольство из десяти приятных царю мужей, чтобы поздравить его со счастливым возвращением из земли трибаллов и с театра иллирийской войны, а также и с подавлением и справедливым наказанием восставших Фив, и чтобы в то же время просить разрешения для города поддержать свою исконную славу гостеприимства и милосердия также и теперь относительно фиванских беглецов. Царь потребовал⁸¹ выдачи Демосфена, Ликурга, затем Харидема, ожесточенного противника македонского господства, положившего конец его хищническому способу ведения войны, Эфиальта, который недавно отправлялся послом в Сузы, и других; они, сказал он, являются не только причиной понесенного Афинами при Херонее поражения, но и всех тех несправедливостей, которые после смерти Филиппа были дозволены против его памяти и против законного наследника македонского престола; в падении Фив они виновны не менее, чем организаторы восстания в самих Фивах; те из этих последних, которые теперь нашли убежище в Афинах, должны быть также выданы. Требование Александра вызвало жестокие дебаты в народном собрании в Афинах; Демосфен заклинал народ «не выдавать, как овцы в басне, своих сторожевых собак волку».

Народ, не зная, что предпринять, ждал мнения строгого Фокиона; его советом было: какую бы то ни было ценою купить прощение царя и не прибавлять неблагоприятным сопротивлением к несчастью Фив еще и гибель Афин; те десятеро, которых требует Александр, должны теперь показать, что они из любви к отечеству готовы лично принести величайшие жертвы. Но Демосфен убедил своею речью народ, а пятью талантами принадлежавшего к македонской партии оратора Демада, чтобы этот последний был послан к царю и просил его предоставить афинскому народу суд над виновными⁸². Царь согласился, отчасти из уважения к Афинам⁸³, отчасти из желания приступить скорее к походу в Азию, во время которого он не желал оставлять в Греции никакого подозрительного недовольства; было потребовано только изгнание Харидема, этого дикого авантюриста, к которому когда-то чувствовал отвращение сам Демосфен; Харидем бежал в Азию к персидскому царю⁸⁴. Вскоре и Эфиальт сел на корабль и покинул Афины.

Когда таким образом спокойствие в Элладе было восстановлено, а уничтожение Фив и македонский гарнизон в Кадмее могли служить достаточной гарантией против новых движений в будущем, Александр выступил из лагеря перед Фивами и осенью 335 года

возвратился в Македонию. Года было достаточно, чтобы упрочить его подвергавшийся многим опасностям престол; уверенный в повиновении соседних варварских народов, в спокойствии в Элладе, в преданности своего народа, он мог назначить следующую весну для начала предприятия, которое должно было иметь решающее значение в судьбах Азии и в ходе следующих веков.

Следующие затем месяцы были посвящены приготовлениям к великой войне; из Греции, из Фессалии, с гор и из долин Фракии явились толпы союзников; вербовались наемники и готовились корабли для переправы в Азию. Царь занимался совещаниями⁸⁵, чтобы составить план операций похода согласно сообщениям, которые были получены относительно природных условий стран востока, относительно важности в военном отношении бассейнов рек, горных хребтов, городов и стран. Мы были бы весьма счастливы, если бы имели об этом более подробные сведения и особенно о том, имели ли при дворе в Пелле представление о географических условиях царства, на которое думали напасть, и о его протяжении по ту сторону Тавра и Тигра. Конечно, Анабасис Ксенофонта, а вероятно и персидская история Ктесия были известны; много сведений могло быть получено от греков, служивших наемниками в Азии, от персидских посольств и от Артабаза и Мемнона, в течение нескольких лет живших беглецами при македонском дворе. Но как ни старательно собирались сведения, они могли быть только ненадежным материалом для планов войны до Евфрата и во всяком случае не далее Тигра; об устройстве земель, лежавших далее к востоку, о существовавших там расстояниях, несомненно, не имелось никаких представлений.

Затем был определен порядок дел на родине: Антипатр был назначен наместником⁸⁶, с войском, достаточным для того, чтобы обеспечить спокойствие в Элладе, защищать границы Македонии и держать в повиновении окружные народы; князья союзных варварских племен были приглашены лично участвовать в войне, чтобы этим еще более обеспечить царство от перемен и чтобы их единоплеменники, стоя под их начальством, были тем храбрее⁸⁷.

Еще одно опасение было высказано в военном совете главным образом Антипатром и Парменионом: кому в случае непредвиденного несчастья должны принадлежать права на царский престол? Они заклинали царя жениться до похода и подождать рождения наследника престола. Он отверг их предложения: недостойно, сказал он, ни его, ни македонян, ни эллинов, думать о свадьбе и брачном ложе, когда Азия уже готова к войне⁸⁸. Неужели он должен ждать тех пор, пока придет уже собирающийся флот финикийян и киприотов, и соберется и перейдет через Тавр набираемое персидским царем войско? он не имеет права долее медлить, если желает приобрести Малую Азию и в ней базис для дальнейшей войны.



Источники говорят, что он действовал так, как будто бы навсегда прощался с Македонией. Все, что принадлежало ему на родине — имения, леса и деревни, даже пошлины с гаваней и другие доходы, он раздарил своим друзьям, и когда почти все уже было разделено, на вопрос Пердикки: что же остается ему самому, отвечал: «Надежда»; тогда Пердикка отказался от своей доли: «Позволь нам, которые будут биться вместе с тобой, разделить с тобой надежду»; и многие друзья последовали примеру Пердикки⁸⁹. Этот рассказ преувеличен, но он соответствует настроению умов перед выступлением; царь умел вызвать все больший и больший подъем духа; наполнявший его энтузиазм сообщался его генералам, окружавшим его знатым всадникам и всей войску, следовавшему за ним; с юношей-героем во главе, они, уверенные в победе, вызывали весь мир на бой.



КНИГА ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Приготовление к войне. — Финансы. — Союзники царства. — Армия. — Переход в Азию. — Битва при Гранике. — Занятие западного берега Малой Азии. — Завоевание Галикарнасса. — Поход через Ликию, Памфилию и Писидию. — Организация новых областей

С первого взгляда предприятие Александра кажется стоящим в большом несоответствии с теми средствами, которые находились в его распоряжении. Побить врага на поле битвы было только меньшей половиной его дела; он должен был еще подумать о том, каким образом надолго упрочить успехи своего оружия.

По своему протяжению территория, силами которой он мог располагать, едва равнялась тридцатой части персидского царства; столь же неравным являлось и отношение между численностью народонаселения здесь и там, между сухопутными и морскими боевыми силами его и Персии. Если же мы прибавим, что по смерти Филиппа македонская сокровищница была истощена и обременена 500 талантами долга, между тем как в казнохранилищах персидского царя в Сузах, Экбатанах, Персеполе и т.д. были сосредоточены огромные запасы благородного металла, что Александр по окончании своих вооружений, для которых он должен был занять 800 талантов, имел в своем распоряжении для начала войны с Азией не более 60 талантов¹, то его предприятие представится нам безумно смелым и почти химерическим.

Характер дошедших до нас преданий не позволяет искать в них ответа на представляющиеся здесь вопросы. Даже умный Арриан сообщает только о внешнем, почти исключительно военном ходе дела; при случае с моральной оценкой своего героя, приводя почти одни только имена тех, которые помогли ему советом и делом при этой войне; об администрации, финансах, политическом устройстве, о государственной канцелярии, кабинете царя, о лицах, бывших в этих должностях исполнителями воли его, он не говорит ничего; он не выясняет себе и читателю, каким образом дела и успехи, о которых он сообщает, были возможны и действительно осуществились, каковы были средства, насколько все было предусмотрено заранее, каковы были цели и руководящие практические точки зрения и какова была сила воли, тонкой

проницательности и военного и политического гения, обусловившая их осуществление.

Из указанной нами массы вопросов на первый раз достаточно выдвинуть те, которые являются самыми существенными здесь, в начале этого изумительного ряда побед.

Многие думали понять характер Александра и его гения, представляя его фантазером, который со своими, не менее полными энтузиазма, воинственными народами двинулся в Азию поражать персов, где и как он бы их ни нашел, ожидая, что случай позволит ему идти еще дальше. Другие полагали, что он только осуществил ту мысль, которая постоянно занимала его отца, которую не уставали проповедовать философы, ораторы и патриоты и которая, в сущности, была порождена и развита греческой образованностью.

Мысль, прежде чем она перейдет в дело, есть только мечта, призрак, игра возбужденной фантазии; только тот, кто осуществляет ее, придает ей форму, плоть и кровь, импульс своих собственных стремлений, кладет на нее отпечаток места и времени своей деятельности, а условия и взаимодействия места и времени полагают ей постоянно новые пределы, придают ей все более и более резкие формы выражения, нося на себе отпечаток его силы и его слабостей.

Выступил ли Александр в поход как искатель приключений, как мечтатель с мыслью вообще завоевать Азию вплоть до окружающих ее неведомых морей? или он знал чего он хочет и чего может хотеть, и сообразно с этим наметил свои военные и политические планы и принял свои меры?

Вопрос не в том, чтобы вывести обратное заключение из ряда его успехов, указать на связывавший их план и выставить его очевидность как доказательство; спрашивается, есть ли доказательства тому, что это дело еще до своего начала представлялось его уму таким, каким ему суждено было сделаться.

Быть может, к решению этого вопроса нас приведет один факт, о котором, правда, наши источники умалчивают. Непосредственные остатки того времени, кроме немногих надписей и памятников искусства, мы имеем только в монетах, серебряных, золотых и медных, которые дошли до нас тысячи с именем Александра, в немых свидетелях, которых научное исследование заставило наконец заговорить. В сравнении с золотыми и серебряными монетами персидских царей, бесчисленных греческих городов и македонских царей до Александра, они представляют собою весьма замечательное явление.

Выше было упомянуто, что царь Филипп ввел новую монетную систему в своих землях; она, по выражению одного знаменитого ученого, была как бы первым отдаленным шагом к завоеванию Персии². Она состояла в том, что, между тем как в греческом мире

господствовала серебряная валюта, а в персидском царстве золотая, он начал чеканить золото по валюте дариков, а серебро по валюте, ближе всего соответствовавшей торговой цене золота. Таким образом он поставил золотую валюту «не на место, но наряду с исключительно господствовавшей до сих пор в греческом мире серебряной валютой и ввел этим в своем царстве двойную валюту»³. Вес своих серебряных монет, которых должно было идти 15 на золотую монету в 8,60 г, он установил в 7,21 г, сообразно с отношением цены золота к цене серебра, равнявшимся в торговле 1 : 12,51; это была приблизительно валюта имевших широкое распространение родосских серебряных монет.

Золотые монеты Александра по весу и содержанию золота соответствуют «филиппеям», но его серебряные монеты следуют совершенно другой системе; это тетрадрахмы в 17,00–17,20 г. и их дробные части, совершенно соответствующие аттической системе, с ценностью золота относительно серебра равной 1 : 12,30. Это уменьшение было сделано не с намерением возвратиться от двойной валюты отца к чистой серебряной валюте эллинов, хотя отныне «драхма Александра» и сделалась общей, ходячей во всем царстве, единицей ценности, но — и это более важно для нашего вопроса — среди огромной массы драхм Александра нет ни одной монеты, соответствующей весом монетам Филиппа⁴.

Трудно предположить, чтобы это нововведение было произведено без существенных мотивов. Когда Филипп ввел двойную валюту, его намерением было, при упадке цены золота в торговле с греческим миром, где господствовала серебряная валюта, установить цену обоих благородных металлов и поддержать таким образом их равновесие. Дальнейшее падение цены золота повлекло бы за собой отлив серебра и из Македонии, как это уже произошло раньше с Персией, в том отношении, насколько цена серебра была выше цены золота, за которое его можно было купить. Введением новой монетной системы Александр, так сказать, объявлял войну персидскому золоту; золото было сделано простым товаром, товаром, который с завоеванием сокровищ персидского царя и с возвращением к обращению лежавших там мертвыми масс золота могло продолжать обесцениваться дальше, не влияя в равной степени на упадок определяемых серебром цен в греческом мире. Серебро аттического веса отныне сделалось мерою ценности, тетрадрахма — нарицательной величиной такой монетной единицы, в которой могли быть объединены почти все монетные системы Греции как дробь своим общим знаменателем. А через полпоколения «драхма Александра» стала всемирной монетой.

Мы не станем вдаваться в решение вопроса, имела ли эта реформа монетной системы Македонии целью финансовую помощь в настоящих денежных обстоятельствах⁵, рассчитали ли Алек-

сандр и его советники экономические последствия этой меры и предвидели ли они дальнейшее падение цены золота, которое следует, когда поступят в обращение персидские сокровища. Достаточно, если коренная реформа показывает нам, до какой степени был продуман заранее великий план, прежде чем было приступлено к его исполнению.

Второй предварительный вопрос состоит в том, на каких основах было поставлено предприятие, на которое выступал Александр, и было ли его желанием немедленно после переправы через Геллеспонт покинуть этот базис и, — как было употреблено верное выражение, — сжечь за собою корабли.

Мы должны предоставить дальнейшему ходу нашего изложения объяснение того, отчего мы не вдаемся здесь в решение поставленной нами таким образом альтернативы. Во всяком случае, вначале для Александра все зависело от того, был ли надежен его базис и только постольку, поскольку он был таковым в военном и политическом отношении, он мог отважиться на первый решительный удар и рассчитывать на его дальнейшие последствия.

Царство Александра простиралось от Византия до Эвроты и в глубину страны за Гем и Пинд до Дуная и Адриатического моря; эта область обнимала как бы прямым углом северную и западную из четырех сторон Эгейского моря, а его восточную сторону составляли принадлежавшие персидскому царству, но занятые греческими городами берега Малой Азии; Крит, лежащий перед открытой южной стороной этого моря, был греческим, но представлял собою особый мир, подобно Великой Греции и Сицилии и греческим городам на севере и на юге Понта.

Вполне уверен был Александр в области, лежавшей в вершине этого прямого угла и составлявшей как бы краеугольный камень его государства. Здесь в македонских землях, со включением Тимфеи и Парабей на западе и области Стримона на востоке он был царем по рождению, которому знать, селяне и города, даже основанные греками, как Амфиполь, были безусловно преданы.

К этому ядру его государства справа, слева и сзади примыкали остальные области, в самых разнообразных формах политической зависимости, начиная с полной покорности и кончая простой федерацией.

Особенную важность представляли земли Фракии, та часть его государства, которая лежит около и напротив берегов Малой Азии, простираясь от начала Геллеспонта до конца Босфора. Фракийское царство, обнимавшее некогда бассейн Гебра до самых гор, было разрушено царем Филиппом и хотя, по-видимому, и уцелел его остаток в княжестве одрисов, но оно зависело от Македонии и было обязано военной службой. Фракия, если мы позволим себе употребить здесь римское понятие, сделалась провинцией Македонии. Чтобы удержать ее за собою, в господ-

ствующих пунктах страны были основаны и колонизованы новые города: Филиппополь, Калиба Бероя, Александрополь и другие; это были не свободные колонии в древнеэллиническом смысле, но военные станции, для наполнения которых привлекались, отчасти насильственно, изблизи и издалека, поселенцы, хотя и составлявшие гражданскую общину и пользовавшиеся общинной автономией⁶. Территория Фракии, — по крайней мере, с 335 года мы об этом знаем — стояла под управлением македонского стратега. Неизвестно, насколько далеко простиралась подвластная ему область за проходы Гема и не управлял ли второй стратег, как можно предположить, судя по неясному известию от 331 или 326 года, землями «по Понту», или же народы от Гема до Дуная после похода 335 года были обязаны сохранять мирные соседские отношения и, может быть, платить дань. Греческие города по фракийскому побережью Понта, от Аполлонии и Месембри до Каллатиды и Истра, находились, правда, в дружеских отношениях еще с Филиппом; но они, по-видимому, не вступили в более близкие связи с Македонией и после похода 335 года⁷. При этом походе Византий послал на Дунай корабли, несомненно, только на основании союзного договора; Византий во время Александра и диадохов не чеканил монет Александра, следовательно, оставался самостоятельным государством, как греческие города Коринфского союза; неизвестно, присоединился ли Византий к этому союзу, или, что важнее, заключил с Македонией сепаратный договор.

Весьма замечательно то, что почти все греческие города на нижнем фракийском побережье чеканили монеты Александра, подобно Пелле, Амфиполю, Скионе и другим городам Македонии; следовательно, подобно этим последним, они подчинены македонским монетным законам и, подобно им, не являются уже «самостоятельными государствами»⁸, хотя и пользуются общинной автономией. Из этих, так сказать, царских городов во Фракии лежат Абдера и Мароней на дороге к Геллеспонту, Кардия при вступлении в Херсонес, Крифота при входе в Геллеспонт с севера против Лампсака, Сит и Килла на месте переправы в Авид (Абидос), Перинф и Селимбрия на Пропонтиде⁹.

На севере Македонии лежало княжество пеонов, а далее княжество агрианов, стоявшие под верховенством Македонии и имевшие право или обязанность нести военную службу в войске царя; мы имеем монеты, по крайней мере, пеонских князей, относящиеся ко времени непосредственно после Александра, но они не следуют македонской валюте и не имеют чекана Александра¹⁰.

Народы, жившие севернее их до Адриатического моря, трибаллы, автариаты, дарданцы, тавлантины и иллирийцы Клита походом 335 года были принуждены сохранять спокойствие и заключить договоры¹¹, в которых они должны были признать

свою зависимость от Македонии; должны ли они были платить дань, неизвестно.

Весьма своеобразны отношения эпирского царства к Македонии. С тех пор как царь Филипп отнял его у Ариббы, передал племяннику его Александру, брату Олимпиады, и расширил его пределы до Амбракийского залива, оно как естественная опора стояло рядом с Македонией; брак молодого царя с дочерью Филиппа, а быть может, и некоторое участие во власти Олимпиады, по-видимому, должно было бы еще теснее привязать их к интересам Македонии. Как странно, что несмотря на это эпироты не выступают на стороне Македонии ни в битвах 335 года, и не принимают участия в большом походе в Азию; мало того, через год, мы не можем даже сказать, с согласия ли Македонии¹², эпирский царь «с 15 военными кораблями и множеством судов для транспорта войск и лошадей¹³» предпринимает свой поход в Италию. Если бы соглашение с Македонией можно было доказать, то мы приобрели бы важный момент для понимания политических идей этого времени. Но, быть может, мы должны припомнить, что в государственном устройстве молоссов царская власть не играла такой роли, как в Македонии, но была крайне связана присягою, которую царь давал народу, а народ царю; таким образом, царь мог свободно распоряжаться только тем, что приносили ему его царские имения; таким образом царь молоссов предпринял, вероятно, свой поход не от имени эпирского государства, но на собственный счет и риск повел в Италию войско наемников, чтобы биться на чужой службе, подобно многим спартанским царям.

О характере отношений греческих государств к Македонии мы говорили выше. Здесь необходимо возвратиться к этому вопросу, чтобы коснуться некоторых пунктов, имеющих политическое значение, хотя они, правда, не все могут быть приведены в ясность.

Фессалийцев к Александру привязывал не только Коринфский союз; их сближало с Македонией государственное устройство, соединившее в одну общину их четыре области, то устройство, которое придал им или возобновил у них царь Филипп, и в силу которого военные и финансовые средства страны находились почти в полном распоряжении македонского царя¹⁴. Обнимало ли это государственное устройство также и горные племена Фессалии, издревле «присоединенные области», долопов, энианов, малиев и т.д. или их привязывал к Македонии только Амфиктионский союз, мы теперь определить не можем.

Этоляне тоже, по-видимому, не принадлежали к Коринфскому союзу, но возобновили свой прежний сепаратный договор с Македонией, отдавший в 338 году в их руки Навпакт.

Коринфский союз обнимал «Элладу до Фермопил»¹⁵ к нему не присоединилась только Спарта. Из приведенных выше пара-

графов союзного законодательства ясно, что оно должно было служить не одной только руководящей державе для того, чтобы обеспечить за собой гегемонию в Элладе и греческие контингента для войны с Персией, но также и для того, чтобы поддерживать внутренний мир в пределах союзной области и границы владений на основании принятых в 338 году постановлений¹⁶ и чтобы исключить всякое дальнейшее влияние персидской политики на отдельные государства союза. Мы имеем настолько мало дальнейших известий относительно организации союза, что не можем даже определить, постоянно ли заседал синедрион в Коринфе или собирался только в известные промежутки времени¹⁷, имела ли Македония в нем место и голос, или же, что вероятнее, Македония стояла вне союза, и только царь как «полномочный стратег» для персидской войны имел в своих руках определенный договором контингент войска и заведование делами внешней политики. При морской симмахии во время Перикла Афины обладали действительным господством над своими союзниками и довольно сурово пользовались им, перенесли даже ведение их процессов в аттические судилища¹⁸; при второй аттической морской симмахии афинское государство и совокупность автономных союзников были приравнены друг к другу таким образом, что синедрион союзников, постоянно собиравшийся в Афинах, вместе с советом и народом Афин обсуждал предполагаемые мероприятия, и по предложениям синедриона афинский демос изрекал окончательное постановление¹⁹. Если царь Филипп при основании Коринфского союза ограничился несравненно более свободной формой, если Александр, несмотря на дважды подаваемый ему повод, не требовал и не настаивал на более суровых формах, то, вероятно, ему казалось или ненужным, или невозможным развить эту федерацию, говоря нынешним языком, из международной лиги в государственное целое.

Мы должны это иметь в виду для правильной оценки вытекавших отсюда последствий. Способ, каким был заключен союз, как он затем был нарушен и снова заключен, достаточно ясно показывает, что данных клятв одних было недостаточно, чтобы обеспечить Александру помощь союзных государств против персидского царя и их верность общей политике. Но, по крайней мере, суррогатом этого было существование партий почти во всяком греческом городе и старинная истопартикуляристическая вражда соседних городов друг с другом; и мы не можем упрекнуть македонскую политику за то, что она оказывала поддержку своим приверженцам, чтобы не позволить перейти власти в руки тех, которые, продолжая работать против заключенного союза, по самому положению вещей явились бы персидской партией. Для большей благонадежности в Акрокоринфе, в Халкиде, на Эвбее и в Кадмее были расположены македонские гар-

низоны; и для поддержки их, а вовсе не для того только, чтобы поддерживать страх среди живших за Гемом и в Иллирии варварских племен, Александр при своем выступлении в поход оставил в Македонии значительное войско, вероятно, целую половину собственно македонского войска, которая в то же время ежегодно увеличивалась рекрутами и служила как депо для пополнения убыли в находившемся в Азии войске.

Оставался еще один весьма существенный пробел. Македонский флот далеко уступал персидскому. Персидский царь, как выяснилось сразу, мог сейчас же выставить в море 400 военных кораблей; его флотом был флот финикийян и киприотов, лучших моряков античного мира; владел лежавшими у западного берега Малой Азии островами, которые, хотя и получили по Анталкидову миру автономию, но управляемые тиранами или олигархами, находились в полном распоряжении персидского царя, он мог быть господином Эгейского моря во всякое время, когда бы только пожелал этого. Если бы государства Коринфского союза соединили свои военные корабли с флотом Македонии, — а одни Афины имели в своих верфях более 350 кораблей, — то было бы легко утвердиться на этом море еще до появления персидского флота. Но Македония ни при основании союза, ни при его возобновлении не считала возможным или удобным для своей политики требовать от греческих государств значительной поддержки на море²⁰. Если она предпочитала придать борьбе с Персией уже при первом вступительном походе существенный характер территориальной войны, то ее, очевидно, побудили к этому политические, а не военные соображения.

Со своим войском Александр должен был иметь полную уверенность в успехе, или, вернее, — здесь мы переходим к нашему третьему вопросу — он должен был так рассчитать силу предназначенной к отправлению в Азию армии, ее вооружение, организацию и отношения между различными родами оружия в ней, чтобы иметь право чувствовать полную уверенность в успехе.

Уже царь Филипп довел численность македонского войска до приблизительно 30 000 пехотинцев и 4000 всадников; при нем оно получило свое своеобразное устройство; это была развитая военная организация греков, перенесенная в условия Македонии и усовершенствованная дальше сообразно с ними; эти реформы естественным образом были направлены к тому, чтобы иметь возможность употреблять в дело разные роды оружия, пехоту и конницу, легко- и тяжеловооруженные войска, ополчение и наемные войска с несравненно большей свободой и более совершенными результатами, чем те, которые были до сих пор достигнуты военным искусством греков.

При своем выступлении в Азию Александр, правда по известию, оказывающемуся весьма ненадежным, оставил в Македонии

под начальством Антипатра 12 000 пехотинцев и 1500 всадников, а их место заступили у него 1500 фессалийских всадников, 600 всадников и 7000 пехотинцев из греческих союзных войск, 5000 греческих наемников и, кроме того, пешие фракийцы и одрисские и пеонские всадники²¹. Общая численность двинутого к Геллеспонту войска, по самому достоверному известию, была «немного более 30 000 пехотинцев и более 5000 всадников»²².

Вся масса пехоты и кавалерии была разделена по родам оружия и по национальностям, а не так, как римские легионы и дивизии новейшего времени, представляющие собою благодаря соединению в себе всех родов оружия как бы армии в миниатюре. Против таких врагов, как народные полчища Азии, которые, не имея понятия о военном порядке и искусстве, собирают все свои силы только для одного решительного удара и считают все потерянным после одного поражения, а победой над организованными войсками выигрывают только новые опасности, против таких врагов распределение по роду оружия и по национальностям имеет преимущество самой простой тактической формы и естественной внутренней сплоченности; в тех же самых местах, где фаланга Александра победила войско Дария, семь римских легионов были потом опрокинуты бурными нападениями парфян.

Войско, которое Александр повел в Азию, сохранило в своей основе македонскую организацию; присоединившиеся к нему контингенты союзников, равно как и присоединенные к прежнему составу наемников наемные полчища, служили только для того, чтобы пополнять по возможности два элемента этой организации, в которую они вошли, — ее подвижность и устойчивость.

В греческой тактике тяжелая пехота была преобладающим родом оружия до тех пор, пока в пельтастах к ней не присоединилась легкая пехота, под ударами которой пали спартанцы. В боевом строю македонского войска эти две формы пехоты, фалангиты и гипасписты, составляли тоже самую сильную по численности часть войска²³.

Особенность фаланги составляло вооружение отдельных солдат и ее строевой порядок. Фалангиты — это гоплиты в греческом смысле, хотя они несколько легче вооружены, чем греческие²⁴; они вооружены шлемом, кольчужой²⁵, наколенниками и круглым щитом, прикрывающим всю ширину человека; главное их оружие составляет македонская сарисса, копьё в 14–16 футов длины²⁶, и короткий греческий меч. Предназначенные главным образом для рукопашного боя, они должны были строиться таким образом, чтобы, с одной стороны, быть в состоянии спокойно ожидать самого сильного натиска неприятеля, а, с другой стороны, одним верным ударом пробить ряды его; они обыкновенно строились в шестнадцать рядов²⁷, причем копьё первых пяти рядов выдавались перед фронтом, представляя для атакую-



щего неприятеля непроницаемую, недоступную стену; следующие ряды клали свои сариссы на плечи передних, так что нападение этой «боевой массы» благодаря страшной двойной силе тяжести и движения было положительно непреодолимо²⁸. Только пройденная каждым отдельным солдатом полная школа гимнастики делала возможными то единство, точность и быстроту, с которыми этой сплоченной на небольшом пространстве массе людей приходилось исполнять самые сложные движения²⁹; в сражении они представляют собою «движущиеся крепости», как две тысячи лет спустя татарский ага назвал сплоченные бранденбургские батальоны, состоявшие из каре пикинеров и мушкетеров. Таких македонских гоплитов, «педзетайров», в двинутом в Азию войске было шесть таксисов, или фаланг³⁰, находившихся под командой стратегов³¹ Пердикки, Кена, Аминты, сына Андромена, Мелеагра, Филиппа, сына Аминты, и Кратера; таксисы, по-видимому, были сформированы и набраны по областям: так, таксис Кена был из Элимиотиды, таксис Пердикки из Орестиды и Линкестиды, таксис Филиппа, которым впоследствии командовал Полисперхонт, из Тимфеи.

У греческих тяжеловооруженных, как наемников, так и союзников, были особые командиры; стратегом союзников был Антигон, бывший впоследствии царем, стратегом наемников Менандр, один из гетайров. Для крупных дел эти союзники и наемники, по-видимому, соединялись в одно целое с македонскими гоплитами таким образом, что определенное число лохов македонского таксиса, педзетайры, вместе с определенным числом лохов союзников и наемников образовали фалангу Пердикки, Кена и т.д.³² Общая сумма тяжелой пехоты в войске Александра должна была доходить до 18 000 человек.

Затем шло специально македонское войско гипаспистов. Чтобы иметь войско более подвижное при атаке, чем гоплиты, и более тяжелое, чем легковооруженное, уже афинянин Хабрий сформировал отряд воинов, снабженных холщевыми панцирями, более легким щитом и более длинным мечом, чем у гоплитов, под именем пельтастов. В Македонии этот новый род оружия, вероятно, был введен в тех войсках, которые в противоположность призывной милиции несли постоянную службу, на что, по-видимому, указывает их имя, означающее телохранителей, прикрывавших щитом (царя)³³. При походе 335 года мы видели на многих примерах применение к делу этого корпуса. Часто условия местности не позволяли свободно пустить в дело фалангу, еще чаще было необходимо предпринимать такие атаки, быстрые движения и захваты, для которых в фалангах было слишком мало подвижности, а в легких войсках недостаточно устойчивости; эти гипасписты были более других пригодны для занятия высот, захвата речных переправ и для поддержки и дальнейшего разви-

тия кавалерийских атак³⁴. Весь этот корпус, как он назывался «гипасписты гетайров», находился под командой сына Пармениона, Никанора, брат которого, Филота, начальствовал над конницей гетайров. Первый таксис назывался агемой, царской свитой гипаспистов³⁵.

В кавалерии первое место занимают македонские и фессалийские илы. Они состоят из конной знати Македонии и Фессалии; одинаковые по вооружению, по опытности и по славе, они соревнуются друг с другом в желании отличиться на глазах царя, который обыкновенно сражается во главе их. Значение этого рода оружия для предприятия Александра видно в каждом из данных им больших сражений и, быть может, еще более в быстрых переездах, как последнее преследование Дария и охота на Бесса. Одинаково страшные в массовой атаке и в единоборстве, всадники Александра своей стройностью и опытностью одолевали азиатскую конницу, в каких бы больших массах она ни появлялась, а их нападение на неприятельскую пехоту обыкновенно решало дело. Они носят шлем, нашейник, панцырь, наплечники и набедренники, и вооружены копьем и мечом при бедре³⁶. Македонскими гетайрами командует сын Пармениона, Филота, состоящий, по-видимому, в звании гиппарха³⁷; они называются «конницей гетайров». Они составляют восемь ил или эскадронов, называемых то по своим илархам, то по македонским местностям. В битве при Арбеле отдельные эскадроны находятся под командой Клита, Главка, Аристана, Сополида, Гераклида, Деметрия, Мелеагра и Гегелоха. Эскадрон Сополида называется по Амфиполю на Стримоне, эскадрон Браклида по местности Боттее и т.д. Эскадрон Клита³⁸ назывался царской илой и составлял агему конницы. Из фессалийских ил самая сильная и испытанная есть ила Фарсала³⁹, фессалийской конницей командует Калат, сын Гарпала.

В войске есть также и греческие всадники, принадлежащие к контингентам союзников⁴⁰; они обыкновенно действуют вместе с фессалийскими⁴¹, но составляют отдельный корпус; они находятся под командой сына Менелая, Филиппа. Всадники, набранные в Греции, появляются только при позднейших походах.

Наконец, следует упомянуть о легких войсках, пеших и конных. Они набраны отчасти в верхней Македонии, отчасти в землях фракийцев, пеонов и агрианов, и все носят обычное в каждой из этих стран оборонительное и наступательное оружие. Привыкшие уже на родине к охоте, разбою и бесчисленным мелким войнам между своими предводителями, они были пригодны для летучих стычек, прикрытия во время марша, — для всего того, применять к чему научились в начале восемнадцатого века пандуров, гусаров, уланов и татар.

Среди легкой пехоты самыми многочисленными были фракийцы, находившиеся под командой Ситалка, принадлежавшие



го, вероятно, к фракийскому княжескому дому⁴². Что они составляют несколько таксисов, можно заключить уже из их количества⁴³; они носят название аконтистов, метателей дротиков и, по-видимому, вооружены маленьким щитом, так как вооружение пельтастов составляет подражание фракийскому⁴⁴. Затем следуют агрианы⁴⁵, они тоже аконтисты и находятся под командой Аттала, который, вероятно, был сыном князя Лангара. Наконец, следуют стрелки из лука, отчасти македонские, отчасти наемные, главным образом с Крита; нет почти ни одного сражения, в котором они и агрианы не были бы впереди; в течение одного года место таксарха было три раза заменяемо новыми лицами; при начале войны ими командовал Клеарх⁴⁶.

Наряду с пехотой стоит легкая конница, отчасти македонская, отчасти пеоны, одрисы, племена, которые исстари славились своей превосходной конницей; их количества определить мы не можем. Пеонами командовал Аристон, одрисскими фракийцами Агафон, сын Тирима, происходившие, вероятно, оба из княжеского рода. Они и македонский корпус сариссофоров под начальством линкестийца Аминты носят название продромов, разведчиков⁴⁷.

Эти легкие войска внесли в войско Александра элемент, значение которого до тех пор не было вполне признано в греческом военном искусстве. Легкие войска в греческих армиях до Александра не могли приобрести большего значения ни благодаря своему количеству, ни благодаря своему применению к делу, и не могли освободиться от пренебрежительного до известной степени отношения, так как они отчасти происходили из простого народа, отчасти были наемными варварами, сила которых заключалась в искусстве нападать из засады, шумно атаковать и отступать в мнимом беспорядке, что казалось греческим воинам двусмысленным и антипатичным. Знаменитый спартанский полководец Брасид сам признавался, что нападение этих народов, когда они издают свой дикий боевой крик и угрожающе потрясают оружием, заключает в себе нечто страшное, а их своенравные переходы из нападения в бегство и из беспорядочного отступления в преследование нечто такое ужасное, что ему может противостать только строгий порядок греческого войска. Теперь эти легковооруженные народы явились существенной составной частью македонского войска, чтобы помогать его операциям сообразно с национальными особенностями своих военных приемов и, что касается, их самих, чтобы сдерживаться господствовавшей в этой армии суровой дисциплиной и приобрести большую ценность⁴⁸.

О расположении армии на походе и в лагере мы не имеем заслуживающих упоминания известий. В больших делах повторяется в существенных чертах одна и та же схема построения, которую мы опишем здесь в ее характеристических пунктах, что-

бы избежать повторений в нашем дальнейшем изложении. Центр составляет тяжелая пехота с ее шестью фалангами в правильно сменяющемся порядке, каждая фаланга под начальством своего стратега. К фалангам примыкают справа таксисы гипаспистов, а к этим последним восемь эскадронов македонской конницы в ее правильно сменяющемся порядке; легкие войска правого крыла, илы сариссофоров и пеонов, а также и агрианы и стрелки употребляются, смотря по обстоятельствам, для разведок, для подготовительной атаки, для прикрытия флангов на конце крыла и т.д. На левом крыле фаланги прежде всего, если только они не заняты в другом месте, например, для прикрытия лагеря, строятся фракийцы Ситалка, соответствуя как пельтасты гипаспистам правого крыла; затем идут контингенты греческой конницы, затем фессалийская конница, наконец легкие войска этого крыла, одрисские всадники Агафона, а в следующие годы войны также и второй отряд стрелков. Центр боевой линии находится между третьей и четвертой фалангой и от него считают оба «крыла», из которых правое, обыкновенно предназначенное для атаки, находится под командой царя, а левое под командой Пармениона.

Особенности армии Александра всего сильнее выступают в двух отношениях.

В греческих армиях число всадников было всегда ограниченное; в битвах Эпаминонда их численное отношение к пехоте возрастает до 1 : 10. В войске Александра оно почти вдвое больше, равняясь 1 : 6. Уже при Херонее Александр во главе конницы левого крыла блистательным образом решил почти проигранное сражение. Для войны против войск персидского царя, силу которых составляли конные народы Азии, он усилил именно этот род оружия, которому предназначил собственно наступательную роль; врага должно было поразить в его сильной стороне⁴⁹.

Заслуживает внимания то, что стремя и подковы были неизвестны грекам и македонянам; правда, они были неизвестны также и конным народам Азии, которым иначе уже одно это преимущество дало бы положительный перевес. При невероятных трудах, при длинных переходах в зимнее время по скользкому льду горных дорог, которые при своих позднейших походах Александр заставлял делать лошадей своей конницы, мы не должны забывать отсутствие подков. Не меньшим увеличением трудностей для всадников было то, что им приходилось ездить без седла и стремян, только на крепко привязанных покрывалах; в сражении отсутствие стремян для всадника было такою помехою, как мы это с трудом можем себе представить. Будучи принужден действовать копьем и мечом, не стоя на стременах, но только сидя, он, так сказать, располагал силой только верхней части своего туловища и поэтому приходилось тем более рассчитывать на силу удара сомкнутой массы, чтобы пробиться через ряды неприятеля



ля. Как кажется, главной целью при обучении всадников было приучить их к полной свободе движений на лошади, следы чего, быть может, мы еще можем найти в относящихся к этому времени статуях⁵⁰.

Еще более характерным отличием этой армии является то, что в ней были не только офицеры, но настоящее офицерское сословие. Как в позднейшие века основанное Густавом Адольфом *Gymnasium illustre* для дворян было настоящей «Академией кавалерийских упражнений», так и «Соматофилаксия», отряд «детей царских» в военном и научном отношении был школой знатной македонской молодежи; из нее вышли «гетайры» конницы, офицеры гипаспистов, педзетайров, сарриссофоров и т.д., чтобы затем дойти до более высоких степеней, как это видно еще из многих примеров такого повышения. Высшее положение занимали или, по крайней мере, ближе всего стояли к царю семь соматофилаков и, как кажется, называвшиеся гетайрами в тесном смысле⁵¹, причем и те и другие постоянно находились в распоряжении царя, чтобы служить ему советом и делом и временно принимать на себя командование. Затем высшим офицером после царя был старый Парменион, а в Македонии Антипатр, но носили ли они особый титул, неизвестно. Затем шли — мы, правда, не знаем, в каком порядке⁵², — гипархи различных корпусов кавалерии, стратеги фаланг, гипаспистов, греческих союзников и наемников; затем, вероятно, илархи кавалерии, хилиархи гипаспистов, таксиархи педзетайров и т.д. Когда иногда приглашаются в военный совет также и «гегемоны» союзников и наемников⁵³, то, по-видимому, под этим понимаются начальствующие лица, как Ситалк, начальствовавший над фракийскими аконтистами. Аттал, начальник агрианов, и Агафон и Аристон, командовавшие над одрисскими и пеонскими всадниками, быть может, также и командиры греческих контингентов и лохов греческих наемников⁵⁴.

Таково было войско Александра⁵⁵. Его отец организовал его, закалил суровой дисциплиной и многочисленными походами и, крепко соединив фессалийскую конницу с македонской, создал еще невиданную в греческом мире кавалерию. Но до полного применения к делу своего военного превосходства, до свободного и полного владения своей собственной силой, можно даже сказать, до понимания ее — Филипп не поднялся; при Херонее, где он командовал македонскими всадниками правого крыла, он не пробил наступавшей линии неприятеля и приказал даже фаланге отступить, хотя и сохраняя полный порядок; атака Александра с фессалийской конницей левого крыла на быстро наступавшую линию неприятеля решила успех дня. Уже тогда, а еще более в сражениях 335 года, Александр показал, что он умеет смелее, неожиданнее и всегда с решающим успехом применять к делу непреодолимую наступательную силу этого войска, а равным об-

разом и то, что он в одно и то же время является полководцем и первым солдатом своего войска и его передовым бойцом в полном смысле слова. Характер его личного участия и то, что он всегда шел на неприятеля во главе решающей атаки воспламеняло более, чем что бы то ни было другое, соревнование его офицеров и войск. По численности его войско было невелико, но оно вступило в Азию, имея такую стройную организацию, такое тактическое совершенство отдельных родов оружия, такого предводителя, и такую уверенность в своем моральном превосходстве, что не сомневалось и в победе.

Персидское царство не имело задатков к тому, чтобы оказать успешное сопротивление; в его обширности, в отношении к покоренным народам, в исполненной недостатками организации управления и войска лежала уже необходимость его падения.

Если мы бросим взгляд на состояние персидского царства в то время, когда вступил на престол Дарий III³⁶, то мы без труда увидим, что оно было близко к окончательному распадению и гибели. Причина лежала не в упадке нравов двора, господствующего племени и подвластных народов; постоянный спутник деспотизма, этот упадок нравов никогда не подрывал силы деспотизма, которые, как это в течение достаточно долгого времени доказало царство османов, может оказывать постоянно новые и новые успехи со всех сторон на поприще дипломатии и на поле битвы, несмотря на отвратительную жизнь двора и гарема, на постоянное коварство и низость вельмож, на насильственные перемены властителей и зверскую жестокость против бывшей еще вчера всемогущей партии. Несчастьем Персии был ряд слабых правителей, которые не могли держать в руках бразды правления настолько твердо, насколько это было необходимо для дальнейшего существования государства; последствием этого явилось то, что среди народов исчез страх, среди сатрапов исчезло повиновение, а в царстве — единственное поддерживавшее его объединяющее начало; среди народов, которые еще повсюду сохранили свою древнюю религию, свои законы и нравы и отчасти своих туземных князей, усилилось стремление к самостоятельности, в сатрапах, этих слишком могущественных наместниках обширных и далеких земель, жажда независимости, а в правящем народе, который, привыкнув к находившейся в его руках власти, забыл условия, при каких родилась эта власть и данные для сохранения ее долгое время: равнодушие к персидскому царю и к роду Ахеменидов. В течение следовавших за походом Ксеркса в Европу ста лет почти полного бездействия в греческих землях развилось своеобразное военное искусство, вступать в борьбу с которым Азия и избегала и разучилась; поход десяти тысяч показал, что греческое военное искусство сильнее, чем несметные полчища Персии; на это искусство полагались сатрапы, когда они

возмущались, на него полагался царь Ох, когда он выступал, чтобы подавить восстание в Египте; так что государство, основанное победами персидского оружия, было принуждено поддерживать себя греческими наемниками.

Ох еще раз восстановил внешнее единство своего царства и с помощью требуемой деспотизмом кровавой строгости сумел придать авторитет своей власти; но было уже слишком поздно: он сам впал в бездействие и слабость, сатрапы сохранили свое слишком могущественное положение, а народы, особенно принадлежавшие к западным сатрапиям, не забыли под возобновившимся гнетом, что они были уже близки к тому, чтобы стряхнуть его. После ужасных новых смут престол, наконец, достался Дарию; если бы он был не добродетелен, а энергичен, не великодушен, а безжалостен, не кроток, а деспотичен, он мог бы спасти свое царство; персы его обожали, его сатрапы были ему преданы, но это не было спасением; он был любим, не возбуждал страха, и скоро должно было выясниться, для скольких вельмож его государства их личная выгода была дороже воли и милости властелина, в котором они могли изумляться всему, кроме величия монарха.

Царство Дария простиралось от Инда до греческого моря, от Яксарта до ливийской пустыни. Его господство или, скорее, господство его сатрапов не разнилось сообразно с характером различных народов, над которыми они господствовали; оно нигде не было народным, нигде не было упрочено органически развившимся и имевшим глубокие корни устройством; оно ограничивалось произволом минуты, постоянными вымогательствами и известной наследственностью должностной власти, вошедшей, совершенно вопреки смыслу монархизма, в течение долгого господства слабых царей, в обычай, так что персидский царь почти не имел над ними другой власти, кроме власти оружия или той, которой они готовы были подчиняться из личных расчетов. Национальные особенности, продолжавшие существовать во всех странах персидского царства, делали дряхлый колосс еще более неспособным подняться, чтобы оказать сопротивление; народы Ирана, Арианы и земель Бактрии были воинственны и довольны всякою властью, лишь бы она только вела их к войне и добыче; гирканские, бактрские и согдианские всадники составляли постоянные войска сатрапов в большинстве провинций; но особенной приверженности к персидскому царскому дому у них не было и следа и, насколько некогда в народных войсках Кира, Камбиза и Дария они были страшны, когда нападали, настолько же мало теперь они были способны к серьезной и упорной обороне, особенно когда против них стояла боевая опытность и мужество греков. Народы же запада, покорность среди которых поддерживалась всегда с трудом и часто только с помощью кровавого насилия, были, конечно, даже рады оставить дело Персии при

приближении к их границам победоносного неприятеля. Олигархия или тираны, существование которых зависело от могущества сатрапов и персидского царства, едва были в силах удерживать греков на берегах Малой Азии в зависимых отношениях, а жившие внутри полуострова народы, испытывая постоянный гнет в течение двух столетий, не имели ни силы, ни интереса стоять за Персию; даже в прежних восстаниях мало-азиатских сатрапов они не принимали участия; они были тупы, пришиблены и забыли свое прошлое. То же можно было сказать и об обеих Сириях по сю и по ту сторону Евфрата; многовековое рабство согнуло этим народам спину, они принимали с покорностью все, что их ни ожидало; только на берегу Финикии сохранились старинные жизнь и оживление, представлявшие для Персии более опасности, чем верности, и только соперничество с Сидоном и собственные выгоды могли сохранять Тир верным персам. Наконец, Египет никогда не забывал и не отрекался от своей ненависти к чужеземцам, и опустошительный поход Оха хотя и ослабил его, но не склонил его на сторону Персии. Все эти земли, завоеванные персидским царством себе на гибель, при смелом нападении с запада надо было считать почти потерянными.

Поэтому издавна главной заботой персидской политики была поддержка соперничества между государствами Греции, стремление ослаблять сильных, натравливать на них слабых, поддерживать этих последних и с помощью выработанной системы подкупа и возбуждения раздоров препятствовать эллинам действовать сообща, чему Персия не была бы в состоянии оказать сопротивление. Это долго удавалось, пока, наконец, македонское царство, подвигаясь вперед быстрыми и уверенными шагами, не начало угрожать сделать все эти попытки бесполезными. После победы при Херонее с последовавшим за ней основанием Эллинского союза при дворе в Сузах должны были знать, что предстоит впереди.

Только Дарий — он сделался царем около того времени, когда был убит Филипп — принял меры против переходивших уже через Геллеспонт войск. Он поручил родосцу Мемнону, брату Ментора, наличных греческих наемников, с приказанием выступить против македонян и защищать границы государства. Нетрудно было видеть, что таким образом можно было задержать отдельный корпус, а не македонско-греческое войско, которого авангардом он был, и которое уже готовилось к переправе в Азию; точно так же было невозможно до его прихода набрать, стянуть в одно место и послать в Малую Азию персидское государственное ополчение; самым легким и благоразумным казалось убить опасность в корне. Были завязаны сношения с македонским двором, и царь Филипп — так заявляет Александр в одном позднейшем письме к персидскому царю⁵⁷ — был убит с его ве-

дома и согласия. Возбуждавшее тревогу предприятие было, по-видимому, разрушено одним ударом, а начавшиеся в Фессалии, Греции, Фракии и Иллирии волнения заставили забыть даже самые последние опасения; когда же Аттал во главе своих войск и по соглашению с руководящими государственными мужами Афин объявил себя против вступления Александра на престол, тогда персидские интриги, по-видимому, еще раз одержали победу. Теперь Мемнон обратился против Магнесии, занятой Парменионом и Атталом, и с помощью ловких маневров нанес им чувствительный урон. Тем временем Александр привел в порядок дела в Македонии и восстановил спокойствие в Греции; Аттал был устранен и войска быстро вернулись к верности; Парменион с одной частью войска завоевал Гринею и обратился затем против Питаны, между тем как Каллат, сын Гарпала, с другой частью старался утвердиться в глубине области Трояды⁵⁸. Необходимость для македонского царя предпринять поход против фракийцев, трибаллов и иллирийцев дала персидскому двору еще более времени для приготовлений; царское войско и флот на морских берегах были собраны; но все-таки главным образом надо было рассчитывать на возмущение и отпадение в Греции и ждать, что удастся сделать Мемнону со своими незначительными боевыми силами.

Главным оборонительным пунктом против вторжения со стороны Геллеспонта был Кизик; выстроенный на острове, отделенный от близлежащего материка только мелким проливом, окруженный в последние десятилетия крепкими стенами, снабженный верфями для 200 триер, этот густо населенный свободный город представлял для того, кто им владел или чью сторону он брал, позицию, которая господствовала над Пропонтидой, азиатским берегом до Лампсака и входом в Геллеспонт с востока. Для македонского корпуса в Азии было весьма важно, что этот город не был на стороне персов. Мемнон думал захватить его врасплох; во главе 5000 греческих наемников он выступил из своих владений — в западной Вифинии⁵⁹ — и быстрыми переходами подступил к городу; ему едва не удалось овладеть Кизиком, ворота которого были не заперты, так как обитатели думали, что видят перед собою войско Каллата; когда это не удалось, он опустошил область города и поспешил в Эолиду, где Парменион осаждал Питану; появление Мемнона заставило последнего снять осаду города. Затем (город Лампсак тоже принадлежал ему) он быстро направился в Трояду, где нашел Каллата уже значительно подвинувшимся вперед; Лампсак служил Мемнону прекрасным опорным пунктом для его движений; превосходя неприятеля по численности своего войска, он одержал в сражении победу, и Каллат был принужден отступить к Геллеспонту и ограничиться занятием крепкой позиции в Ротее⁶⁰.

Не видно, удержал ли Каллат за собой даже эту позицию; во всяком случае вскоре Парменион лично явился ко двору в Пелле. Быть может, его отозвал царь, потому что по окончании похода на север казалось нужным удержать за собою только пункты, прикрывавшие переправу в Азию и составлявшие как бы голову моста; а имея флот неподалеку, для этого было достаточно небольшого числа войска в Ротее и, пожалуй, в Авиде⁶¹. Тем страннее, что Мемнон, бывший превосходным полководцем, не принял более энергичных мер, чтобы очистить весь берег; сатрапы впоследствии упрекали его, что он, чтобы сделать себя необходимым, старается протянуть войну; или это была правда, или зависть сатрапов лишила его средств сделать большее.

Весною 334 года флот персидского царя был готов к выступлению в море; сатрапам и военачальникам Малой Азии был послан приказ подойти ближе к берегу и вступить в сражение с македонянами на самом пороге Азии. Это войско собралось в равнине Зелеи, — 20 000 человек персидских, бактрских, мидийских, гирканских и пафлагонских всадников и столько же греческих наемников⁶², войско, которое, как это скоро выяснилось, было храбро и достаточно велико для того, чтобы, имея хорошего вождя, преградить путь неприятелю. Но персидский царь не назначил никакого высшего военачальника; решающий голос относительно хода операций принадлежал общему совету вождей; это были, кроме Мемнона, Арсит, гиппарх Фригии на Геллеспонте, области, которой опасность грозила прежде всего, Спифридат, сатрап Лидии и Ионии, Атихий, сатрап Великой Фригии, Мифробузан, гиппарх Каппадокии, перс Омар и другие персидские вельможи⁶³. Несомненно, что Мемнон был среди них самым опытным, если не единственным полководцем; но ненавидимый как грек и любимец царя, он имел в военном совете менее влияния, чем это было бы желательно для успеха персидского дела.

Во время этих делавшихся в Малой Азии приготовлений приготовления Александра настолько подвинулись вперед, что он мог выступить в начале весны 334 года⁶⁴. Он прошел через Амфиполь на Стримоне вдоль берега через Абдеру, Маронею и Кардию, и на двадцатый день был в Сеете. Его флот был уже на Геллеспонте. Парменион получил приказ вести из Сеста в Авид конницу и большую часть пехоты. С остальной частью пехоты царь двинулся в Элеунт, лежавший напротив троянского берега, чтобы принести жертву на могильном холме Протесилая, первого героя, павшего в войне против Трои, чтобы поход на восток был для него счастливее, чем для Протесилая. Затем войско было посажено на корабли; 160 триер и множество грузовых судов⁶⁵ крейсировали в эти дни между прекрасными, блиставшими роскошной весенней растительностью берегами Геллеспонта, который некогда был поработен и подвергнут бичеванию Ксерксом; Алек-



сандр, стоя сам на руле своего царского корабля, направлял его от могилы Протесилая к лежавшей напротив бухте, которая со времен Ахилла и Агамемнона называлась гаванью ахейцев и над которой высились надгробные курганы Аякса, Ахилла и Патрокла. Посреди Геллеспонта он принес жертву Посейдону и сделал из золотой чаши возлияние nereидам. Затем они приблизились к берегу; триера Александра достигла берега первою; с носа корабля царь метнул свое копьё в страну неприятеля, и затем первым из всех выскочил в полном вооружении на берег. Он отдал приказ, чтобы отныне, в воспоминание, на этом месте были воздвигнуты алтари. Затем в сопровождении стратегов и свиты гипаспистов направился к развалинам Илиона, принес в жертву в храме илионской Афины, посвятил ей свое оружие и взял вместо него оружие храма, и первым долгом священный щит, слышавший щитом Ахилла⁶⁶. На алтаре Зевса-хранителя очага он принес жертву также и тени Приама, чтобы смягчить его гнев против рода Ахилла, так как сын Ахилла убил престарелого царя у священного очага. Но особенно почтил он память своего великого предка Ахилла: он возложил венки на могилу героя и возлил на нее благоухания; его друг Гефестион сделал то же на могиле Патрокла; затем были даны разнообразные игры. Многие туземцы и эллины явились, чтобы поднести царю золотые венки, между ними был афинянин Харет, властитель Сигея, тот самый, выдачи которого Александр потребовал год тому назад. В заключение празднеств царь приказал восстановить Илион, даровал гражданам нового города автономию и свободу от податей и обещал не забывать о них и после.

Затем он двинулся к равнине Арисбы, где стояло лагерем остальное войско, высадившееся на берег у Авида под начальством Пармениона⁶⁷. Немедленно был отдан приказ выступить навстречу неприятелю, который, как было известно, сосредоточился у Зелеи, милях в пятнадцати к востоку. Путь шел через Перкоту в Лампсак, город Мемнона⁶⁸; граждане его не видели для себя никакого другого спасения, как через посольство просить царя о помиловании; во главе посольства стоял Анаксимен, известный ученый и радушно принимавшийся ранее царем Филиппом человек; по его ходатайству Александр простил город⁶⁹.

Из Лампсака войско двинулось дальше, идя недалеко от берега, имея в авангарде линкестийца Аминту с илой конницы, что из Аполлонии, и четыремя илами сариссофоров. При их приближении сдался город Приап, лежавший на Пропонтиде недалеко от устьев Граника; этот пункт, господствующий над пересекаемой Граником равниной Адрастеи, был важен именно теперь, когда по донесениям Аминты персидское войско подступило к берегам Граника и поэтому здесь следовало ожидать первого столкновения с неприятелем.

Если Александр, как это было ясно, желал дать сражение по возможности скоро, то персы тем более должны были стараться избежать его. На военном совете в Зелее Мемнон не советовал вступать в сражение, в котором нечего было рассчитывать на победу или, в случае победы, на какие-либо выгоды; пехота македонян, говорил он, значительно превосходит персидскую, и они вдвойне опаснее потому, что будут биться под начальством своего царя, тогда как в персидском войске Дарий отсутствует; предполагая даже, что персы одержат победу, все-таки тыл македонян останется прикрытым и вся их потеря будет состоять в неудачном нападении; персы же, будучи побеждены, потеряют страну, которую они должны защищать; единственно выгодным исходом является избегать всякого решительного сражения; войско Александра снабжено провиантом только на короткое время, должно медленно отступать, оставляя позади себя пустыню, где неприятель не найдет ни корма, ни скота, ни крова; тогда Александр будет побежден без боя, и небольшие жертвы спасут персов от более крупных и неподдающихся предварительному расчету. Мнение Мемнона не встретило сочувствия в совете персидских полководцев, его считали недостойным величия Персии; особенно горячо возражал Арсит, сатрап Фригии на Геллеспонте: в своей сатрапии, говорил он, он не позволит зажечь ни одного дома. Остальные персы подали вместе с ним голос за сражение, столько же из желания сразиться, сколько из нелюбви к иноземцу греку, уже теперь пользовавшемуся слишком большим значением у персидского царя и, по-видимому, желавшему затянуть войну, чтобы еще более подняться в милости царя. Они двинулись навстречу македонянам к берегам Граника, решив воспрепятствовать с крутых берегов этой реки всякому дальнейшему движению Александра, и построились на правом берегу таким образом, что самый берег был занят персидской конницей, и шедший от реки подъем — стоявшими на некотором расстоянии греческими наемниками⁷⁰.

Тем временем Александр через равнину Адрастеи подвигался к Гранику, разделив тяжелую пехоту на две колонны, составлявшие правое и левое крыло, и имея на правом фланге македонскую, а на левом фессалийскую и греческую конницу; вьючный скот и большая часть легкой пехоты следовали за колоннами; авангард составляли сариссофоры и человек пятьсот легкой пехоты под начальством Гегелоха. Уже главная масса войска приближалась к реке, как вдруг быстро прискакало несколько сариссофоров с известием, что неприятель стоит по ту сторону реки в боевом порядке, и что конница расположена длиною линией по крутому и глинистому берегу реки, а пехота — на некотором расстоянии позади. Александр понял заключавшуюся в диспозиции неприятеля ошибку: тут поручалась войскам, задача которых состояла в стремительном нападении, оборона трудной местности, а пре-

красных греческих наемников делали праздными зрителями боя, который только им и был бы по плечу; смелой кавалерийской атаки должно было быть достаточно, чтобы утвердиться на противоположном берегу и этим выиграть сражение, а следовавшие за конницей гипасписты и фаланги должны были упрочить этот успех и извлечь из него плоды. Он приказал войскам, шедшим походной колонной, растянуться направо и налево и построиться в боевой порядок. Парменион явился к нему, чтобы отсоветовать вступать в сражение: благоразумнее было бы, говорил он, сначала стать лагерем на берегу реки; неприятель, уступающий им по количеству пехоты, не решится провести ночь вблизи македонян, отступит и таким образом будет возможно произвести на следующее утро переправу без всякой опасности, прежде чем персы снова подойдут и выстроятся в боевой порядок: день близится к концу, река во многих местах глубока и стремительна, противоположный берег крут, линией переходить нельзя, а надо переправляться через реку колоннами; неприятельская конница нападет на них с флангов и перерубит их прежде, чем дело дойдет до боя; первая неудача будет чувствительна не только в настоящую минуту, но также сильно повлияет и на исход войны⁷¹. Царь отвечал: «Я это прекрасно понимаю, но мне было бы стыдно, если бы, когда мы так легко переправились через Геллеспонт, эта маленькая речка могла задержать нашу переправу; это не соответствовало бы также ни славе македонян, ни моему обыкновению встречать опасность лицом к лицу; персы же, я полагаю, если не узнают немедленно, перед чем трепетать, ободрятся, воображая, что они могут выдержать сравнение с македонянами». С этими словами он отослал Пармениона на левое крыло, которым тот должен был начальствовать, а сам поскакал к находившимся на правом крыле эскадронам.

По блеску его оружия, по красовавшемуся на его шлеме белому перу и по почтительному отношению к нему окружающих находившиеся на противоположном берегу персы увидели, что Александр находится против их левого крыла и что отсюда следует ожидать главного нападения; они поспешно выстроили плотными рядами ядро своей конницы у самого берега против него; здесь находился Мемнон со своими сыновьями и Арсам со своими собственными всадниками; затем следовала боевая линия фригийского гиппарха Арсита, сатрап Лидии Спифридат с гирканскими всадниками и находившимися в его свите сорока знатными персами, затем далее состоявший из отрядов конницы центр, и наконец правое крыло под начальством Реомифра⁷². Некоторое время оба войска стояли молча друг против друга в напряженном ожидании, — персы, готовые броситься на врага, когда он, переправившись через реку и не успев еще построиться, начнет подниматься на крутые берега, Александр же — ища

быстрым взглядом, как и где возможно нападение. Затем он сел на боевого коня, пригласил войска следовать за ним и мужественно сражаться и подал знак к нападению. Впереди был линкестиец Аминта с сариссофорами, пеонами и одним таксисом⁷³, к нему была присоединена ила Аполлонии под командой Птолемея, сына Филиппа, которой в этот день принадлежало первое место среди конницы и право произвести первое нападение⁷⁴. Когда они вошли в реку⁷⁵, при звуке труб и боевых песен за ними последовал царь во главе остальных ил гетайров; тем временем, пока нападение Птолемея займет крайнее левое крыло, он хотел сделать с семью илами полуоборот направо, напасть на центр неприятеля и привести его в расстройство, опираясь справа на Птолемея, а слева на наступавшую линию пехоты. Левое крыло Пармениона, следуя косою линией по течению реки, должно было ослабить правое крыло неприятеля.

Аминта и Птолемей приблизились к занятому неприятелем берегу реки и сражение началось. Персы, во главе которых здесь находились Мемнон и его сыновья, старались всеми зависящими от них мерами отразить их нападение, бросая свои метательные копьа с высокого берега, или же подойдя к самой реке, и стараясь оттеснить выходявших на берег; эти последние, задерживаемые еще более находившейся на берегу вязкой глиной, только с трудом могли удержаться и понесли большие потери, особенно те, которые были направо, тогда как бывшие левее уже имели поддержку. Царь с агемой конницы⁷⁶ был уже на другом берегу, и уже атаковал то место берега, где была сосредоточена наиболее густая масса неприятеля и где находились военачальники. Тотчас же здесь, около самого царя, завязался ожесточеннейший бой, к которому одна за другой примыкали другие илы, переходившие затем через реку; этот бой конницы своим упорством, постоянством и яростью рукопашной схватки походил на битву пехоты; конь с конем, человек с человеком, македоняне бились своими копьями, персы своими более легкими дротиками, а затем своими кривыми саблями; первые старались отбросить персов от берега на равнину, вторые отбросить македонян обратно в реку. Белый султан царя виднелся среди самой густой сечи; в пылу боя его копье сломалось, он крикнул своему конюшему, чтобы ему подали другое; но и у того копье было сломано и он бился обернутым тупым концом; едва успел Демарат Коринфский подать царю свое оружие, как подскакал новый отряд избранных персидских всадников; их начальник Митридат скакал впереди прямо на Александра и его дротик ранил царя в плечо; копье Александра повергло персидского князя мертвым на землю. В ту же минуту Рисак, брат павшего, бросился на Александра и раздробил ударом сабли его шлем, так что сабля оцарапала даже кожу на лбу царя; Александр через кольчугу глубоко вон-

зил в его грудь свое копье, и Рисак опрокинулся назад с лошади. К царю подскочил лидийский сатрап Спифридат; уже он занес над спиной царя свою саблю, чтобы нанести смертельный удар, но его предупредил черный Клит: одним ударом меча он отделил его руку от туловища и затем нанес ему смертельный удар. Бой становился все яростнее; персы бились с величайшей храбростью, чтобы отомстить за смерть своего князя, между тем как через реку, нападая и рубя, переправлялись все новые и новые отряды; тщетно старались противостоять им Нифат, Петин и Митробузан; тщетно Фарнак, зять Дария, и Арбулал, внук Артаксеркса, старались удержать свои, готовые уже рассеяться, войска; скоро они пали мертвыми на поле сражения. Центр персов был разбит, и бегство сделалось всеобщим; на поле сражения осталось около тысячи, а по другим источникам две с половиной тысячи персов, а остальные бежали врасыпную с поля битвы. Александр не стал далеко преследовать их, так как на высотах стояла еще вся масса неприятельской пехоты под командой Омара, решившись поддержать славу греческих наемников в бою против македонского оружия. Это было все, что им оставалось; праздные зрители кровавой борьбы, которая при их участии, может быть, была бы выиграна, не имея определенных приказаний на тот случай, в возможность которого не верила гордость персидских князей, они остались стоять сомкнутыми рядами на своих высотах; беспорядочное бегство конницы принесло их в жертву; предоставленные самим себе, они ожидали нападения победоносного войска и своей гибели, решившись продать свою жизнь возможно дорогою ценою⁷⁷. Александр двинул на них фалангу и одновременно приказал атаковать их со всех сторон коннице в ее полном составе, даже фессалийской и греческой коннице левого крыла. После короткой, но отчаянной борьбы, в которой под царем была убита лошадь, наемники были побеждены; удалось спастись только тем, которые скрылись между телами убитых; две тысячи этих наемников были взяты в плен.

Потери Александра были сравнительно незначительны; при первой атаке на поле битвы осталось двадцать пять всадников из илы Аполлония и, кроме того, пало около шестидесяти всадников и тридцати пехотинцев⁷⁸. На следующий день они были погребены в полном вооружении и со всеми воинскими почестями, а остававшиеся дома родители и дети их освобождены от податей⁷⁹. Александр лично позаботился о раненых, обошел их, осмотрел их раны и выслушал от каждого рассказ о том, как он их получил. Он приказал похоронить также и павших персидских вождей и греческих наемников, нашедших смерть на службе врагу; но зато взятые в плен греки были закованы в цепи и отосланы в Македонию на общественные каторжные работы за то, что они, вопреки общему постановлению Греции, сражались против Гре-

ции за персов; только фиванцы получили прощение. Богатый персидский лагерь попал в руки Александра; он разделил победную добычу со своими союзниками; своей матери Олимпиаде он послал золотые кубки, пурпуровые ковры и другие драгоценности, найденные в шатрах персидских князей, а в память двадцати пяти всадников, павших первыми в бою, приказал ваятелю Лисиппу отлить столько же бронзовых статуй и выставить их в Дионе; в Афины, в дар Палладе Афине, он послал триста полных вооружений с надписью: «Александр, сын Филиппа, и эллины, за исключением лакедемонян, отняли у варваров в Азии».

Победа при Гранике уничтожила армию Персии по сю сторону Тавра; войско сатрапий, служивших передовым оплотом государства, было рассеяно, пало духом и настолько уменьшилось в своем составе, что не могло более решиться на встречу с македонянами в открытом поле; персидские гарнизоны, расположенные во всех больших городах, слишком незначительные для того, чтобы выдержать нападение победоносной армии, могли тоже считаться побежденными. Кроме того, многие предводители персов, в числе их лидийский сатрап, пали; Арсит, гиппарх Фригии на Геллеспонт, вскоре после сражения сам лишил себя жизни, как говорили, вследствие упреков совести и из боязни ответственности, и, наконец, важные приморские области тем легче должны были сделаться добычей македонян, что в богатых греческих городах все еще продолжали существовать проникнутые демократическим образом мысли люди, которым теперь представлялся случай освободиться от персидского ига и от приверженных к Персии олигархов.

Александр не мог колебаться насчет того, куда теперь направиться, чтобы самым выгодным образом воспользоваться плодами своей победы и усилить ее значение. Быстрое движение в глубь Малой Азии доставило бы ему обширные области, крупную добычу, землю и людей; но его целью было уничтожить армию персидского царя; теперь в Эгейском море уже находился персидский флот, который, если бы он двинулся в глубь страны, мог бы оперировать за спиной царя, овладеть берегами и завязать сношения с Элладой. Александр должен был предупредить это своими успехами на суше; чтобы двинуться далее к востоку, он должен был создать себе возможно обширный и прочный операционный базис; если же он будет опираться только на Геллеспонт, то сатрапии Эгейского моря останутся в руках неприятеля, который может оттуда тревожить его фланг. Чтобы иметь возможность двинуться за Тавр, было необходимо владеть всем западным и южным берегом Малой Азии. Впечатление выигранной победы тем быстрее и тем надежнее заинтересовывало в победе греческого элемента эти приморские области, что они были полны греческих или эллинизированных городов.



Александр поручил сатрапию во Фригии на Геллеспонте Калату, сыну Гарпала, который был уже знаком с этой местностью благодаря двухлетнему пребыванию в ней и казался самым подходящим лицом для управления этой столь важной в военном отношении областью; в управлении не было введено никаких дальнейших перемен, даже повинности остались теми же, как они платились персидскому царю. Большинство негреческих обитателей центральных областей Малой Азии явились с добровольным изъявлением покорности; они были тотчас же отпущены на родину. Зелиты, выступившие к Гранику вместе с персидским войском, получили прощение, потому что они принимали участие в бою по принуждению. Парменион был отправлен в Даскилий, резиденцию фригийского сатрапа; он занял город, уже очищенный персидским гарнизоном. Двигаться далее к востоку в этом направлении в настоящую минуту не было необходимости, так как для движения на юг Даскилий служил достаточным прикрытием.

Сам Александр направился к югу и пошел на Сарды, резиденцию сатрапии Лидии. Сарды были знамениты своей древней цитаделью, которая, расположенная на отдельной, обрывистой скале, выступающей от Тмола в равнину, и окруженная тройною стеною, считалась неприступной; в ней находилось казнохранилище этой богатой сатрапии, дававшее начальнику города возможность увеличивать и содержать и без того уже значительный гарнизон, а сильное войско в Сардах могло бы служить самой лучшей опорой для персидского флота⁸⁰. Тем более приятной неожиданностью было, что, не доходя до города мили две, к Александру явился Мифрен, персидский начальник гарнизона, с самыми уважаемыми гражданами города, последние, чтобы передать царю город, первый — цитадель и казнохранилище. Царь послал вперед занять цитадель Аминту, сына Андромена, а сам последовал за ним после небольшой остановки; перса Мифрена он оставил около себя и всячески отличал его, настолько же для того, конечно, чтобы вознаградить его за покорность, как и для того, чтобы показать, как он ее награждает. Жителям Сард и лидийцам он возвратил свободу и гражданское устройство их отцов, которого они были лишены в течение двухсот лет, проведенных ими под гнетом персидских сатрапов. Чтобы почтить город, он решил украсить цитадель храмом олимпийского Зевса; когда он искал самое подходящее место для этого в пределах Акрополя, вдруг поднялась буря, и на то место, где некогда стоял дворец лидийских царей хлынул проливной дождь с громом и молнией; это место царь и выбрал, для храма, который отныне должен был украсить собою высокую цитадель знаменитого Креза⁸¹.

Сарды были вторым важным пунктом в операционной линии Александра, воротами к центральным землям Малой Азии, куда от этого центра переднеазиатской торговли вели большие доро-

ги. Правителем Лидии был назначен брат Пармениона Асандр; в качестве гарнизона сатрапии под его начальством был оставлен отряд конницы и легкой пехоты; с ним остались Никий и Павсаний, принадлежавшие к числу гетайров, Павсаний как комендант сардской цитадели и ее гарнизона, который был составлен из контингента Аргоса, а Никий для распределения и сбора повинностей. Другой корпус, состоявший из контингентов пелопоннесцев и других эллинов, был послан под командой Калата и линкестийца Александра, получившего вместо Калата команду над фессалийской конницей, в область, принадлежавшую родосцу Мемнону⁸². После падения Сард могло казаться необходимым повести оккупацию дальше также и на левом фланге и, завладев более обширной частью берега Пропонтиды, обеспечить за собой ведущую в глубь страны по берегу Сангария дорогу. Наконец и флот — им командовал Никанор — после победы при Гранике получил приказ идти в Лесбос и Милет; вероятно, его появление было причиной, что Митилена примкнула к македонскому союзу⁸³.

Сам царь с главными силами двинулся из Сард в Ионию, города которой уже многие годы томились под игом персидских гарнизонов или державших сторону персов олигархов и которые, как они ни были пригнетены продолжительным рабством, громко призывали к себе еще не забытую древнюю свободу, которая теперь как бы чудом богов еще раз была готова возвратиться к ним. Нельзя сказать, чтобы такое настроение везде нашло себе громкое выражение; там, где олигархическая партия была достаточно сильна, демос должен был молчать; но можно было быть уверенным, что при приближении несущего освобождение войска демократия вспыхнет ярким пламенем; во всяком случае теперь, как это свойственно греческому характеру, о начале новой свободы свидетельствовали безграничная радость и страстная ненависть к угнетателям.

Эфес, царь ионийских городов, предупредил все другие великим примером. Еще во времена Филиппа, быть может вследствие известных коринфских постановлений 338 года, демос объявил себя свободным; Автофрадат подступил с войском к городу, потребовал к себе для переговоров его должностных лиц, затем во время переговоров напал со своими войсками на население, не думавшее ни о какой дальнейшей опасности, взял многих в плен, а многих приказал казнить⁸⁴. С этого времени в Эфесе снова находился персидский гарнизон и власть снова перешла в руки Сирфака и его рода.

В числе лиц, покинувших по смерти Филиппа двор в Пелле, находился Аминта, сын Антиоха, брат которого Гераклид начальствовал над илой конницы из Боттией; хотя Александр никогда не относился к нему иначе, как вполне милостиво, но Аминта, или сознавая за собою какую-либо вину, или питая какие-либо дур-

ные намерения бежал из Македонии⁸⁵ и явился в Эфес, где олигархия встретила его с полным почетом. Тем временем произошла битва при Гранике, Мемнон с жалкими остатками разбитого войска спасся на берег Ионии и бежал далее в Эфес. Здесь весть о поражении персов произвела сильнейшее волнение; в народе пробудилась надежда на восстановление демократии, и олигархии угрожала серьезная опасность. В это время перед городом появился Мемнон; партия Сирфака поспешила открыть ему ворота и, соединившись с персидскими войсками, начала яростно свирепствовать против народной партии; могила Геропифа, освободителя Эфеса, была открыта и осквернена, священное казнохранилище в большом храме Артемиды было разграблено, находившаяся в храме колонна со статуей царя Филиппа была опрокинута, — словом, произошло все то, что всегда еще более позорит конец тирании, чем ее начало⁸⁶. Тем временем победоносное войско Александра подступало все ближе и ближе; Мемнон уже отправился в Галикарнасс, чтобы принять там возможно лучшие меры обороны; и Аминта, не считавший себя более безопасным при таком возбужденном состоянии народа и не считавший возможным удержать в своих руках город против македонян, поспешил вместе с находившимися там наемниками захватить в гавани две триеры и бежал к персидскому флоту, который в количестве четырехсот кораблей уже появился в Эгейском море. Лишь только народ увидел себя освобожденным от войск, как он поднял знамя всеобщего восстания против олигархической партии; многие знатные граждане спаслись бегством; Сирфак, его сын и сыновья его братьев искали спасения в храме, но разъяренный народ оторвал их от алтарей и побил камнями; бросились искать еще оставшихся в живых, чтобы предать их такой же смерти. В это время Александр, через день после бегства Аминты, вступил в город, положил конец резне и приказал снова принять изгнанных в угоду ему граждан и навсегда установить демократию; повинности, платившиеся до сих пор Персии, он передал Артемиде и распространил принадлежавшее храму право убежища на одну стадию от ступеней храма⁸⁷. Может быть, вместе с этим были определены и новые границы принадлежавшей храму области, чтобы предупредить в будущем споры между храмом и политической общиной, во всяком случае посредничество царя положило конец раздорам в среде самой общины «и если что-нибудь служит к его славе», говорит Арриан, «то это то, что он тогда сделал в Эфесе».

В Эфесе к Александру явились уполномоченные от Тралл и Магнесии на Меандре, чтобы передать ему эти два важнейших в северной Карий города; занять эти города был послан Парменион с отрядом из пяти тысяч пехотинцев и двумястами всадниками⁸⁸. В то же время Алкимах⁸⁹, брат Лисимаха, был с таким же количеством войска отряжен на север в эолийские и иони-

ческие города с приказом везде уничтожить олигархию, восстановить народное правление, возобновить прежние законы и простить им платившиеся прежде Персии повинности. Последствием этих экспедиций было уничтожение также и в Хиосе олигархии, во главе которой стоял Аполлонид, падение тирании в городах Лесбоса Антиссе и Эресе и занятие Митилены македонским гарнизоном⁹⁰.

Сам царь остался еще некоторое время в Эфесе, бытность в котором сделало для него вдвойне приятною знакомство с Апеллесом, величайшим из живших тогда художников; в это время был написан портрет Александра с молнией в руках, еще долгое время впоследствии служивший украшением большого храма Артемиды⁹¹. Его занимали различные планы относительно восстановления греческих приморских городов⁹²; прежде всего он приказал восстановить город Смирну, распавшийся на несколько слобод со времени разрушения его лидийскими царями, соединить плотиной город Клазомены со служившим ему гаванью островом, перерезать клазоменский перешеек до Теосы, чтобы кораблям не нужно было делать далекого обхода кругом черного мыса; это предприятие не осуществилось, но еще в позднейшее время «союз ионийцев» праздновал в память своего освободителя игры в находившейся на перешейке, посвященной царю Александру, рошце⁹³.

Принеся затем жертву в храме Артемиды и произведя смотр войскам, выстроенным в полном вооружении и как бы перед боем, Александр со своим войском, состоявшим из четырех ил македонской конницы, фракийских всадников, агрианов и стрелков из лука, и приблизительно 12 000 гоплитов и гипаспистов, выступил на следующий день по дороге к Милету⁹⁴. Этот город благодаря своей обширной гавани при наступлении позднего времени года представлял величайшую важность для персидского флота. Начальник персидского гарнизона в Милете грек Гегесистрат предложил ранее в письме к царю сдать ему город, но, получив известие о близости большого персидского флота, решил сохранить для Персии этот важный порт. Тем более желал Александр завоевать его.

Милет лежит на косе на юге Латмийского залива, в трех милях к югу от мыса Микале и в четырех от острова Самоса, виднеющегося на горизонте над морем; самый город, разделяющийся на наружный и укрепленный толстыми стенами и глубокими рвами внутренний город, имеет в заливе четыре гавани, из которых самая большая и важная находится на острове Ладе, в некотором расстоянии от берега; достаточно обширная, чтобы принять под свою защиту целый флот, она не раз служила причиной того, что вблизи ее велись морские войны, решавшиеся с ее взятием; лежащие ближе к городу гавани отделены друг от друга небольшими скалистыми островками; они весьма удобны для торговли,



но не так обширны, и рейд острова Лады господствует над ними. Персы не притесняли этого богатого торгового города; ему была оставлена его демократия; он мог надеяться сохранить нейтральное положение между воюющими державами; он послал в Афины просить помощи⁹⁵.

Никанор, командовавший «греческим флотом», достиг высоты Милета еще до прибытия превосходившего его силами персидского флота и стал на якорь со своими ста шестьюдесятью триерами близ острова. Единовременно с этим под стенами города появился Александр, овладел наружным городом, обложил внутренний, а для укрепления важной позиции, которую представляла Лада, переправил на остров фракийцев и приказал флоту, как можно старательнее блокировать Милет со стороны моря. Три дня спустя показался персидский флот; персы, видя залив занятым греческими кораблями, двинулись по направлению к северу и бросили якорь у мыса Микале в количестве четырехсот кораблей.

Такая близость друг к другу греческого и персидского флота делала, по-видимому, решительное морское сражение неизбежным; многие стратеги Александра желали этого; в победе были уверены, так что даже старый осторожный Парменион высказался за сражение; на берегу, так говорит он у Арриана, у кормы Александрова корабля видели сидящего орла; греки всегда побеждали варваров на море, и этот вещий орел не оставляет никакого сомнения насчет того, какова воля богов; выигранное морское сражение принесет необыкновенную пользу всему предприятию, а в случае его проигрыша может быть потеряно только то, чего нет уже и теперь, так как персы со своими четырьмястами кораблями все-таки господствуют над морем; он сам изъявил готовность сесть на корабль и принять участие в сражении⁹⁶. Александр не согласился; по его мнению, решиться на морское сражение при теперешних обстоятельствах было бы и бесполезно, и опасно, было бы безумной смелостью со своими ста шестьюдесятью кораблями желать сразиться со значительно превосходящим по силам персидским флотом и со своими неопытными моряками против киприотов и финикийцев; македоняне, непобедимые на суше, не должны приноситься в жертву варварам на чуждом им море, где, кроме того, надобно принимать еще в соображение тысячи случайных обстоятельств; проигрыш сражения не только нанесет значительный ущерб ожидающимся от его предприятия результатам, но и послужит лозунгом к отпадению для эллинов; выгоды же победы не могут быть велики, так как ход его операций на суше сам собою уничтожит персидский флот; таков и смысл этого знамения; как орел сел на землю, так и он осилит персидский флот на земле; этого еще недостаточно, чтобы ничего не потерять, уже то, что ничего не выигрываешь, есть потеря. Флот остался стоять на рейде близ Лады.

Тем временем в лагерь царя явился один уважаемый милетянин, Главкипп, чтобы объявить от имени народа и наемных войск, в руках которых находится теперь город, что Милет одинаково готов открыть свои ворота и гавани македонянам и персам, если Александр согласится снять осаду. Царь отвечал, что он явился в Азию не для того, чтобы довольствоваться тем, что ему предложат, но сумеет заставить исполнить свою волю; пусть они ждут от его милости наказания или прощения за вероломство, побудившее город к преступному и бесполезному сопротивлению; пусть Главкипп скорее возвращается в город и объявит милетянам, чтобы они ждали штурма. На следующий день начали работать тараны и стенобитные машины и скоро часть стены превратилась в развалины; македоняне ворвались в город, а их флот, заметив с места своей стоянки начавшийся штурм города, поплыл к гавани и загородил вход в нее, так что триеры, стоя вплотную друг подле друга и оборотившись носами наружу, делали для персидского флота невозможным подать помощь милетянам, а для милетян спастись на персидский флот. Милетяне и наемники, теснимые в городе со всех сторон и потерявшие надежду вполне, искали спасения в бегстве; одни переплыли на своих щитах на один из лежавших в гавани скалистых островков, другие старались спастись от македонско-греческих триер на лодках; большинство погибло в городе. Овладев им, македоняне с самим царем во главе переправились на островок и уже с триер были приставлены лестницы к обрывистым берегам, чтобы высадиться силой; но тут царь, исполненный жалости к этим храбрецам, которые еще и теперь были готовы защищаться или умереть со славой, приказал пощадить их и предложить им помилование на том условии, чтобы они поступили на службу в его войско; таким образом спаслось триста греческих наемников. Всем милетянам, которые не пали при штурме, Александр подарил жизнь и свободу.

Персидский флот смотрел со своей стоянки у Микале на падение Милета, не будучи в состоянии сделать что-либо для спасения города. Каждый день он выступал против греческого флота, в надежде выманить его на битву, и вечером возвращался, не достигнув цели, на свой рейд у мыса, — весьма неудобную якорную стоянку, так как воду для питья он должен был добывать ночью из Меандра, находившегося на расстоянии приблизительно трех миль. Царь думал прогнать их с их позиции, не заставляя в то же время своего флота покинуть свою безопасную защищающую город позицию и послал всадников и три таксиса пехоты под командой Филоты вдоль берега к мысу Микале, с приказом препятствовать всякой высадке неприятеля; теперь заблокированные на море персы при полном недостатке воды и средств к жизни, были вынуждены отправиться к Самосу, чтобы запастись необходимым. Затем они возвратились обратно и снова, вызы-



вая к бою, выплыли вперед в боевом порядке: греческий флот продолжал стоять у Лады, вот почему они послали пять кораблей к гавани, которая, расположенная между лагерем и маленькими островками, отделяла войско от флота, в надежде нечаянно напасть на лишенные экипажа корабли, так как было известно, что матросы обыкновенно расходились с кораблей за дровами и припасами. Когда Александр увидел приближение этих пяти кораблей, он приказал имевшимся на лицо матросам взять десять триер и выступить в море на охоту за неприятелем. Прежде чем эти последние успели подойти, персидские корабли быстро повернули обратно к своему флоту; один из них, плывший медленно, попал в руки македонян и был захвачен; он был из Яса в Карию. Персидский флот после того, отказавшись от дальнейших попыток на Милет, отступил к Самосу.

Последние события убедили царя, что персидский флот не имеет более серьезного влияния на движение его сухопутного войска, но, напротив, почти вполне отрезанный от суши дальнейшим ходом оккупации, будет принужден отказаться от какого бы то ни было участия в серьезных делах и ограничиться стоянием на якоре около островов. Теперь Александр, энергично наступавший на суше, видел свой флот принужденным ограничиваться обороной, так как ему было невозможно удержаться в море против втрое сильнеешего неприятеля; насколько важные услуги оказал он ему в начале похода для прикрытия первых движений сухопутной армии, — теперь, когда войско персов в Малой Азии было побеждено, он не представлял для него особой пользы, а требуемые им расходы были необыкновенно велики; сто шестьдесят триер требовали около тридцати тысяч человек матросов и солдат, почти такого же количества людей, как и войско, которое должно было сокрушить персидское царство; они обходились ежемесячно более чем в пятьдесят талантов жалованья и, вероятно, столько же стоило их содержание, но они не делали ежедневно новых завоеваний и не захватывали новой добычи, как сухопутное войско, обходившееся немного лишь дорожке. Казна Александра была истощена и на первое время не могло ожидать значительных поступлений, так как освобожденным греческим городам их повинности были прощены, а города туземцев не должны были подвергаться сожжению или грабежу, но только обложению повинностями по старой, весьма низкой оценке. Таковы были причины, побудившие царя распустить осенью 334 года свой флот; он оставил у себя только несколько кораблей для транспорта вдоль берегов, и в числе их двадцать выставленных Афинами, — для того ли, чтобы почтить этим афинян, или чтобы иметь залог их верности на случай, если неприятельский флот, как это можно было предполагать, обратится на Элладу⁹⁷.

Теперь, когда флот был распущен, для Александра было вдвойне важно занимать всякую прибрежную местность, всякий приморский город, всякую гавань, чтобы этим продолжать ту континентальную блокаду, которой он надеялся окончательно ослабить персидский флот. На берегу Эгейского моря теперь оставались еще Кария, а в Карию Галикарнас, вдвойне важный по своему положению при входе в это море и тем, что в этот прекрасно укрепленный город собрались последние остатки персидского войска в Малой Азии и решились сопротивляться.

Лет пятьдесят тому назад, во время Артаксеркса второго, Кария попала во власть галикарнасского династа Гекатомна, который, считаясь номинально персидским сатрапом, был почти независим и готов при первом же поводе выступить на защиту этой независимости с оружием в руках⁹⁸, он перенес свою резиденцию в глубь страны, в Милассу, и отсюда сумел значительно расширить свою власть. Его сын и наследник Мавсол продолжал планы своего отца, он всячески старался увеличить свое могущество и свои богатства; получив затем управление Ликией⁹⁹, он повелевал над двумя важными приморскими провинциями Малой Азии; тем естественнее было его желание продолжать увеличивать свои морские силы (уже его отец, в звании персидского наварха, воевал против Кипра); он снова перенес резиденцию в Галикарнас, который увеличил присоединением к нему шести маленьких местечек, возбудил союзническую войну против афинян, чтобы ослабить их морское могущество, и протянул свою руку даже к Милету¹⁰⁰. Когда затем умерла его сестра и супруга Артемисия, наследовавшая по карийскому обычаю его престол, царство перешло к его второму брату Идриею; благодаря счастливому стечению обстоятельств он овладел Хиосом, Косом и Родосом. Ему наследовала его сестра и супруга Ада, но уже через четыре года ее младший брат Пиксодар отнял у нее престол, так что за ней осталась только горная крепость Алинды. Вступив в родство с царским домом Македонии, планы которого относительно Азии уже не были более тайной, Пиксодар рассчитывал подготовить борьбу за свою независимость. Уже одно то, что он чеканил своим именем также и золотую монету, на что, как полагают, не имел права ни один сатрап, показывает, насколько далеко подвинувшимся он себя считал¹⁰¹. Раздоры при дворе Филиппа помешали осуществлению его планов, так что он согласился на желание персидского царя, чтобы он выдал замуж свою дочь за знатного перса Офонтоса¹⁰², и после его смерти, последовавшей в 335 году, Офонтос сделался главою карийской династии¹⁰³.

Когда теперь Александр вступил в Карию, Ада поспешила ему навстречу; она обещала оказать ему всяческую поддержку при завоевании Карию, уверяя, что одно ее имя доставит ему друзей;



зажиточная часть населения, недовольная возобновлением связи с Персией, сейчас же примет ее сторону, так как она в духе своего брата всегда была врагом Персии и другом Греции; она просила царя в залог ее расположения позволить ей усыновить его. Александр принял предложение Ады и оставил ей власть в Алиндах; карийцы, особенно греческие города, наперерыв спешили сдаться ему; он восстановил в них демократию и даровал им автономию и свободу от податей.

Оставался еще только Галикарнасс; туда удалился Офонтпат; туда же явился с остатками разбитой при Гранике армии и Мемнон, не нашедший в Эфесе и Милете ни благоприятных обстоятельств, ни достаточно времени для организации успешной обороны, чтобы теперь, соединяясь с карийским сатрапом, удерживать в своих руках последнюю важную позицию на малоазиатском берегу. Город был с трех сторон окружен крепкими стенами, а четвертой, южной, был обращен к морю; он имел три цитадели, акрополь на высотах своей северной стороны, Салмакиду в юго-западном углу, у самого моря на перешейке полуострова, замыкающего с запада Галикарнассский залив, и, наконец, царскую цитадель на маленьком островке при входе в гавань, составляющую самую внутреннюю часть залива. Мемнон отослал к персидскому царю своих жену и детей под тем предлогом, чтобы не подвергать их опасности, а в действительности для того, чтобы дать знак и залог своей верности, так как его греческое происхождение очень часто давало случай относиться к ней подозрительно. Чтобы наградить эту преданность и открыть его признанному и испытанному таланту полководца подобающее ему поле деятельности, персидский царь поверил ему главное начальство над всем персидским флотом и над берегом¹⁰⁴; если Персия могла еще надеяться на спасение, то он, по-видимому, был тем человеком, который мог спасти ее. С необыкновенной деятельностью он укрепил крепкий Галикарнасс еще новыми сооружениями, главное широким и глубоким рвом, увеличил состоявший из персов и наемников гарнизон и стянул в городскую гавань свои военные корабли¹⁰⁵, чтобы они могли служить поддержкой при защите города и снабжать в случае продолжительной осады город съестными припасами; он приказал укрепить остров Арконнес, господствовавший над заливом на востоке, послал гарнизоны в Минд, Кавн, Феру и Каллиполь¹⁰⁶, — словом, подготовил все таким образом, что Галикарнасс мог сделаться центром крайне плодотворных операций и оплотом против наступательного движения македонян. Именно поэтому весьма многие приверженцы побежденной партии в Греции отправились в Галикарнасс, в числе их афиняне Эфиальт и Фрасибуль, и из числа лиц, бежавших при убиении царя Филиппа, линкестиец Неоптолем; известный нам Аминта, сын Антиоха¹⁰⁷, как кажется, тоже спасся сюда бегством

из Эфеса со своими наемниками. Если бы в этой сильной позиции персам удалось удержаться против македонского войска, то оно (так как персидский флот господствовал над морем) было бы отрезано от родины и призыв к свободе без труда мог бы вызвать новое восстание в Элладе.

Тем временем Александр подступил к городу и, решившись на долгую осаду, расположился лагерем приблизительно в тысяче шагов от городских стен. Персы открыли неприязненные действия вылазкой на подступивших к городу македонян, которая, однако, была отражена без большого труда. Несколько дней спустя царь со значительной частью войска¹⁰⁸ перешел, обогнув город, на его северо-восточную сторону, — отчасти, чтобы осмотреть стены, но главным образом для того, чтобы отсюда занять находившийся поблизости город Минд, который мог сделаться весьма важным пунктом для дальнейшего хода осады, так как тамошний гарнизон обещал ему сдать город, если он ночью явится перед его воротами. Он явился, но ворот никто не открыл; разгневанный таким обманом царь тотчас же приказал своим тяжелооруженным без штурмовых лестниц и машин, так как войско выступило, не приготовившись к штурму, подступить к стенам города и начать подкапывать их. Одна башня рухнула, но образованная ею брешь была слишком мала, чтобы можно было произвести успешное нападение. Когда наступил день, уход македонян был замечен в Галикарнассе и тотчас же было послано морем подкрепление в Минд; Александру пришлось вернуться на позиции перед Галикарнассом, не достигнув своей цели.

Осада города началась; сначала под прикрытием нескольких так называемых черепах был засыпан ров, ширина которого равнялась сорока пяти футам, а глубина была вполовину меньше, чтобы можно было подвести к стенам башни, с которых производилась очистка стен от защитников, и машины, чтобы делать бреши в стенах¹⁰⁹. Уже башни стояли около стен, когда осажденные сделали ночью вылазку, чтобы сжечь машины; шум быстро распространился по лагерю; пробужденные от сна, македоняне бросились на помощь своим аванпостам и после короткой битвы при свете лагерных огней осажденные должны были отступить обратно в город, не достигнув своей цели. Среди ста семидесяти пяти неприятельских тел было найдено также тело линкестийца Неоптолема. Со стороны македонян было только десять убитых, но триста раненых, так как в темноте ночи нельзя было прикрываться щитами достаточно хорошо.

Машины начали свою работу; скоро две башни на северо-восточной стороне города и стена между ними превратились в развалины; третья башня была значительно повреждена, так что при подкопе она рухнула бы без особенного труда. В это время однажды после полудня два македонянина из фаланги Пердикки



сидели за вином в своей палатке и, хвастаясь друг перед другом своими подвигами, клялись поднять на конец своего копья весь Галикарнасс вместе с персидскими трусами в городе; схватив щит и копье, они направились к стенам, начали размахивать оружием и кричать находившимся в башнях воинам; стоявшие на стенах видели и слышали это и произвели вылазку против двух смельчаков; но те и не подумали отступить: кто подходил к ним слишком близко, того рубили мечом, а кто был подальше, в того бросали копьем. Но число неприятелей росло с каждой минутой, и эти двое, стоявшие к тому же на более низком месте, уже готовы были пасть под ударами более многочисленного неприятеля. Тем временем и их товарищи в лагере заметили этот оригинальный штурм и тоже бросились на помощь своим; число прибывавших из города тоже увеличивалось, и под стенами завязался упорный бой. Скоро македоняне взяли верх и отбросили неприятеля назад в ворота, а так как здесь в этот момент стены были почти лишены защитников и в одном месте уже обрушились, то для того, чтобы взять город, по-видимому, недоставало только приказа царя произвести всеобщее нападение¹¹⁰. Александр не отдал этого приказа, ему хотелось сохранить город целым и невредимым; он надеялся, что граждане сдадутся на капитуляцию.

Но противники воздвигли позади этой брешки между башнями новую стену в форме полумесяца. Царь приказал направить дальнейшие работы против этой последней; во вдающийся угол, уже очищенный от мусора и развалин и сровненный для начала новых штурмовых работ, были вдвинуты сплетенные из ивовых прутьев защитные стены, высокие деревянные башни и черепahi с таранами. Неприятель снова сделал вылазку, чтобы зажечь машины, а с обеих башен и стены их нападение было поддержано самым живым образом; несколько защитных стен и даже одна башня уже пылали, стоявшие на карауле под начальством Филоты войска едва могли защищать остальные; в эту минуту на помощь явился Александр, неприятель поспешно побросал факелы и оружие и отступил за стены, откуда он, находясь во фланге и отчасти в тылу нападающих, начал опустошать их ряды выстрелами.

При таком упорном сопротивлении царь имел все причины энергичнее взяться за дело. Он снова пустил в ход машины, лично присутствовал при работах и руководил ими. Тогда Мемнон (как говорят, по настоятельному совету Эфиальта¹¹¹, не доводить положения дел до крайности) решил произвести общую вылазку. Часть гарнизона бросилась в атаку около наиболее поврежденного места стены под начальством Эфиальта, а другие бросились на лагерь из других ворот Трипила, где неприятель всего менее ожидал нападения. Эфиальт бился с величайшим мужеством, его люди бросали в машины головни и смоляные венки; но энергичная атака царя, поддерживаемая с высоких осадных башен гра-

дом стрел и крупных камней, вынудила неприятеля отступить после весьма упорной борьбы; многие, и в числе их Эфиальт, остались на месте битвы, еще более пало при бегстве среди развалин и в узких воротах. Тем временем с другой стороны на неприятеля бросились два таксиса гипаспистов и часть легкой пехоты под предводительством телохранителя Птолемея; долго длился бой; сам Птолемей, хилиарх гипаспистов, Адей, предводитель стрелков Клеарх и много других знатных македонян уже пали мертвыми, когда, наконец, удалось оттеснить неприятеля назад; узкий мост, ведущий через ров, подломился под массой бегущих, многие попадали вниз и погибли, отчасти задавленные падавшими на них сверху, отчасти пораженные дротиками македонян. При этом всеобщем бегстве оставшиеся в городе приказали быстро закрыть ворота, чтобы вместе с беглецами не ворвались в город и македоняне; перед воротами стеснилась большая толпа несчастных беглецов, которые без оружия, без мужества и надежды на спасение были все изрублены, отданные в жертву македонянам. Осажденные с ужасом видели, что македоняне, воспламененные такою удачею и покровительствуемые наступавшей ночью, собирались сломать ворота и проникнуть в самый город; вместо этого они услышали звуки раздавшегося сигнала к отступлению. Царь и теперь еще желал спасти город; он надеялся, что после этого дня, стоившего ему только сорока убитых, а неприятелю около тысячи и показавшего достаточно ясно, что за новым нападением несомненно последует падение города, со стороны осажденных будут сделаны предложения, которых он только и ждал, чтобы положить конец этой противоестественной борьбе греков против греческого города.

В Галикарнассе оба военачальника, Мемнон и Офонтпат, советовались относительно того, какие меры следует принять; они не могли не видеть, что теперь, когда часть стены уже обрушилась, другая была близка к падению, а гарнизон был ослаблен большими потерями убитыми и ранеными, они не могут более выдержать продолжительной осады; да и к чему им стараться удержать город, когда страна уже потеряна? Гавань, обладание которой было важно для флота, могла быть достаточно защищена занятием Салмакиды¹¹² и лежавшей перед гаванями царской цитадели, а также занятием лежавших на Карийском заливе укрепленных пунктов; они решили пожертвовать городом. Около полуночи македонские часовые увидели поднимавшееся над стенами пламя; беглецы, спасавшиеся из горящего города в чистое поле к македонским аванпостам, сообщали, что горит большая башня, воздвигнутая против македонских машин, магазины с оружием и ближайший к стенам квартал города; видно было, как сильный ветер гнал пламя в город; узналось, что оставшиеся в городе всеми мерами способствовали распространению огня.



Несмотря на ночное время Александр приказал тотчас же выступить и занять пылающий город; занимавшиеся еще поджогами были перебиты, сопротивления не было встречено нигде; найденные в своих жилищах горожане были пощажены. Наконец, наступило утро; город был очищен неприятелем, он отступил на Салмакиду и на царский остров, откуда он мог господствовать над гаванью и тревожить бывшие в руках неприятеля развалины города, сам находясь в полнейшей безопасности.

Царь понял это; чтобы не останавливаться над осадой цитадели, которая при настоящих обстоятельствах не могла принести ему важных результатов, он, похоронив павших в последнюю ночь, послал вперед в Траллы парк своих осадных машин и приказал разрушить до основания остатки города, так упорно сопротивлявшегося общему делу эллинов, так как близость персов в Салмакиде и в Арконнесе делала их только более опасными; граждане были расселены по шести округам, сорок лет тому назад соединенным Мавсолом в своей резиденции¹¹³. Ада снова получила сатрапию над Карией, но находившиеся там греческие города были объявлены автономными и свободными от податей. Доходы страны остались за правительницей; для охраны ее и ее страны Александр оставил 3000 наемников и около двухсот всадников под начальством Птолемея¹¹⁴, получившего приказ соединиться с правителем Лидии для окончательного изгнания неприятеля из находившихся еще в его руках береговых пунктов и прежде всего начать осаду Салмакиды, окружив ее валом¹¹⁵.

Наступило позднее время года; с падением Галикарнасса Александр мог считать завоевание западного берега Малой Азии оконченным; восстановление свободы в приморских греческих городах и македонские гарнизоны во Фригии на Геллеспонте, в Лидии и Карии гарантировали эти области от новых нападений персидского флота. Препградить ему доступ также и к южному берегу Малой Азии и покорить области в глубине Малой Азии должно было быть целью ближайших операций. Так как было видно заранее, что ни приморские города, которые благодаря времени года только с трудом могли получить помощь с моря, ни лежавшие в глубине страны области, уже давно почти совершенно очищенные персами, не окажут большого сопротивления, то было не нужно привлекать к участию в этом трудном походе все войско; кроме того, для крупных операций, которыми должен был открыться поход следующего года, необходимо было усилить армию вызванными с родины свежими войсками. В армии находилось много только недавно женившихся воинов; они были уволены в отпуск на родину, чтобы провести зиму с женой и детьми. Начальство над ними приняли трое новобранцев из числа военачальников, сын Селевка Птолемея, один из телохранителей царя, зять старика Пармениона Кен и Мелеагр, оба стра-

теги фаланги; они получили поручение привести с собою в Азию вместе с отпущенными в отпуск как можно более свежих войск и весною присоединиться к главной армии в Гордии. Можно себе представить, каким ликованием был встречен этот отпуск, с какой радостью возвратившиеся воины были встречены дома своими и как слушались их рассказы об их подвигах и их царе, о добыче и прекрасных странах Азии; казалось, что Македония и Азия перестают быть далекими и чуждыми друг другу.

Из оставшихся в Азии мобилизованных войск (так как несколько тысяч человек были назначены в гарнизоны) Александр образовал две походные колонны; меньшая под начальством Пармениона, состоявшая из македонской и фессалийской конницы, войск союзников¹¹⁶ и парка телег и машин, двинулась через Траллы в Сарды, чтобы перезимовать в равнине Лидии и с наступлением весны выступить в Гордий; большая колонна, образованная из гипаспистов, таксисов фаланги, агрианов, стрелков и фракийцев¹¹⁷, выступила под предводительством самого царя из Карий, чтобы пройти по морскому берегу и внутренним областям Малой Азии и завладеть ими.

Его маршрут шел в область Ликию через укрепленное пограничное местечко Гипарны, гарнизон которого, состоявший из греческих наемников, сдал крепость с правом свободно удалиться. Ликия со времени Кира входила в состав персидского царства, но сохранила не только свое союзное устройство, но в скором времени также настолько возвратила себе свою независимость, что платила только определенную дань в Сузы, пока затем сатрап Карию, как мы уже упомянули, не получил в управление также и Ликию. Еще в последние годы персидский царь отнес к Ликии горную область Милиаду, лежавшую на границе с Фригией. Персидских гарнизонов в Ликии не было; Александр не встретил никаких препятствий при занятии этой богатой городами и отличавшейся своими прекрасными морскими гаванями провинции. Телмисс и лежавшие по другую сторону реки Ксанфа Пинары, Ксанф, Патары и около тридцати других маленьких местечек в верхней Ликии сдались македонянам; затем Александр (это было в половине зимы) двинулся вверх к истокам Ксанфа, в область Милиаду¹¹⁸; здесь он принял посольство фаселитов, приславших ему, по греческому обычаю, золотой почетный венок, и посольства многих городов нижней Ликии, просивших у него, подобно первым, мира и дружбы. Фаселитам — из их города происходил находившийся в дружбе с царем поэт Феодект, умерший незадолго перед этим в Афинах, отец которого был еще в живых¹¹⁹, — он обещал в ближайшем будущем прибыть к ним и пробыть у них некоторое время. От ликийских послов, которые были приняты не менее приветливо, он потребовал, чтобы они передали свои города тем, кого он пошлет для

этого. Затем он назначил сатрапом Ликии и прилегавших к ней с востока приморских земель одного из своих ближайших друзей, Нейрха из Амфиполя, бывшего родом с Крита¹²⁰. Из дальнейших событий видно, что в это время в персидском флоте находился контингент ликийских кораблей; мы имеем право предположить, что Александр или считал отозвание их естественным следствием достигнутого соглашения или обусловил дарованные им льготы. Ведь несомненно, что ликийцы, термелы, как они сами себя называли, сохранили свое старинное, стройное союзное устройство: двадцать три города, каждый с советом и народным собранием, со «стратегом» во главе администрации, который, быть может, носил ликийское имя «царя» города, затем для всей союзной области собрание городов, в котором шесть самых значительных городов имели каждый по три голоса, средние по два, а небольшие по одному; в таком же отношении распределялись и союзные повинности, представителем союза был «ликиарх», вероятно, тоже называвшийся «царем»; он, как и другие должностные лица союза и судьи, назначался по выборам союзного собрания¹²¹.

Затем царь отправился в Фаселиду. Этот город, дорийский по происхождению и достаточно значительный для того, чтобы сохранить свой греческий тип в ликийской среде, имел чрезвычайно благоприятное местоположение на Памфилийском заливе со своими тремя гаванями, которым он был обязан своим богатством, на западе несколькими лежащими друг над другом террасами поднимаются до высоты семи тысяч футов горы, ровной дугою тянувшиеся кругом Памфилийского залива и лежащие так близко к морю, что пролив во многих местах только тогда не покрывает идущей вдоль берега дороги, когда северный ветер отгоняет воду от берега; нежелающие ехать по этой дороге должны избирать гораздо более трудный и длинный путь через горы, который как раз в это время был загражден одним писидийским племенем, выстроившим себе горный замок при вступлении в горы и оттуда тревожившим фаселитов. Александр вместе с фаселитами напал на это разбойничье гнездо и разрушил его. Это счастливое избавление жившего в постоянной тревоге города и победы македонского царя были отпразднованы веселыми пирами; со времени побед Кимона при Эвримедонте город, вероятно, в первый раз видел греческое войско. Александр, как кажется, тоже был весел в эти дни; после одного из пиров его видели шедшим со своими приближенными в веселой процессии на рынок, где стояла статуя Феодекта, и украшающим ее венками из цветов, чтобы почтить дорогого ему поэта¹²².

В эти-то дни и был открыт низкий план, вдвойне низкий потому, что он исходил от одного из знатнейших военачальников в войске, которому Александр многое простил, а еще большее вве-

рил. Царя не раз уже предостерегали, еще недавно Олимпиада в письме заклинала своего сына быть осторожным со своими прежними врагами, которых он теперь считает своими друзьями.

Изменником был линкестиец Александр, в котором двусмысленные притязания его фамилии на царский престол Македонии нашли своего коварного и упорного представителя. Подозреваемый в таком же участии в заговоре против жизни царя Филиппа, которое повлекло за собою смертную казнь для его двоих братьев, он, как тотчас же подчинившийся сыну убитого и первый приветствовавший его царем, не только остался безнаказанным, но Александр удержал его около себя и не раз поручал ему важные посты, так еще в последнее время начальство над фессалийской конницей при походе на землю Мемнона и в Вифинию. Но даже доверие царя не могло изменить образа мыслей этого гнусного человека; сознание неудачного, но не вызвавшего раскаяния преступления, бессильная гордость, вдвойне оскорбляемая великодушием избалованного счастьем юноши, воспоминание о двух братьях, проливших свою кровь за их общий план, собственное властолюбие, мучившее его тем сильнее, чем безнадежнее оно было, — словом, зависть, ненависть, похоть и страх должны были быть стимулами, побудившими линкестийца снова завязать сношения с персидским двором или же, быть может, и не прерывать их; этот Нептолем, который нашел смерть под Галикарнассом в бою за персов, был его племянником; Александр послал персидскому царю устные и письменные предложения через сына Антиоха Аминту, который, эмигрировав из Македонии, при приближении македонского войска бежал из Эфеса, сперва, вероятно, в Галикарнасс и затем далее к персидскому двору, и затем в земли передней Азии явился Сизин, одно из доверенных лиц Дария, якобы для передачи приказаний Атизию, сатрапу великой Фригии, но в сущности с секретными поручениями и прежде всего начал стараться проникнуть в лагерь фессалийской конницы. Схваченный Парменионом, он открыл цель своей посылки, которую он, отведенный под стражей к царю в Фаселиду, формулировал таким образом, что он должен был обещать от имени персидского царя линкестийцу тысячу талантов и македонский престол, если тот убьет Александра.

Царь немедленно созвал своих друзей на совещание, как поступить с обвиняемым. Их мнением было, что уже ранее этого не следовало поручать такому ненадежному человеку ядро всей конницы; тем более необходимо и даже немедленно сделать его безвредным теперь, пока он не привлечет еще более на свою сторону фессалийскую конницу и не запутает ее в своих преступных замыслах. Затем к Пармениону был послан один из самых надежных офицеров, сын Кратера Амфотер, переодетый местным жителем, чтобы не быть узнанным; в сопровождении несколь-



ких пергейцев, он неузнанный никем достиг места своего назначения; когда он передал на словах свое поручение, — так как царь не желал доверять таких опасных вещей письму, которое легко могло быть перехвачено и употреблено во зло, — линкестиец незаметно был взят и посажен под стражу, суд над ним царь продолжал откладывать еще и теперь отчасти во внимание к Антипатру, которому государственный изменник приходился зятем, а главное, чтобы не подавать повода к слухам тревожного свойства в войске и в Греции¹²³.

После этой остановки Александр выступил из Фаселиды и направился в Памфилию и на важнейший пункт этой страны, Пергу. Часть войска он послал вперед длинным и трудным путем через горы, приказав фракийцам сделать его доступным для движения хотя бы только пехоты, а сам, как кажется, с конницей и частью тяжелой пехоты избрал путь вдоль берега; это было действительно рискованное предприятие, так как теперь, зимой, путь был залит водою; пришлось идти целый день вброд по воде, доходившей местами солдатам до живота; но пример и присутствие царя, не знавшего слова «невозможно», подстрекали войска упорно и весело переносить все труды; и когда, достигнув наконец цели, они оглянулись назад на пройденную ими дорогу и на покрывавший ее пенящийся прибой, это показалось им чудом, совершенным ими под предводительством своего героя-царя. Весть об этом походе, украшенная сказочными подробностями, распространилась среди эллинов: несмотря на сильный южный ветер, подогнавший воду к самым горам, говорили они, царь спустился на берег, и ветер внезапно изменился, а вода отхлынула к югу; другие утверждали даже, что он провел свое войско по морю, не замочив ног; а перипатетик Каллисфен, первый написавший историю этих походов, при которых он сам присутствовал, написал даже такую фразу, что море желало принести свое поклонение царю и пало перед ним ниц¹²⁴; он употребил слово *προσκύνηση*, которым эллины называют персидский обычай падать ниц перед персидским царем. Сам царь написал в одном письме — если оно подлинно¹²⁵ — простые слов что он приказал проложить путь через памфилийскую лестницу, как называли эти горные уступы, и прошел по ним из Фаселиды.

Таким образом, Александр со своим войском вступил в береговую полосу области Писидии, называемую Памфилией; эта приморская местность, ограничиваемая с севера горами Тавра, пролегает далее города Сиды, где горы снова подходят к самому берегу и тянутся далее к северо-востоку через Киликию, первую область по ту сторону Тавра, таким образом, что Александр, заняв Памфилию, мог назвать покорение морского берега по эту сторону Тавра оконченным. Перга, ключ к переходу во внутренние местности через лежавшие на севере и западе горы, сдалась;

город Аспенд послал к царю послов, предлагая ему сдаться и в то же время прося его не ставить в города македонского гарнизона, — просьба, на которую Александр согласился под тем условием, чтобы Аспенд кроме поставки определенного числа лошадей, содержание которых и составляло платимую ими персидскому царю дань, уплатил еще пятьдесят талантов вознаграждения его солдатам. Он сам двинулся в Сиду, считавшуюся основанной древними выходцами из Кимы в Эолиде; но язык этих греков — язык родины они забыли, а местного не усвоили — был весьма своеобразен¹²⁶. Александр оставил в их городе гарнизон, который, как и весь берег Памфилийского залива, был поставлен под начальством Неарха.

После этого он двинулся в обратный путь в Пергу; взять приступом горную крепость Силлий¹²⁷, защищавшуюся гарнизоном из туземцев и чужих наемников, ему не удалось; он поручил взять ее своему наместнику, так как он только что получил известие, что аспендяне не выдают обещанных лошадей и не желают платить пятидесяти талантов, как они обязались, но приготовились к серьезному сопротивлению. Он выступил против Аспенда и занял покинутый жителями нижний город; ни прекрасно укрепленная цитадель, куда спаслись аспендяне, ни недостаток осадных орудий не могли склонить его на уступки: он отослал послов, которых прислали к нему испуганные его присутствием горожане, желавшие сдаться на основаниях прежнего договора, назад с приказанием городу уплатить, кроме потребованных раньше лошадей и пятидесяти талантов, еще пятьдесят талантов и дать в заложники самых уважаемых граждан, подчиниться судебному решению относительно территории, в насильственном захвате которой у соседей они были обвинены¹²⁸, повиноваться наместнику царя в этой области и платить ежегодную дань¹²⁹. Мужеству аспендян скоро пришел конец; они подчинились.

Царь снова возвратился в Пергу, а оттуда через суровую горную страну псидов двинулся далее во Фригию. В его намерения не могло входить покорять теперь долину за долиной этот горный народ, распадавшийся на множество враждовавших между собою племен; достаточно было дать им почувствовать силу своей руки, пройдя наперекор им через их область, обеспечить за собой на долгое время открытую таким образом дорогу между памфилийским берегом и Фригией; он должен был предоставить ее своим будущим военачальникам в областях, окружавших эту горную страну.

Избранный им путь ведет от Перги к западу по прибрежной равнине к подножию гор и вступает затем в узкое ущелье, над которым господствует горная крепость Термесс¹³⁰ и в котором даже незначительный отряд может преградить путь большому войску; дорога идет кверху вдоль крутой стены, с другой сторо-

ны поднимается еще более высокая и крутая гора; а позади на находящейся между ними обоими вершине, лежит город. Обе горы царь нашел до такой степени усеянными варварами — выступил весь Термесс, — что предпочел расположиться лагерем перед проходом, убежденный, что неприятель, видя македонян отдыхающими таким образом, не будет считать опасность близкою, поставит для безопасности в проходе караул и возвратится в город. Так и вышло, главные силы удалились и на высотах виднелись только отдельные посты; царь немедленно двинул вперед легкую пехоту¹³¹, посты должны были отступить, высоты были заняты, войско беспрепятственно прошло через проход и расположилось перед городом. Сюда в лагерь явились послы селгов, которые, принадлежа к тому же писидийскому племени, как и термессяне, но живя с ними в постоянной вражде, заключили мир и дружбу с врагами своих врагов и не изменили ей. Взятие Термесса потребовало бы более продолжительной остановки; Александр немедленно двинулся далее.

Он двинулся против города Сагаласса¹³², который, населенный самыми воинственными из всех писидов, лежит у подножия верхней террасы писидийской горной страны и открывает доступ в возвышенную равнину Фригии, сагалассы, соединившись с термессянами, заняли лежавшие на южной стороне города высоты и преградили таким образом дорогу македонянам. Александр тотчас же построил свое войско к атаке; на правом крыле пошли в бой стрелки и агрианы, за ними следовали гипасписты и таксисы фаланги; фракийцы Ситалка образовали конец левого крыла; начальство над левым крылом он поручил линкестийцу Аминте¹³³, что достаточно характерно, а сам взял правое крыло. Уже войско Александра достигло самого крутого места горы, как вдруг варвары толпами бросились на крылья наступавшего войска, с двойным успехом, так как они напали сверху на поднимавшихся в гору. Самая сильная атака выпала на долю стрелков правого крыла, их предводитель пал, и они должны были отступить; агрианы еще держались, тяжелая пехота с Александром во главе была уже близко; сильные нападения варваров разбивались о сомкнутые массы заслоненных щитами воинов, и в рукопашном бою плохо вооруженные писидийцы должны были уступить тяжелому оружию македонян; пятьсот человек осталось на месте, а остальные бежали, знание местности помогло им спастись. Александр двинулся вперед по большой дороге и взял город.

После падения Сагаласса остальные местечки Писидии были или взяты открытой силой¹³⁴, или сдались на капитуляцию. Таким образом путь на возвышенную равнину, с которой начинается Фригия по ту сторону горы Сагаласса, был свободен. В восточной котловине этой возвышенной равнины лежит озеро Эгердир, величиною с Боденское озеро, опоясанное с юга и востока могу-

чими горными массами; милях в восьми к востоку от него лежит несколько меньшее Асканийское озеро, милях в трех от северного конца которого тянется горный кряж, на северной стороне которого находятся истоки Меандра. В ведущих к долине Меандра проходах лежит старинный город Келены, где некогда Ксеркс, после своих поражений в Греции и на море, построил крепкую цитадель чтобы сдерживать наступательное движение эллинов со стороны освобожденного берега; с тех пор Келены были центром фригийской сатрапии и резиденцией сатрапа.

Туда обратился Александр после взятия Сагаласса; мимо Асканийского озера он в пять переходов достиг города¹³⁵. Он нашел крепость — сатрап Атизий бежал — в руках 1000 карийских и 100 греческих наемников; они предложили сдать город и крепость, если персидское подкрепление не явится в тот день, — они назвали его, — в который оно было им обещано.¹³⁶ Царь согласился; овладеть городом он мог только ценою значительной потери времени; а достигнув скорее Гордия и двинувшись к Тавру вместе с направленными туда другими частями своего войска, он сделает невозможной посылку городу подкреплений. Он оставил под Келенами отряд приблизительно из 1500 человек. Он поручил сатрапию Фригию Антигону, сыну Филиппа, командовавшему до сих пор контингентами союзников, а их стратегом назначил Балакра, сына Аминты.

Отдохнув десять дней под Келенами, он двинулся далее к Гордию на Сангарию, откуда через Галис и Каппадокию ведет большая дорога в Сузы.

По объему достигнутые Александром в этот первый год войны результаты были невелики; и государственные люди, и военные авторитеты Эллады могли с презрением пожимать плечами, видя, что пресловутая победа при Гранике повела только к завоеванию западного и половины южного берега Малой Азии, — завоеваниям, которые допустил умный и расчетливый Мемнон, чтобы тем временем овладеть господством над морем и островами и прервать таким образом связь Александра с Македонией.

Руководившие действиями Александра мотивы вполне ясны. Он никак не мог желать захватывать все большую и большую территорию и все глубже и глубже проникать в сердце Малой Азии, пока персидский флот еще господствовал над морем и мог породить в Элладе смуты, последствий которых предвидеть было нельзя; достаточно было того, что благодаря результатам своей первой большой битвы он совершенно отрезал персидский флот от берега и гаваней, из которых он мог вредить ему с тыла при его втором походе далее на восток.

Способ его наступления, конечно, сильно отличался от греческих традиций. Афинское войско во времена Кимона и Перикла почти ни разу не решалось проникнуть в глубь страны далее

приморских городов Малой Азии; и если это сделали спартанцы в дни Фиброна и Агесилая, и Харет и Харидем с боевыми силами второго афинского морского союза, то они ведь снова ушли обратно, разграбив и сжегши несколько городов. Военные меры Александра были рассчитаны на окончательное покорение, на прочное положение вещей.

Соответствовали ли этой цели предпринятые царем политические реформы?

То, что мы слышим об этом во время первого похода, хотя и примыкает к существовавшим там ранее формам, но так, что с существенным изменением их содержания изменялось, по-видимому, и их значение¹³⁷. Сатрапии во Фригии на Геллеспонте, в Лидии и Карий остались; но в Лидии рядом с сатрапом был назначен особый чиновник для распределения и сбора податей; в Карий сатрапию получила княгиня Ада, но над стоявшим в ней сильным войском начальствовал македонский стратег, такой же самостоятельный военачальник — конечно тоже в звании стратега — был поставлен рядом с сатрапом в Лидии. Быть может, уже здесь финансовое управление сатрапией было поставлено в непосредственную зависимость от должности казначея, которым мы не можем более определить, впервые ли в это время — был назначен Гарпал, сын Махата¹³⁸.

Но компетенция сатрапов была гораздо более ограничена, чем при персидском господстве: что они назначались не как властелины над своей территорией, но как должностные лица царя, видно из того обстоятельства, что до 306 года мы не имеем монет сатрапов царства Александра, тогда как в персидском царстве сатрапы пользовались правом чеканить монету уже при Дарии I, основателе административной системы Персии¹³⁹. По-видимому, к установленному Александром порядку восходит, проводимое в одном относящемся ко времени Диадехов сочинении, такое различие между формами финансовой деятельности царя, сатрапов, городов и частных лиц, что главными звеньями в финансовой деятельности царя является монетная политика¹⁴⁰, упорядочение вывоза и ввоза, заведование придворными расходами, а в деятельности сатрапов главным образом поземельная подать, затем доходы с рудников, с эмпорий, с доходов от земли и от рыночной торговли, со стад и, наконец, поголовная и ремесленная подать¹⁴¹.

Не меньшее значение имело и то, как Александр определил политическое положение национальностей. Его мыслью, как кажется, было там, где существовали теперь или прежде когда-нибудь организованные общины, предоставить им свободу во всех общинных делах. Не только греческим городам Азии была возвращена и укреплена восстановлением демократии их автономия в этом смысле; исконная федерация ликийцев, как мы должны

принять, осталась тоже в полной силе, несомненно под тем условием, чтобы находившийся еще в составе персидского флота лидийский контингент из 10 военных кораблей был отозван назад. Лидийцы тоже, как говорят наши источники, «получили снова свои законы и сделались свободными»¹⁴². Каковы бы ни были эти законы — о них мы ничего более не знаем, — во всяком случае восстановление их доказывает, что отныне в этой стране должны были господствовать не произвол и насилие завоевателей, как прежде, а законы; оно доказывает, что этот некогда храбрый, работящий и образованный народ Креза должен был быть освобожден от ига иноземного господства, под которым он пришел в упадок, и стараться снова поднять свой народный дух и единство.

От тех народов, которые — таковы «варвары» в горах Малой Фригии — не жили собственной общинной жизнью, была, если они покорялись добровольно, потребована только «дань, которую они платили доньше»¹⁴³. Не менее характерно то, что дань, которую раньше платили эфесцы персидскому царю, шла отныне в пользу храма Артемиды, тогда как Эрифры, как об этом свидетельствует одна надпись¹⁴⁴, Илион, который Александр приказал восстановить в качестве города¹⁴⁵, а несомненно также и другие приморские греческие города получили вместе с автономией также и свободу от податей. Города же Памфилии, бывшие уже греческими только по имени, особенно Аспенд, были обязаны платежом дани и поставлены под управление сатрапа. Галикарнасская цитадель и несколько островов продолжали еще недолгое время оставаться в руках персов; граждане Галикарнасса были расселены по тем местечкам, из которых их синойкизировали карийские династы; острова — относительно многих мы увидим, что демос на них встал за Александра — были устроены так же, как греческие города на освобожденном материке.

Что эти города не только получили свою прежнюю общинную свободу, но сделались снова свободными государствами, какими они были до Анталкидова мира, доказывают их относящиеся к этому времени монеты; они имеют не штамп царя, но автономный штамп чеканящего их города; они не следуют даже введенной Александром монетной организации¹⁴⁶, но во многих случаях своей обычной. И если спустя сто лет селевкиды называют города Эолиды находящимися «с нами в союзе», то эта форма, несомненно, была создана Александром¹⁴⁷.

Сам собою представляется вопрос, присоединились ли эти освобожденные и восстановленные политии островов и азиатского берега к федерации соединенных в коринфском синедрионе греческих государств? Относительно острова Тенедоса мы имеем на счет этого ясное свидетельство¹⁴⁸; тот факт, что употребленное о нем выражение не повторяется о Митилене на Лесбосе и о других городах, позволяет заключить, что с ними этого не произошло.

Как кажется, в интересах Александра было наиболее выгодно создать из этих освобожденных греческих городов противовес против союза тех, которые были на большей части принуждены присоединиться к Македонии силою оружия и были весьма ненадежными союзниками; кроме того, «союз эллинов в пределах Фермопил» был создан не только для войны с Персией, но в то же время и для того, чтобы поддерживать мир, право и порядок в области союза; для этой цели синедрион в Коринфе был слишком удален от островов и городов Азии и правильно посылать туда представителей было бы неудобно.

Мы имеем все основания предположить, — точных указаний насчет этого нет, — что и эти, стоявшие вне союза, греческие города Александр обязал признать себя неограниченным стратегом и оказывать ему установленное содействие в великой войне¹⁴⁹; имеющиеся налицо материалы не позволяют нам решить, заключал ли он договоры в таком смысле с каждым городом отдельно или для этой цели и для поддержки внутреннего мира, как в греческом союзе, заставил их вступить в собственные аналогичные федерации, вроде эолян, ионян и т.д.¹⁵⁰ По крайней мере, об одном таком союзе мы имеем эпиграфическое известие, хотя и относящееся только ко времени Антигона (около 306 года); это «*Κοινὸν τῶν πόλεων*», союз городов в области горы Иды, объединенный служением Афине Илиона, имеющий синедрион, который постановляет решения от имени городов; в надписи участвующими в этом союзе называются Гаргары у Адрамитинского залива и Лампсак на Геллеспонте¹⁵¹.

Мы видели, что Александр прилагал все свои усилия к тому, чтобы содействовать подъему этих древнегреческих городов; одаря их так бескорыстно и так щедро, он имел право надеяться тем крепче привязать их к новому порядку вещей, который в самой Греции еще далеко не был упрочен; он имел право надеяться, что высокая благодать их нового положения, быть в царстве своего освободителя свободными политиями и городами-государствами, заставит их отвыкнуть от тех жалких выгод, которые давала им милость сильных мира сего и политика партикуляризма, и забыть о них.

Грекам, жившим в этих азиатских землях от Пропонтиды до Кипрского моря, контраст между теперешними условиями и прежними должен был представляться весьма живо; они не могли не чувствовать, что им снова возвращены свет и воздух.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Приготовления Персии к войне. — Персидский флот под начальством Мемнона и греки. — Переход Александра через Тавр. — Занятие Киликии. — Битва при Иссе. — Манифест. — Движение в Греции. — Осада Тира. — Взятие Газы. — Занятие Египта

В Персии весть о битве при Гранике была принята скорее с неудовольствием, чем с тревогой. Истинное значение предпринятого похода и опасность, которой он грозил государству, остались непонятыми, и успехи Александра объяснялись случайным счастьем безумного смельчака, которым он был обязан облегчившим эти успехи ошибкам; если избегать последних, то все дальнейшие опасности исчезнут сами собою, и счастьем македонян наступит конец. Главною причиною несчастья при Гранике признавался недостаток единства и плана в командовании войском; следовало бы, как в этом признавались себе теперь персы, последовать совету Мемнона, и с самого начала вверить ему предводительство над войском. Поэтому теперь ему была вверена полная и неограниченная власть над сухопутными и морскими силами передних сатрапий Персии.

Действительно, в этом греке, по-видимому, нашелся опасный противник для македонского царя; его талант и энергия выразились уже в упорной защите Галикарнасса; затем, вытесненный с берега за исключением немногих пунктов, он составил план воспользоваться распутием македонского флота, отрезать Александра от Европы, перенести войну в Элладу и, соединясь там с многочисленными врагами Македонии, уничтожить силу Александра в самом ее корне. Он имел сильный флот, состоявший из финикийских и кипрских кораблей, при нем находилось также десять ликийских кораблей, десять кораблей с Родоса и три из Малла и Сол в Киликии; приморская цитадель Галикарнасса была еще в его руках; аттические клерухи, занимавшие Самос, держали его сторону так же, как и Родос, Кос и все Спорады; олигархи и тираны на Хиосе и Лесбосе ждали только его помощи, чтобы положить конец демократии и союзу с Македонией; патриоты в Элладе ждали от него восстановления греческой свободы.

С галикарнасского рейда Мемнон с флотом двинулся в Хиос; ему удалось завладеть этим островом благодаря измене имевших здесь прежде правительственную власть олигархов с Аполлонидом во главе; он снова восстановил олигархию, что гарантировало ему обладание островом¹. Он поплыл в Лесбос, куда с наемниками и кораблями прибыл из Сигея Харет, чтобы изгнать из Мефимны тирана Аристоника, тот самый афинянин Харет, который с такой преданностью приветствовал Александра при его высадке в Сигее; он обратился к Мемнону с требованием не мешать ему в его предприятии. Но Мемнон явился в качестве «друга и ксеноса отца» тирана и без труда прогнал бывшего аттического стратега². Другие города острова уже сдались ему, но самый значительный из них, Митилена, верный своему союзу с Александром и уверенный в македонском гарнизоне, находившемся в его стенах, отверг его требования. Мемнон осадил его и начал сильно теснить; отрезанный со стороны суши валом и пятью лагерями и лишенный всякой надежды на помощь благодаря флоту, заградившему гавань, и другому, наблюдавшему над сообщением с Элладой, город был доведен до крайности. Уже с других островов начали являться послы к Мемнону; державшие сторону Македонии города Эвбеи готовились к его скорому появлению; спартанцы были готовы подняться. В это время Мемнон заболел и, едва успев передать, впредь до дальнейшего решения персидского царя, свою власть своему племяннику Фарнабазу, сыну Артабазы, был унесен могилой, слишком рано, если не для своей славы, то для надежд Дария.

Получив весть о смерти Мемнона, Дарий, как рассказывают, созвал военный совет, не зная, послать ли ему навстречу быстро подвигавшемуся вперед противнику ближайших сатрапов или встретить его самому во главе государственного ополчения³. Персы советовали ему вести на бой уже собравшееся государственное ополчение самому; на глазах царя царей войско сумеет победить, и достаточно одной битвы, чтобы уничтожить Александра. Но афинянин Харидем, был тем более приятен персидскому царю, что бежал от Александра, не без согласия Дария советовал быть осторожными, не ставить все на одну карту, не жертвовать самой Азией при входе в Азию, и приберечь государственное ополчение и присутствие верховного владыки для последней опасности, до которой дело никогда не дойдет, если сумеешь искусно и осторожно встретить безрассудно смелого македонянина; стоя во главе ста тысяч человек, треть которых составляли греки, он ручался за то, что уничтожит неприятеля. Гордые персы возражали самым энергичным образом; его планы недостойны персидского имени и являются несправедливым упреком храбрости персов; принять их будет знаком прискорбного недоверия к себе и признанием бессилия, вместо которого присутствие царя встретит только энтузиазм и преданность; они заклинали царя не вверять своих

последних сил чужеземцу, который хочет стоять во главе войска только для того, чтобы предать царство Кира. Харидем с гневом вскочил со своего места и обвинял их в ослеплении, трусости и эгоизме: они не знают, говорил он, своего бессилия и страшной силы греков, они погубят царство Кира, если мудрость персидского царя не последует теперь его совету. Персидский царь, не доверявший самому себе и относившийся с тем большим недоверием к другим, оскорбленный в своем чувстве персидского величия, коснулся пояса чужеземца, и телохранители вывели греческого мужа, чтобы задушить его; его последние слова к царю, как говорят, были: «О моей цене скажет тебе твое раскаяние, мой мститель недалек». В военном совете было решено встретить македонян при их вступлении в верхнюю Азию с государственным ополчением под личным предводительством персидского царя, и призвать из флота возможно большее количество греческих наемников, которых Фарнабаз должен был высадить как можно скорее, в Триполисе на финикийском берегу. В Триполис был послан Фимонд, сын Ментора, чтобы принять этих людей под свое начальство и привести их в царское войско и чтобы передать Фарнабазу всю власть, которую имел Мемнон.

Тем временем Фарнабаз и Автофрадат продолжали и счастливо окончили осаду Митилены: город сдался под тем условием, что взамен возвращения изгнанников и уничтожения заключенного с Александром союзного договора македонский гарнизон получает право свободно удалиться, и город должен возобновить свой союз с Персией согласно с постановлениями Анталкидова мира. Но когда город перешел в руки этих двух персов, они перестали обращать внимание на договор, оставили в городе гарнизон под начальством родосца Ликомеда и сделали тираном Диогена, одного из прежних изгнанников; тяжелые контрибуции, потребованные ими частью от отдельных граждан, частью ото всего города, дали Митилене почувствовать всю тяжесть персидского ига. Затем Фарнабаз поспешил доставить наемников в Сирию⁴; здесь он получил приказ принять на себя главное начальство вместо Мемнона, планы которого это отозвание наемников, конечно, подрезывало в самом корне; быстрая и энергичная наступательная война, которая воспламенила бы Спарту, Афины и весь материк Греции, была теперь невозможна.

Все-таки Фарнабаз и Автофрадат сделали к этому некоторую попытку. Они послали перса Датама с десятью триерами к Кикладам, а сами с сотней кораблей направились к Тенедосу; они принудили этот остров, примкнувший к делу Греции⁵, возвратиться к постановлениям Анталкидова мира (такова была формула также и здесь). Очевидно, их намерением было занять Геллеспонт.

Чтобы сохранить за собой с помощью флота хотя бы только свободу сообщений с Македонией, Александр уже раньше послал



для составления его на Пропонтиду Гегелоха⁶, с приказом задерживать все приходящие из Понта корабли и приспособлять их для военной службы. В Афины был послан Антимах с требованием, чтобы афиняне выставили союзный контингент кораблей и разрешили вооружить македонские корабли в гаванях Афин; ему было отказано. Антипатр приказал Протею собрать корабли из Эвбеи и Пелопоннеса, чтобы наблюдать за флотом Датама, стоявшим уже на якоре у острова Сифна; мера эта была крайне необходима, так как афиняне снова послали послов к персидскому царю и даже, при получении известия, что их возвращающиеся из Понта корабли с хлебом задерживаются и употребляются для войны против персов, постановили отправить в море под начальством Менесфея, сына Ификрата, флот из ста кораблей⁷; Гегелох счел более полезным отпустить задержанные афинские корабли, чтобы отнять у афинян предлог присоединить к персидскому флоту эти сто триер⁸. Еще удачнее вышло то, что Протей со своей эскадрой из пятнадцати кораблей не только удержал персидские корабли у Сифна, но и захватил их искусным нападением врасплох, так что восемь из них со всем экипажем попали в его руки, а два оставшихся обратились в бегство и с Датамом во главе спаслись к флоту, крейсировавшему в водах Хиоса и Милета и грабившему берега⁹.

Этим была устранена первая и, несомненно, наиболее серьезная опасность, которую мог повлечь за собой план Мемнона; быстрое нападение Протея предупредило отпадение греков. Но не показывали ли уже самые эти успехи, что Александр ошибся, распустив флот, который был принужден составлять сызнова по прошествии едва шести месяцев? Александр имел ясное представление о невысокой степени энергии и ума, которых он мог ожидать от персидских вождей, и оценил своих греческих союзников так, как это и показали последствия; если они и были склонны к отпадению и были готовы присоединяться со своими кораблями к персидскому флоту, то Антипатр должен был уметь обуздывать их на материке; вовсе не так трудно было, наконец, наскоро составить новый флот, чтобы прикрывать берега от неприятеля, который не умел действовать решительно там, где этого требовало место. Александр мог, не заботясь о морской войне, продолжать приводить в исполнение свой военный план, тем более, что каждый шаг вперед грозил самому существованию персидского флота, изолируя его от берегов его родины. Осуществление этого плана было целью ближайшего похода¹⁰.

Весною 333 года в Гордии сошлись вместе различные части македонского войска; с юга из Келен пришли войска, сделавшие с Александром зимний поход; из Сард Парменион привел конницу и обоз главной армии; из Македонии возвратились из своего отпуска новобранцы и с ними значительное число новобранцев, а именно 3000 пеших македонян и 300 конных, 200 фесалийских и

150 элейских всадников, так что у Александра, несмотря на оставленные им гарнизоны, набралось теперь только немного менее войска¹¹, чем при Гранике. Каков был дух этого войска, можно видеть из их прежних успехов и из того, какой награды они должны были ожидать за дальнейшую борьбу; гордые одержанными ими победами и уверенные в новых победах, они смотрели уже на Азию, как на свою добычу; ручательством успеха служили им они сами, их царь и боги.

В Гордий явились также послы из Афин, чтобы просить царя освободить афинян, которые были взяты в плен в битве при Гранике и отведены в оковах в Македонию; не ссылались ли они при этом на заключенный в Коринфе союз и свою союзническую верность? Им было приказано снова явиться к царю, когда будет счастливо окончен ближайший поход.

В цитадели города Гордия, древней резиденции фригийских царей находились дворцы Гордия и Миды (Мидаса) и колесница, по которой некогда в Миде был узан избранник богов для господства над Фригией; ярмо на этой колеснице было так искусно укреплено связанным из лыка узлом, что нельзя было найти ни его начала, ни конца; существовало предсказание оракула, что тому, кто развяжет узел, будет принадлежать господство над Азией. Александр приказал показать себе цитадель, дворец и колесницу, услышал об этом предсказании и решил исполнить его и развязать узел; Он тщетно искал концы лыка и окружавшие со смущением видели его тщетные усилия; наконец, он извлек меч и разрубил узел; так или иначе, предсказание оракула было исполнено¹².

На следующий день войско выступило в поход и двинулось в Анкиру¹³ по южному склону пограничных гор Пафлагонии; туда явилось посольство пафлагонян, предложившее царю покорность пафлагонян под тем условием, чтобы в Пафлагонию не приходили македонские войска. Царь согласился; Пафлагония осталась во власти своих династов и, быть может, была подчинена компетенции наместника Фригии на Геллеспонте¹⁴.

Войско двинулось далее в Каппадокию, переправилось через Галис и достигло простиравшихся до Ириса областей этой обширной сатрапии, которая была пройдена без сопротивления¹⁵, обращена в македонскую сатрапию и отдана Сабикту¹⁶, хотя ее северные части и не могли быть заняты. Что демократическая партия в лежавших по Понту греческих городах надеялась получить от Александра свободу, подтверждает нам один пример¹⁷. Но на первое время власть осталась еще в руках персидской партии (так было в Синопе) или тиранов (так было в Гераклее). Александр не мог откладывать более важных предприятий для того, чтобы занимать отдельные берега Понта; и двинулся к берегам Средиземного моря¹⁸. Избранный им путь пролегал по северному склону Тавра к лежавшим выше Тиан киликийским проходам, тем самым, через



которые лет семьдесят тому назад перешел со своими десятью тысячами греков Кир младший¹⁹.

Александр нашел эти высоты занятыми сильным отрядом; он приказал войску стать лагерем, а сам около первой стражи ночи выступил с гипаспистами, стрелками и агрианами, чтобы, воспользовавшись ночной темнотой, нечаянно напасть на неприятеля. Едва караульные услышали его приближение, как они поспешно бросились бежать и покинули проход, который они могли бы защитить без особенного труда, если бы не считали своей позиции потерянной. Арсам, сатрап Киликии, выдвинул их вперед, как кажется, только с целью выиграть время, чтобы разграбить и опустошить страну и успеть потом, оставив позади себя пустыню, отступить к Дарию, уже приближавшемуся со стороны Евфрата. С тем большей поспешностью прошел Александр через проходы и бросился со своей конницей и самыми легкими из легковооруженных к Тарсу, и все это свершилось так быстро, что Арсам, не считавший неприятеля ни столь близким, ни таким быстрым, не разграбив ни города, ни страны, спас поспешным бегством свою жизнь для скорой, однако же, смерти.

Утомленный бессонными ночами, быстрыми переходами и полуденным солнцем знойного летнего дня, Александр со своими войсками подошел к Кидну, чистому и холодному горному потоку, впадающему в Таре. Пожелав выкупаться, он быстро сбросил с себя шлем, панцырь и платье и бросился в реку; тут он страшно продрог и уже пошел было ко дну, — но был вытащен из реки и отнесен в шатер полумертвым и в бессознательном состоянии. Корчи и страшный жар были единственными признаками жизни, спасти которую врачи почти не надеялись; возвращение сознания повлекло за собою новые муки; бессонные ночи и боязнь близкой смерти поглощали его последние силы. Его друзья скорбели, войско было в отчаянии; неприятель был близко, и никто не видел средства спасти царя. Наконец, акарнанский врач Филипп, знавший царя с детства, вызвался приготовить питье, которое поможет; Александр просил единственно о быстрой помощи; Филипп обещал ее. В то же самое время Александр получил от Пармениона письмо, где ему рекомендовалась осторожность: врач Филипп, стояло в нем, получил от Дария тысячу талантов и обещание на брак с дочерью персидского царя, если он отравит Александра. Александр дал это письмо своему врачу и, пока тот читал его, выпил кубок до дна. Врач спокойно прочитал письмо, не зная за собой никакой вины; он заклинал царя довериться ему и следовать его советам, говоря, что тогда его недуг скоро пройдет; он говорил с ним о родине, о его матери и сестрах, о близких победах и полных чудес странах востока; его заботливая верность была вознаграждена скорым выздоровлением царя; Александр возвратился в ряды своих македонян²⁰.





Военные действия продолжались с удвоенным рвением. В цепи персидских сатрапий область Киликия была звеном, соединявшим сатрапии передней и верхней Азии. Овладев проходами Тавра, Александр быстро занял наиболее сильную оборонительную позицию персидского царства со стороны запада; чтобы захватить и удержать за собою вторую линию проходов, проходы Аманских гор в Сирию, он должен был иметь в своих руках все южные склоны этой области. Между тем как Парменион с наемниками и союзными войсками, с фессалийскими илами и фракийцами Ситалка, двинулся к востоку, чтобы занять ведущие в верхнюю Азию проходы, царь направился к западу, чтобы захватить путь в Ларанду и Иконий, так называемую суровую Киликию, жители которой, такие же независимые разбойничьи горские племена, как и их соседи, легко могли бы прервать сообщение с Малой Азией.

Из Тарса он двинулся в основанный Сарданапалом город Анхиал, где хранилась статуя этого ассирийского царя со следующей любопытной надписью: «Сарданапал основал Анхиал и Тарс в один и тот же день; ты же, чужеземец, ешь, пей и люби; все другие блага человека не стоят внимания». Затем он прибыл в Солы, «родину солицизмов», которые, хотя и были по происхождению греческим городом, но были так привержены к персам, что Александр не только оставил в городе гарнизон, но и обложил его пенею в двести талантов серебра. Отсюда с тремя фалангами, со стрелками и агрианами он произвел набег на суровую Киликию; частью открытой силой, частью своей добротой в семь дней он окончательно покорил этих горных жителей и обеспечил себе таким образом свободное сообщение с западными провинциями. По возвращении в Солы он получил от своих военачальников в Карии известие, что Офонтопат, державшийся еще в приморской цитадели Галикарнасса, был побежден в упорном бою и что взято было в плен более 1000 человек. В ознаменование счастливого начала похода и в честь выздоровления царя в Солах были устроены различные празднества; большое жертвоприношение, принесенное Асклепию, торжественное шествие всего войска, бег с факелами, гимнические и художественные агоны должны были пробудить в жителях Сол, почти отвыкших от греческих обычаев, воспоминание об их родине и предках; теперь время варваров прошло, греческая жизнь завоевала себе место в странах долголетнего рабства; греческое происхождение, еще вчера презренное и забытое среди азиатского варварства, становилось важным преимуществом. Александр дал солянам демократическое устройство, а несколько недель спустя, тотчас же после решившей участь Персии битвы, он прислал приказ, освободить их от контрибуции и возвратить им заложников²¹.

Возвратившись в Тарс, царь двинул свою конницу под начальством Филоты через Алейское поле к реке Пираму, а сам с остальным войском пошел вдоль берега через Магарс в Малл (два города,

в которых еще уцелели греческие традиции, которые могли помочь планам царя); в Малле народ еще до появления Александра восстал против своих прежних угнетателей; кровавую борьбу между персидской и народной партией решило и успокоило только появление Александра; он простил городу, ведшему свое происхождение из того же Аргоса, как и македонский царский дом, освободил его от дани, которую он доныне платил персидскому царю, возвратил ему свободу, и почтил его основателя Амфилоха аргосского праздником героя²².

Еще во время своего пребывания в Малле Александр получил известие, что царь Дарий идет от Евфрата с несметным войском и стоит уже несколько времени в сирийском городе Сохах, находящемся в двух днях пути от проходов²³. Александр немедленно созвал военный совет; все были того мнения, что надо выступить со всею поспешностью, пройти через проходы и напасть на персов, где бы они ни встретились. Царь приказал выступить на следующее утро. Дорога из Малл в Исс шла вдоль берега залива, глубоко врезавшегося в материк.

Из Иссы в Сирию вело два пути; один, менее доступный, идет сначала к северу (в Топра Калесси), а затем поворачивает к востоку через ущелья и проходы Аманских гор; Александр выбрал не этот путь, его солдаты достигли бы неприятеля утомленные сменою гор и долин и отсутствием в этом месте дорог; удаляться же от берега этого залива он мог не раньше, чем он весь будет в его власти и будет закрыт для неприятельских кораблей. Оставив больных, которые в тылу армии находились в наибольшей безопасности, он двинулся из Иссы по обыкновенной и известной грекам из описания Ксенофонта дороге к югу вдоль морского берега; через так называемые береговые проходы к приморскому городу Мириандру, лежавшему недалеко от подъема в главные сирийские проходы (проходы Байлана), чтобы отсюда двинуться на следующее утро в равнину Сирии и в Сохи. Ночью поднялась сильная буря, это было в первых числах ноября²⁴; и ветер и дождь сделали выступление положительно невозможным; войско осталось в лагере под Мириандром, милях в трех к югу от береговых проходов; через несколько дней оно рассчитывало встретить неприятеля на равнине Сох для решительного боя.

Действительно, предстоявшая встреча обеих войск должна была быть решительной. Персидское войско насчитывало в себе многие сотни тысяч, и в числе бывших в нем греческих наемников находились также и высадившиеся недавно на берег 30 000 наемников под командой акарнанца Бианора и фессалийца Аристомеда; в числе множества азиатских воинов находились около ста тысяч человек тяжеловооруженной пехоты и персидские панцирные всадники. Дарий надеялся на это войско, на свое правое дело и на свою военную славу; он охотно верил гордым уверениям, своих

вельмож и — так рассказывают — виденному им незадолго перед выступлением из Вавилона сну, который был истолкован халдеями вполне благоприятно для него; он видел македонский лагерь облитый светом громадного пожара, македонского царя скачущего в персидской царской одежде по улицам Вавилона, но затем конь и всадник исчезли. Уверенный таким образом в будущем, он перешел через Евфрат; окруженный всей воинской роскошью «царя царей», сопровождаемый своим придворным штатом и гаремом, гаремами персидских сатрапов и владык, толпами евнухов и немых и, кроме сотен тысяч воинов, бесконечным караваном разукрашенных колесниц, богатых балдахинов и шумного обоза, он расположился лагерем при Сохах, здесь в обширной равнине, представлявшей ему достаточно места, чтобы развернуть свое подавляющее численным превосходством войско и, — это было главное, — успешно применить к делу свою многочисленную конницу, он желал выждать неприятеля, чтобы уничтожить его.

Как кажется, чуть ли не Арсам при своем бегстве из Киликии принес в лагерь первое известие о близости Александра и о его наступлении; судя по сообщенным им сведениям, неприятель, по видимому, желал пройти через Аманские проходы; ежедневно ждали появления облака пыли на западе. День проходил за днем, появилось равнодушие к опасности, которая не приближалась; прежние поражения были забыты; слышались насмешки над врагом, который не осмеливается покинуть узкого побережья и который наверное чувствует, что достаточно будет копыт персидских коней, чтобы раздавить его силу. Слишком охотно внимал Дарий самоуверенным словам персидских вельмож: македонянин, говорили они, устрешенный близостью персов, не станет переходить через Тарс, следует напасть на него, и он будет уничтожен. Тщетно македонянин Аминта возражал, что Александр выступит очень скоро навстречу персам и что его медлительность есть только признак тем большей опасности; ни за что на свете, говорил он, не должно спускаться в узкие долины Киликии, равнина при Сохах есть удобное поле битвы для персидского войска, здесь его полчища могут победить или спастись в случае поражения²⁵. Но Дарий, не доверявший чужеземцу, который предал своего царя, опьяненный льстивыми речами своих вельмож и своими собственными желаниями, наконец гонимый вперед беспокойством слабости и своим роком, решил оставить позицию при Сохах и искать избегающего его неприятеля. Ненужная войсковая поклажа, гаремы, значительная часть сокровищницы, все, что могло препятствовать движению, было послано с Кофеном, братом Фарнабаза, в Дамаск, а царь, избегая доходного пути через Мириандр, вступил в Киликию через Аманские проходы и прибыл в Исс. Это произошло в тот же день, когда Александр выступил в Мириандр. Персы нашли в Иссе больших македонского войска, они были перебиты с жестокими



мучениями; ликующие варвары полагали, что Александр бежит перед ними; они думали, что он отрезан от родины и что его гибель несомненна. Не теряя времени, орды пустились преследовать бегущих.

Действительно, Александр был отрезан; его обвиняли в том, что он поступил неосторожно, не заняв Аманских ворот и не оставив в Иссе гарнизона, и поэтому принужден был отдать на жертву жестокому врагу оставшихся позади больных; все его войско, как говорят, должно было бы погибнуть жалкой смертью, если бы персы решились избежать сражения, преградили бы выход в море своим флотом, а тыл Александра сильной оборонительной линией, препятствовали бы всякому движению вперед своими конными отрядами и сделали бы их вдвойне опаснее, прибегнув к опустошениям, как это советовал Мемнон. Но Александр знал персидское войско; он знал, что продержат столько сотен тысяч на его пути и в узкой Киликии в течение продолжительного времени есть дело невозможное, что это войско, не представляя собою органического целого, неспособно к системе боевых движений, с помощью которых оно могло бы его оценить, и что в худшем случае ряд быстрых и смелых маршей с его стороны принудил бы эту беспомощную массу отступить, придти в беспорядок, рассеяться и пасть жертвой первого неожиданного нападения. Он никак не мог ожидать того, что персы оставят столь удобную для них позицию и вступят даже на узкую береговую равнину у Пинара.

Дарий сделал это; извещенный беглецами из туземцев, что Александр стоит в нескольких часах расстояния по ту сторону береговых проходов и не бежит, он не будучи в состоянии отступить со своим громадным войском с достаточной быстротою и не решаясь двинуть его к этим Фермопилам Киликии, должен был стать лагерем в узкой равнине и приготовиться к битве, выгоду нападения в которой он должен был теперь предоставить неприятелю. Действительно, если бы существовало какое-либо стратегическое средство, чтобы принудить персидского царя оставить равнину Сох и предпринять это движение на равнину Киликии, то Александр с радостью решился бы на него, если бы оно даже стоило ему больших потерь, чем потеря лазарета при Иссе. Первый слух о близости Дария показался ему до такой степени невероятным, что он послал несколько офицеров на яхте вдоль берега, чтобы убедиться в действительной близости неприятеля.

Другое впечатление произвел тот же слух на войска Александра²⁶; они ожидали встретить неприятеля через несколько дней и на открытом поле; теперь все являлось неожиданно и гораздо скорее; теперь неприятель стоял у них в тылу, завтра уже должны были произойти битвы; теперь, так говорили, у неприятеля придется с бою отнимать то, чем они уже владели, и покупать каждый шаг назад ценою крови; а быть может проходы уже заняты и пре-

граждены, быть может теперь придется, как некогда десяти тысячам, пробиваться через внутренние области Азии и, вместо славы и добычи, принести на родину одну только жизнь; и это все потому, что двигались необдуманно вперед; простого солдата не ценят и, когда он раненый остается позади, предоставляют его своей судьбе и неприятелю. Так и еще хуже роптали солдаты, чистя свое оружие и оттачивая свои дротики, не столько из малодушия, сколько потому, что случилось иначе, чем они ожидали, и чтобы громкой бранью стряхнуть с себя неприятное чувство, охватывающее даже самые храбрые войска при приближении долго ожидавшегося решительного момента.

Александр знал настроение своих войск; его не тревожило это своеволие, порождаемое и развиваемое войною. Когда посланные офицеры донесли ему об том, что видели, т. е. что равнина устья Пинара у Исса покрыта шатрами и что Дарий близко, он созвал стратегов, илархов и начальников союзных войск, сообщил им о полученных донесениях и показал, что из всех мыслимых возможностей теперешнее положение неприятеля обещает самый верный успех; их не введет в заблуждение, так говорит он у Арриана, то, что они, по-видимому, обойдены; они слишком часто бились со славой, и не падут духом при кажущейся опасности; всегда победители, они всегда шли навстречу побежденным; македоняне против мидян и персов, опытные, поседелые в боях воины против давно отвыкших от оружия и расслабленных азиатов, свободные мужи против рабов, эллины, добровольно бьющиеся за своих богов и отечество, против испорченных эллинов, продавших за жалованье, и даже за невысокое жалованье, свое отечество и славу своих предков, воинственные и свободные автохтоны Европы против презренных племен востока, словом, сила против вырождения, твердость воли против глубокого бессилия, все преимущества почвы, военного искусства и храбрости против персидских орд, может ли тут быть какое-либо сомнение в исходе битвы? А ценой этой победы является уже не одна или две сатрапии, а все персидское царство; они победят не отряды конницы и наемников, как при Гранике, но государственное ополчение Азии, не персидских сатрапов, но персидского царя; после этой победы им останется только вступить во владение Азией и вознаградить себя за все лишения, которые они сообща перенесли. Он напомнил о том, что они совершили вместе, упомянул, как до сих пор в делах отличались отдельные лица, называя их по именам²⁷. Это и многое другое, что в устах храброго полководца может воспламенить храбрых людей перед битвой, говорил Александр со свойственным ему величием и увлечением; не было никого, кого не тронули бы слова юного героя; люди теснились к нему, чтобы пожать ему руку и прибавить от себя храброе слово, требовали немедленного выступления, немедленного боя²⁸. Александр отпустил их с прика-



зом, прежде всего позаботиться о том, чтобы вдохнуть побольше мужества в войска, послать вперед несколько всадников и стрелков к береговым проходам, и быть готовыми выступить с остальными войсками вечером.

Поздно вечером войско двинулось из лагеря, около полуночи достигло проходов, и сделало привал около скал, чтобы несколько отдохнуть, выставив вперед нужные форпосты. С утренней зарей они пошли далее, чтобы вступить через проходы на береговую равнину²⁹.

Эта равнина простирается от береговых проходов миль на пять к северу до города Исса; окаймленная с запада морем, а с востока высокими в некоторых своих частях горами, она становится шире по мере своего удаления от проходов. Посередине, где ширина ее превышает полмили³⁰, ее пререзывает в юго-западном направлении маленькая горная речка Пинара (Деличай), северные берега которой местами круты; лежащие на северо-восток горы, из которых она вытекает, сопровождают ее течение, а вдоль ее южного берега в равнину выдается значительная возвышенность, так что вверх по течению Пинара равнина постепенно принимает гористый характер. На некотором расстоянии к северу от Пинара начался персидский лагерь.

Когда Дарий получил известие, что Александр возвратился к береговым проходам, что он готов предложить сражение и уже наступает, тогда вся громада персидского войска была приведена в порядок, скоро и хорошо, насколько это было возможно. Конечно, ограниченное пространство не было благоприятно для громадного войска, но оно казалось тем более удобным для упорной обороны; Пинар со своими крутыми берегами был как бы валом и рвом, за которым должна была построиться вся эта масса войска. Чтобы исполнить это без всякого беспорядка, Дарий переправил через реку 30 000 всадников и 20 000 легких пехотинцев, наказав им тотчас же отступить направо и налево на крылья линии. Затем линия пехоты была построена таким образом, что 30 000 греческих наемников под начальством Фимонда составили правое крыло³¹, а левое крыло образовали 60 000 кардаков; другие 20 000 кардаков³² были отодвинуты далеко левее к самым высотам, получив назначение тревожить правое крыло Александра; когда македоняне подступили для нападения к Пинару, то некоторая часть этого отряда стояла в тылу правого крыла. Недостаток места позволил персам назначить к непосредственному участию в битве только указанные войска; большинство народов, состоявшее из легкой и тяжелой пехоты, выстроилось колоннами позади линии, так что в сражение можно было ввести постоянно свежие войска. Когда все было в порядке, посланным вперед отрядам конницы был подан знак к отступлению; они отступили на правое и левое крыло; но, как кажется, условия местности делали невозможным пустить в

ход конницу на левом крыле и поэтому назначенные сюда войска были перемещены тоже на правое крыло, так что теперь около берега была соединена вся конница, составлявшая главную силу персов, под начальством Кабарзана. Сам Дарий по персидскому обычаю занял на своей боевой колеснице место в центре всей боевой линии, окруженный конным отрядом знатнейших персов, предводимых его братом Оксафром. План битвы состоял в том, что пехота должна была удержаться на своей позиции позади Пинара, для чего менее крутые места берега были заполнены укреплениями, на правом же крыле напротив персидская конница должна была со всею силою обрушиться на левое крыло македонян, между тем как войска с гор нападут на тыл неприятеля³³.

Александр со своей стороны, когда местность сделалась шире, из своей походной колонны, в которой шли одни за другими тяжелая пехота, конница и легковооруженные, выдвинул налево и направо боевую линию, состоявшую из шестнадцати рядов тяжелой пехоты³⁴; при дальнейшем движении вперед равнина становилась все шире и шире, так что могла выехать вперед и конница, — на левом крыле конница греческих союзников и на вербованные в Элиде всадники, а на правом, которое, как обыкновенно, должно было начать нападение, фессалийская и македонская конница. Уже вдали показалась длинная линия персидского войска; направо виднелись покрытые неприятельской пехотой высоты и можно было заметить, как от левого крыла неприятеля спешили вдоль боевой линии большие отряды конницы, чтобы соединиться для большой конной атаки на правом крыле, где место было свободнее. Александр приказал фессалийским илам перейти позади фронта, чтобы неприятель не видал этого движения, на левое крыло и стать сейчас же после критских стрелков и фракийцев Ситалка, которые как раз в эту минуту занимали свои места в боевой линии слева от фаланг; командовавшему левым крылом Пармениону он приказал с на вербованными из Элиды всадниками, следовавшими слева за фессалийцами, держаться как можно ближе к морю, чтобы со стороны моря боевой линии нельзя было обойти. На правом крыле он выстроил направо от македонской конницы илы сариссофоров под начальством Протомаха, пеонов под начальством Аристона и стрелков под начальством Антиоха. Против выстроенных на горах направо от него кардаков он составил из агрианов под начальством Аттала, части стрелков и нескольких всадников второй фронт, образовавший угол с боевой линией³⁵.

Чем ближе подходили македоняне к Пинару, тем менее была заметна значительная длина неприятельской линии, которая далеко заходила за правое крыло македонского войска; царь нашел необходимым отодвинуть позади фронта на край крыла две македонские илы, илу Перида и Пантордана; в боевую линию вместо них он мог поместить теперь агрианов, стрелков и всадников бо-

кового корпуса; энергическая атака, которую они перед этим сделали на стоявших против них варваров, опрокинула этих последних и принудила их бежать на высоты, так что теперь трехсот гетайров казалось достаточно, чтобы держать их на отдалении и обеспечить с этой стороны безопасность движения боевой линии.

Этим, совершенным без поспешности, с маленькими остановками для отдыха, движением Александр не только далеко оттеснил выдвинутый против него справа фланговый корпус неприятеля, но в то же время получил возможность выдвинуть на правом фланге линию своей легкой пехоты и конницы далее левого крыла неприятеля, так что они могли теперь прикрывать атаку, которую он думал произвести с илами гетайров, и отвлекать крайний левый фланг неприятеля, пока он бросится на центр его, имея по левую сторону себя гипаспистов, а позади ближайшие фаланги. Опрокинув центр неприятеля, он рассчитывал напасть одновременно спереди и с тыла со своими гипаспистами и со своими илами на его правое крыло, которому греческие союзники и многочисленная конница давали решительный перевес над крылом Пармениона, и уничтожить его. Он мог предвидеть, что успех его первой атаки повлияет на ход всего сражения, тем более решающим образом, что персидский царь находился не у конницы правого крыла, которая могла бы сделать главное нападение с персидской стороны, но в центре оборонительной линии, которая, хотя и защищенная естественными стенами берегов Пинара и земляными завалами, все-таки, по-видимому, не могла выдержать энергического нападения.

Александр медленно подвигался вперед со своей линией, чтобы в величайшем порядке и плотно сомкнутым строем напасть на неприятеля. Он скакал вдоль фронта, обращался со словами ободрения к разным частям своего войска и называл по имени того или другого командира, указывая на совершенные уже ими славные подвиги; повсюду войска громко приветствовали его и требовали, не медля долее, начать нападение. Когда вся линия приблизилась сомкнутым строем к врагу на расстояние выстрела, Александр, при боевых кликах войска, бросился с конницей в Пинар. Не понеся значительных потерь под градом стрел неприятеля, они достигли противоположного берега и с такою силою бросились на неприятельскую линию, что последняя, после короткого и тщетного сопротивления, начала приходить в беспорядок и отступать. Уже Александр увидал боевую колесницу персидского царя и бросился туда; завязалась кровопролитная рукопашная схватка между знатными персами, защищавшими своего царя, и предводимыми своим царем македонскими всадниками; Арсам, Реомифр, Атизий и египетский сатрап Сабак пали; сам Александр был ранен в бедро; тем яростнее бились македоняне; наконец Дарий поворотил свою колесницу прочь из свалки, за ним последо-

вали ближайшие ряды, стоявшие слева около высот, и скоро бегство сделалось всеобщим. Пеоны, агрианы и две илы крайнего крыла македонян бросились справа на пришедшие в беспорядок полчища и довершили победу с этой стороны.

Между тем тяжелая пехота центра не могла ровной линией следовать за быстрым наступлением Александра, так что в ней образовались промежутки, только увеличиваемые желанием не отставать, не взирая на представляемые крутым берегом Пинара препятствия; когда Александр уже свирепствовал в центре неприятеля и левое крыло последнего уже дрогнуло, эллины персидского войска быстро бросились на македонских гоплитов, которым они заведомо не уступали по мужеству, вооружению и военной опытности, там, где в линии последних был наибольший промежуток. Дело было в том, чтобы снова выиграть уже потерянную победу; если удастся оттеснить македонян с крутого берега обратно за реку, то фланг Александра будет обнажен, и он тогда пропал. Эта опасность удвоила силы педзетайров; если они отступят, то погубят победу, которую уже выиграл Александр. Исконная ненависть между греками и македонянами делала при их равном мужестве и равных силах битву еще кровопролитнее; понимаемые неприятелем проклятия и предсмертные стоны противника удваивали ожесточение. Уже сын Селевка, Птолемей, начальствовавший над предпоследним таксисом, и многие офицеры³⁶ пали; битва, которая около берегов, по-видимому, решилась теперь в пользу персов, поддерживалась только с трудом и величайшими усилиями.

Набарзан с персидскими всадниками переправился через Пинар и с такой яростью бросился на фессалийских всадников, что одна из ил была разбита совершенно, а другие могли держаться только благодаря прекрасным качествам своих лошадей, каждый раз снова быстро смыкаясь и то здесь, то там снова бросаясь на неприятеля; долго сопротивляться превосходству сил и ярости персидских всадников они бы не могли. Но уже левое крыло персов было сломлено, и Дарий, вместо того чтобы быть в битве среди своих верных, искал спасения в бегстве. Александр видел угрожающую его фалангам опасность; прежде чем преследовать далее бегущего царя, он бросился спасать их; между тем как гоплиты фаланги снова перешли в нападение, он приказал своим гипасписстам сделать поворот налево и ударить во фланг греческим наемникам, которые, будучи не в состоянии выдержать нападения с двух сторон, были опрокинуты, рассеяны и разбиты. До всадников Набарзана, бывших в самом жарком бою и подвигавшихся вперед, достиг теперь крик: «Царь бежит»; они начали останавливаться, приходило в беспорядок и поворачивать назад и, наконец, понеслись по равнине, преследуемые фессалийцами. Все бросились к горам, ущелья наполнились; давка всевозможных войск и народов, дробящие удары копыт падающих лошадей, крики погибаю-

щих, злобное бешенство и смертельный страх неприятелей, падающих под ударами мечей и дротиков увлеченных преследованием македонян, и ликующие победные крики последних, — таков был конец славного дня Иссы.

Потери персов были громадны, поле битвы было покрыто телами мертвых и умирающих, ущелья гор завалены трупами и за сплошным валом тел бегство царя было безопасно.

Дарий, который после успеха первой атаки Александра повернул свою четверню назад, проскакал по равнине до гор; здесь крутизна подъема мешала колеснице быстро двигаться; он соскочил с колесницы, бросил плащ, лук и щит и вскочил на кобылицу, которая понеслась к ожидавшему ее на конюшне жеребенку с быстрой, которой желал Дарий. Александр преследовал его, пока еще был день; поимка персидского царя казалась ему победным призом дня; он нашел в ущелье его боевую колесницу, щит, плащ и лук и с этими трофеями возвратился назад в персидский лагерь, который без боя был занят и приспособлен для ночного отдыха его людьми³⁷.

Добыча золотом и золотыми вещами, кроме роскошного убранства лагеря и дорогого вооружения персидских вельмож, была невелика, так как казна, походные вещи и придворные штаты персидского царя и сатрапов были отправлены в Дамаск³⁸. Но в руки победителя попали вместе с лагерем, в котором они были забыты среди суматохи бегства, царица-мать Сисигамбис, супруга Дария и их дети. Когда Александр, возвратясь после преследования, ужинал со своими офицерами в ставке Дария, он услышал вблизи жалобы женских голосов и узнал, что это царские жены, считавшие Дария умершим, потому что они видели, как по лагерю с торжеством провезли его колесницу, лук и царскую мантию; он тот час же послал к ним одного из своих друзей, Леонната, чтобы уверить их, что Дарий жив, что им нечего бояться, что ни к ним, ни к Дарию он не чувствует личной вражды, что он хочет завладеть Азией в честном бою и сумеет отнестись с уважением к их высокому званию и их несчастью³⁹. Он сдержал перед ними свое слово; к ним не только отнеслись с подобающим несчастью снисхождением, но и по-прежнему воздавали им почести, к которым они привыкли в дни счастья, и продолжали служить им по персидскому обычаю. Александр желал, чтобы они содержались не как пленницы, но как царицы, и чтобы величие царского сана было поставлено выше различия между греками и варварами. Здесь впервые обнаружилось, как он думал установить свои отношения к Персии. При тех же условиях афиняне и спартанцы предоставили бы своей ненависти или корыстолюбию определить участь вражеских цариц; поведение Александра настолько же служило доказательством более свободной или же более дальновидной политики, как и свидетельствовало о его великодушии. Его современники

прославляли последнее, не понимая или пока они еще не поняли первой; почти ни одному подвигу Александра они не изумлялись более, чем этой кротости там, где он мог явить себя гордым победителем, и этой почтительности там, где он мог показать себя греком и царем; всего изумительнее казалось им то, что он, превосходя этим свой великий прообраз Ахилла, отказался воспользоваться правом победителя относительно супруги побежденного, считавшейся красивейшей из всех женщин Азии; когда он был близко, он запретил даже говорить о ее красоте, чтобы ни одним лишним словом не увеличить скорби благородной женщины. Впоследствии рассказывали, что царь, сопровождаемый только своим любимцем Гефестионом, явился в палатку цариц и что царица-мать, не зная, который из двух одинаково блестяще одетых мужчин царь, бросилась на землю перед Гефестионом, который был выше ростом, чтобы поклониться ему по персидскому обычаю; но когда она, увидев свою ошибку из того, что Гефестион отступил назад, пришла в величайшее смущение и считала свою жизнь потерянной, Александр сказал с улыбкой: «ты не ошиблась, и он тоже Александр»; затем он взял на руки шестилетнего сына Дария, приласкал его и поцеловал⁴⁰.

Потери македонского войска в этом сражении определяются в 300 пехотинцев и 150 всадников⁴¹. Сам царь был ранен в бедро. Несмотря на это, на следующий день после битвы он посетил раненых и приказал со всеми воинскими почестями похоронить павших, выстроив все войско в боевом порядке; их памятниками были три алтаря у Пинара⁴², а город Александрия, заложенный при входе в сирийские проходы, был памятником великого дня Иссы, одним ударом уничтожившего могущество Персии.

Из персидского войска, как говорят, пало около 100 000 человек и в том числе 10 000 всадников. То обстоятельство, что оно было сначала разбито на своем левом крыле и было слишком развернуто со стороны моря, совершенно рассеяло его остатки. Главные силы бежали через горы к Евфрату; другие толпы бежали к северу в горы Киликии и бросились оттуда в Каппадокию, Ликаонию и Пафлагонию; их рассеяли отчасти Антигон во Фригии, частью Каллат в Малой Фригии⁴³. Из греческих наемников около 8000 спаслось с поля битвы через Аманские горы в Сирию⁴⁴; отступая в довольно хорошем порядке под предводительством македонского беглеца Аминты, они достигли Триполиса, где на берегу еще лежали триеры, на которых они прибыли; из них они взяли столько, сколько было нужно для их бегства, сожгли остальные, чтобы не дать им попасть в руки неприятеля, и переправились на Кипр⁴⁵. Другие, вероятно, достигли моря другими путями и направились к Тенару искать себе новой службы. С переехавшими на Кипр наемниками Аминта направился к Пелусию, чтобы занять место павшего при Иссе сатрапа Сабака, которое уже было ввер-



но персу Мазаке. Он проник затем до самых ворот Мемфиса и уже был господином над важнейшей частью Египта, когда его наемники, ненавидимые за свои дерзкие грабежи и снова рассеявшиеся по стране, чтобы грабить, были атакованы возбужденными призывом сатрапа египтянами и перебиты все до последнего, а вместе с ними и Аминта.

Сам Дарий, достигнув в своем бегстве Онх, собрал остатки своего персидского народа и около 4000 греческих наемников и с ними так же быстро продолжал свой путь в Фапсак, пока за Евфратом не счел себя свободным от дальнейшей опасности. Более чем потеря битвы и нескольких сатрапий, более чем позор поражения и бегства должны были терзать его сердце потеря своих и стыд и опасение, что его супруга, прекраснейшая из женщин Персии, находится в руках гордого неприятеля; забывая в своем семейном несчастье и горе об опасном положении и бессилии своего царства, но не о своем высоком сане, он думал, что делает великий подвиг, великодушно снисходя до первого шага к победителю. Вскоре после битвы он послал к Александру послов с письмом⁴⁶, в котором писал, что его отец Филипп стоял в отношениях дружбы и союза с персидским царем Артаксерксом, но что по его смерти впервые и без малейшего повода со стороны Персии начались враждебные действия против персидского царя Арсеса, что затем при последовавшей новой перемене на престоле Персии сам Александр не удостоил послать к нему, царю Дарию, послов, чтобы укрепить старую дружбу и союз, но, напротив, вторгся с войском в Азию и причинил персам много тяжелых несчастий; поэтому он, персидский царь, собрал свои народы и повел их против него; так как исход битвы решил против него, то он, царь, требует от него, царя⁴⁷, возвращения своей супруги, матери и детей, которые находятся у него в плену; он предлагает ему заключить с ним дружбу и союз и отправить с подателями этого письма, Мениском и Арсимом, уполномоченных, чтобы обменяться необходимыми речательствами.

На это письмо и дальнейшие устные объяснения царских посланцов Александр отвечал письмом, которое он приказал отправившемуся с ним ко двору Дария своему послу Ферсиппу⁴⁸ передать, не вступая в дальнейшие устные переговоры. Письмо это гласило:

«Ваши предки пришли в Македонию и остальную Грецию и без малейшего повода со стороны греков причинили нам различные беды. Я, будучи избран военачальником элинов и решившись заставить персов понести наказание за то, что они с нами сделали, перешел в Азию, после того как вы недавно подали повод к войне. Ведь вы поддержали перинфян, оскорбивших моего отца, и Ох послал войско во Фракию, господство над которой принадлежит нам; отец мой пал от руки убийц, которые, как вы даже сами

упоминали во всех письмах, были подсланы вами; заодно с Багом ты умертвил царя Арсеса и незаконным образом присвоил себе персидский престол, не по обычаю персов, но поправ их священнейшие права; что касается меня, то ты посылал к эллинам, чтобы возбудить их к войне против меня, письма, которые вовсе не были дружескими; ты посылал спартамцам и некоторым другим эллинам деньги, которые, правда, не были приняты ни одним из других государств, кроме спартамцев; наконец, через своих посланцев ты старался совратить моих друзей и нарушить мир, который я дал эллинам. По этим причинам я выступил в поход против тебя, когда ты начал неприязненные действия. Победив в правом бою сначала твоих полководцев и сатрапов, а теперь и тебя и бывшее с тобой войско, я милостью бессмертных богов сделался господином страны, которую ты зовешь твоею. Кто из тех, которые в твоих рядах бились против меня, не остался в бою, но перешел ко мне и под мою охрану, о тех я забочусь; силой я не держу никого, — напротив, все охотно и добровольно идут под мое начало. Так как я таким образом являюсь господином над Азией, то приходи и ты ко мне; буде ты полагаешь, что имеешь какие-либо основания опасаться, если придешь ко мне, то пришли кого-либо из твоих вельмож, чтобы получить нужные ручательства. Придя ко мне, ты встретишь у меня благосклонное внимание к твоим просьбам о возвращении твоей матери, супруги, детей и к твоим другим желаниям; что ты от меня потребуешь, дастся тебе. Во всяком случае, если ты будешь посылать ко мне снова, ты должен посылать как к царю Азии, и не писать ко мне как к своему равному, но излагать мне, господину всего того, что было твоим, свои желания с подобающей покорностью; в противном же случае я поступлю с тобою как с оскорбителем моего царского величества. Если же ты другого мнения об обладании властью, то ожидай меня еще раз для битвы из-за нее на открытом поле, и не беги; я со своей стороны отыщу тебя, где бы ты ни был».

Если это послание⁴⁹ было отправлено в том виде, как мы его теперь имеем, то оно было написано не только для того, к кому было обращено, но было манифестом, с которым победитель в одно время обращался и к народам Азии и к эллинам.

Да, и к эллинам. Персидский флот еще находился в Эгейском море, и его близость питала брожение в государствах Эллады. Одержанная там победа, дерзкая высадка на Истме или в Эвбее и несомненно вспыхнувшее бы в таком случае восстание эллинов, повлекли бы за собой непредвиденные последствия и подвергли бы весьма серьезным опасностям самое Македонию. Поэтому-то, как кажется, Александр и выступил из Гордия так поздно; в случае нужды он мог бы оттуда достигнуть Геллеспонта в 15 переходов. Быть может, только известие об отправке греческих наемников в Триполис заставило его решиться на выступление; без них дви-

жения персидского флота, уменьшенного вдобавок тем количеством кораблей, которое осталось в Триполисе, должны были казаться его военному взору простой демонстрацией.

Далеко не так рассуждали патриоты в Греции. Как должно было возрасти их мужество, когда Гегелох, испуганный смелым решением афинян отправить в море сто триер, освободил задержанные афинские корабли; оно должно было возрасти еще больше, когда македонский гарнизон в Митилене был принужден сдаться на капитуляцию, когда весь остров возвратился к постановлениям Анталкидова мира, а Тенедос должен был отказаться от заключенных с Александром и Коринфским союзом договоров и снова признать Анталкидов мир. Славный Анталкидов мир был лозунгом спасения для эллинского патриотизма, и под этим знаменем они думали прогнать ужасы Коринфского союза. Тогда, несмотря на заключенные договоры, с аттической трибуны открыто проповедовался разрыв с Александром; «в них значится», говорит один оратор, «если мы желаем принять участие в общем мире, следовательно, мы можем желать и противоположного»⁵⁰.

Несмотря на понесенные Датамом небольшие поражения, персидский флот еще господствовал над Эгейским морем. После взятия Тенедоса персидские адмиралы послали под начальством Аристомена флот в Геллеспонт, чтобы овладеть его берегами⁵¹, а сами, опустошая берега Ионии, двинулись в Хиос; конечно, они упустили из виду необходимость прикрыть важную позицию в Галикарнассе, где в приморской цитадели еще держался Офнтопат; она попала — Александр получил в Солах известие об этом — в руки македонян; после этой тяжелой потери людьми, которую понесли персы, они должны были очистить и те пункты материка, которыми до сих пор еще владели, Минд, Кавн и Триопий; только Кос, Родос, Калимна, а с ними и вход в Галикарнасский залив остались еще в руках Персии⁵². Они знали, что Дарий уже перешел через Евфрат с войском, в котором число одних греческих наемников равнялось всей армии Александра, и с громадным перевесом в коннице.

Не совсем ясно, какие мотивы руководили дальнейшими в ту пору действиями адмиралов: наступление ли Гегелоха, который по указу Александра снова собрал в Геллеспонте флот, разбивший Аристомена с его эскадрой, и снова овладел Тенедосом,⁵³ — или же намерение единовременно с ожидавшимся поражением Александра заставить вспыхнуть общее восстание в Элладе. Они оставили гарнизон в Хиосе, несколько кораблей в Косе и Галикарнассе, и со 100 кораблями, обладавшими лучшим ходом, отправились в Сифну. Туда к ним явился царь Агис, правда, с одной только триерой, но с обширным планом, для исполнения которого он просил их послать с ним как можно более кораблей и войск в Пелопоннес и дать ему денег для дальнейшей вербовки войск.

В Афинах тоже настроение умов достигло крайнего возбуждения, и патриоты всеми мерами старались воспламенить его; «Когда Александр», как говорит Эсхин три года спустя в одной речи против Демосфена, «был заперт в Киликии и терпел во всем недостаток, как ты говорил, и не сегодня-завтра, каковы были твои слова, должен был быть растоптан персидской конницей, народ не обращал внимания ни на твои назойливые увещания, ни на письма, в руках с которыми ты расхаживал⁵⁴, хотя ты даже показывал гражданам, каким потерянним и расстроенным выглядит мое лицо, и хотя ты, конечно, называл меня также жертвенным животным, которое падет, когда с Александром что-нибудь случится». «И все-таки», как говорит Эсхин, «Демосфен советовал еще подождать»; тем ревностнее Гиперид, Мирокл и Каллисфен должны были торопить афинян соединиться с Агисом и вести против Антипатра и Македонии греческие государства, по-видимому, ожидавшие только сигнала к отпадению. Остается открытым вопрос, не были ли завязаны также сношения и с Гарпалом, казнохранителем Александра, бежавшим незадолго перед этим, конечно, не с пустыми руками, и теперь находившимся в Мегаре⁵⁵.

Но вместо ожидавшегося известия о победе из Киликии пришло известие о решительном поражении персидского царя и о полном уничтожении персидского войска. Афиняне должны были благодарить Бога, что они еще не сделали ничего такого, что принудило бы их идти дальше. Персидские адмиралы поспешили спасти то, что еще можно было спасти. Фарнабаз с двенадцатью триерами и 1500 наемниками поплыл к острову Хиосу, отпадения которого он должен был бояться, а Автофрадат с главной частью флота — с ним были также и тирские корабли под предводительством царя Адземилка — в Галикарнасс. Царь Агис вместо крупных сухопутных и морских сил, которых он потребовал, получил тридцать талантов и десять кораблей; он послал их своему брату Агесилаю к Тенару с приказом заплатить полное жалованье солдатам и затем спешить на Крит, чтобы обеспечить за собою овладение островом; сам он, пробыв несколько времени на Кикладах, последовал за Автофрадатом в Галикарнасс. О дальнейших предприятиях на море нечего было думать, так как финикийские эскадры — что Александр не шел к Евфрату, выяснилось достаточно скоро — ждали только этого времени года, чтобы отплыть на родину, которая, может быть, уже принуждена была сдаться македонянам. Кипрские цари тоже полагали, что им должно бояться за свой остров, раз финикийский берег находится во власти Александра.

В последнее время некоторые историки называли странным и нерасчетливым поступком то, что Александр после битвы при Иссе не продолжал преследования персов и не поспешил перейти через Евфрат, чтобы положить конец царству персов. Такой поступок в то время, когда тыл его еще далеко не был обеспечен, был бы глу-

постью, выстрелом на воздух. Движение греческих наемников к Пелусию должно было напомнить ему о том, что он должен иметь в своих руках Египет, если желает поставить на прочном основании свой поход в глубину Азии. Не Вавилон и Сузы были победным призом за Иссу; но то, что ему был открыт берег Средиземного моря до пустынного берега Сирты, что теперь Финикия, этот неистощимый арсенал персидского царства, пожелала ли бы она подчиниться или защищаться, должна была отозвать свой флот из греческих морей, что таким образом можно было скоро сломить начатое Спартой движение, лишенное всякой поддержки со стороны Персии, и что, наконец, с занятием долины Нила, к которому не могло теперь представиться никаких дальнейших существенных затруднений, операционный базис для похода далее на восток приобретал свою полную ширину и твердость.

Соответственно этому должен был определиться и ход дальнейших операций. Александр послал Пармениона с фессалийскими всадниками и другими войсками вверх по долине Оронта в Дамаск, главный город Келесирии, куда были посланы из Сох военная касса, походная утварь и весь дорогой придворный штат персидского царя, а также жены, дети и сокровища вельмож. Благодаря измене сирийского сатрапа, сделавшего вид, что он думает бежать с сокровищами и караваном, со всеми этими знатными персиянками и их детьми, последние, как и самый город, попали в руки Пармениона. Добыча была необыкновенно велика; среди многих тысяч пленных³⁶ находились послы Афин, Спарты и Фив, прибывшие к Дарию перед битвой при Иссе. Получив донесение Пармениона об этой экспедиции, Александр приказал отослать обратно в Дамаск и хранить там всех пленных и все вещи, попавшие в его руки, а греческих уполномоченных немедленно прислать к нему. Когда они прибыли, он тот час же отпустил обоих фиванцев частью во внимание к их личности, так как один был Фессалиск, сын благородного Исмения, а другой, Дионисодор, был олимпийским победителем, частью из сожаления к их несчастному родному городу и к вполне простительной ненависти фиванцев к македонянам; афинянина Ификрата, сына полководца того же имени, из уважения к его отцу и чтобы дать афинянам доказательство своей снисходительности, он в большом почете удержал около своей особы; спартиат Эвфикл, напротив, так как его отечество как раз теперь начало открытую войну, был пока удержан в качестве военнопленного; но впоследствии, когда постоянно возрастающие успехи македонского оружия переменили отношения к Спарте, он был отпущен на свою родину.

Во время похода Пармениона в Дамаск Александр занялся устройством управления Киликии. Мы мало знаем об этом, но это немногое характеристично. Эту область, бывшую в военном отношении важнее всякой другой и имевшую опасных соседей в не-

зависимых и храбрых племенах Тавра, необходимо было отдать в совершенно надежные руки. Царь поручил ее одному из своих семи телохранителей, Балакру, сыну Никанора; как кажется, вместе с сатрапией ему была поручена и стратегия⁵⁷; мы встречаем вскоре упоминание о битвах Балакра против исавров. Среди монет Александра более старого типа думают видеть значительное число монет киликийского чекана⁵⁸. Сатрапом Сирии, насколько она была занята Парменионом, или Келесирии был назначен Менон, сын Кердима. С Финикией царь еще не мог распорядиться; там ждали его немалые трудности.

Финикийские города занимали в персидском царстве особенное политическое положение, бывшее следствием их географических условий и их внутреннего устройства. Несмотря на свое многовековое могущество на море, они стояли не на островах и таким образом были лишены почти необходимого для морских держав преимущества; они последовательно становились добычей ассирийцев, вавилонян и персов. Но так как со стороны суши они были почти отрезаны от внутренних областей высокими горными цепями Ливана, а некоторые из них были выстроены на небольших, лежавших у самого берега островах, которые все-таки несколько препятствовали непосредственному и постоянному влиянию господствовавшей на материке державы, то вместе со своим древним устройством они настолько сохранили свою древнюю независимость, что персидские цари охотно довольствовались верховенством и правом созывать финикийский флот. Падение старого афинского морского союза устранило весьма опасное некогда соперничество греков в торговле, промышленности и морском могуществе; даже во времена полной независимости этих городов их промышленность и благосостояние, вероятно, не были так значительны, как теперь под властью Персии, представлявшей собою громадную арену для торговли. Во всех других вошедших в состав персидского царства землях древняя национальная цивилизация выродилась или была забыта, но в Финикии сохранился старый торговый дух и та своеобразная свобода, которую развивают занятия торговлей. Финикийцы тоже не раз делали попытки освободиться от господства персидского царя; если это не удалось несмотря на полную слабость персидского царства, то причиной этого было их внутреннее устройство, а в еще большей степени резко выраженные частные интересы соперничествовавших между собою городов. Когда при царе Охе Сидон на союзном собрании в Триполисе пригласил принять участие в заговоре два других главных города союза, Тир и Арад, то они хотя и обещали помощь, но в бездействии ожидали конца этого предприятия, которое в случае удачи освободило бы также и их, а в случае неудачи должно было увеличить их могущество и их торговлю пропорционально с потерями Сидона. Сидон пал, сгорел, поте-

рял свое старое устройство и самостоятельность, и его место в союзном совете Триполиса заступил, как кажется, Библ, который настолько поднялся с этого времени, что отныне мог играть роль наряду с Арадом и Тиром.

Девять городов Кипра находились в таких же отношениях к персидскому царству, как и финикийские города; но благодаря своему частью греческому происхождению и более благоприятному положению еще с большим нетерпением стремились к свободе. Они возмутились в одно время с Сидоном, имея во главе саламинского царя Пнитагора, но при брате Пнитагора Эвагоре вскоре после падения Сидона снова изъявили покорность; спустя несколько времени Пнитагор снова получил власть над Саламином, но условием, под которым он по-прежнему мог быть первым между мелкими князьями Кипра, была полная преданность персидскому царству.

Двадцать лет прошло со времени этого восстания, когда Александр начал свою войну против Персии. Корабли финикийцев под предводительством своих «царей» тирийца Адземилка, арадянина Герострата и библосца Энила, к которому присоединились и корабли Сидона, затем кипрские корабли под предводительством Пнитагора и других царей двинулись по призыву персидского царя в греческие воды и вели там войну без большого успеха благодаря, конечно, не всегда достаточной энергии командиров. Битва при Иссе совершенно переменяла положение вещей для финикийских городов. Если бы они действовали дружно, соединили бы в одно свои морские силы, чтобы сообща поддерживать каждый пункт, на который желал броситься неприятель, если бы адмиралы персидского царя оставили греческие воды и бесцельную теперь наступательную войну, чтобы защищать финикийские гавани, то трудно сказать, каким образом исключительно сухопутные силы завоевателя могли бы преодолеть защиту этих укрепленных и многолюдных городов с моря. Но между финикийскими городами, несмотря на их союз, было весьма мало единодушия, особенно со времени того разгрома, который они допустили совершиться в Сидоне. Сидоняне с торжеством приветствовали победу при Иссе; они могли рассчитывать снова получить от Александра то, чего они лишились в борьбе против персидского деспота. Точно так же Библ, поднявшийся благодаря падению Сидона, должно было заботить опасение потерять все, так как он был расположен на материке и не был в состоянии противиться победоносному войску Александра; Арад и Тир, напротив, лежали на море; но Арад, главную силу которого составляли владения на материке, а не обширная торговля, терял благодаря наступлению Александра более, чем Тир, мнивший себя безопасным на своем острове и со своими 80 кораблями, которые он еще имел дома.

Когда, наконец, Александр приблизился от Оронта к области финикийских городов, его встретил на пути Стратон, сын арадского князя Герострата, вручил ему от имени своего отца золотой венок и сложил к ногам царя его область, обнимавшую самую северную часть финикийского берега и простиравшуюся в глубь страны на один день пути до города Мариамны; большой город Мараф, в котором Александр пробыл несколько дней, тоже принадлежал к области Арада. На своем дальнейшем пути Александр взял Библ, сдавшийся по договору. Сидоняне поспешили сдаться победителю ненавистой персидской державы; следуя их почетному приглашению, Александр занял город, возвратил ему его прежнюю область и его прежнее устройство, поручив управление им Абдалониму, жившему в бедности потомку сидонских царей; 60 затем он двинулся к Тиру.

На пути туда его приветствовала депутация богатейших и знатнейших граждан Тира, с сыном князя Адземилка во главе; они объявили, что тирийцы готовы исполнить все, чего потребует Александр. Царь поблагодарил их и похвалил их город; «он думает», сказал он, «прибыть в Тир, чтобы принести торжественную жертву в храме тирийского Геракла».

Как раз этого-то и не хотели тирийцы; при теперешних обстоятельствах в этом правители города сходились между собою, он должен держаться политики, увенчавшейся таким блестящим успехом во время восстания в Сидоне, и обеспечить свою независимость строжайшим нейтралитетом, чтобы остаться в выгоде при любом исходе войны; а он это может, так как, несмотря на находящуюся в Эгейском море эскадру, флот города достаточно велик для того, чтобы заставить уважать сделанные им постановления; во всех морях еще побеждает персидский флот, а Дарий вооружает уже новое войско, чтобы поставить преграду дальнейшему наступлению македонян; если он победит, то верность тирийцев будет награждена тем щедрее, что остальные финикийские города уже изменили персидскому делу: если он будет побежден, то Александр, не имея флота, будет тщетно гневаться против лежащего в море города; Тир же, напротив, будет всегда иметь время, опираясь на свой флот и на своих союзников на Кипре, в Пелопоннесе и в Ливии, согласиться на такие предложенные Александром условия, которые будут соответствовать интересам города. Убеденные в том, что нашли выход, который в то же время и приличен, и безопасен, и выгоден, тирийцы сообщили македонскому царю о своем решении: они будут чувствовать себя польщенными, если он принесет жертвоприношение их туземному богу в храме Старого Тира на материке; они готовы согласиться на все другое, чего бы он от них ни потребовал, но их город на острове должен остаться закрытым для македонян и персов.



Александр немедленно прервал все дальнейшие переговоры; он решил силой добиться того, что было необходимо для дальнейшего хода его предприятий. Сильный на море Тир, сохраняя нейтралитет за его спиной, создал бы центр и опору для всех неудовольствий и восстаний в греческих землях и для начатой царем Агисом борьбы, брат которого уже завладел Кипром. Он созвал стратегов, илархов, таксиархов и предводителей союзных войск, сообщил им о случившемся и открыл им свое намерение взять Тир какую бы то ни было ценою; ему, сказал он, нельзя ни решиться на поход в Египет, пока персы еще имеют флот, ни преследовать царя Дария, имея в тылу город Тир с его очевидно враждебным образом мыслей, и кроме того Египет и Кипр, которые находятся еще в руках персов; положение дел в Греции делает это еще менее возможным; с помощью тирийцев персы снова могут овладеть морским берегом и, пока македоняне пойдут на Вавилон, могут еще с большим войском перенести войну в Элладу, где спартанцы восстали уже открыто, а афинян до сих пор удерживал более страх, чем доброе расположение к Македонии; взяв, напротив, Тир, они будут иметь в своих руках всю Финикию, и финикийский флот, составляющий наибольшую и наилучшую часть морских сил Персии, должен будет держать сторону Македонии; ни матросы, ни остальной экипаж финикийских кораблей не пожелают вести борьбу на море, когда их собственные города будут заняты; Кипр тоже должен будет решиться последовать за ними, или же он немедленно будет взят македонско-финикийским флотом; если же они будут иметь на море эту соединенную силу, к которой еще присоединятся корабли Кипра, то моревладычество Македонии является делом решенным, поход в Египет обеспеченным и успех его несомненным; когда же Египет будет покорен, то им нечего более опасаться за положение вещей в Элладе; спокойные за положение дел на родине, они могут начать поход на Вавилон с тем большими ожиданиями, что тогда персы в одно и то же время будут отрезаны от моря и от лежащих по сю сторону Евфрата земель⁶¹. Собрание убедилось в необходимости покорить гордый морской город; но завоевать его без флота казалось невозможным. По крайней мере, так казалось с первого взгляда; но дознанная необходимость должна была доставить и возможность; привыкший осуществлять смелые планы еще более смелыми средствами, Александр решил соединить город на острове с сушей и тогда приступить к настоящей осаде.

Новый Тир, выстроенный на острове в полмили длиной и несколько меньшей ширины⁶², был отделен от твердой земли проливом приблизительно в тысячу шагов шириною, имевшим около острова фарватер сажени в три не более, около же материка, напротив, мелким и тинистым. Александр решил с этой стороны проложить через море плотину; материал для этого доставили

строения⁶³ покинутого обитателями Старого Тира и кедры близко-го Ливана; сваи входили без труда в мягкое дно моря, а ил служил для того, чтобы соединять между собою опускаемые плиты. Работа велась с величайшим рвением, сам царь часто присутствовал при ней⁶⁴; похвалы и подарки облегчали солдатам эту трудную работу.

До сих пор тирийцы, полагаясь на свои корабли, на толщину и высоту своих стен, спокойно смотрели на это⁶⁵; теперь, казалось им, настала пора дать почувствовать заносчивому врагу все безумие его попытки и превосходство их исконной опытности в машинном деле. Плотины уже доходила до фарватера; они сосредоточили на обращенной к суше стороне их высокой стены столько метательных орудий, сколько было возможно, и начали метать стрелы и камни в неприкрытых работников на плотине, а одновременно с этим, последних с обеих сторон сильно атаковали триеры. Две башни, воздвигнутые Александром на конце плотины, обвешанные покрывалами и мехами и снабженные метательными снарядами, защищали рабочих от выстрелов из города и с триер; с каждым днем плотина, хотя и медленнее благодаря более глубокой воде, подвигалась вперед. Чтобы встретить эту опасность, тирийцы выстроили брандер следующим образом. Грузовой корабль был наполнен сухим хворостом и другими легко воспламеняемыми материалами; затем на этом галеоне было укреплено два мачтовых дерева, окруженных очень широкой галереей, наполненной массаами соломы и смолистого дерева; кроме того, туда еще наложили смолы, серы и других тому подобных веществ; затем на обеих мачтах были укреплены двойные рей, на концах которых висели котлы со всевозможными быстро распространяющими огонь горючими веществами; наконец, задняя часть корабля была сильно загружена балластом, чтобы по возможности поднять переднюю часть над поверхностью воды. При первом благоприятном ветре тирийцы выпустили этот брандер в море; несколько триер взяли его на буксир и поставили против плотины; тут находившийся на брандере экипаж бросил огонь в трюм и на мачты и поспешил вплавь к триерам, которые изо всех сил гнали это горящее сооружение на конец плотины. Благоприятствуемый сильным северо-восточным ветром, брандер вполне исполнил свое назначение; скоро башни, черепахи, сооружения и груды фашинника на плотине пылали ярким пламенем, а триеры стали за ветром на якорь перед плотиной и своими выстрелами делали невозможной всякую попытку тушить пожар. В то же время тирийцы произвели вылазку, переплыли на множестве лодок через залив, живо разрушили ростверки перед плотиной и зажгли еще оставшиеся машины. Извлечение этих ростверков обнажило еще недооконченную часть плотины и отдало ее на жертву высоко набегавшим волнам, так что передняя часть сооружения была прорвана и исчезла в смывших ее волнах.

Было высказано мнение, что после этого несчастного события, стоившего ему не только множества людей и всех машин, но и показавшего ему также невозможность одолеть Тир со стороны суши, Александр должен был совершенно отказаться от осады, принять предложенный Тиром договор и двинуться в Египет. По его характеру и его планам это было бы еще невозможнее, чем завоевание острова. Чем могущественнее и независимее стоял Тир против его сухопутного войска, тем необходимее было унижить гордый город; чем сомнительнее должен был казаться успех боязливым умам, тем обязательнее Александр должен был добиться его; один шаг назад, один оставленный план, одна полумера могли погубить все.

Должно быть, в это время⁶⁶ снова прибыли послы Дария, предложившие за мать, супругу и детей персидского царя десять тысяч талантов выкупа, затем обладание страной по сю сторону Евфрата и, наконец, вместе с рукою дочери Дария его дружбу и союз. Когда Александр собрал своих генералов и сообщил им о предложениях персидского царя, то мнения сильно разделились; Парменион выразил ту мысль, что, если бы он был Александром, то принял бы при настоящих обстоятельствах эти условия и не подвергал бы себя долее изменчивому счастью войны. Александр отвечал, что и он поступил бы так, если бы был Парменионом; но так как он Александр, то его ответ Дарию следующий: он не нуждается в деньгах Дария и не принимает части страны вместо целого; страны и люди, золото и имущества, которые имеет Дарий, принадлежат ему, Александру, и если ему угодно будет жениться на дочери Дария, то он может сделать это без того, чтобы Дарий дал ее ему; пусть он явится лично, если желает получить что-либо от его милости.

Осадные работы продолжались с удвоенным рвением, снова были воздвигнуты более широкая у берегов материка плотина, чтобы, с одной стороны, придать более прочности сооружению, а, с другой — иметь более места для башен и машин. В то же время военные строители получили приказ соорудить новые машины как для постройки плотины, так и для штурма крепких стен города. Сам Александр во время этих подготовительных работ отправился с гипаспистами и агрианами в Сидон, чтобы собрать там флот, с которым он мог бы одновременно блокировать Тир и со стороны моря. Как раз теперь — должно быть, это было около начала весны — корабли Арада, Библа и Сидона возвратились из греческих вод, где они при известии о битве при Иссе отделились от флота Автофрадата и двинулись в обратный путь, лишь только позволило время года; тут было около восьмидесяти кораблей, предводимых Геростратом арадским и Энилом библосским; город Родос, незадолго перед тем перешедший на сторону Александра, тоже прислал десять кораблей; затем в гавань Сидона прибыл так-

же прекрасный флот кипрских царей, состоявший из ста двадцати кораблей⁶⁷; кроме того, здесь было еще несколько кораблей из Ликии и Киликии и даже один македонский корабль, которым командовал племянник черного Клита, Протей, отличившийся своим нечаянным нападением при Сифне, так что морские силы Александра достигали 250 кораблей⁶⁸, в числе которых были также тетреры и пентеры.

Пока флот окончательно вооружался и доканчивалась постройка машин, Александр предпринял набег на арабские племена Антиливана, покорение которых было тем более важно, что они господствовали над дорогами, ведущими из долины Оронта к морскому берегу, и из своих крепких горных аулов могли нападать на шедшие из Халеба и Дамаска караваны. Сопровождаемый несколькими эскадронами конницы, гапаспистами, агрианами и стрелками, царь прошел по прекрасным долинам гор Ливана; несколько арабских укреплений было взято приступом, другие сдались добровольно, и все арабы признали верховенство македонского царя, который через одиннадцать дней уже снова возвратился в Сидон⁶⁹, куда незадолго перед тем весьма кстати прибыло четыре тысячи греческих наемников, нанятых Клеандром. Приготовления к решительной осаде могущественного Тира так далеко продвинулись вперед, что Александр, усилив экипаж своих кораблей гипаспистами, чтобы иметь решительный перевес над тирийцами в открытом морском бою и в особенности при abordage, мог выйти в море из рейда Сидона. Стройной боевой линией он поплыл к Тиру, имея на левом крыле Кратера и Пнитагора, а сам с остальными кипрскими и финикийскими царями занимая правое крыло; он думал сейчас же дать сражение, если это окажется возможным, и вытеснить с моря тирийский флот, а затем штурмом или блокадой принудить город к сдаче.

В городе было две гавани, обе на обращенной к твердой земле стороне острова, — сидонская правее плотины македонян, а египетская, которая благодаря далеко выдающейся южной части острова лежит дальше от открытого моря, левее. Пока тирийцы еще не знали, что под начальством Александра находятся кипрские и финикийские эскадры, они намеревались встретить его и дать морское сражение; теперь они увидели на горизонте появление длинной линии неприятельского флота, вступить в бой с которым их корабли, втрое более слабые по количеству, не могли решиться, тем менее, что они должны были защищать обе гавани от неожиданного нападения, а это еще уменьшало число кораблей, которыми они могли располагать. Они ограничились тем, что заградили узкий вход в северную гавань, открытую для первого нападения, сплошным рядом триер с обращенными к морю носами таким образом, что всякая попытка прорваться была невозможна. Александр же, когда его эскадра достигла высоты Тира, приказал



остановиться, чтобы подождать неприятельского флота для боя, и затем, когда навстречу ему не выступило ни одного неприятельского корабля, быстро двинулся на веслах к городу, надеясь, быть может, завладеть гаванью с помощью сильной атаки. Густой ряд триер при узком входе в гавань принудил его отказаться от этого плана; только три корабля, выдававшихся далее всех из гавани, были пробиты и затоплены; их экипаж спасся вплавь на близкий берег.

Александр велел флоту стать у берега недалеко от плотины, где он был защищен от ветра. На следующий день он начал блокаду города. Кипрские корабли под командой адмирала Андромаха и своих собственных царей загородили северную гавань, а финикийские, при которых он находился сам, расположились перед египетской гаванью. Теперь необходимо было подвести машины на достаточно близкое расстояние к стенам для того, чтобы или пробить в них бреши, или перекинуть на башни подъемные мосты. Для этой цели не только плотина была покрыта множеством машин, но таранами, катапультами и другими машинами были с большим искусством вооружены также и многочисленные грузовые корабли и все триеры, которые не шли отдельно. Но против машин на плотине стояла крепкая, сложенная из плит стена, высота которой, достигавшая полутора ста футов и увеличиваемая еще поставленными на бойницах деревянными башнями, делала безвредными македонские башни с их подъемными мостами. Приближавшиеся же справа и слева от плотины к стенам корабли с машинами еще издали встречались градом стрел, камней и горящих головень; если же они все-таки плыли к берегу острова, чтобы, наконец, пристать к нему, то им приходилось убедиться, что доступ к нему невозможен благодаря множеству опущенных в воду камней. Они приступили к извлечению камней, но эту работу затрудняла качка кораблей, а зачастую она была и совсем невозможна, так как тирийские суда, снабженные защитными стенами, обрубали якорные канаты занятых этой работой кораблей и предоставляли их таким образом на произвол течения и ветра. Александр расположил перед якорями такие же прикрытые суда, чтобы охранять канаты; но тирийские водолазы подплывали под водой к самым кораблям и перерезывали их канаты, пока, наконец, якори не были опущены на дно моря на железных цепях. Теперь корабли могли работать без дальнейшей опасности; каменные глыбы были извлечены из фарватера около плотины, так что несколько кораблей с машинами могли, наконец, приблизиться к стене. Войско было полно желанием сразиться и ожесточением; тирийцы вывели на стены пленных македонян, резали их там — перед самыми глазами их товарищей в лагере — и бросали в море.

Тирийцы не могли не видеть, что опасность с каждым днем увеличивается и что их город погиб безвозвратно, если они утра-

тят свой перевес на море. Они надеялись на помощь Карфагена и ожидали, что, по крайней мере, киприоты не будут биться против них; из Карфагена прибыл, наконец, священный корабль с торжественным посольством, принесший известие, что метрополии не может быть оказано никакой помощи. А они уже были почти заперты, так как перед северной гаванью стоял на якоре кипрский флот, а перед южной финикийский, и они даже не могли соединить всего своего флота для общей атаки, казавшейся им теперь единственным спасением. С тем большей осторожностью вооружили они в северной гавани, перед которой были растянуты паруса, вполне скрывавшие все происходящее, эскадру из трех пентер, стольких же тетрер и семи триер и посадили на них отборных матросов; для вылазки был назначен тихий полуденный час, когда сам Александр обыкновенно отдыхал на суше в своем шатре, а экипаж большинства кораблей тоже находился на берегу, чтобы запастись свежей водой и провиантом. Выйдя незаметно из гавани и приблизившись к стоявшим на северной стороне и почти совершенно оставленным без надзора кораблям кипрских князей, тирийцы с громким боевым криком бросились на них, пробили и потопили при первой атаке пентеру Пнитагора, Андрокла амафского и Пасикрата курийского, подогнали остальные суда к берегу и принялись разрушать их. Тем временем Александр, который сегодня ранее обыкновенного возвратился к своим кораблям на южной стороне и весьма скоро заметил движение перед гаванью по ту сторону города, скомандовал экипажу на борт, поспешно посадил экипаж на свои корабли, приказал большей части последних выстроиться перед самой южной гаванью, чтобы предупредить вылазку тирийцев с этой стороны, а затем с пятью триерами и всеми пентерами своей эскадры обогнул остров и бросился навстречу к уже победоносному тирийскому флоту. На городских стенах было замечено приближение Александра; стоявшие на стенах громким криком и всевозможными знаками старались указать на опасность уже занятым преследованием своим и заставить их вернуться; среди непрерывного шума битвы они заметили это только тогда, когда неприятельская эскадра уже почти подошла к ним; тирийские корабли быстро повернули обратно и с величайшей поспешностью начали грести к гавани; ее достигли только немногие; большая часть была затоплена или повреждена настолько, что сделалась непригодной для дальнейшей морской службы; еще перед самым входом в гавань одна пентера и тетрера попали в руки неприятеля, а экипаж их спасся впласть.

Этот исход дня имел роковое значение для судьбы города; в море он потерял как бы гласис своей крепости. Тирийские корабли лежали теперь мертвыми в обеих гаванях, которые зорко охранялись от кораблей неприятеля и были с тирийской стороны защищены от вторжения протянутыми цепями. Вместе с этим на-

чался последний акт осады, которая, представляя собой постоянно возрастающее соревнование в изобретениях, механических средствах и техническом искусстве с обеих сторон, превосходила все, что когда-либо предпринималось варварами и греками в этом роде. Если тирийцы, величайшие техники и машиностроители тогдашнего мира, придумывали разные чудеса для своей защиты, то инженеры Александра, в том числе Диад и Херия из школы Полиада⁷⁰, были не менее изобретательны, стремясь превзойти их искусство. Теперь, когда царь в своей плотине имел твердый пункт для нападения и, очистив дно моря и доставив своим машинам возможность подходить к стенам, приобрел для своих кораблей довольно безопасную якорную стоянку, когда он вытеснил с моря морские силы Тира и ему оставалось только взойти на стены города или пробить их, только теперь началась для него самая трудная и опасная работа. Ярость тирийцев росла вместе с опасностью, их фанатизм рос вместе с приближением гибели.

Стены против плотины были слишком высоки и толсты для того, чтобы их можно было разбить или взойти на них; почти так же мало сделали машины на северной стороне; твердость скрепленных цементом громадных плит, по-видимому, не уступала никакой силе. С тем большим упорством преследовал свой план Александр; он поставил на южной стороне города машины, которые работали не переставая до тех пор, пока стена, значительно поврежденная и пробитая, не обвалилась и не образовала брешь. Немедленно на нее были спущены подъемные мосты и сделана попытка пойти на штурм. Завязался жаркий бой. Перед яростью защитников, перед стрелами, перед едкими и раскаленными массами, которые они метали, перед режущими и схватывающими машинами, которые они пустили в дело, македоняне должны были отступить; царь оставил эту слишком маленькую брешь, которая скоро была заложена тирийцами.

Понятно, что уверенность в войске начала колебаться. Тем нетерпеливее желал царь положить этому конец; эта первая брешь показала ему, где он должен приступить к противившемуся городу; он ждал только тихой погоды, чтобы возобновить свою попытку. Через три дня после неудавшейся атаки — это было в августе⁷¹ — море было спокойно, небо ясно, горизонт безоблачен, — все было так, как этого требовал план царя. Он призвал предводителей назначенных в атаку войск и дал им нужные инструкции. Затем он отдал приказ кораблям с самыми большими машинами подступить с юга к стене и начать работать, между тем как два других корабля, один с гипаспистами Адмета, другой с фалангитами Кена, стояли наготове, чтобы при первой возможности приступить к штурму; сам он отправился с гипаспистами; в то же время он двинул в море все корабли, велел одной части триер стать перед гаванями, чтобы во время штурма постараться

разорвать запиравшие гавани цепи и проникнуть в их бассейны; все другие корабли, имевшие на борту стрелков, пращников, баллисты, катапульты, тараны и тому подобные машины, расположились кругом острова с приказом или пристать, где это будет возможно, или стать на якорь под стенами ближе, чем на расстояние выстрела, и обстреливать со всех сторон тирийцев так, чтобы они, не зная, где опасность всего сильнее и где более всего нужна защита, тем легче уступили штурму.

Машины начали работать, со всех сторон полетели в башни стрелы и камни, город казался угрожаемым во всех пунктах, как вдруг та часть стены, на которую обратил свои усилия Александр, разрушилась и образовала значительную брешь. Немедленно оба корабля с вооруженными заняли место кораблей с машинами, были спущены подъемные мосты и гипасписты бросились по мостам; Адмет был первым на стене, первым, который пал; воспламененные смертью своего вождя, на глазах царя, который уже следовал за ними с агемой, бросились в атаку гипасписты; скоро тирийцы были вытеснены из бреши, скоро была взята одна башня, затем другая, стена была занята и был очищен ход по валу к царскому замку, который царь приказал взять, потому что оттуда легче было спуститься в город.

Тем временем корабли Сидона, Библа и Арада проникли в южную гавань, цепные заграждения которой они прорвали, и частью затопили, частью загнали на берег стоявшие там корабли; кипрские корабли вошли в северную гавань и уже заняли бастион и ближайшие пункты города. Тирийцы везде отступили и собрались перед Агенорием, решившись там защищаться. Тогда на эти последние стройные кучки тирийцев бросились с царского замка царь с гипаспистами, а со стороны гавани Кен с фалангитами; после короткого, но крайне кровопролитного боя и эти тирийцы были побеждены и изрублены. Восемь тысяч тирийцев нашли себе смерть. Остальные жители, которым не удалось спастись, около тридцати тысяч человек, были проданы в рабство. Тем, которые спаслись в храме Геракла, особенно царю Адземилку, первому должностному лицу города и карфагенским послам, Александр даровал помилование⁷².

Возможно, что сидоняне и другие финикияне скрыли и спасли на своих кораблях многие тысячи своих тирийских земляков; не менее возможно, что часть прежнего населения осталась в городе или собралась туда снова⁷³. Город, с его превосходной гаванью, едва ли не лучшей станцией для флота на всем сирийском берегу, Александр имел все основания сохранить и поддержать для того, чтобы обеспечить за собою господствующую позицию в этих водах среди других приморских городов, которые хотя и признали главенство Македонии, однако же сохранили своих царей и свои флоты. Но древнему общинному устройству города и, как



кажется, царской власти в нем пришел конец⁷⁴. Тир сделался сборным пунктом македонских войск на этом берегу и, как мы можем заключить, одною из постоянных станций флота⁷⁵.

Александр отпраздновал свою победу тем, что принес жертву Гераклу, в которой ему отказали тирийцы, в Гераклее города на острове, в присутствии своего войска в полном боевом вооружении, между тем как весь флот, разукрашенный по праздничному, проплыл на высоте острова; среди агона и бега с факелами машина, разрушившая стену, была провезена по городу и выставлена в храме Геракла, а тирийский корабль Геракла, уже раньше попавший в руки Александра, был посвящен богу.

Весть об этих событиях в Тире должна была произвести громадное впечатление; подобно дню при Иссе, она должна была дать почувствовать востоку, а еще более приморским странам запада до Геракловых столбов непреоборимую мощь этого македонского царя-воина. Могущественный город на острове, гордый флот, торговля, богатство этого всемирно знаменитого города — исчезли; Ахиллов гнев победителя сокрушил их⁷⁶.

Он должен был ожидать нового сопротивления в южной Сирии. Из Тира он предложил покориться иудеям с их первосвященником Иаддуем; под тем предлогом, что они обязаны присягой на подданство персидскому царю, они отказали в подвозе съестных припасов и исполнении других повинностей, потребованных Александром; Санаваллат же, назначенный двором в Сузах сатрапом Самарии, принял сторону победителя. Более забот возбуждала пограничная крепость Газа; она была самым важным городом палестинской Сирии и лежала на торговой дороге от Красного моря к Тиру и от Дамаска к Египту, служила пограничной крепостью против часть возмущавшейся египетской сатрапии и всегда была для персидских царей предметом особенного внимания; теперь она была поручена Дарием одному из его вернейших слуг, евнуху Бату⁷⁷, который имел дерзость думать, что положит предел победоносному наступлению неприятеля. Он усилил значительный гарнизон города вербовками у арабских племен, живших к югу от Газы до самого берега моря, и заготовил припасы для продолжительной осады, убежденный, что если ему теперь удастся задержать неприятеля, то, с одной стороны, богатая египетская сатрапия не выйдет из повиновения, а с другой — персидский царь выиграет время, чтобы докончить свои новые вооружения в верхней Азии, спуститься в нижние сатрапии и прогнать обратно за Тавр, Галис и Геллеспонт дерзкого македонянина. Продолжительное сопротивление, оказанное Тиром, увеличивало смелость евнуха, тем более, что флот, которому Александр был обязан окончательным взятием этого лежавшего на острове города, не мог быть применен к делу перед Газой; город лежал в полумиле от берега, который, кроме того, был прегражден песками и отмелями и почти

не позволял флоту приблизиться; от берега в глубь страны тянулись глубокие пески до самой подошвы хребта, на котором была выстроена Газа. Сам город был весьма значительной величины и был окружен высокой и крепкой стеной, которая, по-видимому, могла устоять против всяких таранов и снарядов.

Около начала сентября 332 года Александр выступил из Тира; не встретив сопротивления при укрепленном городе Аке, замыкавшем вход в палестинскую Сирию, он подступил к Газе, стал лагерем на ее южной стороне, где стены казались наиболее доступными для нападения, и немедленно приказал строить и ставить потребные машины. Но военные строители объявили, что высота хребта, на котором лежит город, не позволяет воздвигнуть таких машин, которые бы могли достигнуть высоты стен и расшатать их. Ни за какие блага мира Александр не согласился бы оставить эту крепость не покоренною; чем труднее казалась эта задача его людям, тем более желал он видеть ее решенною, видеть невозможное превращенным в возможное также и здесь. На наиболее доступной южной стороне города он приказал устроить около города насыпь, достигавшую высоты хребта, на котором стояли стены. Работа велась с возможной поспешностью; по окончании ее против стен были поставлены машины, которые были приведены в движение с наступлением дня; в это время Александр в венке и в воинском убранстве приносил жертву и ждал знамения; рассказывают, что над алтарем пролетела хищная птица и уронила на голову царя камешек, а сама запуталась в канатах одной из машин; толкователь Аристандр объяснил это знамение так, что царь, хотя и завоюет город, но должен в этот день остерегаться. Александр остался вблизи осадных машин, успешно работавших против крепких стен. Вдруг осажденные с большой энергией произвели вылазку, бросили огонь в защитные стены и орудия, начали стрелять с высокой стены в македонян, работавших в машинах и старавшихся тушить пламя, и так стеснили последних, что они начали уже отступать со своей насыпи. Александр не ожидал долее: он подступил во главе своих гипаспистов, являлся на помощь там, где опасность была всего сильнее и снова повел македонян в битву, так что они, по крайней мере, не совсем были отброшены с насыпи; но тут в него попала пущенная с катапульты стрела и через щит и панцырь ударила его в плечо. Царь упал; неприятель, ликуя, бросился в атаку, и македоняне отступили со стены.

Рана царя причиняла ему сильные страдания, но не была опасна; она была исполнением знамения наполовину, — оставалось, чтобы исполнилась его более счастливая часть. Как раз теперь машины, сломившие стены Тира, прибыли в лежавшую недалеко гавань Маюмы; чтобы иметь возможность пустить их в дело, царь приказал концентрически со стенами города возвести насыпи в двести футов ширины и двести пятьдесят футов вышины⁷⁸; в то же



время под стены были подведены подкопы, так что они упали в некоторых местах от своей собственной тяжести, а в других от ударов стоявших на насыпях осадных таранов. Эти поврежденные места начали штурмовать; когда нападение было отбито, его повторили в другой и в третий раз; наконец, при четвертом штурме, когда фаланги наступали со всех сторон, когда постоянно обваливались новые части стены и машины действовали все ужаснее, когда храбрые арабы насчитывали уже столько убитых и раненых, что не могли во всех пунктах продолжать оказывать должное сопротивление, — гипаспистам удалось приставить к брешам штурмовые лестницы, проникнуть в город по обломкам развалившейся стены, отворить ворота и открыть доступ в город всему войску. На улицах города завязалась еще более яростная борьба; храбрые жители Газы защищали свои позиции на жизнь и смерть; страшное кровопролитие окончило этот жаркий день; пало, как говорят, около десяти тысяч варваров: их жены и дети были проданы в рабство. В руки победителя попала богатая добыча, состоявшая главным образом из арабских пряностей, складочным пунктом которых была Газа. Александр перевел в город население филистимских и арабских местечек; постоянный гарнизон превратил ее в военный сборный пункт⁷⁹, бывший одинаково важным для Сирии и для Египта⁸⁰.

По иудейским преданиям, после падения Газы Александр предпринял поход в пределы иудейской и самаритянской земли; вблизи Иерусалима, — так рассказывают они, — вышли ему навстречу — первосвященник с левитами и множеством народа в праздничном облачении и приветствовали его как того, о котором написано в их священных книгах, что он сломит владычество персов; царь отнесся к ним с полной благосклонностью, оставил им их законы, на каждый седьмой год даровал им свободу от податей, и принес также, под руководством первосвященника, торжественную жертву в храме Иеговы. Существуют еще и другие, противоречащие этому, рассказы⁸¹.

Читатель позволит нам еще некоторое время остановиться на сирийских землях. Скучные обрывки древних преданий о новой организации управления этих областей, которые мы могли бы привести, не дают нам ни малейшей возможности составить себе о ней ясное представление и не позволяют даже угадать, было ли здесь поступлено таким же образом и по той же схеме, как в сатрапиях Малой Азии.

Некоторый свет на этот вопрос дают нам монеты. Серебряные деньги Малой Азии до Тавра, выбитые, как мы видели, с известным чеканом Александра, все принадлежали к позднейшим классам монет Александра, — к тем, которые чеканились во время диadoхов и после; мы можем еще доказать, что во время Александра и пока его царство формально еще существовало (до 306 года);

некоторые из этих городов чеканили свою собственную монету; отсюда мы можем вывести заключение, что греческие города Малой Азии, равно как и города Ликийского союза, были провозглашены Александром свободными, стоявшими с ним в союзе государствами, и что эта государственная независимость позволяла им так же полноправно пользоваться своим монетным правом, как это делали Афины, Аргос и другие государства Коринфского союза. По ту сторону Тавра картина меняется; многочисленные сохранившиеся серебряные монеты киликийских городов с чеканом Александра все принадлежат к более старым классам; таковы же монеты Комагены, Дамаска, Арада, Сидона, Аки и Аскалона⁸²; притом здесь в надписи Александр почти всегда называется царем, что обыкновенно не встречается на принадлежащих к тому же времени монетах Македонии, Фракии и Фессалии.

Стало быть, в Киликии, Сирии, Келесирии и Финикии Александр оставляет городам их общинное устройство, но города эти не делаются автономными государствами, подобно греческим городам Малой Азии; их монеты показывают, что они чеканят монету или по поручению царя и под своей ответственностью, или что они имеют право чеканить только царские деньги в пределах введенной Александром монетной системы и по ее типу.

Мы должны прибавить еще следующее. В 1863 году при перекопке одного сада вблизи Сидона был найден клад в 3000 золотых монет, который не разошелся по разным местам, подобно находкам 1829 и 1852 года, но значительная часть его могла быть исследована и определена специалистами. Между описанным таким образом 1531 статиром особенно многочисленны были статиры Аки, Сидона и Арада; было несколько киликийских монет; довольно много городов Македонии, Фракии и Фессалии было представлено одним или несколькими типами; монеты из Греции почти совершенно отсутствовали, из Малой Азии были монеты Коса, Клазомен (?), Пергама и Родоса с их собственным чеканом, точно так же были найдены монеты царя Пифагора с кипрского Саламина. «Эти монеты», говорит один из отчетов, «почти все были новые; большая часть их, особенно отчеканенные в Сидоне, были еще грубы, так что казались только что вышедшими из-под станка». Тот факт, что среди этих монет не было найдено ни одной монеты диадохов, принявших в 306 году царский титул, а также и то обстоятельство, что три монеты Аки были помечены 23 и 24 годами, позволило с достоверностью заключить, что этот клад был закопан до 306 года и вскоре после 310, — следовательно, в такое время, когда монархия Александра и созданное им государственное управление формально еще продолжали существовать⁸³.

Весьма замечательно, что среди этого множества золотых монет не нашлось ни одной монеты Тира; это может быть и простым случаем, хотя мы имеем также право предположить, что в

первое время по завоевании города его политические права были ограниченнее, чем права других финикийских городов. Особенный интерес представляют цифры годов на монетах Аки; соответствующие цифры, от 21 до 76, встречаются на известных другим путем монетах Арада; в истории диадохов нам придется говорить о том, что Арад в 258 году получил от Селевкидов полную независимость и вместе с этим начал новую эру; следовательно, Арад, как и Ака, начали раньше другую эру по освобождению от персидского ига, и можно только колебаться между тем, вели ли они ее от победы при Гранике или от победы при Иссе.

Хотя из монет не видно, чтобы и другие города ввели это летоисчисление, но для указанных двух городов последняя победа Александра, очевидно, считалась освобождением и началом новой эры.

Спротивление Тира и потом Газы на довольно долгое время задержало поход царя в Египет⁶⁴; только теперь, год спустя после битвы при Иссе, около начала декабря 332 года он выступил в поход из-под Газы. Теперь предстояло взять последнюю провинцию персидского царя на Средиземном море, которая, если бы она была верна или находилась бы в верных руках благодаря своим благоприятным местным условиям могла бы оказать продолжительное сопротивление. Но как мог египетский народ чувствовать готовность биться за дело царя, к которому он был привязан только цепями бессильной и потому вдвое более ненавистной власти? Кроме того, натура египтян была более склонна к покою, чем к битве; в ней было более терпения и трудолюбия, чем ума и силы; и если несмотря на это в течение двухсот лет их подданства не раз бывали попытки сбросить с себя чужеземное господство, то народ в целом принимал в них тем менее участия, что со времени выселения туземной касты воинов он привык видеть, что за Египет бьются чужие, особенно греческие наемники, и что в поход с ними выступает в виде беспорядочной толпы или в качестве носильщиков не более нескольких тысяч туземцев. Вообще тогдашнее состояние Египта было состоянием полнейшего застоя; все внутренние отношения, остатки давно погибшего времени фараонов, стояли в самом очевидном противоречии с каждой из исторических перемен, которых так много испытала эта страна со времени падения царской власти жрецов; попытки царей Саиса оживить свой народ торговлей и сношениями с другими народами должны были только еще больше запутать и испортить туземный характер; хотя персидскому престолу, которому они подпали, и приходилось вести борьбу с глухим, постоянно возрастающим отвращением к нечистым чужеземцам и с неоднократными восстаниями тех, которые хвалились своей кровью фараонов, но до подъема по собственной инициативе и до самостоятельного движения Египет более не дошел; погруженные в самих себя, застыв-

шие в своей африканской нетерпимости и жажде наслаждений, обремененные всеми дурными сторонами и всем суеверием кастового устройства, от которого время оставило только мертвую форму, при всем том скорее угнетаемые, чем поощряемые к живой деятельности чрезмерным плодородием своей страны, которому не придавала в их глазах цены и привлекательности никакая свобода внешних сношений, египтяне более чем какой-либо другой народ нуждались в возрождении, в новом и освежающем процессе брожения, какой мог принести с собой энергичный дух грека и его господство.

Уже при приближении Александра к Египту он был потерян для персидского царя; его сатрап Мазак, сменивший павшего при Иссе Сабака, из ревности или плохо понятого усердия вместо того, чтобы нанять для защиты страны высадившихся на берег под командой Аминты греческих наемников, приказал перебить их; теперь, после падения Тира и Газы, когда неприятельская оккупация, простиравшаяся до ограбских племен пустыни, совершенно отрезала Египет от верхней Персии и когда прибывший из-под Тира флот уже стоял перед Пелусием, сатрапу и окружавшим его немногим персам, конечно, ничего другого не оставалось, как покориться возможно скорее.

Таким образом, когда Александр после семидневного перехода из Газы вступил в Пелусий, Мазак без дальнейших колебаний отдал в его руки Египет. Послав свой флот по пелусийскому рукаву Нила вверх по реке, сам царь направился через Гелиополь в Мемфис, чтобы там снова встретиться с ним. Все города, к которым он приходил, сдавались без колебания; без малейших препятствий занял он Мемфис, обширную столицу земли Нила, покорение которой было этим завершено.

Он хотел большего, чем такое покорение; народы, к которым он приходил, должны были понять, что он приходит освобождать и ободрять, что он чтит то, что для них свято, и сохраняет то, чего требуют их местные обычаи. Ничто не оскорбило египтян так глубоко, как то, что царь Ох заколол их священного быка в Мемфисе; как другим богам египтян, так и Апису Александр принес жертву в храме Пта в Мемфисе⁸⁵; он приказал греческим художникам устроить там музыкальные и гимнастические игры в знак того, что отныне чуждое будет здесь родным, а туземное будет в почете и у чужеземцев. Уважение, с которым он отнесся к египетским жрецам, должно было тем более склонить к нему эту касту, чем глубже они были уничтожены фанатической нетерпимостью персидских чужеземцев.

Занятием Египта Александр довершил завоевание берегов Средиземного моря, находившихся под персидским господством. Самая смелая мысль политики Перикла, видевшая в освобождении Египта основу и залог продолжительности морского и торго-

вого господства Афин, была не только осуществлена на деле, но и далеко превзойдена; восточный бассейн Средиземного моря был приобретен для греческого мира, а господство над Египтом открывало ему также и лежавшую близко морскую гавань, откуда вели морские пути в Эфиопию и страну чудес Индию. Обладание Египтом открывало громадные перспективы.

Первые действия Александра при его выступлении из Мемфиса показали, как он понимал эти перспективы и как он думал их осуществить.

В Пелусии, в восточном углу дельты, он оставил сильный гарнизон; отсюда следующей весной должен был начаться поход в глубину Азии. Сопровождаемый гипаспистами, агемой македонской конницы, агрианами и стрелками, он спустился из Мемфиса по западному рукаву Нила в Каноп, и направился оттуда вдоль морского берега в Ракотис, старый пограничный пост Ливии. Это местечко лежало на низменности в восемь миль длиною, которая отделяла от моря воды Мареотийского залива, а в море, в семи стадиях от берега, лежал остров Фарос, известный приют тюленей Гомеровых песен. Царь понял, какие громадные удобства представил берег между Мареотидой и морем для основания города, а залив для устройства обширной и защищенной от всякого ветра гавани.

Он сам, как рассказывают, хотел тот час же начертить своему архитектору Динократу план города, улицы и рынки, положение храмов греческих богов и египетской Изиды; так как под руками в эту минуту не было ничего другого, то он приказал своим македонянам насыпать на землю муки и провести линии плана, на который со всех сторон налетело есть муку несчетное множество птиц, — знамение, которое мудрый Аристандр истолковал как будущее благосостояние и обширную торговлю города. Известно, каким необыкновенным образом оправдалось это предсказание и мысль царя; население города росло с поразительной быстротою, его торговля скоро связала западный мир с вновь открытой Индией, он сделался центром греческой жизни следующих столетий, приютом стекавшейся с востока и запада мировой образованности и литературы, самым славным и прочным памятником своего великого основателя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Персидские вооружения. — Поход Александра в Сирию, через Евфрат, и на Тигр. — Битва при Гавгамеле. — Поход на Вавилон. — Занятие Суз. — Поход на Персеполь.

Гордое право победы есть всегда победа высшего права, — права, которое дает более сильная энергия, более высокое развитие и движущая сила новой и богатой будущностью мысли. В таких победах совершается критика того, что прежде существовало и было терпимо, но не вело вперед, что казалось могущественным и уверенным в себе, но внутри было больным и расшатанным. Ни обычай, ни право наследия, ни миролюбие, ни добродетель, ни какие бы то ни было личные заслуги не защитят тогда от подавляющей силы того, кому досталась на долю судьба исторического величия. Побеждая, пока он находит случай отважиться, биться и побеждать, он, еще разрушая, начинает уже созидать, и создает таким образом новый мир, но из обломков, на развалинах разрушенного им. То, что он победил и сломил, переживает его в его создании.

Относящиеся к истории Александра предания более или менее преднамеренно выставляют на вид противоположность между ним и Дарием, между героем дела и героем страдания. Они изображают Дария кротким, благородным, верным, образцом почтения к своей матери, любви и нежности к своей супруге и детям, высоко уважаемым персами за свою справедливость, свою рыцарственную храбрость и за свой царственный образ мыслей. Возможно, что в спокойные времена он был бы таким царем, какого редко видели престолы Азии; но уже увлекаемый потоком событий, против которого, может быть, удалось бы устоять Камбизу или Оху, он, чтобы еще спасти себя и свое царство, ухватился за недостойные и предательские планы, не достигнув ими ничего больше, кроме тяжелого сознания, что он уже не чист от всякой вины перед тем, против кого он напрасно боролся. И по мере увеличения опасности увеличивались замешательство, непоследовательность и несправедливость во всем, что он делал или задумывал; все мрачнее становились будущность персидского царства и его правое дело;

уже ворота в Азию были сломаны, уже богатые приморские сатрапии были добычей победителя, уже основы могущества Ахеменидов были потрясены. И если, быть может, сам персидский царь при кротости своего характера охотно бы забыл об утраченном и принес бы миру еще большие жертвы, то ему, которого мысли, по-видимому, были более обращены к жене и детям, чем к трону и царству, всю громадность его падения должна была дать почувствовать величайшая мера скорби, какая только существовала для него.

Этот мотив сказанные предания рисуют самыми живыми красками. Они выдвигают на вид, что мать персидского царя Сисгамбис, его дети, его супруга Статира, красивейшая из женщин Азии, еще более дорогая для него потому, что она носит под сердцем дитя, находятся в плену у Александра. За этих пленных Дарий предлагает неприятелю половину своего царства и громадные сокровища, но гордый враг требует покорности или нового боя. Затем к Дарию является Терей, слуга пленной царицы, который бежал из лагеря неприятеля, и приносит ему печальную весть, что царица умерла в родах. Дарий бьет себя в лоб, громко оплакивая то, что Статира умерла, что царице персов не пришлось даже удостоиться почетных похорон. Евнух утешает его: ни при жизни, ни по смерти по отношению к ней македонский царь не забыл, что она супруга царя, до последнего дня он окружал величайшим почетом ее, мать и детей; тело царицы он приказал похоронить со всей пышностью по персидскому обряду и почтил память ее слезами. Пораженный Дарий спрашивает, осталась ли она чиста и верна ему, не принудил ли ее Александр против воли принадлежать ему. Тогда верный евнух бросается к его ногам, закликает его не оскорблять памяти его благородной госпожи и не отнимать у себя в своем бесконечном несчастье последнего утешения, того, что он побежден врагом, который кажется высшим существом, а не смертным человеком; он с самыми страшными клятвами уверяет его, что Статира умерла верной и чистой, что добродетель Александра так же велика, как его отвага. Дарий поднимает руки к небу и молит богов: «Даруйте мне сохранить и восстановить мое царство, чтобы я как победитель мог отплатить Александру за то, что он сделал для моих; если же мне не суждено быть долее господином Азии, то отдайте тиару великого Кира никому иному, как ему»¹.

Уже приказ персидского царя о вооружении был послан во все сатрапии государства, захваченные неприятелем области которого были хотя и велики, но незначительны в сравнении с целым. Весь Иран, Ариана, Бактрия, все земли до источников Евфрата были еще неприкосновенны; то были самые храбрые и верные народы Азии, которые ждали только приказа царя, чтобы выступить в поход; что значили Египет, Сирия и Малая Азия в сравнении с

громадным пространством земель от Тавра до Инда, от Евфрата до Яксарта; что значила потеря всегда ненадежных и приморских народов в сравнении с верными мидянами и персами, в сравнении с полчищами конницы бактрийской равнины и с храбрыми горными народами каспийских и кудрских гор? Не были ли со времен первого Дария потерянные теперь приморские области и стремление к морскому господству, которое они делали необходимостью, почти единственной причиной, которая принесла опасность и несчастье царству Кира, которая на собственную гибель впутала персов в вечные распри с эллинами? Теперь предстояло спасать глубь Востока, защищать господствующую над Азией высокую твердыню Ирана; теперь царь царей призывал вельмож своего племени биться во главе своих народов за славу и господство Персии; им одним вручал он свою судьбу; греческие наемники, греческие полководцы и македонские беглецы не должны были возбуждать ревности и недоверия своих; немногие тысячи чужеземцев, бежавших вместе с ним под Иссом, соединило с сынами Азии общее несчастье; перед горными цепями Ирана войско Европы должно было встретить настоящее азиатское войско.

Сборным пунктом этого громадного народного ополчения была назначена равнина Вавилона. Сатрап Бактрии, Бесс, привел из дальней Азии бактров, согдианцев и воинственные индийские народы с плоскогорья индийского Кавказа; к нему примкнули туркестанский конный народ саков с Маваком во главе и дахи из степей Аральского моря. Народы Арахосии и Дрангианы и индийские жители гор Паравети явились со своим сатрапом Барсаентом, их западные соседи из Ареи с сатрапом Сатибарзаном, а полчища персидских, гирканских и тапурийских всадников Хорассана с Фратаферном и его сыновьями. Затем шли мидяне, прежние повелители Азии, сатрап которых Атропат в то же время предводительствовал над кадусиями, сакесинами и албанцами долин Куры, Аракса и озера Урмии. С юга, с берегов Персидского залива, прибыли народы Гедросии и Кармении, предводимые Оронтобатов и Ариобарзаном, сыном Артабаза, и персы, предводимые Орксином, принадлежавшим к роду семи князей. Сузианцев и уксиев вел Оксафр, сын сатрапа Сузианы, Абулита; войска Вавилона собрались под командой Бупара, войска Армении явились под предводительством Оронта и Мифравста, войска Сирии по сю и по ту сторону Евфрата под предводительством Мазея; даже из каппадокийской земли, которой поход македонского войска коснулся только на западе, явились всадники, предводимые своим династом Ариаком².

Таким образом в течение весны 331 года в Вавилоне собралось войско персидского царя, состоявшее из приблизительно сорока тысяч всадников, многих сотен тысяч пехотинцев, двухсот вооруженных косами колесниц и пятнадцати слонов, которые

были приведены из Индии. Рассказывают, что против обыкновения, царь позаботился о вооружении этого войска, особенно всадников³. Прежде всего нужно было составить план войны, который доставил бы персидскому войску возможность действовать всей тяжестью своих масс и всей силой своей громадной конницы.

Низину, тянущуюся у подножия хребта иранских гор, прорезывают в диагональном направлении две реки, Евфрат и Тигр; через них проходят дороги от берегов Средиземного моря в верхнюю Азию. Сама собой должна была явиться мысль встретить врага на местах переправы через эти реки; благоразумие требовало выставить главные силы персидского царя за Тигром, так как, с одной стороны, переход через него труден, а с другой — потерянное при Евфрате сражение отбросило бы их в Армению и они потеряли бы Вавилон, равно как и большие дороги в Перейду и Мидию, тогда как позиция за Тигром прикрывала Вавилон, выигранное сражение отдавало врага в жертву преследования на жизнь и смерть в обширных пустынных равнинах Месопотамии, а потерянное оставляло открытым отступление в восточные сатрапии. Дарий ограничился тем, что послал вперед несколько тысяч человек под начальством Мазея, чтобы наблюдать за переправой через реку; сам он из Вавилона двинулся в окрестности Арбелы, главного пункта на большой военной дороге, которая ведет далее через Лик к большой равнине Ниневи, простирающейся на запад до левого берега быстрого Тигра и к северу до предгорий хребта Загра; здесь он хотел, когда подойдет Александр, подступить к берегу реки и лишить его всякой возможности переправиться.

Пока царь Дарий, готовый биться за восточную половину своего царства, стоял на ее пороге со всеми боевыми силами, какие только она могла выдвинуть, на дальнем западе пал последний остаток персидского могущества.

Что мог бы сделать персидский флот в греческом море, если бы он действовал своевременно и надлежащим образом, если бы он всеми своими силами поддержал начатое царем Агисом в Пелопоннесе движение? Но колеблющийся, лишенный плана и отваги, он летом 333 года упустил момент решительного нападения; и все-таки, уже ослабленный отсылкой кораблей, которые повезли наемников в Триполис, даже после сражения при Иссе и когда уже финикийский берег был угрожаем врагами, он, вместо того чтобы спешить в Финикию, поддержать сопротивление Тира и не позволить распасться ненадежным контингентам флота, остался в этих западных водах, имевших смысл только для наступательной войны. Весною 332 года финикийские и кипрские корабли отплыли домой, а Фарнабаз и Автофрадат остались в Эгейском море с остатком флота, уже столь незначительным по силе, что они с трудом, и то только благодаря помощи покровительствуемых или посаженных ими тиранов могли удержать за собою обладание

Тенедосом, Лесбосом, Хиосом и Косом⁴. Лишенные благоразумной и твердой политикой Антипатра всякого влияния в остальной Элладе, они находились теперь в непосредственных сношениях только с Агисом; но движение, которое последний по соглашению с ними рассчитывал возбудить в Пелопоннесе, благодаря постепенному распадению флота тоже остановилось, только Крит он приказал занять своим братьям. Тем временем македонский флот, предводимый навархами Гегелохом и Амфотером, приобрел в течении 332 года такой решительный перевес в греческих водах, что тенедосцы, сменившие союз с Александром на персидское иго только потому, что были вынуждены к этому силой, первые открыли македонянам свои гавани и снова провозгласили прежний союз. Их примеру последовали хиосцы, которые, лишь только на их рейде показался македонский флот, возмутились против своих тиранов и персидского гарнизона и открыли ворота; персидский адмирал Фарнабаз, стоявший тогда с пятнадцатью триерами в гавани Хиоса, и тираны острова очутились во власти македонян; и когда ночью перед гаванью, которую он считал еще находящейся в руках персов, появился с несколькими кипрскими кораблями Аристоник, тиран Мефимны на Лесбосе, и пожелал войти в нее, то македонская гаванская стража впустила его, перебила экипаж триера и доставила тирана пленником в цитадель. Влияние персов и их партия все более и более падали; уже Родос послал десять триер в македонский флот перед Тиром; теперь и жители Коса отреклись от персидского дела; и между тем как Амфотер с шестьюдесятью кораблями отплыл туда, Гегелох с остальным флотом обратился к Лесбосу. Туда явился с 2000 наемников Харет, которому год тому назад не удалась его попытка на Мефимне, занял Митилену и начал разыгрывать начальника именем Дария; старый афинский воин и не думал решаться на крупную игру, он сдал город с правом свободно удалиться, отправился со своими воинами на афинский остров Имброс, а потом на Тенар, обширный рынок наемников⁵. Сдача Митилены придала также и другим городам острова духу быть свободными; они возобновили свое демократическое устройство. Затем Гегелох поплыл к югу на Кос, находившийся уже в руках Амфотера. Только Крит был еще занят лакедемонянами; Амфотер взял на себя его покорение и отплыл туда с частью флота⁶, а с другой частью Гегелох отправился в Египет, чтобы самому привезти весть об исходе борьбы против морских сил Персии и вместе с тем сдать всех пленных, за исключением Фарнабаза, который нашел случай скрыться на острове Косе. Тиранов Александр приказал отослать обратно для суда в те общины, которые они угнетали; те же, которые предали остров Хиос Мемнону, были под сильным конвоем отправлены в ссылку на лежавший на Ниле остров Элефантину, самый южный пункт государства⁷. Таким образом, к концу 332 года был

уничтожен последний остаток персидского флота, который мог бы тревожить тыл македонского войска и препятствовать его движениям. Ряд военных пунктов, простиравшийся от фракийского Босфора вдоль берегов Малой Азии и Сирии до вновь основанной Александрии, не только помогал окончательному закреплению покоренных земель, но и служил обширным базисом для дальнейших предприятий на востоке. Новый поход должен был быть предпринят в новый и чуждый мир и в среду народов, которым был чужд греческий дух, непонятно свободное отношение македонян к своему царю, для которых царь был существом высшего порядка. Как мог Александр не угадать, что народы, которых он думал соединить в одно царство, отныне найдут и должны будут признать свое единство только в нем. И если священный щит Илиона указывал в нем греческого героя, если народы Малой Азии признали в разрешителе Гордиева узла обещанного победителя Азии, если принесенной в Тире жертвой Гераклу и празднеством в храме Пта в Мемфисе победоносный чужеземец примирился с побежденными народами и их священными обычаями, то теперь в глубину востока его должно было сопровождать более тайное посвящение и высшее обетование, по которому народы должны были узнать в нем царя царей, избранного свыше владыку востока и запада.

В обширной пустыне Ливии, при вступлении в которую стоит высеченное из выветрившейся скалы изображение стоящего на страже сфинкса и полусасыпанные песком пирамиды фараонов, в этой безлюдной, безмолвной как могила пустыне, тянущейся к западу от долины Нила на необозримое расстояние и на летучих песках которой палящий полуденный ветер изглаживает следы усталого верблюда, лежит как в море зеленый остров, осеняемый высокими пальмами, поимый ключами, ручьями и небесной росой, последний очаг жизни для умирающей кругом природы, последний отдых для путника в пустыне; под пальмами оазиса стоит храм таинственного бога, который некогда на священном челне прибыл из земли эфиопов в стовратные Фивы, который из Фив прошел через пустыню, чтобы почтить в оазисе и открыться в таинственном образе ищущему его сыну. Кругом храма бога жила благочестивая семья жрецов, вдали от мира, в священном одиночестве, где к ним был близок Аммон Зевс, бог жизни; они жили, служа ему и возвещая его оракулы, для выслушивания которых народы вдали и вблизи посылали священников гонцов и подарки. В этот храм в пустыне решил отправиться македонский царь, чтобы спросить великого бога о великих вещах.

Но о чем же он должен был спрашивать? Его македоняне рассказывали чудесные истории из старых времен; принятые тогда немногими на веру, осмеиваемые многими, известные всем, они получили новый толчок при этом походе; припоминались ночные оргии, которые праздновала Олимпиада в горах своей родины;

было известно об ее чародействах, ради которых она оттолкнула от себя царя Филиппа⁸; однажды он подстерг ее в ее спальном покое и увидел на груди ее дракона; верные люди, посланные им в Дельфы, принесли ему ответ бога: пусть он принесет жертву Аммону Зевсу и чтит его превыше всех богов. Думали, что и Геракл был сыном смертной матери; утверждали, что Олимпиада открыла сыну тайну его рождения при его выступлении к Геллеспонту⁹. Другие держались того мнения, что царь желает спросить у бога совета о своем дальнейшем походе, как сделал Геракл, прежде чем выступить против исполина Антея, и Персей, прежде чем предпринять поездку к Горгонам; оба они предки царя, и их примеру он охотно подражает. Чего он желал в действительности, не узнал никто; только немного войска должно было следовать за ним.

Экспедиция выступила из Александрии и двинулась сперва вдоль морского берега к Паретонию, первому поселению киренейцев, которые послали к нему послов и дары — 300 боевых коней и 5 четверокопных колесниц — и просили о союзе с царем, каковой им и был дарован¹⁰. Отсюда дорога шла к югу через песчаные пустыни, над однообразным горизонтом которых не возвышается ни деревца, ни холмика; целый день горячий воздух был полон тонкой пылью, а песок нередко был так зыбуч, что каждый шаг был ненадежен; или ключа, которые могли бы утолить жгучую жажду; дождевые тучи, подарок времени года, которые вскоре несколько раз давали им облегчение, считались чудесным даром бога в пустыне. Таким образом они шли дальше; никакие следы не указывали на дорогу, и низкие дюны среди этого моря песка, меняющиеся с каждым ветром свое место и форму, увеличивали только замешательство проводников, которые уже не могли более найти направления к оазису; тут во главе каравана показались два ворона¹¹, они явились как посланцы бога, и Александр приказал, вверившись богу, следовать за ними. С громким карканьем полетели они вперед, они отдыхали с отрядом и летели дальше, когда войско двигалось дальше. Наконец показались вершины пальм и прекрасный оазис Аммона принял отряд царя.

Александр был поражен привлекательностью этого священного места, которое изобиловало масличными и финиковыми деревьями, солью в кристаллах и целебными источниками, и самой природой, казалось, предназначенного к благочестивому служению богу и тихой жизни его жрецов. Когда затем царь, как рассказывают, пожелал выслушать оракул, его встретил во дворе храма старший из жрецов, приказал всем своим спутникам подождать их снаружи и ввел его в святилище бога; вскоре Александр вернулся обратно с веселым лицом и заявил, что ответ совершенно совпал с его желаниями. То же самое он, как говорят, повторил в письме к своей матери: когда он снова увидится с ней по своем возвращении домой, то он сообщит ей услышанные им тайные предсказания

бога¹². Затем он щедро одарил храм и гостеприимных обитателей оазиса и возвратился обратно в Мемфис в Египте¹³.

Александр умолял об ответе бога, и тем живее было затронуто любопытство или участие его македонян; те, которые были вместе с ним в храме Аммона, рассказывали чудеса об этих днях; первым приветствием первосвященника, которое они все слышали, было: «Привет тебе, сыне!» и царь отвечал: «Да будет так, отче; я хочу быть твоим сыном, даруй мне господство над вселенной!». Другие смеялись над этими сказками; жрец, говорили они, хотел говорить по-гречески и обратиться к царю со словами: «*Παῖδιόν*», но вместо этого сделал ошибку и сказал «*Παῖ δῖος*», что, конечно, можно принять за «*Παῖ Διός*», сын Зевса. Наконец, за верное об этом событии рассказывалось, что Александр спросил бога, наказаны ли все, бывшие виновными в смерти его отца; на это он получил ответ, что он должен лучше взвешивать свои слова, что никогда смертный не поразит того, кто родил его; убийцы же македонского царя Филиппа все наказаны. И Александр спросил во второй раз, победит ли он своих врагов, и бог отвечал, что ему предназначено господствовать над вселенной, что он будет побеждать, пока не возвратится к богам¹⁴. Эти и тому подобные рассказы, которых Александр не подтверждал и не опровергал, служили к тому, чтобы окружить его личность тайной, которая сообщала вере народов в него и в его призвание прелесть и продолжительность, а развитым грекам не должна была казаться страннее слов Гераклита, что боги — бессмертные люди, а люди — смертные боги, страннее культа героев-основателей в новых и старых колониях или алтарей и празднеств, которые два поколения тому назад были посвящены спартанцу Лисандру.

Здесь было бы уместно поставить себе еще другой вопрос — вопрос, который только и мог бы ввести нас в сущность дела. Как представлял себе сам Александр цель этого похода в храм Аммона и таинственные события в его святилище? хотел ли он обмануть мир? верил ли он сам в то, во что он желал заставить его уверовать? имел ли он, обыкновенно отличавшийся своим ясным и независимым умом, столь уверенный в своих стремлениях и силах, моменты внутреннего колебания, когда его душа искала опоры и отдыха в неземном? Мы видим, что этот вопрос находится в связи с религиозными и нравственными принципами, влиявшими на волю и поступки этого страстного характера, с самыми сокровенными сторонами его личности, можно сказать, с его совестью. Вполне понять его мы могли бы только исходя из этой стороны его существа, по отношению к которому все, что он делает и создает, является только периферией, только частями периферии, из которых предание сохранило нам одни отрывки. Поэтам дозволено изображать характеры для изображаемых ими действий таким образом, чтобы из них объяснялись их дела и страдания.

Историческое исследование повинуетя иному закону: оно тоже старается создать возможно ясную и объясняющую события картину лиц, историческое значение которых оно должно проследить; оно наблюдает, насколько это позволяют ему материалы, за их поступками, способностями и направлением; но оно не проникает до того места, где эти моменты имеют свой источник, свой импульс и свою норму. Для того чтобы найти сокровенную тайну души и чтобы судить по ней о нравственной ценности, т. е. о полном достоинстве личности, для этого оно не имеет никакого метода и никаких прав. Достаточно того, что для пробелов, которые в нем таким образом остаются, оно имеет некоторую замену: анализируя историческую личность и отводя ей соответствующее ее значению место не в той обстановке, где заключается ее нравственная ценность, а в ее отношении к великому процессу исторического развития, в ее участии в неумирающих делах и созданиях, в ее силе или слабости, в ее планах и замыслах, в ее даровании и энергии, направленной к их осуществлению, оно творит принадлежащий ему суд, и дает нам мерило для понимания, которое хотя не глубже, однако шире и свободнее исключительно психологической точки зрения.

Но мы все-таки должны коснуться здесь одного пункта, в котором, по-видимому, перекрещиваются важные линии.

Со времени вышеупомянутого замечательного выражения Гераклита, со времени Эсхилова слова «во многих именах один образ», поэты и мыслители греческого мира не переставали искать в многочисленных образах богов и в их мифах, бывших религией для их народа, более глубокого смысла и находить в нем оправдание своей веры. Мы знаем, как глубоко поставил эти вопросы Аристотель. Александр не только читал его популярный диалог, в котором он изображает, как взгляд на красоту мира и вечное движение светил должен создать во всяком видящем их в первый раз убеждение в том, «что действительно существуют боги, что такие изумительные вещи являются их промыслом и созданием». Из поучений великого мыслителя он должен был тоже прийти к убеждению, что глубокая древность видела божества в небе и светилах, движущихся на нем в вечных сферах, и выразила их дела и промысел «в мифическом образе», что «для убеждения многих и благодаря закону и обычаю» эти мифы были удержаны, распространены дальше и дополнены чудесами, но что истинный бог, «недвижимый движитель», не имеет плоти, частей, множества, что он есть чистая форма, чистый дух, сам себя мыслящий, движущий не действуя и не созидая, к которому все «со страстью» стремится, как к вечно благому, как к высшей цели.

Что же должно было теперь случиться, если Александр встретил в храме Аммона учение о богах, символику, которая, углубляясь в такие же спекуляции, сумела соединить в одну обширную и

стройную систему веру в загробную жизнь, в ее суд и просветление, обязанности и порядок земной жизни, служащие приготовлением к первому, и сущность жреческой и царской власти? Уже монументы древнего времени фараонов говорят о «боге, который сам себя сделал богом, который существует через самого себя, об едином несотворенном творце неба и земли, владыке сущего и несуществующего». И что мысли эти сохранялись во всей своей неприкосновенности, а быть может, и развивались далее, доказывает нам интересная надпись времени Дария II в честь его¹⁵; в ней является бог Аммон-Ра, который породил сам себя, который проявляется во всем сущем, который от века был и есть незыблемым началом всего сущего; другие боги являются как бы его титулами, проявлениями его деятельности: «боги находятся в твоих руках и люди у ног твоих; ты еси небо, ты глубина; люди славят тебя неутомимого в своих заботах о них; тебе посвящены дела их». Затем следует молитва за царя: «даруй быть счастливым твоему сыну, который сидит на престоле твоем, сотвори его подобным тебе, даруй ему править царством во славу твою; и как образ твой приносит благодать, когда ты восстаешь как Ра, таковы по желанию твоему дела сына твоего Дария, который да живет вечно; страх перед ним, почтение к нему, блеск его славы, да будут они в сердцах всех людей во всякой стране, как страх перед тобою и почтение к тебе живет в сердцах богов и людей».

Когда жрецы храма Аммона приветствовали Александра сыном Аммона-Ра, Зевса-Гелиоса, то они сделали это с полной искренностью своих религиозных убеждений и глубокой символики, в которую они заключали свое учение о богах. Александр, так рассказывают, со вниманием выслушал объяснения жреца Псаммона, «философа», о том, что каждый человек управляется богом (*Βασιλευσθαι ὑπὸ Θεοῦ*), так как в каждом господствующее и могущественное начало божественно; Александр отвечал ему, что бог (*τὸν Θεόν*) есть, конечно, общий отец всех людей, но что лучших людей он избирает своими любимыми детьми.

А теперь возвратимся к связи исторических событий, новый значительный ряд которых должен был начаться с весной 331 года.

По своем возвращении в Мемфис Александр нашел многочисленные посольства из греческих земель, из которых ни одно не возвратилось на родину, не будучи милостиво выслушанным и не достигнув возможного исполнения своих поручений. Вместе с ними прибыли новые войска, состоявшие из четырехсот¹⁶ греческих наемников под начальством Менида и пятисот фракийских всадников под начальством Асклепиодора и, как кажется, еще нескольких тысяч пехотинцев, которые тотчас же были присоединены к составу войска, уже приготовлявшегося к вступлению. Затем Александр с особенным вниманием занялся устройством управления египетской землей, имея главным образом в виду избе-

жать с помощью раздела должностных полномочий соединения слишком большой власти в одних руках, что не могло бы быть безопасным при военном значении этой сатрапии и богатых элементах могущества в ней. Певкет, сын Макартата, и Балакр, сын Аминты, получили стратегию в стране и начальство над оставшимися войсками, включая сюда гарнизоны Пелусия и Мемфиса, всего около четырех тысяч человек; команду над состоявшим из тридцати триер флотом получил наварх Полемон; живущие в Египте или переселяющиеся туда греки были подчинены особому чиновнику; египетские округа или номы сохранили своих прежних номархов и получили приказ выплачивать им свои повинности в прежнем размере; главный надзор за всеми чисто египетскими округами был поручен сначала двум, а потом одному египтянину, а надзор за ливийскими округами греку; правитель арабских округов, Клеомен, грек из Навкратиса в Египте, знавший язык и обычаи страны, получил в то же время приказ принимать от номархов всех округов собираемую ими дань, и ему также был поручен главный надзор за постройкой города Александрии¹⁷.

После этих мер, после целого ряда производств в армии, после новых празднеств в Мемфисе и торжественного жертвоприношения Зевсу царю, Александр весной¹⁸ 331 года выступил в Финикию; в одно время с ним в гавань Тира прибыл и флот. Короткое время, проведенное здесь царем, прошло среди больших и роскошных празднеств по греческому обычаю; после жертвоприношения в храме Геракла в войске были устроены всевозможные игры; для придачи блеска этим дням были приглашены знаменитейшие актеры греческих городов; и кипрские цари, доставлявшие и украшавшие хоры по греческому обычаю, соревновали в роскоши и вкусе друг с другом¹⁹. Затем в гавань города пришла афинская тетрера Паралия²⁰, которая всегда посылалась только по священным или особо важным делам; прибывшие на ней послы явились пожелать царю счастья и уверить его в нерушимой верности их родного города, — внимание, на которое Александр отвечал освобождением взятых в плен при Гранике афинян.

Необходимо было позаботиться о западных землях на время продолжительного отсутствия. За исключением Спарты и Крита, в Элладе все было спокойно; только многочисленные морские разбойники, последствие персидских предприятий, делали море небезопасным. Амфотер получил приказ поторопиться с изгнанием спартанских и персидских гарнизонов с Крита, затем произвести облаву на морских разбойников и предложить помощь и защиту пелопоннесцам, которых могла бы теснить Спарта; киприотам и финикиянам было приказано послать Амфотеру в Пелопоннес сто кораблей. В то же время были предприняты некоторые перемены в управлении покоренных земель; в Лидию вместо сатрапа Асандра, который отправился для вербовки в Грецию, был послан маг-

несиец Менандр из числа гетайров, а начальство над чужеземными народами получил вместо него Клеарх; сатрапия Сирия была отнята от Менона²¹, который не позаботился с должным вниманием о нуждах шедшего по его провинции войска, и была передана недавно прибывшему Асклепиодору, и ему же была поручена непосредственная власть над страной Иордана, прежний правитель которой, Андромах, был убит самаритянами, и наказание за то самаритян²². Наконец, управление финансами было устроено таким образом, что общая касса, бывшая до сих пор соединенной с военной кассой, была отделена от нее и, подобно тому как это уже было сделано для Египта, были устроены особые главные кассы для Сирии и для Малой Азии до Тавра. В сатрапиях к западу от Тавра эту должность получил Филоксен, в сирийских землях, включая сюда финикийские города, Койран, заведование же военной кассой было отдано раскаявшемуся Гарпалу, которому царь из прежней дружбы или из политических расчетов простил его вину.

Тогда наконец войско выступило из Тира и двинулось к Евфрату по большой военной дороге вниз по течению Оронта, усиленное, вероятно, на пути подкреплениями из гарнизонов Малой Азии; в составе приблизительно 40 000 пехотинцев и 7000 всадников оно достигло в начале августа Фапсака²³, обыкновенного места переправы. Часть македонян была послана вперед, чтобы построить два моста через реку; они были не совсем доведены до конца, так как противоположный берег до сих пор занимал перс Мазей, посланный с 10 000 человек для прикрытия реки²⁴, и для значительно более слабого македонского авангарда было бы слишком рискованно довести мосты до противоположного берега. При приближении главной армии Мазей быстро отступил; слишком слабый для того, чтобы удержаться на своем посту против превосходных сил Александра, он, пожертвовав своими войсками, мог бы только несколько задержать наступление врагов, что для персидского царя, вооружения которого были уже окончены, не представляло бы значительных выгод.

Александр приказал немедленно закончить постройку обоих мостов и переправил свое войско на восточный берег Евфрата. Предполагая даже, что персидское войско стояло готовым к битве и к защите столицы в равнине Вавилона, где оно собралось, он не должен был, как семьдесят лет тому назад десять тысяч, избирать путь вдоль Евфрата, который они тогда избрали. Пустыни, по которым он ведет, были бы при летнем зное вдвойне утомительными, и прокормление такого значительного войска представляло бы величайшие трудности. Он избрал большую северную дорогу, идущую в северо-восточном направлении к Ниневии по более прохладной и богатой пастбищами холмистой местности, которую македоняне потом называли Мигдонией, к Тигру и затем по левому берегу реки в равнину Вавилона.

Здесь однажды к царю было приведено несколько пленных неприятельских всадников, разъезжавших по окрестностям; они сообщили, что Дарий уже выступил из Вавилона и стоит на левом берегу Тигра, решившись всеми силами воспрепятствовать противнику перейти через реку; его теперешнее войско значительно больше того, которое было в проходах Исса; они сами посланы на разведки, чтобы персидское войско в надлежащее время и в надлежащем месте могло встретить македонян у Тигра.

Александр не мог решиться на переправу под стрелами неприятеля через такую широкую и быструю реку, каков Тигр; он должен был ожидать, что Дарий займет окрестности Ниневии, где через реку вела обыкновенная военная дорога; вся задача состояла в том, чтобы по возможности скоро быть на одной стороне с неприятелем; необходимо было произвести переправу незаметно. Александр немедленно переменял свой маршрут и, пока Дарий ожидал его в обширной равнине развалин Ниневии, форсированным маршем направился к северо-востоку на Бедзабде²⁵. Вблизи не было ни одного неприятеля, войска начали переходить вброд крайне быструю реку; с величайшим трудом, но без всяких потерь, они достигли восточного берега. Александр дал один день отдыха своим утомленным войскам; они стали лагерем вдоль гористых берегов реки.

Это было 20 сентября²⁶. Наступил вечер, первая ночная стража выступила на свои посты по реке и на горах; луна освещала окрестности, казавшиеся многим похожими на горы Македонии; вдруг свет полной луны начал затемняться; скоро диск яркого светила оделся полным мраком. Это казалось важным знамением богов; полные тревоги вышли воины из своих шатров; многие боялись того, что боги разгневаны; другие вспомнили, что, когда Ксеркс выступил против Греции, то его маги объяснили виденное им в Сардах солнечное затмение таким образом, что солнце есть светило греков, а луна персов; теперь боги скрывали светило персов в знак их скорой гибели. Самому царю сведущий в знамениях Аристандр объяснил, что это событие предвещает ему успех и что еще в этом месяце он даст сражение. Тогда Александр принес жертву луне, солнцу и земле, но и жертвенные приметы обещали победу. С наступлением утра войско выступило, чтобы встретиться с войском персов.

Македонское войско двигалось далее по направлению к югу, не встречая никаких следов неприятеля, имея по левую сторону отроги Гордиейских гор, а по правую быстрый Тигр. Наконец, 24 числа авангард дал знать, что на равнине показалась неприятельская конница, но что количества ее определить нельзя. Войско было быстро выстроено и двинулось вперед в боевом порядке. Скоро явилось дальнейшее известие, что число неприятелей можно определить приблизительно в тысячу всадников. Александр велел сесть



на коней царской и другой иле гетайров, а из легкой конницы (застрельщиков) пеонам и, приказав остальному войску медленно двигаться вперед, поспешил с ними навстречу неприятелю. Увидев его приближение, персы вскачь обратились в бегство; Александр бросился за ними, большинству их удалось уйти, некоторые попадали с коней и были изрублены, а некоторые взяты в плен²⁷. Приведенные к Александру, они сказали, что Дарий стоит недалеко к югу у Гавгамел при реке Бумоде²⁸, в ровной сплошь равнине, что численность его войска доходит до миллиона людей и сорока тысяч лошадей и что сами они посланы под предводительством Мазея на разведки²⁹. Александр приказал тотчас же сделать остановку; на берегах Гассера был разбит и старательно укреплен лагерь³⁰; близость такого громадного превосходства вражеских сил делала необходимою величайшую осторожность; четырех дней данному войскам отдыха было достаточно, чтобы приготовить все для решительной битвы.

Так как более не показывалось никаких неприятельских войск, то можно было предположить, что Дарий занял удобную для своих боевых сил местность и не позволит, как прежде, колебанию своих неприятелей и собственному нетерпению завлечь себя на неблагоприятную для него позицию. Поэтому Александр решил идти ему навстречу. Оставив в лагере весь ненужный багаж и неспособных к бою людей, войско выступило ночью с 29 на 30 сентября, приблизительно во время второй ночной стражи. К утру оно достигло последних холмов; неприятель был на расстоянии шестидесяти стадий, но находившиеся впереди холмы скрывали его от глаз³¹. Когда войско, пройдя вперед тридцать стадий, перешло через эти холмы, Александр увидел на обширной равнине, приблизительно в часовом расстоянии от себя, темные массы неприятельской линии. Он остановил свои колонны, созвал друзей, стратегов, илархов, предводителей союзников и наемных войск и предложил им вопрос, следует ли нападать тотчас же или стать здесь лагерем, окопаться и сначала рекогносцировать поле битвы? Большинство было за то, чтобы немедленно вести войско, горевшее жаждой битвы, против неприятеля; Парменион, напротив, рекомендовал осторожность: войска, говорил он, утомлены дорогой; персы, уже долее находящиеся в этой благоприятной для них позиции, не замедлят всячески устроить ее удобно для себя; нельзя знать, не прикрывают ли неприятельскую линию набитые сваи или скрытые ямы; правило войны требует сначала ориентироваться и стать лагерем. Это мнение старого полководца одержало верх; Александр приказал войскам стать лагерем на холмах в виду неприятеля (у Бёртелы) в том порядке, в каком они должны были идти в бой. Это было 30 сентября утром.

Дарий со своей стороны, хотя и долгое время ожидал прибытия македонян и удалил с дороги в обширной равнине всякое пре-

пятствие, до терновых кустов и отдельных песчаных холмиков включительно³², которые могли бы помешать бурной атаке полчищ его конницы или бегу боевых колесниц, был, однако ж, несколько встревожен вестью о близости Александра и крайне быстрым отступлением своего авангарда под предводительством Мазея; но персидский царь скоро нашел успокоение и веру в себя в гордой уверенности своих сатрапов, которой не нарушали больше слова непризнанного предостережения, в бесконечных рядах своего войска, перед которыми никакой Харидем или Аминта не осмелился бы отдать слишком справедливого предпочтения плотной кучке македонян, и наконец в своих собственных желаниях, которые так охотно считают свое ослепление за здравый смысл и охотнее слушают самоуверенные слова льстецов, чем серьезные указания на случившиеся уже события; его вельможам нетрудно было убедить его, что при Иссе он был побежден не неприятелем, но недостатком места; теперь достаточно места для воинственности его сотен тысяч, для кос его боевых колесниц и для индийских слонов; теперь настала пора показать македонянам, что значит персидская армия. Тут-то утром 30 числа на лежащей к северу гряде холмов показалось наступавшее в полном боевом порядке македонское войско; ожидали, что оно тотчас же пойдет в атаку; персидские народы тоже выстроились в боевой порядок на обширной равнине.

Атаки не последовало; видно было, как неприятель становился лагерем; только кучка всадников попеременно с несколькими отрядами легкой пехоты спустилась с холмов, прошла по равнине и, не приближаясь к линии персов, возвратилась в лагерь. Наступил вечер; не замышлял ли неприятель ночного нападения? Персидский лагерь, не имевший ни вала, ни рвов, не мог бы служить защитой против нечаянного нападения; народы получили приказ, остаться всю ночь под оружием и в боевом порядке, а лошадей держать при себе оседланными подле стороженных огней. Дарий сам ночью объезжал верхом ряды, чтобы своим видом и приветом придать мужества своим народам. На крайнем левом крыле стояли отряды Бесса, бактрийцы, даки и согдианцы; перед ними находилось сто колесниц с косами, а слева для их прикрытия была выдвинута тысяча бактрийских всадников и массагетские скифы, одетые в панцырь вместе с конем. Справа за Бессом следовали арахожане и горные индейцы³³; затем шла масса персов, состоявшая из конницы и пехоты, затем сузяне и кадусии, примыкавшие к центру. Этот центр заключал в себе, прежде всего, знатнейшие отряды персов, так называемых родственников царя, вместе с отрядом телохранителей яблоконосцев; по обеим сторонам их находились греческие наемники, остававшиеся еще на службе царя; затем в центре были также индийцы с их слонами, так называемые карийцы, потомки некогда переведенных в верхние сатрапии



карийцев, мардийские стрелки из лука и перед ними пятьдесят вооруженных косами колесниц. Чтобы усилить центр, который так легко был пробит в битве при Пинаре, позади него были поставлены уксии, вавилоняне, прибрежные народы персидского моря и ситакенцы; состоя таким образом из двух и трех рядов колонн, он, по-видимому, был достаточно крепок и плотен для того, чтобы принять царя в свою середину. На левом крыле, сейчас же за мардийцами, стояли албаны и сакесины, затем Фратаферн со своими парфянами, гирканцами, тапуриями и саками, затем Атропат с мидийскими народами, за ними следовали народы Сирии по сю и по ту сторону вод, и наконец на крайнем левом крыле стояли конные народы Каппадокии и Армении, а перед ними пятьдесят вооруженных косами колесниц. Ночь прошла спокойно; возвратившись со своими эскадронами и с легкой пехотой с рекогносцировки поля битвы, Александр собрал около себя своих офицеров и объявил им, что на следующий день он думает напасть на неприятеля; он знает их мужество и мужество их войск, его испытала не одна победа; быть может, будет более необходимо сдерживать его, чем разжигать; пусть они, прежде всего, напомнят своим людям о том, чтобы они наступали молча, чтобы тем грознее раздалась во время атаки их боевая песня; они сами должны особенно позаботиться о том, чтобы тотчас замечать и исполнять его сигналы, чтобы движения совершались с быстротою и точностью; пусть они убедятся в том, что исход великого дня зависит от каждого; борьба идет теперь не за Сирию и Египет, но за обладание Востоком; теперь решится, кто должен господствовать. Его генералы отвечали ему громкими кликами ликования; затем царь отпустил их, и отдал войскам приказ ужинать и затем предаться покою. В шатре Александра находилось еще несколько приближенных, когда, как рассказывают, вошел Парменион и озабоченно сообщил о бесконечном множестве персидских сторожевых огней и о глухом шуме, доносившемся в тишине ночи; перевес сил врага, говорил он, слишком значителен, чтобы можно было решиться помериться с ним днем и в открытом бою; он советует напасть теперь ночью, ужасы ночи удвоят неожиданность и произведенную нападением суматоху. Александр, как говорят, ответил, что не желает красть победы³⁴. Далее рассказывается, что вскоре после этого Александр прилег отдохнуть и спокойно проспал остальную часть ночи; уже было позднее утро, уже все было готово к нападению, недоставало еще только царя, наконец, старый Парменион вошел в его шатер и трижды должен был позвать его по имени, пока, наконец, Александр не оделся весело и быстро.

Утром 1 октября³⁵ македонское войско выступило из своего расположенного на высотах лагеря, где при обозе была оставлена фракийская пехота. Скоро войско стояло в равнине в боевом порядке; центр составляли шесть таксисов фаланги, по их правую

руку находились гипасписты и восемь ил македонской конницы; к левой стороне фаланги, к таксису Кратера, примыкали всадники греческих союзников и фессалийская конница. Левым крылом предводительствовал Парменион, стоявший с фарсальской илой, сильнейшей из фессалийской конницы, на конце крыла. На конце правого крыла, с которым Александр хотел начать нападение, к царской иле примыкали часть агрианов и стрелков и Балакр с аконтистами. Так как при громадном численном перевесе неприятеля крылья его войска неизбежно должны были заходить за крылья македонян, а у главной атакующей колонны, которая должна была решать дело, можно было отнимать лишь столько сил, сколько безусловно требовало прикрытие тыла и флангов нападавшей боевой линии, то Александр позади крыльев своей линии справа и слева приказал сформировать по второй колонне, которые должны были, если бы неприятель стал угрожать линии с тыла, сделать поворот и образовав таким образом второй фронт; если же бы он напал на фланг, то они должны были в четверть оборота примкнуть под углом к линии. В резерве левого крыла находились фракийская пехота, часть союзных всадников под предводительством Керана, одрисские всадники наемников под предводительством Андромаха; на правом крыле были: Клеандр со старыми наемниками, половина стрелков под предводительством Брисона, агрианы под предводительством Аттала, затем Арет с сариссофорами, Аристон с пеонскими всадниками, а на крыле направо были выстроены снова на вербованные греческие всадники под предводительством Менида, которые сегодня впервые должны были испробовать свое оружие на самом опасном месте.

Войска начинают наступать; Александр с македонской конницей, сосредоточенной на правом крыле, находится против неприятельского центра, индийских слонов и против ядра неприятельского войска, с его двойной боевой линией, а все левое крыло неприятеля выдвигается дальше. Он приказывает начиная с правого фланга наступать, подвигаясь несколько вправо³⁶, иле Клита, имеющей по свою правую сторону легкую пехоту, впереди, затем второй, третьей и т.д. илам, гипаспистам и т.д., уступами один отряд за другим; движения эти исполняются в величайшей тишине и порядке, между тем как неприятель благодаря своим громадным массам приходит в расстройство при попытке своего левого крыла сделать обратное движение. Их линия все еще далеко выдвигается за линию македонян и скифские всадники крайнего крыла скачут уже в атаку против стоящих на фланге Александр легких войск и уже близки к ним. Не позволяя обмануть себя этим маневром, Александр продолжает свое движение вперед и наполовину вправо; остается пройти еще немного и он минует место, расчищенное здесь для употребления снабженных косами колесниц. От их опустошительного бега — здесь стоит сто таких колесниц — персид-



ский царь ожидал особенного успеха; он приказывает теперь своим скифским и тысяче бактрийских всадников обскákat крыло неприятеля и задержать этим дальнейшее наступление его. Александр пускает против них греческих всадников Менида; число их слишком незначительно, и персы опрокидывают их. Движение главной линии требует здесь возможно сильного сопротивления: в подкрепление Мениду посылаются пеонские всадники под предводительством Аристана; они³⁷ с такою энергиею бросаются в атаку, что скифы и тысяча бактров должны отступить. Но уже полчища других бактрийских всадников проносятся мимо крыла Александра, опрокинутые собираются около них, и вся эта подавляющая масса накидывается на Аристана и Менида; завязывается жаркий бой; скифы, одетые в панцырь вместе с конем, сильно напирают на пеонов и ветеранов, из которых многие падают, но не подаются назад; ила за илой наступают они и на мгновение оттесняют назад превосходные силы неприятеля.

Между тем македонский фронт подвигался косою линией все дальше и дальше; теперь македонские илы и гипасписты находятся против ста вооруженных косами колесниц левого крыла; тут эти последние приходят в движение и несутся навстречу линии, которую они должны разорвать. Но агрианы и стрелки встречают их с громким криком градом стрел, камней и дротиков; многие колесницы перехвачены уже здесь, греки сволакивают на землю возниц, рубят построжки, ловят за поводья и закалывают перепуганных лошадей; другие, которые скачут на гипаспистов, встречаются или плотно сомкнувшимися рядами щитов с выставленными вперед копьями и задерживаются в своем беге падающими лошадьми, или проносятся в отверстия, образованные быстро расступившимися направо и налево отрядами, без вреда для себя и для других, чтоб позади фронта попасть в руки к стоящим там конюхам македонян.

Теперь вся громадная линия персидского войска, подавшаяся раньше налево, начинает переходить в наступление, между тем как на фланге Александра Аристон и Менид только с величайшим трудом могут выдерживать нападение неприятельской конницы. Приблизившись к врагам на расстояние полета стрелы, Александр велит ускорить шаг и в то же время приказывает Арету с сариссофорами — это последняя конница его второй колонны — поспешить на помощь готовым отступить в сражении войскам Менида и Аристана. Когда это движение замечается персами, то ближайšie отряды конницы этого крыла скачут вслед за бактрами; таким образом в их левом крыле образуется отверстие. Момент, которого ожидал Александр, наступил. Он дает сигнал к атаке³⁸, бросается вперед во главе илы Клита, а другие илы и гипасписты с боевым криком бегом следуют за ним; эта атака клином совершенно разрывает линию неприятеля; ближайšie

фаланги, Кен и Пердикка уже тоже подошли; с опущенными копьями бросаются они на боевые ряды сузианов, кадусиев и на полчища, прикрывающие колесницу царя Дария; теперь им нет преграды, нет более сопротивления. С разъяренным врагом перед глазами, среди внезапного, дикого и шумного беспорядка, не видя для себя выхода из растущей с каждой минутой опасности, Дарий бросает все и обращается в бегство; после отчаянного сопротивления, персы следуют за ним, чтобы прикрывать жизнь своего царя; бегство и паника охватывают также боевые ряды второй линии. Центр уничтожен.

В то же время страшная сила, с которой Арет врубился в ряды неприятеля, решила сражение в тылу линии; горячо преследуемые сариссофорами, греческими и пеонскими всадниками скифские, бактрийские и персидские всадники бросаются бежать. Левое крыло персов уничтожено.

Не то на правом крыле. Гоплиты Александра только с большим трудом следовали за быстрым движением атаки, и не могли остаться в сомкнутом строю; между последним таксисом, таксисом Кратера, и ближайшим к нему справа таксисом, которым предводительствовал Симмий, образовался промежуток; Симмий остановился, так как Кратер и все крыло Пармениона подверглось серьезной опасности. Часть индийцев и персидских всадников неприятельского центра быстро воспользовалась этим промежутком, бросилась через него, не задерживаемая второй колонной, на лагерь; немногочисленные фракийцы, легко вооруженные и не ожидавшие никакого нападения, только с величайшим трудом могут выдерживать кровопролитную борьбу в воротах лагеря; тут пленным удастся вырваться и они нападают на них с тыла во время битвы; фракийцы побеждены; с криками ликования варвары бросаются в лагерь грабить и убивать. Предводители второй линии слева, Ситалк, Керан, одрисянин Агафон и Андромах, заметив случившееся, поворачивают обратно, ведут свои войска как можно скорее к лагерю, бросаются на грабящего уже неприятеля и побеждают его после короткого боя; многие варвары падают мертвыми, другие отступают в беспорядке на поле битвы, под копы и мечи македонских ил.

Одновременно с этим нападением другие индийцы и персы, и парфянские всадники вместе с ними появились на фланге фессалийской конницы. Поэтому Парменион послал сказать Александру, что он находится в большой опасности, что он должен получить подкрепление, или все погибло. Ответ царя, как говорят, был таков: Парменион, должно быть, сошел с ума, что требует теперь помощи; с мечом в руке он сумеет победить или умереть³⁹. Но Александр прекращает начатое уже преследование, чтобы сначала оказать помощь своим; со всеми имеющимися при нем войсками⁴⁰ он спешит к правому крылу персов, которое еще сто-

ит; сначала он наталкивается на выбитых уже из лагеря персов, индийцев и парфян, которые, сделав пол-оборота, собираются и принимают его сомкнутым строем. Здесь завязывается страшный конный бой, который долго остается нерешенным; бьются один на один; персы бьются за свою жизнь; около шестидесяти гетайров остается на месте; очень многие, в том числе Гестеион и Менид, получают тяжелые раны; наконец, победа решена и здесь; те, которым удалось пробиться, предаются неудержимому бегству.

Прежде чем Александр, сражаясь таким образом, успел достигнуть правого крыла персов, фессалийская конница, хотя и сильно теснимая Мазеем, тоже оправилась и оттеснила полчища каппадокийской, индийской и сирийской конницы; она уже начала преследование, когда Александр подошел к ней. Видя, что дело сделано и здесь, он поскакал обратно через поле битвы в том направлении, которое, по-видимому, избрал персидский царь; он преследовал его до темной ночи. Пока Парменион захватывал неприятельский лагерь у Бумода, слонов и верблюдов, колесницы и вьючных животных громадного обоза, Александр достиг реки Лика, лежащей в четырех часах пути за полем сражения. Здесь была страшно беспорядочная толпа бегущих варваров, ужас которых усиливала темнота наступающей ночи, возобновившаяся резня и обвал переполненного людьми моста; скоро страх расчистил им дорогу, но Александр должен был остановиться на несколько часов, так как крайнее напряжение сильно утомило лошадей и всадников. Около полуночи, когда взошла луна, они снова выступили к Арбелам, где надеялись захватить Дария, его поклажу и сокровища. В течение дня они туда прибыли. Дария уже не застали; его сокровища, его колесница, его лук и щит, поклажа его и его вельмож и несметная добыча достались в руки Александра.

Эта великая победа на равнине Гавгамел, по словам Арриана, стоила македонской коннице всего только 60 убитых⁴¹; но пало или было убито более 1000 лошадей, из которых половина приходилась на македонскую конницу; по самым крупным показаниям со стороны македонян пало 500 человек; цифры — кажущиеся несоизмеримо малыми сравнительно с потерями неприятеля, которые определяются в 30 000 и даже в 90 000 человек, если не принимать в соображение, что, с одной стороны, при прекрасном вооружении македонян в рукопашном бою смертельные раны получали только немногие, и что, с другой стороны, резня могла начаться только при преследовании; все сражения, не одной только древности, доказывают тот же факт, что потери во время бегства бывают несравненно значительнее, чем во время боя⁴².

Это сражение сломило могущество Дария⁴³; из его рассеянного войска собралось несколько тысяч бактрийских всадников, остатки греческих наемников, составлявшие около 2000 человек под предводительством этолянина Главка и фокейца Патрона,

мелофоры и тому подобные, в целом войско, состоявшее приблизительно из 3000 всадников и 6000 пехотинцев; с ними Дарий в своем неудержимом бегстве направился на северо-восток через проходы Мидии в Экбатаны⁴⁴; там он надеялся хоть на короткое время быть в безопасности от страшного неприятеля, там он хотел выждать, не ограничится ли Александр богатствами Суз и Вавилона и не оставит ли ему древнеперсидского края, отделенного могучими горными кряжами от Арамейской низменности; если же ненасытный завоеватель все-таки подымется на высокую твердыню Ирана, то планом персидского царя было, опустошая все кругом, бежать через северные склоны плоскогорья в Бактрию, последние остатки когда-то столь обширного государства.

Из крупного числа рассеянных войск, бежавших к югу по направлению к Сузам и Персии, собралось (по Арриану) 25 000, по другим источникам 40 000 человек⁴⁵, которые под предводительством персидского сатрапа Ариобарзана, сына Артабаза, заняли персидские проходы и прекрасно укрепились за ними. Если только вообще это было возможно, то здесь еще можно было спасти персидское царство; оно, может быть, и было бы спасено, если бы Дарий не искал ближайшего пути, и своим бегством к северным склонам Ирана не предоставил бы лежащие к югу сатрапии самим себе и верности сатрапов. А эти последние не все были так верны, как Ариобарзан; в своем, столь же заманчивом, как и трудном, положении они готовы были забыть своего бежавшего повелителя, чтобы отдаться надежде на независимость, о которой, быть может, они давно мечтали, или чтобы добровольным подчинением приобрести от великодушного победителя более, чем они потеряли благодаря бегству своего царя. Сами народы, которые по своему обычаю стеклись бы для новой борьбы, если бы Дарий пожелал решиться защищать свой царский престол у врат Персии, и которые, может быть, с успехом защитили бы природные границы своей страны, чему история представляет много поразительных примеров, эти воинственные народы наездников и разбойников, которых Александр отчасти покорил с трудом и только впоследствии, отчасти же никогда не решался напасть на них, были этим бегством Дария предоставлены самим себе и как бы двинуты на потерянный пост, не принеся этим делу царя ни малейшей выгоды. Таким образом, благодаря невероятному замешательству, которое все более овладевало Дарием, готовым на все, чтобы спасти что-нибудь, победа при Гавгамелах приобрела это росшее, подобно лавине, значение, которое должно было уничтожить могущество Персии до последнего остатка.

Александр не последовал ни за персидским царем в горные проходы, ни за бежавшими по дороге к Сузам. Вдоль отрогов окружавших Иран гор⁴⁶ он двинулся по дороге в Вавилон, бывший центром обширной Арамейской низменности и со времени



Дария Гистаспа бывшей столицей персидского царства; обладание этим мировым городом было первой наградой за победу при Гавгамеле. Александр думал встретить сопротивление; он знал, как громадны были «стены Семирамиды», какая сеть каналов окружала их, как долго город выдерживал осаду Кира и Дария; он узнал, что Мазей, всех долее и успешнее державшийся при Гавгамеле, бросился к Вавилону; можно было опасаться повторения сцен Галикарнасса и Тира. Приблизившись к городу, Александр приказал войску идти в боевом порядке; но ворота отворились, и навстречу ему вышли вавилоняне с венками из цветов и богатыми дарами, холдеи и старейшины города, с персидскими чиновниками во главе; Мазей сдавал город, цитадель и сокровища, и западный царь торжественно вступил в город Семирамиды.

Здесь войскам был дан продолжительный отдых; это был первый видимый ими настоящий восточный большой город; громадный по своим размерам, он был полон самых изумительных строений: исполинские стены, всяческие сады Семирамиды, кубическая башня Бела, на массивной постройке которой тщетно желал сорвать Ксеркс свой безумный гнев за испытанный при Саламине позор; и все это наполняли бесчисленные массы народа, стекавшегося сюда из Аравии и Армении, Персии и Сирии; здесь царила чрезмерная роскошь и нега жизни, бесконечная смена утонченного сладострастия и изысканных наслаждений; все это сказочное очарование восточного пыла страстей досталось здесь сынам запада в награду за их труды и победы. Мощный македонянин, дикий фракиец, пылкий грек мог пить здесь жадными глотками упоение победой и жизнью и забываться на благоуханных коврах, за золотыми кубками, среди шумного ликования вавилонских пиров, мог с дикой радостью упиваться наслаждениями, почерпая в них жгучую жажду новых наслаждений и жажду новых дел и новых побед. Таким образом войско Александра начало сживаться с азиатским бытом и примиряться и сливаться с теми, которых ненавидел, презирал и называл варварами многовековой предрассудок; восток и запад были охвачены общим процессом брожения, и начала подготавливаться будущность, в которой должны были потеряться они оба.

Назовем ли мы это ясным пониманием, счастливым чутьем или необходимым следствием обстоятельств, во всяком случае избранные Александром меры были единственно возможными и правильными. Здесь, в Вавилоне, более чем где бы то ни было до сих пор, туземная цивилизация была сильна, сообразна с природой и в своем роде закончена; Малая Азия была близка к греческой жизни, Египет и Сирия были доступны для нее и поставлены в связь с ней общим морем, в Финикии греческие обычаи уже давно были введены в домах богатых купцов и многих князей, в области нильской дельты со времени фараонов ей доставили известность и право

гражданства греческие поселения, близость Кирены и разнообразные сношения с греческими государствами, Вавилон же лежал далеко от всякого соприкосновения с западом, в самой глубине бассейна двух рек арамейской страны, которая по своей природе, торговле, нравам и религии и по своей многовековой истории тяготела более к Индии и Аравии, чем к Европе; здесь в Вавилоне люди жили еще полной жизнью старинной культуры, писали еще, как века тому назад, клинообразным письмом на глиняных дощечках, наблюдали и высчитывали течение светил, считали и мерили по законченной метрической системе, и во всех областях техники достигли исключавшего всякое соперничество совершенства. В эту чуждую, пеструю, уже насыщенную собой народную жизнь проникли теперь первые греческие элементы, по своему количеству ничтожные сравнительно с туземной культурой и стоявшие выше ее только своею способностью приспособиться к ней.

Необходимо иметь в виду еще второй момент. Действительно, персидское войско было разбито на поле битвы; но устранено и уничтожено оно еще далеко не было. Если Александр желал править на месте персидского царя только как македонянин и грек, то он зашел уже слишком далеко, когда, продолжая свои завоевания также и по ту сторону сирийской пустыни, перешел границы соседних с западом земель. Если он желал заставить народы Азии переменить только имя рабства и дать им почувствовать только более суровый, унижительный гнет более высокого или более смелого умственного развития, то даже самая минута победы не обеспечивала их повиновения и взрыва ярости народных масс; чумы, одного сомнительного успеха было бы достаточно, чтобы разрушить химеру эгоистичного завоевания. Держава Александра, по своей величине несоразмерно малая сравнительно с азиатскими областями и народами, должна была найти свое оправдание в благодеяниях, которые она приносила побежденным, а свою опору и будущность в их симпатиях; она должна была зиждиться на признании за всякой народностью права иметь свои обычаи, законы и религию, насколько это не противоречило существованию государства. То, что персы так глубоко угнетали, что они раздавили бы так охотно, то, что оставили существовать их бессилие и беззаботность, а не их любовь к справедливости, должно было теперь восстать обновленным и свободным и тяготеть непосредственно к греческой жизни, чтобы иметь возможность слиться с ней. Не шло ли тем же путем в течение многих веков изумительное колониальное развитие греков? Разве способность греков понимать и признавать чуждые элементы, согласоваться и сливаться с ними не создала у скифов Тавриды и у африканцев берегов Сирта, в Киликии и на кельтских берегах устьев Роны множества новых полных жизни организмов и, пропагандируя эллинизм, не усиливала постоянно по численности и способности распростра-



няться и самый греческий элемент? Что мысли Александра шли в этом направлении, этому может служить доказательством то, что в Мемфисе и Тире, а во всяком случае и в Иерусалиме, он справлял празднества по местному обряду, что в Вавилоне он приказал снова украсить разграбленные Ксерксом храмы, восстановить башню Бела и отныне отправлять богослужение вавилонским богам со свободой и роскошью времен Навуходоносора. Таким образом, он приобрел симпатии народа, возвратив его самому себе и его народной жизни; он давал им таким образом возможность в качестве непосредственно деятельного элемента вступить в организм государства, которое он замыслил основать, — государства, в котором различия между западом и востоком, между греками и варварами, как они до сих пор существовали в истории, должны были исчезнуть в единстве всемирной монархии.

Но какова же должна была быть организация и администрация этого государства, в какой политической и военной форме должна была быть проведена эта мысль, нормировавшая гражданскую и церковную жизнь? Если отныне сатрапами, окружавшими царя лицами, вельможами государства и войском должны были быть только македоняне и эллины, то это слияние являлось лишь предлогом или иллюзией, народность не выходила признанной, а только терпимой, прошедшее связывалось с будущим только несчастьем и скорбными воспоминаниями, и вместо азиатского господства, которое, по крайней мере, выросло в этой части света, на Азию ложилось чуждое, неестественное, вдвойне тяжелое иго.

Ответ на эти вопросы знаменует катастрофу в геройской жизни Александра; это червь, сам подтачивающий корень своего величия, роковая судьба его побед, побеждающая его самого.

Пока царь Персии ищет спасения в своем последнем бегстве, Александр начинает украшать себя блеском персидского царского сана, собирать вокруг себя персидских вельмож, примиряться с именем, с которым он боролся и которое он унизил, и присоединять к знати востока знатн Македонии.

Уже с осени 334 года на службе и в чести у него находится Мифрен из Сард, а затем, со времени падения Тира и Газы, Мазак и Амминап из Египта. День Гавгамел сломил гордость и самоуверенность персидских вельмож, они научились смотреть на вещи другими глазами, чем прежде; число переходящих на сторону Александра растет, особенно с тех пор, как Мифрен получил всегда считавшуюся важной сатрапию Армении, а Мазей, храбро бившийся против Александра, богатую вавилонскую сатрапию. Большая часть персидской знати отрекается от дела бежавшего Ахеменида и собирается кругом победителя.

Естественно, что Александр идет им навстречу, насколько это возможно. Но столь же естественно, что, давая персу новую сатрапию или оставляя ему его прежнюю, он образует вооруженную

силу сатрапии из македонских войск и во главе ее ставить македонского военачальника; столь же естественно, что финансы сатрапии отделяются от области ведения сатрапа и сбор податей предоставляется македонянам.

Так было теперь в вавилонской сатрапии. Для сбора податей рядом с сатрапом Мазеем был поставлен Асклепидор; город Вавилон получил сильный гарнизон, расположившийся в цитадели, под предводительством Агафеона, брата Пармениона, а стратегию над оставшимися у сатрапа войсками получил Аполлодор из Амфиполя; кроме того Менет, один из семи соматофилаков, был назначен гиппархом Сирии, Финикии и Киликии и под его начальство были отданы необходимые войска, чтобы обезопасить большую дорогу из Вавилона к морскому берегу и транспорты с Востока в Европу и обратно, что было вдвойне необходимо благодаря разбойничьим инстинктам кочевавших по пустыне племен бедуинов. Первым транспортом была сумма приблизительно в три тысячи талантов серебра, из которых часть назначалась для Антипатра, чтобы он мог энергично вести как раз теперь начатую войну со Спартой, а остальное предназначалось на вербовку солдат для главной армии в возможно широких размерах.

Во время приблизительно тридцатидневного пребывания Александра в Вавилоне Сузы, город, где находился персидский придворный лагерь и царские сокровища, была приобретена мирным путем. Уже из Арбел Александр послал вперед македонянина Филоксена⁴⁸, как кажется, во главе легкого отряда, чтобы обеспечить за собой город и царские сокровища; теперь он получил от него известие, что Сузы сдались добровольно, что сокровища спасены, и что сатрап Абулит изъявляет покорность Александру⁴⁹. Через двадцать дней по выступлении из Вавилона Александр прибыл в Сузы⁵⁰; он немедленно завладел несметными сокровищами, накопившимися со времени первых персидских царей в высокой цитадели города, киссийской Мемнонии греческих поэтов⁵¹; одного золота и серебра было пятьдесят тысяч талантов, и, кроме того, здесь находились громадные запасы пурпура, благовоний, драгоценных камней, вся обильная утварь самого пышного из всех дворов, многочисленная добыча, вывезенная из Греции во время Ксеркса, и между нею бронзовые статуи убийц тирана Гармодия и Аристокитона, которые Александр отослал обратно к афинянам.

В то время, когда войско находилось еще в Сузах и на берегах Хоаспа, посланный год тому назад из-под Газы за подкреплениями на родину стратег Аминта явился с новыми войсками⁵². Их распределение по различным частям войска⁵³ было в то же время началом новой организации армии, которая в течение следующего года была проведена дальше на новых основаниях, вызванных ходом войны в верхних сатрапиях; начало было положено разделением



ил македонской конницы на два лоха, что, так сказать, удвоило их тактически.

Позднее мы возвратимся к этой реорганизации. Она является вступлением к крупным переменам, которые, каково бы ни было мнение о поведении Александра в этом случае, необходимо вытекали из логической последовательности предпринятого им дела и из условий, необходимых для достижения успеха.

Прежде всего, хотя теперь и была половина декабря, Александр думал двинуться к царским городам области Персиды, с обладанием которыми, как привыкла считать народная вера, было неразрывно связано господство над Азией; появление его там на троне персидских царей, во дворцах Кира, Дария и Ксеркса, было для них доказательством падения династии Ахеменидов. Он поспешил привести в порядок дела области Суз. Он утвердил сатрапию за сатрапом Абулитом, передал цитадель города Суз Мазару⁵⁴, а командование войсками сатрапии вместе с корпусом из тридцати тысяч человек Архелаю; замки Суз он назначил будущей резиденцией матери и детей персидского царя, которые до сих пор находились при нем, и окружил их придворным царским штатом; рассказывают, что он оставил при дворе царевен несколько греческих ученых, выразив желание, чтобы они научились от них по-гречески⁵⁵. После этих распоряжений он выступил с войском в Персию.

Среди различных военных трудностей, делающих замечательными походы Александра, немалую роль играет трудность ориентироваться в совершенно чуждых землях. Теперь приходилось подниматься из низменности на Иранскую возвышенность, в области, о конфигурации, протяжении, средствах к существованию, дорогах и климатических условиях которых греческий мир до сих пор не имел ни малейшего понятия. Мы должны предположить, что Александру удалось составить себе приблизительное представление о географических условиях областей, против которых он думал теперь обратиться, из сообщений персов, которых он теперь имел достаточно в числе окружавших его лиц; детали должны были выясниться впоследствии из обстоятельств и из расспросов на самом месте.

Чтобы из равнины Сузианы достигнуть царских городов высокой Персиды, прежде всего, было необходимо пройти через крайне трудные проходы. Дорога, которую должен был избрать или, вернее, открыть себе Александр, была та, которая была устроена между Персеполем и Сузами для переездов персидского двора⁵⁶. Она вела сперва по богатой Сузианской равнине, через Копрату (Дисфуль) и Эвлай (Куран у Шустера), которые соединяются и под названием Паситигра (Малого Тигра) текут в «Эрифрейское море», — затем далее, через две реки, древних имен которых мы более не можем определить, через Иераги у Рам Гор-

муза и через Таб (Ароз?). Между этими двумя реками идет проход из равнины в горы, тот самый проход, как кажется, который был назван древними проходом уксиев⁵⁷. Уксии живут частью на равнине, частью в горах, сопровождающих ее на северо-востоке; подвластны персидскому царю были только обитавшие на равнине; горные уксии, когда двор ехал по этой дороге, давали позволение пройти через этот находившийся в их руках проход только за богатые подарки. Те же самые окружающие иранскую возвышенность горы, которые около Ниневии подходят к самому Тигру, сопровождают своей юго-восточной цепью равнину сузианцев и уксиев, поднимаясь несколькими, лежащими друг за другом, террасами до высоты вечных снегов; далее к юго-востоку, где вместо равнины и как бы в виде продолжения ее глубоко врезывается в сушу Эрифрейское море, число этих поднимающихся от берега террас увеличивается до восьми и девяти параллельных линий гор, над которыми, если смотреть с залива милях в двадцати от берега, виднеется как центральная масса высокая снежная цепь Кух-и-Баэна. Миновав вышеупомянутые проходы уксиев, «проезжая дорога»⁵⁸ ведет в Бабехан по этому лабиринту горных цепей, прорывающихся между ними горных потоков, маленьких равнин и проходов между ними, затем идет в юго-восточном направлении по равнине Ласфера, проходит далее к востоку в равнину Башта и затем в равнину Фахиана, окруженную такими высокими горами, что солнце в этой деревне видно только утром, а всю остальную часть дня она постоянно в тени. Эту лежащую к востоку долину замыкает скалистый пик Келак-и-Сефида, а лежащая на вершине его крепость вполне преграждает путь. Таковы персидские проходы на проезжей дороге через Шираз в Персеполь; кто желает избежать их, обращается у Фахианы к югу и достигает Шираза через Казерун, «дурную идущую вверх и вниз по скалам дорогу». Маршрут Александра показывает, что этот проход можно обойти с севера и от Таба пройти более коротким путем, чем проезжая дорога. Уже у Бабехана есть одна дорога левее к северу, которая у Танг и Тебака поднимается на лежащую за ним более высокую террасу и затем у Башта опять, по-видимому, приводит к большой дороге⁵⁹; затем снова упоминается одна дорога у Фахианы, ведущая прямо к северу в горы и спускающаяся по ту сторону Келак-и-Сефида в лежащую позади крепости маленькую равнину.

Таковы были дороги, по которым должен был пройти Александр, чтобы достигнуть Персеполя и Пасаргад; время года было крайне неблагоприятно, на горах уже должен был лежать глубокий снег, частые бивуаки благодаря редкости поселений и холодные ночи должны были еще более затруднять и без того уже трудный путь; кроме того, можно было ожидать сопротивления со стороны уксиев и еще более со стороны Ариобарзана, который со значительными силами укрепился в верхних проходах. Несмот-



ря на все это, Александр поспешил в Персию, не только для того, чтобы завладеть страной, сокровищами Персеполя и Пасаргад и ведущим в глубину Ирана путем, но главным образом для того, чтобы долгим промедлением не дать персидскому царю времени предпринять обширные вооружения и из Мидии обратиться сюда, чтобы защищать за столь трудными персидскими проходами колыбель персидского царства и Высокую Порту Ахеменидов.

Таким образом, Александр прошел по равнине Сузианы, перешел через несколько дней Паситигр⁶⁰ и вступил в область живших в долине уксиев, которые, будучи подвластны персидскому царю и состоя в ведении сатрапа Сузианы, немедленно сдались. Горные же уксии послали к нему уполномоченных сказать, что они позволят ему пройти только тогда, если получат и от него тоже подарки, которые дали бы им персидские цари. Чем важнее был свободный проход в верхние области, тем менее мог Александр оставить его в руках дерзкого горного народа; он послал сказать им, чтобы они явились в теснины и получили бы там свою часть.

С агемой и другими гипаспистами и еще тысячью с восемью человек большей частью из легковооруженных он, ведомый проводниками из сузианцев, двинулся ночью по другой весьма тяжелой горной тропинке, которая осталась не занятой уксиями⁶¹; с наступлением дня он достиг их деревень; большинство тех, которые были дома, были перебиты в постелях, дома были разграблены и преданы пламени. Затем войско бросилось к теснинам, куда со всех сторон собрались уксии. На лежавшие позади занятых уксиями теснин высоты Александр послал Кратера с частью войска, а сам с величайшей поспешностью начал наступать на самый проход, так что варвары, обойденные кругом, испуганные быстротой неприятеля и лишенные всех преимуществ, которые мог дать им узкий проход, при приближении Александра сомкнутым строем, немедленно отступили и обратились в бегство; многие попадали в пропасти, многие были перебиты преследующими македонянами, а еще большее количество было перебито войсками Кратера на высоте, куда они хотели спастись. Александр намеревался сначала выселить из этой местности все племя горных уксиев; за них ходатайствовала Сисигамбис, царица-мать; Мадат, муж ее племянницы, как говорят, был их предводителем. Александр внял просьбам царицы и оставил этим пастушеским племенам их горы; он обложил их ежегодной данью, состоявшей из тысячи лошадей, пятисот голов вьючного скота и тридцати тысяч овец; денег и пахотных земель они не имели⁶².

Таким образом, путь в верхние горы был открыт; и пока Парменион с одной половиной войска, состоявшей из тяжеловооруженных⁶³ пехотинцев, фессалийских всадников и обоза, двинулся далее по большой военной дороге, сам Александр с македонской пехотой, конницей, сариссофорами, агрианами и стрелками по-

спешил к персидским проходам⁶⁴ ближайшим, но более трудным путем через горы. Идя форсированным маршем, он на пятый день достиг входа в них и нашел его прегражденным крепкими стенами⁶⁵; за стеною, как говорили, стоит сатрап Ариобарзан с сорока тысячами пехотинцев и семьями всадниками, решившись защитить вход какою бы то ни было ценою. Александр расположился здесь лагерем; на следующее утро он отважился вступить в окруженную высокими скалами область прохода и произвести нападение на стену; он был встречен градом метательных камней и стрел, сбрасываемыми с высоты обломками скал и окружившим его с трех сторон разъяренным неприятелем; тщетно некоторые воины пытались взобраться на скалистые стены, позиция неприятеля была неприступна. Александр отступил обратно в свой лагерь, находившийся в часовом расстоянии от прохода⁶⁶.

Положение его было трудное; в Персеполь вел только этот проход, он должен был быть взят, чтобы в противном случае не наступил опасный перерыв в ходе военных действий; но об эти скалистые стены, казалось, должны были разбиться все усилия искусства и мужества; а, между тем, от взятия этих проходов зависело все. Александр узнал от пленных, что эти горы по большей части покрыты густыми лесами, что через них ведет только несколько опасных тропинок и что они теперь представят вдвое более труда благодаря лежащему на горах снегу, но что, с другой стороны, обойти проходы и проникнуть в занятую Ариобарзаном местность возможно только по этим скалистым тропинкам. Александр решился на эту, быть может, наиболее опасную экспедицию в своей жизни.

Кратер со своей фалангой и с фалангой Мелеагра, частью стрелков и пятью сотнями конницы остался в лагере с приказом, при помощи сторожевых огней и всеми другими способами скрыть от неприятеля разделение армии, а затем, когда он услышит по ту сторону гор македонские трубы, со всеми своими силами приступить к штурму стены. Сам Александр с фалангами Аминты, Пердикки, Кена⁶⁷, с гипаспистами и агрианами, с частью стрелков и большею частью конницы, которою предводительствовал Филота, выступил ночью и перешел через горы, сделав более двух миль трудного пути по глубокому снегу. На следующее утро он был на той стороне; справа тянулась горная цепь, кончающаяся у проходов выше неприятельского лагеря, впереди была долина, простирающаяся к равнине Аракса, через который ведет дорога в Персеполь, позади были перейденные с трудом высокие горы, которые в случае неудачи могли бы сделать возврат и спасение невозможным. После небольшого отдыха Александр разделил свое войско; Аминте, Кену и Филоте с их отрядами он приказал спуститься в равнину, как для того, чтобы соорудить мост через реку на дороге в Персеполь⁶⁸, так и для того, чтобы преградить персам

отступление к Персеполю, если они будут побеждены; сам с гипаспистами, с таксисом Пердикки, с конной свитой и тетрархией конницы⁶⁹, со стрелками и агрианами он двинулся направо к проходам; это и без того не легкое движение было еще значительно затруднено покрывавшим гору лесом, сильною бурей и темнотою ночи. Перед рассветом они встретили первые форпосты персов, — они были перебиты; затем они приблизились ко второй линии персов, не многим удалось спастись на третью линию постов, чтобы бежать с нею не в лагерь, а в горы.

В персидском лагере нимало не подозревали того, что происходило; македонян они считали находящимися внизу перед долиной; во время этой зимней бури они сидели по шатрам в полном убеждении, что буря и снег сделают нападение для неприятеля невозможным; таким образом, в лагере все было спокойно, как вдруг, — это было ранним утром, — справа на высотах загремели македонские трубы и в одно время и с высот и из долины внизу раздались боевые клики. Александр был уже в тылу персов, когда Кратер начал свой штурм из долины и без труда овладел плохо охраняемыми входами; бежавшие оттуда попадали навстречу мечам и копьям наступавшего царя; возвращаясь на оставленные ими позиции, они нашли их уже занятыми третьим отрядом, так как Птолемей был оставлен с 3000 человек, чтобы произвести нападение сбоку. Таким образом, македоняне со всех сторон стекались в неприятельский лагерь. Здесь началась ужасная резня, бегущие бросились на мечи македонян, многие бросались в пропасти, все было потеряно; Ариобарзану удалось пробиться; с несколькими всадниками он бежал в горы и по потайным дорогам к северу в Мидию.

После небольшого отдыха Александр двинулся на Персеполь; дорогой, как говорят, он получил письмо от Тиридата, имевшего в своем ведении сокровища царя, где тот торопил его, так как иначе сокровищница может быть разграблена⁷⁰. Поэтому, чтобы скорее достигнуть города, он оставил пехоту позади и поспешил вперед с всадниками; с наступлением дня он был на мосту, который был уже выстроен авангардом. Его неожиданное появление, — он едва не опередил известия о битве, — сделало невозможным всякое сопротивление и всякие беспорядки; город, дворцы, сокровища были немедленно захвачены. Так же быстро достались победителю Пасаргады⁷¹ с новыми, еще более значительными, сокровищами; здесь было найдено много тысяч талантов золота и серебра, несметное множество дорогих тканей и драгоценностей; рассказывают, что, для того чтобы вывезти их оттуда, понадобилось десять тысяч пар мулов и три тысячи верблюдов⁷².

Еще важнее, чем эти богатства, с которыми Александр отнял у своего неприятеля главное орудие его силы и которые его щедрость возвратила из-под мертвых сводов сокровищницы к обра-

щению между народами, у которых они были отняты столь долгое время, было обладание самой этой областью, ближайшей родиной персидского царского дома. Кир победил господство мидян в долине Пасаргады и в воспоминание о своей великой победе воздвиг там свою резиденцию, свои дворцы и свою гробницу, — среди памятников величайшей земной роскоши простой домик в скале, у которого благочестивые маги ежедневно приносили жертвы и вносили молитвы. Еще богаче роскошными постройками была долина Персеполя с составлявшими ее восточное и западное продолжение долинами Аракса и Мида. Дарий, сын Гистаспа, который впервые потребовал от эллинов земли и воды, который филоллином Александра, македонского царя, сделал персидским сатрапом, был здесь после лже-Смердиса провозглашен персидским царем и построил здесь свой дворец, свою базилику и свою гробницу; многие из следовавших за ними царей наполнили скалистую долину Бендемира новыми роскошными зданиями, охотничьими пущами и парками, дворцами и царскими гробницами; царская порта «сорока колонн», воздвигнутое на скале величавое здание на трех террасах, с колоссальными изваяниями коней и быков при входе, масса исполинских зданий отделанных с величайшей роскошью и подавлявших своим величием украшали священный округ, который народы Азии чтили, как место помазания царей и место, где они принимали поклонение, как очаг и центр могущественного царства. Это царство теперь пало; Александр сидел на троне того же самого Ксеркса, который некогда разбил свой роскошный шатер на высоком берегу Саламинского залива, святотатственная рука которого сожгла акрополь Афин и разрушила храмы богов и гробницы мертвых. Теперь македонский царь, полководец союза эллинов, был господином в этих царских городах и в этих дворцах; теперь, казалось, настало время отомстить за старые обиды и примирить с собой богов и мертвецов Аида; здесь на этом очаге персидского могущества должно было свершиться право возмездия и искупиться старая вина, народы Азии воочию должны были получить доказательство, что порабошавшая их доньше сила исчезла и умерла, что они уничтожены навеки⁷³. Мы имеем достаточно доказательств тому, что это не было делом минутного возбуждения, но спокойно обдуманное решение, когда Александр приказал⁷⁴ зажечь покрытые обшивкой из кедрового дерева стены царского дворца. Парменион был другого мнения, он советовал царю пощадить прекрасное здание, составлявшее его собственность, и не оскорблять персов в памятниках их прежнего величия и славы. Царь остался при убеждении, что задуманная им мера полезна и необходима. Таким образом сгорела часть дворца в Персеполе. Затем царь приказал потушить пламя⁷⁵. Быть может, этот пожар находился в связи с особенным приемом восшествия на престол, к которому, по-видимому, прибегнул Александр. Рас-

⁸ История Александра Великого

сказывают, что коринфянин Демарат, увидав Александра сидящим под золотым балдахинном на троне персидских царей, воскликнул: какой великой радости лишились те, которым не пришлось дожить до этого дня.

Здесь мы должны обсудить еще другую возможность, — возможность, не лишенную значения для составления себе общего представления об Александре и его действиях.

Если происшедшие в Персеполе события были торжественной декларацией конца власти Ахеменидов и формальным вступлением во владение объявленным вакантным царством, то мы должны спросить, неужели только теперь, именно теперь наступила минута, чтобы в такой выразительной символической форме объявить об окончательном разрыве с прошлым и исполнить над ним свой приговор. Если битва при Гавгамелах решительно сломила могущество Персии, то почему тогда Александр полгода медлил сделать шаг, для которого во всяком случае столица Вавилон или резиденция в Сузах были столь же подходящим местом? или если он откладывал его потому, что с этой победой, со взятием Вавилона и Суз, еще не казалось приобретенным достаточно, то разве в таком случае оккупация Персиды имела такое большое военное и политическое значение, когда в руках Дария была еще Мидия с Экбатанами, а вместе с ними и обширный север и восток царства, и кратчайшая дорога к Тигру и к большой царской дороге из Суз в Сарды, и возможность прорвать длинную и слабо охраняемую линию, соединявшую Александра с сатрапиями запада и с Европой, которую имело собравшееся в Мидии войско конных полчищ востока?

Характер дошедших до нас преданий не таков, чтобы мы имели право предположить, что найдем в них упоминание обо всем существенном. Они достаточно многоречивы, когда приходится произносить нравственный суд над Александром; о его военных действиях они дают приблизительно достаточно для того, чтобы можно было угадать общую связь между ними; о его политических действиях, о руководивших им мотивах, о целях, которые он имел в виду, они говорят мало или вовсе молчат; так что на основании даваемых ими сведений могло казаться справедливым представление, что Александр перешел через Геллеспонт с весьма простым планом дойти до неизвестного еще Ганга и столь же неизвестного моря на востоке, в которое он впадает.

Ответ, данный Александром после битвы при Иссе на жалкие и в то же время высокомерные предложения персидского царя, показал, в какой форме и на каких основаниях Александр представлял себе возможным заключение мира. Требование, которое он выставил в нем первым, вытекало из самого положения вещей и из суммы предшествовавших исторических фактов. Некогда предки Дария принудили македонского царя подчиниться их вер-

ховенству и быть их сатрапом; они потребовали от греческих государств земли и воды, они постоянно смотрели на себя как на естественных повелителей эллинов и варваров Европы, на основании постановлений Анталкидова мира они отдавали греческим государствам «приказы», которых исполнение было обязательно; когда царь Филипп воевал с Перинфом и Византием, они без всяких оснований послали против него войска, как будто бы им принадлежало право держать в своих руках греческий мир и вмешиваться, где и когда им вздумается. Если эти притязания на господство также и над греческим миром лежали в существе Персии, этой «монархии Азии»⁷⁶, то целью войны, для ведения которой выступил Александр во главе македонян и греков, могло быть только желание раз и навсегда положить конец этим притязаниям. После битвы при Иссе на предложения Дария Александр отвечал только одним требованием, требованием признать, что владыка и царь Азии уже более не Дарий, а Александр; за это признание он был готов сделать уступки побежденному противнику, даровать ему, — таково было приблизительно его выражение, — все, в справедливости чего он убедит его, победителя⁷⁷: если он отказывается от этого признания, то он может ожидать новой битвы. Поставленный перед такой альтернативой, Дарий избрал дальнейшую борьбу; он потерял второе большое сражение и с ним обширную полосу земли от берегов моря до окружавших Иран гор. Не должен ли он был понять теперь, что он не в состоянии выдержать борьбу с силами Александра? не показывало ли каждое дальнейшее движение последнего, что он фактически является властелином Азии, признания чего он потребовал, и что не существует более такой силы, которая могла бы помешать ему делать то, чего он хочет? мог ли Дарий еще сомневаться, что он должен склониться и подчиниться ему, если желает спасти еще что-нибудь и возвратить себе дорогих для него заложниц, находившихся в руках победоносного противника?

После дня при Гавгамелах Александр должен был ожидать, что Дарий пошлет к нему, сделает ему еще более подходящие предложения, чем после дня при Иссе, и что он преклонится перед силою вещей; так как ему не могло казаться уместным принять инициативу непосредственно на себя, то он намекнул царице-матери, по ходатайству которой он простил уксиям, что охотно склонит свой слух к мирным предложениям ее сына. Он мог еще и теперь думать даровать своему побежденному противнику, если тот признает совершившуюся перемену власти, такой мир, который возвратил бы ему его земли, подданных и семью. То, чем владел Александр теперь, земли от моря до окружавших Иран горных уступов, составляло большое сплоченное и довольно однородное по своему народному составу целое, достаточно обширное и богатое для того, чтобы, по соединении с Македонией и Грецией в



одно государство, составить господствующую державу Азии, а своими морскими берегами достаточно близкое к западу для того, чтобы прибавить сюда еще и господство над Средиземным морем, краеугольный камень которого был заложен в египетской Александрии. Мирный договор в таком смысле скрепил бы дело победоносного оружия признанием со стороны того, кто пал под его ударами.

Такова гипотетическая линия, которую мы нашли нужным провести, чтобы указать на пробел, встречающийся в наших источниках; события в Персеполе принимают более определенный характер, если мы представим себе этот пробел дополненным таким образом. Если Александр желал мирных предложений, если он ожидал их целые долгие месяцы, если они не явились даже после падения Суз, взятия шедших в Персию проходов и захвата находившихся там старинных царских резиденций, то приходилось, наконец, отказаться от надежды придти к соглашению путем договора и свершить тот акт, которым власть Ахименидов объявлялась умершей и провозглашался переход власти над монархией Азии в новые руки.

Таков был поставленный приговор, исполнению которого должна была быть посвящена ближайшая военная задача.



ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Выступление из Персеполя. — Отступление Дария из Экбатан. — Умерщвление его. — Александр в Парфии. — Предприятие Зопириона. — Возмущение Фракии, восстание Агиса, его поражение, умиротворение Греции

Четыре месяца пробыл Александр в царских резиденциях Персиды. Целью его было не только дать отдых войску; сведения второстепенных источников должны быть верны, что в эти зимние месяцы он предпринял экспедицию против разбойничьих обитателей соседних гор, чтобы навсегда обеспечить страну от их вторжений. Это были главным образом мардии¹ в южных горах, которые, подобно уксиям, жили до сих пор почти в полной независимости. После нескольких трудных походов в их покрытые снегом горные долины Александр принудил их покориться. Сатрапия Кармания, к которой Александр должен был приблизиться при этом походе, покорилась, и сатрап Аспаст был снова утвержден в своем сане². Сатрапия Персида была еще раньше отдана благородному Фрасарту, сыну того Реомифра, который нашел смерть в битве при Иссе. Мы не можем заключить с достаточной достоверностью из источников, был ли поставлен в Персеполе гарнизон из 3000 человек; также не совсем установлено и то, здесь ли или вскоре по выступлении войска в поход к нему прибыло подкрепление из 5000 пехотинцев и 1000 всадников³. Затем наконец — это должно было быть в конце апреля — войско выступило в Мидию, куда бежал Дарий с остатками своей разбитой при Арбелах армии.

После своего поражения Дарий отправился через горы Мидии в Экбатаны с намерением выждать здесь, что предпримет Александр, и, если последний будет преследовать его и здесь, то бежать на север своего царства, опустошая все позади себя, чтобы Александр не мог следовать за ним. С этой целью он уже послал караван со своим гаремом, своими сокровищами и драгоценностями в лежащий при входе в каспийские проходы Раги, чтобы не быть стесненным ими в случае необходимости быстрого бегства. Между тем шел месяц за месяцем, но ни в проходах загрских гор, ни на внутренней границе Мидии не показывались даже неприятельские

разведчики. Затем в Экбатаны прибыл Ариобарзан, мужественный защитник персидских ворот; теперь македонян должно было ожидать с юго-востока; но неприятель не показывался. Не нравились ли, быть может, победителю сокровища Персеполя и Пасаргад более, чем новая борьба? не приковали ли к себе его и его могущественное войско новые и опьяняющие наслаждения востока? Еще Дарий видел себя окруженным верными войсками и великодушными персидскими князьями; с ним был цвет персидской знати: хилярхия, которой предводительствовал Набарзан, с ним был Атропат мидийский, Автофрадат, сатрап Тапурии, Фратаферн, сатрап Гиркании и Парфии, Сатибарзан, сатрап Ареи, Барсаент сатрап Арахозии и Дрангианы, смелый бактр Бесс, родственник персидского царя, с тремя тысячами бактрийских всадников, которые спаслись с ним из последнего сражения; затем брат персидского царя Оксафр и престарелый Артабаз, испытанный друг Дария, пользовавшийся наибольшим уважением между всеми персами, со своими сыновьями; в Экбатанах находились также сын персидского царя Оха Бисфан и сын неверного Мазея вавилонского Антибел. Еще Дарий имел остаток своих полчищ греческих наемников под предводительством фокейца Патрона; он ожидал прибытия нескольких тысяч кадусиев и скифов; в Экбатаны можно было еще раз созвать с оружием в руках народы Турана и Арианы, чтобы под предводительством своих сатрапов собраться около особы царя и защищать восток государства; территория Мидии представляла достаточно позиций, на которых можно было защищаться, особенно каспийские проходы, служившие входом в восточные и северные сатрапии, можно было легко защищать даже против превосходящего по силам неприятеля и надолго задержать его. Дарий решил еще раз попытаться счастья в бою и задержать дальнейшее движение неприятеля с войском, которое удастся собрать до прибытия Александра. От послов Спарты и Афин, находившихся в его резиденции, он должен был узнать, какое глубокое впечатление произвела в Греции весть о битве при Гавгамелах, что антимакедонская партия подняла голову, что многие государства или уже открыто соединились со Спартой, или ждут только первых успехов царя Агиса, чтобы отложиться от Коринфского союза, что таким образом в Греции готовится переворот, который скоро принудит македонян возвратиться из Азии⁴. Дарий мог считать себя вправе надеяться, что конец его несчастьям теперь недалек.

Александр уже приближался. Паретакена, область между Персидой и Мидией, покорилась и получила в сатрапы Оксафра, сына сатрапа Сузианы, Абулита; при вести, что Дарий во главе значительного войска бактров, греков, скифов и кадусиев будет ожидать нападения под стенами Экбатан, Александр ускорил свое движение, чтобы возможно скорее встретиться с неприятелем⁵.

Для скорости движения он оставил обоз с прикрытием позади и через двенадцать дней вступил на территорию Мидии. Здесь он узнал, что ни кадусии, ни скифы, которых ожидал Дарий, не прибыли и что Дарий, чтобы оттянуть решительную встречу, уже собирается отступить к каспийским проходам, куда посланы вперед женщины, телеги и провиант. Александр удвоил свою поспешность; он хотел иметь в своих руках самого Дария, чтобы положить конец всякой дальнейшей борьбе за персидский престол. Тут в трех днях пути от Экбатан в македонский лагерь явился Бисфан, сын царя Оха, один из тех, которые до сих пор следовали за персидским царем; он подтвердил слух, что Дарий бежал дальше, что он выступил из Экбатан пять дней тому назад, что он взял с собою сокровища Мидии, составляющие около семи тысяч талантов, и что его сопровождает войско из шести тысяч пехотинцев и трех тысяч всадников⁶.

Александр бросился в Экбатаны⁷; там были быстро сделаны все необходимые распоряжения; фессалийцы и другие союзники, которые не желали добровольно служить долее, получили полное жалованье и были отправлены на родину с подарком в две тысячи талантов, но было немало таких, которые пожелали остаться⁸; перс Оксидат, осужденный ранее Дарием на вечное заключение, который был освобожден Александром в Сузах и поэтому казался тем более достойным доверия, был назначен сатрапом Мидии на место Атропата, который находился с Дарием; Пармениону было поручено перевезти в цитадель Экбатан сокровища Персиды и передать их Гарпалу, который был назначен заведовать ими и получил пока для охраны их шесть тысяч македонян и нужное количество всадников и легких войск; затем, после передачи сокровищ, Парменион с наемными войсками, фракийцами и т.д. должен был, минуя область кадусиев, идти в Гирканию. Клит, который заболел и был оставлен в Сузах, получил приказ, как только это позволит состояние его здоровья, отвести в Парфию на соединение с главной армией те шесть тысяч человек, которые пока оставались у Гарпала. С остальными фалангами, с македонской конницей, с наемными всадниками Эригия, сариссофорами, агрианами и стрелками, Александр поспешил за бегущим Дарием; после крайне утомительного одиннадцатидневного перехода, при котором пало много людей и лошадей, он достиг Раг, откуда, несмотря на всю скорость Александра, до входа в Каспийские ворота оставался еще значительный переход в восемь миль. Но известие, что Дарий уже по ту сторону прохода и на значительном расстоянии по дороге в Бактрию, а также и утомленное состояние войск побудили царя отдохнуть несколько дней в Рагах⁹.

Около того же времени Дарий расположился лагерем со своим войском в нескольких днях пути к востоку от каспийских проходов. Он был впереди неприятеля только на двадцать миль, и



должен был убедиться, что, с одной стороны, при той громадной скорости, с какой гнался за ним Александр, невозможно достигнуть бегством бактрийской земли и, что, с другой стороны, так как все-таки приходилось дать сражение, он должен был по возможности замедлить свое движение, чтобы его войска могли со свежими силами выступить навстречу утомленному преследованием неприятелю; уже многие из персидского войска перешли к Александру, при дальнейшем бегстве приходилось опасаться новых отпадений. Дарий созвал окружавших его вельмож и объявил им о своем намерении не избегать долее встречи с македонянами, но еще раз испытать счастья в открытом бою. Это заявление персидского царя произвело глубокое впечатление на собравшихся; несчастье на большинство подействовало удручающим образом, и они с ужасом думали о новом бое; немногие, и в том числе Артабаз, были готовы пожертвовать всем для своего царя; против него поднялся хилярх Набарзан; необходимость, сказал он, принуждает его говорить резко; биться здесь есть вернейший путь к гибели, надобно бежать далее к востоку и вооружить там новые войска; но народы не верят более в счастливую звезду царя; есть только одно спасение; Бесс пользуется большим уважением у восточных народов, скифы и индусы находятся с ним в союзе, он состоит в родстве с царским домом; пусть царь уступит ему тиару до тех пор, пока враг не будет побежден. Персидский царь выхватил из-за пояса кинжал, и Набарзану едва удалось спастись; он поспешил отделиться со своим персидским отрядом от лагеря царя; Бесс последовал за ним с народами Бактрии. Оба они действовали сообща и по давно подготовленному плану; они без труда склонили на свою сторону Барсаента, сатрапа Арахозии и Дрангианы; другие сатрапы восточных провинций если не перешли к ним открыто, то были более склонны следовать своим выгодам, чем долгу. Поэтому Артабаз заклинал царя не следовать внушениям гнева, так как у мятежников больше войск и без них все пропало, а возвратить их к верности и видимому повиновению путем незаслуженных милостей. Тем временем Бесс сделал попытку склонить отряд персов к выступлению в Бактрию; но они еще содрогались при мысли об открытой измене и не желали бежать без своего царя. План Бесса, по-видимому, не удался; тем упорнее он преследовал его; он изобразил им опасности, которым подвергает их персидский царь, и приучил их к мысли о возможности злодеяния, которое оказывается единственным спасением. Тут явился Артабаз с известием, что царь прощает Набарзану его необдуманное слово и самовольное отделение Бесса. Оба они бросились в ставку царя, чтобы пасть перед ним ниц и выразить лицемерным признанием свое раскаяние¹⁰.

На другой день войско двинулось далее по дороге в Фару; глухая тишина и недоверчивая тревога, господствовавшие повсюду,

свидетельствовали, скорее, об угрожавшей, чем о прошедшей опасности. Предводитель греков старался приблизиться к царю, колесницу которого окружал Бесс со своими всадниками. Наконец, это удалось верному чужеземцу; он сообщил царю свои опасения и заклинал его ввериться охране греческих войск, так как только там жизнь его находится в безопасности. Бесс не понял слов, но понял мимику грека; он увидел, что медлить более нельзя. Вечером они прибыли в Фару; войска расположились лагерем, бактры — около ставки царя; в тишине ночи Бесс, Набарзан, Барсаент и несколько доверенных лиц проникли в его шатер, связали царя и снесли его в телегу, в которой они хотели везти его с собой пленником в Бактрию, чтобы выдачею его купить себе мир. Весть об этом событии быстро разнеслась по лагерю и все войска рассеялись в величайшем смущении; бактры потянулись далее к востоку, большинство персов с неудовольствием последовало за ними; Артабаз и его сыновья оставили несчастного царя, которому они не могли более помочь, и с греческими наемниками и послами из Эллады направились к северу в горы тапуриев; другие персы, в том числе сын Мазея Антибел и Багисфан вавилонский, поспешили обратно, чтобы изъявить покорность Александру.

Александр дал в Рагах несколько дней отдыха своим войскам и на пятый день утром выступил далее; в один большой переход он достиг западного конца проходов (Айван-и-Кейф); на следующий день он прошел по этим проходам, которые, простираясь в длину почти на три часа пути, немало замедлили его движение, затем прошел дальше еще настолько, насколько можно было пройти в этот день, по прекрасно возделанной равнине Хоарены (Хуар) до начала степи, через которую ведет к востоку путь в столицу Парфии Гекатомпил, пункт, где перекрещиваются большие дороги, ведущие в Гирканию, Бактрию и Ариану. Пока армия стояла здесь лагерем и некоторые войска рассеялись по окрестностям, чтобы запастись фуражем для перехода через степь, в македонский лагерь прибыли Багисфан и Антибел и изъявили покорность царю; они открыли, что Бесс и Набарзан овладели особой персидского царя и поспешно идут в Бактрию; что произошло дальше, им неизвестно. С тем большей быстротой решил Александр преследовать бегущих; оставив позади под предводительством Кратера большую часть войск с приказом медленно следовать за ним, он сам с конницей, разведчиками и с наиболее легкими и сильными из пехоты бросился за бегущими. Преследование продолжалось всю ночь до следующего полудня; и после нескольких часов отдыха всю вторую ночь; к восходу солнца они достигли Фары, где четыре дня тому назад Дарий был взят в плен мятежниками¹¹. Здесь Александр узнал от переводчика персидского царя Мелона, который был оставлен по болезни¹², что Артабаз и греки отступили к северу в тапурийские горы, что власть перешла из рук Дария



в руки Бесса, которого персы и бактры признали своим повелителем, что план заговорщиков состоит в том, чтобы отступить в восточные провинции и предложить царю Александру выдачу Дария взамен спокойного, и независимого обладания персидским востоком; если же он все-таки пойдет дальше, то они решили собрать возможно большое войско и сообща защищать обладание землями, которые они имеют, пока же оставить руководство всем ходом предприятия в руках Бесса, вероятно, вследствие его родства с царским домом и его ближайших прав на престол¹³. Все эти известия требовали величайшей поспешности; едва успев отдохнуть в течение жаркого дня, Александр бросился вечером дальше и шел в течение всей ночи; люди и лошади едва держались на ногах от усталости; таким образом он прибыл к полудню в одну деревню (вероятно, Бактабад), в которой день тому назад стояли лагерем заговорщики и которую они оставили вечером, чтобы, как ему сказали, продолжать свой путь далее ночью; они должны были быть впереди только в нескольких милях; но лошади были измучены, люди более чем утомлены, день был жарок; из расспросов у туземцев, нет ли более короткого пути, чем тот, который избрали бегущие, Александр узнал, что более короткий путь идет по пустыне, лишенной колодцев. Этим путем он решил следовать; выбрав между конницей 500 лошадей и для них офицеров и храбрейших воинов из пехоты, он посадил их в полном вооружении на коней; отдав агрианам, которыми предводительствовал Аттал, приказ с возможной скоростью следовать за ним по военной дороге, он со своими «двойными бойцами» около времени вечерних сумерек вступил на безводную степную дорогу. Многие не выдержали чрезмерного утомления и остались лежать на дороге. С рассветом показался тянувшийся без прикрытия караван государственных изменников; Александр бросился на него; внезапный испуг привел в беспорядок длинную линию каравана, с диким криком ринулись варвары в разные стороны; немногие, пытавшиеся сопротивляться, скоро были побеждены; другие обратились в бегство без памяти; телега Дария, окруженная изменниками, находилась посередине. Александр был уже близко; оставалось только одно средство спасения; Бесс и Барсаент пронзили связанного царя кинжалами и бросились бежать в разные стороны. Вскоре после этого Дарий умер. Македоняне нашли его тело, и Александр, как рассказывают, прикрыл его своей пурпуровой мантией¹⁴.

Так кончил последний персидский царь из рода Ахеменидов. Он пал не под ударами того, против кого он тщетно пытался защитить свое царство; битвы, которые он потерял, стоили ему дороже земель и царского сана; они стоили ему веры и верности его персидского народа и его вельмож; беглец между изменниками, царь в цепях, он пал под кинжалами своих сатрапов, пронзенный

своим родственником по крови; ему осталась слава, что он не купил себе жизни ценою тиары, что он не признал за преступными злодеями прав на престол своего рода и умер, как царь. Александр и почтил его как царя; тело его было послано для погребения в гробницах Персеполя; Сисигамбис похоронила своего сына.

Александр достиг большего, чем он мог ожидать. После двух сражений он дозволил бежать побежденному царю; но с того времени, как он, властелин столиц государства, принял на троне Кира и по персидскому обряду поклонение вельмож, с того времени, как он был признан и должен был быть признан народами Азии за их повелителя и царя, бежавший царь не должен был унести с собой в обширные земли востока имени своего утраченного величия, которое могло бы сделаться знаменем новых восстаний. Желание и необходимость поймать неприятеля при героическом характере Александра перешли у него в личную страсть, в гнев Ахилла; он преследовал врага с поспешностью, которая граничила с невозможным и которая, сгубив многих из его храбрых воинов, навлекла бы на него справедливый упрек в деспотической беспощадности, если бы он сам не делил со своими войсками трудов и усталости, зноя и жажды, если бы он сам четыре ночи подряд не участвовал в этой дикой травле и не выдержал бы ее до последнего остатка сил. В это время, как рассказывают, ему принесли его люди воды в железном шлеме; он томился жаждой и взял шлем, но, видя, что его всадники с грустью смотрят на сладостный напиток, отдал его назад со словами: «Если бы я выпил один, то мои люди потеряли бы мужество». Тогда македоняне воскликнули: «Веди нас, куда хочешь! Мы не утомлены, мы не жаждем, мы не знаем смерти, пока ты у нас государем!». И они погнали своих коней и понеслись дальше со своим царем, пока не увидели неприятеля и не нашли убитого персидского владыки¹⁵.

В том, что его противник попал в его руки мертвым, а не живым, тоже хотели видеть счастливую звезду Александра; он был бы всегда предметом справедливых опасений для Александра, поводом к опасным желаниям и планам для персов и, в конце концов, путь к спокойному обладанию Азией лежал бы только через его труп; Александра можно считать счастливым, что на его долю выпали только плоды, а не вина убийства; чтобы примирить с собою персов, он мог принять вид, как будто бы он оплакивает смерть их царя. Быть может, Александр, как после него великий римлянин, при виде изменнической смерти своего недруга забыл порадоваться выгодам, которые должна была представить ему пролитая кровь царя; великих гениев привязывают к неприятелю особые узы, можно даже сказать, необходимость, подобно тому как сила удара сообразуется с предметом, который она должна поразить. Если мы вспомним, как были приняты Александром царица-мать, супруга и дети персидского царя, как он постоянно

старался чтить и смягчать их несчастье, то мы не можем сомневаться насчет участи, которая постигла бы плененного царя; в руках неприятеля его жизнь была бы в большей безопасности, чем среди персов и кровных родных.

В этих событиях есть другой пункт, в котором мы можем видеть счастье Александра, — его счастье или его роковую судьбу. Если бы Дарий попал живым в его руки, то его отказ от земель, которые у него уже были отняты, признание им новооснованной в Азии державы он мог бы приобрести или, если хотите, купить тем, что предоставил бы ему восточные сатрапии; в этом случае здесь, как он впоследствии сделал в Индии с царем Пором, он оставил бы существовать на границах своего государства царство, которое в свободных формах зависимости признавало бы только его верховенство. С убиением Дария возможность такого решения исчезла; если Александр считал его возможным, если он действительно думал о том, чтобы когда-нибудь остановиться, то теперь преступное злодеяние, совершенное над его противником, увлекало его дальше, в неизвестную еще даль. Убийцы присвоили себе власть и титул, которых не мог защитить законный царь; они были узурпаторами против Александра так же, как они сделались изменниками против Дария. Естественное завещание убитого царя назначало того, кто его победил, мстителем его убийцам; величие персидского царского сана, приобретенное правом меча сделалось теперь в руках Александра мечом права и мести; оно не имело более других врагов, кроме последних своих представителей, никакого другого представителя, кроме победоносного врага этого же царства.

Во время ужасных событий этих последних дней положение персидских вельмож совершенно переменялось. Те, по большей части сатрапы восточных провинций, которые после битвы при Гавгамелах не оставили своего царя, — группируясь около особы царя, защищали свое собственное дело. Самопожертвование и трогательную преданность Артабаза, который, будучи некогда желанным гостем в Пелле при дворе царя Филиппа, мог быть уверенным в почетном приеме у Александра, разделяли немногие, так как она не могла принести пользы и была полна опасностей. Когда несчастная судьба персидского царя поставила на карту их выгоды и даже самое существование их власти, они начали защищать себя и свои притязания насчет этого царя, одно только ослепление и слабость которого, по их мнению, ввергли царство персов в бездну гибели; теперь, когда было уже потеряно столько прекрасных земель, постоянное бегство Дария подвергало опасности и их сатрапии; они считали справедливым лучше приобрести что-нибудь, чем потерять все, — лучше сохранить остаток персидского царства, чем принести и его в жертву потерянному делу; если Дарий мог быть еще царем только при их помощи, то они были

также уверены, что будут в силах защитить власть над своими владениями без Дария.

Они взяли Дария в плен; внезапное нападение Александра заставило их умертвить его, спасая самих себя; чтобы затруднить преследование, они бежали двумя отрядами: Бесс по Хорасанской дороге в Бактрию, Набарзан с остатками своей хилярхии и с сопровождавшими его парфянскими сатрапами — в Гирканию, чтобы оттуда поспешить в Бактрию и соединиться с Бессом. Их план состоял в том, чтобы поддержать персидскую монархию, по крайней мере, на востоке и затем, как некогда по убиении Смердиса, избрать из своей среды нового царя царей. Однако было ясно, что, если Фратаферн, сатрап Парфии, Сатибарзан, сатрап Ареи, Барсаент, сатрап Дрангианы, отправлялись в Бактрию, чтобы, как было условлено, биться под предводительством Бесса, то их сатрапии во всяком случае попадали в руки неприятеля и они приносили свои земли в жертву весьма отдаленной надежде; поэтому Фратаферн остановился в Гиркании и Набарзан примкнул к нему; Сатибарзан отправился в Арею, Барсаент в Дрангиану, чтобы предпринять сообразные с дальнейшими предприятиями Александра меры; тот же эгоизм, который соединил их для царубийства, уничтожил последнее войско, которое еще могло бы выступить против неприятеля, и они, имея каждый в виду только себя и свои собственные выгоды, поодиночке еще вернее должны были пасть под ударами меча грозного победителя.

Александр со своей стороны после этого нападения не был, при полном утомлении своих людей, в состоянии преследовать бежавших в разные стороны убийц Дария. Он остановился в равнине Гекатомпила, чтобы стянуть к себе оставшиеся позади войска и устроить дела сатрапии Парфии. Парфянин Амминап, покорившийся царю вместе с Мазакком при его вступлении в Египет¹⁶, получил сатрапию, а с ним рядом был поставлен Глеподем, принадлежавший к отряду гетайров¹⁷.

На севере города начинаются отроги цепи Эльбруса, которая была заселена тапурийцами; прорезанная отдельными проходами, эта цепь разделяет границы Парфии на юге и Гиркании на севере, которые только далее к востоку соприкасаются друг с другом в скалистых хребтах Хорасана; обладание этими проходами, столь важными для сношений между Каспийским морем и внутренностью страны, между Ираном и Тураном, было в настоящую минуту тем необходимее для Александра, что, с одной стороны, греческие наемники отступили из Фары в тапурийские горы, а с другой — по ту сторону гор в Гиркании стояли Набарзан и Фратаферн. Александр оставил Хорасанскую дорогу, по которой бежал Бесс, чтобы сначала овладеть этой важной областью проходов. Сборным пунктом для трех отрядов войска, с которыми Александр решил идти в Гирканию, были назначены Задракарты, главный город



Гиркании¹⁸, лежавший на северном склоне гор. Эригий, сопровождаемый несколькими отрядами всадников, направился с обозом и телегами по самой длинной и удобной дороге; Кратер со своей фалангой и с фалангой Аминты, с шестьюстами стрелков и столькими же всадниками двинулся через горы тапуриев, чтобы покорить их, а заодно и греческих наемников, если он их там встретит; сам Александр с остальными войсками избрал кратчайшую, но самую трудную дорогу¹⁹, ведущую в горы к северо-востоку от Гекатомпила. Колонны подвигались вперед с величайшею осторожностью, имея впереди царя с гипаспистами, наиболее легковооруженными фалангитами и частью стрелков, оставляя по обеим сторонам дороги посты на высотах, чтобы охранять движение идущих сзади, на которых каждую минуту готовы были напасть жаждавшие добычи дикие племена этих гор; борьба с ними отняла бы слишком много времени и могла бы не привести ни к каким результатам. Шедший вперед со стрелками Александр, достигнув лежавшей на северной стороне гор равнины, остановился лагерем у небольшой речки, поджидая шедшие сзади войска. Через четыре дня они спустились с гор, сзади всех агрианы, составлявшие арьергард войска, которым пришлось иметь несколько отдельных стычек с варварами. Тогда Александр двинулся по дороге к Задракартам, куда скоро прибыли также Кратер и Эригий, — Кратер с известием, что, хотя он и не встретил греческих наемников, но что тапурии частью покорены открытой силой, частью сдались добровольно.

Уже в лагерь у реки к Александру явились гонцы от хилиарха Набарзана, который изъявлял свою готовность оставить дело Бесса и покориться царю; на дальнейшем пути к Александру явились с изъявлением покорности сатрап Фратаферн с другими знатнейшими персами²⁰, которые находились при персидском царе. Хилярх, один из тех, которые связали Дария, должен был ограничиться безнаказанностью; его имя, одно из первых в государстве, более не упоминается. Фратаферн же и его двое сыновей Фарисман и Сиссин скоро вошли в доверие к Александру, достойными которого им впоследствии пришлось показать себя во многих опасностях; отец получил обратно свои сатрапии Парфию и Гирканию. Затем явился и Артабаз со своими тремя сыновьями, Арсамом, Кофеном и Ариобарзаном, — защитником персидских проходов; Александр принял их так, как заслуживала их верность несчастному Дарию; Артабаз был известен ему с того времени, когда он со своим зятем, родосцем Мемноном, нашел убежище при дворе Пеллы; он уже не был более чужд западным обычаям; он и его сыновья заняли в свите Александра почетное положение наряду со знатнейшими македонянами. В одно время с ними явился Автофрадат, сатрап тапуриев; и он был принят с почетом и утверждён в обладании своей сатрапией. С Артабазом прибыло посоль-

ство от греческих войск, уполномоченное сдать на капитуляцию царю от имени всего отряда; на его ответ, что преступление тех, которые вопреки воле всей Эллады бились за варваров, слишком велико, чтобы с ними можно было капитулировать, и что они должны сдать на его полное усмотрение или стараться спастись, как могут, уполномоченные объявили, что они готовы сдать, и что пусть царь пошлет с ними кого-нибудь, кто бы безопасно привел их в лагерь. Александр избрал для этого Артабаза, ведшего их при отступлении из Фары, и Андроника, одного из пользовавшихся наибольшим уважением македонян, зятя черного Клита²².

Александр понял необыкновенную важность гирканской сатрапии, ее теснин, ее обильных гаванями берегов и ее удобных для постройки кораблей лесов; уже теперь его должен был занимать великий план создать каспийский флот и установить сношения между этими берегами и востоком Азии, план предпринять путешествие для открытий в этом море; еще более того требовала полного обладания этой богатой проходами горной страной, господствующей над южным берегом Каспийского моря связь между прежними завоеваниями и дальнейшими походами. Александр только что упрочил за собою проходы тапурийских округов, Пармениону было поручено спуститься к морскому берегу со стоявшим в Мидии корпусом через северную Мидию и находившиеся в земле кадусиев восточные каспийские проходы, чтобы открыть дорогу, соединяющую Армению и Мидию с долиной Куры и Каспийским морем; отсюда он должен был следовать за главной армией вдоль берега в Гирканию и далее²³. Мардии, на места жительства которых, по-видимому, указывает название реки Амарда²⁴, еще не изъявили покорности; царь решил идти против них теперь же. Оставив главную массу войска в лагере, он сам во главе гипаспистов, фаланг Кена и Аминты, половины конницы и заново сформированных конных аконтистов направился вдоль берега к западу. Мардии, в чьи леса еще никогда не проникал неприятель, чувствовали себя в полной безопасности; они полагали, что пришедший с запада завоеватель уже идет далее в Бактрию. В это время Александр появился на равнине; ближайшие поселения были взяты и жители спаслись бегством в покрытые лесами горы. С невероятным трудом двинулись за ними македоняне по этим лишенным дорог, густо заросшим и страшным лесам; они нередко должны были пролагать себе дорогу через чащу мечом, между тем как отдельные кучки мардиев или нападали на них то здесь, то там, или бросали в них издали своими дротиками²⁵; но когда Александр проникал все выше и все плотнее замыкал высоты своими движениями и постами, то мардии послали к нему послов и сдались ему со своею землею; он взял от них заложников, но предоставил им спокойно владеть своими землями и подчинил их сатрапу Тапурии Автофрадату²⁶.

По своем возвращении в лагерь при Задракартах Александр уже нашел там греческих наемников числом до полуторы тысячи и вместе с ними послов Спарты, Афин²⁷, Калхедона и Синопы, которые были присланы к Дарию и со времени измены Бесса отступили вместе с греками. Александр приказал отпустить без всяких последствий тех из греческих наемников, которые находились на персидской службе еще до Коринфского договора, а остальным даровать амнистию под тем условием, чтобы они поступили в македонское войско; Андроник, который ходатайствовал за них, получил начальство над ними. Относительно послов царь решил немедленно предоставить свободу послам Синопы, так как Синопа не входила в состав эллинского союза и так как, кроме того, посольство к персидскому царю, как к их монарху, не могло быть поставлено в упрек этому городу; точно так же он решил отпустить послов Калхедона; послов же Спарты и Афин, которые явно поддерживали изменнические сношения с общим врагом всех эллинов, он велел содержать под стражей, впредь до дальнейших приказаний²⁸.

Немного времени спустя, Александр вышел из лагеря и вступил в столицу гирканской сатрапии, чтобы после короткого отдыха начать дальнейшие операции.

Во время этих событий в Азии счастливая звезда македонского оружия должна была подвергнуться еще одному опасному испытанию в Европе; этот кризис был тем важнее, что во главе движения стала Спарта, бывшая после понесенного Афинами поражения и после падения Фив первым государством Греции.

Как мы уже видели, царь Агис, несмотря на только что полученную весть о битве при Иссе, начал в конце 333 года действовать совместно со стоявшим еще на якоре у Сидона персидским флотом и приказал своему брату Агесилаю занять Крит. Если бы тогда Афины пожелали решиться примкнуть к этому движению, то они могли бы (из Пирея могли немедленно выйти в море сто триер) достигнуть значительных успехов. Но так как Афины не решились на это, то и другие члены эллинского союза не осмелились нарушить заключенные договоры, а поддержка некоторых тиранов и олигархов на островах не могла сделать персидский флот достаточно сильным для того, чтобы оказать успешное сопротивление Амфотеру и Гегелоху; весной 332 года, во время осады Тира, он совершенно распался, а к концу года все острова Эгейского моря, с Критом включительно, были освобождены. Но все-таки в Элладе не было спокойно: ни победы Александра, ни близость значительного войска, которое имел наготове наместник Македонии, не отвлекали патриотов от их планов и надежд; недовольные всем, что произошло и происходило в данную минуту, все еще убежденные, что возможно и справедливо, несмотря на заключенный союз и превосходство македонского оружия, про-

должать следовать прежней политике партикуляризма, чтобы возобновить прежнюю государственную свободу, они пользовались всяким случаем, чтобы питать в легкомысленной и легковерной толпе неудовольствие, заботу и ожесточение; несчастный конец Фив сделался неисчерпаемым источником декламаций, а Коринфский синедрион они называли дурно рассчитанной иллюзией; все, что исходило от Македонии, даже почести и дары, заподозревалось или клеймилось именем позора для свободных эллинов: Александр, говорили они, только желает сделать самый синедрион и каждого отдельного члена его игрушкой в руках македонского деспотизма²⁹, свое единство эллины могут найти, скорее, в ненависти к Македонии, чем в борьбе против Персии; победы над Персией дают и Македонии лишнее средство для того, чтобы уничтожить свободу греческих государств. Конечно, ораторская трибуна Афин была местом, где это неудовольствие чаще всего выражалось в форме весьма возбужденных дебатов; нигде отношения между обеими партиями не были так обострены; и народ, находившийся то под влиянием Демосфена, Ликурга и Гиперида, то под влиянием Фокиона, Демада и Эсхина, нередко противоречил самому себе в своих самодержавных постановлениях; между тем как они, соревнуя с синедрионом союза, посылали Александру благожелания и золотые венки, в резиденции персидского царя находился в качестве афинского посла Дропид, который остался там и после дня при Гавгамелах; между тем как таким образом Афины поддерживали сношения, представлявшие на основании союзного договора явную измену, афинские ораторы громили новые нарушения договора, которые позволяла себе Македония. Они предпочитали только не подвергать себя опасности и довольствовались мрачными мыслями и многозначительными словами.

Один только Агис, даже после того как его брат был вытеснен с Крита Амфотером и македонским флотом³⁰, не отказался от однажды начатых действий. Он привлек к себе значительное число рассеянных при Иссе наемников; место вербовки на Тенаре предоставляло в его распоряжение столько воинов, сколько он мог нанять на имевшиеся у него деньги; он завязал с патриотами городов Пелопоннеса сношения, обещавшие полный успех; осторожность и смелость, с какой он умел увеличивать свое войско и число своих приверженцев, давали близким и далеким противникам Македонии надежду на скорое спасение.

В это самое время печальный конец постиг одно предприятие, начатое с большими надеждами. Был ли предпринят эпиротом Александром поход в Италию по соглашению с македонским царем, или из чувства соперничества против него, все же настал момент, когда благодаря своим победам греческий элемент, казалось, поднялся так гордо, как никогда. Но тарентинцы, желавшие иметь в Александре только кондотьера против итальянских горных на-

родов, начали бояться его честолюбивых планов, и греческие города были согласны с ними в том, что его надо парализовать прежде, чем он сделается опасным для их свободы. Успехи его оружия остановились, он был убит одним луканским беглецом, а его войско было уничтожено у Пандосии сабеллами³¹. За его смертью последовали смуты за престолонаследие в земле молоссов; его наследником был малолетний сын, которого ему родила македонянка Клеопатра, сестра Александра; но Олимпиада — она жила, как кажется, в эпирской земле — желала отнять бразды правления у вдовы, своей дочери; «земля молоссов принадлежит ей», писала она афинянам³², которые приказали разукрасить статую Дионы в Додоне, как будто бы подобная вещь не могла произойти без ее разрешения. Начавшийся таким образом раздор в самом царском доме мог только усилить надежды патриотов Эллады.

Когда весной 331 года Александр на своем пути к Евфрату был в Тире, он уже знал о дальнейших движениях Агиса; тогда он ограничился тем, что послал сто финикийских и кипрских кораблей, которые должны были соединиться с Амфотером для защиты оставшихся ему верными городов Пелопоннеса. Он принял с почетом афинских послов, встретивших его в Тире с благожеланиями и золотыми венками, и освободил взятых в плен при Гранике афинян, чтобы сделать афинский демос своим должником; он, казалось, с намерением желал избегнуть того, чтобы дело дошло до открытого боя между македонским и спартанским оружием, который при настоящем настроении греческих земель — даже в Фессалии оно начало становиться ненадежным — мог иметь весьма серьезные последствия; собираясь нанести новый и решительный удар Дарию, он надеялся, что произведенное им впечатление успокоит возбуждение в Элладе.

Таким образом в течение 331 года Антипатр должен был спокойно смотреть на вооружения спартанского царя и на возраставшее влияние его в Пелопоннесе, довольствоваться тем, чтобы по мере возможности влиять авторитетом Македонии на города союза, а затем заботливо и с оружием наготове наблюдать за движениями неприятельской партии; он не мог воспользоваться вызванными смертью молосского царя смутами для того, чтобы восстановить покачнувшуюся, по-видимому, зависимость этой страны от Македонии, и должен был даже спокойно выносить неудовольствие и горькие упреки царицы Олимпиады, которая желала, чтобы ее притязания на молосское наследство были поддержаны македонским оружием.

Тем временем движение в Греции приняло весьма серьезный оборот. Весть о Гавгамелах — она могла получиться в Афинах в конце 331 года — должна была заставить противников Македонии или покориться, или напрячь свои последние силы. Отсутствие Александра, раздоры в Эпире, возраставшее, как это было извест-

но, неудовольствие во фракийских землях были благоприятны для того, чтобы покончить дело быстрым ударом. Скоро через Синопу узналось, что персидский царь спасся бегством в Мидию, что он созвал к следующей весне в Экбатаны народы своих восточных сатрапий и решил продолжить борьбу против македонян. От него еще можно было ожидать хоть субсидии; а Александр, о походе которого в Сузы и в верхнюю Персию было уже известно, вряд ли бы мог решиться ослабить посылкой отрядов в Македонию для борьбы против греков свое войско, едва достаточное для прикрытия бесконечно далекого обратного пути до Геллеспонта. Если теперь они все еще будут продолжать колебаться и медлить, то могут пасть последние остатки персидских сил и можно будет ожидать, что скоро Александр как второй Ксеркс нахлынет на Элладу во главе несметного войска и сделает ее сатрапией своего государства. Пылкость народного ума, воодушевленные декламации патриотических ораторов, свойственная этому веку любовь к преувеличенному и невероятному, и в значительной степени прежний ореол спартанского могущества, который так славно загорался снова, — все соединилось для того, чтобы вызвать взрыв, который мог сделаться роковым для Македонии.

Следовавшие за этим события были крайне замечательны, но о них до нас дошли только отдельные разбросанные заметки, связь между которыми и хронологическая последовательность которых уже не могут быть установлены.

В недавнее время была найдена верхняя половина одной аттической надписи на камне, украшенная рельефом, на котором еще можно разобрать остатки двух лошадей, мужа в гиматии, держащего в правой руке чашу для возлияния, и Афину, по-видимому, протягивающую к нему руку; внизу мы читаем: «Рибул, сын Севта, брат Котиса...»³³. Затем идет народное постановление, от которого сохранилась только дата, соответствующая приблизительно 10 июня 330 года³⁴. Что могло привести сына Севта в Афины и за что афиняне почтили его таким разукрашенным почетным постановлением?

Хотя Арриан ничего не говорит о событиях этого года в Греции, Македонии и Фракии, но восходящие к Клитарху предания дают нам насчет этого некоторые указания. Диодор говорит: «Мемнон, македонский стратег во Фракии, имевший войска и исполненный честолюбия, возбудил варваров и, когда увидал себя достаточно сильным, сам взялся за оружие, почему Антипатр и собрал свое войско, поспешил во Фракию и воевал с ним»³⁵. Еще дальнейшие моменты дает нам Юстин; описав смерть Дария, он продолжает: «Во время этих событий Александр получил от Антипатра из Македонии письма, в которых сообщалось о войне спартанского царя Агиса в Греции, о войне царя молоссов в Италии и о войне его стратега Зопириона в Скифии»; а далее гово-

рится: «Зопирион, назначенный Александром стратегом Понта, полагая, что он будет небрежным, если тоже не предпримет чего-нибудь, пошел с тридцатитысячным войском на скифов и погиб со всеми своими силами»³⁶.

Хотя из слов Курция, преимущественно черпающего свои факты из того же источника, о Зопирионе и фракийском восстании приходится заключить, что эти события произошли ровно четыре года спустя, но это несомненно те же самые события³⁷: «Александр, возвратившись из Индии в Персию, получил сообщения о том, что произошло за время его отсутствия в Азии и Европе: что Зопирион, предпринявший войну против гетов, погиб со всем своим войском вследствие внезапно начавшейся бури, что при вести об этом поражении Севт склонил своих земляков одрисов отложиться, что, так как Фракия была почти потеряна, даже Греция не»... здесь начинается длинный пробел в тексте Курция.

Таким образом, по мнению Курция, понесенное Зопирионом тяжкое поражение внушило фракийскому князю Севту решение возмутиться; по Диодору, зачинщиком этого отпадения является Мемнон, стратег македонской Фракии; по другому известию, идущему, по-видимому, из того же цикла Клитарховых преданий, в то же самое время распространился слух о смерти Александра; еще по другому известию того же происхождения Антипатр должен был выступить против «тетраخورитов», живших по Гему до Родопа, и с помощью военной хитрости принудил их возвратиться домой.

Мы видим приблизительно, в какой связи между собой находятся эти события. Глубокой осенью 331 года Александр послал из Суз к морскому берегу Менета с 3000 талантов, приказав ему передать из этих денег Антипатру столько, сколько ему понадобится для войны против Агиса. Хотя Зопирион, стратег Понта, начал приблизительно осенью 331 года свое предприятие против скифов несомненно без приказа Александра и без одобрения Антипатра, но гибель его войска была таким значительным ослаблением македонских сил, что Мемнон, стратег Фракии, мог решиться на попытку завоевать себе независимость⁴⁰; одрисский князь Севт с радостью был готов отложиться, фракийские народы гор, бессы, пользовавшиеся славой разбойников, даже среди разбойников, выступили в поход; восстание распространилось по всей области, лежащей на юг и на север от Гема.

Это-то и было то важное посольство, которое весной 330 года явилось в Афины с Рибудом, сыном Севта, во главе; он несомненно имел поручение возобновить против Александра союзный договор, какие Афины заключали против царя Филиппа со многими из его предков, особенно с Кетрипорисом и Керсоблептом.

В Пелопоннесе уже началась война. Царь Агис напал на находившихся под предводительством Коррага македонских наемни-

ков и совершенно уничтожил их. Из Спарты появились воззвания, приглашавшие эллинов соединиться с городом Ликурга в борьбе за дело свободы⁴¹. Элейцы, все аркадяне, кроме Мегалополя, и все ахейцы, кроме Пеллены, восстали; Агис бросился осаждать Мегалополь, преграждавший ему дорогу к северу: «падение города ожидалось со дня на день; Александр стоял за границами мира, Антипатр только собирал свое войско; каков будет исход, было неизвестно», — так говорит Эсхин несколько недель спустя⁴².

Пламя восстания вспыхнуло уже и в средней Греции и за Фермопилами; этоляне напали на акарнанский город Ойниады и разрушили его; поднялись фессалийцы и перребы. Если бы теперь Афины со своими значительными силами примкнули к движению, то, казалось, можно было бы достигнуть всего.

Даже из тех скудных обрывков сведений, какие дошли до нас, можно видеть, какие сильные дебаты велись в Афинах. Из одной надписи мы узнаем об одном платейском муже, пожертвовавшем «для войны» значительную сумму, а оратор Ликург внес предложение издать почетный декрет в благодарность за это⁴⁴. Он же привлек Леократа, — одного из богачей, бежавшего после поражения при Херонее и имевшего крупные торговые дела сначала в Родосе, а потом в Мегаре, — к суду по обвинению в измене, так как последний осмелился возвратиться в Афины; но обвиненный нашел себе защиту у многих уважаемых и богатых граждан и на суде голоса за и против него разделились поровну. В ответ на этот вызов Эсхип снова возобновил старую жалобу против Ктесифонта, лежавшую без движения с 337 года; дело было в том, чтобы заставить покарать как незаконное его тогдашнее предложение о почетном венке для Демосфена; процесс этот разбирался несколько недель спустя, когда уже все было решено; в речи, произнесенной тогда Эсхином, он напоминает, как Демосфен громогласно заявлял тогда, что некоторые личности «губят город, высасывают его соки и перерезывают мышцы его силы», и как говорил с ораторской трибуны: «я признаюсь в том, что поддерживал политику Спарты, и склонил фессалийцев и перребов отложиться». Таким образом, Демосфен около весны 330 года мог публично хвалиться своими заслугами относительно пропаганды восстания. Несмотря на живое противодействие Эсхина, Демада и Фокиона, настроение умов в городе, видимо, клонилось в сторону войны; было внесено предложение вооружить флот и послать его на помощь тем, которые отпали от Александра⁴⁵. Тогда, как рассказывают, Демад, управлявший в то время кассой теорикона, ухватился за последнее средство; он заявил, что, конечно, средства для предложенной экспедиции существуют, что он позаботился о том, чтобы в кассе теорикона было достаточно денег для того, чтобы в ближайший праздник Хой выплатить каждому гражданину по полумине; но что он предоставляет усмотрению афинян употре-

бить причитающиеся им деньги на вооружение и войну. Хотя афиняне и высказались против вооружений⁴⁶, но это, вероятно, произошло не ради торжественного празднества; весной 331 года Амфотер получил подкрепление, состоявшее из ста кипрских и финикийских кораблей; крейсируя со своим флотом между Эгиной и Сунием, он мог сделать невозможным выход в море аттического флота.

Тем временем Агис все еще стоял под Мегалополем; город защищался изо всех сил; тот факт, что он был взят не так скоро, как ожидали раньше, должен был охладить рвение тех, которые охотно восстали бы, дойди Агис до Истма и далее, так что он мог бы прикрывать их. В это время пришло известие, что приближается Антипатр с войском.

Победив Мемнона⁴⁷, он немедленно двинулся на юг; мимоходом наскоро подавив движение в Фессалии и присоединив к своему войску при дальнейшем движении контингенты наиболее надежных союзников, он со значительным войском — его определяют в 40 000 человек⁴⁸ — перешел через Истм; он был достаточно силен для того, чтобы отказаться от предложенной ему помощи тех, которые теперь утверждали, что вооружались на защиту царева дела⁴⁹. Агис, чье войско состояло только из 20 000 пехотинцев и 2000 всадников, оставил осаду Мегалополя, чтобы выждать нападение на более благоприятной позиции, несколько позади его, по дороге к Спарте, где, как он надеялся, ему удастся удержаться против превосходных сил неприятеля. Произошло крайне кровопролитное сражение, в котором спартанцы и их союзники, как это изображают дошедшие до нас сведения, творили чудеса храбрости, пока царь Агис, покрытый ранами и окруженный со всех сторон врагами, не пал под ударами нападавших и не нашел смерти, которой он, впрочем, искал⁵⁰. Антипатр, хотя и понесший значительные потери, одержал полную победу.

Это поражение похоронило надежды греческих патриотов и попытку возобновить гегемонию Спарты. Эвдамид, младший брат и наследник павшего бездетным царя, предложил теперь отказаться от дальнейшего сопротивления⁵¹, хотя союзники и отступили вместе с ним в Спарту; к Антипатру была послана просьба о мире. Последний потребовал в заложники пятьдесят спартанских мальчиков; ему предложили столько же мужей, и победитель удовольствовался этим⁵²; решение вопроса о нарушении мира он предоставил синедриону союза, который был созван в Коринфе⁵³; после многих совещаний синедрион решил предоставить это дело Александру, после чего спартанские послы отправились на дальнейший восток. Решение царя было настолько мягко, насколько это было возможно⁵⁴; он простил случившееся, только элейцы и ахейцы — они были членами греческого союза, а Спарта нет — должны были уплатить Мегалополю 120 талантов вознагражде-

ния. Мы можем предположить, что теперь Спарта должна была присоединиться к союзу; в конституции древнего государства Гераклидов не было произведено никаких перемен и область его не была урезана вторично.

Напряженное состояние умов должно было успокоиться тоже и в Афинах, хотя, конечно, там не переставали предаваться горькому негодованию. Вскоре после поражения Агиса судьями разбирался процесс против Ктесифонта. «Не забывайте о том времени», говорит Эсхин судьям, «когда вы произносите ваш приговор; через несколько дней будут праздноваться Пифии, и синедрион элинов собирается; при настоящих обстоятельствах политика Демосфена ставится в упрек городу; если вы даруете ему венок, как это предлагает Ктесифонт, то вас сочтут единомышленниками нарушителей общего мира». Афиняне считали великим политическим подвигом то, что за Эсхина не было подано даже одной пятой голосов. Этим последний присуждался к пене в 1000 драхм; он не уплатил их, оставил Афины и отправился в Эфес, а в ближайшие Дионисии Демосфен получил золотой венок, который, будучи предназначен для него после битвы при Херонее, равнялся теперь открытому одобрению его политики того и настоящего времени.

Но такие демонстрации уже не могли более изменить общего положения вещей в Греции; со времени неудачи спартанского восстания они отступили на задний план.



КНИГА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Преследование Бесса. — Восстание в Арии. — Движение войска к югу, через Арию, Дрангиану, Арахосию, и к южным склонам индийского Кавказа. — Мысль Александра и теория Аристотеля. — Открытие заговора. — Новая организация войска

Во время понесенного спартанцами поражения Александр стоял в Гиркании, на северном склоне горного кряжа, отделяющего Туран от Ирана; перед ним лежали дороги в Бактрию и Индию, к неведомому морю, которое он мог надеяться найти за этими странами и сделать из него границу своих владений; позади него лежала половина персидского царства и еще много сотен миль позади — греческая отчизна. Он знал о восстании Агиса, о его возрастающем влиянии в Пелопоннесе и о ненадежном настроении умов во всей остальной Греции, делавшем тем более опасными альтернативы военного счастья; он знал значение этого противника, его осторожность и его неутомимую деятельность. И все-таки он шел далее и далее на восток, не посылая к Антипатру войск и не дожидаясь благоприятных известий. А если Агис теперь победил? надеялся ли Александр на свое счастье? презирал ли он опасность, которой он уже не мог встретить? неужели он не решался ради спасения Греции преследовать цареубийц с половиной того числа войск, какого хватило для побед при Гавгамелах и Иссе?

Действительно, прежде спокойствие греков и признание ими македонской гегемонии было существенной основой его могущества и его побед; теперь его победы обеспечивали ему спокойствие Греции, и обладание Азией — дальнейшее существование этой гегемонии, оспаривать которую у него теперь было бы не столько опасно, сколько глупо. Если бы Антипатр был побежден, то сатрапы Лидии и Фригии, Сирии и Египта были готовы потребовать именем своего царя не земли и воды, но удовлетворения за вероломство и измену; и это свободолюбие недовольных, этот героизм фразы, интриги и подкупа не нашли бы себе второго Марафона.

Не заботясь о движениях в своем тылу, царь должен был далее преследовать те планы, к которым его обязывало или которое делало для него возможными преступление Бесса и его сотоварищей. Обладание каспийскими проходами, гарнизоны, оставшиеся

при входе в дефилеи Мидии, на Тигре, в Экбатанах, и летучая колонна, господствовавшая над линией Евфрата, настолько обеспечивали Александру, хотя и отделенному от сирийской изменности двойным рядом гор, сообщение с западными провинциями его государства, что он мог сделать исходным пунктом новых предприятий большую территориальную и этнографическую границу гирканских гор.

Дав своему войску некоторый отдых, устроив по греческому обычаю игры и состязания и принеся жертву богам, он выступил из гирканской резиденции. В настоящую минуту у него было около 20 000 пехотинцев и 3000 всадников¹, а именно гипасписты, испытанного стратега которых Никанора, сына Пармениона, слишком скоро должна была унести болезнь, большая часть фалангитов² и, наконец, вся македонская конница под предводительством Филоты, отец которого Парменион занимал важный пост в Экбатанах; из легких войск Александр имел с собою стрелков и агрианов; во время похода к армии должны были присоединиться один за другим и другие отряды, Клит должен был привести в Парфию 6000 фалангитов из Экбатан, а в Гирканию должен был привести сам Парменион всадников и легкие войска, с которыми он остался³.

Мы имеем положительное свидетельство, что Александр был намерен идти в Бактры, столицу обширной бактрской сатрапии⁴. Туда, как он знал, отступил Бесс со своими приверженцами, туда удалились все сторонники староперсидского дела, чтобы выступить навстречу македонскому завоевателю, если он осмелится выйти за пределы Гиркании. Александр, быстро пройдя к берегам Окса, мог надеяться встретить и уничтожить последнюю, желавшую еще сопротивляться ему, значительную силу, прежде чем с ней успеют соединиться подкрепления из арианских земель; и если при своем теперешнем движении он оставил по правую сторону эти арианские сатрапии, то можно было ожидать, что и они покорятся ранее удара, который должен был раздавить цареубийц.

Он двинулся большой дорогой, ведущей из Гиркании в Бактриану сначала по северному склону гор, а затем по тем частям Парфианы и Арии, которые лежат всего ближе к туранской пустыне. Когда он достиг границ Арии, то в Сузии⁵, ближайшем городе Арии, его встретил сатрап этой области Сатибарзан, чтобы изъявить ему покорность от своего имени и от имени страны и сделать ему важные сообщения относительно Бесса. Александр оставил управление сатрапией в руках Сатибарзана; гетайр Анаксипп был оставлен с 60 конными аконтистами для охраны этого места и для принятия следовавших сзади колонн, — распоряжения, которые показывали, что Александр под формой верховенства, не имевшей большого значения, главным образом желал только держать в бездеятельности могущественного сатрапа в тылу своего

маршрута, чтобы иметь возможность безопасно продолжать свое быстрое движение. А Бесс, как сообщил Сатибарзан и как это подтвердили многие персы, явившиеся из Бактрии в Сузию, принял уже тиару, титул царя Азии и царское имя Артаксеркса, собрал вокруг себя полчища беглых персов и многих бактров и ждал вспомогательных войск из лежавших недалеко скифских областей.

Таким образом Александр двигался вперед по дороге в Бактру; уже к войску присоединились всадники союзников, приведенные Филиппом из Экбатан, всадники наемников и фессалийцы, снова поступившие на службу⁶. Усиленный таким образом царь мог надеяться со свойственной ему быстротою скоро победить узурпатора. Он был в полном движении, когда получил из Арии известия крайне тревожного свойства: Сатибарзан предательским образом напал на македонский пост, перебил всех македонян вместе с их предводителем Анаксиппом и призвал к оружию народ своей сатрапии; Артакоана, столица сатрапии, была сборным пунктом мятежников; отсюда вероломный сатрап, лишь только Александр выйдет за пределы Арии, хотел соединиться с Бессом и заодно с новым царем Артаксерксом-Бессом напасть на македонян, где бы он их ни встретил. Александр не мог обманываться насчет того, что такое движение в тылу его маршрута представляло величайшую опасность; из Арии он мог быть совершенно отрезан, оттуда узурпация Бесса могла получить неоднократную поддержку; а сатрапом прилегавших к Арие областей Дрангианы и Арахосии был Барсаент, один из цареубийц; можно было предвидеть, что он примкнет к движению ариев. Продолжать при таких обстоятельствах поход в Бактрию было бы безумием; не взирая даже на опасность дать узурпатору время для крупных вооружений, он должен был быстро и решительно исправить ошибку в своих операциях, которая заставила его вверить весь тыл его движений ненадежному союзнику, и постараться сначала покорить всю лежавшую у него в тылу область. Он отказался теперь от преследования Бесса и от покорения бактрийской земли, чтобы упрочить за собою обладание Арией и другими арианскими землями и чтобы иметь отсюда возможность с большею уверенностью продолжать свой прерванный поход против узурпатора.

Во главе двух фаланг стрелков и агрианов, македонской конницы и конных аконтистов царь быстро двинулся против возмущившегося сатрапа, а остальное войско остановилось и стало лагерем под предводительством Кратера. После двух усиленных дневных переходов Александр стоял перед столицею Артакоаной⁷; он нашел все в сильном движении; пораженный неожиданным нападением и покинутый собранными им войсками, Сатибарзан с немногими всадниками ушел через горы к Бессу; арии покинули свои поселения и бежали в горы. Александр бросился на них, три тысячи вооруженных было окружено и частью изрублено, частью

сделано рабами. Этот быстрый и строгий суд заставил ариев покориться; сатрапия была вверена персу Арсаму.

Ария есть одна из важнейших областей Персии: это край, через который происходит сообщение между Ираном, Тураном и Арианой; там, где течение реки Ария вдруг поворачивает к северу, скрещиваются большие военные дороги из Гиркании и Парфии, из Маргианы и Бактрии, из оазиса Сепстана и возвышенного бассейна реки Кабула; на этом важном месте была основана македонская колония Александрия в Арии, и еще доныне между жителями Герата живо воспоминание об Александре, основателе их богатого города⁸.

Из сведений, полученных Александром при перемене направления своего маршрута, он должен был получить приблизительное представление о положении арианских сатрапий относительно Бактрии и Индии, о горах и реках, определяющих конфигурацию этих земель, и о соединяющих их дорогах и проходах; ему должно было казаться необходимым занять сначала всю южную сторону бактрийской земли, прежде чем обратиться против узурпатора в Бактрии, лишить его поддержки, которую он мог получить из арианских и индийских земель и, замкнув его таким образом в широком кругу, напасть на крайнее крыло неприятельских позиций, следуя той же стратегической системе, которая была общепринятой после битв при Гранике, при Иссе и при Гавгамелах. Поход в Арию был уже как бы приступом к этому движению, которое затем должно было повести его в Дрангиану и Арахозию. Когда Кратер соединился с ним, Александр двинулся к югу, чтобы подчинить себе отдельные округа этой в то время богатой и густо населенной земли. Барсаент не дожидаясь его прибытия, он бежал через восточную границу своей сатрапии к индам, которые выдали его впоследствии. По долине реки Ардекана, текущей в озеро Арию (Гарайву), Александр двинулся в землю дрангов или зарангов, столица которых Проффасия⁹ немедленно сдалась ему.

К югу от дрангов в незанесенных еще тогда песком плодородных равнинах Сеистана жили ариаспы или, как их называли греки, эвергеты¹⁰, мирный земледельческий народ, который, с незапамятной древности населяя эту «землю весны», вел ту тихую, трудолюбивую и полную порядка жизнь, которая с такой высокой похвалой изображается в учении Заратуштры.

Александр всеми мерами почтил их гостеприимство; для него, конечно, было особенно дорого знать, что этот богатый оазис среди гор и пустынь Арианы расположен к нему; продолжительное пребывание среди этих племен, маленькое расширение их области, которого они давно желали, неприкосновенность их древних законов и устройства, которые, по-видимому, во всех отношениях не уступали законам и устройству греческих городов, наконец, отношение к государству, бывшее во всяком случае более незави-



симым, чем в других сатрапиях¹¹, — таковы были приблизительно средства, которыми Александр, не оставляя между ними колоний и не прибегая к насильственным мерам, склонил на сторону нового порядка вещей этот замечательный народ ариаспов¹².

Не меньше миролюбия выказали относительно его племена гедросиев¹³, территории которых он коснулся при своем походе далее¹⁴. Их северные соседи, арахосии, изъявили покорность; их территория простиралась до области проходов¹⁵, которые ведут в бассейн текущих в Инд рек; поэтому Александр поручил эту сатрапию македонянину Менону, отдал в его распоряжение 4000 пехотинцев и 600 всадников¹⁶ и приказал основать арахосийскую Александрию (Кандагар), которая, будучи расположена при входе в проходы и донныне составляя один из самых цветущих городов этой местности, сохранила в своем новом имени память о своем основателе¹⁷. Из арахосийской земли македонское войско, преодолев большие трудности — это было время захода плеяд, середина ноября, и горные области были покрыты глубоким снегом — вступило в землю парапамисадов, первого индийского племени, которое он встретил при своем походе¹⁸; к северу от него высится индийский Кавказ, через который вела дорога в землю Бесса.

Таковы были приблизительно переходы, которыми Александр в последние месяцы 330 года привел свое войско с северного края Хорасана к подножию Кавказа. Это полное трудов и бедное воинской славой время должно было приобрести печальную известность благодаря преступлению: был составлен план убить Александра, как был убит Дарий; план был рассчитан на настроение войска, которое, по-видимому, было недовольно этим зимним походом, лишавшим его даже минуты отдыха.

Но действие и приказы царя обманывали много надежд, питали опасения и оправдывали проявления неудовольствия, это было неизбежным последствием шедших все далее и далее завоеваний, поспешности требуемых ими реформ и направления, которое он считал должным придать им.

Один английский ученый, определяя характер Александра, пришел к выводу, что «его всепожирающей страстью было завоевание, — завоевание на запад и восток, юг и север», объяснение, в котором, конечно, весьма мало здравого смысла. Если Александр побеждал с таким непреодолимым успехом, как это было, если он разрушил могущественную организацию, соединявшую до тех пор вместе народы Азии, если разрушая прежнее он в то же время создавал начала нового, то он должен был быть заранее уверенным в плане, по которому он хотел воздвигнуть свое творение, и в идее, которая должна была придать направление и меру даже первым чертам творения, начатком которого они предназначались быть.

Глубочайший мыслитель древности, учитель царя Аристотель, не раз давал ему советы по этому вопросу; он советовал ему дер-

жать себя относительно эллинов как гегемон, а относительно варваров как повелитель, и обращаться с эллинами как с друзьями и единоплеменниками, а с варварами как с животными и растениями¹⁹. Он держится того мнения, что это различие создано самой природой, так как, говорит он²⁰, «народы холодных стран Европы полны мужества, но неспособны к умственной работе и к искусствам, поэтому они по большей части живут независимо, но неспособны к государственной жизни и к господству над другими; народы Азии, одарены живым умом и ловкостью в искусствах, но лишены мужества, поэтому они имеют повелителей и сами являются рабами; народ греков, как живущий между ними обоими, обладает частью качествами и тех, и других; он столь же мужествен, как и мыслящ; он имеет поэтому свободу и лучшую государственную жизнь и, если образует одно государственное тело, способен господствовать над всеми». Это бесспорно верное наблюдение, если бы жизнь народов должна была быть и остаться такою, как она была определена природой; но даже в том случае, если бы история — а Аристотель придает ей мало значения — не развивала новых сил и условий по отношению к задачам, представлявшимся победителю в Азии, совет глубокого мыслителя был бы доктринерским, непригодным для неотлагательных практических потребностей настоящего и совершенно неуместным для того, чтобы создать возможное положение вещей, не говоря уже о таком, которое могло бы найти себе нравственное оправдание. Философ хотел только сохранить и продолжать сумму прошлого; царь в громадных переменах, в этой революции, бывшей результатом и критикой прошлого, видел элементы новой организации, которая должна была пойти далее этого схематизма и в которой эта мнимая естественная необходимость должна была быть побеждена силой исторического прогресса.

Если падение персидской империи было доказательством, что она совершенно истощила свои жизненные силы, то разве, наконец, греческий мир со своей свободой и со своим миражем лучшего устройства находился в лучшем положении? был ли он достаточно силен даже для того, чтобы предохранить себя от позорной зависимости со стороны персидской политики и от угрожавших вторжений северных варваров, пока каждый город жил только для своей свободы и для своей страсти к господству над другими? И даже македоняне, имели ли они хотя какое-либо значение, пользовались ли они даже безопасностью в своих собственных границах прежде, чем их царская династия, поднявшаяся с силою и решимостью, не научила и не принудила их не быть и не оставаться только тем, чем они были столь долгое время? Если Александр читал «Политику» своего учителя, то он должен был найти там одно замечательное место; речь о том, что на равенстве прав и обязанностей среди членов государства основывается сущность лучше-



го государственного устройства: «но если кто-нибудь отличается такими выдающимися способностями, что способности и политическое могущество других не могут идти в сравнение со способностями этого отдельного лица, то на него уже нельзя смотреть как на часть целого; помещая наравне с другими человека, в такой степени неравного другим по способностям и могуществу, мы поступили бы с ним несправедливо; такой человек был бы подобен богу между людьми²¹: из этого вытекает то следствие, что и законодательство необходимо должно ограничиваться теми, которые равны по рождению и могуществу; но для первых нет законов, — они сами закон; смешон был бы тот, кто пожелал бы дать им законы; они, быть может, ответили бы так, как ответили львы у Антисфена, когда зайцы держали речь в собрании зверей и требовали, чтобы все получили равную часть».

Таковы были взгляды Аристотеля; конечно, они были изложены им без всякого отношения к какой-либо личности; но могли читавший их не думать при этом об Александре? «Что ум этого царя превосходил меру человеческого ума», говорит Полибий, «в этом все согласны²²». Его дела и строгая, даже суровая логическая связь между ними свидетельствовали об его силе воли, о его дальновидности и его умственном превосходстве. Только окольным путем, только из того, что ему удалось осуществить из своих планов мы можем приблизительно узнать, чего он хотел и как он представлял себе свою задачу — и справедливый суд может приложить к нему только этот масштаб. Александр стоял на высоте образования и научных успехов своего времени; о призвании царя он должен был иметь не менее высокое понятие, чем «учитель тех, которые знают». Но он не видел, подобно своему великому учителю, в последовательности идеи монархии и «звания стража» необходимости обращаться с варварами как с животными и растениями, и не думал, что его македоняне с детства приучены его отцом к оружию только для того, чтобы они, как это высказал философ, «были господами тех, которым подобает быть рабами»²³; еще менее думал он, что сначала его отец, а затем и он сам принудили эллинов соединиться в коринфскую федерацию лишь для того, чтобы они со своим утонченным эгоизмом и своею дерзкою ловкостью могли опустошить и угнетать сделавшуюся беззащитною Азию.

Он нанес страшный удар Азии; он должен был вспомнить о копье своего предка Ахилла и понять, что истое призвание царского копья заключается в том, что оно тоже и излечивает нанесенные им раны. Уничтожение древнего царства, смерть Дария сделали его наследником власти над несметным множеством народов, которые донныне управлялись как рабы; освободить их, насколько они умели или могли научиться быть свободными, содействовать сохранению и развитию похвальных и здоровых сторон их жизни,

читать и щадить их в том, что было для них свято и что составляло их особенность, было истинно царственным делом. Он должен был суметь примирить их с собою и склонить их на свою сторону, чтобы создать в них самих поддержку государства, которая отныне должна была соединить их с греческим миром; теперь, когда победа была одержана, в этой монархии не должно было быть больше речь и победителей и побежденных, она должна была заставить забыть разницу между эллинами и варварами. Если бы удалось слить обитателей этого обширного, обнимавшего восток и запад царства в один народ таким образом, чтобы они взаимно пополняли и уравнивали друг друга в своих дарованиях и средствах, создать им внутренний мир и обеспечивающую их спокойствие организацию, научить их «искусству досуга», не отнимая у них этим «закала, как у железа»²⁴, то он имел бы право думать, что создал великое и «благое творение», — такое, какое, по словам Аристотеля, необходимо для истинного обоснования идеи монархизма²⁵. Если его честолюбие, награда за его победы и его восторженные мечты, заключались в том, чтобы создать на востоке и на западе царство эллинистического характера, «перенести», как впоследствии говорили на основании видения пророка, «монархию от персов на эллинов», то сила вещей с каждым днем яснее и настоятельнее указывала ему пути, которые он должен был избрать, чтобы довести до конца начатое дело.

На этом пути представлялись громадные трудности; своеволие, насилие, искажение природы, казалось, делали невозможным начатое дело. Они не заставили его остановиться; они усилили только энергию его воли и непреклонную твердость его действий. Дело, начатое им в энтузиазме его юношеских лет, овладело им; оно росло, подобно лавине, и увлекало его за собой; его путь указывали разрушение, опустошение и покрытые телами убитых поля; вместе с миром, который он победил, изменялись его войско, его окружающие и он сам. Он, как буря, несся далее, он видел только свою цель и в ней — свое оправдание.

Он имел право думать, что необходимость того, чего он желал, станет сама собою ясна из совершившихся событий и убедит даже не желающих этого. Если его эллинистическое царство на первое время и мало отличалось по форме от царства Ахеменидов, то все-таки существенная и неизмеримая по своим последствиям разница заключалась в новых силах, которые он внес в азиатскую жизнь; дальнейшее продолжение и завершение дела, начатого победами его оружия, он мог спокойно предоставить образованному, развитому, бесконечно подвижному и текучему уму грека. В настоящий момент вся задача заключалась в том, чтобы сблизить между собою и связать друг с другом элементы, которые должны были смешаться и слиться в одно целое. Азиатский характер был более пассивен, недоверчив, тяжел в массе и косен; от мягкости,

с которой обращались с ними, от снисхождения к их особенностям и предрассудкам, от их полного послушания зависело вначале существование нового царства. Они тоже должны были видеть в Александре своего царя; он, прежде всего, и только он один служил объединяющим началом обширного царства, ядром, около которого должна была образоваться новая кристаллизация. Подобно тому как он принес жертву их богам и справлял их праздники, точно так же он хотел показать на своей свите и на празднествах в своей резиденции, что и он тоже принадлежит к азиатам. Со времени смерти Дария он начал принимать азиатов, являвшихся к нему, в азиатском облачении и с азиатским церемониалом, и сменил будничную простоту македонского лагеря на ослепительный блеск восточной придворной жизни; на следующий день снова видели его идущим в бой во главе своих македонян, неутомимым в трудах, полным заботливости и внимания к войскам, любезным и доступным для каждого²⁶.

Македонский характер никогда не был особенно гибким; война и достигнутые в ней громадные успехи только усилили непреклонность и твердость характера этих гетайров. Не все понимали, подобно Гефестиону, намерения и политику своего царя, не все обладали, подобно Кратеру, достаточной степенью преданности и самоотвержения, чтобы поддерживать ее во имя верности долгу; большинство не понимало и не одобряло того, что делал и допускал царь. Между тем как Александр делал все, чтобы приобрести расположение побежденных и заставить их забыть о том, что македоняне их победители, многие, увлеченные своей гордостью и эгоизмом, считали отношение полной покорности необходимой основой всех дальнейших реформ и, как это им казалось само собою понятным, кроме деспотической и неограниченной власти прежних сатрапов, претендовали еще на принадлежащее победителям право сильного. Между тем как Александр с равной благосклонностью принимал и коленопреклонение персидских вельмож и обожание, проявлять которое по отношению к нему считали себя обязанными восточные народы, и почетные посольства греков, и солдатские приветствия своих фаланг, они, как равные своему царю, желали бы видеть перед собою все другое униженным и лежащим во прахе покорности; и между тем как они сами, насколько это позволял военный лагерь и близость громко порицавшего их царя, отдавались без всякой другой цели, кроме самого грубого наслаждения, всей роскоши и распущенности азиатской жизни, они негодовали на своего царя за его индийское облачение и мидийскую роскошь его двора, среди которых миллионы Азии признавали его своим богом и царем и поклонялись ему. Таким образом многие из македонских вельмож сделались азиатами в самом дурном смысле этого слова, и азиатская склонность к деспотии, коварству и излишествах соединилась

у них с чрезмерной суровостью и преувеличенным чувством собственного достоинства македонян, все еще делавшим их жадными к славе, храбрыми в бою и готовыми на все.

Когда Александр начал допускать при своем дворе восточные элементы, окружать себя персидскими вельможами, привлекать их к себе с тою же благосклонностью и щедростью, как и македонян, отличать их тем же доверием, возлагать на них важные поручения и награждать их сатрапиями, то это покровительствуемое царем, уродливое азиатское направление, естественно, вызвало негодование македонских вельмож, чувствовавших себя носителями древних и чисто македонских традиций, вознегодовали на это, как будто бы тем наносились им ущерб и унижение. Многие, особенно старые генералы времен Филиппа, не скрывали своей нелюбви к персам и своего недоверия к Александру; они взаимно поддерживали и усиливали свое неудовольствие на то, что тот, который всем им обязан, пренебрегает ими и неблагодарен относительно них; целые годы они должны были биться для того, чтобы теперь видеть, как плоды их побед переходят в руки побежденных; царь, равняющий в своем обхождении персидских вельмож с ними, скоро будет с ними самими обходиться так же, как с этими прежними рабами персидского царя; Александр забывает о македонянах, следует быть настороже.

Царь знал об этом настроении умов; его мать, как рассказывают, не раз предостерегала его, заклинала его быть осторожным относительно своих вельмож, упрекала его в том, что он слишком доверчив и милостив к этой старинной знати Македонии, что он своей чрезмерной щедростью делает из подданных царей, дает им случай приобретать себе приверженцев и сам себя лишает своих друзей²⁷. От Александра не могло укрыться то, что даже среди его ближайших окружающих многие смотрели на его шаги с недоверием или с неодобрением; он привык видеть в Парменионе постоянное предостережение; он знал, что его сын Филота открыто не одобрял предпринимаемых им мер и даже весьма дерзко выражался о нем лично; царь прощал это резкому и мрачному характеру вообще храброго и неутомимого на службе гиппарха; более глубоко оскорбляло его то, что даже прямой и великодушный Кратер, которого он уважал более всех других, не всегда соглашался с тем, что происходило, и что даже Клит, начальствовавший над агемой конницы, начал отдаляться от него. В среде македонских генералов все яснее выступал раскол, который, хотя пока и без значительных последствий, ожесточал настроение умов и даже выразился уже в военном совете в тяжелом раздражении; более резкие желали видеть войну оконченную, войско распущенным и добычу разделенной; по-видимому, под их влиянием и в войске тоже все громче и громче выражалось желание возвратиться на родину.

²⁷ История Александра Великого

Таким образом, недовольство росло; дары, внимание и доверие царя уже не делали его более господином над ними. Дело не могло и не должно было долго идти на эту статью; военная дисциплина войска и повиновение офицеров были первыми условиями не только для удачи военных предприятий, но и для сохранения уже приобретенного и для безопасности самой армии; если Александр и не должен был ожидать никакого дерзкого поступка со стороны Кратера, Клита, Филоты, Пармениона и гетайров, то для примера и для поддержки начинавшего уже становиться ненадежным настроения войска он должен был желать наступления кризиса, который бы поставил его лицом к лицу с противной партией и дал бы ему случай раздавить ее.

Весною 330 года Александр отдыхал со своим войском в столице Дрангианы. Кратер снова соединился с ним после своего перехода через Бактрию; Кен, Пердикка и Аминта со своими фалангами, македонская конница Филоты и гипасписты тоже находились при нем; их предводитель Никанор, брат Филоты, умер недавно, что было тяжелой потерей для царя; он приказал брату торжественно похоронить его. Их отец Парменион с главной частью остального войска стоял в далекой Мидии, охраняя путь на родину и несметные сокровища персидского царства; следующей весной он должен был снова примкнуть к главной армии. «В это время Александр получил донесение об измене Филоты», говорит Арриан и затем в общих чертах излагает, как было поступлено с последним. Источник, которому следуют Диодор, Курций и Плутарх, рассказывает об этом деле подробнее, но более ли он соответствует истине, это остается вопросом открытым. Эти писатели рассказывают в существенных чертах следующее.

В числе окружавших царя недовольных находился Димн из Халестры в Македонии. Он открыл Никомаху, с которым он находился в любовной связи, что его честь оскорблена царем и что он решился отомстить за себя; знатные лица разделяют его образ мыслей и везде желают перемены положения вещей; царь, ненавидимый и стоящий теперь поперек всем, должен быть устранен с дороги; через три дня он будет убит. Боясь за жизнь царя, но робя лично открыть ему о таком важном деле, Никомах сообщает о злодейском плане своему брату Кебалину и умоляет его поспешить с доносом. Его брат отправляется во дворец, где живет царь; чтобы не обратить на себя внимания, он ожидает при входе выхода одного из стратегов, которому он мог бы открыть об опасности. Филота оказывается первым, которого он видит; он передает ему о том, что узнал, и возлагает на него ответственность за быстроту донесения и за жизнь царя. Филота возвращается к царю и говорит с ним о посторонних предметах, но не о близкой опасности; на вопросы пришедшего к нему вечером Кебалина он отвечает, что ему не удалось ничего сделать и что на следующий день еще есть

достаточно времени. Но Филота молчит и на следующий день, хотя не раз находится наедине с царем. Кебалин начинает подозревать; он обращается к Метрону, одному из царских пажей, сообщает ему о близкой опасности и требует от него устроить ему наедине разговор с царем. Метрон проводит его в оружейную комнату Александра, рассказывает последнему во время омовения о том, что ему открыл Кебалин, и затем впускает его самого. Кебалин дополняет рассказ, говорит, что он не виноват в том, что это донесение замедлилось, и что он в виду странного поведения Филоты и в виду опасности в случае дальнейшего промедления, счел своим долгом непосредственно сделать царю это донесение. Александр выслушивает его с глубоким волнением; он приказывает немедленно взять Димна под стражу. Последний видит заговор открытым, свой план неудавшимся и лишает себя жизни²⁸. Затем царь призывает к себе Филоту; последний уверяет, что считал это дело хвастовством Димна и не стоящим того, чтобы говорить о нем; он признает, что самоубийство Димна поразило его, но царь знает его образ мыслей. Александр отпускает его, не выразив сомнений в его верности, и приглашает его присутствовать за его столом и сегодня. Он созывает, однако, тайный военный совет и сообщает ему о случившемся. Опасения его верных друзей увеличивают подозрения царя относительно дальнейших разветвлений заговора и возбужденную в нем загадочным поведением Филоты тревогу; он приказывает хранить глубочайшее молчание об этом совещании и приглашает Гефестиона и Кратера, Кена и Эригия, Пердикку и Леонната явиться к нему в полночь для получения дальнейших приказаний. Верные приближенные собираются к царскому столу, Филота тоже присутствует; расходятся поздно вечером. В полночь являются вышеупомянутые генералы, сопровождаемые немногими вооруженными воинами; царь приказывает усилить караул во дворце, приказывает занять ворота города, особенно те, которые ведут в Экбатаны, посылает отдельные отряды, чтобы в тишине ночи взять под стражу тех, об участии которых в заговоре ему было сообщено, и отряжает наконец 300 человек к квартире Филоты²⁹, с приказом сперва оцепить дом часовыми, затем войти в него, взять гиппарха под стражу и доставить его во дворец. Таким образом проходит ночь.

На следующий день войско созывается на общее собрание³⁰. Никто не подозревает о том, что случилось; наконец, в круг входит сам царь: по македонскому обычаю, говорит он, созвал он войско для суда, открылся злодейский умысел против его жизни. Никомас, Кебалин, Метрон дают свои показания, труп Димна является подтверждением их слов. Затем царь называет глав заговора: Филоте, говорит он, было доставлено первое сообщение о том, что на третий день должно совершиться убийство; приходя по два раза в день в царский дворец, ни в первый, ни во второй



день он не сказал ни слова; затем он показывает письма Пармениона, в которых отец советует своим сыновьям Филоте и Никанору: «заботьтесь сперва о себе, затем о своих, таким образом мы достигнем своей цели»; он прибавляет, что этот образ мыслей подтверждается целым рядом фактов и выражений и свидетельствует о гнусной измене; уже после убийства царя Филиппа Филота стал на сторону претендента, Аминты; его сестра была супругою Аттала, который долго преследовал его самого и его мать Олимпиаду, старался преградить ему доступ к престолу и, наконец, будучи послан вперед с Парменионом в Азию, возмутился; несмотря на все, он отличал эту фамилию всевозможными знаками милости и доверия; уже в Египте он очень хорошо знал о дерзких и угрожающих выражениях, которые Филота не раз повторил перед гетерой Антигоной, но приписывал их его резкому характеру; это сделало Филоту еще более гордым и надменным; его двусмысленная щедрость, его разнузданная расточительность, его безумная гордость озабочивали даже его отца и заставляли его предостерегать сына не изобличать себя слишком рано; уже давно они не служат более верно царю, и битва при Гавгамелах едва не была проиграна благодаря Пармениону; но со времени смерти Дария их предательские планы созрели и, пока он продолжал доверять им во всем, они назначили день для его убийства, наняли убийц и подготовили ниспровержение существующего порядка. С величайшим волнением, так говорится в описании этого события, слушали македоняне своего царя; но появление скованного Филоты трогает их не менее и возбуждает в них жалость; стратег Аминта начинает говорить против обвиняемого, который с жизнью царя мог у всех них отнять надежду на возвращение на родину. Затем произносит еще более горячую речь стратег Кен, зять Филоты; он уже схватил камень, чтобы начать суд по македонскому обычаю; царь удерживает его; сначала Филота должен защищаться; он сам покидает собрание, чтобы своим присутствием не препятствовать свободе защиты. Филота отрицает истину обвинений; он указывает на верную службу свою, своего отца и своих братьев; он признает, что умолчал о доносе Кебалина, чтобы не явиться бесполезным и неприятным передатчиком предостережений, как его отец Парменион в Тарсе, когда тот остерегал царя от лекарства акарнанского врача; но ненависть и страх всегда терзают деспота и это-то именно все они и оплакивают. В крайнем возбуждении македоняне решают, что Филота и остальные заговорщики заслуживают смерти; царь откладывает суд до следующего дня.

Еще недостает признания Филоты, которое в то же время должно осветить вину его отца и его соумышленников; царь созывает тайный совет; большинство требует немедленного исполнения смертного приговора; Гефестион, Кратер и Кен советуют сперва вынудить у него признание; в этом смысле решает большинство

голосов; на трех стратегов возлагается поручение присутствовать при пытке. Среди мучений пытки Филота сознается в том, что он и его отец говорили об убийении Александра, что они не решились бы на это при жизни Дария, так как выгоды этого достались бы не на их долю, а на долю персов, что он, Филота, поспешил с исполнением замысла, прежде чем смерть, к которой близок его отец, не отнимет его у общего дела, и что он организовал этот заговор без ведома своего отца. С этими показаниями царь является на следующее утро в собрание войска; приводят Филоту, и македоняне пронзают его своими копьями.

Лучшие источники, Птолемей и Аристокл, которым следует Арриан, тоже подтверждают, что уже в Египте до царя дошли сведения о предательских планах Филоты³¹, и что дружба, существовавшая между ним и Филотой, и глубокое уважение, с которым он всегда относился к его отцу Пармениону, не допустили его решиться поверить им. Птолемей говорит, что царь сам выступил с обвинением перед собравшимися воинами, что Филота защищался и что ему главным образом было вменено в вину то, что он умолчал о доносе. О пытке он не упоминает.

Парменион был тоже признан достойным смерти³². Исполнить над ним приговор как можно скорее казалось необходимым; он стоял во главе значительной части войск, а при его большом военном авторитете и при тех сокровищах, охрана которых была ему вверена и которые доходили до многих тысяч талантов, он легко мог бы склонить к крайним мерам других; даже если он и не принимал никакого непосредственного участия в изменнических планах сына, то после казни последнего казалось возможным самое худшее. Он стоял в Экбатанах, на расстоянии 30 или 40 переходов; чего не могло случиться за это время, если бы он возмутился? При таких обстоятельствах царь не должен был пользоваться своим правом помилования, он не мог решиться приказать арестовать полководца открыто и среди столь легко способных на измену войск; в Экбатаны к Ситалку, Мениду и Клеандру был послан принадлежавший к отряду гетайров Полидамант с письменным приказом царя без шума устранить прочь Пармениона. На быстрых дромадерах, сопровождаемый двумя арабами, Полидамант на двенадцатую ночь прибыл в Экбатаны; фракийский князь и два македонских военачальника немедленно исполнили возложенное на них поручение.

В Проффазии тем временем следствие велось дальше. Деметрий, один из семи телохранителей, был тоже заключен в тюрьму по подозрению в сношениях с Аминтой; его место занял Птолемей, сын Лага. Сыновья тимфейца Андромена были весьма дружны с Филотой, и Полемон, младший из братьев, служивший в одной из ил конницы, услышав об аресте своего гиппарха Филоты, скрылся бегством в порыве охватившего его страха; тем более вероят-



ным казалось участие в заговоре его и его братьев. Аминта, Симмий и Аттал, бывшие все трое стратегами фалангитов, были тоже привлечены к следствию, и особенно Аминта подвергся различным обвинениям. Он защищал себя и своих братьев таким образом, что македоняне вполне оправдали его; тогда он попросил о милости позволить ему возратить своего бежавшего брата; царь дозволил это; Аминта уехал в тот же день и привез Полемона обратно; это и славная смерть, которую Аминта скоро нашел в одном сражении, изгладил в уме царя последние подозрения против братьев, которые впоследствии были отличаемы им всевозможными способами.

Замечательно, что при производстве этого следствия теперь снова выступило на сцену дело линкестийца Александра, который четыре года тому назад произвел в Малой Азии покушение на жизнь царя, но по прямому приказу его был тогда только взят под стражу. Действительно ли войско потребовало его казни, или нет, но царю могло казаться необходимым предоставить теперь требовавшему этого войску произнести свой приговор над человеком, которого он не подвергал до сих пор заслуженному наказанию во внимание к тому, что наместник Македонии был его зятем. Не представляется невероятным и то, что явились новые поводы предать его суду именно теперь; к сожалению, наши источники не дают нам никаких более точных сведений. Но когда Филота признался, что целью заговора было убийство Александра, то первым и уже заранее обдуманном вопросом должно было быть, кто будет после него носить царский венец; ближайшее право принадлежало Арридею, сыну царя Филиппа, — но, хотя он и находился при войске, никому не могло бы придти в голову отдать власть в руки человека, который был почти идиотом; еще менее можно было думать о том, чтобы отдать царский венец человеку, не имеющему никаких прав на престол, как например Пармениону или его сыну, или кому-либо другому из генералов; линкестиец мог казаться заговорщикам удобным для этого лицом, тем более, что Антипатра, которого, конечно, надо было главным образом иметь в виду, возвышение зятя могло, как это можно было думать, склонить на сторону нового порядка вещей. Быть может, следует упомянуть о том, что Антипатр, узнав о происшествиях в Проффазии и Экбатанах, сделал, по-видимому, несколько шагов, непонятных без такого объяснения; рассказывают, что он завел тайные переговоры с этолянами, которых Александр приказал наказать примерным образом за разрушение преданного ему города Эниад³³; предосторожность эта не имела в настоящую минуту никаких дальнейших последствий, но не осталась неизвестной царю³⁴ и, как думали, возбудила в нем такое сильное недоверие, что оно должно было проявиться хотя бы по прошествии многих лет.

Таким образом окончилось это прискорбное дело, прискорбное даже в том случае, если суд над Филотой был справедлив, а убийство Пармениона было политической необходимостью. Происшедшие события не делаются лучше от того, что по преданиям Филота, при всей своей личной храбрости и воинской доблести, был жесток, эгоистичен и хитер, что даже отец советовал ему быть осторожнее и не вести себя столь надменно, и что Парменион, даже в делах, касавшихся его служебного долга, не раз навлекал на себя порицание царя. Если царь считал себя обязанным требовать от своих высших офицеров строжайшего повиновения и твердо держать в своих руках бразды дисциплины, тем более, что они находились в самом разгаре войны, — тот факт, что виновных, которых он считал необходимым покарать, он находил в кругу высших начальствующих лиц, был опасным симптомом состояния его войска и первым зловещим изъяном в столь прочном и крепком донныне орудии его могущества, представлявшем единственную гарантию его успехов и его дела вообще.

При своей энергии и при умении заставить других повиноваться себе он сумел справиться с разрушительными последствиями этих событий и быстро и вполне взял снова в свои руки возбужденные войска³⁵. Но то, что в этой армии не было больше Филоты и Пармениона, было и осталось незаменимой потерей и неизгладимым пятном.

Мы не будем вдаваться в рассмотрение вопроса, были ли произведенные в армии перемены, часть которых по меньшей мере относится к этой зимней стоянке, тоже в связи с указанными событиями, или они вызваны изменившимися задачами войны.

Со времени смерти Дария в прежних персидских землях не было более никакой организованной неприятельской военной силы; там и сям еще было возможно призывать и вести на поле битвы полчища, но в них уже не было твердого склада персидского царского войска, для борьбы с которым Александр при начале войны организовал свою армию, в них уже не было ни дворцовых войск персидского царя и кардаков, ни ядра армии, состоявшего из греческих наемников с их тактической опытностью. Дальнейшая война главным образом должна была приспособиться к борьбе с беспорядочными массами, к их рассеянию, преследованию и ко всем видам мелкой войны. Составлявшие армию корпуса должны были формироваться таким образом, чтобы из них можно было без труда составлять армии в малом виде; они должны были стать более подвижны, их тактика еще более прежнего должна была рассчитываться на нападение, легкие войска должны были получить еще большее развитие. Наконец, было необходимо принять меры, чтобы можно было утилизировать также и набираемые в Азии войска не только для того, чтобы увеличивать массу военной силы, но и для того, чтобы создать в них ближайшую за-



мену вербовок на родине по мере того, как они все более и более удалялись от нее.

Уже прошедшею зимою восемь ил конницы были разделены каждая на два лоха, из которых каждый получил своего лохага; теперь каждые восемь лохов были соединены в одну гиппархию, так что отныне, если читатели дозволят нам употребить современное выражение, было два полка этой тяжелой кавалерии по восьми, хотя и более слабых, эскадронов в каждом. Одну гиппархию получил Клит, сын Дропида, командовавший прежде царской илой конницы, — «черный Клит», вторую — Гефестион. Уже при походе следующего года число гиппархий было еще более увеличено³⁶.

Точно так же и число наемных всадников, прибывших в 331 году в войско в количестве 400 человек под предводительством Менда, было увеличено таким образом, что они составили более одной гиппархий³⁷.

Теперь также был сформирован отряд конных аконтистов, численности которых мы не можем определить³⁸.

Столь же значительные перемены в организации пехоты, которые мы замечаем при походе в Индию, были, по-видимому, произведены только после крупных подкреплений, полученных войском в Бактрии.

Еще из Персеполя царь послал в сатрапии приказ набирать молодые войска, всего числом 30 000 человек, которые должны были быть подготовлены к службе по македонским приемам и затем войти в состав армии как «эпигоны»³⁹. Но уже вскоре после этого, во время своего двухлетнего пребывания в бактрийских землях, он начал брать в качестве всадников на службу бактров, согдианов, парапамисадов и т.д.

Словом, войско царя, состоявшее прежде из македонян, эллинов и европейских варваров, начало развиваться в эллинистическом духе, который Александр желал придать своему государству; и между тем как везде в центральных пунктах сатрапий были оставлены более или менее сильные македонско-греческие гарнизоны, которые, прожив там столь долгое время, превратились из исключительно военных организаций также и в гражданские общины, включенные в состав боевой армии азиаты должны были начать эллинизироваться при посредстве воинского общения и дисциплины.

Эта боевая армия была, однако, не военным только делом; она заключала в себе и другие элементы и другие отрасли деятельности; она представляла крайне оригинальный мир сам по себе. Лагерь был в то же время резиденцией, заключал в себе центральное управление громадного царства, его главных гражданских представителей, казначейство, интендантское управление, склады оружия и одежды для армии, провиант и фураж, лазаретную прислугу;

за войском следовали торговцы, техники, поставщики, спекуляторы всякого рода и немалое число лиц из образованного класса, только часть которых составляли люди, предназначенные для обучения знатных молодых людей; были и гости, греки и азиаты, миряне и жрецы; не был забыт и целый обоз женщин; если со времени событий в Писидии линкестиец Александр скованный следовал за войском, то вряд ли был оставлен в другом месте и слабоумный Арридей, незаконный сын Филиппа. Таким образом этот лагерь в соединении с царским двором был как бы подвижной резиденцией царства, мощным и сильно бьющимся центром его тяжести и силы, который двигался из страны в страну и как при остановках, так и при дальнейшем движении оказывал свое влияние.

Быть может, здесь будет кстати упомянуть и о другом обстоятельстве, на которое, по-видимому, указывает сама природа предмета. Войска Александра выступили в поход в таком одеянии, которое соответствовало климату и обычаю их родины; было ли оно в такой же степени удобно для весьма отличных климатических условий Ирана, Турана и Индии, для бесконечных и трудных переходов, для неизбежных резких перемен в пище, для знойных солнечных дней, для царивших на высоких горах зимних холодов и для периода тропических дождей? Не требовала ли забота о здоровье войск поддерживать теплоту тела плотно обхватывавшей его одеждой, охранять голову от солнечного удара и прикрывать ноги⁴⁰, а также защищать ступню лучше, чем это позволяли сандалии или низкие башмаки, хотя бы в таком роде, как они это видели в употреблении у живших в этих местах народов? Быть может, введение азиатского одеяния и послужило причиной сыпавшихся на царя тяжелых упреков? Но скудные сведения наших источников не дают нам ответа на этот вопрос, как и на многие другие.



ГЛАВА ВТОРАЯ

Поход Александра в Бактриану. — Преследование Бесса, его выдача. — Поход против скифов, на Яксарт. — Восстание в Согдиане. — Усмирение мятежников. — Зимовка в Зариаспах. — Вторичное возмущение согдианцев. — Усмирение их. — Остановка в Мараканде. — Убиение Клита. — Вторжение скифов в Зариасы. — Зимовка в Навтаке. — Крепости гиппархов. — Бракосочетание с Роксаной. — Заговор царских юношей. — Наказание Каллифена

Целью первого похода была область реки Окса. Здесь Бесс, присвоивший себе тиау персидского царя и имя Артаксеркса, принял самые энергичные меры, чтобы воспротивиться дальнейшему вторжению македонян. Кроме тех войск, которые находились при нем еще со времени убийства персидского царя, он собрал вокруг себя около 7000 всадников из Бактрии и Согдианы и к нему примкнуло также несколько тысяч даков; вместе с ним находились многие вельможи страны, Датаферн и Оксиарт из Бактрии, Спитамен из Согдианы, Катан из Паретакены; Сатибарзан после неудачи своего восстания в тылу Александра тоже бежал в Бактрию, — обстоятельство, которое, казалось, приносило большие выгоды Бессу, выгоды заключавшиеся в том, что Александр, раз уже уклонившись в сторону от большой дороги в Бактрию, вероятно, побоится трудно проходимых проходов через Кавказ или совершенно откажется от похода в Бактрию, или хоть даст ему время произвести новые и более обширные вооружения, а быть может, произведет вторжение в находящуюся недалеко Индию; тогда можно будет без труда организовать общее восстание в находящихся у него в тылу новопокоренных землях.

Бесс приказал опустошить земли по северному склону гор на расстоянии нескольких дней пути, чтобы таким образом сделать невозможным всякое вторжение неприятельского войска; Сатибарзану, который мог рассчитывать на преданность своих бывших подданных, он дал около двух тысяч всадников, чтобы произвести с ними диверсию в тылу македонян, которая в случае удачи совершенно бы отрезала неприятеля. При появлении своего прежнего повелителя арии возмутились, и даже сам назначенный Александром сатрап Арсам, по-видимому, относился благоприятно к восстанию. В Парфию Бесс тоже послал одного из преданных ему людей, Бразина, чтобы вызвать там восстание в пользу старого персидского начала¹.

Александр получил известие о новом восстании ариев в Арахосии; он немедленно послал в Арию конницу союзников, состоявшую из шестисот человек под начальством Артабаза. В числе последних под начальством Андроника² находились и наемники, перешедшие на сторону Александра в Каспийских проходах. Сатрапу Гиркании и Парфии Фратаферну был послан приказ присоединиться к ним со своей конницей. Единоновременно с этим сам царь выступил из Арахосии³ и среди суровых зимних морозов прошел по обнаженным проходам высот, отделяющих территорию арахосийцев от территории парапамисадов. Он нашел это плоскогорье густонаселенным и, хотя поля покрывал теперь глубокий снег, встретил в изобилии запасы в многочисленных деревнях, которые дружелюбно приняли его⁴. Он поспешил спуститься в более открытую местность по верхнему течению реки Кабула и, переправившись через нее, очутился у подножия высокого Гиндукуша, «Кавказа», по другую сторону которого лежит Бактрия. Здесь он расположился на зимовку⁵.

Страна Кабул, лежащая приблизительно под одною широтою с Кипром и Критом, представляет собою плоскогорье, лежащее в 6300 футах над уровнем моря, следовательно, на 500 футов выше, чем Св. Мориц и Сильваплана в верхнем Энгадине. Отсюда в долину реки Окса ведут через горы Гиндукуша семь проходов; три из них поднимаются вверх к источникам Пунджира, самый восточный из них есть проход Хевака или Туля, ведущий в Андераб на высоте 13 200 футов⁶; эти проходы и еще более три ближайших к ним прохода, спускающихся к источникам Суркаба, в продолжение четырех, пяти месяцев до такой степени покрыты снегом, что по ним едва можно пройти; тогда приходится избирать самый западный проход, проход Бамяна, причем, чтобы из Кабула попасть в Балх, нужно пройти миль шестьдесят; эта дорога ведет через несколько горных цепей, расположенных по обе стороны главного хребта, а лежащие между ними долины богаты источниками, пастбищами и стадами и населены мирными пастушескими племенами⁷. Один новейший путешественник, проезжавший по последнему из этих проходов, пишет: «Мы шли четыре дня (дело было в мае) между крутыми утесами и стенами скал, скрывавшими от наших глаз солнце и отвесно возвышавшимися над нами на высоту от 2000 до 3000 футов; я отморозил себе здесь нос и едва не ослеп от белизны снежных полей; мы могли двинуться дальше только на следующее утро, когда снег покрылся настом; эти горы почти лишены жителей и «ложе горного потока» служило нам лагерем в течении дня⁸».

Александр, имея горные высоты «по левую руку», стоял лагерем в таком месте, где он был ближе к неудобопроходимым восточным проходам, особенно к проходу Андерады, чем к более удобному западному. Не должен ли был Бесс ожидать, что он пой-

дет по этому последнему, и сообразно с этим принять свои меры? Но было выгоднее избрать ближайшие проходы и дать войску более продолжительный отдых, тем более, что лошади войска были сильно изнурены зимними переходами. К этим соображениям присоединялось еще и другое обстоятельство. Кабул, в котором соединяются текущие с горных склонов севера, запада и юга воды, открыт со стороны востока и лежит милях в 50 от реки Инда; слышанное и виденное царем в Кабуле должно было показать ему, что здесь перед ним открываются врата нового мира, полного малых и больших государств, полного воинственных племен, среди которых весть о приближении завоевателя несомненно вызовет сильное возбуждение и, когда он двинется далее к северу, заставит их принять меры, чтобы отрезать ему обратный путь через проходы, которые он теперь имел перед собой. Для сохранения за собой этой позиции на том месте, где стояло лагерем войско (приблизительно на месте теперешнего Беграма), был заложен город «Александрия Кавказская», снабженный сильным гарнизоном⁹; перс Проекс был назначен сатрапом этой области, а Нилоксен — епископом (надзорцем)¹⁰.

Когда дни суровых холодов миновали, Александр выступил из своего зимнего лагеря, чтобы дать первый пример перехода через горы, с изумительною смелостью которого могут соперничать только подобные же предприятия Ганнибала. Условия, при которых Александр должен был выступить, значительно затрудняли его движение; горы были еще покрыты снегом, воздух холоден, дороги дурны; хотя на пути и попадалось много деревень, мирные жители которых были готовы дать то, что они имели, но у них ничего не было, кроме стад; горы, лишенные лесов и только местами поросшие кустами терпентинного фисташника, не могли доставить никакого топлива; мясо приходилось есть без хлеба и в сыром виде, приправляя его только растущим на горах сильфием. Таким образом войско шло через горы четырнадцать дней; чем ближе оно подходило к северным склонам, тем тяжелее становилась нужда: долины были опустошены и покинуты жителями, селенья сожжены, стада угнаны; приходилось питаться кореньями и убивать вьючный скот обоза. После невероятных усилий, измученное холодом и голодом, потерявшее многих лошадей и находившееся в жалком виде, войско достигло, наконец, на пятнадцатый день первого бактрийского города Драпсака, или Адрапса¹¹ (вероятно, нынешнего Андерада), лежавшего еще высоко в горах.

Александр стоял при входе в область, нимало не напомиравшую те, которые он до сих пор покорял так легко. Бактрия и Согдиана были землями с весьма древней цивилизацией, составлявшими некогда независимое царство и бывшими, быть может, родиною Заратуштры и распространившегося по всему Ирану уче-

ния его. Принадлежа потом ассирийцам, мидянам и персам, эти страны, окруженные с севера и востока туранскими народами и постоянно угрожаемые их набегами, сохранили выдающееся значение передового поста, необходимого для защиты Ирана и организованного для военной защиты. Уже одно то обстоятельство, что Бесс, «сатрап земли бактров», в битве при Арбелах командовал вместе с согдианами и пограничными с Бактрией индами и скифскими саками не как своими подданными, но как «союзниками персидского царя», позволяло ожидать здесь единства в ведении войны и участия в ней скифских племен, в виду чего покорение этой страны могло представить удвоенные трудности.

Возможно, что эти трудности облегчило неожиданное появление македонского войска с той стороны, откуда его не ожидали. После непродолжительной остановки Александр быстрыми переходами прошел через проходы, образованные самыми северными отрогами гор, спустился к Аорну и, нигде не встречая сопротивления, прошел оттуда по плодоносным равнинам Бактрии в Бактры, столицу этой страны.

Бесс, который, пока неприятель был еще далеко, был исполнен веры в себя и воображал, что горы и произведенные на их северной стороне опустошения будут в состоянии защитить бассейн реки Окса, при первой вести о приближении Александра поспешно вышел из Бактр, бежал за Окс и, предав пламени суда, на которых он переправился через реку, отступил со своим войском в Навтаку, лежавший в Согдиане город. При нем еще находилось несколько тысяч согдианцев под предводительством Спитамена и Оксиарта, и даки с берегов Танаиса; бактрийские всадники, видя, что их земля отдана в жертву неприятелю, отделились от Бесса и рассеялись по своим родным местам¹², так что Александр без большого труда покорил все земли вплоть до Окса. В это же время из Арии возвратились Артабаз и Эригий; после непродолжительной борьбы Сатибарзан был побежден, и храбрый Эригий собственноручно умертвил его; арии немедленно положили оружие и покорились. Александр послал в их область солийца Стасанора с приказом взять под стражу прежнего сатрапа Арсака, который играл двусмысленную роль при восстании, и принять на себя управление областью вместо него. Богатую бактрийскую сатрапию получил престарелый Артабаз, что немало успокоило тех, которые покорились своей участи. Аорн, лежавший при северном входе в теснины, был избран сборным пунктом¹³; ветераны, неспособные к дальнейшей службе, и фессалийские добровольцы, срок службы которых кончился, были отпущены на родину¹⁴.

Таким образом, весной 329 года все было готово к тому, чтобы начать покорение находившихся за Оксом земель¹⁵. Особенно сти их местных условий при умелом пользовании ими могли бы сделать возможным продолжительное, а быть может, и удачное

сопротивление; плодоносную, густо населенную долину Мараканда, защищенную с запада обширными пустынями, а с юга, востока и севера горами и почти непроходимыми теснинами, было не только легко защитить от всякого нападения, но, кроме того, местоположение ее было благоприятно для того, чтобы постоянно беспокоить Арию, Парфию и Гирканию; здесь можно было без труда сосредоточить значительные массы войска; отряды даков и массагетов западных степей и скифские орды, кочевавшие по ту сторону Яксарта, были всегда готовы к разбойничьим набегам; даже индийские цари заявили о своей готовности принять участие в войне против Александра. Если бы даже македоняне и победили, то степи запада и горные крепости верхней страны могли служить надежным убежищем и исходным пунктом для новых восстаний.

Тем важнее было для Александра овладеть личностью Бесса прежде, чем его незаконное присвоение себе царского имени делается лозунгом общего мятежа. Он двинулся из Бактр преследовать Бесса. После трудного перехода по пустыне, отделяющей плодоносную территорию Бактр от Окса¹⁶, войско достигло берега этой широкой и быстрой реки. Челноков для переправы не было нигде, ширина и глубина реки делали переправу вплавь и вброд невозможной, постройка моста требовала слишком много времени, так как вблизи не было достаточно лесного материала, и мягкое песчаное ложе реки и быстрота ее течения позволяли укреплять сваи только с большим трудом. Александр прибегнул к тому же средству, которое он с таким успехом применил на Дунае; он приказал набить соломой и зашить наглухо меха, служившие палатками для войска, затем связать их вместе, положить на воду в виде понтонов, покрыть их балками и досками и составить таким образом летучий мост, по которому все войско и перешло через реку в продолжение пяти дней¹⁷. Александр, не останавливаясь, двинулся по дороге к Навтаке¹⁸.

В это время участь Бесса приняла оборот, достойный его преступления и его бессилия. Своим постоянным бегством перед Александром, своей неспособностью на какой-либо решительный шаг, он, по-видимому, лишал окружавших его вельмож их последней надежды; естественно, что царский титул был привлекателен даже и среди такого унижения; а относительно цареубийцы считался дозволенным всякий поступок. Согдианец Спитамен, извещенный о приближении неприятельского войска, счел настоящий момент благоприятным для того, чтобы изменою изменнику войти в милость к Александру. Он сообщил о своем плане вельможам Датаферну, Катану и Оксиарту; они скоро сговорились между собой, схватили «царя Артаксеркса» и сообщили Александру, что если он вышлет им небольшой отряд, то они выдадут находящегося в их руках Бесса. При получении этого известия

Александр дал своим войскам небольшой отдых и, сам подвигаясь следом за ним малыми дневными переходами, послал вперед телохранителя Птолемея Лага с шестью тысячами человек, которых, по-видимому, было бы достаточно для того, чтобы добиться выдачи Бесса даже в том случае, если войско варваров воспротивилось бы его выдаче. Этот отряд в четыре дня прошел расстояние, равное десяти дням пути¹⁹, и достиг того места, где накануне стоял лагерь Спитамен со своими людьми. Здесь они узнали, что нельзя твердо полагаться на то, что Спитамен и Датаферн выдадут Бесса; поэтому Птолемей приказал пехоте медленно подвигаться вперед, а сам поспешил дальше во главе своих всадников; он скоро стоял перед стенами городка, в котором с небольшими остатками своих войск находился Бесс, покинутый Спитаменом и другими заговорщиками; вельможи постыдились собственными руками выдать его. Птолемей приказал окружить городок и потребовать через герольда от жителей выдачи Бесса, обещая им в таком случае пощаду. Ворота открылись, македоняне вступили в город, схватили Бесса и сомкнутой колонной двинулись назад, чтобы присоединиться со своей добычей к Александру; Птолемей спросил заранее, в каком виде прикажет Александр явиться перед ним пленному царубийцу. Александр приказал выставить его обнаженным, с цепями на шее и поставить его по правую сторону дороги, по которой он пойдет со своим войском. Так и было исполнено; когда Александр находился против него и увидел его, он остановил свою колесницу и спросил его: почему он схватил Дария, своего царя и повелителя, своего родственника и благодетеля, влек его за собою в оковах и, наконец, умертвил? Бесс отвечал, что он сделал это не один по своей личной воле, но по соглашению со всеми лицами, окружавшими тогда особу Дария, причем они надеялись заслужить таким образом милость царя. Тогда царь приказал бичевать его и возвестить через герольда о том, что сказал ему царубийца. Бесс был отведен в Бактру для предания там казни²⁰.

Таким образом передает этот факт Птолемей, тогда как, по словам Аристубула, Спитамен и Датаферн сами выдали закованного в цепи Бесса. В этом, по-видимому, заключается намек на то, что еще с большей определенностью указывает идущее от Клитарха предание, что Спитамен, Датаферн, Катан и Оксарт попали в милость к царю и что, вероятно, за ними были утверждены их прежние владения. Александр мог рассчитывать, что этим он обеспечивает за собою и Согдиану. Хотя из Навтаки он двинулся далее в Мараканду²¹, столицу Согдианы, и затем, когда пошел далее к Яксарту, оставил в Мараканде гарнизон, но наши источники не упоминают ни о том, чтобы он назначил сатрапа Согдианы, ни о том, чтобы он принимал другие меры к покорению страны; он потребовал только поставки значительного числа лошадей, чтобы сно-



ва посадить на коней всех своих всадников, понесших в горах и на дальнейшем пути значительные потери.

Тем более достойна внимания сделанная мимоходом в наших источниках заметка, что Александр пригласил на съезд в Зариаспы «гиппархов бактрийской земли»²², причем этот съезд обозначается словом, которым греки называли обычные в персидском царстве ежегодные смотры в караниях (больших областях). Даже если Александр созвал бактрийских гиппархов только для смотра, чтобы призвать их к отправлению военной службы, то до сих пор он не делал ничего подобного ни в какой другой части персидской монархии. Или он думал поставить эти лежащие по Оксу земли в другое отношение к своему государству и придать им иную организацию, нежели тем, которые он завоевал прежде? Мы увидим, что позже в Согдиане он назначил одного из вельмож страны «царем», что он женился на дочери другого, что третьему — он прямо называется гиппархом, — которого он принудил сдать на капитуляцию его расположенную на скале крепость, он оставил его крепость и его область²³, и что к четвертому, находившемуся в таком же положении, он отнесся не менее милостиво и обещал дать ему в управление обширную область. Многочисленная знать этих земель с их замками и областями, о которой упоминают наши источники, представляется нам чем-то в виде ленных сеньеров, как бы стоящими под верховенством государства территориальными властителями, как бы пехлеванами Шах-наме. Элементы для создания организации, которая бы подходила к положению этих земель, существовали; и, быть может, назначение Артабаза следует понимать в этом смысле. Мы возвратимся ниже к этому вопросу.

Уже тогда, когда он достиг Мараканда, Александр мог составить себе приблизительное представление о своеобразии лежавших за Оксом земель. Идя через лежавший на берегах Окса Килиф в Навтаку (Карши), он имел по левую сторону обширную пустыню, а справа его сопровождали достигавшие местами до 3000 футов высоты предгорья горного хребта, снежные вершины которого (особенно Хазрети-Султан) он при своем движении увидел далее мильх в десяти на востоке, когда из Навтаки поднялся по реке Кашке до Шехризбза и миновал проход Кара-Тюбе. Затем он спустился в долину реки Согда (Зеравшана), который греки называли Политиметом, и прибыл в Самарканд. Этот город лежит в 2150 футах над уровнем моря и находится почти под одним меридианом с Балхом, — местом впадения реки Дербента в Оке, лежащим в 300 футах над уровнем моря, с Шехризбзом в долине Кашки и с вышеупомянутым проходом Кара-Тюбе, пролегающим на высоте почти 3000 футов. Возвышенная котлообразная долина реки Согда сопровождается на севере новыми тянущимися от востока к западу горными хребтами, через которые на северо-вос-

токе ведут проходы к Яксарту, текущему по направлению к западу и у Ходженда делающему крутой поворот на север; в этом месте горы юга и более высокие горы севера близко подходят к этой широкой реке, отделяя таким образом богатую долину среднего Яксарта, Фергану, от нижней долины, по левую сторону которой тянется обширная пустыня. Ходженд по прямой линии отстоит от Самарканда милях в 30, Балх от Самарканда милях в 42, Балх от Ходженда в 60, расстояние, равное двойному расстоянию от Милана до Базеля.

Мы не должны упускать из вида еще другого момента в формации этих обширных областей. Андераб, или Адрапса, где в начале этого года останавливался на отдых Александр после перехода им возвышенных проходов Кавказа, лежит почти под одним меридианом с поворотом Яксарта к северу у Ходженда, причем расстояние между этими двумя городами равно по прямому направлению 65 милям. Когда Александр спустился из Андераба, как кажется, к Кундузу, он находился только в нескольких милях от того места, где сливаются и образуют Окс две широкие реки: Коктжа, текущая с индийского горного хребта, и Аби-Панджа, текущая с исполинского плоскогорья Памира, «крыши вселенной». Ниже этого пункта эта широкая река получает ряд притоков с севера с обильных снегами высоких гор, тянувшихся параллельно Яксарту и подходящих к нему на 15–20 миль, от которых к югу отделяется несколько горных цепей. Лежащие между ними более или менее узкие речные долины открыты в сторону Окса и соединены между собою лишь труднодоступными проходами. Только с четвертым, самым западным из этих притоков, Дербентом, впадающим в Окс в десяти милях к северу от Балха, характер местности меняется; мощная гора со снеговыми вершинами, лежащая между источниками Дербента и Согдом и Самарканда, посылает в виде веера свои отроги к западу, юго-западу и югу; их воды соединяются в Кашку, протекающую мимо Карши (Навтаки) и затем теряющуюся в песках пустыни. Река Согд, обширной дугой изменяющая свое западное направление на южное, течет мимо Бухары к Оксу, но, не достигнув его, исчезает в степном болоте.

В политической организации этого края здесь, по-видимому, главным образом необходимо руководствоваться тем, что широкий склон к реке Оксу как бы обращен спиной к течению Яксарта, что долина реки Согда, отделяемая от остальной речной системы Окса снеговыми горами, является только передовой областью, его барьером против Яксарта и лежащих к западу от него пустынь, что горная цепь, через которую переходят по теснине Железных ворот, является естественной границей между этой передней страной и богатой долинами бактрийской землей и что эта земля имеет свое естественное заключение и оплот против возвышенной внутренней Азии в плоскогорья Памира.

Теперь нам будет все-таки легче сделать обзор дальнейшей боевой деятельности Александра в этих областях.

Он двинулся из Мараканда к северо-востоку, чтобы достигнуть берегов Танаиса, который жившие по Яксарту туземцы называли «великой рекой». Военная дорога из Мараканда в Кирополь, последний город государства, лежащий недалеко от южных берегов Танаиса, ведет через проходы заселенных разбойничьими племенами гор Окса, по области Ура-Тюбе. Здесь случилось, что несколько македонян, заблудившихся в горах во время фуражировки, подверглись нападению варваров и были изрублены или взяты в плен. Александр немедленно выступил против варваров с легкими войсками. Неприятели в количестве 30 000 вооруженных удалились в свои крутые и покрытые крепостцами горы и оттуда пращами и стрелами отбивали горячие и неоднократные нападения македонян; в числе многих раненых был сам Александр, которому стрела повредила берцовую кость; еще более воспаленные и раздраженные этим, его воины взяли, наконец, высоты. Большая часть варваров была изрублена, другие побросались со скал и разбились в пропастях; в живых осталось не более 8000 человек, которые изъявили царю покорность²⁵.

Затем Александр, не встречая сопротивления, двинулся на север от гор. Своеобразный характер этой Ферганской области всегда делал ее верной международной границей и передовой стеною восточной культуры против орд туранских степей. Защищенная на юге и востоке мощными хребтами, а на севере рекою и горными цепями, которые посылают ей свои бурные горные воды, она открыта для чужеземного вторжения только на западе и северо-западе; и действительно, там в обширных песках, тянущихся по обе стороны нижнего Яксарта, ютятся кочевые орды воинственных народцев, которых древность обыкновенно называет общим именем скифов; это туранцы древней саги парсов, против вторжения которых несомненно еще в глубокой древности был воздвигнут тот замечательный ряд крепостей, которые, несмотря на перемены в составе живших здесь народов, сохранили свое значение вплоть до нового времени. Александр нашел семь городов такого рода, которые, отстоя друг от друга всего лишь на несколько миль, расположены по «краю степи»; самым значительным между ними были город Кира, который, будучи обширнее и лучше укреплен, чем другие, считался главной крепостью этой области²⁶. Александр двинул в эти проходы македонские гарнизоны, а сам с армией стал лагерем в нескольких часах пути к северо-востоку на том месте, где Танаис внезапно поворачивает к северу и последний раз суживается в своем русле, чтобы затем катиться далее по песчаным степям. Александр понял всю важность этого пункта, бывшего естественной пограничной крепостью против разбойничьих орд пустыни; отсюда было легко встречать нападения ски-

фов севера и запада; для похода в их область эта местность представляла самый удобный исходный пункт; Александр надеялся, что она приобретет такую же важность и для мирных сношений между народами; и если, в чем вряд ли можно сомневаться, уже в то время существовали торговые сношения между этой низменностью и возвышенностью внутренней Азии, то единственная горная дорога из земли серов, дорога Кашгара, спускалась с исполинского, в 25 000 футов высоты, горного хребта Тянь-Шаня вела через Ош и подходила непосредственно к этому пункту, местоположение которого было вполне благоприятно для того, чтобы служить рынком для живущих кругом народов²⁷.

Действительно, отношения со скифскими соседями, по-видимому, начинали принимать дружественный характер; от замечательного народа абиев и от «скифов Европы»²⁸ прибыли к царю посольства, чтобы заключить с ним союз и дружбу²⁹; Александр отправил с этими скифами некоторых из своих гетайров под тем предлогом, чтобы они от его имени заключили дружбу с их царем, в действительности же, чтобы получить достоверные известия о земле скифов, о количестве народонаселения в ней и об образе жизни, физическом развитии и военных приемах жителей.

Тем временем в тылу Александра началось движение, распространившееся с необыкновенною силою. Ненависть к чужеземным завоевателям, соединенная с крайней живостью характера, всегда отличавшей господствующий класс народонаселения этих земель, нуждалась только в толчке и в предводителе, чтобы разгореться в дикое восстание; и Спитамен, видя, что он обманулся в своих честолюбивых надеждах, поспешил воспользоваться этим настроением, доверием, подаренным ему Александром, и отсутствием последнего. Согдианцы, которые вместе с ним принимали участие в бегстве и насильственном захвате Бесса, образовали ядро восстания³⁰, первый толчок к которому, а быть может, и условный сигнал подало население семи городов; гарнизоны, оставленные Александром в этих городах, были перебиты жителями. Затем восстание вспыхнуло также и в долине реки Согда; небольшой гарнизон Мараканда был, по-видимому, почти не в состоянии оказать им сопротивление и, как кажется, подвергся той же участи. Масагеты, даки и саки пустыни, старые боевые товарищи Спитамена, которым македоняне точно так же угрожали, без труда привлеченные к участию указанием на возможность убийства и грабежей, поспешили примкнуть к движению. В бактрийских землях распространился слух, что назначенный Александром съезд гиппархов в Зарияспах имеет целью одним ударом устранить вождей народа³¹; необходимо предупредить эту опасность и обеспечить себя прежде, чем дело дойдет до крайности. Оксиарт, Катан, Хориен, Гавстан и многие другие последовали данному в области Согда примеру. Весть об этих событиях распространилась за Як-



сартom в степях азиатских скифов; горя жаждой убийства и грабежей, орды их собрались к берегам реки, чтобы при первом же успехе, которого достигнут согдианцы, переправиться на своих лошадях через реку и напасть на македонян. Александр сразу был окружен опасностями, объема которых нельзя было предусмотреть; малейшая неудача или промедление могли погубить его и его войско; необходима была вся его энергия и смелость, чтобы быстро и верно найти путь к спасению.

Послав вперед в Кирополь, куда бросилась главная масса варваров из окрестностей, Кратера, получившего приказ окружить город валом и рвами и построить машины, он поспешно двинулся в Газу, ближайшую из семи крепостей. Явившись перед Газой, он немедленно приказал начать штурм низких земляных валов этого города; пока пращники, стрелки и машины осыпали валы градом стрел и камней и совершенно очистили их со всех сторон, в это же время пошла на штурм тяжелая пехота, приставила лестницы, взшла на стены, и скоро македоняне стали господами города; по положительному приказу Александра, все мужское население должно было быть вырезано; жены, дети и все имущество были отданы в распоряжение солдатам, а город предан пламени. Еще в тот же день было произведено нападение на вторую крепость, которая и была взята таким же образом; жителей постигла та же участь. На следующее утро фаланги стояли под стенами третьего города, который тоже пал при первом штурме.

Варвары двух ближайших крепостей видели поднимающиеся над взятыми городами столбы дыма; некоторые, которым удалось вырваться, принесли весть об их страшном конце; варвары этих двух городов сочли все потерянным, толпами бросились они из ворот, чтобы бежать в горы. Предвидя это, Александр еще ночью послал вперед свою конницу с приказом следить за дорогами около обоих городов; таким образом, бегущие варвары натолкнулись на мечи сомкнутых македонских ил и были по большей части изрублены, а их города взяты и сожжены.

Покорив таким образом в два дня пять ближайших крепостей, Александр обратился против Кирополя, перед которым уже стоял Кратер со своими войсками. Этот город, превосходивший величиною уже завоеванные города, снабженный более крепкими стенами и цитаделью внутри, защищало приблизительно пятнадцать тысяч человек, принадлежавших к самым воинственным варварам окрестностей. Александр приказал немедленно выдвинуть штурмовые машины и начать с ними работу против стен, чтобы возможно скорее иметь брешь для атаки. Пока внимание осажденных было обращено на угрожаемые таким образом пункты, он заметил, что пересохшая в то время река, пересекавшая город, образовала в стене отверстие и представляла собою путь, которым можно было проникнуть в город. Он двинул гипаспис-

тов, агрианв и стрелков к ближайшим к этому месту воротам, а сам с немногими другими воинами незаметно прокрался по ложу реки в город, бросился к ближайшим воротам, разбил их и впустил своих. Видя, что все погибло, варвары с дикой яростью бросились на Александра; началась кровопролитная схватка; Александр, Кратер и многие офицеры были ранены, но с тем большею энергией напирала македоняне; пока они занимали городской рынок, стены были тоже взяты; окруженные со всех сторон, варвары бросились в цитадель; они потеряли около восьми тысяч человек убитыми. Александр немедленно обложил цитадель; продолжительных усилий не понадобилось, — недостаток воды принудил ее сдаться.

После падения этого города от седьмой и последней крепости нечего было ждать долгого сопротивления; по рассказу Птолемея, она пала на волю победителя, не ожидая нападения; по другим сообщениям она была тоже взята штурмом и население ее перебито³². Как бы то ни было, но Александр должен был поступить с мятежными варварами этой страны тем строже, чем важнее была для него их область; он должен был какую бы то ни было ценою приобрести полную уверенность в своей власти над этой переполненной проходами местностью, без которой нечего было и думать о завоевании согдианской земли; кровь открыто сопротивляющихся противников, уничтожение всего старого порядка вещей и должны были положить начало введению новой организации, которая предназначалась на многие столетия пересоздать землю за Осом.

Покорением этих семи городов, остатки народонаселения которых были отчасти уведены в оковах, чтобы быть поселенными в новом городе Александрии на Танаисе, Александр завоевал себе открытый обратный путь в Согдиану; необходимо было, не теряя времени, подать помощь оставленному в Мараканде и осаждаемому Спитаменом гарнизону. Но скифские орды, привлеченные возмущением семи городов, стояли уже на северных берегах реки, готовые напасть на отступающих; если Александр не хотел отказаться от всех приобретенных им на Танаисе выгод и от полной новой славы и нового могущества будущности, то он должен был вполне укрепить за собою занятую им при реке позицию и, прежде чем возвращаться в Согдиану, раз и навсегда отбить у скифов охоту к вторжениям; на первое время казалось достаточным послать в Мараканду подкрепление в несколько тысяч человек. В течение двадцати дней были окончены наиболее неотложные работы в новом городе и воздвигнуты необходимые жилища для первых поселенцев: македонские ветераны, часть греческих наемников и затем те из окрестных варваров, которые изъявили на это желание, и уведенные из разрушенных крепостей семейства образовали первое население этого города, которому царь по принесении обычных жертв и после устройства игр и праздников дал имя Александрии.

Тем временем скифские орды еще продолжали стоять на другом берегу реки; как бы вызывая на бой, они пускали стрелы на другой берег и шумно хвастались, что чужеземцы, конечно, не решатся биться со скифами, если же и решатся, то увидят, какое различие существует между сынами пустыни и персидскими неженками. Александр решил переправиться через реку и напасть на них; жертвы не сопровождалось, однако, благоприятными знаменами; да и он не должен был еще настолько оправиться от раны, полученной им при штурме Кирополя, чтобы иметь возможность лично принять участие в этой экспедиции. Но когда хвастовство скифов начало становиться все более и более дерзким и тут же получились тревожные вести из Согдианы, царь приказал своему гадателю Аристандру вторично принести жертву и спросить волю богов; жертвы снова не возвестили ничего хорошего: они предсказали личную опасность для царя. Тогда Александр со словами, что он предпочтет подвергнуть самого себя величайшей опасности, а не согласится долее служить посмешищем для варваров, приказал двинуть войска к берегу, вывезти метательные орудия и приготовить для переправы обращенные в понтоны шкуры палаток. Это было исполнено; пока скифы с громким шумом скакали взад и вперед на своих конях по противоположному берегу, отряды македонян в полном вооружении выступили на южный берег реки, имея перед собою метательные машины, которые затем вдруг все вместе начали метать на противоположный берег стрелы и камни. Этого полудикие скифы еще никогда не видывали; пораженные и смущенные они отступили от берега, а войска Александра при звуках труб начали переправляться через реку; стрелки и пращники, которые переправились первыми, прикрывали переправу конницы, двинувшейся следом за ними; когда же переправилась и эта последняя, то сариссофоры и тяжелые греческие всадники, общее число которых равнялось тысяч двумстам воинов, открыли сражение; скифы, отступившие столь же быстро, как дико они нападали, скоро окружили их со всех сторон, начали осыпать их градом стрел и, избегая правильной атаки, стали сильно теснить значительно уступавших им по численности македонян. Тогда на неприятеля двинулись стрелки и агрианы вместе со всей легкой пехотой, которая только что высадилась на берег; скоро местами завязалось правильное сражение; чтобы решить его, царь отдал трем гиппархиям гетайров и конным аконтистам приказ ударить на неприятеля; сам он во главе других эскадронов, скакавших глубокими колоннами, ударил во фланг неприятелей, так что теперь последние, атакованные со всех сторон и не будучи более в состоянии рассыпаться для летучего боя, начали отступать на всех пунктах; македоняне горячо бросились преследовать их. Лихорадочная скорость, палящий зной и жгучая жажда крайне затрудняли преследование; сам Александр, измученный

до последней степени, выпил, не слезая с коня, скверной воды, какая нашлась в этой солончаковой степи; действие этой роковой неосторожности сказалась быстро и сильно; однако он еще много миль гнался за неприятелем³³; наконец, силы отказались служить ему, преследование было прервано и больной царь был отнесен обратно в лагерь; с его жизнью все ставилось на карту³⁴.

Однако он скоро оправился. Нападение на скифов вполне увенчалось желанным успехом; от их царя прибыли послы, чтобы извиниться в случившемся и заявить, что народ не принимал участия в этом походе, что он затеян на свой собственный страх и риск отдельным отрядом, увлеченным жадой добычи; их царь сожалеет о причиненных этим неприятностях; он готов подчиниться всем приказаниям великого царя³⁵. Александр без выкупа возвратил им взятых в плен в сражении около 150 человек, — великодушие, которое не замедлило произвести свое впечатление на умы варваров и которое в соединении с его изумительными боевыми подвигами окружило его имя ореолом сверхестественного величия, которому простота первобытных народов скорее склонна верить, чем сомневаться в нем. Как семь лет тому назад на Дунае даже и непобежденные народы явились выразить ему свою преданность, так и теперь от сакских скифов³⁶ явились послы, предлагавшие царю мир и дружбу. Таким образом, все народы по соседству с Александрией были усмирены и стали к государству в отношения, которыми в настоящее время Александр должен был удовольствоваться, чтобы тем скорее иметь возможность появиться в Согдиане.

Действительно, положение вещей в Согдиане было весьма опасно; к восстанию, начатому Спитаменом и его приверженцами, примкнула, вероятно, более из страха, чем по доброму желанию, обыкновенно мирно работавшая часть населения³⁷; македонский гарнизон Мараканды был осажден и находился в весьма стесненном положении, но затем он произвел вылазку, отбил неприятеля и возвратился в цитадель, не понеся никаких потерь; это произошло приблизительно в то же самое время, когда Александр, быстро покорив семь городов, выслал своим подкрепление. При вести об этом Спитамен снял осаду и удалился по направлению к западу³⁸. Тем временем в Мараканду прибыли посланные Александром после падения Кирополя войска, состоявшие из 66 македонских всадников, 800 греческих наемных всадников и 1500 тяжеловооруженных наемников; начальство над этим отрядом было вверено Андромаху, Карану и Менедему; к ним Александр присоединил ликийца Фарнуха, знакомого с языком туземцев³⁹, убежденный, что одно появление македонского отряда будет достаточно для обращения мятежников в бегство, а затем главным образом дело сведется к тому, чтобы придти к соглашению с вообще миролюбивой массой народонаселения Согдианы. Македоняне, видя окрест-





ности Мараканды уже очищенными Спитаменом, бросились преследовать его; при их приближении он бежал в лежавшую на границах Согдианы пустыню; однако им показалось необходимым продолжать преследование еще дальше, чтобы наказать скифов, дававших, по-видимому, убежище мятежникам. Следствием этого необдуманного нападения на скифов было то, что Спитамену удалось склонить их к открытой помощи себе и увеличить свое войско шестьюстами этих смелых всадников, родиной которых была степь. Он выступил против македонян на границу степи; не производя на них формального нападения и не выждав его от них, он начал скакать около сомкнутых рядов македонской пехоты и обстреливать ее издали; когда же на него бросалась македонская конница, он бежал от нее и утомлял ее беспорядочным бегством, постоянно возобновляя свои нападения на новых пунктах. Лошади македонян были измучены большими переходами и недостатком корма, многие из воинов легли уже убитыми или ранеными на месте; Фарнух потребовал, чтобы три военачальника приняли на себя предводительство, так как он не солдат и послан не для войны, а для переговоров; они отказались принять на себя ответственность за экспедицию, которая уже почти не удалась; началось отступление с открытого поля к реке, где под прикрытием леса можно было оказать сопротивление неприятелю. Но отсутствие сосредоточенной в одних руках власти уничтожило последнюю надежду на спасение: подойдя к реке, Каран переправился через нее со своими всадниками, не известив об этом Андромаха; пехота, полагая, что все потеряно, с лихорадочной поспешностью бросилась за ними, чтобы достигнуть противоположного берега. Едва варвары заметили это, как налетели со всех сторон, переправившись выше и ниже через реку, и, окружив отовсюду греков, гоня их сзади, нападая с флангов и оттесняя назад выходящих на берег, они, не встречая ни малейшего сопротивления, загнали македонян на остров реки, где своими пускаемыми с обоих берегов стрелами перебили остаток войска. Немногие были взяты в плен, но и эти умерщвлены тут же; большинство и в том числе предводители пали; спаслось только сорок всадников и триста пехотинцев⁴⁰. Спитамен сам немедленно выступил со своими скифами против Мараканды, и, ободренный достигнутыми им успехами и поддерживаемый местными жителями, вторично начал осаждать гарнизон города.

Эти известия вынудили царя, как можно скорее уладить свои дела со скифскими народами Танаиса; довольствуясь тем, что в новооснованном на Танаисе городе он имеет в то же время и пограничный пикет, и важную позицию для будущих операций, он поспешил во главе легкой пехоты, гипаспистов и половины гиппархий в долину Согда, а главной части войска под предводительством Кратера приказал идти следом за ним; делая двойные

дневные переходы, он на четвертый день стоял под стенами Мараканды⁴¹. При вести о его приближении Спитамен бежал⁴². Царь последовал за ним, путь его лежал по тому месту берега реки, где трупы македонских воинов указали ему на арену злополучной битвы; он похоронил трупы с торжественностью, какую только допускала необходимость спешить дальше, и затем продолжал преследовать бегущего неприятеля до тех пор, пока пустыня, бесконечно тянущаяся к западу и северу, не заставила его отказаться от дальнейшего преследования. Таким образом, Спитамен со своими войсками был изгнан из страны; согдианцы в сознании своей вины и полные страха перед справедливым гневом царя бежали при его приближении за земляные валы своих городов, и Александр поспешно прошел мимо них, чтобы сперва прогнать Спитамена; в его намерения не входило оставить их безнаказанными; чем опаснее было это вторичное отпадение, чем важнее было прочное обладание этой областью и чем ненадежнее была вынужденная покорность согдианцев, тем необходимее казалась величайшая строгость относительно мятежников. Возвратившись с границ пустыни, он начал опустошать эту богатую землю, жечь деревни, разрушать города. Около двенадцати мириад народонаселения, как говорят, было изрублено при этой жестокой экзекуции⁴³.

Когда таким образом спокойствие в Согдиане было восстановлено, Александр, оставив здесь Певколая⁴⁴ с тремя тысячами человек, отправился в Бактриану, в Зариаспы, куда он созвал гиппархов страны на упомянутое нами выше собрание. Подчинились ли теперь Бактры, испуганные суровой карой, которую понесла Согдиана, или они с самого начала проявили меньшее участие в восстании, во всяком случае Александр в настоящее время нашел военные меры против них излишними, и о каре за умышлявшееся, быть может, отпадение Бактрии упоминается только в одной лишенной твердой достоверности заметке⁴⁵. Те из вельмож, которые были замешаны в согдианском восстании, бежали в горы, где считали себя в безопасности в своих расположенных на скалах замках (аулах).

Зима с 329 на 328 год, проведенная Александром в Зариаспах⁴⁶, была замечательна во многих отношениях. Съезд вельмож Бактрианы, прибытие новых военных отрядов с запада, многочисленные посольства европейских и азиатских народов, притом живая жизнь в этом всегда победоносном, закаленном войске, пестрая смесь македонской солдатчины, персидской роскоши и греческого образования, — все это вместе дает нам столь же странную, как и характеристическую картину двора юного царя, который очень хорошо знал, что к славе своих побед и своей колонизаторской деятельности он должен еще прибавить торжественную роскошь востока и полное величие высшего земного счастья, чтобы новоприобретенные народы не могли усомниться в величии, которое они были готовы почитать за неземное.



Здесь Александр по древнеперсидскому обычаю держал суд над Бессом. Цареубийца в цепях был приведен в собрание созванных в Зариаспы вельмож⁴⁷; Александр сам выступил обвинителем, а созванные вельможи, как кажется, изрекли свой обвинительный приговор. Он приказал, как это предписывалось персидским обычаем, отрезать у него уши и нос, отвести его в Экбатаны и распять там на кресте на глазах мидян и персов. Изуродованный и высеченный перед глазами собрания, Бесс был отведен для казни в Экбатаны⁴⁸.

Около этого времени в Зариаспы прибыли сатрап Парфии Фратаферн и сатрап Арии Стасанор; они привезли с собою в оковах вероломного Арсака, который в бытность свою сатрапом Арии покровительствовал вторжению Сатибарзана, привезли также перса Бразина, которому Бесс поручил сатрапию Парфии, и несколько других вельмож, оказавших свое содействие узурпаторским планам Бесса. С ними был уничтожен последний остаток оппозиции, которая, имея ее лучшего вождя, могла бы подвергнуть весьма серьезной опасности основанное на силе право завоевателя; тот, кто теперь еще продолжал держаться противной Александру партии, жертвовал собою, по-видимому, ради погибшего дела или легкомысленного самообмана.

В числе посольств, прибывших в течение этой зимы ко двору царя, были особенно замечательны посольства европейских скифов. Прошлого зимою Александр отправил со скифскими послами несколько своих гетайров; последние возвратились теперь обратно в сопровождении второго посольства, которое снова привезло ему уверения в преданности их народа и дары, казавшиеся скифам самыми драгоценными: их царь, говорили они, умер в этот промежуток времени; брат и наследник царя спешит уверить царя Александра в своей преданности и своей верности дому союзника, в знак чего он предлагает ему в супруги свою дочь; если Александр отказывается от нее, то да дозволит он дочерям его вельмож и главарей соединиться браком с вельможами двора и войска Александра; сам он готов, если Александр пожелает этого, лично явиться к нему для выслушания его приказаний; он и его скифы желают решительно во всем подчиниться велениям царя. Ответ Александра соответствовал его могуществу и тогдашнему положению вещей; отклонив предложение вступить в брак со скифскою царевною, он отпустил послов с богатыми дарами и с уверением в своей дружбе к народу скифов.

Около того же времени в Зариаспы явился царь хорасмиев, Фарасман, со свитой из 1500 всадников, чтобы лично изъявить свою покорность великому царю, так как на него самого легко могло пасть подозрение в дружеском приеме, встреченном Спитаменом у живших с ним рядом массагетов; он царствовал над землями по нижнему течению Окса и выдавал себя за соседа племени

колхов и женского народа амазонок; если Александр склонен предпринять поход против колхов и амазонок и сделать попытку покорить страну вплоть до Эвксинского Понта, то он предложил показать ему дороги и позаботиться о нуждах войска при этом походе⁴⁹. Ответ Александра на эти предложения позволяет нам заглянуть в дальнейшую связь его планов, которые при всей своей смелости дают нам самое верное свидетельство замечательного знания им географических условий различных земель, о существовании которых его походы распространили первые сведения. Он уже собственными глазами и из сообщений своего посольства и туземцев убедился, что Океан, в непосредственную связь которого с Каспийским морем он верил еще и теперь⁵⁰, вовсе не лежит близко к северной границе персидского царства и что скифские орды занимают еще громадные пространства земли к северу, что в великом море найти на этой стороне естественную границу нового государства невозможно; напротив, он весьма хорошо понимал, что существенным условием полного покорения иранской возвышенности, составлявшего его ближайшую задачу, является обладание примыкающими к ней низменностями, и будущее показало, как правильно он сделал Евфрат и Тигр, Окс и Яксарт, Инд и Гидасп опорными пунктами своей власти над Персией и Арианой. Он отвечал Фарасману, что в настоящую минуту не может думать о том, чтобы проникнуть в лежащие по Понту земли; его ближайшим делом должно быть покорение Индии; затем, сделавшись владыкой Азии, он думает возвратиться в Элладу и проникнуть со всем своим войском в Понт через Геллеспонт и Босфор; пусть Фарасман отложит до этого времени то, что он теперь предлагает. В настоящую минуту царь заключил с ним дружбу и союз, рекомендовал его покровительству сатрапов Бактрии, Парфии и Арии и отпустил его со всеми знаками своего благоволения.

Но обстоятельства еще не позволяли начать поход в Индию. Хотя Согдиана была покорена и опустошена, но строгая кара, которой Александр подверг эту несчастную страну, далеко еще не успокоила умов, а после минутного перерыва, по-видимому, должна была вызвать взрыв всеобщего негодования⁵¹; жители тысячами бежали в окруженные стенами места, в горные замки (аулы) главнейшей возвышенной части страны и пограничных гор Окса; везде, где природа представляла какую-либо защиту, скрывались банды беглецов, тем более опасные, чем отчаяннее было их положение. Певколай не мог со своими тремя тысячами воинов поддерживать порядок и защищать равнину; со всех сторон собирались массы народа, готовые к страшному восстанию, и, по-видимому, недоставало только предводителя, чтобы воспользоваться отсутствием Александра, Спитамена, который, судя по произведенному им на Политимете нечаянному нападению, не был лишен военных дарований, после своего бегства в землю массагетов, по-видимо-



му, не находился более в связи с этим вторым восстанием согдианцев; в противном случае было бы по меньшей мере непонятно, почему он не подоспел ранее со своими скифами. Объем, до которого Александр допустил развиться этому восстанию, прежде чем поспешил подавить его, был признаком, что в настоящую минуту его боевые силы не были достаточны для того, чтобы идти искать этих смелых и многочисленных врагов в их горах; после оставления гарнизонов в основанных им городах Арахосии, Парапамиса и Танаиса он мог располагать не более чем десятью тысячами человек. Только в течение зимы прибыли значительные подкрепления с запада; прибыла колонна пехоты и всадников, на вербованная сатрапом Ликийи Неархом и сатрапом Карики Асандром, затем другая колонна, которую привели сатрап Сирийский Асклепиодор и гиппарх Менет, и третья под предводительством Эпокилла, Менида и стратега фракийцев Птолея, всего до 17 000 пехотинцев и 2600 всадников³², так что только теперь царь имел при себе достаточно войск для того, чтобы преследовать восстание в Согдиане до ее самых отдаленных тайников.

Весною 328 года двор царя покинул Зариаспы, где в лазаретах остались больные македонские всадники вместе с прикрытием, состоявшим человек из восьмидесяти наемных всадников и нескольких царских юношей. Войско достигло Окса; источник масла, вырвавшийся из-под земли у палатки царя, был истолкован Аристандром как знак того, что победа хотя и будет одержана, но будет стоить больших трудов; и действительно, необходима была большая осторожность при встрече с этим неприятелем, угрожавшим со всех сторон. Царь разделил свое войско таким образом, что Мелеагр, Полисперхонт, Аттал и Горгий со своими фалангами остались в Бактрах³³, для прикрытия этой страны, а остальное войско, разделенное на пять колонн под предводительством царя, гиппарха Гефестиона, телохранителя Птолея, стратега Пердикки и сатрапа Бактрии Артабаза, в помощь которому был дан стратег Кен, — вторглось по разным направлениям в Согдиану. О подробностях этих военных действий до нас не дошло никаких известий; только в общих чертах упоминается о том, что различные укрепленные пункты страны были частью взяты штурмом, частью сдались добровольно; в короткое время важнейшая часть лежавших за Оксом земель, долина Политимета, была снова во власти царя, и победоносные колонны начали с разных сторон собираться в Мараканду. Между тем горы на востоке и на севере находились еще в руках неприятеля, и можно было рассчитывать, что Спитамену, бежавшему к жаждущим грабежа ордам массагетов, удастся склонить их к новым набегам; точно так же необходимо было принять все меры к тому, чтобы введением новой и полной организации положить конец страшно расшатанному положению вещей в стране и главным образом помочь рассеянному

ся, лишенному крова и предметов первой необходимости, народонаселению. Поэтому Гефестиону было дано поручение основывать новые города, поселять в них жителей деревень и доставлять им средства к жизни⁵⁴, между тем как Кен и Артабаз двинулись против скифов, чтобы при первой возможности захватить Спитамена, а сам Александр выступил с главными силами в горы, чтобы взятием находившихся здесь замков довершить покорение страны. Овладев ими без большого труда, он возвратился на отдых в Мараканду. Этим дням отдыха суждено было ознаменоваться страшными событиями.

Престарелый Артабаз просил уволить его от службы, и царь назначил вместо него сатрапом Бактрии гиппарха Клита, — черного Клита, как его называли. Дни заполнялись большими охотами и пирами. В числе этих дней приходился один из праздников Диониса, вместо которого, как рассказывают, царь дал праздник в честь Диоскуров; бог разгневался на это, и таким образом царь сделался виновным в тяжком преступлении; он получил предостережение; с берегов моря ему были присланы прекрасные плоды, и он пригласил Клита отведать их вместе с ним; вследствие этого Клит оставил жертву, которую только что собирался принести, и поспешил к царю; три уже обрызганных для жертвоприношения овцы побежали за ним; по толкованию Аристандра, это был печальный признак; царь приказал принести жертву за Клита, еще более озабоченный странным сном, который он видел прошлой ночью и в котором Клит представился ему сидящим в черном платье между окровавленными сыновьями Пармениона.

Вечером, так продолжается рассказ, Клит явился к столу; гости пили вино и веселились до самой ночи; они славил дела Александра, говорили, что он сделал больше, чем Диоскуры, что даже Геракла нельзя сравнивать с ним; только зависть отказывает живущему в равных почестях с этими героями. Клит уже был возбужден вином; окружавшая царя персидская свита, чрезмерное восхищение младших, дерзкая лесть греческих софистов и риторов, которых царь терпел около себя, уже давно опротивели ему; эта легкомысленная игра с именами великих героев взорвала его; не таким образом, сказал он, следует чествовать славу царя, деяния его вовсе не так велики, как они думают, и большая часть славы подобает македонянам. С неудовольствием слушал Александр столь оскорбительные речи от человека, которого он отличил перед всеми, но молчал. Спор становился все громче; речь зашла и о делах царя Филиппа; и когда начали утверждать, что он не совершил ничего великого и замечательного, что вся его слава заключается в том, что он зовется отцом Александра, тогда Клит вскочил, выступил на защиту имени своего царя, начал умалять деяния Александра, восхвалять себя самого и старых стратегов, упомянул о казни Пармениона и его сыновей и завидовал счастьем тех,

которые пали или были казнены прежде, чем им пришлось видеть македонян бичуемыми индийскими розгами и вымаливающими у персов доступа к царю. Многие из старых стратегов поднялись, силясь заставить замолчать разгоряченного вином и страстью старика, и тщетно старались успокоить возраставшее волнение. Александр обратился к своему соседу за столом, одному греку, со словами: «Не правда ли, что вы, другие эллины, считаете себя между македонянами за полубогов, находящихся среди животных?». Клит продолжал шуметь; он громко обратился к царю с такими словами: «Эта рука спасла тебя при Гранике; ты же можешь говорить, что тебе угодно, но должен приглашать вперед к своему столу не свободных людей, а варваров и рабов, целующих край твоих одежд и молящихся на твой персидский пояс!». Долее Александр не мог сдержать своего гнева, он вскочил, чтобы схватиться за оружие; друзья унесли его; он крикнул по-македонски своим гипаспистам, чтобы они отомстили за своего царя; ни один не явился на его зов; он приказал трубачу трубить тревогу и, так как тот не повиновался, ударил его кулаком в лицо: с ним поступают теперь, сказал он, так же, как с Дарием в то время, когда его увлекали связанным Бесс и его товарищи и он не имел ничего, кроме жалкого имени царя; и изменяет ему Клит, — человек, который ему всем обязан. В эту минуту Клит, который был уведен друзьями, слыша, что называется его имя, вошел в зал с другого конца со словами: «Клит здесь, о Александр!» и затем продекламировал стихи Еврипида о несправедливом обычае, что войско «покупает победы своею кровью, а честь их приписывается только полководцу, который торжественно царит на высоте своего звания и презирает народ, в сущности представляя собой ничто»⁵⁵. Тогда Александр вырвал копье из рук у часового и бросил им в Клита, который тотчас же упал мертвым. Друзья отступили в ужасе; гнев царя мгновенно прошел; раскаяние, скорбь и отчаяние овладели им; рассказывают, что он вырвал копье из груди Клита и упер его в землю, чтобы умертвить себя над его телом; друзья удержали его и отнесли его на его ложе. Здесь лежал он, плача и стеная, призывая имя убитого, имя своей кормилицы Ланики, сестры убитого: прекрасную награду за ее заботы, говорил он, воздаст ее питомец; ее сыновья пали в бою за него, ее брата умертвил он своими собственными руками, умертвил того, кто спас ему жизнь; он упомянул о престарелом Парменионе и его сыновьях, он не переставал обвинять себя в убийстве своих друзей, проклинать себя и призывать смерть. Так пролежал он три дня над телом Клита, запершись в своем шатре, без сна, без пищи и питья, онемев, наконец, от утомления; из его шатра продолжали раздаваться по временам только глубокие вздохи. Войска, полные тревоги и опасения за своего царя, собрались и изрекли свой суд над убитым, объявляя, что он убит по праву; они призывали своего царя; последний не

слышал их. Наконец стратеги решились открыть шатер; они заклинали царя вспомнить о своем войске и о своем царстве и сказали ему, что, по знамениям богов, Дионис был причиной этого несчастного дела; им удалось, наконец, успокоить царя; он приказал принести жертву разгневанному богу.

Таковы в существенных чертах данные, доставляемые нам нашими источниками; их недостаточно для того, чтобы установить действительный ход этого ужасного события, а еще менее для того, чтобы определить меру вины убийцы и убитого. Как ни ужасен был поступок, на который увлек царя дикий гнев минуты, но мы должны принять во внимание и то, что в лице Клита впервые выступили против него вполне раздражение и протест, вызванные его намерениями и делами среди тех, на силу и верность которых он должен был полагаться, — та глубокая бездна, которая отделяла его теперь от взглядов македонян и греков. Он раскаялся в убийстве и принес жертву богам; что он должен был еще сделать сверх того, об этом осуждающие его моралисты не говорят.

Во время этих происходивших в Мараканде событий Спитамен сделал еще одну попытку вторгнуться в бактрийские земли; он на вербовал среди массагетов, к которым бежал с остатками своих согдианцев, отряд из 600—800 всадников, внезапно явился во главе их перед одним из укрепленных пограничных постов, сумел выманить гарнизон за стены крепости и затем напал на него из засады; начальник поста попал в руки скифов, большинство его людей легло на месте, а сам он был взят в плен и уведен. Ободренный этим успехом, Спитамен через несколько дней явился перед Зариаспами; гарнизон этого города, к которому следует прибавить выздоровевших и покинувших лазарет воинов, принадлежавших в большинстве к гетайрам конницы, был, по-видимому, настолько значителен, что благоразумие не позволило Спитамену произвести нападение; грабя и сжигая, отступили массагеты через окрестные поля и деревни. Когда Пифон, которому было вверено там управление делами³⁶, и кифарист Аристоник узнали это, они призвали к оружию восемьдесят всадников и царских юношей, бывших на месте, и поспешили к воротам, чтобы наказать грабящих варваров; последние побросали свою добычу и едва успели скрыться, многие были взяты в плен или изрублены, и маленький отряд с радостным сердцем возвращался в город. Спитамен напал на них из засады с такою яростью, что македоняне были опрокинуты и почти отрезаны от города; семь гетайров и шестьдесят наемников легли на месте, и в том числе кифарист; Пифон, получивший тяжелую рану, попал в руки неприятелей; еще немного — и они овладели бы самим городом. Кратер был быстро уведомлен об этом несчастии, но скифы не дожидались его прибытия, а отступили к западу, усиливаемые каждую минуту новыми толпами. При входе в пустыню Кратер догнал их, завязалась упорная



борьба; наконец победа решилась в пользу македонян; потеряв 150 человек убитыми, Спитамен бежал в пустыню, где всякое дальнейшее преследование было невозможно⁵⁷.

Такие известия должны были, несмотря на просьбы друзей и утешения наглых льстецов, содействовать возвращению Александра к исполнению своего долга. Он выступил из Мараканды; предназначенную для Клита сатрапию Бактры получил Аминта; Кен со своим таксисом и с таксисом Мелеагра и с 400 всадниками, со всеми конными аконтистами и другими войсками, находившимися прежде под начальством Аминты⁵⁸, был оставлен для прикрытия Согдианы; Гефестион с одним корпусом отправился в Бактрию, чтобы позаботиться о продовольствии войска на зиму⁵⁹; сам Александр двинулся в Ксениппы, куда бежали многие из бактрийских мятежников⁶⁰. При вести о приближении Александра они были прогнаны жителями, не желавшими ради несвоевременного гостеприимства подвергать опасности свое имущество, и старались теперь нанести урон македонянам нападением из засады; около 2000 их всадников бросилось на часть македонского войска; только после долгого нерешительного сражения они принуждены были отступить, потеряв около 800 человек частью убитыми, частью пленными; понеся такие значительные потери, лишенные предводителя и провианта, они предпочли покориться. Затем царь обратился против выстроенной на скале крепости Сисимифра «в бактрианской земле»⁶¹; ему стоило больших трудов приблизиться к ней, еще больших приготовиться к штурму; Сисимиф сдался еще до начала штурма.

Между тем Спитамен почел нужным сделать еще одну попытку напасть на Согдиану, прежде чем успехи и войска неприятеля окончательно преградят ему доступ к пограничной области; во главе бежавших с ним войск и 3000 скифских всадников, привлеченных обещанной им добычей, он неожиданно появился перед Багами, лежавшими на границе Согдианы и пустыни массагетов⁶². Извещенный об этом вторжении, Кен быстро выступил с войском против него; после кровопролитной битвы скифы были принуждены отступить, потеряв 800 человек убитыми. Согдианцы и бактры, видя неудачу и этой своей последней попытки, покинули Спитамена во время бегства и сдались Кену, с Датаферном во главе; массагеты, ошибшиеся в своих расчетах на добычу в Согдиане, разграбили шатры и телеги оставивших их союзников и бежали со Спитаменом по направлению к пустыне. Тут пришло известие, что Александр идет походом на пустыню; они отрубили Спитамену голову и послали ее царю⁶³.

Смерть этого смелого и вероломного противника положила конец последним опасениям; в «саду востока» восстановилось, наконец, спокойствие, в котором он только и нуждался, для того чтобы, несмотря на все перенесенные им войны и потрясения, ско-

ро снова достигнуть своего прежнего цветущего состояния. Подошла зима, последняя, которую Александр рассчитывал провести в этих местах; около Навтаки собирались различные части армии, чтобы водвориться здесь на зимние квартиры. Сюда прибыли сатрапы ближайших областей, сатрап Парфии Фратаферн и сатрап Арии Стасанор, получившие прошлой зимою в бытность свою в Зариаспах различные, вероятно, касавшиеся войска, поручения. Фратаферн был отослан назад, чтобы арестовать сатрапа мардиев и тапуриев, Автофрадата, неисполнение которым приказов Александра начало принимать опасный характер. Стасанор возвратился в свою сатрапию. В Мидию был послан Атропат с приказом сменить забывшего об исполнении своего долга сатрапа Оксидата и самому занять его место. Так как Мазей умер, то и Вавилон тоже получил в лице Стамена нового сатрапа. Сополид, Менид и Эпокилл отправились в Македонию, чтобы привести оттуда новые войска⁶⁴.

Зимовкой в Навтаке Александр, как кажется, воспользовался для приготовлений к походу на Индию, который он думал начать летом следующего года, когда горные вершины будут доступнее. В этих горах, по сю их сторону, еще держалось несколько крепостей, куда бежали последние силы непокорных.

С первыми днями весны⁶⁵ царь обратился против «согдианской скалы», на которую ушел со своими людьми бактриец Оксиарт, считавший эту крепость неприступной⁶⁶. Она была снабжена провиантом для продолжительной осады, запасы воды доставлял ей обильно выпавший снег, в то же время значительно затруднявший восхождение на гору. Явившись перед этой крепостью, Александр потребовал ее сдачи и обещал всем, находящимся в ней, право свободно удалиться; ему было отвечено, что он может искать себе крылатых солдат. Решившись взять эту скалу, во что бы то ни стало, он объявил в лагере через глашатая, что господствующая над крепостью вершина скалы должна быть взята и что он назначает двенадцать наград для тех, которые взойдут первыми, двенадцать талантов первому, один талант двенадцатому; это отважное предприятие принесет славу всем, кто примет в нем участие. Выступило триста опытных в восхождении на горы македонян, которые и получили нужные указания; затем каждый запасся железными колышками, употреблявшимися для постановки палаток, и крепкими веревками. Около полуночи они приблизились к тому месту, где скала была всего круче и поэтому не охранялась. Они и сначала поднимались с большим трудом, но скоро начались почти отвесные стены скалы, скользкие льды и рыхлый снег; трудности и опасность росли с каждым шагом. Тридцать из этих смельчаков попадало в пропасть, но, наконец, на рассвете остальные достигли вершины и развернули по ветру свои белые повязки. Увидев условленный сигнал, Александр не-



медленно послал снова глашатая, который крикнул неприятельским форпостам, что крылатые солдаты нашлись, что они над их головами и что дальнейшее сопротивление невозможно. Пораженные тем, что македоняне нашли дорогу на скалу, варвары сдались без дальнейшего колебания, и Александр вступил в стоявшую на скале крепость. Здесь в его руки попала богатая добыча, в том числе множество жен и дочерей вельмож Согдианы и Бактрии, а также и прекрасная дочь Оксиарта, Роксана. Она была первая, к которой царь возгорелся любовью; он не воспользовался относительно пленницы своим правом господина; бракосочетание должно было скрепить мир со страной. При вести об этом отец Роксаны поспешил к Александру; ради его прекрасной дочери ему все было прощено.

Оставалась еще крепость Хориена в земле паретакинов, «гористой» области по верхнему Оксу, куда бежали многие из восставших. Непроходимые заросшие лесом горные ущелья, по которым надо было проходить, были покрыты еще глубоким снегом; частые ливни, гололедица и страшные бури еще более затрудняли движение. Войско терпело нужду в самом необходимом, многие замерзли до смерти⁶⁷; только один еще пример царя, разделявшего со своими нужду и труды, поддерживал дух в войсках; рассказывают, что царь, сидя раз вечером у бивуачного огня, чтобы согреться, и увидав подходящего окоченевшего от холода и почти лишившегося чувств старого солдата, встал, взял у него оружие и посадил его на свой походный стул около огня; когда ветеран оправился, узнал своего царя и вскочил пораженный, Александр весело сказал: «Видишь, товарищ, сесть на стул царя приносит у персов смерть, тебе же он возвратил жизнь». Наконец, они достигли крепости; она была расположена на высокой и крутой скале, по которой вела вверх только одна узкая и трудная тропинка; кроме того, с этой стороны, которая только одна и была доступна, протекал в глубоком ущелье быстрый горный поток. Александр, не привыкший считать какую-либо трудность непреодолимую, немедленно приказал рубить деревья в покрывавших окрестные горы еловых лесах и строить лестницы, чтобы сначала завладеть ущельем. Работа не прекращалась день и ночь; с невероятным трудом удалось, наконец, македонянам спуститься на дно ущелья; теперь поток был перегорожен частоколом, сверху была насыпана земля и ущелье заполнено; скоро начали работать машины, метавшие снаряды вверх в крепость. Хориен, до сих пор равнодушно смотревший на работы македонян, с изумлением увидал, как сильно он ошибся в своем расчете; устройство скалы не позволяло сделать вылазку на врагов, а против выстрелов сверху македоняне были защищены своими черепаками. Наконец прежние примеры должны были убедить его, что безопаснее примириться с Александром, чем довести дело до крайности; он через глашатая просил у Алек-

сандра позволения вести переговоры с Оксиартом; это ему было дозволено, и Оксиарту без труда удалось рассеять в своем прежнем боевом товарище последние сомнения, которые у того еще оставались. Таким образом, Хориен, окруженный некоторыми из своих людей, предстал перед Александром, который принял его крайне благосклонно и поздравил его с тем, что он предпочел верить свою жизнь не скале, а благородному мужу. Он удержал его у себя в шатре и попросил его послать некоторых из сопровождавших его людей сказать, что крепость, по миролюбивому соглашению, передается македонянам и что всем, находящимся в ней, прощается их прошлое. На следующий день царь в сопровождении 500 гипаспистов поднялся наверх для осмотра крепости; он был поражен неприступностью этого места и воздал справедливую дань всем принятым на случай продолжительной осады мерам предосторожности и приспособлениям. Хориен обязался снабдить войско провиантом на два месяца; из крайне богатых запасов своей крепости он приказал раздать по палаткам македонских войск, сильно пострадавших от холода и лишений последних дней, вино, хлеб и солонину.

Александр возвратил ему крепость и окружавшие ее земли⁶⁸; сам он с большею частью войска отправился в Бактры, послав далее в Паретакену против Катана и Гавстана, единственных оставшихся еще мятежников, Кратера с 600 всадниками, со своим таксисом и с тремя другими таксисами; варвары были разбиты в кровопролитном сражении, Катан был убит, Гавстан приведен к Александру в цепях, и страна была принуждена покориться; скоро Кратер со своими войсками последовал за царем в Бактры⁶⁹.

Да будет нам позволено возвратиться здесь к сделанному нами раньше замечанию, которое представляет собою только предположение и имеет целью указать лишь на один пункт, имеющий важность для установления связи между событиями. Один писатель позднейшего времени, почерпавший свои сведения из весьма хороших источников, упоминая о распределении сатрапий летом 323 года, замечает, что царским престолом Согдианы владел Оропий, не как отцовским наследием, и что он получил его от Александра; но так как он бежал после восстания и потерял свой престол, то и Согдиана перешла к сатрапу Бактрии⁷⁰. То, что об этом обстоятельстве не знает ни один другой писатель, при характере наших преданий не дает нам никакого повода не доверять этому известию. Какое имя скрывается под именем Оропия, которое несомненно испорчено, мы не можем теперь определить, — быть может, имя одного из вельмож, которые после храброго сопротивления покорились и заключили мир с Александром, как вышеупомянутый Хориен⁷¹, или как Сисимифр, о котором Курций говорит, что царь возвратил ему его звание и подал ему надежду на еще большее⁷².



Если эти соображения справедливы, то здесь в лежащих по Оксу землях, Александр сделал попытку применить к пограничным областям своего государства ту же самую систему, какая, как мы увидим, была применена им в обширных размерах в индийских землях. Согдиана делается пограничной областью за Оксом, управляемую вассальным царем; она и ряд основанных эллинистических свободных городов, доходящий до Танаиса, лежащая позади них обширная сатрапия Бактрия, обнимающая также и густо населенную Маргиану, прикрывают обращенную к бродячим ордам пустыни сторону государства, большие дороги в Гекатомпил, в основанную в Арии Александрию, дороги, ведущие через Кавказ в Индию, и идущую через Ферганскую область торговую дорогу в верхнюю Азию. Понятно, почему Александр не пожелал присоединить к своему царству самой Ферганской области нынешнего Коканда; он удовольствовался тем, что вместе с Ходжендом имел в своих руках ведущий туда проход; еще одна лишняя пограничная область только бы ослабила северную границу его государства и средства ее обороны.

Прошло два года с тех пор, как Александр прибыл в эти места и начал свое дело, которое, по-видимому, удалось тем полнее, чем больше были трудности, которые ему приходилось преодолевать. Необходимы были упорный труд, кровавые меры и постоянно возобновлявшаяся борьба против мятежных народных масс⁷³ и против дерзкого сопротивления знати, укрывавшейся в своих воздвигнутых по скалам крепостях. Теперь народонаселение было усмирено, главари страны были наказаны, их крепости разрушены, а тем, которые, наконец, покорились, было прощено; значительное число новых городов дало новую силу, опору и пример эллинистической жизни, для которой должны были быть приобретены также и эти страны; была создана форма правления, соответствовавшая, по-видимому, особенностям и военному значению этих земель. Отпразднованная теперь свадьба царя⁷⁴ с прекрасной дочерью одного из пехлеванов Согдианы составила заключительное звено этого дела; если ближайшим поводом к такому браку и было личное чувство, то он все-таки был в неменьшей степени и мерой политики, как бы внешним проявлением и символом слияния Азии и Европы, — слияния, в котором Александр видел дальнейший результат своих побед и условие прочности того, что он хотел создать и чего границы он старался постепенно расширить.

Конечно, это предприятие при своем дальнейшем осуществлении представило весьма значительные трудности. По самой природе элементов, которые должны были объединиться и слиться, более упорный, менее свободный, но более сильный тяжестью неподвижных масс азиатский элемент должен был сначала преобладать; для того, чтобы склонить на свою сторону этот элемент, если только западная держава желала не только покорить его и

господствовать над ним, но привлечь его к себе и примирить его с собою, было необходимо, чтобы образ мыслей, предрассудки и привычки восточных народов приняли такое направление, при котором они могли бы привыкнуть к новому режиму и приучиться постепенно принимать участие в бесконечно превосходившей их богатством развития жизни победителей. Вот, что было причиной азиатского придворного штата, которым окружил себя Александр, его приближавшейся к индийской одежде, в которой он являлся в мирное время, церемониала и роскоши двора, окруженных которыми как «государственным облачением» привык видеть своих повелителей восточный человек, — вот что было, наконец, причиной сказки о божественном происхождении царя, над которой он сам смеялся в кругу своих приближенных.

Богатства Азии, новая полная чудес жизнь, с каждым днем охватывавшая, заливавшая их все более и более, постоянные труды военной службы и вечное опьянение победой, славой и господством уже давно заставили также и македонян стряхнуть с себя ту простоту и неприхотливость, которая еще десять лет тому назад составляла предмет насмешки для афинской ораторской трибуны; восторженное поклонение своему царю, и прежде и после бившемуся среди них, чудесный ореол его геройских подвигов, отблеск которых падал и на них, упоение властью, наполнявшее каждого в его отдельной сфере чувством собственного достоинства и жаждою новых дел, заставило их забыть, что на родине они могли бы быть мирными пахарями и пастухами. А на самой родине пастухи, пахари и горожане от внезапного подъема своей маленькой страны на высоту славы и исторического величия слушали чудесные рассказы возвращавшихся домой земляков, видели прилив к своему отечеству богатств Азии и быстро привыкали чувствовать себя первым народом вселенной; величие их царей, которые некогда близко и дружественно жили с ними на одном клочке земли, росло, как росли расстояния в Вавилон, в Экбатаны, в Бактрию и Индию, в бесконечную даль.

Наконец, народ эллинов, распадавшийся в географическом отношении на множество эксцентрических кругов, а там, где он жил плотной массой, бывший всегда раздробленным и отличавшийся крайними партикулярными стремлениями, по числу непосредственно заинтересованных в этом деле лиц мог почти не приниматься в расчет в сравнении с народными массами Азии; тем более значения имело то, что мы можем назвать суммой исторического развития греческого мира, — его образованность. Элементами этой образованности или, вернее, их результатами для жизни отдельных лиц и общества были рационализм и демократическая автономия. Рационализм, со всеми своими хорошими и худыми сторонами, — неверием, с одной стороны, суеверием — с другой, а зачастую с тем и другим вместе, отучил умы от старин-

ной искренней религиозности, от веры в вечные силы и от страха перед ними; церемонии, жертвы, знамения и волшебство были единственным их осадком, уцелевшим в народной жизни и сохранившим свое условное значение; ум заменил теперь благочестие; фривольность, жажда приключений и наживы, стремление выдвинуться во что бы то ни стало и умение эксплуатировать свои индивидуальные способности и средства, таковы были импульсы практической морали, приобретавшие все большее и большее значение. Демократия была естественной формой государства, стоявшего на таком основании; уже Солон сказал о своих афинянах: «взятые отдельно, они идут путем лисицы, соединившись вместе, они лишаются рассудка». Чем шире развивалась эта демократия, соединяя свободу с трудом рабов и имея в рабах свой рабочий класс, тем смелее и резче становился этот индивидуализм, который только обострял соперничество в мире греческих государств, заставлял слабых прикрываться своим собственным бессилием, а сильных — более эгоистическим образом пользоваться своею силою, и который довел, наконец, процесс распада и взаимной слабости до невозможного положения вещей, — пока, наконец, победы Александра не открыли совершенно новых путей и не открыли для всякой силы, стремления и дарования, для всякой энергии и предприимчивости неизмеримое поле плодотворной работы. Пусть на родине в Спарте, Афинах и многих других городах таилось немало скорби, гнева и злой воли, пусть греки Тавриды бились и устраивались как могли со своими скифами, а эллины Сицилии и Великой Греции с карфагенянами и италиками, — но многие тысячи манил к себе открывшийся им новый мир дальнего востока: они последовали за вербовщиками Александра, или шли за ним на собственный страх и риск, чтобы служить в его войске, или искать в его лагере разных занятий и заработка и чтобы селиться в новых городах; они привыкали к азиатскому образу жизни и к азиатскому низкопоклонству перед царем и великими мира сего, сохраняя в себе греческого только свою отвагу и свою прежнюю профессию; «образованные люди», если только они не предпочитали быть противниками новшеств, становились тем более восторженными поклонниками великого царя; все эти риторы, поэты, остряки, ораторы и поклонники умных речей занимались тем, что применяли к нему фразы, обыкновенно применявшиеся к героям Марафона и Саламина, к таким героям, как Персей и Геракл, и к победам Вакха и Ахилла; даже почести, принадлежавшие только древним героям и Олимпу, должны были служить прославлению могучего властителя. Софисты уже давно учили, что все те, кому люди молились как богам, были собственно только отличными воителями, хорошими законодателями, обоготворенными людьми; подобно тому, как многие роды гордятся своим происхождением от Зевса или Аполлона, точно так же, в свою очередь, и какой-

нибудь человек своими великими подвигами может достигнуть Олимпа, как некогда Геракл, или сподобиться, подобно Гармодию и Аристокитону, воздаваемых героям почестей. Разве греческие города не воздвигли алтарей, не приносили жертв и не пели пеанов Лисандру, уничтожившему афинское войско? Разве Фасос, прислав торжественное посольство, не предложил устроить апофеоз и воздвигнуть храм «Агесилаю Великому», как его называли? А насколько значительнее были подвига Александра? Каллисфен без всякого колебания писал в своей истории об оракуле Аммона, назвавшем Александра сыном Зевса, и об оракуле Бранхидов в Милете, изрекшем то же самое⁷⁵. Когда впоследствии в греческих государствах было сделано предложение даровать ему божеские почести, то это предложение было местами отвергнуто вовсе не из интересов религии, но из партийных расчетов.

Имея все это в виду, мы можем составить себе приблизительную картину окружавших Александра лиц. Эта пестрая смесь самых противоположных интересов, эта тайная игра соперничеств и интриг, эта непрерывная смена пиров и битв, празднеств и трудов, избытка и лишений, суровой дисциплины во время похода и разнузданных удовольствий в мирное время, затем это постоянное движение вперед все в новые и новые земли, не знающее заботы о будущем и уверенное только в настоящем, — все это соединилось для того, чтобы придать окружавшей Александра обстановке вид авантюры и фантастический характер, гармонизировавший с чудесным блеском его победоносных походов. Рядом с его подавляющей своим величием личностью из общей массы редко выступают отдельные личности, и их характер составляют их отношения к царю⁷⁶; таков благородный Кратер, который, как говорят, любил царя; таков мягкий Гефестион, который любил Александра; таков преданный и всегда готовый исполнить свой долг Лагид Птолемей, спокойный и безусловно преданный Кен, мужественный Лисимах. Общие типы более известны: македонская знать, воинственная, своевольная, властолюбивая, до смешного исполненная чувства собственного достоинства; азиатские вельможи, церемонные, пышно одетые, до тонкости знакомые с искусством роскоши, низкопоклонства и интриги; греки, или состоявшие в кабинете царя, как кардианец Эвмен, или занятые другими техническими работами, или входившие в качестве поэтов, художников и философов в свиту царя, который и среди звука оружия не забывал муз и не жалел ни даров, ни милостей, ни приветливости, чтобы отличить тех, научной славе которых он завидовал.

В числе этих эллинов свиты Александра было в особенности два грека, которые благодаря странному стечению обстоятельств приобрели особое значение в жизни двора. Один был вышеупомянутый олинфянин Каллисфен; ученик и племянник великого

Аристотеля, который прислал его к своему царственному питомцу, он сопровождал царя на восток, чтобы как очевидец поведать потомству о великих подвигах македонян; он, как говорят, сказал, что пришел к Александру не для того, чтобы стяжать себе славу, но чтобы его прославить; присутствию в нем божества не заставит поверить ложь, распускаемую относительно его рождения Олимпиадой: это будет зависеть от того, что он скажет миру в своем историческом труде. Отрывки этого исторического труда показывают, как высоко он ставил его; об его походе вдоль берега Памфилии он говорит, что волны моря улеглись, как бы для того, чтобы принести поклонение (*προσκύνησις*) своему царю; перед битвой при Гавгамелах он заставляет царя воздеть руки к небу и воскликнуть, что, если он сын Зевса, то да помогут ему боги и решат дело в пользу эллинов. Его высокое образование, его талант рассказа, его манера держать себя с достоинством доставили ему уважение и влияние также и в военных кружках. Совсем иным характером отличался Анаксарх из Абдеры, «эвдемоник»; это был человек светский, всегда покорный царю и нередко бывавший ему в тягость; однажды во время бури он, как говорят, спросил его: «Это ты гремишь, сын Зевса?» на что Александр отвечал со смехом: «Я не хочу показываться моим друзьям в таком ужасном виде, как бы этого желал ты, — ты, который презираешь мой стол потому, что я не подаю за ним вместо рыбы голов сатрапов»; это выражение, как говорят, было употреблено Анаксархом, когда он однажды увидел царя радующимся блюду мелкой рыбы, присланной ему Гестеционом. В каком смысле было написано его сочинение о царской власти, мы можем заключить из тех приемов утешения, которыми он, как рассказывают, старался после убийства Клита поднять упавший дух царя: «Разве ты не знаешь, о царь, что правосудие сидит рядом с царем Зевсом, так как все, что делает Зевс, хорошо и справедливо? точно так же все то, что делает царь в этом мире, должно быть признано справедливым сперва им самим, а затем и другими людьми».

Теперь нельзя более определить, когда и по какому поводу началось охлаждение отношений между царем и Каллисфеном. Однажды, как рассказывают, Каллисфен сидел за столом Александра и был приглашен им сказать за вином похвальную речь македонянам; он исполнил это со свойственным ему искусством при громких одобрительных возгласах присутствующих. Тогда царь сказал, что достойные славы дела прославлять нетрудно, и что пусть он покажет свое искусство, произнеся речь против тех же самых македонян и справедливыми упреками научит их лучшей жизни. Софист исполнил это с жестокой язвительностью: несчастные раздоры греков, сказал он, создали могущество Филиппа и Александра; во время смуты ведь и жалкая личность может иногда достигнуть почетного положения. Раздраженные этим маке-

доняне вскочили, а Александр сказал: «Олиньянин дал нам доказательство не своего искусства, но своей ненависти против нас». Каллисфен, уходя домой, трижды сказал самому себе: «И Патрокл должен был умереть, а был ведь выше тебя»⁷⁷.

Естественно, что царь принимал азиатских вельмож согласно с обычным церемониалом персидского двора; но для них было чувствительным неравенством то, что греки и македоняне имели право приближаться к его царскому величеству без таких форм преданности. Каково бы ни были прежнее положение и взгляды царя, — он должен был желать устранить это различие и ввести восточное поклонение в дворский обычай; но, с другой стороны, подобный приказ мог бы дать предрассудкам, которыми были заражены многие, повод к превратным толкованиям и к недовольству. Гефестион и некоторые другие приняли на себя инициативу во введении этого обычая; на первом пиру, как рассказывают, они должны были осуществить его на практике; на нем говорил в этом смысле Анаксарх, а Каллисфен, в своей подробной и серьезно возражавшей против этого намерения речи, обращенной прямо к царю, говорил так беспощадно резко, что царь, видимо оскорбленный, запретил более упоминать об этом деле. В другом рассказе передается, что царь взял за столом золотую чашу и обратился с тостом вначале к тем, с которыми он условился относительно поклонения; тот, к кому он обращался таким образом, выпивал свою чашу, вставал, кланялся в ноги и получал затем поцелуй от царя. Когда, наконец, очередь дошла до Каллисфена и царь обратился с тостом к нему, а сам продолжал разговаривать с сидевшим рядом с ним Гефестионом, то философ выпил чашу и поднялся, чтобы подойти к Александру и поцеловать его; царь показал вид, что не замечает неотдачи поклонения; но один из гетайров сказал: «Не целуй его, о царь, он единственный не молился на твою особу». После этого Александр отказал ему в поцелуе, а Каллисфен, возвращаясь на свое место, сказал: «Итак я ухожу одним поцелуем беднее»⁷⁸.

Многое другое рассказывается еще об этих событиях⁷⁹; заслуживает особого внимания сообщение о том, что, по словам Гефестиона, при предварительном обсуждении этого вопроса Каллисфен тоже положительно согласился на земные поклоны, а еще большего внимания сообщение о том, что телохранитель Лисимах и двое других указали царю на высокомерное поведение софиста и привели его выражения об убиении тиранов, на которые следовало обратить тем более внимания, что его приверженцами были многие из знатной молодежи, смотревшие на его слова, как на изречения оракула, а на него самого, как на единственного свободного человека среди многотысячного войска.

По обычаю, ведшему свое происхождение еще от времен царя Филиппа, сыновья знатных македонян при своем вступлении в

юношеский возраст призывались ко двору и начинали свою карьеру и свое военное поприще около особы царя как «царские юноши» и как его «телохранители»⁸⁰; в военное время они составляли его ближайшую свиту, занимали ночной караул в его жилище, подводили ему лошадь, окружали его за столом и на охоте; они стояли под его непосредственным покровительством, и только он имел право наказывать их; он заботился об их научном образовании и для них главным образом и были приглашены философы, поэты и риторы, сопровождавшие Александра.

В числе этих знатных молодых людей находился Гермолай, сын Сополида, того самого, который был из Навтаки послан для вербовки в Македонию⁸¹. Гермолай, пламенный почитатель Каллисфена и его философии, как кажется, с увлечением воспринял мнения и тенденции своего учителя; с юношеским недовольством смотрел он на эту смесь греческих и персидских обычаев и на пренебрежительное отношение к обычаям македонским. На одной охоте, когда перед царем, которому, по придворному обычаю, принадлежало право метнуть дротик первому, выбежал на тропинку кабан, молодой человек позволил себе метнуть дротик первым и положил животное на месте; при других обстоятельствах царь, может быть, и не обратил бы внимания на это нарушение этикета, но так как то был Гермолай, то он посмотрел на этот поступок, как на сделанный намеренно, и подверг юношу соответственному наказанию, приказав высечь его и отнять у него лошадь. Гермолай не чувствовал неправоты своего поступка, а только возмутительное оскорбление, которое было ему нанесено. Его близким другом был Сострат, сын того самого тимфейца Аминты, который при процессе Филоты был со своими тремя братьями заподозрен в соучастии и который, чтобы доказать свою полную невинность, искал себе смерти в бою; этому Сострату Гермолай открылся, что, если ему не удастся отомстить, то ему жизнь не в жизнь. Склонить на свою сторону Сострата было нетрудно; Александр, сказал он, уже отнял у него отца и теперь опозорил его друга. Оба приятеля посвятили в свою тайну еще четверых других из отряда царских юношей; то были Антипатр, сын бывшего наместника Сирии Асклепиодора, Эпимен, сын Арсеи, Антиклей, сын Феокрита, и фракиец Филота, сын Карсида⁸²; они условились умертвить царя во время сна в ту ночь, когда караул будет занимать Антипатр.

Царь, как рассказывают, ужинал в эту ночь со своими друзьями и затем доле обыкновенного остался в их обществе; когда же после полуночи он хотел подняться, то одна сирийская женщина, предсказательница, следовавшая за ним многие годы и сначала мало обращавшая на себя его внимание, но мало-помалу внушившая ему уважение к себе и добившаяся того, что он стал ее слушать, — эта сириянка внезапно явилась перед ним, когда он хотел

удалиться, и сказал ему, чтобы он оставался и пил всю ночь. Царь последовал этому совету и таким образом в эту ночь план заговорщиков не удался. Продолжение рассказа имеет более правдоподобный вид; несчастные молодые люди не отказались от своего плана, но решили привести его в исполнение при первом ночном карауле, который придется в их очередь; на следующий день Эпимен увидал своего близкого друга Харикла, сына Менандра⁸³, и рассказал ему о том, что уже произошло и что имеет еще произойти. Пораженный Харикл бросился к брату своего друга Эврилоху и заклинал его спасти царя быстрым доносом; Эврилох поспешил в ставку царя и открыл страшный план Лагиду Птолемею. По его доносу, царь приказал немедленно арестовать заговорщиков, которые были допрошены и подвергнуты пытке; они раскрыли свои планы, своих соучастников и заявили, что Каллисфен знал об их намерениях; он тоже был взят под стражу⁸⁴. Призванное для военного суда войско изрекло над осужденными свой приговор и исполнило его по македонскому обычаю⁸⁵. Каллисфен, бывший греком и не бывший солдатом, был закован в цепи с тем, чтобы быть преданным суду впоследствии; Александр, как говорят, писал об этом Антипатру: «Юношей побили камнями македоняне, софиста же я хочу наказать сам, а также и тех, которые прислали его ко мне и которые принимают в свои города изменников против меня». По показаниям Аристобула, Каллисфен умер пленником позднее во время похода в Индию, а по словам Птолемея, он был предан пытке и повешен.



ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Индия. — Война по сю сторону Инда. — Переход через Инд. — Поход к Гидаспу. — Государь Таксил. — Война с царем Пором. — Битва при Гидаспе. — Война с независимыми племенами. — Войско на берегах Гифасиса. — Возвращение

Индия представляет собою совершенно особый мир. Совершенно изолированная своеобразным характером своей природы, своего населения, своей религии и образованности, она в течение долгих веков была известна западному миру древности только по имени, только как лежащая на восточных окраинах земли страна чудес. Ее омывают с двух сторон океаны, в которых только долгое время спустя промышленности и науке суждено было найти пути самого легкого и верного сообщения; с двух других сторон двойной и тройной стеною громоздятся массы гор, принадлежащих частью к числу самых высоких гор на земле, занесенные снегом проходы которых на севере и сожженные солнцем скалистые ущелья на западе открывают с трудом дорогу разве лишь благочестивому пилигриму, кочевому торговцу и разбойнику пустыни, но никак не для международных сношений.

У народонаселения Индии с того времени, как оно перестало принадлежать самому себе, воспоминание о его прошлом расплылось и исчезло в лишенных времени и пространства фантастических представлениях; но позади всего этого лежит прошлое, полное величественного и многостороннего развития, зарождение и развитие религиозных, иерархических и политических начал, в которых этот своеобразный характер индийского мира нашел свое завершение. Македонский завоеватель, первый европеец, нашедший путь в Индию, видел ее в полном расцвете, прежде чем она сделала первый шаг назад.

Он нашел место, которое как бы служит воротами к индийским землям. Здесь через стену гор, отделяющих Индию от западного мира, прорывается поток; начинаясь на горных вершинах, где недалеко друг от друга вытекают воды Бактрии и Арианы, Кофен, усиленный многочисленными притоками с севера, катит свои воды на восток к руслу широкого Инда; тщетно справа и слева от этой текущей с запада реки громоздятся массы диких скал, — они от-

крывают его быстрым водам узкую долину, в конце которой смеющаяся равнина Пешавара служит входом в Индию с ее пышной растительностью и тропическим климатом. Но здесь представляется взору еще не настоящая Индия; пять рек Пенджаба, разливы летних месяцев, раскинувшиеся на юг и восток широким поясом степи делают запад Индии вторым оплотом священной страны Ганга; так и кажется, как будто природа желала все-таки еще сделать попытку защитить своего любимца от опасностей, которым сама же она открыла дорогу. Все, что индус знает великого и святого, связано с землею Ганга; здесь лежит родина старинной чистой веры и строгого разделения каст, родившихся из Брахмы; здесь находятся наиболее чтимые святые места и священные реки. Племена на западе степей, хотя и родственные с индусами по происхождению и религии, отступили от строгой чистоты божественного закона; они не избегли сношений с внешним миром, они не сохранили того величия царской власти, той чистоты каст, той замкнутости по отношению к нечистым и ненавистным чужеземцам, которые являются условием, гарантией и доказательством святой жизни; они есть выродившаяся и отданная на жертву чужеземцам часть населения.

Так было уже во время Александра. Высокоразвитые брахманические народы арийского племени, жившие тогда в долине Ганга, забыли, что и они некогда обитали в стране «семи рек», что при своих переселениях в дни незапамятной древности они пришли сюда через эти западные ворота, так как имена их знаменитейших родов, сохранившиеся на Оксе и Яксарте, позволяют вывести это заключение относительно их прежних мест жительства. По их следам потянулись туда другие арийские по языку и обычаям народы¹; но слишком слабые или недовольно решительные для крупных предприятий, они остались на горных пастбищах по реке Кофену и по его притокам до самого Инда.

Это было время могущества Ассирии; ее войска, двинувшись от Тигра, завоевали и обширную сирийскую низменность, и арийское плоскогорье; но рассказывают, что Семирамида видела, как на мосту Инда верблюды степей запада бежали перед слонами индийского востока². Затем следовало владычество мидян и персов; со времени Кира между сатрапиями царства упоминается также и Гайдара, в персидских войсках Ксеркса упоминаются гандаряне и другие индусы³; а Дарий послал из своего города Каспатира, — вероятно, Кабул — греческого мужа к Инду, чтобы тот спустился по нему до самого моря, и последний затем возвратился по арабскому морю; эта миссия дает нам некоторое представление об обширных планах царя; но войны Персии на западе и быстро наступивший упадок царства не дозволил им осуществиться.

Никогда господство Ахеменидов не простиралось за Инд; лежащая у подножия Парапамиса равнина, заселенная самыми за-

падными племенами индийской национальности, была последней областью, которой владели эти персидские цари; отсюда были выведены слоны последнего персидского царя, — первые, которых видел западный мир; вместе с ними принимали участие в битве при Гавгамелах индусы, «соседние с Бактрией», под предводительством Бесса, и горные индусы под предводительством сатрапа Арахосии Барсаента. По ту сторону Инда шла цепь независимых государств, простиравшаяся к востоку по области пяти рек до пустыни, а к югу до устьев Инда — калейдоскоп мелких и больших народов, государств и республик, пестрая смесь политической раздробленности и религиозных разногласий, не имевшая между собой никакого другого связующего элемента, кроме взаимной ревности и постоянной смены вероломных союзов и эгоистических раздоров.

Подчинением себе Согдианы Александр закончил покорение персидского царства; занятая им в 329 году сатрапия Парапамиса, в которой он основал Александрию Кавказскую, была предназначена служить отправным пунктом похода в Индию. В наших источниках не упоминается о военной и политической идее этого похода; она станет нам достаточно ясной из связи дальнейших событий.

У Александра были уже завязаны различные сношения за Индом; особенно важную роль играли отношения к государям Таксилы (Такшасилы).

Их царство лежало на восточном берегу Инда, против впадения в него Кофена; простираясь к востоку по направлению к Гидаспу, оно по обширности своей, как ее определяли, равнялось Египетскому наместничеству. Их царь, враждовавший со многими из своих соседей и главным образом с царем Навравой или Пором, чье царство лежало по Гидаспу, и в то же время жаждавший расширить свою область, посоветовал Александру, в бытность последнего в Согдиане, предпринять поход в Индию и заявил о своей готовности воевать заодно с ним против индусов, которые дерзнут сопротивляться ему⁴. В числе окружавших Александра лиц находился теперь также и еще один царь лежавшей по сю сторону Инда области; то был Сисикотт, который, когда македоняне наступали из Арахосии, прибыл к Бессу в Бактрию и который, когда предприятие последнего рушилось так печально, стал на сторону победителя и отныне преданно служил ему⁵. С помощью этих связей Александр мог получить о положении вещей в Индии, о природе страны и ее населения сведения, достаточные для того, чтобы с некоторой точностью определить ход своего предприятия и необходимые для него приготовления и боевые силы.

Приготовления эти за последний год позволяют нам правильно оценить предстоявшие Александру трудности. Находившееся в его распоряжении войско, которое со времени уничтожения пер-

сидской армии не должно было быть особенно значительным по своей численности, которую оно имело в Бактрии за два последних года, было недостаточно для войны с густонаселенными и располагавшими значительными войсками государствами Индии. Впрочем, в Азию прибывали все новые и новые тысячи войск, отчасти македонских, обязанных воинской повинностью⁶, отчасти состоявших из фракийских, агрианских и греческих наемников, привлеченных жаждою добычи и славы, так что первоначальное число 35 000, с которым Александр начал войну в 334 году, должно было все-таки удвоиться в течение шести лет⁷, несмотря на потери, причиненные постоянными трудами, походами по покрытым снегом горам и по пустыням, климатическими условиями и нездоровым образом жизни, в котором недостаток сменялся излишествами. Но отчасти царь отпустил на родину греческих и фессалийских союзников, отчасти значительное число войск осталось стоять гарнизонами в занятых землях и в их главных военных пунктах; в одной Бактриане остался корпус, состоявший из 10 000 пехотинцев и 3500 всадников⁸; не менее значительные боевые силы должны были стоять в арахосийской Александрии, в Экбатанах, Вавилоне, Египте и т.д., хотя, вероятно, западные сатрапии получали свои гарнизоны не из главной армии, но из Европы. Для похода на Индию царь усилил свое войско воинственными народами Арианы и лежавших по Оксу земель⁹. Скоро при вооружении флота на Инде мы увидим, что в войске находилось также значительное число финикийцев, киприотов и египтян¹⁰. Численность войска около того времени, когда оно спускалось по Инду, по заслуживающим доверия показаниям, достигала 120 000 человек¹¹.

Мы видим, что это войско по своему составу уже не было более греко-македонским, каким оно было по своей организации¹²; и тот факт, что с этим войском были сделаны следующие кампании, позволяет нам достоверно заключить о твердости господствовавшей в нем дисциплины, об администрации и организации армии, об авторитете, которым пользовались начальствующие лица и главным образом о военных дарованиях и отличном составе офицеров; обо всем этом, правда, источники не говорят нам ни одного слова, но эти данные необходимы для правильной оценки исторического и военного значения Александра. Войско, воспринявшее в твердые рамки македонской организации такое множество чуждых элементов и ассимилировавшее их с собою, сделалось ядром и, если нам будет позволено так выразиться, школой эллинистического духа, который, с одной стороны, вытекал из самой природы эллинистического государства, а с другой — только один и делал возможным его создание. Если Александр как в Египте и Сирии, в Иране и Бактрии, так и в Индии оставил в качестве гарнизонов и граждан новых городов многие тысячи своих воинов и вместо них принял в свое войско значительное количество



азиатов, то это более всего другого показывает смелую последовательность его планов и его веру в их правильность и силу; и понятно, что от этих планов не могли отвлечь его попытки оппозиции гордых македонян и греческих либералов; при том престиже власти, которым пользовалась его личность, он был уверен в том, что заставит следовать указаниям своей воли ту гордость и слабость, которую он может еще повстречать.

Под конец весны 327 года Александр выступил из Бактрии. Горные дороги, на которых два года тому назад было перенесено столько лишений, были теперь свободны от снега; запасы имелись в изобилии; более коротким путем¹³ после десятидневного перехода они достигли города Александрии, лежавшего на южном склоне горы.

Царь нашел ее не в таком положении, в каком ожидал. Нилосен, не исполнивший своих обязанностей начальника с нужным благоразумием и силой, был сменен; перс Проект тоже лишился своего звания сатрапа парапамисадов. Народонаселение города было увеличено жителями из окрестностей, неспособные к службе воины тоже были оставлены в нем; начальство над городом и его гарнизоном и поручение заботиться о его дальнейшей постройке получил один из гетайров, Никанор¹⁴; Тириасп был назначен сатрапом этой области, границей которой отныне должна была служить река Кофен¹⁵. По этой прекрасной, цветущей и обильной плодами местности Александр прежде всего двинулся в Nikeю¹⁶; начало нового похода было, согласно его обычаю, возведено принесенными им Афине жертвами.

Войско приблизилось к границе парапамисадов, которая, вероятно, была там, где кончается верхняя равнина Кофена. Здесь уже достигшая значительной ширины река вступает в скалистую долину, служащую как бы воротами к бассейну Инда; по ее южной стороне тянутся предгория высокого Сефид-Куха, которые на правом берегу этой реки образуют тянущиеся на семь миль хайбарские проходы, от Даки до крепости Али-Месджида и до Джамруда, лежащего несколько ближе Пешавара, между тем как на ее левом северном берегу от высокой цепи западного Гималая, отделяется несколько значительных горных хребтов, подходящих близко к берегам реки. Хоасп (Камех или Кунар) и далее к востоку Гурей (Панджора), оба имеющие значительное число боковых притоков и боковых долин, образуют многочисленные горные кантоны этой «лежащей по сю сторону Инда» страны, жители которых носят общее имя Асваки, хотя отдельные округа, находящиеся большей частью во власти особых государей, называются особыми именами. В самой долине Кофена жили астакенцы, названные так, вероятно, потому, что поселились на западе (аста) от Инда.

Из Nikeи Александр послал вперед себя глашатаев к индийским государям, царствовавшим по нижнему течению Кофена и на

берегах Инда; он приглашал их к себе для принятия от них изъявлений покорности. Поэтому к нему явился государь Таксил и многие раджи земель, лежащих по сю сторону Инда, на разукрашенных слонах и с богатой свитой согласно с требованиями роскошного этикета индийских монархов; они привезли царю дорогие подарки и предложили ему воспользоваться, для чего ему угодно, их слонами, которых было двадцать пять штук. Александр заявил им, что надеется в течение этого лета покорить земли до самого Инда, что сумеет наградить тех государей, которые явились к нему, и заставить повиноваться тех, которые не покорились; зиму он думает провести на берегах Инда, чтобы следующей весной наказать врагов своего союзника, государя Таксил. Затем он разделил все свои боевые силы на две армии, из которых одна под предводительством Пердикки и Гестииона должна была идти к Инду по правому берегу Кофена, между тем как сам он с остальными войсками намеревался пройти по полным опасностей, населенным воинственными народами землям на северном берегу той же самой реки. Целью этого двойного движения и одновременного нападения на жившие на юг и на север от Кофена племена было лишить их возможности соединиться друг с другом для общего сопротивления и взаимной поддержки, заставить одновременно наступательным движением армии по долинам северной стороны реки неприятеля очистить проходы на юг, а по взятии этих южных проходов напасть с тыла на племена севера, против которых шла колонна царя; соединительным пунктом была назначена лежавшая между Пешаваром и Аттоком равнина. Имея в своих руках дороги и проходы позади себя, они могли приступить к переправе через Инд безопасно¹⁷.

Гестиион и Пердикка с фалангами Горгия, Клита, Мелеагра, с половиной македонской конницы и со всеми наемными всадниками двинулись по правому берегу реки, и с ними возвратились в свои земли индийские государи, изъявившие покорность царю. Им было приказано занимать все важные пункты или, в случае отказа в сдаче, брать их открытой силой, а, достигнув берегов Инда, немедленно приступить к постройке моста через Инд, по которому Александр думал проникнуть в глубь Индии¹⁸.

Сам Александр с гипаспистами, другой половиной конницы, большею частью фалан¹⁹, со стрелками, агрианами и конными аконтистами переправился через Кофен и двинулся к востоку через проход Джеллалабада. Здесь в Кофен впадает Хоэс, или Хоасп²⁰, берущий свое начало в глетчерах высоких гор Пушти-Кура и образующий выше вдоль могучих скал Хонда дикую долину, другую сторону которой замыкает почти настолько же высокий горный хребет, отделяющий эту долину от долины Гурей; для военных операций эта местность представляла большие затруднения. Здесь имел свои жилища, свои горные крепости, свои многочисленные

стада народ аспасиев²¹; в нескольких днях пути к северу на берегах Хоаспа лежала его столица, важная также и потому, что мимо нее (по долине Титраля) идет через горы дорога к источникам Окса²². Когда Александр переправился через эту реку и, идя далее по суживавшейся постепенно долине, достиг южных границ аспасийской земли, жители бежали частью в горы, частью в укрепленные города, решившись оказать сопротивление македонянам. Тем более спешил Александр вперед; со всей конницей и с 800 гипаспистов, которые были тоже посажены на коней, он бросился вперед и скоро достиг первого города аспасиев, укрепленного двойными стенами и защищаемого значительными боевыми силами, находившимися вдоль стен. Царь немедленно пошел на них в атаку; после жаркой битвы, в которой он сам был ранен в плечо, а из окружавшей его свиты были ранены телохранители Птолемей и Леоннат, варвары должны были отступить за стены своего города. Наступление вечера, усталость войск и рана царя сделали продолжение битвы невозможным; македоняне стали лагерем под самыми стенами города. Рано утром на следующий день начался штурм; македоняне взобрались на стену и овладели ей; только теперь заметили они вторую, еще более крепкую, стену города, которая оберегалась самым заботливым образом. Между тем подошла главная масса войска; они немедленно приступили к новому нападению; пока стрелки со всех сторон стреляли в расположенные на стенах посты, были приставлены штурмовые лестницы и скоро там и сям осаждающие вскарабкались на башни; неприятель, не будучи в состоянии держаться долее, старался выйти из ворот города и спастись в горы; многие из них были перебиты; македоняне, раздраженные полученною их царем ранюю, никому не давали пощады; самый город был сровнен с землею²³.

Этот первый быстрый успех не замедлил произвести желаемое впечатление. Немедленно сдался второй город, Андака. Здесь был оставлен Кратер с тяжелой пехотой, чтобы принудить покориться остальные находящиеся поблизости города и затем двинуться через горы к Аригею, находящемуся в долине Гуря (Панджкора)²⁴. Сам Александр обратился с остальными войсками на северо-восток к Эвасиле, чтобы с возможною быстротою достигнуть этого города, где он надеялся захватить в свои руки государя этой страны²⁵. Он достиг города уже на другой день, но весть о его приближении опередила его; весь город был объят пламенем и ведущие к горам дороги были покрыты беглецами; началась страшная резня, но сам царь аспасиев со своими многочисленными и хорошо вооруженными телохранителями уже достиг непроездных высот. Птолемей, узнавший среди толпы царский поезд и бросившийся энергично преследовать его, когда подъем сделался слишком крут для его лошадей, пустился пешком во главе окружавших его немногих гипаспистов возможно

скорее преследовать бегущих; тогда государь со своею свитою внезапно обратился назад и напал на македонян; сам он бросился на Птолемея и метнул ему дротиком в грудь; спасенный своею кольчугою, последний пронзил копьем бедро государя и поверг его мертвым на землю. Смерть государя решила победу; пока македоняне преследовали и убивали бегущих, Лагид начал снимать доспехи с тела государя. Аспасии увидели это с гор; в дикой ярости они бросились вниз, чтобы спасти хотя бы тело своего государя; тем временем подоспел и Александр; завязался жаркий бой, и македонянам с трудом удалось отбить тело; после жаркой битвы лишенные предводителя варвары отступили в глубину гор.

Не желая далее проникать в горы, Александр вверх по течению Эвасплы обратился к востоку, чтобы через ведущие в долине Гурея горные проходы достичь города Аригея²⁶. Он нашел город сожженным и покинутым жителями, которые бежали в горы. Важность этого пункта, господствующего над ведущей к Хоаспу дорогой побудила царя поручить подошедшему с юга Кратеру восстановление этого города, причем он повелел водворить здесь неспособных к военной службе македонян и всех тех туземцев, которые изъявят на это желание. Таким образом занятие Андаки и Аригея отдало в руки македонян оба ведущих к Хоаспу прохода. Но представлялось необходимым дать почувствовать перевес македонского оружия храбрым жителям гор на север от города, занимавшим там угрожающее положение. Александр двинулся из Аригея походом на горы; вечером он стал лагерем у подножия гор; Птолемей, посланный на рекогносцировку, принес известие, что на горах видно множество огней и что, как надо полагать, враги значительно превосходят их численностью. Было решено немедленно приступить к нападению; одна часть войска заняла позицию у подошвы горы, а сам царь с остальными силами двинулся в горы; увидав неприятельские огни, он приказал Леоннату и Птолемею обогнуть справа и слева позиции врагов, чтобы единовременным нападением с трех сторон разделить их превосходные силы; он сам двинулся на высоты, где стояли главные силы варваров. Едва последние увидели наступавших на них македонян, как, полагаясь на свой численный перевес, они бросились с высот на Александра; завязалась упорная борьба. В это время успел подойти и Птолемей; но так как здесь варвары не спустились вниз, то он был принужден начать битву на неровном месте; с громадными усилиями ему, наконец, удалось взобраться по склонам наверх и оттеснить неприятеля к той стороне высот, которую он оставил незанятою, чтобы не вынудить его защищаться с энергией отчаяния, как это было бы, окружи он его со всех сторон. Леоннат тоже заставил неприятеля отступить, а Александр уже преследовал разбитые главные силы центра, и одержанная с таким трудом победа завершилась страшным кровопролитием; 40 000 человек было взя-



то в плен; несметные стада скота, составлявшие богатство этого горного народа, попали в руки победителя; Птолемей рассказывает, что здесь было около 230 000 голов скота, из которых Александр выбрал лучшие экземпляры, чтобы послать их для надобностей земледелия в Македонию²⁷.

Тем временем получались известия, что ассакены, жившие в долине ближайшей реки, вооружаются весьма ревностно, что они призвали к себе наемников из-за Инда и уже собрали войско в 30 000 пехотинцев, 20 000 всадников и 30 слонов. Чтобы достигнуть их страны, царь должен был сначала спуститься вниз по долине глубокого и быстрого Гурей, верхнюю часть которой он покорил; он быстро двинулся вперед с частью своих войск, а Кратер с остальными войсками и с тяжелыми машинами несколько медленнее следовал за ним из Аригея. Горные дороги и холодные ночи затрудняли движение; тем приветливее и богаче показалась им долина, к которой они спустились. Кругом были виноградники, рощи миндальных деревьев и лавров, на горах были повыстроены мирные деревушки, несчетные стада паслись на горных пастбищах. Здесь, как рассказывают, в ставку царя явились самые знатные вельможи страны, с Акуфисом во главе; войдя и увидав его во всем блеске его вооружения, сидящим опершись на копье и в высоком шлеме, они в изумлении пали на колени; царь приказал им встать и говорить. Они назвали имя своей крепости Нисы, и рассказали, что они пришли сюда с запада и с того времени живут самостоятельно и счастливо, управляемые аристократией из тридцати знатных лиц. На это Александр заявил им, что он оставит им их свободу и независимость, что Акуфис будет первым в числе знатных лиц страны и что, наконец, они должны прислать в войско царя несколько сот всадников. Такова должна была быть приблизительно истинная основа дела, которое впоследствии передавали разукрашенным полными чудес подробностями: отныне низейцев называли прямыми потомками спутников Диониса, чьи походы греческие мифы уже и прежде распространили до Индии; храбрые македоняне, вдали от своего отечества, почувствовали себя здесь как дома среди родных воспоминаний²⁸.

Отсюда из Нисы Александр, перейдя через быстрый Гурей, двинулся на восток к земле ассакенов. При его приближении они отступили в свои укрепленные города; самым значительным из этих городов были Массаги²⁹; государь той страны надеялся, что ему удастся удержаться в ней. Александр двинулся вслед за ним и стал лагерем под стенами города; враги, рассчитывая на свои силы, тотчас же произвели вылазку; притворным отступлением македоняне выманили их на получасовое расстояние от ворот, они преследовали торопливо и без всякого порядка с дикими победными криками; тогда македоняне неожиданно обернулись и быстрым шагом бросились на индусов; впереди была легкая пехота, а царь

во главе своих фаланг следовал за ними; после непродолжительного боя индусы отступили со значительными потерями; Александр преследовал их по пятам, но его намерение ворваться в ворота вместе с ними не удалось. Тогда он поскакал вдоль стены, чтобы назначить пункты для нападения на следующий день; здесь он был ранен стрелой, пущенной с башен города, и с легкою ранюю в ногу возвратился в лагерь. На другой же день начали работать машины и скоро брешь была пробита; македоняне пытались проникнуть через нее в город, но храбрая и осторожная оборона неприятеля принудила их, наконец, вечером отступить. Нападение было возобновлено со всей энергией на следующий день, под прикрытием деревянной башни, которая своими выстрелами держала защитников вдали от одной части стены; однако и таким образом не могли подвинуться вперед ни на один шаг. Ночь была проведена в вооружениях, к стенам были подвезены новые тараны, новые черепахи и, наконец, подвижная башня, подъемный мост которой должен был вести прямо на башни города. Утром были двинуты фаланги, и в то же время сам царь повел своих гипаспистов в башню и напомнил им, что они точно таким же образом взяли Тир; все горело желанием сразиться и взять город, который уже слишком долго сопротивляется им. Подъемный мост был спущен, македоняне тесною толпою бросились на него и каждый желал быть первым; мост подломился под их страшной тяжестью и храбрецы попадали вниз и разбились. Индусы, видя это, испустили громкий крик и начали с башен метать камни, бревна и стрелы в македонян; они бросились из ворот города в открытое поле, чтобы воспользоваться смущением неприятеля; македоняне начали отступать на всех пунктах; фаланге Алкета, которой было поручено царем защитить умирающих от ярости врагов и отнести их в лагерь, едва удалось исполнить дело. Все это только усиливало в македонянах озлобление и жажду боя; на следующий день башня была снова подвезена к стенам и снова был спущен подъемный мост; но индусы защищались с полным успехом, хотя их ряды постепенно редели, а опасность для них росла. В это время их государь был поражен пущенною из катапульты стрелою и пал мертвым на землю. Это, наконец, заставило осажденных начать переговоры, чтобы сдаться на волю победителя.

Александр, полный справедливого удивления перед храбростью своих врагов, был готов прекратить борьбу, которой нельзя было довести до конца без большого кровопролития; он потребовал сдачи города, поступления индийских наемников в македонскую армию и выдачи царского семейства³⁰. Эти условия были приняты, мать и дочь государя прибыли в лагерь царя; индийские наемники в полном вооружении выступили из города и стали лагерем на некотором расстоянии от войска, с которым отныне они должны были соединиться. Но полные отвращения к чужеземцам



и не будучи в состоянии примириться с тою мыслью, что отныне им придется заодно с ними воевать против своих единоплеменников, они составили несчастный план бежать ночью и идти к Инду. Об этом был извещен Александр; убежденный, что переговоры не поведут ни к чему, а всякое колебание будет опасно, он приказал окружить их ночью и перебить всех. Таким образом он стал господином одного из важнейших пунктов в земле ассакенов³¹.

По взятии Массаг уже казалось нетрудным довершить оккупацию лишненного повелителя государства. Александр послал к югу несколько войск под предводительством Кена к крепости Базире, убежденный, что она сдастся при вести о падении Массаг; другой отряд — под предводительством Алкета двинулся к северу против крепости Оры³² с приказом блокировать город до тех пор, пока не подойдет главная армия. Скоро из обоих мест получились неблагоприятные известия; Алкет, отражая вылазку оритов, понес большие потери, а Кен, нашедший Базиру весьма далекой от мысли о сдаче, мог держаться только с большим трудом. Александр уже собирался выступить туда, когда получил известие, что раджа Кашмира Абисар заключил союз с Орой, которая благодаря его посредничеству получила от жителей гор севера значительное число войск³³; поэтому он послал Кену приказ укрепить около Базире какой-нибудь надежный пункт, чтобы преградить всякое сообщение с крепостью, а затем идти к нему с остальными войсками. Он сам поспешил в Ору; город, несмотря на свои отличные укрепления и храбрую защиту, не был в состоянии держаться и был взят штурмом; в руки македонян попала богатая добыча и в том числе несколько слонов. Тем временем Кен согласно полученному приказу начал отступать от Базире; лишь только индусы заметили это движение, как они выбежали из ворот и бросились на македонян; начался жаркий бой, в котором они принуждены были, наконец, отступить, когда притом еще распространилось известие, что сама Ора сдалась македонянам, базириты потеряли всякую надежду на то, что им удастся удержаться в своей крепости; в полночь они вышли из города и отступили в горную крепость Аорн, лежавшую на берегах Инда недалеко от южной границы земли ассакенов.

Взятие этих трех мест, Массаг, Оры и Базире, сделало Александра господином горной страны на севере Кофена, к югу от которой находилась территория государя Певкелы, Астиса³⁴. Этот государь, как кажется, расширил свою область за счет своих соседей, а сам стал твердою ногою на южном берегу реки Кофена; Сангей, прибывший беглецом к Таксилу, был лишен им своего государства; когда глашатаи Александра вызывали государей Индии в Никею, ни Астис, ни Ассакен не последовали этому приглашению. Но счастливые успехи македонского оружия, приближение царя и смерть Ассакена заставили государя Певкелы, желавшего избег-

нужности встретиться лицом к лицу с великим царем и с его страшными боевыми силами, покинуть землю своих предков и искать убежища в своих новых владениях к югу от Кофена; здесь в сильной горной крепости он надеялся выдержать нападение южной македонской армии. Между тем Гефестион при своем движении вперед подошел к стенам этой крепости и взял ее штурмом после тридцатидневной осады; при штурме сам Астис был убит, а город с разрешения Александра был отдан Сангею, который находился у Таксила. Самый город Певкела³⁵, лишенный предводителя и защитников, сдался добровольно, когда к нему подступил Александр, прибывший из соседней земли ассакаенов; в него был назначен македонский гарнизон. Его примеру последовали другие менее значительные города до самого Инда, и царь, направляясь к этой реке, пошел к Эмболимам, лежавшим в нескольких милях выше устья Кофена³⁶.

Таким образом, в течение лета после целого ряда значительных и трудных сражений была покорена земля парапамисадов до самого Инда. Гефестион завладел страной на южном берегу Кофена, где долина этой реки скоро замыкается пустынными горами, и горная крепость Астис и Оробатида, которую он взял и занял своими македонянами, сделались военными опорными пунктами для завоевания южного берега. На севере были по очереди пройдены долины рек Хоаспа, Гурея и Суаста, земли аспасиев, гуреев, ассакаенов и певкелаотов, жившие по верхнему Хоаспу и по Гурею варвары были прогнаны далеко в горы, наконец, безопасность была обеспечена в долине гуреев крепостями Андакой и Аригеем, в земле ассакаенов — Массагами, Орой и Базирой, а на западном берегу Инда — Певкелой. Эта страна, большая часть которой осталась во власти туземных государей³⁷, стала отныне в зависимые отношения к Македонии и получила под именем Индии по сю сторону Инда особого сатрапа.

Около Инда индусы занимали теперь только одну крепость, расположенную на горе; македоняне называли ее Аорном (Бесптичьем), в знак того, что птица не может взлететь на нее. Милях в пяти расстояния от впадения Кофена в Инд высится отдельная скала, последний отрог северо-западных гор³⁸, диаметр которой у подножия достигал, по сказаниям древних, четырех миль, а высота — равнялась 5000 футов; на площадке этой крутой горы была расположена эта замечательная горная крепость, стены которой окружали сады, источники и рощи, так что многие тысячи людей могли наверху поддерживать свое существование в течение целых лет. Сюда бежали многие индусы равнины, полные веры в надежность этой крепости, о неприступности которой ходили различные сказания³⁹. Тем необходимее было для царя взять эту скалу; он не должен был упускать из виду того нравственного впечатления, которое не замедлила бы оказать на его войска и на индусов

удачная попытка овладеть Аорном; прежде всего он должен был помнить то, что в руках неприятеля этот важный пункт мог сделаться побудительной причиной и точкой опоры для крайне опасных движений в тылу его армии. Теперь, когда земли кругом были покорены, когда благодаря занятой при Инде твердой позиции сделалось возможным снабжать провиантом осаждающее войско даже в случае самой продолжительной осады, Александр начал свои дерзкие и опасные операции.

Его непоколебимое решение взять эту крепость было единственным основанием рассчитывать на возможность успеха. Он оставил Кратера в Эмболимах на берегах Инда и взял с собою только агрианов, стрелков, таксис Кена и отборных наиболее легких пехотинцев из других таксисов, 200 всадников из отряда гетайров и 100 конных стрелков; с этим корпусом он стал лагерем у подножия скалы. Но наверх вела только одна дорога, устроенная так искусно, что ее можно было легко и успешно защищать на всяком пункте. В это время к нему явились люди, жившие недалеко от скалы, изъявили ему свою покорность и предложили свести его к такому месту скалы, откуда можно будет напасть на крепость и овладеть ею без большого труда. Телохранителю Птолемею, сыну Лага, с агрианами, с остальной легкой пехотой и отборными гипаспистами было дано поручение взойти на скалу вместе с индийскими вожаками; по крутым и заглохшим тропинкам он, незамеченный варварами, достиг условленного места, укрепился там частоколом и зажег условленный сигнальный огонь. Увидав это, царь назначил штурм на следующее утро, в той надежде, что Птолемей приступит к нападению на верху горы одновременно с ним⁴⁰. Между тем войскам, которые повели атаку снизу, оказалось невозможным добиться хотя бы малейшего успеха; индусы, вполне обеспеченные с этой стороны, с тем большею смелостью обратились против занятых Птолемеем высот, и только с величайшим трудом удалось Лагиду удержаться за своими укреплениями. Его стрелки и агрианы нанесли большой урон неприятелю, который с наступлением ночи отступил в свою крепость.

Неудача этой попытки убедила Александра, что снизу достигнуть цели невозможно; поэтому он послал ночью со знающим местность человеком письменный приказ Птолемею, чтобы тот, когда он на следующий день сделает попытку штурма на более близком к Птолемею месте и когда затем из крепости будет произведена вылазка против атакующих, напал сверху на неприятеля с тыла и во что бы то ни стало попытался соединиться с Александром. Так и было сделано; с зарею следующего дня царь стоял у подошвы горы близ того места, где поднялся наверх Птолемей. Скоро индусы бросились сюда, чтобы защищать узкие тропинки; упорный бой продолжался до полудня, тогда неприятель начал немного отступать; Птолемей со своей стороны делал все воз-

можное; к вечеру удалось подняться по тропинкам наверх и оба отряда войска соединились. Отступление неприятеля, которое становилось все более и более быстрым, и возбужденное успехом мужество его храбрых воинов побудили царя преследовать бегущих индусов, чтобы, пользуясь смятением, постараться овладеть входом в крепость; это, однако, не удалось, а для штурма было слишком мало места.

Он отступил на укрепленную Птолемеем возвышенность, которая, будучи ниже крепости⁴¹, была отделена от нее широким и глубоким оврагом.

Необходимо было преодолеть невыгодные условия местности и построить через овраг плотину, чтобы приблизиться к крепости, по крайней мере, настолько, чтобы выстрелы могли достигать ее стен. На следующее утро началась работа; царь был везде, хваля, ободряя, работая сам; все соревновались друг с другом в усердии, рубили деревья, опускали их на дно оврага, нагромождали осколки скал и сыпали сверху землю; уже к концу первого дня плотина подвинулась вперед на триста шагов; индусы, отнесшиеся сначала с насмешкой к этому отважному предприятию, на следующий день старались мешать работе; скоро плотина подвинулась настолько далеко, что пращники и машины могли отражать нападения индусов. На шестой день плотина приблизилась к холму, который находился на одной высоте с крепостью и был занят неприятелем; обладание им должно было решить судьбу крепости. Против нее был послан отряд отборных македонян; началась отчаянная борьба; сам Александр бросился помочь им во главе своих телохранителей; с величайшим трудом холм удалось взять штурмом. Этот успех и постоянный рост плотины, которому ничто уже не могло более мешать, заставил индусов отчаяться в том, что им удастся долго обороняться против неприятеля, которого не могли удержать ни скалы, ни пропасти и который дал изумительное доказательство того, что воля и сила человека в состоянии преодолеть последнюю преграду, воздвигнутую природой в ее исполинских сооружениях, и обратить ее в средство для достижения своих целей. Они послали к Александру глашатая с предложением сдать ему крепость на выгодных условиях; они хотели выиграть время только до ночи, чтобы тогда по потаенным дорогам бежать из крепости и рассеяться по равнине. Александр заметил их намерение; он снял свои посты и позволил им начать отступление беспрепятственно; затем он отобрал 700 гипаспистов, поднялся в тишине ночи на скалу и начал взбираться на оставленную защитниками стену; он сам был наверху первым; когда его отряд поднялся за ним следом на различных пунктах, все войска Александра с громким боевым криком бросились на неприготовившихся ни к чему, кроме бегства, врагов; многие были убиты, другие разбились в пропастях; на следующий день войско при зву-





ках труб вступило в расположенную на скале крепость. Этот счастливый конец предприятия, который сделала возможным только отвага Александра и храбрость его войск, был отпразднован богатыми и радостными жертвоприношениями. Укрепления самой крепости были усилены новыми сооружениями⁴², в ней был оставлен македонский гарнизон и ее начальником был назначен раджа Сисикотт, сумевший внушить к себе доверие царю. Обладание этой крепостью представляло большую важность для защиты Индии по сю сторону Инда; она господствовала над равниной между Суастом, Кофеном и Индом, которая видна из нее на расстояние многих миль, и над впадением Кофена в Инд⁴³.

Тем временем в земле ассакиенов обнаружилось опасное движение; брат павшего в Массасагах государя Ассакена⁴⁴ собрал войско из 20 000 человек и 15 слонов и бросился в горы верхней страны; крепость Дирта⁴⁵ была в его руках; он считал себя достаточно защищенным недоступностью этой дикой гористой местности и думал, что дальнейшее движение царя скоро доставит ему случай расширить свои владения. Тем необходимее было уничтожить его. Лишь только Аорн был взят, как царь с несколькими тысячами человек легких войск поспешил к расположенной в верхней стране Дирте; одной вести о его приближении было достаточно, чтобы обратить в бегство претендента; вместе с ним бежало окрестное население. Царь выслал несколько отрядов, которые должны были обойти окрестности и найти следы бежавшего государя и в особенности слонов; он узнал, что все бежали в лежавшие на востоке глухие горы; он бросился по их следам. Густой девственный лес покрывает эти места: войску приходилось с трудом пролагать себе дорогу. Удалось схватить несколько индусов; они сообщили, что народонаселение бежало за Инд в царство Абисара и что слоны, числом пятнадцать, были выпущены на свободу на находящихся у берегов реки лугах. В это время явился отряд индийских солдат из бежавшего войска, которое, недовольное неудачей своего государя, возмутилось и умертвило его; они принесли с собою голову государя. Не желая преследовать лишенное предводителя войско по этим бездорожным местам, царь со своими войсками спустился на луга Инда, чтобы поймать слонов, и сопровождаемый индийскими слоноловами, он устроил охоту на этих животных; два слона свалилось в пропасти, а остальные были пойманы. Здесь в росших по берегам Инда густых лесах царь приказал рубить деревья и строить корабли. Скоро был выстроен речной флот, какого еще не видел Инд, и на нем царь со своим войском поплыл вниз по широкой и покрытой с обеих сторон множеством городов и деревень реке; он остановился у моста, уже выстроенного через Инд Гестифионом и Пердиккой⁴⁶.

В дошедших до нас рассказах с достаточной живостью выражаются сильные впечатления, которые произвел, на пришедшее с

запада войско этот индийский мир, в который оно вступило весной 327 года. Мощные формы природы, роскошная растительность, ручные и дикие животные, люди, их религия и обычаи, их государственное и военное устройство, — все было здесь своеобразно и изумительно; действительность, казалось, далеко превосходила все чудеса ее, о которых писали Геродот и Ктесий. Скоро они должны были узнать, что до сих пор они видели только преддверье этого нового мира.

На берегах Инда войско сделало остановку, чтобы отдохнуть от трудов зимнего похода по горам, в котором участвовала большая его часть⁴⁷. Затем с началом весны, усиленное контингентами государей лежавшей по сю сторону Инда сатрапии, оно приготовилось переправляться через Инд.

В это время к Александру явилось посольство от царя Таксил; оно повторило свои уверения в преданности своего государя и привезло с собою дорогие подарки: 3000 жертвенных животных, 10 000 овец, 30 боевых слонов, 200 талантов серебра и, наконец, индийских всадников, составлявших союзный контингент их государя; оно открывало Александру ворота резиденции своего царя, роскошнейшего из всех городов между Индом и Гидаспом.

Тогда Александр отдал приказ начать освящение переправы через Инд, на берегу реки было принесено жертвоприношение, сопровождаемое гимнастическими и конными агонами; и жертвы были благоприятны. Таким образом началась переправа через эту широкую реку; часть войска потянулась по составленному из кораблей мосту, другие начали переправляться на лодках, сам царь и его свита переправились на двух яхтах (тридцативесельных кораблях), приготовленных для этой цели. Благополучное окончание переправы было отпраздновано новыми жертвами. Затем громадное войско двинулось далее по дороге к Таксилам, по густонаселенной и блистающей всей роскошью весны местности, окаймленной с севера высокими покрытыми снегом горами, составляющими границу Кашмира, а с юга обширными и прекрасными равнинами, наполняющими пространство между Индом и Гидаспом. В часовом расстоянии от столицы войско с изумлением впервые увидало индийских кающихся, которые исполняли священное дело своих обетов, стоя обнаженными, одиноко и неподвижно под жгучими лучами полуденного солнца и непогодами дождливого времени⁴⁸.

Когда Александр приблизился к городу Таксилы⁴⁹, его встретил государь с величайшей торжественностью, на разукрашенных слонах, в сопровождении вооруженных отрядов и под звуки боевой музыки; и когда царь приказал своему войску остановиться и построиться, государь подскакал к Александру во главе своего кортежа, приветствовал его самым почтительным образом и передался ему сам со всем своим царством. Затем царь во главе сво-



его войска, рядом с государем страны, вступил в блестящую столицу. Здесь в честь великого царя был дан ряд празднеств, блеск которых еще увеличивало присутствие многих местных государей, явившихся с дарами и изъявлениями покорности. Александр утвердил за всеми их владения и расширил область некоторых сообразно с их желаниями и заслугами, особенно же владения Таксила, который, кроме того, был щедро одарен за заботливость, с которой он встретил южную армию, и за внимание, которое не раз выказывал относительно царя³⁰; от номарха Доксарея тоже прибыли послы и подарки³¹. Абисар, государь Кашмира, и от себя прислал в Таксилы посольство, состоявшее из его брата в сопровождении знатнейших вельмож его государства; он привез с собою в подарок драгоценные камни, слоновую кость, тонкие ткани и всевозможные драгоценности, уверял в безусловной преданности своего царственного брата и категорически отрицал тайную поддержку, которую последний будто бы оказывал ассакенам.

Невозможно с полной точностью определить, каким образом были тогда организованы дела (междуречья) Дуаба; во всяком случае границы лежавшей по сю сторону Инда сатрапии были расширены и все государи стали в зависимые отношения к Александру; быть может, Таксил получил принципат между раджами земель по сю сторону Гидаспа, во всяком случае отныне как союзник Александра упоминается только он. В его столице был оставлен македонский гарнизон и неспособные продолжать военную службу люди; «индийская сатрапия» была вверена Филиппу, сыну Махата, высокий род которого и многократно доказанная им преданность Александру соответствовали важности этого поста; его провинция обнимала не только все земли по правому берегу Инда, но ему был поручен также надзор над оставшимися в царстве Таксила и других государей войсками³².

Причина того, что государь Таксил с такой готовностью примкнул к Александру, заключалась несомненно в его вражде с могущественным государем Пором, принадлежавшим к старинному роду Павравы, который по ту сторону ближайшей реки, Гидаспа, владел царством «более, чем из ста городов», располагал значительными боевыми силами и имел своими союзниками многих соседних государей и особенно государя Кашмира. Его и их врагами были на Инде государь Таксил, а с другой стороны независимые народы в предгорьях Гималая, в дуабах по ту сторону Акесина и в нижних областях Пенджаба. Вражда этих «народов без государей» (arattas) к государям, самым могущественным между которыми был государь Павравы между Гидаспом и Акесином, ослабила сопротивление вторжению западных завоевателей, которое мог бы оказать богатый и густо заселенный Пенджаб.

Из Таксил Александр послал к Пору требование, чтобы тот встретил его с изъявлениями покорности на границах своего го-

сударства. Пор послал обратно ответ, что он будет ожидать царя на границах своего государства с вооруженными силами; в то же время он призвал своих союзников и попросил раджу Абисара, который, несмотря на свои еще недавние выражения преданности к Александру, обещал ему на помощь войска, прислать их к нему, не теряя времени, а сам двинулся к протекавшей на границах его государства реке и стал лагерем на ее левом берегу, решившись во что бы то ни стало воспрепятствовать переправе неприятеля. При этом известии Александр послал назад к Инду стратега Кена с приказом распилить для перевозки суда речного флота и как можно скорее перевезти их на телегах к Гидаспу. В то же время войско после обычных жертвоприношений и боевых игр выступило из Таксил; к нему присоединилось пять тысяч человек из индийских войск Таксила и соседних государей; слоны, захваченные Александром в Индии или полученные им в подарок, были оставлены, так как македонские лошади не привыкли видеть их и, кроме того, при своеобразной манере македонян вести атаку они могли бы только мешать⁵³.

Во время этого похода начались первые тропические дожди; потоки катились с большим шумом, дороги сделались хуже; частые непогоды, соединявшиеся с ураганами, не раз мешали македонянам двигаться вперед. Они приблизились к южной границе государства Таксила; в область Спитака, родственника и союзника Пора, вела здесь длинная и довольно узкая дорога через ущелье; она была преграждена войсками этого государя, занимавшими высоты с обеих ее сторон; смелый маневр конницы под непосредственным предводительством самого Александра поразил своей неожиданностью неприятеля, выгнал его из его позиций и стеснил до такой степени, что ему удалось бежать только со значительными потерями. Сам Спитак, не думая о дальнейшей защите своего государства, поспешил соединиться с Пором, взяв с собою остаток своих войск⁵⁴.

Спустя два дня Александр достиг берегов Гидаспа, ширина которого доходила теперь до тысячи двухсот шагов⁵⁵; на другом берегу виднелся обширный лагерь царя Пора и все его войско, выстроенное в боевом порядке, имея перед собою триста боевых слонов, подобных крепостным башням; видно было, как в обе стороны посылались значительные отряды, чтобы усилить линию постов вдоль берегов реки и в особенности, чтобы охранять немногочисленные места, где можно было еще переправиться вброд, несмотря на высокий уровень воды в реке. Александр понял всю невозможность переправиться через реку на глазах неприятеля и стал лагерем насупротив индусов на другом берегу. Он начал с того, что сложными движениями войск сбивал с толку неприятеля относительно места предполагаемой переправы и утомлял его внимание; делая вид, что думает еще долго пробыть



на этом месте, он приказал одним частям своего войска произвести по всем направлениям рекогносцировку прибрежной местности, а другим опустошить оставленные их защитниками земли Спитака и со всех сторон свезти сюда большие запасы провианта; ему удалось распространить в неприятельском лагере слух, что переправу через реку в это время года он считает безусловно невозможной и что он хочет подождать конца времени дождей для попытки произвести нападение через реку, когда спадет вода. Но в то же время постоянные движения македонской конницы, плавание вверх и вниз по реке переполненных воинами лодок, неоднократные передвижения фаланг, которые, несмотря на сильные дожди, часто по целым часам стояли в полном вооружении и в боевом порядке, должны были возбуждать в царе Поре постоянный страх перед неожиданным нападением; два островка на реке послужили поводом к маленьким стычкам; казалось, что, когда дело дойдет до серьезной битвы, они будут иметь решающую важность.

Между тем Александр узнал, что Абисар Кашмирский, несмотря на все повторявшиеся им в последнее время уверения в своей преданности, не только поддерживает тайные сношения с Пором, но уже приближается со всем своим войском, чтобы соединиться с ним⁵⁶. Если и с самого начала в намерение царя вовсе не входило простоять в бездействии на правом берегу реки все время дождей, то это известие еще более заставило его серьезно подумать о скорейшем нападении, так как борьба с соединенными силами Абисара и Пора могла бы сделаться трудной, если не опасной. Но здесь, на глазах неприятеля, переправиться через реку было невозможно; большая прибыль воды и быстрота течения сделали самое русло ее ненадежным, а низкий противоположный берег был полон илистых отмелей; было бы безумием желать вывести фаланги на берег под выстрелами выстроенного густыми рядами и стоящего в безопасности неприятеля; наконец, необходимо было предвидеть, что при высадке македонские лошади будут испуганы запахом и хриплым криком слонов, прикрывавших противоположный берег, сделают попытку бежать, попадают с лодок и произведут крайне опасный беспорядок. Вся задача состояла в том, чтобы достигнуть неприятельского берега; поэтому Александр около полуночи приказал трубить в лагере тревогу, двинул конницу на различные пункты берега и с боевым криком и при звуках труб начал готовиться к переправе, спустив лодки и двинув при свете дозорных огней фаланги к местам переправы вброд. В неприятельском лагере тоже немедленно поднялся шум, были выведены слоны, войска подступили к берегу и до утра ожидали нападения, которого, однако, не последовало. То же повторялось и в следующие ночи, и каждый раз Пор видел себя снова обманутым; ему надоело понапрасну за-

ставлять свои войска простаивать ночи под дождем и ветром; он ограничился тем, что начал охранять реку с помощью обыкновенных постов.

Правый берег реки сопровождает ряд крутых возвышенностей, которые тянутся на три мили вверх по течению и там переходят в значительные, покрытые густым лесом горы, по северному склону которых течет небольшая речка, впадающая в Гидасп. На месте впадения этой реки Гидасп, текущий начиная с Кашмира и до этого места по направлению к югу, внезапно и почти под прямым углом меняет свое направление⁵⁷, и течет далее на запад, окаймленный справа рядом крутых гор, а слева обширной и плодородной низменностью. Против образуемого горами угла ниже устья вышеупомянутой маленькой речки на реке лежит высокий и лесистый остров Ямада, выше которого Гидасп пересекает обыкновенная дорога в Кашмир. Это-то место и было выбрано Александром для переправы. Начиная от лагеря вдоль берега был расположен ряд постов, находившихся на достаточно близком друг от друга расстоянии, чтобы они могли видеть и слышать друг друга; их крики, их ночные дозорные огни, новые движения войск поблизости от лагеря должны были бы совершенно обмануть неприятеля относительно места предстоящей переправы, если бы он уже не привык не придавать ровно никакого значения подобным вещам. Александр со своей стороны, по получении известия, что Абисар находится на расстоянии только трех дней пути, приготовил все для нанесения решительного удара. Кратер со своей гиппархией, с конницей арахосиев и парапамисадов, с фалангами Алкета и Полисперхонта и 5000 воинов индийских областных государей остался вблизи лагеря; ему было приказано не трогаться с места до тех пор, пока он не увидит, что неприятель на том берегу или покинул свой лагерь, или разбит вблизи его; если же он заметит, что неприятель разделяет свои боевые силы, то он не должен рисковать приступить к переправе, пока слоны останутся на берегу против него; если же они тоже будут двинуты вверх по реке против переправляющихся около острова македонян, то он немедленно должен переправиться со всем своим корпусом, так как слоны представляли трудности только для успешной конной атаки⁵⁸. Другой корпус, состоявший из фаланг Мелеагра, Горгия и Аттала и пеших и конных наемников, был двинут на полторы мили вверх по течению с приказом переправиться всем корпусом через реку, лишь только они увидят, что сражение на том берегу реки началось⁵⁹. Сам царь выступил из лагеря утром с гиппархиями Гефестиона, Пердикки и Деметрия, и с агемой всадников под начальством Кена, со скифскими, бактрийскими и согдианскими всадниками, с дакскими конными стрелками, с хилярхиями гипаспистов, с фалангами Клита и Кена и с агрианами и стрелками. Хотя все эти движения и были



затруднены постоянным дождем, но в то же время ускользнули от глаз неприятеля; чтобы быть еще более уверенным в своей безопасности, к выбранному им для переправы месту царь двинулся позади покрытых лесом береговых высот. Он прибыл туда поздно вечером; здесь под охраной леса уже давно был приведен в прежний порядок и скрыт транспорт распиленных судов, доставленных Кеном с Инда; в шурах и бревнах для плотов и лодок тоже не было недостатка; ночь была употреблена на приготовления к переправе, на спуск на воду судов, на наполнение шкур соломой и паклей и на постройку плотов; страшный ливень, сопровождаемый ветром и бурей, препятствовал слышать на том берегу стук оружия и работу плотников; густой лес на горах и на острове скрывали дозорные огни македонян.

Под утро буря, наконец, стихла, дождь перестал, и река с шумом катилась мимо высоких берегов острова; войско должно было переправиться выше его; сам царь в сопровождении телохранителей Птолемея, Пердикки, Лисимаха, Селевка, начальствовавшего над «царскими гипаспистами»⁶⁰, и отборного отряда гипаспистов, находился на яхте, которая открывала кортеж; на других яхтах следовали за ним остальные гипасписты, а на лодках, челноках, плотях и судах — конница и пехота; всего было 4000 всадников, 1000 конных стрелков, почти 6000 гипаспистов, наконец, легковооруженная пехота, агрианы, аконтисты и стрелки, численность которых, вероятно, доходила до 4000 человек. Две фаланги остались на правом берегу, чтобы прикрывать дорогу в Кашмир и наблюдать за ней⁶¹. Яхты уже плыли мимо высокого и лесистого берега острова; достигнув его северного угла, они увидели всадников неприятельских форпостов, которые при виде переправляющегося войска быстро понеслись прочь по равнине. Таким образом, неприятельский берег был лишен защитников и там не было никого, чтобы помешать высадке; Александр явился на берегу первым, за ним причалили к берегу другие яхты, скоро за ними последовала конница и остальное войско и все построились в походные колонны, чтобы идти дальше; в это время обнаружилось, что они находятся на острове; своим сильным течением река, русло которой в этом месте поворачивает к западу, размывла низкую полосу земли на берегу и образовала новый, обильный водою рукав. Долгое время всадники тщетно и с опасностью жизни искали брод, воды везде были слишком широки и глубоки; оставалось только привести сюда кругом острова суда и плоты; главная опасность заключалась в том, что при сопряженной с этим потере времени неприятель успеет, пожалуй, прислать значительный отряд войск, который мог бы сделать высадку трудной, и даже невозможной; тут, наконец, нашли место, где можно было перейти вброд; люди и лошади только с величайшим трудом могли держаться против сильного течения, пешим воинам вода доходила по грудь, у лошадей поднимались

над водой только головы. Постепенно различные отряды достигали берега; войско двинулось сомкнутой линией, имея справа туранскую конницу, рядом с ней македонские эскадроны, затем гипаспистов и, наконец, на левом крыле легкую пехоту, и повернуло направо вниз по берегам реки в направлении к неприятельскому лагерю. Чтобы не утомлять пехоты, Александр приказал ей медленно следовать за собой, а сам со всей конницей и стрелками под предводительством Таврона пошел в полчасе расстояния впереди ее; он полагал, что, если даже Пор выступит против него со всем своим войском, то во главе своей отличной и превосходившей силы индусов конницы он будет в состоянии выдерживать его атаку до прибытия пехоты, если же индусы отступят, испуганные его внезапным появлением, то его 5000 всадников ему будет достаточно для того, чтобы ударить на неприятеля и преследовать его.

Пор со своей стороны, когда отступившие форпосты сообщили ему о приближении значительных сил, в первую минуту подумал, что это Абисар Кашмирский со своим войском; но мог ли его союзник не известить его о своем приближении и, переправившись через реку, не прислать к нему вперед извещение о своем благополучном прибытии? — было слишком ясно, что высадившиеся на берег были македоняне, что неприятель беспрепятственно и благополучно совершил переправу, которая могла бы стоить ему многих тысяч его войска, и что у него нельзя теперь оспаривать обладание берегом со стороны Индии. Между тем массы войск, которые, как они видели, были еще выстроены на том берегу вверх и вниз по реке, по-видимому, доказывали, что переправившийся через реку корпус не мог быть значительным. Пор должен был принять все меры для того, чтобы отрезать и уничтожить его, раз он переправился; он должен был, не теряя времени, приступить к нападению, которому так благоприятствовали и которого почти требовали его боевые колесницы и слоны; вместо этого он в данную минуту заботился только о том, чтобы остановить дальнейшее движение неприятеля и избежать всякой решительной встречи до прибытия Абисара. Он выслал против македонян своего сына с двумя тысячами всадников и ста двадцатью колесницами, надеясь, что и при таких силах он будет в состоянии удержать царя Александра⁶².

Увидев приближение этого корпуса по прибрежной равнине, Александр был вполне убежден в том, что на него идет Пор со всем своим войском и что это лишь его авангард; он приказал своим изготовиться к сражению; но в это время он заметил, что за этими всадниками и колесницами не следует никакого другого войска, и тотчас же отдал приказ к атаке. Чтобы привести неприятеля в беспорядок и окружить его, на него со всех сторон бросились туранские всадники; следом за ними понеслись в атаку македонские

11 История Александра Великого

эскадроны; тщетно старались индусы удержаться или отступить; скоро они, несмотря на отчаянное сопротивление, были совершенно разбиты, четыреста воинов легло на месте и в том числе сын царя; колесницы, которые не могли быстро передвигаться по неровной и вязкой почве равнины, попали в руки македонян, которые двинулись теперь вперед с удвоенной энергией.

Остатки разбитого корпуса принесли в лагерь известие о своем поражении, о смерти царского сына и о приближении Александра; Пор слишком поздно понял, какого неприятеля он имеет перед собою; было необходимо быстро постараться предотвратить, насколько это еще возможно, последствия полумеры, которая только ускорила приближение опасности. Единственным средством спасения было броситься теперь на наступающего неприятеля со всем своим подавляющим численностью войском и уничтожить его, не давая ему времени привлечь к себе более войск, что лишило бы Пору последнего преимущества, которое он еще имел над ним; но он не мог лишать прикрытия берег против македонского лагеря, так как в противном случае выстроенное там и вполне готовое к битве войско могло бы совершить переправу и начать грозить боевой линии индусов с тылу. Поэтому для наблюдения за движениями Кратера и для прикрытия берега Пор оставил в лагере несколько слонов и несколько тысяч воинов; а сам со всею своею конницею, состоявшей из 4000 всадников, 300 боевых колесниц, с 30 000 пехотинцев и с 200 слонами выступил против Александра. Обогнув справа болотистую равнину, тянувшуюся около реки, и достигнув чистого песчаного поля, представлявшего одинаковые удобства и для возможности развернуть его боевые силы и для движений его слонов, он выстроил свое войско в боевой порядок по индийскому обычаю: впереди была страшная линия из двухсот слонов, которые, поставленные в пятидесяти шагах друг от друга, занимали почти целую милю пространства⁶³, позади них была выстроена второй колонной пехота отрядами по ста пятидесяти человек, каждый между двумя слонами; к крайним отрядам правого и левого крыла, которые выступали за линию слонов, примыкали с каждой стороны по две тысячи всадников; оба конца этой длинной боевой линии были прикрыты полутораста колесницами каждый, причем на каждой колеснице было двое тяжеловооруженных воинов, двое стрелков с большими луками и двое вооруженных возниц. Вся сила этой боевой линии заключалась в двухстах слонах, действие которых должно было быть тем ужаснее, что конница, на которой Александр основывал свою надежду на победу, не была в состоянии держаться против них.

Действительно, правильно проведенное нападение должно было бы уничтожить македонян; слоны должны были бы броситься на неприятельскую линию и, прикрываемые отдельными отрядами пехоты, как орудия стрелками, обратить в бегство конницу и

растоптать своими ногами фалангу, а индийская конница вместе с боевыми колесницами должна была броситься преследовать бегущих и отрезать им возможность бежать за реку; даже крайне растянутая и далеко выступившая за ряды неприятеля боевая линия могла бы оказаться весьма полезной, если бы одновременно с нападением слонов колесницы и всадники обоих крыльев, сделав полуоборот, ударили бы во фланги неприятеля; во всяком случае Пор, увидав противника перед собою лицом к лицу, должен был начать нападение, чтобы не предоставить неприятелю преимущества атаки и выбора пункта, где должно начаться сражение. Он медлил; Александр предупредил его и воспользовался всем с той осмотрительностью и смелостью, которые одни только могли составить противовес численному превосходству неприятеля.

По занимаемому им пространству его маленькое войско едва равнялось четвертой части боевой линии неприятеля с ее слонами и расположенными на крыльях боевыми колесницами. Здесь, как и в своих прежних сражениях, он тоже должен был повести нападение косою линией и ударить со всеми своими силами в одну точку; он должен был — а со своими войсками он мог решиться на это — выступить против неповоротливой массы неприятеля рассыпным строем, броситься на него и затем как результата победоносной атаки отдельных частей своего войска ожидать, что они снова соединятся в назначенное время и в назначенном месте. Так как перевес индусов заключался в слонах, то при нанесении решительного удара необходимо было избегать их; этот удар должен был быть направлен против наиболее слабого пункта неприятельской линии и для своего полного успеха должен был быть поручен такой части войска, перевес которой был несомненен. У Александра было 5000 всадников, тогда как неприятель имел на каждом крыле только около 2000, которым разделявшее их значительное пространство не позволяло оказать своевременной поддержки друг другу, и которые имели ненадежную опору только в 150 колесницах, стоявших подле них. Частью военный обычай македонян, частью желание вести нападение возможно ближе к реке, чтобы не быть совершенно оттесненным от расположенного по ту сторону реки корпуса Кратера, побудили царя предоставить открыт сражение правому крылу. Увидав вдали выстроенную боевую линию индусов, он приказал всадникам остановиться и подождать, пока не подойдут отдельные хилярии пехоты. Они подходили бегом, горя желанием помериться с врагами; чтобы дать им передохнуть и держать неприятеля в отдалении до тех пор, пока они не построятся в боевой порядок, неприятеля должны были занимать всадники, то здесь, то там нападавая на него. Наконец, линии пехоты были выстроены, справа стали царские гипасписты Селевка, затем агемы и остальные хилярии под предводительством Таврона; они получили приказ не принимать участия в деле до тех пор,



пока не увидят, что левое крыло неприятеля опрокинуто атакой всадников и что неприятельская пехота второй линии тоже пришла в беспорядок.

Уже всадники, с которыми царь думал произвести нападение, гиппархии Гефестиона и Пердикки и дакские стрелки, числом около 3000 человек, быстро двинулись вперед, делая полуоборот направо, между тем как Кен с агемой и гиппархией Деметрия двинулся еще далее направо с поручением броситься на стоящих против него неприятельских всадников с тыла, когда они поскачут вправо на помощь своим, смятым первой атакой⁶⁴.

Приблизившись на расстояние полета стрелы к линии неприятельской конницы, Александр двинул вперед 1000 даков, чтобы привести в беспорядок индийских всадников градом стрел и бурною быстротою их диких коней. Сам он двинулся еще правее к флангу индийских всадников⁶⁵, чтобы изо всех сил ударить на них прежде, чем они, приведенные в смущение и расстройство атакой даков, успеют выстроиться в линию и двинуться навстречу ему. Видя перед глазами близкую опасность, неприятель поспешил собрать своих всадников и пустить их в контратаку⁶⁶. Но Кен тотчас же бросился и ударил в тыл повернувшим направо всадникам, которые раньше стояли против него. Захваченные совершенно врасплох и задержанные в своем движении этой второй опасностью, индусы, желая дать отпор обоим отрядам всадников, которые одновременно угрожали им, сделали попытку образовать фронт на две стороны. Александр воспользовался для атаки моментом, когда они строились таким образом, и лишил их этим возможности ожидать его атаки; они бросились бежать, ища защиты за сильной линией слонов. Тем временем Пор повернул часть этих животных и двинул их против неприятельской конницы; македонские лошади не могли выносить их хриплого крика и в перепуге бросились назад. В это же время бегом подошла фаланга гипаспистов; на них бросились другие слоны линии и завязался ужаснейший бой; эти животные проникали в самые густые ряды македонян, растапывая их своими ногами, с воем повергая их на землю своими хоботами и пробивая своими клыками; каждая рана возбуждала в них только большую ярость. Македоняне не уступали, отдельными кучками они вступали в единоборство с исполинскими животными, не достигая никакого другого результата, кроме того, что не давали уничтожить себя, или обратиться в бегство. Ободренные нападением слонов, индийские всадники, наскоро собравшись и построившись, бросились в атаку на македонских всадников; но последние, превосходя их физической силою и опытностью, отбросили их вторично, так что они снова спаслись бегством за слонов. Теперь ход сражения дозволил уже и Кену соединиться с гиппархиями царя, так что вся его конница могла действовать сомкнутой массой.



Она всю свою силу обрушилась на индийскую пехоту, которая, не будучи в состоянии сопротивляться, обращенная в беспорядочное бегство и по пятам преследуемая неприятелем, с большими потерями бежала к сражавшимся слонам. Таким образом на ужасной арене битвы слонов стеснились многие тысячи; друг и недруг перемешались между собою в тесном и кровопролитном беспорядке; животные, лишенные по большей части своих вожаков, испуганные и возбужденные дикими криками сражающихся, разъяренные полученными ими ранами, били и топтали все, что приближалось к ним, друга и недруга. Македоняне имели перед собою все пространство обширной равнины, на которой они могли двигаться свободно в виду животных, отступать там, где они бросались на них, стрелять в них и преследовать их, когда они оборачивались, тогда как индусы, которым приходилось двигаться между ними, не могли ни спрятаться, ни спастись. Тут, наконец, Пор, руководивший сражением со своего слона, собрал, как говорят, сорок еще не раненых животных, чтобы двинуться в бой вместе с ними и таким образом решить страшную битву; Александр направил против них своих стрелков, агрианов и аконтистов, которые со свойственной им ловкостью ускользали там, где уже одичавшие животные были направляемы против них, и издали поражали своими стрелами их и их вожаков, или же осторожно прокрадывались к ним и перерубали им своими топорами жилы на ногах. Уже множество слонов корчилось в предсмертных судорогах на переполненном мертвыми и умирающими поле; другие, рыча от бессильного гнева, еще раз, шатаясь, бросались на смыкавшую уже свои ряды фалангу, которая их более не боялась.

Тем временем Александр собрал своих всадников на одном конце поля битвы, между тем как на другом строились гипасписты, щит к щиту. Теперь царь отдал приказ произвести общую атаку на окруженного неприятеля, беспорядочную массу которого должна была раздавить эта произведенная с двух сторон атака. Наконец, всякое сопротивление было сломлено; кто мог, бежал от страшной резни в глубь страны, в приречные болота и в лагерь. Уже, следуя полученному ими приказу, с другого берега реки переправились Кратер и другие стратеги и высадились на берег, не встретив никакого сопротивления; они подоспели как раз вовремя для того, чтобы избавить от труда преследования утомленные восьмичасовою битвою войска.

Было убито около двадцати тысяч индусов, в том числе два сына Пора и раджа Спитак, равно как и все предводители пехоты и конницы, все возницы и корнаки; три тысячи лошадей и более ста слонов легли мертвыми на поле битвы, около восьмидесяти слонов попало в руки победителя⁶⁷. Царь Пор, видя свое могущество сломленным, своих слонов побежденными, а свое войско



окруженным и пришедшим в полный беспорядок, искал смерти в бою; долго защищал его золотой панцырь и осторожность несшего его умного животного; наконец, в его правое плечо ударила стрела; не будучи в состоянии продолжать битву и озабоченный тем, чтобы не попасться живым в руки врагов, он поворотил свое животное, чтобы удалиться из свалки. Александр все время видел высокую седую фигуру индийского царя на роскошно украшенном слоне, часто показывавшуюся среди самой густой сечи, везде отдававшую приказания и ободрявшую своих. Восхищенный храбростью этого государя, он бросился за ним⁶⁸, чтобы спасти его жизнь во время бегства; в это время изнуренный знойным днем под ним пал его старый, верный боевой конь Букефал. Он послал за бегущим царя Таксила. Увидав своего старого врага, Пор повернул свое животное и, собрав последние силы, метнул в царя дротиком, от которого последнему удалось увернуться только благодаря быстроте своего коня. Александр послал за ним других индусов и в том числе раджу Мероя, бывшего прежде в дружбе с царем Пором. Пор, изнуренный потерей крови и томимый жгучею жаждою, хладнокровно выслушал его, затем его животное стало на колени и тихо поставило его своим хоботом на землю; он напился воды и, отдохнув немного, попросил раджу Мероя отвести его к Александру. Когда царь увидел его идущим к себе, он поспешил к нему навстречу в сопровождении немногих из своих приближенных; он был поражен красотой престарелого государя и благородною гордостью, с какой тот, хотя и побежденный, вел себя относительно его. После первых приветствий Александр, как говорят, спросил его, как бы он желал, чтобы с ним обходились; «Как с царем», — был ответ Пора; на это Александр сказал: «Я, с моей стороны, готов поступить таким образом; требуй всего, чего тебе будет угодно»; и Пор отвечал: «В этом одном слове заключается все⁶⁹».

Царь отнесся к побежденному по-царски; его великодушие было самой лучшей политикой. Целью индийского похода не служило приобретение непосредственного господства над Индией. Александр не мог стремиться одним ударом сделать непосредственными членами македонско-персидского царства народы, высокая и оригинальная культура которых выступала перед ним тем великолепнее, чем далее он проникал. Но быть повелителем всех земель до Инда, приобрести решительный политический перевес и на другом его берегу и обеспечить здесь эллинистической жизни такое влияние, что с течением времени даже непосредственное соединение Индии с остальною Азией могло бы стать делом осуществимым, — таковы были, по-видимому, руководящие начала политики Александра в Индии; не народы, но государи должны были зависеть от него. Прежнее положение Пора в пятиречье Инда могло служить масштабом для политики Александра. До сих

пор, очевидно, Пор или имел в своих руках принципат в области пяти рек, или добивался его, и этим-то именно и возбудил зависть в радже Таксиле; хотя его государство обнимало собственно только дошедшие до высокой степени культуры равнины между Гидаспом и Акесином, но его племянник Спитак и его двоюродный внук Пор, вероятно, от него получили свои владения на западном берегу Гидаспа и на восток от Акесина в Гандаритиде⁷⁰, так что область его политического влияния простиралась к востоку до Гиаротиды, составлявшей границу с независимыми народами Индии; мало того, заключив союз с Абисаром, он осмелился протянуть свою руку даже к их землям и, хотя все его старания и разбились о мужество этих племен, но он сохранил за собою решительное влияние в землях по Инду. Александр уже значительно увеличил государство Таксила; он не мог основывать всех своих расчетов на верности одного государя; подчинить всю страну пяти рек скипетру союзного государя было бы самым верным путем к тому, чтобы сделать для него тягостной зависимостью от Александра и дать ему в руки средства избавиться от нее, тем более, что старая вражда к радже Поре легко дозволила бы ему найти себе союзников среди независимых племен. Александр не мог построить своего влияния в Индии на более прочном основании, чем на соперничестве этих двух государей. Кроме того, признавая Пору государем, он этим самым приобретал право напасть на жившие еще восточнее народы, как на врагов своего нового союзника, и на их покорении основать свое дальнейшее влияние в этих землях; он должен был настолько увеличить могущество Поре, чтобы оно могло отныне составлять противовес государю Таксиле, он должен был даже укрепить за ним еще большее могущество и даровать ему даже господство над его прежними противниками, так как отныне Пор мог находить свое право и свою опору против них и против Таксила только в милости македонского царя.

Таковы были приблизительно причины, побудившие Александра после победы при Гидаспе не только утвердить за Пором его владения, но даже значительно увеличить их⁷¹. Он ограничился тем, что основал эллинистические города на двух наиболее важных пунктах переправы через Гидасп; один из них, выстроенный на том месте, где к реке спускается ведущая из Кашмира дорога и где сами македоняне переправились в землю Поре, получил свое имя от Букефала, другой, милях в двух ниже по реке, где было дано сражение, был назван Никеей⁷². Александр дал своему войску тридцатидневный отдых в этой прекрасной и богатой местности; погребение павших в бою, победные жертвоприношения, соединенные с различными играми, закладка двух новых городов с избытком заполнили это время.

Самого царя занимали различные распоряжения, которыми он желал обеспечить за собою последствия победы. Всего важнее



было установить политические отношения с раджей Абисаром, который, несмотря на скрепленные клятвой договоры, намеревался принять участие в борьбе против Александра. В это время от Сисикотта, коменданта Аорна, пришло известие, что ассакены возмутились и умертвили назначенного им Александром государя; прежние сношения этого племени с Абисаром и его очевидное вероломство делали только слишком вероятным то, что эти опасные движения не обходятся без его участия; сатрап Парапамиса Тириасп и сатрап Индии Филипп получили приказ выступить со своими войсками для подавления восстания. Около этого времени к Александру прибыло посольство от Пора, раджи Гандаритиды, «трусливого Пора», как его называли греки, который, по-видимому, желал, чтобы ему зачли в заслугу то, что он не поддержал против Александра своего царственного родственника и покровителя, и который считал настоящий случай благоприятным для того, чтобы, изъявив покорность Александру, стряхнуть с себя тягостную зависимость от своего престарелого родственника. Как должны были изумиться послы, когда они увидели того же самого государя, которого они ожидали видеть, по меньшей мере, в цепях у ног своего победителя, сидящим рядом с Александром в величайшем почете и сохранившим за собою все свои владения; вероятно, ответ, который они получили от великодушного царя для передачи своему государю, был не особенно благоприятен. Более благосклонно были приняты те изъявления покорности соседних независимых племен, которые принесли их посольства вместе с богатыми дарами; они добровольно подчинялись царю, перед могуществом которого должен был преклониться могущественнейший государь пятиречья.

Тем необходимее было силой оружия заставить покориться других, которые еще колебались. Кроме того, Абисар, несмотря на свое очевидное отпадение, рассчитывая, вероятно, на защищенное горами положение своего государства, не прислал послов и не сделал ровно ничего для того, чтобы оправдать себя перед Александром; поход в горы должен был заставить покориться горные племена и в то же время напомнить об опасности и долге вероломному государю. После тридцатидневного отдыха Александр выступил с берегов Гидаспа, оставив Кратера с большею частью войска доканчивать постройку обоих городов. Сопровождаемый государями Таксилом и Пором, половиной македонской конницы, отборными воинами из всех частей пехоты и большею частью легковооруженных войск, к которым были присоединены приведенные как раз теперь сатрапом Парфии и Гиркании, Фратаферном, фракийцы, которые были у него оставлены, Александр двинулся к северо-востоку против главсов, или главкаников, как их называли греки, живших в поросших густыми лесами предгорьях выше равнины, открывая себе этим движением в то же самое

время горную дорогу в Кашмир. Теперь только Абисар, быстро изменив свою политику, поспешил просить прощения у царя; прислав посольство, во главе которого стоял его брат, он предавал себя и свое государство милости Александра; он засвидетельствовал свою преданность, прислав ему в подарок сорок слонов. Александр не верил его прекрасным словам; он потребовал, чтобы Абисар немедленно лично явился пред ним, грозя, что в противном случае он сам придет к нему во главе македонского войска⁷³. Он двинулся далее в горы. Главсы покорились; их густонаселенная область — она насчитывала в себе 37 городов, из которых ни один не имел менее 5000 жителей, а многие более 10 000, и, кроме того, большое количество деревень и местечек — была отдана царю Пору⁷⁴. Леса в этих местах с избытком доставили то, чего желал Александр; он приказал рубить множество деревьев и сплавлять их в Букефал и Никею, где под надзором Кратера должен был строиться большой речной флот, на котором после покорения Индии он думал спуститься по Инду к морю⁷⁵.

Войско двинулось на восток к Акесину⁷⁶; Александр получил известие, что раджа Гандаритиды Пор⁷⁷, обеспокоенный дружественным отношением, установившимся между его двоюродным дедом и Александром и сомневаясь в возможности получить прощение за грязные мотивы своей покорности, собрал, сколько мог, вооруженных воинов и сокровищ и бежал к Гангу. Достигнув берегов широкого Акесина, Александр отослал назад в его землю царя Пора с поручением набрать войско и вести его вслед за ним со всеми слонами, которые еще годны к битве после сражения при Гидаспе. Сам Александр переправился со своим войском через реку, которая в своем разливе достигла почти трех четвертей часа ширины⁷⁸, катилась по опасному своими камнями и выступами скал ложу и погубила своим стремительным, полным водоворотов, течением многих переправлявшихся на челноках; благополучнее произошла переправа на шкурах от шатров. Здесь на левом берегу остался Кен со своей фалангой, чтобы следить за переправой шедших сзади частей войск и доставлять из земель Пора и Таксила все нужное для прокормления главной армии. Сам Александр, не встречая сопротивления, двинулся далее к востоку через северные части Гандаритиды в надежде, что успеет еще догнать вероломного Пора; на главных пунктах он оставил гарнизоны, которые должны были ожидать шедшие сзади корпуса Кратера и Кена. Достигнув берегов Гидраота, пограничной реки Гандаритиды с востока, Александр отправил к югу с двумя фалангами, с его гиппархией и с гиппархией Деметрия и с половиной стрелков Гефестииона, который должен был пройти по государству бежавшего государя от начала до конца, подчинить себе жившие между Гидраотом и Акесином независимые племена, основать около большой дороги на левом берегу Акесина город и передать все эти земли

верному Пору. Сам Александр с главными силами перешел через эту менее трудную для переправы реку, и вступил теперь в земли так называемых независимых индусов.

Замечательное и основанное на своеобразных условиях природы Пенджаба явление составляет то, что здесь во все времена, хотя и под различными именами, образовались и существовали республиканские государства, составлявшие предмет ужаса для всеобщего деспотизма Азии и для правоверного индуса области Ганга; панджанадов он с презрением называет arattas, неимеющими царей; даже и их государи, когда они есть у них, не принадлежат к старинной и священной касте, не имеют исконных прав, а являются узурпаторами. Может почти показаться, что даже и царская власть Пора носила этот характер⁷⁹; но его попытка подчинить своей власти всю лишенную царей Индию разбилась о сопротивление живших по ту сторону Гидраота воинственных и могущественных племен; для победы над ними необходимо было европейское оружие. Только немногие из них покорились, не пытаясь бороться; большинство ожидало неприятеля с оружием в руках; к числу последних принадлежали кафеи, или кафары, которые, пользуясь славой самого воинственного племени страны, не только сами приготовились к войне наилучшим образом, но и призвали к оружию и убедили примкнуть к себе также и независимые соседние племена⁸⁰.

При вести об их вооружениях Александр двинулся к востоку через земли адраистов, которые подчинились ему добровольно⁸¹; на третий день он приблизился к столице кафеев Сангалам; это был город значительного объема, окруженный крепкими стенами, с одной стороны он был защищен озером, а с другой на некотором расстоянии от ворот поднимался горный кряж, господствовавший над равниной; кафеи и их союзники укрепились на этой горе, насколько могли, окружили ее тройным рядом сдвинутых друг с другом боевых колесниц, а сами стали лагерем внутри этого крепкого, составленного из колесниц укрепления; находясь сами вне нападения, они быстро и со значительной силой могли встретить каждое движение неприятеля. Александр понял весь опасный характер такой позиции, вполне соответствовавший рассказам о смелости и боевой ловкости этого народа, но чем более он мог ожидать от них нечаянного нападения и какого-либо рискованного тыла, тем быстрее он считал необходимым приступить к решительным действиям.

Он немедленно двинул вперед конных стрелков, которые должны были кружиться около неприятеля и обстреливать его, лишая его таким образом возможности произвести вылазку против неуспевших еще построиться в боевой порядок войск. Тем временем на правое крыло были двинуты агема конницы и гиппархия Клита, гипасписты и агрианы, а на левое фаланги и гиппархия

Пердикки, который командовал левым крылом; стрелки были распределены по обоим крыльям. Пока они строились, подошел и арьергард; всадники его были распределены по обоим флангам, а пехота была употреблена для того, чтобы придать более плотности фаланге. Александр тотчас же начал атаку; он заметил, что у неприятеля на левой стороне ряд колесниц был менее плотен и что местность была более свободна; сильной конной атакой против этого слабого пункта он надеялся заставить неприятеля произвести вылазку, при которой ряд колесниц раздвинулся бы. Он бросился на это место во главе своих двух гиппархий; неприятельские колесницы остались стоять сомкнутой линией, град дротиков и стрел встретил македонских всадников, которые, конечно, не были тем войском, которое могло бы штурмовать или брать приступом составленное из колесниц укрепление. Александр соскочил с коня, стал во главе подошедшей между тем пехоты и повел ее в атаку. Индусы были отброшены без большого труда; они отступили за второй ряд колесниц, где могли сражаться с большим успехом, так как меньший круг, который они должны были защищать, давал им возможность сомкнуться плотнее и сосредоточить на каждом пункте большее количество воинов; для македонян атака была вдвойне затруднена тем, что они должны были сначала убрать, наваливая их друг на друга, колесницы и осколки колесниц уже взятого ими приступом кольца, чтобы затем отдельными кучками проникнуть вперед между ними; завязался кровопролитный бой, и храбрость македонян должна была выдержать жестокое испытание против опытного в военном деле и сражавшегося с величайшим ожесточением неприятеля. Но когда и эта линия колесниц была прорвана, кафеи отчаялись в том, что им удастся удержаться против такого страшного противника еще за третьей линией; поспешным бегством они спаслись за стены своего города.

Александр еще в тот же самый день окружил город своею пехотою, за исключением одного места, на котором лежало не особенно глубокое озеро; это последнее он окружил своими всадниками, полагая, что кафеи, пораженные исходом этого дня, попытаются в тишине ночи бежать из своего города и изберут себе путь через озеро. Его предположение оказалось справедливым. Около второй стражи ночи конные посты заметили большое стечение народа по ту сторону городской стены, скоро индусы начали переходить в брод озера, пытаясь достигнуть берега и затем бежать дальше. Они были пойманы и изрублены всадниками; остальные с криком бросились обратно в город; остаток ночи прошел спокойно.

На следующее утро Александр велел приступить к осадным работам; от берегов озера кругом города и снова до берегов озера был проведен двойной вал; само озеро было окружено двойной



линией постов; были устроены черепахи и тараны, которые должны были работать против стен и пробивать в них бреши. В это время перебежчики из города принесли известие, что осажденные хотят следующей ночью произвести вылазку; они думают прорваться со стороны озера, где в линии валов находится перерыв. Чтобы помешать исполнению неприятелем своего плана царь приказал трем хилярхиям гипаспистов, всем агрианам и таксису стрелков под предводительством телохранителя Птолемея занять то место, где почти наверняка можно было ожидать неприятеля; он приказал ему, если варвары произведут вылазку, сопротивляться им изо всех сил и в то же время приказать трубить тревогу, чтобы остальные войска могли тотчас же выступить и спешить в битву. Птолемей неотложно поспешил занять свою позицию и по возможности лучше укрепиться на ней; он велел привезти сюда как можно более уцелевших еще от вчерашнего дня колесниц и выставить их косою линией и навалить во многих местах между стеной и озером оставшиеся еще не вбитыми колья, чтобы преградить бегущему в темноте ночи неприятелю знакомые ему дороги. За этими работами прошла большая часть ночи. Наконец, около четвертой ночной стражи отворились ведущие к озеру ворота города, и враги густою толпою повалили из них; Птолемей немедленно приказал трубить тревогу и в то же время двинулся на них со своими стоявшими уже наготове людьми. Пока индусы еще пролагали себе путь между колесницами и кучами кольев, Птолемей со своими людьми был уже среди них, и после долгой и беспорядочной борьбы они увидели себя принужденными бежать обратно в город.

Таким образом, индусам был отрезан всякий путь к бегству. В это время возвратился Пор, приведя с собою остальных слонов и 5000 индусов. Осадные машины были готовы и подвезены к стенам; во многих местах были произведены подкопы и так удачно, что скоро там и сям образовались бреши. Наконец, к стенам были приставлены лестницы и город был взят штурмом; только немногим из осажденных удалось спастись, значительно большее количество их было перебито на улицах города озлобленными македонянами; говорят, что число убитых доходит до 17 000, что не лишено вероятия, так как Александр, чтобы сделать возможным покорение этого воинственного племени, отдал строгий приказ убивать всех вооруженных; 70 000 пленных, о которых упоминают наши источники, составляли, по-видимому, остальное население этого индийского города. Сами македоняне насчитывали у себя около 100 убитых и необыкновенно большое количество раненых, а именно 1200 человек, в числе которых находились телохранитель Лисимах и множество других офицеров⁸².

Тотчас же после взятия города штурмом Александр послал к двум другим находившимся в союзе с кафеями городам кардийца

Эвмена при 300 всадниках с вестью о падении Сангал и с предложением сдаться; если они добровольно подчинятся царю, то им нечего будет бояться, как и многим другим индусам, которые начинают понимать, что дружба с македонянами составляет для них истинное благо. Но бежавшие из Сангал принесли с собою страшные вести о жестокости Александра и о кровожадности его солдат; в дружественные слова завоевателя не верил никто, жители обоих городов бросились искать спасения в поспешном бегстве, захватив с собою столько имущества, сколько они могли унести. При вести об этом Александр быстро выступил из Сангал преследовать бегущих; но они опередили его на слишком большое расстояние, и в его руки попали и были перебиты только несколько сот человек, отставших от усталости. Царь возвратился в Сангалы; город был сравнен с землею, а его земли были разделены между соседними племенами, которые покорились добровольно и в городах которых были поставлены гарнизоны, отвести которые туда было поручено Пору.

После страшного наказания Сангал и ужаса, распространенного преувеличенными слухами о дикой жестокости чужеземного завоевателя, Александр тем действительнее умел успокаивать умы своею кротостью и великодушием там, где к этому представлялся случай. Скоро дальнейшая борьба была уже более ненужна; куда он ни приходил, население покорялось ему. Тогда он вступил в область раджи Сопита⁸³, государство которого обнимало собою первые горные цепи Гемая и залежи каменной соли у истоков Гифасиса. Войско приблизилось к царской резиденции, в которой, как было известно, находился Сопит; ворота были заперты, на бастионах и башнях стен не было ни одного вооруженного воина; было неизвестно, покинут ли город или приходится страшиться измены. В это время ворота открылись; окруженный пестрым и блестящим штатом индийских государей, одетый в светлые одежды, обвешанный нитками жемчуга, драгоценными камнями и золотыми украшениями, сопровождаемый громом музыки и богатой свитой, раджа Сопит вышел навстречу царю и, поднеся ему множество дорогих даров, между которыми находилась стая тигровых собак, изъявил ему свою покорность; его царство было ему оставлено и, как кажется, увеличено⁸⁴. Затем Александр двинулся далее в соседнюю область раджи Фегея⁸⁵; последний тоже поспешил изъявить ему свою покорность и принести свои дары; он был оставлен владеть своим государством. Это была самая восточная земля, в которую суждено было вступить Александру в своем победном шествии.

Историческое предание замечательным образом затмило этот пункт истории Александра. Даже в том, что касается внешних операций, мы имеем лишь недостаточные и противоречивые сведения; многие македоняне писали на родину о невероятных вещах; Кра-

тер, как говорят, написал своей матери, что они проникли до Ганга и видели эту громадную реку, переполненную акулами и волнованную как море⁸⁶. Другие согласно с истиною называли конечным пунктом македонского похода Гифасис; но, чтобы объяснить каким-нибудь образом, почему завоеванию был положен здесь предел, они привели последний повод к тому, чтобы повернуть обратно, в связь с такими причинами, относительно цены которых нас не должны обманывать ни обычная правдивость историков древности, ни безусловная вера, с которой к ним относились в течение двух тысячелетий.

Александр, как рассказывают⁸⁷, проник до берегов Гифасиса с намерением покорить земли также и по ту сторону, так как ему казалось, что война все еще не кончена, пока хотя где-нибудь существуют враги. Здесь он узнал, что за Гифасисом находится богатая страна, в которой живет народ, прилежно возделывающий поля, воинственный, мужественный и имеющий отличное законодательство; знатные правят там народом, не угнетая и любя его; боевые слоны там сильнее, свирепее и многочисленнее, чем в каком-либо другом месте Индии. Все это возбудило в царе желание проникнуть далее. Но македоняне с тревогой видели, как их царь нагромождает труды на труды, опасности на опасности; они начали то здесь, то там собираться в лагере, жаловались на свою печальную судьбу и клялись друг другу, что не пойдут далее, даже если Александр будет им приказывать. Когда царь узнал это, то, не давая беспорядку и упадку духа распространиться в войсках, он поспешил призвать к себе «предводителей таксисов⁸⁸». «Так как они», так сказал он, «не желают следовать за ним далее, разделяя его желания, то он призвал их для того, чтобы или убедить их в пользе дальнейшего похода, или быть убежденным ими и возвратиться домой; если прежние войны и его предводительство кажутся им заслуживающими упрека, то ему нечего более говорить; для мужественного человека он не знает другой цели борьбы, кроме самой борьбы; если кто-нибудь желает знать конечный пункт его походов, то он может сказать им, что до Ганга, до моря на востоке уже теперь недалеко; там он покажет своим македонянам морской путь к Гирканскому, к Персидскому морю, к берегу Ливии и к Геркулесовым столбам; границы, которые бог дал этому миру, должны были границами македонского царства; но теперь между противоположным берегом Гифасиса и восточным морем еще предстоит покорить не один народ, а за ними до самого Гирканского моря еще бродят независимые орды скифов; неужели македоняне боятся опасностей? неужели они забывают о своей славе и о надежде? Потом, когда мир будет покорен, он приведет их обратно в Македонию, богатыми имуществом, славой и воспоминаниями».

Продолжительное молчание последовало за этой речью Александра, никто не решался ни возражать, ни соглашаться; тщетно

царь не раз приглашал их говорить, заявляя, что он готов выслушать даже противное мнение. Македоняне долго молчали; наконец, поднялся Кен, сын Полемократа, стратег элимиотийской фаланги, который отличался так часто и еще недавно отличился в сражении при Гидаспе. «Царь», сказал он, «желает, чтобы войско следовало не столько его приказаниям, сколько своему собственному убеждению; поэтому он будет говорить не за себя и предводителей, которые готовы на все, но за массу войска, и не для того, чтобы угодить ей, но чтобы сказать самому царю, какой путь для него и теперь и в будущем будет самым верным; его годы⁸⁹, его раны, доверие царя дают ему право говорить прямо; чем более свершили Александр и его войско, тем необходимее положить, наконец, этому предел; те из старых воинов, которые еще остались в живых, немногие в войске, а другие, рассеянные по городам, мечтают вернуться на родину, к отцу и матери, к жене и детям; там желают они прожить закат своей жизни, окруженные близкими, вспоминая о своей богатой подвигами жизни, наслаждаясь славой и богатством, которые разделил с ними Александр; такое войско не должно посылаться на новые войны, пусть Александр ведет его домой, где он увидится со своею матерью и украсит храмы родины трофеями; если он жаждет новых подвигов, он снарядит новое войско и двинется с ним в Индию или Ливию, к морю на востоке, или за него к Геркулесовым столбам, и милосердные боги даруют ему новые победы; но лучший дар богов есть умеренность в счастье; не врагов должен он бояться, но богов и их предопределения». Кен окончил свою речь среди всеобщего волнения; многие не могли удержаться от слез; видно было, насколько сердце их было полно мыслью о возвращении на родину. Недовольный словами стратега и встреченным ими сочувствием, Александр распустил собрание. На следующий день он снова созвал его. «Скоро», сказал он, «он двинется далее, он не будет принуждать ни одного македонянина следовать за ним, у него осталось еще достаточно храбрецов, которые жаждут новых подвигов, остальные же могут идти на родину, он это им позволяет; пусть они расскажут у себя на родине, как они покинули своего царя посреди вражеской земли». С этими словами он оставил собрание и удалился в свой шатер; три дня не показывался он македонянам; он ожидал, что настроение войска переменится, что армия решится продолжать поход дальше.

Македонянам было тяжело чувствовать немилость царя, но они не изменили своего решения. Несмотря на это, на четвертый день царь принес жертву на берегах реки, чтобы освятить переправу; приметы жертвы были неблагоприятны; тогда он призвал к себе старейших и преданнейших ему гетайров и объявил им, а через них и всему войску, что он решил вернуться на родину. Македоняне плакали и смеялись от радости, они столпились кру-



гом шатра царя и громко славил его за то, что он, всегда непобедимый, позволил победить себя своим македонянам.

Таков рассказ Арриана⁹⁰; у Курция и Диодора⁹¹ он изменен и дополнен некоторыми побочными обстоятельствами риторического характера, если можно так выразиться; по их словам, Александр, чтобы склонить свои войска продолжать поход далее, послал их на грабеж в богатые земли по берегам Гифасиса, то есть в дружественное государство Фегея, а во время отсутствия войск подарил женам и детям солдат платья и разные запасы и, кроме того, месячный оклад жалования; затем он созвал возвращавшихся с добычей солдат на собрание и обсудил важный вопрос о продолжении похода не в военном совете, но перед всем войском в совокупности.

Страбон говорит: «Александр был побужден повернуть назад некоторыми священными приметами, настроением войска, отказавшегося продолжать поход вследствие громадных трудов, уже перенесенных им, но главным образом тем, что оно сильно пострадало от непрерывных дождей⁹²». Мы не должны упускать из виду всего огромного значения этого последнего пункта, чтобы понять поворот назад от берегов Гифасиса. Клитарх, которого мы узнаем в словах Диодора, в живых образах изображает жалкое положение армии. «Немного македонян», говорит он, «осталось в живых и эти оставшиеся были близки к отчаянию, копыта лошадей были стерты далекими походами, множество сражений притупило и сокрушило оружие воинов; никто не имел более греческого платья, лохмотья варварской и индийской добычи, кое-как сшитые друг с другом, прикрывали эти покрытые шрамами тела завоевателей вселенной; уже семьдесят дней с неба падали страшнейшие дожди, сопровождаемые вихрями и бурями». Действительно, именно теперь были в полном разгаре пешекали, тропические дожди, сопровождаемые разливами рек; представим себе, как должно было страдать западное войско, уже три месяца бывшее в лагере или на походе, от этой ужасной погоды, от туманной сырости этого непривычного климата, от неизбежного недостатка в одежде и в обыкновенных средствах к жизни, сколько людей и лошадей должна была уносить эта погода и вызванные ею болезни⁹³, как, наконец, вместе с физическими силами должна была сломить и нравственные силы войска распространившаяся болезненность, постоянные муки, причиняемые непогодой, лишениями, дурными дорогами и бесконечными передвижениями, страшное распространение нужды, смертности и отчаяния, — и нам станет понятно, что в этом всегда полном такой воинственности и такого энтузиазма войске могли распространиться недовольство, тоска по родине, упадок сил и апатия, и что общим и единственным желанием могло быть только одно — иметь далеко позади себя эту страну прежде, чем второй раз наступят страшные месяцы тропических

дождей. И если Александр не выступил с беспощадной строгостью против этого настроения войска и против его отказа следовать за ним далее, если, вместо того чтобы сломить и наказать его всеми средствами воинской дисциплины, он уступил ему, наконец, то этот факт является доказательством того, что в основе такого отказа лежал не дух недовольства и ненависти к царю, но что он был только весьма понятным последствием этих бесконечных страданий за последние три месяца.

Все-таки, как кажется, Александр имел желание пройти со своим победоносным войском до Ганга и до берегов восточного моря. С меньшими шансами на достоверность можно определить причины, побуждавшие его к этому. Быть может, то были рассказы о колоссальном могуществе государей Ганга, о бесконечных сокровищах тамошних столиц и о всех чудесах далекого востока, превозносившихся громкими похвалами в Европе и в Азии, быть может, то было также желание найти в восточном море предел своим победам и новые пути для открытий и международных сношений; быть может, то была попытка прибегнуть к крайнему средству, чтобы поднять мужество в войсках, нравственные силы которых сломила исполинская мощь тропической природы. Он мог надеяться, что смелость его нового плана, великая будущность, которую он показывал унылым взорам своих македонян, его воззвание и снова вспыхнувшее восторженное желание идти всегда вперед и вперед заставят его войско забыть все страдания и воспламят в нем новые силы. Он ошибся: бессилие и жалобы были эхом его призыва. Царь прибегнул к более серьезному средству, заставляя их устыдиться и выказывая им свое недовольство; он скрылся от глаз своих верных воинов, дал им почувствовать свой гнев и надеялся вырвать их из этого тоскливого состояния деморализации с помощью стыда и раскаяния; со скорбью видели ветераны, что царь их разгневан, но придать себе бодрости они не могли. Три дня в лагере царствовало мучительное молчание; Александр должен был понять, что все его старания тщетны, более строгие попытки опасны. Он приказал принести на берегах реки жертву, чтобы освятить переправу, и милосердные боги отказали ему в благоприятных знамениях дальнейшего похода; они приказывали возвратиться. Призыв к возвращению на родину, раздавшийся теперь по лагерю, подействовал словно волшебством на умы упавших духом воинов; теперь все страдания были забыты, теперь все было полно надеждой и ликованием, теперь все сердца исполнились новых сил и нового мужества; только один Александр со скорбью должен был обращать свои взоры на восток.

Этот поворот обратно от берегов Гифасиса, бывший для Александра началом его падения, если мы будем искать сумму его жизни и стремлений в девизе plus ultra, этого государя нового времени, который первый мог гордиться тем, что в пределах его государ-



ства не заходит солнце; этот поворот был, с точки зрения исторической задачи Александра, необходимостью, подготовленной и предуказанной самым ходом того, что он до сих пор совершил и создал; и если еще и возможно сомневаться насчет того, привели ли его к этому решению собственное благоразумие или сила обстоятельств, его значение остается одно и то же. Поход далее к востоку заставил бы его почти пожертвовать западом; уже теперь из сирийских и персидских провинций получились известия, показывавшие с достаточной ясностью, каких последствий можно было ожидать от еще более продолжительного отсутствия царя и от еще большей отдаленности его боевых сил; различные беспорядки, утеснение подданных, притязательность сатрапов, опасные желания и изменнические планы персидских и македонских вельмож, которые в то время, когда Александр спустился к Инду, начали чувствовать себя свободными от ответственности и надзора, могли бы в случае дальнейшего похода в земли Ганга беспрепятственно разрастись далее и повести, быть может, к полному распадению государства, строй которого далеко еще не отличался прочностью. Предполагая даже, что необыкновенный гений Александра мог бы крепко и сурово держать бразды правления даже с самого далекого востока, тем не менее крупные успехи в землях Ганга были бы для существования его государства всего опаснее; громадные размеры этой речной области потребовали бы соответственного количества западных гарнизонов и в конце концов сделали бы настоящее их завоевание и слияние с его государством невозможным.

Было еще и другое обстоятельство: восточные земли Индии отделяет от пятиречья пустыня не меньшей величины, чем весь полуостров Малой Азии; лишенная деревьев, травы и другой воды, кроме испорченной, добываемой из узких, достигающих трехсот футов глубины колодцев, губительная благодаря носящимся по ней летучим пескам и стоящей в душном воздухе знойной пыли, еще более опасная вследствие быстрой смены дневного зноя и ночного холода, — эта печальная пустыня представляет собою почти непреодолимый оплот Ганга; с севера от Гифасиса и Изудры к рукавам Ганга ведет только одна дорога, тянущаяся у подножья цепи Гемая, и жители востока справедливо называют ее слишком слабым звеном для того, чтобы прикрепить обширные и богатые земли Ганга к короне Персии.

Наконец, мы должны сказать, что политика Александра, если мы проследим ее от его первого вступления в Индию, позволяет нам положительно заключить, что в его намерения не входило сделать непосредственную часть своего государства даже пятиречье, не говоря уже о землях Ганга. В индийской сатрапии на запад от Инда государство Александр имело свои естественные границы; имея в своих руках горные проходы «Кавказа», он господствовал над бассейнами рек Окса и Согда на севере, Кофена и Инда на

юге; лежавшие на востоке от Инда земли должны были остаться независимыми и управляться туземными государями, не выходя из сферы македонского влияния, такого влияния, как оно было создано с достаточной прочностью в своеобразном положении государей Таксила и Пора по отношению друг к другу и к царю; даже стоявший столь высоко в милости царя Пор не получил всех земель до пограничной реки Пенджаба на востоке; противовесом ему служили, с одной стороны, Таксил, а с другой — независимые государства Фегея и Сопифа, двух государей, которые, будучи слишком незначительны для того, чтобы решиться предпринять что-либо собственными силами, могли найти силу и опору только в своей преданности Александру. Таким образом, покорность этих государей власти Александра, даже если бы он возвратился на запад, гарантировалась взаимным страхом и завистью, подобно рейнскому союзу нового времени; чтобы сделать завоевание земель Ганга возможным, Александр должен был бы вполне подчинить себе область пятиречья, даже если бы оказались необходимыми те же меры строгости и такая же трата времени, как раньше в Бактрии и Согдиане, но тогда, будучи даже полновластным господином согдианской земли он отказался проникнуть оттуда к морю, которое считал лежащим недалеко на север за скифскими землями. Точно таким же образом он должен был узнать от Пора и Таксила, какие обширные пространства ему предстояло бы пройти до Ганга и до того моря, в которое текут его воды. Он держал твердою рукою долину реки Кофена, составлявшую преддверье Индии, и в ряде зависимых государств Пенджаба создал себе еще более сложную систему пограничных областей, чем на далеком севере, где его пограничной областью служила Согдиана; он, по-видимому, уже в самом начале убедился, что население долины Инда во всех вопросах жизни, государства и религии развилось так своеобразно и что его развитие было слишком закончено для того, чтобы могло оно теперь скоро ассимилироваться с эллинистическим государством; Александр не мог думать о том, чтобы включить в состав своего государства в форме непосредственной зависимости ряд новых завоеваний, позади находившихся с ним только в союзе государств. И если уже после битвы при Гидаспе он приказал начать постройку флота, который должен был везти его войско вниз по Инду к Персидскому морю, то это, несомненно, показывает, что он имел намерение возвратиться по Инду, а не по Гангу, и что, следовательно, его поход на земли Ганга должен был быть только набегом, «кавалкадой». Мы имеем право предположить, что, если бы он предназначался быть чем-либо большим, то, имея операционным базисом едва покоренные государства, прикованные к завоевателю только слабыми узами благодарности, страха и эгоизма, он имел бы, вероятно, такой же печальный исход, как и великий восточный поход Наполеона.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Возвращение на родину. — Флот на Акесине. — Война с маллами. — Грозящая жизни Александра опасность. — Сражение на нижнем Инде. — Отбытие Кратера. — Битва в дельте Инда. — Плавание Александра по Океану. — Его отбытие из Индии

То были, вероятно, последние дни августа 326 года, когда македонское войско собиралось на берегах Гифасиса в обратный поход. По приказанию царя, войско воздвигло¹ на берегах реки двенадцать громадных, подобных башням, алтарей в благодарность богам, которые до сих пор всегда позволяли македонянам победоносно двигаться вперед, и в воспоминание об этом царе и об этом войске. Александр принес жертву на этих алтарях, а войска, по греческому обычаю, устроили разные игры².

Затем войско двинулось к западу; дорога шла по дружественной земле; без особенных трудностей, кроме все еще продолжавшихся частых дождей, оно достигло Гидраота, и, перейдя через эту реку и пройдя по области Гандаритиде, достигло берегов Акесина; здесь на месте переправы через реку уже был готов город, постройка которого была поручена Гефестиону³. Александр остановился здесь на короткое время, чтобы частью сделать нужные приготовления для плавания вниз по Инду и по «великому морю», частью чтобы колонизовать новый город, с каковой целью были приглашены поселиться в нем индусы окрестностей и были поселены здесь неспособные к военной службе наемники войска.

Во время этой остановки приветствовать великого царя явились брат кашмирского государя Абисара и другие мелкие государи горных областей, все с множеством драгоценных подарков; Абисар посылал тридцать слонов и в ответ на приказ явиться лично, который был ранее прислан ему царем, уверить в своей полной преданности, а свое отсутствие извинял болезнью, которая уложила его в постель. Так как посланные Александром в Кашмир македоняне подтвердили его слова и теперешнее поведение этого государя, по-видимому, ручалось за его дальнейшую преданность, то его государство было отдано ему как сатрапия и был установлен размер дани, которую отныне он должен был платить, его власть была распространена также на государство Арсака

(Ураса, недалеко от Кашмира)⁴. Освятив основание нового города торжественными жертвоприношениями, Александр переправился через Акесин, и около половины сентября различные части войска сошлись в Букефале и Никее на Гидаспе.

Мысль царя возвратиться в свое государство из области реки Инда не тем путем, каким он сюда пришел, но дать почувствовать силу своего оружия также и землям вниз по реке и рассеять здесь семена эллинистической жизни — была великой и плодотворной мыслью. Его влияние на этот новооткрытый индийский мир, не бывшее влиянием непосредственного монарха, не основанное на открывшихся теперь в первый раз сношениях с этими народами и рассчитанное на постепенный рост этих сношений и начинаний, не могло бы быть ни полным, ни даже просуществовать долгое время, если бы связующим звеном осталась только индийская сатрапия с рекой Кофеном. Если эта сатрапия и была главным путем для взаимных сношений, то в руках македонян все-таки должна была быть вся линия реки Инда, жившие ниже по течению реки народы должны были обычно признавать то же самое влияние, как и народы пятиречья, Александр должен был поступить с ними тем решительнее, чем более многие из них, как маллы и оксидраки, гордились своей независимостью и боевой славой и ненавидели или презирали всякое чужеземное влияние; главное свое выражение и опору это влияние должно было получить в эллинистических колониях на реке Инде. С этой-то целью Александр еще тогда, когда он выступал от Гидаспа на восток, отдал приказ строить большой речной флот, на котором задумал спуститься по Инду к великому морю; теперь, когда оказалось невозможным продолжить поход до Ганга и до восточного моря, Александр с удвоенным рвением должен был обратиться к этой экспедиции, которая если и не сулила столько же славы и добычи, как поход к Гангу, то все-таки позволяла ожидать больших успехов.

В течение четырех месяцев, проведенных Александром вдали от Гидаспа, внешний вид этой местности, в которой лежали его оба города, совершенно переменился. Время дождей прошло, воды начали возвращаться к своему прежнему руслу и на левом берегу реки тянулись теперь обширные рисовые поля, роскошно зеленевшие на оплодотворенной разливами почве; другой берег, над которым высились поросшие лесами горы, был на многие мили кругом покрыт корабельными верфями, в которых частью еще строились, частью стояли уже готовыми сотни больших и малых судов; по реке, берега которой были оживлены пестрым движением и странным видом стоявшего на отдыхе лагерем составленного из всевозможных национальностей войска, шли сплавной лес с гор, челноки со всевозможными запасами и баржи со строительными и боевыми материалами. Первой заботой Александра было полнее и прочнее выстроить обе крепости, земляные валы и бара-



ки которых, наскоро выстроенные на низменной местности, немало пострадали от разрушительного действия воды. Затем началось вооружение кораблей; следуя греческому обычаю, Александр из числа самых богатых и знатных лиц своей свиты назначил тридцать три триерарха, для которых эта литургия, заключающаяся в почетном доставлении красивого и прочного вооружения корабля, сделалась предметом весьма полезного для самого дела соревнования⁵. Список этих триерархов дает нам поучительный обзор окружавших царя лиц. Между ними находятся 24 македонянина: семь телохранителей царя и Певкест, назначенный вскоре восьмым на эту должность; стратег и гиппарх Кратер, из числа стратегов фаланги Аттал, из хилиархов и гипаспистов Непарх, затем Лаомедон, который не был воином, Андросфен, который по возвращении в Вавилон предводительствовал флотом в ту пору, когда тот огибал Аравию; из остальных одиннадцати македонян при других случаях не упоминается ни один, многие из них, как Лаомедон, должны были находиться на гражданской или, по крайней мере, на интендантской службе, обязанности, объем и значение которых в этой войне понятны сами собою, хотя об них и не дошло до нас никаких сведений. Затем триерархами было назначено шесть эллинов, в том числе царский писец Эвмен Кардийский и лариссеец Мидий, одно из самых доверенных лиц царя, наконец, перс Багой и двое сыновей царей Кипра. Вооружили ли эти триерархи весь флот или только большие корабли, 80 триер, мы теперь определить не можем.

Экипаж этого речного флота был составлен из находившихся в войске финикийцев, египтян, киприотов, греков островов и азиатского берега, которые и были распределены по судам в качестве матросов и гребцов; не прошло и месяца, как все было готово к отплытию. На реке стояла готовой тысяча всевозможных судов⁶, в том числе 80 военных кораблей и двести кораблей без палуб для перевозки лошадей; все другие суда, собранные везде по соседним берегам, где их только можно было найти, были предназначены для перевозки войск и для доставки вслед за ними провианта и боевых материалов, большие транспорты которых, по словам одного источника сомнительной ценности, прибыли как раз теперь вместе с новыми войсками, состоявшими из шести тысяч всадников и нескольких тысяч человек пехоты⁷.

Отплытие вниз по реке было назначено на первые числа ноября⁸. Царь призвал к себе гетайров и находившихся при войске индийских послов, чтобы сделать им необходимые еще сообщения, и выразил надежду, что мир, возвращенный им стране Пенджаба, будет продолжителен и вполне обеспечен принятыми им мерами. Радже Пору было снова подтверждено расширение его территории, обнимавшей семь народов и две тысячи городов и простиравшейся до берегов Гифасиса, и были установлены его

отношения к соседним государям Абисару, Сопифу и Фегею; государю Таксилу была дарована независимая власть над его прежними и новыми землями; зависимые государства, лежавшие в пределах индийской сатрапии, были, что касалось до их дани и других обязательств, подчинены тамошнему сатрапу, а их контингенты отпущены на родину вместе с другими индийскими контингентами. Затем были даны указания относительно дальнейшего похода: сам царь со всеми гипаспистами, с агрианами и стрелками и со своей конной свитой, что в сумме составляло около восьми тысяч человек, поплывет на кораблях⁹, хилиарх Непарх получит командование над всем флотом, а Онесикрит из Астипалии — над царским кораблем; остальные войска должны разделиться на две колонны и спускаться по обеим сторонам реки, одна под предводительством Кратера по правому, западному берегу, а другая более значительная, в которой находились и 200 слонов, — по левому под предводительством Гефестиона; обеим колоннам было приказано двигаться вперед как можно скорее, остановиться в трех днях пути вниз по реке¹⁰ и ожидать флота; там должен был присоединиться к ним сатрап индийской сатрапии Филипп.

Перед своим выступлением войску пришлось участвовать еще в одном печальном торжестве: гиппарх и стратег Кен был унесен болезнью; предание, как кажется, намекает на то, что царь не простил ему и не забыл рассказанного выше случая на берегах Гифасиса; но он был погребен «с подобающей обстоятельством торжественностью¹¹».

Наконец наступил назначенный для отплытия день; с утра началась посадка войск на корабли; по обеим берегам реки Кратер и Гефестион выстроили блестящей боевой линией свои фаланги, свою конницу и своих слонов; пока одна за другой эскадры кораблей строились в порядок, царь, согласно греческому обычаю, принес торжественную жертву на берегах реки; по указаниям отечественных жрецов, он принес жертвы богам родины, Посейдону, спасительной Амфитрите, Океану, Нереидам и реке Гидаспу; затем он вступил на свой корабль, подошел к борту на его носу и, сделав возлияние из золотой чаши, приказал трубачу трубить сигнал к отплытию, и при звуках труб и боевых кликах весла всех кораблей разом опустились в волны. И вот эскадра со своими разноцветными парусами, с восьмьюдесятью военными кораблями впереди поплыла в самом лучшем порядке вниз по реке, представляя собою чудное и не поддающееся описанию зрелище. «Ни с чем нельзя сравнить этого шума весел, одновременно поднимавшихся и опускавшихся на всех кораблях, криков корабельщиков, приказывавших то останавливаться грести, то снова начинать, боевых кликов матросов, с которыми они снова опускали весла в воду; там, где берега были высоки, их крики звучали еще громче, отдаваясь эхом в ущельях направо и налево;



далее реку снова окаймляли леса, и крики едущих отдавались далеко в лесной чаще; тысячи индусов стояли по берегам и с изумлением смотрели на это едущее войско, на боевых коней на кораблях с их разноцветными парусами, и на чудный, всегда одинаковый порядок эскадр; они отвечали радостными кликами на клики гребцов и, распевая свои песни, спускались по берегам реки. Ведь нет народа, любящего песни и пляску более, чем индусы¹²».

После трехдневного плавания¹³ царь прибыл к тем берегам, где Кратер и Гефестион должны были ожидать флот; они уже стояли лагерем по обеим сторонам реки. Здесь войско и флот отдыхали два дня, чтобы дать подойти сатрапу Филиппу с арьергардом главной армии. Когда все македонские силы — они достигали теперь до 120 000 воинов¹⁴ — собрались вместе, царь принял меры, которые были необходимы в виду скорого вступления в чужеземную область, в особенности же для покорения земель до устья Акесина; Филипп был отряжен идти налево к Акесину, чтобы обеспечить за собою западный берег этой реки; Гефестион и Кратер двинулись далее по левому и правому берегу Гидаспа, несколько углубляясь во внутрь страны; все войско должно было встретиться по ту сторону устья Акесина, чтобы оттуда начать поход против маллов и оксидраков. Уже получилось известие о значительных вооружениях, предпринятых этими большими и воинственными народами; они, как было слышно, уже поместили своих жен и детей в укрепленных местах и многие тысячи вооруженных уже собирались на берегах Гидраота. Тем более находил нужным царь скорее идти вперед и открывать поход прежде, чем неприятель успеет докончить свои вооружения. Поэтому после двухдневного отдыха флот двинулся далее вниз по реке; везде, где он приставал к берегу, жители добровольно покорялись или были вынуждены к этому без большого труда.

Александр надеялся достигнуть впадения Акесина в Гидасп на пятый день; он уже успел узнать, что это место опасно для судоходства, что при слиянии своем эти реки производят сильное волнение, образуя множество водоворотов и затем, стесненные в узком ложе, бурно катят далее свои воды¹⁵. Эти вести были распространены среди флота и в то же время была предписана большая осторожность. Под конец пятого дня плавания с юга послышался сильный шум, подобный шуму морского прибоя во время волнения; гребцы первой эскадры с изумлением остановились, не зная, близко ли море, непогода, или что-либо иное; затем, узнав, в чем дело и получив наставление работать усерднее, когда они приблизятся к устью, они поплыли далее. Шум становился все сильнее, берега стали уже, наконец, показалось устье, волнующийся и пенящийся прибой, среди которого струи Гидаспа перпендикулярно бросаются на воды Акесина и в шумной и бурной ярости борются с ними, чтобы затем вместе нестись в узких берегах далее с быст-

ротою стрелы. Корабельщики еще раз попросили матросов работать осторожнее и усерднее, чтобы силою весла преодолеть быстроту течения, которая могла бы увлечь корабли в водоворот, где они бы неизбежно погибли, и стараться как можно скорее достигнуть более широкого, свободного и ровного места реки. А бурный поток уже увлекал с собою корабли; только с невероятным трудом удавалось гребцам и кормчим держаться нормального направления; многие суда были унесены течением, затянуты в водоворот и закручены, весла были сломаны, бока повреждены и лишь с большим трудом сами они были спасены от гибели; в особенно большой опасности находились военные корабли; два из них, столкнувшись друг с другом, разбились и потонули; легкие суда были выброшены на берег; всего благополучнее миновали это место широкие грузовые корабли, которые, будучи захвачены быстринной, были слишком широки для того, чтобы опрокинуться, и которым быстрота течения снова придала нормальное направление. Сам Александр, как рассказывают, попал со своим кораблем в водоворот и жизнь его подвергалась очевидной опасности, так что он уже сбросил с себя свое верхнее платье, чтобы кинуться в воду и спастись вплавь¹⁶.

Таким образом флот не без больших потерь миновал это опасное место; только в часе пути ниже по течению река стала спокойнее и шире; здесь она поворачивает направо, огибая береговые холмы; позади них можно было удобно причалить в находящемся вне быстрого течения месте, а широкий и плоский берег был удобен для собирания выбрасываемых на него обломков и трупов. Царь приказал здесь флоту причалить к берегу и велел Непарху как можно скорее исправить причиненные судам повреждения. Сам он воспользовался этим временем для экскурсии в глубину страны, чтобы воспрепятствовать воинственным народам этих земель, сивам и агалассам, придти при предстоящем нападении македонян на помощь маллам и оксидракам¹⁷, от которых их отделял Акесин. После шестимильного перехода, употребленного на то, чтобы нагнать страх своими опустошениями, Александр явился под стенами обширной столицы сибов; она была взята штурмом без большого труда. По другим сведениям она сдалась добровольно¹⁸.

Возвратившись к Акесину, Александр нашел флот готовым к отплытию; Кратер тоже находился в лагере, а Гефестион и Филипп расположились выше устья реки. Тотчас же были отданы касавшиеся похода против маллов приказания, область которых начиналась милях в семи ниже по течению Акесина и устья Гидрата, и по этой последней реке тянулась далеко к северу. Они, царь знал это, ждали нападения и приготовились к нему; они должны были полагать, что македонское войско спустится к устьям Гидрата и оттуда вторгнется в их земли, так как от того места Акесина, где была стоянка кораблей, они были отделены безводной



пустыней шириною во много миль и казались таким образом недоступными. Царь решил избрать этот путь, чего они всего менее ожидали, и внезапно напасть на них в верхней части их страны недалеко от границ Гандаритиды и кафеев и уже отсюда оттеснить их вниз по течению реки Гидраота; у устья этой реки они должны были снова попасть в руки македонян, если бы вздумали искать прибежища или помощи на другом берегу Акесина. Поэтому прежде всего туда был отправлен флот под предводительством Нearchа, который должен был занять правый берег Акесина против устья Гидраота и таким образом отрезать сообщение земли маллов с другим берегом; Кратер со своими войсками, со слонами и с фалангой Полисперхонта, бывшими до тех пор у Гефестиона, и с войсками Филиппа, переправившимися через Гидасп выше его устья, должен был через три дня прибыть на место стоянки Нearchа и с этими значительными боевыми силами на правом берегу реки служить базисом для смелых операций на другом берегу. По выступлении Нearchа и Кратера Александр разделил остальное войско на три отряда, между тем как он сам с одним отрядом хотел вторгнуться в глубь страны маллов и погнать неприятеля вниз по реке. Гефестион, выступивший со вторым отрядом пятью днями ранее, должен был занять линию Гидраота, чтобы ловить бегущих, а Лагид Птолемей с третьим отрядом должен был выступить тремя днями позже, чтобы преградить путь бегущим назад к Акесину.

Хотя при вести о приближении Александра маллы и оксидраки, как рассказывают, и оставили свои прежние раздоры, обеспечили заложниками взаимную помощь друг другу и собрали значительное войско, состоявшее из пятидесяти тысяч пехотинцев, десяти тысяч всадников и семисот боевых колесниц, но при выборе общего предводителя — они принадлежали к араттам, индусам не имевшим государей, — между ними произошли такие разногласия, что войско распалось и контингенты отдельных округов рассеялись по своим укрепленным городам; хотя это сообщение не подтверждается никаким особенным авторитетом, но оно более или менее согласно с особенностями составленного Александром операционного плана¹⁹. По другим сведениям, маллы и оксидраки собирались заключить союз между собою, что позволило бы им противопоставить македонянам значительные боевые силы, и поэтому-то Александр так и спешил предупредить их соединение своей атакой²⁰.

В назначенный для выступления день, около половины ноября, Александр двинулся в поход; с ним были гипасписты, стрелки и агриане, фаланга Пифона, половина македонских гиппархий и конные стрелки. На небольшом расстоянии от Акесина начиналась пустыня; после пятичасового перехода, войска Александра достигли воды; там они сделали привал, пообедали, отдохнули немного, воины наполнили имевшиеся у каждого сосуды водою и

затем пошли далее; остальную часть дня и всю ночь они с возможной скоростью подвигались вперед; на следующее утро после почти восьмимильного перехода на востоке они увидели город маллов Агаласса²¹ с его цитаделью. Сюда спаслось бегством множество маллов; не имея часовых, безоружные, они стояли лагерем под стенами города, который не мог вместить в себе такого множества людей; они до такой степени были убеждены, что нападение через пустыню невозможно, что готовы были считать приближавшееся войско за что угодно, только не за македонян. А всадники Александра были уже посреди них; о сопротивлении нечего было и думать; многие тысячи были изрублены; все, что могло бежать, спасалось в городе, который Александр окружил своей конницей, ожидая прихода пехоты, чтобы начать штурм. Когда она приблизилась, царь тотчас послал Пердикку с двумя гиппархиями и агрианами к соседнему городу²², куда бежало множество индусов, с приказом внимательно наблюдать за ним, не предпринимая, однако, ничего против него до прихода войска из Агалассы, так как в противном случае беглецы отсюда могли бы распространить дальше по стране известия о близости македонян. Между тем Александр начал штурм; индусы, сильно пострадавшие уже при первом нападении, потеряли надежду удержат за собою стены; при своем отступлении от ворот и башен они по большей части были перебиты теснившими их македонянами, лишь несколько тысяч спаслось бегством в цитадель и защищалось там с мужеством отчаяния; несколько нападений македонян было отбито, возрасставшее озлобление, одобрительные возгласы и пример царя, утомление противников позволили, наконец, македонянам одержать победу, за трудность которой они отомстили, произведя страшную резню между индусами; из двух тысяч, которые защищали цитадель, не удалось спастись ни одному.

Между тем Пердикка нашел город, против которого он был послан, уже покинутым жителями и бросился преследовать бегущих; он действительно настиг их, и те, которые еще не успели спастись за реку или в болота по берегам ее, были перебиты. Царь со своей стороны после взятия штурмом цитадели Агалассы дал своим воинам только несколько часов отдыха; с наступлением ночи, оставив в цитадели маленький гарнизон, он выступил к Гидраоту и двинулся, чтобы отрезать жившим здесь в окрестностях маллам возможность бежать на другой берег. Под утро он достиг места переправы через реку вброд, большинство неприятелей успело уже бежать на другую сторону; те, которые еще оставались, были перебиты; сам он тотчас же переправился через реку, скоро толпы бегущих были настигнуты и началась новая резня; те, кому удалось бежать, спаслись в лежавшую неподалеку крепость, остальные сдались победителю. Когда подошла пехота, царь послал против этой крепости Пифона с его фалангой и двумя эскадронами конницы;



крепость пала при первом штурме и находившиеся в ней маллы были взяты военнопленными, после чего Пифон снова присоединился к царю.

Последний, между тем, подступил к одному брахманическому городу, куда точно так же бросилось много маллов; он тотчас окружил его стены и приказал начать вести под них подкопы; сильно пострадавшие от выстрелов македонян индусы отступили в городскую цитадель; один отряд македонян слишком смело пошел вперед и вместе с ними ворвался в цитадель; но, не будучи в состоянии удержаться против превосходного по численности неприятеля и почти отрезанный от своих, мог пробиться назад только с большими потерями. Это усилило озлобление войск; Александр немедленно приказал принести штурмовые лестницы и сделать подкопы под стенами цитадели; когда одна из башен и примыкавшая к ней часть стены обрушилась и открыла брешь для штурма, Александр был первым на развалинах, македоняне с криками ликования бросились вслед за ним и скоро, несмотря на отчаянную защиту, стены были очищены от неприятелей; многие из них были убиты в бою, другие бросились в здания, зажгли их и, пока пожар беспрепятственно распространялся далее, бросали из горящих зданий дротики и бревна в македонян до тех пор, пока сами не погибали в пламени и в дыму. Немногие попали живыми в руки македонян: около пяти тысяч погибло при штурме и при пожаре цитадели.

Александр дал здесь один день отдыха своим утомленным громадными трудами последних пяти дней войскам; затем они выступили со свежими силами завоевывать другие города маллов на южной стороне Гидраота; но везде жители бежали еще до их прибытия; преследовать отдельные отряды не представлялось необходимости; было достаточно разрушить их город. Это продолжалось несколько дней; затем был дан снова день отдыха, чтобы войска могли набраться свежих сил для нападения на самый большой город по эту сторону реки, куда, рассчитывая на его неприступность, бросилось множество маллов.

Чтобы не дать лесистым берегам верхнего течения реки, находившимся в тылу дальнейших операций, сделаться местом убежища для разбитых маллов и их сборным пунктом для какой-нибудь опасной диверсии, вверх по реке были посланы фаланги Пифона, гиппархия Деметрия и несколько отрядов легкой пехоты с поручением разыскать там индусов в лесах и болотах и перебить всех, которые не сдадутся добровольно. Сам царь с остальными войсками, уверенный, что ему предстоит упорная борьба, двинулся против упомянутого выше города, но всеобщий ужас, распространенный успехами македонского оружия, был так велик, что находившиеся в этом большом городе индусы, отчаявшись в возможности защитить его, пожертвовали им, отступили за про-

текавшую поблизости реку и заняли ее высокий северный берег, в надежде, что с этой вполне благоприятной позиции им удастся воспрепятствовать переправе македонян. Когда Александр узнал об этом, он быстро выступил со всей конницей и приказал пехоте, не теряя времени, следовать за ним. Подойдя к реке, он тотчас же велел начать переправу, не обращая внимания на выстроенную на том берегу линию неприятеля; и индусы, испуганные смелостью этого маневра, отступили в стройном порядке, не пытаясь начать неравную борьбу; но когда они заметили, что против них находится не более четырех или пяти тысяч всадников, то вся их линия, состоявшая не менее чем из пятидесяти тысяч человек, оборотилась против Александра и колонны его всадников, с тем чтобы оттеснить их от берега, который они уже заняли. Только с большим трудом и с помощью целого ряда сложных движений, благодаря которым им удалось избежать рукопашного боя, всадникам удалось продержаться на этой неудобной местности до тех пор, пока постепенно не подошло несколько отрядов легкой пехоты и стрелки, а на другой стороне не показалась уже приближавшаяся к берегу тяжелая пехота. Теперь Александр перешел в наступление; но индусы не решились ожидать его нападения, а бросились бежать в находившийся по соседству сильно укрепленный город²³; македоняне горячо преследовали их, перебили многих во время бегства и остановились только под самыми стенами города.

Царь тотчас же приказал своей коннице окружить город; но пехота подошла только поздно вечером; притом все — конница от переправы через реку и горячего преследования, пехота от далекого и трудного пути — были так утомлены, что в этот день нельзя было предпринять никаких дальнейших действий; поэтому вокруг города был разбит лагерь. Но с рассветом царь с одной половиной войска, а Пердикка с другой начали со всех сторон штурмовать стены; индусы не могли удержаться на них и отовсюду отступили в свою сильно укрепленную цитадель. Александр на своей стороне приказал сломать одни ворота городской стены, ворвался, не встречая сопротивления, в город и бросился по улицам к цитадели; стены ее были крепки, башни переполнены вооруженными людьми, осадные работы под неприятельскими выстрелами были опасны. Однако македоняне начали тотчас же подкапывать стены; другие принесли несколько штурмовых лестниц и пытались приставить их к стенам; сыпавшиеся с башен непрерывным дождем стрелы остановили даже самых храбрых. Тогда царь схватил лестницу; со щитом в левой руке, с мечом в правой он поднялся вверх, а за ним поднялись Певкест и Леоннат по той же самой лестнице, а старый стратег Абрей по другой. Уже царь поднялся на башню; держа перед собою щит, нападая и защищаясь в одно и то же время, он сбрасывает одних навзничь со стен, других повер-



гает своим мечом на землю; место перед ним расчищается на одну минуту, он вскакивает на башню, за ним следуют Пердикка, Леоннат и Абрей; с громким криком бросаются следом за ними гипасписты по обеим лестницам, они подламываются, и царь на башне отрезан. Индусы узнают его по блестящему вооружению и по перьям на его шлеме; приблизиться к нему не решается никто, но сверху и снизу, с башен и из цитадели, сыплются на него стрелы, дротики и камни; свита кричит ему, чтобы он спрыгнул назад и пощадил свою жизнь; он взглядом смеривает высоту стены с внутренней стороны цитадели и смелый прыжок туда уже сделан. Он стоит один внутри неприятельской стены и, прижавшись к ней спиной, ожидает врагов. Уже они решаются приблизиться, уже их предводитель бросается на него; Александр пронзает его ударом меча, второго он поражает камнем, третий и четвертый падают под мечом царя. Индусы отступают, они начинают со всех сторон бросать в него стрелы, дротики, камни, что у каждого есть под руками; еще его щит защищает его, но, наконец, его рука ослабевает. Уже подле него стоят Певкест, Леоннат и Абрей, тоже соскочившие вниз; но Абрей падает, пораженный стрелой в лицо; индусы испускают радостный крик при виде этого и начинают стрелять с удвоенной энергией; одна из стрел попадает в грудь царя и пробивает его панцырь, кровь фонтаном брызнула из раны, а вместе пострадало и дыхание легких. В пылу битвы царь не замечает этого и продолжает защищаться; но он изнурен потерей крови, колени его подгибаются; он лишается чувства и опускается на свой щит. С удвоенной яростью индусы бросаются на него. Певкест становится над павшим и прикрывает его своим илионским щитом, который он носит, Леоннат прикрывает его с другой стороны; уже их поражает стрела за стрелой; они едва еще держатся; царь истекает кровью.

Тем временем за стенами господствует самое лихорадочное движение; македоняне видели, как их царь соскочил в город; ему невозможно спастись, а они не могут следовать за ним; все спешат приставлять штурмовые лестницы, машины, деревья; все это заставляет их только терять время, каждая минута промедления может быть его смертью; они должны следовать за ним, одни вбивают в стену клинья и взбираются наверх, другие взлезают на башни по плечам товарищей. Здесь они видят своего царя простертым на земле, густую толпу врагов кругом, уже падает и Певкест; с криком ярости и боли бросаются они вниз, быстро окружают павшего, прикрытые своими щитами, бросаются вперед и оттесняют варваров. Другие ломятся в ворота, открывают их силой, снимают двери с петель и с диким криком вторгаются в цитадель. Они бросаются теперь на неприятеля с удвоенными силами, убивают все, поражают своим мечом женщин и детей, кровь должна охладить пыл их мщениа. Другие уносят прочь царя на его щите; в его

груди еще находится стрела; ее пробуют вытащить, но ее удерживает крючок; боль заставляет царя придти в себя; со стоном просит он извлечь стрелу из раны, расширив рану мечом. Это исполняют, кровь в изобилии струится из раны и он снова впадает в беспамятство; смерть и жизнь, по-видимому, борются за обладание им. С рыданиями окружают друзья его ложе, а македоняне его шатер; так проходит вечер и ночь²⁴.

Уже слухи об этом сражении, о ране и о смерти царя проникли в лагерь у устья Гидраота и вызвали там неописанное волнение. Сперва раздавались только крики ужаса, громкие жалобы и слезы; затем спокойствие возвратилось и был поставлен вопрос относительно того, что будет теперь? забота, упадок духа, муки беспомощности росли; кому придется сделаться предводителем войска? как-то войско возвратится на родину? как найти дорогу по этим бесконечным пространствам, через страшные реки, по диким горам и по пустыням? как защититься от всех этих воинственных народов, которые не замедлят далее встать на защиту своей свободы, вступить в борьбу за свою независимость и пожелают утолить свою месть на македонянах, так как Александра им теперь нечего более бояться? И когда получилось известие, что царь еще жив, то никто этому не хотел верить, все сомневались, что ему удастся вырваться из рук смерти; а когда пришло от самого царя письмо, что он скоро возвратится в лагерь, то воины начали говорить, что это письмо сочинено телохранителями и стратегами, чтобы успокоить умы, что царь умер и что у них нет ни вождя, ни надежды на спасение.

Между тем Александр действительно был спасен от смерти, и через семь дней его рана, хотя еще и не закрылась, но не представляла дальнейшей опасности; получившиеся из лагеря известия и опасения, что уверенность в его смерти повлечет за собою беспорядки в войске, заставили его возвратиться к нему уже теперь, не дожидаясь своего полного выздоровления. Он приказал отнести себя в стоявшую на Гидраоте яхту, где был воздвигнут шатер для ложа больного; без помощи весел, чтобы избежать сотрясения, гонимая только течением, яхта на четвертый день приблизилась к лагерю. Весть, что Александр едет сюда, опередила его, но ей поверили лишь немногие. Уже между лесистыми берегами показалась плывшая вниз по реке царская яхта; с боязнью и тревогой войска стояли вдоль берегов. Царь приказал открыть шатер, чтобы все могли его видеть. Они еще думали, что корабль везет к ним умершего царя. Прежде чем он достиг берега, он поднял руку, посылая приветствие своим. Тогда из тысячи уст вырвался радостный крик, они протянули руки к небу и к своему царю, и слезы радости смешались с криками ликования. Затем яхта причалила к берегу, несколько гипаспистов принесли носилки, чтобы перенести царя с корабля в его шатер, но он приказал привести лошадь;



когда войско увидало его снова на коне, то раздались такие радостные крики, рукоплескания и стук щитов, что эхо отдавалось на противоположном берегу и в лесах кругом. Приблизившись к приготовленному для него шатру, он соскочил с коня, чтобы его люди видели его также и идущим; они начали со всех сторон тесниться к нему, чтобы коснуться его руки, его колен, его платья, или же чтобы только увидеть его вблизи, крикнуть ему слово приветия и бросить ему ленты и цветы.

При этом приеме должен был произойти рассказываемый Нearchом случай. Некоторые из друзей упрекнули царя, что он подвергал себя таким образом опасности, говоря, что это дело солдат, а не полководца; один старый беотиец, слышавший это и заметивший произведенное этими словами на царя неприятное впечатление, подошел, как говорят, и сказал на своем беотийском диалекте: «Мужу приличны дела, о Александр; а кто действует, должен и страдать». Царь согласился с ним, да и позже не забыл его доброго слова.

Быстрое завоевание столицы маллов произвело громадное впечатление на все народы этих стран. Сами маллы, хотя еще обширные пространства их земель не были затронуты македонянами, отчаялись в возможности дальнейшего сопротивления, прислали посольство и смиренно отдали себя и свою страну во власть царя. Оксидраки или судраки, которые наряду с маллами славились как самый храбрый народ Индии, которые могли выставить значительные боевые силы, предпочли покориться; большое посольство, состоявшее из начальников городов, землевладельцев и ста пятидесяти вельмож страны, явилось с богатыми дарами, уполномоченные согласиться на все, чего потребует великий царь; они сказали, что им простительно, если они не явились перед царем раньше, так как они еще более всякого другого народа Индии любят свою свободу, которую они сохранили с незапамятных времен, со времени пребывания в их стране бога, которого греки называют Дионисом; Александру же — так как он происходит от богов и его дела служат этому доказательством — они охотно покоряются и готовы принять сатрапа, которого он им назначит, платить дань и дать столько заложников, сколько потребует царь. Он потребовал тысячу самых знатных вельмож, которые, смотря по его желанию, должны были или следовать за ним как заложники, или участвовать вместе с ним в войне до покорения оставшихся еще независимыми земель Индии. Оксидраки представили эту тысячу и, кроме того, добровольно прислали пятьсот боевых колесниц, каждую с двумя воинами и возницей, после чего Александр милостиво отпустил тысячу присланных заложников, а боевые колесницы присоединил к своему войску; их область вместе с областью маллов была присоединена к индийской сатрапии, находившейся под управлением Филиппа.



Окончательно оправившись и отблагодарив богов за свое выздоровление торжественными жертвами и играми, Александр выступил из своего находившегося у устья Гидраота лагеря. В бытность его на этом месте было выстроено много новых кораблей, так что теперь с царем вниз по реке могло плыть гораздо более войск, чем прежде; с ним было 10 000 пехотинцев, из числа легковооруженных — стрелки и агрианы, 1700 человек македонской конницы. Тогда царь спустился из Гидраота в Акесин и поплыл по дружественной теперь стране оксидраков мимо устья Гифасиса²⁵ до слияния широкого Панджнада с Индом. Мимоходом Пердикке пришлось заставить покориться только абастанов (Ambastha); другие народы издалека и изблизи присылали посольства с многочисленными и драгоценными подарками, тонкими тканями, алмазами и жемчугами, пестрыми змеиными кожами, черепаховыми щитами, ручными львами и тиграми; значительное число новых триер и грузовых кораблей, которые царь приказал строить в земле Ксафра, тоже пришло вниз по реке²⁶. Здесь, где Инд принимает в себя Панджнад, соединившиеся в одну реку пять восточных притоков, и где образуется естественный центр для сношений между внутренними частями страны и устьем Инда, Александр решил основать греческий город, которому суждено было сделаться важным для обладания страной и значительным и цветущим благодаря торговле Инда²⁷; он должен был быть самым южным пунктом в индийской сатрапии Филиппа, который остался здесь со значительным войском, состоявшим из всех фракийских войск и соответственного этому количеству числа тяжеловооруженных фалангитов, и получил поручение главным образом заботиться, по мере возможности, о безопасности торговли в этих местах, устроить на Инде обширную гавань, корабельные верфи и магазины и всеми мерами содействовать процветанию этой Александрии.

Вероятно, в феврале 325 года македонское войско выступило из Александрии в земли нижнего Инда; большая часть его вместе со слонами под предводительством Кратера переправилась на восточный берег реки, где дороги были лучше и где еще не все прилежавшие к ней народы были склонны покориться. Сам царь с перечисленными выше войсками поплыл вниз по реке. Войско и флот беспрепятственно прибыли в землю судов, которых эллины называли согдами или содрами, и остановились около их столицы²⁸; под именем согдской Александрии она была обращена в эллинскую колонию, значительно укреплена, снабжена гаванями и верфями и была назначена резиденцией страны нижнего Инда, область которого должна была простирались от устья Панджнада до самого моря, а сатрапом был назначен Пифон с десяти тысячным войском²⁹.

Место, где лежит согдийская Александрия, есть один из важнейших пунктов по нижнему течению Инда; здесь характер реки,

местности и народонаселения начинает решительно меняться. Цепи Солимана, сопровождавшие раньше Инд с севера к югу, поворачивают здесь почти под прямым углом на запад к проходам Бхолана. Пустыня, которая все время была недалеко от восточного берега Инда, уходит здесь вдаль; рукавами, которые река посылает направо и налево, она образует множество островов и островков; вдоль берегов тянется плодородная, густо заселенная низменность; скоро становится заметно влияние близости океана. Сюда присоединяется второе, не менее замечательное обстоятельство: между тем как к востоку тянется необозримая однообразная равнина, на западе, если мы будем подвигаться далее к югу, глаз видит поднимающийся мощный горный хребет, который замыкает эту область и тянется до мыса Монца; теперешнее течение Инда приближается, описывая широкую дугу, к самому подножию этих гор и затем снова поворачивает на восток к Гейдерабаду, где начинается дельта; в древности Инд тек по хорде этой дуги южнее Бхукора к Гейдерабаду, омывая около Бхукора низкую цепь известковых гор, которую он теперь промыл к западу; на ней еще и донныне сохранились развалины Алора, древней столицы земли Синдха. Эта земля Синдха подобна саду, виноградники украшают ее холмы, благовонные растения сухого климата Аравии, цветы влажных и жарких тропических местностей и маис болотистых прибрежных местностей пышно растут здесь рядом друг с другом; бесчисленное множество городов и местечек украшают эту землю, на реке и ее каналах царствует постоянное движение, и народонаселение, — темнокожие, стоящие под властью государей жители юга, — значительно отличается от народов верхних земель Инда; каста брахманов занимает здесь высокое положение и пользуется решительным влиянием на общественную жизнь, а власть государей ограничивается религиозными предрассудками, подозрительностью и бесконечным соперничеством; такой характер не изменился и по прошествии многих веков, несмотря на все перемены власти, религии и даже самой природы.

Эти особенности страны и народонаселения сейчас же обнаружались в их отношениях к Александру. Изъявление покорности маллами уничтожило всякое сопротивление у соседних с ними народов и путь войска до земли согдов был непрерывным победоносным шествием. Но царь тщетно ожидал добровольного подчинения живших далее народов; изъявить свою покорность повелителю земли Инда не являлись ни сами государи, ни их посольства: наущение высокомерных брахманов или же уверенность в собственных силах заставили их отнестись с презрением к могущественному чужеземцу. Только раджа Самб³⁰ покорился добровольно; стоя в зависимости от более могущественного Мусикана, он предпочел служить иноземному властелину, чем соседнему государю, и Александр утвердил его сатрапом в его гористой облас-

ти³¹, или, что будет вернее, оставил ему его престол на тех же основаниях, как и платившим дань государям сатрапии Верхней Индии.

Независимое положение, которое, по-видимому, желал занять Мусикан, равно как и другие государи этой страны, вынудило Александра еще раз решиться прибегнуть к силе оружия. Из согдийской Александрии он с возможно быстротою поплыл вниз по реке в тот рукав Инда, который ведет к горам и к резиденции Мусикана, и достиг его границ прежде, чем этот государь мог даже думать о нападении. Испуганный близостью опасности, Мусикан старался заставить забыть свое высокомерное поведение быстрой и униженной покорностью; он лично явился к Александру, привезя с собою множество драгоценных подарков и в том числе всех своих слонов, отдался со своею странюю в полную власть царя и признал себя безусловно неправым, — самое надежное средство для того, чтобы возбудить великодушные чувства в Александре. Мусикан получил прощение, и ему были оставлены его земли под македонским верховенством. Александр был изумлен роскошной природой этой местности; обладание резиденцией государя, положение которой было удобно для господства над всею странюю, он должен был обеспечить за собою македонским гарнизоном и цитаделью, которую строить получил приказ Кратер³².

Царь со стрелками, агрианами и половиной гиппархий двинулся на земли престиев и на их государя Оксикана, или Портикана, как его называют другие³³, не желая покориться, последний со значительными боевыми силами заперся в своей столице. Царь приблизился и без труда взял один из первых городов его государства; но этот государь, не ослепленный примером Мусикана, ожидал неприятеля за стенами своей столицы. Александр явился, начал осаду, и на третий день она так далеко подвинулась вперед, что раджа должен был отступить в городскую цитадель и изъявил желание вступить в переговоры; но было уже поздно, в стенах цитадели была пробита брешь, македоняне проникли в нее, бившиеся с мужеством отчаяния индусы были побеждены, а их государь убит. После падения столицы и смерти государя покорить остальные многочисленные города этой богатой страны было уже нетрудно; Александр отдал их на разграбление; участью престиев он надеялся испугать другие народы и заставить их, наконец, добровольно изъявить свою покорность, которую он мог вынудить у них силой.

Но теперь началось новое движение в таком пункте, где его вовсе не ожидали. Раджа Самб с ужасом увидал, что Мусикан не только остался безнаказанным, но и вошел в большую милость к царю; он полагал, что теперь должен бояться наказания за свое отпадение; брахманы его двора, руководясь единственно своею ненавистью к чужеземному победителю, сумели поддержать в нем этот страх и подтолкнуть его, наконец, к самому ошибочному шагу,

какой он только мог сделать; он бежал за Инд в пустыню, оставив в своей стране беспорядки и восстание. Царь бросился туда; столичный город Синдимана³⁴ открыл свои ворота и передался Александру тем охотнее, что не принимал участия в мятеже; слоны и сокровища государя были выданы, другие города этой страны последовали примеру столицы; решился сопротивляться только один, куда бежали вызвавшие восстание брахманы; он был взят и виновные брахманы казнены³⁵.

Слепой фанатизм этой священной касты, тем более ожесточенный, чем безнадежнее он был, не испуганный участью брахманов Самба, сумел во время отсутствия царя разжечь в радже Мусикане и населении его страны самую дикую ненависть к чужеземцам, разрешившуюся открытым восстанием и избиением македонских гарнизонов; пламя восстания вспыхнуло на обоих берегах реки, все бралось за оружие; и если бы сила воли и энергия руководителей были равны их ярости, то Александру было бы трудно удержаться здесь. Но едва успел он приблизиться, как Мусикан бежал за Инд; Александр послал Пифона преследовать его, а сам двинулся против городов, которые, лишенные взаимной поддержки, умных руководителей и надежды на спасение, быстро попали в руки победителя³⁶. Наказание за мятеж было строгое, бесчисленное множество индусов было убито во время штурмов или казнено после победы, города их разрушены, а немногие уцелевшие города были снабжены цитаделями и македонскими гарнизонами, которые должны были наблюдать за опустошенной и покрытой развалинами страной. Сам Мусикан был взят в плен, он и множество брахманов были признаны заслуживающими смерти и повешены по бокам дорог страны, причиной несчастья которой они были.

Теперь царь мог возвратиться к своему флоту и к лагерю своего войска³⁷; энергия и строгость, с какою он подавил восстание, по-видимому, произвели, наконец, желанное впечатление на умы индусов. Особенно спешил покориться царю государь Патталы, Мёрис³⁸, чьи владения обнимали дельту Инда; он явился в Александрию, отдал себя и свою страну в полную власть царя и получил за это свою область на тех же условиях, какие были поставлены радже Мусикану и другим государям, жившим в пределах македонских сатрапий. Получив от Мёриса подробные сведения о природе дельты Инда, начинающейся около Патталы, об устьях этой реки и об океане, в который они вливаются, Александр отпустил его обратно в его землю с приказом подготовить все для приема войска и флота.

С этим изъявлением покорности Мёрисом, последним оставшимся еще независимым государем лежавших по Инду земель, военные операции похода были окончены; теперь если и можно было чего-нибудь ожидать, то не большой и общей войны, а разве лишь сопротивления отдельных местечек и беспорядков в обшир-

ных землях по Инду, которые нетрудно было подавить. Во всех своих совокупных боевых силах Александр более не нуждался; настала пора возвращения. Желание царя открыть путь морем из Индии в Персию и его план пройти по лежавшим между этими двумя странами южным приморским областям, которые еще не были покорены в его непосредственном присутствии и часть которых была заселена независимыми племенами, точно так же не требовали участия в деле всего войска, содержать которое было нетрудно в богатых индийских землях, но сопряжено с различными трудностями при пути вдоль морского берега, тянувшемся нередко по пустынной местности. Кроме того, из северо-восточных областей государства получались известия, безусловно требовавшие появления в этих землях значительных македонских боевых сил. Бактрийский вельможа Оксиарт, как раз в это время прибывший в войско, принес с собою известия о восстании греческих военных колоний в Бактрии; раздоры между старыми воинами, — так говорит один не очень достоверный источник, сообщающий об этих событиях, — повлекли за собою кровавые столкновения; увлеченные далее страхом перед неизбежной карой, эти ветераны завладели цитаделью Бактр, призвали варваров к восстанию и провозгласили царем Афинодора, их коновода, обещавшего отвести их за море на греческую родину; полный зависти к царскому званию Афинодора, против него начал строить ковы некий Бикон, который умертвил его на пиру у Бокса, одного знатного варвара, и на другой день оправдывался в этом перед собранием войска; начальникам с трудом удалось защитить его от ярости солдат; затем они сами, в свою очередь, составили против него заговор и предали его пытке, чтобы точно так же умертвить его; в это время ворвались солдаты, вырвали его из рук палачей и выступили в количестве трех тысяч человек искать под его предводительством путь на родину. Можно было ожидать, что эта толпа будет усмирена уже одними войсками сатрапии³⁹; все-таки было необходимо принять меры на всякий случай. В сатрапии Парапамиса тоже не все было в порядке; различными притеснениями и несправедливостями Тириасп возбудил против себя население, так что жалоба на него была принесена прямо царю; он был смещен со своей должности и вместо него в Александрию был послан вельможа Оксиарт⁴⁰. Более тревожного свойства были известия, получившиеся из глубины Арианы: перс Ордан провозгласил себя независимым и захватил власть над ариаспами по нижнему течению Этимандра⁴¹. Сюда было всего важнее послать значительные македонские боевые силы, чтобы подавить опасность в зародыше.

Приблизительно третья часть пехоты, находившаяся под начальством Кратера, была готова к вступлению в Арахосию; он имел у себя фаланги Аттала, Антигена⁴² и Мелеагра, часть стрелков, всех слонов и, кроме того, тех конных и пеших гетайров, которые, бу-



дучи неспособны к дальнейшей службе, должны были возвратиться на родину. Он должен был, так гласили данные ему инструкции, идти через Арахосию и Дрангиану в Карманию⁴³, подавить в этих землях зловредные нововведения и затем приказать тамошним сатрапам послать транспорты съестных припасов к морскому берегу Гедросии, через которую Александр собирался скоро идти⁴⁴.

После отправки Кратера выступил и царь; сам он поплыл с флотом вниз по реке, а Пифон с конными стрелками и агрианами переправился на левый берег реки, чтобы заселить жителями из окрестностей заложенные там города⁴⁵, подавить остатки беспорядков в понесшей тяжелое наказание стране и затем в Паттале снова присоединиться к главному войску; остальные силы повел к тому же самому городу по правому берегу Инда Гестеион.

Уже на третий день плавания Александр получил известие, что раджа Патталы, вместо того чтобы приготовить все для приема войска, бежал с большей частью жителей в пустыню; может быть, он сделал это из страха перед могущественным царем, но, вероятнее, по наущениям браминов. Тем быстрее спешил Александр вперед; везде местечки были покинуты жителями; под конец июня месяца он достиг Патталы⁴⁶. Улицы и дома были пусты, все движимое имущество унесено, весь этот большой город словно вымер. Тотчас же были посланы легкие войска преследовать бегущих по свежим следам; некоторые из них были приведены к царю, который принял их с благосклонностью, какой они не ожидали, и послал их предложить своим единоплеменникам мирно возвратиться в свои жилища и к своим занятиям и не опасаться за свою дальнейшую участь, так как им и на будущее время будет по-прежнему дозволено жить по своим обычаям и законам и безопасно заниматься своей торговлей, ремеслами и земледелием. После такого заявления царя большинство жителей возвратилось, и Александр мог приступить к исполнению великого плана, для которого ему было так важно обладать устьем Инда.

Он подозревал или узнал, что то же самое море, в которое вливается Инд, образует и Персидский залив и что поэтому от устьев Инда можно найти путь морем к устьям Евфрата и Тигра; его господство, которое в первый раз приводило в непосредственную связь между собою самые отдаленные народы, и которое желало основываться не столько на силе оружия, сколько на интересах самих народов, должно было главным образом стремиться к развитию торговых сношений, к созданию обширного товарищества между всеми даже самыми отдаленными частями государства и к достижению результатов таких обширных международных сношений, каких дотоле еще не существовало. Везде он имел в виду это соображение; города, основанные для военного господства над Ираном и Тураном, были в то же время пунктами остановки для караванов; основанные в Индии укрепленные города охраняли

безопасность дороги, ведущей из Арианы и пересекавшей пятиречье, и водного пути по Инду и его притокам; египетская Александрия за те четыре или пять лет, которые она существовала, уже сделалась центральным пунктом торговли отечественного моря; теперь эта обширная система международных сношений должна была получить свое завершение в занятии дельты Инда, в основании удобно расположенного на берегах Океана торгового пункта, и наконец в устройстве торговых дорог, направление которых уже обозначал ряд ведущих в глубину страны греческих городов и возникновение которых заставляло ожидать открытие морского сообщения между устьями Евфрата и Инда.

Паттала, лежавшая там, где начинаются первые рукава дельты Инда, сама собою являлась посредствующим пунктом для торговли между внутренними частями страны и океаном; в то же время она господствовала над землями нижнего Инда и в военном отношении; поэтому Гестию было поручено самым старательным образом укрепить городскую цитадель и затем выстроить около города корабельные верфи и обширную гавань. В то же время царь послал в пустынные и безлесные местности, начинавшиеся недалеко от города на востоке, несколько отрядов войска с поручением рыть колодцы и сделать эти места удобообитаемыми, что должно было облегчить и с этой стороны сношения с Патталой и открыть ее для караванов из земель Ганга и Декана. Нападение живших в пустыне орд прервало эту работу только на одно мгновение.

После продолжительного отдыха, во время которого постройка цитадели была почти окончена, а постройка верфи подвинулась вперед довольно далеко, царь решил лично исследовать устья Инда и их удобства для судоходства и торговли и затем выплыть в Океан, по которому до сих пор еще не плавал ни один грек. Сначала он желал спуститься по правому главному рукаву реки; пока Леоннат с 1000 всадников и 9000 гоплитов и легковооруженных шел по внутреннему берегу, он сам с самыми быстрыми кораблями своего флота, полутриерами, тридцативесельными кораблями и несколькими керкурами⁴⁷ поплыл вниз по реке, хотя и не имел проводников, которые были бы знакомы с рекой, так как обитатели Патталы и индусы вообще не занимались судоходством, а жившие по берегам реки туземцы бежали при приближении македонян. Он положился на мужество и ловкость экипажа своего флота, не подозревая даже, какому испытанию подвергает их неслыханная мощь океанических явлений.

Теперь была как раз самая середина лета, тот момент, когда река, достигнув своего наибольшего уровня, местами затопляет низкие берега, что еще более затрудняло плавание. В первый день Александр плыл без дальнейших препятствий; но на второй день, когда он находился милях в десяти ниже Патталы, с юга поднялся сильный ветер и вздул воды реки, так что по ней заходили высо-



кие волны, начался сильный прибой и потонуло несколько кораблей, а другие получили сильные повреждения. Корабли были быстро направлены к берегу, чтобы возможно скорее и лучше исправить полученные повреждения; затем царь разослал по окрестностям легковооруженных, которым было приказано схватить несколько бежавших жителей берегов реки, знакомых с местностью. С этими последними на следующее утро Александр поплыл далее; все шире и шире катилась громадная река между низкими и пустынными берегами, начал чувствоваться свежий морской воздух; волнение в реке становилось все сильнее, грести становилось труднее, так как с Океана дул резкий противный ветер; гонимая им назад и поднимавшаяся в своем уровне река, по-видимому, начинала становиться опасной, и корабли завернули в один канал, показанный пойманными накануне рыбаками. Вода прибывала все быстрее и сильнее и македоняне едва успели вовремя причалить корабли к берегу. Едва успели они причалить, как река начала спадать с такою же быстротою; корабли остались по большей части на суше или увязли в прибрежном иле; все были изумлены и поражены. Таким образом прошло несколько часов, наконец, было решено приступить к тому, чтобы снять корабли с мели и стараться достигнуть фарватера; но тут снова началось это опасное зрелище, прилив прибывал с шумом, заливал илистые берега и поднимал увязшие в иле суда; прибывая все быстрее и быстрее, волны забились об крепкие берега и повалили на бок искавшие там прибежища суда, так что многие из них опрокинулись, а многие разбились и потонули; высокие волны прилива то выбрасывали пришедшие в беспорядок и потерявшие всякую надежду на спасение корабли на землю, то толкали их друг на друга и их столкновение было тем опаснее, чем сильнее прибывала вода. Ценою таких опасностей и трудов царь купил свои первые сведения о приливах и отливах Океана; хотя настоящее устье реки находилось еще в десяти милях, приливы и отливы были тем грознее, что им приходилось бороться с напором громадной массы вод Инда, устья которого, достигающие здесь двух миль ширины, открывают полный простор их вторжению⁴⁸.

Победив эти опасности и изучив средства избежать их, так как они возвращались периодически, Александр, пока производилась починка поврежденных кораблей, послал два лучших корабля вниз по реке к острову Скиллуте⁴⁹, где, как рассказывали рыбаки, Океан находился недалеко и где берег был удобен и безопасен для корабельной стоянки. Когда они принесли с собою назад известие, что берега острова удобны и что самый остров велик и в изобилии снабжен пресной водой, Александр прибыл туда с флотом и поставил большую часть его под защиту берега; отсюда уже был виден пенящийся прибой устья Инда, а над ним высокий горизонт Океана, а по другую сторону достигавшей двух миль ширины реки

едва можно было различить низкий, безлесный и лишенный всяких возвышенностей морской берег. Александр поплыл с лучшими своими кораблями далее, намереваясь пройти по главному устью реки и определить, доступно ли оно для судов; скоро западный берег совершенно скрылся из его глаз и перед его взорами раскинулась бесконечная волнующаяся даль уходящего на запад Океана; проплыв четыре мили на восток, он достиг второго острова, о плоские и пустынные песчаные берега которого уже разбивался со всех сторон прибой Океана; наступил вечер и корабли с приливом возвратились к тому острову, около которого причалил флот; по случаю этого первого появления их на Океане и в последней стране на юге обитаемой земли была принесена торжественная жертва Аммону, предписанная богом через своего оракула. На следующее утро царь снова выплыл в Океан; пристал к вышеупомянутому острову на море и принес также и там жертву богам, которых, как он говорил, указал ему Аммон; затем он вышел в открытое море, чтобы посмотреть кругом, не покажется ли еще где-нибудь твердая земля; и когда берега кругом скрылись из глаз и видно было только море да небо, он принес в жертву Посейдону быка и погрузил его в море, затем сделал возлияние из золотой чаши и точно так же бросил ее в волны и смешал новые возлияния nereидам, спасителям Диоскурам и среброногой Фетиде, матери его предка Ахилла; он молил их милостиво принять на свое лоно его флот и вести его на запад к устьям Евфрата, а после молитвы бросил в море золотой кубок.

Затем он возвратился к своему флоту, вошел с ним обратно в реку и поднялся вверх по течению к Патталу, где постройка цитадели была уже окончена и началась постройка гавани. Сюда прибыл также и Пифон со своим войском, который в совершенстве выполнил возложенное на него поручение, успокоил равнину и заселил новые города. Царь ознакомился с правым рукавом устьев Инда и с различными неудобствами, которые он представляет для судоходства; дувший тогда монсун и высокий уровень воды в реке соединились в это время года для того, чтобы сделать его труднодоступным. Он решил спуститься также по второму, восточному главному рукаву реки и исследовать, не представляет ли он больших удобств для судоходства. Когда Александр проплыл довольно далеко к юго-востоку, то река расширилась и образовала довольно большое озеро, которое питали своими водами несколько маленьких и больших рек, впадавших в него с востока, и которое было похоже на морской залив; здесь встречались даже морские рыбы. Флот причалил к берегам этого озера, а туземные проводники показали самые удобные места. Царь оставил здесь под предводительством Леонната большую часть войска со всеми керкурами, а сам с полутриерами и тридцативесельными кораблями поплыл через озеро к устью Инда. Он достиг моря, не увидав



ни сильного прибоя, ни высокого прилива, делавших столь опасным западный более широкий рукав Инда; он приказал кораблям пристать к берегу в устье реки и сделал с некоторыми из своих гетайров три дневных перехода вдоль морского берега, желая исследовать его природу и вырыть колодцы для пользования мореходцев. Затем он вернулся к своим кораблям и с ними возвратился вверх по реке через озеро в Патталу, между тем как часть войска двинулась по берегу реки, чтобы рыть колодцы и здесь, где местность была тоже безводна. Из Патталы он вторично спускался в море, сделал распоряжение относительно постройки гавани и нескольких корабельных верфей и оставил для их защиты небольшой гарнизон⁵⁰.

Таким образом все было организовано согласно с великим планом царя, для полного осуществления которого недоставало только одного, но, правда, самого трудного и опасного, — открытия самого морского пути, который отныне должен был соединить Инд с Евфратом. Только принимая в соображение состояние тогдашнего мореходства и землеведения, мы будем в состоянии справедливо оценить всю смелость такого плана. Конструкция кораблей была несовершенна и совсем не рассчитана на особенности океанических вод; единственным регулятивом мореходства были звезды и морской берег, близость которого, конечно, часто должна была делаться опасной; фантазия эллинов населила океан чудесами и чудовищами всякого рода, и македоняне, бесстрашные и мужественные, когда они глядели в лицо неприятелю, были безоружны и исполнены страха перед этой предательской стихией. А затем, кто должен был взять на себя руководство этой экспедицией? Сам царь, достаточно смелый для самого смелого предприятия и даже готовый вырвать у Океана победу, не должен был становиться во главе флота тем более, что в его государстве еще во время его похода в Индию обнаружили некоторые беспорядки, настоятельно требовавшие его возвращения; сухопутный путь в Персию был труден, и македонские войска, чтобы пройти по этим пустынным и страшным землям, нуждались в его предводительстве тем более, что только ему они вполне доверяли. Кого же таким образом можно было избрать в предводители флота? кто обладал достаточным мужеством, искусством и преданностью? кто мог бы заставить молчать предрассудки и страх назначенных во флот войск и вместо мысли, что их равнодушно приносят в жертву очевидной опасности, возбудить в них веру в самих себя, в их предводителя и в счастливый конец этого предприятия?

Царь сообщил обо всех своих сомнениях верному Неарху и просил дать ему совет, кому он может верить флот. Неарх называл ему одного за другим, но царь всех отвергал; один казался ему недостаточно решительным, другой недостаточно преданным, для того чтобы подвергать себя опасностям ради него, третьи были

недостаточно знакомы с мореходством и с духом войск или были исполнены тоски по родине и по удобствам спокойной жизни. Нearch, как он рассказывает в своих Записках, предложил наконец самого себя: «Я, о царь, готов взять на себя начальство над флотом и с помощью богов и людей в полной сохранности доставить его в Персию, если только море доступно для судов и это предприятие вообще исполнимо для человеческих сил». Царь возразил на это, что он не может подвергать новым опасностям такого верного и заслуженного человека. Тем настоятельнее просил его об этом Нearch, и царь не мог скрыть от себя, что именно он всех более подходит для этого предприятия; войска, относившиеся с почетом к испытанному предводителю флота и знавшие, как сильно был привязан к нему царь, должны были видеть в этом выборе гарантию для самих себя, так как Александр не поставил бы своего друга и одного из своих лучших полководцев во главе этого предприятия, если бы сам не рассчитывал на его успех⁵¹. Таким образом был назначен начальником флота Нearch, сын Андروتима, уроженец Крита и гражданин Амфиополя, и это был самый удачный выбор, какой только мог сделать царь. Если назначенные состоять во флоте войска сначала упали духом и были обеспокоены своей судьбой, то выбор их предводителя, прочность и роскошь приготовлений, уверенность, с которой царь предсказывал этой экспедиции счастливый успех, гордость при мысли, что им придется участвовать в одной из наиболее смелых и опасных экспедиций, какие когда-либо предпринимались, наконец, пример великого царя, который через волнующееся устье Инда выплыл на высоту океана, — все это заставляло их с радостью ожидать дня отъезда.

Александр имел случай ознакомиться с природой монсуна; он регулярно дует в течение лета с юго-запада, а в течение зимы с северо-востока, но эти северо-восточные монсуны на тянущемся прямо к западу берегу Гедросии переходят в постоянный восточный ветер, который начинается с некоторыми колебаниями в октябре, устанавливается к концу этого месяца и затем без прерывов дует до февраля. Конечно, необходимо было воспользоваться этой особенностью Индийского океана, крайне благоприятной для задуманной морской экспедиции, и поэтому отплытие флота было назначено на конец октября⁵². Выступления сухопутного войска нельзя было откладывать на столь долгий срок, так как, с одной стороны, состояние государства требовало быстрого возвращения Александра, а с другой стороны, необходимо было приготовить на морском берегу запасы провианта и вырыть колодцы для флота, который не мог заpastись провиантом для такого далекого плавания. Поэтому царь приказал флоту до ноября остаться стоять в Паттале и сделать четырехмесячный запас провианта для его содержания, а затем сам начал готовиться к выступлению из Патталы.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Отбытие. — Войны в земле оритов. — Поход войска через пустыню Гедросии. — Прибытие остатков войска в Карманию. — Пеарх в Гармосии. — Беспорядки в государстве. — Казни. — Возвращение в Персию. — Вторичное бегство Гарпала. — Свадебные торжества в Сузах. — Новая организации государства. — Выступление в Опис

Бассейн Инда с запада ограничивают высокие горы, тянущиеся от реки Кофена до самого Океана. Их последние скалистые массы еще у самых берегов его достигают высоты 1800 футов. Прорезанные многочисленными проходами, они служат полной преградой между землями дельты Инда и пустынной береговой полосой Гедросии, между землей Синдом и высокой степью Арианы. На востоке царствует влажный тропический зной; избыток вод, роскошная растительность, богатое развитие животного царства, густое народонаселение с широко развитыми общественными сношениями, с тысячью приобретений и потребностей многовековой цивилизации; по другую сторону пограничных гор, голыми скалами поднимающихся друг над другом, тянется лабиринт скалистых стен, утесов и горных степей, а посредине их — плоскогорье Келата, обнаженное, мрачное, томимое сухим холодом или непродолжительным, жгучим летним зноем, истинная «пустыня нищеты»¹. С севера и запада окружают ее крутые скалистые стены, у подножия которых разливается песчаное море пустыни Арианы, бесконечный Океан с красноватой блестящей атмосферой раскаленного летучего песка, с подобной волнам переменной постоянно передвигающихся наносов, среди которых сбивается с дороги путник и тонет верблюд. Таков печальный путь в глубину страны; еще дичее и ужаснее пустыня по берегу моря и пролегающий через нее путь к западу. Когда путешественник поднимется из Индии по проходам высоких пограничных гор, перед ним открывается низменность, слева — море, с запада и с севера — горы, в глубине низменности в Океан бежит река, последние текущие воды на этом пути; у подножия гор раскидываются хлебные поля, по равнине разбросаны села и местечки, последние на этом многомесячном пути. К северу в гористую пустыню Келата ведут из этой «равнины»² вьющиеся зигзагами крайне неудобные проходы; на западе спускаются к

самому морю горы оритов. После перевала через них и начинаются ужасы пустыни; берег ровен, песчан, горяч, без травки и кустика, пересекается песчаными же ложами пересохших рек, почти необитаем; по берегу на нескольких милях расстояния друг от друга разбросаны под группами одиноких пальм одинокие жалкие рыбачьи лачуги, выстроенные из рыбьих костей и водорослей, немногочисленные обитатели которых еще более жалки, чем их страна. На день пути в глубину страны тянутся цепи обнаженных утесом, перерезываемые потоками, которые во время дождей скоро наполняются, с быстротой и шумом катят свои воды к морскому берегу и прорывают себе там глубокие устья, а на все остальное время года пересыхают, зарастают кустарниками, мимозами и тамарисками и переполняются волками, шакалами и роями комаров. Позади этих рядов скал тянется пустыня Гедросии, достигающая нескольких дней пути в ширину, заселенная отдельными кочующими племенами и более чем страшная для чужеземца; безлюдье, сушь и недостаток в воде являются здесь самыми малыми страданиями; днем — палящее солнце, жгучая пыль, вызывающая воспаление глаз и стесняющая дыхание, ночью — пронизывающий насквозь холод и вой голодных хищных зверей, нигде нет крова или поросшего травой места, нигде нет пищи или питья, нигде нет надежного пути или даже верной путевой цели. По этой пустыне, как рассказывают, возвращалась на родину из Индии царица Семирамида и из сотен тысяч ее войска не возвратилось с ней в Вавилон даже двадцати человек; Кир тоже, как рассказывают, избрал себе здесь обратный путь и испытал подобную же участь; даже фанатизм ислама не дерзнул завоевательно проникнуть в эту пустыню; Калиф запретил своему полководцу Абдаллаху вступать в эту страну, пораженную видимым гневом пророка.

Александр избрал этот путь не для того, чтобы превзойти величием своего подвига Кира и Семирамиду, как это полагала древность, и не для того, чтобы за большими потерями заставить забыть потери похода на Индию, как это предполагала проницательность новейших историков. Он должен был избрать этот путь: связь между подвластными ему землями не должны были нарушать свободные пространства земли и непокоренные племена между сатрапиями Инда и Персидского моря; не должны были тем более, что тянувшиеся по краю пустыни цепи скал служили бы постоянным убежищем для разбойничьих орд и мятежных сатрапов. Еще важнее было соображение о флоте, который должен был идти вдоль пустынного берега и открыть себе морской путь между Индией и Персией; он не мог быть снабжен провиантом и водой на целые месяцы, а чтобы запастись тем и другим, время от времени должен был подходить к берегу, от которого ему вообще не позволял удаляться характер мореплавания того времени. Если этой

экспедиции суждено было как-нибудь удасться и ее цели открыть путь от Евфрата к Инду быть достигнутой, то прежде всего было необходимо сделать берег доступным, повырыть на нем колодцы, доставить туда припасы, помешать сопротивлению со стороны туземцев, а главным образом включить в состав государства народонаселение более богатых округов. Таковы были основания, заставившие царя возвращаться назад через Гедросию, хотя природа этой местности не могла быть ему неизвестна; он не должен был отказываться от своего великого плана ради неизбежных опасностей, не должен был бояться жертв, каких бы ни стоило ему это предприятие, от которого он, вполне справедливо ожидал необыкновенных выгод. Сатрапу Кармании Сибиртию³ был сообщен приказ посылать с запада навстречу войску на возможно далекое расстояние все необходимое; и, конечно, Александр узнал, что прилегавшая к Индии местность, если занять ее, имела в глубине себя достаточно заселенных и плодородных долин, чтобы доставить необходимые запасы для похода вдоль морского берега.

Дошедшие до нас предания не позволяют нам указать даже приблизительно, как велико было число войск, которое царь вел через Гедросию. Мы можем приблизительно определить величину флота в 100 кораблей, а их экипаж в 12 000 человек и в 2000 матросов; значительно больше должно было быть войско, которое Кратер повел через Арахосию. По одному достоверному известию, все войско царя, когда он находился в согдианской Александрии, равнялось 120 000 человек; если мы будем считать, что у индийского сатрапа и в новооснованных городах осталось около 30 000 человек, то с царем должно было идти от 30 до 10 000 воинов. Эти цифры мы даем лишь для того, чтобы напомнить, что именно мы должны знать, для прагматически ясного представления об этом походе обратно на родину.

Был, надо думать, конец августа 325 года, когда Александр выступил из Патталы и из индийской земли; он скоро достиг пограничных гор и перешел через них по самому северному из проходов; приблизительно на девятый день⁴ они пришли в долину реки Арбия, по сю сторону которой жили арбиты⁵, а по ту сторону до самых гор — ориты; оба племени еще не покорились; поэтому Александр разделил свое войско, чтобы пройти по их земле и опустошить ее в случае нужды. Предводительствуемые им самим, Леоннатом и Птолемеем несколько колонн спустились в ту страну, между тем как Гефестион вел следом остальное войско. Александр направился налево к морю, чтобы тотчас же приказать рыть вдоль берега колодцы для потребностей своего флота, а затем напасть на оритов, слывших за воинственный и многочисленный народ. При приближении македонян арбиты покинули свои деревни и бежали в пустыню. Он достиг реки Ар-

бия, которую перешел без труда благодаря ее мелководью и небольшой ширине; пройдя в течение ночи по пескам, тянувшимся к западу от ее правого берега, он к наступлению дня достиг прекрасно возделанных полей и деревень оритов. Тотчас же конница получила приказ идти вперед отдельными эскадронами на некотором расстоянии друг от друга, чтобы занимать более пространства, а пехота следовала за нею сомкнутой колонной. Таким образом атаковалась и бралась одна деревня за другою; там, где жители пытались сопротивляться и решались бороться своими отравленными стрелами против македонских дротиков, они без труда были побеждены, их деревни сожжены, а сами они или перебиты, или взяты в плен и проданы в рабство. Нижняя область оритов была покорена без значительных потерь; рана стрелой, подвергшая опасности жизнь Лагида Птолемея, была тоже скоро и благополучно излечена⁶; став лагерем у одного источника, Александр отдыхал и ожидал прибытия Гефестиона. Соединившись с ним, он двинулся далее к местечку Рамбакии, самому большому в земле оритов; его положение казалось благоприятным для сношений и для обладания страной; Александр решил сделать его столицей оритской сатрапии и колонизовать; Гефестион получил приказ заложить оритскую Александрию⁷. Сам царь с половиною гипаспистов и агрианов, со своей конной свитой и с конными стрелками выступил по направлению к горам, отделяющим друг от друга область оритов и гедросиев; там в проходах, по которым шла дорога в Гедросию, собралось, как донесли Александру, значительное количество оритов и гедросиев, чтобы сообща преградить дорогу македонянам. Когда македоняне приблизились к устью прохода, варвары обратились в бегство перед неприятелем, неотразимая сила которого страшила их не меньше, чем его гнев после победы; к царю спустились предводители оритов с униженными изъявлениями покорности, отдавая в его полное распоряжение себя, свой народ и свое имущество. Александр принял их милостивее, чем они ожидали; он поручил им снова собрать разбежавшихся жителей деревень и обещать им от его имени спокойствие и безопасность, и настоятельно советовал им слушаться его сатрапа Аполлофана, которого он поставил над ними, арбитами и землю гедросиев, и в точности исполнять распоряжения о снабжении македонского флота провиантом, которые будут им сообщаться⁸. В то же время в новой сатрапии был оставлен Леоннат со значительным войском, состоявшим из всех агрианов, части стрелков, нескольких сотен всадников из числа македонян и греческих наемников и соответственного количества тяжеловооруженных и азиатских войск; ему было приказано ожидать на этих берегах прибытия флота и приготовить все для его приема, докончить колонизацию нового города, подавить могущие еще встретиться беспорядки и прете-



сты со стороны народа и принять все меры для того, чтобы склонить бывших донные независимыми оритов на сторону нового порядка вещей; Аполлофану было приказано позаботиться всеми мерами о том, чтобы собрать в глубине Гедросии убойный скот и провиант и избавить таким образом войско от нужды.

Затем Александр выступил из земли оритов в Гедросию. Уже жаркий и плоский берег моря начал становиться шире, зной палящий, дорога труднее; целые дни приходилось идти по пустынным пескам, где лишь время от времени группы пальм давали скудную тень от лучей стоявшего почти прямо над головою солнца; чаще попадались кусты мирры, источавшие под знойными лучами солнца в избытке свою распространявшую сильное благоухание и остававшуюся без всякого употребления смолу; финикийские купцы, следовавшие за войском со множеством верблюдов, собирали здесь обилие этого драгоценного товара, который был так любим на западе под именем арабской мирры⁹. Поблизости рек или моря цвел ароматный тамариск, по земле стлались вьющиеся корни нардов и крючковатые кусты терновника, в которые испуганные приближением войска зайцы попадались как птицы в силки. Войско ночевало вблизи таких мест и приготавливало себе ложе для сна из листьев мирры и нарда. Но с каждым новым переходом берег становился все пустыннее и непроходимее. Ручьи пропадали в горячем песке, растительность тоже умирала; на громадном расстоянии не было видно следа ни человека, ни животного; войско стало продолжать свой путь по ночам, чтобы отдыхать в течение дня; оно углубилось несколько далее в страну, чтобы миновать эту пустыню ближайшим путем и в то же время доставить на берег провиант для флота; к морскому берегу были посылаемы отдельные отряды, чтобы складывать там запасы, рыть колодцы и исследовать доступность берега для кораблей. Некоторые из этих всадников под предводительством Фоанта принесли известие, что на берегу находится несколько жалких рыбачьих лачуг, выстроенных из ребер китов и морских раковин; их обитатели, бедные и тупоумные, питаются сушеной рыбой и рыбьей мукой и пьют испорченную воду, сохраняемую в вырытых в песке ямах: достигли земли ихтиофагов (рыбоедов). Далее в глубине страны, как говорили, попадаются отдельные деревни; войско должно было идти туда, так как недостаток в съестных припасах начинал уже чувствоваться. После длинных утомительных ночных переходов, во время которых уже нельзя было более поддерживать строгого порядка и дисциплины, они достигли, наконец, этой местности; часть найденных там запасов была с соблюдением величайшей экономии разделена между войском, а остальное было запечатано царской печатью, навьючено на верблюдов и отправлено на берег; но едва только Александр успел двинуться далее с первыми колоннами, как поставленная у запасов стража сорвала печати и с криком, окружен-

ная своими голодными товарищами, разделила между ними то, что должна была оберегать, не думая о том, что они рискуют своей жизнью, спасая себя от голодной смерти. Александр оставил это безнаказанным; он поспешил запастись новым провиантом и послать его под надежным прикрытием и приказал туземцам доставить из глубины страны возможно более хлеба, фиников и убойного скота и отвезти это на берег; забота об этих транспортах была возложена на оставленных для того благонадежных людей.

Между тем войско двигалось далее; они приближались к самому опасному месту пустыни; голод, нищета, отсутствие дисциплины принимали ужасающие размеры. Воды не было на десять, на пятнадцать миль кругом, глубокий и горячий песок лежал подобными бурным волнам моря широкими буграми, через которые приходилось тащиться с бесконечным трудом, глубоко утопая при каждом шаге, только затем, чтобы тотчас опять начинать ту же работу снова; к этим трудам присоединялись темнота ночей, принимавший страшные размеры упадок дисциплины; последний остаток сил был истощен голодом и жаждой или превратился в эгоистическую жадность. Убивались лошади, верблюды, мулы и их мясо поедалось; из телег больных выпрягались животные, и больные предоставлялись своей участи, а войско с мрачной поспешностью двигалось далее; отстававшие от усталости или упадка сил к утру едва находили следы большого войска, а если и находили их, то тщетно старались настигнуть его; в страшных корчах умирали они под жгучими лучами полуденного солнца или сбивались с пути в лабиринте песчаных бугров, чтобы умереть медленной смертью от голода и жажды. Счастливы были другие, если они до наступления дня достигали колодцев, где могли отдохнуть; но часто приходилось еще идти, когда солнце палило уже сверху через красноватый раскаленный воздух и песок жег покрытые ранами ноги; тогда животные, хрипя, валились на землю, у утомленных людей кровь вырывалась из глаз и изо рта, и они в смертельной усталости опускались на землю, а солдаты беспорядочными группами, безмолвные, как призраки, ковыляли дальше мимо своих умирающих товарищей; достигнув, наконец, воды, все бросались пить с жадною быстротою, чтобы заплатить за эту последнюю отраду мучительной смертью. Однажды на одной из стоянок — мимо протекала почти пересохшая речка — войско отдыхало в палатках; вдруг ложе реки наполнилось и воды с шумом хлынули на берег¹⁰; они уносили с собою оружие, животных, палатки и людей, и не успели македоняне еще опомниться и принять какие-нибудь меры, как опустошение достигло своего высшего предела; шатер и часть оружия Александра сделались добычею волн, ему самому с трудом удалось спастись от их ярости. Так росли ужасы пути; и когда, наконец, при одном далеком переходе сильный ветер разметал песочные бугры и замел вся-



кой след дороги, когда туземные проводники заблудились и не знали более ни где они находятся, ни куда им идти, тогда даже самые храбрые пали духом, и гибель всем казалась несомненной. Александр собрал около себя небольшой отряд наиболее сильных всадников, чтобы искать вместе с ними моря; он заклинал их собрать свои последние силы и следовать за ним. Томимые жаждою и глубокою усталостью, они поскакали за ним к югу через глубокие дюны; лошади падали, всадники не могли тащиться далее, только Александр и пятеро других неутомимо стремились вперед; наконец, они увидели голубое море и поскакали к нему, они начали рыть своими мечами песок, ища пресной воды, и из него брызнул ключ, облегчивший их страдания; тогда Александр поспешил обратно к войску и повел его на более прохладный берег и к струившимся там источникам пресной воды. Теперь проводники снова ориентировались в местности, и еще целых семь дней вел он войско по пустыне, где не было уже недостатка в воде, где там и сям попадались запасы провианта и деревни; на седьмой день они оставили берег и двинулись в глубину страны по плодородной и веселой местности к Пуре, резиденции сатрапа Гедросии¹¹.

Таким образом войско достигло, наконец, цели своего странствования, но в каком оно было состоянии! Переход от границы оритов через пустыню продолжался шестьдесят дней¹²; страдания и потери на этом пути были значительнее, чем все прежнее, взятое вместе. Войско, столь гордо и пышно выступившее из Индии, равнялось теперь только четверти своего прежнего состава¹³, и эти жалкие остатки завоевывавшего вселенную войска исхудали и сделались неузнаваемы: в висевшей лохмотьями одежде, они были почти безоружны, немногочисленные лошади были изнурены и жалки, целое представляло собою картину глубокой нищеты, деморализации и отчаяния. Таким образом царь прибыл в Пуру. Здесь он остановился, чтобы дать оправиться изнуренным войскам и собраться заблудившимся по дороге. Сатрап Оритиды и Гедросии, получивший приказ снабдить провиантом дороги и пустыни, и небрежность которого лишила войско даже последнего возможного в пустыне облегчения, был немедленно смнен; его преемником в сатрапии бал назначен Фоант¹⁴.

Затем Александр вступил в Карманию, где рассчитывал встретить Кратера с его войском и несколько правителей верхних провинций, которых он туда вызвал. Это было около начала декабря; о флоте и его судьбе не было никаких известий; если порученная мужественному Неарху экспедиция была исполнена опасностей уже сама по себе, и полное отсутствие сведений о ходе ее вызывало сильные опасения, то после пережитых в последнее время событий с их недоступными никакому описанию ужасами Александр должен был скорее бояться всего, чем продолжать надеяться на

удачу своего великого плана; берег, где большая часть его войска погибла самою ужасною смертью, был для флота последним и единственным прибежищем; пустынный, песчаный, лишенный гаваней, он должен был, скорее, сделать еще более опасными непредвидимые случайности ветра и непогоды, чем дать прибежище против них; одна только буря, — и флот и войско могли быть бесследно уничтожены; одно неосторожно принятое направление, и Океан был достаточно обширен для того, чтобы блуждать в нем без конца и без надежды на спасение.

В это время гиппарх этой страны¹⁵ явился к царю с известием, что в пяти днях пути к югу Неварх благополучно пристал с флотом к берегу в устье реки Анаспиды, и при вести, что царь находится в верхней стране, расположил лагерем свое войско за валом и рвом, что, наконец, он скоро лично явится к Александру. Нельзя представить себе радости царя в первую минуту, но скоро нетерпение, сомнение, и тяжелое беспокойство сменили ее; тщетно ожидалось прибытие Неварха; день проходил за днем; гонцы посылались за гонцами; одни возвращались с известием, что они нигде не видели флота македонян и нигде ничего не слышали о них, другие же совсем не возвращались; наконец, Александр приказал взять и заковать в цепи гиппарха, сочинившего эти вероломные сказки и сделавшего предметом шутки горе войска и царя. А этот стал печальнее прежнего и побледнел от физических и душевных страданий.

Гиппарх сказал, между тем, сущую правду: действительно, Неварх со своим флотом находился на берегу Кармании; он благополучно довел до конца предприятие, которое само по себе не имело себе ничего подобного по опасностям и чудесам и которое, кроме того, было значительно затруднено случайным совпадением обстоятельств.

Эти трудности начались уже на реке Инд; едва Александр с сухопутным войском успел выйти за пределы Индии, как между индусами, которые чувствовали себя теперь свободными и безопасными, начались сильные беспорядки, так что флот не казался более обеспеченным на Инде¹⁶. Так как в задачи Неварха не входило удерживать за собою страну, но только отвести флот к Персидскому заливу, то он быстро и не дожидаясь времени постоянных восточных ветров приготовился к отплытию, отплыл 21 сентября и через несколько дней оставил позади себя рукава дельты Инда; тут сильные южные ветры заставили его высадиться на берег в названном им по имени Александра гавани около мыса, отделяющего Индию от земли арбитов, и пробыть там двадцать четыре дня, пока, наконец, не установились правильные ветры. 23 октября он двинулся далее и среди различных опасностей, то плывя между подводными скалами, то борясь с могучими волнами Океана, прошел мимо устья Арбия и, перенеся 30 октября страшную бурю на

море, во время которой погибло три корабля, высадился на берег около Кокалы, чтобы отдохнуть здесь десять дней и заняться исправлением поврежденных судов; это было то место, где незадолго перед этим Леоннат разбил окрестных варваров в кровопролитном сражении; в этом бою был убит сатрап Гедросии Аполлофан. В изобилии запасшись здесь провиантом и повывавшись несколько раз с Леоннатом, Неарх поплыл далее к западу, и 10 ноября флот находился перед устьем реки Томира, на берегах которого стояли толпы вооруженных оритов, желавших помешать флоту войти в реку; но одного смелого нападения было достаточно, чтобы победить их и приобрести себе на несколько дней безопасное место для стоянки.

К 21 ноября флот достиг берега ихтиофагов, той бедной и страшной пустыни, где начались страдания сухопутных войск; войску, находившемуся на кораблях, тоже пришлось перенести здесь много страданий: недостаток пресной воды и съестных припасов с каждым днем становился чувствительнее. Наконец, в одной рыбацкой деревне за мысом Багием нашелся один туземец по имени Гедрак, предложивший сопровождать флот в качестве лоцмана; он принес ему большую пользу; под его руководством можно было совершать теперь более длинные переезды и пользоваться для этого прохладными ночами. Среди постоянно возраставших лишений проплыли они мимо пустынного и песчаного берега Гедросии, и недовольство войск достигло уже опасного предела; в это время показались покрытые плодоносными полями, пальмовыми рощами и виноградниками берега Кармании; теперь нужда миновала, теперь они приближались к давно желанному входу в Персидское море, они были в дружественной стране. Налево виднелся далеко выдававшийся в море мыс Аравии, называвшийся Макетой, откуда, как они узнали, в Вавилон доставлялись корица и другие товары Индии.

Флот пристал к берегу Гармосии в устье реки Анамита, и его экипаж расположился лагерем на берегах реки, отдыхая после стольких трудов и вспоминая о перенесенных опасностях, пережив которые многие должны были потерять всякую надежду; о сухопутном войске ничего не было известно, с самого берега ихтиофагов все следы его пропали¹⁷. Тут случилось, что некоторые из людей Неарха, удалившиеся несколько от берега на поисках за съестными припасами, увидели вдали человека в греческой одежде; они спросили его, откуда он идет? кто он такой? он отвечал, что идет из лагеря Александра, и что царь находится недалеко отсюда; ликуя, повели они его к Неарху, которому он и сообщил, что Александр стоит в глубине края в пяти днях пути, и предложил затем отвести его к гиппарху этой страны. Так и было сделано; Неарх расспросил гиппарха, каким образом ему пробраться к царю. Он возвратился к кораблям, чтобы привести здесь все в по-

рядок и укрепить лагерь, а гиппарх, между тем, надеясь заслужить милость царя первым известием о прибытии флота, поспешил кратчайшим путем в глубь края и доставил эту весть, навлекшую на него самого столько несчастий, так как подтверждение ее замедлилось.

Наконец, — так рассказывает далее сам Неарх, — приготовления по устройству флота и лагеря подвинулись так далеко вперед, что он с Архием из Пеллы и с пятью или шестью спутниками мог выступить из лагеря и направиться в глубину края. По дороге им встретились некоторые из разосланных Александром гонцов; но они не узнали ни Неарха, ни Архия, — так переменялась их наружность; волосы на голове и бороде их были длинны, лица бледны, тело исхудало, их платье висело лохмотьями и все было перепачкано смолой; и когда они спрашивали, в каком направлении находится лагерь Александра, гонцы, дав им указания, продолжали свой путь. Но Архий предчувствовал истину и сказал: «Кажется, эти люди разосланы на поиски за нами; весьма понятно, что они не узнают нас, мы должны выглядеть совсем иначе, чем в Индии; скажем им, кто мы такие, и спросим их, куда они едут». Неарх так и сделал; гонцы отвечали, что ищут Неарха и прибывшее на флоте войско. Тогда Неарх сказал: «Я тот, которого вы ищете, ведите нас к царю!» С великой радостью они посадили их на свои колесницы и поехали к лагерю; но некоторые бросились вперед к шатру царя и сказали: «Вот едут Неарх, Архий и пятеро других с ними». Но так как они ничего не знали об остальном войске и о флоте, то царь полагал, что, вероятно, прибывшие спаслись случайно, а войско и флот погибли, и его скорбь сделалась еще сильнее прежнего. Наконец, Неарх к Архий вошли к нему; Александр едва узнал их, он протянул Неарху руку, отвел его в сторону и долго плакал; наконец, он сказал: «Видя снова тебя и Архия, я не так тяжело ощущаю всю эту потерю; теперь же расскажи мне, как погибли мой флот и мое войско?» Неарх отвечал: «О царь, ты обладаешь еще и тем и другим, твоим войском и твоим флотом; мы же прибыли возвестить тебе об их спасении». Тогда Александр заплакал еще сильнее, и шумная радость распространилась вокруг него; он же клялся Зевсом и Аммоном, что день этот для него дороже обладания всею Азией¹⁸.

Теперь, наконец, в Карманию прибыл и Кратер со своим войском и своими слонами после благополучного перехода через Арахосию и Дрангиану¹⁹; при вести о понесенных Александром громадных потерях, он поспешил привести к царю свое свежее и сильное войско. В одно время с ним прибыли и военачальники, находившиеся в Мидии уже пять лет; то были Клеандр с ветеранами наемников, Геракон с наемными всадниками, которыми ранее предводительствовал Менид, Ситалк с фракийскою пехотою и Агафон с одрисскими всадниками, всего пять тысяч пехотинцев и тысяча всадников²⁰. Сатрап Арии и Дрангианы Стасанор и Фарас-

ман, сын сатрапа Парфии Фратаферна, прибыли тоже в Карманию с верблюдами, лошадьми, стадами и вьючными животными, намереваясь главным образом доставить войску, которое, как они полагали, еще не прибыло, предметы первой необходимости при его переходе через пустыню; но и теперь еще привезенное ими были кстати: верблюды, лошади и быки были разделены между войсками обычным порядком. Все это и, кроме того, благодатная природа Карманской страны, заботливый уход и покой, которым наслаждались здесь солдаты, наконец, непосредственное присутствие самого царя, деятельность которого никогда не была серьезнее и энергичнее, скоро изгладили следы страшных лишений и возвратили македонскому войску его силу и веру в себя. Затем были устроены различные празднества, чтобы отблагодарить богов за благополучное окончание индийского похода, за возвращение войска на родину и за чудесное спасение флота; были принесены жертвы Зевсу-спасителю, Аполлону-защитнику, потрясателю земли Посейдону и богам моря, были устроены торжественные шествия, пелись праздничные хоры, исполнялись различные боевые игры; в блестящем праздничном шествии Нейарх, с венком на голове, шел рядом с увенчанным царем, и ликующее войско бросало на них цветы и разноцветные ленты²¹. В общем собрании войска Нейарх повторил рассказ о своем плавании; он и другие предводители, и многие из войска, были почтены царем дарами, чинами и всевозможными отличиями; Певкест же, бывший до сих пор оруженосцем Александра, и спасший ему жизнь при штурме города маллов, был причислен восьмым к обычному дотолу числу семи телохранителей.

В то же время царь дал указания относительно дальнейшего похода: флот должен был продолжать свое плавание вдоль берега Персидского залива, войти в устье Паситигрида и подняться по реке Сузы; Гефестион с большею частью сухопутного войска, со слонами и обозом, избегая более трудных путей, снега и зимних холодов горных местностей, должен был спуститься к плоскому морскому берегу, имевшему достаточно запасов и в теперешнее время года отличавшемуся мягким климатом и удобными дорогами²², и на равнине Суз снова соединиться с остальным флотом и войском. Сам Александр с македонской конницей и легкой пехотой, гипаспистами и частью стрелков, хотел идти к Сузам ближайшим путем через горы, на Пасаргады и Персеполь²³.

Таким образом, Александр возвратился в пределы земель, которые были покорены им уже много лет тому назад; обстоятельства настойчиво требовали его возвращения. Сильные беспорядки и опасные нововведения начались во многих местах; дух своеволия и гордости, господствовавший между сатрапами прежнего персидского царства, слишком скоро нашел доступ и к теперешним наместникам и правителям; оставаясь без надзора во время

отсутствия царя и обладая почти неограниченной властью, многие сатрапы, как македоняне, так и персы, самым страшным образом утесняли свои народы, позволяли все своему корыстолюбию и сладострастию и не щадили даже храмов богов и могил умерших; на случай, если бы Александр не возвратился из земель Индии, они уже окружили себя толпами наемников и приняли все меры, чтобы, когда понадобится, вооруженною рукою удержать за собою обладание своими провинциями. Самые смелые планы, самые неумеренные желания, самые преувеличенные надежды были в порядке вещей; чрезмерное возбуждение этих лет, когда все обычное и верное было отложено в сторону и когда даже самое неправдоподобное казалось возможным, находило себе удовлетворение только в самых разнузданных предприятиях и в опьянении чрезмерными наслаждениями или лишениями. Страшные случайности войны, которою была приобретена Азия, также легко могли измениться в другую сторону, и как одним ударом счастье царя достигло своего высшего предела, так же легко могло оно и рассеяться. В подавленной персидской народности тоже начали шевелиться новые надежды, и со стороны персидских вельмож было сделано несколько попыток разорвать только что наложенные узы и основать независимые государства или вызвать в народе восстание именем династии древнеперсидских царей, которая несомненно возобновится. И когда теперь, после многолетнего отсутствия царя, после все более и более широкого распространения беспорядков и узурпации, вдруг разнеслась весть о гибели войска в пустыне Гедросии, движение во всех местах и в умах всех должно было достигнуть такой степени, которая заставляла опасаться ниспровержения всего существующего порядка.

Таковы были условия, при которых возвратился в западные провинции с остатками своего войска Александр. Все стояло на карте; один признак беспокойства или слабости, и государство пало бы развалинами над своим основателем; только самая смелая твердость, сила воли и решительность поступков могли спасти царя и его государство; милосердие и долготерпение с его стороны были бы признанием им своей слабости, а это лишило бы те народы, которые еще теперь держали сторону царя, их последней надежды. Необходима была самая строгая и беспощадная справедливость, чтобы обеспечить подвергшимся столь возмутительным притеснениям народам их права и спасти их веру в могущество верховного царя; необходимы были быстрые и энергичные меры, чтобы возвратить величию царской власти ее полный блеск и распространить ужас ее гнева. И, пожалуй, Александр был теперь в том мрачном настроении духа, которое делает ужасным разгневанного властителя. Как далеко позади него лежал энтузиазм первых шагов его победного шествия, радостная вера юности и громадных надежд; слишком часто обманутый в своем доверии,



он научился подозревать, быть суровым и даже несправедливым. Возможно, что он считал это необходимостью. Он пересоздал целый мир; вместе с ним изменился и он сам; теперь необходимо было натянуть и крепко держать в руках бразды неограниченной власти; теперь необходимы были быстрый суд, новая покорность и крутое управление.

Уже в Кармании Александр нашел повод карать. Он сместил сатрапа Аспаста, который покорился ему в 330 году и сохранил за собою место; тщетно Аспаст поспешил навстречу приближавшемуся повелителю с изъявлениями самой униженной покорности; когда следствие подтвердило тяготевшее на нем тяжелое подозрение, он был предан в руки палача. В Карманию вместо него был назначен Сибиртий; но так как Фоант, который должен был отправиться вместо Аполлофана в землю оритов, заболел и умер, то Сибиртий был послан туда, а вместо него в Карманию был призван Глеподем, сын Пифофана, доказавший свою благонадежность на своем прежнем посту в парфянской сатрапии²⁴. Беспорядки, начавшиеся благодаря персу Ордану в глубине Арианы и приобретшие себе свободное поле действий благодаря последовавшей, как кажется, в это же время смерти сатрапа Арахосии, Менона²⁵, были без труда подавлены Кратером при его проходе: заковав мятежника в цепи, он доставил его к царю, который предал его заслуженному наказанию; сделавшаяся вакантной сатрапия Арахосии была соединена в руках Сибиртия с сатрапией Оры и Гедросии²⁶.

Из Индии тоже получились дурные вести; Таксил сообщал, что Абисар умер и что сатрап Индии по сю сторону Инда, Филипп, был убит служившими под его начальством наемниками, но что македонские телохранители сатрапа тотчас же подавили восстание и казнили мятежников. Александр поручил временное управление этой сатрапией государю Таксилу и Эвмену, начальнику оставленных в Индии фракийцев, и повелел им признать наследником престола в государстве Кашмира сына Абисара.

Из Мидии в Карманию было приказано явиться Геракону, Клеандру и Ситалку²⁷ с большею частью их войск, и они явились; жители этой провинции и их собственные войска обвиняли их в ужасных вещах: они грабили храмы, открывали гробницы и позволяли себе всевозможные притеснения и преступления со своими подвластными. Только Геракон сумел оправдаться и был освобожден; Клеандр и Ситалк были вполне уличены, и вместе с ними изрублено на месте множество бывших их сообщниками солдат, которых, как говорят, оказалось шестьсот человек. Этот быстрый и строгий суд везде произвел самое глубокое впечатление; думали о том, сколько мотивов должно было побуждать царя пощадить этих людей, тайных исполнителей смертного приговора над Парменионом, и это значительное число старых солдат, в которых он теперь так нуждался; народы поняли, что царь был действительно

их защитником, что он вовсе не желал, чтоб с ними обходились, как с рабами; сатрапы же и военачальники должны были, напротив, понять, что ожидало их, если они не могли предстать пред ступени трона с чистой совестью. Многие из них, как рассказывают, сознавая себя виновными, старались собрать новые сокровища, усилить отряды своих наемников и приготовиться к возможности сопротивления в случае нужды; в это время был издан царский рескрипт к сатрапам, повелевавший немедленно отпустить тех наемников, которые были навербованы не именем царя²⁸.

Между тем царь двинулся из Кармании в Персию: сатрап Фрасорт, которого он назначил сюда, умер во время индийского похода; Орксин, один из знатнейших вельмож страны²⁹, рассчитывая на свой древний род и свое влияние, взял на себя управление сатрапией. Но скоро обнаружилось, что он не был на высоте обязанностей сатрапа, звание которого он самовольно принял. Царя разгневало уже то, что он нашел запущенной гробницу великого Кира в роще Пасаргад; в свою прежнюю бытность в Пасаргадах он приказал открыть купол каменной постройки, в которой стоял гроб, снова украсить гробницу и предписал находившимся на страже ее магам по-прежнему исполнять свои благочестивые обязанности; он желал, чтобы во всяком случае к памяти великого царя относились с почтением; теперь же гробница была вскрыта, все было унесено, кроме гроба и одра, крышка гроба была сорвана, тело выброшено вон и все драгоценности похищены. Царь отдал Аристобулу приказ снова положить в гроб останки тела, возобновить все в том виде, в каком оно было перед вторжением, снова поставить на свое место каменную дверь купола и запечатать ее царскою печатью. Он сам произвел следствие о том, кто совершил это святотатство; маги, стоявшие на страже гроба, были схвачены и подвергнуты пытке, чтобы заставить их назвать злоумышленников; но они не знали ничего, и их принуждены были отпустить; дальнейшее следствие тоже не навело ни на какой верный след; не находилось никого, кто бы должен был искупить это преступление; но на сатрапе тяготело обвинение в небрежности, благодаря которой это могло случиться в его провинции³⁰. Скоро должны были обнаружиться более тяжкие проступки сатрапа; Александр двинулся из Пасаргад в резиденцию Орксина, Персеполь; здесь были принесены на него жителями самые громкие жалобы: он позволял себе постыднейшие насилия, чтобы удовлетворить свое корыстолюбие, он разграблял храмы, вскрывал находящиеся здесь гробницы царей и снимал с царственных трупов их украшения. Следствие подтвердило его вину; он был повешен³¹. Сатрапию его получил телохранитель Певкест, сын Александра; он казался всех более подходящим для управления этою главною страню персидского царства, так как вполне освоился с азиатским образом жизни, носил мидийское платье, владел персидским языком, охотно и



умело окружил себя персидским церемониалом, — вещи, которые персы с восхищением видели в своем новом повелителе.

Около этого же времени к царю явился сатрап Мидии Атропат; он привез с собой мидянина Бариакса, который дерзнул возложить на себя тиару и провозгласить себя царем мидян и персов; он, вероятно, рассчитывал на то, что народонаселение сатрапии, возмущенное преступлениями македонских гарнизонов, будет готово отложиться; он и соучастники его заговора были казнены³².

Через персидские проходы царь спустился к Сузам. Возобновились сцены Кармании и Персеполя: народ не боялся более выступить с громкими жалобами на своих утеснителей; он знал, что Александр поможет ему. В Сузах были казнены сатрап Абулит его сын Оксияфр, сатрап паретакенов, которые были обвинены в самых вопиющих преступлениях. Едва сумев оправдаться по процессу о вымогательствах в Мидии, Геракон, находившийся ранее в Сузах, был тоже уличен в том, что разграбил здесь храм, и теперь казнен³³.

Таким образом, удар за ударом следовали самые строгие наказания, и те, которые не чувствовали себя чистыми от всякой вины, имели полное право бояться за свое будущее. В числе таких лиц находился Гарпал, сын Махата, принадлежавший к княжескому роду Элимиотиды. Ценимый царем благодаря их прежней дружбе и за важные услуги, он с самого начала получил величайшие доказательства его милости, и при начале персидской войны, так как его физическое сложение делало его неспособным к отправлению военной службы, был назначен казначеем; уже раз он провинился в тяжком нарушении закона: незадолго перед битвой при Иссе он в сообществе с неким Таврисконом, внушившим ему этот план, бежал с царской казной, направляясь к царю молоссов, Александру, который тогда воевал в Италии; но Гарпал переменял свое намерение и остановился в Мегаре, чтобы жить там в свое удовольствие. Тогда царь, помня о том времени, когда Гарпал с Невархом, Птолемеем и немногими другими защищал его дело против царя Филиппа и за это подвергся позору и изгнанию, простил ему его легкомысленный поступок, снова призвал его к себе и снова вверил ему должность казначея; его управлению были поручены несметные сокровища Пасаргад и Персеполя и в то же время, как кажется, его надзору были подчинены и казначеи нижних сатрапий; его влияние простиралось на весь запад Азии³⁴. Между тем Александр шел все далее на восток, а Гарпал, не заботясь об ответственности своего сана и привыкнув к наслаждениям и расточительности, начал самым разнузданным образом проматывать царские сокровища и пользоваться всем должностным своим влиянием только для того, чтобы удовлетворить своему обжорству и сладострастию. Его жизнь была скандалом для всего света, и насмешка комичес-

ких поэтов Греции соревновала с неудовольствием более серьезных людей, предавая его имя всеобщему презрению; в это время появилось открытое письмо историка Феопомпа к Александру, где он приглашал царя положить конец этому безобразию: не довольствуясь диким сладострастием азиатских женщин, Гарпал призвал в Азию Пифионику, самую прославленную в Афинах блудницу, которая сначала служила у певицы Бакхиды, а затем вместе с нею поступила в публичный дом сводни Синопы, и самым недостойным образом подчинилась ее прихотям; когда она умерла, Гарпал с бесстыдною расточительностью воздвиг этой женщине два надгробных монумента, и справедливо возбуждает удивление то, что, между тем, как ни он, ни какой-либо другой правитель не посвятил памятника памяти героев Иссы, павших за славу Александра и за свободу Греции, — в Афинах и в Вавилоне уже воздвигнуты самые роскошные монументы в честь публичной женщины; этой Пифионике, которая в Афинах долгое время была доступна за деньги каждому, Гарпал, называющий себя другом и сановником Александра, имел дерзость воздвигнуть храм и алтарь и освятить его как святилище Афродиты Пифионики, не боясь кары богов и издеваясь над величеством царя. Этого мало: едва она успела умереть, как Гарпал уже выписал себе из Афин другую любовницу, не менее знаменитую Гликеру; он устроил ее резиденцию во дворце Тарса, поставил ей статую в Россе, где думал рядом со статуей царя поставить свою собственную, и отдал приказ, чтобы никто не подносил ему почетного золотого венка, не поднося его в то же время и его наложнице, чтобы ей поклонялись и приветствовали ее именем царицы; словом, все почести, которые должны были бы только подобать царице-матери или супруге Александра, глава казначейства расточал перед афинской блудницей³⁵. Это и тому подобные сообщения достигли царя; он сначала считал их невероятными или преувеличенными, убежденный, что Гарпал не будет таким безумным образом ставить на карту уже раз потерянную им милость царя³⁶; очень скоро сам Гарпал подтвердил своим бегством все эти обвинения. Он положился на то, что Александр никогда не возвратится назад; теперь он видел строгий суд над теми, которые позволили увлечь себя подобному же заблуждению, и потерял надежду вымолить себе прощение; он собрал все деньги, какие только мог, — то была громадная сумма в пять тысяч талантов, навербовал себе шесть тысяч наемников, двинулся, сопровождаемый ими, своей Гликерой и маленькой дочерью, которую ему родила Пифионика³⁷, через Малую Азию на берег Ионии и собрал тридцать кораблей, чтобы переправиться в Аттику; будучи почетным гражданином Афин, находясь в дружеских отношениях с самыми уважаемыми людьми города и любимый народом за щедрую раздачу хлеба, он не сомневался найти там хороший прием и быть обеспеченным от выдачи Александру³⁸.



Между тем, как последний виновный из вельмож государства старался избавиться таким образом от ответственности, Александр со своим войском в феврале 324 года вступил в Сузы. Вскоре после него прибыл и Гефестион с остальными войсками, со слонами и обозом, а Непарх привел вверх по реке флот, который без дальнейших опасностей проплыл вдоль берегов Персидского моря. Следуя повелению царя, в резиденцию явились сатрапы и военачальники со своими свитами, явились приглашенные царем государи и вельможи востока со своими женами и дочерьми; со всех сторон стекались сюда чужеземцы из Азии и Европы, чтобы присутствовать при великих торжествах, которые готовились в Сузах.

Предстояло празднование изумительного, единственного в течение многих столетий дня. Свадебное торжество в Сузах должно было символическим образом завершить слияние запада и востока, идею эллинизма, в которой царь думал найти силу и прочность своего государства.

Очевидцы этого превосходившего все своею роскошью и торжественностью праздника описывают его приблизительно следующим образом³⁹: для этого был приготовлен большой царский шатер; верх его, затянутый разноцветными, богато вышитыми материями, покоился на пятидесяти высоких обложенных золотом и серебром и усыпанных драгоценными камнями колоннах; замыкая это оставленное посередине свободным пространство кругом с обитых золотом и серебром перекладин свешивались драгоценные, вышитые золотом и разнообразными рисунками ковры; размеры всего шатра равнялись четырем стадиям. Посредине зала был накрыт стол; на одной стороне стояло сто диванов для женихов; диваны покоились на серебряных ножках и были покрыты свадебными коврами, только диван царя посредине был из золота, напротив находились места для гостей царя; кругом были расставлены столы для посольств, для находившихся в лагере чужеземцев, для войска и флота. Трубы из царского шатра подали знак к началу праздника; гости царя, которых было девять тысяч, заняли места за столами. И снова гром труб возвестил по всему лагерю, что царь совершает теперь возлияние богам; с ним вместе совершили возлияние и его гости, каждый из золотой чаши, праздничного подарка царя. Затем снова послышалась труба, и, по персидскому обычаю, вступило шествие покрытых покрывалами невест, и каждая из них приблизилась затем к своему жениху: Статира, дочь персидского царя, — к Александру, Дрипетида, ее младшая сестра, — к Гефестиону, любимцу царя; Амастрида, дочь Оксафра и племянница персидского царя, — к Кратеру, дочь повелителя Мидии Атропата — к Пердикке, Артакама, дочь престарелого Артабаза, — к Лагиду Птолемею, телохранителю, и ее сестра Артонида — к Эвмену, тайному секретарю царя, дочь ро-

досца Ментора — к Непарху, дочь Спитамена Согдианского — к Селевку, предводителю отряда знатных юношей; точно так же и другие, каждая к своему жениху⁴⁰.

Пять дней подряд праздники следовали за праздниками; посольства, города и провинции государства, союзники в Европе и в Азии доставили к царю несметное количество свадебных подарков, одних золотых венков было на 15 000 талантов. Он тоже давал полную руку; многие из невест не имели родителей; он заботился о них как отец, дал всем царственное приданое, всем, которые женились вместе с ним в этот день, рассыпал драгоценнейшие подарки и освободил от податей всех македонян, которые женились на азиатских девушках⁴¹ — более 10 000 записали свои имена. Новые пиры и веселые банкеты, зрелища, торжественные шествия и всевозможные увеселения наполнили следующие дни; лагерь был полон веселья и радостной суеты, здесь были рапсоды и арфисты из Великой Греции и Ионии, там фокусники и канатные плясуны из Индии, там маги и наездники из персидских земель, дальше снова греческие танцовщицы, флейтистки, труппы актеров. Действительно, были даны и драматические агоны — это было время великих Дионисий, — в числе их и сатирическая драма «Агин», сочиненная, как говорят, византийцем Пифоном, исполненная веселой насмешки над бегством Гарпала, хромого управителя казначейства⁴². Затем герольды возвестили, что царь принимает на себя долги своего войска и уплатит их, и что поэтому каждый должен записать ту сумму, которую он должен, и затем получить ее. Сначала записались только немногие; большинство, особенно военачальники и высшие офицеры, вероятно боялись, что Александр желает только узнать, кто не может обойтись своим жалованьем и живет слишком расточительно. Услышав это, царь был очень оскорблен таким недоверием, он приказал расставить столы в различных пунктах лагеря и разложить на них золото с приказанием уплачивать каждому, кто покажет счет, не спрашивая даже об его имени. Тогда пошли все и радовались не столько тому, что им удастся освободиться от своих долгов, сколько тому, что они останутся неизвестными; эти храбрые воины устраивали свои дела с невероятной беззаботностью; несмотря на всю добычу и на все царские дары, войско до такой степени погрязло в долгах, что для покрытия их потребовалось не менее 20 000 талантов⁴³. Особенно отличались чрезмерной расточительностью офицеры, и, так как царь часто с неодобрением отзывался об их бессмысленных расходах, они должны были весьма радоваться тому, что могут без его ведома подойти к столу с золотом и быстро поправить свои пошатнувшиеся финансы. Антиген, предводитель гипаспистов в битве при Гидаспе, потерявший в 340 году перед Перинфом один глаз и бывший равно известным своей храбростью и своим корыстолюбием, тоже, как рассказывают, подо-



шел тогда к столу с золотом и потребовал уплаты ему показанной им суммы; тут открылось, что у него вовсе нет долгов и что показанные им счета фальшивы. Александр был сильно раздражен этим грязным поступком, прогнал Антигена от своего двора и лишил его звания. Это посрамление вывело из себя храброго стратега и нельзя было сомневаться в том, что от стыда и огорчения он совершит что-нибудь над собою. Это возбудило жалость царя, он простил ему, возвратил его к своему двору, вернул его звание и приказал выплатить ему ту сумму, которой тот требовал⁴⁴. Единновременно с этим всеобщим погашением долгов Александр раздал истинно царственные подарки тем, кто отличился своею храбростью, опасностями, которые им пришлось перенести, и верною службою около его особы; он увенчал золотым венком телохранителя Певкеста, сатрапа Персиды, который в городе маллов прикрыл его своим щитом, телохранителя Леонната, военачальника земли оритов, который при этом же самом опасном штурме бился рядом с ним, победил варваров на реке Томире и с увенчавшимся успехом рвением привел в порядок дела в Орах; затем адмирала Неарха, свершившего столь славное плавание от Инда к Евфрату, Онесикрита, начальствовавшего царским кораблем на Инде и от Инда до Суз, а также верного Гефестиона и остальных телохранителей: Лисимаха из Пеллы, Аристана, сына Писея, гиппарха Пердикку, Лагида Птолемея и Пифона из Эордеи⁴⁵.

В это время должно было совершиться еще другое торжество, серьезное и в своем роде трогательное. Один из кающихся на равнине Таксил по приглашению Александра, удивленный его могуществом и его любовью к истине, последовал за македонским войском, несмотря на нежелание своего начальника и насмешки товарищей по покаянию; его кроткая серьезность, его мудрость и благочестие доставили ему глубокое уважение царя, и многие знатные македоняне, особенно Лагид Птолемей и телохранитель Лисимах, охотно вели с ним знакомство; они называли его Каланом, словом, которым он обыкновенно приветствовал их; его настоящее имя было Сфин. Он был очень стар; в персидской земле он в первый раз в жизни почувствовал себя больным. Он сказал царю, что не желает зачахнуть, и что прекраснее умереть прежде, чем физические страдания заставят его покинуть свой прежний образ жизни. Тщетны были все возражения царя; у него на родине, сказал он, считается всего позорнее, когда болезнь нарушает спокойствие духа; правило его веры требует, чтобы он взошел на костер. Царь видел, что он должен уступить; он приказал телохранителю Птолемею воздвигнуть для него костер и приготовить все остальное с величайшей торжественностью. Когда настал назначенный день, рано утром началось торжественное шествие войска, впереди шла конница и пехота в полном блестящем вооружении, и боевые слоны в своих кольчугах, затем шли отряды

людей, несших ароматы, затем другие, несшие золотые и серебряные чаши и царские одежды, чтобы бросить их в пламя вместе с ароматами; затем следовал сам Калан; так как он не в силах был идти, то ему был подведен нисейский конь, но он не мог уже подняться на него; он был вынесен на носилках. Когда шествие достигло подножия костра, Калан сошел с носилок, пожатием руки простился с каждым из окружавших его македонян, попросил их в воспоминание о нем провести сегодняшний день среди веселых празднеств со своим царем, которого они скоро увидят в Вавилоне; он подарил нисейского коня Лисимаху, а чаши и одежды окружающим. Затем благочестивый индус начал готовиться к смерти; он обрызгал себя как жертвенное животное, надел на себя по обычаю своей родины венки и, распевая индийские гимны, взошел на костер; затем он еще раз взглянул на стоявшее внизу войско, обратился лицом к солнцу и опустился на колени для молитвы. Это был с его стороны знак; под костер подложили огонь, загремели трубы, войско ответило на них боевым кликом, и слоны начали издавать свои странные крики, как бы желая почтить умирающего покаянника их родины. Погруженный в молитву, он неподвижно лежал на костре, пока пламя не сомкнулось над ним и не скрыло его от глаз войска⁴⁶.

Сам Александр, говорит Арриан⁴⁷, не желал присутствовать при кончине дорогого ему человека. По этому поводу он сообщает нам, что самый старый из этих кающихся, бывший учителем остальных, отвечал царю на его приглашение следовать за ним, что «если Александр — сын Зевса, то таков же ведь и он, что он не желает ничего такого, что мог бы даровать ему царь-владыка, и не боится ничего, что тот может сделать с ним; пока он жив, ему достаточно почвы Индии, которая из года в год приносит ему все в свое время; а когда он умрет, он освободится от неприятного общества своего тела и будет причастен к более чистой жизни». Рассказывают тоже, что Александр с изумлением выразился о смерти Калана: «Он победил более могущественных противников, нежели я».

Оно звучит как притча, что в этом царе таким образом встретился умственный мир запада, заверченный его учителем Аристотелем, с тем миром, который вырос в земле Ганга, — полюсы двух противоположных цивилизаций, которые он думал соединить в одно и слить вместе во всей ширине и разнообразии достигнутых уже им на практике форм и условий жизни и крившихся в них идеалов будущего.

Он действовал так не по капризу, не на основании ложных посылок или цепи неверных умозаключений. Все его дальнейшие поступки вытекали совершенно правильными силлогизмами из первого импульса, который как бы сам собою был дан ему историей греческой жизни; и то, что каждое следующее умозаключе-

ние удавалось ему, как и предыдущие, было достаточным доказательством того, что он рассуждал правильно. Ему не выпало на долю счастья найти такого противника, который положил бы ему цель и предел; только то, что моральные силы его войска истощились у Гифасиса, могло убедить его, что и его могущество имеет свои пределы; и в пустыне Гедросии он должен был понять, что природа сильнее его воли и его могущества. Но формы, в которых он думал надолго упрочить созданное им дело, введенная им система нового порядка, не были опровергнуты ни на Гифасисе, ни в пустыне, и оппозиция со стороны македонян и греков, попытки возмущения азиатов там и сям, были до сих пор так быстро и так легко подавляемы, что не могли заставить его уклониться от предначертанного им себе пути.

Начатое им дело само вело и принуждало его идти далее; если бы он даже и желал, он не мог бы уже более остановить или поворотить назад этот мощный поток.

За свадебными торжествами в Сузах последовал второй акт крайней важности; долго подготовлявшийся, теперь он должен был совершиться как бы сам собою.

Уже со смерти Дария азиатские войска вошли в состав армии Александра; но до сих пор они сражались оружием и приемами своей родины, всегда считались только подчиненными вспомогательными отрядами и, несмотря на их превосходное содействие в индийском походе, не признавались среди гордых македонян за равных им воинов. Чем далее шло во всех остальных отношениях сближение между различными национальностями, тем необходимое было уничтожить также и в войске различия между победителями и побежденными.

Самым действительным средством было принять азиатов в ряды македонских войск и дать им то же самое оружие и те же воинские почести; уже пять лет тому назад царь принял нужные для этого подготовительные меры, а именно приказал набрать во всех сатрапиях своего государства молодых людей и вооружить и обучить их по македонскому образцу. На эллинизацию этих народов тоже ничем нельзя было подействовать так быстро и решительно, как приучив молодое поколение к греческому вооружению и военной службе, приняв его в ряды армии и заставить его проникнуться тем воинским духом, который на первое время должен был заступить в этом громадном государстве место новосозданной единой национальности.

Многие соображения заставляли Александра как раз теперь поспешить с их призывом. Поход в Индию и переход через Гедросию низвели число всех находившихся в действующем войске македонян чуть ли не до 25 000 человек; почти половина их сражалась в походах со времени выступления в 334 году⁴⁸. Очевидно было, что после таких громадных трудов, и особенно после пе-

режитых в Индии и в пустыне Гедросии событий, эти ветераны должны были быть слишком утомлены для новых предприятий и должны были мечтать об отдыхе и о возможности насладиться, наконец, тем, что они приобрели; Александр должен был понять, что для великих проектов, занимавших его неутомимый ум, он нуждается в энтузиазме, в соревновании, в физической и нравственной силе молодых войск, что гордость, эгоизм и своеволие этих старых македонян легко могут сделаться задержкой для него самого, так как они притом еще, помня о своей прежней товарищеской близости с царем, привыкли к такой свободе в суждениях и в манере держать себя, которая уже более не казалась гармонирующей с совершенно изменившимися условиями; он должен был, наконец, бояться, что при каком-нибудь случае они могут попытаться возобновить разыгравшиеся при Гифасисе сцены, так как им, без сомнения, было давно ясно, что не всеобщее бедствие, но их твердая решимость не идти вперед дальше ни на шаг, принудили царя уступить. По-видимому, с этого времени в войске начала чувствоваться некоторая холодность между царем и македонянами, и некоторые позднейшие обстоятельства могли только содействовать тому, чтобы усилить ее; даже та нерешительность, с какой войско приняло предложение царя о всеобщем уничтожении долгов, должна была показать ему, как глубоко уже проникло недоверие к нему. Он мог надеяться овладеть настроением умов войска с помощью безграничной щедрости, с какой он осыпал македонян дарами и почестями, с помощью торжественной свадьбы, которую он отпраздновал в одно время со многими тысячами своих ветеранов: это ему не удалось. Он мог ожидать впереди опасного кризиса, который только ускорялся каждым дальнейшим его шагом к эллинистическому устройству государства; тем более должен был он торопиться окружить себя военной силой, во главе которой он в случае нужды мог бы выступить против своих фалангистов.

В лагерь при Сузах явились сатрапы из завоеванных земель и из нововыстроенных городов с молодыми войсками, которые были набраны по данному в 331 году приказу⁴⁹; тут было всего 30 000 человек, вооруженных по македонскому образцу и обученных всем приемам македонского войска. В то же время конница была совершенно преобразована; те из бактро-согдианских, арианских и парфянских всадников и из персидских «эваков», которые выдавались своей знатностью, красотой или другими преимуществами, частью были распределены по лохам конницы, частью послужили для образования из них и из македонских всадников пятой гиппархии⁵⁰; в агему конницы тоже были приняты азиаты, а именно Артабель и Гидарн, сыновья умершего сатрапа Мазея, Кофен, сын Артабаза, Сисин и Фрадасман, сыновья сатрапа Парфии Фратаферна, Гистан, брат Роксаны, братья Автобар и Мифробай и, на-

конец, бактрийский князь Гистасп, который получил начальство над агемой⁵¹.

Все это вызвало сильное раздражение в македонских войсках; Александр, — так говорили они, — превращается теперь совершенно в варвара, он презирает Македонию ради Востока; уже тогда, когда он начал показываться в мидийской одежде, серьезные люди предчувствовали все беды, которые будут последствием такого начала; Певкест осыпан царем почестями и дарами за то, что он самым оскорбительным образом издевается над воспоминаниями своей родины; что за важность в том, что Александр праздновал свою свадьбу вместе с другими македонянами, — ведь это были азиатские женщины, да и они даже были выданы замуж по персидскому обычаю; а теперь эти новички в македонском вооружении, эти варвары, пользующиеся равной честью с ветеранами Филиппа! очевидно, что македоняне надоели Александру, что он принимает все меры, чтобы более в них не нуждаться, что он воспользуется первым случаем, чтобы совершенно устранить их.

Так говорили старые войска; достаточно было только одного толчка, чтобы это настроение выразилось открытым разрывом; и случай к этому должен был представиться очень скоро.



ГЛАВА ВТОРАЯ

Мятеж солдат в Описе. — Увольнение ветеранов. — Гарпал в Греции. — Раскол между партиями в Афинах. — Постановление относительно возвращения изгнанников. — Происки Гарпала в Афинах. — Процесс Гарпала. — Внутренняя политика Александра и ее последствия

Александр решил двинуться со своим войском вверх по Тигру к городу Опису, где большая дорога разделяется на две дороги, ведущие в Мидию и на запад; цель этого движения можно было угадать уже из топографического положения города. В то же время он желал ознакомиться с характером устьев Евфрата и Тигра, со степенью судоходности этих рек и особенно с состоянием гидрографических сооружений на Тигре, от которых зависело благосостояние и бедствие прибрежных низин. Он передал начальство над войском Гестеиону, приказав ему идти вверх по Тигру по обыкновенной дороге. Сам он со своими гипаспистами, с агемой и с незначительным отрядом конницы сел на корабли Неарха, которые уже поднялись вверх по Эвлею и находились поблизости от Суз. На них, — это было, вероятно, в апреле месяце, — он отплыл из Суз вниз по реке. Когда флот приблизился к устью реки, большинство судов, сильно поврежденных во время переезда из Индии, было оставлено здесь; царь выбрал самые быстроходные корабли, чтобы спуститься на парусах в Персидский залив, между тем как другие корабли должны были пройти в большую реку, по каналу, соединяющему Эвлей и Тигр недалеко от их устья¹.

Сам он спустился по Эвлею в Персидский залив, проплыл затем вдоль морского берега и мимо устьев различных каналов до устья Тигра и, основательно ознакомившись со всем и дав нужные указания относительно основания между Тигром и Эвлеем на самом морском берегу города Александрии², вошел в Тигр и поплыл вверх по реке; скоро он встретил остальные корабли, а через несколько дней и сухопутное войско под предводительством Гестеиона, стоявшее лагерем на берегах Тигра. При дальнейшем плавании флот несколько раз встречал громадные речные плотины, сооруженные персами, по их словам, для того, чтобы сделать невозможным всякое неприятельское вторжение с моря; Александр приказал разрушать эти плотины везде, где их находил, не

потому, что он не боялся более нападений с моря, но главным образом для того, чтобы открыть эту реку для торговли и судоходства; в то же время он принял меры для того, чтобы снова очистить и снабдить необходимыми шлюзами и плотинами каналы, которые частью засорились, частью прорвали свои плотины³.

Вероятно, был уже июль месяц, когда войско и флот прибыли в Опис⁴; они стали лагерем в окрестностях этого богатого города. Недовольное настроение македонских войск несколько не уменьшилось со времени выхода из Суз; самые преувеличенные и извращенные слухи о намерениях, которые питает относительно их царь, встречались с полным доверием и доводили их опасения до крайней напряженности.

В это время они были созваны на собрание; войска собрались на равнине перед Описом; Александр начал говорить речь, чтобы объявить македонянам — как он думал — радостную новость: «Многие между ними утомлены многолетней службой, ранами и трудами; он не желает поселять их в новых городах, подобно тем, которые были отпущены раньше; он знает, что они рады будут увидеть свою родину; тем из ветеранов, которые пожелают остаться у него, он сумеет так заплатить за эту преданность, что они будут казаться достойными еще большей зависти, чем возвращающиеся теперь домой, и удвоят в молодом поколении родины жажду таких же опасностей и такой же славы; так как теперь Азия покорена и успокоена, то в увольнении могут принять участие весьма многие». Здесь царя прервали дикие и беспорядочные крики: он желает освободиться от своих ветеранов, он желает иметь вокруг себя состоящее из варваров войско; воспользовавшись их силами до конца, он теперь с презрением увольняет их, бросает их старыми и бессильными их отечеству и их родителям, от которых он получил их иными. Шум становился все яростнее: пусть он отпускает их всех; пусть отныне ходит на поле битвы с тем, кого называет своим отцом! Так шумело собрание; возмущение солдат было полное. Александр, как был, безоружный, в сильном гневе бросился с трибуны в шумящую толпу, сопровождаемый окружающими его офицерами; сильной рукой схватил он ближайших крикунов, передал их своим гипаспистам, показывал здесь и там, чтобы схватить других виновных. Было схвачено тринадцать человек; он приказал увести их и предать смерти. Ужас положил конец шуму. Тогда царь произнес вторую речь, в которой упрекал их за мятеж.

Исходят ли те слова, которые влагает ему в уста Арриан, из хорошего источника или придуманы соответственно этому положению, они заслуживают быть приведенными ввиду их важного содержания: «Не для того, чтобы удержать вас, буду я еще раз говорить с вами; по мне, вы можете идти, куда хотите! я хочу только показать вам, чем вы сделали благодаря мне. Мой отец Филипп сделал из вас многое; между тем как прежде вы, бедные и не имея

оседлости, бродили по горам с вашими скудными стадами, всегда подвергаясь нападениям фракийцев, иллирийцев и трибаллов; мой отец поселил вас в домах, вместо шкур дал вам платье солдата, сделал из вас повелителей над окрестными варварами, открыл для вашего трудолюбия рудники Пангеона, а для вашей торговли море, подчинил вам Фессалию, Фивы, Афины и Пелопоннес, стяжал себе полновластную гегемонию над всеми эллинами для войны с Персией; это свершил Филипп, оно велико само по себе, но в сравнении с тем, что было совершено позднее, ничтожно. Мой отец оставил мне в сокровищнице немного золотых и серебряных сосудов, не более шестидесяти талантов денег и пятьсот талантов долга; я сам должен был прибавить восемьсот талантов долга, чтобы иметь возможность начать поход; тогда, хотя персы господствовали над морем, я открыл вам Геллеспонт, я победил сатрапов персидского царя при Гранике; я покорила богатые сатрапии Малой Азии и дал вам возможность наслаждаться плодами победы; вам достались богатства Египта и Кирены, вашими сделались Сирия и Вавилон, ваша Бактрия, вашими сокровища Персии, богатства Индии и обтекающее вселенную море; из вашей среды вышли сатрапы, военачальники, стратеги. Что сам я имею от всех этих битв, кроме пурпура и диадемы? я ничего не приобрел для себя, и нет никого, кто бы мог показать мои сокровища, если он не покажет вашего имущества и того, что сохраняется для вас; и к чему мне накапливать себе сокровища, когда я ем, как вы едите, и сплю, как спите вы; даже многие из вас живут роскошнее меня, и не одну ночь должен я проводить без сна, чтобы вы могли спать спокойно. Или тогда, когда вы переносили труды и опасности, я не имел забот и огорчений? Кто может сказать, что он перенес ради меня более, чем я перенес ради него? Пусть тот из вас, кто имеет раны, покажет их, а я покажу свои; нет такого места на моем теле, где бы не было раны, и нет такого снаряда или оружия, которое не оставило бы шрама на мне; мечом и кинжалом, луком и катапультной, камнем и палицей был я ранен, когда бился за вас и за вашу славу и обогащение и победоносно вел вас по землям и морям, через горы, реки и пустыни. Я заключил брак одинаковый с вами, и дети многих из вас будут находиться в родстве с моими детьми; я заплатил долги за всех вас, не спрашивая, как вы вошли в них при таком жалованьи и при такой крупной добыче; многие из вас получили золотые венки как вечное доказательство своей храбрости и моего уважения. А те, что пали в бою, смерть их была славна и погребение почетно: многим из них воздвигнуты на родине бронзовые статуи, а родители их пользуются высокими почестями, освобождены от податей и общественных повинностей. Наконец, ни один из вас под моим предводительством не пал во время бегства. И теперь я думал отпустить тех из вас, которые утомлены войною, на удивление и на гордость нашей родине; но вы хотите

идти все; так все и идите! И когда вы придете к себе домой, то скажите, что вы своего царя, который одолел уксиев, арахосиев и дрангиан, который покорил парфян, хоразмиев и гирканцев, живших вдоль Каспийского моря, который проник в каспийские проходы и перешел через Кавказ, который переправился через Окс, Танаис, Инд, перейденный до него только одним Дионисом, через Гидасп, Акесин и Гидраот и который, если бы вы не помешали ему, перешел бы и через Гифасис, который проплыл по Инду в Океан, прошел по пустыне Гедросии, по которой никто до него не проходил с войском, флот которого из Инда прибыл по Океану в Персию, — что вы этого своего царя, Александра, покинули и предоставили защищать его побежденным варварам; возвестив это, вы, конечно, стяжаете себе славу в глазах людей и докажете свое благочестие перед богами; вы можете идти!» После этих слов он быстрыми шагами сошел с трибуны и поспешил воротиться в город.

Македоняне остались пораженные и безмолвные; только телохранители и самые приближенные из гетайров последовали за ним. Постепенно тягостное молчание в собрании стало прекращаться; они получили то, чего требовали; спрашивалось: что же будет теперь? что будет дальше? Они все были отпущены, они не были более солдатами; сдерживавшие их доньше цепи службы и воинской дисциплины были разрушены, у них не было ни вождя, ни плана, ни воли; одни советовали остаться, другие приглашали выступать; таким образом смятение и беспорядочные крики только росли, никто не приказывал, никто не повиновался, ни один отряд не держался вместе; через несколько минут это войско, завоевавшее мир, представляло собою беспорядочную и смятенную массу.

Александр удалился в царский дворец в Опесе; при том сильном возбуждении, в каком он находился, он пренебрегал всеми заботами о своем теле; он не хотел никого видеть, ни с кем говорить. Так прошли первый и второй день. Между тем в лагере македонян беспорядки достигли опасных размеров; со страшною быстротою начали проявляться последствия мятежа и роковые результаты необдуманного требования, которое было вполне удовлетворено; предоставленные своей участи и своей анархии, бессильные и лишенные точки опоры, так как они не встретили сопротивления, не имевшие ни решимости желать, ни силы действовать, лишенные права, долга и чести своего звания, — что могли они начать, как не прибегнуть к открытому насилию, гонимые голодом и отчаянием?

Александр должен был остерегаться крайних мер; но в то же время он желал сделать последнюю и действительно смелую попытку, чтобы заставить македонян раскаяться. Он решил совершенно ввериться азиатским войскам, организовать их по образу

македонского войска и отличить их всеми почестями, которые доньше доставались македонянам; он должен был ожидать, что они, видя таким образом порванным последнее звено между ними и царем, или исполнятся раскаяния и будут умолять его о прощении, или, доведенные до ярости, возмутся за оружие; было несомненно, что в этом случае он во главе своих азиатских войск одержит победу над лишенной предводителя толпой. На третий день он призвал в царский дворец персов и мидян, открыл им свою волю, выбрал из них предводителей и начальников нового войска⁵, даровал многим из них почетный титул родственников царя и, по восточному обычаю, дал им право поцелуя; затем азиатские войска согласно с македонским устройством были разделены на гиппархии и фаланги, была образована персидская агема, персидские пешие гетайры, персидский отряд гипаспистов с серебряными щитами⁶, персидская конница гетайров и агема персидской конницы; караулы во дворце были заняты персами и им была передана служба при царе; македонянам был послан приказ очистить лагерь и идти, куда они хотят, или, если они это предпочитают, избрать предводителя и выступить против Александра, их царя, чтобы, когда они будут побеждены им, понять, что они без него ничто⁷.

Когда этот приказ царя сделался известен в лагере, старые войска не могли долее сдерживаться; они ринулись к царскому дворцу, сложили перед ним свое оружие в знак покорности и раскаяния; стоя перед закрытыми дверями, они кричали и умоляли, чтобы их впустили, что они выдадут зачинщиков мятежа: они ни день, ни ночь не сойдут с места, пока царь не сжалится над ними.

Прошло немного времени, и царь вышел к ним⁸; видя своих ветеранов полными такого глубокого раскаяния, слыша их радостные клики и их новые скорбные рыдания, он не мог удержаться от слез; затем он подошел ближе, чтобы говорить с ними; теснясь кругом, они не переставали упрашивать его, как будто бы боялись первого слова своего, быть может, еще не смягчившегося государя. Вперед выступил один старый уважаемый офицер, один из гиппархов конницы, Каллин, чтобы говорить от имени всех: более всего, сказал он, македонян огорчает то, что он сделал персов своими гетайрами, что персы получили теперь право называться родственниками царя и целовать его, и что эта честь никогда не доставалась на долю ни одному из македонян. Тогда царь воскликнул: «Вас всех делаю я моими родственниками и с этой минуты даю вам это звание!». Он подошел к Каллину, чтобы поцеловать его; а его целовал потом каждый из македонян, который только хотел этого; они снова взяли свое оружие и, ликуя, возвратились в лагерь. Александр же, чтобы торжественно отпраздновать примирение, повелел приготовить большое жертвоприношение и принес жертвы тем богам, которым он их приносил обыкновенно. Затем было дано большое пиршество, в котором приняло участие почти все войско;



царь сидел посредине, около него македоняне, за ними персы и далее многие из других народов Азии; царь пил из одних и тех же кратер со своими войсками и делал одни и те же возлияния с ними; священные обряды при этом исполняли греческие предсказатели и персидские маги. Царь произнес тост, прося богов даровать им все блага, а главным образом согласие и единение в государстве македонян и персов. Число лиц, принимавших участие в этом пиршестве, как говорят, достигало девяти тысяч; и все эти девять тысяч одновременно делали возлияния, сопровождая их хвалебными гимнами⁹.

Таков был исход этого тяжелого кризиса; то был последний протест древнемакедонского духа, нашедший себе наиболее оригинальное и серьезное выражение; теперь он был морально побежден. Меры, перед которыми он должен был склониться, придавали этой победе Александра еще большую важность. Преимущества, которые до сих пор царь был принужден оказывать македонскому войску, были уничтожены, азиатские войска получили доступ к именам и почестям войск старомакедонских; отныне между победителями и побежденными не было никакой другой разницы, кроме степени личных достоинств и верности своему царю.

Несмотря на всю подавляющую силу, с какой при этом случае выступает личность самого царя, она не объясняет нам всего. Во всяком случае можно сказать, что, если система Александра могла выдержать такое испытание, то это служит верным доказательством того, что государственная система, воздвигнутая с такою быстротою и смелостью, была достаточно закончена и утверждена для того, чтобы можно было снять леса и подпорки, поддерживавшие ее строй. Но разве победу в Описе не могли точно так же одержать и ветераны и положить таким образом конец опьянению царя, дав ему доказательство того, что он, подобно Иксиону, пылко обнимал облако вместо богини? Несомненно, могли бы, если бы сами оставались еще истыми македонянами; но они не были уже теперь ими, они сами восприняли в себя то новое, с которым упорно боролись; они сжились с азиатским образом жизни, хоть и не желали признать за этим новым элементом тех прав, которые принадлежали ему; и это высокомерное желание считаться только победителями того, что победило и проникло и их то же в самой глубине их существа, было причиной их падения. Когда македонское войско, орудие, которым было создано это творение нового времени, было сломлено могучею рукою творца, он этим самым объявлял, что само его создание окончено и что относительно его характера и природы не может быть более никаких вопросов. Если смуты и беспорядки непосредственно следовавшие за этим временем, потрясли и разрушили внешние формы новозданного государства, то все-таки эллинистическая жизнь, великое объединение греческого и

азиатского миров со всеми его благими и дурными последствиями, была упрочена на многие века.

Таким образом новый порядок вещей победоносно прошел через все стадии внутренних и внешних затруднений; признанный за идею нового времени, провозглашенный принципом нового царства, пущенный в ход как государственная администрация, организованный как войско, находившийся в полном разгаре работы как разложение и пересоздание народной жизни, он должен был только выразиться, по возможности, решительно и соответственно с насущными интересами народов. Такова была работа короткого времени жизни, которое судьбе еще было угодно дать царю, такова была ее цель и во всяком случае результат ее.

Даже отправление ветеранов на родину должно было оказать свое влияние в этом смысле; еще никогда войска не возвращались из Азии на родину в таком количестве, и эти 10 000 ветеранов более, чем все прежние, восприняли в себя азиатскую культуру; их пример, их слава, их богатство, все те изменившиеся воззрения и потребности, новые требования и новый опыт, который они приносили с собой, должны были оказать среди их соотечественников на родине не менее сильное влияние, чем то, которое уже оказывала западная культура на жизнь восточных народов; благотворно ли было это влияние на простых людей, на пахарей и пастухов их родины, это другой вопрос. Ветераны были отпущены самым торжественным образом из лагеря при Описе; Александр объявил им, что они получают все жалованье до своего прибытия на родину и, кроме того, подарок в один талант каждый; детей, которых родили им женщины востока, он требует, чтобы они оставили у него, чтобы они на родине не сделались поводом для нарушения домашнего мира их женами и детьми; он позаботится о том, чтобы дети солдат были воспитаны, как македоняне и как солдаты; и когда они возмужают, он надеется привести их в Македонию и возвратит их отцам; он обещал точно так же позаботиться о детях воинов, павших во время походов, и сохранить им жалованье их отцов до тех пор, пока они сами не дослужатся до такого же жалованья и до такой же славы на службе царю; в знак своей заботливости он дает им в покровители и в предводители преданнейшего из своих генералов, которого он любит, как самого себя, гиппарха Кратера. Таким образом ветераны выступили из Описа, с ними отправились стратеги гипаспистов Полисперхонт, Клит, Горгий и, быть может, Антиген, а из стратегов конницы Полидам и Адамант; на случай болезни Кратера вторым предводителем войска был назначен Полисперхонт¹⁰.

Данные Кратеру указания относились не только к заботам по доставлению на родину ветеранов; главною целью его миссии было принять на себя вместо Антипатра политическое и военное управление родиной¹¹, а тот, в свою очередь, получил приказ привести в



армию войска, долженствовавшие заменить возвратившихся на родину ветеранов¹². Вряд ли, впрочем, это последнее было главной причиной; многие обстоятельства должны были вызвать необходимость перемены лица, занимавшего высший пост в Македонии. Разногласия между царицей-матерью и Антипатром достигли своего высшего предела; вероятно, главная, а быть может, и исключительная вина была на стороне страстной и властолюбивой царицы; в земле эпиротов, когда ее брат Александр пал в Италии, она действовала как хозяйка того края¹³; и его молодая вдова, ее дочь Клеопатра, избегая, быть может, грозивших ей лично серьезных опасностей, возвратилась в Македонию со своим пятилетним сыном, законным наследником македонского престола¹⁴. Александр всегда высоко чтил мать и исполнял по отношению к ней все сыновние обязанности, но точно так же решительно отклонял ее вмешательство в общественные дела; однако она не переставала интриговать, писать своему сыну письма, исполненные всевозможных упреков и жалоб; ревнуя Александра к Гефестиону, она отправляла недовольные письма и к этому любимцу царя, но главным образом неутомимо посылала в Азию самые сильные обвинения против Антипатра. Антипатр со своей стороны также горько жаловался на царицу-мать и ее вмешательство в общественные дела. Приводят знаменательное выражение Александра: «Антипатр не знает, что одна слеза моей матери может погасить тысячу таких писем». Его доверия к наместнику Македонии они, конечно, не увеличивали; последний не мог, пожалуй, устоять против соблазнов обширной власти, которая была ему вверена¹⁵, и если после казни своего зятя Филоты Антипатр завязал тайные сношения с этолянами, то следовало удвоить осторожность, хотя постоянно новые жалобы и предостережения, которые посылала Олимпиада, и должны были, насколько это заметно, оказаться неосновательными. Во всяком случае Арриан свидетельствует нам о том, что не было известно никакого выражения или поступка царя, которые бы говорили о перемене его расположения к Антипатру¹⁶; он предполагает, что царь повелел ему прибыть в Азию не в виде наказания, но чтобы предупредить печальные и не могущие быть исправленными даже им самим результаты этих раздоров для них обоих, для его матери и для наместника¹⁷. Притом Антипатр вовсе не должен был немедленно сложить с себя свое звание и спешить в Азию¹⁸, но продолжать управлять вверенными ему землями до прибытия Кратера, которое при медленном движении ветеранов могло затянуться на многие года. Станный оборот, который именно теперь приняли дела в Греции, делал присутствие в Македонии этого испытанного наместника тем более необходимым.

Если в греческом мире сохранилось еще какое-нибудь здоровое национальное чувство, то можно думать, что победы Алексан-

дра при Иссе, при Гавгамелах, освобождение эллинов Азии, уничтожение торгового могущества Тира, уничтожение персидского царства должны были примирить даже непримиримых, освежить все нервы греческого народа; он с радостным соревнованием должен был принять участие в деле, взяться за которое, согласно заключенным ими договорам, было для греческих государств не только обязанностью, а даже правом. Но задававшие тон государства понимали патриотизм и национальное дело иначе. Мы видели, как в год битвы при Иссе Афины были близки к тому, чтобы двинуть свой флот на помощь Персии, как царь Агис, когда Дарий был убит во время бегства, находился в походе против македонян, как маленькие государства ожидали только его первой победы, чтобы примкнуть к нему.

Понесенное спартанцами летом 330 года поражение восстановило спокойствие в Греции, но недовольство и предубеждения остались; величия этого времени они не видели. «Есть ли такие нечаянные и неожиданные события», говорит Эсхин в одной своей речи осенью 330 года, «которые не случились бы в наши дни? Ведь мы не жили жизнью обыкновенных людей, но наши годы сделались временем чудес для будущих поколений». А с тех пор случились еще большие чудеса; эти пять лет, столь богатые изумительными подвигами в далекой Азии и столь жалко и вяло протекавшие на родине в Греции: там — завоевание бактрийских земель, Индии, открытие южного Океана, здесь — пошлая тривиальность деятельности маленьких городов и фразы, громоздкие на фразы, — действительно, нравственная ценность, или, если так будет лучше выразиться, настоящий вес этой политики и политий Греции падали все ниже и ниже.

С тех пор как могущество Македонии достигло таких громадных размеров, когда дальнейшее сопротивление перед нею, единственная мысль, оживлявшая еще до некоторой степени общественную жизнь государств Греции, особенно Спарты и Афин, сделалось невозможным, тогда исчез и последний остаток политической деятельности в массах, и различия между партиями, которые развивались, имея своим лозунгом за Македонию и против нее, начали исчезать и сглаживаться.

В Афинах можно до известной степени наблюдать это разложение партий и все возрастающее непостоянство демоса. Ликург, в течение двенадцати лет превосходно управлявший финансами государства, при выборах 326 года должен был видеть их перешедшими в руки Мнесехма, его политического и личного противника. Страстный Гиперид, всегда прежде державший сторону Демосфена, со времени событий 330 года, со времени упущенного тогда восстания против Македонии, отвернулся от него и очень скоро выступил против него обвинителем. Конечно, Эсхина в Афинах более не было; когда в процессе Ктесифонта — это было



вскоре после поражения царя Агиса — афинские присяжные решили дело в пользу обвиняемого и таким образом в честь Демосфена, Эсхин покинул родину и поселился отныне в Родосе. Но в Афинах еще оставался Фокион, строгий патриот, который отказался от блестящих подарков Александра¹⁹, который в одинаковой степени и понимал, и оплакивал падение своей родины, и старался удержать слишком легко возбуждавшийся афинский народ от всякой новой попытки борьбы против Македонии, бывшей, как он видел, ему более не по силам. Оставался Демад, чье влияние основывалось столько же на его отношениях к Македонии, как и на его политике мира, соответствовавшей желаниям зажиточных классов и позволявшей прикармливать жаждавшую наслаждений чернь пиршествами и раздачами денег; «не воин», говорил он раз в народном собрании, «будет оплакивать мою смерть, так как война ему полезна, а мир его не кормит; оплатят ее поселянин, ремесленник, купец и каждый, кто любит спокойную жизнь; для них я защитил Аттику не валом и рвами, но миром и дружбой с сильными».

И если в то самое время, когда Агис взялся за оружие, Демосфен в Спарте и, как это думали, также и в других местах подстрекал к восстанию, а в Афинах произносил только «удивительные речи», если он, как это тоже говорили, завязал тайные сношения с Олимпиадой и с самим Александром²⁰, то это вовсе не способствовало тому, чтобы увеличить доверие демоса к его управлению; и если в годы дороговизны ему, умелому администратору, и поручалось звание надзирателя за подвозом хлеба, то в вопросах политического руководства городом экклесия выслушивала его одинаково с его противниками левой и правой стороны, и обыкновенно окончательного постановления самодержавного народа нельзя было предвидеть заранее.

Время мелких государств миновало; во всех отношениях обнаруживалось, что эти государства, которые были одно меньше другого, сделались невозможными рядом с новообразовавшейся могущественной державой, что вполне переменявшиеся политические и общественные условия требовали также и полного пересоздания организации этих государств. И если намерением Александра было оставить греческим государствам их демократию только в области их общинной администрации и связать их между собою поставленным над ними могуществом и авторитетом его обширной монархии, если это дело осталось неоконченным благодаря его скорой смерти или, если хотите, благодаря внутренней необходимости греческой жизни, то именно в этом лежит причина того печального упадка, которым следующее столетие греческой истории должно было запятнать славу лучших времен.

Согласно этому плану Александр решил принять две меры, которые, конечно, должны были задеть греков за живое.

Он потребовал божеских почестей также и от эллинов. Каковы бы ни были заключения, которые мы можем вывести в этой области относительно личных взглядов царя и их перемены, во всяком случае это не было таким неслыханным кощунством, каким оно кажется нашим разившимся на основе монотеизма воззрениям, и, кроме того, не следует упускать из виду существенно политического характера этой меры. Языческий культ греков уже давно привык к антропоморфическому взгляду на своих богов, как об этом свидетельствуют слова одного древнего мыслителя: «Боги суть бессмертные люди, люди — смертные боги». Ни их священная история, ни догматика не покоились на прочном основании Писания, которое было им открыто и которому раз и навсегда было бы приписано божественное происхождение; в делах религии для них не было другого масштаба и формы, кроме чувства и мысли людей, существовавших и развивавшихся вместе с жизнью, и рядом с ними стояли, конечно, предписания оракулов и различные толкования знамений, которые точно так же, подобно плывущей по реке пробке, только указывали на движение, которому они следовали. Если, наконец оракул Зевса Аммона, как бы ни смеялись над этим, в конце концов все-таки назвал царя сыном Зевса, или Александр, происходивший из рода Геракла и Ахилла, завоевал и пересоздал целый мир, если он действительно совершил более крупные подвиги, чем Геракл и Дионис, если рационализм уже давно отучил умы от более глубокой религиозной потребности и оставил от почестей и празднеств богов только увеселения, только внешнюю церемонию и указание календаря, то мы найдем весьма понятным, что для греков того времени мысль о божеских почестях и обоготворении человека вовсе не была так далека. Напротив, ближайшие десятилетия доказывают нам с полной ясностью, насколько подобный поступок был согласен с духом того времени; Александр Великий был только первым, потребовавшим для себя того, что после него от эллинов и греков и особенно от афинян могли получать за ничтожные услуги самые жалкие монархи и опозоренные люди. Пусть они думают, что Александр верил в свое божественное происхождение, а другие, что он считал это полицейскою только мерою, во всяком случае относительно него до нас дошло следующее изречение: «Хотя Зевс и отец всех людей, но только лучших он делает своими сыновьями»²¹. Народы востока привыкли чтить своего царя как существо высшего порядка, и во всяком случае эта вера, как бы ни изменилась потребность в таком представлении сообразно с нравами и предрассудками времени, является основой монархии, и даже всякой формы господства; даже дорические аристократии древности даровали потомкам их героических основателей это преимущество над подвластным им народом, а демократические Афины основали на совершенно аналогичном с этим предрассудке по отноше-

нию к рабам возможность существования свободы, перед которой монархия Александра имеет хотя то преимущество, что не смотрит на варваров как на родившихся для рабства. Он принимал от варваров «поклонение», которое они привыкли приносить своему царю, «богоравному человеку»; если греческий мир должен был найти свое место и свое успокоение в этой монархии, то первым и самым существенным шагом было привести и приучить греков к той же самой вере в его величие, которую питала Азия и в которой он видел самую существенную гарантию своего престола.

В то время, когда в Азии делались последние шаги к слиянию культуры запада и востока, в Грецию было послано приглашение даровать царю божеские почести на основании общественных постановлений²². Конечно, большинство городов исполнило то, что было от них потребовано. Постановление спартанцев гласило: так как Александр желает быть богом, то да будет он богом²³. В Афинах это предложение внес в народное собрание Демад²⁴; Пифей выступил возражать ему: противно законам Солона, сказал он, чтить других богов, кроме отечественных. Когда ему заметили, что как он, еще такой молодой, может дерзать говорить о таких важных предметах, то он отвечал, что Александр еще моложе²⁵. Ликург тоже восстал против этого предложения: какой это может быть бог, сказал он, покидая святилище которого, необходимо очищать себя. Прежде чем в Афинах пришли к какому-нибудь решению, к этому присоединился еще второй вопрос, непосредственно затрагивавший общественную жизнь города.

То было распоряжение царя относительно изгнанников греческих государств. Изгнания были по большей части следствием политических перемен; благодаря победам, одержанным македонянами за последние пятнадцать лет, они, конечно, главным образом коснулись противников Македонии. Многие из этих политических беглецов находили себе раньше возможность продолжать борьбу против Македонии на службе в войсках персидского царя; после падения Персии они, беспомощные и безродные, бродили по вселенной; некоторые должны были уже поступить на службу в македонское войско, другие, пока Александр находился в Индии, были набраны сатрапами лично для себя, а остальные возвратились после своих скитаний в Грецию, чтобы ожидать по соседству своих родных городов перемены положения вещей, или отправились на центральный пункт вербовки солдат на Тенаре, чтобы там наняться к кому-нибудь. Значительное число людей без дела должно было там сильно возрасти, когда Александр предложил всем сатрапам отпустить их наемников²⁶; и опасность, которой они грозили спокойствию Греции, должна была усилиться пропорционально их численности, несчастному положению и отсутствию всяких видов на будущее. Единственным средством отвлечь эту опасность было доставить изгнанникам

возможность воротиться на родину; это средство превратило бы в благодарность ненависть тех, которые были изгнаны благодаря влиянию Македонии, и усилило бы македонскую партию в отдельных государствах; отныне за внутреннее спокойствие Греции были ответственны уже сами государства, и если теперь внутренний раскол проявился бы снова, то македонская держава имела в своих руках средство вступить в него. Действительно, эта мера была противна постановлениям Коринфского союза и была очевидным покушением на гарантированное ими самодержавие принадлежавших к нему государств; можно было предвидеть, что исполнение этого царского веления подаст повод к бесконечным неурядицам даже в семейных и имущественных отношениях. Но прежде всего это благодеяние приносило пользу противникам Македонии; наступило то время, когда перед единством общего всем государства начали исчезать политические партии в греческих городах и антагонизм национальной вражды между греками и азиатами; применение таким образом и в таких обширных размерах истинно царского права помилования было первым актом высшего авторитета того государства, к которому Александр надеялся приучить греков.

Объявить об этой мере он послал в Грецию стагерита Никанора; царский рескрипт должен был быть объявлен во время празднования олимпийских игр 324 года. Известие об этом распространилось заранее; изгнанники со всех сторон стекались в Олимпию, чтобы услышать слово искупления. В различных государствах, напротив, возбуждение проявлялось в разных формах и, между тем как многие радовались, что снова будут жить вместе со своими родными и друзьями и что благодаря обширной и всеобщей амнистии увидят возвращение спокойствия и благосостояния лучших времен, другие в этом повелении с негодованием должны были видеть вторжение в права их государства и начало крупных внутренних беспорядков. В Афинах Демосфен предложил принять на себя архитеорию в Олимпии, чтобы там на месте вступить в переговоры с уполномоченным Александра и изложить ему последствия этой меры и святость коринфских договоров; его усилия не могли уже более изменить ничего. Во время празднования сто четырнадцатой олимпиады²⁷, в конце июля 324 года, в присутствии эллинов из всех местностей, в числе которых находилось и около 20 000 изгнанников, Никанор приказал глашатаю, получившему венок в состязании глашатаев, прочесть царский декрет²⁸: «Царь Александр шлет свой привет изгнанникам греческих городов. Виною вашего изгнания были не мы; но мы хотим доставить возможность возвратиться на родину всем, за исключением тех, на которых тяготее убийство. Поэтому мы повелели Антипатру принудить к этому силой те города, которые откажутся принять вас». Слова глашатая были

приняты с бесконечным ликованием и во все стороны потянулись со своими единоплеменниками по направлению к своей родине, которой они так долго были лишены²⁹.

Только афиняне и этоляне отказались последовать приказу царя. Этоляне изгнали раньше Эниадов и тем более боялись их мщения, что Александр сам объявил себя за них и за их права. Афиняне же видели себя угрожаемыми в обладании самым важным своим островом, который остался у них от поры их прежнего господства; во времена Тимофея они изгнали жителей Самоса³⁰ и разделили их землю между афинскими клерухами; теперь последние, согласно приказу царя, должны были уступить место прежним жителям и оставить те земли, которые они более тридцати лет или возделывали сами, или отдавали в аренду. Всего более задеть и раздражить их должно было то обстоятельство, что царь дал этому приказу такую форму, как будто бы он просто желал доказать полную законность прав беглецов, как будто бы он вовсе не нуждался в согласии государств, которых это касалось, хотя договоры 334 года ясно определяли, что ни одно из союзных государств не должно содействовать попыткам насильственного возвращения на родину изгнанников других союзных государств. Можно было сказать, что этим приказом Александра был явно поднят вопрос об автономии и самодержавии афинского государства, и демос, следуя ему, признал бы себя подданным македонского царя. Неужели демос был уже настолько недостоин своих предков, Афины уже столь бессильны, что должны были склониться перед деспотическим приказом? Как раз теперь произошло неожиданное событие, которое, если бы им воспользоваться надлежащим образом, обещало значительно поднять могущество афинян и дать вес их отказу³¹.

Бежавший главный казначей Александра, Гарпал, как мы уже упомянули, отплыл в Аттику от берегов Малой Азии тридцатью кораблями, шестью тысячами наемников и громадными сокровищами, которые ему были вверены, и приблизительно в феврале месяце этого года благополучно достиг рейда Мунихия. Он рассчитывал на благоприятное впечатление, которое должна была произвести на народ раздача им хлеба в голодный год и на право гражданства, которое ему тогда было дано постановлением демоса; зять Фокиона Харикл получил от него тридцать талантов на постройку гробницы Пифионике; другие влиятельные люди тоже были ему обязаны из-за подарков. Но по совету Демосфена демос отказался принять его; стратегу Филоклу, в руках которого находился надзор за гаванью, было приказано отразить его силой в случае, если бы он вздумал сделать попытку высадиться насильно. Тогда Гарпал со своими наемниками и сокровищами поплыл к Тенару; если после заявления Никанора многие из нашедшихся на Тенаре бродяг и двинулись на родину, то у этолян в Афинах

тот же самый декрет имел такие результаты, каких Гарпал мог только желать. Он вторично отправился в Аттику, без своих наемников и только с частью украденных им денег. Филокл не преградил ему входа; Гарпал был ведь гражданином Афин и прибыл теперь без войска, как молящий о защите. В таком униженном виде он предстал перед демосом Афин, предоставил в его распоряжение свои сокровища и своих наемников, позаботившись, конечно, намекнуть при этом, что теперь с решимостью и смелостью можно совершить великие дела³².

Уже из Малой Азии от царского казначея Филоксена прибыло в Афины требование выдать казнокрада³³. Поднялся оживленный спор по этому вопросу; страстный Гиперид был того мнения, что не следует упускать из рук прекрасного случая освободить Грецию; друзья Македонии, вероятно, с таким же усердием требовали его выдачи; но даже Фокион воспротивился этому предложению; Демосфен согласился с ним и предложил народу взять под стражу молящего о защите с его деньгами до тех пор, пока Александр не пришлет кого-нибудь за ним. Народ сделал постановление согласно с его предложением и поручил ему самому отобрать у Гарпала деньги, что должно было произойти на следующий день. Демосфен тотчас же спросил у Гарпала, какую сумму он имеет с собой. Тот назвал 700 талантов. На следующий день, когда эта сумма должна была быть принесена на Акрополь, оказалось только 350 талантов; Гарпал, по-видимому, воспользовался ночью, на которую странным образом у него были оставлены его деньги, для того, чтобы приобрести себе друзей. И Демосфен не счел нужным назвать народу недостающую сумму; он ограничился тем, что предложил поручить ареопагу произвести следствие, причем была обещана безнаказанность тем, кто добровольно отдаст взятые ими деньги.

Александр, по-видимому, ожидал, что Гарпал со своими сокровищами и наемниками охотно будет принят афинянами; по крайней мере, он послал в приморские провинции приказ держать наготове флот, чтобы в случае нужды иметь возможность немедленно напасть на Аттику; в лагере Александра в это время шло много разговоров о войне против Афин, которой македоняне весьма радовались вследствие своей старинной вражды к ним³⁴. Действительно, афиняне, если они серьезно думали противиться возвращению изгнанников, отказать царю в божеских почестях и предъявить свои права на полную независимость, имели в предложениях и средствах этого молящего о защите все, что на первое время было им необходимо для энергической обороны; они могли надеяться, что этоляне, спартанцы, ахейцы и аркадяне, общие собрания городов которых были запрещены царем³⁵, примкнут к ним. Но так как они не могли не видеть, что Гарпал во второй раз нарушил свой долг на службе царю и вызвал грозившее ему наказание



самым низким преступлением обширных размеров, то для них вовсе не было бы позорно, согласись они на требуемую выдачу и предоставь дальнейшую ответственность тому, кто потребовал ее как чиновник царя. Они предпочли решиться на полумеры, которые, будучи далеки от того, чтобы дать им верный и почетный выход, навлекали на город ответственность, которая весьма скоро должна была поставить их в крайне двусмысленное положение.

Само собою разумеется, что Филоксен еще настоятельнее повторил свое требование о выдаче; должно быть, верно и то, что то же самое требование было предъявлено также и Антипатром и Олимпиадой. В это время однажды утром Гарпал исчез, несмотря на приставленную к нему стражу. Это было бы невозможно, если бы назначенная для надзора за ним комиссия с Демосфеном во главе исполнила свой долг; понятно, — сейчас заговорили и подумали, что Демосфен допустил подкупить себя и других.

Все, что он мог сделать, это было потребовать немедленного следствия, которое по его предложению точно так же было поручено ареопагу. Стратег Филокл потребовал и добился такого же постановления народа.

Производимое ареопагом следствие подвигалось вперед весьма медленно. Еще оставался нерешенным другой вопрос, декретировать ли царю божеские почести; насчет этого необходимо было придти к решению, чтобы иметь возможность отправить послов, которые должны были быть в Вавилоне раньше, чем царь вернется туда. Снова перед демосом повелись дебаты о том, должно ли даровать божеские почести и позволить изгнанникам возвратиться на родину; в собрании говорил несколько раз и Демосфен. «Пока ты думал, что наступил момент», говорит позднее Гиперид в процессе против Демосфена, «когда ареопаг откроет имена подкупленных, ты сразу сделался воинственным и привел весь город в волнение, чтобы избавиться от этих разоблачений; когда же ареопаг отложил это объявление, потому что еще не пришел со своим следствием к концу, тогда ты начал советовать даровать Александру почести Зевса, Посейдона и какого только он захочет бога». Демосфен, стало быть, советовал уступить в вопросе о божеских почестях, а относительно изгнанников держаться до последней возможности. В этом смысле получили инструкции послы, отправленные приблизительно в начале ноября³⁶.

Бежав из Афин, Гарпал ушел на Тенар, а отсюда со своими наемниками и сокровищами — на восстание в Греции, по-видимому, не было уже никакой надежды — переправился на Крит и здесь был убит своим другом, спартанцем Фидроном, который затем с сокровищами и наемниками удалился в Кирену³⁷. Приближенный раб убитого, который вел его счета, бежал на Родос и был выдан Филоксену. Он признался во всем, что знал относительно денег Гарпала.

Таким образом, Филоксен мог послать в Афины список выданных Гарпалом сумм и имена тех, которые их получили³⁸. Имени Демосфена между ними не было. Через шесть месяцев ареопаг кончил свое дополнительное следствие и домашние обыски и передал, наконец, дело суду. Начался тот замечательный ряд процессов по делу Гарпала, где в качестве обвинителей или обвиняемых участвовали самые знаменитые люди Афин; в числе обвинителей были Пифей, Гиперид, Мнесехм, Гимерей и Стратокл, в числе обвиняемых — Демад, который будто бы получил 6000 статиров, стратег Филокл, зять Фокиона Харикл, а также и Демосфен. Он не отрицал, что взял из денег Гарпала 20 талантов, но взял их только для того, чтобы вознаградить себя за такую же сумму, которую он ранее одолжил кассе Теорик и о которой он бы не хотел говорить; он обвинял ареопаг в желании устранить его из угоды Александру; он привел своих детей, чтобы возбудить жалость у присяжных³⁹. Все было напрасно: он был присужден к уплате суммы, в пять раз превышавшей ту, которую он получил, и так как такой суммы он собрать не мог, то был брошен в темницу, из которой сам нашел или ему был доставлен другими случай бежать на шестой день.

Этот исход процессов по делу Гарпала был роковым для Афин; присяжные гелиеи, непосредственное выражение общественного мнения, конечно, обратили полное внимание на слова обвинителей, что они, присяжные, будут судить обвиняемых, а другой рас судит потом и их, и что их долг перед собой самими наказать людей даже и столь значительных; исходя из таких неверных посылок, какие были поставлены шатко руководимой афинской политикой в деле Гарпала, они, по политическим соображениям, решили дело с чрезмерной строгостью относительно одних, и с еще более незаслуженной мягкостью относительно других. Оправдан был Аристоклитон, который, по показанию ареопага, получил двадцать талантов, самый наглый и достойный наибольшего презрения из вожakov народа. Быть может, были оправданы еще и другие⁴⁰. Напротив, великий противник македонской монархии должен был покинуть родину, и с ним пала опора стародемократической партии и ее традиций. В Филокле государство теряло полководца, который все-таки довольно часто избирался народом на эту важную должность. Демад остался, несмотря на свое осуждение⁴¹, и его преобладающее влияние утвердилось тем больше, чем ничтожнее, боязливее и бессовестнее были те люди, которые после этих процессов принимали участие в управлении народом⁴²; политика Афин сделалась еще более непостоянной, чем прежде, а скоро стала она и рабской. Изгнанникам было отказано в дозволении возвратиться на родину, но в городе господствовал постоянный страх, что они, опираясь на амнистию царя, перейдут из Мегары через границу Аттики; и, однако, для защиты города ни-

чего не предпринималось, было только решено отправить к царю посольство феоров, которое должно было просить у него дозволения не принимать изгнанников, — мера, которая в интересах афинской свободы была, по меньшей мере, совершенно неуместна, так как, с одной стороны, государство уже высказало свое намерение остаться при постановлениях Коринфского союза, а с другой — почти наверно можно было предвидеть отрицательный ответ царя⁴³.

Важнее внешних результатов этих событий было моральное поражение, нанесенное тем принципам, представителями и образцом которых считались и сами себя считали Афины. Однажды известный Клеон, бывший в глазах демоса своего времени самым крайним демократом, сказал этому же демосу: «Демократия неспособна господствовать над другими»; если теперь Афины должны были подчиниться монархическому авторитету, на который предъявляло права эллинистическое царство Александра, то этим разрушалась последняя опора системы мелких государств и гордого партикуляризма, который все еще не хотел понять, что «вершковый корабль — не корабль вовсе»; начавшаяся организация действительно могущественной державы спокойно и мощно ложилась также и на греческий мир, требуя, правда, от него великой жертвы, но такой, которой Александр требовал даже от себя самого и от своих македонян, которую он оправдывал и искупал то, что совершал.

Один знаменитый исследователь назвал Александра гениальнейшим государственным мужем своего времени. Он был как государственный муж тем, чем Аристотель был как мыслитель. В тишине своих одиноких размышлений мыслитель мог придать своей философской системе всю ту стройность и совершенство, которые возможны только в мире идей. Если государственное создание Александра сначала кажется только наброском, не лишенным различных ошибок в частности, если прием его действий кажется внушенным личною страстью, произволом и случаем, то мы не должны забывать, что эти первые мысли, выскакивавшие, как искра, при трении исполинских событий, тотчас же и еще налету обращаются для него в нормы организации и условия дальнейшей деятельности, а точно так же должны помнить и то, что каждая из этих мыслей открывала и освещала, как молния, все более обширные горизонты, создавала еще более сильное трение и ставила на очередь все более и более насущные задачи.

Скудость дошедших до нас преданий не позволяет нам проникнуть в очаг этой деятельности, в напряженную умственную и нравственную работу того, кто ставил себе и решал такие громадные задачи. То, что мы знаем, позволяет нам только отрывочно определить внешнюю сторону совершенного им, доведенного им до исполнения и до результата. Только своим протяжением в про-

странстве эти события дают нам мерило силы, создавшей подобные результаты, воли, которая ими руководила, и мысли, из которой они исходили, дают нам представление о величии Александра.

Если, приступая к великой борьбе, подготовленной его отцом, ближайшим импульсом его поступков было дать прочность и продолжительность завоеванному им для себя государству, — то со счастливым радикализмом молодости он принимал или изобретал такие средства к достижению этой цели, которые превосходили смелостью его походы, и свою непреодолимую силу его битвы.

Самым смелым его актом было то, что до нашего времени моралисты ставят ему в самый тяжелый упрек: он сломил тот инструмент, с которым начал свою работу, или, если хотите, бросил знамя, под которым выступил, — знамя удовлетворения гордой ненависти греков к варварам, — в пропасть, которую должны были закрыть его победы.

В одном замечательном месте Аристотель указывает как на задачу своей «политики» найти такую форму государства, которая была бы не самой совершенной сама по себе, но самой практичной: «Какое же может быть лучшее законодательство и какая лучшая жизнь для большинства государств и для большинства людей, если не та, когда добродетели не требуют более, чем соображаясь с меркой среднего человека, не более образованности, чем какая возможна без особого покровительства природы и обстоятельств, не такого устройства, какое может быть только в царстве идеалов, а требуют такой жизни и устройства, жить и двигаться в которых возможно для большинства людей?». Он говорит, что главная задача заключается в том, чтобы найти такой государственный порядок, который, развиваясь из данных условий, легко завоюет себе доступ и симпатии⁴⁴; «исправить государственный порядок — несколько не более легкая задача, чем создать совершенно новый; переучиваться также трудно, как и учиться». Так далеко заходит философ в своем реализме; но говоря о большинстве людей и о большинстве государств, он думает только о греческом мире, так как варвары для него те же животные и растения.

И Александр мыслит вполне реалистически; но он не останавливается перед «данными условиями», или, вернее, создает своими победами новые; земли, с которыми он должен сообразовать свою политическую систему, обнимают народы Азии до Инда и Яксарта. Он увидал, что эти варвары вовсе не подобны животным и растениям, но что они тоже люди со своими потребностями, дарованиями, добродетелями, и что и их жизнь полна здоровых элементов, отчасти таких, которые уже утрачены теми, кто презирал в них варваров. Если македоняне были превосходными солдатами, то такими их сделал Филипп, а Александр думал причичить к



подобной выдержке и дисциплине также и азиатов, как он уже сделал равными им фракийцев, пеонов, агрианов и одрисов; поход в Индию показал, в какой мере ему это удалось. Но македонские пахари, пастухи и угольщики были так же мало затронуты эллинской образованностью, как и их варварские соседи по ту сторону Родопа и Гема; и такой же взгляд в греческих землях существовал на долопов, этолян, энианов, малиев и пахарей Амфиссы. Но сама эта эллинская образованность, при всех своих громадных богатствах в области науки и искусства, при всем своем необыкновенном умении развивать интеллектуальную ловкость и виртуозность личной талантливости, — сделала людей умнее, но не лучше; нравственные силы, на которых зиждется жизнь семейства, гражданского и государственного организма, она ослабляла и разлагала по мере своего собственного роста, подобно тому, как от винограда, когда из него выжато вино, остается только шелуха. Если бы Александр пожелал завоевать Азию только для эллинов и македонян, если бы он пожелал дать им азиатов в рабы, они тем скорее сделались бы азиатами, в худшем только смысле этого слова. Разве господство и порабощение приносило уже многие века греческому миру все большее и большее распространение, новые полные жизни ростки в постоянно основываемых ими новых колониях? Разве греческая жизнь достигла пределов ливийцев на Сирте, скифов на Меотийском озере, живших между Альпами и Пиренеями кельтских племен не точно таким же образом, как теперь Александр думал ее распространить на обширный материк Азии⁴⁵. Разве появление греческих наемников, столь долго и постоянно возрастающими толпами тративших свои силы по всему миру и очень часто даже против самой своей греческой родины, не служило доказательством, что на греческой родине не было уже места для порождаемых ею сил? Разве могущество варваров, которых греки считали рожденными для рабства, не поддерживалось уже целое столетие теми боевыми силами, которые продавала им Греция?

Конечно, Аристотель был вполне прав, требуя, чтобы постройка продолжалась на данных условиях; но он недостаточно глубоко опускал зонд своей мысли, принимая эти данные такими, какими они были в своих слабых и наиболее слабых сторонах, в их сделавшихся отжившими формах⁴⁶. Что греческий и азиатский мир пал под могучими ударами македонского завоевания, что им была совершена историческая критика вполне сгнившего, бессмысленного и ложного порядка вещей, — было только одной стороной великой революции, принесенной миру Александром. Воспоминания и культура Египта насчитывали за собой тысячелетия; какую массу политехнического искусства, астрономических наблюдений, древних литератур представлял сировавилонский мир; а разве в чистом учении парсов Ирана и Бактрианы, в религии и филосо-

фии страны чудес, Индии, не открывался целый мир неожиданного развития, перед которым должна была придти в изумление даже столь самодовольная гордость греческой образованности? Действительно, эти азиаты не были варварами как иллирийцы, трибаллы, геты, не были дикарями и полудикарями, как греческий нативизм любил представлять себе все, что только не говорило по-гречески; у них завоевателям приходилось не только давать, но и принимать; они должны были учиться и переучиваться.

И тут-то — так мы можем заключить — начиналась вторая часть поставленной себе Александром задачи: работа мира, которая, будучи труднее достигаемых силою оружия побед, должна была дать им оправдание и будущность, упрочивая их результаты.

Положение, в каком он нашел государство по своем возвращении из Индии, должно было показать ему, какие недостатки были в его слишком поспешном творении, в том виде, в каком оно теперь было. Строгость его наказаний должна была отвратить непосредственно грозившую опасность, предупредить новые преступления, показать угнетаемым и угнетателям, что за ними есть пронизательный надзор и сильная рука. Но труднее всего было снова приучить всех к спокойной жизни, к умеренности и к повседневности после всего этого подъема страстей, притязаний и жажды наслаждений у победителей, страха и озлобления у побежденных.

Но действовать таким образом было, вероятно, не в характере Александра, а быть может и не сообразно с порядком вещей, с которым ему приходилось считаться. Кульминационный пункт своей жизни он уже переступил; его солнце уже клонилось к закату и вечерние тени все росли.

Да будет нам дозволено в этом месте указать на главные моменты, из которых состояла растущая волна наступивших теперь трудностей. По мере того как из дел и из принципов, которые они носили в себе, слагался известный порядок вещей, выступали на вид последствия, противоречия и невозможности, — изнанка совершившегося факта; и начавшееся движение тем сильнее пошло вперед.

На политические результаты меры, возвещенной Никанором при праздновании олимпийских игр, мы уже указали. Но возвращавшиеся теперь на родину изгнанники имели там прежде свои дома, свои поля, которые с тех пор были конфискованы, проданы и перепроданы. В каждом греческом городе возвращение изгнанников сопровождалось различными неудовольствиями и процессами. В Митилене должны были прибегнуть к договору между изгнанниками и оставшимися, по которому общая комиссия должна была регулировать земельные отношения⁴⁷; в Эресе «по приказанию царя» потомки и приверженцы изгнанников были восстановлены в своих правах судом против тиранов, изгнавших



их⁴⁸; в Калимне решение дела было передано пяти гражданам из Ясоса⁴⁹. Это случайно сохранившиеся заметки; но, по самой природе вещей, почти каждый греческий город должен был испытать на себе такие же тревожения.

Одно случайное известие такого рода показывает нам, что Александр дал земельные участки солдатам, поселенным им раньше у подошвы Сипила в Старой Магнесии; когда, при каких обстоятельствах и на каких правах это было сделано, более определить нельзя, как нельзя определить и того, были ли поселенные наемниками, македонянами или кем-либо иными⁵⁰.

Несомненно, это был не единичный случай; из монет мы видим, что в Докимее и Блаунде были поселены македоняне, а в Аполлонии фракийцы. Принадлежали ли данные таким поселенцам земельные участки к имуществу городов, или к царским имениям?⁵¹ Тот же самый вопрос повторяется «при более чем семидесяти городах»⁵², основанных Александром; на каких основаниях, на каких правах жили эти поселенцы рядом с прежними жителями и туземцами, которые были принуждены селиться в одном городе с ними? Что было или что делалось царским достоянием? В каком смысле располагал Александр городами Хиосом, Гергифом, Элеей и Миласой, когда он предложил Фокиону выбрать себе любой из них?

Мы не знаем, насколько Александр изменил или оставил прежнюю систему управления, персидский податной кадастр и принятый порядок взимания налогов. Арриан говорит, что царь при своем возвращении в Персию наказывал так строго для того, чтобы запугать тех, кого он оставил «в качестве сатрапов, гиппархов и номархов»⁵³; были ли это ступени административной иерархии? повторялись ли они во всех сатрапиях, или, как мы, по-видимому, имеем тому пример в Египте, в различных областях его обширного царства были различные системы администрации, одна в землях Сирии, другая в Иране, третья в Бактриане? не было ли заведование казною и взимание податей подчинено особым чиновникам только в сатрапиях Малой Азии и в землях, говоривших сирийским языком? Каким образом были урегулированы отношения между ними и военными предводителями в сатрапиях, как были разграничены полномочия различных областей, каково было получаемое теми и другими жалованье, этого мы точно так же определить не можем. Но случайно мы узнаем, что Клеомен из Навкрата, управлявший египетской Аравией, мог увеличить вывозную пошлину на хлеб и скупить весь хлеб в своей провинции, чтобы извлечь себе барыш из голода, который был особенно тяжел в Афинах, что он обложил налогом священных крокодилов и т.д. О родосце Антимене, получившем в Вавилоне должность, которой мы не можем ясно определить⁵⁴, рассказывается, что он возобновил вышедшую из обычая десятипроцентную пошлину на все предметы ввоза в

Вавилон, что он ввел страхование рабов, причем взнос десяти драхм с головы гарантировал хозяину уплату стоимости каждого бежавшего раба. Более той или другой отдельной подробности такого рода мы не знаем; точно так же мы не знаем, в какое отношение была поставлена администрация города к племенам (ἔθνη), династам, жреческим государствам (Эфес, Комана и т.д.) и к зависимым государствам⁵⁵.

Одним из сильнейших ферментов слагавшейся заново жизни должно было быть громадное количество благородного металла, данное в руки Александра завоеванием Азии. Перед Пелопоннесской войной Афины, имевшие в Акрополе кроме серебряных и золотых сосудов 4000 талантов серебряной монеты, были первой капиталистической державой греческого мира, и в этом видели главную гарантию своего политического превосходства над государствами Пелопоннесского союза, жившими еще вполне натуральным хозяйством⁵⁶. Теперь была речь о совершенно иных суммах. Кроме той добычи, которая досталась Александру в персидском лагере при Иссе, в Дамаске, в Арбелах и т.д., он, как говорят, нашел в Сузах 50 000 талантов⁵⁷, в Персеполе столько же, в Пасаргадах 6000, дальнейшие суммы в Экбатанах, там, как говорят, он сложил 180 000 талантов. Сколько попало в руки Александра золотых и серебряных сосудов⁵⁸, пурпура, драгоценных камней, и т.д., что он к ним присоединил в сатрапиях и в Индии, — об этом источники нам не говорят.

Мы вовсе не думаем, основываясь на этих цифрах, определить то количество золота и серебра, которое было снова введено в обращение завоеваниями Александра в течение этих десяти лет. Но когда новая монархия, господствовавшая теперь над Азией, сняла оковы с этих лежавших донине мертвыми богатств, когда они полились из нее, как кровь из сердца, то мы видим, как должна была подняться и усилиться вся экономическая жизнь народов, силы которых, подобно вампиру, высосало господство Персии, благодаря тому, что вызванное трудом и торговлей усиление обмена распространило их по онемевшим и долгое время сдавленным членам государства. Конечно, с этим было непосредственно связано соответственное увеличение цен⁵⁹, перемещение прежних центров тяжести международной торговли, падение торгового баланса в тех местах, где эта торговля упала⁶⁰, — обстоятельство, которым, может быть, можно объяснить многие явления ближайшего будущего в коренных греческих землях.

По словам Геродота, ежегодный размер взимавшихся в персидском царстве поземельных сборов равнялся 14 560 эвбейских талантов. По сообщению одного автора, идущему, правда, не из особенно хорошего источника, в последний год царствования Александра доход от податей достиг 30 000 талантов и в сокровищнице было тогда только 50 000 талантов⁶¹. Во времена персид-



ского владычества всего тягостнее было бесконечное множество натуральных повинностей, каковых для одного только царского двора насчитывалось 13 000 талантов ежегодно; примеру персидского царя следовал в своих владениях каждый сатрап, каждый гиппарх и династ. Из некоторых намеков мы можем заключить, что Александр уничтожил систему натуральных повинностей⁶², в той же степени, как ранее бытность где-либо персидского царя истощала город или провинцию, так отныне они должны были выигрывать от пребывания в них царского двора. Роскошь, какую особенно в последнее время окружил себя царь, уже более не подавляла торговли и благосостояния, но вызывала их развитие, и когда нам рассказывают, что он, чтобы одеть весь свой придворный штат в пурпур, послал в Ионию приказ скупить там все находившиеся запасы пурпурных тканей, то по одному этому случаю мы можем заключить и о других аналогичных ему случаях. Само собою разумеется, что сатрапы, стратеги и другие должностные лица провинций тоже получали свое содержание уже более не путем натуральных повинностей; точно так же ясно само собою, что определенные для них размеры доходов были достаточно велики для того, чтобы дать им возможность жить с подобающим блеском; что бы ни говорили об их зачастую безумной расточительности, они все-таки давали заработок другим. С помощью богатых даров, как например, подарок по таланту на человека, сделанный возвращавшимся на родину из Описа ветеранам, царь заботился о том, чтобы войска, а особенно заслуженные, могли жить с удобствами; и если его солдаты нередко тратили более, чем имели, то царь с неиссякаемою щедростью уплачивал их долги. Известно, что рука его была всегда открыта для поэтов, художников, виртуозов, философов и деятелей на всех поприщах науки; и когда нам рассказывают, что Аристотель для производства своих естественноисторических исследований получил в свое распоряжение сумму в 800 талантов, то мы были бы склонны усомниться в истине этой цифры, если бы ее не делал понятной широкий объем его трудов.

Мы не можем не упомянуть здесь о крупных строительных работах, о которых говорят иные источники: о восстановлении системы каналов в Вавилонии, об очищении отводивших воду Копайдского озера каналов⁶³, о реставрации пришедших в разрушение храмов Эллады, на расходы по которой он будто бы назначил 10 000 талантов⁶⁴, о постройке плотины у Клазомен, о прорытии через перешеек ведшего оттуда в Теос канала и о многих других сооружениях⁶⁵.

Этого достаточно, чтобы показать, какое значение для экономической жизни имели победы Александра⁶⁶. Пожалуй, никогда более в этом отношении личное влияние одного человека не производило такого внезапного, такого глубокого и обнимавше-

го такой обширный район переворота. Этот переворот не был результатом случайного стечения обстоятельств, но, насколько мы можем судить, был продуктом единой воли и произведен с сознательной последовательностью. Народы Азии пробудились от своей спячки, запад познал наслаждения востока, а восток — искусства запада, и они стали для них потребностью; в жителях запада, оставшихся в Индии или Бактрии, и в азиатах, собравшихся при дворе изо всех сатрапий, пребывание на чужбине только усиливало стремление к своему родному, и смесь самых противоположных обычаев и потребностей, доведенная до высшей роскоши при дворе царя, должна была сделаться более или менее господствующей модой в сатрапиях, в домах вельмож и, наконец, во всех классах общества. Отсюда непосредственно вытекала необходимость крупных и деятельных торговых сношений, и главная задача заключалась в том, чтобы открыть им самые безопасные и удобные пути и в целом ряде значительных центральных пунктов создать для них связующее звено и прочную основу. С самого начала при основании городов и при своей колонизаторской деятельности Александр наряду с военными целями имел в виду это соображение, и большинство основанных им городов до нынешнего дня представляет собою самые значительные торговые пункты Азии; только теперь караваны рискуют подвергнуться нападениям разбойников и утеснениям признающих один свой произвол носителей власти, тогда как в государстве Александра дороги были безопасны, разбойничьи племена гор или пустынь сдерживались страхом или были принуждены перейти к оседлому образу жизни, а царские чиновники были обязаны и изъявляли полную готовность содействовать развитию торговли и ее безопасности. Торговля Средиземного моря тоже необыкновенно разрослась, и уже теперь египетская Александрия начала становиться центром торговли этого моря, которая по планам царя скоро должна была охраняться от грабежей этрусских и иллирийских пиратов. Но особенную важность представляла неутомимая заботливость, с какою Александр старался открыть новые морские пути сообщения; ему уже удалось открыть путь морем от Инда к Евфрату и Тигру; основание в устьях этих рек эллинических гаваней создало здесь необходимые для торговли точки опоры; что сделал Александр для этой торговли и для создания непосредственных торговых сношений между внутренностью сирийской низменности и устьями ее рек, между устьями Инда и верхним бассейном этой реки, как он предполагал открыть дальнейший путь морем из Персидского залива кругом полуострова Аравии в Чермное море к окрестностям Александрии, как он намеревался проложить вдоль южного берега Средиземного моря военные и торговые дороги из египетской Александрии на запад, как, наконец, надеясь найти сообщение между Каспийским



и Северным морями и лежавшим далее Индийским океаном, он приказал строить корабли в лесах Гиркании, — обо всем этом речь будет впереди.

Здесь следует указать еще и на другой пункт: на начавшееся слияние национальностей, в котором Александр видел в то же время и цель, и средство своего колонизаторского дела. В течение десяти лет был открыт и завоеван мир, пали отделявшие запад от востока преграды и были отысканы пути, которые отныне должны были соединить страны восхода и заката солнца. «Как в кубке любви», говорит один древний писатель, «все элементы народной жизни перемешались между собою и народы пили вместе из этого кубка и забывали о старой вражде и о собственном бессилии»⁶⁷.

Здесь не место рассматривать результаты, к которым привело это слияние национальностей; они составляют предмет истории следующих веков. Но уже в этих их первых зародышах можно определить направление, в котором впоследствии продолжали развиваться далее искусство, наука, религия и все отрасли человеческого знания и воли, принимая часто такие уродливые и безобразные формы, в которых только взор историка, приводящего между собою в связь события многих веков, может найти скрытое и могучее течение прогресса. Греческое искусство ничего не выиграло от того, что научилось усиливать спокойное величие своих гармонических пропорций азиатскою пышностью колоссальных масс и соединять идеализм своих созданий с роскошью дорогих материалов и реалистическим наслаждением для глаз. Мрачное великолепие египетских храмов, фантастическая архитектура дворцов и зал Персеполя, исполинские развалины Вавилона, памятники индийской архитектуры с их идолами в виде змей и лежащими под колоннами слонами, — все это, смешавшись с традициями отечественного искусства, становилось для греческого художника богатой сокровищницей новых мыслей и планов; уже их концепции доходили до исполинских размеров; стоит только припомнить грандиозный план Динократа извлекать из горы Афона статую Александра, одна рука которой должна была нести на себе город с десятью тысячами жителей, а другая изливать могучими каскадами в море целый горный поток. Скоро это возбужденное и окрепшее искусство достигло в намонетных портретах и в статуях мыслителей и поэтов высшей индивидуальной правды и жизненности, а в грандиозных созданиях пластики, как это было в Пергаме, самого смелого выражения полной движения страсти и широкого полета мысли. Но затем последовал быстрый упадок, по мере того, как роскошь становилась все бессодержательнее, а искусство вырождалось в промышленность, в усовершенствованное ремесло.

Поэзия тоже сделала попытку принять участие в этой новой жизни; в так называемой новой комедии и в элегии она достигла такой тонкости психологического наблюдения и такого искуст-

ва в изображении характеров и положений повседневности, как действительной, так и относящейся к области идиллического вымысла, которые яснее всего другого показывают нам, что уж далеко остался позади великий поток серьезных общественных интересов и высоких мыслей и страстей, придававших цену жизни. Отдавшись таким образом индивидуализму и реализму, греческая поэзия не сумела найти себе новых путей, если не считать за них страстную галлиамбическую поэзию самоистязаний; ни в совершавшейся теперь героической борьбе, ни в созданных ею изумительных организациях; она уже не могла принять в себя полных роскошными красками персидских сказок, или дышащих неземною торжественностью псалмов и пророчеств монотеизма; когда она хотела подняться над излюбленной ею будничной жизнью, она возвращалась к подражанию своей классической поре и предоставила востоку завещать из поколения в поколение в тысячах сказаний и песен воспоминание об их общем герое Искандере. Среди ораторских искусств эллинов только самое юное, процветавшее, полное свежести и жизни, между людьми этого поколения, могло сделать попытку вылиться в новые формы, и так называемое азиатское красноречие, цветистое и вычурное, является характеристическим продуктом этого времени.

Тем плодотворнее была начавшая совершаться в науке переменна. Аристотелем был вызван к жизни мощный эмпиризм, в котором нуждалась наука, чтобы овладеть громадным запасом нового материала, завоеванного для всех отраслей человеческого познания походами Александра. Царь, бывший сам учеником Аристотеля и знакомый со всем, что создали до сих пор труды греческих врачей, философов и риториков, всегда сохранял к ним самый живой интерес; в походах его сопровождали деятели всех областей науки; они наблюдали, исследовали, собирали, они измеряли новые земли и пересекавшие их большие дороги. В исторической науке тоже началась новая эпоха: теперь можно было производить исследования на месте, можно было сравнивать сказанья этих народов с их памятниками, их судьбы с их нравами, и несмотря на бесчисленное множество ошибок и сказок, распространенных так называемыми писателями Александра, только в это время был приобретен материал, а затем и метод для великих исторических и географических изысканий. Во многих отношениях греческая наука могла прямо учиться у востока, и великая традиция астрономических наблюдений в Вавилоне, медицина, достигшая высокой степени развития в Индии, обширные сведения жрецов Египта по анатомии и механике приобрели в руках греческих исследователей и мыслителей новое значение. Своеобразное развитие греческого ума считало философию совокупностью всех знаний вместе; теперь отдельные отрасли знания эмансипировались; опираясь на самостоятельный опыт, начали развиваться точные науки, между



тем как философия, не придя к твердому согласию насчет отношений мышления к действительности, ошибочно называла то явления мыслями, то познание явлениями.

По самой природе вещей, перемены в народной жизни в нравственном, социальном и религиозном отношениях должны совершаться более медленно и, за исключением отдельных взрывов, незаметно; и если против начал, вызванных, как это было вполне естественно, к жизни в царствование Александра слишком внезапно, слишком неподготовленно и нередко насильственно, обнаружилась после его смерти реакция, примыкавшая в тридцатилетний период борьбы между диадохами то к той, то к другой партии, то окончательным результатом все же оказалось, что новые начала вошли, наконец, в привычку и, умеряемые сообразно с особенностями народного характера, приняли такие формы, к которым отныне могла приспособляться народная жизнь во имя одного равного и общего для всех принципа. На постепенном исчезновении национальных предрассудков, на обоюдном сближении потребностей, нравов и воззрений, на мирных и прямых сношениях враждовавших прежде между собою национальностей создались основы совершенно новой социальной жизни; и как в настоящее время известные воззрения, предрассудки, условные формы, до мод включительно, свидетельствуют об единстве цивилизованного мира, так и в эту эллинистическую эпоху и, как мы вправе предположить, в подобных же формах, создавалась космополитическая цивилизация, которая на Ниле и Яксарте признавала одни и те же условные формы формами хорошего общества и образованного мира. Аттический язык и обычай сделались обязательными при дворе Александрии и Вавилона, Бактр и Пергама; а когда эллинизм был лишен римским государством своей политической самостоятельности, он начал завоевывать и в самом Риме господство над модой и образованностью. Таким образом, мы с полным правом можем назвать эллинизм первым объединителем мира; между тем, как царство Ахеменидов было только внешним агрегатом земель, народонаселение которых имело между собою общего лишь одинаковое для всех рабство, в землях эллинизма, даже когда они распались на различные царства, сохранилось высшее единство образованности, вкуса, моды, или как бы мы ни назвали иначе этот постоянно изменяющийся уровень условных мнений и убеждений.

На нравственную жизнь народа политические перемены всегда будут действовать пропорционально непосредственному участию в функциях государства немногих, многих или всех. Та же историческая косность, которая до сих пор позволяла народам выносить самую отупляющую из всех политических форм, деспотизм и иерархию, в первое время оставила их по большей части безмолвными и равнодушными к совершившейся с ними громад-

ной перемене; если Александр не раз подчинялся их обычаям и убеждениям, то это показывает, каким путем только и возможно было поднять их постепенно выше самих себя. Конечно, успех этих стараний был весьма различен, сообразно с различным характером различных народов: между тем, как уксии и мардии должны были сначала научиться обрабатывать поля, гирканы жить в браке, согдианцы содержать своих престарелых родителей, а не убивать их, египтяне уже начали отвыкать от своей ненависти к неимевшим каст чужеземцам, а финикияне от своих омерзительных жертвоприношений Молоху. Но только с течением времени мог постепенно установиться новый и одинаковый образ жизни, мысли и действий, тем более, что у большинства старых азиатских народов основы их морали, их личных и правовых отношений, которые греки этого времени находили теперь только в положительном законе и в развитом сознании нравственных принципов, заключались в религии, и в ней одной почерпали свою непреложность и силу. Просветить народы Азии, снять с них оковы суеверия и рабского благочестия, пробудить в них стремления и силу независимой мысли и заставить их принять все ее последствия, благие и опасные, — словом, эмансипировать их для исторической жизни, такова была работа, исполнить которую попытался в Азии эллинизм и которую он отчасти и исполнил, хотя несколько поздно.

Быстрее и решительнее проявилась перемена в нравственной физиономии македонского и греческого народа. Обоим общ во время Александра подъем энергии и силы воли во всех их проявлениях, крайний рост требований от жизни и от страстей, жизнь настоящим и во имя этого настоящего — безграничный реализм; и однако, как они различны во всех отношениях. Македонянин, тридцать лет тому назад еще исполненный мужицкой простоты, прикованный к своему клочку земли и с равнодушным безразличием довольствовавшийся своей бедной родиной, теперь думает только о славе, могуществе и борьбе; он чувствует себя господином нового мира, презрением к которому он гордится более, чем его завоеванием; из постоянных походов он принес на родину то дерзкое чувство собственного достоинства, ту холодную суровость солдата, то презрение к опасности и к собственной жизни, которое нам очень часто показывают в карикатуре времена диадохов; и если пережитые великие исторические события придают образу мыслей и физиономии народа своей отпечаток, то тип македонянина составляют шрамы десятилетней восточной войны и глубокие морщины, проведенные на лицах бесконечным трудом и всевозможными лишениями и излишествами. Не таков был характер грека у себя на родине. Его время прошло; не увлекаемые ни стремлениями к новым подвигам, ни сознанием политического могущества, эти, некогда столь деятельные, эллины довольствовались блеском своих воспоминаний; хвастовство за-



меняет им славу, и пресыщенные наслаждением, они тем более ищут самой поверхностной его формы, перемены; тем легкомысленнее, скорее и дерзновеннее, тем сильнее избегая подчинения ответственности и авторитету отдельных лиц, и тем распущеннее и разнузданнее в целом проникается Греция этой остроумной, поверхностной и нервной суетливостью, этой книжной образованностью, которая всегда составляет последнюю стадию в жизни народов; все положительное, все поддерживающее и связывающее, даже сознание своего превращения в шлак исчезает; дело рационализма свершилось.

Мы, впрочем, можем сказать, что этот рационализм, являющийся столь нивелирующим и отталкивающим в отдельных своих чертах, сломил силу язычества и сделал возможным более спиритуалистическое развитие религии. Ничто не было действительнее в этом отношении того странного явления, — смешения богов, теокрасии, в котором в следующие века принимали участие все народы эллинизма.

Если мы можем видеть в богах, культе и мифах язычества наиболее оригинальное и живое выражение этнографических и исторических различий между народами, то здесь заключалась величайшая трудность для дела, которое хотел создать Александр. Его политика попала в самый нерв дела, когда он, в личности и управлении которого прежде всего должно было выразиться это единство, имел одинаково в числе непосредственно окружавших его лиц индийского кающегося Калана, персидского мага Осфана⁶⁸ и ликийского гадателя Аристандра, когда он обращался к богам египтян, персов, вавилонян, к Ваалу Тарса и Иегове иудеев точно так же, как и их верные, и исполняя все церемонии и требования их культа, оставлял открытым вопрос об его значении и содержании, хотя и встречал, быть может, по временам воззрения и тайные учения жреческой мудрости, сближавшие своим пантеистическим, деистическим и нигилистическим толкованием народные верования с тем, что давала образованным грекам их философия⁶⁹. Пример царя должен был оказать весьма скорое влияние на все более и более обширный круг лиц; греки с большею смелостью, чем это было прежде в их характере, начали делать своими родными богами богов чужбины и узнавать в богах чужбины отечественных богов, начали сравнивать и приводить в согласие между собою циклы сказаний и теогонии различных народов; они начали убеждаться, что все народы, в более или менее удачном образе, чтили в своих богах то же самое божество и старались выразить то же самое более или менее глубоко понятое чувство сверхъестественного, абсолютного, последней цели или причины, и что внешние и случайные различия в именах, атрибутах и областях ведения богов должны быть исправлены и доведены до глубины заключающейся в них мысли.

Таким образом, обнаружилось, что пора местных и национальных, то есть языческих религий, миновала, что объединенное, наконец, человечество требует единой и общей религии, воспринять которую оно способно; сама теократия была только попыткой создать единство путем слияния всех этих различных религиозных систем; но только этим путем в действительности оно никогда не могло быть достигнуто. Создание элементов более высокого и правдивого единства, развитие чувства своей бренности и бессилия, потребность в покаянии и в утешении, сила глубочайшего смирения и подъем до свободы в Боге и до детского отношения к нему были продуктами работы эллинистических веков; это века безбожия мира и сердец, века глубочайшей потерянности и безнадёжности и все усиливавшегося призыва Искупителя.

В Александре антропоморфизм греческого язычества нашел свое завершение; человек сделался богом; ему, богу, принадлежит царство этого мира, в нем человек поднялся до высшего предела конечности, и им человечество было унижено до поклонения тому, кто сам принадлежит к числу смертнорожденных.



ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Поход Александра в Мидию. — Смерть Гсфсстиона. — Война против коссеев. — Возвращение в Вавилон. — Посольства. — Отправки в южное море. — Вооружения, новые планы. — Болезнь Александра. — Его смерть

Один великий полководец новейшего времени пишет по окончании семи лет войны, что столько походов сделало его стариком; а когда он начал их, он находился в поре высшего расцвета сил и имел около сорока лет от роду¹. Александр находился непрерывно в походах целых двенадцать лет, получал тяжелые раны, из которых не одна грозила опасностью для его жизни; он перенес бесконечные труды, беспокойства и волнения, сопровождавшие его грандиозные предприятия, потрясающие события на берегах Гифасиса, страшный переход по пустыне Гедросии, мятеж ветеранов в Описе; он заколот Клита, предал казни Филоту и Пармениона. Предания не говорят нам, сохранили ли его ум и тело еще ту же гибкость и свежесть, как в дни похода на Дунай и в дни битвы при Гранике, или он начал делаться «нервным» и почувствовал, что стареет преждевременно. Ближайшему будущему суждено было принести ему новые и тяжкие страдания.

Вскоре после выступления ветеранов из Описа он тоже покинул этот город с остальными войсками, чтобы двинуться в Экбатаны.

В бытность царя в Индии Мидия более всех пострадала от эволюции и гордости македонских чиновников и военачальников, но осталась верна, несмотря на неоднократные подстрекательства к восстанию; Бариакс, тщетно поднявший знамя восстания, был передан сатрапом Атропатом на суд царя. Несмотря на это, здесь должно было остаться еще довольно поводов производить следствие, водворять порядок и примирять; особенно разграбление сокровищницы и бегство Гарпала должны были требовать более точного исследования. Большая дорога через горы Мидии тоже не была настолько безопасна, насколько этого требовали оживленные сношения между Сирийскими сатрапиями и верхнему страшною; в ряду горных народов от Армении до берега Кармании еще не были побеждены коссеи, занимавшиеся разбоем обитатели гор

Загра, и всякий транспорт, вступавший на ведущую через проходы Мидии дорогу без значительного прикрытия, рисковал подвергнуться их нападениям. Таковы были приблизительно причины, заставившие царя отложить до следующей весны его возвращение в Вавилон и начало новых направленных против юга и запада предприятий, приготовления к которым были в полном ходу.

Около августа 324 года он выступил из Описа по обыкновенной мидийской дороге в Экбатаны²; войска следовали несколькими отрядами по северным округам Ситтакены. Александр прошел через местечко Карры, а оттуда в четыре перехода достиг Самбаты; здесь он остался семь дней, ожидая, пока соберутся все колонны. В три дневных перехода они достигли города Келон (Хольван), лежавшего в нескольких милях от теснин Загра и населенного элинами, которые были водворены здесь во время персидских войн и сохранили свой греческий язык и обычаи, хотя и не в чистом виде. Отсюда Александр прошел к ущельям Багистана³ и посетил знаменитые сооружения на равнине перед горами, слывшие садами Семирамиды. Идя далее, он прибыл в нисейские поля⁴, где паслись несметные табуны царских коней; он нашел их еще от пятидесяти до шестидесяти тысяч. Здесь войско пробыло целый месяц. Сюда явился сатрап Мидии, Атропат, чтобы приветствовать царя на границах своей сатрапии, и привез с собою в лагерь, как рассказывают, сто конных женщин, вооруженных боевыми топорами и маленькими щитами, говоря, что они амазонки; этот рассказ послужил поводом к самым странным прикрасам⁵.

Остановке царя суждено было ознаменоваться неприятным случаем. В числе окружающих Александра лиц находились Эвмен и Гефестион. Кардиец Эвмен, занимавший первое место в кабинете царя, неоднократно отличае́мый им за свою большую ловкость и исполнительность и еще при свадебном торжестве в Сузах почтенный им браком с дочерью Артабаза, по-видимому, пользовался дурною репутациею в денежных делах; говорили, что царь награждал самым щедрым образом необходимого ему *ἀρχιγραμματεὺς*, а всякий раз, когда видел, что выгоды Эвмена шли в разрез с его служебным рвением или преданностью. Только однажды, — говорят, это было еще в Индии, — когда касса царя истощилась, и он в виде почетного отличия предоставил снаряжение речного флота окружавшим его вельможам, — Александр так был разгневан странным поведением при этом кардийца, что не мог удержаться, чтоб не пристыдить его. Эвмен должен был бы дать триста талантов; он дал только сто и уверял, что и эти деньги ему удалось собрать с большим трудом; а Александр знал о его богатстве. Он не сделал ему никаких упреков, но не принял предложенных ста талантов и приказал поджечь в ночной тишине шатер Эвмена, чтобы подвергнуть его всеобщему посмеянию, когда он, перепуганный огнем, который, впрочем, тотчас же было приказано затушить, будет



вытаскивать свои сокровища. Но пламя распространилось так быстро, что уничтожило шатер со всем находившимся в нем, а также и многочисленные канцелярские документы; найденное в пепле расплавившееся золото и серебро одно уже превышало свою стоимостью тысячу талантов. Александр оставил ему его деньги и дал сатрапам и стратегам приказ послать копии с отправленных к ним Эвменом писем и инструкций⁶. Найдшиеся в лагере македоняне не любили Эвмена, служившего не копьем и мечом, а «восковыми табличками и стилем», и несмотря на это пользовавшегося у царя слишком большим влиянием и почетом; а больше всех его не терпел Гефестион, которому благодаря его близости к царю очень часто приходилось сталкиваться с Эвменом, и эта нелюбовь была совершенно естественна и лежала в характере благородного гражданина Пеллы. Все, что рассказывается о нем, показывает его благородный, рыцарственный и преданный характер, его безграничную и поистине трогательную привязанность к царю. Александр любил в нем товарища игр своего детства; весь блеск престола и славы, все перемены в его внешней и внутренней жизни, удалившие от него многих лиц, которые пользовались его полным доверием, не могли нарушить их сердечных отношений; их дружба сохранила мечтательную мягкость юношеского возраста, которому они почти еще принадлежали; рассказ о том, как Александр читал полученное от матери полное упреков и жалоб письмо, которое он желал бы скрыть даже от своего друга, а Гефестион, склонившись на его плечо, читал их вместе с ним, и как царь затем прижал к его губам свою печать на перстне, дает нам картину того, как мы должны представлять себе обоих⁷.

Гефестион и Эвмен уже не раз имели между собою столкновения и их обоюдная антипатия друг к другу не нуждалась в важных причинах, чтобы повести к новым раздорам. Подарка, полученного как раз в это время от царя Гефестионом, было достаточно, чтобы возбудить сильнейшую зависть в кардийце и вызвать перебранку, в которой оба скоро дошли до забвения всех приличий. Александр остановил эту жестокую перебранку; Эвмену он дал такой же подарок, а Гефестиону тоном упрека посоветовал более заботиться о себе и о своем собственном достоинстве; он потребовал от обоих обещания отныне избегать всяких ссор и примириться друг с другом. Гефестион отказывался; он был оскорбленной стороной, и Александру с трудом удалось успокоить его; из любви к царю, Гефестион протянул наконец руку примирения⁸.

После этих событий и тридцатидневного отдыха в нисейской долине войско выступило в Экбатаны и через семь дней, около конца октября, достигло этого большого и богатого города⁹. Жаль, что древнее предание ничего не сообщает нам о распоряжениях, основаниях колоний и мероприятиях¹⁰, составлявших, как кажет-

ся, предмет особенной деятельности царя в Экбатанах; богаче подробностями описания празднеств, устраивавшихся в столице Мидии, особенно праздника Дионисий¹¹.

Александр избрал местом своего жительства царский дворец; этот дворец, бывший памятником поры величия Мидии, находился под стенами городской цитадели и занимал пространство в семь стадий; роскошь этого здания была почти сказочная; все деревянные части его были сделаны из кедра и кипариса, балки, потолки, колонны в портиках и во внутренних покоях были обложены золотыми или серебряными пластинками, крыши одеты листовым серебром. Таким же образом был украшен находившийся поблизости дворца храм Анитис; его колонны увенчивались золотыми капителями, а крыша состояла из золотых и серебряных черепиц¹². Хотя многие из этих дорогих украшений были уже похищены корыстолюбивыми македонскими военачальниками, столь жестоко хозяйничавшими в Мидии, но целое все-таки представляло еще собою картину изумительной роскоши. Окрестность гармонировала с пышностью царской резиденции; позади дворца поднимался насыпной холм, вершину которого увенчивала крепкая цитадель с башнями, зубцами и погребями, полными сокровищ; перед ней почти на три мили в окружности раскидывался громадный город, а на севере виднелись вершины высокого Оронта, по ущельям которого тянулись обширные водопроводы Семирамиды.

В этом поистине царственном городе Александр осенью 324 года отпраздновал Дионисии; они начались грандиозными жертвоприношениями, которыми Александр всегда благодарил богов за то счастье, которое они ему даровали. Затем следовали всевозможные торжества, боевые игры, блистательные шествия, состязания художников; пиры и попойки заполняли промежутки. Между последними пир сатрапа Мидии Атропата отличался самой безумной роскошью; он пригласил в гости все войско, и чужеземцы, которые стеклись изблизи и издалека посмотреть на празднества в Экбатанах, окружали длинный ряд столов, за которыми шумно пировали македоняне и при звуках труб, через герольдов, возглашали свои тосты, свои пожелания счастья царю и дары, которые они ему посвящали; громкое ликование последовало за тостом Горга, царского оруженосца¹³: «Царю Александру, сыну Зевса Аммона, посвящает Горг венки в триста золотых монет и, если он будет осаждать Афины, десять тысяч полных вооружений, столько же катапульта и все снаряды, сколько их ему нужно для войны»¹⁴.

Таковы были шумные и богатые торжества этих дней; только Александр не был настроен радостно; Гефестион был болен. Тщетно его врач Главкий употреблял все свое искусство: он не мог остановить пожиравшей Гефестиона лихорадки. Александру нельзя было устраниваться от празднеств, он должен был покинуть своего

больного друга, чтобы показаться войску и народу. На седьмой день, во время состязания мальчиков, он находился как раз среди волновавшейся на стадии веселой толпы, когда ему было принесено известие, что Гефестиону стало хуже¹⁵; он поспешил во дворец, в комнату больного, — Гефестион только что умер. Рука богов не могла тяжелее поразить Александра; три дня просидел он над дорогим телом, долго рыдая и затем смолкая от горя, без пищи и питья, находя свое утешение в скорби и в воспоминаниях о милом друге, который был отнят у него в полном расцвете жизни. Празднества смолкли, войско и народ оплакивали благороднейшего из македонян и маги погасили священный огонь в храмах, как будто бы умер царь¹⁶.

Когда первые дни скорби прошли и приближенные царя добились своими просьбами того, что царь расстался с телом своего любимца, он сделал распоряжения относительно погребального шествия, которое должно было доставить тело в Вавилон. По почину Эвмена стратега, гиппархи и гетайры доставили оружие, драгоценности и всевозможные дары, чтобы украсить колесницу, которая везла его тело¹⁷; Пердикка получил приказ сопровождать его в Вавилон, там положено было воздвигнуть костер и весною должны были произойти боевые игры по случаю торжества погребения; с Пердиккой отправился Динократ, чтобы руководить сооружением роскошного костра.

Был конец 324 года, и в горах лежал уже глубокий снег, когда Александр выступил со своим войском из Экбатан, направляясь через горы коссеев к Вавилону; он избрал это время года потому, что жившие в горах разбойничьи племена теперь не могли бежать из своих долин на покрытые снегом горные вершины. Пока остальные полчища шли вперед по большой дороге, он с более легкой частью своих войск двинулся к югу, где жили эти пастушеские племена, раскидывавшие здесь свои кочевья до самой области родственников с ними уксиев. Двумя колоннами, одной из которых предводительствовал царь, а другою Лагид Птолемей, они прошли по горным долинам, победили поодиночке те обыкновенно небольшие орды, которые оказывали всегда самое отважное сопротивление, разрушили их разбойничьи башни, перебили и взяли в плен многие тысячи, а других заставили покориться, перейти к оседлому образу жизни и заняться земледелием. По истечении сорока дней последний независимый горный народ в этой стране теснин, как это было прежде с уксиями, кадусиями, мардиями и паретакенами, был приведен к покорности и вынужден принять хотя лишь первое начало цивилизации¹⁸.

Затем Александр двинулся к Вавилонии небольшими переходами, чтобы к нему могли присоединиться отдельные отряды армии, находившиеся в горных долинах. Он хотел сосредоточить в Вавилоне все свои боевые силы, чтобы предпринять новые по-

ходы, и Вавилон должен был сделаться центром его государства и резиденцией царя. По своей величине, своей древней славе и своему положению этот город был вполне того достоин; он служил складочным местом предметов торговли юга, ароматов Индии и пряностей Аравии, лежал посредине между народами запада и востока и был ближе к западу, на который после покорения востока должен был обратиться предприимчивый взор Александра. На западе лежала ведь Италия, где муж его сестры, царь Эпира, поплатился честью и жизнью, лежала Иберия, с ее изобильными серебряными рудниками, лежали владения финикийских колоний, метрополии которых подчинялись теперь новому уже государству, лежал Карфаген, со времени первых персидских войн и заключенного тогда союза с Персией не перестававший вести войны с греками Ливии и Сицилии. Крупные перемены в восточном мире распространили славу Александра до самых далеких народов, которые должны были смотреть на его исполинскую державу отчасти с надеждой, отчасти с тревогою; они должны были понять необходимость вступить в сношения с этой державой, в руках которой находились судьбы мира, и предупредительным отношением к ней проложить дорогу собственной будущности.

Таким образом, в лагерь прибыли послы даже далеких народов, одни, чтобы изъявить свою покорность и вручить ему свои дары, другие, чтобы просить царя постановить окончательное решение по поводу их споров с соседними народами; и только теперь, говорит Арриан, царю и его приближенным начало казаться, что он есть властелин над землей и морями¹⁹. Александр приказал подать себе список посольств, чтобы определить порядок их аудиенций; преимущество было дано имевшим поручения религиозного характера, каковы были послы Элиды, Аммония, Дельфийского храма, Коринфа, Эпидавра и т.д., по мере значения того места, откуда они прибыли; затем следовали те, которые привезли дары, которые желали решить свои споры с соседними народами, которые имели поручения по внутренним и частным делам и наконец греческие уполномоченные, которые должны были представить возражения против возврата изгнанников.

Наши источники для истории Александра не нашли нужным потрудиться наименовать все эти посольства; они упоминают только о тех, которые были замечательны в том или другом отношении, и сделать некоторые заключения относительно ближайших целей их присылки мы можем только из других фактов в истории упомянутых народов. Арриан, не высказывая никаких сомнений, говорит, что прибыли послы бруттиев, луканов, этрусков, но сомневается относительно римских послов, о которых упоминают некоторые другие писатели. Положение вещей в Италии должно показать нам, были ли поводы для этого.



Со времени войны с Александром молосским бруттии и луканы имели достаточные основания опасаться могущества его шурина, победителя Азии и естественного защитника греческого мира. Молосец был призван против них на помощь богатым торговым городам Тарентом; он разбил их и союзных с ними самнитов в большом сражении при Пестуме и усмирил на восточном берегу полуострова мессапиев и давние; его могущество простиралось от одного моря до другого, и римляне заключили с ним союз²⁰ для общего нападения на самнитов, войнами которых на юге они воспользовались для того, чтобы расширить свои владения по Кампании и укрепить их римскими поселениями. Но возрастающее могущество эпирского царя, а быть может, и опасения перед тем, что он желает сделаться властелином Великой Греции, заставили тарентинцев обратиться к племенам, против кого они его призвали; один луканский беглец умертвил царя; таким образом у самнитов были развязаны руки, чтобы противостоять римлянам, которые завладели уже Капуей и Кимой (Кумами), древнейшим греческим городом на этих берегах. С их попыткой завладеть также Неаполем и Палеополем началась (328 г.) большая самнитская война, которая после переменных успехов той и другой стороны должна была скоро найти свое первое завершение в Кавдинских теснинах и в договоре, которым римляне изъявляли свою покорность. Что греческие города Италии, вместо того чтобы воспользоваться благоприятными условиями этих лет, по-прежнему были исполнены розни, лишены энергии и возлагали свои надежды на завоевателя Азии, было столь же естественно, как и опасения италиков перед тем, что он придет, наконец, и вырвет у них из рук богатые приморские города, которыми они теперь завладели: прислал же он кротониатам часть победной добычи при Гавгамеле, потому что некогда один из их сограждан сражался против Ксеркса при Саламине. Был ли это случай, что среди посольств не называется посольство самнитов, или от них не прибыло такового, но умное и дальновидное патрицианское правительство Рима, сумевшее в своей тяжелой борьбе с самнитами склонить на свою сторону жившие позади них народы, луканов, апулийцев и т.д., заключившее союз с молосцем, вполне могло в тот момент, когда оно собиралось покорить греческие города Кампании, искать благосклонности того, чьего протеста можно было опасаться. Из другого источника мы узнаем, что Александр послал римлянам выговор²¹ по поводу анциатов, сделавшихся подвластными Риму и продолжавших вместе с этрусками заниматься морскими разбоями.

Посольство этрусков объясняется неоднократными столкновениями, происходившими у них с греческими государствами из-за их морских разбоев; как раз теперь афиняне снарядили экспедицию, чтобы основать при выходе из Адриатического моря

колонию, которая должна была служить им укрепленным торговым и складочным пунктом в этих водах и защищать их торговый флот²².

Точно так же легко объяснимы посольства карфагенян, ливийцев и иберийцев. Захват Александром Финикии должен был заставить Карфаген, и другие пунийские колонии Северной Африки и Иберии, до сих пор еще находившиеся в тесной связи с метрополией, обратить особенное внимание на повелителя могущественного государства, от которого они должны были бояться большего, чем соперничества в торговле²³; особенно карфагеняне должны были подумать о том, что могло их ожидать в виду их прежних отношений к греческому миру и воинственного характера царя; а пограничные столкновения с греками Сицилии, не прекращавшиеся со времени побед Тимолеонта, давали достаточно поводов к вмешательству, которое могло иметь слишком опасные последствия для пунийской республики. Тем естественнее с их стороны было искать дружбы могущественного царя. Говоря, что явились ливийские послы с венками и поздравлениями по поводу завоевания Азии, историки разумеют под этим именем жившие к югу от Кирены племена.

В числе других посольств упоминаются еще посольства европейских скифов, кельтов и эфиопов, из которых последнее было, быть может, для царя тем важнее, чем более его занимал теперь план обогнуть на кораблях Аравию и продолжить морской путь, соединявший уже Инд с Евфратом, до Черного моря и до восточного берега Египта.

Уже в Финикию был послан приказ набирать матросов, строить корабли и в разобранном виде сухим путем доставить их к Евфрату. Неарху было поручено вести флот вверх по Евфрату в Вавилон; вскоре после прибытия царя в Вавилон должен был начаться поход против арабов. В то же время к берегам Каспийского моря был послан Гераклид, сын Аргея, в сопровождении отряда корабельных плотников с поручением рубить корабельный лес в лесах гор Гиркании и строить военные корабли с палубой и без палубы по образцу греческих. Эта экспедиция тоже имела ближайшей целью исследовать, не имеет ли Каспийское море прохода на север и не соединяется ли оно с Меотидским озером или с открытым северным морем и через него с водами Индии²⁴. Александр мог надеяться привести в исполнение вместе с этой экспедицией и тот поход против скифов, о котором он пять лет тому назад говорил с царем хоразмиев. Для сухопутного войска тоже были на вербованы новые и весьма значительные подкрепления, которые должны были придти в Вавилон в течение весны. Было очевидно, что Александр имел обширные планы; по-видимому, единовременно задуманы были походы против севера, юга и запада; быть может, он предполагал поручить их своим полководцам,



сохраняя за собою только руководство целым из Вавилона, столицы его монархии.

Войска и их предводители должны были идти к Вавилону с беспокойным нетерпением, страхась или ожидая новых походов. Они не знали, в каком убитом состоянии находился царь со времени смерти своего друга, как он тщетно пытался заглушить скорбь своего сердца планами один другого смелее; они не знали, что все его радостное наслаждение жизнью было разрушено, что душа его полна грустных предчувствий; с Гефестионом он похоронил свою молодость и начал стариться, едва вступив на порог лет мужественного расцвета; мысль о смерти закралась в его душу²⁵.

Тигр был перейден; скоро показались башни исполинского города, когда в войско явились из города знатнейшие халдеи и наблюдавшие за течением звезд жрецы Вавилона; они приблизились к царю, отвели его в сторону и умоляли его не продолжать далее своего пути в Вавилон: голос бога Бела открыл им, что вступление в Вавилон теперь будет для него роковым²⁶. Александр отвечал стихом поэта: лучший гадатель тот, который предсказывает счастье. Они продолжали: «Не гляди на запад, о царь, не с этой стороны реки вступай в Вавилон; обойди город, пока не будешь смотреть на восток».

Он оставил войско в лагере на восточном берегу Евфрата, и на следующий день спустился вниз по этому берегу реки, чтобы затем переправиться на другую сторону и вступить в город с запада; берег реки был болотист на далекое пространство; мосты имелись только в черте города и он должен был сделать большой круг, чтобы достигнуть западных кварталов Вавилона. Тут, как говорят, к царю явился софист Анаксарх и философскими доводами старался рассеять его суеверный страх²⁷; вероятнее то, что Александр, справившись скоро с первым впечатлением, старался взглянуть на это обстоятельство как на слишком незначительное для того, чтобы мотивировать дальнейшую потерю времени и далекий объезд кругом, что он более боялся последствий, которые должны были вызвать в войске и в народе такие чрезмерные опасения с его стороны, чем предполагаемой опасности, и что для него не могло быть сомнений в том, что халдеи должны были иметь серьезные причины не желать его присутствия в Вавилоне. Еще в 330 году он приказал реставрировать исполинский храм Бела, стоявший в развалинах со времени Ксеркса; во время его отсутствия постройка остановилась; халдеи приложили все свои старания, чтобы не потерять дохода с богатых имений храма, назначенных на содержание этого здания. Таким образом было понятно, что звезды запрещали ему вступить в Вавилон или делали для него это вступление как можно более затруднительным; вопреки совету халдеев, Александр во главе своего войска вступил в восточные кварталы города с востока; он был радост-



но принят вавилонянами; празднествами и пирами торжествовали они его возвращение.

Аристобул рассказывает, что в это время в Вавилоне находился амфиполитанин Пифагор, происходивший из греческой семьи и умевший гадать по внутренностям жертвенных животных; его брат Аполлотор, бывший стратегом этой области с 331 года, должен был при возвращении Александра из Индии выйти к нему навстречу с войсками сатрапии и, так как строгая кара, которой Александр подверг виновных сатрапов, вызывала и в нем опасения за свою будущность, то он послал к своему брату в Вавилон просьбу погадать о его судьбе по внутренностям жертвенных животных. Пифагор приказал тогда спросить его, кого он более всего страшится и относительно кого он желает гадать; по получении ответа от брата, который назвал царя и Гефестиона, Пифагор принес жертву и, осмотрев ее внутренности, написал брату в Экбатаны, что Гефестион скоро не будет стоять более на его дороге; это письмо Аполлотор получил накануне смерти Гефестиона. Затем Пифагор принес жертву относительно Александра; он нашел те же приметы и послал своему брату такой же ответ. Аполлотор, как говорят, сам отправился к царю, чтобы показать, что его преданность сильнее забот о собственном благе; он рассказал ему о гадании по внутренностям жертвенных животных и об исполнении его относительно Гефестиона; относительно царя Пифагор тоже не нашел никаких счастливых примет: пусть же он оберегает свою жизнь и избегает опасностей, от которых предостерегают его боги. Теперь в Вавилоне царь призвал к себе Пифагора и спросил его, какие приметы он имел, что написал таким образом своему брату? «Печень жертвы была без верхушки», был ответ. Александр поблагодарил гадалею за то, что он открыто и без обмана сказал ему правду, и отпустил его со всеми знаками своей благосклонности. Но он был поражен этим совпадением греческого гадания с предостережениями астрологов; он чувствовал себя дурно в стенах этого города, которых, может быть, ему лучше было бы избегать; его тревожило продолжительное пребывание во дворцах, от которых тщетно предостерегали его боги. Но уехать он еще не мог.

Из греческих земель прибыли новые посольства, прибыли также некоторые македоняне и уполномоченные фракийцев, иллирийцев и других зависимых народов, чтобы, как говорили, принести жалобу на наместника Антипатра. Сам Антипатр послал, говорят, своего сына Кассандра оправдать его действия; быть может, он желал также дать этим царю, у которого уже находился в качестве виночерпия его сын Иолай, новый залог верности в своем старшем сыне и восстановить при его посредстве нарушенные добрые отношения с Александром, прежде чем прибудет сам ко двору согласно его приказу. Историки, хотя и мало заслуживаю-



щие доверия, рассказывают о неприятных столкновениях между царем и Кассандром²⁸.

Мы не имеем никаких подробных сведений о переговорах с посольством греков; местные и частные дела были устроены с принятыми незадолго перед тем другими посольствами по большей части согласно желаниям заинтересованных лиц, возражения же против возврата изгнанников раз и навсегда не были приняты во внимание, так что теперь, вероятно, приносились только поздравления с победами в Индии и с возвращением назад, подносились золотые венки и высказывалась благодарность за уничтожение изгнания и за другие благодеяния царя. Царь отблагодарил их почестями и дарами и возвратил государствам все похищенные некогда Ксерксом статуи и приношения, какие он только нашел в Пасаргадах, Сузах, Вавилоне и других местах²⁹.

Устройство местных дел громадной столицы тоже должно было продлить пребывание в ней царя; нам, по крайней мере, рассказывают, что Александр, посетив постройки, которые велел воздвигнуть, и увидав, что реставрация храма Бела почти нисколько не подвинулась вперед, тотчас же приказал с величайшим рвением приступить к работам и командировал на постройку войска, находившиеся в настоящую минуту без дела. Двадцать тысяч человек работало целых два месяца, чтобы только совсем удалить сперва обломки и очистить место; приступить к самой постройке помешали дальнейшие события³⁰.

Наконец, Александр мог покинуть Вавилон; речной флот под предводительством Неарха, пройдя из Тигра в Персидский залив, поднялся вверх по Евфрату и стоял теперь под стенами столицы; корабли из Финикии тоже прибыли; с находившихся на ее берегах верфей были сухим путем доставлены в разобранном виде в Фапсак две пентеры, три тетеры, двенадцать триер и тридцать тридцативесельных барок, которые были здесь снова собраны и спустились вниз по реке; царь приказал строить корабли также и в самом Вавилоне и срубить для этого кипарисы, находившиеся во множестве в царских садах Вавилона, тогда как во всей этой местности не было никаких других деревьев, кроме пальм. Таким образом флот скоро достиг значительных размеров; но в реке не было удобного места для гавани, и потому был отдан приказ вырыть недалеко от столицы большой водоем, который должен был заключать в себе верфи и помещение для тысячи судов. Из Финикии и других приморских стран явились массы матросов, плотников, купцов и мелочных торговцев, чтобы, следуя царскому приглашению, воспользоваться на своих кораблях новым торговым путем, или поступить на службу во флот для ближайшего похода. Во время этих приготовлений в Финикию и Сирию был послан с 500 талантами Миккал клазоменец, чтобы наwerbовать там как можно более приморских жителей и корабельщиков и доставить их к ни-

зовьям Евфрата; план царя состоял в том, чтобы основать колонии на берегах Персидского залива и на его островах, развить с помощью их торговлю в южных водах и в то же время создать в них защиту для аравийских берегов. Александру была известна многочисленность и своеобразие продуктов этой страны, которые он рассчитывал сделать предметами торговли тем легче, что берега полуострова были весьма обширны и изобиловали гаванями. По обширной пустыне, простиравшейся от границ Египта до окрестностей Фапсака и Вавилона, бродили племена бедуинов, весьма часто тревожившие дороги и границы смежных с нею сатрапий; принуждая их покориться, Александр кроме безопасности границ и дорог приобретал соединительный путь между Египтом и Вавилоном, который был значительно короче прежнего; в таком случае следовало прежде всего захватить и колонизовать петрейскую область и северные берега Чермного моря; в этих пунктах должны были соединиться перерезывавшие Аравию дороги и путь морем кругом ее берегов, открытие которого составляло цель ближайшей экспедиции³¹.

Вниз по реке в море уже было послано три корабля. Первым возвратился Архий со своим тридцативесельным судном; он открыл остров³² к югу от устья Евфрата и сообщил, что этот остров невелик, покрыт лесами и заселен народцем, поклоняющимся богине Артемиде и в честь ее дозволяющим свободно пастись оленям и диким козам; он лежит недалеко от залива города Герры, откуда ведет большая дорога через внутренность Аравии к Чермному и Средиземному морям и обитатели которого славятся деятельными и богатыми торговыми людьми. Александр возымел странную идею дать этому острову имя Икара, дерзнувшего направить свой смелый полет к близкие к солнцу места и поплатившегося за это преждевременной смертью в волнах. От острова Икара, — сообщил Архий далее, — он направился к юго-востоку и достиг другого острова, который туземцы называли Тилом³³; он был велик, не был ни каменист, ни лесист, был удобен для земледелия и представлял собою счастливый уголок; он мог бы прибавить, что он лежит среди неистощимых жемчужных рифов, о которых уже ранее распространилось много рассказов между македонянами. Вскоре после этого воротился и второй корабль, которым командовал Андросфен; он избрал себе путь около самой суши и осмотрел значительную часть берегов Аравии. Дальше всех из посланных кораблей проник тот, которым командовал кормчий Гиерон из Сол; он получил приказ обогнуть весь полуостров Аравию и постараться войти в залив, тянущийся к северу и недоходящий только на несколько миль до Героонполя в Египте; оставив позади себя уже значительную часть берегов Аравии, он не решился идти далее; но принес известие, что размеры полуострова громадны и равняются, вероятно, размерам Индии; он

проник на юг до далеко выдававшегося на восток в открытое море мыса; здесь обнаженные и пустынные песчаные берега могли бы крайне затруднить дальнейшее плавание³⁴.

Пока шли деятельные работы по постройкам в Вавилоне и кругом его, пока быстро подвигались вперед работы на корабельных верфях, сооружение водоема для гавани, разборка башни Бела, и представлявший собою грандиозное сооружение погребальный костер для Гефестиона, Александр спустился с несколькими кораблями вниз по Евфрату, чтобы осмотреть обширные дамбы, которыми регулировался Паллакоп³⁵. Этот канал, вырытый милях в двадцати ниже Вавилона, выходит из Евфрата по направлению к востоку и приводит в озеро, которое питается водами реки и, образуя ряд болот, тянется к югу вдоль границ Аравии до самых берегов Персидского залива. Канал этот имеет громадное значение для той местности; когда весной воды реки начинают подниматься и тающий под лучами летнего солнца снег на горах Армении изливается все более и более обильными и бурными потоками, вся эта местность была бы залита водою, если бы вода не могла выливаться через каналы и особенно через Паллакоп, который таким образом защищает и бассейн Евфрата и приносит более отдаленным от реки местностям благодетельное обильное орошение; когда же осенью уровень воды в Евфрате падает, необходимо быстро закрыть этот канал, так как в противном случае река избрала бы себе более краткий путь, чтобы излить свои воды, и покинула бы свое прежнее ложе. Работа затруднена тем, что то место берега, где начинается канал, имеет мягкий грунт, так что сооружение насыпей требует громадных усилий, да и тогда они не представляют достаточного сопротивления напору воды в Евфрате; гати канала во время высокого уровня воды постоянно подвергаются опасности быть совершенно разрушенными, а снова исправить их вовремя для закрытия канала стоит громадных трудов. Поэтому теперь, по приказу сатрапа Вавилонии, уже три месяца на этих гатях работало десять тысяч человек; Александр спустился вниз по реке, чтобы осмотреть работы; он желал найти какое-либо средство против этих неудобств. Он поплыл далее вниз по реке, чтобы осмотреть берег и в часе пути ниже устья канала нашел плотный берег, соответствовавший всем его ожиданиям; он приказал прорыть здесь канал и провести его к северо-западу в прежнее русло Паллакопа, устье которого затем навсегда должно было быть заграждено плотиной и засыпано землей; таким образом, как он надеялся, будет одинаково легко прекращать осенью сток воды из Евфрата и снова открывать его весной. Чтобы лучше ознакомиться с природой этой местности со стороны запада, он возвратился к Паллакопу, прошел по нему в озеро и поплыл вдоль границы Аравии; красота берегов, а еще более важное значение этой местности пробудили в нем мысль заложить здесь город³⁶,

который должен был в одно и то же время открывать путь в Аравию и защищать Вавилонию от нападений бедуинов, так как далее к югу до самого залива бассейн реки защищали озеро и болота. Постройка города и его укреплений была тотчас же начата и здесь были поселены греческие наемники, частью ветераны, частью волонтеры.

Между тем в Вавилоне было окончено сооружение погребального костра для Гефестиона и должны были начаться грандиозные похоронные игры в память его; это и прибытие новых войск делало возвращение царя в столицу необходимым. Царь, как рассказывают, нисколько не колебался возвратиться, тем более, что во время его недавнего, хотя и весьма непродолжительного пребывания в Вавилоне уже, по-видимому, обнаружилась лживость предсказаний халдеев. Начался обратный путь; тут же кстати положено было посетить выстроенные в болотах гробницы прежних вавилонских царей.

Александр сам стоял на руле своего корабля и вел его по этим неудобным для плавания, вследствие отмелей и тростников, водам; внезапный порыв ветра сорвал с его головы царскую кавсию, которую он носил по македонскому обычаю; отвязавшаяся от нее диадема была унесена ветром и зацепилась в тростниках около одной из древних царских гробниц, а сама кавсия погрузилась в воду и более уже не нашлась; доставать диадему поплыл один находившийся на том же корабле финикийский матрос и, чтобы ему удобнее было плыть, обвязал ее вокруг своей головы; дурное предзнаменование: диадема на голове чужого человека! Гадатели, которых царь теперь имел постоянно около себя, заклинали его уничтожить эту примету обезглавлием несчастного матроса; Александр, как говорят, приказал предать его бичеванию за то, что он счел царскую диадему ни по чем и решился обвязать ею свою голову; а за то, что он быстро и смело вернулся с этим знаком царской власти, он дал ему в подарок целый талант³⁷.

Возвратившись в Вавилон, Александр нашел там новые войска, которых ожидал. Сатрап Персии, Певкест, привел 20 000 персов и, кроме того, значительное число коссеев и тапурийцев, принадлежащих к самым воинственным племенам Персии; из Карики прибыл Филоксен с войском, из Лидии с другим еще войском Менандр³⁸, а из Македонии Менид со всадниками, которых он должен был оттуда привести³⁹. Особенно большую радость доставило царю прибытие персидских войск; он похвалил сатрапа за их превосходную выучку, а воинов за ту готовность, с которой они последовали призыву его и сатрапа.

Замечательна новая организация, которую он дал по прибытии этих азиатских войск своей пехоте или, по крайней мере, части ее. До сих пор в македонском войске не существовало корпуса, составленного из разных родов оружия, не было армии в малых

размерах. Если почти во всяком деле и употреблялись рядом друг с другом пехота и конница, легкие и тяжелые войска, то они соединялись в одно целое только для этого отдельного случая и оставались отдельными родами оружия. Новая организация уничтожила прежний характер фаланги; она создала комбинацию тяжеловооруженных, пельтастов и легкой пехоты, совершенно менявшую характер тактики. До сих пор каждый таксис фаланги состоял из шестнадцати рядов гоплитов; теперь же отряд составлялся так, что в первом ряду стоял командовавший отрядом декадарх из македонян, во втором македонянин, получавший двойное жалованье (*διμοιρίτης*), в третьем македонский ветеран (*δεκαστάτης*)⁴⁰ и таковой же в шестнадцатом в звании предводителя арьергарда (*οὐραγός*); промежуточные ряды состояли из персов, отчасти из аконтистов, вооруженных дротиками с метательным ремнем, отчасти из стрелков⁴¹. При таком распределении вышеупомянутых 20 000 персов, они должны были образовать вместе с присоединенными к ним македонянами корпус более чем в 26 000 человек, — следовательно, даже за неизбежными недочетами, 12 таксисов по 125 человек в ряду. При этой организации наступление велось сомкнутой массой; затем в бою фаланга развертывалась тремя отрядами; слева и справа в промежутках развертывались стрелки из лука для первого нападения издали, затем выступали аконтисты; три первых ряда и последний оставались сзади в качестве триариев, или, вернее, в качестве поддержки, и когда после первой схватки стрелки и аконтисты отступали через промежутки и становились в свои ряды, весь таксис сомкнутой массой двигался на приведенного уже в расстройство неприятеля. Тактика этой новой организации соединяла в себе все преимущества италийского легиона и его системы маневров с главными преимуществами прежней фаланги, действием массами и подвижностью, — легкие войска скорее могли быть пущены в дело против нападающего неприятеля и находились под надежным прикрытием во время рукопашного боя, — фаланги все еще были движущимися крепостями, но такими, которые могли производить из себя вылазки легких войск и господствовали таким образом над более обширным районом, осыпая его стрелами и дротиками.

Уже эта новая организация, сделанная, по-видимому, по образцу народов Италии, должна была обратить на себя внимание⁴²; затем распространились слухи о том, что в провинции Средиземного моря были посланы распоряжения о вооружении несчетного множества кораблей, и слухи о походах в Италию, Сицилию, Иберию и Африку. Действительно казалось, что, между тем как флот должен был подойти морем к берегам Аравии, сухопутная армия должна была двинуться к западу через Аравию или каким-либо иным путем, чтобы покорить варваров запада и врагов греческой народности в Африке и Италии⁴³.

Александр лично руководил распределением новых, особенно персидских войск; оно происходило в царском саду, причем царь сидел на золотом троне, в диадеме и в порфире; по обеим его сторонам сидели его приближенные на более низких креслах с серебряными ножками; позади них на почтительном расстоянии стояли евнухи в индийских одеждах и со скрещенными по восточному обычаю на груди руками; новые войска проходили мимо отряд за отрядом, подвергались осмотру и распределялись между фалангами. Так прошло несколько дней; в один из них царь, утомленный продолжительным трудом, поднялся с трона, оставил на нем свою диадему и порфиру и пошел купаться в находившемся тут же водоеме; согласно придворному этикету, за царем последовали его приближенные, а евнухи остались на своих местах. Немного времени спустя, появился какой-то человек, спокойно прошел через ряды евнухов, которые, по персидскому обычаю, не имели права его удерживать, поднялся по ступеням трона, украсил себя порфирую и диадемой и сел на место царя, тупо глядя вперед; евнухи разорвали на себе одежды, начали бить себя в грудь и лоб и встретили это страшное знамение криками скорби. Как раз теперь возвратился царь и пришел в ужас, видя на троне своего двойника; он приказал спросить несчастного, кто он такой и чего тут хочет? Тот продолжал сидеть неподвижно, по-прежнему тупо глядя вперед; наконец он сказал: «Я называюсь Дионисием и родом из Мессены; я обвинен и привезен сюда с берега в цепях; теперь бог Серапис освободил меня и приказал мне надеть порфиру и диадему и смиренно сидеть здесь». Его подвергли пытке, чтобы вырвать у него сознание в преступных намерениях, которые он имел, и заставить его назвать своих соумышленников; он продолжал утверждать, что так ему приказано богом. Видно было, что рассудок этого человека не в порядке; предсказатели потребовали, однако, его смерти⁴⁴.

Был май месяц 323 года. Город Вавилон был полон военного оживления; тысячи новых войск, нетерпеливо ожидавших похода, в котором они должны были впервые испытать свое оружие, обучались боевым приемам в новом для них строю; флот, стоявший уже на якоре под парусами, почти ежедневно при большом стечении зрителей из столицы покидал место своей стоянки, чтобы матросы приучились управлять кораблем и грести; сам царь по большей части присутствовал при этих маневрах, хваля и раздавая золотые венки победившим в состязании⁴⁵. Было известно, что скоро должен был начаться поход; все ждали, что обычные жертвоприношения и пиры, за которыми царь обыкновенно возвещал о начале новых боевых операций, последуют непосредственно за торжественными похоронами Гефестиона.

Бесчисленное множество чужеземцев собралось на это празднество и в том числе прибыли посольства из Эллады, которые



вследствие постановлений, которыми даровались царю божеские почести, приняли характер священных феор. Явившись к царю в качестве таковых и воздав ему поклонение по греческому обычаю, они посвятили ему золотые венки, которыми наперерыв друг перед другом старались почтить государства их родины своего царя бога. Потом возвратились также из Аммония феоры царя; они были посланы спросить о том, каким образом бог повелевает чтить Гефестиона; они принесли ответ, что ему следует приносить жертвы, как герою⁴⁶. По получении этого известия, царь приказал приступить к торжественному погребению героя Гефестиона и к первым жертвоприношениям в честь его.

Часть стен Вавилона была снесена; там на пяти лежавших одна на другой террасах высилось роскошное здание костра, достигая высоты двухсот футов; на сооружение его царь пожертвовал десять тысяч талантов, а друзья, вельможи, послы и вавилоняне прибавили две тысячи своих; все блесло золотом и пурпуром, картинами и статуями; на вершине костра стояли изваяния сирен, из которых звучали погребальные хоры в честь умершего⁴⁷. Костер был зажжен среди жертвоприношений, траурных процессий и скорбных песен; Александр присутствовал при этом, на его глазах это чудное сооружение было охвачено пламенем, оставляя после себя только разрушение, пустоту и скорбь по утраченному. Затем следовали жертвы в честь героя Гефестиона; Александр сам сделал первое возлияние принятому в сонм героев другу; в его память было принесено в жертву и разделено между всем войском, которое царь пригласил на пир, десять тысяч быков.

Следующие дни наполнялись другими празднествами; был уже назначен день для отплытия флота и начала похода в Аравию, и царь согласно обычаям принес жертву богам, которым он всегда молился перед походом; он принес жертву Счастливому Успеху и по совету своих предсказателей также отвращающим несчастье богам. Пока все войско веселилось и пировало за жертвенным вином Александра, он собрал к себе своих друзей на прощальный пир, который давал адмиралу Неарху. Это было вечером 15 Десия; когда большинство гостей уже разошлось, явился фессалиец Мидий, бывший одним из гетайров, и попросил царя почтить еще своим присутствием собравшееся у него небольшое общество; должна была произойти веселая пирушка. Александр любил благородного фессалийца и отправился с ним; веселое настроение близких ему людей развеселило и его; он по очереди пил за их здоровье; под утро общество разошлось, обещав собраться опять на следующий вечер⁴⁸.

Александр возвратился домой, выкупался и спал до позднего дня; вечером он снова отправился к Мидию и веселая попойка снова продолжалась до глубокой ночи. По возвращении к себе царь почувствовал себя дурно; он выкупался, немного поел и лег спать

в лихорадочном жару. Утром 18 Десия он чувствовал себя очень дурно; волнения последнего времени и быстро следовавшие один за другим пиры настолько усилили его болезненную восприимчивость, что лихорадка крайне повлияла на него, он должен был приказать снести себя на своем ложе к алтарю, чтобы отправить там утреннюю жертву, как он это делал ежедневно; затем он лежал на постели в мужском чертоге и велел явиться туда военачальникам, чтобы отдать им необходимые приказания относительно похода; войско должно было выступить 22, флот, на котором он предполагал ехать сам, днем позже. Вечером он приказал нести себя на своем ложе к Евфрату, прямо на корабль, и плыть в лежавшие на другом берегу сады; там он выкупался; лихорадочные припадки не оставляли его во всю ночь.

На следующее утро после купания и утреннего жертвоприношения он перешел в свой кабинет и пролежал там весь день на постели; у него был Мидий, старавшийся развлечь его своим разговором; на следующее утро царь назначил военачальникам явиться к нему; вечером, поев немного, он лег спать; лихорадка усилилась, к состоянию царя стало хуже; всю ночь он провел без сна.

Утром 20 числа, после купанья и жертвоприношения, к царю были допущены Нearch и другие офицеры флота; царь заявил им, что вследствие его болезни отплытие придется отложить на один день, но что за это время он надеется настолько оправиться, что 23 числа будет в состоянии вступить на корабль. Он остался в купальной комнате; Нearch должен был сесть около его постели и рассказывать о своем плавании по Океану; Александр внимательно слушал его; он радовался, что ему скоро самому придется переживать такие же опасности. Между тем его состояние все ухудшалось, лихорадка усиливалась; тем не менее утром 21 числа после купанья и жертвоприношения он призвал к себе офицеров флота и приказал к 23 числу приготовить все на кораблях к его приему и к отплытию. После вечернего купанья с ним последовал страшный приступ лихорадки; силы царя видимо, исчезали; он провел бессонную, мучительную ночь. Несмотря на то, Александр приказал вынести себя утром к большому водоему и с трудом совершил жертвоприношение; затем он повелел допустить к себе офицеров, отдал еще несколько приказаний относительно плавания флота, говорил со стратегами о замещении нескольких офицерских мест и поручил им выбор лиц для производства, советуя быть строгими в своем выборе.

Наступило 23 число, а царь лежал тяжело больной; однако он велел отнести себя к алтарю и совершил жертву; но отплытие флота приказал отложить. Наступила тяжелая ночь. На следующее утро царь был едва в силах принести жертву; он приказал стратегам собраться в передних комнатах дворца, а хилярхам и пентакосиархам находиться на дворе; себя велел перенести из садов



обратно во дворец. Он слабел с каждой минутой; когда вошли стратеги, он, хотя еще узнал их, но уже не мог говорить. Ночь, следующий день и следующую ночь лихорадка не прекращалась, — царь лишился употребления языка.

Известия о том впечатлении, какое произвела в лагере и войске болезнь царя, заслуживают полного доверия. Македоняне теснились около дворца, требуя видеть своего государя; они боялись, что он уже умер и что от них это скрывают; они не прекращали своих жалоб, угроз и просьб до тех пор, пока им не были отперты ворота; затем все по очереди они проходили мимо ложа своего царя, и Александр немного склонял голову, подавал каждому правую руку и глазами посылал последнее прощание своим ветеранам. В тот же день, — то было 27 Деся, — Пифон, Певкест, Селевк и другие отправились в храм Сераписа и спросили бога, не лучше ли будет царю, если он прикажет перенести себя в храм бога и помолится ему здесь; им был дан такой ответ: «Не приносите его; если он останется там, ему скоро станет лучше». На следующий день 28, Деся вечером Александра не стало.

О событиях этих последних дней существует множество еще и других известий; но они мало заслуживают веры и отчасти явно выдуманы с добрым или худым намерением. Например, ни одно достоверное известие не говорит, что Александр на своем смертном одре сделал какие-либо распоряжения на словах или с помощью знаков о порядке наследования в государстве, о регентстве и о необходимых ближайших мероприятиях. Если он этого не сделал, то единственно потому, что уже утратил силу и энергию ума, которая обнаружила бы ему последствия его смерти, когда он почувствовал ее приближение. Это безмолвное прощание со своими македонянами было последним усилием его погасавшего сознания и наступившая затем агония должна была скрыть от его умирающих глаз безотрадную будущность его созданий и планов.

С его последним вздохом начались раздоры между его вельможами, мятеж его войск, разрушение его дома и падение его государства.



ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА ВТОРАЯ

¹ Demosth. Philipp. III, § 32. Olynth. III, § 16, 24. De falsa leg. § 305, 308.

² Herodot, I, 56. Дальнейшие детали этих легенд сообщает Abel, Makedonien. С. 97 слл.

³ "Αργος τὸ ἐν Ὁρεστεΐᾳ ὄθεν οἱ Ἀργεάδαι Μακεδόνες (Appian, Syr., 63). Ср.: Strab., V, 329; epit. fr., 11, и цитируемые Павсанием (VII, 8, 9) Сивиллины стихи.

⁴ Herod., VIII, 137 слл. V, 22. Thucyd., II, 99. Так как Фукидид прямо говорит о «восьми царях до Архелая», то восходящая до Карана царская генеалогия, вероятно, была составлена позже; Weissenborn и Gutschmid думают — Еврипидом.

⁵ Совсем недавно А. Fick (Kuhn's Zeitschrift. XXII. С. 193 слл.: «Zum makedonischen Dialecte») выяснил этот вопрос и, несмотря на возражения G. Meyer'a (Fleckeisen, Jahrb. f. klass. Phil. 1875. С. 186), по моему мнению, вполне убедительно доказал, что уцелевшие македонские глоссы и имена по большей части носят существенно греческий характер, особенно имена, принадлежащие времени до Александра Филаллина; таковы имя самого этого Александра и ряда его предшественников: Аминты, Алкеты, Аэропа (имя царя в Тегее, Paus., VIII, 44, 8), Филиппа и Пердикки. Но в списке македонских имен, относящемся в 89 Ол. (С. I. Attic., n° 42) встречаются также и весьма странные Γαιτέας, Σταθμέας и — во фрагменте 42 d, относящемся, вероятно, к той же надписи — "Εδαρος Κρατένναι. Среди македонских глосс (Meуer, op. cit. n° 50) γράβιον, сосновая лучина, употребляющаяся вместо светильника, напоминает имя иллирийского князя Γράβος в надписи 355 года (обнародованной в Έφσημ. ἀρχ., 1874, 451 и вошедшей в С. I. Attic., II, n° 66 b).

⁶ Aristot., Polit., VII, 2, 6.

⁷ Hegesandr. у Athen., I, 18.

⁸ Duris, fr. 72. История возводит этот обычай к дочери Геракла, Макарии, которая, по другому сказанию, сама обрекла себя на искупительную жертву. Ср.: С. O. Müller, Dorier, I, 55.

⁹ Pausan., IX, 40, 8. Здесь родоначальником династии поставлен Каран, вместо Пердикки, называемого Геродотом.

¹⁰ Aristot., Polit., X, 10: μέγεθος γὰρ ὑπάρχει πλοῦτου καὶ τιμῆς τοῖς μοναρχοῦσι... X, 23: ... διὰ τὸ τὴν βασιλείαν ἐκούσιον μὲν ἀρχὴν εἶναι, μειζόνων δὲ κυρίαν, δ' εἶναι τοὺς ὁμοίους καὶ μηδένα διαφέροντα τοσοῦτον ὥστε ἀμαρτίζειν πρὸς τὸ μέγεθος καὶ τὸ ἀξίωμα τῆς ἀρχῆς и т.д.

¹¹ На этих братьев Пердикки проливает свет эпиграфический текст договора, заключенного в 423 году между ним и Афинами (С. I. Attic., I, n° 42), так как этот документ подписан родственниками царя, а затем другими македонянами в качестве свидетелей. Сперва стоят братья царя, затем его сын Архелай, а затем его племянники. Ряд начинается [Μ]ε[ν]έλαος Ἀλεξάνδρου, затем следует Ἀλκίτης Ἀλεξάνδρου. Это тот самый Менелай, о котором, к сожалению, весьма неясным образом говорит Юстин (VII, 4, 5). Второй брат Пердикки есть тот самый Алкет, который за свое сильное пристрастие к вину носил прозвище воронки и о котором Платон рассказывает (Gorg., 471), что Архелай, сын Пердикки, чтобы получить трон, умертвил его и его сына Александра. На третьем и четвертом месте надпись называет ΑΡΧΕΛΑΣ Π[ερδικκο...] ΟΑ. ΕΡ. ΟΣΦΙΛΙΠ[...]; после Περδικκο остается довольно места для Ἀμύντας Φιλίππου; это тот Аминта, который упоминается как сын удельного князя Филиппа, которого около 429 года уже не было в живых. О другом сыне этого Филиппа в других местах нигде не упоминается и его имени нельзя верно дополнить, хотя в нем недостает всего двух букв. После второго сына Филиппа надпись называет: ..υρος Ἀλκίτου; так как в имени недостает только двух букв, то он, вероятно, назывался Γαῦρος или Ταῦρος. В числе свидетелей не находится, вероятно, старший брат Пердикки, Аминта, которого Дексипп характеризует как ἰδιωτικῶς ζήσας. Что он был старше Пердикки, представляется вероятным потому, что потом Пердикка женился на вдове сына Аминты, Арридея (см. ниже, прим. 29); это и есть истинная царская линия, из которой происходят Филипп II и Александр Великий.

¹² По крайней мере Платон, биографические сведения которого, конечно, весьма ненадежны, говорит (Gorg., 471 a), что Архелай убил своего семилетнего брата. Этот мальчик был рожден Пердикке его законной супругой Клеопатрой, вдовой Арридея.

¹³ Προστασία τῆς βασιλείας и ее формы особенно ясно видны в событиях 323 года, после смерти Александра, где нам и придется говорить о ней.

¹⁴ Δέρδας, Ἀρριδαίου παῖς ἀνεψιὸς Περδικκα καὶ Φιλίππου (Schot. Tuscud. I, 57): следовательно, Арридей был братом Александра I.

¹⁵ Abel (Makedonien, 152) предполагает, что эти соседние области были присоединены к Македонской сатрапии благодаря милости персидского царя.

¹⁶ οὐ βία ἀλλὰ νόμῳ Μακεδόνων ἄρχοντες διετέλεσαν (Callisth., у Arrian., IV, 4, 11).

¹⁷ Права царского дома Македонии, как видно из приводимых слов Аристотеля, не ограничены, как в Спарте и Эпире; он правит βασιλικῶς, οὐ τυραννικῶς (Isocrat., Philipp., § 175). Полибий приводит еще пример свободы в отношении македонян к своим царям и прибавляет: εἶχον γὰρ αἰεὶ τὴν τοιαύτην ἰσηγορίαν Μακεδόνες πρὸς τοὺς βασιλεῖς (Polyb., V, 27, 6).

¹⁸ ἐλεύθεροι ἄνδρες (Lucian., Dial. Mort., 14).

¹⁹ Хотя македонский царский дом и кичится своим дорийским происхождением, но в народе и знати страны не встречается никаких следов дорийских фил. Напротив, разделение по местностям заметно выступает на вид.

²⁰ σκοῖδος ἀρχή τις παρὰ Μακεδόσι τεταγμένη ἐπὶ τῶν δικαστηρίων ἢ λέξις κεῖται ἐν ταῖς ἐπιστολαῖς Ἀλεξάνδρου (Hesych. s. v.). Каково бы ни было состояние вопроса о подлинности писем Александра (в защиту подлинности которых недавно выступил R. Hansen в Philologus, XXXIX [1880], 258–304),

очевидно, что и подделыватель должен был бы употребить настоящее имя. По объяснению Fick'a, это слово правильно образовано от корня skaidh (отделять). Другая, сообщаемая Гесихием глосса: *ταγαρόγα Μακεδονική τις ἀρχή*, необъяснима и, вероятно, испорчена; начало напоминает фессалийское *ταγός*. Монеты городов тоже дают нам некоторые указания относительно местной администрации.

²¹ Царь может принимать в число своих гетайров также и чужеземцев (Arrian., I, 15, 6). Феопомп говорит о царе Филиппе II: *οἱ ἐταῖροι αὐτοῦ ἐκ πολλῶν τόπων συνερέυνήκοτες· οἱ μὲν γὰρ ἐξ αὐτῆς τῆς χώρας, οἱ δὲ ἐκ Θετταλίας, οἱ δὲ ἐκ τῆς ἄλλης Ἑλλάδος, οὐκ ἀριστίνδην ἐξειλεγμένοι* (Theopomp., fr., 249). По словам того же автора, 800 гетайров Филиппа владели таким же количеством земли, как 10 000 эллинов: следовательно, в Македонии существовали еще большие поместья, каких уже не встречалось более в греческом мире, по крайней мере, по сию сторону Фермопил.

²² Любопытные сведения об этом находятся в одной надписи из Потидеи, которую обнаруговали Duchesne и Bayet (*Mémoire sur une mission au mont Athos*, p. 70). Царь Кассандр дает Пердикке, сыну Кена, *τὸν ἀγρὸν τὸν ἐν τῇ Σινάφᾳ καὶ τὸν ἐπὶ Τραπεζοῦντι οὓς ἐκλήρουχῆσεν Πολεμοκράτης ὁ πάππος αὐτοῦ*, и т.д., а также и *τὸν ἐν Σπαρτώλῳ ὃν πορὰ Πτολεμαίου*. "Ἐλαβεν ἐν ἀργυρίῳ... καὶ δάπερ καὶ Ἀλέξανδρος ἔδωκεν Πτολεμαίῳ τῷ Πτολεμαίου. Эти имения, очевидно, находились на территории завоеванных Филиппом халкидских городов. Из дальнейших указаний надписи видно, что эти имения, первоначально бывшие клерухиями, стоят на ином положении, чем *πατρικαί*, что каждый новый царь должен подтвердить право на владение ими и что только после особых постановлений они освобождаются от податей, и владелец приобретает право обмена и продажи. Из Демосфена (*De falsa leg.*, § 145) мы знаем, что афиняне Эсхин и Филократ получили в Халкидике такие имения от царя Филиппа, приносившие 1/2 таланта и 1 талант дохода.

²³ Herodot., V, 22.

²⁴ Я употребляю это выражение потому, что Пердикка II не мог непосредственно (в 454 году) следовать за Александром Филэллином (Pask, *Die Entstehung der makedon. Anagraphe*, в *Hermes*, X, 282). Мы уже заметили выше, что Аминта, вероятно, был старшим из сыновей Александра: быть может, Пердикка, как и Филипп, первоначально имел только удельное княжество (см. выше, прим. 11). Пердикка должен был устранить его, так как около 431 года он воюет с Филиппом (Thucyd., I, 57, 59); чтобы возвратить сыну последнего его прежние владения (*ἐς τὴν Φιλίππου πρότερον οὖσαν ἀρχήν*), фракийцы предпринимают в 429 году поход в Македонию (Thucyd., II, 100, 3; Diodor., XII, 50, 3).

²⁵ *καὶ τὰλλα διεκόμησε τά τε κατὰ τὸν πόλεμον ἵπποις καὶ ὄπλοις καὶ τῇ ἄλλῃ παρασκευῇ* (Thucyd., II, 100, 2). Следовательно, он организовал и кавалерию и пехоту.

²⁶ Dio Chrys.; II, 18.

²⁷ *μακάρων εὐωχίαν* (Aristoph., *Ran.*, 85). Другие подробности у Aelian., *Var. Hist.*, XIV, 17, II, 21). При его дворе находились поэты Агафон, Херил, Еврипид и живописец Зевксис; Платона тоже называют его близким другом (Athen., XI, 508 и т.д.).

²⁸ Ἀρράβαιοις есть правописание афинской надписи (C. I. Attic., I, n° 42).

²⁹ τῷ [Ἀρρίδαίου] υἱεῖ Ἀμύντα (Aristot., Polit., V, 8, 11, с исправлением текста Sauppe, Inscr. Macedon. quattuor, 1847, V, 171). Это тот самый Аминта, который упоминается в надписи, относящейся к заключенным с халкидянами *συνθήκαι* (de Bas, II, 325, n° 1406), где в первой строчке стоит *πρὸς Ἀμύνταν τὸν Ἀρρίδαίου*, а во второй *...τὸν Ἐρρίδαίου*. Текст Аристотеля внушил Sauppe блестящую конъектуру, что вдова Арридея вышла замуж за Пердикку, родила ему сына, который был убит Архелаем, и что Архелай, чтобы избежать ее мести, выдал замуж за ее сына от первого брака Аминту свою дочь. По Дексиппу, этот Аминта есть сын Арридея, внук Аминты и праправнук Александра Филэллина, умершего около 454 года; этому Аминте III его сын Филипп II был рожден не дочерью Архелая, но Евридикой, дочерью Сирры, внучкой линкестийца Аррабея (Strab., VII, 326). Элиан говорит: *Μενέλαος* (??) *ὁ Φιλίππου πάππος εἰς τοὺς νόθους ἐτέλει, ὁ δὲ τοῦτου υἱὸς Ἀμύντας ὑπηρέτης Ἀερόπιου καὶ δοῦλος ἐπέπιστευτο* (Aelian., Var. Hist., XII, 43).

³⁰ *ἄκωσίως* (Diodor., XIV, 37). По Аристотелю (Polit., V, 8, 11), он был убит своим любимцем Кратевадом, за которого обещал выдать свою старшую дочь, потом выданную за Сирру.

³¹ Аристотель называет его Аминтой *ὁ μικρός*, и прибавляет, что Дерда убил его *διὰ τὸ καυχῆσασθαι ἐπὶ τῇ ἡλικίᾳ αὐτοῦ* (Polit., V, 8, 10). Вероятно, этот Аминта сын того Филиппа, из-за которого в 429 году одрисы произвели вторжение в Македонию (Thucyd., II, 95 сл.; ср. выше, прим. 24). Тогда ему не могло быть больше 20 лет. Дерда, несомненно, сын Сирры и был после него князем Элимиотиды; как видно из его отношений к Аминте, он не мог родиться позже 410 года.

³² *ἀναίρεθεις ὑπὸ Ἀμύντου δόλῳ ἄρξας ἐνιαυτόν* (Diodor., XIV, 82, 2).

³³ Евридика — дочь Сирры из Элимиотиды от его брака с дочерью линкестийца Аррабея (Strab., VII, 326). Братом Евридики был тот Дерда, который еще в цветущем возрасте умертвил Аминту Маленького (390 г.), и, следовательно, родился около 406 года. От этого брака Аминта имел трех сыновей: Александра, Пердикку и Филиппа, из которых старшему было, быть может, 16 или 17 лет, а младшему, Филиппу, 10 лет, когда умер их отец (369 г.); в этот брак он, должно быть, вступил около 386 года.

³⁴ По словам схолиаста к Эсхину (De falsa leg., § 27) этот Павсаний был *τοῦ βασιλικοῦ γένους*, следовательно, это не был тот линкестиец, которого Аминта III устранил в 390 году. В настоящее время уже невозможно определить, к какой линии царского дома он принадлежал.

³⁵ По словам Каристия Пергамского, *διατρέφων δ' ἐνταῦθα δύναμιν ὡς ἀπέθανε Περδίκκας, ἐξ ἐτοίμου δυνάμειως ὑπαρχούσης ἐπέπεσε τοῖς πράγμασι* (ар. Athen., XI, 507).

³⁶ Показание Диодора (XV, 22) поясняется теперь надписью (Ἐφῆμ. Αρχ., 1874, n° 435. С. I. Attic., II, 406), в которой содержится *συνμιαχία Ἀθηναίων πρὸς Κετρίπορι[ν τὸν Θεῤῥα καὶ τοὺς ἀδελφοὺς καὶ πρὸς Λύππειον τὸν Παιῖονα καὶ πρὸς Γράβον τὸν Ἰλλύριον*, союз, заключенный в год архонта Элпина (356/355). Эта надпись определяет хронологический порядок монеты с надписью ΚΕΤΡΙΠΟΡΙΟΣ, которую Waddington (Rev. numism. 1863, 240) считал за фракийскую, и описанной еще Eckhel'ем монеты с надписью ΛΤΚΚΕΙΟ или, вернее, ΛΤΚΠΕΙΟ (Six., Numism. Chron., 1875, I, 20). Если монеты с надписью ΑΔΑΙΟΥТ (Pellerin, Peuples et villes, I, 183) принадлежат этому времени,

что мне более не кажется вероятным, то, может быть, Филипп сделал его князем Пеонии вместо упомянутого Липпея, конечно обязав его военной службой; и мы можем узнать в нем [пеонянина] Аддея, которого цитируемые Афинеем (XI, 468; XII, 532) комики характеризуют метким прозвищем *ὁ τοῦ Φιλίππου ἀλεχτροῦν*. Монеты с надписью ΕΤΠΟΛΕΜΟΣ, которые прежде относили к разряду пеонийских (Ved. Katal., 1851, 262), принадлежат, вероятно, другой стране и, несомненно, относятся к более позднему времени.

³⁷ Arrian., I, 25. Предположение, что эти линкестийцы по своим годам не могли быть сыновьями Аэропа, бывшего царем в 396 году, не имеет достаточно оснований; если во время его смерти этим сыновьям было 8, 5 и 3 года, то в 336 году, по смерти Филиппа, которому было около шестидесяти лет, они могли еще очень хорошо устраивать интриги; сыновья Аррабея, Неоптолем и Аминта, были уже взрослыми в 334 году, Аминта был гиппархом сариссофоров (Aman., I, 14, 1). Эти цифры показывают, что упоминаемый Полиеном (IV, 2, 3) *ἡγεμῶν* Аэроп не был отцом этих линкестийских братьев, но, вероятно, сыном Александра или Геромена, названный по имени своего царственного деда.

³⁸ Curt., VI, 9, 17.

³⁹ Анаксимен (fr. 7) приписывает организацию конницы гетайров и пехоты педзетайров и разделение последних *εἰς λόχους καὶ δεκάδας καὶ τὰς ἄλλας ἀρχάς* Александру, старшему брату Филиппа. Из приводимой Демосфеном (Olynth. II, § 17) известной характеристики армии Филиппа в 348 году можно было бы заключить о различии между ополчением, *ξένοι*, и постоянным войском, *πεζέταιροι*, если бы это сведение не было очевидно и притом намеренно ложным. Но мы видим, что *ξένοι*, т. е. наемные солдаты, играют сначала в этом войске роль, подобную той, какую играли 6000 *ξένοι* в фессалийском войске Ясона (Xen., Hell., VI, 1, 4).

⁴⁰ Это число дает Фронтон (IV, 2, 6), но его слова — не доказательство. Большого доверия заслуживал бы Диодор (XVI, 85), но в приводимом им числе 3000 всадников наряду с 30 000 пехотинцев кроется очевидная ошибка.

⁴¹ *ἀπὸ πανδοχείου ψαλτρίαν μισθωσάμενοι* (Polyaen., IV, 2, 3). Он говорит, что это случилось с Аэропом и Дамасиппом. Элиан (Var. Hist., XIV, 49) рассказывает подробно о строгости дисциплины.

⁴² Пример этого чувства чести дает тот Павсаний, который, когда его упрекнули, что он ведет себя как женщина, оправдался тем, что в одном сражении с иллирийцами, чтобы спасти находившегося в величайшей опасности царя, стал прямо перед ним и был изрублен в куски (Diodor. XVI, 93). Другой случай с другим Павсанием будет упомянут ниже.

⁴³ Theopomp., fr. 249, ap. Polyb., VIII, 11, 13. Ср.: Athen., IV, 166, VI, 260.

⁴⁴ Это, мне кажется, видно из выражений Демосфена (De falsa leg., § 89) и выражается еще яснее в политике Филиппа относительно рудников, монетной системы и торговли; впрочем, Феопомп (fr. 249) высказывает совсем иное мнение.

⁴⁵ *Αἰθίων βασιλεύς* (Tzetzes ad Lycophr., 802).

⁴⁶ Perdiccani et Leonnatum stirpe regia genitos (Curt., X, 7, 8); или, по словам Арриана (Ind., 18), Пердикка происходил из Орестиды. Трудно сказать, был ли Антиох, царь орестов, о котором упоминает Фукидид (I, 80), его предком, или *stirps regia* означает царский дом Македонии, к которому принадлежал Пердикка, или и то и другое вместе.

⁴⁷ Δέρδας Ἀρξίδαίου παῖς, ἀνεψιὸς Περδίκκα καὶ Φιλίππου (Schol. Thucyd., I, 57; см. выше прим. 14). Упоминаемый среди свидетелей договора 423 года Дерда (см. выше прим. 11), должно быть, был этот же самый. Сын его, вероятно, есть упоминаемый Аристотелем Сирра (Polit., V, 8, 11), а сын этого Сирры — второй Дерда. Ср.: Theopomp., fr. 155.

⁴⁸ ἀδελφὴν Δέρδα καὶ Μαχάτα (Satyr., ap. Athen., XI, 557).

⁴⁹ У Демосфена (In Aristocrat., § 149) мы находим третьего брата Гарпала, где говорится, что в 336 году он передал Ификрату в заложники несколько амфиполитян. К этой же фамилии принадлежит называемый между свидетелями договора 423 года Παισ[ανίας Μαχῆτου] (С. I. Attic., I, n° 42), вероятно, тот же самый, которого называет Фукидид

⁵⁰ Plut., Arophet., 24. 25. Упоминаемый Плутархом родственник Гарпала есть Кратес. Я не могу не оставить моего прежнего предположения, что Антигониды принадлежали к этому дому. Известный кривой на один глаз Антигон, сын Филиппа, несомненно происходил из знатного дома, как это еще видно из даваемого ему Сенекой названия nepos Alexandri, а не был поденщиком, αὐτουργός, как это по своему излюбленному обыкновению говорит Дурис. Но его отцом, несомненно, не мог быть тот Филипп, который в 327 году был сатрапом Индии и, вероятно, принадлежал к дому Элимиотиды, так как Антигон на основании слов Порфирия о его возрасте родился не позже 384 года.

⁵¹ Ἀντίπατρος γὰρ ἐγγηγόρει (Plut., Arophet., 27). — χρηὴ πίνειν, Ἀντίπατρος γὰρ ἰκανός ἐστι νηφεύων (Athen., X, 435).

⁵² Anonym., ap. Boissonade, Anecdota, II, 464.

⁵³ Plut., Alex., 2. Ее отец Неоптолем вместе со своим отцом Алкетом упоминается уже в постановлении афинского морского союза от 387 года (С. I. Attic., II, n° 17, строка 14). По смерти Алкеты Неоптолем и его брат Арибба, царствовавшие недолгое время вместе, разделили царство молоссов и по смерти Неоптолема опека над его детьми, Олимпиадой и Александром, перешла в руки их дяди Ариббы. В 357 году Олимпиада стала супругой Филиппа, а вскоре и ее брат является при дворе Филиппа (in Macedoniam nomine sororis accessit omnique studio spe regni sollicitatum и т.д., Iustin., VIII, 6). Уже в 352 году Филипп был побужден воевать с Ариббой (Demosth., Olynth., I, § 14). Потом, когда Александру было двадцать лет, он уговорил его поднять оружие против своего дяди (ereptum Agybbae regnum puero admotum tradit, Iustin., ibid.). Арибба бежал в Афины и добился постановления, что афинские стратеги должны принять меры, ὅπως ἄ[ν] αὐτὸς καὶ οἱ παῖδες αὐτοῦ [χομί]σωνται τὴν ἀρχὴν τὴν πατρ[ῶ]ν] (С. I. Attic., II, n° 115). В это время Филипп завоевал и передал Молоссу также и основанные элейцами города в Кассопии у Амбракийского залива. Арибба, по-видимому, вскоре после этого умер, и Александр остался единственным повелителем Эпира.

⁵⁴ Неизвестно, основано ли изображение Олимпиады на находящейся в берлинском монетном кабинете золотой монете (представляющей собою, по-видимому, уникум) на подлинной традиции, или нет. По мнению von Sallet (Num. Zeitung, III, 56), эта монета принадлежит времени Каракаллы.

⁵⁵ Об олимпийской победе (Ol. 106), о взятии Потидеи и о победе Пармениона над иллирийскими дарданцами (Plut., Alex., 3). По расчету Ideler'a (Abh. der Berl. Acad. 1820 и 1821, и Handb. der Chronol., I, 403 сл.) рождение

Александра приходится на Боздромион (Ol. 106) (16 сент. — 14 окт. 356 года). Мы увидим из Приложения, что оно должно быть помещено после 24 сентября и ранее половины декабря. Невозможно, чтобы весть об одержанной около 17 июля в Олимпии победе достигла царя только в конце сентября. Синхронизм этих трех событий, подобно многим другим синхронизмам греческой истории, есть или народная комбинация, или придуман для облегчения заучивания в школах, но бесспорно лишен всякого прагматического значения.

⁵⁶ Theoromp., fr., 27, ap. Polyb., VIII, 11.

⁵⁷ Если в основе этого сохраненного Плутархом анекдота лежит истина, то этот факт должен был происходить до войны с Перинфом и Византием, т. е. когда Александру еще не было пятнадцать лет. Перс Артабаз и его зять Мемнон, бежавшие из Персии, уже находились при дворе Пеллы.

⁵⁸ Несомненно, что это знаменитое уже в древности письмо есть подделка; Аристотель, которому тогда не было тридцати лет, еще не пользовался славой, какую приписывает ему это письмо.

⁵⁹ Действительно, целомудрие было одною из его лучших добродетелей и подтверждается многими примерами. Будучи юношей, он настолько бежал от любовных наслаждений, что его родители, озабоченные этим, старались соблазнить его одной красивой гетерой, которая должна была проникнуть в его спальню; Александр стыдливо отвернулся от нее и горько жаловался на этот случай.

⁶⁰ Из множества относящихся сюда рассказов особенно характеричен рассказ об удивительном действии, какое имела на него музыка; когда раз Антигенид пел под аккомпанемент флейты боевую песню, Александр вскочил и схватился за оружие ([Plut.], De fort. Alex., II, 2).

⁶¹ Во время отсутствия отца ему было вверено управление страной. Плутарх так выражается об этом: ἀπολειφθεὶς κύριος ἐν Μακεδονίᾳ τῶν πραγμάτων καὶ τῆς στρατῆρος (Plut., Alex., 9).

⁶² Curt., VIII, 1, 25. Это вторжение иллирийцев должно относиться к первым месяцам 337 года. Из одного места у Демосфена (Pro Cogo., § 244) видно, что оратор сам отправлялся к ним в качестве посла.

⁶³ Plut., Arophth. Phil. 22. По поводу преподавания Аристотеля Филипп говорит сыну: ὅπως μὴ πολλὰ τοιαῦτα πράξῃς, ἐφ' οἷς ἐγὼ πεπραγμένους μεταμέλομαι.

⁶⁴ Древнейшее из дошедших до нас известий об этой сцене принадлежит Сатиру (fr. 3 ap. Athen., XIII, 537). Иллириянка Авдата и элимиотянка Фила, вероятно, умерли еще до 357 года, так как в этом году последовал брак Филиппа с Олимпиадой. Об обеих фессалиянках, Никасиполиде и Филинне, Сатир говорит только, что он прижил с ними детей, следовательно, они не были законными женами. Филинна была матерью Арридея. После нее Сатир называет «фракиянку» Меду и племянницу Аттала, Клеопатру, обеих с указанием ἐπεισθήγαγε τῇ Ὀλυμπιάδι.

⁶⁵ Характер этой зависимости неясен. Сатир (fr. 5) говорит о Филиппе: προσεκτήσατο δὲ καὶ τὴν Μολόττων βασιλείαν γήμας Ὀλυμπιάδα. Следовательно, в Эпире было в ходу право женщин на участие в престолонаследии. Олимпиада со своим братом Александром считалась наследницей одной половины страны, а другая принадлежала ее дяде и опекуну Арриббе. Этот последний со всем своим семейством, был изгнан Филиппом, который присоединил

сюда еще города на Амбракийском заливе и отдал их и все царство Александру, конечно, не без известных обязательств со стороны последнего. В прежнее время Эпир находился в зависимости от Фессалии: у Ксенофоита (Hellen., VI, 1, 7) царь Алкета называется *ὁ ἐν Ἠπείρῳ ὑπαρχος*.

⁶⁶ Plut., Alex., 10. Arrian., III, 6, 5.

⁶⁷ Полиен (V, 44, 4) определяет численность этого корпуса в 10 000 человек. Трог (Prol., IX) говорит: *quum bella Persica moliretur praemissa classe cum ducibus*. Дальнейшие известия об этой посланной вперед экспедиции находятся у Диодора. Странно, что Арриан не упоминает об ней ни одним словом; не следует ли поэтому считать за басню эту традицию, идущую от Клитарха. В письме Дария к Александру после битвы при Иссе говорится, «что царь Филипп начал войну *ἀδικίας πρῶτος ἐς βασιλέα Ἄρσην ἠρξεν οὐδὲν ἄχαρι ἐκ Περσῶν παδῶν*» (Arrian., II 14, 2), что может относиться только к этому вторжению на персидскую территорию.

⁶⁸ Arrian., I, 25. В письме Александра к Дарию говорится, что убийцы Филиппа действовали по наущению персидского царя, *ὡς αὐτοὶ ἐν ταῖς ἐπιστολαῖς πρὸς ἅπαντας ἐχομπάσατε* (Arrian., II, 14, 5). Плутарх (Alex., 10) говорит, что Олимпиада и сам Александр знали о замысле Павсания.

⁶⁹ Diodor., XVI, 94. Val. Max., VIII, 14. Плутарх рассказывает тот же анекдот относительно Александра. Об настоящем мотиве убийства упоминает Аристотель (Polit., VI, 10, 10).

⁷⁰ Относительно этой даты смотри *Приложение* в конце тома и исследование Ueber die Aechtheit der Urkunden in Demosthenes Rede von Kranz (S. 64 отдельного оттиска). По расчету Ideler'a, восшествие на престол Александра приходится на сентябрь 336 года, Ol. III, 1, год архонта Пифодила.

⁷¹ По словам Диодора, дающего подробное описание этих событий, вместе с присланным Афинами венком было объявлено постановление афинского народного собрания: *ἂν τις ἐπεβουλευσας Φελλίπῳ τῷ βασιλεῖ καταφύγῃ πρὸς Ἀθηναίους, παραδόσιμον εἶναι τοῦτον* (Diodor., XVI, 92).

⁷² По словам Диодора (XVII, 2), Клеопатра родила сына «за несколько дней» до смерти Филиппа. Диодор следует Клитарху, который при всей своей склонности сгущать краски все-таки слишком близок к этому времени, чтобы сообщать о рождении мальчика, когда родилась дочь; что он заметил отличительное имя, видно из Юстина (XI, 3, 3: *Caeanum ex poverca natum*), хотя тот же Юстин (IX, 7, 12) называет ребенка Клеопатры девочкой, что Грот постарался соединить в одно. Мне кажется, что показанию Клитарха должно быть отдано преимущество перед Сатиром, называющим спустя 150 лет ребенка Клеопатры дочерью.

⁷³ Псевдо-Плутарх, основываясь, вероятно, на словах Клитарха, говорит: *πᾶσα δ' ὑποῦλος ἡ Μακεδονία πρὸς Ἀμύνταν ἀποβλέπουσα καὶ τοὺς Ἀερόπου παῖδας*, т. е. линкестийцев ((Plut.) De fort. Alex., I, 3).

⁷⁴ Arrian., I, 25. Curt., VII 1, 6.

⁷⁵ Из одного места у Арриана (I, 16, 5) Schäfer (Demosthenes, III, 65) выводит справедливое заключение, что *immunitas cunctarum rerum*, о которой говорит Юстин (XI, 1, 10), относится только к поземельной подати. Эта *immunitas* была, без сомнения, дана только служившим в войске македонянам, подобно тому, как Александр после битвы при Гранике даровал родителям и детям павших *τῶν τε κατὰ τὴν χώραν ἀτέλειαν καὶ ὅσαι ἄλλαι ἢ τῆ σώματι*

λειτουργίαι ἢ κατὰ τὰς κτήσεις ἐκάστων εἰσφοραί (Aegian., I, 16, 5; ср.: VII, 10, 4). Следовательно, это привилегии тех, которые несут на себе военную службу.

⁷⁶ εἵπειθ' ἠκατέσκευασε τὴν δύναμιν (Diodor., XVII, 2).

⁷⁷ Аминта, «сын Аррабея», должен быть братом этого Неоптолема (Aegian., I, 20, 10): будучи в Азии в войске, он, конечно, не принимал никакого участия в заговоре. Он отличился при азиатских походах.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

¹ διὰ τῶν κατασκόπων τῶν παρὰ Χαριδήμου πυδόμενος (Aeschin., In Ctesiph., § 77).

² ἰερά μὲν ἰδρύσατο Πausανίου, εἰς αἰτίαν δὲ εὐαγγελίων δυσίας τὴν βουλήν κατέστησε (Aeschin., In Ctesiph., § 160).

³ Он употребил выражение *Μαργίτης* (Aeschin., In Ctesiph., § 77. Marsyas, fr. 8).

⁴ Мы не знаем дословного текста Коринфского союзного договора; поэтому нельзя сказать, была ли редакция его такова, чтобы ей можно было придать такое толкование, что со смертью царя Филиппа прекращается не только его стратегия против персов, но и заключенная и скрепленная клятвой ἢ κοινὴ εἰρήνη.

⁵ Участие Аргоса (Diodor., XVII, 3,8) подтверждается теперь афинским почетным постановлением в честь Аристомеха аргосского: ...καὶ συμβάντος κοινοῦ πολέμου [υ' Ἀθηναίους τε καὶ τῆ] πόλει τῶν Ἀργείων πρὸς Ἀλέξανδρον... (C. I. Attic., II, n° 161).

⁶ [εἰς] τῶν φίλων (Diodor., XVII, 2). Вопрос о том, было ли уже тогда название φίλος официальным титулом в социальной иерархии Македонии, не может быть решен на основании слов Курция ex prima cohorte amicorum (Curt., VI, 7, 17). У Арриана (I, 25, 4) Александр созывает на совет τοὺς φίλους и для обозначения высказанных ими мнений употребляет выражение ἐδόκει τοῖς ἑταίροις. Но технические выражения Арриана не всегда точны.

⁷ Diodor., XVII, 5.

⁸ Polyae., IV, 3, 23. Я не вижу никакой причины считать это показание за выдумку; оно стоит в третьей серии извлечений Полиена, которые все, по мнению Petersdorff'a, заимствованы из разных источников: первая (§ 1–10), вероятно, из Каллисфена, вторая (§ 11–21) почти наверное из Клитарха; происхождение третьей (§ 23–32) определить нельзя.

⁹ Theoromp. ар. Наросг., s. v. τετραρχία. Относительно дальнейших подробностей см. A. Schäfer (Demosthenes, II, 402).

¹⁰ ἔπεισε τὴν πατροπαράδοτον ἡγεμονίαν τῆς Ἑλλάδος αὐτῷ συγχωρήσαι κοινῶ τῆς Θεσσαλίας δόγματι (Diodor., XVII, 4). Exemplo patris dux universae gentis creatus erat et vectigalia omnia reditusque suos et tradiderunt (Iustin., XI, 3, 2). Выражение Юстина, по-видимому, указывает на звание тага; по показанию Диодора, Александр требует только тех полномочий, которые ему принадлежат в качестве στρατηγὸς αὐτοκράτωρ эллинского союза. Несмотря на титул Thessalorum reges, правовые отношения Филиппа к Фессалии неясны.

¹¹ Philostr., Heroic., p. 130.

¹² Aeschin., In Ctesiph., § 161.

¹³ τὰ συνορίζοντα τῶν ἔθνῶν (Diodor., XVII, 4, 2).

¹⁴ Выражение Дiodора (τὸ τῶν Ἀμφικτυόνων συνέδριον συναγαγῶν) несомненно означает, что Александр созвал чрезвычайное собрание, и что речь идет не об обыкновенной παλαία ὄπωρινή, имевшей место уже несколько недель тому назад.

¹⁵ Относительно Акрокоринфа мы имеем свидетельство Плутарха (Arag., 23); относительно Халкиды — место у Полибия (XXXVIII, I c, 3 ed Hultsch), а еще более вероятным делает это предположение посылка в 333 году Протия против персидского флота (ἀνάγεται ἀπὸ Χαλκίδος, Arrian., II, 2, 4).

¹⁶ τοῦ νεανίσκου τὸ πρῶτον παροξυνθέντος εἰκότως (Aeschin., In Ctesiph., § 161).

¹⁷ Таково выражение в речи ὑπὲρ τῆς δωδεκαετίας (§ 14), приписываемой Демаду.

¹⁸ τὸν Ὀρωπὸν ἄνευ πρεσβείας λαβῶν (Demad., ibid, § 9). Аристотель (fr. 561 ed. Rose) упоминает Ороп и (fr. 560) Дрим, расположенный в примыкающей к Мегариде части беотийско-аттической границы. Оба эти отрывка заимствованы из δικαίωματα Ἑλληνικῶν πόλεων, ἐξ ὧν Φίλιππος τὰς φιλονεκίας τῶν Ἑλλήνων διέλυεν (Vita Arist. Marciana, ap. Rose, Aristot. Pseudep., I, p. 246).

¹⁹ Aeshin., In Ctesiph., § 161. По Динарху (I, § 82), он уклонился от участия в посылаемом к царю посольстве.

²⁰ φιλανθρώπους ἀποκρίσεις δούς (Diodor., XVII, 4). Юстин, напротив, говорит: quibus anditis et graviter increpatis (Iustin., XI, 3); Юстин смешивает между собою два похода Александра, — этот и поход следующего года, и относит к первому то, что верно относительно второго. В одной надписи до нас дошло несколько отрывков из заключенного с Александром договора: ...οὐδ' ἔπλα ἐπ[ί]ρω[ισ]ω ἐπὶ πημονῇ ἐπ' οὐδένα τῶν] ἐμμενόν[τ]ων ἐν τ[ῇ] εἰρήνῃ οὔτε κατὰ γῆν] οὔτε κατὰ θ[ά]λασσαν... οὐδὲ χωρ[ί]ον καταλήψομ[αι]... ἐπὶ πολέ[μ]ῳ οὐδενός τῶν τ[ῆς] εἰρήνης κοινωνούν[τ]ων τέχν[η] οὐδεμί[α]... и далее: καὶ πολεμ[ί]ῳ τῷ [...παρα]βαίνου[σι] καθότι... τῷ καὶ ὁ ἡγεμῶν. (C. I. Attic., II, n° 160).

²¹ Arrian., I, 1, 3. Сюда, несомненно, относится то место надписи, в которой Ликург дает отчет в своем управлении (Ср.: Köhler, в Hermes, V, 224), где говорится о двух золотых венках, вотивированных в честь Александра. Следует упомянуть также о почести, оказанной царю мегарянами, которые дали ему право гражданства в своем городе; Александр (εἰς γέλῳτι δέμενος τὴν σπουδὴν αὐτῶν) принял эту почесть потому, что они будто бы некогда оказали ее Гераклу (Plut., De monarch., 2).

²² οἱ συνεδρεῦειν εἰσθότες (Diodor., XVII, 4, 9).

²³ Arrian., I, 1, 2.

²⁴ Plut. Adv. Colot., 32.

²⁵ Возможно, что теперь Тенедос уже объявил себя за греческое дело (τὰς στήλας τὰς πρὸς Ἀλέξανδρον καὶ τοὺς Ἑλλήνας γενόμενος σφίσι. Arrian., II, 2, 2). Что это присоединение произошло уже теперь, а не только в 334 году, можно заключить из того, что договоры 334 года были, по-видимому, заключены только с Александром, но не с Коринфским при том союжом.

²⁶ Plut., Alex. 14; Pausan., II, 2, 4 etc. Вероятно, к этому времени относится остроумно придуманное происшествие с Александром при посещении им Дельф. Когда Пифия не желала пророчествовать, так как было не время



(в зимние месяцы Аполлон считался отсутствующим), то Александр схватил ее за руку, чтобы силой подвести ее к треножнику; она воскликнула: «Ты не одолим, мой сын!» и Александр с радостью принял восклицание за оракул.

²⁷ Diodor., XVII, 5; Curt., VII, 1, 3. Источники не говорят, каким образом совершилось убийство; Диодор дает понять, что авторитет Пармениона в войсках.

²⁸ Диодор (XVII, 7) говорит, что и те и другие находились под командой Калы, получившего командование после Аттала.

²⁹ Plut., Alex. 10; Diodor., XVII, 2; Iustin., IX, 7. Павсаний (VIII, 7, 7) говорит об еще более ужасном роде смерти.

³⁰ Amyntas qui mihi consobrinos fuit et in Macedonia capiti meo impias comparavit insidias, говорит Александр в процессе против Филоты (Curt., VI, 9, 17. Ср. Agrian., ap. Phot., § 22). Время этого события определяется обручением Кинаны с князем агрианским (Agrian., I, 5, 4).

³¹ События в Магнесии, где главную роль играл персидский полководец Мемнон, относятся ко времени, предшествовавшему смерти Аттала, которого Полиен (V, 44, 4) называет наряду с Парменионом, т. е. еще к 336 году.

³² Так как Арриан (I, 5, 1), говоря об иллирийцах, употребляет выражение *ἀφειστάται*, то их независимость должна была быть признана Македонией; в какой форме и в какой степени, мы не знаем.

³³ Приведенные Клитом иллирийцы, очевидно, принадлежат к иному племени, чем иллирийцы, находившиеся под начальством Плеврия, с которыми Александр бился два года тому назад; они, вероятно, жили южнее последних, в горах и равнинах, орошаемых Эргентом и Деволом. В это время не упоминаются дарданцы, с которыми пришлось вести тяжелую борьбу еще Филиппу и которые потом снова являются могущественной державой: места их жительства простирались от северного устья проходов Скупии по долине черных дроздов до того места Дрина, где эта река становится судоходной. Не был ли Плеврий князем дарданцев?

³⁴ Agrian., I, 5, 4. Страбон (VII, 318) говорит, что автариаты вторглись в область трибаллов и покорили их (*καταστρέψαμενοι*); время этого события дает Диодор (XV, 36), который, впрочем, говорит, что трибаллы выселились *σποδοῖρα πιεζόμενοι* и притом *πανδημίει*.

³⁵ Из Геродота (IV, 49) вполне ясны прежние места проживания трибаллов. Он называет *πεδίον Τριβαλλικόν* вместе с этими двумя реками (*Ἀγρός* и *Βράγγος*). Авторы не говорят положительно, что трибаллы после своего разбойничьего набега на Абдери поселились по ту сторону Гема, восточнее своих прежних мест проживания, несколько в стороне от Тимока и Искера, но это явствует из того обстоятельства, что после царя Филиппа геты не встречаются более на правом берегу Дуная.

³⁶ Истрианы, теснившие царя Атея (Iustin., IX, 2, 1), не тождественны грекам города Истра на берегу Добруджи, потому что о них говорят, что они имели царя. Я полагаю, что Thirlwall был прав, предположив, что под Istriani подразумеваются жившие по Дунаю народы нескифского происхождения; он предполагал в них трибаллов.

³⁷ Пеоны занимали южную сторону проходов Скупии, и церемония «царского купанья» происходила в реке Астике (вероятно, теперешняя Пштинья) (Polyaen., IV, 12, 3). Существование княжества пеонов в эту эпоху

не есть вещь вполне установленная. Из Диодора (XVI 22) и из текста договора, заключенного афинянами с фракийцем Кетрипорисом и его братьями, иллирийцем Грабом и пеоном Ликпеем (см. выше прим. 36 к главе 2). Диодор говорит, что Филипп победил этих трех князей *καὶ ἠνάγκασε προσέειναι τοῖς Μακεδόσι*. Материалы, которым мы располагаем, не позволяют нам решить, прекратилась ли с этим династия князей в земле пеонов или продолжала существовать дальше. Затем в 310 году снова упоминается (Diodor., XX, 19) как царь пеонов Авдолеонт, сын Патрая; мы имеем тетрадрахмы Авдолеонта с надписью *Ἀυδολέοντος βασιλέως*, совершенно сходственные по чекану и весу с монетами Александра; другие монеты, как его (без *βασιλέως*), так и его отца, отличаются от македонской монетной системы, — верное доказательство их слабой связи с Македонией. Тот факт, что сын Авдолеонта, у которого около 282 года Лисимах отнял его княжество, назывался Аристоном, так же как и предводитель пеонских всадников в войске Александра, позволяет нам предположить, что этот последний принадлежал к княжескому дому и что, следовательно, княжество существовало еще и во времена Александра (Arrian., I, 5, 1). Но Н. Droysen заметил, что на прекрасных дидрахмах Патрая враг, опрокидываемый пеонским всадником, есть македонянин, как это видно по его головному убору и щиту. Павсаний (X, 13, 1) упоминает в своем описании Дельф о бронзовом ex-voto, голове пеонского бизона, с надписью *Δροπίων Λέοντος βασιλεύς Παίονον*; это тот самый князь, о котором говорится в найденной недавно в Олимпии надписи: *...πίωνα Λέοντος |..λέα Παίονον|καὶ κτίστην τὸ κοινὸν |τῶν Παίονον ἀνέστηκε ἀρετῆς ἕνεκεν |καὶ εὐνοίας εἰς αὐτοὺς* (Aren. Zeitung, 1877, 38). О времени этой надписи по ее форме или содержанию нельзя сделать никаких заключений. Так как Дропион называемся основателем, то мы можем заключить, что государство пеонов, сломленное, вероятно, уже присоединением к царству Лисимаха и, наверно, страшным вторжением кельтов в 280—277 годах, было, следовательно, снова восстановлено Дропионом после 276 года.

³⁸ По словам Демосфена (Philipp., III, § 27), царь Филипп писал в 341 году афинянам: *ἐμοὶ δ' ἔστιν εἰρήνη πρὸς τοὺς ἀκοίειν ἐμοῦ βουλομένους*.

³⁹ Достоверно, что после событий 330 и 323 годов еще существовал фракийский князь по имени Севт (Seutnes Odrysas populares suos ad defectionem compulerat, Curt., X, 1, 45). Способ, каким в одной афинской надписи 330 года (С. I. Attic., II add. 175 b), о которой будет речь ниже, упоминается его сын Котис, позволяет заключить, что и Котис имел княжество. Точно так же должен был быть фракийским князем сын Тириммы, Агафон, командовавший в 334 году одрисскими всадниками в войске Александра, равно как, вероятно, и Ситалк, начальствовавший в 334 году над фракийской пехотой в войске Александра.

⁴⁰ Арриан (I, 25, 3) сообщает нам, что Александр линкестийский был сделан Александром *στρατηγὸς ἐπὶ Θράκης*. Около 330 года пост занимает Мемнон; хотя и вероятно, что стратегию эту ввел уже Филипп, но этого нельзя доказать.

⁴¹ Арриан, рассказывающий о всех событиях, от смерти Филиппа до первого сражения при Геме, с указанием, что так *λέγεται* (I, 1, 4), говорит: *ἅμα τῷ ἦρι ἐλαύνειν ἐπὶ Θράκης, ἐς Τριβαλλοὺς καὶ Ἰλλυρίους*, так что слова *ἅμα τῷ ἦρι* не должны непременно относиться к выступлению из Амфиполя. Точно так

же со словами *λέγουσι* он рассказывает, что Александр *διαβάς τὸν Νέσσον δεκαταῖος ἀφίκετο ἐπὶ τὸ ὄρος τὸν Αἴμον*. Когда Арриан употребляет слово *λέγουσι*, то это значит, что его источником служат не Птолемей и не Аристул.

⁴² Источники не сообщают, основались ли эти зависимые отношения Византия на особых договорах или на присоединении города к эллинскому союзу (предание об этом не говорит). Первая гипотеза более правдоподобна, судя по одному месту у Свида s. v. *Λέων*.

⁴³ Из одного места у Динарха (In Demosth., § 18), где говорится о посланных во время отсутствия Александра Антипатром в Аркадию послах, видно, что Антипатр получил такие полномочия (об их имени предание не говорит).

⁴⁴ У нас нет сведений о величине армии. Но мы видим из Арриана, называющего три или, скорее, четыре илы всадников (I, 3, 5), что в армии было по меньшей мере 1500 всадников (I, 3, 6). Далее называется агема и другие гипасписты; следовательно, несколько *τάξεις*, затем фаланги Кена, Пердикки и Аминты (I, 6, 10; I, 8, 10); из I, 4, 5 можно заключить, что в походе участвовали также фаланги Мелеагра и Филиппа, а может быть (I, 2, 1), и еще две другие. Вместе с 2000 стрелков и агрианов, упоминаемых тоже, численность всей армии, вероятно, доходила до 20 000 человек. В армии были и метательные снаряды (*μηχαναί*. Arrian., I, 6, 8).

⁴⁵ Слова Арриана (*διαβάς τὸν Νέσσον*: I, 1, 5) не позволяют предположить, что Александр поднялся по долине Несса до Разлога (Меомии), чтобы оттуда, через проход Чепины и долину Эллидов, пройти в бассейн Гебра и спуститься к Филиппополю. Он должен был перейти Несс уже раньше — или около Бука, чтобы обогнуть с юга гору Крушову и через Асмилан спуститься по долине Арды к Адрианополю, или около Неврекопа, откуда лежащий к северу от Крушова проход Карабулана ведет в долину Кригмы и к Филиппополю (см. эти пути на большой карте Киперта, 1870). Который из этих двух проходов был более удобен для движения армии, — это другой вопрос; для целей Александра кратчайшим был путь через Неврекоп.

⁴⁶ Избранный Александром путь был, вероятно, приблизительно тот же, которым шел царь Филипп III, по словам Тита Ливия (XXXIX, 53) и Полибия (XXIII, 8, 4): *διελθὼν διὰ μέσης τῆς Θράκης ἐνέβαλεν εἰς Ὀδρύσας, Βέσσους καὶ Δεινθρήτους*. Когда Арриан (I, 25, 2) говорит, что царь, тотчас же по вступлении на престол, был прежде всех приветствован линкестийцем Александром, *ὑστερον δὲ καὶ ἐν τιμῇ ἀμφ' αὐτὸν εἶχε στρατηγὸν τε ἐπὶ Θράκης στεῖλας* и т.д., то невозможно решить, послал ли он линкестийца стратегом во Фракию уже ранее или оставил его там теперь, в 335 году.

⁴⁷ Вместо *τῶν δὲ ἐμπόρων πολλοί* у Арриана с полным правом исправлено *τῶν ἐκ τῶν ὄρων πολλοί*; это, вероятно, бессы, служители храма Диониса в горах (Dio Cass., LI, 25; LIV, 34; Herod., VII, 110). По Страбону (VII, 318) и Плинию (IV, 40), вдоль Гема (от Понта по направлению к западу) последовательно живут кораллы (вернее, корпиллы), бессы и меды. Светоний (Ang., 94) рассказывает, что Александр принес жертву на вершине горы в святилище Диониса. Я склонен считать эти *στενὰ τῆς ἀνόδου τῆς ἐπὶ τὸ ὄρος* (Arrian., I, 1, 6) тождественными с проходом Калифера, через который прошел Генрих Барт в 1862 году. Проход Эда (на Шумле), как его описывает Сурпrien Robert (Die Slaven der Türkei, II², 186), был бы весьма неудобен для упомина-



ощегося проезда колесниц, и, несомненно, еще менее был удобен другой проход Эда через Карнабат, который описывает v. Hochstetter (Mitth. der K. K. Geogr. Gesellsch. in Wien, 1871, 587).

⁴⁸ Argian., I, 2, 1; Polyaeen, IV, 3, 11. Упомянутого здесь Аррианом Филоту не следует смешивать с тем, который командовал в Кадмее, и с сыном Пармениона, который начальствовал над конницей (Argian., I, 2, 5).

⁴⁹ Лигин в других местах не упоминается нигде. Мы не должны, как я это сделал раньше, отождествлять его с Иском (Искром), который теперь не был более восточной границей трибаллов, как во время Фукидида (II, 96). Описание Аррианом Лигина: ἀπέχει ἀπὸ τοῦ Ἰστρου... σταδμοὺς τρεῖς, не указывает обязательно на то, что эта река прямо впадала в Понт; тогда это мог бы быть только Каничик, на котором лежит Шумла. Нельзя решить, спустился ли Александр с горы по направлению к Трояну или к Грабове. Но следует заметить, что ниже Грабовой и до Тырнова, древней столицы Болгарии, Янтра течет главным образом по направлению к востоку и что расстояние между Тырновом и Дунаем, около Рущука, равно приблизительно 14 миль. R. Roesler (Rumänische Studien, 1371, 20) думает найти Лигин «в речке Лъич, правом притоке текущей в Дунай Колубары»; он полагает, что Александр прошел к северо-западу через проходы около Софии (Porta Trajani); в таком случае трибаллы должны были бы теперь еще жить на Мораве, а геты на Дунае, около Белграда.

⁵⁰ Арриан говорит: ἐς νήσον τινα τὸν ἐν Ἰστρῳ; Страбон (VII, 310), следуя, несомненно, Птолемию, говорит: τῆς ἐν αὐτῷ (на Истре) νήσου, и оба называют его Певкой. Интерпретаторы принимают его за большую Певку, о которой Страбон (VII, 305) говорит: πρὸς δὲ ταῖς ἐκβολαῖς μεγάλη νήσος ἐστὶν ἢ Πεύκη и которая, по словам так называемого Скимна Хиосского (v. 789) οὐκ ἐστ' ἐλάττων μὲν Ῥόδου. Но этот образуемый устьями Дуная остров несколько не подходит к описанию Арриана (I, 3, 4). Мы не находим здесь τῆς νήσου τὰ πολλὰ ἀπότομα ἐς προσβολήν...; еще более непонятно, что река была быстра и трудна для переправы благодаря узости своего русла, οἶα δὴ ἐς στένον συγκεκλεισμένον, но, что всего страннее, так это то, что Александр, вместо того, чтобы пристать к острову, решается переправиться на другой берег. Этот остров Певка не мог быть величиной с Родос, это мог быть только речной остров, каких мы находим множество около более возвышенного южного берега выше Силистрии. И с этим, как кажется, согласуется и выражение Страбона или Птолея: ὀρέων μέχρι τοῦ Ἰστρου καθήκοντας καὶ τῆς ἐν αὐτῷ νήσου Πεύκης, τὰ πέραν δὲ Γέτας ἔχοντας (Strab., VII, 301).

⁵¹ ταὶ οἱ Θράκες οἱ πρόσχωροι τοῖς Τριβαλλοῖς... συμπεφευγότες ἦσαν (Argian., I, 2, 3). Арриан не называет имени этих фракийцев; но мы видим, что между трибаллами и Понтом еще жили фракийцы, но уже не было фракийского племени гетов.

⁵² Фракийское племя гетов еще в 340 году держало сторону царя Филиппа, потому что он воевал с теснившим их скифским царем Атеем и победил его. Из похода Александра видно, что они жили по северному берегу Дуная. Весьма возможно, что при своем выступлении Александр не имел в виду напасть на них, а потребовал от Византия кораблей против трибаллов. Но когда они стянули свой войска за Дунаем, Александр счел необходимым дать урок и им.

⁵³ Как мне это лично передавал один ботаник, видевший здесь в половине мая хлеба величиною в рост человека.

⁵⁴ Arrian., I, 4, 5.

⁵⁵ Arrian., I, 4, 8; Strabon., VII, 301 (по Птолемею).

⁵⁶ Из положения области агрианов мы можем заключить почти наверное, что Александр пересек территорию пеонов, следуя по дороге из Софии и Кистендила в Скупию, бывшей самым прямым путем к угрожаемой западной границе. Поэтому Арриан говорит: ἐπ' Ἀγριάνων καὶ Παιόνων προὐχώρει (I, 5, 1). В Софии Александр находился еще приблизительно в 48 милях от Пелиона.

⁵⁷ Положение Пелиона, определявшееся ранее благодаря тому, что не обращалось внимания на указания Тита Ливия (XXXI, 40), слишком далеко на северо-восток, в главных чертах правильно определено Barbé du Boscage; мы должны искать древний Пелион приблизительно в области нынешней Корицы, а быть может, еще ближе к узкому Чангонекому проходу, через который Девола пролагает себе путь к западу, там, где Kierpert (Karte der Flussgebiete der Drin und des Wardar, 1867) помещает около восточного конца прохода местечко Плиассу.

⁵⁸ Не знаю, правильно ли я понял техническую сторону этого маневра. Указанием, что τὸ βάθος τῆς φάλαγγος равнялось 120 человекам, быть может, следует воспользоваться для определения количества построенной здесь «в фалангу» пехоты, так как глубина строя позволяет заключить, что было построено каре приблизительно равной величины по фронту и в глубину.

⁵⁹ τοῖς σωματοφίλαξι καὶ τοῖς ἀμφ' αὐτὸν ἑταίροις (Arrian., I, 6, 5) служит для обозначения не 7 знатных «телохранителей», но отряда, состоявшего из βασιλικοὶ παῖδες, которые часто упоминаются при позднейших походах.

⁶⁰ Выражение Арриана τῇ παροῦσῃ δυνάμει указывает, по-видимому, на то, что были вызваны подкрепления.

⁶¹ Arrian., I, 6, 11.

⁶² Корона Илирии еще долгое время оставалась в роде Вардилиса и Клитта; илирийцы не встречаются при походе Александра в Азию, несмотря на положительное указание Диодора (XVII, 77). Поручение Антипатру в 323 году управления над τὰ ἐπέκεινα τῆς Θράκης ὡς ἐπὶ Ἰλλυριοὺς καὶ Τριβαλλοὺς καὶ Ἀγριᾶνας и т.д. (Arrian., τὰ μετὰ Ἀλεξ., 7) ведет к заключению, что илирийские князья должны были признавать верховенство Македонии.

⁶³ Aeschin., In Ctesiph., § 238.

⁶⁴ Arrian., II, 14, 16. Aeschin., In Ctesiph., § 239. Dinaren., In Demosth., § 10. Plut., Demosth., 20 и 23, где говорится о письмах Демосфена и ο γράμματα τῶν βασιλέως στρατηγῶν δηλοῦντα τὸ πλῆθος τῶν δοθέντων αὐτῷ χρημάτων.

⁶⁵ ἐν Τριβάλλοις, μόνον δ' οὐχ ὄρατον ἐπὶ τοῦ βήματος νεκρὸν τὸν Ἀλέξανδρον προέδησαν (Ps. Demad., § 17).

⁶⁶ Iustin., XI, 2, 8.

⁶⁷ Арриан (I, 7, 2) называет их Ἀμύνταν καὶ Τιμόλαον τῶν τὴν Καδμειὸν ἐχόντων. Уже Niebuhr узнал в них вождей македонской партии, которых Демосфен приводит в списке изменников (Pro Coron., § 295), и поэтому исправил Ἀμύντας в Ἀνεμοίτας.

⁶⁸ Plut., Demosth., 23. — παρὰ Δημοσθένους ὄπλων τὸ πλῆθος ἐν δωρεαῖς λαβόντες (Diodor., XVII, 8).

⁶⁹ Динарх (I, § 18) говорит об аркадцах: *τὴν μὲν παρὰ Ἀντιπάτρου πρᾶξιαν ἄπρακτον ἀποστειλάντων*. Антипатр не ограничился тем, что потребовал их возвращения, как это видно из почетного постановления Демохарита в честь Демосфена: *ταὶ ὡς ἐκώλυσε Πελοποννησίους ἐπὶ Θήβας Ἀλεξάνδρω βοηθῆσαι χρήματα δούς καὶ αὐτὸς πρᾶξιᾶς* (Vit. X Oratt., 850). Если, как утверждают авторы, с 338 года Акрокоринф был занят македонским гарнизоном, то тем удивительнее, что Антипатр приказал ему прибегнуть не к оружию, а к переговорам.

⁷⁰ Эсхин в речи, написанной лет пять спустя, излагает факты совсем иначе (In Stesiph., § 239); аркадцы, как он утверждает, потребовали из персидских субсидий задатка за военную службу; но так как Демосфен по своей скупости ничего не хотел платить, а желал все удержать для себя, то они возвратились домой; с помощью нескольких талантов можно было бы побудить отступить и македонский гарнизон, но Демосфен не хотел отдавать ничего. Неосновательность этих подозрений видна уже из самой связи событий; может ли быть, чтобы Демосфен так плохо понимал свои выгоды, что ради удержания для себя несколько талантов он ставил на карту успех предприятия, неудача которого могла ему стоить не только его популярности, но и его имущества и жизни? Если действительно гарнизон Кадмеи можно было подкупить, то неужели сами фиванцы не могли собрать пяти талантов? То обстоятельство, что Динарх в своей речи против Демосфена сообщает приблизительно то же, что и Эсхин, не отнимает у этих сведений их апокрифического характера.

⁷¹ Диодор (XVII, 9) определяет численность войска более, чем в 30 000 пехотинцев и не менее, чем в 3000 всадников. Хотя это число само по себе и правдоподобно, но источник Диодора, Клитарх, не заслуживает большого доверия.

⁷² Arrian., I, 7, 5. Александр избрал себе путь в Фессалию не через долину Аоя (Виоссы) и через проход Меццовы, так как Арриан говорит, что он шел через Кордию и Элимиотиду, и вдоль гор Тимфеи и Паравеи, т. е. их он оставил справа, а Галиакмон слева; он вступил в Фессалию через проходы Катакати, которые описывает Gorceix (Apercu géogr., de la region de Khassia, in Bulletin de Geographie, 1874, VI, 7, 449).

⁷³ *προσμίξας δὲ ταῖς Θήβαις καὶ διδούς ἐπὶ τῶν πεπραγμένων μετόνοιαν ἐξήτει... καὶ τοῖς μεταβαλλομένοις πρὸς αὐτὸν ἄδειαν ἐκήρυττε* (Plut., Alex., II). Арриан не упоминает о таком предложении.

⁷⁴ Plut., Alex., 11. Оба имени делают это сообщение подозрительным; если этот Филота — комендант Кадмеи, то странно видеть рядом с ним Антипатра; если передано правильно это последнее имя, то насмешка только тогда была бы полною, если бы вместо Филоты рядом с ним был назван его отец, Парменион.

⁷⁵ По выражению Арриана (I, 8, 2), он проник до *εἴσω τοῦ χάρακος*; теперь задача состояла в том, чтобы *τοῦ δευτέρου χάρακος εἴσω παρελθεῖν* (I, 8, 3).

⁷⁶ Так рассказывает Арриан со слов Птолемея, который сам был свидетелем этого штурма Фив. Рассказ Диодора, заимствованный из Клитарха, лишен всякого значения с военной точки зрения, и то, в чем он, по-видимому, сходится с Аррианом, доказывает только еще больше его непригодность. Планом Александра было, конечно, взять наружные укрепления фиванцев

и этим принудить их к капитуляции; что город пал при первом же нападении, было делом обстоятельств. Клитарх создает из этого правильный операционный план с тремя боевыми колоннами, из которых одна должна была штурмовать укрепления, другая занимать фивян, а третья служить засадой (*ἐφεδρεύειν*); мы узнаем здесь атаку Пердикки, выступление следом за ним легкой пехоты и штурм фаланги. Полиен (IV, 3, 23) сообщает еще о дальнейшем обстоятельстве (вероятно, из другого источника), — у него засада (*τὴν κερχυμμένην δύναμιν*) находится под командой Антипатра и проникает через развалившееся и не оберегавшееся место стены в город. Но если бы Антипатр с войсками из Македонии соединился с армией, то вряд ли Арриан оставил бы это без упоминания. Это сообщение Поллена взято из второй из трех независимых серий его афоризмов, заключающей в себе много отступлений от фактов, известных из других источников. Фразы Гегесиада, заимствованные у Агафархида (ар. Phot., 446 ed Bekker), лишены всякого значения.

⁷⁷ *Agrian.*, I, 9, 9. Диодор (XVII, 14) говорит о *σύνεδροι τῶν Ἑλλήνων*; на основании союзного договора все союзники должны были оказать помощь против Фив; согласно установленному порядку, царь предоставил решить судьбу Фив *τοῖς μετέχουσι τοῦ ἔργου συμμάχοις*; (*Agrian.*, *ibid.*); что свой долг, как союзники, исполнили только старые враги Беотии, включая, конечно, фессалийцев, не была вина Александра, но это было роковым обстоятельством для Фив.

⁷⁸ Быть может, мы имеем право предположить, что в союзном договоре находился пункт, на основании которого был произнесен такой приговор. По крайней мере, в договоре второй аттической морской симмахии от 378/377 года, говорится: *ἐὰν δὲ τις εἴπη ἢ ἐπιψηφίσῃ ἢ ἄρχων ἢ ἰδιώτης παρὰ τὸδε τὸ ψηφίσμα ὡς λύειν τι δεῖ τῶν ἐν τῷδε τῷ ψηφίσματι εἰρημένων, ὑπαρχέτω μὲν αὐτῷ ἀτίμω εἶναι καὶ τὰ χρήματα αὐτοῦ δημόσια ἔστω... καὶ κρινέσθω ἐν Ἀθηναίοις καὶ συμμάχοις ὡς διαλύων τὴν συμμαχίαν, ζημιούτων δὲ αὐτὸν θανάτῳ ἢ φυγῇ οὐτὲρ Ἀθηναίοι καὶ οἱ σύμμαχοι κρατοῦσιν* (C. I. Attic., II, n° 17, строка 50 слл.). Если сто лет спустя в Ахейском союзном договоре точно так же была определена смерть за измену союзу (во фрагменте договора с Орхоменом (*Revue archéol.*, 1876, 97): *...καὶ ἐξέστω τῷ βουλομένῳ αὐτῷ δίκαν θανάτου εἰσάγειν εἰς τὸ κοινὸν τῶν Ἀχαιῶν...*), если точно так же на основании эллинского союза 480 года Фемистоклу было предъявлено обвинение в государственной измене (*...συλλαμβάνειν καὶ ἀγειν κρισόμενον αὐτὸν ἐν τοῖς Ἑλλήσιν*), то по правовым воззрениям эллинов, по-видимому, такая компетенция и такое наказание принадлежали к существу подобных федераций и пункт такого содержания должен был находиться также и в Коринфском союзном договоре.

⁷⁹ Эта цифра тридцати тысяч проданных и шести тысяч убитых приво-дится Диодором (XVII, 14), Плутархом (*Alex.*, 11) и Элианом (*Var. Hist.*, XIII, 7); они не представляются невозможными, принимая во внимание то, что сражались и были проданы не только фивяне, но и отпущенные на волю и метки.

⁸⁰ *Plut.*, *Alex.*, 12; *De virt. mulier.*, 24; *Polyaen.*, VIII, 40. Арриан не упоминает фракийцев в войске Александра при этом походе; историк не упоминает и об этом анекдоте, хотя Плутарх передает его за рассказанный Аристокбулом, правда не в биографии Александра, но совершенно мимоходом (*Plut.*,

Non posse suaviter, 10) в характеристической Плутарховой сентенции: «Кто предпочтет спать с прекраснейшей из женщин, чем бодрствовать при чтении того, что писали Ксенофонт о Панфее, Аристокл о Тимоклее, Феопомп о Фебе?». С моралистом легко могло случиться, что он написал Аристокла вместо Клитарха.

⁸¹ То, что говорит Арриан: *τὰ μὲν ἄλλα φιλανθρώπως πρὸς τὴν πρεσβείαν ἀπεκρίνατο* (Argian., I, 10, 3), указывает как на выдумку на другую версию (Plut., Phocion. 17), по которой он бросил письмо афинян и повернулся к посланным спиной. Если бы она была верна, то негодование царя на такую выходку аттического демоса было бы весьма легко объяснимо.

⁸² Рассказанные здесь факты разбросаны у Плутарха (Жизнь Демосфена и Фокиона), Диодора и Арриана; о Фокионе рассказывают, что он принимал участие во втором посольстве; Плутарх приписывает ему все переговоры с Александром и их счастливый исход.

⁸³ По словам Плутарха (Alex., 13; Phocion., 17), Александр поступил с Афинами так великодушно потому, что город (таковы были будто бы его слова) должен обратить свои взоры на Грецию, так как ему подобает иметь гегемонию в Элладе, если он падет. Политика Александра не была такою детскою; но афиняне, должно быть, охотно слушали и верили таким пошлым выдумкам.

⁸⁴ Argian., I, 10, 6. Динарх (In Demosth., § 12) представляет бегство Харидема добровольным решением патриота.

⁸⁵ Диодор (XVII, 16) называет *τοὺς ἡγεμόνας τῶν στρατιωτῶν καὶ τοὺς ἀξιολογωτάτους τῶν φίλων*, которых созвал для этого царь. К сожалению, это не технически точные выражения.

⁸⁶ *Τὰ κατὰ Μακεδονίαν τε καὶ τοὺς Ἑλληνας Ἀντιπάτρῳ ἐπιτρέψας*. Официального титула его должности мы не имеем.

⁸⁷ *Devicta perdomitaque Thracia petens Asiam veritus ne post ipsius discessum sumerent arma, reges eorum praefectosque et omnes quibus videbatur inesse cura detractae libertatis secum velut honoris causa traxit* (Frontin., II, 11, 3). — *A reges stipendiarios conspectioris ingenii ad commilitium secum trahit, seniores ad tutelam regni reliquit* (Iustin., XI, 5, 3). За таких князей или княжеских сыновей мы можем считать Ситалка, начальствовавшего над фракийцами, Аристана, предводительствовавшего пеонскими всадниками (Plut., Alex., 39), Аттала, начальствовавшего над агрианами, и, может быть, Агафона, сына Тиримма, командовавшего над одрисскими всадниками.

⁸⁸ *Συμβουλευόντων πρότερον παιδοποίησθαι* (Diodor., XVII, 16).

⁸⁹ Так рассказывает Плутарх; эта история вовсе не должна быть непременно выдумкой; какой-нибудь отдельный факт мог обобщиться при дальнейшей устной передаче, и Каллисфен или какой-нибудь другой ученый придал рассказу его эффектную редакцию.

КНИГА ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

¹ Такова речь Александра у Арриана (VII, 9, 6). Если она и не подлинна, то все-таки должна заключать в себе хорошие данные. Плутарх (Alex., 15) приводит другие сведения, заимствованные у Аристубула, Онесикрита и Дуриса.

² «C'était comme un achèvement éloigné à la conquête de Perse, qu'il projetait déjà (*Mommsen Tb. Histoire de la monnaie romaine, traduite de l'allemand par le duc de Blacas // J. de Witte. Paris, 1865–1875. Vol. I. P. 69*). В персидском царстве золотая валюта относилась к серебряной как 13,33 : 1, тогда как в торговле золою все более и более падало в цене.

³ Brandis, *Das Münz-, Maass- und Gewichtssystem in Vorderasien*, S. 250.

⁴ По крайней мере, не встречаются тетрадрахмы, дидрахмы и драхмы. Из трех полудрахм берлинского кабинета, которые любезно взвесил для меня von Sallet, вес одной равнялся 2,09 г, вес двух других только 1,93 и 1,38 г; полуобол же, напротив, весил 0,32 г.

⁵ Мы можем привести в пример тот факт, что Ликург в своем отчете (надпись, изданная в 'Εφημ. 'Αρχ., n° 3452 и Köhler'ом в *Hermes*, I, 318) говорит, что он купил более таланта золота по цене 22 драхм 5 1/2 оболов серебра за золотой статер, следовательно по курсу 1: 11,47; т. е. на 100 стратерах он выиграл почти 210 драхм. Если этот заем в 800 талантов был получен Александром серебром, прежде чем он ввел свою монетную реформу, то после нее, если мой расчет верен, он выигрывал на 800 талантах 16 800 статеров, и если он обязался платить обычные 12 процентов золотом, то на процентах он выгадывал ежегодно 2100 статеров. Названия, которые дает Арриан (VII, 23, 3) трем македонским офицерам каждого отряда при новой организации войска (*δεκαδάρχης, διμοιρίτης и δεκοστάτης*), позволяют заключить, что расчет жалованья производился статерами, следовательно золотом; и мы знаем, что уже издавна было в обычае определять размер жалованья в дариках, в статерах Кизика и т.д. Если теперь у Александра на службе было 30 000 человек с жалованьем по дарику в месяц, то он выигрывал на низком курсе золота несколько более 30 000 статеров ежегодно. Мы можем думать, что подобным же образом были заключены и контракты с поставщиками и т.д. Во всяком случае мы видим, что в монетной реформе *возможно* видеть финансовую меру.

⁶ Так было поступлено с 10 000 иллирийцев из Сарнонта (Polyaen., IV, 2, 12); так была населена Колиба, *Φιλίππου τοῦ ποινηροτάτου ἐνταῦθα ἰδρύσαντος* (Strab., VII, 320); отсюда, вероятно, происходит имя *Ποινηρόπολις* и т.д.

⁷ Существуют монеты Александра из Эдесса, Месембрии, Каллатиды, Аполлонии и Дионисополя; но в классификации Müller'a они принадлежат к IV, V и VII классам и, должно быть, выбиты или во время Лисимаха, или после него.

⁸ Таково выражение договора, заключенного между Спартой и Аргосом: *ταὶ δὲ ἄλλαι πόλεις ταὶ ἐν Πελοποννήσῳ... αὐτόνομοι καὶ αὐτοπόλιες τῶν αὐτῶν ἔχοντες* и т.д. (Thucyd., V, 79). В Филиппах, как достоверно известно, наряду с золотыми монетами царя чеканились такие же монеты города (А. голова

Геракла со шкурой льва, R. треножник с ΦΙΛΙΠΠΩΝ). Существуют ли также относящиеся к этому времени автономные монеты Амфиополя — остается еще неисследованным вопросом.

⁹ Эти города на южном берегу Фракии, за исключением Перинфа и Селимбрии, чеканили уже монеты Филиппа. Два последних города имели монеты Александра, относящиеся уже к I и III классам. Следовательно, после смерти Филиппа и по почину Александра они стали с Македонией в отношении, отличавшиеся от отношений как Византия, так и Коринфского союза.

¹⁰ Серебряные монеты Патрая и Авдолеонта (12,6 г) не подходят ни к дидрахам Филиппа (14,47 г), ни к тетрадрахам Александра (17,2 г); всего ближе они к старинным дидрахам Фасоса (12,55–12,10 г).

¹¹ Фронтин (II, 5, 10) говорит об экспедиции молосского царя против иллирийцев, а в другом месте (III, 4, 5) о другой экспедиции против Лезкады; если бы первый поход был предпринят в 335 году, то оба иллирийских царя не ожидали бы нападения Македонии; еще менее оснований относить к этому году поход против Левкады.

¹² Единственное указание на связь между этими двумя предприятиями мы можем найти в том, что Тавриск, который был причиной бегства хранителя македонской казны в Мегару, отправился еще далее в Италию к молосцу Александру (Aman., III, 6, 7). Слова Юстина: *simulate moerore propter Alexandri cognationem exercitui suo triduo lucrum indixit* (XII, 3, 1), не дают нам дальнейших указаний.

¹³ Aristot., *Δικαιώματα*, fr. 571.

¹⁴ У Арриана (VII, 9, 10) Александр говорит македонянам в Описе: *Θεσσαλῶν δὲ ἄρχοντας... (ὁμᾶς) ἀπέφηνεν*. Уже в первом классе монет Александра встречаются монеты Ламии, Фарсала и Трикки (у d. Müller'a n° 503, 527, 528). Из монет собственной Греции принадлежащие к этому классу монеты встречаются только в Халкиде и Гистиее на Эвбее (у Müller'a n° 757, 758). Амбракция, чеканившая прежде монеты со штампом и именем Филиппа, не чеканила монет Александра, так как в 336 году она снова сделалась автономной.

¹⁵ *Ὅσοι ἐν τῷ Πυλῶν [вместо Πελοποννήσου] ἦσαν* (Agriani., I, 1, 2 с блестящей поправкой Niebuhr'a). В то время это было, так сказать, техническим выражением, как это видно из Демосфена: *οὐδεὶς οὔτε τῶν ἔξω Πυλῶν Ἑλλήνων οὔτε τῶν εἰσῶ*, и т.д. (Pgo соgn., § 304). Уже Фукидид (II, 101) различает народы Фессалии *καὶ οἱ μέχρι Θερμοπυλῶν Ἕλληνες*.

¹⁶ В Vita Aristot. Marciana (в академическом издании Аристотеля, с. 157 В. 20) автор ее говорит о сочинении Аристотеля *Δικαιώματα Ἑλληνίδων πόλεων: ἐξ ὧν Φίλιππος τὰς φιλονεικίας τῶν Ἑλλήνων διέλυσεν, ὡς μεγαλοῤῥήμιον [ἦσαν] τὰ πρῶτε καὶ εἰπεῖν «ᾠρίσα γῆν Πέλοπος»*. Из fr. 571 видно, что *Δικαιώματα* появились только позже или с дополнениями.

¹⁷ Диодор (XVII, 48) говорит, что *σύνεδροι τῶν Ἑλλήνων* после битвы при Иссе послали Александру золотой венок. По словам Квинта Курция (IV, 5, 11), это постановление было сделано на Истмийских играх (в конце СХIV, 4 ол., приблизительно в июне 332 года). Важнее свидетельство Эсхина: *ἡμερῶν μὲν ὀλίγων μέλλει τὰ Πύθια γενέσθαι, καὶ τὸ συνέδριον τὸ τῶν Ἑλλήνων συλλογέσθαι* (In Ctesiph., § 254), что не могло быть сказано о совете амфикионов в качестве союзного суда. Можно предположить, что синедрион (*οἱ συνεδρεῦειν εἰωθότες*. Diodor., XVIII, 4) собирался также и при больших

общегреческих празднествах. Мы не имеем положительных указаний на то, что он постоянно заседал в Коринфе, хотя одно место у Гиперида (Pto Euxenipr., § 32) звучит так, как будто бы они постоянно находятся вместе. Этот и другие вопросы, касающиеся устройства союза, заслуживают еще детального исследования.

¹⁸ Павсаний проводит параллель не с этой системой, но с римским господством, когда он говорит: *οὔτε γὰρ Μακεδόνων οἱ ἰσχύσαντες μέγιστον, Φίλιππος Ἀμύντου καὶ Ἀλέξανδρος, τοὺς καθεστηκότας σφίσιον Ἑλλήνων ἐς Μακεδονίαν ἐβίασαντο ἀποσταλῆναι, δίδόναι δὲ αὐτοὺς ἐν Ἀμφικτυσίῳ εἶων λόγον* (VII, 10, 10).

¹⁹ Формула *Ἀθηναίων σύμμαχοι καὶ τῶν συμμάχων* и ей подобные объяснены у Busolt'a, Der zweite attische Bund (Fleck. Jahrb. Suppl. VII. S. 684). На подобные же отношения между Македонией и Коринфским союзом указывает Арриан (II, 2, 2), когда он рассказывает, что персы на Тенедосе опровергают *τὰς στήλας τὰς πρὸς Ἀλέξανδρον καὶ τοὺς Ἑλλήνας γενομένας σφίσι*. Такой же характер носят инструкции, данные Александром после победы при Гранике: *Ἀλέξανδρος Φιλίππου καὶ οἱ Ἑλληνες* и т.д. (Arrian., I, 16, 7). Существенное отличие этого союза от прежних, по-видимому, заключается в том, что коринфский синедрион имеет ряд компетенций (относительно внутреннего мира и т.д.), в которых Македония не принимает участия.

²⁰ По Арриану (I, 11, 6 и I, 18, 4), флот Александра при переправе в Азию состоял из 150 кораблей. Неизвестно, сколько в этом числе было македонских кораблей; мы можем думать, что Византий выставил в 334 году корабли на Геллеспонте, как в 335 на Дунае; другие греческие города на фракийском берегу, вероятно, точно так же. По словам Диодора (XVII, 22), в этом флоте было 20 афинских кораблей.

²¹ Видно, что каталог Диодора (XVII, 17), из которого заимствованы эти цифры, почерпал свои сведения из весьма малокомпетентного в военном отношении источника; но приведенные в тексте цифры, должно быть, правильно передают отношение не между частями войска, но между национальными элементами, из которых оно слагалось; детали вопроса были исследованы мною в особой статье в Hermes'e (XII, 266). В каталоге Диодора ошибочно названы также трибаллы и иллирийцы, о которых Арриан нигде не упоминает; только в речи Александра (Arrian., II, 7, 5) называются также и иллирийцы, что служит верным доказательством того, что эта речь заимствована не из Птолея.

²² Arrian., I, 11, 3. Арриан, несомненно, основывается здесь на словах Птолея, хотя его текст (fr. 2) дает точные цифры вместо круглых чисел. Анаксимен (fr. 15) приводит 30 000 пехотинцев и 5500 всадников, Каллисфен (fr. 33) — 40 000 пехотинцев и 4500 всадников, Аристокл (fr. 1) — около 30 000 пехотинцев и 4000 всадников и Диодор (Клитарх) — 30 000 пехотинцев и 4500 всадников. Арриан приводит точную цифру выступивших теперь в поход из Македонии воинов; из его слов не видно, находятся теперь, в полном ли составе или частью, на азиатском берегу войска, посланные два года тому назад под командой Аттала и Пармениона; число их, по Полиену, равнялось 10 000 македонян и 40 000 наемников-пехотинцев. Каллисфена можно объяснить, приняв, что эти 10 000 еще находились в Азии. Подробный расчет всего войска приводится ниже (прим. 48).

²³ Слово «фаланга» употребляется у Арриана в весьма различном смысле; оно означает: 1) боевой строй в целом (III, 12, 1; I, 28, 3), 2) совокупность пехоты за исключением *ψιλοί* (III, 11, 8), 3) тяжеловооруженных (*ἡ φάλαγξ τῶν ὀπλιτῶν*, I, 13, 1) и 4) каждый отдельный таксис тяжеловооруженных есть фаланга (*ἡ Περίδικου φάλαγξ* и т.д., I, 14, 2).

²² Это видно помимо других свидетельств из Арриана (III 18, 1).

²³ В делаемом Полиеном (Ш, 2, 10) перечислении частей вооружения во время Филиппа недостает кольчуги; по его же словам (IV, 3, 13), тем, которые бежали, Александр приказал дать *ἡμιθωράκια*, так что спина их оставалась незащищенной (?). Что *τῆς Μακεδονικῆς φάλαγγος οἱ κουφότατοι* (Arrian., III, 23, 3) имели особое назначение, видно из того, что, вероятно, задние ряды были не так тяжело вооружены.

²⁶ Подробности относительно сариссы сообщают Köchly und Rüstow, *Gesch. d. gr. Kriegswesens*. S. 228.

²⁷ Одно место у Арриана (I, 6, 1), по-видимому, позволяет нам заключить, что фаланга составлялась из рядов по восьми человек (как в греческой тактике); фаланга могла строиться в 120 рядов только при 8 человеках в ряду.

²⁸ Что оборона не составляла исключительного назначения фаланги, видно из штурма Фив и битвы при Пелионе.

²⁹ Грек Харидем описывает персидскому царю фалангу следующим образом: *peditum stabile agmen, vir viro, arma armis conferta sunt; ad nutum monentis intenti sequi signa, ordines servare didicere: quod imperatur omnes exaudiunt; obsistere, circumire, discurrere in cornu, mutare pugnam, non duces magis quam milites callent* (Curt., III, 2, 13).

³⁰ В перечислении фаланг в битве при Гранике у Арриана (I, 14, 3) вкралась несомненная ошибка, так как фаланга Кратера названа два раза; один раз это имя должно быть зачеркнуто.

³¹ Таков, по-видимому, был их официальный титул (Arrian., I, 14, 3). Таким же образом царь созывает на военный совет *στρατηγούς τε καὶ ἰλάρχας καὶ τῶν συμμαχῶν τοὺς ἡγεμόνας* (Arrian., II, 7, 3; ср. III, 9, 3). Правда, другой раз вместо этого сказано *τοὺς τε ἑταίρους καὶ τοὺς ἡγεμόνας τῆς στρατιᾶς καὶ ταξιάρχας καὶ ἰλάρχας* (Arrian., II, 16, 8). Численный состав таксиса мы, конечно, не должны нормировать на основании схематического расчета тактиков; он был различен, смотря по обстоятельствам.

³² К этому заключению нас приводит то обстоятельство, что в битвах Александра тяжеловооруженные союзники и наемники никогда не упоминаются как отдельный корпус; попытку обосновать это соображение я сделал в сказанной статье в *Hermes'e*. На лохи указывает встречающееся особенно часто у Арриана (особенно характеристичным образом III, 9, 6 и II, 10, 2) выражение *λοχαγός*; численный состав лоха должен был равняться 512 человекам, построенным в 32 ряда, на что, по-видимому, указывают также *quingenariae cohortes* у Квинта Курция (V, 7, 3).

³³ Herod., V, III. Так как носивший щит прикрывал им другого, то, по-видимому, значение слова развилось не из понятия «щит», а из понятия «прикрывать»; следовательно, в буквальном смысле слова гипасписты есть гвардия.

³⁴ О величине этого корпуса нет никаких указаний; он состоит из нескольких *τάξεις*, из которых два упоминаются со своими начальниками у Арриана

(II, 22, 2); несколько далее (II, 22, 7) историк рассказывает о его смерти и при этом называет его хилиархом. Неизвестно, были ли также присоединены к этому корпусу греческие союзники и наемники. При походе в Индию общая численность гипаспистов определялась в 6000 человек (Arrian., V, 14, 1). Они называются *οἱ ὑπασπισταὶ τῶν ἐταίρων* (Arrian., I, 14, 2).

³⁵ *βασιλικοὶ σωματοφύλακες*, которых Арриан называет несколько раз (I, 6, 5; III, 17, 2 и т.д.) и которых он причисляет к гипаспистам (IV, 3, 2; IV, 30, 3), есть, несомненно, знатные юноши (*οἱ βασιλικοὶ παῖδες*), о которых историк говорит: *τῶν πεζῶν πρῶτους μὲν τοὺς ὑπασπιστὰς τοὺς βασιλικούς... ἐπὶ δὲ τούτοις τὸ ἄγγμα τὸ βασιλικόν, ἐχομένους δὲ τούτων τοὺς ἄλλους ὑπασπιστάς* (V, 13, 4). В первом из упомянутых нами мест они садятся со своими щитами на коней, а потом часть их сражается пешими. Это, как мы видим из примера Павсания при смерти Филиппа и т.д., царская *σωματοφύλακία*, *seminarium ducum praefectorumque* (Curt., VIII, 6, 6), лейб-гвардия царя. Семь *σωματοφύλακες* (Arrian., VI, 28, 4), как Леоннат, Птолемей, Балакр и др., вернее было назвать, как они назывались позже *ἀρχισωματοφύλακες*; это не начальствующие лица известных частей войска, но как бы генерал-адъютанты царя.

³⁶ Остатки так называемой Битвы Александра дают нам довольно наглядное представление об их вооружении. Особенно замечательна длина копий.

³⁷ Это, по-видимому, видно из слов Арриана (I, 24, 3), где Парменион получает *τῶν τε ἐταίρων ἵππαρχίαν καὶ τοὺς δετταλοὺς ἵππεάς*.

³⁸ Не следует смешивать этого Клита, по прозвищу «черного», с носившим то же имя иллирийским князем (см. выше с. 340, прим. 62).

³⁹ Arrian., III, 11, 10. Если Диодор не ошибается, говоря, что армию сопровождало 1500 фессалийских всадников, то следует заметить, что во время Ясона Ферского фессалийский контингент *ὅταν ταγεύηται Θετταλία* доходил до 6000 всадников (Xenoph. Hellen., VI, 19). Ту же цифру в 1500 человек дает Диодор (XVII, 17) для македонской конницы. Надо заметить, что обе эти цифры находятся на полях рукописи в виде заметки, а в тексте вместо этого оба раза стоит 1800. По словам Арриана (II, 9, 4), численность двух из этих македонских ил равнялась 300 человек, другие могли быть еще больше. На Дунае Александра имел с собою никак не меньше 1500 македонских всадников.

⁴⁰ Мы имеем теперь эпиграфический текст, указывающий на присутствие в войске Александра греческих контингентов. Найденная в беотийском Орхомене и изданная P. Foucart'ом (Bull. de congresp. hellénique, VII, p. 454) надпись гласит:

*τοὶ ἵππέες τοὶ ἐν τὰν Ἀσία[ν] στρατευσάμενοι
βασιλίου] Ἀλεξάνδρου στραταγέοντος...
Θε]ρδωρίω Φιλαρχίοντος Διὶ Σωτέρει ἀ[νέθεαν*

Затем следует 23 имени. Следовательно, (орхоменский) контингент конницы составлял особую илу, повиновавшуюся своему местному иларху; эти 23 человека возвратились из Азии, остальные, быть может, числом столько же или еще более, не видели более своей родины. Вероятно, они, как фессалийцы и другие союзники, были весною 330 года в Экбатанах отпущены домой с богатыми дарами. Указание на другой греческий контингент Foucart

нашел в одной эпиграмме греческой антологии, носящей такое заглавие: *ἄδηλον ἐπὶ τῷ ἐν Θεσπιαῖς βωμῷ*. Вот эта эпиграмма:

Θέσπιαι εὐρύχοροι πέμψαν ποτὲ τοῦσδε σὺν ὄπλοις
τιμωροὺς προγόνων βάρβαρον εἰς Ἀσίην,
οἱ μετ' Ἀλεξάνδρου Περσῶν ἄστη καθελόντες
στῆσαν Ἐριβρεμέτη δαιδάλεον τρίποδα.

Слово *τοῦσδε* указывает на приносителей, имена которых также находились на треножнике (или алтаре), вероятно, с прибавлением их звания (лохаги феспийских гоплитов).

⁴¹ Из одного места Арриана (III, 19, 5) видно, что фессалийские всадники служили в качестве союзников. Они находятся под начальством македонского гиппарха (первым был Калат, сын Гарпала), как и доставленные греческими государствами контингенты (ими начальствовал Филипп, сын Менелая).

⁴² Может быть, мы можем заключить из слов Арриана (I, 18, 5): *τοὺς Θράκας καὶ τῶν ἄλλων ξένων ἐς τετρακισχιλίουσ*, что они не составляли контингента, но были *ξένοι*. Мы не имеем никаких верных указаний насчет того, были ли *ξένοι* или контингентами одрисские всадники с Агафоном, пеонские всадники с Аристоном и агрианы с Атталом. Но, быть может, не лишено значения то обстоятельство, что победа Харета над (пеоном) Адеем, над которой смеется комический поэт Гераклид (Athen., XII, 532), называется *ἡ γενομένη μάχη πρὸς τοὺς Φιλίππου ξένους*, но здесь Адей не называется прямо пеоном.

⁴³ *Αἱ τῶν ἀκοντιστῶν τάξεις* (Argian., I, 27, 8).

⁴⁴ Ксенофонт (Hellen., VI, 1, 9) говорит о войске Ясона, что все подвластные ему, жившие на границах Фессалии, народы были почти все аконтистами *ὥστε καὶ πελταστικῷ εἰκόσ ὑπερέχειν*.

⁴⁵ *Τοὺς Ἀγριᾶνας τοὺς ἀκοντιστάσ* (Argian., I, 14, 1). *ὑπασπισταί* князя Лангара упоминаются у Арриана (I, 5, 2). Так как они почти постоянно пускаются в дело вместе со стрелками из лука, то, вероятно, они были вооружены легче фракийцев; быть может, у них не было щита; в войске Фразибула были *πελτοφόροι τε καὶ ψιλοὶ ἀκοντισταί* (Xenoph., Hellen., II, 4, 12).

⁴⁶ По Диодору (XVII, 17), в войске было 1000 агрианов и стрелков из лука. Эта цифра, вероятно, слишком низка. В походе 335 года тех и других в войске было 2000 человек, а в индийском походе *οἱ Ἀγριᾶνες οἱ χίλιοι* играли некоторую роль (Argian., IV, 25, 6). Арриан нигде не упоминает о том, что в войске находились также и пращники, и этого нельзя заключить из одного места его сочинения (II, 7, 8).

⁴⁷ Диодор (XVII, 17) определяет численность *Θρᾶκες πρόδρομοι καὶ Παίονες* в 900 человек. Один раз (Argian., I, 13, 7) посылаются вперед как авангард *τῶν προδρόμων καλομένων Ἰλαι τέσσαρες*. В другом месте (III, 8, 1) Арриан называет *τῶν προδρόμων τοὺς Παίονας*. Если бы можно было верить показанию Плутарха (Alex., 16), что битва при Гранике началась переправой 13 ил через реку, то сариссофоры и пеоны вместе составляли всего 5 ил. На прекрасной дидрахме Патрая (в списке выставленных монет берлинского монетного кабинета, n° 242) изображен пеонский всадник в полном вооружении, поражающий врага.

⁴⁸ В общем итоге, по расчету, подробности которого читатели найдут в моей статье в *Hermes'e* (XII, 266 сл.), армию Александра составляли с точки

зрения *национальности*: 1) *македоняне*, разделенные по местностям на тяжелую конницу и тяжелую пехоту; 2) *эллины*, тоже отчасти разделявшиеся по местностям; 3) *варвары*, фракийцы, пеоны, агрианы, одрисы.

С точки зрения *зависимости*: 1) *подданные* царя, знатные и незнатные, которые служат одни как нечто вроде вассалов, другие как постоянные войска, а третьи как ополчение на основании всеобщей воинской повинности; 2) *союзники*, контингенты, выставленные союзными городами и князьями на основании заключенных договоров; 3) *наемники*, греческие и негреческие, обязанные служить по договору найма. Материалы, которыми мы располагаем, не позволяют нам определить, насколько фракийцы, одрисы, пеоны и агрианы являются союзниками и насколько наемниками. По родам оружия, как мы это доказали в упомянутой статье, войско распределялось следующим образом.

I. Конница

Тяжелая			
Македонская конница гетайров (150–300 чел. в иле)	8 ил	1800	чел.
Фессалийская конница	» »	1200	»
Греческие союзники	» »	400	»
		<hr/>	
		3400	чел.
Легкая			
Македонские сариссофоры	8 ил	1200	чел.
пеоны <i>πρόδρομοι</i>	» »		
Одрисские всадники	» »	600	»
		<hr/>	
		1800	чел.
		<hr/>	
	Всего	5200	чел.

II. Инфантерия

Гоплиты			
Македонские педзетайры (в каждом таксисе около 3 лохов по 500 чел.)	6 таксисов	9000	чел.
Греческие союзники	6 лохов	4000	»
Греческие наемники	6 лохов	6000	»
		<hr/>	
		19 000	чел.
Пельтасты			
Македонские гипасписты (гетайры)	(5) таксисов	3000	чел.
Греческие союзники	(5) лохов	1000	»
Греческие наемники	(5) лохов	1000	»
Фракийские аконтисты	(4) таксиса	1000	чел.
		<hr/>	
		9000	чел.
Легковооруженные			
Македонские стрелки		500	чел.
Критские стрелки		500	»
Аконтисты агрианы		1000	»
		<hr/>	
		2000	чел.
	<hr/>		
	Всего	30 000	чел.
	<hr/>		
Всего пехоты и конницы		35 200	чел.

Сюда надо прибавить еще маленький отряд *βασιλικοὶ παῖδες* (*σωματοφύλακες*), составлявший часть корпуса гипаспистов.

⁴⁹ К сожалению, наши источники совершенно молчат о тактическом устройстве конницы Александра, мы не знаем даже, шла ли она в бой построившись в три или в четыре ряда; точно так же мы не знаем, существовала ли в сражении какая-либо установленная форма колонн, которые подкрепляли бы и усиливали ее ряды.

⁵⁰ Найденная в Геркулануме бронзовая статуэтка сражающегося всадника (*Mus. Borbon.*, III, tab. 43), изображающая если не Александра, то во всяком случае одного из 25 павших при Гранике гетайров (*Arrian.*, I, 16, 5), представляет нам всадника с высоко занесенной для удара мечом правой рукой, правой ногой упирающегося сзади в круп лошади и вытянувшего левую ногу далеко вперед, — положение, если оно вообще только возможно, более подходящее для волтижера, чем для заурядного наездника.

⁵¹ Когда Арриан (III, 9, 3; II, 6, 8) говорит о том, что вместе с другими высшими офицерами созывались гетайры и занимали первое место, или же они созывались и одни (*ἐν τῷ συλλόγῳ τῶν ἑταίρων*, *Arrian.*, II, 25, 2), то он, конечно, не понимает под ними сотен гетайров, входивших в состав конницы. Арриан (I, 25, 4) говорит, что царь *συναγαγὼν τοὺς φίλους* предложил им на решение вопрос, и затем продолжает: *καὶ ἔδωκε τοῖς ἑταίροις* и т.д., что и позволяет нам сомневаться, чтобы *οἱ φίλοι* было техническим названием этих гетайров в тесном смысле, как позднее при эллинистических дворах.

⁵² Но должно заметить, что Пердикка, в первые годы войны являющийся стратегом фаланги, является гиппархом в индийском походе (*Arrian.*, V, 12, 2 и т.д.); но Кен, стратег фаланги, имеет (*Arrian.*, I, 16, 3) гиппархию кроме того.

⁵³ *Arrian.*, III, 9 3.

⁵⁴ Мы не можем теперь определить, назначали ли греческие наемники своих низших офицеров сами, и остался ли, например, элеец Алкий, на вербовавший и приведший в армию 150 элейских всадников (*Arrian.*, I, 29, 4), их предводителем. Следует заметить, что уже Ясон Ферский имел в числе своих наемников таких, которые получали двойное, тройное и четверное жалованье (*Xenoph.*, *Hellen.*, VI, 1, 6) и которые, следовательно, были офицерами этих самых наемников.

⁵⁵ Имеющиеся у нас налицо материалы не позволяют нам дать ответ на множество представляющихся здесь технических вопросов; но полезно отдать себе отчет в остающихся благодаря этому исследованию пробелах. Из битвы при Пелоне видно, что при войске находились полевые орудия. Число лошадей, которых необходимо было содержать, увеличивали не только упряжные лошади для этих машин и для телег с багажом и провиантом; по изданному Филиппом постановлению (*Frontin.*, IV, 1, 6), каждый всадник имел право брать с собою только одного конюха; но, конечно, этот конюх был тоже верхом; один сведущий в этом деле человек заметил мне, что, если считать, как теперь, на лошадь по четыре мерки овса или ячменя в день и это было вдвойне необходимо при походе в Азию — брать с собою фураж на три дня, то вторая лошадь не могла нести на себе кроме конюха еще массы сена и 24 мерки зерна, но необходимо было иметь лошадь в поводу или вьючное животное, которое в то же время могло бы нести пожитки гетайра. Конечно, это относится одинаково к фессалийской и к македонской коннице;

считая в них обеих вместе 3000 воинов, мы получаем уже 9000 лошадей; относилось ли это устройство к греческим всадникам, сариссофорам и пеонам, мы не знаем. По словам Фронтиня, в том же месте каждым десяти фалангитам было разрешено иметь одного носильщика; у союзников и наемников, вероятно, было то же самое. Конечно, при главной квартире царя должна была находиться канцелярия, интендантское управление, казначейство и т.д. Между прочим упоминается, что Гарпал, один из изгнанных в 337 году друзей Александра, физически не способный к военной службе, получил в свои руки заведование казною царя, что другой из этого же кружка, митиленец Лаомедонт, *ὅτι δίγλωσσος ἦν ἐς τὰ βαρβαρικά γράμματα* (Agrian., III, 6, 6), был назначен присматривать за пленными варварами. И, вероятно, *Βασιλική Θεραπεία*, о которой говорит Арриан (IV, 16, 6), представляла собою лазарет и т.д.

⁵⁶ По канону царей, царствование царя Арзеса кончается в течение 413 года эры Набонассара, т. е. ранее декабря месяца 336 года, а по Диодору (XVII, 6), Дарий III Кодоманн взшел на престол около того времени (*περὶ αὐτοὺς τοὺς χρόνους*), когда Александр наследовал своему отцу. Несмотря на замечание Mordtmann'a (Zeitschr. der deutschen Morg. Ges. XIX, 1865, S. 411), в тексте удержано имя Кодоманна; хотя его называет только Юстин (X, 3, 3), но он его нашел в своих источниках; что это имя невозможно, потому что оно произведено от семитического корня (*gad*), а Ахеменид, конечно, не носил семитического имени — таково рассуждение Mordtmann'a — кажется мне слишком поспешным заключением.

⁵⁷ Agrian., II, 14, 5.

⁵⁸ Это тот самый Калат, о котором мы уже упоминали, как о начальнике фессалийской конницы; конечно, этой властью он был облечен не ранее весны 334 года. Его отец не тот Гарпал, который известен своим крупным процессом в Афинах (324/323 г.), но тот, о котором упоминает Демосфен в своей речи против Аристократа (§ 149) по поводу одного события 367 года.

⁵⁹ Из Арриана (I, 17, 8) следует заключить, что *ἡ χώρα ἡ Μέμνωνος* находилась к востоку от Даскилии и простиралась до Понта. Менее удобно принять, что он выступил из Лампсака; город принадлежал ему (*κυριεύσας Λαμψάκων* [Aristot.], Oecon., II, 30), что вовсе не противоречит тому, что там чеканились монеты Спифридата (ΣΠΙΘΡ на одной серебряной монете Берлинского кабинета). Ср.: H. Droysen в von Sallets Numism. Zeitung, II, S. 313.

⁶⁰ Polyæn, V, 44, где *Χάλκας ὁ Μακεδών*, без сомнения, есть Калат.

⁶¹ Имея в виду македонскую дисциплину, немыслимо предположить, что Парменион и Калат могли переправиться обратно через Геллеспонт без приказа, тем более, что вскоре после этого (334 г.) и тот и другой получают высшее военное назначение.

⁶² Так говорит Арриан (I, 14, 4). Диодор (XVII, 19) дает 10 000 всадников и 100 000 пехотинцев, а Юстин (XI, 6, 11) даже 600 000 человек. Упоминаемый Аррианом (I, 13, 10) *σύλλογος*, в сравнении с подобными *συλλόγαις* в Зариаспе (IV, 1, 5; IV, 7, 3) и в Экбатанах (IV, 7, 3), показывает нам, что в ополчение призваны магнаты, имевшие должности и лены в Малой Азии, со своими войсками.

⁶³ Заслуживают внимания только те имена и титулы, которые упоминаются у Арриана. Он называет их официальным титулом только Арсита и

Опифридата (I, 12, 8), Мифробузана (I, 16, 3) и Атизия (I, 25, 3 и II, 11, 8). В числе собравшихся при Зелее находились также ближайшие родственники царского дома: Митридат (Митрадат?) ὁ Δαρείου γαμβρός, вероятно, тот самый, от которого происходили позднейшие понтийские цари; затем Фарнак, брат супруги царя, наконец Арбупал, отец которого, Дарий, был сыном Артаксеркса II. Диодор часто путает титулы и имена. О Septem satrapae в Itin. Alex. с. 19 мы будем говорить в приложении относительно источников.

⁶⁴ ἅμα τῷ ἤρῃ ἀρχομένῳ (Aggian., I, 11, 3); следовательно, по обыкновенному греческому счету, в марте.

⁶⁵ Близость этого сильного флота, вероятно, побудила остров Тенедос принять сторону Александра и эллинов (Aggian., II, 2, 2).

⁶⁶ Певкест, сын Александра, из Миезы, был ὁ τὴν ἱερὰν ἀσπίδα φέρων ἣν ἐκ τοῦ νεῶ τῆς Ἀθῆνας τῆς Ἰλιάδος λαβὼν ἅμα οὐ εἶχεν Ἀλέξανδρος καὶ πρὸ αὐτοῦ ἐφέρετο ἐν ταῖς μάχαις (Aggian., VI, 9, 3).

⁶⁷ Strab., XIII, 593. С. I. Graec., II, n° 3595.

⁶⁸ Полиен во второй серии своих заметок (IV, 3, 15) рассказывает, что Александр, чтобы возбудить в персах подозрение против Мемнона, приказал фуражерам пощадить его владения (τῶν τοῦ Μέννονος χωρίων).

⁶⁹ Павсаний (VI, 18, 2) рассказывает, что Александр поклялся сделать противоположное тому, о чем будут просить послы Лампсака; после этого ритор убедительно советовал ему покарать отложившийся город. Во всяком случае недурной анекдот.

⁷⁰ Поле битвы точно определено планом, снятым на месте Н. Kierpert'ом в 1842 году. Оно находится как раз ниже того места, где ведущая от Геллеспонта в Бруссу дорога пересекает Бига-чай (Граник); прежнее ложе реки, сделавшееся теперь болотом (Egbe-gö), и примыкает с запада к возвышенности, тянущейся километров на шесть в северо-восточном направлении и спускающейся к прежнему ложу реки обрывом в 10–13 м высоты.

⁷¹ Рассказ Плутарха (Alex., 16) о том, что Александр, зная, что македонские цари имели обыкновение не давать битвы (ἐξάγειν τὴν στρατίαν) в течение месяца Десия, устранил эту трудность, назвав его вторым Артемисием, не может помочь нам точно определить время сражения. Никто другой не говорит о том, что Артемисий был вставным месяцем в Македонии, а отождествление афинского Фаргелиона (май) с македонским Десием может быть принято только с большою осторожностью.

⁷² Диодор (XVII, 19) дает следующие указания насчет построения: он называет на правом крыле 1000 индийских всадников, 2000 всадников Реомифра и 2000 бактров.

⁷³ Конечно, это был таксис гипаспистов; Арриан (I, 22, 4) называет два таких таксиса, из которых один находился под командой хилиарха Адея.

⁷⁴ Это ила Сократа, который находился налицо, как это видно из Арриана (I, 15, 1). Если, несмотря на присутствие иларха, этой илой командует Птолемей, то мы должны признать в нем соматофилака, встречающегося у Арриана (I, 22, 4), и этот факт характеристичен для определения положения семи соматофилаков.

⁷⁵ προεμβάλλει εἰς τὸν ποταμόν (Aggian., I, 14, 6). Александр сам переправляется вброд: ἐμβάλλει εἰς τὸν πορὸν λοξῆν ἀπὸ παρατείνων τὴν τάξιν ἣ παρεῖλθε τὸ εὐμα. Полиен (IV, 3, 6) называет этот маневр Александра обходом крыла

(ὑπερεκέρασεν), что достаточно характеризует тот источник, которым он пользовался во второй серии своих сообщений.

⁷⁶ Мы видим из Арриана, что Александр находился во главе этого отряда (I, 15, 6).

⁷⁷ По словам Плутарха (Alex., 16), эти греческие наемники желали сдать-ся на капитуляцию. Весь вопрос в том, каких условий они потребовали; если они потребовали свободного пропуска к персидскому царю, то, уничтожая их, Александр делал то, что должен был сделать. Страннее то, что эти 20 000 греков в этой отчаянной борьбе не могли сделать ничего более, как позволить изрубить себя в куски. Плутарх говорит, что битва с этими наемниками была причиной главных потерь Александра; те 25 всадников пали ἐν τῇ πρώτῃ ἐσβολῇ.

⁷⁸ Урон, понесенный в ночном бою при Галикарнассе, равнялся 16 убитым и приблизительно 300 раненым (1 : 18 1/2); эта цифра так велика потому, что в темноте воины не могли прикрываться как следует. Если для сражения днем мы примем отношение равным только 1 : 8, то в иле Аполлонии почти все должны были быть ранены.

⁷⁹ τῶν τε κατὰ τὴν χώραν ἀτέλειαν ἔδωκε καὶ ὅσας ἄλλας ἢ τῷ σώματι λειτουργίαι ἢ κατὰ τὰς κτήσεις ἐκάστων εἰσφοραὶ (Arrian., I, 16, 4; ср. VII, 10, 4), — cognatisque eorum immunitates dedit (Iustin., XI, 6, 13).

⁸⁰ Σάρδεις τὸ πρόσχημα τῆς ἐπὶ Θαλάσση τῶν βαρβάρων ἡγεμονίας (Plut., Alex., 17).

⁸¹ Арриан (I, 17, 5) рассказывает об этом чуде так, что можно было бы думать, что он заимствовал его у Птолея; обыкновенно источником таких чудес и знамений является Аристул.

⁸² Арриан (I, 17, 8) говорит положительно: ἐπὶ τὴν χώραν τὴν Μέμνονος. Не видно, подразумевается ли здесь область у Асканского озера или какая-нибудь другая. Жившие в этом углу Малой Азии вифинские племена были независимы вместе со своим предводителем Бантом, сыном Дидаиса (Μεμνον αρ. Phot. cod. 20, 2).

⁸³ Мы имеем подробности относительно тирании Агониппа в Эресе в любопытных эпиграфических документах у Conze, Reise auf der Insel Lesbos, S. 35 ff. и S. 29 (С. I. Graec., II, n° 2166 b. Add. S. 1023). Из них мы узнаем, что тиран, πόλεμον ἐξαράμενος πρὸς Ἀλέξανδρον καὶ τοὺς Ἕλληνας, выгнал из города граждан, запер в цитадели их жен и дочерей, собрал 3200 статеров золота и т.д. и τὸ τελευταῖον ἀφικόμενος πρὸς Ἀλέξανδρον κατεψεύδετο καὶ διέβαλλε τοῖς πολίταις. Не видно, каким образом царь вмешался в это дело. Следует заметить, что Эригий и Лаомедонт были из Митилены.

⁸⁴ Polyaeus, VII, 27, 2.

⁸⁵ Так как Арриан (I, 17, 9) говорит, что этот Аминта бежал из Македонии, то это не может быть тот Аминта, который в 336 году был послан вперед в Азию с Парменионом и Атталом (Iustin., IX, 5, 9).

⁸⁶ Как ни заманчиво предположение, что «политика храма» шла рука об руку с олигархами и стала на сторону Персии, но предание об этом молчит; что она не была просто антимакедонскою, видно из находившейся в храме статуи царя Филиппа (Arrian., I, 17, 11), которую опрокинула только победившая с помощью Мемнона олигархия; эта олигархия, а не демос разграбила сокровищницу храма (Arrian., ibid.).

⁸⁷ Анекдот об обещании Александра эфесцам окончить постройку их храма, если ему будет разрешено вырезать свое имя на фризе здания, относится к более позднему времени, как показывает анахронизм в ответе одного эфесца: богу не подобает посвящать храм богине. Если бы этот рассказ не сообщался уже Артемидором (ар. Strab., XIV, 641), его можно было бы считать за выдумку школ декламации; это сообщение не делается более достоверным вследствие утверждения какого-то эфесца, жившего во время войны с Митридатом, а его другое сообщение относительно этого предложения царя *τοὺς δὲ Ἐφεσίους μὴ ἐδελήσῃαι, πολὺ μᾶλλον οὐκ ἂν ἐδελήσαντας ἐξ ἱεροσυλίας καὶ ἀποστερήσεως φιλοδοξεῖν* никак не может быть понято так, что одна партия коротко и резко отклонила предложение Александра, назвав предполагавшееся им посвящение гиеросилией, а другая партия облекла свой отказ приведенной вежливой формой.

⁸⁸ Отправка его и Алкимаха, причем каждый из них, по Арриану, имел 2500 *πεζοὶ τῶν ξένων καὶ Μακεδόνες παραπλήσιοι* и 200 *ἵππεις τῶν ἑταίρων*, ясно показывает, что распределены по фалангам в таких экспедициях не соблюдалось.

⁸⁹ Cod. Flor. имеет *Ἀντίμαχον*, другие Codd. *Ἀλκίμαχον*, Cod. Paris., которым пользовался С. Müller, *Ἀλκίμαχον*. Это тот самый Алкимах, почетное постановление относительно которого издано в С. I. Attic., II, n° 123.

⁹⁰ Об изгнании тиранов из обоих лесбосских городов упоминает [Demosth.] De foed. Alex., § 7; о занятии гарнизоном Митилены говорит Арриан (II, 1, 3); по-видимому, удержался только Аристоник в Мефимне (Agrian., III, 2, 4), которого Полиен (V, 44, 3) называет Аристонимом.

⁹¹ Plin., XXX, 5, 10. Aelian, Var. Hist., II, 2. XII, 34. Эллиан путает здесь многое. Рассказ о нагой Панкасте, на основании слов Плутарха (Alex., 21), кажется прелестной и составленной для вящего прославления Александра сказкой.

⁹² К этому времени относится посвящение к постройке или реставрации храма в Приене, о котором говорит надпись в С. I. Graec., II, n° 2904 (Le Bas, III, 1, n° 187): *Βασιλεὺς Ἀλέξανδρος | ἀνέθηκε τὸν ναὸν | Ἀθηναίῃ Πολιάδι*. Но *βασιλεὺς*, по-видимому, указывает на то, что посвящение состоялось позже, под конец его царствования.

⁹³ *ἄλσος καθιερωμένος Ἀλεξάνδρῳ τῷ Φιλίππου καὶ ἀγῶν ὑπὸ τοῦ κοινοῦ τῶν Ἰώνων Ἀλεξάνδρεια καταγγέλλεται συντελούμενος ἐνταῦθα* (Strab., XIV, 644). Впрочем, это не была наверное гора Мима, которую желал прорыть Александр, как говорит Павсаний (II, 1, 5).

⁹⁴ Так как две колонны, находившиеся под командой Пармениона и Алкимаха, насчитывали в себе 10 000 пехотинцев и 400 всадников, а фессалийские и греческие всадники и союзные контингенты пехоты (несомненно, более 6000 пехотинцев и 1200 всадников) были отправлены с Калатом в Вифинию, то Александр имел при себе никак не более 13 000–14 000 пехотинцев и около 3000 всадников. По пути из Эфеса в Милет к нему присоединился Парменион со своею колонной.

⁹⁵ Gell., II, 9.

⁹⁶ Agrian., I, 18, 6.

⁹⁷ Диодор говорит, что некоторые писатели видели в распущении флота стратегическое средство, употребленное царем, чтобы принудить македо-

няя к храбрости, сделав им возвращение невозможным. Такое средство делало бы весьма мало чести стратегическому таланту царя и мужеству его войска.

⁹⁸ Theopomp. fr. III. ap. Phot. cod. 176. Isocrat., Panegyр., § 162. Исократ называет его *Καρίας ἐπίσταμνος*; по словам надписи в С. I. Грас., II, n° 2691 с, его сын Мавсол был «сатрапом» (*ἐξαιδραπέυοντος*) в Карию.

⁹⁹ Это видно из [Aristot.,] Oecon., II, 15. Если около 380 года Исократ пишет: *Λικίας δ' οὐδ' εἰς πώποτε Περσῶν ἐκράτησεν*, то Ликия могла быть поручена жадному «сатрапу» Карию, чтобы приучить эту упрямую область к повиновению. Сообщенная G. Hirschfeld'ом (Monatsberichte der Berl. Акад., 1874. S. 716), к сожалению, весьма отрывочная надпись, очевидно представляющая собою договор между Мавсолом и Фаселидой, относится к этой эпохе.

¹⁰⁰ Известно, что во время союзнической войны карийские династы имели свои гарнизоны в Родосе, Косе и Хиосе, и еще в речи о мире (346 г.) Демосфен говорит *τὸν χάρα ἐῶμεν τὰς νήσους καταλαμβάνειν Χίον καὶ Κῶν καὶ Ῥόδον*. Они хотели наложить также руку и на Милет, как это видно из Полиена (VI, 8); наверное неизвестно, следует ли относить милетские монеты с ЕКА и МА к Гекатомну и Мавсолу (Waddington, Mel. de Numism., S. 14).

¹⁰¹ ΠΙΞΩΔΑΡΟΥ (Ω, а не О, как пишет Pinder, Die ant. Münzen des Berl. Museums, 1851, n° 350, 351); указания относительно его золотых монет дает Brandis, Münzwesen Vorderasiens, S. 475. Фарнабаз Фригийский тоже чеканил золотую монету.

¹⁰² ΟΘΟΝΤΟΠΑΤΟ (Mionnet, III. 400, s. VI, t. 7. 5), а не *Ὀροντοβάτης*, как пишет Арриан (I, 23, 1 и 8). О ряде карийских династов см. Strab., XIII, 657. Время царствования отдельных династов не может быть вполне точно определено.

¹⁰³ Arrian., I, 23, 8 ср. Strab., XIII, 657.

¹⁰⁴ *Τοῦ τε ναυτικῆς παντὸς ἡγεμῶν καὶ τῆς παραλίου συμμάχης* (Arrian., II, 1, 1). Вторым после него является Автофрадат, не тот, который тридцать лет тому назад защищал дело персидского царя (нося звание карана?) против возмущившихся сатрапов, а тот, который недавно выступал против Эфеса.

¹⁰⁵ *Αἱ τε τριήρεις* у Арриана (I, 20, 3) указывают, по-видимому, что флот был двинут к Галикарнассу.

¹⁰⁶ Arrian., II, 5, 7. Теперь мы не в состоянии определить положение этих двух последних местностей.

¹⁰⁷ См. выше с. 97.

¹⁰⁸ Он взял с собою илы конницы, гипаспистов и три таксиса Аминты, Пердикки и Мелеагра.

¹⁰⁹ Земляные работы при осаде и сооружение машин с уверенностью позволяют заключить о том, что в армии Александра была представлена и техническая часть, хотя мы и должны принять, что работы, которые предпринимались и были руководимы инженерами, исполнялись самими сражающимися. Никаких подробностей относительно этого наши источники не дают.

¹¹⁰ Об этом характеристическом событии рассказывает Арриан (I, 21).

¹¹¹ Diodor., XVII, 26. Диодор передает множество подробностей об этих битвах на Галикарнассе, но мало достоверных и иногда спутанных. Так Неоптолем погибает у него как македонский стратег. Пусть эта часть его рас-

сказа заимствована у Клитарха или Каллисфена, во всяком случае ясно видно, что ее автор хотел польстить афинянам. Может быть, и верно, что старые македонские солдаты должны были ободрять молодых, но ветеран Афаррий, несколько раз являющийся и у Курция, есть, очевидно, *miles gloriosus*, — фигура, необходимая для художественной историографии. Это, должно быть, Фаррий, который, по словам [Plut.,] De glori. Alex., II, 7, потерял глаз при осаде Перинфа.

¹¹² Это Салмакида (Arrian., I, 23, 3), отличная от акрополя внутри города, как то видно на плане у Newton'a (History of discoveries at Halicarnassus, 1862).

¹¹³ Сообщение Плиния (V, 29, § 107 ed. Detlefsen) о том, что Александр подарил городу Галикарнассу шесть городов и в числе их Педас, относится к позднему времени.

¹¹⁴ Так как Арриан не прибавляет имени отца, то не видно, кто этот Птолемай; быть может, это тот, который начальствовал над фалангой при Иссе (Arrian., II, 8, 4).

¹¹⁵ Diodor., XVII, 27.

¹¹⁶ Arrian, I, 24, 3. Так как фессалийская конница и греческие контингенты остались у сатрапа Калата и об их движении к Галикарнассу не сообщается, то, вероятно, Парменион присоединил их к себе только на своем пути в Сарды. О том, что Калат был отражен вифинским князем Бантом, говорит Мемнон (fr. 20 ap. C. Müller, Fr. Hist. Graec., III, 537), где, правда, Калат неверно назван стратегом.

¹¹⁷ Само собою разумеется, что, как это видно из Арриана (I, 28, 4), царь имел с собою в походе и всадников. Но какой это был отряд, не видно; быть может, несколько ил сариссофоров или одрисы. Так как греческие союзники были поручены Пармениону, 3000 наемников осталось в Карию, и как среди солдат, получивших отпуск, несомненно находилось много фалангитов, то пошедшие с Александром фаланги должны были быть весьма не в полном составе.

¹¹⁸ *Ἐν ἀκμῇ ἤδη τοῦ χειμῶνος* (Arrian., I, 24, 5). Местность Милиада, говорит Страбон, простирается до Сагаласса и Апамеи, начинаясь от проходов выше Термесса и лежащей за ними страны, идущей по Изинде и доходящей до Тавра.

¹¹⁹ Suidas, s. v. (Westermann, Biogr., 147); его сыном, носившим то же имя, была сочинена похвальная речь Александру Эпирскому.

¹²⁰ *Σατραπεύειν Λυκίας καὶ τῆς ἐχομένης Λυκίας χώρας ἔστε ἐπὶ Ταύρων τὸ ὄρος* (Arrian., III, 6, 6). Следовательно, он назначил его не ликиархом.

¹²¹ Strab., XIV, 664. Название стратегов отдельных городов дает Дион Кассий (XLVII, 34). В надписях (С. I. Graec., III, n° 4270. 4303 h. и др.) называется *ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος* отдельных городов. Звание ликиарха встречается у Страбона и в надписях римского времени (С. I. Graec., III, n° 4198. 4247). Феопомп (fr. 111) называет «царя» Перикла, а эпиграмма на победу сына Гарпага (ок. 100 о.л.) говорит *ο συγγενέσι τῆς βασιλείας* (С. I. Graec., III, n° 4269), которым победитель уделил часть добычи.

¹²² Plut., Alex., 17.

¹²³ Arrian., I, 25. Diodor., XVII, 32 и 80. Curt., VII, 1, и т.д.

¹²⁴ Калисфен (fr. 25) употребляет техническое выражение для этой персидской манеры воздавать почести: *ἵνα ἐν τῷ ὑποκορτοῦσθαι πως δοκῇ προσκυλεῖν*.

¹²⁵ ἐν ταῖς ἐπιστολαῖς... ὁδοποιῆσαι φησι τὴν λεγομένην Κλίμακα καὶ διελθεῖν ὁρμήσας ἐκ Φασηλίδος (Plut., Alex. 17).

¹²⁶ Так говорит Арриан (I, 27, 4). Древние монеты Сиды имеют буквы, в которых находят сходство с буквами Пальмиры (de Luynes, Num. des satrapes, S. 23; дальнейшую литературу приводит Imhoof-Blumer в von Sallets Num. Zeitschrift, III, S. 330).

¹²⁷ По Арриану, эта крепость находилась между Аспендом и Сидой. В описании Страбона πόλις ὑψηλὸς ὡς τοῖς ἐκ Πέρης ἔποπτος (XIV, 667) G. Hirschfeld (Monastsber. der. Berl. Akad., 1874, 724) узнал скалистую крепость Силлий и дополнил недостающее у Страбона имя. Диалект этого города мы имеем в надписи из Силлия, сообщенной Hirschfeld'ом в новой копии, в надписях на древнейших монетах ΣΕΛΤΝΙΤΣ вместо Силлия, ΕΣΤΦΕΔΠΙΤΣ вместо Аспенда, ΠΡΕΠΑΣΣ вместо Перги (I. Friedländer в von Sallets Num. Zeitschrift, IV, s. 298 ff.).

¹²⁸ Из Полибия (V, 73) можно было бы заключить, что этими обиженными соседями были жители Сиды.

¹²⁹ φόρους ἀποφέρειν ὅσα ἔτη Μαχεδόσι (Arrian., I, 27, 4).

¹³⁰ Термесс или Телмисс ἐπικειμένη τοῖς στενοῖς δι' ὧν ὑπέρβασις ἐστίν εἰς τὴν Μιλιάδα (Strab., XIV, 666). Ср. приводимые ниже (т. II, кн. 1, гл. 4) подробности по поводу событий 319 года.

¹³¹ Он взял для этого стрелков, τὰς τῶν ἀκοντιστῶν τάξεις, τῶν ὀπλιτῶν ὅσοι κουφότεροι (Arrian., I, 27, 8).

¹³² Leake (Asia minor, 150) не ошибся, узнав этот город в местоположении Аглазона (Aghlasun у Kiepert'a на его карте в двух листах).

¹³³ Аминта командовал обыкновенно илами сариссофоров; всадники не шли в бой вместе с пехотой как οὐκ ὠφέλιμοι ἐν τῇ δυσχωρίᾳ (Arrian., I, 28, 4).

¹³⁴ Диодор (XVII, 28) упоминает об одном относящемся сюда предприятии против мрамаров; но весьма обстоятельно сообщаемые Диодором детали не подходят ни к одному делу в течение этой зимы, о которых упоминает Арриан.

¹³⁵ О постройке Ксеркса упоминает Ксенофонт (Anab., I, 2, 9); соленое Асканское озеро есть Генджели-Гель, часто посещавшееся в последнее время. Келены (Апамея Кивот) лежит в 14 милях от Сагаласса; войско, следовательно, проходило около трех миль в день.

¹³⁶ Квинт Курций (III, 1, 8) говорит о сроке в 60 дней, который сам по себе вполне правдоподобен. К сожалению, наши источники не дают никаких указаний насчет времени, потребовавшегося на переход от Галикарнасса до Гордия, и не говорят даже о снегах и непогодах в горах Писидии.

¹³⁷ Надписи подтверждают, что имя «сатрап» было удержано официально, как это прежде заключали из словоупотребления писателей; в надписи из Милассы мы читаем: βασιλεύοντος Φιλίπ[που... Ἀσάνδρου?] σατραπεύοντος (С. I. Graec., II, n° 2692), а ниже мы приведем иероглифический декрет египетских жрецов от 310 года, в котором Птолемей, говорящий в первом лице, называет себя сатрапом.

¹³⁸ Ἀρπαλον ἐπὶ τῶν χρημάτων κατέστησεν (Arrian., III, 6, 6).

¹³⁹ Herod., IV, 166.

¹⁴⁰ τούτων τὸ κράτιστον τὸ περὶ νόμισμα, λέγω ποῖον καὶ πότε τίμιον ἢ εὖνον ποιητέον... о вывозе и ввозе: πότε καὶ τίνα παρὰ τῶν σατραπῶν ἐν τῇ ταγῇ ἐκλαμβάνει αὐτῷ λυσιτελήσει διατίθεσθαι ((Aristot.,) Oecon., II, 1).

¹⁴¹ ἔξ εἰδη τῶν προσόδων ἀπὸ τῆς γῆς, ἀπὸ τῶν ἐν τῇ χώρᾳ ἰδίων γενομένων, ἀπὸ ἐμπορίων, ἀπὸ τελών, ἀπὸ βοσκημάτων, ἀπὸ τῶν ἄλλων. Дальнейший текст объясняет эти шесть отделов и на основании этого сделаны сообщения в нашем тексте, которые должны быть приблизительно верны; конечно, частности остаются сомнительными.

¹⁴² Σαδριανούς καὶ τοὺς ἄλλους Λυδούς τοῖς νόμοις τε τοῖς πάλαι Λυδῶν χρῆσθαι ἔδωκε καὶ ἐλευθέρους εἶναι ἀφῆκεν (Arrian., I, 17, 4). Тот факт, что Никий был назначен епимелетом τῶν φόρων τῆς συντάξεως τε καὶ ἀποφορᾶς, показывает, что свобода лидян не исключала обязанности платить дань.

¹⁴³ Arrian., I, 17, 1. Это те же самые места, в которых Антиох, как кажется, третий, желая сделать царский подарок одному из своих приближенных, подарил ему 2000 плевров ἀπὸ τῆς βασιλικῆς χώρας и постановил, что βασιλικοὶ λαοὶ этой области могут жить в крепости Петре ἀσφαλείας ἔνεκε (надпись у Schliemann'a, Trojanische Alterthümer, s. 204). По-видимому, землю царя составляет то, что не принадлежит городам или династам, — или гиппархам и сатрапам, можем мы прибавить относительно времени персидского владычества.

¹⁴⁴ διότι ἐπι τε Ἀλεξάνδρου καὶ Ἀντιγόγου αὐτόνομος ἦν καὶ ἀφορολόγητος ἡ πόλις ἰμῶν... (надпись из Эрифр, изданная в Monatsberichte der Berl. Akad., 1875, S. 554).

¹⁴⁵ Προσαγορεῦσαι πόλιν... ἐλευθέραν τε κρίναι καὶ ἄφορον (Strab., XIII, 593). Наличные материалы не позволяют нам провести ясного различия между понятиями ἐλεύθερος, αὐτόνομος, ἀφορολόγητος и т.д. в их государственно-правовом значении. Перечисление мест, где они встречаются, завело бы нас слишком далеко; мы должны представлять себе разнообразие их условий жизни не менее пестрым и фактически таким же, как во время первого афинского морского союза и спартанской симмахии, где кроме этого были еще понятия ὑπήκοος и αὐτόπολις.

¹⁴⁶ Таковы найденные в Сайде в 1863 году золотые монеты Родоса, Хиоса и Пергама (Waddington в Revue Numism., 1865, S. 8, 11, 13); таковы далее принадлежащие к этому времени серебряные монеты Халкедона, Эфеса и Родоса; особенно характеричен Эфес, так как существуют монеты с пчелой Эфеса и надписью ΑΡΣΕ, следовательно, от того времени, когда город по имени супруги Лисиμαха назывался Арсиноей, и вес этих монет не равен весу драхм Александра (4,10 г. — 4,25 г.), но равен 4,93 г. — 5,59 г.

¹⁴⁷ Надпись из Илиона у Schliemann'a, Trojanische Alterthümer, S. 204.

¹⁴⁸ Когда осенью 334 года персидские адмиралы явились на Тенедос, χελεύουσι τὰς στήλας τὰς πρὸς Ἀλέξανδρον καὶ τοὺς Ἕλληνας γενομένας σφίσι, ταῦτα μὲν καθελεῖν, πρὸς Δαρεῖον δὲ ἀγειν τὴν εἰρήνην ἣν ἐπὶ Ἀνταλκίδου Δαρεῖω συνέθεντο (Arrian., II, 2, 2). В Митилене они требуют τοὺς μὲν ξένους τοὺς παρ' Ἀλεξάνδρου σφίσι κατὰ συμμαχίαν ἤκοντας ἀπελθεῖν, Μιτυληναίους δὲ καθελεῖν μὲν τὰς πρὸς Ἀλέξανδρον σφίσι γενομένας στήλας, συμμαχούς δὲ εἶναι Δαρεῖου κατὰ τὴν εἰρήνην τὴν ἐπ' Ἀνταλκίδου γενομένην πρὸς βασιλέα Δαρεῖον (Arrian., II, 1, 4) Демосфен ((Dem.,) De foed. Alex., § 7) констатирует тот факт, что Александр восстановил в Мессении тирана, тогда как он изгнал тиранов с Лесбоса, но говорит не так, как если бы Коринфский союз был компетентен насчет этого также и на Лесбосе.

¹⁴⁹ Один эпиграфический текст (С. I. Graec., II, n° 2166. Add. p. 1024), более полная копия которого помещена теперь в Μουσεῖον καὶ βιβλιοθήκη τῆς

εὐαγγελικῆς σχολῆς (Смирна, 1876, с. 128) сообщает нам, что в 321 году Антипатром именем царя была потребована εἰσφορά от Насоса (Гекатоннис) и от других городов для войны против Пердикки, а островитяне были освобождены от нее, что Кассандр точно так же для войны на Кипре потребовал εἰσφορὰς καὶ μεγάλας δαπανάς, но облегчил их для Насоса благодаря заступничеству Ферсиппа.

¹⁵⁰ Указание в тексте основывается на том обстоятельстве, что мы имеем серебряные и медные монеты этого и ближайшего времени, с изображением на лицевой стороне головы Паллады, как на статорах Александра, а на задней молнию с надписью ΑΙΟΛΕ. Вряд ли уместно относить сюда же часто встречающийся на карийских монетах двойной топор. За возобновление или возобновленное значение союза ионийских городов говорит то, что Смирна, восстановленная Александром и Антигоном, по словам Витрувия (IV, 1), снова была принята в лигу. Наконец, мы имеем теперь две надписи, подтверждающие, что κοινόν ионийских городов существовал. В одной из этих надписей, весьма пространным документе, заключающем в себе предписание царя Антигона (следовательно, между 306–301 годами) относительно синоикизма Лебедоса и Теоса, определяется, между прочим, порядок посылки представителей на празднуемый ими сообща праздник Панионий (Le Bas-Waddington, II, n° 86). Другая надпись (Ärchäol. Zeitung, 1872, s. 188) найдена в Смирне, и начало ее гласит: ἔδοξεν Ἰώνων τῷ κοινῷ τῶν τρισκαίδεκα πόλεων, ἐπειδὴ Ἰππόστρατος Ἰπποδάμου Μιλήσιος φίλος ὦν τοῦ βασιλέως Λυσιμάχου καὶ στρατηγός ἐπὶ τῶν πόλεων τῶν Ἰάδων κατασταθεῖς и т.д. Этот текст совершенно объясняет нам свидетельство Страбона, что на Истме между Теосом и Эрифрами Александру была посвящена роща καὶ ἄγων ἀπὸ τοῦ κοινοῦ τοῦ Ἰώνων Ἀλεξάνδρεια καταγγέλλεται συντελούμενος ἐνταῦθα (Strab., XIV, 644).

¹⁵¹ Надпись Илиона (Гессарлык), изданная G. Hirschfeld'ом в Ärchäol. Zeitung. N. F. VII, 151. В нем заключается шесть γνώμη τῶν συνέδρων и, как прибавка, предложение лампсакенца Симала в честь Малусия из Гиргары, в первой γνώμη Антигон еще называется без царского титула, во второй он уже носит его. Малусий удостоивается почетного постановления, ὅτι ἀνὴρ ἀγαθός ἐστιν περὶ τὸ ἱερόν τῆς Ἀθήνας καὶ τὴν πανήγυριν καὶ τὸ κοινὸν τῶν πόλεων (с. 31. 55) и потому, что между прочим он ссудил деньги без процентов ἀποστελλάντων συνέδρων πρέσβεις εἰς τὸν βασιλέα ὑπὲρ τῆς ἐλευθέρου καὶ αὐτονομίας τῶν πόλεων τῶν κοινονοσῶ[ν τοῦ] ἱεροῦ καὶ τῆς πανηγύρεως. Эта надпись объясняет встречающиеся в других надписях формулы: Ἰλιεῖς καὶ αἱ πόλεις αἱ κριωνουσί[αι τῆς θυσίας κтл. (С. I. Graec., II, n° 3602), — σίνεδροι (С. I. Graec., II, n° 3601, s. 2, 9, 16), — ἢ τε πόλεις καὶ αἱ λοιπαὶ πόλεις (С. I. Graec., II, n° 3595, 40).

ГЛАВА ВТОРАЯ

¹ Arrian., III, 2, 5.

² Эти указания Полиена (V, 44, 3), как мы видим из Арриана (III, 2, 6), относятся к настоящему времени, а не ко времени войны с Византией, так как неизвестно, имел ли тогда Мемнон в своем распоряжении флот.

³ Арриан ничего не знает об этих совещаниях, которые мы находим у Диодора (XVII, 30) и Курция (III, 1); сами по себе они не содержат ничего невероятного; возможно, что Клитарх заимствовал их из Каллисфена, который, конечно, мог узнать от пленных персов основу своего рассказа; но прием изложения этого автора не дает нам никакой гарантии в его точности.

⁴ Арриан (II, 2, 1) говорит ἐπὶ Λυκίας; что наемники были отведены в Финикию, видно из Арриана (II, 13, 2).

⁵ τὰς στήλας τὰς πρὸς Ἀλέξανδρον καὶ τοὺς Ἕλληνας γενομένας σφίσι... καθελεῖν (Arrian., II, 2, 2).

⁶ Arrian., II, 2, 3. Это, несомненно, тот же Гегелох, который командовал авангардом при походе к Гранику. В помощники ему был дан Амфотер, брат Кратера (Curt., III, 1, 19). По словам Псевдо-Демосфена (De foed. Alex., § 20), организация флота была закончена в заливе Безики (εἰς Τένεδον ἅπαντα τὰ ἐκ τοῦ πόντου πλοῖα κατήγαγον); у Тенедоса Гегелох мог только собирать корабли, пока персидский флот еще стоял у Лесбоса; поэтому, когда флот под предводительством Мемнона поплыл к Хиосу и далее, Александр послал приказ приступить к вооружению кораблей. Поэтому Курций (III, 1, 19) говорит: nondum enim Memnonem vita excessisse cognoverat.

⁷ [Demosth.,] De foed. Alex., § 20. Plut., Vit. X Oratt. (Demosth.). Менсфей был ex Theressa natus, Cotyis regis filia (Corn. Nep., Ipbicr., 5).

⁸ Мы можем заключить из одного места Анаксимена (fr. 17), что Алкимах, тот самый, который, по словам Арриана (I, 18, 1), командовал над проходившей через Эолиду колонной, был послан в Афины с поручением потребовать у афинян кораблей против приближавшегося персидского флота; поэтому Курций (III, 2, 20) говорит: ex foedere naves socii imperatae, quae Hellesponto praesiderent. Фокион советовал тогда уступить, если они не желают войны с Македонией (Plut., Phocion, 21), но Демосфен и Гиперид возражали, что нельзя знать, не желает ли царь употребить этих кораблей против Афин. Возможно, что упоминаемая у Псевдо-Демосфена (De foed. Alex., § 27) триера прибывшая в Пирей, была триерой Алкимаха и что он в то же время — он был афинским гражданином (Нагросгат, s. v.) — просил о позволении строить для Македонии на афинских верфях небольшие корабли, ὃν ἔδει εὐθύς μετὰ τῆς τριήρους ὑφ' ἡμῶν ἀπολωλέναι, как полагает оратор. В заключение он довольно прямо советуется объявить войну. Эта речь должна относиться к лету 333 года.

⁹ Arrian., II, 2, 4. Curt., III, 4, 1.

¹⁰ Мы не можем более точно определить хронологии морских операций и смерти Мемнона. Если Дарий, как говорит Курций (III, 2, 2), еще находился в Вавилоне, когда узнал о смерти Мемнона, то из этого можно вывести следующее заключение. Мы находим персидское войско в Сохах около реки Галеба в конце октября. От реки Галеба до Пил войску десяти тысяч пришлось пройти 220 парасангов и сделать 35 переходов; от Пил до Вавилона



было еще 20 парасангов. Таким образом, Дарий должен был выступить из Вавилона самое позднее в начале сентября. Выступил он уже после получения известия о смерти Мемнона; он получил его теперь уже не по государственной почте через Сарды, но гораздо медленнее далеким круговым путем — морем через Финикию; смерть Мемнона последовала, таким образом, самое позднее в конце июля. Фимонд, передавший Фарнабазу в Триполисе военные полномочия Мемнона, в то же время принял там под свое начальство греческих наемников флота; приказ перевести их должен был быть отправлен из Вавилона, по крайней мере, восемь неделями ранее, то есть самое позднее в начале июня, так что Фарнабаз с частью флота и наемниками отплыл в Финикию никак не позже конца июня. Мемнон мог умереть в течение месяца или даже еще раньше.

¹¹ В Карии было оставлено 3000 наемников и 200 лошадей, перед Келенами 1500 человек, затем были оставлены гарнизоны в Сиде, в Лидии и в Малой Фригии, т. е. около 3000 человек; вряд ли эти 8000 человек могли быть усилены наемниками, которые время от времени переходили с персидской службы на македонскую, и мы не имеем никаких верных следов того, чтобы какие-нибудь контингенты азиатских греков присоединялись к македонским войскам. Каллисфен (fr. 33) говорит, что к нему прибыло 5000 пехотинцев, 800 всадников; прикладывая их к своим 40 000 и тем 4500, которых он насчитывает при начале первого похода, он, по словам Полибия (XII, 19), определяет численность армии Александра в битве при Иссе в 45 000 пехотинцев и в 5300 всадников; он забывает вычесть отсюда тех, которые были командированы в другие места, и гарнизоны. Полибий в своей вообще столь удачной критике Каллисфена тоже вычитает для этого слишком мало, всего 3000 человек.

¹² Другой рассказ об этом событии дает Аристубул: царь вытащил затычку, которая была продета в дышло и не давала распуститься узлу. Если даже этот рассказ верен, то, несомненно, все войско предпочитало верить разрублению мечом, чем действительно ничтожной операции с затычкой, и пересказывало дело таким образом; как в яйце Колумба, доказательством гения служит не результат, но новизна решения.

¹³ Александр так замедлил своим выступлением из Гордия не для того, чтобы найти подножный корм на полях; уже в мае на высокой фригийской равнине трава достигает своего полного роста. Выступление Александра должно было последовать тогда, когда пришло известие, что наемники флота получили приказ прибыть в Триполис; он должен был выступить в начале июля. Если Александр шел через Анкиру, то он избрал свой путь не к югу через солончаки, но по большой дороге через Галис, на что и указывает Арриан (II, 4, 2), говоря, что Александр *ἐπὶ Καππαδοκίας ἐλάσας ξυμπᾶσαν τὴν ἐντὸς* "Ἄλυος ποταμοῦ προσηγάγετο καὶ ἔτι ὑπὲρ τὸν Ἄλυν πολλήν. Александр, вероятно, прибыл в Киликию в начале сентября.

¹⁴ По словам Курция (III, 1, 22), Александр сам вступил в Пафлагонию; положительное свидетельство Арриана доказывает противное. Что Пафлагонией управлял тогда Митридат, сын Ариобарзана, почти не подлежит никакому сомнению после слов Диодора (XVI, 90, 2); это тот же самый Митридат, который впоследствии находился в такой дружбе с Антигоном и его сыном Деметрием и который несмотря на всевозможные перемены сохра-

нил все-таки до 302 года, когда ему наследовал Митридат III Основатель, часть своей *βασιλεία*, как ее называет Диодор.

¹⁵ H. Droysen (*Die Münzen der persischen Satrapen in Kleinasien* в v. Sallet, *Numism. Zeitschr.* II, S. 314 ff.) доказал, что Каппадокия уже во время Датама (около 360 года) разделялась на две сатрапии, Каппадокию Понтийскую и Каппадокию Таврскую, как ее называет Страбон (XII, 534). Он же с полным основанием сомневается в принадлежности Ариарату, который теперь бежал и одиннадцать лет спустя пал в бою против Пердикки, выбитых в Синопе, а быть может и в Газиуре серебряных и медных монет с надписью ΠΑΡΓΑΚ (Ariogat); он приписывает их его сыну, Ариарату II, как его обыкновенно называют.

¹⁶ Этим именем, во всяком случае странным, называет его Арриан (II, 4, 2), у Курция (III, 4, 1) он называется Абистаменом. И естественный ход дела и положительное свидетельство Арриана подтверждают покорение Каппадокии. Если Иероним (у Аппиана, В. Mithrid., 8), утверждает, что Александр не коснулся Каппадокии, но пошел против Дария вдоль берега Памфилии и Киликии, то ошибается или он, или Аппиан. Но так как впоследствии Ариарат, действительно, еще является государем Каппадокии, то ясно, что прилегающая к Понту часть этой страны осталась в его руках.

¹⁷ Мемнон (ар. Phot., 223, 40 (с. 4)) рассказывает, в какой тревоге был тиран Гераклеи Дионисий и как изгнанники Гераклеи послали к Александру *καὶ χάριτον καὶ τὴν τῆς πόλεως πατριὸν δημοκρατίαν ἐξαιτούμενον*.

¹⁸ Мы имеем право предположить, что от внимания Александра не скрылась важная, господствующая над путем в Армению позиция Мазак (Цезареи), лежавшей у подножия горы Ардиша в равнине реки Мелана. Отсюда между Ардишем и горною крепостью Норой, которой суждено было приобрести такое важное значение при диадохах, он двинулся к Тиане (вероятно Килисса-Гиссар, см. комментаторов к *Анабасису* Ксенофонта (I, 2, 20) и Kinneir, *Journey*, P. 105 и 110); у Чихачева (*Ergänzungsheft* n° 20 zu Petennann, *Geogr. Mittheil.*, S. 15) это место называется Киссер-Гиссар.

¹⁹ Пройденный Александром проход сделался более известным со времени Kinneir'a (с. 118 сл.) и особенно после путешествия Чихачева в 1853 году (op. cit., с. 55 сл.).

²⁰ Arrian., II, 4, 8. Сенека (*De ira*, II, 23) говорит, что Олимпиада прислала ему в письме предостережение. Аристокл не говорит о купании в Кидне, но говорит, что царь заболел от чрезмерных трудов.

²¹ Arrian., II, 12, 4.

²² Arrian., II, 5, 8–9. Strab., XIV, 676. Что свобода, данная здесь греческим городам, не была свободой, дарованной западному берегу Малой Азии, это мы увидим ниже. По словам Арриана (II, 20, 2), около этого времени несколько триер Сол и Малла еще находились в составе персидского флота.

²³ Rennel думал найти эти Сохи в окрестностях Дербезака, к востоку от проходов Байлана, и, если бы Дарий не прошел через Аманские ворота, на этом, столь часто употреблявшемся для битв поле (Strabon, XVI, 751), несомненно, решилась бы и битва с македонянами; двухдневное расстояние от Аманских ворот заставляет нас отнести Сохи приблизительно туда, где Niebuhr помещает Анкас (Акас на новейших картах); они лежат в восьми милях от прохода, в пяти милях от Алеппо, при вступлении на так называем-

мое Кровавое поле. Onchaе у Курция (IV, 1, 3; варианты Unchaе, Orchaе), по-видимому, представляют собою то же самое место.

²⁴ По словам Арриана (II, 11, 10), битва при Иссе произошла в мемакте-рионе, т. е. приблизительно между 28 октября и 27 ноября 333 года.

²⁵ Следует заметить, что об этих событиях в совете Дария рассказывает Арриан (II, 6, 3–6), но еще замечательнее употребляемый им оборот: *καταπατήσῃεν τε τῇ ἵππῳ τῶν Μακεδόνων τὴν στρατιὰν ἄλλος ἄλλοθεν αὐτῷ ἐπαίροντες ἐπέλεγον*; в таких же выражениях, если следовать Эсхину (*In Ctesiph.*, § 164), Демосфен говорил о битве при Иссе: *ἐπειδὴ πάσῃ τῇ δυνάμει Δαρείος καταβεβήκει, ὁ δὲ Ἀλέξανδρος ἦν ἀπειλημένος ἐν Κιλικίᾳ πάντων ἐνδεῆς ὡς ἔφρασα σύ, αὐτίκα δὲ μάλα ἤμελλεν, ὡς ἦν ὁ παρὰ σοῦ λόγος, συμπατήσεσθαι ὑπὸ τῆς Περσικῆς ἵππου κτλ.* и при этом Демосфен показал письма, излагавшие дело таким образом.

²⁶ Что эти указания Курция III, 9, 20) имеют историческую основу, видно из начала речи Александра у Арриана (II 7, 3): *ἄρρῳ ἐν παρτάλει* и т. д.

²⁷ Арриан прибавляет с оговоркой *λέγεται* (II, 7, 8), что Александр упомянул также о Ксенофоне и десяти тысячах. На основании этого оборота можно было бы покуситься заключить, что эта речь — она приводится в пересказе, а не как вставная речь — заимствована из Птолемея и в существенных чертах подлинна. Почему эта речь не могла быть ни сказана таким образом Александром, ни составлена Птолемеем, это мы сделали попытку доказать в помещаемом в приложении исследовании источников.

²⁸ *ἄλλος ἄλλοθεν δεξιούμενοι τε τὸν βασιλέα καὶ τῷ λόγῳ ἐπαίροντες ἄγειν ἤδη ἐκέλευον* (Arrian., II, 7, 3).

²⁹ В одном поддельном письме кардианца Эвмена к Антипатру рассказывается: утром перед битвой Гефестион явился в шатер царя и, забылся ли он, или был возбужден, как я сам, или бог вложил ему это в уста, словом, он сказал: «Храни тебя бог (*ὑγίαινε*), о царь, настала пора!» Все были крайне встревожены этим совершенно неуместным приветствием, Гефестион исполнился стыда и огорчения, а Александр сказал: «Я принимаю, Гефестион, твое приветствие как радостное предзнаменование; оно обещает мне, что бог будет хранить нас и мы в добром здравьи возвратимся из сражения».

³⁰ Каллисфен (ар. Polyb., XII, 21) определяет ширину равнины в четырнадцать стадий. Предполагая даже, что цифры персидского войска преувеличены, на таком пространстве не было бы места даже для македонского фронта, как это вполне ясно доказывает Полибий; впрочем и с той, и с другой стороны боевая линия доходила до передовых гор. Топография была установлена исследованиями Rappell'я и указаниями Künneig'a (*Journey*, p. 136); газеты 1832 года, воспроизводившие донесения египетского паши от 1, 2 и 3 августа, тоже содержат в себе некоторые указания. Наконец, в последнее время поле битвы исследовали Favre и Mandrot, которые сняли более точный план, чем прежние наброски (см. воспроизведение их чертежей Kierpert'ом (*Globus*, XXXIV, II, 15). Часто упоминаемые теснины, через которые Александр прошел назад, — это идущие вдоль морского берега теснины разрушенного теперь форта Меркеса, те самые, которые точно описывает Ксенофонт в своем *Анабасисе* (I, 4, 4); они были в три стадии длиной, при их входе и выходе с гор спускаются к морю степи, а посреди них течет река Керс. Расстояние от Иссы до этих проходов

равняется 5 парасангам (150 стадий). У Меркеса по находящейся передо мною карте английского адмиралтейства ширина береговой равнины равняется $\frac{1}{4}$ мили, затем она снова суживается и только вблизи Пинара высоты отступают от берега, и равнина между морем и подножием гор достигает $\frac{1}{2}$ мили ширины.

³¹ Арриан (II, 8, 6) говорит *ἐπὶ πρώτους ἔταξεν*, что может обозначать только позицию греческих наемников на правом крыле и что противоречит словам *ἐπὶ δὲ τοῦτοις ἔνθεν καὶ ἔνθεν*, но слова Курция решают, по-видимому, это разногласие в пользу *πρώτους*.

³² По словам Курция (III, 9, 3), ими предводительствовал Аристомед Ферский.

³³ Позиции персидской армии весьма неясны; приведенное выше расположение их войск вытекает из текста Арриана и ошибок Калисфена. У Курция персидские всадники правого крыла открывают сражение против фессалийской конницы; они, следовательно, выстроены направо от греческих наемников. *Nabarzanes equitatu dextrum cornu tuebatur... in eodem Thymondes erat Graecis praepositus* (Curt., III, 9, 1); Калисфен (fr. 33) и Арриан (II, 8, 11) говорят, что персидский царь находился в центре боевой линии; по словам Курция, его окружают телохранители, состоящие из 3000 избранных всадников и 40 000 пехотинцев. Относительно длины персидской линии нельзя утверждать ничего достоверного; 30 000 греческих наемников на их правом крыле, чтобы построиться, должны были занять добрую половину береговой равнины.

³⁴ Арриан (II, 8, 5) называет только 5 таксисов фаланги, недостает фаланги Кратера, которого он называет командующим над левым крылом таксисов пехоты. Курций (III 9, 7) тоже не называет фаланги Кратера. Трудно поверить, чтобы царь в сражении не имел при себе своих шести таксисов и чтобы он командировал прочь целый таксис или разместил его по гарнизонам; даже 3000 человек, оставленных перед Галикарнассом, были не македоняне, но *ξῆνοι*.

³⁵ Это построение углом (*en potence*), *ἐς ἐπικαμπήν πρὸς τὸ ὄρος* (Arrian., II, 9, 2), может в то же время служить характеристикой топографических условий местности.

³⁶ *καὶ ἄλλοι ἐς εἴκοσι μάλιστα καὶ ἑκατὸν τῶν οὐκ ἡμελημένων Μακεδόνων* (Arrian., II, 10, 7). Так как этот Птолемей был соматофилаком (Arrian., I, 24, 1), то он мог быть назначен для командования фалангой — той, которой командовал Филипп при Гранике.

³⁷ По словам Диодора (XVII, 37), Александр продолжал преследование на расстоянии 200 стадий. Город Никополь, который он основал при восточном выходе из Аманских теснин, вероятно, указывал на то место, до которого он преследовал. Мне сообщают, что проф. Hausknecht в нынешнем местечке Ребуле открыл развалины прежнего Никополя.

³⁸ Арриан (II, 11, 10) говорит, что количество доставшихся в добычу денег «не превышало 3000 талантов»; он подразумевает таланты серебра.

³⁹ Арриан (II, 12, 5) прямо говорит, что так сообщают Птолемей и Аристул; название его *ἕνα τῶν ἐταίρων* показывает, что Леоннат еще не был одним из семи телохранителей, как можно было бы заключить из Диодора (XVI, 94).

⁴⁰ Этот рассказ, часто упоминающийся у древних авторов, мог бы возбуждать сомнения особенно потому, что Александр в одном, вероятно, несколько позднее написанном письме (Plut., Alex., 23), утверждает, что никогда не видал супруги Дария; это утверждение повторяют Плутарх (*De Curios.*) и Афиней (XIII, 603); к сожалению, очень трудно доказать подлинность этого письма.

⁴¹ Таковы цифры Диодора (XVII, 36); Юстин (XI, 9, 10) называет 130 пехотинцев и 150 всадников; Курций (III, 11, 27) насчитывает 32 пехотинца, 150 всадников и 504 раненых. Если, по словам Арриана, только на крыле Пармениона пало 120 человек *τῶν οὐκ ἠμελημένων*, то общее число убитых со стороны македонян должно было быть значительно больше, а число раненых следует принять в 8–10 раз больше.

⁴² Cic., *Ad Fam.*, XV, 4, 9. *Ad Attic.*, V, 20, 3.

⁴³ Curt., IV, 1, 14. Diodor., XVII, 48.

⁴⁴ Конечно, не через Мириандр, но, несомненно, по дороге вверх по течению Оронта.

⁴⁵ По словам Курция (IV, 1, 27), Аминта повел 4000 бежавших греков в Триполис и далее на Кипр; по словам Диодора (XVII, 48), 8000 наемников, спасшихся под Иссом, берет к себе на службу Агис, а Аминта отправляется с 4000 в Триполис и далее на Кипр, где он вербует себе больше наемников. Арриан говорит, как и стоит в нашем тексте, что предводителями этих беглецов были Аминта, сын Антиоха, Фимонд, сын Ментора, Аристомед Ферский и акарнанец Бианор, *ξύμπαντες οὗτοι αὐτόμολοι*.

⁴⁶ Это письмо, как и ответ на него Александра (Arrian., II, 14), должно быть подлинно, так как в противном случае царь Ох, как он назван в ответном письме, не был бы назван в письме Дария царским именем Артаксеркса. В несколько иной редакции приводит это послание Курций (IV, 1, 8), и опять в иной редакции упоминает о нем Плутарх (*Alex.*, 29). В *Itin. Alex.*, которое обыкновенно воспроизводит один только Арриан, в главе 39 есть, как у Плутарха, предложение 10 000 талантов; Плутарх, кроме того, прибавляет предложение о заключении брачного союза между Александром и дочерью Дария и об уступке Александру земель до Евфрата.

⁴⁷ *αὐτὸς βασιλεὺς παρὰ βασιλέως* (Arrian., II, 14, 3). Курций (IV, 17), напротив, говорит: *praecipue eum movit, quod Darius sibi regis titulum, nec eundem Alexandri nomini adscripserat*. «Что царь требует от царя», в этом, по мнению Дария, по-видимому, заключалось важное признание равенства, которого царь царей обыкновенно не признавал ни за кем.

⁴⁸ Этот Ферсипп должен был быть тот самый, который в надписи Пасоса, относящейся к 320 году, назван *τῶν [τοῖς βασι]λησσι φίλος καὶ τοῖς στρατο[άγοισι] καὶ τοῖς ἄλλοισι Μακεδόνεσσι* (С. I. Graec., II, n° 2166 с, 1024). См. полный текст в приложении ко второму тому настоящего труда.

⁴⁹ Arrian., II, 14, 4. Ту же самую основу нельзя не узнать в обработке Курция (IV, 1, 10). Мне кажется, что мы не имеем никаких причин сомневаться в подлинности этого письма; указанная в тексте причина может объяснить то, что оно до нас дошло.

⁵⁰ *τὸ δ' ἐὰν βουλόμεθα ἐστὶν ἅμα καὶ τὸ ἐναντίον* ([Demosth.], *De foed. Alex.*, § 30). Время произнесения этой речи можно определить из того, что Гегелох уже отпустил афинские корабли (§ 20) и что тираны Эреса и Антиссы

изгнаны Александром (§ 7); выражение *ἐκβαλεῖν* не исключает того, что они уже снова находятся там. Если вскоре после этого греческие послы к персидскому царю, Ификрат, сын знаменитого Ификрата, фиванцы Фессалиск и Дионисодор и спартанец Эвфикл, и попали в Дамаске в руки Пармениона, то, взвесив все обстоятельства этого дела, мы приходим к заключению, что они были посланы не при восстании Фив в 335 году, но только в 333 году; Александр прощает фиванцам, так как им служит извинением то, что они сделали это *ἠνδραποδοσιμένης τῆς πατρίδος*, а то, что произошло с Фивами до 335 года, после бивы при Херонее, с македонской точки зрения, не могло быть названо *ἀνδραποδοσίως*. И зачем было бы в 335 году посылать Ификрата к персидскому царю, который тогда сам делал предложения афинянам? Каким образом мог бы он находиться при персидском дворе более двух лет и быть там после того, как Афины снова заключили мир с Александром, если бы он имел официальную миссию афинского государства?

⁵¹ Это сведение приводит только Курций (IV, 1, 36).

⁵² Из слов Арриана (*τινας τῶν νεῶν ἐς Κῶν καὶ Ἀλικαρνασσὸν ἔστειλαν*, II, 13, 4) можно было бы заключить, что в то время, когда это произошло — перед самым отплытием флота в Сидон — Офонтпат еще не был разбит; но затем у Арриана (II, 13, 6), спустя долгое время после того, как понесенное персами при Иссе поражение сделалось известным флоту, в Галикарнасс прибывает также и царь Агис (*εἰς Ἀλικαρνασσὸν παρ' Αὐτοφραδάτην ἀφίκετο*); это или ошибка, или Автофратат находился еще в Галикарнассском заливе. По словам Курция (IV, 5, 13), Милет был тоже еще занят Гидарном и снова взят Балакром только после битвы при Иссе; если верить этому известию, то весной 333 года Милет должен был сдаться персидскому флоту и Балакр, снова овладевший городом, мог быть только сыном Аминты; это был тот самый Балакр, который в Гордии получил вместо Антигона начальство над пехотой греческих союзников (Arrian., I, 29, 3) и который в начале 332 года был оставлен стратегом в Египте (Arrian., III, 5, 5).

⁵³ На это намекает Арриан (*ὑπ' Ἀλεξάνδρου αὐδῆς συναγαγεῖν δύναμιν ναυτικὴν προσετέτακτο* и т.д., II, 2, 3).

⁵⁴ *καὶ τὰς ἐπιστολάς ἃς ἐξηρητημένους ἐκ τῶν δακτύλων περιήεις ἐπιδεικνύων* (Aeschin, In Ctesiph., § 164). Фраза оканчивается таким образом: *...οὐδ' ἐνταῦθα ἐπραξας οὐδέν, ἀλλ' εἰς τινα καιρὸν ἀνεβάλλου καλλίω*.

⁵⁵ Arrian., III, 6, 7. Гарпал бежал *ὀλίγον πρόσθεν τῆς μάχης ἐν Ἴσσω* следовательно, приблизительно в октябре 333 года. То обстоятельство, что Тавриск, злой гений и спутник Гарпала, отправился в Италию к молоссу Александру, дает нам точный момент для определения хронологии этого направленного против Италии предприятия. Один отрывок (fr. 571) из *Δικαιώματα τῶν πόλεων* Аристотеля гласит: *Ἀλέξανδρος ὁ Μολοττός ὑπὸ τὸν αὐτὸν χρόνον Ταραντίνων αὐτὸν μεταπεμψαμένων ἐπὶ τὸν πρὸς τοὺς βαρβάρους πόλεμον* и т.д.; к сожалению, Аммоний, сохранивший нам этот отрывок, не указывает на то единовременное событие, к которому относится этот синхронизм.

⁵⁶ Курций говорит о тридцати тысячах человек; эта цифра не заключает в себе ничего невероятного, если мы будем считать подлинным отрывок из донесения Пармениона Александру (Athen., XIII, 607), содержащий перечень только небольшой части всего громадного количества добычи; там ска-

зано: «Я нашел 329 служанок царя для музыки и пения, 46 служителей для плетения венков, 277 поваров для приготовления кушаний, 29 поваров у плиты, 13 молочников, 17 слуг для приготовления питья, 70 для согревания вин и 40 для приготовления ароматов». — Полиен (IV, 5) рассказывает о военной хитрости, употребленной Парменионом для перевозки добычи на вьючных животных.

⁵⁷ Арриан (II, 12, 2) говорит просто: *σατραπὴν ἀποδείκνυει*, Диодор (XVIII, 22, 2) говорит: *ἀποδείξιμὸν σατραπήν ἅμα καὶ σατραπὴν*. Он же упоминает, что Балакр пал в бою против исавров ἐτι ζῶντος Ἀλεξάνδρου.

⁵⁸ Во II и III классе монет Александра Müller находит монеты Малла, Сол, Нагида и т.д. Известно, какая масса монет, в том числе и монеты сатрапов, чеканились в Киликии во времена персидского владычества; список монет с ΣΟΛΙΚΟΝ, ΤΕΡΣΙΚΟΝ, ΝΑΓΙΔΙΚΟΝ увеличился в последнее время монетой Исса с ΙΣΣΙΚΟΝ, находящейся в берлинском музее (см. von Sallet, *Nim. Zeitschr.*, 1876, IV, S. 145).

⁵⁹ Так утверждает Арриан (II, 20, 1 и II, 13, 7), где Герострат называется сыном Стратона. Курций (IV, 1, 15), следуя Диодору (XVII, 47), называет около этого времени какого-то сидонского царя Стратона, но это ошибка. Предшественник царя Тенна, возмущившегося против Оха, называется у Иеронима Стратоном (см. Perizon, ad Aelian, *Var. Hist.*, XII, 2) и его же называет Феопомп (ар. Athen., XII, 532; fr. 126); это тот же самый Стратон, которого мы встречаем в одной аттической надписи (С. I. Attic., II, 86).

⁶⁰ Таково было, по-видимому, простое содержание этого сильно искаженного различными прикрасами события, которое Диодор (XVII, 47) переносит в Тир, а Плутарх (*De fort. Alex.*, II, 8) в Паф. Ср.: Curt., IV, 1, 18; Justin., XI, 10. Арриан не упоминает об Абдалониме.

⁶¹ Arrian., II, 17.

⁶² Ср. Prutz., *Aus Phönicien*, 1876 (особенно карту к стр. 214, где глубина моря кругом острова показана по данным карты английского адмиралтейства). Из этой карты и из произведенных Prutz'ом на месте наблюдений видно, что от южной части острова, где некогда стояло капище Мелькарта, теперь остались только утесы, отмели и бесконечное множество развалин в море на небольшой глубине. Размеры города, которые, по Плинию, равнялись 22 стадиям, служат новым доказательством показанного протяжения города к югу; без этого размеры его равнялись бы только 14–15 стадиям.

⁶³ Курций и Диодор, несомненно, вполне правы, когда утверждают, что Александр для постройки плотины разрушил Старый Тир, который еще существовал (Scylax, 42, ed. Hudson). По словам Арриана (II, 24, 9), народонаселение его бежало в город на острове и вошло там в число ξένοι. Дальнейшие рассказы обоих вышеупомянутых писателей об осаде города на острове заслуживают веры лишь постольку, поскольку они подтверждаются Аррианом. Расстояние между островом и материком Скилак определяет в четыре стадии, Плиний (*Nat. Hist.*, V, 17) в 700 шагов. Так как осада продолжалась семь месяцев (Diodor., XVII, 46. Plut., *Alex.*, 24), то она должна была начаться около января 332 года.

⁶⁴ Рассказывают, что сам Александр наполнил первую корзину землею и принес ее, после чего македоняне с громкими криками восторга приняли за эту трудную работу (Polyaen., IV, 3, 3).

⁶⁵ По словам Курция (IV, 2, 10; 3, 19), карфагеняне, от которых только что прибыло торжественное посольство, тоже обещали помощь, но впоследствии извинялись тем, что им помешала высадка сиракузян на берег Африки. Хотя в Диодоре недостает истории Сицилии именно за эти годы, между смертью Тимолеонта и вступлением на престол Агафокла, но о подобном нападении сиракузян на берега Африки мы не встречаем ни слова ни у одного другого писателя, и само по себе при тогдашнем состоянии Сиракуз и Сицилии оно весьма мало вероятно.

⁶⁶ Арриан (II, 25, 1) говорит только *ἔτι ἐν τῇ πολλορκίᾳ* и т.д. Курций (IV, 5, 1) относит это посольство с предложением уступить земли до Галиса ко времени после падения Тира, о третьем посольстве он упоминает (IV, 11, 1) незадолго до битвы при Арбелах. Диодор (XVII, 54) и Плутарх (*Alex.*, 29) помещают второе посольство после возвращения Александра из Египта. В Марафе, — следовательно, около половины декабря 333 года — Александр отклонил первые предложения; сооружение плотины должно было потребовать по меньшей мере четыре недели; затем, за разрушением сделанной уже работы, должен был наступить перерыв. Дарий имел все основания не медлить со своим вторичным предложением.

⁶⁷ «Прощение — потому что они скорее по принуждению, чем добровольно бились за персов» — не есть «высокомерие», как это говорили. В той или иной форме царь был передовым бойцом эллинизма и он имел все основания твердо держаться этого принципа. Что родосцы и киприоты только теперь стали на сторону греческого дела, обращало такую *ἀδεία* в необходимость, если смотреть на них как на греков, а не как на перебежчиков.

⁶⁸ Курций упоминает о 180 кораблях, а Плутарх о 200; но Арриан, кроме приведенных в тексте чисел, дает еще понять, что до прибытия финикийской и других эскадр в распоряжении царя уже находилось некоторое количество триер.

⁶⁹ Упоминаемые здесь племена суть позднейшие итурей (т. е. дурзы или друзья средних веков), против которых воевал с той же целью Помпей. Курций, со своей стороны, полагает, что Александр воевал против арабов, потому что они перебили несколько македонян, когда те рубили кедры на Ливане. Рассказ об их храбрости, передаваемый Харетом (*Plut., Alex.*, 24), должен был лучше звучать в устах старых македонских солдат, чем в рассказах историка.

⁷⁰ Ни при осаде Тира, ни при осаде Галикарнасса Арриан не называет инженеров Александра. Фессалиец Полиид, действовавший при осаде Перинфа, теперь уже не принимал участия в походе; быть может, это тот Полиид, которого Арриан (III, 19, 6) называет отцом Эпокила. Как действовавшие во время Александра ученики Полиида называются оба упомянутые в тексте (*Athenaeus*, ар. *Math. Vett.* ed. Thévenot, с. 3–4), а также и третий, Демах (вариант *Διήνεχος*), *ὑπομνήματα πολλορκητικὰ*, которого цитирует Стефан Византийский (s. v. *λαχεδαίμων*); об нем же упоминает, быть может, и Афиней (ар. *Math. Vett.* ed. Thévenot, с. 2), хотя Wescher (*Poliorg.*, с. 5) и дает в этом месте теперь такой текст: то-то и то-то видно *ἐκ τῶν Δημιάχου Περιστικῶν* (варианты *στικῶν*, *περστικῶν*, *πορθητικῶν*) *καὶ τῶν αὐτοῦ ἀκολούθησάντων Ἀλεξάνδρῳ*... Арриан (II, 26, 1) говорит, что Александр пригласил также кипрских и финикийских машиностроителей.

⁷¹ День месяца верен только приблизительно (20 августа). Мы получаем его, сравнивая показание Арриана (II, 24, 6), что Тир был завоеван в Гекатомбеоне (приблизительно между 22 июлем и 20 августом), с чудесным рассказом Плутарха о предсказании Аристандра, что город будет завоеван еще в этом месяце, хотя был уже последний день месяца. Предсказатель, конечно, говорил не об аттическом, но о македонском месяце; определение дня остается сомнительным, так как неизвестно, совпадал ли аттический месяц с македонским; даже и в этом случае 20 августа верно только тогда, если во время Александра следовали канону Метона, как его вычислил Ideler (*Handb. d. Chronol.*, I, 386).

⁷² Arrian., II, 24, 4 и 5. *ἔξηνδραποδισμένον μετὰ βίας* (Polyb., XVI, 39). По Диодору, в бою пало 7000 человек (6000 у Курция), 2000 способных к военной службе жителей было пригвождено к кресту, 13 000 стариков, жен и детей (большая часть бежала в Карфаген) были проданы в рабство; Арриан определяет число убитых в 8000, а число пленных в 30 000. Само собою разумеется, что в городе было более 40 000 жителей, как это мы могли бы заключить из Арриана. Уже одни 80 кораблей, часть которых была пентерами, требовали 20 000 человек экипажа. Со своими узкими улицами и высокими домами и имея 22 стадии в окружности, которые ему дает Плиний, город на острове мог при условиях больших городов нового времени насчитывать в себе 80 000 жителей. Многие тысячи из них, несомненно, бежали еще до начала осады; они мало-помалу собрались снова.

⁷³ По словам Курция (IV, 4, 15), таких было 15 000 человек. Юстин (XVIII, 3) рассказывает нам странные вещи: *genus tantum Stratonis inviolatum servavit* — это для него прежняя царская династия — *regnumque stirpi ejus restituit, ingenuis et innoxiiis incolis incolae attributis, ut exstirpato servili germine genus unum ex integro conderetur* и т.д. Между прочим мы имеем и свидетельство Страбона (XVI, 757), что Тир скоро снова стал значительным и богатым торговым пунктом.

⁷⁴ Должно заметить, что ни один из древних писателей не высказывается ясно по этому пункту; показание Арриана, что Адземику было прощено (*ἄδεια*), и запутанный рассказ Диодора (XVII, 47) об Абдалониме могли бы легко заставить предположить противное. Но в пользу нашего изложения говорят кроме связи событий и позднейшая история; при раздорах диадохов упоминаются цари на Кипре и в Сидоне, Библе и Араде, но македонские фрурархи в Тире; в Тире тоже Пердикка хранил свою казну (Diodor., XVIII, 37).

⁷⁵ Если Курций (IV, 5, 9) говорит: *Philota regioni circa Tyrum praesidere jusso*, то само по себе в этом нет ничего невозможного; но он говорит в то же время, что во главе управления Киликии был поставлен Сократ, а во главе управления Келесирии Андромах (*Andromacho Parmenio tradiderat bello quod supererat interfuturus*), между тем как Арриан (II, 12, 2; 13, 7) называет сатрапом Сирии Менона, а сатрапом Киликии Балакра. Можно принять, что в Сирийской земле, как и в других местах, рядом с сатрапом был оставлен военачальник, и что после Пармениона это звание получил Андромах.

⁷⁶ Как доказательство произведенного впечатления, можно было бы привести то место, где Курций (IV, 5, 8) говорит, что собравшиеся для празднования Истмийских игр эллины решили, *ut sunt temporaria ingenia*, послать

к Александру с пятнадцатью послами золотой венки *ob res pro salute ac libertate Graeciae gestas*. Эти Истмийские праздновались в начале лета 332 года до падения Тира. Если такое постановление было сделано при праздновании Истмийских игр, то этот *victoriae donum* относится к победе при Иссе. Диодор (XVII, 47) рассказывает приблизительно то же самое, но о *σίνεδροι τῶν Ἑλλήνων*, и относит категорически это поздравление к одержанной в Киликии победе.

⁷⁷ Так называет его Арриан (II, 25, 4). У Иосифа (*Ant. Jud.*, XI, 8, 4) его имя гласит *Βαβαμῆσης* (варианты *Abimases, Babimasis*). В непонятном *βασιλεύς* у Гегесия (fr. 3) думали найти искаженное имя этого евнуха.

⁷⁸ Описание осады у Арриана коротко и не совсем ясно, особенно в рассказе об этой вторично воздвигнутой насыпи; полагали, что его *χωμα χωνύνας ἐν κύκλῳ πάντοθεν τῆς πόλεως* обозначает проведение вала кругом всего города, который занимал всю гору, имевшую по Stark'у (с. 25) две английские мили, т. е. около 5000 шагов в окружности. Если бы длина городской стены равнялась только 4000 шагов и над этим валом работало бы ежедневно 20 000 человек, то по весьма простому расчету им пришлось бы работать весьма долго, чтобы насыпать вал такой вышины; кроме того, в этом случае для подведения подкопов под стену не осталось бы места.

⁷⁹ *φρούριον ἐς τὸ πῶλεμον* (Arrian., II, 27, 7).

⁸⁰ Курций или его ближайший источник при описании этой осады заимствовали из Гегесия многие подробности, не имеющие никакого исторического значения: таково покушение на убийство арабского перебежчика (IV, 6, 15) и мщение евнуху Бату (IV, 6, 25–30), взятому в плен Филотой и Леонатом (Heges., fr. 3); Курций не называет этих двух имен, потому что у него Филота остался в Тире. По Диодору (XVII, 48) и Иосифу (*Ant. Jud.*, XI, 8), осада Газы тянулась два месяца. Войско подступило к Газе в конце сентября, а город пал в конце ноября; переход до Пелусия продолжался семь дней, Александр не мог быть в Мемфисе ранее конца ноября; в каноне царей первый год Александра совпадает с 1 тота 417 года эры Набонассара, т. е. с 14 ноября 332 года; ср. Ideler (*Handb. d. Chronol.*, I, 122).

⁸¹ Полное молчание заслуживающих веры писателей не позволяет нам прийти к точным выводам касательно политики, которой держался Александр по отношению к Иерусалиму и Самарии. По этому вопросу можно справиться с Saint-Croix (*Histor. d'Alex.*, с. 547 сл.), хотя он и относится с излишним доверием к Гекатею Абдерскому, изобретателю знаменитого дворца Осимандии в Фивах. Те сведения, которые приведены нами в тексте, находятся у Иосифа (*Ant. Jud.*, XI, 8, 2–7). Талмудическая традиция (Derenbourg, *Essai sur l'histoire. A la geographie de la Palestine*, Paris, 1867. P. 71) называет первосвященником во время этих событий знаменитого Симеона Справедливого, внука Иаддуя, тогда как самаританская традиция рассказывает те же события о самаритянском первосвященнике Езекии. Если следовать Иосифу, то Санаваллат был куфейцем, как и народонаселение Самарии, и выдал свою дочь замуж за Манассию, брата Иаддуя, который был изгнан иудеями именно за этот брак, убедил его воздвигнуть храм на горе Гаризим и сделать его там первосвященником; после победы при Иссе Санаваллат принял сторону македонян, но умер раньше, чем Александр подступил к Газе. По талмудическим преданиям куфеи Самарии просили у Алек-

сандра позволения разрушить храм в Иерусалиме, после чего к нему явилось торжественное посольство евреев, выхлопотавшее себе со своей стороны разрешение разрушить храм в Гаризиме. В действительности же этот храм был разрушен гораздо позднее во время Иоанна Гиркана. По словам Гекатея (ар. Joseph., *Contr. Apion.*, II, 4), Александр освободил от податей и отдал иудеям τὴν Σαμαρείτιν χώραν; быть может, он подразумевал здесь только три топархии, о которых идет речь в первой книге *Маккабеев* (II, 28 и 34); но исправлять на основании этого вместе с Graetz'em (*Geschichte der Israeliten*, 1876, s. 224) отрывок Гекатея нам кажется слишком смелым. — Из Арриана (II, 13, 7) видно, что после взятия Дамаска Парменионом, сатрапом Келесирии был назначен Менон, сын Кердима; это, очевидно, гот самый Менон, который позднее был отрешен от должности за то, что не позаботился надлежащим образом о продовольствии войска во время его перехода из Египта к Евфрату (Argian., III, 6, 8; относительно варианта Ἀρίμνας см. ниже прим. 21 к гл. 3 кн. II. По Курцию (IV, 5, 9), Парменион при своем выступлении из Дамаска в Тир передал управление Сирией Андромаху; ниже (IV, 8, 9) Курций говорит, что Александр при своем выступлении из Египта узнал, что самаритяне умертвили Андромаху; он наказал их и назначил Менона его преемником, но этот рассказ не выдерживает критики в сравнении с текстом Арриана. По Евсебию (*Chron.*, II, 114 ed. Schöne, ann. 1680 а. А. т. е. Ol. CXI, 1 — 337 год до Р. X. — ann. 1685 а. А., т. е. Ol. CXII, 1 — 332 году до Р. X. у Иеронима) это послужило для Александра поводом поселить македонян в Самарии (τὴν Σαμαρείαν πόλιν ἐλὼν Μακεδόνας ἐν αὐτῇ κατήκισε); ниже (с. 118) Евсевий говорит, что это произошло тогда, когда Пердикка был наместником государства: Samaritanorum urbem a Perdicca constructam (или, по Petermann'у incolis frequentatam). Словом, все относящиеся к Иерусалиму и Самарии сведения до такой степени противоречивы, что мы должны отказаться от надежды извлечь из них прагматическую связь событий.

⁸² Но не монеты Тира, которые относятся к пятому классу и, следовательно, чеканены позже 306 года.

⁸³ Мы имеем два сообщения относительно этой находки, одно подписанное W. (у Egger'a в *Wiener Numism. Zeitschr.*, 1865, I, 1), принадлежащее перу австрийского генерального консула Weckbecker'a, находившегося в Саиде во время находки, другое написанное Waddington'ом (*Revue numism.*, 1865, s. 1 ff) на основании сведений, доставленных ему Weckbecker'ом и Pétetié, канцлером французского генерального консульства в Бейруте.

⁸⁴ ἵνα περὶ τὸ πρῶτον ὠρμήθη (Argian., III, 1, 1).

⁸⁵ Романические описания жизни и подвигов Александра (как Pseudo-Callisthenes, I, 34, Iub. Valer. I, 34) делают из этого жертвоприношения настоящее помазание в фараоны (ἐνεθρονίσασαν), как оно было снова введено в Египте при преемниках Александра, начиная с Птолемея V под именем ἀνακλητήρια.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

¹ Таков рассказ Плутарха (*Alex.*, 30. *De fort. Alex.*, II 6); он еще более разукрашен у Курция (IV, 10, 34). Что этот рассказ читал и Диодор, видно из того места, где он, незадолго до битвы при Гавгамелах, упоминает о смерти царицы (XVII, 54), здесь же помещает свой рассказ и Курций. Он, несомненно, взят из Калисфена и разукрашен далее Клитархом. Арриан тоже (IV, 20, 1) упоминает о том рассказе, и употребленное им выражение (*λόγος κατέχει*) показывает, что он не заимствовал его из Птолемея или Аристубула; он ничего не знает о беременности и смерти Статиры; евнух бежал «вскоре» после битвы при Иссе. Смерть при родах могла произойти только в это время, а в том виде, как ее излагает риторическая традиция, она выходит намешкой над всякой хронологической возможностью.

² *Arrian.*, III, 8, 1 слл.

³ *Curt.*, IV, 9, 4. Численный состав персидской армии показан по Арриану (III, 8, 6).

⁴ Курций (IV, 5, 13) говорит об Александре, осенью 332 года: *praetores quoque ipsius, egregii duces pleraque invaserant, Calas Paphlagoniam, Antigonus Lycaoniam, Balacrus Hedarne Darii praetore superato Miletum (codd. II. duos militum)*; тот же автор (IV, 1, 37) говорит, что Милет был ранее разграблен Фарнабазом.

⁵ *Mytilenen, quam Chares Atheniensis nuper occupatam duorum millium Persarum praesidio tenebat... urbe tradita pactus ut incolumi abire liceret Imbrum petit* (*Curt.*, IV, 5, 20). Ср. *Arrian.*, III, 2, 6. Плутарх (*Vit. X Oratt. (Hyperid. 3)*) говорит, что он затем отправился на Тенар.

⁶ Об этой экспедиции *ad liberandam Sretam* говорит только один Курций (IV, 8, 15) и говорит об ней так, как будто бы она была предпринята после выступления из Египта. Так как Александр прислал из Тира приказ более общего характера (*Arrian.*, III, 6, 3), а главным начальником флота был Гегелох (*Arrian.*, III 2, 6), то, по-видимому, последний послал Амфотера на Крит ранее, чем отправился в Александрию (позднее осенью 332 года).

⁷ *Arrian.*, III, 2, *Curt.*, IV, 5 и 8. Процесс против жестокого Адониппа, тирана Эреса, упоминается в приведенной уже нами выше надписи у *Conze (Reise auf der Insel Lesbos, s. 36)*.

⁸ *Plut., Alex.*, 3.

⁹ *Itiner. Alex.*, 18.

¹⁰ *Curt.*, IV, 7, 9. *φιλίαν τε καὶ συμμαχίαν* (*Diodor.*, XVII, 49).

¹¹ По Птолемею, это были две змеи; конечно, под *δράκοντας δύο φωνήν ιέντας* он не подразумевает «говорящих змей»; что выражение *φωνή* в значении *συριγμός* было вполне правильно, мы видим из Аристотеля: *ἡ φωνὴ ψόφος τις ἐστὶν ἐμφύχου*.

¹² *Diodor.*, XVII, 51. *Callisth.*, fr. 36, ap. *Strab.*, XVII, 814. *Plut., Alex.*, 27.

¹³ Аристубул говорит, что Александр возвратился той же самой дорогой; Птолемей же говорит, что он направился прямой дорогой к Мемфису. Последнее несомненно вернее, так как теперь, после договора с Киреной, дорога кругом через Паретоний и Александрию не имела бы более никакой цели.

¹⁴ По Плутарху, Курцию и Диодору.

¹⁵ Brugsch, *König Dareios Lobgesang in Tempel der grossen Oase von El. Khargeb* (Gött. Gel.-Anz., 1877, n° 6), где предпослано несколько объяснительных слов.

¹⁶ Обе эти цифры дает Арриан (III, 5, 1); но 400 наемников под предводительством Менида, посланных Антипатром, было бы поразительно мало, а в битве при Гавгамелах Менид командует вовсе не пехотой, но всадниками; с другой стороны в том же сражении мы находим на правом крыле отряд *ἀρχαῖοι καλούμενοι ξένοι* под предводительством Клеандра, которому на левом соответствуют фракийцы Ситалка, — отряд, численность которого, быть может, достигала 4000 человек. Мы должны предположить у Арриана (III, 5, 1) пробел, в котором говорилось об этих *ξένοι*, а быть может и еще о других войсках. — Мы не должны, как это делалось, относить к этому подкреплению слова Курция, который говорит (IV, 6, 31), что тотчас же по прибытии царя в Пелусий (ноябрь 332 года) Аминта с десятью триерами был послан в Македонию *ad inquisitionem novorum militum*. Это Аминта, сын Андромена, стратег таксиса фаланги, которым при Гавгамелах вместо него предводительствовал Симмий, ὅτι Ἀμύντας ἐπὶ Μακεδονίας ἐς ξυλλογὴν στρατιᾶς ἐσταλμένος ἦν.

¹⁷ Arrian., III, 5. Ср.: Iustin., XIII, 4. Как ни отличны эти учреждения Египта от учреждений времени Лагидов, но они должны быть объяснены из них. Клеомен поставлен ведаť *ἐνὶ τῶν προσόδων* всех номов; своему положению и еще более своей ловкости он был обязан тем, что скоро приобрел огромное влияние в египетской сатрапии, которое слишком ясно обнаружилось шесть лет спустя.

¹⁸ ἅμα τῷ ἤρῃ ὑποφαίνοντι (Arrian., III 6, 1).

¹⁹ Plut., *Alex.*, 29. Ср.: Grysar, *De Graec. trag. Demosth. actat.*, 29.

²⁰ Таково его имя по надписям (Böckh, *Urkunden des Seewesens*). По надписям до CVI ol (*ibid.*, IV, 35), этот священный корабль еще был триерой, а в надписях ранее ol. CXIII, 3 он называется тетрерой (*ibid.* XIII, а. 62. XVII. с. 115).

²¹ Арриан (III, 6, 8) говорит *ἀντὶ δὲ τοῦ Ἀρίμια*, между тем как выше (II, 13, 7) стратегом Сирии у него назначается *Μένων ὁ Κερδίμια*; Арриан, несомненно, имел здесь в виду его же и должен бы был написать *ἀντὶ δὲ τοῦ Μένωνος τοῦ Κερδίμια*.

²² Curt., IV, 5, 10; 8, 10.

²³ Подробности относительно Фапсакса и Никифория, основанного Александром недалеко от него около нынешней Ракки, приводятся в *Приложении* об основанных Александром городах. По Арриану (III, 7, 1), Александр прибыл в Фапсак в Гекатомбеон года архонта Аристофана, т. е. между 12 июля и 10 августа 331 года.

²⁴ Слова Арриана (III 7, 2) *ἰππέας μὲν ἔχων τρισχιλίους καὶ τούτων Ἑλλήνας μισθοφόρους* Sintenis с полным основанием добавил, по Курцию (IV, 9, 7), следующим образом: *τρισχιλίους [πέσους δὲ ἑξακισχιλίους] καὶ τούτων* и т. д.

²⁵ Barbé du Bocage указал на Мосул как на то место, где Александр перешел через Тигр; он не обратил внимания на то, что, по Арриану, Александру понадобилось пройти еще четыре дня, чтобы приблизиться к неприятелю, а Гавгамелы лежат только в нескольких часах пути к востоку от Мосула. Эти четыре дневных перехода указывают нам приблизительно на Бедазб-

де, часто упоминавшуюся в древности позицию на Тигре, на важность которой указывает теперешнее местечко Джебзирех, лежащее в 20 милях выше Мосула.

²⁶ Эта дата верна, потому что Арриан (III, 7, 6) упоминает о лунном затмении, которое произошло в ночь с 20 на 21 сентября (Ideler, *Handb. d. Chronol.*, I, 347).

²⁷ Курций и Диодор прибавляют к этому еще массу подробностей, между прочим, что бегущие всадники сожгли деревни (ср. Polyæn., IV, 3, 18); жаль только, что они не совсем хорошо знакомы с положением Евфрата и Тигра.

²⁸ Первый точный план поля битвы при Гавгамелах исполнил Felix Jones в своей *map of the country of Niniveh* (1852), затем в 1876 году австрийский инженер Czenik (Petermanns *Mittbeilungen*, Ergänzungsheft II, 75), причем последний во многих местах отступает от Jones'a в обозначении направления ручьев, протекающих около Кермелиса. В описании битвы мы следовали новому плану. Обыкновенный путь караванов идет от Эрбила почти прямо к западу через невысокий, но изобилующий теснинами горный хребет Дехир-Даг, к широкому и многоводному Забу (Забр-эль-Кебир), переправа через который находится у Эски Келека; затем дорога снова идет через каменный хребет Арка-Даг к каменистому ложу Газира. По другую сторону этой реки, через которую переправляются у Зара-Хатуна, караваны после короткого подъема достигают широкой, необозримой равнины (Rich., *Narrat.*, II, 23), той, которую Курций (IV, 9, 10) называет *equitabilis et vasta planities*. В десяти километрах от Зара-Хатуна они достигают Кермелиса («христианская деревня Кермелес», по Петерманну, *op. cit.*, II, 323), около которой течет в Тигр ручей, спускающийся с Маклуб Дага. В тринадцати километрах далее лежит деревня Абу-Зуага, находящаяся в плоской котловине, перерезываемой по направлению к югу ручьем, соединяющимся с ручьем Кермелиса. На подороге между этими двумя деревнями, несколько севернее их, на возвышенности, служащей продолжением подымающихся на севере гор (Маклуб-Даг), лежит Бёртела (называемая, по Петерманну, Бёртилли, а обыкновенно Бårтоли). Дорога, которой следовал Петерманн из Газира, шла несколько севернее, между Кермелесом налево и Держжиле (Тержжила) направо и, оставляя влево Джакюлле (Шаакули), направлялась через Бёртилли (Бёртелу) и через Хазнетепе (Хазна) к Мосулу. Другая дорога из Эрбила, более удобная, но несколько более длинная, огибает с юга Дегир-Даг и, следуя по реке Эрбилу до впадения Газира в Заб у Вардака (Лик), поднимается на равнину Кермелиса, лежащего 20–30 метрами выше Заба у Вардака. Это главные пункты поля битвы.

²⁹ По словам Арриана (III, 8, 3 и VI, 11, 5), Дарий стоял лагерем около Гавгамел на реке Бумоде, «которая по самому крупному расчету отстоит от Арбелы на 600 стадий, а по самому малому на 500», а в III, 15, 5 Арриан говорит, что от поля битвы до Арбел македоняне преследовали неприятеля почти на расстоянии 600 стадий. Поэтому Бумод, на берегах которого находятся Гавгамелы, не может быть Газпром, а направление, по которому происходило преследование, не может быть направлением Эрбил, Эски-Келек, Зара-Хатун; по этому направлению, по Niebuhr'у и Kinnear'у (*Persia*, 152), расстояние равнялось бы только 6 милям, или 240 стадиям. Принимая Кермелис за Гавгамелы и протекавший там ручей (Хазна-дере) за Бумод,

мы получаем расстояние, равное, считая $\frac{1}{6}$ на объезды, 450 стадиям. Когда Курций (IV, 9, 8) заставляет пройти персов от Лика до Бумода 80 стадий, то это не подходит ни к одному месту между Забом и Газпром, но соответствует расстоянию между Вардаком и ручьем у Кермелиса. Дарию было бы невозможно развернуть свое войско во вдавленной и каменистой долине реки Газира, а, по словам Арриана (III, 8, 7), Гавгамелы лежали *ἐν χύρῳ ὁμάλῳ πάντη*.

³⁰ Этот лагерь мог быть расположен к северу от речки Гассера, текущей в Тигр в юго-западном направлении мимо развалин Хорсабада.

³¹ Эта котловина, достигающая до Абу-Зуаги, находится ровно в 60 стадиях от Кермелиса. Отстоящее в 30 стадиях далее местечко должно быть Бёртелой.

³² Когда Дарий приказал поместить на поле перед своей боевой линией капканы, рогатки и т.д. (*mugices*. Curt., III, 13, 36. — *τριβολοι* Polyae., IV, 3, 17), то его намерением, вероятно, было сделать для неприятеля невозможным нападение в некоторых местах, и самому произвести нападение в тех местах, где стояли слоны и колесницы с косами. В таком случае *παράγειν* Александра направо имело бы цель вызвать персов из их прикрытой таким образом позиции, а *ἀναπαράγειν* персов (Arrian., III, 13, 1) показало бы, что им это удалось. Действительно, сатрап Бесс открыл нападение на левом крыле персов, а Мазей на правом.

³³ В этом месте Арриан, по-видимому, пропустил ариев, которых он упоминает в своем первом каталоге (III, 8); упоминаемые там горные индусы стояли, несомненно, рядом с арахозийцами и находились под предводительством их сатрапа. Арриан (III, 11, 1) передает со слов Аристобула, что потом между добычей был найден письменный план расположения персидских войск.

³⁴ Plut., *Alex.*, 32. Arrian., II, 10, 1.

³⁵ Это был один из последних дней месяца Боедромиона, а на этот месяц указывало пророчество Аристандра.

³⁶ *καὶ λοξὴν τὴν τάξιν ποιοῦμενος* (Diodor., XVII, 57).

³⁷ Выражение Арриана *ἰππομαχία* и *βία κατ' ἴλας προσπίπτοντες* не оставляет никакого сомнения в том, что называемые Аррианом (III, 13, 3) *ξένοι* и есть именно воины Менида, которые соединяются с пеопами для новой атаки.

³⁸ Плутарх (*Alex.*, 32), подробно описывающий доспехи — меч, шлем и т.д., которые были на Александре в этот день, говорит, что только теперь, когда началась атака, Александр сел на Букефала, которого он щадил по его старости.

³⁹ Plut., *Alex.*, 32. Несколько иначе рассказывает дело Полиен (IV, 6): Парменион дает знать, что лагерь в явной опасности и что необходимо спасти обоз; царь отвечает, что из-за этого нельзя расстраивать порядка битвы; разбитые они не будут более нуждаться в обозе, а одержав победу, они будут иметь и свой собственный обоз и обоз неприятеля.

⁴⁰ Это видно из того, что здесь были ранены Кен и Менид.

⁴¹ Arrian., III, 15, 2. Когда Арриан (III, 15, 6) говорит, что общие потери македонян были *ἐς ἑκατὸν μάλιστα*, то это, без сомнения, неверно. Курций (IV, 16, 27) говорит: *minus quam CCC desiderati sunt*. Диодор (XVII, 61)

определяет потери ἐξ πεντακοσίων и точно так же и у Арриана, вероятно, произошла описка ρ' вместо φ'.

⁴² Плутарх (*Alex.*, 31) помещает время битвы на одиннадцатый день после лунного затмения 20/21 сентября), т. е. на 1 октября; в *Жизни Камилла* (§ 19) он говорит, что битва произошла за пять дней до конца Боедромиона; следовательно, Боедромион этого года оканчивался 5, а не 7 октября, как это показывает таблица Ideler'a. Так как, по Арриану (III, 7, 6), Аристандр истолковал лунное затмение таким образом, что битва произойдет еще в том же месяце, то в этом году македонский месяц несомненно совпадал с аттическим. Дальнейшие слова Арриана (III, 15, 7), что битва произошла в Пианепсионе, есть или ошибка в расчете, или описка. Ср.: Ideler, *Handb. d. Chronol.*, I, с. 347). В традиции Клитарха эта битва всегда называется битвой при Арбелах.

⁴³ По Плутарху (*Alex.*, 34), Александр после этого сражения принял титул βασιλεὺς τῆς Ἀσίας, устроил торжественные жертвоприношения, раздал крупные подарки и послал к эллинам рескрипт, гласивший, что все тираны низложены и города должны быть автономными, послал приказ платейцам снова выстроить их город, а кротониатам — часть добычи за то, что они некогда принимали участие в битве при Саламине. Плутарх не указывает, из какого источника он заимствовал эти, звучащие отчасти столь странно, известия.

⁴⁴ H. Rawlinson (*Notes of a Journey in Journ. of the Royal geogr. Society*, 1840, X, 1, 23 слл.) говорит о дороге из Арбел в Ушну, лежащей на юго-запад от озера Урмия, которая могла быть тем путем, которым бежал персидский царь.

⁴⁵ Curt., V, 3, 17. Diodor., XVII, 56. Arrian., III, 18.

⁴⁶ Или, вернее: по первой террасе. Избранное Александром направление теперь с большею точностью определено данными, добытыми Czernik'ом (A. Petermanns, *Ergänzungsbeft*, Nr. 44, 1875) и H. Petermann'ом (*Reise*, II, с. 312–321). На четвертый день по выступлении из Арбел Александр прибыл в Меннис (Экбатаны у Плутарха), где находились источники нефти (Curt., V, I, 16). «Керкук отстоит от Арбел только в двадцати часах пути, а Дус-Хурмату в тридцати пяти; быть может, последний и есть прежний Меннис; так как Гет, где тоже находятся источники нефти, лежит слишком далеко, чтобы Александр мог достигнуть его в четыре дня» (Niebuhr, II, 349). Страбон (XVI, 737) намечает дорогу так: сначала Арбелы, затем гора Победы, как ее называл Александр (Квараквот, у H. Petermann'a, к юго-востоку от Эрбила), затем переход через Каир (Малый Заб у Альтон-Купри), затем источники нефти (источники Керкука у Czernik'a, с. 44), затем Сардаки, замок Дария Гистаса (вероятно, Туз-Хурматли, где Czernik видел на крутой вершине скалы «колоссальные развалины замка, поистине монументальное сооружение»), затем река Кипариссон (вероятно, река Кифри или, вернее, Нахрин, куда впадает река Кифри), наконец, ἡ τοῦ Κάπρου (?) διάβασις ἣδη συνάπτουσα Σελευκείᾳ καὶ Βαβυλῶνι, т. е. Диалы, или, как называет ее Исидор Харакс, Силла. От Арбел до Вавилона 60–65 миль; войско могло быть в Вавилоне к концу октября.

⁴⁷ Curt., V, 1, 43 Ἀγάθωνι τῷ Πυθναίῳ (Diodor., XVII, 64). По Диодору, Агафон имел с собою 700 человек, а по Курцию, 700 македонян и 300 наем-

ников. Относительно этого лица см. Böckh С. I. Graec., I, n° 105. Замечательно, по крайней мере, как масштаб, рассказ Диодора о полученной войсками доле добычи; каждый из всадников получил 600 драхм, каждый всадник союзников 500 драхм, каждый македонский фалангит 200, каждый наемник — жалование за два месяца; как велико было жалование, мы не знаем.

⁴⁸ Так как речь главным образом идет о казнохранилище Суз, то этот Филоксен мог быть казначеем, назначенным в переднюю Азию; по крайней мере, другой Филоксен в войске Александра неизвестен.

⁴⁹ По словам Диодора (XVII, 65), некоторые писатели рассказывали, что Абулит получил от Дария приказ сдаться с сокровищами Суз македонянам, чтобы задержать Александра и дать ему самому таким образом выиграть время для бегства и для новых вооружений; это была бы странная военная хитрость; ср.: Curt., V, 2, 8.

⁵⁰ По Курцию и Диодору, Александр останавливается со своими войсками на равнине Ситакены по дороге в Сузы, чтобы дать им время оправиться от излишества и пьянства, которое чуть было не погубило войска в Вавилоне. Осталось только не очень много времени, если главная армия желала пройти в двадцать дней расстояние в шестьдесят миль.

⁵¹ Arrian., III, 16, 7. По Страбону (XV, 728, 731), одни называли 40 000, другие 50 000 талантов. Курций (V, 2, 11) говорит: *L. milia talentum argenti non signati forma, sed rudi pondere*; Плутарх (*Alex.*, 36): *тетραχισμυρία τάλαντα νομισματος*.

⁵² К сожалению, Арриан ограничивается общим выражением: *ξὺν τῇ δυνάμει ἀφίκετο*. По Диодору (XVII, 65) и Курцию (V, 140), тут было 6000 пехотинцев и 500 македонских всадников, 600 фракийских всадников, 3500 фракийских пехотинцев (*Τραλλεῖς* у Диодора), 4000 наемников из Пелопоннеса и почти 1000 (у Курция 380) всадников и, кроме того, 50 знатных македонских юношей *πρὸς τὴν σωματοφυλακίαν*.

⁵³ Из выражения Арриана (III, 16, 11), *τοὺς πεζοὺς δὲ προσέδηκε ταῖς τάξεσιν... κατὰ ἔθνη ἐκάστους συντάξας*, мы имеем право заключить, что с родины прибыли не новые, уже сформированные отряды войска (*τάξεις* и т.д.), но подкрепления, которые были включены в состав тех находившихся в походе войск, из областей которых они были на вербованы, что, следовательно, на родине оставались *τάξεις* некоторых областей, которые там точно так же дополнялись *κατὰ ἔθνη*, как и шесть находившихся в походе таксисов (Элимиотиды, Тимфеи и т.д.) и восемь ил (Амфиполя, Боттией и т.д.). Мы не можем теперь определить, были ли позднее (для похода в Индию) мобилизованы некоторые из остававшихся на родине таксисов, которые и двинулись за армией.

⁵⁴ *φρουραρχον δὲ Μάζαρον τῶν ἐταίρων* (Arrian., III, 16, 9). Численный состав войска дает нам только Курций (V, 2, 16); он называет фрурархом Ксенофила, который был им позднее (Diodor., XIX, 17).

⁵⁵ Diodor., XVII, 67.

⁵⁶ Помещенное здесь в первом издании исследование рек Сузианы отчасти исправлено, отчасти было подтверждено новейшими исследованиями, особенно исследованиями барона Bode и Loftus'a. Я ограничусь здесь указанием на Kierpert'a (*Monatsberichte der Berl. Akad.* 1857, S. 123), который доказал тождество Хоаспа Керкаху, и на Spiegel'я (*Eranische Alterthumskunde*, II,

S. 623). Другое мнение относительно этих рек развито *Mencke* (*Die Geographie von Susiana*, в *Fleckeisens Jahrb.*, LXXXV [1862], S. 545). Наиболее сомнительным остается еще, соединяются ли река Иераги и река Таб, или, как это показано на новейшей карте Kiepert'a, текут в море порознь, и есть ли Арозис, Ароатис (*Aurvaiti*) древних Таб или Иераги.

⁵⁷ Это мнение Kinneir'a (*Geogr. Mem.*, 72), который сам ехал этим путем, this plain (Бабехана) is separated from the Valley of Ram Hormuz by a pass, which J. conjecture to be that of the Uxians. Барон Bode (*Travels in Luristan and Arabistan*, 1845, II, p. 358) думал найти проходы уксиев у Мал-Амира, милях в 12 к востоку от Дизфуля, около одного из притоков Курана. Слова Курция *quartis castris ad... Pasitigrim pervenit* или текст Диодора ни мало не могут служить поддержкой этого мнения Nöldeke (*Nachrichten der Gött. Gesellsch. der Wiss.*, 1874, n° 8) показал, каким образом из трех языков, соприкасающихся в Сузиане, образовались однозначные имена Сузы, уксии, коссеи — элам, элимаида — Афарты.

⁵⁸ Арриан (III, 18, 2) говорит, что Парменион шел с тяжелыми войсками и с обозом (*ὡς ἐπὶ Πέρσας ἄγειν κατὰ τὴν ἀμαξίτων τὴν ἐς Πέρσας φέρουσιν*). Под этим путем он мог подразумевать только большую дорогу, которую часто посещали новейшие путешественники и которую подробно описывает Шерифеддин, рассказывая о походе Тимура в 1403 году. Барон Боде, шедший из Тираза через Казерун, свернул на эту большую дорогу только у Фагиджана, и описывает маленькую равнину Ша-'б-бевана, доходящую до Келах-и-Сефида. По его словам, от Тираза через Казерун до Бабехана расстояние равняется 51 миле, а через Келах-и-Сефид (Bode, *op. cit.*, I, p. 189) 37 милям.

⁵⁹ Дорогу от Бабехана до Танг-и-текаба описывает Stocqueler (*Pilgrimages*, II, p. 211), который далее направился на север. О продолжении ее к востоку, к Батту, лежащему в 12 фарсангах от Келах-и-Сефида, насколько мне известно, нет ни одного известия новейших путешественников, которые посетили бы ее. Набросанная Kiepert'ом карта по книге prof. Haussknecht'a (*Routen im Orient*), которую Kiepert был так добр сообщить мне в корректурных листах, позволяет нам приблизительно определить направление этой дороги на Батт на усыпанной деревьями террасе позади Кух-и-Доба, лежащего в 10 400 футах над уровнем моря. На этой же карте изображен упомянутый нами в тексте путь, которым из Фагиджана можно обойти Келах-и-Сефид с севера. По другую сторону Келах-и-Сефида (по Kinneir'y, p. 73) лежит небольшая горная равнина в 3 1/2 англ. мили длиной, затем следуют длинные и неудобопроходимые теснины Лукреабы, которые, однако, как кажется, неудобны и для защиты. Критический обзор всех направлений, которые мог принять Александр, дает Zolling (*Alexander d. Gr. Feldzug in Centralasien*: 2. Aufl., 1875), приходящий к результату, который меня не убедил.

⁶⁰ *τὸν Πασιτίγριν* (Arrian., III 17, 1). Курций и Диодор подтверждают в этом месте имя реки, прибавляя, правда, бессмысленное *quartis castris*. Арриан, по-видимому, называет Куран Паситигром еще до его соединения с Дизфулем, а лежащую на другом берегу его равнину — землю уксиев.

⁶¹ Следовательно, до этих теснин все войско идет вместе; царь обходит их произведенным ночью движением налево через горы; как место этого движения, можно предположить Ясцан у Шерифеддина (следуя орфографии Bode, *op. cit.*, II, p. 333) Ярзун у Kinneir'a, в пяти фарсангах от Бабехана.

⁶² Arrian., III, 17. Курций (V, 3, 4) называет *Madates... ejus regionis praefectus*, т. е. он стоял во главе подвластных империи уксиев, а теперь для битвы и свободные горные уксины решились стать под его начальство; поэтому Курций (*non Madati modo ignovit* и т.д., V, 3, 16) говорит, что они были подчинены сатрапу Сузианы. По Арриану (Ind., 40), царь старался приучить эти пастушеские народы к земледелию и выстроил им город на горах.

⁶³ Из этого места Арриана (III, 18, 1) видно, что македонские гоплиты таксисов были не так тяжело вооружены, как *σύμμαχοι* и *μισθοφόροι*; из другого места (III, 23, 3) видно, что из македонских фалангитов были избраны *κουφότατοι*; следовательно, они не все были одинаково «тяжелы» касательно вооружения.

⁶⁴ *ἐπὶ τὰς πύλας τὰς Περσίδας* (Arrian., III, 18, 2). Диодор (XVII, 68) говорит: *ἐπὶ τὰς Σουσιάδας καλουμένης πύλας*, точно так же говорит и Курций (V, 3, 16): *angustias quas illi Susidas pylas vocant*.

⁶⁵ *πεμπταίος* (Diodor., XVII, 68); *quinto die* (Curt., V, 3, 17). Расстояние от Бабехана до Келах-и-Сефида равно 35 фарсангам, приблизительно 27 милям. Эта дорога описывает к югу большую дугу, хорда которой и составляет предполагаемую дорогу царя; следовательно, равняется чему-то около 20 миль.

⁶⁶ *triginta fere stadia quae remensi sunt* (Curt., V, 3, 23). То же число мы находим у Полиена (IV, 3, 27), у Диодора (XVII, 68) оно превратилось в *τριακόσιοι*. Эти же писатели и Плутарх (*Alex.*, 37) рассказывают затем, что один из пленных, ликиец, дал указания относительно путей через горы. Лагерь Александра должен был быть в долине Ха'б-бевана, которую описывает Bode (*op. cit.*, I, 243).

⁶⁷ Курций (V, 4, 20) называет также Полисперхонта. Так как Арриан не упоминает его имени, то можно предположить, что он выступил с Парменионом, как предводитель самых тяжелых гоплитов. Но этот факт недостаточно установлен для того, чтобы можно было строить на нем дальнейшие предположения.

⁶⁸ Arrian., III, 18, 6: *τὸν ποταμὸν ὃν ἔχρην περᾶσαι ἰόντα ἐπὶ Πέρσας* (т. е. Персеполь) *γεφυροῦν ἐκέλευσεν*. Я полагаю, вместе с Kierpert'ом (*Index* к Sintenis, Arrian., s. v.), что здесь идет речь об Араксе (Бенд-эмир), который, по Страбону (XVII, 729), Александр *πρὸς αὐτῇ τῇ Περσαιπόλει διέβη*. О мосте через реку Таб могла быть речь только на основании старых карт, карт Ousely и Ker-Porter'a, по которым дорога из Бабехана все время идет вверх по долине Таба, между тем как, по новейшим сведениям эта дорога пересекает несколько ведущих к югу горных потоков.

⁶⁹ Арриан употребляет это выражение только здесь; оно объясняется тем, что илы конницы разделялись каждая на два лоха, а вся конница делилась на четыре гиппархии, из которых каждая, таким образом, заключала в себе четыре лоха.

⁷⁰ Curt., V, 5, 2. Diodor., XVII, 69. Царь мог дать своим утомленным войскам небольшой отдых (*eodem loco, quo nostrum copias fuderat, castra communivit*; Curt., V, 5, 1), так как посланная вперед колонна ручалась за безопасность дальнейшего пути и переправы через Араке.

⁷¹ Положение Пасаргад все еще составляет предмет спора (ср.: Spiegel, *op. cit.*, II, 617). Приводимые там соображения Oppert'a, по-видимому, получают свое подтверждение в делаемом Страбоном (XVII, 729) перечисле-

нии перейденных Александром рек, причем Кир, на котором стоят Пасаргады, приводится ранее Аракса (Бенд-эмир); точно так же, когда Александр возвращается из Индии, Пасаргады, по-видимому, лежат южнее Персеполя. Слова Плиния (VI, 26, § 99 ed. Detlefsen): *flumen Sitioganus quo Pasargadas septimo die navigatur*, бесспорно, обязаны своим происхождением какой-нибудь ошибке, так как здесь нет ни одной судоходной реки на расстоянии семи дней пути.

⁷² По Диодору, Курцию и Плутарху (*Alex.*, 37). Общая сумма сокровищ, по Курцию (V, 6, 9) и Диодору (XVII, 71), равнялась 120 000 талантов; Арриан (III, 18, 10) не называет никакой цифры.

⁷³ Клитарх, сепор Александра, сочинявший истории хотя и с необыкновенным талантом, но в ущерб исторической правде, неистощим в остроумных анекдотах об этой проведенной в Персеполе зиме. Эти греки, которые поседелье, изуродованные, заклеянные, полные стыда и отчаяния, выходят навстречу царю, это распоряжение о предании смерти жителей, этот пир царя, наконец, эта афинская танцовщица Фаида, которая, приведенная в экстаз пляской, схватывает с жертвенника факел и бросает его во дворец и примеру которой следуют, опьяненные вином и дикой радостью победы, Александр и его приближенные, — все это сказки, которые были почерпнуты из одного источника и так часто и с такою верою повторялись целым рядом позднейших писателей, что с течением времени приобрели характер исторической достоверности.

⁷⁴ *Plut., Alex.*, 38; упомянув вкратце о перечисленных, в предшествующем примечании, анекдотах, Плутарх прибавляет: *οἱ μὲν οὕτω ταῦτα γενέσθαι φασιν, οἱ δὲ ἀπὸ γνώμης*. Арриан (III, 18, 11) говорит, что Парменион старался воспрепятствовать пожару (*Παρμενίωνος σώζειν συμβουλευόντος*). Он и от себя (III, 18, 12) порицает Александра за этот поступок: *ἀλλ' οὐδ' ἐμοὶ δοκεῖ συν νῆ δρᾶσαι τοῦτό γε Ἀλέξανδρος οὐδὲ εἶναι τις αὐτῆ Περσῶν τῶν πάλαι τιμωρία*.

⁷⁵ Так прямо говорит Плутарх (*Alex.*, 38): *οἱ δ' οὖν μετενόησε ταχὺ καὶ κατασβέσαι προσέταξεν ὁμολογεῖται*.

⁷⁶ *ἔμοῦ τῆς Ἀσίας ἀπάσης κυρίου ὄντος*. И далее: *παρ' ἐμὲ ὡς βασιλέα τῆς Ἀσίας πέμπτε μηδὲ ἀβούλει ἐξίσου ἐπέστελλε, ἀλλ' ὡς κυρίῳ ὄντι τῶν σῶν φράζε εἶ του δέη* (*Arrian., II, 14, 8-9*).

⁷⁷ *ἔλθῶν δὲ πρὸς με τὴν μητέρα καὶ τὴν γυναῖκα καὶ τοὺς παῖδας καὶ εἰ ἄλλο τι ἐθέλεις αἰτεῖ καὶ λάμβανε ὅ τι γὰρ ὄν πείθης ἐμέ, ἔσται σοι* (*Arrian., II, 14, 8*).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

¹ Подробности об этом походе сообщает только Курций, но он ограничивается некоторыми живописными преувеличениями, так что невозможно определить ни направления, ни хода этой экспедиции; он сообщает о ней ранее пожара в Персеполе и помещает ее *sub ipsum Vergiliarum sidus* (*Curt., V, 6, 12*). Утром плеяды закатываются в ноябре, а вечером в сентябре; единственным подходящим моментом был бы заход вечером в апреле; но тогда, по-видимому, было бы слишком поздно, так как это было бы началом

весны; Курций, по-видимому, придумал это упоминание о плеядах, чтобы с помощью излюбленной фразы придать наглядность зимнему пейзажу, который он хочет описать. О той же экспедиции Диодор (XVII, 73) говорит, что после пожара Персеполя Александр напал на другие города Персии и взял их, одни добровольно, другие открытою силою. Арриан (Ind., 40) говорит, что все эти разбойничьи горные народы, уксии, мардии, коссеи, были побеждены зимою, когда они считали себя в полной безопасности в своих горах. По-видимому, место жительства этих мардиев находились в южных горах Персиды, так как западные были заняты уксиями, а северные коссеями; кроме того, Гамдулла (у Ousely, III, 566) рассказывает, что Фирусбад был старым городом и разрушен Александром; он назывался некогда Киром (Cyropolis regio ibi maritima, Plin., VI, 26). Страбон (XI, 524; XV, 727) замечает, что мардии жили в этой местности, а не только в Каспийских горах.

² Curt., IX, 10, 21. Арриан не упоминает о нем.

³ Оба эти сведения заимствованы из Курция (V, 6, 11 и 7, 30); командующим над цитаделью он называет Никархида, а предводителем свежих войск афинянина Платона.

⁴ Арриан (III, 19, 1) сообщает, что намерением Дария, если бы Александр остался в Вавилоне и Сузах, было *αὐτοῦ προσμένειν καὶ αὐτὸς ἐν Μήδοις εἰ δὴ τι νεωτερισθεῖν τῶν ἄμφ' Ἀλέξανδρον*.

⁵ Дорога, по которой двинулся Александр, должна была вести через проход Урчини (ср.: Ousely, III, 567; climax Megale, Plin., V, 26 (§ 114 ed. Detl.)) к Исфгани или Аспадане (ср. Ousely, III, 5), бывшей, по-видимому, резиденцией сатрапии Паретакена (Spiegel, II, 528); дальнейшая дорога до Экбатан или Гамадана не должна была сильно отличаться от настоящей дороги, так как сказано: *δωδεκάτη ἡμέρα ἐς Μηδίαν ἀφικνεῖται*, т. е. на границу Сатрапии Мидии; по Ousely (II, 457), расстояние от Майна, северной части равнины Персеполя, до Исфгани равняется 56 парасангам, т. е. 42 милям.

⁶ Об этих сокровищах Экбатан упоминают также и восточные авторы; см.: *Extraits et Notices*, II, 501). Численный состав сопровождавших Дария войск мы привели по Арриану (III, 19, 5). Курций определяет его в 30 000 легких пехотинцев, 4000 греков и 3500 всадников, преимущественно бактрийских.

⁷ По Курцию (V, 13, 1), Александр вовсе не заходил в Экбатаны, но пошел прямо к ведущим через Табе (Саву) проходам.

⁸ Для организации войска характерно то, что Эпокил с отрядом всадников, так как возвращавшиеся на родину всадники продали своих лошадей, сопровождал к морю колонну уволенных в отставку воинов, и что Менет, гиппарх Сирии, Финикии и Киликии, получил приказание держать наготове триеры, чтобы перевести их в Эвбею.

⁹ Добросовестные исследования Ousely с точностью определили положение Раг; в двух часах пути к юго-востоку от Тегерана он нашел обширные развалины.

¹⁰ Так повествует Курций (V, 8–12). Об этих событиях в лагере персов рассказывает только он; Арриан (III, 21) ограничивается замечанием, что Набарзан и Бесс *ξυνηλιθρότες εἰεν Δαρεῖον*.

¹¹ Из Хоарены (проход, идущий от богатой деревни Арадан к Пади, ведет по краю степи, или пустыни) Александр выступил еще поздно вечером;

идя всю эту ночь до утра, он достиг Лазгерда, лежавшего в девяти милях от Хоарены, на следующую ночь он снова прошел девять миль до Фары, лежащей на полдороге между Семнуном и Давлетабадом, приблизительно около Акури.

¹² Curt., V, 13, 7.

¹³ Арриан (III, 21, 9) прибавляет: «и потому что все это произошло в сатрапии Бесса»; но это происходило в Парфии, сатрапии Фратаферна; быть может, следует предположить, что Бесс, как, вероятно, и прежние князья Бактрии (Ctesias, ap. Phot., 31 a. 15), пользовался верховной властью над восточной частью империи в звании карана.

¹⁴ Это произошло в июле 330 года (Гекатомбеон, Arrian., III, 22, 2). В первом издании здесь было помещено весьма длинное примечание, имевшее целью объяснить с географической точки зрения форсированные марши, которые делал Александр во время этого преследования. Изыскания, продолжавшиеся с тех пор с гораздо более богатым материалом С. Ritter'ом, Mützell'ем, Zölling'ом и Mordtmann'ом (*Berichte der Berl. Acad.*, 1869, I, 524), в общих чертах подтвердили правильность моего изложения и исправили его в частности; я должен, например, согласиться с мнением Mordtmann'a, что Гекатомпил следует искать в окрестностях Шахруда, а не у Дамгана, как я это полагал раньше. Этим объясняется последний переход Александра, при котором он, пройдя 400 стадий (Arrian., III, 21, 9) утром достиг неприятеля; он следовал по хорде дуги, по которой беглецы спешили из Дамгана в Шахруд. То, что Александр заставлял в эти дни исполнять своих людей и лошадей, граничит с невероятным. По Эратосфену (у Страбона XI, 514), расстояние от проходов до Гекатомпила равнялось 1960 стадиям (не 1260, как это в конце той же страницы говорится со слова Аполлодора, и не 130 тыс. шагов, как это говорит (VI, 15) Плиний) от проходов до Раг 500 стадиям, причем обе эти цифры, наверное, приведены из бематистов Александра и, следовательно, приняты в расчет все извилины дороги; из этих приблизительно 60 миль первые 14 от Раг до Хоарены (Арадана) были пройдены в два перехода; остальные 46 миль благодаря кратчайшему пути, избранному Александром для последнего перехода, должны были сократиться до 42; на новейших картах расстояние от Арадана до Шахруда по прямой линии равняется приблизительно 35 милям, а Александр, по-видимому, настиг беглецов только уже за Шахрудом.

¹⁵ Так рассказывает Плутарх (*Alex.*, 42). Арриан (VI, 26) переносит место действия в Гедросию, Курций (VII, 5, 10) в Парапамис, Полиен (IV, 3, 25) передает рассказ, не указывая ни на какую определенную местность.

¹⁶ Arrian., III, 22, 2. Курций (VI, 21, 24), напротив, говорит, что Амминаи, бежавший от царя Оха, прибыл ко двору Филиппа; как относительно Артабаза, так и здесь и то и другое может быть верно.

¹⁷ В звании *ἐπίσκοπος*, говорит Арриан (III, 22, 1); в другом месте точно так же идет речь (III, 5, 3) о назначении двух подобных *ἐπίσκοποι*.

¹⁸ Curt., VI, 7, 23.

¹⁹ Я не повторяю помещенного ранее на этом месте изложения, так как теперь эти переходы объяснены, насколько возможно, по новейшим материалам у Spiegel'я (*op. cit.*, I, p. 64; II, 53). Курций не может оказать большой помощи, потому что его описания более наглядны, чем правильны. Путь,

которым шел Кратер, должен был вести через Фируцкух или Гоор-и-Сефид в подробно описанный Ousely проход к Сари, так как большое военное значение этих двух пунктов делало занятие их необходимым. Что касается Эригия, то он при своем маршруте, почти несомненно, избрал западное направление через Кальпуш к Астерабаду (см.: Мельгунов, *Южный берег Каспийского моря*, 1868, с. 143). Александр должен был пройти к Астерабаду, приблизительно соответствующему Задракартам, между этими двумя отрядами по ближайшей и самой трудной дороге через продолговатую долину Шаман-Савера (см. Мельгунов, указ. соч., с. 133).

²⁰ Arrian., III, 23, 4. Diodor., XVII, 76.

²¹ Курций (VI, 5, 1) говорит: cum p̄gorinquis Darii, но в другом месте (VI, 2, 9) он рассказывает, что уже при атаке многие знатные персы и персиянки попали в руки Александра; он называет при этом внучку царя Оха и брата царя Дария Оксафра. По Курцию, Артабазу было 95 лет и с ним было 9 сыновей.

²² Ланика, жена Андроника, была кормилицей Александра и сестрою Клита (Arrian., IV, 9, 4); адмирал Протей был сыном Андроника.

²³ Эти проходы, теперешнее название которых мне неизвестно, лежат между Ардебилем и двумя местечками, расположенными на берегу моря, Астарой и Ленкоранью. Кадусии, «как греки называют гелов (Plin., VI, § 48)», обитают в горах Гилана, к востоку до реки Амарда (Кизиль-Озейна или Сефид-руда). Большие подробности об этом дает теперь Spiegel (II, 538).

²⁴ Здесь находится проход Пиль-Рудбара на пути из Казвина в Решть: ср.: Morier, Voyages, II, p. 26.

²⁵ Тоже испытал в этих местах и Тимур (Chereffeddin, VI, 21, p. 161).

²⁶ Arrian., III, 14, 3. Curt., VI, 5, 11. При одной атаке, как рассказывают, варвары захватили, между прочим, боевого коня царя, Букефала, царь пригрозил вырезать все их племя, если они не возвратят лошади, и они поспешно возвратили ее. Этот анекдот находится у Курция, Плутарха и т.д.

²⁷ Арриан (III 24, 4) называет четырех спартиатов и афинянина Дропида; у Курция (III, 13, 15) они попадают в плен уже в Дамаске; в числе взятых в плен послов он приводит (VI, 5, 3) афинянина Демократа, который, *venia desperata, gladio se transfigit*. Во всяком случае, это не тот Демократ, который упоминается в триерархических надписях Voeckh, *Seeurkunden*, p. 235), а другого афинянина того же имени, насколько я знаю, в это время не встречается.

²⁸ Из выражения Арриана не ясно, был ли отпущен Гераклид калхедонский потому, что Калхедон, как и Синопа, не присоединились к *κοινὸν τῶν Ἑλλήνων*, или потому, что он был послан *πρὸ τῆς εἰρήνης τε καὶ συμμάχιας τῆς πρὸς Μακεδόνιας γενομένης*, последнее более правдоподобно.

²⁹ *ἔστι γὰρ ἐν ταῖς συνθήκαις ἐπιμελεῖσθαι τοὺς συνεδρεύοντας καὶ τοὺς ἐπὶ τῇ κοινῇ φυλακῇ τεταγμένους, ὅπως... οἱ δὲ τοσούτου δέουσι τούτων τι κωλύειν ὥστε καὶ συκατασκευάζουσι οὐς πῶς οὐ προσήκει ἀπολωλέναι* ((Demosth.), *De foed. Alex.*, § 15).

³⁰ К этой битве Niebuhr (*Vorles.*, II, 474) хотел отнести одно место Аристотеля, где говорится (*Polit.*, II, 10, 7): *οὔτε γὰρ ἐξωτερικῆς ἀρχῆς κοινωνοῦσιν οἱ Κρητες, νεωστὶ τε πόλεμος ξενικός διαβέβηκεν εἰς τὴν νῆσον, ὃς πεποίηκε φανεράν τὴν ἀσθένειαν τῶν ἐκεῖ νομῶν*. Это весьма поучительное замечание для опре-

деления времени написания *Политики*. Но, без сомнения, Аристотель намекает здесь на столкновения между факейцем Фалеком и спартанским царем Архидамом, о которых подробно говорит Диодор (XV, 61 сл.).

³¹ Время этих событий не поддается теперь точному определению; Юстин (XII, 2, 14 и 3, 1) рассказывает о трех известиях, полученных Александром в одно и то же время в Парфии (следовательно, в августе 330): известий о смерти молосского царя, о поражении Зопириона и о войне Агиса, но это доказывает немного. Большой вес имеют слова Эскина (In Ctesiph., § 248), что Ктезифонт недавно (*πρώην*) убедил назначить его послом к Клеопатре, *συναχθεσθῆσόμενος ἐπὶ τῇ τοῦ Μολοττῶν βασιλείῳ Ἀλεξάνδρου τελευτῇ, νυνὶ δὲ οὐ φήσεις δύνασθαι λέγειν*. Это *πρώην* не может быть значительно ранее августа 330 года. Одно место Ливия (VII, 24), как ни подозрительно вообще его греко-римские синхронизмы, позволяет нам думать, что в греческих книгах, которыми он пользовался, например, в хронологических таблицах Аполлодора, он записал под одним и тем же 332/331 годом (Ol. CXII, 1) смерть молосского царя и основание Александрии, которые он ошибочно относит к 428 году после основания Рима.

³² *ὡς ἡ χώρα εἴη ἡ Μολοττία αὐτῆς* (Hyperid, *Pro Enxenipp*, § 32).

³³ Эта надпись описана и сообщена в *Ἀθῆναιον* (1876, p. 102) и теперь помещена в С. I. Attic., II, n° 175 b. Подпись гласит: *Ῥήβουλας Σεύθου υἱὸς Κότινος ἀδελφὸς ἀγγέλ[ων]*. Это дополнение весьма сомнительно и не подходит к помещающемуся над ней барельефу. Н. Droysen предлагает другое, хотя не отличающееся большею достоверностью, но более удовлетворительное чтение: предполагая, что Севт происходил из семьи Котиса и, как дед его (?) Котис и отец (?) Керсоблепт, был афинским гражданином, он дополняет *Ἀγγεληθεν* (т. е. из дема *Ἀγγελη*). Этот Севт, отец Рибула, тот же самый, о котором Курций (X, 1, 43) говорит: *Seuthes Odrysas suos populares ad defectionem compulerat*. Имя Севт не раз встречается в доме одрисских царей. Котис, царствовавший от 380 до 357 года, был сыном царя Севта, известного нам из последних лет жизни Алкивиада. По смерти Котиса, его три сына разделили между собою царство. Керсоблепт, вероятно, получил царство, в собственном смысле, на Гебре, и в 353 году Кардия находилась под его властью; здесь к его владениям примыкали владения его брата Амадока, простиравшиеся на восток до Маронеи (Demosth., *In Aristocr.*, § 183). Третьему брату, Бирисаду или Барисаду, достались, по-видимому, земли от Маронеи на восток до старой македонской границы, заключавшие в себе изобиловавший золотом Пангей; скоро (еще в 357 году) он умер, и Керсоблепт победил его сыновей и Амадока. Весьма вероятно, что упоминавшиеся выше (прим. 37 к гл. 3 кн. I) «Кетрипорис и его братья» и были именно этими сыновьями Барисада (Dittenberger в *Hermes*, XIV, 299). Царь Севт, возмущившийся в 322 году против Лисимаха (Diod., XVIII, 14) есть, несомненно, тот же самый, который упоминается в надписи 330 года и, так как один из его сыновей носил имя Котиса, то весьма естественно предположить, что они именно и принадлежали к старинному роду одрисских царей, и что, таким образом, Керсоблепт дал своему сыну имя своего деда, а внуку имя отца; точно так же естественно предположение, что Ситалк, предводительствовавший в армии Александра 5000 фракийских аконтистов, происходит из того же дома и, может быть, был старшим сыном Керсоблепта. В находя-

щемся над надписью 330 года барельефе фиал, который держит в руках изображенный на этом барельефе человек, бесспорно, является символом предлагаемых им *σπονδαί*.

³⁴ Дата эта следующая: ἐπί Ἀριστοφάνους ἄρχοντος... Σκίροφοριῶνος δεκάτη ἰσταμένον. По календарным таблицам Ideler'a, Скирофорион СХII, 2 олимпиады, имел 29 дней и кончался 30 июня 330 года.

³⁵ Μέμνων ὁ καθεσταμένος στρατηγὸς τῆς Θράκης... ἀνέσεισε τοὺς βαρβάρους (Diodor., XVII, 62).

³⁶ Epistulae, quibus bellum Agidis, regis Spartanorum, in Graecia, bellum Alexandri, regis Epiri, in Italia, bellum Zopyrionis, praefecti ejus, in Scythia continebatur (Justin., XII, 1, 4) и ниже (XII, 2, 16): Zopyrion quoque, praefectus Ponti ab Alexandro magno relictus... bellum Scythis intulit etc.

³⁷ Iisdem fere diebus litteras a Coeno accipit de rebus in Europa et Asia gestis, dum ipse Indiam subegit. Zopyrio Thraciae praepositus, quum expeditionem in Getas faceret, tempestatibus procellisque subito coortis cum toto exercitu oppressus erat, qua cognita clade Sentes Odrysas populares suos ad defectionem compulerat: amissa propemodum Thracia ne Graecia quidem*** (Curt., X, 1, 43). У Курция или у греческого автора, которому он следовал, имевших, вероятно, в виду художественность изложения, Александр получает этот комплекс известий только в 325 году; когда он называется Зопириона стратегом Фракии, то за этим известием мы можем разглядеть измену во Фракии Мемнона; не меньший абсурд представляет и то, что донесение об этом было будто бы прислано Кеном; известного нам Кена в это время уже не было более в живых, а другой Кен в западных областях нигде больше не упоминается; поэтому Mützell предположил, что слова а Соено представляют собою небрежный перевод ἀπὸ κοινῶν греческого оригинала, где они должны были обозначать *κοινόν* греческого союза.

³⁸ Antipater, conspecto [priore neciorum] exercitu, qui audita Alexandri morte ad infestandum inperium ejus confluerant, dissimulans и т.д. (Frontin., *Strateg.*, II, 11, 4). Испорченные слова следует исправить не в Nessorum или Bessorum, так как в этом случае осталось бы неуместное priore, но в Peloponnesiorum.

³⁹ Слова Полиена (IV, 4, 1) Ἀντίπατρος ἐν τῇ Τετραχωριτῶν στρατείῳν и т.д. должны быть отнесены сюда. Из Стефана Византийского (s. v. Τέτραχ.) видно, что этим именем назывались бессы; назывались ли этим именем только одни бессы, или оно распространялось также и на других три племени, которые, кроме того, называет Страбон в цитируемом Стефаном Византийским месте (VII, 318), — этого мы теперь не в состоянии определить.

⁴⁰ Borysthenitae obpugnante Zopyrione servis liberatis... hostem sustinere potuerunt (Macrob., *Sat.*, I, 11, 33). Следовательно, Зопирион дошел до Ольвии, долгое время осаждал этот город, и погиб со своим войском только при возвращении обратно, tempestatibus procellisque subito coortis, как говорит Курций (X, 1, 43), или в море, как говорит Трог (Prol., XII): ut Zopyrion in Ponto cum exercitu periit. К этому же событию должны относиться и сатирические куплеты, о которых говорит Плутарх (Alex., 50) и которые перед трагической кончиной Клита должны были толь-

ко усиливать озлобленное настроение окружавших Александра лиц: ἤδετο ποιήματα... εἰς τοὺς στρατηγούς πεποιημένα τοὺς ἐναγχος ἠττημένους ὑπὸ βαρβάρων ἐπ' αἰσχύνῃ καὶ γέλῳτι. Заимствовано ли и это сведение из идущей от Клитарха традиции — неизвестно.

⁴¹ παρεκάλουν τοὺς Ἕλληνας συμφρονῆσαι περὶ τῆς ἐλευθερίας (Diodor., XVII, 62).

⁴² καὶ ἑκάστην ἡμέραν ἐπίδοξος ἦν ἀλῶναι, ὁ δὲ Ἀλέξανδρος ἔξω τῆς ἄρκτου καὶ τῆς οἰκουμένης ὀλίγου δεῖν πάσης μεδιστήκει, ὁ δὲ Ἀντίπατρος πολὺν χρόνον συνήγε στρατόπεδον, τὸ δὲ ἐσόμενον ἄδηλον ἦν (Aeschin., *In Ctesiph.*, § 165). То же говорит Димарх (I, § 43).

⁴³ Плутарх (*Alex.*, 49) говорит по поводу событий 324 года: ἐφοβοῦντο... Ἀλέξανδρον Αἰτωλοὶ διὰ τὴν Οἰνιαδῶν ἀνάστασιν, ἣν πυθόμενος οὐκ Οἰνιαδῶν ἔφη παιδας, ἀλλ' αὐτὸν ἐπίδησειν δίκην Αἰτωλοῖς. Несомненно, что этоляне могли решиться на это разрушение только в 330 году.

⁴⁴ Постановление в честь платейца Эвдема, который ἐπ[ηγγεῖλατο τ]ῷ κῆρῳ δῆμῳ ἐπιδώσει[ν ε]ἰς [τὸν] πόλεμον εἴ τι δεοίτο (С. I. Attic., II, n° 176). Постановление помечено I фаргелионом года архонта Аристофана (Ol. CXII, 3), было, следовательно, сделано приблизительно в мае 329 года.

⁴⁵ Plut., *Reip. ger. praec.*, 25. Предание молчит о том, кто внес это предложение; это не был Демосфен, если справедливы упреки, с которыми к нему обращаются Эсхин (*In Ctesiph.*, § 166) и Динарх (I, § 34). Плутарх (*Demosth.*, 24) говорит о нем: κινουμένῳ δὲ Ἀγιδι βραχέα συνεκλήθη πάλιν, εἴτ' ἔπτηξε. Подал ли ему повод к колебанию страх перед гегемонией Спарты, или что-либо другое, остается неизвестным.

⁴⁶ Так представляет дело Плутарх (*Reip. ger. praec.*, 25). Ср. Voeckh, *Staatsbaush.* 12, 229; II², 117. Весьма странно упоминание о Χοαί, которые приходились приблизительно на февраль; было ли сделано предложение отправить флот в январе 330 года? или Демада в апреле или мае 330 года уже имел в виду Хои 329 года? Весь этот рассказ весьма похож на анекдот. Были другие причины быть осторожными; весной 331 года Амфотеру было прислано 100 кипрских и финикийских кораблей, πρὸς αἷς ἔχοντα Ἀμφότερον ἔπεμπε στέλλειν ἐπὶ Πελοποννήσου (Agriani., III, 6, 5). Если они теперь находились около Эгины, то они могли сделать отплытие афинского флота невозможным.

⁴⁷ διεπολέμει πρὸς τὸν Μέμνονα (Diodor., XVII, 62).

⁴⁸ Эту цифру дает Диодор (XVII, 63), так же как и численный состав войск Агиса (XVII, 62). По Динарху (I, § 34), Агис имел 10 000 наемников.

⁴⁹ Это показание опирается на Фронтину (II, 4) с принятым выше исправлением Peloropnesiogum. С этими словами вполне согласно то, что говорится об Антипатре: dissimulans se scire, qua mente venissent gratias his egit, quod as auxilium ferendum Alexandro adversus Lacedaemonios convenissent, adjecitque id se regi scripturum; caeterum ipsos, quia sibi opera eorum non esset necessaria, abirent domos hortatus est. У Курция (VI, 1, 20), по окончании войны понесли наказание только элейцы и ахейцы, а не аркадяне, так как слова [Tegeates] veniam defectionis praeter auctores impetraverant есть конъектура вместо двух бессмысленных слов (preati geatae), которые другие исправляют в preati a rege (Jeep), или в a rege autem (Foss).

⁵⁰ Курций (IV, 1, 1 слл.) в своем подробном описании битвы следует Клитарху, как это видно из того, что Диодор (XVII, 63) говорит о смерти Агиса. Число павших со стороны спартанцев оба эти автора определяют в 5300 человек; со стороны македонян, по Диодору, пало 3500 человек, по Курцию (IV, 1, 16) *ex Macedonibus haud amplius mille, caeterum vix quisquam nisi saucius revertit in castra*. Время этой битвы мы можем определить по речи Эсихина *против Ктесифонта*, которая была произнесена перед Пифийскими играми (сентябрь 330 года) и после понесенного Агисом поражения; можно считать почти несомненным, что эта битва произошла после почетного постановления в честь фракийца Рибула, т. е. после мая 330 года. Вполне ошибочны слова Курция (IV, 1, 21): *hic fuit exitus belli quod repente ortum prius tamen finitum est quam Darium Alexander apud Arbelam superaret*. Он сам противоречит этому ниже (VII, 4, 32).

⁵¹ Plut., *Apophth.* [*Eudamid*, 5].

⁵² Plut., *Apophth. Lacon.*, 51. Ср. Aeschin., *In Ctesiph.*, § 133: *Λαχεδαίμονιοι δ' οἱ θαλαίπυροι... νῦν ὀμηρεύσοντες καὶ τῆς συμφορᾶς ἐπίδειξιν ποιησόμενοι μέλλουσιν ὡς Ἀλέξανδρον ἀναπέμπεσθαι* и т. д.

⁵³ *ἐκείνου δὲ ἐπὶ τὸν κοινὸν τῶν Ἑλλήνων συνέδριον τὴν ἀπόκρισιν ἀποστείλαντος· οἱ μὲν σύνεδροι συνήχθησαν εἰς Κόρινθον* и т. д. (Diodor., XVII, 73).

⁵⁴ К сожалению, авторы нам не говорят о том, когда и где встретили его послы; по Курцию (VII, 4, 32), известие о восстании Спарты он получил, когда после зимовки в Высоком Кавказе прибыл в Бактру (весною 329 года): *nondum enim victi erant quum proficiscerentur tumultus ejus principia nunciaturi*.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

¹ Эту цифру дает Плутарх (*Alex.*, 47), хотя и в таком месте, где дальнейшие сведения он почерпал из того же источника, как и Курций (VI, 8, 17) и Диодор (XVII, 74).

² Арриан называет *τάξεις* Кратера, Аминты (III, 23, 2) и Кена (III, 24, 1); вероятно, с царем был еще один таксис (Пердикки), так как в Экбатанах осталось только 6000 человек.

³ Мы обходим здесь рассказ о недовольстве войска, его тоске по родине и о снова пробужденном в нем речью царя воинственном духе (Plut., *Alex.*, 47; Diodor., XVII, 74 и всего подробнее Curt., VI, 8, 17), так как Арриан ничего об этом не упоминает; и хотя Плутарх и приводит письмо царя, в котором есть некоторые о том сведения, но это письмо, точно так же как и рассказ об этом событии у Курция, носит характер риторической выдумки. Того же происхождения и рассказ о царице амазонок Фалестриде, вставляемый здесь вышеупомянутыми писателями. Плутарх (*Alex.*, 46) называет писателей,

которые рассказывают его; из современников Александра он называет только одного Онесикрита.

⁴ Этот факт подтверждается Аррианом (III, 25, 4): *ἔχων πᾶσαν δύναμιν ἤει ἐπὶ Βάκτρων... ἰόντι δὲ τῆν ἐπὶ Βάκτρα*. То же говорит и Страбон (XV, 724) *διώκων τοὺς περὶ Βῆσσοσ ὡς ἐπὶ Βάκτρων*.

⁵ Подробности относительно местоположения этого города изложены в *Приложении* об основанных Александром городах (см.: *Приложение* к III тому). От каспийских проходов через Хорасан ведут к востоку три дороги; то, что Александр двинулся по самой северной из них, видно из того, что он выступил из Гиркании. Так как он спешил своим прибытием в Батриану, то он должен был избрать кратчайший путь, и так как в то же время он хотел и покорять, то он должен был избегать дорог уже пройденных; в противном случае он должен был бы сперва возвратиться через горы в Гекатомпил, чтобы достигнуть Оха (Ария), или по южной дороге через Нишапур, или по средней через Джадшерм и Мешхед. Так как, по Арриану (III, 25, 1), Александр прошел через Парфию (*ὡς ἐπὶ Παρθαίωνος*) и оттуда прибыл в Сузию (*ἐπὶ τὰ τῆς Ἀρείας ὄρια καὶ Σουσίαν πόλιν τῆς Ἀρείας*), то он следовал приблизительно по тому пути, который указал Исидор из Харака, и прошел в Сузию через Парфскую Низу (*παρθαίνισα*) и через богатую долину Кабушана. Wilson (*Arriana antiqua*) думал найти Сузию в Сузани, показанном на карте Al. Burnes'a между Мешхедом и Гератом. С большею вероятностью следует считать Сузию Туз, старинный город Джемшида, лежащий в нескольких милях от Мешхеда на дороге в Кабушан, там, где ведущая из Гиркании дорога соединяется с дорогой, ведущей из Шахруда.

⁶ По Курцию (VI, 6, 36), прибыло 500 греческих, 3000 иллирийских, 130 фессалийских и 300 лидийских всадников и 2600 лидийских пехотинцев; это сведение подозрительно и кажется преувеличенным, тем более, что в нем упоминаются иллирийские войска. Арриан говорит: «Александр двинулся на Бактрию, имея при себе все свои боевые силы; дорогой к нему присоединился из Экбатан Филипп». Очевидно, войска прибывали в Сузию несколькими походными колоннами и они должны были пройти через горы Хорасана по большим дорогам.

⁷ Теперь невозможно определить положение населенных пунктов этой местности. Во всяком случае, Артакоана (об орфографии этого имени см. Mützell ad Curt., VI, 6, 34), не есть нынешний Герат; описание у Курция, если его местный колорит верен (*praerupta rupes est quae spectat occidentem*, VI, 6, 23), показывает, что этот город лежал в долине, открытой к северу, а не к западу, как Герат; а то, что главный округ ариев лежал в долине реки, видно из выражения Страбона, что их страна простиралась в длину на 2000 стадий, а в ширину по равнине на 300 стадий. По Птолемею (VI, 17), Артикавда лежит на 40' западнее и на 10' севернее Александрии ариев или Герата; так как Александр в момент своего выступления в Бактриану находился в 600 стадиях от этой крепости (*Arrian.*, III, 25, 6), то он должен был направиться на Мервруд.

⁸ Herbelot, II, 240; Sainte Croix, 822 и др. Аммиан Маркеллин (XXIII, 6) говорит, что из Александрии в Каспийское море можно пройти водою; приводимое им расстояние в 1500 стадий слишком ничтожно, но самый факт не подлежит никакому сомнению, так как, с одной стороны, Страбон (XI, 509)

говорит, что Ох протекает по Гиркании до самого своего устья, и что Нисея расположена на берегах этой реки, а, с другой стороны, Птолемей точно определяет устья Оха и Окса. По-видимому, этот Ох древних писателей некогда составлялся из слияния рек Мервруда и Тетжента, который, в свою очередь, образовывался из слияния рек Герата и Мешхеда, между тем как теперь обе эти реки, не успев соединиться, теряются в песках пустыни.

⁹ Арриан не называет этого имени, но оно с полным правом может быть принято для столицы зарангов. Wilson (*Arriana ant.*, 154) находит старую столицу Дрангианы в Пешаверуне, на пути из Душака в Фуррах; другое мнение было высказано Spiegel'ем (II, 451). Ранее я считал Фуррах за прежнюю Проффасию; более точное знакомство с текущими в Аральское море водами не позволяет нам видеть в Фуррахе ту реку, по которой следовал Александр; на этом пути он прежде всего встретил Ардекан, вдоль течения которого ехал Ханыков.

¹⁰ Тексты, относящиеся к эвергетам, собраны комментаторами Курция (VII, 3); их преждее имя было ариаспы (конные арии), их область орошалась рекою Этимандром (Agriani., IV, 6), Гиндмендом нашего времени; он протекает по пустыне, лежащей в узкой скалистой долине, и только там, где он приближается к Аральскому морю, скалы расступаются и открывают плодородную и прекрасную местность, в которой еще и теперь находятся развалины нескольких больших городов, искусственных каналов и водопроводов; здесь, должно быть, и жили ариаспы.

¹¹ *Καταμαθῶν ἄνδρας οὐ κατὰ τοὺς ἄλλους τοὺς ταύτη βαρβάρους πολιτεύοντας, ἀλλὰ τοῦ δικαίου ἴσα καὶ τοῖς κρατίστοις τῶν Ἑλλήνων μεταποιομένους, ἐλευθέρους ἀφῆκε* и т.д. (Agriani., III, 27, 5).

¹² По Курцию, их сатрапом был назначен частный секретарь Дария; по Диодору, к ним вместе с гедросиями был назначен Тиридат; по Арриану, они остались свободными.

¹³ Позднее сатрапии Арахосия и Гедросия являются вместе с одной стороны, а Ария и Дрангиана — с другой; и из слов Курция (IX, 10, 20) можно заключить, что власть сатрапа Арахосии распространялась также на упомянутых в тексте гедросиев. Дранги (Дрангианы) и Заранги, несомненно, один и тот же народ; указания Страбона относительно земель, где жили эти народы, так точны, что насчет положения их не может быть никакого сомнения.

¹⁴ Александр, по-видимому, основал здесь город своего имени (ср. *Приложения* к III тому).

¹⁵ Это проходы Келата и Ургундаба (см. Sultan Baber, *Mem.*, 171, 224 и др. Chereffeddin, II, ch. 47, 366). ;

¹⁶ Arriani., III, 28, 1. Курций (VII, 3, 5) называет цифру войск.

¹⁷ По традициям востока, по Фериште, Абуль Гази и т.д. (ср. Elphinstone, *Cabul*, 152, нем. пер. Räh's'a), Кандагар, о котором здесь идет речь, считался основанным Александром, и приводимые Wilson'ом (*Asiat. Researches*, XV, 106) доказательства противного, по-видимому, еще не пошатнули этого мнения.

¹⁸ По Lassen'у (*Ind. Alterth.*, 12, 27, прим. 4) название этой горы есть Па-ропа-нишада, низкая гора в противоположность Нишада, высокая гора, как называется высший хребет Гиндукуша. Вавилонский текст большой надпи-

си Дария дает *Paquragaisana*; поэтому из различных написаний этого имени у греческих авторов самое правильное *Παροπάνισος* у Птолемея. Но нам казалось удобнее удержать принятую орфографию. Из интересного описания Baber'a (*op. cit.*, 209) видно, какое громадное количество снега выпадает зимой в этой местности. Страбон (XV, 724) говорит, что царь двинулся *διὰ τῶν Παροπαμισαδῶν ὑπὸ Πλειάδος ὕσιν*, — замечание, вполне опровергающее слова Курция (VII, 3, 4), что Александр пробыл у звергетов 60 дней.

¹⁹ οὐ γὰρ ὡς Ἀριστοτέλης συνεβούλευεν αὐτῷ τοῖς μὲν Ἑλλησι ἡγεμονικῶς, τοῖς δὲ βαρβάροις δεσποτικῶς χρώμενος, καὶ τῶν μὲν ὡς φίλων καὶ οἰκείων ἐπιμελούμενος (следовательно, как эпимелет), τοῖς δὲ ὡς ζῴοις ἢ φυτοῖς προσφερόμενος и т.д. (Aristot., fr. 81, ap. Plut., *De Alex.*, s. *virt. s. fort.*, 1, 6). Заподозренная подлинность этого отрывка, как кажется, доказывается тождественной ему по мысли цитатой, которую Страбон приводит из Эратосфена. Выражение *συνεβούλευεν*, употребленное автором сочинения *О счастье Александра* без труда может быть согласовано с одним выражением Цицерона, намекающим на сочинение Аристотеля, из которого заимствовано это место. Цицерон пишет Аттику (XII, 40, 2) о своем намерении посвятить победоносному Цезарю сочинение: *συμβουλευτικὸν saepe conor, nihil reperio et quidem mecum habeo et Ἀριστοτέλους et Θεοπόμπου πρὸς Ἀλέξανδρον*. Затем он отказывается от своего намерения (XIII, 31) и затем еще раз возвращается к нему (XIII, 28, 2): *de epistola ad Caesarem jurato mihi crede, non possum... nam quae sunt ad Alexandrum hominum eloquentium et doctorum suasiones, vides quibus in rebus versentur: adolescentem incensum cupiditate verissimae gloriae, cupientem sibi aliquid consilii dari quod ad laudem sempiternam valeret, cohortantur ad decus*. Это сочинение *Ἀλέξανδρος*, находившееся перед глазами Цицерона, не было диалогом. В списке сочинений Аристотеля упоминается *Ἀλέξανδρος ἢ ὑπὲρ ἀποικιῶν* (или *ἀποίκων*) и второй трактат *περὶ βασιλείας*. Этот второй трактат есть, несомненно, *συμβουλευτικός*; первый, вероятно, вернее было бы назвать *πρὸς Ἀλέξανδρον*, и быть может, он составляет одно с упомянутым выше сочинением, так как Аммоний говорит: *ἢ ὅσα ἐρωτηθεῖς ὑπὸ Ἀλεξάνδρου περὶ τε βασιλείας καὶ ὅπως δεῖ τὰς ἀποικίας ποιεῖσθαι γεγραφήκεν* (ap. Aristot., fr., ed. Rose, XIV, 1489).

²⁰ Aristot., *Polit.*, VII, 7, 1.

²¹ ὡσπερ γὰρ θεὸν ἐν ἀνθρώποις εἰκὸς εἶναι τὸν τοιοῦτον (Aristot., *Polit.*, III, 13, 8).

²² Полибий (XII, 23), возражая Тимею, который упрекнул Каллисфена в возмелении Александра, говорит: *...ἀποθεοῦν Ἀλέξανδρον οὐκ ἐβουλήθη... ἀνδρα τοιοῦτον, ὃν πάντες μεγαλοφύεστερον ἢ κατ' ἀνθρώπων γεγεῖναι τῇ τύχῃ συγχωροῦσι*.

²³ τὴν τε τῶν πολεμικῶν ἄσκησιν... τρίτον δὲ τὸ δεσπόζειν τῶν ἀξίων δουλεύειν (Aristot., *Polit.*, VII, 14 sub fin.).

²⁴ Aristot., *Polit.*, VII, 14, 15. Законодатель должен *σπουδάζειν ὅπως καὶ τὴν περὶ τὰ πολεμικὰ καὶ τὴν ἄλλην νομοθεσίαν τοῦ σχολάζειν ἔνεκεν τάξῃ καὶ εἰρήνης*, так как большинство военных государств поддерживает свое существование только пока они ведут войну, *κατακτησάμενοι δὲ τὴν ἀρχὴν ἀπόλλυνται: τὴν γὰρ βαρῆν ἀφίασιν, ὡσπερ ὁ σίδηρος, εἰρήνην ἄγοντες αἴτιος δ' ὁ νομοθέτης οὐ παιδεύσας δύνασθαι σχολάζειν*.

²⁵ οὐ γίγνονται δ' ἔτι βασιλεῖαι νῦν... διὰ τὸ τὴν βασιλείαν ἐκούσιον μὲν ἀρχὴν εἶναι, μειζόνων δὲ κυρίαν и т.д. (Aristot., *Polit.*, V, 10, 22). — ἅπαντες γὰρ εὐεργετήσαντες ἢ δυνάμενοι τὰς πόλεις ἢ τὰ ἔθνη εὐεργετεῖν ἐτύγχανον τῆς τιμῆς ταύτης (*ibid.*, V, 10, 5).

²⁶ Plut., *Alex.*, 45.

²⁷ Plut., *Alex.*, 39.

²⁸ По Плутарху, Димн, оказавший яростное сопротивление при своем аресте, был заколот присланным арестовать его лицом; это или невероятно, или является тем большим свидетельством серьезной опасности, так как в этом случае сам посланный поспешил в интересах Филота умертвить человека, показания которого могли открыть все.

²⁹ Рассказ Курция (VI, 8, 20) не делается заслуживающим большего доверия оттого, что у него над этой экспедицией предводительствует ветеран Афаррий.

³⁰ По словам Курция, присутствовало шесть тысяч македонян, вокруг них теснились слуги, конюхи и т.д.; остальные войска, должно быть, были расположены на квартирах.

³¹ Это, по-видимому, относится к доносам, подобным тому, какой, по словам Плутарха (*Alex.*, 38), сделала царю через Кратера, а наконец повторила ему и лично прекрасная Антигона из Пидны, взятая в плен в Дамаске и сделавшая затем наложницей Филоты.

³² οἱ Μακεδόνες κατέγνωσαν τοῦ Φιλῶτα καὶ τῶν κατατιταθέντων θάνατον ἐν οἷς ὑπέρχε Παρμενίων и т.д. (Diodor., XVII, 80). Дошедшие до нас предания не позволяют нам решить вопрос о том, было ли к ним применено право, имевшее силу на родине и в мирное время, или для армии во время похода существовали более строгие формы военного права.

³³ πρὸς Αἰτωλοῦς ἔπεμψε κρύφα πίστει δούς καὶ λαμβάνων (Plut., *Alex.*, 49).

³⁴ Быть может, вследствие известия, присланного Олимпиадой.

³⁵ Сюда следует отнести *τάγμα ἀτάκτων* (Diodor., XVII, 80; Curt., VII 2, 35), куда были помещены недовольные и дерзавшие рассуждать.

³⁶ У Арриана (III, 29, 7) Птолемей получает отряд, в котором было *τῶν ἑταίρων ἵππαρχία τρεῖς*. Уже из этого видно, что речь шла не только о замене отпущенной на родину фессалийской конницы. Позднее (Arrian., IV, 4, 7) упоминается другой отряд, в котором тоже было три гиппархии гетайров; при походе в Индию упоминаются шесть гиппархий с именами своих гиппархов: из текста Арриана (IV, 22, 7; ср. 23, 1 и 24, 1) можно заключить о существовании восьми гиппархий, не считая агемы.

³⁷ По Арриану (IV, 4, 6), нападение на скифов произвели *μία ἵππαρχία τῶν ξένων* и четыре илы сариссофоров; к отряду, упоминаемому Аррианом (IV, 3, 7), было присоединено 60 всадников и 800 человек *τῶν μισθοφόρων*.

³⁸ Arrian., III, 24, 1. IV, 17, 3. V, 11, 3 и т.д.

³⁹ Arrian., VII, 6, 1. Plut., *Alex.*, 47. Suidas s. v. βασιλεῖοι παῖδες.

⁴⁰ На колонне Траяна мы видим, что римские солдаты при походе в Дакцию носили штаны. Из Иосифа известно, что римские солдаты подбивают подошвы гвоздями.

ГЛАВА ВТОРАЯ

¹ Arrian., III, 28, 10. IV, 7, 1.

² Arrian., III, 28, 2. Цифры у Курция (VII, 3, 2) подтверждаются своей внутренней правдоподобностью. Контингент союзных государств, правда, по свидетельству Диодора (XVII, 17), достигает до 600 всадников, и в битве при Арбелах он разделен между Эригием и Койраном (*Κοίρανος*, Arrian., III, 12, 4; *Κάρανος*, III, 28, 3); Андроник предводительствовал над бывшими ранее у Дария греческими наемниками, число которых равнялось 1500 человек; и не представляет ничего невероятного, что Артабаз, которого Александр ставил так высоко и которому в жизни так часто приходилось иметь дело с войсками греческих наемников, получил главное начальство над этой частью тяжелой пехоты; как перс, очевидно, он был выбран для этой экспедиции предпочтительно перед другими.

³ По Курцию (VII, 3, 4), при этом переходе к Александру присоединились стоявшие под предводительством Пармениона в Экбатанах войска, 6000 македонян и 200 македонских всадников, 5000 пеших наемников и 600 всадников, *haud dubie robur omnium virium regis*. К сожалению, Арриан не говорит ни о том, как был исполнен отданный Пармениону приказ (III, 19, 7), чтобы эти войска шли через земли кадусиев и далее следовали бы по берегу Каспийского моря, ни о том, когда этот отряд примкнул к царю. Предположить, что Полидамант вместе с приказом об умерщвлении Пармениона привез с собою приказ о выступлении в поход его войск и строить на этом хронологические данные, было бы слишком смело. Из Арриана (III, 25, 4) видно, что вскоре после выступления из Задракарт к армии примкнула часть этих войск, наемные всадники и оставшиеся добровольно фессалийцы.

⁴ Strabon, XVI, 312. Курций описывает переход через это плоскогорье Газни с весьма сильными преувеличениями, но многие из его географических указаний подтверждаются свидетельством Baber'a, Elphinston'a и других.

⁵ Об этой остановке можно заключить из слов Арриана (III, 28, 4), что он основал там город и праздновал жертвоприношения и игры, а также и из Страбона (XV, 725): *διαγεμισσας αὐτόδι*.

⁶ Эту дорогу через проход Туль, называемую также по имени крепости Ковака, описывает Wood (*Journey*, 275), избравший ее в 1837 году при возвращении из своего путешествия на открытие источников Окса.

⁷ Классическое место об этих проходах находится в *Мемуарах* султана Бабура (с. 139); по восточным проходам прошел Тимур, и Chereffeddin в начале и в конце четвертой книги сообщает об них много интересного; большие подробности сообщает теперь Masson (*Journey*, II, 352).

⁸ Burnes (*Asiat. Journ.*, 1833, febr., p. 163).

⁹ Положение города *sub ipso Saucaso* (Plin., V, 16) я уже ранее искал в той местности, где сливаются Гурбена и Пунджир, прорвавшись через последние высоты, вопреки мнению С. Ritter'a, думавшего видеть его в Бамиджане. По-видимому, место его указывают развалины у Харикара и Гарбанда (Гурбенда), которые нашел Wilson (*Ariana Ant.*, p. 182), в 40–50 англ. милях от Кабула. Подробно говорит теперь об этом Cunningham (*The ancient Geogr. of India*, 1871, I, p. 21 сл.), где он, однако, ошибочно относит к этой Alexandria *sub ipso Saucaso* слова Стефана Византийского (*Ἀλεξάνδρεια...*



ἐν τῇ Ὀπιανῇ κατὰ τὴν Ἰνδικήν). Теперь я не думаю, что Александр избрал себе дорогу через Бамиян, но дорогу на Андераб, местечко, которое древние писатели называют, по-видимому, Драпсакой (Argian., III, 29, 1) или Адрапсой (Strab., XI, 516). В новом городе, по Курцию (VII, 3, 23), было оставлено 7000 македонских ветеранов, по Диодору (XVII, 83), в нем и в соседних колониях осталось 3000 из ἐκτὸς τάξεως συνακολουθούντων, 7000 варваров и те из наемников, которые этого пожелали.

¹⁰ καὶ ἄλλας πόλεις ἔκτισεν ἡμέρας ὁδὸν ἀπέχουσας τῆς Ἀλεξανδρείας (Diodor., XVII, 83). Не должно следовать Wesseling'у, который на основании одной парижской рукописи писал: ἄλλην πόλιν... ἀπέχουσαν. Дальнейшие подробности см. в Приложении ко II тому о колониях Александра.

¹¹ πεντεκαδεκαταῖος ἀπὸ τῆς κτισθείσης πόλεως καὶ τῶν χειμαδίων ἦκεν εἰς Ἀδραψα (Strab., XV, 725). Wood (*Journey*, ed. 2., 1872, 273 ff.) считает от Андераба до конца долины Пунджира 125 англ. миль; во второй половине апреля он нашел на самом возвышенном пункте идущей через проход дороги слой снега в четыре фута толщиной.

¹² ἐπὶ τὰ σφῶν ἕκαστοι (Argian., III, 28, 10). — in suos quisque vicus (Curt., VII, 4, 21). Быть может, мы вправе сблизить с этим выражение, которое употребляет Арриан (IV, 21, 1) о происшедшем позднее восстании в Бактриане: Χορήγητος καὶ ἄλλοι τῶν ὑπάρχων οὐκ ὀλίγοι. Персидского сатрапа в Согдане не называют ни Арриан, ни другие источники. Богатая земля Маргиана (Meru-Shahidschan), по крайней мере, в древнейшее время тоже принадлежала к сатрапии Бактрии, как это доказывает Бисутунская надпись (3, 11); в ней сатрап Бактрианы наносит поражение возмутившемуся сатрапу Маргианы.

¹³ Я не берусь решить вопроса о том, получил ли этот город имя Александрии и представляет ли он собою Ἀλεξάνδρεια κατὰ Βάκτρα, или последнюю надобно искать далее к востоку, где восточные географы помещают Искандере (Ebn-Naukal, 224; Abulteda, изд. Reiske, p. 352). Mützell (ad Curt., 654) предполагает, что Александр из Андераба спустился вниз по реке, впадающей в Оке у Кундуза (Гори у Al. Burnes'a); этот путь, по крайней мере, наиболее естественный.

¹⁴ Argian., III, 29, 5. Curt., VII, 5, 27.

¹⁵ Курций (VII, 4, 32) говорит об этом пребывании в Бактриане: hic regni stativa habenti nuntiatur ex Graecia Peloponnesiorum Laconumque defectio; nondum enim victi erant quum proficiscerentur tumultus ejus principia nuntiaturi. Посольство должно было быть послано приблизительно в июне 330 года; оно должно было употребить десять месяцев на то, чтобы достигнуть Александра. Это свидетельство имело бы большую цену, если бы оно не шло от Клитарха.

¹⁶ Курций (VII, 5, 1) описывает пройденную местность как страшную пустыню, причем он положительно преувеличивает и говорит о лежащих по сю сторону Окса землях то, что отчасти правильно относительно земель, лежащих по ту его сторону. Во всяком случае, судя по словам Страбона (XI, 510), река Бактр достигает до Окса: ἤν (πόλιν) διαρρέει ὁμώνυμος ποταμός ἐμβάλλων εἰς τὸν Ὠξον. От Балка до Килифа не более десяти миль.

¹⁷ Argian., III, 29.

¹⁸ Относительно положения Навтаки, τῆς Σογδιάνης χώρας, мы не имеем других указаний, кроме этого бегства Бесса и зимовки македонян в

328/327 году (Arrian., IV, 18, 1). Так как беглец направлялся к западу, к Бухаре, то, по-видимому, Навтаку следует искать, скорее, в округе Накшаба (или Карши), зимней резиденции Тимура или в лежащем восточнее Кеше (или Шехризбзе). Дорога, ведущая из Балха за Окс, пересекает эту реку у Килифа; этот путь позволял в то же время преследователям избежать высоких гор, отделяющих Гиссар от бассейна Карши, а именно опасного прохода «железных ворот». Вся эта область между Оксом и рекою Согдой стала известна только с 1875 года, после экспедиций Федченки и Маева и аналогичных им английских экспедиций, организованных майором Montgomery; я отсылаю по этому поводу читателей к *Bulletin geogr.* 1876 (декабрь), с. 572 сл., и к R. Kiepert'у (*Globus*, 1877, n° 1); оба изложения сопровождаются небольшой поучительной картой. Особенно изыскания Маева удвоили цену сообщаемых Шерефедином сведений.

¹⁹ Если Навтака есть нынешний Карши на берегах реки Кашки, то она лежит милях в 30 от Килифа и места переправы через Окс. В таком случае Бесс бежал по направлению к Бухаре, лежащей в 20 милях далее на северо-запад, и был выдан в одном из находящихся на этом пути местечек, хотя бы в Караул-Тюбе, в пяти милях от Бухары. Это мы говорим, чтобы объяснить «десять дневных переходов в четыре дня» у Птолема.

²⁰ οὕτως αἰκισθεῖς ἀποπέμπεται ἐς Βάκτρα ἀποθανοῦμενος (Arrian., III, 30, 5). Оканчивающийся таким образом рассказ заимствован Аррианом у Птолема. По Курцию (VII, 5, 40), Бесс был выдан Оксафру, брату убитого государя (τῷ ἀδελφῷ καὶ τοῖς ἄλλοις συγγενέσι. Diodor., XVIII, 83: следовательно, совершенно согласно с родовым правом), — тогда как у Арриана Оксафр является сыном Абулита и сатрапом Александра в Сузах, а брат Дария называется Оксиартом (VII, 4, 5) и не есть одно и то же лицо с Оксиартом Бактрианы.

²¹ Тождество Мараканды с нынешним Самаркандом основывается не только на сходстве имен, которого Spiegel (op. cit., II, p. 546) считает недостаточным. Жители востока считают этот город основанным Александром (Vaberg, *Met.*, 48).

²² συνελθεῖν τοὺς ὑπάρχους τῆς χώρας ἐκείνης εἰς Ζαρίασπα τὴν μεγίστην πόλιν... ὡς ἐπ' ἀγαθῷ οὐδενὶ τοῦ συλλόγου γενομένου... (Arrian., IV, 1, 5). Объяснение слова σύλλογος дает Ксенофонт (Оес., IV, 6, и Суг., VI, 2, 11); это ежегодное ἐξέτασις τῶν μισθοφόρων καὶ τῶν ἄλλων οἷς ὀπίσθαι προστέτακται за исключением тех, которые находятся ἐν ταῖς ἀκροπόλεσι. Что σύλλογος войск Малой Азии был у Кастола, видно из Ксенофонта (Anab., I, 1, 2; Hell., I, 4, 3). Что точно так же мидяне и персы имели свой σύλλογος у Экбатан, видно из Арриана (IV, 7, 3), где говорится, что Бесс должен был быть доставлен туда, ὡς ἐκεῖ ἐν τῷ Μηδῶν τε καὶ Περσῶν συλλόγῳ ἀποθανοῦμενος. Нельзя точно сказать, что греки понимали под словом гиппарх; если у Ксенофонта (Hell., VI, 1, 7) Ясон Ферский называет царя молоссов Алкета своим гиппархом, если в другом месте (Anab., I, 2, 20), у него же, Кир умерщвляет одного перса, управлявшего мастерской для окрашивания в пурпуровую краску, καὶ ἕτερόν τινα τῶν ὑπάρχων δυνάστην (это не глоссема), то мы видим, что с этим словом отлично связывается понятие о собственной ἀρχή. Что то же самое слово у Арриана означает и просто начальствующее лицо второго разряда, видно из его собственных слов (IV, 22, 4; V, 29, 4), а Мазея он называет то сатрапом (III, 16, 4), то гиппархом (IV, 18, 3) Вавилона.

²³ Арриан (IV, 21, 1), говоря об этой крепости, пишет: *αὐτός τε Χοριήνης ξυμπεφεύγει καὶ ἄλλοι τῶν ὑπάρχων οὐκ ὀλίγοι...* и ниже (IV, 21, 9): *ὥστε καὶ αὐτὸ τὸ χωρίον ἐκεῖνο ἐπιτρέπει Χοριήνην καὶ ὑπάρχον εἶναι ὅσων περ καὶ πρόσθεν ἔδωκε.*

²⁴ *Satrapes erat Sysimithres* (Curt., VIII, 2, 19). — *imperium Sysimithri restituit spe majoris etiam provinciae facta si cum fide amicitiam ejus coluisset* (VIII, 2, 32). Об Оксиарте Курций (VIII, 4, 21) говорит: *in regionem cui Oxyartes satrapes nobilis praeerat*. Очевидно, оба раза под *satrapes* понимается гипарх.

²⁵ *Arrian.*, III, 30. *Curt.*, VII, 6. Что интересующая нас местность есть не что иное, как горный округ Осрушна, *Montes Oxii* Птолемея, видно из настоящего направления дорог этой местности, описанных в первом издании по сведениям Шерефеддина, а теперь более точно обозначенных Кьерерт'ом на составленной им на основании новейших русских изысканий: «*Uebersichtskarte der nach Chiva und Buchara führenden Strassen*» (1873). Александр шел по ближайшей дороге: она направляется из Самарканда прямо на север к лежащему в 12 милях от него Джизаку, затем идет по долине одной небольшой речки к «Белому проходу», Ак-Кутель (Битти-Кодак у Шерефеддина), затем вступает в область Осрушна и вдоль реки Джама (в 10 милях от Джизака) через Себат и Ура-Тюбе, через горы Мазикха и через Ак-Су (? *Memaceni* ар. *Curt.*, VII, 6, 19) идет к важнейшей позиции на линии Яксарта Ходженду (в 10 милях от Джама). Ср. *Praser'a* (*Append.*) и Эбн-Хаукаля (у Абульфеды в *Geogr. min.*, III, 65); последний, однако, между Джамом и Ура-Тюбе вместо Себата называет лежащий далее на западе Заамин. Еще во время Ахмета Алькатеба (у Абульфеды, 1. с, 69) в области Осрушна было около 400 укрепленных замков (аулов).

²⁶ Страбон (XI, 440) выражается неточно, говоря *τὰ Κύρα ἔσχατον Κύρου κτίσμα ἐπὶ τῷ Ἰαξάρτῃ κείμενον*, так как, по положительному уверению Арриана, этот *Κυρούπολις* лежал не на Яксарте, но на пересыхавшей в летнее время реке. Из этого уже видно, что этот город лежал у подножия гор, на краю пустыни. Этого мы не можем сказать ни о речке Ак-Су, ни об Ура-Тюбе, так как они не пересыхая достигают текущей от них недалеко главной реки; но на западе от гор Ура-Тюбе с Белых гор течет по направлению к Джаму река Замин; здесь она пересыхает. Эбн-Гаукаль говорит, что город Замин лежит у подножья гор Осрушна, а перед ним находится пустыня. Это, как я полагаю, и есть Кирополь, или Курешата, бывший, по мнению Н. Кьерерт'а, не основанным Киром городом, но городом Куру, тех самых Куру, которые вместе с Панду играют некоторую роль в индийском эпосе; имя Панду встречается и здесь в окрестностях Яксарта (*Plin.*, VI, 18, § 49), а город, около которого произошла кровопролитная битва индийских Куру и Панду, называется Куруштрой. Расстояние и характер местности не позволяю нам отнести сюда укрепление Куруат, лежащее в 6 милях от Ходженда (*Praser, App.*).

²⁷ Только Ходженд имеет то важное в военном отношении положение, которое могло соответствовать планам Александра; он всегда был ключом к Фергане и Мавельнахару, постоянным пунктом вторжений с той и с другой стороны и главной станцией больших дорог, пролегающих между Самаркандом и Кашгаром; походы Чингисхана, Тимура, Бабура и свидетельства восточных географов представляют бесчисленное множество примеров сказанного. Султан Бабур говорит, что этот город очень стар, что его



читатель лежит на отстоящем на ружейный выстрел от реки скалистом выступе, у подножия которого река поворачивает к северу и прокладывает себе далее путь по пескам. Плиний (VI, 16) называет это место Alexandria in ultimis Sogdianorum finibus и Птолемей указывает именно на этот изгиб Яксарта, как на границу Согдианы.

²⁸ *παρὰ τῶν ἐκ τῆς Εὐρώπης Σκυθῶν* (Arrian., IV, 1, 1). Относительно скифов и этнографического значения трех названий Яксарта, Танаиса и Силиса (Plin., VI, 16), которые они давали Сыр-Дарье, я укажу на С. Ritter'a (VII, 480 и т.д.) и на Klaproth'a (*Nov. Journ. Asiat.*, I, 50 ed.).

²⁹ Arrian., IV, 1, 2. Если бы Курций заслуживал большого доверия, то было бы весьма поучительно то, что он говорит: Berdam (Penidam Mützell) quendam misit ex amicis qui denuntiaret his, ne Tanaim amnem [regionis] injussu regis transirent (VII, 6, 12). Александр должен был узнать об участии Зопириона одновременно с известием о восстании спартацев, если только он получил его уже в Бактре. Он мог опасаться, что после неудачного нападения Зопириона на Борисфене скифы Дона произведут набег на дунайские земли, тогда как это скифское посольство, несомненно, явилось не столь издалека, но самое большее с низовьев Волги.

³⁰ *ξυνηπελάβοντο δὲ αὐτοῖς τῆς ἀποστάσεως, καὶ τῶν Σογδιανῶν οἱ πολλοὶ ἐπαρθέυτες πρὸς τῶν ξυλλαβούτων Βῆησον, ὥστε καὶ τῶν Βακτριανῶν ἔστιν οὓς σφισιν οὗτοι ξυναπέστωσαν* (Arrian., IV, 1, 5).

³¹ *ὡς ἐπ' ἀγαθῷ οὐδενὶ ξυλλόγου γιγνομένου* (Arrian., IV, 1, 5). — *Vulgaverant famam Bactrianos equites a rege omnes ut occiderentur accersi* (Curt., VII, 6, 15).

³² Arrian., IV, 3; Курций (VII, 6, 17) не следует ни Птолемию, ни Аристу-булу; убийство 50 македонских всадников, как оно у него рассказано, имеет вид романа; во всяком случае в это опасное время войска Александра должны были вести себя осторожнее. Но ему можно верить в том, что город Кира и другие пограничные укрепления были разрушены, так как Александр, основав Александрию, изменил систему защиты этой страны, ведшую свое начало от Кира и Семирамиды (Inst., XII, 5 и Curt.).

³³ *ἔδωξεν ἵππῳ πεντήκοντα καὶ ἑκατὸν σταδίους ὑπὸ διαρροίας ἐνοχλούμεος* ((Plut.), *De fort. Alex.*, II, 9).

³⁴ Курций (VII, 7, 6 слл.) рассказывает дело совершенно иначе. Знаменитая речь скифских послов весьма мало соответствует исторической связи событий. Весьма интересны вступительные слова, предпосылаемые ей Курцием (VII, 8, 11): *sic quae locutus apud regem memoriae proditum est, abhorrent forsitan moribus nostris... sed ut possit oratio eorum sperni, tamen fides nostra non debet; quare utcunque sunt tradita incorrupta perferemus*. В другом месте (VII, 11, 12) он говорит: *Rex Cratero accersito et sermone habito, cujus summa non edita est*. Следовательно, также и речи составлял не он сам.

³⁵ Arrian., IV, 5.

³⁶ Произведенное этими событиями впечатление описывает один только Курций (VII, 9, 18), *itaque Sacae misere legatos, может быть, это были Σάκαι Σκυθικὸν τοῦτο γένος τῶν τῆν Ἀσίαν ἐποικούντων Σκυθῶν οὐχ ὑπήκοοι, которые последовали за Бессом в Гавгамелы κατὰ συμμαχίαν τῆν Δαρείου* (Arrian., III, 8, 3).

³⁷ Haud oppidanis consilium defectionis adprobantibus; sequi tamen videbantur quia prohibere non poterant; и далее incolae novae urbi dati captivi, quos reddito pretio dominis liberavit, quorum posteri nunc quoque non apud eos tam longa aetate propter memoriam Alexandri coleverunt (Curt., VII, 6, 24). У Арриана тоже повторявшиеся неоднократно в Бактрии и Согдиане восстания являются главным образом делом немногих *οἱ νεωτερίζειν ἐθέλοντες* (IV, 18, 4, ср. IV, 1, 5), каковы, например, Хорин *καὶ ἄλλο τῶν ὑπάρχων οὐκ ὀλίγοι* (IV, 21, 1). По-видимому, и тогда, как теперь, большая часть народонаселения бухарского ханства, мирная и занятая земледелием и торговлей, жила под тяжелым гнетом. Трудолюбие, образованные и мирные таджики Бухары рассказывают еще и теперь, что они живут в этой земле со времен Искандера, что в этой стране никогда не было государя из их среды и что они умеют только повиноваться (Мейендорф, 194).

³⁸ Слова *ἐς τὰ βασίλεια τῆς Σογδιάνης* в тексте Арриана (IV, 5, 3) считаются испорченными; из Арриана (IV, 5, 4) видно, что отступление происходило по направлению к пустыне; быть может, в этой стороне лежала вторая царская крепость.

³⁹ Из Арриана (IV, 5, 7) видно, что Каран был гиппархом 800 конных наемников и (IV, 5, 5) что над ним, вероятно, в звании стратега, был поставлен Андромах, командовавший 66 всадниками. По Арриану (III, 28, 2), Каран принадлежит к числу *τῶν ἐταίρων* и, быть может, есть тот самый *Κοίρανος*, который при Гавгамелах предводительствует всадниками союзников. Там же всадниками наемников предводительствует Андромах, сын Гиерона. Менедер, которого одного только называет Курций, должен был предводительствовать пехотой.

⁴⁰ Это событие рассказано нами по Птолемию, рассказ которого дополняется заметками Аристовула. Сведения Курция (VII, 7, 30) отличаются от него во многих пунктах; по его словам, усмирение восстания в Согдиане было сперва поручено Спитамену и Катану (VII, 6, 14). Из лежавшей на берегу реки рощи (*ἐν παραδείσῳ*), в которой, по словам Аристовула, Спитамен устроил засаду, у Курция делается *silvestre iter* и *saltus*, он называет этих скифов *Daһae*.

⁴¹ Расстояние в 1500 стадий совершенно согласно с показанием Абульфеды, что Ходженд лежит в семи днях пути от Самарканда (Geogr. min. ed. Hud., t. III, p. 32), и еще точнее с маршрутом, сообщенным нами выше, по Fraser'y.

⁴² Арриан (IV, 6, 4) не говорит, куда; Курций (VII, 9, 20) пишет: *Vastra refugerat*. Ясно, что это не может быть очень часто упоминаемая Бактра пути в Индию. Если мы вспомним важность и красоту нижней долины Согда, которая в переправе через Окс у Чарджуя и в дороге на Мерв имеет самый близкий путь сообщения с Ираном, и сравним с этим то обстоятельство, что во время Александра ни одна другая местность ниже Самарканда не может указать в себе «райских» садов Бухары, то мы склонимся к тому, чтобы искать эти *βασίλεια* приблизительно там; Трибактра Кл. Птолемея лежит почти в этой же самой местности, в нескольких милях к северо-востоку от озера Оксианы, которое есть не что иное, как Кара-Куль; в числе карт Бухары Абульфедя называет и карту Кл. Птолемея; из Бухары Спита-

мен должен был бежать к западу через находившийся в нескольких милях южный рукав реки Согда (Зеравшан), так как здесь скоро начинаются те пески, в которых теряется ее северный рукав (Вафгенд).

⁴³ *ὡς Ἀλέξανδρος ἀποστάντας τοὺς Σογδιανούς κατεπολέμησεν καὶ κατέσφαξεν αὐτῶν πλείους τῶν δώδεκα μυριάδων* (Diodor., *Epit.* XVII). В нашем тексте Диодора после главы 83 есть большой пробел, начинающийся взятием в плен Бесса и обнимающий историю двух следующих лет. Курций (VII, 9, 22) говорит об этом наказании только следующее: *ut omnes qui defecerant pariter belli clade premerentur, copias dividit urique agros et interfici puberes jubet.*

⁴⁴ Певколая и его 3000 воинов упоминает только Курций (VII, 10, 10).

⁴⁵ *ὡς Βακτριανούς ἐκόλασεν* (Diodor., *Epit.* XVII), заметка, быть может, и не заслуживающая доверия.

⁴⁶ Страбон (XI, 514) приводит, по Эратосфену, путь и расстояние из Александрии ариев через Бактры к Яксарту и говорит: *εἶτ' εἰς Βάκτραν τὴν πόλιν ἢ καὶ Ζαριάσπα καλεῖται*; точно так же в числе бактрийских городов он называет τὰ Βάκτρα ἢ ὑπὲρ καὶ Ζαριάσπαν ἢ διαρκεῖ ὁμώνυμος ποταμὸς ἐμβάλλων εἰς τὸν Ὀξον. Когда Арриан сообщает со слов Лага (III, 30, 5), что Бесс был отведен *εἰς Βάκτρα ἀποδανούμενος*, и ниже (IV, 7, 5) выводит его в Зариаспах перед собранием всех вельмож, то могло бы казаться, что он точно так же подразумевает под этими двумя именами один и тот же город. Его рассказ о неожиданном нападении скифов на Зариаспы (IV, 16, 6) не оставляет никаких сомнений в том, что под этими двумя именами он подразумевает два различных города; по его словам (IV, 16, 1), *αὐτοῦ ἐν Βάκτροις*, осталось четыре стратега со своими фалангами, между тем как в Зариаспе находятся только больные и 80 всадников для их защиты. Географ Птолемей отличает реку Зариаспы от Даргида у Бактр и называет оба города под различными градусами широты. Я продолжаю думать, что Зариаспы следует искать приблизительно в окрестностях Андхуя, милях в 15 к западу от Бактр; Андхуй есть старинный город, и генерал Perrier, проезжавший вблизи его в 1845 году, узнал, что в нем еще насчитывается 15 000 жителей. Этот старинный город мог тоже называться Бактрами, как еще и теперь называются многие города Балк-аб-Файин, Хан-Балк, Залк-аб-Бала, Трибактра у Птола; может быть, в отличие от Бактр у Даргида эти Бактры называли *Βάκτρα ἢ καὶ Ζαριάσπα*. Полибий называет оба имени; Эвфидем, царь Бактрии, пославший свою главную армию в Тапурию, стоит у него (X, 49) с 10 000 всадников на берегах реки Ария и, атакованный на берегах этой реки Антиохом III, отступает *εἰς πόλιν Ζαριάσπα τῆς Βακτριάνης*; затем он рассказывает (XI, 34) о переговорах Антиоха с Эвфидемом, после которых сирийский царь, *ὑπερβαλὼν τὸν Καύκασον*, выступает *εἰς τὴν Ἰνδικήν*; наконец (XXIX, 12, 8), в ряду взятых городов (*Καταλήψεις*) — Тарента, Сард, Газы, Карфагена — называется также и *Βάκτρα*, под которой, несомненно, подразумевается взятый Антиохом III во время этой экспедиции город; и наконец для Полибия Зариаспы и Бактры — два разных города.

⁴⁷ *ξύλλογον ἐκ τῶν παρόντων ξυναγαγών* (Arrian., IV, 7, 3); следовательно, они были созданы в Зариаспы для другой цели, точно так же, как не для этой только цели созывается собрание в Экбатанах, где Бесс должен был быть казнен (*ὡς ἐκεῖ ἐν Μῆδων τε καὶ Περσῶν σύλλογῳ ἀποδανούμενον*). Выра-



жение Арриана *κατηγορήσας τὴν Δαρείου προδοσίαν* позволяет нам заключить, что собравшиеся произнесли над ним свой приговор. Казнь, которой приказывает подвергнуть его царь, та же самая, которая несколько раз упоминается в биситунской надписи.

⁴⁸ Arrian., IV, 7; ср. Curt., VII, 5 и 10; Justin., XII, 5; Diodor., XVII, 82; Plut. и др.

⁴⁹ На положение Хорасмии указывает ее теперешнее имя. Arrian., IV, 15; Curt., VII, 1, 8. Выражения Фарасмана, приводимые Аррианом, и ответ Александра, что он не желает теперь вторгаться в области Понта, могли бы, по видимому, подтвердить предположение, что Александр смешал Танаис Европы с Яксартом; в противном случае непонятно, как он мог потребовать для похода на Понт помощи хорасмиев, живших у Аральского моря, и как Фарасман мог называть себя соседом Колхов. Мы должны предположить эту ошибку не у Александра, а у преувеличивавших македонян. Верные люди, отправившиеся вместе с посольством европейских скифов, должны были принести более верные сведения об Аральском море и о Каспийском море. Быть может, Фарасман подразумевал сообщение морем с лежавшей на его противоположном берегу областью Аракса и Куры, глубокую древность которого достаточно доказывают известия древних и новейшие исследования. Следует обратить внимание на то, что Арриан заставляет Фарасмана говорить (*ἔφασκε*) об амазонках, не прибегая к своему обычному *εἰσὶ δὲ οἱ λέγουσιν*; следовательно, он нашел это в таком виде у Птолемея или Аристобула.

⁵⁰ Что Александр еще и теперь держался этого мнения, доказывают не столько слова, влагаемые в его уста Аррианом (V, 26, 1), сколько отправка Гераклида к Каспийскому морю (VII, 16, 1), чтобы строить там флот и исследовать *ποῖα τινὶ συμβάλλει θαλάσση κτλ.*

⁵¹ *ὅτι πολλοὺς τῶν Σογδιανῶν ἐς τὰ ἐρύματα συμπεφευγένας ἠγγέλλετο οὐδὲ ἐθέλει κατακοῦειν τοῦ σατραπόυ ὅστις αὐτοῖς ἐς Ἀλεξάνδρου ἐπέτεταχτο* (Arrian., IV, 15, 7). Весьма странно, что он не может назвать имени этого сатрапа.

⁵² Арриан (IV, 7, 2), который, к сожалению, не дает цифр. Курций (VII, 10, 11) насчитывает в первой колонне, которой у него предводительствует Александр (он хотел сказать Асандр), 3000 пехотинцев и 500 всадников, во второй 3000 пехотинцев и 500 всадников и в третьей 3000 пехотинцев и 1000 всадников; он называет еще 7400 греческих пехотинцев и 600 всадников, присланных Антипатром. Имя Меламнида у Арриана, несомненно, необходимо изменить, по Курцию, в Менида. Заслуживает внимания Птолемеῖος ὁ τῶν Θρακῶν στρατηγός у Арриана. Прежний предводитель пеших фракийцев, Ситалк, остался в Экбатанах; этот Птолемей был послан вместе с Эпокиллом (Arrian., III, 19, 6; IV, 7, 2) к морю, чтобы сопровождать в Эвбею транспорт золота и уволенных на родину солдат (весной 330 года); следовательно, на дорогу в Македонию и оттуда в Зариаспы им понадобилось около года. По прямой линии от Геллеспонта до Исса и оттуда через Багдад до Балха около 400 миль.

⁵³ *αὐτοῦ ἐν Βάκτροις ὑπολειπόμενος... τὴν τε χώραν ἐν φυλακῇ ἔχειν* и т.д. (Arrian., IV, 16, 1). Бактры обозначает город, а не страну, которую Арриан (IV, 16, 4) называет *Βακτριάνη*. Почему это *αὐτοῦ* не может указывать на тождество Бактр и Зариасп, замечено нами выше в прим. 46 к гл. 2 III кн.

⁵⁴ По словам Страбона (XI, 517), Александр построил в Согдиане и Бактриане 8 городов; по словам Юстина (XII, 5) — 12. Мы не поколебались бы узнать в Мерв-Шахидшане, нижнем Мерве, эти 6 лежавших рядом друг с другом городов, которые, по словам Курция, были (VII, 10, 15) основаны на месте Маргианы (var. Margania), если бы длинный эпизод между IV, 7, 3 и IV, 15, 7 мог заставить Арриана забыть об этой предпринятой из Зариасп к югу экспедиции. К сожалению, Курций (VII, 10, 13–16) так запутан, что из него мы ничего не можем решить. Если мы взвесим, какое значение имеет эта плодородная область Маргианы на самом краю пустыни — Биситунская надпись показывает, какие значительные боевые силы поднялись там против Дария, то представляется почти невероятным, чтобы Александр мог не основать там города, господствующего над страной; и древность знала, что он основал там Александрию, которая затем была разрушена варварами и опять основана Антиохом I (Plin., VI, 16). Понятно, для этой цели Александр мог и не прибыть лично в Маргиану.

⁵⁵ *σεννοὶ δ' ἐν ἀρχαῖς ἤμενοι κατὰ πτόλιν φρονοῦσι δήμου μείζον, ὄντες οὐδενές* (Eurip., *Androm.*, 699–700).

⁵⁶ *ὁ ἐπὶ τῆς Βασιλικῆς Θεραπείας τῆς ἐν Ζαριάσποις τεταγμένος* (Arrian., IV, 16, 6). Арриан, по-видимому, просто называет его главным лицом для ухода за больными.

⁵⁷ Арриан не говорит, где стоял Кратер, и вообще оставляет многое неясным в этих согдианских делах. Быть может, Кратеру было поручено начальство над упомянутыми им (IV, 16, 1) четырьмя таксисами, которые остались ἐν Βάκτροις. Это объяснило бы его теперешнюю близость к месту преследования; а на следующую зимовку с севера от Окса (328–327 года) являются в Навтаку и οἱ ἀμφὶ Κρατερὸν.

⁵⁸ *καὶ ὅσων ἄλλοι μετὰ Ἀμίντου ἐτάχθησαν* (Arrian., IV, 17, 3). Этого Аминту, сына Николая, Арриан ранее не упоминал; мы могли бы предположить в нем упомянутого им выше (IV, 15, 7) Аминту (τοῦ σατράπου ὅστις αὐτοῖς ἐπετέταχτο), но Кен, который занимает его место, точно так же не называется сатрапом. Аминта мог быть назначен после Певколая, который заявил себя не с очень хорошей стороны во время своего командования войсками.

⁵⁹ In regionem Bactrianam misit commeatum in hiemem paraturum (Curt., VIII, 2, 13).

⁶⁰ Об этом походе упоминает только Курций (VIII, 2, 14); его слова Scythis confinibus est regio делают невозможным определить положение этого города, который в противном случае мы, скорее, должны были бы искать ближе к Бактрии, около находящихся на северо-востоке от Кеша гор.

⁶¹ И об этой экспедиции Арриан не упоминает. Курций (VIII, 2, 14) и Страбон (XI, 517) рассказывают о ней подробности, о которых Арриан упоминает по другому поводу (IV, 21). Имя местности, в которой находилась эта крепость, в рукописях Курция пишется различно (Nausi, Naugam, Nauta); издатели печатали Nantaca. В оглавлении пробела у Диодора (XVII, κφ') говорится: *στρατεία τοῦ βασιλέως εἰς τοὺς καλουμένους Ναύτακας καὶ φθορὰ τῆς δυνάμεως ὑπὸ τῆς πολλῆς χιόνος*. Раньше под этим именем Курция я предположил гору Наура с городком того же имени, который упоминают арабские писатели (*Geogr. Min.*, ed. Hudson, III, 31), что было слишком смело, как я полагаю теперь.

⁶² ἐς Βαγὰς χωρίον τῆς Σογδιάνης ὄχυρον ἐν μεθορίῳ τῆς τε Σογδιανῶν γῆς καὶ τῆς Μασσαγетῶν (Arrian., IV, 17, 4).

⁶³ Иначе, романически изображает Курций смерть Спитамена; по его словам, его жена отрезывает ему голову и сама приносит ее Александру.

⁶⁴ τὴν στρατιὰν τὴν ἐκ Μακεδονίας αὐτῷ ἀνάξοντας (Arrian., IV, 18, 3). Член составляет предположить, что это были обыкновенные войска на смену.

⁶⁵ ἅμα τῷ ἤρῳ ἀποφαινομένῳ (Arrian., IV, 18, 4), следовательно, приблизительно, в начале марта.

⁶⁶ Курций (VII, 11,1) называет эту крепость крепостью согдианца Аримаза, Полиен (IV, 3, 29) — крепостью Ариомаза и помещает ее в согдианской земле. Страбон (XI, 517), несомненно, указывает на нее же, когда говорит: καὶ τὴν ἐν τῇ Σογδιάνῃ [καὶ] τὴν τοῦ Ὠξου, οἱ δὲ Ἀριατιάξου φασί, может быть Ὠξου есть только попытка исправить Ὠξυ, которое могло уцелеть от ὄξυάργτου. Арриан не дает нам никаких подробностей относительно ее положения. Несомненно, что эта крепость не находилась между Балхом и Мервом, как это желали доказать. Единственное указание на ее положение заключается в том, что Страбон помещает крепость Сисимифра в Бактриане, а Курций крепость Аримаза в Согдиане. Предполагая, что отделяющиеся от снежных вершин Газрети-Султана и Калай-Ширайи на запад и на восток горы, воды с которых текут на запад в реку Карши, а на юг в Окс, составляют границу Согдианы и Бактрии и в действительности представляют собою мощную природную преграду, — все-таки следует заметить, что на этих границах обеих стран на восток и на запад от «железных ворот» есть достаточно местностей, к которым могли бы подойти описание этих скалистых крепостей, как мы это и видим теперь из сообщений Маева; так-же на стороне Бактрии Дербент и Байзун.

⁶⁷ В статье «Alexanders Züge in Turan» (Rhein Mus., 833) я старался показать, что эта Паретакена может быть сблизена с областью Вахш, а скала Хориена — с «крепостью», т. е. Гиссаром. Большие подробности об этом Гиссаре, называемом также веселым (Гиссар-Шадман) или верхним (Гиссар-Бала) в отличие от западного Регара, называющегося также Нижним Гиссаром (Гиссар-Пайян), дает нам теперь экспедиция Маева; из сообщаемого R. Kierpert'ом извлечения из этого путешествия видно, какое множество быстрых потоков, скалистых котловин и ущелий находится в близлежащей местности до Вахша и до высеченных в скалах ступеней у узкого места реки, ведущих к «каменному мосту», Пули-зенги.

⁶⁸ Арриан (IV, 21, 9) говорит: καὶ ὑπάρχον εἶναι ὄσωνπερ καὶ πρόσθεν, что объясняет значение его слов καὶ ἄλλοι τῶν ὑπάρχων οὐκ ὀλίγοι (IV, 21, 1). Когда Александр идет от скалы Хориена к Бактрам, то это, по-видимому, говорит за то, что эта скала не лежала к востоку за Гиссаром, и что Александр не шел по берегам реки Гиссара (так как в таком случае он из Хульма пошел бы в Индию), но что он спустился по долине Сурхана, и пошел в Балх (ἐς Βάκτρα, Arrian., IV, 22, 1), переправившись через Окс у древней крепости Термез, как называет ее Шерефеддин; туда же прибыла затем и колонна Кратера (IV, 22, 2); ἐκ Βάκτρων выступает затем войско в Индию (IV, 22, 3). Следует заметить, что как при вступлении в бактрианскую землю, так и при конце тамошних походов Арриан называет только τὰ Βάκτρα, а в других местах (IV, 1, 5; V, 7, 1; V, 16, 6) только Ζαρίσπα.



⁶⁹ Arrian., IV, 22, 1. Как далеко проникли войска Александра в глубину страны, мы теперь не можем определить. Марко Поло, Бабур и другие сообщают, что князья Бадакшана и Дерваза хвалятся своим происхождением от Секандер Филкуса (Александр, сын Филиппа). Странный путешественник Вольф слышал, что князья Малого Кашгара хвалились тем же самым (*Asiat. Journal*, 1833; May, App., 15).

⁷⁰ Это место Дексиппа таково ... *τὴν γε Σογδιάνων βασιλείαν Ὀρίσιος εἶχεν οὐ πάτριον ἔχων ἀρχὴν ἀλλὰ δόντος αὐτοῦ Ἀλεξάνδρου ἐπεὶ δὲ τύχη τις αὐτῷ συνέπεσεν ἐπαναστάσεως αἰτίαν φεύγοντι παραλυθῆναι τῆς ἀρχῆς* и т.д. О дальнейших подробностях см. Hermetes, XI, 463.

⁷¹ Перечислив крупные поставки, которые Хориен делает войску из запасов своей крепости, Арриан (IV, 21, 10) говорит: *ἔνθεν ἐν τιμῇ μᾶλλον τῷ Ἀλεξάνδρῳ ἦν ὡς οὐ πρὸς βίαν μᾶλλον ἢ κατὰ γνώμην ἐνδοῦς τὴν πέτραν*.

⁷² Imperium Sisimithri restituit ipse majoris etiam provinciae facta spe si cum fide amicitiam ejus coluisset (Curt., VIII, 2, 32).

⁷³ Диодор (*Epit.*, XVIII) насчитывает до *ἀπόστασις τρίτη Σογδιάνων*. Defectio altera у Курция (VIII, 2, 18) показывает нам до известной степени, насколько свободнее он пользовался своим греческим образцом Клитархом, чем Диодор.

⁷⁴ По Курцию (VIII, 4, 21), это бракосочетание происходило еще до его возвращения в Бактры. Искаженное у Плутарха (*Alex.*, 47) имя Кохортан вместо Оксиарты не может быть защищено конъектурой Весселинга *ἐν Χορτάνου* (вместо стоящего, как кажется, в рукописях *ἐν τινι χρόνῳ χρόνῳ*), как уже замечено Цумптом. По словам Курция (VIII, 4, 25), когда на праздничный пир были приведены тридцать знатных дев и в том числе Роксана, затмевавшая всех красотой, Александр, охваченный внезапной любовью, сказал — *ita effusus est ut diceret ad stabiliendum regnum pertinere Persas et Macedonas connubio jungi, hoc uno modo et pudorem victis et superbiam victoribus detrahi posse*. Не столь блестяще, но, как кажется, ближе к фактическому содержанию рассказа Клитарха то, что говорит Диодор (*Epit.*, XVIII)... *ὡς Ἀλέξανδρος... ἔγημεν αὐτὴν καὶ τῶν φίλων πολλοὺς ἔπεισε γῆμαι τὰς τῶν ἐπισήμων βαρβάρων θυγατέρας*.

⁷⁵ Callisth., fr. 36. О предложении фасосцев Агесилаю рассказывает Плутарх (*Apophth. Lacon.*, Ages., 25).

⁷⁶ Александр рассердился однажды на Гефестиона, который повздорил с Кратером; он, как говорят, сказал ему, что он должен быть сумасшедшим и безумным, если не понимает, что он стал бы более ничем, если бы у него кто-нибудь отнял Александра (Plut., *Alex.*, 47).

⁷⁷ Эту историю, как сообщает Гермипп у Плутарха (*Alex.*, 54), рассказывал Аристотелю Стрив, чтец Каллисфена. По словам Плутарха, Аристотель сказал: Каллисфен хотя и был великим и могучим оратором, но не имел рассудка (*ὅτι λόγῳ μὲν ἦν δυνατὸς καὶ μέγας, νοῦν δ' οὐκ ἔχει*).

⁷⁸ Так рассказывает Харет митиленский, *εἰσαγγελεύς* царя, следовательно, нечто вроде обер-камергера. Мы не можем более восстановить из преданий действительного хода вещей; всего рельефнее и в то же время всего менее правдоподобен рассказ Курция (VIII, 5), где Александр, скрытый занавесью, слушает речи Каллисфена и Клеона (которого он называет вместо Анаксарха).

⁷⁹ Эти сведения находятся частью у Арриана (IV, 12), частью у Плутарха, ср. Müller, *Script. de rebus Alex.*, p. 2. Какая ложь и путаница царил в преданиях об этой истории, показывает, между прочим, то, что, по словам Юстина (XV, 3), Лисимах, упоминающийся здесь как противник Каллисфена, был брошен царем на съедение льву, так как он был самым верным приверженцем его, — история, которую подвергает основательной критике Курций (VIII, 1, 16).

⁸⁰ *haec cohors velut seminarium ducum praefectorumque apud Macedones fuit, hinc habuere posteri reges etc.* (Curt., VIII, 6, 5).

⁸¹ Arrian., IV, 18, 3. По словам Курция (VIII, 7, 2), он еще находился в лагере, так как не подлежит никакому сомнению, что отец этого Гермолая был не кто иной, как прежний предводитель илы Амфиополя, бывший теперь одним из гиппархов конницы.

⁸² *Φιλώταν τοῦ Κάριστος τοῦ Θρακός* (Arrian., IV, 13, 4). Не принадлежал ли он к фракийскому княжескому дому? Курций (VIII, 6, 7) называет только имя Филоты. К этому Филоте, а не к сыну Пармениона, должны относиться следующие слова Арриана (IV, 10, 4): некоторые рассказывали, что Каллисрен напомнил Филоте о славе убийц афинских тиранов.

⁸³ По Курцию (VIII, 6, 20), Эпимен рассказывает об этом деле своему брату Эврилоху, чтобы довести его до сведения царя. Таким образом, Харикла, сына Менандра, он оставляет в стороне. Что Клитарх упоминал о нем, можно заключить из Плутарха (Alex., 57), где рассказывается, что царем был заколот один из его гетайров, Менандр, не пожелавший остаться на посту, на который он был назначен (*ἄρχοντα φρουρίου καταστήσας*). Правда, Плутарх не упоминает, что таким образом рассказывал дело Клитарх.

⁸⁴ Послание царя к Кратеру, Атталу и Алкету — они (Arrian., IV, 22, 1) в это время были на походе в Паретакену — сообщает, что *τοὺς παῖδας βασιλιζομένους ὁμολογεῖν ὡς αὐτοὶ ταῦτα πράξειαν, ἄλλος δ' οὐδεὶς συνειδείη*. Но, по словам Аристубула и Птолемея (Plut., Alex., 55), они показали, что к этому предприятию склонил их (*ἐπάρασι*) Каллисфен. Взятие Каллисфена под стражу последовало, по Страбону (XI, 517), в Кариатах в Бактриане.

⁸⁵ Защитительная речь, которую, как говорит Арриан (IV, 14, 2), «по словам некоторых писателей», произнес Гермолай, находится у Курция и, следовательно, заимствована у Клитарха.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

¹ Так заключает К. Ritter («Über Alexanders Zug am Kaukasos» в Abh. der Berl. Acad., 1829) из имени Хоасп и других имен этих местностей.

² Диодор в начале второй книги, содержание которой, по исследованию Jacoby (Rhein. Mus., N. P., XXX, 555 ff.), заимствовано не из Ктесия, а есть эксцерпт из Клитарха.

³ Herod., III, 94, 105; IV, 114. Spiegel, I, 221. Заслуживает особого внимания схолия к *Περὶ πλοῦς* Скилакса (С. Müller, *Geogr. minor.*, XXXIII), где прямо говорится: *τὸ μῆτε Ἀλέξανδρον εἶδέναι τῶν Μακεδόνων βασιλέα μῆτε τινὰ τῶν ὀλίγων ἔμπροσθεν ἐκείνου χρόνου.*

⁴ Diodor., XVII, 86. Из тона, в котором Александр посылает свои предписания этим государям у Арриана (IV, 22, 6), мы можем заключить, что этому предшествовали переговоры.

⁵ Arrian., IV, 30, 4. Выражение Арриана *ἡ ὑπομολήκει ἐς Βάκτρα παρὰ Βῆησον* позволяет заключить, что владения Сисикотта находились в принадлежавшей к бактрийской сатрапии части Индии (к северу от реки Кофена). Его должен был иметь в виду источник Курция (VII, 4, 6) там, где Бесс обещает своим соумышленникам *venturos... et Indos*.

⁶ Так позволяет нам заключить выражение *καταλέξαι* у Арриана (I, 24, 2): *ἡ στρατιὰ καταλεχθεῖσα*.

⁷ Общие выражения, в которых Арриан говорит о прибывших в войско с 333 года подкреплениях, не позволяют нам вычислить их количества. Сведения Клитарха у Диодора и Курция полнее, но не заслуживают доверия; по этим сведениям в войско прибыло:

В Сузах	пехоты	13 500	конницы	2100
в Мидии		5000		1000
в Дрангиане		5600		930
в Бактрии		17 000		2600
		<hr/>		<hr/>
		41 000		6630

⁸ Эту цифру дает Арриан (IV, 22, 3).

⁹ Арриан (V, 11, 3) называет всадников из Арахосии и земли паратапамисадов, затем (V, 12, 2) бактрийских, согдианских и скифских всадников и дахских конных стрелков. Цифра в 30 000, которую дает Курций (VIII, 5, 1), произошла вследствие того, что он смешал это событие с набором юношей, которые вступают в войско в 324 году (Arrian., V, 6, 3).

¹⁰ Arrian., *Ind.*, 18.

¹¹ *ἥδη γὰρ καὶ δώδεκα μυριάδες αὐτῶ μάχμοι εἶποντο σὺν οἷς ἀπὸ θαλάσσης τε αὐτὸς ἀνήγαγε καὶ αὐδεις οἱ ἐπὶ συλλογὴν αὐτῶ στρατιῆς πεμφθέντες ἤκον ἔχοντες, παντοῖα ἔδνα βαρβαρικά ἅμα οἱ ἄγοντα καὶ πᾶσαν ἰδέην ὑπλισμένα* (Arrian., *Ind.*, 19). Ту же цифру в 120 000, при начале похода в Индию, дает Курций (VIII, 5, 4); Плутарх (*Alex.*, 64) насчитывает при начале плавания по Инду 120 000 пехотинцев и 15 000 всадников.

¹² При походе в Индию называются по именам следующие таксисы: сперва старые, таксисы Кена (IV, 25, 6), Полисперхонта (IV, 25, 6) и Мелеагра (IV, 22, 7); таксис Кратера называется в последний раз при последней экспедиции в Бактрию (IV, 22, 1) и должен был или остаться в Бактрии или вследствие полученного Кратером высшего назначения был передан другому стратегу; затем упоминаются уже при походе в Бактрию таксисы Филоты (IV, 24, 1), Алкета (IV, 22, 7), Аттала (IV, 24, 1), Горгия (IV, 22, 7), Клита (IV, 22, 7, несомненно белого Клита) и Балакра (IV, 24, 10); наконец, называются еще таксисы Филиппа (IV, 24, 10), Пифона (VI, 6, 1) и Антигена (V, 16, 3; VI, 17, 3). Так как во время диадохов Антиген несколько раз называется предводителем гипаспистов, то из слов Арриана (V, 16, 3) *τῶν πεζῶν τὴν φάλαγγα Σελεύκῳ καὶ Ἀντιγένει καὶ Ταύρωνι* вытекает, что таксис Антигена не был тяжелой пехотой, не был так называемой фалангой. Филипп, сын Махата, был еще до битвы при Гидаспе назначен сатрапом Индии и если этот же Филипп был ранее стратегом этого таксиса, то в таком случае те-

перь его, конечно, получил другой стратег, может быть, Пифон, сын Кратеба (VI, 6, 1: τῶν πεζεταίρων καλουμένων τὴν Πείθωνος τάξιν). — Кадры македонской конницы гетайров все более и более увеличивались с 330 года; по Арриану (IV, 22, 7), в войске, кроме агемы конницы, насчитывалось восемь гиппархий, из предводителей которых в разных местах называют пятерых: Гефестиона, Пердикку, Деметрия (V, 12, 2), Клита (VI, 6, 4) и Кратера (V, 11, 3). Агемой предводительствует Кен (V, 16, 3). Единственные сведения о численном составе этих гиппархий дает нам битва при Гидаспе, что четыре таких гиппархий, вместе с согдианскими, бактрийскими и скифскими всадниками и с 1000 дахских конных стрелков (Arrian., V, 16, 4), составляли 5000 человек (Arrian., V, 14, 1). Если в этой битве пало 20 гетайров и 200 варваров, то это, разумеется, не дает нам мерил для определения численного состава того и другого корпуса.

¹³ Арриан (IV, 22) говорит: «в десять дней», Страбон (XVIII, 697): «другими, более короткими дорогами»; был ли это проход Кипчак, или Базарак, или другой какой-нибудь — мы более определить не можем.

¹⁴ Этот Никанор не был ни уроженец Стагиры, возвестивший в 324 году при праздновании олимпийских игр о возвращении изгнанников (Nagrosat., s. v.; Dinarch., I, § 81), ни родственник Пармениона; это был отец Балакра, который в то время был наместником Киликии.

¹⁵ Из того обстоятельства, что границей этой сатрапии называется река Кабул (Arrian., IV, 22, 5: ἔστε ἐπὶ τὸν Καφῆνα ποταμὸν), мы можем заключить, что страна к югу от этой реки была присоединена к сатрапии «по сю сторону Инда», или, еще вероятнее, к Арахосии.

¹⁶ В приложении об основанных Александром городах (см. Приложение к III тому) я заметил, что Никея не была древней столицей этой страны, Кабурой (или Ортоспаной), и Лассен (II, 125) согласился с этим мнением. Если Александр посетил Кабуру (Кабул), то это произошло во время его похода из Арахосии в Парапамис, в начале 329 года. Если бы Беграм не лежал так близко к Александрии, то Никею можно было бы искать там.

¹⁷ Авторы не говорят нам, но это лежит в природе вещей, что движение Александра двумя колоннами на юг и на север от Кофена имело указанную в тексте цель. Проходы Курума на юг от Сефид-Куха царь оставил в стороне, так как они децентрализовали бы его движение. Иным образом мотивирует операции Александра Страбон (XV, 697): «Он узнал, что земли на севере и в горах плодородны и густо заселены, южные же местности или совершенно безводны, или там, где текут реки, отличаются палящим зноем и более удобны для зверя, чем для человека; поэтому, а также и потому, что, как он думал, ему будет легче переправиться через эти реки ближе к их источнику, он избрал самый северный путь».

¹⁸ Из четырех дорог, ведущих из Кабула к Инду (ср. Baber, 140), только дорога Ламханата ведет вдоль Кабула к устью этой реки, выберем ли мы проход Хейбера на южном берегу реки Кабула (Elphinstone, *Kabul*, нем. пер. Rüh's'a, II, стр. 54), или гораздо более недоступный проход Каррапы на ее северном берегу (Elphinstone, II, р. 51). Недостаточное знакомство с этими землями не позволяет еще нам хорошо уяснить себе похода Александра по гористой стране на левом берегу реки Кабула, а именно: мы не имеем никаких точек опоры для определения места городов и крепостей, упоминае-

мых по ее течению. Только одно место определено вполне точно генералом Cunningham'ом, — место крепости Аорна, плато Рани-Гата, и по описанию развалин на этом «царском камне», которое дает Dr. Bellen, мы, несомненно, должны признать в них постройку эллинистической архитектуры.

¹⁹ τῶν πεζεταίρων καλουμένων τὰς τάξεις (Arrian., IV, 23, 1), что вовсе не значит, что такисы Мелеагра, Клита и Горгия не были πεζεταίροι. Как велико было количество педзетайров в это время — определить нельзя.

²⁰ Имя Хой (Χόης) стоит у Арриана (IV, 23, 2), Хоасп — у Страбона (XV, 697) и Аристотеля (Meteor., I, 350 а, 24).

²¹ Об этом имени Assaka, в более точном переводе ἰππάσιοι, или переделанном по созвучию в Ἀσσακηνοί, см. Lassen (II, 129). У Арриана (Arrian., IV, 23, 1) эти имена употребляются для обозначения различных племен: ἐς τὴν Ἀσπασίων καὶ Γουραίων χώραν καὶ Ἀσσακηνῶν. В этом мы должны ему следовать.

²² Это та дорога, по которой в 1861 году шел в Яркенд из Джеллалабада dans la vallée de Chitral вверх по южной окраине плоскогорья Памира один из агентов майора Монтгомери.

²³ Арриан (IV, 23) не называет имени этого города, а говорит только πόλις ὤκισμένη.

²⁴ О положении Андаки и Аригея, а также и о Гурее (Панджкора), который соединяется с Сиастом (Суат), см. Lassen (II, 131) и Cunningham (The ancient Geogr., I, p. 82).

²⁵ У Арриана стоит (IV, 24, 1) ἐπὶ τὸν ποταμὸν τὸν Εὐάσπλα; в рукописи А у K. Müller'a (Colbertinus) стоит τὸν Εὐαπόλεως, в В — Εὐασπόλεως; если здесь не стояло никакого имени города, то следующие непосредственно за этим слова πρὸς τὴν πόλιν, без имени за ними, указывают на пробел. Lassen (II 2, 130) считает Эвасплу за восточный приток Кунара, впадающий в него у Гуйюра.

²⁶ Lassen (II, 131) доказал, что называемый Страбоном (XV, 697) в одном испорченном месте город Горидала или Горий (?) должен был лежать не высоко в горах, как я это предположил раньше, а недалеко от впадения Гурее в Кофен. Ritter думал найти Аригей в Баджоре, на реке того же имени, я — на Гурее (Панджкора), и с этим согласен Lassen (II, 313).

²⁷ Arrian., IV, 25. Еще и теперь в этих местностях пашут на быках (Lassen, II, 131).

²⁸ Arrian., V, 1 и ff, Ind., 2; Curt., VIII, 10, 13; Iustin., XII, 7; Strab., XV, 687. После известных трудов полковника Tod'a, Bohlen'a, Ritter'a и др. (ср. Lassen, I², 518; II, 135) я не счел нужным распространяться об этих сказках подробнее, чем это необходимо для уяснения прагматической связи событий; несомненно, у Александра это было не простым суетным желанием соперничества с завоевательными походами Диониса, когда он радовался, видя, что эта гордая вера распространяется в его войске. Частая смена обитателей всей этой области делает невозможным дать точные этнологические указания. Может быть, мы можем отождествить народ нисейцев, которых Арриан (Ind., 2) называет не индусами, а старинным туземным народом кафров; по крайней мере, все, что узнало о них британское посольство в Кабуле (Elphinstone, II, 321), совпадает с описаниями Курция и Арриана (V, 1); еще и теперь эти племена ведут дионисийскую жизнь; их флейты и

тамбурины, их пиры и бега с факелами, затем европейский климат и европейская природа этой страны, — все это действительно могло произвести на окружающих Александра лиц такое впечатление, которое делает понятной и характеристической эту сказку о Дионисе. Воспоминания этих народов об Александре, за потомков македонян которого они выдают себя, если не правдивы, то все-таки весьма интересны.

²⁹ Точно определить положение Масса теперь невозможно. Cunningham (*Geogr.*, I, 82) помещает этот город около Мангоры или Манглоры, на берегах реки Суата. Что касается до имен Дедалы и Акадиры, которых Курций называет между Нисой и Массагами, то об их положении мы можем сказать только то, что Курций ошибается, заставляя между этими городами и Массагами войско переправляться только еще через Хоасп.

³⁰ Источник Курция (XVIII, 10, 22) и Юстина (XII, 7) заканчивает это нападение любовной историей между Александром и царицей-матерью (*puer per Assacano, cujus regnum fuerat, defuncto*); он подвергает доверие своих читателей тяжкому испытанию, когда сообщает, что эта благородная женщина своею красотою победила победителя и родила ему сына, который был назван Александром. У Диодора после пробела (XVII, 83, 84) упоминается царица, изумленная великодушием Александра; затем после небольшого пробела (гл. 84) следует рассказать, в котором мы приблизительно узнаем ход борьбы за Массари, как ее сообщает Арриан. Утверждение, что индусы были повергнуты в величайший ужас движущейся башней Александра, лишено всякого смысла, тем более, что писатели неумоимо приводят как самые обыкновенные в Индии гораздо более изумительные вещи.

³¹ *Arrian.*, IV, 26–27.

³² Положение этих двух городов можно определить по принятому войсками направлению; Ора лежала ближе к владениям Абисара, Базира — недалеко от Аорна и от устья Кофена. Абисар не сам явился на помощь Оре, но убедил оказать ей помощь индусов соседних с Орою гор.

³³ Из посольства Абисара к Александру видно, что он был государем Кашмира; его союз против Александра с Пором, с одной стороны, и с жившими на запад от Инда народами — с другой, только и возможен в Кашмире; наконец, следует прибавить, что, по словам Wilson'a, древние летописи Кашмира называют южную часть этой страны *Abhisâram* (Lassen, *Penta potam.*, 18; *Ind. Alterth.*, II2, 138).

³⁴ *Πευκελαώτις* у Арриана (IV, 28, 6) есть Пушкалавати на берегах Суата, ниже его соединения с Гуреем (Панджкора), часах в двух пути от его впадения в Кофен. Эта река называется Астом (*Arrian.*, IV, 22, 8), по имени *Ἀστακῆνοι* (*Arrian.*, *Ind.*, I, 1).

³⁵ О положении этих двух пунктов мы не имеем никаких точных сведений, однако имя Оробатида, которое получила эта крепость, когда была занята македонянами, в соединении с тем обстоятельством, что она должна была лежать на южном берегу Кофена, по-видимому указывает на проход, через который ведет дорога перед самым Индом (см. *Elphinstone*, I, 117). Для крепости Астис я не могу найти никакого определенного пункта; может быть, это была горная крепость Тимруд или, вернее, Ямруд (*Baber*, 127), лежавшая при восточном входе проходов Хейбера, в 7 км от Пешавара, к юго-востоку (см. *Forster*, II, 53).

³⁶ Эмболисы, по мнению Cunningham'a, есть Амбар-Охинд.

³⁷ Таковы Акуфис в Нисе, Сангей на южном берегу Кофена, Кофей и Ассагет, гиппарх ассакенов, которых называет Арриан (IV, 28, 6), а также и все те, которые явились в Никею; Таксил тоже, по-видимому, получил некоторые земли на западном берегу Инда. Все эти государи обязались выставлять войска по требованию Александра. — Арриан называет сатрапом индийской сатрапии того же самого Никанора, который уже был стратегом у Парапамиса; быть может, это ошибка; позднее, по крайней мере, этим сатрапом называется только Филипп. Точно так же неверно, как кажется, называет он (V, 20, 10) сатрапом ассакенов *Σισίλου* в одной рукописи, и *Σισίκου* в другой; стоящая в изданиях *Σισιχόττου* есть конъектура, по Арриану (VI, 30, 4).

³⁸ Cunningham еще в 1848 году определил, что этот Аорн есть крепость Рани-Гат (т. е. царский камень) и недавно привел этому дальнейшие доказательства (*The ancient Geogr.*, I, 59, и *Survey*, II, 107). Эта скала имеет «2 англ. мили длины и 1/2 мили ширины»; высота ее, по расчету Cunningham'a, равняется 1200 футам над поверхностью равнины. Имя Аорн он считает за греческую форму местного имени Варни (*σάρωνοι*), того же имени, которое лежит в основе бактрийского Аорна. По словам Страбона (XV, 688), эта крепость лежала на *πέτρα ἧς τὰς ῥίζας Ἰνδὸς ὑποῖρεί πλήσιον τῶν πηγῶν*. — *radices ejus Indus amnis subit* (Curt. VIII, 11, 7); *καὶ τὸ μὲν πρὸς μεσημβρίαν μέρος αὐτῆς προσέκλυεν ὁ Ἰνδὸς* (Diodor., XVII, 85). Следовательно, Страбон почерпал здесь из Клитарха.

³⁹ Здесь, рассказывают македоняне, победам Геракла пришел конец; даже Арриан (IV, 30, 4) говорит *ἡ πέτρα ἣ τῷ Ἡρακλεῖ ἄπορος γενομένη*; свою критику этого сказания он дает ниже (V, 3). Авторы, следовавшие традиции Клитарха (Диодор, I, 19 — тоже, несомненно, следовал Клитарху), полагают, что Александр намеревался только превзойти подвиги Геракла; он уже давно совершил более великие дела.

⁴⁰ Плато Рани-Гат имеет наверху площадь в 1200 футов длины и 800 футов ширины; с севера, запада и юга верхний край его немного покат к середине, где поднимается снова скалистая площадка в 500 футов длины и 400 футов ширины; на ней лежат развалины старинной крепости; между ней и краем скалы на севере и западе находится котловина, служащая в то же время и рвом крепости и имеющая при 200 футах ширины 100–150 футов глубины; не так широка и глубока эта котловина на южной стороне, куда ведет снизу проложенная наверх дорога. Восточная сторона, где эта гора примыкает к отдаленной горной цепи плоским хребтом, круто поднимается к самой крепости.

⁴¹ Это видно из *ἰσώπεδον* у Арриана (IV, 30, 1). Странно, что, по его словам (29, 7), здесь находятся также и *μηχαναί*, чтобы метать снаряды в крепость.

⁴² Cunningham (*Survey*, V, 55 [1875]) сообщает некоторые сведения о Рани-Гате, а именно, что с вершины этой горы открывается вид на запад до Хаштнагара на берегах Суата и что Dr. Bellen, который несколько раз посетил ее, особенно хвалит тщательность, с какой обтесаны и пригнаны огромные камни этого сооружения: *there are the same pointed arches and underground passages, the same sort of quadrilaterals with chambers, the statuary and sculptures also represent the same figures*

and scenes in the same material, but the general aspect of these ruins is very different from that of others, the neatness and accuracy of the architecture is wonderful. Так резко отличается Аорн от других крепостей этой местности Юзуфцаль; Cunningham упоминает о крепостях Ямал-гархи и Сахри-балол, в которых капители в виде аканта и профили подножия колонн обнаруживают весьма заметное греческое влияние.

⁴³ Arrian., IV, 30; противоречащие ему показания Диодора и Курция сами себя опровергают; быть может, к этой экспедиции относится рассказ Харета (Fr. 11 у Афиня, III, 127 с) о том, как Александр приказал сохранять снег при осаде города Петры в Индии.

⁴⁴ Курций называет этого государя Эриком, Диодор — Африкой; из самого рассказа видно, что это одно лицо с «братом царя ассакенцев» у Арриана.

⁴⁵ По словам Court'a (*Journ. of the As. Soc. of B.*, VIII, 309), Дирта есть, вероятно, Дхир, лежащий на одном из притоков Таля. Ср. Lassen (II, 141).

⁴⁶ Мы оставляем в стороне показание Курция о 16 днях (VIII, 12, 4), так как его слова ad Indum revenit вносят в рассказ полную путаницу; всего менее должны мы рассчитывать, как это пытались сделать некоторые, — определить из его 16 дней расстояние Эмболии и Аорна от устья Кофена. Мост через Инд (Арриан (V, 7) только предполагает, что это был понтонный мост) должен был быть выстроен между Эмболимами и устьем Кофена.

⁴⁷ *διὰ τῶν ἀντῶν κατὰ τὴν ὄρεινὴν ἐν τῇ Ἰππασίων καὶ Ἀσσακανοῦ (vulg. Μουσικανοῦ γῆ τὸν χειμῶνα, τοῦ δὲ ἔαρος ἀρχομένου καταβερηκόντων* и т.д. (Aristobul., fr. 29).

⁴⁸ Aristobul., fr. 34 a; Arrian., VII, 3.

⁴⁹ Я не повторяю моего прежнего примечания о Таксилах, так как теперь, Cunningham (*Geogr.*, I, 104; *Survey*, II, 111) вполне убедительно, как я полагаю, доказал, что этот город находился на покрытом развалинами поле между Шах-Дери и рекою Харо. — Государем этой страны Курций называет Омфиса, Диодор же Мофиса (Tod (*Radjastan*, II, 228) предполагает Офис или змея, как греческий перевод слова Так). Они прибавляют о нем несколько незначительных подробностей: после смерти своего отца, рассказывают они, он не ранее принял царский титул Таксил, чем это ему разрешил Александр. Арриан (V, 8, 2 etc.) называет этого государя *ὑπαρχος τῆς πόλεως*.

⁵⁰ Как рассказывают Курций (VIII, 12, 17), Плутарх (*Alex.*, 59) и Страбон (XV, 698), Александр, между прочим, прислал ему в подарок более 1000 талантов; его стратеги вознегодовали на это, а Мелеагр сказал, что царь должен был прибыть сначала в Индию, чтобы найти лицо, достойное такого подарка; у Курция только тяжелое воспоминание о Клите удерживает царя от нового преступления.

⁵¹ Арриан (V, 8, 3) называет его *νομιάρχης*, — имя, которым он (V, 11, 3) называет государей, выставивших 5000 индусов.

⁵² Так, по-видимому, можно согласовать между собою слова различных писателей о сатрапии Филиппа. Арриан (IV, 2, 5), представляя себя находящимся на Гидаспе, там, где был Александр, называет его сатрапом земель, лежащих по этому берегу Инда в сторону Бактрии, а ниже (IV, 14, 2) к его провинции присоединяется область маллов, слова Арриана (*Ind.*, 18) слишком общи для того, чтобы позволить нам сделать заключение о протяжении

сатрапии Верхней Индии. Этот Филипп, сын Махата, принадлежал к княжескому роду Элимиотиды, был братом Гарпала и племянником старшего Гарпала, сын которого Калат получил сатрапию Малой Фригии. По генеалогическим данным своего дома этот индийский Филипп мог родиться около 385 года.

⁵³ Только один Полиен (IV, 3, 26) говорит, что Александр имел в своем войске слонов; Курций, противореча тому, что он говорит в другом месте (VI, 6, 36), рассказывает, что при этом походе к царю были приведены в окопах индийский князь Гамаке и бежавший к нему экс-сатрап Арахосии Барсаент и были выданы ему тридцать слонов этого государя, которых царь подарил государю Таксил; а Арриан (III, 25, 14) рассказывает, что Барсаент бежал в Индию: *ἐς Ἰνδοὺς τοὺς ἐπὶ τὰδε τοῦ Ἰνδοῦ ποταμοῦ*, был выдан индусами и казнен за свое участие в убиении Дария, он рассказывает это таким образом, что мы должны предположить, что Барсаент был казнен еще зимой 330–329 года.

⁵⁴ Polyaeu., IV, 3, 21. Это, может быть, есть проход, упоминаемый Elphinstone'ом (I, 129), и то же самое ущелье Хамбату, по которому прошел Бабур, в чьих воспоминаниях (с. 255) мы вообще узнаем избранную Александром дорогу.

⁵⁵ Curt., VIII, 13, 8. Эта река еще не достигла своей полной ширины, которой она достигает только в августе; уже в июле Macartney нашел ее почти в 3000 шагов шириною. См. Elphinstone (I, 551).

⁵⁶ На сделанную Аррианом мимоходом заметку (V, 20, 5), что Абисар перед сражением хотел примкнуть к Пору (*αὐτὸς σὺν Πύρρῳ τάττεσθαι*), встречаются намеки с разных точек зрения у Курция и Диодора. Диодор (XV, 87) говорит, что Александр решил на битву по получении известия, что Абисар идет на помощь к Пору и находится от него только в 400 стадиях, а Курций (VIII, 14, 1), что Пор, получив известие о переправе войск через реку, *primo humani ingenii vitio spei suae indulgens Abisaren belli socium (et ita convenerat) adventare credebat*. Следовательно, и здесь оба они пользовались не одним и тем же источником, но Курций пользовался уже переработанным Клитархом.

⁵⁷ Эту местность описывает Elphinstone (I, 132). В очерке ее у Cunningham'a (*Geogr.*, I, 158) река поворачивает менее круто, почти под тупым углом. По его описанию, эта горная гряда продолжается в северо-восточном направлении и по левому берегу реки, но поднимается над ее уровнем только футов на 500. На покрытом лесом острове Ямале находился во время Тимура укрепленный замок Хехаб-эддина (ср. Chereffeddin, IV, 10, p. 49), а маленькую речку на северной стороне гор и к югу от города Бехре описывает Бабур (*Mem.*, 1257). По словам Псевдо-Плутарха (*De fluu.*, 1), македоняне, по-видимому, называли эти горы слоновыми горами; я обращаю внимание на рассказ Плутарха о гнезде змей и о жертвах, которые, будучи согласны с древним культом змей Кашмира, должны представлять важность в этнографическом отношении.

⁵⁸ Здесь (Argian., V, 11, 4) в тексте Арриана есть пробел; он начинается словами: *ἢ δὲ ἄλλη σφραγία...* Критический аппарат К. Müller'a не позволяет нам определить, находится ли *μελέτω*, или *εἴπορος* в какой-либо рукописи, или это слово дополнено при помощи конъектуры. По-видимому, здесь дол-

жен быть более значительный пробел. Из десяти таксисов, которые упоминаются при походе 327 года, здесь недостает трех таксисов (Филоты, Балакра и Филиппа), но невозможно, чтобы такое значительное количество отборных войск было рассеяно по гарнизонам. Предполагая даже, что Филипп, сделавшись сатрапом, сохранил у себя *τοὺς ἀπομάχους τῶν στρατιωτῶν διὰ νόσου* (Arrian., V, 8, 3), то из этого все-таки не следует, что ему был оставлен его таксис для нужных гарнизонов его области. Во всяком случае, остаются таксисы Филоты и Балакра, и мы, как это видно из Арриана (IV, 24, 10), не имеем никаких оснований сомневаться в том, что Балакр имел таксис. Может быть, эти два или три таксиса упоминались в пробеле; там должно было стоять, какое назначение получили эти три таксиса. Так как Александр знал, что Абисар приближается и находится всего в десяти милях расстояния, то он имел все основания выставить против него отряд, достаточно сильный для того, чтобы отразить его. Арриан мог рассказывать далее, что Кратер приблизительно на следующий день после выступления царя, должен был двинуть три фаланги и направить их тем же путем и затем велеть им остановиться у северного угла гор (у Дарапура), оборотившись фронтом к северу, и что поэтому приблизительно на второй день после выступления царя из лагеря выступили фаланги Мелеагра, Атгала и Горгия, чтобы занять берег между лагерем и северным углом гор и поддерживать сообщение между Кратером и Александром, будучи готовыми оказать поддержку операциям того или другого, смотря по обстоятельствам.

⁵⁹ Текст Арриана говорит, что там были выставлены эти три предводителя фаланг вместе с пешими и конными наемниками; из связи рассказа видно, что с ними выступили прежде всего три их фаланги.

⁶⁰ Это видно из дальнейших слов Арриана (V, 14, 1), что боевая линия пехоты равнялась почти 6000 человек; при переправе через реку Арриан тоже (V, 13, 1) называет только гипаспистов, а не эти две фаланги. Так как в числе высших офицеров, переправляющихся с Александром через реку, не называется Гефестион (Arrian., V, 13, 1), то, по-видимому, он был оставлен во главе этих двух фаланг. У Курция (VIII, 14, 15), он переправляется через Гидасп вместе с другими, но это не доказывает ничего.

⁶¹ Это, несомненно, *βασιλικαὶ παιδες*, так как рядом с ними упоминается *ἄγχια* и другие гипасписты (V, 13, 4).

⁶² Эти факты изложены по Птолемею, рассказ которого считает правильным и Арриан, благоразумный и осмотрительный тактик (ср. Plut., *Alex.*, 68). Аристул рассказывал, что сын Пора встретил македонян еще во время их переправы через последний брод, но не дерзнул тут же напасть на них; другие говорят, что при этом завязалось горячее сражение; эти сведения, очевидно, неверны, так как расстояние между этим местом и лагерем Пора требовало, по крайней мере, четырех часов времени на то, чтобы его сын мог подойти сюда. Если Александр начал переправу часа в четыре утра, то эта схватка конницы должна была произойти около десяти или одиннадцати часов. — Величину, отряда, находившегося под начальством сына царя, Аристул определил в 1000 всадников и 60 колесниц; о таком же количестве, по словам Плутарха, говорил Александр в своих письмах; приведенные нами в тексте, со слов Птолемея, цифры Арриан подтверждает благоразумными доводами.

⁶³ Прямому показанию Арриана насчет этих промежутков между колесницами (плефр, V, 15, 5), конечно, должно быть отдано предпочтение перед Курцием, Диодором и Полиеном, которые говорят о пятидесяти футах расстояния. Экипаж боевых колесниц описывает Курций, но не знаю, совершенно ли согласно с истиной его описание.

⁶⁴ Κοῖνον δὲ πέμπει ὡς ἐπὶ τὸ δεξιόν и т.д. (Arrian., V, 16, 3), что обозначает, как правильно заключают Köchly и Rüstou (с. 302), правое крыло Александра (ср. Arrian., V, 17, 1). Плутарх (*Alex.*, 60) заимствует из одного письма Александра противное этому мнению: αὐτὸς μὲν ἐνσεῖσαι κατὰ τὰ ἄτερρον κέρασ, Κοῖνον δὲ τῷ δεξιῷ προσβαλεῖν κελεύσαι. Этому соответствует приказ Александра Кену у Курция (VIII, 14, 15): cum ego... in laevum cornu inpetum fecero... ipse dextrum move et turbatis signum infer; ниже он, правда, пишет (17): Coenus ingenti vi in laevum invehitur.

⁶⁵ Арриан более не упоминает о боевых колесницах, составляющих крайнее левое крыло индусов.

⁶⁶ οἱ Ἴνδοὶ τοὺς ἵππεάς πάντοθεν ξυναλίσσαντες παρίππευον Ἀλεξάνδρῳ ἀντιπαρεξάγοντες τῇ ἐλάσει (Arrian., V, 17, 1). Он, конечно, подразумевает только всадников левого крыла, так как всадники правого стояли настолько далеко, что не могли прибыть так быстро.

⁶⁷ Число убитых со стороны македонян равняется, по Арриану (V, 18, 2), приблизительно 80 пехотинцам и 20 македонским, 10 дахским и приблизительно 200 другим всадникам; это, несомненно, цифры не слишком малые, если мы предположим, что в этом ожесточенном бою было, конечно, вдесятеро больше «изуродованных» — на 10 000–12 000 человек, которые здесь сражались, от 3000 до 4000 убитых и раненых. Диодор говорит, что пало более 700 пехотинцев и 280 всадников. Описание этой битвы у Диодора, Курция и Полиена, помещенным в нем сравнением линии индусов со стенами и башнями города изобличает свое общее происхождение из одного источника, из которого мы никогда не должны ждать важных сведений по военным вопросам. Тем прекраснее описание Арриана; мы не должны только смущаться тем, что он, как все компетентные в военном деле писатели древности, указывает только решающее дело движения войск и что даже на эти указания он, может быть, слишком скуп; он ничего не говорит о двух фалангах, оставшихся на месте переправы для прикрытия правого берега реки и дороги в Кашмир; и только из приводимого им списка понесенных потерь, в котором кроме павших конных гетайров и дахов находятся еще τῶν τε ἄλλων ἵππέων ὡς διαχόσιοι, видно, что вместе с остальными переправились через реку и принимали участие в битве также и бактрийские, согдианские и скифские всадники (V, 12, 2); они не могли принадлежать к отряду Кратера, так как в противном случае в его гиппархий тоже были бы убитые. Уверенной рукой описывает Арриан ход самого сражения. Александр знал, что он может положиться на своих гипаспистов; моральная сила этого отряда позволяла Александру здесь, как и в битве при Гавгамелах, решиться на все, чтобы выиграть все; необходима была дисциплина македонских войск, чтобы сразу из величайшего беспорядка рукопашного боя собраться в сомкнутую фалангу, и только этот исполненный с величайшей точностью и подержанный конницей маневр, которому индусы не могли противопоставить ничего подобного, и решил победу при Гидаспе.

⁶⁸ Арриан не упоминает об этом, но так говорит Курций (VIII, 14, 33).

⁶⁹ Хронология этой битвы требует еще одного замечания. Положительное свидетельство Арриана помещает ее в месяце Мунихионе афинского архонта Гегемона (ол. 113, 2), год которого, по таблице Ideler'a, продолжался от 28 июня 327 года до 16 июля 326 года, так что, таким образом, битва была дана между 19 апреля и 19 мая 326 года. Против этого было выставлено то возражение, что, по словам того же самого Арриана (V, 9, 6), в то время года, *ἢ μετὰ τροπὰς μάλιστα ἐν θέρει τρέπεται ὁ ἥλιος*, Александр стоял на берегах Гидаспа; из этого было выведено то заключение, что битва была дана после равноденствия и что у Арриана вместо Мунихиона следует читать Метагитнион архонта Гегемона, который пришелся бы в августе 327 года, — время, когда Александр стоял еще в бассейне Хоаспа. Не было обращено внимания на то, что слово «приблизительно» во фразе Арриана вовсе не имеет обязательного значения, так как это упоминание о равноденствии имело своей целью только указать на наступление именно теперь времени тропических дождей и обширных разливов; с другой стороны, Нерарх у Страбона прямо говорит, что во время равноденствия они стояли лагерем уже на берегах Акесина (Strabon, XV, 691). Точно так же неуместно и предложение Грота отнести этот Метагитнион к архонту следующего года Хремиту и, таким образом, отнести эту битву к августу 326 года. Указанная ошибка повлекла за собою множество ошибок в хронологии 327–323 годов.

⁷⁰ Об обширной распространенности имени Гандари см. Wilson в прибавлениях к его *History of Caschmir (Asiat. Research., XV, 105)*; ср. Lassen, II, 155.

⁷¹ По Плутарху (*Alex.*, 60), Пор должен был удовольствоваться титулом сатрапа; полное молчание Арриана и совершенно ясная для нас система зависимых отношений позволяет нам усомниться в истине его слов.

⁷² По Страбону (XV, 698), Курцию (IX, 1, 6) и Диодору (XVII, 89) эти города лежали на обоих берегах реки. Арриан (*Periplus, 25 ed Hud.*) и схолиаст Аристофана (*Nub.*, 23) называют город Букефал Александрий.

⁷³ Не ясно, были ли посланы к этому государю теперь вместе с другими, или же только позже упоминаемые Аррианом (V, 29, 4) *οὐ παρ' Ἀλεξάνδρου ἐκπεμφθέντες πρέσβεις πρὸς Ἀβισσάτην*.

⁷⁴ Arrian., V, 20, 6. Земли главсов помещены нами к востоку, по Lassen'у (*Pentap.*, 26); через них ведет проход Бембера.

⁷⁵ Strab., XV, 698; Diodor., XVII, 89. О прекрасных корабельных лесах этой местности см. Burness'a и сообщение Gerard'a (в *Asiatic Journal*, dec. 1832, p. 364); здесь растут преимущественно кедры, как это говорит и Диодор (XVII, 89).

⁷⁶ Александр, чтобы избегнуть дурной приметы, назвал эту реку, туземное имя которой (Kshandrabhaga) в греческой своей форме Сандрофак значило приблизительно «пожирающий людей» или даже «пожирающий Александра», «целителем» (*Ἀχεσίτης*) Ср.: A.W. v. Schlegel, *Ind. Biblioth.*, II, 297. Деланное Птолемеем описание его скалистых берегов и множества находящихся в нем утесов не позволяет нам искать то место, где Александр переправился через него у Бусибарада, на большой дороге из Аттока в Лагор, по которой Александр вообще не шел; ширина разлившейся реки приводит нас к выводу, что войско переправлялось через нее не в высокой гористой местности, но приблизительно там, где она выходит из гор, т. е. на

пути между Бембером и Юмбоо. Страбон говорит весьма наглядно (XV, 272), что от Инда до Гидаспа Александр шел к югу, а оттуда повернул к востоку и притом шел более по гористым, чем по ровным местам. Время, когда Александр стоял лагерем на берегах этой реки, было, по Страбону, временем равенства, следовательно, концом июня.

⁷⁷ Диодор (XVII, 91) говорит, что этот Пор бежал из своего царства в Гандаритиду, что находится в очевидном противоречии со словами Страбона (XV, 699); впрочем, мы можем предположить у Диодора чтение *Γαγγαρίδων*.

⁷⁸ Macartney около конца июля нашел ширину этой реки у Бусирабада равной 4000 шагов. См. Elphinstone, II, 554.

⁷⁹ Элладий (*Cbrestom.*, ар. Phot., 530, а, 35) говорит, что отец Пора был цирюльником; Диодор и Курций говорят то же самое о царе прасиев Ксандраме; по словам Псевдо-Плутарха (*De fluv.*, 1), Пор был потомком Гигасия; полный свод подробностей по этому вопросу мы находим теперь у Lassen'a. Duncker (III⁴, 306), следуя Lassen'у (I2, XX, н° 4; II, 161) отождествляет Гигасия с Яджати.

⁸⁰ Дальнейшие подробности об имени и месте жительства кафеев и о положении их города Сангалы смотри теперь у Lassen'a (II, 158; I² 801). Cunningham (*Geogr.*, I, 179) помещает Сангалы гораздо южнее, что, по моему мнению, ошибочно; пруд (*λίμνη οὐ μακρὰν τοῦ τεύχους*; Arrian., V, 23, 4) и холм, которыми у него определяется ее положение (*Geogr.*, I, 179), точно так же находятся и в той местности, в которой он думает узнать Пимпраму (*Survey*, II, 200).

⁸¹ Адраисты или адристы у Диодора, Юстина и Орозия; по словам Ариана, их столицей была Пимпрама; Lassen предполагает, что их имя равняется индийскому Араштра, пракритскому Аратта; быть может, будет вернее, читать араттаканы вместо аттаканов, которых Арриан помещает в верховьях Невдра между Акесином и Гидраотом, куда, в таком случае, будет относиться город араттов Саттала в Махабхарате, см. Wilson (в *Asiat. Researches*, XV, 107).

⁸² Arrian., V, 23, 24; Polyæn., IV, 3, 30.

⁸³ Этого Сопита, государя земли кафеев, ученые узнают в Асвапати, «укротителе коней» (Weber, *Vorlesungen*, 147), царь земли Кекайя, лежащей по верхнему течению Геравати и Випасы, который упоминается уже в Шатапатха-Брахмане, и затем также в Рамаяне, причем говорится о его превосходных собаках, тигровых собаках, о которых говорит Диодор (XVII, 92); и *pobiles ad venandum canes*, подробно описываемых Курцием (IX, 16 24). Теперь известна серебряная драхма этого государя, на передней стороне которой находится покрытая шлемом голова царя Селевка I, а на обороте петух, жезл Гермеса и надпись *Σωφύτου* (см. v. Sallet, *Die Nachfolger Alexanders in Bactrien und Indien*, p. 87).

⁸⁴ К сожалению, Арриан в надлежащем месте не упоминает про этого государя Сопита. В основание вышеприведенного рассказа положены нами Диодор (XVII, 92) и Курций (IX, 1, 24). Страбон (XV, 700) говорит: «Кафею, землю некоего номарха Сопита, иные помещают в этом междуречьи (Гидаспа и Акесина), другие же на том берегу Акесина и Гидраота, по соседству с государством молодого Пора; лежащую ниже этой земли область они называют Гандаридой»; а несколько ниже, он прибавляет: «в земле Сопита

находится, как рассказывают, гора с залежами каменной соли, которая могла бы снабдить солью всю Индию, а в других горах недалеко отсюда находятся прекрасные золотые и серебряные рудники, как рассказывает металлург Горг». Это залежи каменной соли в Монди, между Беяхом и Сатадру в первых отрогах Гималайских гор (Ritter, 1075; Lassen, I, 300). Золото, как известно, находится во множестве в верховьях Инда, Сатадру и Беяха (Гифасиса), частью в рудниках, частью в виде золотых зерен, собираемых в кучи строящими тушканчиками с пятнистой шкурой (ср. Мегасфена и Нерарха у Арриана (Ind., 15)), которых греки называли муравьями (ср. Ritter, 660). Судя по всему этому, государство Сопита должно было простираться на восток приблизительно до гор Монди и на север до горы Прохода Спасения, где лежат недалеко друг от друга верховья Гифасиса и Акесина и где подходят друг к другу границы земель Абисара и Сопита.

⁸⁵ Он называется у Диодора Фегеем, а у Курция Фегелой; не назван ли он так по имени реки его государства, Беяха? Lassen (II², 162) не разделяет этого мнения.

⁸⁶ Strab., XV, 702. Не пользовался ли также и Страбон поддельными письмами? об этом письме он говорит: *πολλά τε ἄλλα παράδοξα φράζουσα καὶ οὐχ ὁμολογοῦσα οὐδενί*. Псевдо-Калисфен сообщает нам рассказ Палладия, который будто бы прибыл в Индию с епископом Моисеем из Акса и которому епископ, дошедший сам до Ганга, рассказывал, что он видел там каменную стелу с надписью: *Ἀλέξανδρος ὁ Μακεδόνων βασιλεὺς ἔφθασα μέχρι τούτου τοῦ τόπου* (Ps. Callisth., III, 7, 20). Дальнейшие подробности относительно этого письма смотри у Zacher'a (*Pseudo-Callisthenes*, 107 и 146). Здесь мы заметим только, что Свида (s. v. *Βραχμῆνες*) дает эту надпись в следующей форме: *ἐγὼ μέγας Ἀλέξανδρος βασιλεὺς ἔφθασα μέχρι τούτου*; дальнейшее содержание его статьи, как это ясно видно, тоже представляет собою извлечение из Палладия.

⁸⁷ Arrian., V, 25 ff. Можно доказать почти с полной достоверностью, что, по крайней мере, речь Александра не заимствована из Птолемея, но составлена Аррианом; дальнейшие слова того же автора (V, 28, 4) делают вероятным, что фактическая сторона всего этого эпизода была им заимствована из Птолемея.

⁸⁸ Из слов Арриана (V, 25, 2): *ξυγκαλέσας τοὺς ἡγεμόνας τῶν τάξεων*, из обращения: *ὦ ἄνδρες Μακεδόνες τε καὶ σύμμαχοι* и из употребленного им (28, 3) выражения: *ὑπομένουσα εἰ δὴ τις τροπή ταῖς γνώμαις τῶν Μακεδόνων τε καὶ συμμάχων ἐμπεσοῦσα* т.д. видно, какие войска обнаружили непокорность.

⁸⁹ *δικαίως δὲ εἰμι καθ' ἡλικίαν* (Arrian., V, 27, 3). Осенью 334 года он и Мелеагр отправились в отпуск в Македонию вместе с новобранцами, *ὅτι καὶ αὐτοὶ τῶν νεογάμων ἦσαν*.

⁹⁰ Арриан (V, 28, 4) со слов Птолемея и Страбона.

⁹¹ Curt., IX, 2; Diodor., XVII, 94.

⁹² *περαιτέρω γὰρ προελθεῖν ἐκωλύθη τοῦτο μὲν μαντεῖοις τισὶ προσέχων τοῦτο δ' ἀπὸ τῆς στρατιᾶς ἀπηγορευκίαις ἤδη πρὸς τοὺς πόρους ἀναγκασθεῖς, μάλιστα δ' ἐκ τῶν ὑδάτων ἕκαμνον συνεχῶς ὑόμενοι* (Strab., XV, 697).

⁹³ Тимур проходил по этим местностям приблизительно месяцем позже (в Сафаре); пешекал повлек за собою большую смертность, особенно среди лошадей (Chereffeddin, IV, 13, p. 59).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

¹ διελὼν κατὰ τάξεις τὴν στρατιὰν δώδεκα βωμοὺς κατασκευάζειν (Arrian., V, 29, 1), под чем вовсе не подразумеваются, как я это предполагал раньше, *τάξεις* фаланг, хотя царь, как это видно из Арриана (V, 20, 3), имел здесь при себе τῶν πεζῶν ἀπὸ φύλαγγος ἐκάστης ἐπιλέκτους; доказать, что у него в это время было более десяти фаланг, невозможно. Мы не будем входить здесь в рассмотрение вопроса, относится ли цифра двенадцать к двенадцати богам, как это утверждает Диодор (XVII, 95), или к чему-либо иному. Места древних писателей, где говорится об украшениях этих алтарей и о мнимом желании царя приобрести для македонян славу великанов благодаря оставленным здесь исполинским сосудам, собраны комментаторами Курция (IX, 3, 19). На алтарях стояла, как говорят, следующая надпись: «Моему отцу Аммону, брату Гераклу, заботливой Афине, олимпийскому Зевсу, Кабирам Самофракии, индийскому Гелиосу и моему брату Аполлону». Эту бессмыслицу повторяет Филостат (*Vit. Apollon.*, 11, 15) и прибавляет: стоявшая между алтарями медная колонна имела на себе надпись: «здесь Александр остановился». По словам Свиды (s. v. Βραχυμῆνες), на ней стояло: «Я, царь Александр, проник до сих пор».

² Места этих двенадцати алтарей теперь более определить нельзя. Судя по словам Курция, который говорит, что, чтобы достигнуть Ганга, необходимо одиннадцать дней идти по расстилающейся на том берегу реки пустыне; можно было бы думать, что это место лежит ниже соединения Витасты с Сатадру, так как местность этими двумя реками, которую император Акбар назвал Бейт-Ялинхером (Ayenn Akbery, II, 108), чрезвычайно возделана и так как, кроме того, имя соединенной реки, Бхис или Беас (Elphinstone, II, 559), есть, очевидно, Гифасис, — имя, под которым Инд принимает в себя пять соединенных рек. — Но, по словам Lassen'a (II, 164), это показание Elphinston'a неточно. Плиний (заимствовавший это сведение из Мегасфена) говорит (VI, 17), что войско достигло только до Витаспы и воздвигло эти двенадцать алтарей на ее противоположном берегу: ad Hyphasin... qui fuit Alexandri itinerum terminus exsuperato tamen amne arisque in adversa ripa dicatis... Reliqua Seleuco Nicatori peragrata sunt ad Hesudrum CLXVIII milia (ср. *Asiatic Journal*, V, 1818, p. 215); если бы эта цифра не была, очевидно, испорчена, то из нее мы могли бы извлечь более точные данные.

³ Этот город Александрия на Акесине, лежащий на большой дороге, о которой, по-видимому, говорит Плиний, должен приблизительно соответствовать нынешнему Бусирабаду.

⁴ По Lassen'у (II, 165), туземное имя этого государя есть Ураса, или, скорее, так называлась его столица, лежавшая в шести днях пути от Кашмира.

⁵ Эту форму триерархий, о которой упоминает Арриан (Ind., 18), подтверждают Плутарх (*Eumenes*, 2) и Плиний (XIX, 1). Законный взнос каждого из тридцати трех участвующих не мог, как мы это должны заключить из слов Плутарха, равняться 300 талантам, хотя здесь, где триерарх должен был также принимать на себя и постройку кораблей, расходы и были значительнее, чем в Афинах.

⁶ По Арриану (Ind., 19, 7), ὀκτακόσιοι (χιίλαι καὶ ὀκ. есть только конъектура); впрочем, у того же Арриана (VI, 2, 4) стоит οὐ πολὺ ἀποδεόντων τῶν



δισχιλίωv. Но Диодор (XVIII, 95) и Курций (IX, 13, 22), которые в других случаях всегда дают более крупные цифры, дают 1000. Диодор говорит: *διαχοσίωv μὲν ἀφράκτωv, ὀκταχοσίωv δὲ ὑπηρετικῶv*, как будто при этом не было никаких *καταφράκται*. Что под восемьюдесятью *τριακόvτοροι* следует понимать не триаконтеры, какие строил Птолемей II (Athen., V, 203 d), но небольшие военные корабли (Böckh, *Seeurkunden*, p. 74), по-видимому, ясно из Арриана (VI, 5, 2), где *μακροὶ νῆες* флота называются *δίκροτοι*.

⁷ Диодор (XVII, 95) говорит: более 30 000 пеших и около 6000 конных (греческих союзников и наемников); затем 25 000 прекрасных полных вооружений для пехоты и 100 талантов лекарств. Курций (IX, 3, 21) насчитывает 7000 пехотинцев, присланных Гарпалом, 5000 фракийских всадников, которые и те и другие находились под предводительством Мемнона, и 25 000 украшенных золотом и серебром вооружений.

⁸ Страбон (XV, 691) говорит: «за немного дней до захода Плеяд», т. е. до 13 ноября по Каллиппу, современнику Александра. См.: Ideler, *Über das Todesjahr Alexanders*, 275.

⁹ Судя по этой цифре общего количества (Arrian., Ind., 19), агрианы и стрелки вместе могли составлять только приблизительно 2000 человек, если только в другом месте Арриан (VI, 2, 2) не ошибочно прибавил агрионов, которые им здесь (Ind., 19) пропущены.

¹⁰ Арриан (VI, 2) называет *βασιλεία Σοπεΐδου* то место, куда с возможной быстротой должен был двинуться Гефестион, и которого имени он не упомянул, где следовало, при походе по бассейну Гифасиса. Не смешал ли он этого государя со Спитаком?

¹¹ *ἐκ τῶv παρόντων μεγαλοπρεπῶς* (Arrian., VI, 2, 1). Еще резче выражается Курций (IX, 13, 20).

¹² Arrian., VI, 3, 5. Плиний (XIX, 1) особенно описывает роскошные разноцветные паруса.

¹³ По Плинию (VI, 17), Александр ежедневно проходил шестьсот стадий, по Курцию (IX, 36 24) — сорок; и то и другое неверно; после восьми дней плавания флот прибыл к устью Акесина, которое отстоит от места отплытия на пять или на шесть дней пути сухим путем (см.: Vincent, p. 110), и приблизительно на двадцать восемь миль водою (по карте Macartney'a), а считая извилины реки — и на целых сорок миль; несомненно, у Курция вместо *quadraginta* не стояло *quadringenta*, как предлагает читать Freinsheim.

¹⁴ *ἤδη γὰρ καὶ δώδεκα μυριάδες αὐτῷ μάχιοι εἶποντο σὺν οἷς ἀπὸ θαλάσσης τε αὐτὸς ἀνήγαγε καὶ αἰῶδες οἱ ἐπὶ συλλογὴν αὐτῷ στρατιῆς πεμφθέντες ἦκον ἔχοντες, παντοῖα ἔθνεα βαρβαρικά ἅμα οἱ ἄγοντι καὶ πᾶσαν ἰδέην ὠπλισμένα* (Arrian., Ind., XIX, 5).

¹⁵ Новейшие сообщения подтверждают эти сведения (см.: Vincent, p. 112). Chereffeddin (IV, 10, 52) говорит об этом месте: *les vagues, qui se forment en ce lieu, le font paraître une mer agitée*.

¹⁶ Curt., IX, 4, 10; Diodor., XVII, 96.

¹⁷ О Ксудраке и Малаве см. Lassen'a (II, p. 171) и Cunningham'a (*Geogr.*, I, 215 ff.).

¹⁸ Предложение Bohlen'a (*Das alte Indien*, p. 208), что эти сибы (*Σίβαι*: Arrian., Ind., 5; Strab., XV, 253 и 273; Steph. Byz., s. v., более плохое чтение *Σίβου* у Диодора, *Sobii* — у Курция) — служители Сибы, было опровергнуто

Lassen'ом (I, 644). Арриан не говорит в Анабасисе особенно много об этом народе, так как он, конечно, считает происхождение его от Геракла сказкою и отнюдь не может, как это делает Диодор, придавать какое-либо политическое значение этому родству их с Гераклидом Александром. Но он упоминает об этой экспедиции в надлежащем месте (VI, 5, 9); отсюда сразу видно, что они жили в Дуабе, между Акесином и Индом.

¹⁹ У Курция и Диодора.

²⁰ Arrian., VI, 11, 17.

²¹ У Арриана нет этого имени, а у Курция, который здесь почти слово в слово совпадает с Диодором, оно скрывается под неверным чтением *alia gens* (IX, 4, 5); как ни запутан рассказ обоих этих писателей, но у них все-таки еще можно найти пункты соприкосновения с Аррианом; *superato amne* у Курция следует понимать об Акесине, через который должен был переправиться Александр, чтобы попасть в расположенную на восточном берегу реки землю маллов из лагеря, в который он возвратился после экспедиции против сибов. О маллах ср.: Tod, *Rajastnan* (II, p. 292, 443). Алагасса, отстоящая на восемь миль от лежащей ниже устья Гидаспа станции, совпадает с положением Пинде Шайх Моозы, лежащей в полутора милях от Гидраота.

²² Это мог быть приблизительно Мори, недалеко от реки.

²³ Положение этого города весьма неясно. Моих прежних предположений я повторять не решаюсь. Masson (*Narration*, I, 402) думает узнать город маллов в Бот-Камолии, Cunningham — в Мультане; Cunningham указывает на то, что древнее течение Рави или Гидраота было иное, чем теперь, и что он впадал в Акесин в нескольких милях ниже Мультана. Cunningham (*Survey*, V, табл. 36) дает план города Мультана, на котором ясно видно, что его цитадель находилась когда-то на острове реки Рави.

²⁴ Арриан (VI, 11) подверг критическому рассмотрению рассказы, уклоняющиеся от приведенного нами выше (по Птолею) изложения, так что в их лживости не может быть никакого сомнения. Особенно порицает он тех, которые утверждают, что это несчастье произошло в земле оксидраков, как это пишут Курций (IX, 4, 26), Лукиан (*Dial. mort.*, XIV, 14), Алпиан (B. civ., II, 102), Павсаний (I, 6) и другие (ар. Freinsheim ad Curtium, IX, 4, 26). Второе разноречие мы находим в именах тех, которые были вместе с царем в крепости; Плутарх (*Alex.*, 63) называет Певкеста и Лимнея; Курций (IX, 5, 15) — Тимея и трех телохранителей — Певкеста, Аристана и Леонната; Тимаген и Клитарх (по Курцию), а за ними и Павсаний (*loc. cit.*), и Стефан Византийский (s. v. 'Οξυδρακαι) прибавили сюда Лагида Птолея, который находился, по крайней мере, в десяти милях отсюда. Певкеста все в древности считали спасителем Александра (Alexandri Magni servator, Plin., XXXIV, 8). Многие, кроме полученной Александром раны в грудь, упоминали еще об ударе палицей в шею. Сама стрела была извлечена или Пердиккой, или Асклепиадом Критобулом из Коса (Критодим у Арриана), знаменитым врачом Филиппа, который извлек у него стрелу в Мэфоне (Plin., VII, 37). Об извлечении стрелы Плутарх (*De fort. Alex.* 11) рассказывает несколько иначе: извлечь стрелу из грудной кости не могли; отпилить ее конец не решились из боязни расколоть кость; тогда Александр, видя нерешительность окружающих, начал сам срезать ее конец кинжалом поверх лат, но его рука онемела и опустилась; поэтому он приказал смело приступить к операции;

он бранил окружавших его за их слезы и выражения сочувствия, называл их изменниками за то, что они отказывают ему в своей помощи и т.д.

²⁵ Арриан (VI, 14, 5) называет Гесудр (Сатадру), а не Гифасис.

²⁶ Arrian., VI, 15. Определить положение этих народов тем труднее, что Диодор и Курций все путают, а в Индийской летописи Арриана зачастую сложные известия об устьях различных рек порождают другие ошибки; несомненно, по-видимому, только одно, что весьма обширные владения оксидраков начинались недалеко к югу от устья Гидраота, у границ маллов и достигали до места соединения Акесина и Гифасиса за пределами теперешнего Мультана; после доказательств Lassen'a (II, 173) я не решаюсь более думать, что ксатры тождественны с *Σόδρας* у Диодора (XVII, 102) и что в их имени мы можем узнать кшатров, которые произошли из смешения кшатриев (каста воинов) и судров. Ксатры должны были жить в богатой лесом прибрежной местности, так как там строились корабли. Об авастанах (самвастах у Диодора) и о занимаемых ими землях мы не имеем никаких сведений.

²⁷ Почти вполне, по-видимому, достоверно то, что этот город есть упоминаемая Стефаном Византийским пятая Александрия *ἐν τῇ Ὀπτιανῇ κατὰ τὴν Ἰνδικήν*; здесь находится земля *Ἰπτιάι*, о которой уже Гекатей говорит: *ἀπὸ δὲ τοῦτων ἐρημίη* (fr. 185 ap. Steph. Byz., s. v.). Vincent (p. 136) подробно показал, насколько благоприятно было ее положение для торговли. Мы не должны удивляться тому, что в последующее время она более не упоминается; сведения о поре бактрианского и индоскифского царства слишком скудны для того, чтобы мы должны были считать несуществующим то, чего они не называют.

²⁸ Vincent (с. 119 сл.) и Pottinger (с. 382) находят место этого города в теперешнем Бхукоре, но я думаю, что это ошибочно. Место этого *τῶν Σόδρων τὸ βασίλειον* (Arrian., VI, 15, 4) должно было находиться далее вверх по Инду, приблизительно посредине тех 30 миль, которые отделяют Бхукор (Баккан) от устья Гифасиса; город этот, по словам Cunningham'a (с. 255), находился между Фазильпуром на левом и Казмором на правом берегу, т. е. приблизительно там, где еще теперь ведет через Инд дорога из Индии к проходам Бхолана. Эту Александрию Стефан Византийский, как кажется, называет на шестнадцатом месте, как находящуюся *ἐν τῇ Σογδιανῇ*, несмотря на приписку *παρὰ Παροπαμισσαδαίς*, которая по ошибке попала сюда из другого места, так как у него недостает Александрии *sub ipso Caucaso*. Об оставленных здесь 10 000 человек упоминает Диодор. Имя сатрапа было, по-видимому, не Пифон, а Пейфон, сын Агенора, которого не следует смешивать с Пейфоном из Эордеи, сыном Кратеба, или с Пифоном из Катаны или Византия, предполагаемому автором сатирической драмы Агин.

²⁹ «Пейфон и Оксиарт» называет Арриан. Tod. (I, 92) считает согов за содов, которые принадлежат к прамарам.

³⁰ Так называет его Арриан (VI, 16, 4). Курций (IX, 8, 17), Диодор (XVII, 102) и Страбон (XV, стр. 701) называют его Сабом, Плутарх (*Alex.*, 64) — Саббой, Юстин (XII, 10) — Амбигером (вар. *Ambi rex*), Орозий (I, 19) — *Ambiga rex*. По Lassen'у, форма этого имени должна была быть Самбху.

³¹ Его государство горных индусов Vincent (p. 130) помещал в окрестностях Себи, милях в сорока к северо-востоку от Бхукора или Александрии; в пользу этого предположения говорит только обманчивое сходство имен, а

против него говорит расстояние, неиндийское население Севистана и прямое свидетельство Страбона, который говорит, что эта земля граничит с Патталиной. Поэтому Pottinger, несомненно, прав, когда он считает горы, в которых лежали владения Самба, Джунгарскими горами на юге Ларкханского рукава Инда, а столицу его — Зехваном на Инде (Pottinger, p. 539, нем. пер.). Полковник Tod (II, 220) производит имя этого государя, по своему обыкновению, от династии Синд-Сама.

³² Arrian., VI, 15. Имя этого государя Мусикан есть в то же время и имя страны; Мушику и ее столицу мы можем узнать в развалинах Алора (Арора, как ее называет и описывает Wood (49)). Когда Александр выступил из согдианской Александрии, Кратер уже переправился (Arrian., VI, 15, 5) на правый берег Инда и слова *διὰ τῆς Ἀραχώτων καὶ Δραγγῶν γῆς ἐκπέμπει* в цитированном нами месте представляют собой, по-видимому, только остаток сообщения о цели этой командировки (поэтому Арриан (VI, 17, 3) и говорит: *ἦδη ἔστειλε*); затем вследствие дальнейших уступок Мусикана Кратер получил приказ остановиться, когда он находился приблизительно между Саккаром и Шикарпуром, милях в четырех от Бхукора.

³³ Оксикан стоит у Арриана, Портикан у Страбона, Диодора и Курция; по Lassen'у (II, 178), последнее имя правильное и взято от имени этого народа или страны Prashtha, т. е. безхолмная земля, производное слово Prāthaka. Из слов Арриана мы должны заключить, что для этой экспедиции царь удалился от берегов реки, следовательно, двинулся на запад и поэтому Cunningham (*Geogr.*, I, 260) с полным основанием ищет город Праштов около Махорты, где Masson (*Travels*, I, 461) нашел большую древнюю крепость.

³⁴ Так называется она у Арриана, у Страбона она называется Синдоалией или Синдолией. Tod (I, 218) считает индоскифский город Минагару за Саминагару, т. е. столицу (Нагара) Самва. Ее указанное выше положение около нынешнего Сехвана теперь подробно доказано Lassen'ом (II, 179) и Cunningham'ом (II, 264).

³⁵ Octoginta milia Indorum in illa regione caesa, Clitarchus est auctor (Curt., IX, 8, 15). Если этот же Курций непосредственно перед этим рассказывает, что македоняне по вырытому ими подземному ходу неожиданно проникли на рынок города, то не менее важно свидетельство Клитарха, из которого, не называя его, Диодор (XVII, 102) приводит те же 80 000 человек. По словам Плутарха, это были брахманы Саббы, которые отвечали царю Александру теми знаменитыми софизмами, которые, по справедливому замечанию образованного Арриана, пользовались в древности славой глубокой мудрости, хотя и не имели большого философского значения (*τῆς σοφίας, εἰ δὴ τίς ἐστιν*; Arrian., VI, 16, 5); мы узнаем в них тонкость определенных и внешней ясности, в которую впала индийская мудрость, отрешившись от мифического и мистического элемента.

³⁶ К их числу принадлежит город брахманов Гарматалия (Diodor., XVI, 103; Curt., IX, 8, 18), при взятии которого был ранен Лагид Птолемей. Чудесный рассказ о виденном им на ложе царя сие составляет, по-видимому, изобретение Клитарха; по крайней мере, Арриан ничего не рассказывает об этом, хотя он и имел перед собой мемуары того же Лагида.

³⁷ *ἐπὶ τὸ στρατόπεδόν τε ἐπανῆκε καὶ τὸν στόλον* (Arrian., VI, 17, 1), следовательно, вверх по течению Инда, где находились войско и флот; последний,

несомненно, спустился южнее Алора, имея около себя войско (вероятно, под предводительством Гефестиона), между тем как Кратер остался стоять у Суккура, ожидая приказа выступить.

³⁸ Имя Мёрис (вар. Мерис) дает только Курций (IX, 8, 28), так что за его правильность вполне поручиться нельзя. Но на этом имени Lassen построил весьма соблазнительную комбинацию. Он предполагает, что Мерис написано по ошибке вместо Серис, что это есть название династии Саурджей, что к этому имени относятся слова Стефана Византийского (s. v. 'Αλεξ.), где как четырнадцатая Александрия называется Александрия ἐν Σωριανοῖς, Ἰνδικῶ ἔθνει и что это город Паттала, который восстанавливает Александр (Arrian., VI, 17, 6 и 18.2).

³⁹ Curt., IX, 7, 1; он заканчивает следующими словами: bis liberatus (Bicon) cum ceteris, qui colonias a rege attributas reliquerant, revertit in patriam. Диодор (XVII, 99) распространяет это восстание до границ Согдианы. Диодор говорит, что эти греки на своем обратном пути после смерти Александра были побеждены и перебиты Пифоном. Дексипп (у Фотия, cod. 82 (fr. 1 изд. Müller'a)) сообщает из хорошего источника вещи, которые, по-видимому, относятся к этому же восстанию, на что я обратил внимание в Hermes'e (XI, 462).

⁴⁰ Arrian., VI, 15; Curt., IX, 8, 9. Арриан говорит, что Пифон и Оксиарт получили сатрапию нижнего Инда; это, как кажется, неверно, тем более, что обе эти сатрапии не граничили друг с другом, но были разделены сатрапией верхней Индии и Арахосией.

⁴¹ Arrian., VI, 27, 3. У Курция (IX, 10, 20) стоит; Orcinen (Ocinen) et Tariaspen (Zariaspen)obiles Persas; так как Арриан знает только одного Ордана, которого Кратер взял в плен на своем пути через Арахосию, Дрангиану, землю ариаспов и Хоарену (в таком порядке следуют эти провинции), то, по-видимому, не будет слишком смелым предположить у Курция ту ошибку, что он сделал из имени народа, над которым он узурпировал власть, второго мятежника Ариаспа.

⁴² Арриан (VI, 17, 3) называет здесь Антигена предводителем таксиса, между тем как в битве при Гидаспе, где были пущены в дело только гипасписты и легкая пехота, тот же самый Антиген рядом с Селевком и Тавроном предводительствует τῶν πεζῶν τὴν φάλαγγα. Если это имя поставлено здесь правильно, то это место может служить примером движения по службе.

⁴³ Страбон (XV, 721) говорит, что Кратер, «начиная от Гидаспа, прошел по Арахосии и Дрангиане». Может ли это обозначать то, что он прошел вверх по Инду и по Акесину до Гидаспа, чтобы затем приступить к возвратному походу? Это было бы не только бесцельным и утомительным уклонением в сторону, но в таком случае далее путь должен был вестись через государство Таксила, через сатрапию Индии и парапамисадов к Арахосии. Страбон сам (XV, 725) дает нам правильное решение вопроса, когда он называет юго-восточную область парфянского царства, прилегающую к Индии, Хоареной и сообщает, что Кратер шел по ней. Естественнее предположить, что Кратер избрал себе путь через горы Арахосии, ведущий из Саккара и Шикапура в Кандагар проходами Бхолана. Кроме того, этого важного прохода нельзя было оставить незанятым. Pottiger (p. 386, нем. пер.) объясняет, почему Кратер не мог идти через Келат в Белуджистан.

⁴⁴ Диодор (XVII, 105) говорит, что Александр отдал этот приказ из пустыни Гедросии, когда он находился в величайшей нужде, и что он был исполнен еще своевременно; из этого бессмысленного известия мы можем вывести достаточно ясное заключение об истинном положении вещей, которое понятно само собой и неоднократно подтверждается Аррианом (*Ind.*).

⁴⁵ *τάς τε ἐκτετερχισμένας ἤδη πόλεις ξυνοικήσαι* (Arrian., VI, 17, 5); речь идет об упомянутых им выше (VI, 17, 1) местностях в земле Мусикана.

⁴⁶ Положение Патталы, «там, где Инд разделяется на два рукава и образует дельту» (Арриан), мы могли бы, если эти рукава уже в древности были такими же, как теперь, найти или при разделении Инда у Татты, или у Гейдерабада; первое утверждал Vincent; но ему совершенно противоречит рассказ Арриана. По индийским преданиям, древнейшее место разделения Инда на два рукава лежит выше Гейдерабада у Брахманабада; дальнейшие подробности приводит Lassen (II, 182). Страбон (XV, 259) говорит, что время прибытия Александра в Патталу совпало с (утренним) восходом созвездия Пса, когда воды реки достигали своего высшего уровня.

⁴⁷ Arrian., VI, 18, 4. *ἡμιόλιαι*, имевшие полтора ядра весел, суть обыкновенные пиратские корабли и, следовательно, отличаются особенной скоростью; *κέρκυροι* считаются судами кипрского происхождения и представляют собой, очевидно, особый вид небольших морских судов.

⁴⁸ Декламация Курция не отличается существенно от продуманного рассказа Арриана (VI, 18). Конечно, теперь невозможно определить пункты его остановок во время этого плавания.

⁴⁹ Киллута, Скиллустида, Псилтукида у различных авторов. Дельта Инда подвергается слишком большим изменениям, так что мы не можем найти здесь всякую местность; выступающий далее в море восточный берег устья позволяет нам предположить, что под этим именем подразумевается один из трех следующих друг за другом, образованных широкими рукавами реки островов, и притом второй. К сожалению, начало плавания Непарха благодаря перемене указанного ему места стоянки слишком неясно для того, чтобы можно было вывести отсюда какое-либо заключение.

⁵⁰ Новейшие данные и карты устья Инда не знают никакого озера в буквальном смысле этого слова, образуемого одним из рукавов Инда, кроме возникшего в нашем столетии озера Синдри, образуемого древним, теперь очень маловодным восточным руслом Инда (Пурана). Так как Александр мог проникнуть к западу от восточного устья Инда на три дня пути, то на этом пространстве, равнявшемся, несомненно, 10–15 милям, не находилось ни одного из шести остальных устьев Инда, между тем как теперь расстояние от устья Рина (устья Кори) до ближайшего устья едва достигает 1 1/2 миль, расстояние до главного устья не превышает десяти миль и посредине лежит ряд речных островов. В так называемом *Περίπλους* Арриана о морской бухте Бараки (Катша, у Птолемея *Καυδήκόλπος*) говорится (с. 24, изд. Hudson, гл. 40), что в этой местности (Миннагары) встречается множество следов войска Александра, а, по словам Mac Murdo (*Bombay transact.*, 236) и Tod'a (II, 290), на восток от устья Пураны лежит топкое болото, в которое вливается с востока несколько рек и которое во время юго-западных муссонов делается настоящим озером, называемым Арания, или, короче, Рин. Из него ведет широкий проток в залив Кутша. Это и должна была быть посещенная

Александром местность; и когда Нearch у Страбона говорит, что протяжение базиса дельты Инда равнялось 1800 стадиям (45 милям), то это показание поразительно точно совпадает с нашими картами, если мы будем мерить от большого устья Инда до устья этого болота. В *Περὶ τῆς Ἰνδίας* (Арриана) говорится, что этот залив Бараки опасен и переполнен при входе песчаными отмелями, и прибавляется, что он окружен землею с юга, с востока и с запада; быть может, его *Εἰρηνος* и есть то озеро, по которому проплыл Александр, и которое, по-видимому, представляет собой грецизированную форму слова Арания (*Tod, Rajastan*, II 295).

⁵¹ Arrian., *Ind.*, 20.

⁵² Эта дата вытекает из следующих данных: Александр прибыл в Патталу (Strabon, XV, 691) во время восхода Сириуса (*ἑπιτολή*, конец июля); на плавание от Никеи до этого пункта Плутарх считает только семь месяцев; Страбон, напротив, десять, — вероятно, до океана, так как в действительности на плавание от Никеи до Патталы потребовалось девять месяцев (от начала ноября 326 года до конца июля 325 года). Нearch отплыл 22 сентября и дней через восемьдесят около 16 декабря снова встретился с Александром в Кармании. От границ оритов до Пуры Александр шел два месяца; расстояние от Инда до земли оритов равняется приблизительно сорока милям, что при встреченных им различных трудностях составило бы, по крайней мере, двадцать дней пути; от Пуры до места их встречи уже не так далеко; на переходе от Инда до места их встречи мы должны считать несколько более трех месяцев, так что Александр должен был выступить из Патталы около конца августа.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

¹ *Dustibe-dulut*, по Pottinger'у, рассказ которого положен в основание приведенного выше описания.

² Имя провинции Луссы имеет это значение на языке югдала. Эти проходы, или «*loukhs*», следующие: на север горная дорога (Кohenwan; см. дневник Pottinger'а под 1 февраля), на восток по направлению к Индии дорога, ведущая в Гейдерабад и Кураху, на запад спускающийся к морскому берегу проход Гинглаца (Гинголь, обозначенный на изданной Н. Kiepert'ом на основании съемок Goldsmit'а в *Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde* [1870], V, 3 карте как телеграфная станция) и проход Бела на ведущей в Кедье дороге. См. Pottinger, 431, нем. пер.

³ По словам Курция, царь назначил в 330 году сатрапом Кармании Аспаста. По свидетельству же Арриана (VI, 27, 1), сюда незадолго перед возвращением Александра из Индии был назначен Сибиртий.

⁴ Так говорит Курций (IX, 10, 5), который, впрочем, как и Диодор, совершенно не может служить источником для географии этого края. Расстояние от Патталы до прохода Гидерабада равняется приблизительно 16 милям, а оттуда до реки Арбия (ныне Пооралли) приблизительно 12 милям.

⁵ Lassen (II, 189) доказал, что Арба есть туземное имя.

⁶ Strab., XV, 723. Cic. *De Divin.*, II, 66 и другие. Диодор (XVII, 103) и Курций (IX, 8, 20) переносят эпизод с раной Лагида в дельту Инда.

⁷ Vincent и van der Chys думают найти Рамбакию в нынешнем местечке Рамиуре, которое не показано ни на карте Поттингера, ни на карте телеграфных станций. Диодор говорит, что Александр, желая основать город и найдя удобную (*ἄμλιστον*) гавань в прекрасно расположенной местности, основал там Александрию. Курций присовокупляет к этому, что она была заселена арахосянами (вероятно, из входивших в состав его войска). В дневнике Непарха этот новый город не упоминается; гавань женщин, которую он называет *ἄμλιστος*, лежит восточнее реки Арбия. Комментаторы Диодора, Курция и Стефана доказали, что четвертая Александрия у Steph. Byz., *πόλις Νεαρτῶν ἔθρους Ἰχθυοφάγων* и *Νεωρετῶν* Диодора есть не что иное, как *Ῥοειτῶν* и представляет собою упоминаемую Аррианом колонию в Рамбакии. О втором городе, расположенном в этих землях Леоннатом, см. Lassen, II, 188. Источники не говорят нам, как далеко простиралась земля оритов к северу, но горный хребет, по-видимому, довольно точно обозначает границу к северу и западу.

⁸ Что этот приказ был отдан Аполлофану, видно из Арриана (VI, 27, 1). Снабжать таким образом флот провиантом было возможно потому, что в 10 или 15 милях от берега, на сорок миль в длину, тянутся богатые долины Кольван и Кедье, куда без труда можно проникнуть из земли оритов через проход Бель: особенно была богата долина Кедье, орошаемая многоводным Хоридештом (см. Lt. Ross., *Notes on Mekran & Transact. of the Bombay Geogr. Society*, XVIII [1868], p. 36); он впадает в море в залив Гватара; очевидно, это гавань Кофант, где Непарх нашел «чистую воду в большом количестве» (Arrian., Ind., 27, 6).

⁹ Об этом растении см.: *Asiatic Researches*, t. IV, p. 97 и 433.

¹⁰ Лейтенант Росс, прибывший на берега Хоридешта в сентябре, нашел только отдельные лужи воды в наиболее глубоких местах, но он слышал, что во время сильных зимних дождей он бывает причиной сильных наводнений и разливается так быстро, что живущие на его берегах едва имеют время спастись и почти всегда многие находят смерть в волнах.

¹¹ Многие считали описание похода через пустыню преувеличенным. Новейшие сообщения, особенно сообщения Pottinger'a, подтверждают его правдивость, гарантировать которую могло бы уже одно имя Непарха, из чьих мемуаров Арриан и Страбон почти единодушно почерпали свои сообщения. Мы можем только сравнить дневник Pottinger'a от апреля со Страбоном (XV, 722) и Аррианом (VI, 23). Проследить поход в деталях, конечно, невозможно, но, по-видимому, он никогда не проникал севернее скалистых хребтов, лежащих в 10 или 15 милях расстояния от берега. О положении Пуры тоже нельзя сказать ничего определенного; считать за старую резиденцию страны нынешний Бунпур, лежащий почти в 30 милях от берега, мы не имеем никаких других оснований кроме того, что он лежит в плодородной части Гедросии и на пути от морского берега в верхнюю Карманию; ср.: Vincent, p. 303. Тогда путь, по которому следовал Александр, должен был бы быть приблизительно одинаков с путем капитана Гранта, который из Бунпура и Геха спустился к морскому берегу. Здесь Александр мог его оставить, не

будучи принужден заботиться долее о своем флоте, так как недалеко начнется более гостеприимный берег Кармани.

¹² Эти шестьдесят дней, по-видимому, противоречат рассказу о громадных переходах в 400 и даже в 600 стадий, которые будто бы делал Александр. Прямое направление от границы оритов до Бунпура равняется почти ста милям, уклонения в сторону, посещения берегов и возвращение в глубину страны могли увеличить эту дорогу наполовину; таким образом мы получили бы в среднем выводе две с половиной мили в день, чего при подобных условиях местности уже достаточно.

¹³ ὥστε τῆς μαχίμου δυνάμεως μηδὲ τὸ τέταρτον ἐκ τῆς Ἰνδικῆς ἀπαγαγεῖν (Plut., *Alex.*, 66). Это указание относительно четвертой части Плутарх должен был найти в своем источнике; но прибавка, что царь все-таки привел из Индии 120 000 пехотинцев и 15 000 всадников, принадлежит ему.

¹⁴ *Argian.*, VI, 22, 1. Аполлофан в это время пал в бою против оритов.

¹⁵ τῆς χώρας δ' ὑπαρχος (*Argian.*, *Ind.*, 34, 1).

¹⁶ Так рассказывает Страбон (XV, 721) на основании слов Нearchа; Арриан обходит эту подробность в своих выдержках и говорит, что флот отплыл после того, как улеглись летние пассатные ветры, что, несомненно, верно; но зимние пассатные ветры еще не начались, и Нearch выждал бы их, если бы это было для него возможно. Дальнейшие подробности относительно этой важной даты читатели найдут в конце книги в *Приложении*, занимающимся вопросом хронологии. Еще более осложняет вопрос то, что у Арриана (*Ind.* 21) неверно назван архонт и рядом с днем аттического месяца (20 Боедромион) не показано соответствующее македонское число, а только год (11-й год Александра). Но показание, что Нearch отплыл от Инда 20 Боедромиона, дает нам приблизительно верную дату; этот день соответствует 21 сентября, если мы примем за основание обращения в даты юлианского календаря таблицу цикла Метона, вычисленную Иделером; путь от Инда до Гармосии по весьма правдоподобию расчету определен в 80 дней и сообразно с этим установлены приведенные выше числа.

¹⁷ После прекрасных исследований Vincent'a я не решаюсь прибавлять дальнейших деталей относительно этого плавания; такая попытка потребовала бы знакомства с новейшими географическими исследованиями, которые может дать только глубокое изучение, и кроме того, большей обширности рассказа, чем это здесь уместно.

¹⁸ Так передает эти события Нearch (в *Indica* Арриана); время этой встречи можно определить с помощью путешествия Нearchа, так как он отплыл 21 сентября и, по расчету Vincent'a, пристал к реке Анамите на восьмидесятый день, т. е. 9 декабря; его свидание с царем должно было произойти между 15 и 20 декабря. Теперь трудно и даже почти невозможно определить то место, где стоял лагерь Александр. Диодор (XVII, 106) рассказывает, что Александр со своим войском стоял в приморском городе Салмунте и что как раз в это время они собрались в театр, когда Нearch пристал к берегу со своим флотом и немедленно явился в театр, чтобы рассказать о своем плавании. Убеденный, что в этом, бесспорно, совершенно искаженном известии хотя имя Салмунта должно быть правильно, Vincent (p. 306) высказал предположение, что это имя (Сал-мунт) соответствует местечку, называемому жителями востока Мааунтом. Эта гипотеза кажется слишком смелой.

Единственное обстоятельство, могущее приблизительно определить положение этого места, то, что от него до корабельной стоянки на реке Анамите или Ибрагиме было пять дней пути, следовательно, от пятнадцати до двадцати миль. Поэтому невозможно думать о Кермане, Юмали или об одном из местечек, посвященных Pottinger'ом при его путешествии. Если бы орография Кармании не была неясна до такой степени, то мы могли бы с некоторой уверенностью определить, по крайней мере, положение города Александрии, который приказал здесь строить царь; быть может, он-то как раз и был местом встречи. Не соответствует ли приблизительно этому месту Гирофт?

¹⁹ О маршруте Кратера мы не имеем никаких известий. Следует предположить, что он спустился к Гиндменду и прошел через Лахх и Никх; оттуда он через пустыню прошел в Керман, приблизительно по дороге, описанной Ханьковым (*Recueil de la société de géogr.*, VII, 2 [1865], p. 404).

²⁰ *Argian.*, VI, 27; Курций (X, 1, 1) дает цифру 5000.

²¹ Вышеупомянутые празднества (*Argian.*, VII, 28; *Ind.*, 37) подали повод к омерзительному преувеличению; рассказывают, что царь, предаваясь самой распущенной вакханалии, целых семь дней разъезжал по Кармании, сам он, сидя на исполинской, запряженной восемью лошадьми колеснице, день и ночь пировал со своими друзьями за золотым столом, а остальные его спутники, то же пируя и пьянствуя, следовали за ним на бесчисленном множестве других, украшенных пурпурными коврами и пестрыми венками колесниц; по дорогам были расставлены сосуды с вином и накрытые столы, и все остальное войско, пошатываясь, переходило от бочки к бочке; громкая музыка, непристойные песни, продажные женщины, изображения фалла, — словом, здесь соединилось все, что можно только себе представить наиболее распущенного и непристойного. Так рассказывают Плутарх, Курций и, кроме того, множество намеков на это рассеяно у других греческих и римских авторов. Достаточно привести против этого слова Арриана: «Некоторые рассказывают также, но это не кажется мне правдоподобным, что Александр, сидя за столом и пируя со своими приближенными, проезжал по Кармании на составленной из двух колесниц колеснице и что за ним следовало его увенчанное венками и ликующее войско, так как они теперь снова имели в изобилии съестные припасы, и жители Кармании расставляли по дорогам все, что служит предметом самых роскошных наслаждений; и это все, как говорят, царь делал в подражание вакханалии, с какой возвращался Дионис после покорения Индии. Но об этом не рассказывают ни Птолемей, ни Аристобул, ни иной какой-либо заслуживающий доверия писатель».

²² Гефестион в своем маршруте не мог направиться прямо к морскому берегу, так как в таком случае Непарх при своем возвращении к Анамите не подвергся бы нападению горных народов (*Argian.*, *Ind.*, 36); но Vincent, по видимому, слишком долго заставляет его оставаться в глубине провинции; вероятно, до Лара он шел той дорогой, которую описывает Don Garcias de Silva Pigueroa (*Ambassade*, trad. Wicquefort, p. 65), а от Лара спустился к морскому берегу.

²³ Маршрут Александра был, вероятно, таков, как это указывает Edrisi, из Гирофта в Фазу.

²⁴ *Argian.*, VI, 27, 1. Следовательно, сатрапия некоторое время оставалась без правителя (*Argian.*, *Ind.*, 36, 8).

²⁵ Nuper interierat morbo (Curt. X, 10, 20).

²⁶ Arrian., VI, 27; V, 6, 2.

²⁷ Arrian., VI, 27, 3. Это упоминаемые им выше (Ш, 26) предводители: Ситак, предводитель одрисских аконтистов, Клеандр, предводитель старых наемников, и Геракон, назначенный на место, как кажется, умершего Менида, предводителем конных наемников. Курций (X, 1, 1) упоминает еще Агафона, начальника фракийских всадников; он упоминает также, что они привели 5000 пехотинцев и 1000 всадников.

²⁸ ἀπομίσθους ποιῆσαι τοὺς μισθοφόρους (это важное указание мы находим у Диодора, XVII, 111); прибавка — тех наемников, которые не были навербованы именем царя — вытекает из самой природы дела.

²⁹ Arrian., VI, 29, 2. Курций называет его *Orsines* (X, 1, 22) и упоминает его в числе предводителей уже в битве при Гавгамелах (IX, 12, 8); он говорит, что предводителями отдельных отрядов персов, мардов и согдианцев были Ариобарзан и Охентобат, а Орсин стоял во главе целого; он называет его крайне богатым Ахеменидом (X, 1, 22). Арриан не упоминает о нем при описании этой битвы.

³⁰ Arrian., VI, 29; Strabon, XV, 730; оба они следуют Аристобулу, который по виду гробницы заключил, что это преступление было совершено разбойниками (*προνομευτῶν ἔργον ἦν*) и что сатрап не виновен. По словам Плутарха (*Alex.*, 69), виновником был один весьма знатный македонянин, Полимах из Пеллы, который и поплатился за это жизнью. Быть может, *προνομευτῶν* следует понимать в более тесном значении «фуражиров»; в таком случае Полимах мог совершить это преступление с отрядом солдат.

³¹ Так рассказывает Арриан (VI, 30). По словам Курция (X, 1, 21), смерть Орксина была последствием интриг внуха Багоя, бывшего тогда любимцем Александра; сатрап, говорит он, не только был невиновен, но и отличался исключительной преданностью царю. О привязанности Александра к этому внуку Диксарх в своей книге «О жертвоприношении в Илион» (у Афиня, XVII, 603 b) рассказывает довольно сомнительного свойства историю, которую повторяет за ним Плутарх (*Alex.*, 67).

³² Arrian., VI, 29, 3. Курций (X, 1, 39) под именем Фрадата понимает, видимо, то же самое лицо; но я замечу, что прежний сатрап тапуриев, Автофрадат, у него тоже называется Фрадатов.

³³ Arrian., VII, 4; VI, 27, 12.

³⁴ Arrian., III, 6; Plut. *Alex.*, 10 и 35.

³⁵ Theopomp., fr., 277, 278. О заглавии этого сочинения (называемого то ἡ πρὸς Ἀλέξανδρον ἐπιστολή, то πρὸς Ἀλέξανδρον συμβουλαί) см.: С. Müller, *Fragm. hist. gr.*, I, p. LXXIII. Обвиненный во фр. 276 Теокрит (у Афиня, IV, 230) есть ритор из Хиоса, которого Страбон (XIV, 183) называет политическим противником Феонома и который с такой горькой иронией применил к Александру стих о «пурпурной смерти» (Plut., *De educ. puer.*, 16 и Suidas s. v. Θεόκριτος. Ср. Ilgen, *Scol. Graecorum*, p. 162). Его насмешка не пощадила и Аристотеля: см. эпиграмму у Евсебиа (Праер. *Evang.*, XV, 793 a).

³⁶ Сюда следует отнести приводимое Плутархом известие, что Эфиальт и Кисс, принешие первое известие о бегстве Гарпала, были схвачены как ложные доносчики (Plut., *Alex.*, 41).

³⁷ Plut., *Phocion*, 22.

³⁸ Athen., loc. cit., Curt., X, 2; из афинских событий с достаточной достоверностью вытекает, что бегство Гарпала относится к этому времени (концу 325 или началу 324 года).

³⁹ Мы можем комбинировать рассказ Харета (fr. 16 у Афиней, XII, 538 и из него Aelian., VIII, 7) со следующим непосредственно за ним описанием этого шатра по Филарху (fr. 42), так как они оба имеют в виду одно и то же сооружение.

⁴⁰ Аристокл говорит (у Арриана, VII, 4), что Александр, кроме дочери Дария, женился также на дочери царя Оха Парисатиде, но насчет этого нет никаких дальнейших свидетельств. Точно так же Барсина, дочь Артабаза и вдова Ментора, никогда не была его супругой, хотя он находился с ней в связи и в Дамаске, и после того; по крайней мере, в 323 году (Justin., XIII, 2, 7) она уже жила со своими детьми в Пергаме; только Роксана была уже полноправной и законной супругой Александра и, по крайней мере, в следующем году жила при нем. Имя дочери Дария было у Арриана Барсина, или в рукописи, которую excerпировал Фотий (р. 686, 7), Арсиноя, тогда как все другие авторы (Diodor., XVII, 107; Plut., *Alex.*, 70; Curt., IV, 5, 1, Justin., XII, 10; Memnon ap. Phot., p. 224 a. 50) называют ее Статирой, как, по словам Плутарха (*Alex.*, 30) и Филарха (у Афиней, XIII, 609 b), называлась также и ее мать; быть может, царица при выходе замуж, так же как и некоторые другие азиатки, переменяла свое персидское имя на греческое. Царица Олимпиада тоже переменяла свое прежнее имя Мирталы (Justin., IX, 7, 13). Амастрина Арриана называется у Диодора (XIX, 109) Амистридой, у Страбона (XII, 20) и на монетах названного по ее имени города — Амастридой; у Артабаза, кроме вышеупомянутой Барсины (Фарсина у Синкелла, с. 504) были следующие дочери: Артакама или Апама (Апамея) и Артонида или Барсина.

⁴¹ Это тоже, может быть, черта, характеризующая быт этой армии; храбрые воины не ожидали этого момента, чтобы искать и найти себе своих азиаток; обоз женщин и детей должен был разделять с ними лагерную жизнь.

⁴² По словам Афиней (XVI, 575 с), эта сатирическая драма Агин «была представлена при праздновании Дионисий на Гидаспе, после того, как Гарпал уже бежал к морю и отложился». Это могло произойти только в 326 году, или в апреле, или в марте месяце, или же в октябре после возвращения с Гифасиса; но как раз в это время в армию явились присланные Гарпалом войска. Афиней написал Гидасп вместо Хоаспа около Суз; к этому времени относится эта сатирическая драма. Авторами ее называются или Пифон из Византии или из Катаны, или же сам царь; византиец Пифон бесспорно тот оратор, который уже стоял в близких отношениях к Филиппу и употреблялся им для важных поручений (см. A. Schäfer, *Demosthenes*, II, стр. 351); судя по рассказываемой про него Афинеем (XII, 550) истории, он был достаточно остроумен для того, чтобы написать сатирическую драму. Два дошедших до нас фрагмента «Агина» (Nauck, *Trag.*, греческ. fr., 630) следующие:

...Теперь там, где растет кальм, стоит

Слева от большой дороги гробница с куполом,

Прекрасное святилище блудницы, после постройки которого
Сам Паллид из-за этой постройки пустился бежать.

И когда некоторые маги варваров

Увидели его там лежащим в жалком виде,

То они обещали огорченному вызвать
Дух Пифионики.

И несколько далее один спрашивает:

...Хотел бы я от тебя услышать,
Так как я живу далеко оттуда, как в Аттике
Идут теперь дела и как теперь живет там.

Другой отвечает (в 326/325 году в Афинах был сильный голод):

Пока они шумели: «мы ведем рабскую жизнь»,
Они обильно столовались; а теперь они жуют
Тощий горох и лук, — пирогам пришел конец.

Первый:

Но я слышу, что много тысяч мешков пшеничной муки,
Больше, чем Агин, им прислал
Гарпал и за это сделан гражданином Афин.

Второй:

То была пшеница Гликеры, бывшая, пожалуй, для Афин
Пиром смерти скорее, чем свадебным пиром для Гликеры.

В данном Гарпалу имени Паллида заключается такая же грубая двусмысленность, как и в гробнице с куполом *ἀέτομα λαρδὸν φέτωμι' ἄορον* у Наука); объяснение отдельных намеков ясно из самого текста.

⁴³ Такова цифра их у Арриана (VII, 5). Плутарх (*Alex.*, 70) говорит о 970 талантах; Курций (X, 2, 10) и Диодор (XVII, 109) собственно вовсе не говорят об этом погашении долгов в Сузах, но думают о сделанных в Описе подарках тем ветеранам, которые не возвращались на родину, смешивая их во всяком случае с тем, что произошло в Сузах.

⁴⁴ *Plut.*, *ibid.*; по Псевдо-Плутарху (*De fort. Alex.*, 2), это был Тарр, очевидно, тот же самый Афаррий, в котором мы нашли возможным узнать типическую фигуру тех преданий, которым следует Курций.

⁴⁵ *Arrian.*, *loc. cit.*, cf. VI, 28.

⁴⁶ Это описание сделано по Арриану (VII, 3), Страбону (XV, 717 сл.), Элиану (*Var. Hist.*, II, 41) и Плутарху (*Alex.* 69). Другие подробности находятся у Филона (с. 879 франкфуртского издания 1691 года), Лукиана (*De mort. Peregr.*, 25, 39), Цицерона (*Tuscul. II*, 22, *De divin.*, I, 23) и др. О разнужданной попойке в память Калана Арриан не упоминает. Показание относительно места этого торжества расходятся между собой; Страбон, по-видимому, принимает за него Пасаргады; это невозможно, так как при нем присутствовал Нearch (fg. 37). Элиан говорит, что костер был воздвигнут в самом красивом предместьи Вавилона; это точно так же неверно, так как Александр прибыл в Вавилон только годом позже, Калан же заболел в персидской земле, как говорит Арриан, или, точнее, в Пасаргадах, по словам Страбона, и спустя недолгое время после этого (по Плутарху) решился сжечь себя на костре. Слоны, бывшие с Гестеионом, и Нearch с экипажем флота могли встретиться только в Сузах, и только там могло произойти это



похоронное торжество, и таково, как кажется, мнение и Арриана. Он, без строгого соблюдения хронологии, сперва описывает смерть Калана, затем возвращение Атропата в Мидию и затем свадьбу; но Атропат, вероятно, оставался еще в Сузах во время свадебного торжества своей дочери и других дочерей персидских вельмож.

⁴⁷ Ἀλεξάνδρου δὲ οὐκ ἐπιεικὲς φανῆναι τὸ θάμα ἐπὶ φίλῳ ἀνδρὶ γιγνόμενον (Arrian., VII, 3, 5).

⁴⁸ По словам Курция (V, 2, 8), Александр удержал потом в своей войске 13 000 пехотцев и 2000 всадников, *senioribus militum in patriam remissis*, и этих ветеранов, по словам Диодора (XVII, 109), следующего тому же самому источнику, было 10 000. Конечно, надежным это свидетельство считать нельзя.

⁴⁹ Arrian., VII, 6. Ср. Плутарха (*Alex.*, 71) и Диодора (XVII, 108), которые, впрочем, неверно связывают непосредственно с этим местом позднейшие события в Сузах. Другие уже обратили внимание на то, что Арриан (VII, 6, 8) ошибочно дает этим войскам имя эпигонов, которое, скорее, подходит к детям македонских солдат и азиатских женщин, заботу о военном воспитании которых царь взял на себя. Подобным же образом, сто лет спустя, в войске Лагидов (Polyb., V, 65) эпигонами назывались не «вооруженные по македонскому образцу воины», но потомки призванных Филадельфом в страну галатов (Schol. ad. Callimach. *In Del.*, p. 165). Арриан (VII, 11, 3) называет эти новые войска персами, а в другом месте (VII, 6, 1) говорит, что они были приведены сатрапами новых городов и завоеванных земель; Диодор (XVII, 108) и Юстин (XII, 12) употребляют выражение «персы». Они, несомненно, не только были персами, но были взяты из различных сатрапий и из тех *βασιλικοὶ παῖδες*, шесть тысяч которых Александр приказал набирать и обучить, когда был еще в Египте.

⁵⁰ Это число кажется странным, так как во время битвы при Гидаспе кроме агемы было восемь гиппархий. Неужели поход по пустыне сопровождался такими значительными потерями, что воинов хватало только для четырех гиппархий? В связи с этими событиями необходимо понимать и показание Арриана (VII, 29, 4), что Александр ввел в состав македонских таксисов прежних персидских меллофоров, 10 000 «бессмертных с украшенными золотыми и серебряными гранатами копьями» (Herod., VII, 40, 83; Arrian., III, 11, 5) и принял в агемы *ὀμότιμοι* (вероятно, *ἔντιμοι* Арриана, II, 11, 8), «родственников», а также, несомненно, и «застольников» персидского царя.

⁵¹ Относительно орфографии имен необходимо сравнить комментаторов Арриана (VII, 6, 5). — Гистасп есть, быть может, называемый Курцием (VI, 2, 7) родственник Дария.

ГЛАВА ВТОРАЯ

¹ Эвлей, как заключает Spiegel (II, 625), основываясь на тождестве позднейшего имени этой реки (Abai в Авесте и Avgai в Бундехеше), есть Курран, река Шустера, который в шести милях ниже этого города соединяется с такою же значительной рекой, Дицфулем. Последняя, по словам Loftus'a

(*Travels*, p. 342), протекает в 1 1/2 милях расстояния от развалин Суз. Непарх со своим флотом поднялся по Паситигриду, т. е. по соединившимся Курану и Дицфулу, *καὶ πρὸς τῇ σχεδὴν ὀρμίζονται, ἐφ' ἣ τὸ στράτευμα διαβιβάσειν ἐμελλεν Ἀλέξανδρος ἐς Σοῦσα* (Arrian., *Ind.*, 42, 7).

² Plin., VI, 26. Ср. Mannert, p. 421; город был выстроен на насыпной земле в десяти стадиях от моря и был отчасти населен жителями прежнего царского города Дурины.

³ Arrian., VII, 7. О гидравлических работах на Тигре см. Strab., XVI, 740. Речные плотины называются у древних катарактами и относительно их поучителен поход императора Юлиана в эти страны; он тоже должен был *avellere cataractas* (Amm. Marc., XXIV, 6), чтобы иметь возможность войти в царский канал (Naag malcha у Аммиана и новейших писателей).

⁴ Felix Jones (см. Приложение об основанных Александром городах в конце третьего тома с примечанием Kierpert'a) определил положение Описа в Тель-Манджуре, на правом берегу теперешнего Тигра. С большей точностью времени их прибытия определить нельзя. От Басры до Багдада, по словам Tavernier, около 60 дней пути водой, а по словам Hackluit'a — 47 (см. Vincent, p. 462), от Суз вниз по реке до моря должно было быть около 30 миль, дня четыре пути; сюда присоединилось для Александра плавание от устьев Эвлея до устьев Тигра, затем остановка при разрушении плотин, затем дальнейшее плавание от Багдада до Описа, наконец обыкновенное в это время года половодье и большие трудности, представляемые плаванием вверх по реке, так что двух-трех месяцев для переезда от Суз до Описа не должно было быть слишком много.

⁵ Никто не говорит о том, что делало войско в течение этих трех печальных дней; только Диодор (XVII, 109) замечает: *ἐπὶ πολὺ τῆς διαφορᾶς αὐξανομένης*. Впрочем в мятеже принимали участие все македонские войска, за исключением части гипаспистов, и большинство офицеров, за исключением ближайших приближенных царя (Arrian., VII, 11, 3).

⁶ Имя среброщитников (*καὶ ἀργυροσπίδων τάξις Περσική*, VII, 11, 3) Арриан употребляет здесь впервые; гипасписты, — если здесь *τάξις* употреблено о гипаспистах в другом смысле, чем в начале походов, — должны были уже ранее получить серебряные щиты; Диодор (XVII, 56) уже в битве при Гавгамелах называет *τὸ τῶν ἀργυροσπίδων πεζῶν τάγμα* и что под этим понимаются все гипасписты — видно из Курция (VI, 13, 27), хотя у него Александр *sentis argentias laminas addidit* только значительно ниже (VIII, 5, 4).

⁷ Арриан ничего не говорит об этом приказе; но он, конечно, был вполне естествен, чтобы дать мятежникам толчок к тому, что они затем сделали. Поэтому мы следовали здесь Полиену (IV, 3, 7), который говорит даже, что обе армии были выстроены в боевой порядок по приказу царя и что он предложил битву македонянам.

⁸ *σπουδῇ ἐξέρεχεται* (Arrian., VII, 11, 5). Плутарх (*Alex.*, 71) говорит, что он заставил их умолять себя два дня и две ночи; он, несомненно, следует Клитарху, который не заботился о том, чтобы выяснить себе реальное положение вещей.

⁹ Число возвращавшихся на родину ветеранов равнялось, по словам Арриана, 10 000 (*τοὺς μυρίους*, VII, 12, 1); то же число дает Диодор (*ὄντων μυρίων*, XVIII, по Иерониму); и поэтому ниже (XVIII, 12) вместо *ὄντας ὑπὲρ τρισμυρίους*

следует писать *ὑπὲρ τοὺς μυριάδας*. По свидетельству Диодора (XVII, 16), это были 6000 пехотинцев, выступивших в поход с царем еще в 334 году, 4000 *των ἐν τῇ παρόδῳ προσειλημένων* (следовательно, из гарнизонов), 1500 всадников, 1000 персидских стрелков и пращников.

¹⁰ Арриан (VII, 12, 4) называет только Кратера и Полисперхонта; Юстин (XII, 12, 8) приводит и другие имена, из которых Антиген, позднейший предводитель аргираспидов, возбуждает сомнения, а Амад совершенно неизвестен.

¹¹ *Μακεδονίας τε καὶ Θράκης καὶ Θεττάλων ἐξηγεῖσθαι καὶ τῶν ἄλλων τῆς ἐλευθερίας* (Arrian., VII, 12, 4). — *jusses praeesse Macedonibus in Antipatri locum* (Justin., XII, 12, 9).

¹² *Ἀντίπατρον δὲ διαδόχου τοῖς ἀποπεμπομένοις ἄγειν Μακεδόνας τῶν ἀκμαζόντων ἐκέλευσεν* (Arrian., VII, 12, 4). — *Antipatrum cum supplemento tigonum in locum ejus evocat* (Justin., *ibid.*). Хотя мы раньше предположили, что некоторые таксисы, т. е. милиция некоторых местностей, остались в Македонии и что в таксисы боевой армии посылались только рекруты их этих округов, то все-таки не видно, были ли впоследствии (с 330 года) для почти двойного числа фаланг, которое имело войско в Индии, посылаемы с родины целые таксисы, или Антипатр получил приказ вести их в Азию только теперь, чтобы заменить мобилизованные фаланги, которые теперь возвращались на родину как ветераны.

¹³ В одном упоминаемом Гиперидом письме (*Pro Eucl.*, 36) она пишет о святилище в Додоне *ὡς ἡ χώρα εἴη ἡ Μολοττία αὐτῆς*.

¹⁴ У Плутарха (*Alex.*, 69) события рассказаны так, как будто бы обе царицы формально разделили между собой власть (*στασιάσασαι διείλοντο τὴν ἀρχήν*). Александр будто бы сказал, что мать его рассчитала лучше, чем сестра, так как никогда македоняне не позволят женщине управлять собой.

¹⁵ *ἔξωθεν Ἀντίπατρος λευκοπάρφος ἐστὶ, τὰ δὲ ἔνδον ὀλοπύρφορος* (Plut., *Aporrbth. reg. [Alex.]*, 17)). Это противопоставление позволяет предположить, что платьем «с белой каймою» обозначается обыкновенный плащ македонских всадников, хотя, как кажется, мы не имеем никаких указаний насчет того, что у него была такая кайма.

¹⁶ Александр посоветовал ему окружить себя своими собственными телохранителями, чтобы находиться в безопасности от покушений своих врагов (Plut., *Alex.*, 39).

¹⁷ Arrian., VII, 12, 6.

¹⁸ Юстин (XII, 14) говорит, что Антипатр недавно наложил жестокие наказания на предводителей побежденных народов (*in praefectos devictarum nationum*) и поэтому полагал, что Александр призывает его в Азию для наказания. Возможно, что после победы его над Агисом народы Фракии почувствовали тяжелую руку Антипатра. Плутарх (*Alex.*, 74) тоже говорит, что весной 323 года к Александру прибыл Кассандр, чтобы опровергнуть многочисленные жалобы на своего отца, которые были принесены царю потерпевшими. При этом случае, как рассказывают, Александр был отравлен.

¹⁹ По словам Плутарха (*Phocion*, 18), когда Александр разгневался на то, что Фокион отказался от предложенных ему 100 талантов, *φίλους μὴ νομίζειν τοὺς μὴδὲν αὐτοῦ δεομένους*, то милостью, которой попросил Фокион, было освобождение четырех заключенных в Сардах; Плутарх называет софиста Ехскрата, Афинодора с Имброса, игравшего в 358 году большую роль во



фракийских делах, и двух родосцев Спартона и Демарата; во всяком случае, последнее имя испорчено; на родосских монетах этого времени встречаются *Δαμάτριος* и *Στράτων* и не о них ли шла здесь речь? Немедленное освобождение Александром заключенных показывает, что они были заключены за политические преступления; что тогда случилось — мы не знаем.

²⁰ Aeschin., *In Ctesiph.*, § 162; Hyperid., *In Demosth.*, IX, 17.

²¹ Plut., Arophth. reg. [*Alex.*, 15]; *Alex.*, 27.

²² В какой форме было сделано это предложение, и не было ли оно сделано в форме приглашения лицам, преданность которых была известна, мы теперь не можем определить. Точно так же неизвестны нам подлинные слова этого требования; ближе всего к ним должны быть те слова, в которых Полибий (XII, 12 а) приводит похвалу Тимея относительно поведения Демосфена и других, *διότι ταῖς Ἀλεξάνδρου τιμαῖς ταῖς ἰσόθεοις ἀντέλεγον*.

²³ Эти слова приводит Элиан (*Var. Hist.*, II, 19) и с большей точностью Плутарх (Arophth. Lac. [*Δαμίδα*ς, или, по предположению Schäfer'a, *Εὐδαμίδα*ς]: *συγχωροῦμεν Ἀλεξάνδρῳ ἐὰν θέλῃ θεὸς καλεῖσθαι*).

²⁴ Впоследствии за это предложение (*ὅτι θεὸν εἰσηγήσατο Ἀλέξανδρον*) Демада был присужден к уплате десяти (Athen., 251 а) или ста талантов штрафа (Aelian, *Var. Hist.*, V, 12).

²⁵ Plut., *Princ. pol.*, p. 804.

²⁶ Не сюда ли следует отнести то место Павсания (I, 25, 3 и VIII, 52, 5), где он говорит, что Леосфен посадил на корабли и перевез из Азии в Европу греков, которые находились на службе у Дария и у сатрапов и которых Александр желал поселить в Азии, числом до 50 000 (?) человек Леосфен был избран ими предводителем (Diodor., XVII, 111), и позднее, при начале Ламийской войны, все-таки мог располагать только 8000 наемников; это уменьшение их количества должно быть объяснено возвращением на родину многих изгнанников. Что Гиперид поддерживал сношения с Леосфеном, как уже раньше с Харетом, который теперь умер, видно из биографии Гиперида (Plut., *Vit. X Orat.*): *συνεβούλευσεν καὶ τὸ ἐπὶ Ταῖνάρῳ ξενικὸν μὴ διαλύσαι οὐ Χάρης ἤγετο, εὐνόως πρὸς τὸν στρατηγὸν διαχειμένο*.

²⁷ О цифре этой олимпиады велся бесконечный спор, так как она представляет большую важность для определения года смерти Александра; мнение Ideler'a (*Abb. der Berl. Acad.* 1820, p. 280) подтверждается, с одной стороны, тем обстоятельством, что афиняне были устранены от празднования 113-й олимпиады (Pausan., V, 21, 5. Ср. Schäfer, III, p. 268) за обман, который позволил себе один афинский гражданин при праздновании 112-й олимпиады; с другой стороны, слова Гиперида (*In Demosth.* XV, 8, изд. Бласса) стоят вне всякого сомнения.

²⁸ Так передает Диодор (XVIII, 8) слова декрета. Эта редакция отчасти подтверждается письмом царя к афинянам: *ἐγὼ μὲν οὐκ ἂν ὑμῖν ἐλευθέραν πόλιν ἔδωκα καὶ ἔνδοξον* и т.д. (Plut., *Alex.*, 28). Официальное его название, по-видимому, было *διάγραμμα*, так, по крайней мере, он назван в надписи Иаса: *κατὰ τὸ διάγραμ[ματοῦ] βασιλέως* (C. I. Graec., n° 2671, строка 45) и в надписи Эреса: *κατὰ τὴν διαγραφὰν τῷ βασιλέως Ἀλεξάνδρῳ* (Sauppe, *Comment. de duabus inscr. Lesb.* II, строка 25). Гиперид называет его *ἐπιτάγματα*.

²⁹ Diodor., XVII, 109; XVIII, 8. Curt., X, 2. Iustin., XIII, 5. Dinarch., *In Demosth.*, 81 и 103. Тех, относительно которых было сделано исключение в

законе о возвращении на родину, Диодор один раз называет *πλὴν τῶν ἐνάγων*, а другой раз *πλὴν τῶν ἱεροσύλων καὶ φονέων*. Курций говорит: *exsules praeter eos, qui civili sanguine aspersi erant*, Юстин: *praeter caedis damnatos*. — В речи *De foed. Alex.*, находящейся между речами Демосфена, думали найти намеки на этот приказ Александра и на этом основании определить ее дату (Becker, Demosthenes als Redner und Staatsmann, p. 265); это ошибочно, так как она может принадлежать только времени между 333 и 330 годами. На результаты декрета, позволившего изгнанникам различных городов возвратиться на родину, мы имеем указания в надписях многих городов, две из них воспроизведены ниже в *Приложениях*. Особенный интерес представляет надпись, найденная Сопзе в Митилене и изданная им в отчета о своем путешествии (табл. VII, 2) на Лесбос. Blass (*Hermes*, XIII, 384) доказал, что она составляет часть надписи, помещенной в С. I. Граес., II, 2166 b и дополняет ее.

³⁰ Более точные детали этого изнания находятся у Curtius'a (*Inschriften und Studien zur Geschichte von Samos*, 1877, p. 21), где приводится также и постановление, в котором возвратившиеся на родину самосцы благодарили Горга и Минния из Иаса.

³¹ Эта высказанная мною раньше в виде предположения связь событий подтверждается теперь отрывками папируса, заключавшего в себе речи Гиперида, что и доказал в особенности von Duhn, *Zur Geschichte des heraklischen Processes* (Fleckeisens Jahrbücher, 1871, p. 33).

³² Plut., Demosth., 25. — *πρὸς τὴν Ἑλλάδα* (не *ὀλυμπιάδα*, как исправляет von Duhn чтение *ἐλπίδα*) *προσέπεσεν ὥστε μηδένα προαισθῆσθαι* (Hyperid., *In Demosth.*, XV, 1 издание Бласса).

³³ Диодор (XVII, 108) говорит, что это требование пришло от Антипатра и Олимпиада; у Фотия, Плутарха (Vit. X Pratt. [Demosth.]) и у других авторов речь идет только об Антипатре; Павсаний (II, 33) говорит, что Филоксен потребовал его выдачи, и только Филоксен называется в речи Гиперида против Демосфена (*οἱ παρὰ Φιλοξένου*, I, 14. 21).

³⁴ Curt., X, 2, 2. Iustin., XIII, 5 и особенно тост Горга у Афиня (XII, стр. 537), приводимый им со слов Эфиппа. Горг возвестил через глашатая, что он дает Александру венок в 3000 золотых статеров и, когда он будет осаждать Афины, 10 000 паноплий, столько же катапульт и все другие потребные для осады орудия.

³⁵ *καὶ περὶ τοῦ τοὺς κοινούς συλλόγους Ἀχαιῶν τε καὶ Ἀρχάδων* (Hyper., *In Demosth.*, XV).

³⁶ По словам Элиана (*Var. Hist.*, II, 12), Демад предложил присоединить Александра тринадцатым к циклу двенадцати олимпийских богов. Текст мнения, выраженного, по словам Гиперида (*In Demosth.*, XXV, издание Бласса), Демосфеном, к сожалению, крайне испорчен; Бласс дополнил его так: *σγγχωρεῖν Ἀλεξάνδρῳ καὶ τοῦ Διὸς καὶ τοῦ Ποσειδῶνος εἶναι εἰ βούλῃτο καὶ ἀφιχομένον...* (*Hermes*, X, 33); Sauppe предложил читать: *...Ποσειδῶνος εἶναι υἱῷ, εἰ βούλῃτο καὶ ἂ φίλῃον εἴη αὐτῷ ἀπενέγκασθαι...*

³⁷ Diodor., XVII, 108. Arrian., *De rebus succ.*, § 16, у Müller'a, *Fragm.*, p. 242. Pausan., II, 34, 4. Несколько лет спустя в Афинах было издано в честь его почетное постановление, вошедшее в С. I. Attic., II, n° 231.

³⁸ Словами Динарха (*In Demosth.*, § 68) нимало не опровергается тот факт, что эти списки уже находились в Афинах в то время, когда дело перешло на

разбирательство суда присяжных; раб, показание которого было прислано Филоксеном, был сначала сам допрошен в Афинах под пыткой, хотя его показание должно было бы иметь законную силу в глазах афинских судей.

³⁹ Athen., XV, 592. Но это показание сомнительно не потому, что оно заимствовано из апокрифической речи под заглавием *περὶ χρισίου* или под каким-либо иным заглавием (Schäfer, III, 128), но потому, что упоминание о появлении детей без матери, как это здесь мотивируется, скорее встречалось в речи обвинителя, если только оно, вообще, не есть продукт литературных сплетен. Динах в своей речи *Против Демосфена*, § 94, упоминает о попытке Демосфена придать другой оборот процессу с помощью *εἰσαγγελία*, что Каллимедонт желает собрать в Мегаре изгнанников и испровергнуть демократию. Дальнейшие детали этих процессов собраны с его обычной точностью Schäfer'ом (III, 295), к которому я здесь и отсылаю читателя.

⁴⁰ Судя по второму из апокрифических писем Демосфена, в самом начале.

⁴¹ Демада был, несомненно, осужден в процессе по делу Гарпала (Dinarch., In Aristogit., §14). Тот же самый Динарх (*In Demosth.*, § 104) говорит, что Демада открыто признало в том, что брал деньги и вперед будет брать, но в то же время не решился лично предстать перед судом (*αὐτοῖς δεῖξαι τὸ πρόσωπον*) и защищаться далее против показания ареопага. По добытым следствием данным он получил шесть тысяч статеров (двадцать талантов); если он даже был настолько богат, что раз противозаконным образом мог вывести на сцену сто чужеземных танцоров и заплатить за каждого законный штраф в тысячу драхм, то установленный законом пятерной или даже десятерной штраф за подкуп должен был разорить его; если бы он не мог уплатить его, он должен был бы или бежать, или подвергнуться заключению в темнице. Вместо этого шесть месяцев спустя мы находим его при вести о смерти Александра на ораторской трибуне (Plut., *Phocion*, 22); быть может, этот штраф был прощен ему народом во внимание к Александру и к сделанному из этих денег употреблению, как это было сделано с Лахетом, сыном Меланопы (Demosth., *Epist.* III, стр. 642); его репутация падает только по смерти Александра; он был осужден за три или даже за семь параномий (Diodor., XVIII, 18; Plut., *Phocion*, 26) и, так как он не мог уплатить законного штрафа, то был объявлен *ἄτιμος*. Среди этих параномий главное место, бесспорно, занимало предложение объявить Александра богом; заплатить за это десять талантов, как утверждает Афиней, было бы для него нетрудно; 100 талантов у Элиана дают нам более правдоподобную цифру.

⁴² Ликург умер еще до начала процессов по делу Гарпала [Plut., *Vit. X Oratt.* (*Hyperid.*)]. Ср. Böckh, *Staatshaushaltung*, II, p. 244). На первый план выступил не исполненный легкомыслия и доктринерства Гиперид, но юный Пифей, обнаруживший себя сторонником Македонии, Стратокл, Мнесехм, Прокл, люди самого дурного типа.

⁴³ Мы не имеем никаких оснований заключить, что Александр сделал уступки афинянам по вопросу об изгнанниках; если Арриан (VII, 19, 2) и относит к этому времени возвращение на родину статуй Гармодия и Аристокитона, то он уже упоминал об нем (III, 16, 7), как об отданном в 331 году в Сузах приказе.

⁴⁴ *ταύτην τάξιν, ἣν ῥαδίως ἐκ τῶν ὑπαρχουσῶν καὶ πεισθήσονται καὶ δυνήσονται κοινωπεῖν* (Aristot., *Polit.*, IV, 1, 4 и 11, 1).

⁴⁵ *κατασπείρας τὴν Ἀσίαν Ἑλληνικοῖς τέλεσιν* (вместо чего следует читать не *γένεσιν* или *ἔθεσιν*, но *πόλεσιν*) — *οὐ γὰρ ληστροικῶς τὴν Ἀσίαν καταδραμῶν οὐδὲ ὡς περ ἄρπαγμα καὶ λάφυρον εὐτυχίας ἀνεπίστου σπαράξαι καὶ ἀνασύρασθαι διανοηθεῖς* и т.д. [(Plut), *De fort. Alex.*, I, 5, 8].

⁴⁶ Пусть читатели сравнят меткую критику Эратосфена (у Страбона, I, 66) на данный Аристотелем Александру совет *τοῖς μὲν Ἑλλήσιν ὡς φίλοις χρῆσθαι, τοῖς δὲ βαρβάροις ὡς πολεμίοις*. Эратосфен замечает на это *βελτίον εἶναι ἄρετῆ καὶ κακία διαρεῖν ταῦτα*, и прибавляет, что Александр действовал сообразно с этим.

⁴⁷ C. I. Graec., II, n° 2166.

⁴⁸ По словам большой, найденной Conze и комментированной Sauppe (*Comment. de duabus inscr. Lesb.*) надписи. Это место гласит: *αἱ μὲν κατὰ τῶν φυγάδων κρίσεις αἱ κριθεῖσαι ὑπὸ Ἀλεξάνδρου κυρίου ἔστωσαν καὶ ὦν κατέγνω φυγῆν, φευγέτωσαν μὲν, ἀγωγίμου δὲ μὴ ἔστωσαν*.

⁴⁹ C. I. Graec., II, n° 2671.

⁵⁰ C. I. Graec., II, n° 3137: это надпись, имеющая большую важность для всего вопроса о колонизации.

⁵¹ Первыми сведениями о царских именах, *βασιλική χώρα* и живущих там *βασιλικοί λαοί* мы обязаны найденной Schliemann'ом в Гиссарлике надписи (*Trojanische Alterthümer*, p. 203).

⁵² Plut., *Phocion*, 18.

⁵³ *ὅσοι σατράπαι ἢ ὑπαρχοὶ ἢ νομάρχαι ἀπολείποντο* (Arrian., VI, 27, 4). Объяснение слова «номарх» мы, быть может, найдем в том месте Геродота (V, 102), где он рассказывает, как при нападении ионян на Сарды туда спешат *οἱ Πέρσαι οἱ ἐντὸς Ἄλως ποταμοῦ νομοῦς ἔγοντες*, так как отсутствие члена не позволяет нам понимать под словом *νομοί* сатрапии, как их называл в других местах этим словом Геродот.

⁵⁴ *ἡμιόδιος Ἀλεξάνδρου γενόμενος περὶ Βαβυλῶνος* ((Aristot), *Oeconot.*, II, 35), если только в этом месте указывается на должность, а не скрывается под исторченным текстом что-либо совершенно иное.

⁵⁵ Плутарх (*Alex.*, 42) приводит данные Александром «Мегабизу» эфесского храма Артемиды инструкции.

⁵⁶ *τὰ δὲ πολλὰ τοῦ πολέμου γνώμη καὶ χρημάτων περιουσία κρατεῖσθαι* (Thucyd., II, 13, 2). — *αὐτουργοὶ τε γὰρ εἰσιν οἱ Πελοποννήσιοι καὶ οὔτε ἰδίᾳ οὔτε ἐν κοινῷ χρεῖματὰ ἐστὶν αὐτοῖς* (Thucyd., I, 141, 3).

⁵⁷ Иначе определяет величину этой суммы Диодор (XVII, 66). Он насчитывает «более 40 000 талантов золота и серебра в слитках и, кроме того, 9000 талантов *χρυσῶν χαρακτῆρα δαρεικὸν ἔχοντα*». Далее (XVII, 71) он говорит, что в *Θησαυροῖς* Персеполя было найдено более 120 000 *ταλάντων εἰς ἀργυρίου λόγον ἀγομένου τοῦ χρυσίου*.

⁵⁸ Так в Сузах было найдено на 5000 талантов пурпурных тканей, которые собирались там в течение 120 лет и были еще совершенно свежи и прекрасны (Plut., *Alex.*, 36).

⁵⁹ Здесь уместно напомнить об упомянутом выше (прим. 5 к гл. I II кн.) факте, что по словам Ликурга, в его финансовом отчете в Афинах можно было покупать золото в такой пропорции относительно серебра, которая равнялась отношению 1 : 11, 47, тогда как во время Филиппа ценность его равнялась 1 : 12, 51, а в начале царствования Александра 1 : 12, 30.

⁶⁰ Так, например, Афины, преобладающее значение которых для хлебной торговли уже раньше оспаривалось Византием (Demosth., *De pace*, §25) и Родосом (Lysurg., *In Leocrat.* § 18), принуждены были весьма много потратить в пользу Родоса от обширных хлебных спекуляций Клеомена в Египте [(Demosth.), *In Dionysiodor.*, § 7–10]. Из выражения *Κλεομένους τοῦ ἐν τῇ Αἰγύπτῳ ἄρξαντος* А. Schäfer справедливо заключил, что эта речь написана около 322–321 года.

⁶¹ Юстин (XIII, 1) говорит, что при смерти Александра *erant in thesauris quinquaginta millia talentum, et in annuo vectigali tributo tricena millia*.

⁶² Псевдо-Аристотель (*Oecon.*, II, 39) говорит, что родосец Антимен приказал сатрапам, через области которых проходили войска, *τοὺς δημοσίων τοὺς παρὰ τὰς ὁδοὺς ἀναπληροῦν κατὰ τὸν νόμον τὸν τῆς χώρας*, и продавал затем из этих магазинов войскам то, в чем они нуждались. Та же система прилагалась относительно придуманных Филоксеном (*Oecon.*, II, 32) добровольных приношений, вынуждавшихся открытой силой.

⁶³ O. Müller, *Orchomenos*, p. 57.

⁶⁴ [Plut.], *De fort. Alex.*, II, 13.

⁶⁵ Мы здесь с намерением не коснулись монетной системы Александра, общей единицы веса, введенной им в своем государстве, крайне замечательной многочисленности типов монет и т. д. Прекрасная работа L. Müller'a (*Nismatique d' Alexandre le Grand*, 1855) открыла нам такие точки зрения, которые, хотя и не всегда выдерживают критику, но имеют свое значение для исторического исследования.

⁶⁶ *οὐ γὰρ ληστρικῶς τὴν Ἀσίαν καταδραμῶν οὐδὲ ὡσπερ ἄρπαγμα καὶ λάφυρον εὐτυχίας ἀνεπίστου σπαράξαι καὶ ἀνασύρασαι διανοηθεῖς... ἀλλ' ἐνὸς ὑπήκοα λόγου τὰ ἐπὶ γῆς καὶ μιᾶς πολιτείας, ἓνα δῆμον ἀνθρώπους ἅπαντας ἀποφῆναι βουλόμενος, οὕτως* и т. д. [(Plut.), *De fort. Alex.*, I, 8].

⁶⁷ *ὡσπερ ἐν κρατῆρι φιλότιτος μίξας τοὺς βίους καὶ τὰ ἥδη... πατρίδα μὲν τὴν οἰκουμένην ἠγείσθαι προσέταξεν πάντας* и т. д. [(Plut.), *De fort. Alex.*, I, 6].

⁶⁸ *Non levem et Alexandri Magni temporibus auctoritatem addidit professioni secundus Osthanes comitatu ejus exornatus planeque, quod nemo dubitet, orbem terrarum peragravit etc.* [Plin., *Hist. Nat.* XXX, 2 (§ 11 ed. Detlefsen)].

⁶⁹ К тому, что нами выше сказано об Аммонии, мы прибавим здесь в виде дополнения еще слова Плутарха (*Alex.*, 27): *λέγεται δὲ καὶ Ψάμμινος ἐν Αἰγύπτῳ τοῦ φιλοσόφου διακούσας ἀποδέξασθαι μάλιστα τῶν λεχθέντων ὅτι πάντες οἱ ἄνθρωποι βασιλεύονται ὑπὸ θεοῦ· τὸ γὰρ ἄρχον ἐν ἐκάστῳ καὶ κρατοῦν θεῖόν ἐστιν* κтл.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

¹ «Tant de campagnes laborieuses, qui avaient usé mon temperament, et mon âge avancé, qui commençait à me faire ressentir les infirmités qui en sont la suite nécessaire, me faisaient entrevoir comme prochaine la fin de ma carrière» (*Oeuvres de Frederic de Grand*, VI, p. 2).

² Isidor. Charac., p. 248 изд. Müller'a (*Geogr. Minor.*). Более точно проследил этот путь Masson (*Journ. of the Asiat. Soc.* XII, 1850, p. 97), а Mordtmann

(в *Ber. der Münchener Akad.*, 1876, IV, p. 360 сл.) пояснил его. Диодор (XVII, 110), сообщая подробности об этой дороге (у Арриана здесь находится пробел перед VII, 13), совершенно пропускает переход из Суз до Описа и рассказывает так, как будто Александр из Суз направился по дороге в Мидию.

³ Еще и теперь изобилующий скульптурными украшениями и надписями западный вход в проходы Биситуна (или, как это Mordtmann считает более правильным, Бегистуна) называется Tank-i-Bostan, «свод сада», и Диодор (II, 13) рассказывает, что Семирамида приказала разбить у горы Багистана сад в двенадцать стадий в окружности и украсить гору скульптурной работой.

⁴ Нисейские поля, по Mordtmann'у (с. 369 сл.), лежат западнее между *Χαλωνίτις* и *Κάρια* Исидора, т. е. между нынешними Серпулом и Кериндом; он, конечно, прав, что $\text{N} \dot{\iota} \zeta \acute{\alpha} \text{y} \text{a}$, где Дарий I разбил Гаумату, есть эта же Нисейская равнина; находится ли упоминаемое в Бегистунской надписи место битвы *Sikthanvatis*, «замок сокола» около деревни Зидж-пайтак, остается неизвестным.

⁵ Ни Птолемей, ни Аристокл не рассказывали об этом (Arrian., VII, 13). Преувеличения происходят от Клитарха (Strab., IX, 420. Ср. Plut., *Alex.*, 41). Это время рационализма старалось найти историческое подтверждение мифа об амазонках, и можно предположить, что сатрап Мидии после частных расспросов об этом доставил царю нечто подобное им, что он мог найти в своей сатрапии. Женщины так называемых кочевых племен гор независимее, мужественнее и сильнее других азиатских женщин, они принимают участие во всех походах и во всех опасностях своей орды, и Malcolm (II, 446, нем. пер.) рассказывает как очевидец интересный пример смелости и ловкости, с какою одна курдская девушка объезжала коня. Плутарх называет авторитеты за и против истории об амазонках; Онесикрит, принадлежащий к величайшим лжецам, читал однажды царю Лисимаху относящееся к этому место из четвертой книги своих *«Меморабилиум»*, после чего Лисимах сказал: «Где же мог я быть в это время!»

⁶ Plut., *Eumen.*, 2. Неизвестно, что в этом рассказе заимствовано из Диодора и, следовательно, сомнительно. В высшей степени подозрительным делает этот рассказ приведенная сумма, особенно если принять во внимание, что тогда вступили в исполнение своих обязанностей 33 триерарха. Что касса царя среди его грандиозных успехов в Индии могла до такой степени истощиться (*χερήματα οὐ γὰρ ἦν ἐν τῷ βασιλείῳ*, Plut.), тоже весьма странно.

⁷ Plut., *Alex.*, 39.

⁸ Это приблизительно вытекает из текста Плутарха (*Eumen.*, 2) и из двух первых строчек Арриана (VII, 13) после пробела.

⁹ Эти хронологические данные вытекают из слов Диодора (XVII, 110), который определяет пятьдесят дней для перехода из Описа в Экбатаны.

¹⁰ Я не сомневаюсь, что сюда должно быть отнесено замечание Полибия (X, 4, 3) о том, что по приказу царя Александра Мидия была наполнена множеством греческих городов.

¹¹ Насколько мне известно, предание не говорит о том, когда праздновались Дионисии по македонскому обычаю.

¹² Polyb., X, 17.

¹³ Это, быть может, тот «металлеут» Горг, о котором говорит Страбон в цитированном выше (прим. 84 к гл. 3 III кн.) месте; вероятно, это был тот

самый иасосец, который выступил перед Александром в защиту изгнанных афинскими клерухами самосцев, о чем подробно говорится в надписи, изданной G. Curtius'ом (*Urkunden zur Geschichte von Samos*, p. 40). В надписи он называется сыном Теодота и таким образом падает попытка отождествить этого Горга с основателем Амбракии (Γόργου τοῦ Κυψέλου χτίσιμα, пишет Meinecke вместо Τόλγου. Strab., VII, 325).

¹⁴ Ephipp., fr, 3, где сатрап называется Сатрабатом.

¹⁵ Arrian., VII, 14. Plut., *Alex.*, 72. Рассказ Плутарха изобличает свое происхождение.

¹⁶ Diodor., XVII, 110, 114. Арриан в своем умном и исполненном достоинства рассказе говорит (VII, 14): «О скорби Александра ходят различные рассказы, но все согласны в том, что она была весьма велика; о том, что он сделал, каждый рассказывает различно, смотря по тому, чувствует ли он любовь к Гефестиону, или зависть к нему и к самому царю. Из тех, чей рассказ наполнен преувеличениями, одни, как мне кажется, думали превознести царя, передавая его полные безмерной тоски слова и поступки перед телом этого человека, который ему был всех дороже, другие же — умалить его, представляя его поведение недостойным царя и Александра; одни говорят, что он весь день лежал на его теле и рыдал и что друзья должны были увести его силой, — другие, что он велел «распять на кресте врага, потому что тот дал ему дурное лекарство» (так говорит Плутарх), не желая видеть, что Гефестион умер от злоупотребления вином; рассказ о том, что Александр в честь умершего отрезал свои волосы, кажется правдоподобным и вообще и как подражание тому, что Ахилл сделал у гроба Патрокла; рассказ же о том, что он сам ехал на погребальной колеснице, неправдоподобен. Другие рассказывают, что он приказал разрушить храм Асклепия в Экбатанах; это было бы варварством и напоминало бы не Александра, а Ксеркса. Правдоподобнее мне кажется рассказ о том, что, когда по дороге в Вавилон к Александру прибыло много посольств из Греции и в том числе посольство Эпидавра, где находился знаменитый храм Асклепия, то он согласился на все, чего они желали и, кроме того, дал им дар для их бога и сказал: хотя ваш бог и дурно поступил со мною тем, что не спас мне друга, которого я люблю, как свою собственную голову, но я все-таки желаю почтить его! Затем большинство авторов пишет, что он приказал чтить Гефестиона как героя; другие прибавляют, что он послал в храм Аммона спросить, позволяет ли он приносить Гефестиону жертвы, как богу, и что это не было позволено». Так рассказывает Арриан. Иначе рассказывает Плутарх; каким авторитетам он следует, мы можем заключить из критики Арриана; но он говорит (*Pelop.*, 34): «От скорби Александр почти лишился рассудка; в знак печали он приказал отрезать хвосты и гривы всем лошадям и вьючным животным, а в городах страны разрушить башни на стенах»... Он рассказывает также (*Alex.*, 72), что, «чтобы рассеяться, он пошел в поход против коссеев, как на охоту за людьми, приказал перебить весь этот народ и назвал это погребальным торжеством в честь Гефестиона». Точно так же невероятна и история о самосце Агафокле, рассказываемая Лукианом в книге «*О недоверии к клевете*».

¹⁷ σφάς τε αὐτοῦς καὶ τὰ ὄπλα ἠφαιστίῳ ἀνέδρασαν ἀποθανόντι (Arrian., VII, 14, 9). Это выражение по меньшей мере неясно, так как слова Диодора (XVII,

115): κατασκεύαζεν εἶδωλα δι' ἐλέφαντος καὶ χρυσοῦ καὶ τῶν ἄλλων τῶν θαυμαζομένων παρ' ἀνθρώποις не заключают в себе ничего подобного.

¹⁸ Arrian., VII, 15. Diodor., XVII, 112. XIX, 20 Plut., *Alex.* 72. Strab., XVII, 744; Polyaeu., IV, 3, 31. Мы уже заметили выше, что их имя, в действительности тождественное с именем уксиев, только у греческих авторов означает совершенно другой народ. Победенные Александром илоты должны были жить в долинах верхних притоков Керки и реки Дизфуля.

¹⁹ Arrian., VII, 15, 5. В этом месте Арриан не говорит, что в числе послов находились греки, как это утверждает Диодор, но это можно заключить из другого места (VII, 14, 6).

²⁰ Об этом союзе упоминает Ливий (VIII, 17).

²¹ Strab., V, 232. Хотя посольство римлян к Александру и является в приукрашенном виде в позднейших историях Александра, принадлежащих перу Ариста и Асклепиада (Arrian., VII, 5), но в настоящем случае служит довольно достоверным свидетельством то, что, по словам Плиния (*Hist. Nat.*, III, 9), о нем упоминал Клитарх; Клитарх писал в такое время, когда имя римлян не представляло ничего важного. Аристотель упоминает о Риме, за исключением короткой заметки о летних растениях (*De plant.*, I, 7, 821 b), только в одном отрывке у Плутарха (*Camill.*, 22) и Плутарх поправляет его: 'Αριστοτέλης δὲ τὸ μὲν ἀλῶναι τὴν πόλιν ὑπὸ Κελτῶν ἀκριβῶς δῆλός ἐστιν ἀκηκόως, τὸν δὲ σώσαντα Λεύκιον εἶναι φησιν — ἦν δὲ Μάρκος, οὐ Λεύκιος, ὁ Κάμιλλος, что, естественно, может означать только то, что Аристотель дал спасителю Рима неверное имя. Плиний (*Hist. Nat.*, III, 9) говорит: Theophrastus primus externorum aliqua de Romanis diligentius scripsit, nam Theopompus, ante quem nemo mentionem habuit, urbem dumtaxat a Gallis captam dicit Clitarchus ab eo proximus legationem tantum ad Alexandrum missam; о мнимом пожаре Рима эти древнейшие авторы ничего не знают. Если Ливий (IX, 18) говорит: Alexandrum ne fama quidem illis notum fuisse arbitror, то это доказывает так же мало, как и молчание римских анналистов о подобном посольстве (οὔτε τις Ῥωμαίων ὑπὲρ τῆς πρεσβείας ταύτης μνήμην ἐποιήσατό τινα, Arrian., VII, 15, 6). Во всяком случае, стоящие в условиях мирного договора 338 года до Р. Х. слова interdictum est mari Antiati populo (Liv., VIII, 14), существенно отличающиеся от приведенных выше условий того же мира (Liv., VIII, 11), вовсе не доказывают, что отныне имя антиатских пиратов исчезло с морей. Слова Ливия: Antium nova colonia missa... navis inde longae abactae, interdictum mari Antiati populo est et civitas data, заключают в себе, как это доказали Zöllner и другие, множество ошибок: если двадцать лет спустя антиаты жалуются в Риме, что они живут sine legibus et sine magistratibus (Liv., IX, 20), то это ясно показывает, что civitas и право записываться в колонисты не было дано всем антиатам вообще, но что выведенная туда римская колония и populus антицев не имели ни общих прав, ни общих должностных лиц.

²² По народному постановлению, на предложение Кефисофонта (Böckh, *Seeurkunden*, XIV, a, 222 с относящимся сюда комментарием на с. 457 сл.), эта экспедиция должна была выйти в море ранее 10 Мунихиона, СХIII, 4 олимпиады (май 324 года) и ей должен был предводительствовать Лаккиад Мильтиад. Сама эта попытка основать колонию могла дать этрускам повод к жалобам, которые посольство должно было принести.

²³ По словам Фронтиня (*Strateg.*, I, 2, 3). карфагеняне прислали к Александру, cum animadvertissent Alexandri ita magnas opes, ut Africae quoque immineret, unum ex civibus, virum acrem, nomine Hamilcarem Rodinum (?), где он под видом изгнанника сумел войти в милость к царю, qua is potitus consilia ejus nota suis civibus fecit. Из сообщаемых Юстином (XXI, 6, 1) подробностей видно, что эта стратегема заимствована из Трога Помпея.

²⁴ Усматривать в данном Гераклиду поручении намерение предпринять впоследствии поход против скифов позволяет нам, кроме правдоподобности такого плана самого по себе, еще и упоминаемый Аррианом (VII, 1, 3) слух.

²⁵ Арриан (VII, 16, 13) говорит: «Александр предпочел бы умереть раньше Гефестиона, чем пережить его, точно так же, как и Ахилл предпочел бы умереть ранее Патрокла, чем сделаться мстителем за его смерть.

²⁶ Arrian., VII, 16, 5. По Плутарху и Диодору, халдеи, боясь говорить с Александром (?), передали свои предостережения адмиралу Нearchу, который действительно уже прибыл со своим флотом.

²⁷ Это сведение сообщает нам Диодор (XVII, 112). Плутарх говорит, что царь не обратил никакого внимания на предостережения халдеев; но, приблизившись к стенам города, он увидел множество яростно бившихся между собою воронов, из которых многие попадали мертвыми рядом с ним. Юстин говорит, что это происходило в Борсиппе, но этот священный город находился на западном берегу Евфрата.

²⁸ Так говорит Арриан (VII, 27) об этих слухах и о связанных с ними дальнейших событиях. Полный рассказ находится у Плутарха (*Alex.*, 74), кое-какие подробности — у Диодора (XVII, 118).

²⁹ Plut., *Alex.*, 74. Арриан (VII, 19) называет в особенности статую Артемиды Келкейской (ср. С. I. Граес., II, р. 47, n° 1947) и статуи героев Гармодия и Аристокитона, о возвращении которых он упоминает уже выше (III, 16, 7), на первом месте положительно, здесь — с оговоркой λέγουται.

³⁰ Arrian., VII, 17, 4. Strab., XVI, 738.

³¹ В недавнее время были приведены серьезные доказательства того, что описание Вавилона у Диодора (II, 7 слл.) было заимствовано из Клитарха. Мы вряд ли имеем право сомневаться в том, что система канализации и гидравлические работы на Евфрате до Сиппары и выше, и что город с его зданиями во время Александра были еще почти целы. Со времени Навуходоносора для регулирования разливов реки существовало четыре больших канала между Сиппарой и Вавилоном, ведущих в Тигр, и большой бассейн около Сиппары, на левом берегу Евфрата, и два больших канала на правом берегу, — Наарзан, проведенный выше Вавилона, и Паллакопа, находившийся в 800 стадиях ниже Вавилона. Из Фапсака по Евфрату в Вавилон могли спускаться пентеры и теттеры; Нearch с флотом поднялся по Евфрату до Вавилона, триеры из Евфрата проникли по царскому каналу в Тиф и это показывает, что грандиозная система канализации, на которой основывалась торговля, плодородие и в значительной степени также и населенность вавилонской области, еще вовсе не пришла в упадок. В этой связи приобретают свое значение и дополнительные работы, произведенные Александром. Он приказал вырыть в окрестностях Вавилона второй обширный бассейн с верфями для тысячи больших кораблей (Arrian., VII, 19, 4) и распорядился переменить место, где Паллакопа соединялся с рекой, так как прежнее место, где берега были низки и болотис-

ты, не представляло достаточной защиты, и во время половодья низменность позади плотины заливалась водой на обширное пространство; на милю далее Александр нашел на правом берегу реки место, где можно было удобно преграждать доступ водам *ὑπὸ στεγρότητος τῆς γῆς*. Такой берег, «высокий и глинистый», Петерсгапп видел во время своей поездки из Вавилона в Зук-е-Шеух, около Замвата, — место, весьма замечательное и в других отношениях и вполне оправдывающее основание там царем Александрии (VII, 21, 7).

³² Арриан, как это замечает Матпен, явно ошибается относительно расстояния этого острова от устья Евфрата; по крайней мере, Страбон (XV, 381) совершенно ясен.

³³ По Страбону (XV, 382), Тил, или Тир, находился на один день пути от мыса Макеты и в десяти днях от Теридона (Диридотида) и устья Евфрата; но там нет ни одного острова, который можно было бы назвать большим.

³⁴ Еще Матпен узнал этот мыс в *Corondanum* Птолемея, в нынешнем Курриате или Рас-Акание, и Онесикрит, кажется, ошибался, принимая его за тот же самый мыс (Макету), который показался на западе во время плаванья из Индии (Arrian., Ind., 23).

³⁵ Вероятно, этот канал, имени которого не называет Страбон, хотя и упоминает о возведенных на нем сооружениях, подразумевает Эдризю (с. 304), когда говорит: «от крепости Эбн-Гобайра Евфрат протекает по области Куфе, причем избыток его вод собирается в озере». Это озеро — Румья, которое в начале семнадцатого столетия еще не пересохло, точно занесено на карте Вавилонии, составленной Rennel'ем.

³⁶ Этот город, получивший имя Александрии, вероятно, находился приблизительно на месте нынешнего Мезджид-Али (Ги́ра). На пути из Багдада к развалинам Вавилона Mignap нашел на берегах одного канала развалины, тоже носившие имя Искандеры; древним писателям неизвестен на этом месте город Александрия.

³⁷ Таков рассказ Аристубула у Арриана (VII, 22); другие писатели говорят, что этот матрос был казнен; другие, что диадему достал и обернул ею свою голову Селевк, чтобы возвратиться с ней вплавь, — очевидное доказательство могущества, которое сулила ему в будущем судьба.

³⁸ Этот Менандр есть упомянутый выше (с. 179) сатрап; надпись с его именем, помещенная в С. I. Graes. (II n°, 3561), более точно и полно издана теперь в *Bulletin de correspondance hellénique* (1877, I, с. 54); начало ее гласит: *Θεὸς τύχη ἀγαθῇ. Βασιλεύοντος Ἀλεξάνδρου ἔτει ἐνδεκάτῳ, Μενάνδρου σατραπεύοντος, ἐπὶ πρυτάνιος Ἰσαγόρου* κтл. Речь идет о невозделанном участке земли (*γῆν ψιλὴν ἀγρόν*), лежащем рядом с принадлежащим Кратеру возделанным участком, который он передает Аристому. Одиннадцатый год царствования Александра кончается осенью 325 года; минимум год спустя сатрап должен был выступить с войсками, которые он вел в Вавилон.

³⁹ Весной 327 года Александр, находясь в Навтаке, послал Менида, Эпокилла и Сополида *εἰς Μακεδониάν, τὴν στρατιάν τὴν ἐκ Μακεδονίας αὐτῷ ἀνάξοντα* (Arrian., IV, 18, 3). Из слов Арриана (VII, 23, 1): *καὶ Μενίδα* τοὺς ἰππέας ἄγων τοὺς αὐτῷ ξυнтаχθέντας мы имеем право заключить, что Менид только теперь присоединился к находившейся в походе армии.

⁴⁰ Мнение Böckh'a (*Staatsbaushaltung*, I² 380) относительно *δεκαστάτηρος* и размеров жалованья в македонском войске основывается на далеко недо-

казанном предположении, что во время Александра тетрадрахма уже называлась статером. Мы можем несколько выяснить этот вопрос, сопоставляя употребляемые Аррианом названия *δεκαστάτηρος*, *διμιρίτης* и т.д.) с указаниями Диодора (XVII, 64) и Курция (V, 1, 45). По их словам, по вступлении в Вавилон осенью 331 года, награды были распределены таким образом, что

каждый македонский всадник получил	6 мин — 600 драхм
всадник союзников	5 » — 500 »
фалангит	2 » — 200 »
<i>ξένος</i>	жалованье за 2 месяца.

Конечно, этот список не полон, так как между всадниками, кроме македонян и союзников, находились также наемники, а между пехотой, кроме фалангитов и *ξένοι*, гипасписты и союзники, не говоря уже о фракийцах, агрианах и стрелках. Арриан (VII, 5, 3) говорит, что декастатеры получили свое имя от жалованья, которое они получали в меньшем размере, чем димириты, и в большем, чем обыкновенные солдаты (*τῶν οὐκ ἐν τιμῇ στρατευομένων*). Следовательно, получающие 10 статеров жалованья занимают середину между димиритами и фалангитами. Не имеем ли мы право предположить, что в выше приведенной таблице награды трем первым классам точно так же равны двухмесячному жалованью, как в четвертом. В 328 году в Афинах оратор Ликург купил золото за серебро по валюте, равной 1 : 11 1/2. Валюта статеров Александра равна 1 : 12. Статер заключает в себе 8,64 г золота и, при отношении 1 : 12, равен 103,46 г серебра или 24 драхмам по 4,25 г каждая. По этому расчету жалованье за месяц равнялось бы:

для македонского всадника	300 др. = 12 1/2 стат.
для всадника союзников	250 » = 10 3/12 »
для педзетайра или фалангита	100 » = 4 1/6 »

и, прилагая ту же пропорцию, как и в коннице

для <i>ξένος</i> 'а приблизительно	84 др. = 3 1/2 стат.
------------------------------------	----------------------

Но мы знаем (уже из Фукидида), что кормовые деньги равнялись жалованью; следовательно,

македонский всадник получал	25	стат.
всадник союзников	20 5/6	»
педзетайр	8 1/3	»
<i>ξένος</i>	7	»

Из этого вытекает то, что димирит в фаланге получал 17 статеров, а декастатер, получая 10 статеров в месяц, получал на 1 2/3 статера в месяц более фалангита.

⁴¹ По словам Арриана (VII, 23, 1), таким образом были распределены 20 000 персов, тапурии, коссеи и т.д., и их не следует смешивать с 30 000 азиатов (Agrian., VII, 6, 1), которые были вооружены по македонскому образцу. Замечания Арриана об этой новой организации весьма коротки, но принадлежат перу знатока. Тем не менее многие вопросы остаются без ответа. Если не считать коссеев и тапуриев, то мы получим цифру в 26 664 человека. Если в македонской пехоте, как это кажется, основной единицей был лох в 500 человек (по 31 человеку в ряду), а четыре лоха составляли

таксис, то нетрудно определить промежутки, необходимые для того, чтобы могли построиться выступившие средние ряды. Недостает только соответствия тому, что дает нам римский манипулярный строй в своем построении *en echelon*. Весь этот вопрос заслуживает рассмотрения специалистов.

⁴² Мы имеем полное право предположить, что Александр был знаком с устройством римского легиона; со времени спартанца Архидамы и молосца Александра военная организация Италии играла настолько важную роль в глазах тактиков греческого мира, что они не могли не изучить ее во всех подробностях.

⁴³ Это мы можем заключить из Диодора (XVIII, 4).

⁴⁴ *Arrian.*, VII, 24 (по Аристубулу). *Diodor.*, XVII, 116. *Plut., Alex.*, 74 (с некоторыми отклонениями). Это происшествие случилось за несколько дней до жертвоприношений и празднеств, которые, если верить Эфемеридам, приходились на месяц Десий. Из *Приложения* читатели увидят, что этот месяц приходился на май и июнь.

⁴⁵ *Arrian.*, VII, 23, 5.

⁴⁶ Так говорит Арриан (VII, 23, 8). Диодор (XVII, 115) говорит напротив, что Аммоний повелел оказать ему божеские почести и призывать его как *πάρεδρος* (исправление, сделанное по Лукиану, *De calumn. non cred.* 17). За первую версию говорит также известие, что Клеомен египетский воздвиг умершему героону в Александрии и на острове Фаросе; известие об этом и о других почестях, придуманных этим сатрапом для Гефестиона, он послал к царю, чьего гнева он боялся за свои утеснения, и получил в ответ письмо, в котором Александр благодарил его и писал между прочим: «Слыша, что храмы Египта и особенно героон Гефестиона составляют для тебя предмет такой заботы, я забываю твои прежние неправды и ты не увидишь от меня ничего худого даже и за то, что ты сделаешь нехорошего в будущем». Даже Арриан произносит суровый приговор над этим ответом царя; и он был бы прав, если бы Александр руководился только удовольствием, которое доставляли ему воздаваемые Гефестиону почести. Но Клеомен был отличным финансистом и весьма полезным администратором; для предстоявших в ближайшем будущем походов его сатрапия представляла величайшую важность, а он родился в Египте и знал страну, как никто другой; быть может, при настоящих обстоятельствах Александр, находившийся сам далеко, не мог привлечь его теперь к ответственности; быть может, одного знака царской немилости было достаточно, чтобы заставить его бежать, и собранные им громадные сокровища пропали бы для сатрапии и царя. Эти вещи ясны сами собой; а сколько тайных и личных побуждений могли делать необходимым такое письмо царя; все, что мы вообще знаем об Александре, не дает нам права приложить к нему сразу такое низменное мерило.

⁴⁷ Описание костра, как мы его находим у Диодора (XVII, 115), слишком недостаточно в техническом отношении, чтобы можно было с некоторой достоверностью восстановить чертеж этого сооружения; знаменитые рисунки Quatremere de Quincy, чем бы они там ни были, вовсе не соответствуют духу греческой архитектуры.

⁴⁸ *Plut., Alex.*, 75. *Athen.*, X, 432. *Arrian.*, VII, 24. Я только упомяну о бессмысленном предположении, что у Мидия Александру был дан яд, открытый Аристотелем и привезенный Кассандром.

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ АЛЕКСАНДРА

Ни одна из дошедших до нас древних историй Александра не относится по времени своего появления на свет к предшествовавшему смерти Цезаря периоду. Чтобы судить об их исторической ценности, следует прежде всего определить, из каких источников их авторы почерпали свои сведения и каким образом они ими пользовались.

На эту точку зрения становятся многочисленные исследования, которые были изданы в течение последних десятилетий; в их числе находятся превосходные труды, вполне осветившие поразительное сходство материала, находившегося в распоряжении Арриана и Плутарха, и зависимость Курция, Диодора и Юстина отчасти от Клитарха, отчасти от лучших источников, которым следовал Арриан, между тем как исследования над романом Псевдо-Каллисфена вполне основательно сосредоточились на том, чтобы внести свет в дальнейшее развитие сказаний об Александре, первую версию которых мы имеем в этом романе.

Быть может, было бы полезно рассмотреть дошедшие до нас материалы также и с другой точки зрения, чтобы выяснить некоторые стороны того же вопроса, оставшиеся невыясненными при прилагавшихся до сих пор приемах исследования.

Когда дело идет об отдельном факте, то свидетельство участника его и очевидца должно иметь решающее значение. Но солдат, участвовавший в сражении, гражданин, замешанный в политической революции, знает о них только отрывочные и внешние подробности; картину происшедших событий дает нашему умственному взору только понимание и сближение между собою многих или всех таких подробностей, и группировка их в их внутренней связи и последовательности, и эта картина будет верна или неверна, тенденциозна или согласна с истиной, смотря по даровитости, положению, убеждениям и пониманию историка.

Сведения о событиях прошлого дошли бы до нас только в такой субъективной форме, если бы мы не имели возможности контролировать их цену при помощи результатов этих событий, учреждений, являющихся их осадком, и дошедших до нас различных документов, свидетельствующих о материальном прогрессе истории и генезисе исторических явлений.



Критика источников не может удовлетворяться вопросом, из каких источников и каким образом почерпали свои сведения дошедшие до нас версии истории Александра и пользовались ли они своими источниками прямо или непрямо. Если задача критики источников заключается в том, чтобы установить степень достоверности исторического предания, — так как только для этого она старается указать на оригинальные источники, которыми пользовались находящиеся в ее распоряжении источники второй руки, — то она точно так же должна ставить вопрос, пользовались ли и могли ли пользоваться сами эти оригинальные источники материалами, за достоверность которых можно поручиться. Заканчивать ряд достоверных свидетельств теми, «которые видели и слышали сами», кажется нам, хотя и согласным со строгой схемой, но неверным путем. Аналогичные исследования в истории нового времени, где возможен несравненно более точный контроль, показали, что первые, стоящие всего ближе к самим событиям рассказчики вовсе не всегда являются самыми достоверными; непосредственно следом за событиями слагаются такие представления о них, которые с преимуществами и прелестью живого настроения данного момента и первых впечатлений соединяют все ошибки, вносимые в них сознательно и бессознательно духом партии, политическими тенденциями и симпатиями и личными отношениями; и чем возбужденнее время, чем значительнее события, чем труднее для решения вопросы, о которых идет речь, тем менее в состоянии современники и непосредственные участники дать нам, если позволено так выражаться, ахроматические отражения их; спокойствие умов, выяснение мнений и более широкие горизонты, необходимые для верного воспроизведения прошлого, появляются лишь постепенно.

I

ПЕРВОИСТОЧНИКИ

Пробегая помещенные в книге *Scriptores Rerum Alexandri Magni* отрывки, собранные Робертом Гейером и после него Карлом Мюллером, мы замечаем, что характер этих древних писателей за исключением тех, которые писали только после времени диадохов, крайне различен, если их рассматривать как исторические источники. Между ними можно различить четыре категории, нередко сливающиеся между собой в точках соприкосновения.

I. Об Аристокле рассказывается анекдот, весьма поучительный для нашей цели. Когда Александр плыл вниз по Гидаспу, этот писатель читал царю вслух свою книгу (*βιβλίον*) об его единоборстве с Пором, во время которого Александр одним ударом дротика (*ἐνὶ ἀκοντίῳ*) умертвил слона, на котором сидел Пор, после чего Александр вырвал у него из рук рукопись и бросил ее в воду со словами: «За то, что ты написал, ты заслуживаешь, чтобы с тобой было сделано то же самое». Если даже Лукиан, рассказывающий это (*πῶς δὲ ἰστορία*, гл. 12), ошибочно назвал Аристокла вместо бесстыдного льстеца Онесикрита, к которому более подходит этот анекдот, если Аристокл начал работать с таким пониманием и точностью, как это гово-

рит про него Арриан, только в своем написанном значительно позже историческом труде, а в прежние годы соревновал с Онесикритом и другими фальсификаторами исторической правды, то мы все-таки видим, как изображались в этом сочинении, которое было прочитано Александру в декабре 326 года, события мая того же года.

Мы имеем второй анекдот об Онесикрите, судя по которому можно было бы думать, что он писал значительно позже смерти Александра. Рассказывая об амазонках, с царицей которых Александр будто бы находился в связи, Плутарх (*Alex.*, 46) говорит, что много лет спустя, когда Лисимах был уже царем (следовательно, после 306 года), Онесикрит прочел ему из четвертой книги своей истории описание этого события, на что Лисимах сказал: «Где же мог я быть в это время»? Но разве необходимо предположить, что эта книга была написана только тогда? Такое же значение, как этот анекдот, имеет и другой (у Лукиана, *op. cit.*, 40), где Александр говорит Онесикриту, что желал бы ненадолго снова ожить после смерти, чтобы узнать, продолжают ли люди еще читать эти сочинения; в том, что они хвалят их теперь, нет ничего удивительного, так как они думают снискать этим его милость и т.д. До какой степени рассказ Онесикрита был переполнен невероятными и чудесными историями, мы видим в приводимых из него отрывках. Возможно, что рассказ про амазону составляет его изобретение, так как, по словам Плутарха (*Alex.*, 46), кроме него он находится у Клитарха, Поликлита (или Поликрита) из Лариссы, Антигена и Истра. Мы увидим, что Клитарх должен был писать около 305 года; Поликлит точно так же принадлежит к позднему времени диадохов, если его дочь Олимпиада была матерью родившегося в 263 году Антигона Досона; аттидограф Истр был учеником Каллимаха; относительно Антигена у нас нет никаких дальнейших указаний. Отсутствие у Плутарха и других писателей ссылок на Каллисфена при описании этого любовного приключения, еще более, по-видимому, обеспечивает за Онесикритом славу его изобретения.

Мы оставляем в стороне вопрос, следует ли причислить к этой первой категории, характеризованной приведенными анекдотами, также Марсия из Пеллы и Анаксимена из Лампсака. Их характер всего яснее виден на Каллисфене Олинфском. Если Каллисфен во время экспедиции продолжал писать свою *Историю Греции*, — в ее четвертой книге он упоминал, что находился с Александром в Египте и был послан в Эфиопию собирать сведения об источниках Нила, — то наряду с этим он мог написать то сочинение, которое в древности известно было под именем *Истории Александра*. Крайне патетический тон, в котором он описывал поход Александра по берегам моря Памфилии, посещение Аммония и битвы при Иссе и Гавгамелах, не оставляет, если мы вспомним об его поведении на зимних квартирах в Бактриане, почти никакого сомнения в том, что эти части рассказа были написаны ранее времени его неудовольствия против царя и, быть может, ранее казни Филоты, с которой это неудовольствие и началось. Когда позже Александр приказал заключить его в цепи и возил его за собой узником, он должен был, несомненно, завладеть также и бумагами Каллисфена, который так и умер в темнице. Если, несмотря на это, его *История Александра*, до какого бы времени она ни была доведена, распространилась в публике, то она должна была распространиться, в целом виде или частями, еще в то

время, когда он находился на свободе и не питал злобы к Александру. Битва при Гавгамелах есть последнее событие, упоминающееся в дошедших до нас отрывках; насколько мне известно, у нас нет никаких достоверных указаний на то, что он рассказывал еще про пожар Персеполя, смерть Дария и процесс Филоты¹ и, если в истории об амазонках он не приводится в числе свидетелей, то он или имел слишком много вкуса для того, чтобы рассказывать такие диковины, или — процесс Филоты происходил полгода спустя после этого мнимого приключения — ему уже наскучило выдумывать чудесные рассказы во славу царя.

Арриан (IV, 10) рассказывает, что Каллисфен будто бы говорил — *εἴπερ ἀληθῆ ξυγγέγραπται*, — что он и его рассказ (*ξυγγραφή*) решат судьбу Александра и его подвиги; он прибыл к Александру не для того, чтобы стяжать себе славу, но чтобы даровать ему славу по всей вселенной; решение вопроса о божественном происхождении Александра тоже зависит не от той лжи, которую распространяет Олимпиада относительно его рождения, но от того, что поведает людям он, который пишет его историю. Мы не должны придавать большого значения рассказу Юстина (XII, 6) о том, как Каллисфен после убийства Клита утешал царя, *condiscipulatu apud Aristotelem familiaris illi et tunc ab ipso rege adprodenda memoriae acta ejus accitus*, равно как и рассказу Плутарха (*Alex.*, 53 и *De stoic rep.*, 20) о том, что Каллисфен, чтобы выпросить у царя позволение восстановить свой родной город, двинулся (*ἀνέβη*) за ним в Азию и плыл к нему на корабле (*πρὸς Ἀλέξανδρον ἔπλευσε*), следовательно, приблизительно в Тир или Египет. Для нас важнее то, что во второй книге (*fr.* 32) — *ἐν δευτέρῳ τῶν Περσικῶν*, но предание не сохранило нам другого заглавия *Истории Александра* — заключаются сведения об Тарсе, Анхиале и Сарданапале; следовательно, битва при Иссе принадлежала к этой второй части, а битва при Гранике и поход через Малую Азию — к первой. Если третья книга заключала в себе Тир, Газу и поход к Аммонию, а четвертая — поход к Тигру и битву при Гавгамелах, то ни эти события, ни пожар Персеполя, ни смерть Дария, — предполагая, что Каллисфен довел до этих пор свой рассказ, — не представляли такого заключения, которым бы он мог завершить свое произведение как законченное целое. Но должен ли он был медлить с его изданием до тех пор, пока не явится такое заключение? Если он был заключен в оковы прежде, чем успел дойти до такого заключения, и если все-таки то, что он написал о первых годах войны, было известно за его произведение и находилось в руках публики, то мы должны предположить, что он издавал свой рассказ по частям, группируя события каждого похода по мере его окончания; где бы ни оборвался его рассказ, изданные ранее главы, находившиеся в руках публики, могли без труда быть соединены вместе и распространяться далее как одно произведение. Его высокомерное выражение, что слава Александ-

¹ Хотя Каллисфен (*fr.* 38) и упоминает об Араксе, отделяющем Бактрию от земель скифов, но Страбон, который приводит этот отрывок, не говорит, что он взят из *Истории Александра*; если бы даже он и был взят из нее, то он мог бы встретиться в каком-нибудь географическом обзоре, и нет никакой необходимости в том, чтобы он был написан только после прибытия в Бактрию.

ра во вселенной зависит от него и т.д., только тогда могло иметь свое полное значение, если его рассказы уже пользовались такой распространенностью и любовью, которая оправдывала бы его высокомерие.

В свите Александра были также и поэты, воспевавшие его подвиги; из них нам называют Агиса из Аргоса, Хирила и сикелиота Клеона.

Общественное мнение в Греции и было, и осталось настолько важным фактором политики Александра, что он не мог отдать его на произвол случая и враждебных ему влияний. Чем медленнее развивались события первых двух лет войны и чем далее заводили позднейшие события войско Александра, тем более благодарное отношение к себе должны были встречать писатели с талантом и установившейся репутацией, ставившие себе целью сопровождать развившиеся события своими публикациями, в которых они излагали, с господствовавшей в главной квартире македонян точки зрения, связь и значение важных актов войны, пользуясь формами и риторической виртуозностью, соответствовавшими вкусам греческой публики.

II. Как вторую категорию можно рассматривать те сочинения, которые подробно занимались отдельными событиями. Само собой разумеется, что, пока войско находилось в Бактрии или Индии, к царю должны были посылаться различные донесения, касавшиеся исполнения данных им поручений, военных экспедиций и событий в передних землях; и, действительно, в древности были известны или сами эти донесения, или позднейшие их пересказы.

Таким произведением должно было быть сочинение Горга из Иаса, «металлепта», как его называет Страбон (XV, 700), который рассказывал о золотых и серебряных рудниках и о залежах соли в земле Сопифа. Из Страбона (XVI, 766 (fr. 2)) и из находящихся у Феофраста (*De caus. plant.*, II, 5, 5 (fr. 3)) сведений об острове Тиле видно, что фасосец Андросфен, совершивший вместе с Нearchом плавание от Инда к Евфрату, писал о совершенных им при дальнейшем плавании вдоль берегов Аравии открытиях. Мы не имеем прямых упоминаний о том, что Гиерон из Сол, проплывший еще далее, и Гераклид, посланный на открытия в Каспийское море, обнародовали свои сообщения. Если бы даже об этом не упоминали Курций (VII, 4, 32) и Юстин (XII, 1, 4), то было бы само собою понятно, что Антипатр посылал царю донесения о неудачной экспедиции Зопириона, о сделанной фракийцами попытке возмущения и о походе против Агиса.

Наибольшее значение в этой категории имеет Нearch, чьи мемуары, по видимому, обнимали все время его командования над флотом, который начал свое плавание на Гидаспе. Из Эфемерид Плутарх (*Alex.*, 76) приводит известие, что еще за несколько дней до своей смерти Александр слушал донесение Нearchа: *καταχειμένους ἐν τῷ λουτρῶνι τοὺς περὶ Νεάρχου ἐσχόλαζεν ἀχροῖόμενος τὸ περὶ τὸν πλοῦν καὶ τὴν μεγάλην θάλατταν*. Весьма вероятно, что Нearch читал царю именно то донесение, которое мы имеем еще у Арриана, по крайней мере, ту часть своего сочинения, где рассказывается все случившееся с флотом с того времени, как он был покинут Александром, хотя заметку об Онесикрите (*Ind.*, с. 32), который называл себя в своем рассказе навархом флота, между тем как он принадлежал к нему только в качестве кормчего корабля Александра, можно было бы истолковать таким образом, что сочинение Нearchа появилось уже после издания сочинения Онесикрита.



III. К другой категории можно отнести записи, скорее, исторического, чем литературного характера, которые можно назвать просто журналами.

Почти несомненно, что в основе описания Непархом своего плавания от Инда до устьев Евфрата лежало нечто вроде корабельного журнала.

Нечто аналогичное этому мы можем видеть в том, что мы знаем о «бематистах» Александра. Само собой разумеется, что в войске Александра был квартирмейстерский штаб, заведовавший, между прочим, порядком ежедневных переходов, указанием маршрута отдельных колонн и разбивкой лагеря; его работы и его бумаги доставили первые точные сведения о длине маршрутов, которые приобрели такое важное значение для географических исследований ближайшего будущего. Упоминаются Βαίτων ὁ Ἀλεξάνδρου βηματιστῆς ἐν τῷ ἐπιγραφομένῳ Σταθμοὶ τῆς Ἀλεξάνδρου πορείας (Athen., X, 442), Diognetus et Baeton itinerum ejus mensuros [Plin., VI, 21 (§ 61 ed. Detlefsen)] и Ἀμύντας ἐν τοῖς σταθμοῖς, из первой книги которых сохранилась заметка о сирийских землях, а из третьей — заметка о Ниневии. Хотя о том, что Архелай ὁ χορογράφος τῆς ὑπ' Ἀλεξάνδρου πατρηδεύσεως γῆς находился в числе спутников Александра и не говорится в единственном месте, где он упоминается, но это, само по себе, весьма вероятно. Мы не должны упускать из виду того, что, как говорил в своем географическом труде, Патрокл, бывший стратегом Вавилона и исследовавший Каспийское море, при Селевке I, спутники Александра исследовали пройденные ими местности только в общих чертах, и что сам Александр приказал сделать более точные исследования: αὐτὸν δὲ Ἀλέξανδρον ἀκριβῶσαι... ἀναγραφῶντων τὴν ὅλην χώραν τῶν ἐμπειρωτάτων αὐτῷ τὴν δὲ ἀναγραφὴν αὐτῷ δοθῆναι φησιν ὕστερον ὑπὸ Ξενοκλέους τοῦ γαζοφύλακος (Strab., II, 69).

Особенный интерес для нашей цели представляют Ἐφημερίδες βασιλείου, от которых дошел до нас в двух редакциях длинный отрывок, трактующий о последних днях жизни царя. Из небольших отрывков, собранных A. Schöne (*De rerum Alex. M. Scriptoris*, 37) мы можем заключить, что точно таким же образом записывались каждый день события и за прежние года, вероятно, с самого начала похода в Азию. То обстоятельство, что придворный журнал, как мы его можем назвать, вел кардиец Эвмен, ἀρχιγραμματεὺς царя, и что этот журнал велся изо дня в день, позволяет нам заключить, что цель этих заметок была, скорее, деловая, чем литературная. Когда они были изданы и не издал ли их после смерти Эвмена Дiodот из Эрифр, называемый раз вместе с ним их автором (Athen., X, 434) и бывший, быть может, одним из писцов в канцелярии царя, этого мы теперь определить не в состоянии. Когда об олинфяине Страттиде рассказывается, что он издал περὶ τῶν Ἀλεξάνδρου ἐφημερίδων βιβλία πέντε, то можно предположить, что он дал обработку Эфемерид или извлечение из них.

Если эти заметки Эвмена имели практическую цель, то она вовсе не состояла в том, чтобы иметь к услугам царя деловой журнал для справок об ежедневных доходах и расходах и т.д. (такие ὑπομνήματα, какие имел позднейший царь Антигон), хотя таковой, несомненно, существовал, — но придворные события записывались для сообщения тем, кому было важно знать про них, и посланцы (βιβλιαφόροι, — выражение, часто встречающееся во время диadoхов), посылавшиеся из царского лагеря на запад, должны были сообщать копии придворного журнала сатрапам резиденций, лежав-

ших на их пути, которые знакомились с ними сами и рассылали их далее к дворам сатрапов, лежавшим в стороне.

Если такая практика была принята относительно придворных событий, то не подлежит никакому сомнению, что такие же сообщения составлялись и рассылались сатрапам и стратегам и относительно военных и политических событий; было необходимо держать их *au courant* всего, что происходило на поле битвы; Антипатр, например, занимавший столь трудное положение относительно греков и коринфского синедриона, не мог сообщать царю о всяком происшествии и ожидать его инструкций, но должен был принимать необходимые меры, руководясь возможно близким знакомством с ходом дел в Азии. Если такие военные Эфемериды существовали, хотя бы в форме писем к Антипатру, то для первого связного изложения истории Александра они представляли собой самую лучшую основу, — и, быть может, таким предположением можно объяснить часть поразительных совпадений между словами Арриана и Плутарха, с одной стороны, и следовавших Клитарху писателей — с другой¹.

Мы можем пойти еще дальше. Если бы различные рассказы и притом уже первые не были связаны общей основой, но составлялись бы каждым свободно на основании собственного опыта и знаний, то было бы необъяснимо, как при всех различиях между традицией Клитарха, традицией следовавшего Птолемию Арриана и т.д. и при всей разнице деталей, общее расположение материала или, если хотите, связующая нить событий остается одна и та же; еще труднее было бы объяснить то, что все то, что происходит со стороны македонян, рассказывается в непосредственной связи с личностью Александра или в форме докладов и донесений ему. Как ни важен был поход Пармениона в Дамаск в конце 333 года и поход Гепестиона и Пердикки по южному берегу реки Кофена к Инду в 327 году, но об них говорится только мимоходом; точно так же мы имеем только беглые заметки о важных движениях 330 года, когда главная часть армии двинулась из Экбатан следом за шедшим вперед Александром, вступая местами в борьбу с народами Каспийских гор, равно как и о маршруте многочисленного отряда Кратера, шедшего обратно от Инда в Персию через проходы Болана. При полной свободе композиции было бы невозможно, чтобы все авторы с одинаковой краткостью говорили об этих и тому подобных событиях; если все, несмотря на разницу своих взглядов, говорят о них одинаково поверхностно, то причина этого лежит не в сходстве их личного или даже «объек-

¹ Примером этого могут служить: Arrian., III, 28, 1; Curt., VII, 3, 5; Arrian., III, 28, 2; Curt., VII, 3, 2; Arrian., III 28, 4. Curt., VI, 3, 19 и 23. Подобных примеров множество. Что подобные военные донесения были в ходу уже раньше, видно из заметки Псевдо-Плутарха (*Vit. X or. (Isocrat., 330)*), по словам которой Исократ писал их для Тимофея: *σὺν ᾧ καὶ πολλὰς πόλεις ἐπήλθε συντιθεὶς τὰς πρὸς Ἀθηναίους ὑπὸ Τιμοθέου πεμπόμενας ἐπιστολάς, ὅθεν ἔδωρησάτο αὐτῷ τάλαντον τῶν ἀπὸ Σάμου περιγενομένων*. Подобное военное донесение представляет собою *ἐπιστολή* Харета у Демосфена (*In Aristocrat., § 183*) и многие другие. Особенно поучительно по этому вопросу письмо Никии у Фукидида (VII, 10), начинающееся словами: *τὰ μὲν πρότερον πραχθέντα ἐν ἄλλαις ἐπιστολαῖς ἴστε*.

тивного» понимания, но их рассказ обусловлен и связан материалом, который они положили в его основание. Если это был «Полевой журнал главной квартиры царя» или «донесения с поля битвы», то выдвинутые ими на первый план моменты вполне и просто объясняются.

В заключение да будет нам дозволено упомянуть здесь о Харете Митиленском, который был *εἰσαγγελλεύς* о́м царя, говоря иначе — его обер-камергером. Судя по характеру его отрывков, можно было бы думать, что он, не соблюдая хронологической последовательности, записывал в форме мемуаров все интересное, что ему только удавалось узнать при дворе Александра: в третьей книге он упоминал о назначении Лагида Птолемея стольником (*ἑδέατρος*), в пятой книге рассказывал, что в головах постели персидского царя находился ковчег с пятью отделениями (*οἶκημά τι πεντάκλινον*), а в ногах ковчег с тремя отделениями, что в первом лежало 5000 талантов золота, а во втором 3000 талантов серебра и что над постелью находилась сделанная из золота и украшенная драгоценными камнями виноградная лоза; в седьмой книге он рассказывал, что в Индийском океане, в Армении, в Персии и в Вавилонии есть раковины, в которых находят жемчуг; в десятой описывалась свадьба в Сузах и т.д. Прекрасный рассказ о Зариадре и Одатиде был тоже записан им. Он, очевидно, не военный писатель, но он точно так же не принадлежит к ученым царского двора; его блеск, празднества и развлечения, различные интересные события и приключения, отдельные характерные черты, а также, быть может, и сны царя, — таково было, по-видимому, содержание этого объемистого сочинения.

IV. Остается четвертая категория. Несомненно, Онесикрит, Каллисфен, Анаксимен и т.д. думали, что в своих творениях они дали потомству историю Александра, и мы имеем полное право предположить, что их версии на первое время составили ходячую историю великих событий, которые пришлось пережить изумленным современникам. Конечно, «побежденный молчал»; но Каллисфен, вполне владевший техникой исторического рассказа, изложил, как кажется, с такой подробностью, как будто бы он сам это видел и слышал, также и то, что задумывалось и проектировалось со стороны персов. Мы не можем теперь более определить, проникли ли в эту вульгату имеющие значение данные из антимакедонско-греческих взглядов.

Но наряду с этой ходячей историей существовало множество устных преданий, рассказов тех, которые участвовали в походах царя и теперь возвратились на родину, мнений и суждений о царе и его полководцах и всевозможных анекдотов, а во время ожесточенной борьбы партий после смерти царя — борющиеся стороны, несомненно, очень часто имели повод выступать друг против друга также и с разоблачениями их прошлого, их отношений к Александру и их участия в его подвигах. Вызванные борьбой между диадохами громадные перемены и распадение основанного Александром царства повлекли за собой перемену в мнениях о нем, о его делах и его создании и, между тем как господствовавшая прежде македонская точка зрения все более и более теряла почву под ногами, — в литературных, образованных и следующих за модой кружках приобретала перевес греческая точка зрения, хотя ее неоднократные попытки достигнуть политических результатов и потерпели полную неудачу, и от этого перевеса вскоре не могли освободиться «эпигоны» и их дворы, принужденные поклоняться

перед ним; чтобы сохранить на своей стороне общественное мнение греческого мира.

Для той формы, в какой дошла до нас история Александра, относящийся к этой категории ряд писателей представляет наибольшее значение; сюда относятся Клитарх, Птолемей и, быть может, Аристокбул; только эти писатели выступают перед нами с некоторой ясностью. Затем вплоть до самой римской эпохи следует многочисленный ряд писателей, стремящихся или критически исследовать и фактически осветить эту замечательную эпоху великих событий и открытий, или избирающих ее как наиболее подходящий сюжет для своего риторического искусства и своих морализующих школьных упражнений, — между тем как в представлении масс грандиозная фигура Александра постепенно переходит в область сказок и чудес и расплывается в них.

О Клитархе мы имеем лишь скудные известия. Мы узнаем, что он был моложе Феопомпа, родившегося в 378 году, и первым после него упоминал о римлянах (Plin., *Nat. Hist.*, II, 57): *Theopompus, ante quem nemo mentionem habuit urbem dumtaxat a Gallis captam dixit, Clitarchus ab eo proximum legationem tantum ad Alexandrum missam*. Его отцом был Динон из Колофона, автор обширного сочинения по истории Персии, начинавшегося с Семирамиды и кончавшегося завоеванием Египта царем Охом. Дальнейшие сведения о том, что Клитарх сначала слушал Аристотеля из Киренаики, а затем обратился от его школы к школе Стильпона Мегарского, позволили бы нам точнее определить время его жизни, если бы мы знали какие-либо подробности об этом Аристотеле; Стильпон упоминается (Suid., s. v.) как *παρὰ τῷ πρότῳ Πτολεμαίῳ γεγονώς*, и, когда в 207 году Деметрий завоевал Мегару, он был еще в самом разгаре своей деятельности (Diog. Laert, II, § 115). Из некоторых выражений Клитарха, имеющих, по-видимому, цель почтить Лагида Птолемея и доставить ему удовольствие (fr. 5, 11, 12), ученые думали вывести заключение, что он родился или, по крайней мере, жил в Египте.

Если Клитарх (Plin., *Hist. Nat.*, III, 9) упоминает о римском посольстве, принятом Александром в Вавилоне в 323 году, или выдумывает его, — так как ни Птолемей, ни Аристокбул об нем не упоминают, — то он должен был писать в такое время, когда имя римлян приобрело уже некоторое значение в греческом мире; серьезное значение для греков Нижней Италии Рим приобрел только с концом второй пунической войны; в 304 году тарентинцы взяли к себе на службу спартанца Клеонима, чтобы послать его воевать против союзников Рима, луканов; в 306 году родосцы заключили с Римом мирный и торговый договор.

Из дошедших до нас под именем Клитарха отрывков мы не были бы в состоянии составить себе представление о его произведении, если бы, как это доказали новейшие исследования, на него не опирались в существенных чертах Диодор, Юстин и Курций, хотя они и не почерпали своих сведений непосредственно из него.

Из их рассказа, а также из довольно многочисленных, хотя и не всегда точно обозначенных, небольших цитатах из Клитарха у Иолиена, Фронтинна, Плутарха, Валерия Максима и т.д. мы можем составить себе приблизительное представление о характере его рассказа. Он, как кажется, первый



включил в историю Александра рассказ о событиях в Греции, падение Фив, войну с царем Агисом и происходившие одновременно с этим военные действия во фракийской и скифской землях. Не подлежит никакому сомнению, что кроме известных нам первых рассказов об Александре, он пользовался еще и другими рассказами, а, быть может, во многих случаях еще и устной традицией. При первом взгляде бросается в глаза, что в первой половине следующих ему рассказов — приблизительно до смерти Дария — события на стороне Александра и Дария представлены приблизительно в одинаковой степени наглядно и подробно, между тем как далее этот прием параллельного изложения более не встречается, а если и встречается, то в совершенно иной и более слабой степени. Возможно, что Каллисфену нравился такой имевший вид объективности прием и что Клитарх руководился его весьма наглядным изложением первых лет войны; это несколько более объясняет заглавие *Περσικά*, под которым раз упоминается произведение Каллисфена.

Из трех дошедших до нас писателей, которые следовали Клитарху, а также из преобладавшего в позднейшей древности взгляда на Александра, который был заимствован из Клитарха, мы видим с достаточной ясностью, что этот историк не считал своей задачей изложить историю Александра в ее главных военных и политических чертах, но желал обратить внимание на нравственную сторону и в описании постепенного нравственного падения прославленного героя дать просвещенному читателю ключ к пониманию его и облегчить составление над ним своего приговора. Изображая с большой риторической наглядностью, как даровитый, получивший благороднейшее греческое воспитание, юноша, опьяненный своими победами, все более и более отвращается от греческой цивилизации и склоняется к азиатским нравам и образу мыслей, и как он перестает быть эллином, Клитарх становится красноречивым выразителем греческой реакции, которая сперва подняла свою голову в «греческой войне», а затем, потерпев поражение на поле битвы и не имея своих представителей в мире политическом, с тем большей силой сосредоточилась и нашла свое выражение в образованных кружках и философских школах Афин, — той реакции, милости которой добивался молодой Деметрий, чтобы затем выступить против нее со своей прихотливостью азиатского деспота, между тем как умный Лагид сумел пощадить ее и примирить с собой своей щедростью к науке и ученым.

И тот же Клитарх не говорит в своем рассказе ни об одном из сотрудников Александра с таким почтением и с таким желанием сказать ему приятное, как о Лагиде. В другом месте мы приведем дальнейшие доказательства этого; всего замечательнее одно выражение, которое, хотя и приводится не под именем Клитарха, но встречается у Диодора и Курция. По поводу раны, полученной Птолемеем при штурме города браминов, Курций (IX, 8, 22) говорит: *Prolemaeus leviter quidem saucius sed majore periculo quam vulnere affectus regis sollicitudinem in se converterat; sanguine conjunctus erat et quidem Philippo genitum esse credebant; certe pellice ejus ortum constabat; idem corporis custos promptissimusque bellator et pacis artibus quam militiae major et clarior, modico civilique cultu, liberalis imprimis adituque facilis nihil ex fastu regio assumpserat; ob haec regi an popularibus clarior esset dubitari poterat, tunc certe primum expertus suorum animos,*

ades ut fortunam, in quam postea ascendit, in illo periculo Macedones ominati esse videantur. Подобное этому, хотя и в кратком извлечении, говорит и Диодор (XVII, 103); он тоже (как и Юстин, XII, 10) рассказывает о сновидении, открывшем царю средство исцелить рану: *ἴδιον γάρ τι καὶ παράδοξον συνέβη γενέσθαι περὶ τὸν Πτολεμαῖον, ὃ τινες εἰς θεῶν πρόνοιαν ἀνέπεμπον· ἀγαπώμενος γὰρ ὑφ' ἀπάντων διὰ τε τὴν ἀρετὴν καὶ ὑπερβολὴν τῆς εἰς τοῦτους εὐεργεσίας, οἰκειίας τῆς φιλανθρώπου βοηθείας ἔτυχεν κτλ.*

Несомненно, Клитарх умел превосходно описывать, придавать живой колорит рассказу и давать меткие характеристики; но у него нет чувства правды, как и гласит суждение Квинтилиана: *Clitarchi probatur ingenium, fides infamatur*. Мы не в состоянии определить, что из тех невероятных фактов, выдумок и полувывдумок, которые, как мы знаем и можем дознаться, ведут от него свое начало, заимствовано им из рассказов других, что рассказано со слуха или создано его собственной фантазией и насколько он сам верил в то, что пишет.

Мы не имеем прямых указаний на то, что Лагид Птолемей издал свою историю Александра после Клитарха, но можем заключить это с некоторой вероятностью из следующих фактов. Клитарх, как мы видим из Курция (IX, 5, 21), рассказывал, что при штурме крепости маллов Птолемей находился в числе тех немногих, которые защитили и спасли тяжело раненого Александра; *sed ipse scilicet*, прибавляет Курций: *gloriae suae non refragatus afuisse missum in expeditionem memoriae tradidit*; было справедливо замечено, что Клитарх не мог бы написать этого, будь сочинение Лагида уже обнародовано; и при той широкой популярности, которой пользовался исторический труд Клитарха, Лагид имел тем более поводов исправить это неверное сведение; *ἀνεγέγραφεν οὐδὲ παραγενέσθαι τοῦτω τῷ ἔργῳ* говорит Арриан (VI, 11, 8). Сравнивая Курция (IX, 8, 20) с Диодором (XVII, 103) и Страбоном (XV, 723), мы видим, что рассказ о чудесном исцелении раненого под городом браминов Птолемея взят из Клитарха; из Арриана (VI, 17) мы видим, что Птолемей ни о чем подобном не упоминал. Точно так же молчит Птолемей об экспедиции к царице амазонок; и если у Клитарха прекрасная Фаида — впоследствии она находилась в близких отношениях с Птолемеем и родила ему несколько детей — при звуках кимвалов и труб во время пира в энтузиазме зажигает дворец Персеполя, то трезвый рассказ об этом Арриана (III, 18, 11), по словам которого Парменион в совете был против этой меры, которую Александр считал необходимой, является отражением критики Птолемея над рассчитанными на эффект выдумками, которые Клитарх выдавал за историю.

Весьма возможно, что Птолемей считал своей обязанностью перед памятью своего царственного друга выступить с чисто фактическим рассказом и с гарантией своего имени против искаженных и даже написанных с дурною тенденциею рассказов, которые встречали слишком много веры; делая это, он, по-видимому, имел в виду еще и другую цель. Достоинно замечания, что Лагид не мог успокоиться прежде, чем тело Александра было перевезено в Александрию, что, как он особенно упирает на это в своем рассказе, Александр после смерти Гефестиона избрал Александрию для учреждения там героического культа в его память (VII, 23, 7), что Птолемей учредил в Александрии коллегия жрецов великого царя, и что при

торжественных шествиях золотая статуя царя красовалась на запряженной слонами колеснице, как это изображено на золотых монетах Птолемея. Здесь трудно воздержаться, чтобы не напомнить о том, что самой трудной и неудачной войной Лагида была война 306 года с Антигоном и Деметрием, когда тот самый Антигон, который спокойно управлял своей Фригийской сатрапией, между тем как Лисимах, Селевк и особенно сам Птолемей, как нам показывает история походов великого царя, «проливали свою кровь» в борьбе за его могущество и славу, — выступил с претензиями на роль главы всего государства и его сатрапов во имя принципа монархии, последний законный наследник которой умер еще пять лет тому назад. Вскоре после этого битва при Иссе решила дело против этого призрака монархии и государственного единства в пользу равноправности тех, которые желали быть наследниками великого царя каждый в своей земле, в *δοξικτῆτος χώρα*, как гласит их техническое название.

Более достоверно, что Птолемей находился в самых благоприятных условиях для того, чтобы написать историю Александра, что между оставшимися еще в живых ни один не стоял к нему так близко и не знал и не понимал его действий и планов так, как он; и Арриан, почерпывающий свои сведения преимущественно из него, вполне справедливо замечает, что он особенно заслуживает доверия, потому что для него «как царя» ложь была бы вдвойне постыдна.

После него Арриан следует особенно Аристубулу: «Потому что и он участвовал в походах Александра и потому что оба они», прибавляет он далее, «писавшие только по смерти Александра, не подвергались принуждению и не могли ожидать награды, если бы писали не то, что действительно случилось». Последними словами он исключает Каллисфена, Анаксимена и Онесикрита, а первыми возможность участия Клитарха в походах Александра, как это полагали в новейшее время.

Об Аристубуле мы знаем немного, не знаем даже, откуда он был родом. Он сам говорит (fr. 37 у Арриана, VI, 29, 10), что по возвращении Александра из Индии ему была поручена реставрация бессовестно разграбленной гробницы Кира; быть может, он состоял при войске не как военный, но как техник. Приводимые Аррианом и другими авторами цитаты из его сочинения позволяют нам заключить, что он мало обращал внимания на военные события, а более интересовался описаниями местностей и нравов, приметами и гаданиями и отдельными лицами. Что в его рассказ входили также походы 335 года, видно из одной цитаты, где говорится об упоминавшемся им требовании Александра выдать ему афинских государственных людей (fr. I в.). Он сам говорит (fr. 1), что начал писать свое сочинение, когда ему было 84 года. Из этого мы можем заключить, что он начал писать только тогда, когда книга Клитарха была уже издана; если бы он писал ранее его (ранее 313–300 годов), то при выступлении Александра в поход ему было бы около 60 лет. В пользу того предположения, что он имел в руках сочинение Клитарха, говорит, по-видимому, его рассказ о засаде, в которую попали македоняне около Мараканда (ср. fr. 21 с Curt., VII, 7, 31) и рассказ о предостерегавшей Александра сириянке (ср. fr. 24 с Curt., VIII, 6, 16). Более сомнительно дело относительно падения Фив; Плутарх в своих *Moralia*, говоря о прекрасных женщинах, называет Панфею Ксенофонта, Фиву Фео-

помпа и Тимоклею Аристобула. Рассказ о Тимоклее, передаваемый другими авторами без указания источника (цитаты у С. Müller'a: *Aristob. fr. 1a*), крайне напоминает сенсационные приемы Клитарха, но совершенно чужд манере Аристобула; злодеем, коснувшимся Тимоклеи, был в этом рассказе один фракийский иларх по имени Александр (*ἦρχε δὲ Θρακῖοι (?) τινὸς Ἰλῆς*); у Полиена (VIII, 39) он превращается даже в *Θεῖξ ἵππαρχος*, между тем как у более добросовестных писателей нет ни следа того, чтоб при походе 335 года царь имел с собой фракийских всадников. Или в этой короткой цитате Плутарх ошибся именем автора, что с ним вообще случается, или историю про Тимоклею рассказывал также и Аристобул, но во всяком случае иначе, чем в этом напыщенном отрывке, и, вероятно, с целью исправить Клитарха; приведенное выше предположение новейших ученых, что и Аристобул в своих ранних сочинениях принадлежал к кучке *κολακεύοντες*, по-видимому, не может устоять перед авторитетом Арриана, несмотря на слова одного анонимного ритора у К. Мюллера (с. 94).

К цели, преследуемой этим обзором источников, не относится разбор писателей, обработавших историю Александра после времени диадохов. Но да будет нам дозволено указать на два пункта, заслуживающих дальнейших исследований.

Тенденция в сторону исторического романа, начавшаяся с Каллисфеном и нашедшая в Клитархе свое, вызывающее изумление, выражение, уже рано, как кажется, выработала настоящий роман, и особенно в эллинистическом Египте очень скоро начали делаться попытки украсить память Александра чудесными сказаниями и связать ее с историей фараонов, завершившейся таким печальным концом при Нектанебе II, и здесь, несомненно, создался Псевдо-Каллисфен. Должны были существовать и другие романы про Александра, связанные с историей других стран. На подобный роман указывает нам Псевдо-Плутарх (*Par. min.*, 11); здесь из третьей книги *Μακεδονικά* Аретада Книдского рассказывается, что перс Дарий, потеряв в битве при Гранике семь сатрапов и 502 боевые колесницы, желал примириться с Александром, но сын Дария, Ариобарзан, движимый склонностью к Александру, предложил предать своего отца, после чего последний приказал отрубить ему голову. Псевдо-Каллисфен тоже упоминает Ариобарзана (II, 21) вместе с Бессом как *μέγα δῶρον ληψόμενοι παρὰ Ἀλεξάνδρου*, но только при рассказе об убиении Дария. *Satrapae Septem* Малой Азии упоминаются и в *Itinerarium Alexandri* (с. 19), где рассказ в главных чертах заимствован из Арриана, но в некоторых местах из Юлия Валерия. Дапан у Поллукса (V, 46), *ὁ Παλονίας σατράπης*, дарящий царю Александру пеонийскую собаку (*γνώριμος δὲ καὶ Τρίαχος ἡ παλονική κύων*), должен был быть известным лицом такого романа об Александре; по крайней мере, сатрап Пеонии такого знатного происхождения представляет собой полный абсурд.

Второе наше замечание относится к противоположному литературному течению. Что еще в следующем столетии критика, начало которой было положено сочинением Птолемея, овладела преданиями о походах Александра, в этом, в виду развития научных стремлений, нашедших свое особенное выражение в Александрии, нет ничего удивительного. Когда Эратосфен приступил к развитию основ научной географии, опираясь на добытые сведения о поверхности земли и на опыты методического вычисления объема

земли, то он должен был разобраться в географических и этнографических материалах, которые были собраны историками Александра; и из его отрывков видно, какой прием он употреблял при этом, именно, как он *ἐκ τοῦ μὴ ὁμολογεῖν ἀλλήλοις τοὺς συγγραφείας* (у Страбона, XV, 688) выводит заключение о малой степени пригодности их географических и других известий. Два поколения спустя, Полибий, так охотно пользующийся случаем критиковать прежних историков, на примере битвы при Иссе, как она рассказана у Каллисфена, показал все бессмыслие с военной точки зрения этого литературного описания, причем в пылу критики не раз обнаружил и сам свои слабые места.

Быть может, при более внимательном наблюдении можно было бы указать и другие пункты критики. Существовала ли также критика, основанная на документах и актах, — направление, являющееся самым плодотворным и необходимым в истории новейшего времени, — этот вопрос можно будет поставить только тогда, когда будет установлено, существовали ли материалы такого рода и в каких размерах.

II

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА И РЕЧИ

Аристотель проложил новую дорогу и в исторической науке, путь разработки архивного материала. Предприняв в своих *Πολιτεῖαι* исследование государственного строя Афин, он не ограничился тем, что воспользовался сборниками законов, находившимися в обращении в значительно измененном и подновленном с течением времени и особенно со времени архонта Эвклида, виде (согласно исследованию Н. Droysen'a); из цитат, подобных цитате Гарпократиона s. v. *σίτος* (fr. 384), видно, что в своих пяти книгах об "Αἴθωνες Солона (в Append. Hesych. у Rose, fr. Arist., 1468) он пользовался находившимися в Пританее старинными оригиналами. Точно таким же образом в своих *Διδασκαλίαι* Аристотель положил начало основанной на документах истории литературы, а в своих *Δικαιώματα* изложил по документам споры по вопросу о границах и собственности, возникавшие между государствами Эллады. Из того, что затем фалерец Деметрий, потом македонянин Кратер и Филохор продолжали следовать этой методе исследования документов, видно, что греческая наука, не взирая на широкое развитие риторики, сумела сохранить понимание истинных приемов исторического исследования.

Чтобы действовать систематически, мы должно теперь поставить вопрос, существовали ли документальные материалы для истории Александра, какого рода они были и каким образом, если только вообще древние писатели пользовались ими, они ими пользовались. Достаточно будет только вкратце упомянуть о всех других документальных материалах, но необходимо исследовать ближе две их формы, наиболее важные для критики, — письма и речи.

I. Само собою разумеется, что в то время, о котором мы говорим, различные договоры, и особенно государственные договоры, заключались и

совершались в обычных и установленных формах и что договаривающиеся стороны сохраняли в архивах эти документы. И так как в независимых греческих государствах существовало правило доводить до всеобщего сведения государственные договоры в форме их копий на меди или камне, то они были легко доступны и науке. Остатки подобных надписей, например, надпись о возобновлении между Александром и эллинами Коринфского союза, сохранились еще до сих пор.

II. В той же самой форме эпиграфических копий бывали обнаружены законы и распоряжения, всевозможные постановления, отчеты, расчеты и т.д., и не только такие государственные акты дошли до нас, но подобные, разъяснявшие их деятельность, документы оставили нам и общинные и другие союзы, жреческие коллегии и временные сообщества частных лиц; некоторые весьма интересные в историческом отношении постановления храмов показывают нам, что, между прочим, в Египте был весьма употребителен подобный способ сохранения документов; в найденных в Вавилоне глиняных дощечках с клинообразными надписями, основываясь на проставленных в оглолке датах, думают тоже видеть подобного рода документы.

III. На третью категорию документов, которые теперь были бы отнесены к архивным бумагам, указывает нам рассказ Полиена (IV, 6, 2) о том, что, когда Антигон Одноглазый должен был принимать послов, то перед этим он справлялся в своих заметках (*ἐκ τῶν ὑπομνήματων*), какие послы ранее являлись к нему за этим же и по тому же делу и какие предложения они ему делали, и что те, которым приходилось вести с ним переговоры, бывали нередко изумлены, что он так подробно помнит обо всем. Он был, наверное, не единственным из сотрудников Александра, имевшим благоразумие вести дневник ежедневных происшествий или распорядиться составлением такового; для Эвмена подобный дневник был необходим, если он желал держать канцелярию Александра в порядке и в полной готовности для практического пользования ею. Возможно, что к этой же категории относились *βασιλικὰ ὑπομνήματα*, которые, по словам Плутарха (*Pyrrh.*, 21), составили *οἱ περὶ Πύρρον*, а не сам царь, как можно было бы заключить из слов Павсания (I, 12, 2): *ἔστι δὲ ἀνδράσι βιβλία οὐκ ἐπιφανέσιν ἐς συγγραφὴν ἔχοντα ἐπιγραμμάτων ὑπομνήματα εἶναι*, хотя Дионисий Галикарнасский и употребляет выражение: *καὶ Πύρρος ἐν τοῖς ἰδίοις ὑπομνήμασι γράφει*.

Если в рассказе Арриана, основанном в существенных чертах на Птолемея, указания на различные посольства так подробны, то не будет большой смелостью предположить, что Лагид писал не только на основании своей памяти, но имел также *ὑπομνήματα*, деловые журналы, которыми и пользовался при составлении своего труда. Его положение давало ему возможность доставить в избытке и другие материалы и пользоваться ими. Само собою разумеется, что при своих походах Александр имел с собою свою канцелярию, свои деловые бумаги, свой архив, если хотите; когда, как рассказывают (*Plut., Eumenes.*, 4), при взносах триерархов на флот Инда Эвмен отказывался уплатить требуемые 300 талантов и желал внести только 100, разгневанный Александр приказал поджечь его шатер, чтобы в то время, когда он будет спасать свое имущество, все могли видеть, как богат его *γραμματοεὺς*; расплавившегося во время пожара золота и серебра оказалось более 1000 талантов, но Александр жалел, что погибли бумаги (*καὶ*

μετενόησε τῶν γραμμάτων διαφθαρέτων ὁ Ἀλέξανδρος), и послал сатрапам и стратегам приказ прислать копии с отправленных к ним письменных указов (*ἀντίγραφα τῶν διεφθαρμένων ἀποστέλλειν*). Диодор (XVIII, 4) из лучших источников — из кардийца Иеронима — сообщает, что когда улеглись последствия за смертью Александра смуты, новый наместник Пердикка нашел в бумагах царя (*ἐν τοῖς ὑπομνήμασι τοῦ βασιλέως*) список расходов на похороны Гефестиона и другие планы царя (*τὰς λοιπὰς αὐτοῦ ἐπιβολάς*): *ἦν δὲ τῶν ὑπομνημάτων τὰ μέγιστα καὶ μνήμης ἄξια τάδε* и затем следует список этих грандиозных проектов. Что сделалось с архивом Александра, разошелся ли он по разным рукам или был уничтожен, мы не знаем; но *γαζοφύλαξ* Ксенокл — бывший при Селевке I в Вавилоне, — мог сообщить стратегу Патроклу *ἀναγραφή* государства, изготовленную по распоряжению Александра.

IV. Значительно большие трудности представляют письма.

Со времени появления критики Бенгли на письма Фалариса все более и более утверждалось мнение, что, чем знаменитее имена авторов и адресатов, дошедших до нас от греческой древности писем, тем несомненное является их поддельность.

Из многих указаний видно, что оживленная корреспонденция, должностная и частная, принадлежит к самым характерным чертам исследуемого нами времени. В противном случае Клитарх не вставлял бы так часто писем, хотя и сочиненных, как мы это еще теперь видим из опирающихся на его рассказ исторических трудов; в речах, тоже принадлежащих ко времени Александра, часто приводятся цитаты из писем Олимпиады (*ἐν ταῖς ἐπιστολαῖς*, Нурег., III, 36), царя Оха (Aeschin., III, 238), Дария (Dinarch., I, 27) и т.д.; Эсхин (III, 164) описывает, как в последние дни перед получением известия о битве при Иссе Демосфен, полный горделивой уверенности в победе персов, расхаживал «с письмами во всех десяти пальцах» (*τὰς ἐπιστολάς ἅς ἐξηρητημένους ἐκ τῶν δακτύλων περιήρεις*), где рассказывалось, что Александр отрезан и что его маленькому войску суждено погибнуть под копытами несметных конных полчищ персидского царя. А у Динарха (I, § 35) в его рассказе о восстании царя Агиса (331 год), в то время, когда Александр, *ὡς οἱ λέγοντες, ἐν Ἰνδοῖς ἦν*, Демосфен делает то же самое, что о нем сказал Эсхин: *ἐκ τῶν δακτύλων ἀναψάμενος περιεπορεύετο τρυφῶν ἐν τοῖς τῆς πόλεως κακοῖς κτλ.* Письма Александра и его преемников упоминаются в нескольких относящихся к этому же времени надписях греческих городов (С. I. Graec., II, n° 3137, с. 101: *καὶ περὶ οὗ Ἀλέξανδρος γεγράφηκεν*; С. I. Graec., II, n° 2671, с. 45: *κατὰ τε τὸ διάγραμμα τοῦ βασιλέως καὶ τοῦ νόμου*; С. I. Graec., II, n° 2166: *ταῖς διαλυσίεσσι, ταῖς ὁ βασιλεὺς ἐπεκρίνε[το] κтл.*), или же приводятся в них целиком (надпись Эфеса у Conze, *Reise nach Lesbos*, с. 75; надпись Эрифр в Monatsbericht der Berl. Acad., 1875, с. 559 и др.). Из непосредственно следующего за этим времени мы находим в речах Демосфена множество писем, частных и государственных, которые или случайно упоминаются оратором, или прочитываются в качестве доказательств.

Так как большая часть общественных дел в государстве Александра совершалась в форме письменных предписаний сатрапам, стратегам и городским чиновникам, в форме письменных сообщений и прошений, обращенных к царю, обмена писем между должностными лицами царя и городов и т.д.,

так как царь, несомненно, вел также и частную переписку со своею матерью, с находившимися с ним в дружбе учеными, философами, художниками и так как примеру царя следовали и окружавшие его воины, гражданские чины и писатели, то мы и видим, что после смерти Александра могло существовать множество деловых, частных и интимных писем, представлявших для умевшего найти их специалиста обширный материал для исследований.

Собственно в том, что в дошедшей до нас литературной традиции попадаются письма и отрывки писем, нет ничего странного. Но некоторые обстоятельства, относящиеся именно к этой традиции, возбуждают подозрение.

Литературный и риторический характер, развившийся в историографии и главным образом, по-видимому, в школе Исократы, требовал того, чтобы для большей живости и индивидуализации исторического рассказа в изложение вставлялись письма, составленные по аналогии деловых и политических сношений действительной жизни. Мы имели уже случай упомянуть о том, что следующие Клитарху сочинения и особенно книга Курция могут служить тому примером; а до какого безвкусыя могла, наконец, развиться эта манера, видно из Псевдо-Каллисфена и его переделок.

Второй пункт для сомнений мы находим в известном свидетельстве Галена (*De nat. hom.*, I, 42, с. 105 ed. Kuhn), что с тех пор, как Лагиды и Атталиды основали свои библиотеки, многие сочинения начали подделываться и пускаться в продажу. Мы имеем полное право считать несомненным, что в числе этих подделок находились также и письма различных знаменитостей и целые сборники писем.

Выдумки третьей категории мы находим в школьных упражнениях, где предметом изучения и упражнения служило, между прочим, и *πῶς δὲ ἐπιστέλλειν* (Demetr., *Περὶ ἐρμηνείας*, 223, III, с. 310 ed. Spengel); даваемая вместе с темю ситуация весьма часто должна была служить поводом к тому, что в письмо вводились исторические факты в том виде, как представляло их общепринятое предание; но они служили только декорацией или мотивом этого мнимого письма, как мы это видим в так называемых письмах Эсихина, Демосфена и Диогена Синопского.

Из этой общей характеристики эпистолографических документов, которые мы имеем для истории Александра, — а к истории диадохов и эпигонов относится приблизительно то же самое, — вытекают и необходимые приемы их критики.

Подлинные не только те письма, которые цитируются ораторами того времени или сохранились в официальных надписях; в числе дошедших до нас в литературе и иным путем писем могут тоже находиться подлинные письма, и определение их подлинности или поддельности зависит от исследования в каждом отдельном случае.

Если Арриан так ясно, как он это делает, отличает сомнительную традицию — *ὡς λεγόμενα μόνον ἰπὲρ Ἀλεξάνδρου ἀνέγραψα* — от тех цитат, которые он приводит из Птолея и Аристубула, то мы имеем все основания предполагать, что все те немногочисленные письма, которые он приводит не как *λεγόμενα*, могут считаться подлинными. Эти письма следующие.

Письмо Александра (I, 10, 4) к городу Афинам, в котором он требует выдачи *τῶν ἀμφὶ Δημοσθένην καὶ Λυκούργον*; кроме них здесь называется еще семь государственных деятелей Афин. Другие писатели приводят другие

имена. Плутарх, «следуя большинству лучших историков», называет только восемь человек (Plut., Demosth., 23), но это ничего не доказывает против отданного Аррианом преимущества и подлинности письма, на которое он ссылается.

Затем письмо Дария после битвы при Иссе (II, 14, 2–3) и ответ на него Александра (II, 14, 4–9). Заимствованные из Клитарха версии дают почти в том же самом месте письмо и ответ на него, но составленные таким образом, что для второго и третьего письма с ответами на них остается еще достаточно материала, между тем как, по Арриану (II, 25, 3), Александр дал послам Дария ответ на словах, смысл которого был таков, что персидский царь должен сам к нему явиться (*ἐκέλευέ τε αὐτὸν ἴκειν κτλ.*). За подлинность письма у Арриана говорит то, что Дарий называет своим предшественником царя Артаксеркса, а ответ Александра называет его Охом, затем подробности, касающиеся нарушения мира, которое каждый из них приписывает другому, и наконец, главным образом — упрек в том, что персы хвалились в «открытых письмах» или «манифестах», своим участием в убийении Филиппа (*ὡς αὐτοὶ ἐν ταῖς ἐπιστολαῖς πρὸς ἅπαντα ἐκομπάσατε*).

Далее письмо Александра к Клеомену Навкратийскому, наместнику египетской Аравии (III, 5, 4), по поводу почестей, которые должны быть оказаны умершему Гефестиону (VII, 23, 6); намеки, делаемые в этом письме на положение вещей в Египте, объясняют его появление в сочинении Лагида и в то же время ручаются за его подлинность.

Арриан называет подозрительными несколько других приводимых им писем: письмо Пармениона к Аристобулу, когда Александр заболел после купанья в Тарсе, где царя предостерегали против врача Филиппа (II, 4, 7), мнимое письмо царя к Олимпиаде о сделанных в Индии открытиях (VI, I, 4) и затем мнимые письма Антипатра и Олимпиады к Александру, переполненные взаимными обвинениями (VII, 12, 5).

Подлинность дальнейших писем Александра, приводимых заведомо благонадежными авторами, кажется нам не подлежащей никакому сомнению. Теперь уже достаточно установлено, что кардианец Иероним работал старательно и по лучшим источникам, а также и то, что история диadoхов у Диодора составляет извлечения из него. Когда Диодор (XVIII, 8) приводит слова из послания Александра к изгнанникам греческих городов, которое было затем прочтено Никанором при праздновании СХIV олимпиады, то ни в его форме, ни в содержании мы не находим причин сомневаться в том, что *ἐπίταγμα* Александра, как называет этот документ Гиперид, имело такую редакцию; хотя наряду с ним и могли быть даны отдельные государствам, как например, Калимме (С. I. Graec., II, n° 2671), Митилене (С. I. Graec., II, n° 2166 об *διαλύσεις*), Хиосу (Phot., Bibl., cod. 176, с. 203 о Феопомпе), особые рескрипты касательно приведения в исполнение этого приказа. Эти документы принадлежат к *διαγράμματα*, на которые, указывает, несомненно, подлинное *διάγραμμα* Полисперхонта к эллинам (Diodor., XVIII, 56). Свои 10 книг «Истории после Александра», доведенной только до 321 года, Арриан тоже почерпнул из Иеронима; когда Фотий в своем извлечении из этого сочинения цитирует перехваченные письма Демада к Пердикке (§ 15 сл.: *ἐν οἷς ἔγραφε Περδίκκα σφίσειν τοὺς Ἕλληνας* и т.д.), то мы без всякого колебания должны признать подлинность этих документов.

Цитаты позднейших авторов не представляют нам такой гарантии. Хотя Плутарх и цитирует несколько раз письма Александра таким образом, как будто бы он имел перед собою их собрание (Plut, Alex., 17 и 60: *αὐτὸς Ἀλέξανδρος ἐν ταῖς ἐπιστολαῖς*), но там рядом с подлинными письмами могли находиться и поддельные; что касается до их фактического содержания, то многие из них, судя по приводимым цитатам, не могут быть заподозрены, каково письмо о ранах, полученных царем при Иссе (с. 20), письмо о переходе по морю у Фаселиды (с. 17); другие же весьма подозрительны, как например письмо, где царь осыпает Аристотеля обвинениями и угрозами (с. 55), и еще более письмо (с. 47), в котором рассказывалось почти так же, как это подробнее изложено Курцием (VI, 2, 16 — 4, 2), о высказанном войсками в Гиркании желании возвратиться на родину и о произведенном на них речью Александра впечатлении *σχεδὸν αὐτοῖς ὀνόμασι ἐν τῇ πρὸς Ἀντίπατρον ἐπιστολῇ*, и, наконец, письмо Александра к матери (с. 27) *οὐ μαντεύεται ἀπόρρητοι*, которые дал ему бог в Аммонии, то самое письмо, которое пользовалось такой обширной известностью среди отцов церкви (*quam maxime innotuit*) и дальнейшие подробности о котором сообщает Zacher (Pseudo-Kallisthenes, с. 172).

С большей деловитостью и вниманием отнесся к своей задаче Страбон. Мнимое письмо Кратера к своей матери об Индии он цитирует (XV, 702) со вполне справедливыми сомнениями в его подлинности (*ἐκδέδοται δὲ τις καὶ Κρατέρου ἐπιστολὴ πολλὰ τε ἄλλα παράδοξα φεράουσα καὶ οὐκ ὁμολογούσα οὐδενί*). Поэтому когда он без всяких оговорок цитирует письмо металлефта Кратета о спуске Копайдского озера (IX, 407) и письмо металлефта Горга из Иаса о соляных промыслах и рудниках в горах Индии (*ὡς ἐδήλωσε Γόργος*, XV, 700), то, по-видимому, мы не имеем никаких фактических причин сомневаться. Рассказ Страбона (V, 232) о том, что Александр писал римлянам, жалужь на морские разбои подвластных им этрусков, может быть, вовсе не так лжив, как это обыкновенно думают на основании слов Арриана (VII, 17).

Мы не будем входить в рассмотрение вопроса о том, можно ли найти в некоторых цитатах позднейших лексикографов остатки подлинных писем Александра. Если Гезихий s. v. *σκοῖδος* говорит: *ἡ λέξις κείται ἐν ταῖς ἐπιστολαῖς Ἀλεξάνδρου*, то Поллукс (X, 16) приводит то же самое слово без указания источника с двумя совершенно другими объяснениями, и представляется большим вопросом, можно ли проследить их, несомненно, общий, во всех других случаях, источник далее Дидима до Деметрия Фалерского. Гезихий приводит из писем Александра еще слова *Ἀραπανοί, Τητικὰ, ταγανόχαλι (?)*, а Поллукс (VII, 28) цитирует из письма Олимпиады слово *ἐριουρχειῖον*.

В цель нашего обзора не входит разбирать все отдельные цитаты из писем Александра и его современников. Полное собрание всех цитат дает Westermann: *De epistolarum scriptoribus graecis commentatio*, с. 1–8. Ср.: Hansen R. *Über die Echtheit der Briefe Alexanders des Grossen* (Philologus. XXXIX [1880]. 258–304).

V. Наконец, идут речи, под которыми я подразумеваю не речи аттических ораторов этого времени, хотя и между ними одни представляют собою подделку (какова речь Демада *περὶ δωδεκαετίας*), другие дошли до нас не под тем именем (такова речь Демосфена *περὶ τῶν πρὸς Ἀλέξανδρον συνθηκῶν*), а третьи (таковы речи, относящиеся к процессам Гарпала и Ктесифонта)



ставят в других отношениях задачи для критики фактов. Здесь дело идет о тех речах, которые, — оставляя в стороне Псевдо-Каллисфена и его переделки, — дошли до нас в целом виде или в виде отдельных указаний у Арриана, Курция, Диодора, Юстина и др.

Мы можем принять без всяких колебаний, что речи у следовавших Клитарху писателей представляют собою вольные измышления; отчасти даже еще заметно, как Клитарх группировал факты, чтобы найти место для эффектных речей; его переделыватели тоже пробовали свое искусство в тех же самых местах. Речь, с которой обратился к персидскому царю перед выступлением в битву при Иссе у Диодора (XVII, 30) афинский стратег Харидем, заключает в себе совершенно другие точки зрения, чем слова Курция (III, 2, 10) по тому же самому случаю, так что греческий автор, которого Курций вольно переводит на латинский язык, хотя и следовал в общих чертах рассказу Клитарха, в этом месте должен был дать свободу своей фантазии. Сам Курций должен был поступать со своим образцом точно так же. По поводу речи, произнесенной перед царем послом скифов, он говорит (VII, 8): *sic quae locutos esse apud regem memoriae proditum est, abhorrent forsitan a moribus nostris et tempora et ingenia cultiora sortitis; sed ut possit oratio eorum sperni, tamen fides nostra non debet, quare utcunque sunt tradita incorrupta perferemus.* О своем приеме работать он говорит (VII, 11, 12): *Rex Cratero arcessito et sermone habito, cujus summa non edita est.*, т. е. он заимствует из своего образца только *summa* и обрабатывает ее по-своему. К сожалению, в наших рукописях Курция недостает тех листов, где описывались последние минуты Дария; у Юстина (XI, 15, 6) он еще не умер от своих ран, когда его настиг Александр, и он обращается к последнему через толмача с трогательной речью, поручая ему свою жену и детей и завещая ему отомстить своим убийцам. Диодор (XVII, 73) говорит, что Дарий был уже мертв, когда Александр настиг его, *ὡς δὲ ἔτιοι γεγράφασιν, ἔμπροσθεν ἔτι καταλαβόν τοῖς μὲν ἀτυχήμασιν αὐτοῦ συνήλθησε, παρακληθεῖς δὲ ὑπὸ τοῦ Δαρείου μετελθεῖν τὸν φόνον καὶ καθομολογήσας ἐδίδωξε τὸν Βῆσσον.* Таково приблизительно содержание этой речи у Юстина. Манера Клитарха говорит обо всем вполне положительно, ясно, так, как будто бы он сам был везде свидетелем, не позволяя нам предположить, что он приводил рядом две противоречившие друг другу традиции, и в таком случае Диодор в этой части своего сочинения, вероятно, пользовался не Клитархом, как Трог Помпей, но, вероятно, какой-нибудь обработкой Клитарха, где, между прочим, упоминалась и отличная от него версия. Сопоставляемая с этим разница в рассказе о смерти Александра между Диодором и Юстином получает свое значение; Юстин прямо говорит (XII, 14, 1): *auctor insidiarum Antipater fuit*, затем следует рассказ о том, как он послал своего сына Иоллу с ядом в Вавилон; 0 Диодор (XVII, 117), напротив, сообщает, что болезнь повлекла за собою смерть царя; *ἐπεὶ δὲ τινες τῶν συγγραφέων περὶ τῆς τελευτῆς τοῦ βασιλέως τούτου διαπεφωνήκασι ἀποφαινόμενοι διὰ φαρμάκου θανάσιμου γεγονέναι τὸν θάνατον*, то он передает здесь рассказ про Иоллая и заключает: *μετὰ δὲ τὴν τελευτὴν πλείστον ἰσχύσαντος τῶν κατὰ τὴν Εὐρώπην καὶ μετὰ ταῦτα Κασσάνδρου τοῦ υἱοῦ διαδεξαμένου τὴν βασιλείαν, πολλοὺς συγγραφεῖς μὴ τολμᾶν γράψαι περὶ φαρμακείας* Характеристичность этого оборота делается еще виднее при сравнении с такой же двой-

ственностью у Курция (X, 10, 14): *veneno necatum esse credere plerique, filium Antipatri inter ministros etc. ... haec utcunque sunt credita, eorum, quos rumor adperserat, mox potentia extinxit; regnum enim Macedoniae Antipater et Graeciam quoque invasit* (ср.: Diodor., XVII, 23: *ἔνιοι δὲ λέγουσιν*; XVII, 65: *ὡς μὲν ἔνιοι γεγράφασιν*).

Удобный переход к речам, приводимым Аррианом, представляют собою события у Гифасиса и то, что сообщает о них он и другие авторы. То, что у Юстина (XII, 8, 11 слл.) является здесь в форме общих жалоб, в рассказе Диодора (XVII, 94) почти совершенно пропадает; речь Александра, на содержание которой Диодор только указывает словами: *συνῆγε πάντας εἰς ἐκκλησίαν, διελθὼν δὲ λόγον πεφροντισμένον περὶ τῆς εἰς Γαυδαρίδας στρατείας* κтл., у Юстина совершенно отсутствует. Намерения обоих или, скорее, их источник, выясняют нам только находимые у Курция подробности (IX, 11, 10 слл.); а изложение этих событий у Курция в свою очередь дополняется Диодором. После встречи Александра с Сонифом мы читаем:

у Диодора, XVII, 93, 2

αὐτὸς δὲ εἰς τὴν Φηγέως δυναστείαν ἐμβάλων καὶ τῶν ἐγχωρίων ἀσμένως τὴν τῶν Μακεδόνων παρουσίαν προσδεξαμένως, καὶ τοῦ Φηγέως μετὰ δώρων πολλῶν ἀπαντήσαντος, τὴν τε βασιλείαν ἔχειν συνεχώρησε καὶ ξενισθεῖς μετὰ τῆς δυνάμεως ἐπὶ δύο ἡμέρας λαμπρῶς ἐπὶ τὸν Ἰπτανίον ποταμὸν προῆγεν, οὗ τὸ μὲν πλάτος ἢ σταδίω ἐπτὰ, τὸ βάθος ἕξ ὀργυίων, τὸ δὲ ρεῦμα σφοδρὸν καὶ δυσδιαβατόν.

у Курция, IX, 1, 36

Phegeus erat gentis proximae rex: qui popularibus suis colere agros, ut adsueverat, jussis Alexandro cum donis occurrit, nihil quod imperaret detrectans.

Biduum apud eum subsistit rex, tertio die amnem superare decreverat transitu difficilem, non spatio solum aquarum, sed etiam saxis impeditum.

Затем у обоих писателей следует рассказ о том, как Александр сначала у Фигея, потом у Пора собирает сведения о Ганге, о земле прасиев и гангаридов, о тамошнем царе — Диодоре называет его *Ξανδράκης*, Курций *Agrammes*, — и как он раздумывает и колеблется. Затем следует то, что Юстин приводит как жалобы войска, Диодор — как размышления Александра, и что у Курция является в форме склоняющегося то в ту, то в другую сторону решения Александра, причем он дает менее подробностей, чем Диодор, и не упоминает о данных Пифией и Аммоном предсказаниях о разрешении солдатам грабить и о льготах в пользу их жен и детей; Курций заключает словами (IX, 2, 12): *vicit ergo cupido rationem, et ad contionem vocatis militibus ad hunc maxime modum disseruit*. Затем следует превосходная речь царя, где он безуспешно старается убедить их не бросать начатого дела и пытается пробудить в них чувство чести; они могут возвратиться на родину, если не хотят следовать за ним, *solus quoque ire perseverabo... ite reduces domos, ite deserto rege ovantes*. Они и теперь еще остаются безмолвными и грустными; тогда начинает говорить стратег Кен, защищаясь от сделанных войску упреков: *digna prorsus*



cogitatio animo tuo, sed altior nostro; virtus tua semper in incremento erit, nostra vis jam in fine est; intuerе corpora exanguia, tot perfossa vulneribus, tot cicatricibus putria, jam tela hebetia sunt, jam arma deficiunt; vestem Persicam induimus, quia domestica subvehi non potest, in externum degeneravimus cultum; quocuique lorica est? quis equum habet и т.д. Этому соответствуют слова Диодора (XVII, 94): *ὁρῶν δὲ τοὺς στρατιώτας κτλ. τῶν δὲ ὄπλων τὰ πλείοστα κατεξάνθαι καὶ τὸν μὲν Ἑλληνικὸν ἱματισμὸν ἐκλελοιπέναι κтл.*, и жалобы и просьбы войска у Юстина (XII, 8): *ostendere alius cantitiem, alius vulnera, alius aetate consumpta corpora etc.*

У Арриана положение остается таким же, только в общих чертах; у него Александр, после всего того, что он узнал о лежащих по ту сторону Гифасиса землях, имеет намерение покорить и их; но македоняне уже утомлены войною. В лагере начинаются беспорядки, — одни, более умеренные, жалуются на свою судьбу, другие объявляют, что не пойдут дальше, даже если во главе их станет сам Александр. Тогда Александр, чтобы пресечь дальнейшее распространение упадка духа и мятежа, созывает не войско, но военачальников, *ἡγεμόνες τῶν τάξεων*, к которым он обращается со словами: *ὦ ἄνδρες Μακεδόνες τε καὶ σύμμαχοι*; содержание его речи (V, 25, 3 — 26, 8) заключается в том, что он хочет обсудить с ними, идти ли дальше, или повернуть назад, *ὡς ἢ πείσας ἄγειν τοῦ πρόσω, ἢ πεισθεὶς ὀπίσω ἀποστρέφεισθαι*. Затем следует ответная речь стратега Кена (V, 27, 2–9), который прямо ссылается на то, что царь желает действовать *οὐ κατὰ πρόσταγμα*, но *πείσας μὲν ἄγειν, πεισθεὶς δὲ οὐ βιάσασθαι*, против смелых политических планов Александра он выставляет картину усталости и упадка духа войска и советует царю быть умеренным в счастье. Недовольный этой речью и произведенным ею впечатлением, царь распускает собрание и снова созывает его на другой день, чтобы объявить, что каждому предоставляется свобода возвратиться на родину и что он найдет достаточно людей, которые последуют за ним. Затем до третьего дня он не выходит из своего шатра и не допускает к себе даже приближенных, тщетно надеясь, что его гнев переменит настроение войска; он приказывает принести жертву за успех дальнейшего похода; жертвы неблагоприятны, и это дает ему повод отдать приказ к возвращению.

Очевидно, что этот рассказ Арриана и его речи — проще и ближе к истине, чем у следовавших Клитарху авторов. Спрашивается, сам ли он составил эти речи или заимствовал их из Птолемея, составил ли их Птолемей свободно или же повторил или переработал в них то, что он записал для себя, хотя бы в своем дневнике, об этом важном событии.

Александр говорит у Арриана, что он хочет идти далее, вниз по течению Ганга, пока не обнаружится, что море, в которое впадает эта река, соединяется с Гирканским морем, так как океан обтекает всю землю; он покажет македонянам и союзникам, что и Персидское море тоже соединяется с индийским, он обогнет на кораблях Ливию и дойдет до столбов Геркулеса, а от этих столбов его государство будет обнимать свою лежащую перед ними Ливию и, таким образом, всю Азию, и его границами будут границы, поставленные богом земле. Эти выражения наводят на серьезные сомнения.

Далее (VII, 1) тот же Арриан рассказывает, что Александр, счастливо миновав пустыню Гедросии и прибыв в Персеполь, желал исследовать устья Евфрата и Тигра и лежавшее здесь море; а по словам некоторых авторов (*οὐ δὲ καὶ τὰδε ἀνέγραψαν*) — он имел намерение проплыть на кораблях вдоль берега Аравии, Эфиопии и Ливии до Гадеса и Средиземного моря и т.д.; затем, как рассказывают некоторые (*ἔνθεν δὲ οἱ μὲν λέγουσι*), он желал проникнуть в Понт и идти походом против скифов, а другие — что он хотел идти в Сицилию и Япигию и воевать с римлянами; сам он, прибавляет Арриан, не может сделать верных заключений относительно планов Александра и не желает прибегать к гипотезам и т.д. Таким образом, он и здесь точно отделяет то, что он имеет из своих хороших источников, от сведений, которые он считает за *λεγόμενα μόνον*. Но о своем намерении обогнуть на кораблях Африку и дойти до столбов Геркулеса Александр уже прямо высказывается у Арриана в своей речи у Гифасиса; если Арриан заимствовал эту речь из Птолемея, то ручательством за действительность этого плана обогнуть на кораблях Африку был для него Птолемей и, говоря ниже о задуманных в Персеполе предприятиях, он не мог упоминать о плане обогнуть Африку между *λεγόμενα μόνον ὑπὲρ Ἀλεξάνδρου*. Если, говоря о задуманных в Персеполе предприятиях, он подвергает сомнению план обогнуть Африку словами *οἱ δὲ ἀνέγραψαν*, как не упоминаемый его лучшими источниками, то свою речь на Гифасисе он взял не из Птолемея или Аристубула, но или заимствовал ее из других, худших, источников, или составил ее сам.

К подобного же рода соображениям дает повод и второе место в произнесенной на Гифасисе речи. У Арриана царь упоминает также о подвигах Геракла и Диониса, которые совершили свои великие дела не сидя дома и не без трудов; македоняне проникли гораздо далее Нисы, до которой дошел Дионис, и взяли Аорн, которого не мог взять Геракл. Что в традиции, следовавшей Клитарху, упоминались оба эти пункта, видно из слов Курция в соответственном месте (IX, 2, 29): *...ne infregeritis in manibus meis palmam, qua Herculem Liberumque Patrem, si invidia afuerit, aequabo*. Если бы Арриан заимствовал эту речь из Птолемея или Аристубула, то они должны были бы заставлять царя говорить вещи, в которые они вовсе не верили сами, так же как и Арриан (ср. VI, 28, 2). В начале пятой; книги он подвергает критике рассказы о геройских подвигах Геракла и Диониса в Индии, говоря, что, хотя Александр и желал, чтобы рассказы нисейцев про Диониса считались за истину (*καὶ ἤθελε πιστὰ εἶναι τὰ ὑπὲρ τοῦ Διονύσου τῆς πλάνης μυθεύμενα*), но он совершенно согласен с критикой, которой подверг Эратосфен все эти мифические события (*ὃς λέγει πάντα ὅσα ἐς τὸ θεῖον ἀναφέρεται ἐκ Μακεδόνων πρὸς χάριν τῆν Ἀλεξάνδρου ἐς τὸ ὑπέρογκον ἐπιφημισθῆναι*, V, 3, 1). Если бы у Арриана, как у следовавших Клитарху писателей, Александр говорил перед всем войском, то приспособление этой сочиненной речи, к образу мыслей толпы можно было бы считать ловким искусственным приемом, но так как у Арриана он держит ее к стратегам и таксиархам, то он должен был прибегнуть к лучшим доводам, чтобы убедить их, и особенно к доводам военным, чтобы заранее опровергнуть те военные возражения, с которыми они могли выступить против его намерений. Условия, при которых царь произносит эту речь у Арриана, вероятно, заимствованы из Птолемея или Аристубула, так как они отступают от Кли-



тарха; если же затем в самой речи он говорит о вещах, которые не соответствуют данной им ситуации, не соответствуют истине, по его просвещенному мнению, и не почерпнуты им из лучших источников, которым он в других случаях следует, то при составлении этой речи он должен был следовать той традиции, которую он вообще далеко не считал за заслуживающую доверия, несмотря на все ее риторическое совершенство.

Между немногочисленными большими речами, даваемыми Аррианом, есть еще две, которые наводят нас на некоторые размышления, полезные для нашей цели. Одна из них — речь, произнесенная перед битвой при Иссе (Arrian., II, 7, 3). Александр обращается с речью к стратегам, илархам и гегемонам союзников, чтобы «вдохнуть в них надлежащее настроение»; он доказывает, что движения неприятеля, казавшиеся удачным обходом македонского войска, были, напротив, крайне желательны, доставляя македонянам возможность дать сражение в наиболее удобных для них условиях местности, и т.д. Арриан приводит эти слова в косвенной речи; если затем он говорит с прибавкой *λέγεται*, что Александр напомнил также Ксенофонта, и десять тысяч, то мы можем считать себя вправе сделать заключение, что то, что предшествует этому *λέγεται*, почерпнуто из Птолемея или Аристобула и что эта речь, может быть, в такой же косвенной зависимости была приведена Птолемеем, бывшим тогда в числе самых близких к Александру лиц, как действительно сказанная Александром.

У Арриана, царь держит эту речь вечером накануне сражения перед собранием всех начальствующих лиц, а на следующее утро, объезжая при выступлении в бой отдельные части армии, произносит здесь и там слова одобрения (II, 10, 2). Следующие Клитарху авторы знают только эти обращения перед самым сражением, и в них отчасти содержатся те же самые мотивы, как и в речи, произносимой у Арриана накануне вечером.

В этой речи встречаются странные места. Когда Александр, сравнивая свое войско с войском персидского царя, говорит, что здесь находятся привычные к войне македоняне, там — мидяне и персы, здесь — эллины, сражающиеся за свободу, там — эллины, сражающиеся ради даже не особенно высокого жалованья, здесь храбрейшие «варвары Европы», там — изнеженнейшие народы Азии, и, наконец, кроме всего этого, здесь Александр, а там Дарий — *ἔτι δὲ Ἀλέξανδρον ἀντιστρατηγεῖν Δαρείῳ*, — то весьма мало вероятно, чтобы такое высокомерное выражение царя могло быть заимствовано из сохранных Лагидом набросков действительно произнесенной царем речи; это тем более невероятно, что, как тотчас же вслед за этим уверяет Арриан, Александр, поименно называя в это речи своих храбрых офицеров, упомянул о тех сражениях, в которых они отличались, и наконец, но самым скромным образом, прибавил, что и он не избегал опасностей (*καὶ τὸ αὐτοῦ οὐκ ἀκίνδυνον ἐν ταῖς μάχαῖς ὡς ἀνεπαχδέστατα ἐπέζηει*).

Если Александр в действительности не говорил таким образом, если Арриан своим *λέγεται* указывает на то, что только упоминание о десяти тысячах не истекает из его лучших источников, то и в таком случае не составил ли Птолемей эту большую половину речи в том виде, как она передана у Арриана, не совсем удачно? В следовавшей Клитарху традиции находится не только это упоминание о десяти тысячах, но и фраза, соответствующая другому месту в той части речи Арриана, которая стоит перед *λέγεται*, —

фраза, что после этой победы его войску останется только *κρατεῖν τῆς Ἀσίας ξυμπάσης καὶ πέρας τοῖς πολλοῖς πόνοις ἐπιθεῖναι*. Юстин (XI, 9, 5) говорит: *Macedones nunc Europae victae admonet, nunc Asiae expetitae... caeterum et laborum finem hunc et cumulum gloriae fore; а Курций (III, 10, 4) прибавляет: Macedones tot bellorum in Europa victores ad subigendam Asiam atque ultima Orientis, non ipsius magis quam suo ductu profecti... non Persis modo, sed etiam omnibus gentibus imposituros jugum; Macedonum provincias Bactra et Indos fore...* Все это есть разукрашенная риторическими подробностями одна и та же основная мысль: «близкий конец трудов, господство над всей Азией, — мысль, которая в устах верховного вождя и перед храбрыми, любящими отличия и дисциплинированными войсками звучит некоторым диссонансом, а произнесение этих слов перед собранием начальствующих офицеров кажется весьма неуместным, но тем более соответствующим условному характеру школьной риторики.

К этому присоединяется еще и следующее обстоятельство. У Арриана царь в собрании военачальников, в том месте, где он противопоставляет превосходные качества своих войск негодности неприятельской армии, употребляет, между прочим, такое выражение: *βαρβάρων τε αὐθράκας καὶ Παίονας καὶ Ἰλλυριοὺς καὶ Ἀγριᾶνας, τοὺς εὐρωστοτάτους τῶν κατὰ τὴν Εὐρώπην* жтл. Диодор (XVII, 17) в каталоге войск, с которыми Александр выступает в Азию, извлекает из следовавших Клитарху источников также *5000 Ὀδρύσαι καὶ Τριβάλλοι καὶ Ἰλλυριοί*. Трибаллов пропускает даже Курций; но и он и Юстин упоминают иллирийцев и фракийцев в речи царя перед сражением; *Iustin., XI, 9, 4: circumvectus suos singulas gentes diversa oratione adloquitur: Illyrios et Thracas opum et divitiarum ostentatione, Graecos veterum bellorum memoria internecivique cum Persis odii accendebat, Macedones autem Europae victae admonet nunc Asiae expetitae etc.; а Курций (III, 11, 9) говорит: Illyrios vero et Thracas raptо vivere adsuetos aciem hostium auro purpuraque fulgentem intueri jubebat, praedam non arma gestantem*. В битве при Гавгамелах Курций (IV, 13, 31) упоминает иллирийцев рядом с наемниками; он говорит (VI, 7, 35) о прибытии свежих войск во время перехода через Ариану: *tria milia ex Illyrico Antipater miserat*. Но во всем Арриане иллирийские войска нигде кроме этой речи не упоминаются и, судя по тому, что мы вообще знаем об его отношениях к иллирийцам, присутствие их в войске Александра мало вероятно. Если бы Арриан заимствовал эту речь из Птолемея, то в таком случае трудно понять, почему тот же самый автор нигде в другом месте не упоминает об иллирийцах, не упоминает даже о тех 3000, которые, по словам следовавших Клитарху источников, примкнули к войску в Ариане; еще труднее понять, почему столь точный в своих сведениях о войсках Арриан должен был упорно обходить молчанием именно этот отряд, если Птолемей не мог оставить без упоминания такого значительного по своей численности отряда. Если Арриан в своем Птолемея нигде в других местах не нашел упоминания про иллирийцев, то также и речь, в которой они упоминаются, должна была быть им почерпнута не из этого единственно надежного в военных вопросах источника. Предположение, что иллирийцы могли появиться в речи Арриана благодаря глоссе, хотя и удобно, но крайне сомнительно.



Еще одно слово о той речи, которую, по Арриану (VII, 9 и 10), Александр держал в Описе перед своими македонянами, когда он одарил ветеранов своего войска и со всеми почестями хотел отпустить их на родину, они же подняли против этого дикий мятеж. У Диодора (XVII, 109) этот момент упоминается только вкратце, у Юстина (XII, 11) он рассказан таким образом, что мы узнаем характеристический момент речи, которую имеет также и Арриан (ср. с Аррианом, VII, 8, 3 слова *jubentes eum solum cum patre suo Ammone inire bella, quatenus milites suos fastidiat*); Курций (X, 2, 14–29), у которого положена в основание та же самая ситуация, как и у Юстина, следует своему обычному приему, придав речи Александра блеск и странность. Речь у Арриана хотя и несколько длинна, но более обращена в сторону фактов, и в особенности полна поучительных сведений о времени царя Филиппа, о начале похода в Азию и т.д. Нашел ли Арриан эту речь так, как он ее передает, у Птолемея? сочинил ли ее Птолемей? или не сохранены ли в ней, по меньшей мере, главные обороты из речи, действительно произнесенной Александром?

Трудно верится уже тому, что немедленно после того, как были уведены и переданы в руки палача тринадцать зачинщиков, Александр мог говорить так долго, с такой ретроспективной пространностью и без страстности, соответствовавшей моменту такого возбуждения; не менее трудно позволить убедить себя в том, что Птолемей, который знал его и, как царь и полководец, не мог не чувствовать сопровождающего подобные моменты возбуждения, мог заставить страстного Александра говорить таким, отчасти фразистым образом. Или это не одна только фраза когда царь говорит мятежным македонянам: «вы являетесь наместниками, стратегами, таксиархами; что остается мне самому после всех этих битв, кроме моей порфиры и венца»? и как там (9, 9) говорится далее? Разве не действует расхолаживающим образом, когда он прибавляет: «я вкушаю одну пищу с вами, сплю тем же сном, как и вы, но только, думается мне, я даже не ем так хорошо, как богатые люди из вашего числа, и бодрствую за вас, чтобы вы могли спать спокойно». И далее следует фраза: «Я вступил в такой же брак, как и вы (*γάμους τε ὑμῖν τοὺς αὐτοὺς γεγάμηκα*), и дети многих из вас будут родственниками моих детей». Разве не кажется в такой же степени многоречивым и бледным, когда он приглашает их показать свои раны и желает открыть свои; впереди на его теле нет такого места, где бы не было следов ран, нет такого оружия для дальнего и рукопашного боя, от которого он не имел бы ран, ран от мечей, от стрел и метаемых машинами снарядов, ран от колней и дубин и т.д. И затем он прибавляет: «большинство из вас имеет золотые венки как доказательство вашей славы и признания ее за вами мною: а уделом павших был славный конец и блестящее погребение и большинству из них воздвигнуты на родине медные статуи, *χαλκαὶ δὲ αἱ εἰχόνες τῶν πλείστων οἴκοι ἐστᾶσιν*, между тем как из свидетельства историка Феопомпа мы выноски совершенно иное представление; в письме к Александру, относящемся к 324 году, он (fr. 277) пишет о расточительности и недостойных поступках Гарпала, который воздвиг своей умершей наложнице два роскошных монумента, один в Вавилоне, а другой в Афинах, и когда она была еще в живых, поставил ей в городе Россе медную статую, рядом со своею; весь мир изумляется этому, так как тем,

которые пали в Киликии за царство Александра и за свободу греков, до сих пор не украсили могилы ни Гарпал, ни какой-либо другой вельможа (οὔτε ἐκεῖνος, οὔτε ἄλλος οὐδεὶς τῶν ἐπιστατῶν).

Среди этих фраз пустой, школьной риторики попадаетеся затем выражение весьма сомнительного характера; здесь о заслугах царя Филиппа говорится между прочим, что он унизил Фивы и Афины, восстановил порядок в Пелопоннесе, добился гегемонии, как во время персидских войн; οὐκ ἑαυτῷ μᾶλλον τι τῆν δόξαν τῆνδε ἢ τῷ κοινῷ τῶν Μακεδόνων προσέδραμε; это выражение, бывшее ходячим в римскую эпоху (Полиен у Стобея, *Flor.*, XLIII, 53 сл. писал, например, ...ὑπὲρ τοῦ κοινῷ τῶν Μακεδόνων) и встречающееся на многочисленных монетах времени империи, является совершенно неподходящим для монархии Филиппа, которая хотя и представляла собою распадавшееся на области целое, но не была тем, что в свое время значило *κοινόν*, т. е. суммой автономных областей, соединяющихся для того, чтобы сообща владеть или заниматься некоторыми вещами.

Следовавшие Клитарху авторы излагали, как мы уже упомянули, события в другом порядке. Войска бунтуют; военачальники тщетно стараются успокоить их; тогда Александр обращается к ним с речью и спрашивает их, чего они хотят; они с криком отвечают, что все желают возвратиться на родину; затем следует гневная речь царя; в конце ее он бросается в толпу мятежников, хватает тринадцать зачинщиков и приказывает вести их на казнь; страх унимает возбуждение. У Арриана речь царя следует за взятием под стражу зачинщиков; в его речи и в речи Курция повторяются отчасти те же самые мотивы. Между тем, как у Арриана помещается длинный перечень успехов македонян со времени вступления на престол Филиппа, Курций ограничивается сжатой насмешкой: *Illyriorum paulo ante et Persarum tributaries Asia et tot gentium spolia fastidio sunt*. Между тем как в речи Арриана сказано, что Филипп первый привел македонских крестьян и пастухов с гор на плодородные равнины, дал им дороги, гавани и одежду воинов, вместо овечьих шкур, и принес к ним образованность и лучшие нравы, Курций придает этой речи саркастический оборот: *modo sub Philippo seminudis amicula ex purpuro sordent, aurum et argentum oculi ferre non possunt, lignea enim vasa desiderant et ex cratibus suta rubiginemque gladio, hoc cultu nitentes vos accepi*. Утверждение, что Александр с диадемой принял от отца и значительный долг, мы встречаем и у Курция, и у Арриана; даже разница в цифрах, приводимых ими, только видимая. Курций говорит: *hoc cultu nitentes vos accepi et D talenta aeris alieni, cum omnis regis supellex haud amplius quam LX talentorum esset*. Вместо этих цифр у Арриана:

В сокровищнице отца немного золотых и серебряных сосудов и менее 60 тал. долг, оставшийся от отца почти 500 тал.
и затем, сделанный Александром в начале своего царствования, заем в 800 тал.

Характер приводимых Курцием цифр таков, что в них ясно можно узнать цифры Арриана; Курций пропускает только 800 талантов долга, сделанного Александром; что он просто дает 500 талантов, где Арриан имеет *ἕξ πενταχόσια τάλαντα*, есть только стилистическое уклонение, а то, что *omnis*

regis supellex оценивается им в 60 талантов, между тем как Арриан насчитывает столько кроме золотых и серебряных сосудов, есть результат недоразумения или небрежности.

Как видно из отрывков историков Александра, Дурид (по мнению К. Мюллера, II, 472 со слов Клитарха) рассказывал, что при своем выступлении Александр имел только на 30 дней провианта, Онесикрит говорил, что у него было 200 талантов долга, а Аристокл утврждал, что τὸ λαμπρὸν αὐτῷ καὶ μέγα παρασκευασθὲν ὑπὸ τῆς τύχης ἐφόδιον состояло из 70 талантов. Следовательно, Арриан взял цифры в своей речи не из Аристокла, которого после Птолея он считал единственным, заслуживавшим веры, автором; так как они совпадают с цифрами авторов, следовавших Клитарху, то он должен был заимствовать их тоже и не из Птолея, если мы только правы в своем заключении, что Клитарх писал ранее Птолея; в таком случае в источнике Курция показания Клитарха уже были исправлены, согласно со словами Птолея, или Птолей повторил цифры Клитарха и, таким образом, признал их за согласные с действительностью.

Если, наконец, Арриан в этой речи говорит также об оказанных павшим почестях и о привилегиях, дарованных оставшимся после них семьям, то во всяком случае он уже говорил об этом в одном месте — после битвы при Гранике — и притом так, что мы должны считать его слова, заимствованными из Птолея; а что по поводу битвы при Гранике упоминал об этом и Клитарх, видно из Юстина (XI, 6, 13): *humatos status equestribus donavit cognatisque eorum immunitatem dedit.*

Выводы, к которым приводит это сравнение, очевидны. Если Арриан заимствовал речь в Описе не из Птолея или Аристокла, которых он в других случаях считает единственными достоверными источниками, если в своих главных мотивах и в существенных фактах она совпадает с идущим от Клитарха преданием и если положенная в ее основание ситуация и ее общий характер отличаются от этого предания, то мы, видя подобное этому в других речах Арриана, не можем не предположить, что Арриан по обычаю древних светил историографии считал уместным и необходимым характеризовать в известных местах действующих лиц или значение данного момента с помощью свободно составленных речей. Мы ограничимся здесь только указанием на то, что в таком случае в этих местах отражается и его собственное, образовавшееся под влиянием Эпиктета, мировоззрение. Какими верными и величественными штрихами ни нарисован им в его рассказе образ Александра, в речах, которые последний произносит у него, ему не удается изобразить с таким же успехом ни характера своего героя, ни тона и цвета данной ситуации; он становится схематическим, расплывчатым и фразистым. И как ни поучительны всегда те факты, которые он приводит в подобных речах, но приведенные примеры показывают, что в них он включает и такие факты, которые сохранились у него в памяти из не столь хороших и подозрительных для него самого источников.

В школах риториков Александр принадлежал к любимым темам для практических упражнений, стоит только припомнить из Квинтилиана *«deliberat Alexander an oceanum naviget, cum exaudita vox esset: quemque invicte»*, или *«an Babylona intret, cum denuntiatum esset illi responso auguris periculum»*; находящиеся в числе сочинений Плутар-

ха две статьи *de fort. Alex.*, относятся приблизительно к той же категории. Мы не будем касаться вопроса, не могли ли проникнуть в историческое предание отдельные заметки из таких упражнений.

III ТИРАНЫ ЭРЕСА

Выше мы упоминали об одной надписи из Эреса, весьма поучительной для ознакомления с политическим положением этого города во времена Александра.

Первый ее отрывок был сообщен в *Corpus Inscr. Graec.* (II, Add. n° 2166 b) по копии Kierpert'a. A. Conze, посетив Лесбос в 1858 году, снова скопировал этот отрывок и, кроме того, скопировал три других отрывка, которые он нашел на другом камне в другом месте развалин. Он издал их в своей книге (*Reise nach der Insel Lesbos.* 1865. S. 35) с дополнениями Н. Sauppe, который затем разобрал их с большими подробностями в своей *Commentatio de duabus inscriptionibus Lesbiacis* (Gottingae, 1871).

Надо предполагать, что старый камень этой надписи, несколько сужившийся кверху, кусок серого мрамора, был разбит на два куска, из которых верхний кусок был затащен в другое место. Верхний край верхнего куска (А) не поврежден; надпись сохранилась только на его узкой стороне (II); по крайней мере, ни Н. Kierpert, ни А. Conze не говорят о надписях на его широких сторонах (а, b). На нижнем куске (В) надписи находятся на его обеих широких сторонах (I, IV) и на одной из узких (III); верх и низ его повреждены, но на боковых краях есть только несколько выбоин. Буквы вырезаны *отухлоу*; конец строчек не везде достигает края камня; немало букв выветрилось от времени.

Вышина верхнего куска камня теперь равняется еще 0,54 м, ширина его узких сторон равняется 0,22 м, а широких — 0,47 м; вышина нижнего куска равняется 0,65 м, ширина его узких сторон — 0,24 м внизу и 0,23 м наверху, а широких — 0,48 м.

А. Kirchhoff был настолько любезен, что дал мне копию со сделанного им возобновления этой надписи и позволил мне воспроизвести его здесь. Порядок отдельных отрывков дает нам следующую схему:

А	а	II	б
В	I	III	IV

Составляя вместе II и III, мы можем убедиться, что, когда камень был разбит, потерялось только несколько строчек посредине; гораздо большее число строчек было, по-видимому, отколото внизу камня.

А. Kirchhoff замечает следующее: «Так как диалект этого документа начинает уже приближаться к *холичу*, то я поставил обыкновенные ударения, а не эолические».



- [.....τοῖς πολ[ι]ρχηθ[έ]ντας]
 [έν τᾶ π](όλ)η [ἀ]πολιπών (αὐτ)ομό[λη]σε καὶ το[ῖς πο]-
 [λίται]ς δισμουρίοις στατήρας εἰσέπραξ[ε] καὶ
 [τοῖ]ς Ἑλληνας ἐλ[α]ίξ[ε]το καὶ το[ῖς] βωμοῖς [κατέ]-
 5 [σ]καδε τῷ Διὸς τῷ [ΠΛ—ΓΓΙω] κ[α]ί πόλεμον ἐξε[νε]ι
 [κ]άμενος πρὸς Ἀλέξανδρον καὶ τοῖς Ἑλληνας
 τοῖς μὲν πολίταις πα[ρ]ελόμενος τὰ ὄπλα ἐξέ-
 κλ[α]ίσει ἐκ τᾶς πόλιος [πα]ρδαμί, ταῖς δὲ γυνα[ῖ]-
 κας καὶ ταῖς θυγατέρας συ[λλ]αβ[ών] καὶ ἔρξα[ις]
 10 ἐν τᾷ ἀχροπόλει τρισχιλ[ί]οις καὶ διαχοσίο[ις]
 στατήρας εἰσέπραξε, τὰν δὲ πόλιν καὶ τὰ ἱε[ῖ]α
 διαρπά[σ]αις μετὰ τ[ῶ]ν [λα]β[ε]στᾶν ἐνεπρόησε κα[ῖ]
 [σ]υ[γ]κατέκασε σώματ[α] [τῶν] πολιτᾶν, καὶ τὸ τ[ε]-
 λευταῖον ἀφικόμενος πρὸς Ἀλέξανδρον κατ[ε]-
 15 [ψ]εύδετο καὶ διέβαλλε τοῖς πολίταις· κρῖνα[ῖ]
 [μ]ὲν αὐτὸν [κ]ρυπτᾶ ψαφ[ί]σει) ὁμόσσαντας περ[ῖ]
 [θ]ανάτω (α)ῖ δὲ κε καταψ[αφ]ισθῆ θάνατος, ἀντιτ[ε]-
 μασαμ[έ]νω Ἀγωνίπῳ τὰν δευτέραν διαφορὰν
 πήσασθ[α] μ, τίνα τ[ρ]ό[πο]ν δε[ύ]ε(ι) αὐτ[ὸ]ν ἀπο[θ]α-
 20 νῆν· αἱ δὲ κε κα[λ]λ[α]φ[θ]έ[ν]τος Ἀγωνίπῳ τὰ δίκαια
 κατάγη τίς τινα τῶν Ἀγωνίπῳ (ἦ) εἶπη ἢ προ[θ]ῆ
 περὶ καθόδῳ (ἦ) τῶν κτημάτων ἀπο[θ]όσιος, κατ[ά]-
 [ρα]τον ἔμμεναι καὶ αὐτὸν καὶ γένος τὸ κ[η]νω,
 [κ]α[ῖ] τᾶλλ[α] ἔ[ν]οχος [ἔ]στω νόμου [τῶ] τὰν στάλλαν
 25 ἀνελόντι τὰν περὶ τῶν τυράννων καὶ τῶν ἐχγ[ό]-
 [ν]ων πήσασθαι δὲ κα(ι) ἐπάρων ἐν τᾷ ἐκκλησία α[ῖ]-
 [τ]ί(κ)α, τῷ μὲν δικάζοντι καὶ (βα)[θ]ρῆντι τὰ πόλε[ῖ]
 [κ]αί τὰ δίκαια εὖ ἔμμεναι, τοῖς δὲ παρὰ τὸ δίκαι[ι]-
 [ο]ν τὰν ψᾶφον φερόντεσσι τὰ ἐναντία τούτων.
 30 Ἐδικά(σ)θη ὀκτωκόσιοι ὀγδοήκοντα τρεῖς ἀπ[ὸ]
 (τ)αυτᾶν ἀπέλυσ(α)ν ἐπ[ὶ] τᾷ, αἱ δὲ (ἄ)λλ(λα)ι κατεδίκαι[σ]-
 (σ)αν.
 [Ἀ]ρνόδ[α]μ[ος]· περὶ ὧν οἱ πρέσβεις ἀπογγέλλοισ[ι]
 (ο)ῖ πρὸς Ἀλέξανδρον ἀποσταλέντες καὶ Ἀλέ-
 35 ξάνδρος τὰν διαγρ(α)φ(ᾶ)ν ἀπέπεμψε ἀφικομέ-
 νων πρὸς αὐτὸν τῶν πρότερον τυράννων ἀπογ[ό]-
 νων Ἡ(ρ)οί(δ)α τε τᾷ Τερτικωνεῖω τῷ Ἡραεῖω κα[ῖ] Ἀ-
 γησιμένε[ο]ς τῷ Ἐρμησιδεῖω, καὶ ἐπαγγελα[μέ]-

¹ Hicks (*Greek historical inscriptions*, с. 208 слл.) дает текст этой надписи с некоторыми вариантами, заимствованными из оттисков Newton'a.

² τῷ Διὸς τῷ [Φ]ιλ[ιπ]πίω? Hicks.

³ ἐπὶ τῷ пропущено по вине каменотеса.

⁴ τοῖς νόμοισι пропущено писцом.

⁵ Ἐδίκαι[σαν].

⁶ τῶν было высечено вместо двух, только один раз.



[ν]ων πρὸς (Ἄ)λέξανδρον, ὅτι ἔτοιμοί ε(ἰσ)ί δίκ[αν]
 [ύ]ποσ[χ]ε(θῆ)ν [περ]ὶ ἐγκαλημένων ἐν τῷ δά[μω],
 [ἀγαθὰ τύχα δ]ε[δόχ](θ)[αί] τῷ δάμω, ἐπει(θ)ή...

II — Верхняя узкая сторона

- [παρε](ί)λετ(ο) τὰ [ῥ]πλα καί]
 [ἐξ]εκλάϊσε ἐκ τᾶς [πό]-
 [λι]ος πανδαμί, ται[ς]
 [δ](ἐ) γυναικας καί τ[αίς]
 5 [θ]υγατέρας συλ[αβών]
 [εἰ]ρξε εἰς τὰν [ἀκρόπο]-
 [λ]ιν καί εἰς(έ)[περ]κα[ξε]
 δεσχιλίους καί [δια]-
 κοσίους στατήρας, τὰ[ν]
 10 δὲ πόλιν καί τὰ ἰ[ρ]ὰ [δι]-
 [αρ]πάσαις μετὰ τῶν
 [λ](α)ϊστᾶν ἐνέπρη[σε]
 [κ](α)ἰ συγκατ(έ)καυσε
 [σ](ώ)ματα τῶν πολιτ[ᾶν],
 15 [κ]ρίναι μὲν αὐτὸν
 [κ]ρυπτὰ (ψα)[φ](σε)[ι κα]
 [τ]ὰ τὰν διαγρα(φ)ὰν τ[ῶ]
 [β]ασιλέως Ἀλεξάνδ[ρω]
 [κ]αὶ τοῖς νόμοις· [αἰ δέ]
 20 [κ]ε καταψαφισθῆ
 [α]ὐτῷ θάνατος, [ἀντι]-
 [τι]μασαμέν[ω Ἄ](γ)[ωνί]-
 [ππ]κω, τὰν δευτέραν [ψάφι]-
 [σ]ιν ποιήσασθαι διὰ
 25 [χ]ειροτονίας, τίνα
 [τ]ρόπον δεύει αὐτὸν [ἀ]-
 [π]ρ(θ)ανῆν· λά(ς)εσθαι δ[ἐ]¹
 [κ]αὶ συναγόροις τὰ[ν]
 πόλιν δέκα, ο[ἱ]τ(ι)νε[ς]
 30 [δ]μόσσαντες Ἄ(πό)[λλω]-
 [ν]κα Λύκειον [συνα]-
 [γ]ρηήσοισι [τῷ νόμω α]-
 [ἰ δέ] κε λυνα...

.....



¹ Hicks дает λαβέσθαι δ[ἐ].

III — Нижняя узкая сторона

-
 [.....ποίησασθαι κ]-
 [αὶ ἐπάραν ἐν τῷ ἐκκλη]-
 [σία αὐτίκ] (α, τῷ) [μὲν δι]-
 [κάρο] ρτι¹ καὶ βαθεῖν-
 5 [τι τῷ] πόλει καὶ τοῖς
 [νόμο]σι τὰ δίκαια εὖ
 [ἔμμε]ναι καὶ αὐτοῖσ[ι]
 [καὶ] ἐκγόνοισι, τῷ δὲ
 [πα]ρὰ τοῖς νόμοις κα[ι]
 10 τὰ δίκαια δικάζόν-
 τεσσι² τὰ ἐναντία ὁ-
 μιν δὲ τοῖς πολί[ταις]
 τοῖς δικάζοντασ· [ἦ]
 [γ]ὰ (ν) δικάσω τὰν [δίκαν]
 15 [ὄ]σσα μὲν ἐν τοῖς [νό]-
 [μ]οισι ἔνι, καττοί[ς νό]-
 [μ]οις, τὰ δὲ ἄλλα ἐ(θ)[ε]-
 [λ]ον(τ)ὰς (?) ὡς³ ἄριστα [καὶ]
 [δ]ικαίτατα⁴ καὶ τιμά-
 20 [σ]κω, αἶ κε καταγῶ, ὀρθῶ[ς]
 [κ]αὶ δίως οὕτω ποιήσω
 καὶ μὰ Δία καὶ "Αλιον.
 Φιλίππω.
 Αἰ μὲν κατὰ τῶν φυγά-
 25 δων κρίσεις αἰ κριθε[ῖ]
 (σ)αι ὑπὸ 'Αλεξάνδρου
 κύριαι ἔστωσαν καὶ
 [ὦ]ν κατέγινε φυγὴν φε[ν]
 [γ]ετώσσαμμεν, ἀγώγιμο[ι]
 30 δὲ μὴ ἔστωσαν.
 Πρότανις Μελίδωρο(ς).
 Βασιλεὺς 'Αντίγονος
 'Ερεσίων τῇ βουλῇ
 καὶ τῷ δήμῳ χαρίειν·
 35 παρεγένοντο πρὸς ἡ-
 μᾶς οἱ παρ' ὑμῶν πρέ[σ]-

¹ [ποίησασθαι δὲ καὶ ἐπάρ-
 [αν ἐν τῷ ἐκκλησία αὐτίκ]-
 [α, τῷ μὲν δικ]αίω ὑπ-
 [ἀρχο] ρτι. Hicks.

² Описка вместо δικάζοντι.

³ τὰ δὲ ἄλλα ἐκ [φιλο-
 π]ονίας ὡς. Hicks.

⁴ Вероятно, описка вместо δικαιοτάτα.

[β]εις καὶ διελέγοντ[ο],
 φάμενοι τὸν δῆμον
 κομισάμενον τὴν παρ' [ῆ]-
 μῶν ἐπιστολήν, ἣν ἐγρά-
 (ψ)αμεν ὑπὲρ τῶν Ἀγωνι[π]-
 [π](ο)υ νί(ῶ)ν, ψήφισμά τε π[ο]-
 [ῆσ]ασθαι, (ὁ) ἀνέγνωσα[ν]
 [ῆμι]ν, καὶ αὐτοὺς ἀπε-
 [σταλκέναι? ...

III — Задняя широкая сторона

- .εν.....ηλι.....ιτη...
νλιλι.....ν ('Α)λεξαν[δρ]...
ἐρωσ]θε.
 [..... ἂ βολλά πε]ρε(β)όλλε[υσε...
 5 τεδ.....λνλ...γοσιχ.....
 .η.....ν τ[ὸν νόμον τὸν] κατ[ὰ] τῶν τυρ[άν]-
 νων[καὶ τῶν ἐ]μπό[λ]ει οἰκη]θέντων κ(αι) τῶν ἐκ(γ)ό[-
 [νων.....] κ(α)ὶ τ(α)ῖς γραφαῖ[ς]
 ...ε.....τὰν ἐκκλησίαν ἐπειδὴ καὶ [πρό]-
 10 [τερον] (ὁ) (β)ασιλεὺς Ἀλέξανδρος διαγραφὰν ἀπο[σ]-
 [τέ]λλαις π[ροσέτ]αξε ['Ἐρε]σίσις κρῖναι ὑπὲρ τ[ε]
 ['Ἀγω]ρίπ[ω] κ(α)ὶ [Εὐρυσι..]ω, τί (δ)εῖ πα(θ)ῆν αὐτοῖς, [ὁ]
 [δὲ δᾶμος ἀκο]ύ[σ]ταις τὰν διαγραφὰν δικαστήρι-
 [ν καλ]έσ(α)[ι]ς¹ κατὰ τοῖς νόμοις ὁ ἔκριν[ν]ε Ἀγωνί[π]-
 15 [π]ρμμεν καὶ Εὐρυσι... [ο]ν τε[θ]ν[ά]κην, τοῖς δὲ ἀπο(γ)ό[-
 [νοῖς αὐτῶ]ν ἐνόχο[ις ἔμμε]ν(α) τῷ νόμῳ τῷ ἐν τᾷ
 [σ]τ(ά)λλ(α), τὰ [δ](ε) ὑπάρχο[ντα] πεπρᾶσθαι αὐτῶν κατὰ
 [τ]ὸν νόμον, ἐπιστέλλ[αντος] δὲ Ἀλεξάνδρω καὶ ὑ-
 πὲρ τῶν Ἀπολ[οδ]κρε[ίων] (κα)ὶ τῶν κασιγνήτων [αὐ]-
 20 [τ]ῷ, Ἐρμωνος καὶ Ἡραΐα, τωμπρότερον τυραννη-
 σάντων τᾶς πόλιος, καὶ τῶν ἀπογόνων αὐτῶν, [κρη]-
 ναι τὸν δᾶμον, πότερον[ν] δοκ[εῖ] καταπορεύεσθ[αι]
 αὐτοῖς ἢ μ(ῆ), ὁ δὲ δᾶμος ἀκούσαις τὰς διαγραφὰς
 δικαστή[ρ](ὁ)ν τε (α)ὐτοῖσι συνάγαγε κατὰ τὸν [νό]-
 25 [μο]ν καὶ τὰν διαγραφὰν τῷ βασιλέος Ἀλεξάνδρω[ι],
 [ὁ ἔ]γνω λό[γ]ων ἐθθέντων παρ' ἄμφ(ο)τέρων τὸν τε ν[ό]-
 [μο]ν τὸν κατὰ τῶν τυράννων κύριον ἔμμεναι κα[ί]
 [φ]εύγην αὐτοῖς κατ[τὸ]ν(ν)όμον] (?) δεδόχθαι τῷ δάμ[ω],
 [κ]ύριον μὲν ἔμμεναι κατὰ [τῶν] τυράννων καὶ τῶ[ν]
 30 [ἐ]μπόλι οἰκηθέντων καὶ τῶν ἀπογόνων τῶν το[ύ]-
 [τ]ων τὸν τε νόμον τόμπερι [τ]ῶν τυράννων γεγρα[μ]-
 [μ]ένον ἐν τᾷ στάλλα [τ](ᾶ) [παλαι]ᾷ καὶ ταῖς διαγρα-
 [φ]αῖς τῶν βασιλέων ταῖς κατὰ τούτων καὶ τὰ ψα-



¹ «Это чтение весьма сомнительно, так как конструкция запутана».

- [φ]ίσματα τὰ πρότερον γραφέντα ὑπὸ τῶν προγ[ό]-
 35 [ν]ων καὶ ταῖς ψαφοφο(ρί)αις ταῖς κατὰ τῶν τυράννων· [αἰ]
 [δ]ὲ κέ τις παρὰ ταῦτα ἀλίσχηται τῶν τυράννα[ν ἢ]
 τῶν ἐμπόλι οἰκηθέντων ἢ τῶν ἀπογόνων τῶν [τοῦ]-
 [τ]ων τις ἐπιβαίνων ἐπὶ τὰν γᾶν Ἐρεσίων, [αὐτί]-
 [κ] (α τὸν δᾶμο) (ν) βου(λ)εύσασθαι κ(α)ἰ ἰ....
 40 ...λλ (.....)

Камень с этой надписью (*στάλλα λιθίνα*) был воздвигнут с целью публично выставить на вечные времена ряд документов, относящихся к процессу против тиранов города и их потомков. Вместе с историей тиранов в Эресе эти документы дают нам массу сведений об отношениях этого города к государству.

Недостающее начало (A, a) заключало в себе, по предположению Kirchoff'a, на первом месте документ *νόμος κατὰ τῶν τυράννων*, который несколько раз упоминается в следующих документах, может быть, еще и второй документ, приговор над *Εὐρυσι..ος*, на который имеются ссылки В. IV, с. 12 и 15, и, наверное, начало третьего документа, который продолжается В. I, с. 1–32.

Этот третий документ заключает в себе приговор над тираном Агониппом; осада (*τοῖς πολιορκηθέν[τας]*), о которой говорится в первой строчке дошедшего до нас текста, была, как кажется, та самая, которую весной 333 года предпринял персидский полководец Мемнон Родосский; следовательно, в предшествующих строках должно было заключаться объяснение того, как вели себя тиран и город в эпоху битвы при Гранике и выступления Александра в поход. Быть может, Евриси(ла)й был тогда тираном и был изгнан, после чего тиранией мог завладеть Агонипп; представить ход дела, таким образом, позволяет нам А. II, с. 2–5. Оратор, который произнес псевдодемосфеновскую речь, *De foed. Alex.*, указывает, какими противоречиями были исполнена политика Александра; восстанавливая тиранов в Мессении, он изгоняет их в Лесбосе: *τοὺς μὲν ἐκ Λέσβου τυράννους, οἶον ἐξ Ἀντίσσης καὶ Ἐρέσου, ἐκβαλεῖν ὡς ἀδικήματος ὄντος τοῦ πολιτεύματος, τοὺς πρὸ τῶν ὁμολογιῶν τυραννήσαντος* κтл. (§ 7). Таким образом, изгнанным тираном Эреса мог быть Евриси(ла)й, так как эта речь была, по-видимому, произнесена летом 333 года, уже после того, когда, как мы предположили выше, Агонипп овладел тиранией.

Затем, на В. I, с. 33 начинается четвертый документ. [*Ἄγηροδ[αμ]ος*, которым начинается этот акт, есть, как и В. III, с. 31, притан эпоним города. Гераид и Агисмен, потомки прежних тиранов города, обратились к Александру и, чтобы добиться разрешения вернуться, изъявили свою готовность подвергнуться суду: сюда относится изданное городом постановление, которого уже не сохранилось на камне. Мы не очень ошибемся, если предположим, что названные лица обратились со своими ходатайством и предложением к Александру на основании царского эдикта, объявленного во время празднования олимпийских игр 324 года (Ol. CXIV, 4) и дозволявшего возвратиться всем изгнанникам.

Недостающий внизу В. I кусок заключал в себе начало пятого документа, продолжение которого находится на А. II и В. III до 22 строки. Это — постановление о вторичном суде над Агониппом. Так как здесь постановлено: *κρίνναι μὲν αὐτὸν κριπτᾶ ψαφίσει κατὰ τὰν διαγραφᾶν τῷ βασιλέως*

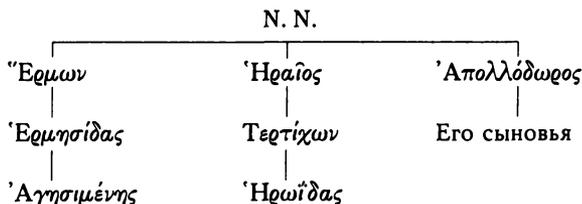


'Αλεξάνδρω καὶ τοὺς νόμοις, и так как в первом приговоре над Агониппом не упоминается никакого приказа Александра, то из этого, несомненно, вытекает следующее: во-первых, что это первое судебное разбирательство было устроено эресийцами прямо по собственному почину, между тем как о пленных тиранах других городов, которые были выданы Александру, Арриан говорит: *τοὺς τυράννους μὲν τοὺς ἐκ τῶν πόλεων ἐς τὰς πόλεις πέμπει, κηρύσσασθαι ὅπως ἐθέλοιεν* (III, 2, 7); во-вторых, что *διαγραφὰ τῷ βασιλείῳς Ἀλεξάνδρου*, упоминается в постановлении, есть обращенное к эресийцам послание в силу царского эдикта 324 года (Ol., CXVI, 1); прочтенный в Олимпии эдикт был обращен к изгнанникам; рядом с ним города должны были получить соответственные извещения с указанием, как они должны действовать согласно с этим эдиктом. Следует заметить, что по В. IV, с. 10 *διαγραφὴ* Александра *προσέταξε Ἐρεσίοις κρίναι ὑπὲρ τε Ἀγωνίπῳ καὶ Εὐρυσί...ω τὶ δεῖ παθῆν αὐτοῖς*, между тем мы не имеем более документа о соответствующем этому суде над Еврис(ла)ем.

Немедленно за присягою судей в В. III, с. 23 начинается 6-й документ распоряжения, во главе которого стоит имя *Φιλίπῳ*, бывшего царем после Александра, в силу которого его *κρίσεις κατὰ τῶν φυγάδων* и впредь должны сохранить свою законную силу. Непосредственно за этим следует (с. 31) 7-й документ, помеченный годом притана эпонима Мелидора, послание царя Антигона к эресийцам, следовательно, документ, относящийся ко времени между 306 и 301 годами. Из этого послания видно, что Антигон в одном прежнем письме к эресийцам уже выступал в защиту сыновей Агониппа и что эресийцы, вместо того чтобы исполнить его желание, послали к нему депутацию... продолжения недостает: сохранился только конец этого письма (*ἔρρωσθε*). Затем следует 8-й документ, постановление демоса Эреса на основании *προβούλευμα* совета.

Мы можем предположить, что на отколотой нижней части В. IV находилось как заключение этого документа постановление эресийцев, что такое-то должностное лицо должно высечь сказанные акты на стеле и израсходовать на это столько-то драхм.

Еще одно слово об упоминаемых в этих официальных документах тиранах. Из В. I, с. 35 слл. и из В. IV, с. 18 следует, что перед выступлением Александра в Азию тирания находилась в руках нескольких состоявших в родстве между собою лиц. Находящиеся в документах данные соединены нами в следующей родословной таблице:



По словам В. IV, с. 18, Александр (в 324 году) решил подвергнуть суду сыновей Аполлодора и их *κασιγήνητοι* Ермона и Герая, *πρότερον τυραννήσαντες*, а также и их потомков; и из В. I, с. 37 видно, что тогда внук Ермона, Агаси-мен, и внук Герая, Героида, являлись перед народным судилищем. Из одной



надписи 378/377 года (Ol. C, 3) мы узнаем, что Эрес тоже принадлежал ко второму афинскому морскому союзу (С. I. Attic., II, n° 17, с. 20); несомненно, что город тогда имел демократическое устройство; мы вправе предположить, что во время союзнической войны также и в городах Лесбоса произошли крупные политические перемены, что в царствование Филиппа Ермон и Герей, один за другим, имели в своих руках тиранию и что затем им наследовал Аполлодор, дети которого в 324 году были, вероятно, слишком молоды для того, чтобы принимать личное участие в попытках, которые, как это видно из 8-го документа, делались их двоюродными братьями также и в их интересах. Род Евриси(ла)я и Агониппа, очевидно, совершенно чужд этому древнему роду тиранов; письмо царя Антигона (после 306 года) показывает, что Агониппа тогда не было более в живых; царь выступает перед Эресом в защиту его сыновей. Если читатели найдут возможным принять наше предположение, что Агонипп весной 333 года захватил в свои руки тиранию; если его тирания отделялась от тирании Евриси(ла)я освобождением Эреса осенью 334 года, если Евриси(ла)й не принадлежал к роду Гермона, Герей и Аполлодора, то или Евриси(ла)й должен был изгнать при помощи какого-либо насильственного акта сыновей Аполлодора, или народ Эреса при каком-нибудь благоприятном случае должен был сломить их тиранию и восстановить свободу, которой затем, рано или поздно, положил снова конец Евриси(ла)й. Мы не имеем никакой точки опоры для более определенных предположений; но должны напомнить читателям о том, что в 366 году царь Филипп послал вместе с отрядом Аттала и флот (praemissa classi cum ducibus. Trog. Pomp., IX) и что весной 335 года этот отряд, направляясь к югу, прошел через Лесбос и дошел до Питаны, Гриней и Магнесии, пока персы, под предводительством Мемнона, не оттеснили его обратно к Геллеспонту.

IV

ЦАРСКАЯ ОБЛАСТЬ И НЕЗАВИСИМЫЕ ГОРОДА

(См. прим. 143 и 147 к гл. I кн. II)

В своей книге *Trojanische Alterthümer* (1874, с. 201) Н. Schliemann сообщил прекрасно сохранившуюся надпись, которую он нашел в Гессарлыке в развалинах храма, выстроенного, по его мнению, в Илионе Лисимахом. Она высечена на мраморной плите в 1,60 м высоты и 0,45 м ширины. Текст этой надписи следующий:

Μελέαγρος Ἰλιέων τῆι βουλῆι καὶ τῶι δήμῳ χαίρειν. ἀπέδωκεν ἡμῖν Ἀριστοδικίδης ὁ Ἄσσιος ἐπιστολὰς παρὰ τοῦ βασιλέως Ἀντιόχου, ὧν τὰντίγραφα ἡμῖν ὑπογεγράφαμεν· ἐνέτυχεν δ' ἡμῖν καὶ αὐτὸς φάμενος, πολλῶν αὐτῶι καὶ ἐτέρων διαλεγόμενων καὶ στέφανον δίδόντων, ὥσπερ καὶ ἡμεῖς παρακολουθοῦμεν διὰ τὸ καὶ πρῶσβεῦσαι ἀπὸ τῶν πόλεων τινὰς πρὸς ἡμᾶς, βούλεσθαι τὴν χώραν τὴν δεδομένην αὐτῶι ὑπὸ τοῦ βασιλέως Ἀν-

- 10 τίσχου καὶ διὰ τὸ ἱερόν καὶ διὰ τὴν πρὸς ὑμᾶς εὐνοίαν προσενέγκασθαι πρὸς τὴν ὑμετέραν πόλιν. ἃ μὲν οὖν ἀξιοὶ γενέσθαι αὐτῷ παρὰ τῆς πόλεως, αὐτὸς ὑμῖν δηλώσει· καλῶς δ' ἂν ποιήσαιτε ψηφισάμενοι τε πάντα τὰ φιλόανδρα αὐτῷ καὶ καθ' ὅτι ἂν
- 15 συγχωρήσῃ τὴν ἀναγραφὴν ποησάμενοι καὶ στήλωσαντες καὶ (θ)έντες εἰς τὸ ἱερόν, ἵνα μένη ὑμῖν βεβαίως εἰς πάντα τογχρονον τὰ συγχωρηθέντα. ἔρῶσθε.

- Βασιλεὺς Ἀντίοχος Μελεάγρωι χαίρειν. Δεδώκαμεν Ἀριστοδικίδῃ τῷ Ἀσσίῳ
- 20 γῆς ἐργασίμου πλέθρα δισχίλια προσενέγκασθαι πρὸς τὴν Ἰλιέων πόλιν ἢ Σκηψίων. σὺ οὖν σύνταξον παραδείξαι Ἀριστοδικίδῃ ἀπὸ τῆς ὁμορούσης τῆ Γεργιθίαι ἢ τῆ Σκηψίαι, οὗ ἂν δοκιμάσης τὰ δισχίλια πλέθρα τῆς γῆς καὶ προσορίσαι εἰς τὴν Ἰλιέων ἢ τὴν
- 25 Σκηψίων. ἔρῶσο.

- Βασιλεὺς Ἀντίοχος Μελεάγρωι χαίρειν. ἐνέτυχεν ἡμῖν Ἀριστοδικίδης ὁ Ἄσσιος ἀξίων δοῦναι αὐτῷ ἡμᾶς ἐν τῇ ἐφ' Ἑλλησπόντου σατραπείαι τὴν Πέτραν, ἡμπρότερον εἶχεν Μελέαγρος καὶ τῆς χώρας τῆς Πετρίδος (sic).
- 30 ἐργασίμου π(λ)έθρα χίλια πεντακόσια καὶ ἄλλα γῆς πλέθρα δισχίλια ἐργασίμου ἀπὸ τῆς ὁμορούσης τῆι πρότερον δοθείσῃ αὐτῷ μεριδίῳ· καὶ ἡμεῖς τὴν τε Πέτραν δεδώκαμεν αὐτῷ, εἰ μὴ δέδοται ἄλλωι πρότερον καὶ τήγχεωσαν τὴν
- 35 πρὸς τῆι Πέτραι καὶ ἄλλα γῆς πλέθρα δισχίλια ἐργασίμου, διὰ τὸ φίλον ὄντα ἡμέτερον παρεσχῆσθαι ἡμῖν τὰς κα(θ') α(ὐ)τὸν χρείας μετὰ πάσης εὐνοίας καὶ προθυμίας, σὺ οὖν ἐπισκεψάμενος εἰ μὴ δέδοται ἄλλωι πρότερον αὐτῇ ἢ μερίς, πα-
- 40 ράδειξον αὐτῆς καὶ τὴν πρὸς αὐτῇ χωρᾶν Ἀριστοδικίδῃ (sic) καὶ ἀπὸ τῆς βασιλικῆς χώρας τῆς ὁμορούσης τῆι πρότερον δεδομένη χωρᾶι Ἀριστοδικίδῃ σύνταξον καταμετρηῆσαι καὶ παραδείξαι αὐτῷ πλέθρα δισχίλια καὶ εἶσαι αὐτῷ προσενέ-
- 45 κασθαι πρὸς ἣν ἀμβούληται πόλιν τῶν ἐν τῇ χωρᾶι τε καὶ συμμαχίαι· οἱ δὲ βασιλικοὶ λαοὶ οἱ ἐκ τοῦ τόπου ἐν ᾧ ἐστὶν ἡ Πέτρα, ἐἀμβούλωνται οἰκεῖν ἐν τῇ Πέτραι ἀσφαλείας ἕνεκε, συντετάχαμεν Ἀριστοδικίδῃ εἶαν αὐτοὺς οἰκεῖν. ἔρῶσο.
- 50 Βασιλεὺς Ἀντίοχος Μελεάγρωι χαίρειν. ἐνέτυχεν ἡμῖν Ἀριστοδικίδης, φάμενος Πέτραν τὸ χωρίον καὶ τῆ(γ) χωρᾶν τὴν συγκυροῦσαν, περὶ ἧς πρότερον ἐγράψαμεν διδόντες αὐτῷ, οὐδ' ἔτι καὶ νῦν παρειληφέναι, διὰ τὸ Ἀθηναίωι τῷ ἐπὶ τοῦ ναυστάθμου ἐπικεχωρησθαι, καὶ ἡξί-
- 55 ὤσεν ἀντὶ μὲν τῆς Πετρίτιδος χώρας παραδειχθῆναι

- αὐτῶι τὰ ἴσα πλέθρα, συγχωρηθῆναι δὲ καὶ ἄλλα πλέθρα δισχίλια προσενέγκασθαι πρὸς ἣν ἀμβούληται τῶμπόλεων τῶν ἐν τῇ ἡμετέροι συμμαχίαι, καθάπερ καὶ πρότερον ἐγράψαμεν. ὄρωντες οὖν αὐτὸν
- 60 εὖνουν ὄντα καὶ πρόθυμον εἰς τὰ ἡμέτερα πράγματα, βουλόμεθα πολυωρεῖν τάνδρώπου, καὶ περὶ τούτων συγκεχωρήκαμεν. φησὶν δὲ εἶναι τῆς Πετρίτιδος χώρας τὰ συγχωρηθέντα αὐτῶι πλέθρα χίλια πεντακόσια, σύνταξον οὖν κατα-
- 65 μετῆσαι Ἀριστοδικίδη καὶ παραδείξαι γῆς ἐργασίμου τὰ τε δισχίλια καὶ πεντακόσια πλέθρα καὶ ἀντὶ τῶν περὶ τὴν Πέτραν ἄλλα ἐργασίμου χίλια πεντακόσια ἀπὸ τῆς βασιλικῆς χώρας τῆς συνοριζούσης τῇ ἐν ἀρχῇ δοθείσῃ
- 70 αὐτῶι παρ' ἡμῶν· εἶσαι δὲ καὶ προσενέγκασθαι τὴν χώραν Ἀριστοδικίδην πρὸς ἣν ἂν βούληται πόλιν τῶν ἐν τῇ ἡμετέροι συμμαχίαι, καθάπερ καὶ ἐν τῇ πρότερον ἐπιστολῇ ἐγράψαμεν· ἔρῳσο.

Без факсимиле надписи у нас нет никаких внешних данных для определения ее времени. Из того обстоятельства, что в найденной в Кум-Кой, вблизи Гиссарлыка, надписи (С. I. Граес., II, n° 3596) в честь одного врача, бывшего на службе «царей Антиоха и Селевка» (это — Антиох Великий и его сын), называется имя какого-то стратега Мелеагра, Шлиманн заключил, что сатрап вышеприведенной надписи есть этот же самый Мелеагр и что, следовательно, письма в ней написал Антиох III. Но сама наша надпись называет другого Мелеагра, который ранее владел Петрой (с. 29); он должен был уже умереть, так как Петра и ее земли теперь принадлежат Афинейо (τοῦ ἐπὶ τοῦ ναυστάδμου, с. 54). По крайней мере, во время Антиоха I в этих водах находился сирийский флот.

Относится ли эта надпись ко времени первого, второго или так называемого третьего Антиоха, государственно-правовые отношения, о которых она сообщает, в существенных чертах, несомненно, остались теми же, как они были установлены Александром.

Особого внимания заслуживают, прежде всего, крупные размеры *βασιλικῆς χώρας*, царских земель в этой области; они напоминают слова Арриана (I, 17, 1), что после битвы при Гранике Александр отдал Геллеспонтскую сатрапию Калату и ὅσοι μὲν τῶν βαρβάρων κατιόντες ἐκ τῶν ὄρων ἐνεχειρίζον σφῶς, τούτους μὲν ἀπαλλάττειν ἐπὶ τὰ αὐτῶν ἐκάστους ἐκέλευε.

Значительные участки этих царских земель Антиох дарит Аристодикиду с правом или обязательством *προσενέγκασθαι πρὸς ἣν ἂν βούληται πόλιν τῶν ἐν τῇ χώρῃ, καὶ ἐν τῇ ἡμετέροι συμμαχίαι*. Следовательно, здесь находится несколько городов, а именно — Илион и Гергиф, которые являются не подданными царя, но его союзниками, и представляют собою, следовательно, свободные государства с автономией, собственной администрацией и юрисдикцией. Затем далее прибавляется, что получивший этот дар должен позволить жить в Петре *βασιλικοὶ λαοὶ οἱ ἐκ τοῦ τόπου ἐν ᾧ ἐστὶν ἡ Πέτρα*, если

они пожелают жить там в видах своей безопасности. Термин *προσφέρεσθαι*, по-видимому, означает, что подаренная земля, переставая быть царской, должна быть подчинена какой-нибудь городской общине, одному из союзных с царем «вольных городов», что, следовательно, в намерения царя не входило сделать Аристоклида династом, но он должен был стать, так сказать, гражданином округа одного из соседних городов и вместе со своими именными подчиняться его общинной юрисдикции. В надписи не упоминается о том, что крепость Петра, перейдя в руки Аристоклида, тоже должна стать в зависимые отношения к городу, который будет выбран; и, если Аристоклид «в видах безопасности» должен был позволять *βασιλικαῖς λαοῖς* жить в Петре, то эта оговорка имела целью, давая народонаселению право жить в крепости, сохранить ему ту безопасность, которую оно пользовалось ранее при царских чиновниках в *βασιλικῆς χώρα* и которая, вероятно, не была бы столь полна под охраной общинной власти, отдаленной от нее на большое пространство. Впрочем, весьма возможны и другие причины.

V

ИЛИОНСКИЙ СОЮЗ ГОРОДОВ

(См. прим 151 к гл. I кн. II)

Следующее постановление было издано G. Hirschfeld'ом в *Archäologische Zeitung* (N. F. VII, 1875, с. 153); оно высечено на разбитой мраморной доске в 1,10 м высоты и 0,55 м ширины и, как и предшествующая надпись, было найдено в Гиссарлыке.

- [Γνώμη τῶν συνέδρων] ἢ ἐπειδὴ Μαλούσιος Βακχί[ο]υ
 [Γαργαρεὺς ἀνὴρ ἀγαθὸς ὢν διατελεῖ περὶ τὸ ἱερόν τῆς Ἰλι-
 ονῆς τῆς Ἰλιάδος] καὶ περὶ τὰς πόλεις καὶ πρότερόν τε πολλὰ χρησί[ι]-
 μα παρεσκεύασε τῷ συνεδρίῳ καὶ ταῖς πόλεσιν εἰς τε τὰ κατασκευάσμα-
 5 [τα τοῦ ἱεροῦ καὶ τῆς πανηγύρεως καὶ εἰς τὰς πρεσβείας τὰς ἀποστελ[λο]-
 μένας καὶ ὑπὲρ τῶν ἄλλων τῶν συμφερόντων τῆς πανηγύρεως χρημάτων] α
 [ἔδωκεν αὐτοῖς καὶ τὴν ἄλλην προθυμίαν ἐμπᾶσιν τοῖς καιροῖς πορευόμε-
 νος μετὰ] πολλῆς εὐνοίας καὶ νῦν εἰς τε τὴν πρεσβείαν τὴν ὑστερον ἀποσ-
 [τελλομένην] πρὸς Ἀντίγονον ἔδωκεν χρυσοῦς τριακοσίους ἀτόκους καὶ εἰς
 10 [τὴν τ]οῦ Θεάτρου κατασκευὴν χρημάτων κομίσας εἰς Ἴλιον ἔδωκεν τοῖς ἐπ[ι]-
 [στ]άταις, ὅσον ἔδεον, χρυσοῦς χιλίους τετρακοσίους πεντήκοντα
 ἀτόκους ἐπειδὴ Μαλούσιος διατελεῖ πράττων καὶ λέγων προφα-
 σίστως ἐμπᾶσι τοῖς καιροῖς τὰ συμφέροντα τῆς θεῶς καὶ ταῖς πόλεσι,
 ἀγαθῆ τύχῃ δεδόσθαι τοῖς συνέδροις ἐπαίνεισαι Μαλούσιον
 15 [Β]ακχίου Γαργαρέα καὶ στεφανῶσαι αὐτὸν ἐν τῷ γυμνικῷ ἀγῶνι
 χρυσῷ στεφάνῳ ἀπὸ δραχμῶν χιλίων ἀρετῆς ἔνεκεν τῆς πρ[ο]ς
 τὸ ἱερόν καὶ τὴν πανηγυριν καὶ τὸ κοινὸν τῶν πόλεων, δεδόσθαι δὲ
 αὐτῷ μὲν τὴν ἀτέλειαν καθάπερ δέδοται, δεδόσθαι δὲ καὶ τοῖς ἐκ-
 γόνοις αὐτοῦ τὴν ἀτέλειαν, ὅτι ἂν πωλώσιν ἢ ἀγοράσωσιν· τὸ δὲ ψή-
 20 φισμα τὸδε ἀναγράφαντας εἰς στήλην δεῖναι εἰς τὸ ἱερόν τῆς
 Ἰλιονῆς, ἐπιμεληθῆναι δὲ τοὺς Γαργαρεῖς ὅπως ἂν εἰδώσιν ἅπα[ν]τες
 ὅτι ἐπίσταται τὸ κοινὸν τῶν πόλεων τοῖς οὖσιν ἀγαθοῖς ἀνδράσιν εἰς

αὐτοὺς χάριν ἀποδιδόναι.

- Γνώμη τῶν συνέδρων· ἐπειδὴ Μαλούσι[ος]
ἀποστελλόντων συνέδρων πρέσβεις εἰς τὸν βασιλέα ὑ[περ]
- 25 τῆς ἐλευθερίας καὶ αὐτονομίας τῶν πόλεων τῶν κοινωνυσ[ῶν τοῦ]
ἱεροῦ καὶ τῆς πανηγύρεως ἔδωκεν ἄτοκα χρήματα τοῖς ἀποστε[λλο]-
μένοις ἀγγέλοις, ὅσα ἐκέλευον οἱ σύνεδροι, παρασκέυ[ασε] δὲ καὶ τὰ π[ρὸς]
σκηνὴν ἄτοκα χρήματα, καὶ τᾶλλα δὲ προθύμως ὑπηρετε[ί]ε[ι] ὅ, τι ἀ[ν πα]-
ρακαῆ τὸ συνέδριον ἀγαθὴ τύχη δεδόχθαι τοῖς συνέδροις ἐπα[ί]-
- 30 νέσαι τε Μαλούσιον Βακχίου Γαργαρέα, ὅτι ἀνὴρ ἀγαθὸς ἐστίν περ[ί] τὸ
ἱερὸν τῆς Ἀθηνᾶς καὶ τὴν πανήγυριν καὶ τὸ κοινὸν τῶν πόλεων καὶ σ[τ]-[ε]-
φανῶσαι αὐτὸν χρυσῷ στεφάνῳ ἀπὸ δραχμῶν χιλίων ἐν τῷ γυ-
μνικῷ ἀγῶνι, ἀναγράψαι δὲ τὸ ψήφισμα τότε εἰς στήλην τὴν ὑπὲ[ρ]
τῶν συνεδρίων τῶν Μαλουσίου μέλλουσ[α]ν ἀνατεθῆσθαι εἰς τὸ ἱερό[ν].
- 35 ἐπιμεληθῆναι δὲ τοὺς Γαργαρεῖς ὅπως ἂν εἰ δῶσιν ἅπαντες ὅτ[ι]
ἐπίσταται τὸ κοινὸν τῶν πόλεων τοῖς οὖσιν ἀγαθοῖς ἀνδράσιν εἰς α[ὐ]-
τοὺς χάριν ἀποδιδόναι.

- Γνώμη τῶν συνέδρων· ἐπειδὴ Μαλούσιος κε-
λεύει ἐπαγγεῖλαι αὐτῷ ἤδη τὸ συνέδριον ποσῶν δεῖται παρ' αὐτοῦ χρημά-
των εἰς τε τὸ θέατρον καὶ εἰς τᾶλλα κατασκευάσματα καὶ εἰς τ[ὰ]
- 40 ἱερά καὶ εἰς τὴν πρεσβείαν, καὶ φησι δεῖλαι παρόνταν τῶν συ[ν]-
έδρων ἤδη δοῦναι πάντα, ἀγαθὴ δεδό[χθαι] τοῖς συ[ν]-
έδροις, ἐπαγγεῖλαι Μαλουσίῳ δοῦναι τοῖς ἀγωνοθέταις χρ[υσοῦς]
τρισηχίλιους καὶ πεντακοσίους σὺν τοῖς πέρυσι ὀφειλο[μέ]νοις ἀ[τ]όκοις,
τοὺς δὲ ἀγωνοθέτας, οἷς μὲν ἂν αὐτοῖ χρησῶν[ται] τ[ὰ] δὲ ἀ[ναλώ]-
- 45 ματα δεῖναι [εἰ]ς παρ' ἱερό[ν] ἂν δὲ τι περιγένηται ἐ[κ]δοθέντων τῶν
ἔργων ἀποδοῦναι Μ[αλο]σίῳ.

- Γνώμη τῶν συνέδρων· ἐπειδὴ Μα-
λούσιος [Βακ]χίου Γαργαρεὺς ἀνὴρ ἀγαθὸς ὢν διατελ[εῖ] περὶ τὸ
ἱερὸν τῆς Ἀθ[ην]ᾶς τῆς Ἰλιάδος καὶ τὸ συνέδριον, δ[ε]δοχθαι
τοῖς συνεδρ[οι]ς στεφανῶσαι Μαλούσιον χρυσῷ σ[τεφάνῳ ἀπὸ]
- 50 χρυσῷ(ν) τρι[άκο]βτα, καλεῖν δὲ α[ὐτὸν καὶ] εἰς προεδρ[ί]αν σὺν τοῖς συνεδρ[ο]-
ις ἐν τοῖς ἀ[γ]ῶσιν ὀνομασ[α]ν. μείναι δὲ [τὴν προεδρ[ί]αν]
καὶ αὐτῷ καὶ ἐκγόνοις τὸ δὲ ψήφ[ισμα] τότε ἀναγράψαντα[ς] τοὺς ἀγωνο]-
θέτας εἰς στήλην δεῖναι εἰς τὸ [ί]ερὸν τῆς Ἀθηνᾶς.

- [Γνώμη τῶν συν]-
έδρων· ἐπειδὴ Μαλούσιος ἀνὴρ ἀγαθὸς ὢν διατ[ελεῖ] περὶ τὸ ἱερὸν]
- 55 τῆς Ἀθηνᾶς τῆς Ἰλιά[δος] καὶ τὸ κοινὸν τῶν πόλεω[ν] καὶ τὴν πανήγυριν
ἀγαθὴ τύχη δεδόχθαι τοῖς συνέδροις, αἷς τιμαῖς τετίμηται Μαλού]-
σιος ὑπὸ τοῦ συνε[δρ]ίου, ἀναγράψαι ἐκά[στη]ν [τῶν πόλεων τῶν κοινου]-
σῶν τοῦ ἱεροῦ κ[αὶ] τῆς πανηγύρεως καὶ δεῖν(αι) τὴν στήλην ὅπου ἂν ἐκάσ]-
τη νόμος ἐσ[τίν].

Σίμαλος Λαμψακην[ὸς] εἶπεν ἐπειδὴ Μαλούσιος]

- 60 ὁ Γαργαρεὺς ἐ.....ηται προθύμως....
τὰ ἀναλώμ[ατα].....
πόλεσιν].....
ὅτι προθύμως.....
στεφά[νῳ].....
65 φαν.....





Приведенная выше надпись знакомит нас впервые с *κοινόν* городов, лежащих между Пропонтидой и Адрамиттийским заливом, и вместе с тем объясняет несколько бывших уже ранее известными надписей.

По словам Страбона (XIII, 593), так называемый Илион, на месте которого лежит теперь деревня Гессарлык, был до прибытия Александра деревней с небольшим и бедным храмом Афины Илионской; там Александр отпраздновал нечто вроде торжественного освящения своего похода в Азию и приказал украсить храм обетными дарами, обратить это селение в город и выстроить его, *ἔλευθεραν τε κρῖναι καὶ ἄφορον*. Позднее, после падения персидского царства, он еще более расширяет свой первоначальный проект, как это говорит Страбон: *ἐπιστολὴν καταπέμψαι φιλόανθρωπον ὑπισχυόμενον πόλιν τε ποιῆσαι μεγάλην καὶ ἱερὸν ἐπισημότατον καὶ ἀγῶνα ἀποδείξειν ἱερόν*. Затем следует перечисление того, что сделали для нового города Лисимах и Антигон.

Так как Илион сделался городом только благодаря Александру, то союз городов, центр которого он составляет, не может относиться к предшествовавшей эпохе, но должен быть основан им; из нашей надписи (с. 4), — в которой Антигон не имеет титула *βασιλεύς*'а, которым он называется во втором постановлении (с. 24), — мы можем заключить, что этот союз существовал уже ранее 306 года. Если Александр предложил греческим городам этой освобожденной им области соединиться в *κοινόν* вместо того, чтобы вступить в *κοινόν* эллинов, синедрион которого находился в Коринфе, то это является важным моментом в государственно-правовых отношениях царства Александра.

Предложение жителя Лампсака, сообщаемое в конце надписи, позволяет нам заключить, что Лампсак входил в состав союза точно так же, как Гаргара на Адрамиттийском заливе; из этого мы можем заключить, что лежащие между этими двумя пунктами города, а именно Александрия в Троаде, тоже принадлежали к *κοινόν*.

На то, что эти города были или должны были быть вольными городами, указывает упоминаемая в строке 24 депутация *εἰς τὸν βασιλέα* (Антигону) *ὑπὲρ τῆς ἑλευθερίας τῶν πόλεων τῶν κοινωνουσῶν τοῦ ἱεροῦ καὶ τῆς πανηγύρεως*. Следовательно, *συνέδριον* этих городов должен был ведать не только религиозными празднествами в Илионе и учрежденными там играми, но вмешивался также и в политические дела объединенных городов.

Мы имеем также вторую надпись, изданную вместе с вышеприведенной G. Hirschfeld'ом, где постановляются в честь царя Селевка большие почести, игры через каждые четыре года с божьим миром и т.д.; но скудные остатки этого постановления не позволяют нам решить, сделал ли его *κοινόν* этих городов, или только Илион.

Приведенные выше постановления в честь Малусия объясняют нам выражение, встречающееся в так называемой Сигейской надписи: *ὅταν ἡ τε πόλις καὶ αἱ λοιπαὶ πόλεις στεφανῶσιν* (С. I. Graec., II, n° 3595, с 40), и встречающееся не раз в других местах (Ibid., n° 3601) упоминание о *συνέδροις*, которые следят за праздничными торжествами и за отправляемыми от городов посольствами (с. 117): быть может, они бросают также некоторый свет на надпись n° 3602, где Böckh, исправляя отличавшийся сначала крайней неточностью снимок, читает: *..καὶ αἱ πόλεις α[ἰ] κ[α]ρ[ι]ν[ω]ν[ο]υ[σ]αἰ*. Союз этих городов, по крайней мере, в том, что касается празднеств и игр в честь Афины

Илионской, существовал еще в римскую эпоху: мы имеем доказательство этого в надписи того времени: Ἰλιεῖς καὶ αἱ πόλεις αἰ κοινωνοῦσαι τῆς θυσίας καὶ τοῦ ἀγῶνος καὶ τῆς πανηγύρεως (С. I. Graec., II, n° 3604).

VI ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗГНАННИКОВ (См. прим 30 к гл. 2 кн. IV)

Следующая надпись, принадлежащая консулу Луи Марку в Вати, на острове Самосе, была издана и объяснена G. Curtius'ом (*Urkunden zur Geschichte von Samos*, Wesel, 1873). Текст ее, с дополнениями издателя, гла-
сит следующим образом:

Ἐδοξε [ν τ]ῆι βο[υ]λῆι καὶ τῶι δῆ-
μωι, Ἐπί[κ]ουρος Δράκοντος
εἶπεν· Ἐπειδὴ Γόργος καὶ Μ-
ιννέων Θεοδότου Ἰασεῖς κα-
5 λοι καὶ ἀγαθοὶ γεγένηται
περὶ Σαμίους ἐν τῆι φυγῆι, καὶ
διατρέβων Γόργος παρὰ Ἀλεξάν-
δρῳ πολ[λ]ῆν εὐνοίαν καὶ προθυμί-
αν παρέρχεται περὶ τὸν δῆμο[ν τ]ὸν Σα-
10 μίων σπο[υ]βάζων, ὅπως ὅτ[ι τ]άχος
Σάμμοι τῆι πατρίδα κο[μ]ίσαιντο, καὶ ἀ-
ναγγείλαντος Ἀλεξάνδρου ἐν τῶ[ι]
στρατοπέδωι, ὅτι Σάμμον ἀποδιδοῖ
Σαμίους καὶ διὰ ταῦτα αὐτὸν τῶν Ἐ-
15 λλήνων στεφανωσάντων, ἐστ-
εφάνωσε καὶ Γόργος καὶ ἐπέστε[ι]-
λε εἰς Ἴασον πρὸς τοὺς ἄρχοντα-
ς, ὅπως οἱ κατοικοῦντες Σαμίω[ν]
ἐν Ἴάσῳ, ὅταν εἰς τὴν πατρίδα κατί-
20 ωσιν, ἀτελῆ τὰ ἑαυτῶν ἐξάξον-
ται καὶ πορεία αὐτοῖς δοθήσεται, τὸ ἀ-
νάλωμα τῆς πόλεως τῶν Ἰασέων
παρεχούσης, καὶ νῦν ἐπαγγέλλου-
ται Γόργος καὶ Μινίων ποιῆσειν ὅ τι
25 ἂν δύνωνται ἀγαθὸν τὸν δῆμον τὸν
Σαμίων δεδόχθαι τῶι δῆμωι δε-
δόσθαι αὐτοῖς πολιτείαν ἐπ' ἴσηι
καὶ ὁμοίῃ καὶ αὐτοῖς καὶ ἐκγόνοις
καὶ ἐπικληρῶσαι αὐτοὺς ἐπὶ φύλην κ-
30 αὶ χιλιστὴν καὶ ἑκατοστὴν καὶ γέ-
νος καὶ ἀναγράψαι εἰς τὸ γένος, ὃ ἂν
λάχωσιν, καθότι καὶ τοὺς ἄλλου-
ς Σαμίους, τῆς δὲ ἀναγραφῆς ἐπιμε-
[λ]ῆσθῆναι τοὺς πέντε τοὺς ἡιε-



35 μένους, τὸ δὲ ψήφισμα τότε ἀνα-
γράψαι εἰς στήλην λιθίνην καὶ στή-
σαι [ἐ]ν τῷ ἱερῷ τῆς Ἥρας, τὸν δὲ [τα]-
μίαν ὑπερετήσαι.

Этот Горг есть, несомненно, *ὄπλοφύλαξ* Александра, вероятно, тот же самый, который в других местах называется также металлетвом (см. прим. 84 к гл. 3 кн. III; прим. 30 к гл. 2 кн. IV и прим. 13 к гл. 3 кн. IV). Его брат, который в нашей надписи называется один раз *Μινέων*, а другой раз *Μινίων*, — в одной надписи из Иаса (С. I. Граес., II, n° 2672) называется *Μιννίων*, и, судя по ней, тоже находился при Александре; она начинается следующим образом: [Ἐπειδὴ Γόργος καὶ Μιννίων Θεοδότ[ου υἱ]οὶ κάγαθοὶ γεγένηται [περὶ] τὸ κοινὸν τῆς πόλεως κα[ὶ] πολλοὺς τῶν πολιτῶν ἰδίᾳ εὖ πεποιήκασιν καὶ ὑπὲρ τῆς μακρῆς θαλάσσης διαλαχθέντες Ἀλεξάνδρῳ βασιλεῖ ἐκομίσαντο [κ]αὶ ἀπέδωσαν τῷ δήμῳ κτλ.

VII

ХРОНОЛОГИЯ СМЕРТИ АЛЕКСАНДРА

Мы можем с некоторой достоверностью установить хронологию истории Александра из последовательности дошедших до нас исторических фактов; представляют затруднения только точные даты некоторых событий и некоторые приобретаемые сравнительным способом хронологические данные.

Мы имеем, бесспорно, полное право считать Арриана нашим лучшим источником для истории Александра. Но его хронологические показания делаются им по аттическому календарю и только иногда он прибавляет к этому год олимпиады. Что канцелярия Александра следовала македонскому календарю, это само собою разумеется и подтверждается сохранившимися у Элиана и Плутарха отрывками Эфемерид. Мы не имеем никаких оснований предполагать, что Птолемей и Аристокл в своих сочинениях приняли другую систему летосчисления, так как в Александрии наверное, а, вероятно, также и в Кассандрии счет производился на македонские месяцы. Если они считали по этим месяцам, то Арриан должен был или сам заменять найденные им у них хронологические данные, или воспользоваться для истории Александра уже сделанными другими вычислениями. Из Юстина (XII, 16, 1) мы не можем еще прямо заключить, что хронологические даты были заменены уже у Клитарха, хотя это весьма вероятно; а счет по олимпиадам вошел во всеобщее употребление, если не впервые благодаря Тимею, то, несомненно, только по выходе в свет сочинения Клитарха.

Мы не имеем, никаких технических указаний на отношения македонского календаря к аттическому; и если в основу македонского календаря были положены лунные месяцы и год из 354/355 дней, то затем представляется вопрос, следовали ли македоняне тому же вставному циклу, как и афиняне.



В своей знаменитой статье «Über das Todesjahr Alexanders» (Abh. der Berl. Acad., 1821) и затем короче в своем Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie (1825. Т. I. С. 401 слл.) Иделер положил основы вопроса о хронологических данных в истории Александра, и продолжаемые затем другими исследования или не прибавили к этому никаких новых результатов, или снова затемнили уже приобретенные им результаты.

Иделер исходил от немногочисленных свидетельств древности, в которых македонские даты сопоставляются с соответствующими аттическими. Имеющиеся у нас подобные свидетельства следующие.

I. В одном письме царя Филиппа к пелопоннесским союзникам, вставленном в речь Демосфена о венке (§ 156), они приглашаются, во исполнение постановления амфикионов, выставить против Амфиссы свои контингенты с провиантом на 40 дней *τοῦ ἐνεστῶτος μηνὸς Λῴου ὡς ἡμεῖς ἄγομεν, ὡς δὲ Ἀθηναῖοι Βοηδρομιῶνος, ὡς δὲ Κορίνθιοι Πονέμου*.

II. Плутарх (Alex., 3) сообщает, что Александр родился *ἰσταμένου μηνὸς Ἐκατομβαιῶνος, ὃν οἱ Μακεδόνες Λῴου καλοῦσιν, ἕκτη, в тот самый день, в который сгорел храм Артемиды в Эфесе. Он прибавляет: Филипп, взявший как раз в это время Потидею, получил одновременно три радостных известия, что Парменион победил иллирийцев, что его конь одержал победу в Олимпии и что его жена родила ему сына.*

III. Плутарх же (Alex., 16) говорит: Александру, когда он приближался к Грануку, советовали избегать сражения, так как был месяц Десий, в который македоняне не должны были вступать в сражение (*Δαισίου γὰρ οὐκ εἰώθεισαν οἱ βασιλεῖς τῶν Μακεδόνων ἐξάγειν τὴν στρατίαν*), и поэтому Александр приказал *δεύτερον Ἀρτεμίσιον ἄγειν*.

IV. Тот же Плутарх в другом месте (Cat., 19) говорит, что Александр победил при Гранике в Фаргелионе, так что он считал Фаргелион и Десий одним и тем же месяцем.

V. Плутарх (Ara., 53) отождествляет день освобождения Сикиона Аратом, 5 Десий, с Анфестерионом (*ἡμέρα πέμπτη Δαισίου μηνὸς ὃν Ἀθηναῖοι καλοῦσιν Ἀνδραστηρίῳνα*).

VI. Элиан (Var. Hist., II, 25), в доказательство того, что 6 Фаргелиона был особенно благоприятный день для греков, приводит, между прочим, победу Александра, в которой он уничтожил персидского царя, т. е. битву при Гавгамелах, и далее *καὶ αὐτὸν τὸν Ἀλέξανδρον καὶ γενέσθαι καὶ ἀπελθεῖν τοῦ βίου τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ πεπίστευται*. Так как Эфемериды называют днем смерти Александра 28 Десия, то мы можем предположить, что Элиан считает 28 Десия тем же днем, как и 6 Фаргелиона.

Иделер имел полное право оставить совершенно в стороне показание Элиана; достаточно сказать, что в той же самой главе под 6 Фаргелионом называются: рождение Сократа, битва при Платеях, победа при Артемисии, Микале и т. д., — по большей части заведомо неверные даты. Показания пяти других текстов изумительным образом противоречат друг другу, как это показывает следующая таблица, в которой число, следующее за македонскими месяцами, показывает цифру соответствующих аттических месяцев.

		по I.	по II.	по III и IV.	по V.	
1.	Гекатомбеон	Дий	6	4	4	1
2.	Метагитнион	Апеллей	7	5	5	2
3.	Боедромион	Авдиней	8	6	6	3
4.	Пианепсион	Перитий	9	7	7	4
5.	Мемактерион	Дистр	10	8	8	5
6.	Посидеон	Ксанфик	11	9	9	6
7.	Гамилион	Артемисий	12	10	10	7
8.	Анфестерион	Десий	1	11	11	8
9.	Элафеболион	Панем	2	12	12	9
10.	Мунихион	Лой	3	1	1	10
11.	Фаргелион	Горпией	4	2	2	11
12.	Скирофорион	Гиперберетей	5	3	3	12

Мы видим, — это три совершенно различные системы; что их нельзя объяснять разницею между аттическим и македонским вставным циклом, видно из того обстоятельства, что дело идет не только о разнице на один месяц: первое Дия, начало македонского года, приходится по I на 6-й, по II и III на 4-й, по V на 1-й аттический месяц.

На основании наблюдений, сохранившихся в Альмагесте, Иделер доказал, что в 245, 237 и 229 годах Лой приходился в июле месяце юлианского календаря (18, 20 и 4 июля); к тому же результату привела его и находящаяся в Розетте надпись 197 года. Из этого ясно, что приводимая Плутархом под н° V параллель невозможна, и Иделер ее и не принял во внимание. Так как свидетельство в письме царя Филиппа казалось ему заслуживающим полного доверия, то он пришел к тому выводу, что в Македонии после царя Филиппа была введена крупная реформа календаря и что Плутарх, определяя день рождения Александра, приравнял Лой к Гекатомбеону и сделал или ошибку в расчете, или отнес к более раннему времени, введенную только позднее, — вероятно Александром, — реформу календаря. Сделанная мною в 1839 году попытка доказать, что все вставленные в речь о венке документы составляют результат подделки, заслужила с тех пор всеобщее признание и, таким образом, падают сами собою, заимствованные из письма Филиппа, календарные выводы.

Во всяком случае указания, делаемые Плутархом относительно дня рождения Александра, совпадают с теми, которые он делает по поводу битвы при Гранике. Но оба эти свидетельства носят слишком сильный характер своего сомнительного происхождения. По крайней мере, лучшие источники, которым следует Арриан, хотя и упоминают перед битвой при Гранике о тех возражениях, с которыми выступил против нее Парменион, но в числе их нет ничего ни о месяце Десии, ни о найденном будто бы Александром исходе, хотя Аристул вообще очень любит упоминать о подобных религиозных соображениях. Еще хуже глава Плутарха о рождении Александра; конечно, мы теперь не можем доказать, что храм в Эфесе сгорел не в день рождения Александра, но три счастливых известия, полученных Филиппом во время осады Потидеи *κατὰ τὸν αὐτὸν χρόνον*, все-таки кажутся весьма странными, если только Александр родился 6 Гекатомбеона; Олимпийские игры праздновались «в этом месяце в полнолуние» (Ideler,



Über das Todesjahr, p. 264) и для получения в Потидее известия из Олимпии необходимо было, наверное, восемь или более дней, между тем как посол из Пеллы с известием о рождении сына мог быть в Потидее наверное в два или три дня, 8 или 9 Гекатомбеона. Этому синхронизму мы должны придавать также мало значения, как и синхронизму относительно храма в Эфесе и множеству других, сохранных нам древностью. Элиан в вышеприведенной главе служит нам примером такого рода безвкусных сближений или средств, чтобы облегчить запоминание ученикам; был ли источником Элиана Дурид, или кто-либо иной, но источник заметок Плутарха был не лучше.

Поэтому двум другим показаниям Плутарха (II и III, IV) мы должны придать настолько значения в вопросе о хронологии Александра, насколько то, что можно было бы заимствовать из них, подтверждается другими, лучшими авторитетами.

Мы имеем в Арриане следующие хронологические указания:

II, 11, 10: битва при Иссе, арх. Никократ, в Мемактерионе.

II, 24, 6: взятие Тира, арх. Аникет, в Гекатомбеоне (имя арх. есть Никета в С. I. Attic., II, n° 173).

III, 7, 1: переправа через Евфрат у Фапсака, арх. Аристофан, в Гекатомбеоне.

III, 15, 7: битва при Гавгамелах, арх. Аристофан, в Пианопсионе.

III, 22, 2: смерть Дария, арх. Аристофан, в Гекатомбеоне.

V, 19, 3: битва при Гидаспе, арх. Гегемон, в Мунихионе.

VII, 28, 1: смерть Александра, арх. Гегесия; Арриан не приводит здесь месяца, но называет 114-ю олимпиаду.

К восьмому указанию Арриана (Ind., 21) мы возвратимся ниже. Приведенные указания не дают нам никакой непосредственной опоры для установления македонского летосчисления, а указание времени битвы при Гавгамелах тем менее, что при переводе македонского месяца на аттический неверно назван Пианопсион вместо Боедромиона; в противном случае на основании даты этого сражения можно было бы доказать, что аттический и македонский вставной цикл был один и тот же, по крайней мере, в этом году.

О последних днях Александра мы имеем Эфемериды в двойной редакции. Плутарх (*Alex.*, 76) приводит их с македонским названием дней и со следующим замечанием: *τούτων τὰ πλείστα κατὰ λέξιν ἐν ταῖς ἐφημερίσιν οὕτω γέγραπται*. Гораздо пространнее отрывок Арриана; он говорит: *καὶ αἱ βασιλεῖοι ἐφημερίδες οὕτω λέγουσι*, следовательно, он, по-видимому, передает их дословно, но избегает приведения македонских дат, а с самого начала болезненно ограничивается тем, что считает «следующий, третий, четвертый день» и так далее.

Решению нашего вопроса ни мало не помогает и то, что Эфемериды у Плутарха точно называют день смерти Александра, 28 Десия, так как мы не имеем никаких, по крайней мере, достоверных указаний на то, какому аттическому месяцу соответствовал Десий. Юстин (XII, 16, 1) говорит: *decessit Alexander mense Iunio annos tres et triginta natus*; год, в который умер Александр, ол. 114, 1, по таблице Иделера, оканчивался 12 июля, а предпоследний аттический месяц этого года 13 июня, так что, — так как, по словам Юстина, Александр умер в июне, а, по словам Эфемерид, 28 Десия, — замена у

Плутарха Фаргелиона Десием кажется правильной. Но июнь у Юстина есть только замена даты, найденной Трогом в своем греческом источнике, и мы не имеем никакого ручательства за то, что он правильно, а не неверно заметил аттическую или македонскую дату.

Плутарх (Alex., 75) говорит, что Аристокл показывал день смерти царя двумя днями позднее Эфемерид, «на 30 Десия». Арриан не упоминает об этом уклонении Аристокла; он говорит (VII, 28, 1): *ἐτελεύτα μὲν δὴ Ἀλέξανδρος τετάρτη καὶ δεκάτῃ καὶ ἑκατοστῇ Ὀλυμπιάδι ἐπὶ Ἡγησίου ἄρχοντος Ἀθήνησιν· ἐβίω δὲ δύο καὶ τριάκοντα ἔτη καὶ τοῦ τρίτου μηνὸς ἐπέλαβεν ὀκτώ, ὡς λέγει Ἀριστόβουλος· ἐβασίλευσε δὲ δώδεκα ἔτη καὶ τοὺς ὀκτώ τούτους μῆνας*. Из этих слов с полной достоверностью вытекают два факта: первое, что Александр родился не в Лое, а в начале Дия, и второе, что он вступил на престол двадцать лет спустя в то же самое время македонского года.

В виду авторитета Аристокла имеет мало значения то, что, по словам Диодора (XVII, 117), Александр царствовал 12 лет месяцев и что Евсебий в разных местах дает разные цифры: двенадцать лет шесть месяцев, двенадцать лет три месяца, двенадцать лет; и если у Курция (IX, 6, 21) только что раненый в городе маллов царь (т. е. поздней осенью 326 года) говорит своим друзьям: *victor utriusque regionis post nonum regni mei, post vigesimum atque octavum aetatis annum etc.*, то ниже мы увидим, откуда происходит это неверное число.

Двойное свидетельство Аристокла приближает нас к решению поставленной нами себе задачи, но для ее полного решения нам недостает еще одного момента и его не могут дать сообщаемые нам другими авторами сопоставления македонских месяцев с аттическими, лживость и взаимная противоречивость которых обнаружилась с полной ясностью. Только найдя это посредствующее звено в нашем достоверном предании, мы можем установить отношение между этими двумя календарями, а затем и юлианскую дату рождения, вступления на престол и смерти Александра.

Арриан (Ind., 21, 1), говоря об отплытии Непарха из Индии, говорит, что он вышел в море, когда улеглись дующие все лето пассатные ветры (*τοῦ θέρους τὴν ὕρην πᾶσαν*): *τότε δὴ ὕρμητο ἐπὶ ἄρχοντος Ἀθήνησι Κηφισοδώρου εἰκάδι τοῦ Βοηδρομιῶνος μηνός, καὶ τότε Ἀθηναῖοι ἄγουσιν, ὡς δὲ Μακεδόνες τε καὶ Ἀσισιοὶ ἤγρον τὸ ἐνδέκατον βασιλείουτος Ἀλεξάνδρου*. Здесь неверно указан уже архонт, так как годом Кефесодора была OL. 144, 2, год, следующий за годом смерти Александра; из постановления демоса афмонеяцев (С. I. Attic., II, n° 579) видно, что годом отплытия из Индии была 113, 4 ол., год архонта Антикала, и что он не был, как предполагали, *ὑστερον ἄρχων*, как Никий тридцать лет спустя (С. I. Attic., II, n° 299). Затем тот факт, что в приведенном месте Арриана не называется параллельно с аттическим македонский месяц и день, показывает, что за словом *Μακεδόνες* выпала цифра и имя месяца.

Арриан (VI, 21, 2) говорит, что Индийское море недоступно для плаванья летом благодаря пассатам, дующим не с севера, как в греческих водах, а с юга; *ἀπὸ δὲ τοῦ χειμῶνος τῆς ἀρχῆς τὸ ἀπὸ πλειάδων δύσεως ἔστε ἐπὶ τροπιάς, ἃς ἐν χειμῶνι ὁ ἥλιος ἐπιστρέφει πλοῖμα εἶναι αὐτῇ ἐξηγγέλλετο*. Иделер (с. 275) прав, говоря, что, по словам Каллиппа, современника Александра, заход плеяд имел место 13 ноября, следовательно, показание Арриана, что Непарх отплыл 20 Боедромиона, т. е. 21 сентября, не может быть правильным.

Другие заслуживающие доверия источники дают нам более точные указания. По словам приведенного нами последнего места Арриана, Непарх, во всяком случае, получил приказ выйти в море только после прекращения монуна, т. е. после заката плеяд. Но начавшееся между населением нижней Индии движение не позволило ему дожидаться назначенного срока; Страбон (XV, 721) приводит одно место из Непарха, которое Арриан пропустил в своем извлечении: *καὶ δὴ καὶ φησιν ὁ Νέαρχος ἤδη τοῦ βασιλείως τελοῦντος τὴν ὁδὸν αὐτὸς μετοπίρου κατὰ πλειάδος ἐπιτολὴν ἐσπερίαν ἄρξασθαι τοῦ πλοῦ, μήπω μὲν τῶν πνευμάτων οἰκείων ὄντων, τῶν δὲ βαρβάρων ἐπιχειροῦντων αὐτοῖς καὶ ἐξελαυνόντων*. Вечерний восход плеяд, по словам Колумеллы (*De re rustica*, XI, 2, с. 440 ed. Bip.), наступал 10 октября (VI. Id. Octobris Vergilitae exoriuntur vespera). Но показания Колумеллы не всегда точны, как это показывает Иделер «Über Ovids Fasten» (*Abh. der Berl. Acad.*, 1822, С. 153), который там же вычисляет, что вечерний восход плеяд наступал 25 сентября¹.

Если у Арриана (Ind., 21) при указании времени отплытия Непарха неверно назван архонт и если выпало соответствующее аттическому месяцу и дню македонское название, мы все-таки, может быть, правы, считая приводимое там 20 Боедромиона соответствующим истине, так как с этим совпадает приводимый Страбоном отрывок Непарха. Год Антикла (Ол. 113, 4) был по таблице Иделера вставным годом и начинался 5 июля, так что 20 Боедромиона этого года приходилось на 21 сентября. Судя по одной надписи (С. I. Attic., II, n° 179), год Антикла, как замечает Köhler, был обыкновенным годом; имя архонта он, правда, получает только с помощью дополнения *ἐπὶ Ἀντικλείους ἄρχοντος*; величина пустого пространства, так как надпись написана не *στοιχηδόν*, позволяет нам дополнить тоже и *ἐπὶ Κτησικλείους ἄρχοντος*, а год Ктесикла (ол. 113, 3), по таблице Иделера, есть год обыкновенный; но Köhler, при своей известной основательности, должен был, несомненно, иметь причины дополнить так, как он это сделал, причины, которые будут видны по появлению в свет второй части его издания. Из других от-

¹ Профессор W. Förster мне пишет: «Исполняя ваше желание, я произвел следующий приблизительный расчет вечернего восхода плеяд.

Видимый или кажущийся вечерний восход плеяд в 325 году (астр. — 324) в устьях Инда (под 23 параллелью происходил	12 октября,
между тем как в то же самое время на высоте Александрии (31° 2') этот восход происходил	4 октября,
а на высоте Рима (41° 9')	24 сентября.
Быть может, для сравнения вам будет еще интересно знать, что в 0 году это явление происходило в Александрии	6 октября,
а в Риме	26 сентября.

Настоящий вечерний восход (акронихийский восход) почти всегда в промежутке между этими двумя эпохами (с 0 до 324) происходил позднее кажущегося или видимого в Александрии на 16 дней, в Риме на 23 дня».

Такова интересная заметка Förster'a. Мы не можем предположить, чтобы указания на время отплытия флота Александра относились к вечернему восходу плеяд, наблюдавшемуся в устье Инда; речь должна была идти об обычном времени вечернего восхода плеяд в Греции.

крытых в последнее время надписей тоже видно, что официальные даты Афин во многих случаях расходятся в шестом и седьмом циклах с составленной Иделером таблицей календаря Метона. В последние годы шестого цикла высокосные года распределяются следующим образом:

По Иделеру	По надписям
В Ол. 113, 4	арх. Антикл (n° 179)
114, 1	Гегесия
2	Кефисодор
В 3	В. Филокл (n° 185)
4	Архипп
115, 1	В. Неэзм (n° 191)
В 2	Аполлодор

Если год Антикла не был высокосным годом, то высокосным годом был или год Гегесия, или шло три обыкновенных года подряд; в обоих случаях система вставок Метона нарушалась.

Не объясняется ли такое уклонение официального календаря от численной схемы введением канона Каллиппа, который начинается следующим после битвы при Гавгамелах годом, ол. 112, 3, годом смерти Дария, и который по соблазнительному предположению А. Mommsen'а был введен в македонский календарь, начиная со сказанного года (Beiträge, I, 1856, с. 56)? В этом каноне высокосные года распределялись следующим образом:

Канон Каллиппа:	Надписи:
Ол. 113, 4	Ол. 113, 4 (n° 179).
114, 1	114, 1
В 2	2
3	В 3 (n° 185).
4	4
В 115, 1	В 115, 1 (n° 191).
2	2
В 3	(?) 3

Следовательно, официальный аттический календарь этих лет не может быть также объяснен и канонам Каллиппа.

Поэтому мы не в состоянии определить, каким юлианским днем начинался аттический год Антикла, ол. 113,4: 5 ли июля (Метон), или 2 июля (Каллипп), или каким-либо иным днем; но из приведенного места Арриана мы можем заключить, что в этом году 20 Боедромиона приходилось *κατὰ πλειάδος ἐπιτολήν ἑσπερίαν*, т. е. между 25 и 30 сентября, и что, таким образом, этот аттический год начинался 79 или 80 днями ранее промежутка между 25 и 30 сентября; таким образом, мы получаем 8/9 по 13/14 июля; «приблизительно» в этот день, т. е. между 8 и 14 июля, начинался поэтому аттический год ол. 113,4.

К аттическому названию этой даты Арриан прибавляет македонское, в котором не сохранилось более месяца и дня, но сохранился год: τὸ ἐνδέκατον βασιλεύοντος Ἀλεξάνδρου. О вступлении Александра на престол достоверно



нам известно только то, что оно приходилось в ол. 111,1 и притом в первой половине года. Действительно, к этому времени отнесена Эратосфеном ἡ Φιλίππου τελευταῖη (Mommsen A. Zweiter Beitrag Jahrb. für class. Phil. Suppl. III. 1859. S. 366 ff). Поэтому одиннадцатый год царствования Александра начинается в один из первых месяцев ол. 113,2, после июля 326 года и тем более глубокой осенью, что дни около 25 сентября 325 года еще принадлежат к одиннадцатому году его царствования. Таким образом, мы имеем доказательство, что Филипп был убит после 25 сентября 336 года, и Александр сделался царем после 25 сентября 336 года.

Вполне достоверно, что смерть Александра относится к году архонта Гегесия, следовательно, она приходится ранее конца ол. 114,1 и ранее середины лета 323 года. По словам Аристубула, он прожил 32 года и еще 8 месяцев из 33-го года своей жизни; 12 лет и «эти 8 месяцев» он был царем и, по словам Эфемерид, умер в конце Десия. Мы не знаем, был ли этот год, ол. 114,1, высокосным или простым (по македонскому счету); по канону Каллиппа, это был простой год. Если мы примем его за простой год, то, считая восемь месяцев назад от Десия, мы получим начало Дия, первого месяца македонского года. А из известия об отплытии Неварха видно, что 25 сентября 325 года приходилось еще в одиннадцатом году царствования Александра, следовательно ранее 1-го Дия. Если год, в который умер Александр, ол. 114,1 кончался в течение июля 323 года, то 8 месяцев указывают нам на дату, приходящуюся самое позднее на тот же самый день в декабре 324 года, а самое раннее на один из следующих за 25 сентября 324 года дней. И таким образом день, в который был убит Филипп и вступил на престол Александр, приходится между 1 октября и декабрем 336 года, а рождение Александра относится к тому же самому времени 356 года.

К таким результатам приводят нас достоверные, как это нам кажется, данные. Для ол. 113,4 325/324 года мы могли приблизительно определить время Дия и Десия по юлианскому числению, так как вечерний заход плеяд дал нам надежную точку опоры. Для того чтобы указать, к какому юлианскому времени относятся Дий и Десий следующего аттического года арх. Гегесии, ол. 114,1, 324/323 года, нам необходимо знать македонский вставной цикл и твердо установить конец этого 324/323 года по юлианскому календарю. Мы можем только сказать, что Десий, ол. 114,1, должен был приходиться в 90-дневном промежутке между 24 апреля и 24 июля, в пределах аттических месяцев Мунихиона, Фаргелиона и Скирофорiona¹.

Не позволяют ли нам сделать более точное определение другие свидетельства?

Выше мы упомянули, что Курций (IX, 6, 21), когда друзья и стратеги Александра, едва успевшего оправиться от тяжелой раны, которую он получил при штурме города маллов глубокой осенью 326 года, умоляют его положить конец дальнейшим предприятиям, влагает в уста Александра следующий ответ: *ex Asia in Europae terminos momento unius horae transivi*,

¹ Насколько я вижу, в решении этого вопроса нам несколько не помогает то обстоятельство, что, по словам Аристубула, Десий этого года был полным месяцем, как по составленной Иделером таблице канона Метона Фаргелион этого года.

victor utriusque regionis post nonum regni mei, post vigesimum atque octavum aetatis annum и т.д. Эти слова были бы непонятны, если бы мы не знали из Диодора (XVII, 94), что рвение ратора вовлекло его здесь в ошибку; по поводу отданного летом на берегах Гифасиса приказа приступить к возвращению Диодор говорит: *ὄρῶν δὲ τοὺς στρατιώτας... σχεδὸν ὀκταετῆ χρόνον ἐν πόνοις καὶ κινδύνοις τεταλαιπωρηκότας*; он считает свои восемь лет от Граница; когда он повернул назад — было уже начало девятого года. Говоря о происшедшем несколько месяцев спустя события, Курций делает отсюда nonum annum и по собственному неверному расчету прибавляет vigesimum atque octavum vitae meae.

Второе свидетельство Курция лучше, быть может, потому, что оно носит декоративный характер. Тело Александра, говорит он (X, 10, 10), благодаря начавшимся раздорам его вельмож и войска, семь дней пролежало без внимания и каким-то чудом осталось совершенно свежим, несмотря на жаркое время года: *et non aliis quam Mesopotamiae regione fervidior aestus existit adeo ut pleraque animalia, quae in nudo solo deprehendit, extinguit; tantus est vapor solis et coeli, quo cuncta velut igne torquentur*. Конечно, отсюда мы не узнаем ничего более точного о времени его смерти.

Так как Юстин основывается на Клитархе, то его Iunio mense, быть может, и имеет некоторую ценность для определения времени смерти царя, хотя мы и не в состоянии проверить приемов его вычисления. Это Iunio mense позволяет нам заключить, что смерть царя приходилась не на первую треть этих 90 дней, не в Мунихионе, но в Фаргелионе или Скирофорионе. Мы оставим в стороне вопрос о том, можно ли придавать какое-либо значение словам Элиана, что это было 6 Фаргелиона.

Мы видели, что и Плутарх считал Десий тождественным с Фаргелионом, хотя и не прямо, но потому, что в одном месте он относил битву при Границе к Фаргелиону, а в другом к Десию. Еще страннее звучит его рассказ о том, как Александр, когда его стали убеждать не давать сражения в Десий, приказал назвать его вторым Артемисием; мы не знаем, в каком месте года помещали македоняне свой вставной месяц, и не называли ли они его Диоскором, как это предположил Скалигер; во всяком случае, из анекдота Плутарха можно было бы заключить, что они вставляли его после своего седьмого месяца и называли его вторым Артемисием, как афиняне после своего шестого месяца Посидеона имели вставной месяц того же имени. Если в 334 году Александр выступил в поход *ἄμα τῷ ἡρὶ ἀρχομένῳ* (Arrian., I, 11, 16), — следовательно, приблизительно в конце марта и в начале Элафеболиона, что через три-четыре недели он мог быть у Геллеспонта, а две недели спустя, в середине мая и в начале Фаргелиона — у Граница¹; эта перемена имени, о которой говорят писатели, имела смысл только в таком случае, если еще не наступила середина Десия. Точно так же в этом случае мы могли бы придти к тому выводу, что Десий, параллельный с Фаргелионом, приходился

¹ Источники не говорят нам прямо, откуда выступил Александр; если сборным пунктом была равнина Стримона, выше озера Керкинетиды, то до Сеста ему приходилось пройти не более 60 миль и *κὲν εἶχουσι τοῖς πάσαις ἡμέραις* (Arrian., I, 11, 5) мы должны прибавить несколько дней отдыха.

несколько раньше или позже 1 июня. Мы видим, что все эти свидетельства не дают нам точки опоры для более точного определения времени Деся.

Остается еще одна комбинация, которую я попытаюсь развить не без колебаний. Каллипп исправил календарь Метона тем, что образовал из его четырех 19-летних циклов один большой цикл в 76 лет. Он начинал его с ол. 112,3, с 330/329 года, следующего года после битвы при Гавгамелах. А. Mommsen (Beiträge. S. 15 ff) обратил внимание на то, что эра Селевкидов, начинающаяся 1 октября 312 года (Ideler, I. S. 451), начинается этим годом, конечно, не вследствие битвы при Газе, после которой Селевк сделал попытку возвратиться в Вавилон, но по какой-нибудь календарной причине, и что в цикле Каллиппа, считая от ол. 112,3, с ол. 117,2, начинался второй 19-летний цикл.

Не может подлежать никакому сомнению, что этот год Селевкидов, в который, по прямому свидетельству Малалы, Селевк ввел македонские месяцы, имел своим первым месяцем Дий. Если счет Каллиппа начинался летом 330 года, в ол. 112,3, эра Селевкидов ол. 117,1, 1 октября 312 года, 1 Дия этого года, то — если верна комбинация Моммзена, — весь тот македонский год, на который приходилось начало цикла Каллиппа, должен был считаться первым годом этого цикла, а 1 Дия 330 года должен был начинаться второй год эры Каллиппа; с этой трудностью находится в связи и то, что эра халдеев начиналась осенью 311 года, в ол. 117,2.

Небольшую опору в пользу только что высказанного нами предположения дает, быть может, следующее обстоятельство. Битва при Гавгамелах по словам Плутарха (*Alex.*, 31) происходила на одиннадцатый день после лунного затмения 20/21 сентября, следовательно, 1 октября; тот же Плутарх (*Com.*, 19) говорит, что днем этой битвы было пятнадцатое Боедромиона; таким образом, Боедромион, как он здесь вычислен, кончался 5 октября; по канону Иделера Боедромион этого года кончается 7 октября с разницею в два дня, положенною в основание начала цикла Каллиппа, 1 Гекатомбеон, которого в ол. 112, 3 начинался вечером 28 июня 330 года (Ideler, I, 346). Вероятно, Боедромион, в котором приходилось это сражение, был последним месяцем македонского года, в конце пятого года царствования Александра и введенная в календарь Каллиппом двухдневная разница, указанная уже самим лунным затмением, могла начинаться со следовавшим затем первым Дия. Конечно, исправленное таким образом начало македонского года не совпадало с употреблявшимся еще в Афинах календарем Метона, а пятый от конца день этого месяца в Македонии был в Афинах седьмым от конца. Но эта аргументация кажется нам недостаточно доказательной для того, чтобы строить на ней заключения для установления точной даты начала македонского года, 1-го Дия.

VIII ХРОНОЛОГИЯ ДИОДОРА

В виде прибавления к этим хронологическим замечаниям, быть может, будет уместно сказать здесь несколько слов о том, как Диодор поступал с хронологией этого и последующего времени.

Намерением Диодора было, как мы видим из вступительных глав его труда, дать обзор всеобщей истории до Цезаря, который доставлял бы читателю как можно более полезных сведений и как можно менее затруднял бы его. Ему достаточно дать приблизительное представление о тех вещах, о которых он пишет. Он полагал достигнуть этой цели, делая извлечения из более или менее хороших писателей и размещая их в первых шести книгах, содержащих в себе мифические времена, в этнографическом порядке, а в следующих в хронологическом, или, точнее, синхронистическом порядке, год за годом.

Дошедшие до нас книги этого второго разряда начинаются XI книгой, походом Ксеркса в Элладу, и отсюда рассказ о событиях каждого года идет своим порядком с той же схематической монотонностью: «при таком-то и таком-то аттическом архонте, при таком-то и таком-то римском консуле», и при каждой новой олимпиаде прибавляется ее цифра и имя победителя на стадию; затем словами *ἐπί δὲ τούτων* или иногда также *περὶ δὲ τούτους τοὺς χρόνους* или тому подобными оборотами начинается исторический рассказ.

Диодор брал своих архонтов и олимпиоников из таблиц Аполлодора, а своих консулов из анналов Фабия; во всяком случае в его консульских фастах до Пирра господствует полный произвол. Его сопоставления аттических и римских эпонимов не только весьма сомнительны благодаря вставкам и пропускам в ряду римских эпонимов, но, так как он прямо считает, что год архонта в календаре совершенно совпадает с годом консула, то при всей своей видимой точности его хронология неверна и лжива из года в год.

Диодор, по-видимому, в той хронологической сети, в которую он заносил события каждого года, представлял себе год так, как его считали римляне в его время, а именно начиная с 1 января юлианского года; того, что в прежнее время, а именно в то, до которого он доходит в сохранившихся XI—XX книгах своего труда, начало римского официального года было совсем иное, — частью в октябре, частью в июле, частью в марте и т.д. — он, по-видимому, или не знает или считает несущественным. Поэтому для наших целей не представляет никакой надобности принимать во внимание его консульские фасты.

Из дошедших до нас из других источников хронологических указаний видно, что у Диодора его римский год совпадает с годом архонтов, начинающимся приблизительно в седьмом месяце текущего юлианского года, и что вычисленные согласно с греческой хронологией события он таким образом наполовину приводит еще под рубрикой архонта предшествующего года; даже его рассказ о временах пелопоннесской войны подпадает этому правилу, и отдельные уклоняющиеся от него показания представляют только видимое исключение.

Для лет после битвы при Херонее получается, таким образом, следующая таблица, в которой даты начинающегося аттического года показаны по вычисленному Иделером канону Метона, который мы еще можем сохранить для условного счета.



По аттическому счету		По Диодору	
Херонда	Ол. 110, 3	29 июня 337 года	Фриних (XVI, 89)
Фриних	Ол. 110, 4	17 июля 336 года	Пифодем (XVI, 91)
Пифодил	Ол. 111, 1	7 июля 335 года	Эвенет (XVII, 2)
Эвенет	Ол. 111, 2	26 июня 334 года	Ктесикл (XVII, 17)
Ктесикл	Ол. 111, 3	15 июля 333 года	Никократ (XVII, 29)
Никократ	Ол. 111, 4	3 июля 332 года	Никерат (XVII, 40)
Никет	Ол. 112, 1	22 июля 331 года	Аристофан (XVII, 49)
Аристофан	Ол. 112, 2	12 июля 330 года	Аристофон (XVII, 62)
Аристофон	Ол. 112, 3	1 июля 329 года	Кефисофон (XVII, 74)
Кефисофон	Ол. 112, 4	19 июля 328 года	Эвфикрит (XVII, 82)
Эвфикрит	Ол. 113, 1	8 июля 327 года	(пробел у Диодора XVII, 83–84)
Гегемон	Ол. 113, 2	28 июня 326 года	Хремит (XVII, 87)
Хремет	Ол. 113, 3	17 июля 325 года	Антикл (XVII, 110)
Антикл	Ол. 113, 4	5 июля 324 года	Гегесий (XVII, 113)
Гегесий	Ол. 114, 1	24 июля 323 года	Кефисодор (XVIII, 2)

Старинные издания Диодора дают нам XVII, 112 совершенно неизвестного из других источников архонта Сосикла и рядом с ним для обозначения римского года имена обоих консулов, названные XVII, 110 для предшествующего года; архонт Сосикл тоже должен был быть составлен из имени предшествовавшего архонта Антикла. Эта интерполяция принадлежит какому-нибудь полуученому, который из слов XVII, 1 *ἐν ἑτῆσι γὰρ δώδεκα* и т.д. заключил, что в этой XVII книге, содержавшей в себе историю Александра, должно было заключаться двенадцать названий года, и, не заметив пробела между 83 и 84 главами, нашел только одиннадцать; поэтому он придумал двенадцатое, которое он вставил в самом неподходящем месте и прибавил несколько ненужных фраз, как показывают приведенные ниже скобки (гл. III)... *ὁ δ' Ἀλέξανδρος ἐν ἡμέραις ταῖς πάσαις τεσσαράκοντα καταπεπολεμηκῶς τὸ ἔθνος καὶ πόλεις ἀξιολόγους ἐν ταῖς δυσχωρίαις κτίσας ἀνελάμβανε τὴν δύναμιν.* (гл. 112) [*Ἐπ' ἀρχοντος δ' Ἀθήνησι Σωσικλέους, ἐν Ῥώμῃ κατεστάθησαν ὑπατοὶ Λεύκιος Κορνήλιος Λέντλος καὶ Κόιντος Ποπίλιος· ἐπὶ δὲ τούτων Ἀλέξανδρος καταπεπολεμηκῶς τὸ τῶν Κοσσαίων ἔθνος, ἀνέξευξε μετὰ τῆς δυνάμεως*] *καὶ προήγεν ἐπὶ τῆς Βαβυλῶνος κτλ.*

В другом ряде ошибок виноват сам Диодор. В лежащих перед ним таблицах он находит, что царь Филипп умер в год Пифодила (он называет его Пифодемом), ол. 111, 1; этот год он приравнивает к римскому, начинающемуся полугодом ранее (336 г.), не интересуясь тем, был ли убит Филипп весной или осенью этого года; первым годом царствования Александра у него является следующий 335 год, год архонта Эвенета, а так как он царствовал двенадцать лет, то последним годом его царствования оказывается год Гегесия, начинающийся у него с началом 324 года.

Между этими двенадцатью годами он распределяет свои извлечения; а то представление, которое он имеет о годе, порождает массу хронологических несообразностей. Так как он считает 339 год последним годом царствования Филиппа, то он относит к 335 году еще множество событий трех

или четырех последних месяцев 336 года, как например, возобновление Коринфского союза. Второй (334) год царствования Александра заключает у него в себе переход в Азию, битву при Гранике, поход против Галикарнасса и через Ликию; третий (333 г.) доводит события до битвы при Иссе; четвертый (332 г.) начинается тем, что Александр пограбляет павших при Иссе (в ноябре 333 года), и кончается взятием Тира (в августе 332 г.); пятый (331 г.) начинается осадой крепости Газы (которая была взята в начале ноября 332 г.), и кончается битвой при Арбелах, как ее называет Диодор (октябрь 331 г.); но последовавшее затем бегство Дария в Мидию, поход Александра к Вавилону, его пребывание там, его поход в Сузы — все это произошло еще в конце 331 года — Диодор относит уже к году Аристофона, который у него соответствует 330 году по юлианскому календарю.

Можно было бы чувствовать искушение предположить, что при рассказе об этом годе Диодор считал, по крайней мере, конец его по аттическому календарю; здесь он доводит свой рассказ до смерти Дария (гл. 73), случившейся (Aggian., III, 22, 2) в первый месяц архонта Аристофона (330/329), и только кратце прибавляет, что царь преследовал убийц далее по направлению к Бактрии, и замечает также, что в это же время в Европе был побежден царь Агис, а в Коринфском синедрионе происходил суд над спартамцами за нарушение мира. Какие бы причины ни заставили Диодора — или его переделывателя, редакцию которого мы имеем теперь перед собою, — окончить этим год Аристофона, во всяком случае здесь начинается путаница в его хронологии, весьма дурно отражающаяся на изложении дальнейших событий.

За этим годом (*τοῦ δ' ἑτοῦς τοῦδε διελλυθότος*, гл. 74) у Диодора следует год Кефисофонта (330/329), который, по его прежнему приему вычисления, должен был бы соответствовать юлианскому 329 году; но приводимые в нем события обнимают только шесть последних месяцев 330 года до покорения Арахосии; словами *τοῦ δ' ἐνιαυτοῦ χρόνου διελλυθότος* он начинает новый год (гл. 82), год Эвфикрита, который по аттическому счету начинался в июле 328 года; и первое, что Диодор упоминает в нем, есть зимний поход в землю парапамисадов, который, таким образом, по Диодору, должен был происходить приблизительно в январе 328 года, а в действительности происходил зимою 330/329 года. Затем у Диодора следует (гл. 82, 83) поход в Бактрии и взятие в плен и казнь Бесса, затем в его тексте находится пробел, который, как это видно из перечня содержания от *θ'* до *λγ'* и *λε'*, обнимает события, в действительности происходившие между весною 329 года и серединой лета 327 года.

Зиму 327/326 года Александр провел вблизи Эмболимы на Инде, чтобы затем с наступлением весны 326 года выступить в Таксилы и против Пора. Ближайший архонт, которого называет Диодор (гл. 87), есть Хремит, вступивший на свою должность в ол. 113, 3, в июле месяце 326 года; по приемам счета Диодора к этому же самому архонту относятся уже шесть первых месяцев 326 года; и, таким образом, первым фактом, который он приводит при этом архонте, оказывается то, что Александр в земле Таксила готовится к выступлению против Пора. Он должен был бы заключить этот год на 101 гл., так как остановка после полученной Александром в городе маллов тяжелой раны относится к декабрю 326 года. Вместо этого войну в дельте

Инда (весна 325 г.), выступление из Индии (сентябрь 325 г.), переход по пустыне Гедросии (конец 325 г), свадебные празднества в Сузах (весна 324 г.), мятеж ветеранов, который он переносит в Сузы (гл. 109), он относит к тому же самому году Хремита. Только с гл. 110 с выступлением из Суз, за которым следует поход в Мидию (лето и осень 324 г.) Диодор начинает новый год, год Антикла, который вступил на свою должность в ол. 113,4, в июле 325 года. Таким образом весь ряд фактов, начиная с выступления из Таксил и кончая прибытием в Сузы, Диодор соединяет под одним годом, не смущаясь даже и расстояниями от Эмболимы до устьев Инда и оттуда до Суз; всю эту бессмыслицу только увеличивает архонт Сосикл (гл. 112), вставленный после Антикла.

Наконец, в гл. 113 Диодор называет архонтом, в год которого по аттическому счету умер Александр, Гегесия, вступившего в должность в ол. 114,1, в июле 324 года. По приему счета Диодора, тот же самый архонт обозначает 324 юлианский год, так что, по его представлениям, Александр должен был умереть еще до конца декабря 324 года.

Да будет нам позволено привести здесь же наиболее необходимые замечания о хронологических указаниях Диодора в истории диадохов, так как в связи с вышеприведенными объяснениями всего проще становится понятным, какое они имеют значение.

Свой первый год после смерти Александра Диодор начинает вместе с XVIII книгой; он говорит, что в этой книге он занимается временем до вступления на престол Агафокла, а это время обнимает семь лет. Сообразно с этим мы должны были бы ожидать встретить в этой книге рассказ о 323–317 годах и имена семи архонтов, семи пар консулов и одного олимпионика (ол. 115, 1; 320/319 г.). Вместо семи имен Диодор дает четыре; если мы предположим даже, что в пробеле, который помещается после 43 гл. и перед 44 гл., выпали эпонимы ол. 115, 1 и имя олимпионика, то это не поможет нам в решении вопроса, не поможет также и то, что он считает собственно только шесть лет вместо семи, начиная XIX книгу архонтом Димогеном, который по правильному счету должен был бы быть седьмым. Если даже мы предположим, что теперешний текст представляет только собранные вместе остатки первоначального, то все-таки весь характер рассказа в XVIII книге показывает, что Диодор отчаялся в возможности расположить должным образом многочисленные и запутанные события этих лет, как он их нашел в своем превосходном источнике, и ограничился тем, что сгруппировал вместе сделанные из извлечения из него с весьма поверхностным прагматизмом и с полным пренебрежением к одновременности событий.

Эти семь лет, расположенные по той же самой схеме, как и годы царствования Александра, следующие:

По аттическому счету

Кефисодор Ол. 114, 2
 Филокл Ол. 114, 3
 Архипп Ол. 114, 4
 Неэхм Ол. 115, 1
 Аполлодор Ол. 115, 2
 Архипп Ол. 115, 3
 Димоген Ол. 115, 4

По Диодору

323 года Кефисодор (XVIII, 2)
 13 июля 322 года Филокл (XVIII, 26)
 3 июля 321 года Нет
 21 июля 320 года Нет
 10 июля 319 года Аполлодор (XVIII, 44)
 29 июня 318 года Архипп (XVIII, 58)
 18 июля 317 года
 7 июля 316 года

Не будет потерянным трудом показать, по крайней мере, на одном примере, какие хронологические несообразности получаются из текста Диодора, как мы его теперь имеем. Под первым годом по смерти Александра, годом Кефисодора, следовательно, под 323 годом, по счету Диодора, он приводит следующие события: во-первых (гл. 2–6), восстание в войске под Вавилоном и разделение власти (июнь 323 г.); затем (гл. 7), борьбу стратега Пифона с возвращающимися с востока греками (около осени 323 г.); затем (гл. 8–13), начиная словами *κατὰ δὲ τὴν Εὐρώπην*, движения в Греции и начало Ламийской войны до смерти Леосфена (конец 323 г.). Затем после слов *κατὰ δὲ τὴν Ἀσίαν* у него следует (гл. 14) рассказ о том, как Птолемей отправляется в свою сатрапию, Египет, как он соединяется с Антипатром против наместника Пердикки, как Лисимах воюет с фракийцами, как Антипатр просит помощи против греков у сатрапа Малой Фригии, Леонната, который и отправляется для этого в Фессалию (январь или февраль 322 г.), затем (гл. 15), как Леоннат погибает в неудачном конном сражении, а его пехота соединяется с Антипатром, и как Клит в двух морских сражениях побеждает афинский флот (дату этого теперь определить невозможно). Непосредственно к этому (гл. 16: *ἄμα δὲ τούτοις πραττομένοις*) примыкает рассказ о том, как Пердикка побеждает Ариарата Каппадокийского и отдает его земли Эвмену, которому предназначалась эта сатрапия, и как Кратер выступает из Киликии в Македонию с 10 000 ветеранов и соединяется с Антипатром в Фессалии (май или июнь 322 г.). Затем (гл. 17: *κατὰ τοῦτον τὸν καιρὸν*) выступившие им навстречу греки терпят поражение (август 322 г.), затем они принуждены покориться, афиняне изменяют свое государственное устройство (половина сентября 322 г.), а Антипатр возвращается в Македонию. Затем Диодор (гл. 19–21) делает краткое отступление для изложения событий в Киренаике (*ἵνα μὴ μακρὸν τοῖς χρόνοις ἀναπλανῶμεν τὸ συνεχὲς τῆς ἱστορίας*); начиная прибытием Фиброна (лето 323 г.), он прослеживает ее историю до назначения Офела египетским стратегом этой области (конец 322 г.); к этому у него примыкает (гл. 22) рассказ о том, как после похода против Каппадокии Пердикка пошел против писидийцев и исавриян и вместе обратил их в бегство, как он затем (гл. 23) вел переговоры об обручении и со вдовой эпирского царя, и с дочерью Антипатра и принудил Антигона бежать из его сатрапии Фригии (около конца 322 г.). Около этого же времени, говорит он (*κατὰ δὲ τούτους τοὺς χρόνους*, гл. 24), Антипатр и Кратер пошли войною на этолян, но (гл. 25) в виду бегства Антигона и своего соглашения с Птолемеем, предвидевшим нападение наместника на Египет, выступили в поход в Азию, между тем как наместник выступил со своим войском из Писидии, чтобы идти в Египет, а Эвмен по его приказу повел свое войско к Геллеспонту, чтобы воспрепятствовать переправе противников из Европы (начало 321 г.). Эту главу 75 Диодор заключает словами: *ταῦτα μὲν οὖν ἐπράχθη κατὰ τοῦτον τὸν ἐνιαυτόν*, а следующую (гл. 26) начинает именами новых эпонимов *ἐπ' ἄρχοντος Ἀθήνησιν Φιλοκλέους κτλ.*, т. е., по его счету, теперь начинается 322 юлианский год, а все предшествующее произошло в 323 году.

Выше было сказано, что в тексте Диодора после XVIII, 43 предполагается пробел, которым должно быть объяснено выпадение рассказа о событиях одного или двух лет. Более чем сомнительно, удовлетворим ли мы Диодора таким предположением. Под годом Филокла, следовательно, по

его счету, под 322 годом, после неудавшегося похода Пердикки в Египет и его смерти (около июня 321 года) и после раздела Трипарадиса (осень 321 г.), он еще сообщает (гл. 40–42), что Эвмен подвергся нападению Антигона, был побежден изменническим образом и затем был осажден в крепости Норе; вслед за этим, в гл. 44, которою он начинает год архонта Аполлодора (319), он сообщает, что после победы над Эвменом Антигон обратился против остальных приверженцев Пердикки в Малой Азии; в гл. 53 — еще в том же году по его рассказу — он возвращается к Эвмену и делает свод всех относящихся к нему событий со времени его появления в Каппадокии и до выдержанной им в Норе осады, где он осаждался в продолжение целого года (*ἐνιαυσίου οὐσῆς τῆς πολιορκίας*, гл. 53, 5) и затем заключил договор с Антигоном и удалился из крепости, в другом месте мы докажем, что этот договор был заключен тотчас же по смерти Антипатра в начале 319 года. Следовательно, осада Норы началась в начале 320 года, а поход против Эвмена Антигон предпринял вскоре после раздела Трипарадиса (осень 321 г.).

Поэтому, что касается до фактов, то в рассказе Диодора нет никакого пробела, тем более такого, который бы объяснил выпадение одного или двух имен эпонимов года. Ошибка заключается в том, что под годами двух эпонимов сообщаются события, обнимающие время четырех эпонимов. Винават ли в этом Диодор или переделывавший его текст автор, — но то, что в ряду архонтов Филокла, Архиппа, Неэхма, Аполлодора, Архиппа два раза встретилось имя Архипп повлекло за собой, что вместе с первым Архиппом было пропущено и имя следовавшего за ним Неэхма, и автор перескочил прямо на Аполлодора, для определения года архонства которого смерть Антипатра, показанная, вероятно, в хронологических таблицах, давала твердую точку опоры.

Хронология следующих книг Диодора почти до самой битвы при Иссе лучше хотя бы в том отношении, что список архонтов там полон и верен.

Диодор (XIX, 1,10) говорит, что в этой книге он хочет описать время от начала господства Агафокла до его сражения при Гимере *ἐτῆ ἐπὶ τὰ περιλαβόντες*. Семь архонтов, которых он называет, следующие.

По аттическому счету		По Диодору	
		317 года	Димоген (XIX, 2)
Димоген	Ол. 115, 4	7 июля 316 года	Димоклид (XIX, 17)
Димоклид	Ол. 116, 1	26 июня 315 года	Праксибул (XIX, 55)
Праксибул	Ол. 116, 2	15 июля 314 года	Никодор (XIX, 66)
Никодор	Ол. 116, 3	4 июля 313 года	Феофраст (XIX, 73)
Феофраст	Ол. 116, 4	22 июля 312 года	Полемон (XIX, 77)
Полемон	Ол. 117, 1	12 июля 311 года	Симонид (XIX, 105)
Симонид	Ол. 117, 2	1 июля 310 года	

Диодор следует своим таблицам Аполлодора, определяя в этой книге, подобно другим фактам в других местах, начало тирании Агафокла по эре взятия Трои; он говорит (XIX, 1), что со времени падения Трои прошло 866 лет; от падения Трои до похода Гераклидов он насчитывает (I, 5) 80 лет, от этого похода до начала олимпиад 328 лет. Для наших целей нет никакой надобности вдаваться в разбор тех трудностей, которые вытекают из этих цифр.

Мы присоединим здесь еще ряд эпонимов, заключающихся в XX книге Диодора; в этой книге он, по его собственным словам (XX, 2), обнимает время от похода Агафокла в Африку до начала войны союзных царей против Антигона, *περίλαβόντες ἔτη έννεά:*

По аттическому счету		По Диодору	
		310 года	Гиероннемон (XX, 3)
Гиероннемон	Ол. 117, 3	20 июля 309 года	Деметрий (XX, 27)
Деметрий	Ол. 117, 4	8 июля 308 года	Харин (XX, 37)
Харин	Ол. 118, 1	28 июня 307 года	Анаксикрат (XX, 45)
Анаксикрат	Ол. 118, 2	17 июля 306 года	Кориб (XX, 73)
Кориб	Ол. 118, 3	6 июля 305 года	Эвксенипп (XX, 81)
Эвксенипп	Ол. 118, 4	24 июля 304 года	Ферикл (XX, 91)
Ферикл	Ол. 119, 1	13 июля 303 года	Леострат (XX, 102)
Леострат	Ол. 119, 2	3 июля 302 года	Никокл (XX, 106)
Никокл	Ол. 119, 3	22 июня 301 года	

В этой XX книге встречается, по крайней мере, заметка, делающая возможным астрономический контроль над показаниями Диодора. Под годом архонта Гиероннемона, Ол. 117, 3, соответствующим, по его счету, 310 юлианскому году, он упоминает (XX, 5) о полном солнечном затмении, испугавшем Агафокла во время его переправы в Африку; по Zech'у (*Astronom. Untersuch.* 1853. s. 34 и 47) это затмение происходило 10 августа 310 года.

Начиная со старинных исследователей и кончая Нибуром, несколько раз мимоходом разбирался вопрос, на который мы указывали выше, представляет ли текст в том виде, как мы его теперь имеем, подлинник или только переделку и сокращение подлинника, и относятся ли делаемые Диодору упреки к нему самому или, по крайней мере, отчасти к его переделывателям. Предположение, что подлинный текст *Βιβλιοθήκη Ἱστορικὴ* не был так запутан и непонятен, как тот, который мы теперь имеем и который действительно не соответствует трудам и стараниям, положенным Диодором по его собственным словам (I, 4) на его сочинение, оправдывается не Плинием (*Nat. Hist.*, praef. 25) с его «*apud Graecos desiit nugari Diodorus*», — так как здесь речь идет только о заглавии его произведения, — но суждениями о нем ученого епископа Евсебиа и других. Описание Bergmann'ом рукописи, находящейся в библиотеке монастыря на Патмосе и заключающей в себе XI—XVI книги, показывает, что уже в X столетии текст имел свой настоящий вид; только в одном месте (XII, 57) в нем находится несколькими строчками более, чем в нашем теперешнем тексте.

Для решения вопроса о первоначальном тексте тех книг Библиотеки, о которых здесь идет речь, кроме сделанных замечаний, имеют значение еще два пункта.

XVIII книга в ее теперешнем виде заключает в себе только историю диадохов; что выпали большие куски первоначального текста, это видно из XIX, 3, где говорится о вспомогательных войсках, посланных Сиракузами на помощь кротониатам против бруттиев и одною частью которых предводительствовал брат Агафокла Антандр, а всем войском Гераклид и Сострат: *ἄνδρες ἐν ἐπιβουλαῖς καὶ φόνοις καὶ μεγάλοις ἀσεβήμασι γεγονότες τὸν πλείω τοῦ*



βίου περί ὧν κατὰ μέρος ἢ πρὸ ταύτης περιέχει βίβλος. Точно так же как о сицилийско-италийской истории, Диодор в этой книге должен был говорить также и о римской, он не мог пропустить войны, прославленной кавдинскими событиями.

И XVII книга в ее настоящем виде не заключает в себе ничего о Риме, Италии и Сицилии и, однако, во вступительной главе этой книги говорится: *συναναγράφουεν καὶ τὰ ἅμα τοῦτοις συντελεσθέντα ἐν τοῖς γνωρίζομένοις μέρεσι τῆς οἰκουμένης· οὕτω γὰρ μάλιστα ὑπολαμβάνουεν τὰς τε πράξεις εὐνημονεύτους ἔσεσθαι, κεφαλαιωδῶς τεδείσας καὶ συνεχῆς ἐκούσας ταῖς ἀρχαῖς τὸ τέλος.* Эту связь он обыкновенно скрепляет еще и тем, что указывает также и на время смерти государей, о вступлении которых на престол он говорил; так о вступлении на престол Агиса III Спартанского он говорит XVI, 63, о его смерти XVII, 63, о вступлении на престол Клеарха Гераклеийского XV, 81, о его смерти XVI, 36 и точно так же во многих местах, где он только находил подобные указания в своих исторических таблицах. Таким же образом он упоминает (XVI, 72) о вступлении на престол Александра Эпирского; его поход в Италию и веденная им там война, даже во мнении Диодора, должны были быть достаточно значительны для того, чтобы быть точно так же включенными в Библиотеку, как и экспедиции Акротата (XIX, 70) и Клеонима (XX, 104). Если в настоящем тексте не упоминается даже о войне эпирского царя в Италии, не говоря уже о том, как и когда умер этот государь, если говорится о действиях его наследника Эакида (XIX, 11) без всякого замечания о том, когда и каким образом он стал царем Эпира, то мы с некоторым вероятием можем предположить, что в XVII книге в ее полном виде находились необходимые сведения об этом. Быть может, еще возможно определить, где, по крайней мере, говорилось о смерти Александра, и мы прибавим здесь еще несколько слов об этом в дополнение к сделанным нами выше (прим. 31 к гл. 4 в кн. II) общим замечаниям.

Ливий (VIII, 24) говорит: *eodem anno Alexandriam in Aegyptum proditum conditam Alexandrumque, Epiri regem, ab exule Lucano interfectum sortes Dodonaei Iovis eventu adfirmasse.* Из дальнейшего рассказа Ливия не видно, каким образом основание Александрии было тоже исполнением додонского оракула и приводил ли его Ливий в связь со смертью царя молоссов; если этот рассказ почерпнут из Цинция, то синхронизм, скорее, указывает на греческие таблицы, чем на Цинция, который помещал смерть молосского царя в 428 или, вернее, 427 году от основания города. Как не точно было римское предание относительно этого факта, видно из того, что Ливий (VIII, 3) помещает высадку Александра в 413 году от основания города, его победу у Песта в 422 году (VIII, 17), а битву при Пандосии и его смерть в 427 году, сопровождаемая первое из этих показаний уверенным выражением: *eo anno Alexandrum Epiri regem in Italiam classem appulisse constat*, — между тем как из греческих источников достоверно известно, что выступление этого государя в поход произошло на-верное позже осени 336 года, вероятно, только в конце 334 или начале 333 года, а его смерть была ранее речи Эсхина против Ктесифонта, ранее половины лета 330 года. То обстоятельство, что Евтропий (II, 7) относит основание Александрии к одному и тому же году с победой римлян над латинами в консульство Мения и Л. Фурия Камилла, которым за это были по-

ставлены конные статуи (по Плинию, *Hist. Nat.*, XXXIV, 11, § 20, в 416 году после основания Рима), и что Веллей (I, 14, 4) относит основание Александрии к тому же самому году, не позволяет нам вывести точных заключений, так как обе эти римские даты не могут быть точно переведены на греческие. Важнее для нашей цели слова Евсебия (*Eus. Arm.* II, стр. 114 ed. Sch.): *Alexandria condita est in Aegypto anno VII regni Alexandri, quo et Asianis imperavit idem Alexander* и соответствующая им греческая заметка Синкелла (1. с). Мы должны предположить, что или под основанием города подразумевался тот момент, когда Александр, как говорит Арриан (III, 1, 5), как бы положил его первый камень, *αὐτὸς τὰ σημεῖα τῇ πόλει ἔθηκε*, что произошло между ноябрем 332 года и весной 331 года, хотя это противоречит и *anno septimo*, и *Asianis imperavit* у Евсебия, — или что под основанием города подразумевалось начало его реального существования. Постройку города Александр поручил Клеомену [(*Arist.*), *Oec.*, II, 34], а что город был уже выстроен в 324 году, видно из донесения Клеомена у Арриана (VII, 23, 7), где он сообщает, что Гефестиону воздвигнут героон *ἐν Ἀλεξανδρείᾳ τῇ Αἰγυπτίᾳ ἐν τε τῇ πόλει αὐτῇ καὶ ἐν τῇ νήσῳ τῇ Φάρῳ*, и это подтверждается Тацитом (*Hist.*, IV, 83), где о первом Лагиде говорится: *cum Alexandriae gens conditae moenia templaque et regiones adderet etc.* Но что хочет сказать Евсевий словами *anno septimo*? в таблице Евсебия (*Arm.*, II, 114) основание Александрии отнесено к 1686 году Авраама, по Иерониму — к 1687 году Авраама, у последнего за этой датой следуют слова: *Alexander regnat Asiae anno regni sub VII*, из этих двух показаний относительно Александрии видно, что они оба желали указать на ол. 112, 3. Списки царей у Евсебия позволяют нам пойти дальше. На основании списка царей Египта (I, 169, 170) Александр вступил на престол в ол. 111, 1, и царствование его продолжалось 12 лет 7 месяцев (6 месяцев у Иер.), и эти 7 месяцев показывают, что счет был произведен не по аттическим и не по юлианским годам; они относят основание Александрии к промежутку между осенью 330 года и 329 годом. К иным выводам мы приходим, исходя из второй македонской таблицы Евсебия (I, 230); по этой таблице первым годом царствования Филиппа Арридея была ол. 114, 2, а двенадцать предшествующих лет принадлежат Александру, первым годом царствования которого должна была быть, таким образом, ол. 111, 2; по этому расчету основание Александрии приходилось бы между летом 329 года и 328 годом.

После прибавки *quo et Asianis imperavit* не может подлежать никакому сомнению, который год из этих двух лет подразумевал Евсебий; его канон показывает, что начало господства над Азией он считает со смерти Дария. Дарий умер в первом месяце года архонта Аристофона (ол. 112, 3), в июле 330 года, и седьмой год Александра по македонскому счету начинался осенью 330 года.

В нашем Диодоре поражает то, что посредине XVII, 63 следует отдел с надписью: *τῆς ἐπτοκαιδεκάτης τῶν Διοδώρου βίβλων ἡ δευτέρα βίβλος ἡ τὸ δεύτερον τμήμα*. То, что говорится ранее в гл. 62 и 63 и после в гл. 63—72, относится к одному и тому же году Диодора, который он называет по имени архонта Аристофона, который по его правилу должен был обнимать 330 юлианский год. В двух первых главах этого года рассказываются военные события во Фракии и Пелопоннесе до смерти царя Агиса (*κατέστρεψε τὸν βίον ἄρξας ἔτη*



ἐννέα), следовательно, до лета 330 года. Из римских источников мы узнаем, что как раз к этому времени относится смерть Александра Молосского, что и подтверждается Эсхином в его речи против Ктесифонта (в августе 330 г.), где он в § 242 говорит, что Ктесифонт недавно (πρώην) заставил выбрать себя послом к вдове царя, чтобы выразить сочувствие от лица афинского демоса, и что теперь он утверждает, что не в состоянии говорить. Мы видим, что здесь находилось то место, где Диодор должен был говорить о смерти молосского царя, прибавив, как у Агиса, слова ἄρξας ἔτη... И если он желал рассказать по порядку также и совершившиеся в Европе в этом году события, то заслуживающим упоминания фактом была также война римлян и латинов в этом году. Вместо этого за смертью Агиса прямо следует: ἡμεῖς δὲ διελθλυδότες τὰ πραχθέντα κατὰ τὴν Εὐρώπην, ἐν μέρει τὰ κατὰ τὴν Ἀσίαν συντελεσθέντα διέξιμεν, и затем вполне немотивированное δεύτερον τμήμα. Вместе с этой купюрой текста, наверное, должны были выпасть и рассказы о смерти молосского царя, о латинской войне, а быть может, и об экспедиции стратега Зопириона против скифов и ее гибели.

ОГЛАВЛЕНИЕ

БУГАЙ Д.В.

Иоганн Густав Дройзен: открытие эллинизма
в немецкой науке об античности 5

ИСТОРИЯ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава первая

Предмет сочинения. — Ход развития Греции. — Царь Филипп и его политика. — Коринфский союз 338 года. — Персидское царство до Дария III 18

Глава вторая

Страна, народ и царская династия Македонии. — Внутренняя политика царя Филиппа II. — Дворянство; двор. — Олимпиада. — Молодость Александра. — Раздоры в царском семействе. — Аттал. — Убиение Филиппа II 65

Глава третья

Опасность извне. — Поход 336 года в Грецию. — Возобновление Коринфского союза. — Смерть Аттала. — Северные соседи. — Поход во Фракию, на Дунай и против иллирийцев. — Второй поход в Грецию. — Разрушение Фив. — Вторичное возобновление Коринфского союза 83

КНИГА ВТОРАЯ

Глава первая

Приготовления к войне. — Финансы. — Союзники царства. — Армия. — Переход в Азию. — Битва при Гранике. — Занятие западного берега Малой Азии. — Завоевание Галикарнасса. — Поход через Ликию, Памфилию и Писидию. — Организация новых областей 107

Глава вторая

Приготовления Персии к войне. — Персидский флот под начальством Мемнона и греки. — Переход Александра через Тавр. — Занятие Киликии. — Битва при Иссе. — Манифест. — Движение в Греции. — Осада Тира. — Взятие Газы. — Занятие Египта 155

Глава третья

Персидские вооружения. — Поход Александра в Сирию, через Евфрат, и на Тигр. — Битва при Гавгамелах. — Поход на Вавилон. — Занятие Суз. — Поход на Персеполь . . . 195

Глава четвертая

Выступление из Персеполя. — Отступление Дария из Экбатан. — Умерщвление его. — Александр в Парфии. — Предприятие Зопириона. — Возмущение Фракии, восстание Агиса, его поражение, умиротворение Греции . . . 229

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава первая

Преследование Бесса. — Восстание в Арии. — Движение войска к югу, через Арию, Дрангиану, Арахосию, и к южным склонам индийского Кавказа. — Мысль Александра и теория Аристотеля. — Открытие заговора. — Новая организация войска 248

Глава вторая

Поход Александра в Бактриану. — Преследование Бесса, его выдача. — Поход против скифов, на Яксарт. — Восстание в Согдиане. — Усмирение мятежников. — Зимовка в Зариаспах. — Вторичное возмущение согдианцев. — Усмирение их. — Остановка в Мараканде. — Убиение Клита. — Вторжение скифов в Зариасы. — Зимовка в Навтаке. — Крепости гиппархов. — Бракосочетание с Роксаной. — Заговор царских юношей. — Наказание Каллисфена 266

Глава третья

Индия. — Война по сю сторону Инда. — Переход через Инд. — Поход к Гидаспу. — Государь Таксил. — Война с царем Пором. — Битва при Гидаспе. — Война с независимыми племенами. — Войско на берегах Гифасиса. — Возвращение 300

Глава четвертая

Возвращение на родину. — Флот на Акесине. — Война с маллами. — Грозная жизни Александра опасность. — Сражения на нижнем Инде. — Отбытие Кратера. — Битва в дельте Инда. — Плавание Александра по Океану. — Его отбытие из Индии 340

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Глава первая

Отбытие. — Война на земле оритов. — Поход войска через пустыню Гедросии. — Прибытие остатков войска в Карманию. — Неарх в Гармосии. — Беспорядки в государстве. — Казни. — Возвращение в Персию. — Вторичное бегство Гарпала. — Свадебные торжества в Сузах. — Новая организация государства. — Выступление в Опис 364

Глава вторая

Мятеж солдат в Описе. — Увольнение ветеранов. — Гарпал в Греции. — Раскол между партиями в Афинах. — Постановление относительно возвращения изгнанников. — Происки Гарпала в финах. — Процесс Гарпала. — Внутренняя политика Александра и ее последствия 387

Глава третья

Поход Александра в Мидию. — Смерть Гепестиона. — Война против коссеев. — Возвращение в Вавилон. — Посольства. — Отправки в южное море. — Вооружения, новые планы. — Болезнь Александра. — Его смерть 418

ПРИМЕЧАНИЯ

Книга первая 438
 Книга вторая 457
 Книга третья 501
 Книга четвертая 537

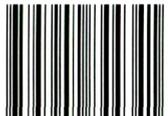
ПРИЛОЖЕНИЯ

Материалы к истории Александра 559
 I. Первоисточники 560
 II. Документы, письма и речи 572
 III. Тираны Эреса 587
 IV. Царская область и независимые города 594
 V. Илионский союз городов 597
 VI. Возвращение изгнанников 600
 VII. Хронология смерти Александра 601
 VIII. Хронология Диодора 611



«История эллинизма» Дройзена — первая и до сих пор единственная фундаментальная работа, открывшая для читателя тот сравнительно поздний период античной истории (от возвышения Македонии при царях Филиппе и Александре до вмешательства Рима в греческие дела), о котором до того практически мало что знали и в котором видели лишь хаотическое нагромождение войн, динамических распрей и политических переворотов. Дройзен сумел увидеть более общее, всемирно-историческое значение рассматриваемой им эпохи древней истории. Именно он дал этой эпохе емкое определение эллинизма, под которым при первом приближении он понимал «распространение греческого господства и образованности среди старых культурных народов (Востока)». Однако в более широкой исторической перспективе содержание эллинизма понималось им как сложное взаимодействие и сближение западного и восточного миров, культур и религий, короче говоря, как синтез эллинского, восточного начал, итогом которого должно было стать возникновение новой мировой религии и культуры — христианства. Историю эллинизма Дройзен представил преимущественно в ее политической форме; обзор эллинистического времени оказался доведен лишь до 220 г. до н. э. — до начала активного вмешательства в дела греков Римской державы; вся последующая история эллинизма (вплоть до подчинения римлянами в 30 г. до н. э. последнего эллинистического государства — птолемеевского Египта) осталась за пределами его внимания. Но и то, что было сделано, поражает своей масштабностью, и в том, что касается политической истории раннего и зрелого эллинизма, труд Дройзена и по объему, и по основательности представленной реконструкции до сих пор не знает себе равных.

ISBN 978-5-902844-34-1



9 785902 844341